

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929157 9

Cellar

15B9

*RCA

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

ДВАДЦАТЬ-ОСЬМОЙ ГОДЪ.

М А Й.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1861.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ МАЙСКОЙ КНИЖКИ:

- X БѢДНЫЕ ДВОРЯНЕ. Романъ въ четырехъ частяхъ. *Часть третья*. А. Потѣхина. —
- У БОСКАЧКИНА РОСТОШЬ.—ОПИВИЦЫ. Сказанія Уральскихъ казаковъ. И. Желѣзнова. —
- У О НѢКОТОРЫХЪ СРЕДНЕВѢКОВЫХЪ ОБВИНЕНІЯХЪ ПРОТИВЪ Евреевъ. IV. (*Окончаніе*). Д. Жвольсона. —
- X СТОРОННИКИ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ. Историческій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ. (*Статья первая*). М. Севецаго.
- ДУША РАСТЕНІЯ. (*Статья первая*). А. Босковица.
- У ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ИСКУССТВА. Сочиненіе Ѳ. Буслаева. (*Окончаніе*).
- ЗАПИСКИ НѢКОТОРЫХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ТАЙНАГО СОВѢТНИКА М. В. ЛОПУХИНА, сочиненныя имъ самимъ.
- X ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЪ АНГЛИИ. Соч. Генриха Томаса Бекля. Томъ I. (*Статья вторая*). Е. Эдельсона.

ПОЛИТИКА:

Австрійскій государственный совѣтъ.

Процессъ по поводу брошюры, написанной герцогомъ Омальскимъ.

Нынѣшнія отношенія Венгрии къ австрійской имперіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

- У ИСТОРИЯ МАРИИ СТЮАРТЪ. Въ двухъ частяхъ. Соч. М. Минье. (*Часть первая*).

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ПОЛИТИКИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Ф. ПИСЕМСКАГО.

ДВАДЦАТЬ-ОСЬМОЙ ГОДЪ.

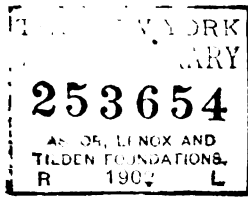
МАЙ.

ТОМЪ СТО-ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1861. ✓

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ ценсурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ 1861 года мая 15 дня.

Ценсоръ: *Θ. Веселаго.*

УРОУ VARI
31881
V. 1861

БѢДНЫЕ ДВОРЯНЕ.

(РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ).

ЧАСТЬ III.

I.

Прасковья Федоровна была въ совершенномъ восторгѣ, когда узнала, что двое изъ ея внучатъ пристроены. Она отдавала должную справедливость успѣхамъ зятя на житейскомъ поприщѣ, хвалила его, что онъ умѣлъ такъ расположить къ себѣ дворянство, но тѣмъ не менѣе главною виновницею всей этой благодати внутренно считала только себя одну.

— Кто его на путь наставилъ? думала она. Кто его въ люди пустилъ? Кто его въ господскую компанію вслѣлъ? Что бы онъ былъ безъ меня?... Жилъ бы себѣ весь вѣкъ мужикомъ необразованнымъ, да землю пахалъ, и дворянство-то бы свое потерялъ...

— Говорила ли я, продолжала она вслухъ, что мой Колинька офицеромъ будетъ, въ эполетахъ... И вотъ все такъ и будетъ, какъ я говорила: попомните мои слова, и офицеромъ будетъ, и женится на барышнѣ, и дѣшши у него будутъ свои.... А ужъ я поѣду съ тобой, Никоноръ Александрычъ, отдавать дѣтей, ужъ какъ ты хочешь... А особливо Сашеньку... Пусть мать ѣдетъ, ей нельзя не проводить, матери; надобно и съ благодѣтельницей своей познакомиться, а ужъ и я поѣду... Я хоти и

старуха... и не дворянскаго рода, а дворянскіе порядки всѣ знаю; скорѣе, можетъ, вашего все разсмотрю.

— Такъ какъ же, матушка, ужъ которой нибудь одной ѣхать! коли ты поѣдешь, такъ видно Катеринѣ надо остаться... А то больно въ телѣгѣ-то ужъ у насъ утѣшеніе большос будетъ, да и лошади-то тяжело...

— Нѣтъ, мать пусть ѣдетъ: ей не ѣхать нельзя... А ужъ и меня, старуху, вы не покидайте: дайте впучаткамъ послужить, можетъ, ужъ останняя... Ну какъ быть, что тѣсененько будетъ... Вѣдь не въ гости поѣдемъ. Да и много ли я, старуха, мѣста займу?... Меня хоть въ передокъ ткните, да возьмите съ собой... Право, можетъ, пригожусь... А она, моя голубушка, хоть вспоминетъ послѣ, что старая бабушка ее провожала въ чужіе люди... Прасковья Федоровна отерла слезы на глазахъ.

Цѣлую недѣлю вся семья была запята обмундированіемъ молодыхъ новобранцевъ. И мать, и бабушка, и тѣтка цѣлые дни, съ утра до вечера, усердно вымѣривали, кроили, шили, вязали; но все, что онѣ ни мастерили, все, что ни дѣлали для дѣтей, казалось имъ мало и недостаточно. Одинъ Никаноръ Александрычъ, руководствуясь здравымъ мужскимъ смысломъ, находилъ, что бабы хлопочуть изъ пустяковъ, что всѣ ихъ труды ни къ чему не послужатъ, и не давалъ денегъ на ихъ затѣмъ, тѣмъ болѣе, что самъ задумывалъ сшить себѣ новый сюртукъ.

— Ну что вы тутъ попусту хлопочете? говорилъ онъ. Неужто вы думаете, что ваша работа пойдетъ въ дѣло?.. Вѣдь, ни къ чему не послужитъ... Ну, еще Николая и такъ и сякъ—мальчишка: ему что не сошьете, все истаскаетъ. А неужто вы думаете, Юлія Васильевна дастъ Сашенькѣ носить ваши тряпки: она, чай, въ дочки се беретъ, такъ одѣнетъ ее, какъ барышню... для себя... Погодите, еще какъ разодрѣнетъ-то... А ваше тряпье покидаетъ все въ печку...

— Ахъ, Никаноръ Александрычъ,—возражали ему,—такъ неужто ужъ такъ и отпустить ребятишекъ-то, и босо и голо... Вѣдь, тоже, чай, стыдно: каковы мы ни есть бѣдны, а тоже, чай, родители, изъ роднаго дома отпускаемъ...

— Ну и то сказать: какъ хотите, а у меня денегъ про васъ нѣтъ...

Переглядывались между собою бѣдныя женщины, припоминали, что Никеша то и дѣло покупаетъ для стола говядину, да пшеничную муку на пироги и пьетъ чай разъ по пяти въ сут-

ка; переглядывались, но молчали, зная, что бранью да ссорой ничего не возьмешь съ хозяиномъ, и молча рѣзали еще одно послѣднее материно или бабушкино платье на платъце да на чартушки маленькой Сашѣ, или на рубашки Николинкѣ.

Въ семейномъ совѣтѣ рѣшено было отвезти сначала дочь, такъ какъ назначенъ былъ Юлією Васильевною день для этого, а сына свезти къ Палёнову по возвращеніи изъ города. Наконецъ день отъѣзда насталъ. Наталья Никитишна съ пѣтуховъ принялась за стряпню, чтобы досыта накормить отъѣзжающихъ и отпустить побольше всякой всячины имъ на дорогу, хотя дорога была и недалняя.

Когда всѣ сборы были кончены: сашенькино убогое приданое завязано въ узелокъ, а колобки, кокуры и пироги дорожные въ другой, и когда все это было уложено въ телѣгу, а дѣтямъ—и расстающейся съ роднымъ домомъ Сашѣ, и остающимся еще дома—дано, для утѣшенія, по кокурѣ въ руки, Прасковья Федоровна замѣтила, что слѣдовало бы сходить къ дѣдушкѣ, Александру Никитичу, и попросить его благословенія внучкѣ.

— Каковъ онъ ни есть, а все дѣдушка и тебѣ отецъ, Никаноръ Александрычъ...

— Пусть онъ тебя обижаетъ, пускай онъ можетъ и къ сердцу этого не приметъ, что его внучка въ чужіе люди идетъ, а ты все свое справь, почтеніе родителю отдай! говорила Прасковья Федоровна наставительнымъ тономъ. Пускай же ему будетъ стыдно, а не тебѣ...

Противъ этого предложенія сдѣлали было нѣсколько замѣчаній Катерина и Наталья Никитишны, но Никаноръ Александрычъ, молча, согласился съ совѣтомъ тещи и пошелъ звать отца на проводы внучки.

Въ Александрѣ Никитичѣ еще не остыло неудовольствіе на сына, по поводу исторіи съ сѣномъ, и онъ встрѣтилъ его враждебно.

— Что, барскій угодникъ, зачѣмъ пожаловалъ? спросилъ онъ его. Для предводителя жаловался, такъ съ судомъ на меня пришелъ...

— Никакъ нѣтъ, батюшка; напрасно обижаете только меня завсегда. А пришелъ я вотъ за какимъ случасиъ: одна барыня дѣлаетъ намъ добродѣтель: беретъ мою Сашеньку събѣ въ дочку... Такъ пришелъ: пожалуйте къ намъ, да благословите внучку-то... Тоже ваша внучка, а въ чужіе люди идетъ...

— Так что мнѣ?... Отецъ съ матерью отдадутъ, такъ мнѣ-то что?...

— А можетъ не дашь ли чего?... вѣспался Иванъ, который лежалъ въ то время на полатяхъ и не былъ замѣченъ Инкешей.— Они привыкли чужимъ-то хлѣбомъ жить, вотъ и дѣтей къ тому же приучать хотятъ... Такъ, можетъ, молъ, дѣдушка-то не раздобрыся ли: не дастъ ли чего...

— Полно ты, братецъ, грѣшить-то...

— Что грѣшить! и къ намъ приходилъ разбоемъ, да еще хотѣлъ предводителю жаловаться: землю обѣщаль у родителя-то отнять. Такъ что не отнимаешь?.. Отнималъ бы...

— Полно, я говорю, братецъ, полно... Ваши же обиды были—не мои... Не просить я чего у родителя пришелъ, ничего мнѣ не надо, самъ собой проживу... А хотѣлъ только его родительскаго благословенія...

— Полно казанской-то сиротой прикидываться... Наши обиды... Точно не онъ разбойника того подкупилъ сѣно-то у насъ отнять, да избилъ тогда меня... Небось, не ты... Тебѣ спомогоря жить-то: у тебя все даровое, незаработанное, чужой хлѣбъ въ зубахъ не вязнетъ...

— Да что ты и вправду меня чужимъ-то хлѣбомъ коришь... Твой что ли я ѣмъ?... Кто больше земли-то владѣетъ: я, али ты?..

— Не я владѣю, а батюшка...

— Ну, да и то сказать: вѣдь, я не ругаться съ тобой пришоль... Что же, батюшка, придешь ко мнѣ, али нѣтъ?...

— Нѣтъ, нѣту, нечего мнѣ дѣлать... Ты въ дворянскую компанію пошелъ не черезъ меня, дочку отдалъ тоже не съ моего совѣта, такъ на что меня и теперь... Ты, вѣдь, черезъ холопство къ господамъ-то пошелъ... Такъ, чай, лакейство то все у тебя... благословятъ и безъ меня...

— Только на что я приходилъ-то къ вамъ... Отъ васъ одиѣ обиды кровныя только и получишь... Прощай, батюшка...

— Прощай, сынокъ... И дѣло: зачѣмъ тебѣ отецъ... Тебя напоятъ, накормятъ, одѣнутъ и безъ отца... И дѣтей вопъ воспитываютъ все добрые люди... Да дѣтямъ-то твоимъ и весь слѣдъ чужія тарелки лизать: кровь-то, вѣдь, у нихъ не все твоя дворянская, вѣдь холопской-то крови, чай, еще больше ..

Инкеша ничего не нашелся сказать, только крякнулъ, да, уходя, съ досады, крѣпко хлопнулъ дверью. Изъ избы провожалъ

эво грехи́й сѣхъ Ивана и его жены. Пришелъ онъ домой со-всѣмъ пасмурный.

— Что, не пошелъ аспидъ старый? спросила его Прасковья Федоровна.

— Да, пойдетъ, дождайся... Ходить-то къ нему, только обиды слышать... А все ты, матушка, мудришь...

— Ну, ничего, Никаноръ Александрычъ: отъ отца и стерпѣть, не отъ кого другаго, а ты по крайности...

— Такъ тобой же поврекаетъ, твоей кровью...

Прасковья Федоровна ничего не отвѣчала, только зажевала губами, да старческое лицо ея вдругъ еще больше сморщилось и вся она какъ будто съжилась.

— Ну, собирайтесь: ѣхать пора, сказалъ наконецъ Никеша.

Наталья Никитишна при этихъ словахъ бросилась къ Сашѣ, обняла ее, посадила къ себѣ на колѣни и начала плакать и приговаривать надъ нею:

— Матушка ты моя, сердечная моя, родное мое дитятко, увижу ли я тебя опять когда... Будешь ты жить въ чужихъ людяхъ, будутъ ли тебя ласкать, миловать... Сашенька, милая, станешь ли вспоминать-то меня... Али будешь барышня умная, ученая, нарядная и забудешь свою бабку, дуру глупую...

Сама, веселый, рѣзвый ребенокъ, съ бойкими, беззаботными глазками, вдругъ какъ будто смутилась и задумалась. Дѣтское личико ея сдѣлалось серьезно и грустно, потомъ вдругъ она заплакала и прижалась лицомъ къ груди ласкавшей ее бабушки. Прочія дѣти, не выпуская изъ рукъ кокуръ, которыя они ѣли, съ воливыми ртами и беззаботно-любопытными лицами, окружали бабушку и смотрѣли на нее и сестру Сашу. Много причитала Наталья Никитишна надъ своей любимой внучкой и долго бы она не кончила, еслибы не остановилъ ее Никеша.

— Да что, батюга, больно торопишься: еще успѣешь съ рукъ-то събѣть... съ невольной досадой проговорила Наталья Никитишна и сама спохватилась, что сказала неладно.

— Что это ты говоришь, Наталья Никитишна!... замѣтила Прасковья Федоровна.

— И то, матка... сама не знаю, что говорю съ горя... отвѣчала Наталья Никитишна.

— Ну, надо присѣсть, да Богу помолиться... сказала она, присѣдая и снова садясь на лавку.

Всѣ прочіе также присѣли, приказали усѣсться и дѣтамъ. За-

тѣмъ начались общія слезы надъ головой Сашеньки, которая наконецъ тоже расплакалась. Осташковъ, благословивши и поцѣловавши дочь, вышелъ къ лошади и вывелъ ее подъ уздцы за ворота. Въ ожиданіи своихъ спутницъ, онъ не разъ поправилъ хомутъ на своемъ буркѣ и осмотрѣлъ самаго себя спереди и по возможности съзади. Наконецъ постучалъ въ окно кнутовищемъ и велѣлъ выходить поскорѣе.

Наконецъ женщины показались въ сопровожденіи дѣтей, которые бѣжали вслѣдъ за ними, заглядывая въ заплаканныя лица матери и бабушекъ. Растрепанная и вся красная отъ слезъ, Наталья Никитишна вынесла Сашу на рукахъ и сама посадила ее въ телѣгу возлѣ Прасковьи Федоровны, которая больше всѣхъ сохраняла присутствіе духа и даже выражала на лицѣ своемъ какую-то особенную важность и торжественность.

— Прощай, моя ласточка, прощай, мой соколикъ, прощай!... твердила Наталья Никитишна, слѣдуя за тронувшейся телѣгой и принаравливаясь — какъ бы еще разокъ поцѣловать уѣзжающую Сашу.

Но Никеша взмахнулъ кнутомъ, бурка побѣжалъ рысью и Наталья Никитишна оторвалась отъ телѣги. Грустно, сквозь слезы, смотрѣла она вслѣдъ уѣзжающей внучкѣ, потомъ подперла рукою щечку, покачала головой и грустно проговорила: — что-то будетъ съ тобой, мое солнышко!...

II.

Наканунѣ прибытія Осташкова Рыбинскій тоже пріѣхалъ въ городъ и остановился, по обыкновенію, у лѣсничаго. Онъ былъ очень друженъ съ нимъ. Пріѣздъ Павла Петровича, постоянно проигрывавшаго Кострицкому въ карты, всегда былъ праздникомъ для лѣсничаго. Избалованный вкусъ богатаго Рыбинскаго не переносилъ винъ, продававшихся въ мѣстномъ погребокѣ; онъ постоянно выписывалъ вина изъ Петербурга или Риги, и потому, пріѣзжая въ городъ, онъ привозилъ съ собою по нѣскольку дюжины бутылокъ, которыя или выпивались имъ вмѣстѣ съ хозяиномъ, или оставлялись въ распоряженіе послѣдняго, если гость уѣзжалъ, не истребивши всего запаса. По должности предводителя, Рыбинскому нужно было часто вріѣзжать въ городъ, и, чтобы не стѣснить своего небогатаго хозяина, онъ привозилъ съ собою повара и закупалъ врезвію всякаго рода на цѣлые мѣся-

да; хотя оставался иногда въ гостяхъ не болѣе недѣли: вѣдь, не вѣсти же ему все это въ деревню; и лѣсничій, ничего не покушая, имѣлъ постоянно изобильное продовольствіе. Каждый разъ, съ прїѣздомъ Рыбинскаго, у лѣсничаго шолъ пиръ горой; все уѣздное общество собиралось у него, карточная игра почти не прерывалась; всѣ, начиная съ хозяина до послѣдняго гостя, были веселы и пьяны; хозяинъ постоянно выигрывалъ, а Рыбинскому не везло въ картахъ до такой степени, что иногда онъ даже сердился и, проигравши значительный кушъ, бросалъ карты и уходилъ спать раньше всѣхъ, оставляя хозяина съ прочими гостями сражаться всю ночь до самаго свѣта. Такая постоянная, неутомимая кутерьма въ домѣ утомляла Юлію Васильевну, никогда не было у нея въ гостяхъ дамъ, она тоже очень рано уходила спать. Она даже нѣсколько разъ замѣчала мужу, что ей не нравятся эти частыя посѣщенія Рыбинскаго и сопровождающіе ихъ кутежи; но Иванъ Михайлычъ отвѣчалъ на это съ улыбкой беззаботности, что онъ очень любитъ Рыбинскаго, а кого любить мужъ, того должна любить и жена. Юлія Васильевна на это иногда возражала слегка, а иногда и вовсе ничего не возражала. Понималъ или нѣтъ Иванъ Михайлычъ настоящія отношенія своей жены къ Рыбинскому—нельзя было сказать наверняка, но вѣроятнѣе всего, что онъ объ этомъ вовсе не думалъ и не хотѣлъ думать: съ нѣкотораго времени вино и карты составляли для него главный интересъ въ жизни, гораздо болѣе важный, нежели вѣрность жены.

Юлія Васильевна была дочь петербургскаго чиновника, отца многочисленнаго семейства. Чиновникъ жилъ хорошо, даже роскошно, далъ дочерямъ приличное, въ извѣстномъ смыслѣ, воспитаніе, т. е. научилъ ихъ говорить по-французски, даже по-нѣмецки, играть на фортепьянахъ и держать себя въ обществѣ свободно, и даже самоуверенно. Затѣмъ онъ не могъ дать имъ ничего болѣе, потому что лишнихъ денегъ у него не водилось: онъ проживалъ все, что получалъ. Дочерямъ, со дня ихъ выѣзда въ свѣтъ, внушалось, что онѣ безприданницы и что первое счастье дѣвушки состоитъ въ томъ, чтобы выйти замужъ. Вслѣдствіе этого, когда дочери подросли, домъ чиновника постоянно наполнялся холостыми мужчинами, и дѣвкамъ дозволялось возможно свободное обращеніе съ ними, лишь бы не нарушались приличія. Иванъ Михайлычъ Кострицкій познакомился съ домомъ Печальникова (такова была фамилія чиновника), еще бывши кадетомъ лѣснаго курпуса, виро-

чемъ не задолго до выпуска изъ него, и, какъ слѣдуетъ, почесть долгомъ влюбиться въ одну изъ знакомыхъ дѣвицъ. Выборъ его палъ на Юлію Васильевну. Онъ былъ мальчикъ красивый, бойкій и беззаботно веселый. Юлія Васильевна, въ силу даннаго позволенія, тоже успѣшила влюбиться въ молодого человѣка. Сначала они пожимали другъ другу руки, потомъ объяснились въ танцахъ, затѣмъ стали, неизвѣстно для чего, пересылаться записочками, хотя могли видаться каждый день, потомъ дали другъ другу клятву въ вѣчной вѣрности и, сидя въ полутемномъ уголкѣ залы, начали мечтать о счастьи супружеской жизни и о томъ, какъ онъ, по окончаніи курса, сдѣластъ предложеніе, а она дастъ свое согласіе: и будутъ они счастливые мужъ и жена. Правда, что они въ разлукѣ другъ съ другомъ не тосковали, но свиданія ожидали съ нетерпѣніемъ, письма писали другъ къ другу охотно, цѣловались въ тихомолку съ необыкновеннымъ сердечнымъ замираніемъ, и думали, что жить одинъ безъ другаго рѣшительно не могутъ. Вѣрный своему слову и своимъ чувствамъ, Иванъ Михайлычъ, въ первый же день выпуска, прицѣпивши совершенно новенькіе и блестящіе эполеты, явился къ родителямъ Юліи Васильевны съ предложеніемъ, напередъ предвкусывая блаженство счастливаго жениха. Юлія Васильевна увѣряла его, что препятствія со стороны родителей быть не можетъ; но, сверхъ ожиданія, родители имѣли свои соображенія: ихъ безпокоила молодость жениха, незначительность его чина, а главное — неизвѣстность его состоянія; ему не отказали рѣшительно, но просили подождать, подъ предлогомъ молодости его собственной и его невѣсты; впрочемъ убѣждали надѣяться, не прекращать знакомства, и успѣшили навести справки о его состояніи. Это неожиданное препятствіе усилило страсть влюбленныхъ, но Иванъ Михайлычъ былъ сынъ очень небогатыхъ родителей и, конечно, не смотря на постоянство своей любви, не получалъ бы руки Юліи Васильевны, еслибы на его счастье или несчастье не умерла у него какая-то тетка, которая оставила ему 15 тысячъ серебромъ наслѣдства. Извѣстіе объ этомъ радостномъ событіи пришло въ самыя горькія минуты для Ивана Михайлыча: онъ получилъ назначеніе въ очень малолѣсную, слѣдственно дурную губернію, потому что за молодого человѣка некому было замолвить слово; съ другой стороны и родители Юліи получили достовѣрное извѣстіе о бѣдности молодого человека. Принимая все это въ соображеніе, т. е. и дурное назна-

жиде и скудость собственныхъ средствъ, родители Юліи на новъ повторенное предложеніе молодаго человѣка, въ виду предстоящаго отъѣзда, сдѣлали ему рѣшительный и безцеремонный отказъ, объяснивши, что дочь ихъ привыкла къ роскоши и что его средства не позволяютъ ему сохранять всѣ привычки Юліи, а они не могли бы выпести, что ихъ милая дочь будетъ терять лишенія и даже бѣдность. Иванъ Михайлычъ сначала хотѣлъ было застрѣлиться, о чемъ объявилъ съ упрекомъ и родителямъ Юліи, но, прѣхавши прямо отъ нихъ въ гостинный дворъ, — гдѣ нагѣревался купить нѣкоторыя необходимыя для дальней дороги вещи, а въ томъ числѣ и пистолеть для самоубійства, — дорожнія вещи купилъ, а пистолеть какъ-то позабылъ, и чрезъ то спасъ свою жизнь. Но тѣмъ не менѣе онъ ужасно убивался, писалъ по пистолѣкку записокъ въ сутки къ своей возлюбленной, умолялъ ее бѣжать съ нимъ и выйти на тайное послѣднее свиданіе. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась вся эта трогательная исторія, еслибъ не роковое извѣстіе о наслѣдствѣ. Получивши его, Иванъ Михайлычъ тотчасъ же поспѣшилъ въ домъ своего будущаго тестя, и, показывая документы на 15 тысячъ, опять просилъ руки безцѣнной Юліи, безъ которой для него жизнь не нужна. Теперь Иванъ Михайлычъ недолго долженъ былъ вымалывать согласіе. Сметливый родитель Юліи Васильевна объяснилъ молодому человѣку, что, видя его истинную любовь, онъ готовъ отдать ему руку дочери, но чтобы онъ не соблазнился надеждами на изобильную жизнь съ этими деньгами, что 15 тысячъ проживутся скоро и что молодому человѣку необходимо позаботиться о болѣе прочныхъ источникахъ дохода, т. е. похлопотать о полученіи болѣе выгоднаго мѣста.

— Чтобы получить болѣе выгодное мѣсто, — говорилъ г. Печальниковъ, — по поню съображеніямъ, достаточно 5 тысячъ серебромъ, не пужно, чтобы этими деньгами распорядился опытный человѣкъ. Сами вы не сѣумѣете этого сдѣлать... Хотите ли вы мнѣ довѣрить эти 5 тысячъ съ тѣмъ, чтобы черезъ годъ получить такое мѣсто, которое будетъ давать вамъ ежегодно по 10 тысячъ?...

Иванъ Михайлычъ, разумѣется, поспѣшилъ вручить будущему тестю требуемую сумму безъ всякихъ возраженій, а тотъ ему отдалъ со слезами на глазахъ руку своей дочери и умолялъ беречь это сокровище, которое должно составить счастье каждаго смертнаго, кому бы оно ни досталось. И вотъ Иванъ Михайлычъ —

счастливыиъ мужъ, Юлія Васильевна—счастливая супруга. Въ неистощимыхъ нѣжностяхъ и ласкахъ, въ нескончаемыхъ поцѣлуяхъ провели они первые двѣ недѣли своего супружества, а съ третьей принялись за радикальное проматываніе 10 тысячъ, посланныхъ судьбою на счастье юной четы. (Юлія Васильевна, крѣмѣ воспитанія, платьевъ и благословенія съ горькими слезами, ничего не получила отъ своихъ родителей.) Это проматываніе молодые люди совершали съ такой любовью, съ такимъ увлеченіемъ, что удивили весь уѣздъ, въ который былъ посланъ Кострицкій на службу, и умѣли повести дѣло такъ, что къ концу года у нихъ не оставалось ничего отъ 10 тысячъ. Въ теченіи этого года страсть супруговъ охладѣла и перешла въ такъ называемую тихую дружбу: возможность удовлетворять малѣйшія прихоти поддерживала эту тихую дружбу, но явившаяся вдругъ неожиданно въ концѣ года нужда сильно ее поколебала: послышались съ обѣихъ сторонъ требованія и упреки, взаимное неудовольствіе и скука. Но г. Печальниковъ, вѣрный своему слову, успѣлъ выхлопотать перемѣщеніе зятя на выгодное мѣсто. Здѣсь деньги снова появились въ рукахъ Кострицкаго, и тихая дружба снова могла возстановиться: и она дѣйствительно пришла, но уже не по прежнему невозмутимая и безоблачная. Хотя денегъ было опять много, но Иванъ Михайлычъ уже успѣлъ понять, что деньги вещь непрочная, что ихъ можно прожить; прежде онъ вынималъ ихъ только изъ бумажника и не зналъ, что нужно нѣкоторое усиліе, чтобы снова заманить ихъ туда; теперь, напротивъ, онъ видѣлъ, что пріобрѣтеніе денегъ все-таки стоитъ ему нѣкоторыхъ заботъ, трудовъ, что онъ долженъ ради ихъ часто рисковать своею безопасностью, подвергать себя отвѣтственности... Тихая дружба не помѣшала ему также замѣтить, что вкладчикомъ въ кошелекъ остается все онъ одинъ, а расходчиками не только онъ, но и жена его; вслѣдствіе этого, естественно, онъ заботился больше всего объ удовлетвореніи собственныхъ желаній, предоставляя женѣ пользоваться только остатками средствъ, хотя, по беззаботности и легкости характера, не хотѣлъ ни въ чемъ стѣснять се опредѣленно. Само собою разумѣется, что и жена, съ своей стороны, спѣшила точно также захватить средства въ свои руки. Вслѣдствіе этого деньги прожигались скорѣе, нежели получались. Въ характерѣ Ивана Михайлыча вдругъ развился какой-то задоръ мотовства, супруга не считала нужнымъ уступать ему и въ этомъ. Между тѣмъ сно-

ишнїя съ лѣсопромышленниками, сдѣлани и стачки, требовавшїя иногда большой смѣлости и риска, пугавшія даже беззаботность Кострицкаго, прїучили его къ употребленію возбуждательныхъ средствъ. Смышлѣнные лѣсопромышленники, смекнувшїе, что лѣсничїй подъ веселый чашъ, подъ куражемъ, способенъ согласиться на все, старались какъ можно чаще его куражить и втянули его въ это дѣло такъ, что онъ почти не выходилъ изъ полупьянаго состоянїя. Въ этомъ состоянїи онъ сталъ дѣлать такія дѣла по своему лѣсничеству, что начальство испугалось и поспѣшило перевести его на болѣе скромный постъ. Тутъ вдругъ Иванъ Михайлычъ и его супруга увидѣли себя въ новомъ, весьма непрїятномъ положенїи: привычки развились разнообразныя, потребности въ жизни широкія, а денегъ нѣтъ и взять ихъ негдѣ. Иванъ Михайлычъ, съ отчаянїя, поставилъ послѣдній рубль на карту — хорошо!... хоть непрочно, и не всегда и вѣрно, за те жутко... Къ тому же всегда сытъ и пьянъ и всегда на людяхъ... хорошо! Юлія Васильевна уже очень давно охладѣла къ своему супругу, но когда пьяный и картежникъ мужъ началъ оставлять ее часто не только безъ денегъ, но даже безъ чаю и сахара, когда она открыла, что онъ носитъ съ собою какой-то особенный, непрїятный для обонянїя, спиртуозный запахъ,—она оправдала въ глубинѣ души свое равнодушїе къ нему и сочла себя въ полномъ правѣ открыть давно пустое сердце для новыхъ ощущенїй. Тогда тихая дружба снова и окончательно возвратилась и воцарилась между счастливыми супругами. Въ такую-то пору познакомилась Рыбинскїй съ лѣсничимъ и его женой, все еще молодой и хорошеюшкой: мудрено ли, что онъ такъ сблизился и подружился съ этимъ семействомъ!

III.

Рыбинскїй, по обыкновенїю, остановился у лѣсничаго и, по обыкновенїю, въ первый же день его прїѣзда, была попойка и картежная игра. На слѣдующій день прїѣхалъ Осташковъ. Цѣлый день тащился онъ на своемъ буркѣ до города. Въ продолженїе всей дороги Прасковья Федоровна внушала Самѣ, что она ѣдетъ къ новой богатой маменькѣ, что она должна любить ее, уважать и во всемъ слушаться, что за это она будетъ барышня, ученая и нарядная. Подъѣзжая къ городу, Осташковъ выразилъ недоумѣніе, гдѣ остановится; на постояломъ дворѣ съ

этакой семьей дорого, а прямо ѣхать къ Кострицкому онъ не рѣшался. Прасковья Федоровна настоятельно совѣтовала ѣхать прямо къ лѣсничихѣ.

— Она беретъ у тебя дочь на все свое содержаніе и воспитаніе: вотъ какую тебѣ дѣлаютъ благодѣтель... Татъ неужто ужъ ей жаль будетъ дать намъ уголокъ и покормить насъ? Полно-ка, это въ господскихъ домахъ ни во что считается. Неужто ты еще не привыкъ?.. Чтобы въ господскомъ домѣ вольготнѣе было, надо больше въ низкихъ людяхъ искать: они, вѣдь, господь больше всего науцаютъ, они захотятъ, и въ ласку введутъ... Нѣтъ, не бойся ничего, поѣзжай прямо... Ну, а тамъ видно будетъ, коли не по мысли, что пріѣхали: тогда можно, вѣдь, и въ другое мѣсто уѣхать.

Осташковъ согласился. Они ѣхали на дворъ квартиры лѣсничаго часу въ восьмомъ утра. Въ домѣ всѣ еще спали, на дворѣ лѣнливо ворочались около каретнаго сарая и конюшни кучера Рыбинскаго и лѣсничаго. Они оставили свое дѣло и съ любопытствомъ смотрѣли какъ въѣзжала на дворъ телѣга съ семействомъ Осташкова.

— Кто это? съ недоумѣніемъ спросилъ кучеръ Кострицкаго.

— Кто? Развѣ ты его не знаешь... Это, братецъ ты мой, знай ты его... Мы его отъ скуки иной разъ собаками травимъ.

Кучеръ лѣсничаго захохоталъ.

— Видно, что баринъ значительный...

Осташковъ водѣхалъ и поклонился знакомому кучеру Рыбинскаго. Тотъ небрежно подвинулъ на головѣ шапку и закинулъ руки въ карманы.

— А Павелъ Петровичъ ужъ, видно, здѣсь? спросилъ Осташковъ заискивающимъ голосомъ.

— Здѣсь.

— Давно ли?

— Вчера.

— Ну вотъ какъ... Можно тутъ мнѣ лошаденку привязать? обратился Никеша къ другому кучеру.

— Привязывай, пожалуй... Ничего.

— Вы здѣшніе кучера?

— Здѣшній.

— Юлія Васильевны?

— Ну нешто... Юлія Васильевны, Ивана Михайлыча...

— Наняты?

— Собственный свой...

— Не знаете, еще не встали господя?

— Гдѣ еще встать... чай и лакейство-то еще дрыхнуть... И кучеръ съ пренебреженіемъ отвернулся, зѣвнулъ, вскинувши руки къверху, и, отойдя въ сторону, облокотился на бочку съ водой, стоявшую тутъ же не подалеку.

Осташковъ съ недоумѣніемъ обратился къ своимъ.

— Ну, такъ что дѣлать-то?.. Подождать надо... спокойно проговорила Прасковья Федоровна.

— Да вотъ бурка-то проголодался: ѣсть хочеть.

— Такъ попроси у кучеровъ-то: можетъ дадутъ сѣна-то.

Осташковъ подошелъ къ кучеру лѣсничаго.

— А что нельзя ли одолжить маненько сѣнца лошаденкѣ?..

— Сѣнца?..

— Да-съ...

Кучеръ, не перемѣняя позы, какъ будто немного подумалъ...

— Возьми-воиъ, пожалуй, тамъ на сѣновалѣ...

— Покорнѣйше благодарю...

Осташковъ полѣзъ на сѣновалъ.

— А что любезенькій, есть у вашей барыни этакая старшая женщина? обратилась Прасковья Федоровна къ кучеру лѣсничаго.

— Чего?

— Этакая женщина постарше другихъ, значить поопытнѣе: такъ ключница, али экономка, есть при вашей госпожѣ?..

— Изъ кого выбирать-то: Машка да Ульяшка... Всего-то у насъ двѣ...

— А наша-то? замѣтилъ кучеръ Рыбинскаго.

— Ну, что ваша... Это особъ-статья...

— Что же ваша женщина въ услуженіи находится при барынѣ въ горничныхъ, или для ключей?.. По какой части?..

— По всѣмъ частямъ... проговорилъ кучеръ лѣсничаго и съ лукавой улыбкой взглянулъ на другаго кучера. Оба фыркнули.

— Экой нынче народъ сталъ грубый, необходимый... подумала про себя Прасковья Федоровна.

— А какъ ихъ зовутъ? спросила она.

— Зовутъ зовулькой, а прозываютъ рогулькой... проговорилъ со смѣхомъ кучеръ Рыбинскаго и пошелъ къ конюшнѣ. Кучеръ лѣсничаго пошелъ вслѣдъ за нимъ и, отойдя уже далеко, не обращившись, вдругъ крикнулъ, въ отвѣтъ Прасковьѣ Федоровнѣ: Аванасыя Ивановна...

— Экой, экой нынче народъ сталъ!... говорила вслухъ Прасковья Федоровна, покачивая головой. Примѣнить нельзя къ прежнимъ: и впрямь, что послѣднія времена пришли... Между тѣмъ Осташковъ вынесъ сѣна, раскупонилъ лошадей и далъ ей корму. Кучера вышлн изъ конюшни, ведя лошадей на водопой.

— Да вамъ зачѣмъ Афанасью-то Ивановну? спросилъ кучеръ Рыбинскаго, останавливаясь съ лошадьми, которыхъ обѣими руками держалъ сзади себя.

— Такъ я спросила: изъ одного любопытства.

— Да вы къ кому: къ Павлу Петровичу или къ здѣшней барынѣ?

— Да и къ Павлу Петровичу и къ здѣшней барынѣ.

— Ну, такъ подождите: еще не встали... И онъ повелъ лошадей далѣе. Кучеръ лѣсначаго послѣдовалъ за нимъ.

— А зачѣмъ больше? вдругъ опять спросилъ онъ, почти выходя уже изъ воротъ, какъ будто вспомя, что не спросилъ о самомъ главномъ.

— Такъ... дѣло есть у насъ... вотъ насчетъ дѣвочки. По ихнему приказу пріѣхали...

— А-а... Подождите... Вотъ встануть...

— Да вы бы хоть въ кухню шли покуда, прибавилъ кучеръ лѣсначаго. Подите... Ничего...

— Собакъ-то съ нами нѣтъ, баринъ... небойся... кричалъ кучеръ Рыбинскаго уже съ улицы.

— Цѣлый часъ дожидалась семья Осташкова, когда проснутся въ домѣ. Наконецъ выбѣжала съ крыльца дѣвочка съ заспанымъ лицомъ и начала плескаться водой изъ повѣшеннаго у кухни умывальника. Прасковья Федоровна подошла къ ней.

— Тебя какъ зовутъ, мненькая? спросила она.

— Уляшкой.

— Ты въ горницахъ?

— Да-съ...

— Юліи Васильевны?

— Да-съ.

— Встали онѣ, или нѣтъ?

— Нѣтъ еще не встали.

— И никто изъ господъ не всталъ?

— Гдѣ еще встать: только что мы подымаемся.

— А Афанасья Ивановна... проснулась, или нѣтъ?

— Нѣтъ... Она иной разъ дольще господъ спитъ...

— Что она у васъ строгая, выскателная?..

— Нѣту, веселая... Рѣдко когда толкнетъ развѣ только, а не дерется...

— Видь, у васъ барыня-то, Юлія-то Васильевна, очень добры...

— Ну, барыня-то скорѣи разсердится... Да вы отъ кого? Что мнѣ надобно?..

— Я миленькая сама отъ себя... къ вашей барынѣ, да вотъ у Афанасью-то Ивановну мнѣ бы повидѣть пуживо. Какъ проснутя, такъ прибѣги мнѣ сказать, радость... Я тебѣ колобокъ дамъ за это. Прибѣжишь?

— Отчего не прибѣжать... Да погодите: я сбѣгаю, поспѣтрю... Коли проснулась, такъ я и прибѣгу: скажу вамъ...

— Ну это еще, слава Богу, что старшая-то не сердита, подумала Прасковья Федоровна. Для чужаго ребѣнка итѣи того хуже зла на свѣтѣ, какъ бываетъ отъ нашего брата, кѣли злитъ да сварливъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явилась Уляшпка на всѣхъ рыскахъ съ извѣстіемъ, что Афанасья Ивановна пробѣжала, получила обѣщанный колобокъ и осталась очень довольна. Глядя его она съ любопытствомъ посматривала на Катерину, на Осташкова и особенно на маленькую Сашу.

— Ну, Уляшпа, а ты меня проводи же теперь къ Афанасѣ Ивановнѣ, да какъ нибудь съ задняго крыльця, чтобы господъ какъ не обезшоконть.

— Пойдемте... Я васъ въ дѣвичью провожу, а тутъ рядомъ у Афанасья Ивановна спить. Пойдемте.—Прасковья Федоровна послѣдовала за Уляшпой.

— Да вы, маменька, что же хотите дѣлать? спросить ее вполголоса Осташковъ.

— Ужъ пусти же ты меня, Никоноръ Александровичъ... Ужъ повѣрь ты мнѣ! я знаю всѣ эти порядки. Ничего къ худому не сдѣлаю, небойся...

— То-то, смотрите... чтобы послѣ какъ до господъ чего не дошло...

— Ужъ будь ты покоенъ... Неужто ужъ такъ таки я совѣмъ изъ ума выжила... Ахъ, батюшки мои... говорю—небезшоконься... Пойдемъ, Уляшпа.

— Пойдите... Ничего... Она у насъ веселая... Ничего...

— Да она у васъ за барыней что ли ходитъ, ити при ключахъ?..

Дѣвочка на минуту какъ будто задумалась.

— Да она завсегда съ барыней... И одѣваетъ ужь всегда она.

— Ну, а насчетъ кладовой, кто же у васъ? Тамъ выдать что, принять?.. Она же, Афанасья Ивановна, али сама барыня?..

— Да когда Маша, когда и Афанасья Ивановна ходитъ .. А то поварь...

— Ну, ужь это порядка не много... подумала Прасковья Федоровна... Эхъ, лѣта мои ушли! послужила бы я здѣсь... А можетъ и возьметъ... На такой порядокъ не мудро потрафить...

Въ это время Уляша ввела ее въ дѣвичью, гдѣ Маша, горьничная лѣтъ 20 ти съ глуховатымъ лицомъ, гладила юбки.

— Ну гдѣ пострѣлъ бѣгашь, барынины воротнички до сей поры не подсинены... Я что ли все буду за тебя дѣлать?.. Вотъ надеру вихорь, пострѣлъ этакой... такими словами встрѣтила Марья дѣвочку.

— Да вотъ къ Афанасѣ Ивановнѣ отвѣчала она. Я сейчасъ подсию, мнѣ не долго.

— Здравствуйте, Марья... Не имѣю чести знать, какъ по отчеству...

— Здравствуйте... На что вамъ Афанасью Ивановну?.. Знакомал, что ли?

— Нѣтъ еще не знакома, а желаю получить ихное знакомство, также и ваше...

— Да Афанасья-то Ивановна спитъ еще, кажись.

— Нѣтъ, не спитъ. Я заглядывала: такъ лежитъ... вмѣшалась Уляша.

— Да вы кто такіе?...

— Да я ваша же сестра была, изъ дворовыхъ, да только что Господь за простоту видно превознесъ: госпожа отпустила на волю, а дочку Богъ привелъ выдать за дворянина, за благороднаго, помѣщика.

— Ну вотъ-съ. Такъ поди скажи—коли, Уляшка, Афанасѣ-то Ивановнѣ, да приходи, пострѣлъ, чисти воротнички.

Уляшка бросилась было исполнять приказаніе, но дверь въ каморку Афанасьи Ивановны отворилась, и сама она выглянула изъ нея. Услыша чужой голосъ и свое имя, она встала съ постели въ чемъ была, чтобы посмотреть на незнакомое лицо.

Прасковья Федоровна ей поклонилась.

— Здравствуйте, Афанасія Ивановна... Позвольте съ вами вознакомиться... сказала Прасковья Федоровна, разкланываясь.

— Извините, я еще не одѣялись... Да ничего... войдите... Ужъ не обезсудьте: въ чемъ застали.

— Э, полноте, матушка... Мы старые люди, не взыскательны... Желала очень найти ваше знакомство, Афанасья Ивановна.

— Очень приятно... Уляпка, Уляшка, а ты приготовь мнѣ умытья-то, да самоваръ поставь.

— А я къ вамъ, Афанасья Ивановна... Не лишите вашего пріятнаго расположенія... такъ какъ вы теперь находитесь при Юлія Васильевичѣ и много отъ васъ будетъ зависеть... Вы, можетъ, слышали о дворянинѣ Остапковѣ... Я теща ему буду.

— Какъ же, мнѣ говорила Юлія Васильевна... Она вашу внучку беретъ къ себѣ въ дочки, такъ вы, вѣрно, по этому случаю...

— Именно... точно-такъ... Прошу васъ: не оставьте и вы своими ласками дѣвчонку... Что еще она?... прыщикъ, ничего не вынмачаетъ... Ей нужно доброе наставленіе...

— Ну, ужъ, матушка, я съ ребятишками возиться не люблю, и не уяблю: въ няньки я не гожусь... Я и барынѣ такъ сказала...

— Да гдѣ ужъ вамъ возиться... Я не къ тому и говорю... А какъ настылана о вашемъ добромъ сердцѣ, такъ прошу только не оставить ребенка, и чтобы обиженъ не былъ, потому добраго чловѣка найти днемъ съ огнемъ, а злыхъ сердецовъ нѣтъ жсла...

— Я, матушка, такой характеръ имѣю: никого не трону, только меня не троньте... У меня характеръ веселый: у меня, чтобы все пѣло да плясало вокругъ—вотъ у меня какой характеръ... Да здѣсь скучно... Вотъ у нашего барина, такъ этимъ весело... Право, у меня такой характеръ... А чтобы обидѣть чловѣка изнапрасна—этого у меня нѣтъ...

— Это и всего лучше, Афанасья Ивановна: за это васъ Гос-вдь не оставитъ...

— Ну, ужъ оставить ли, нѣтъ ли, а только у меня характеръ такой... Кабы мнѣ жить въ большомъ городу, да на своей волѣ, да при деньгахъ, я бы, кажется, все пиры сводила... Право... Прасковья Федоровна подобострастно улыбнулась.

— Годы это все дѣлаютъ, Афанасья Ивановна, молодые годы!..

— Полноте-ка, какіе ужъ годы: мнѣ вѣдь, ужъ за тридцать лного перевалило... Нѣтъ, а такъ, ужъ такой характеръ...

— Что же, это счастливый характеръ... Афанасья Ивановна...

— Ну, ужъ не знаю какъ вамъ сказать... Не изыщите: я умываться стану...

— Умывайтесь, матушка, умывайтесь!

Разговоръ на время прекратился. Прасковья Федоровна внимательцо смотрѣла на Афанасью Ивановну. Природа, какъ видно, одарила послѣднюю не только веселымъ характеромъ, но и здоровымъ тѣлосложениемъ. Здоровье такъ и прыскало съ ея румяныхъ щекъ, полныхъ плечъ и круглыхъ мускулистыхъ рукъ. Въ глазахъ ея свѣтилось добродушіе, но въ тѣхъ же глазахъ, а особенно въ улыбкѣ, ухваткахъ, во всей фигурѣ проглядывало какое-то нахальство и безпутство. Видно было сверхъ того, что она цѣлкомъ ни надъ чѣмъ не задумывалась, ничего не принимала близко къ сердцу, а жила такъ себѣ беззаботно, руководствуясь только побужденіями своей плоти; была весела, потому что не могла и не умѣла скучать; не дѣлала зла, потому что природа дала ей доброе, беззаботное сердце. Любовницы похождения были ея козырь, ея страстію: она никогда не задумывалась удовлетворять всѣмъ своимъ сердечнымъ ощущеніямъ, знала какъ это приятно и потому была всегда готова покровительствовать другимъ въ ихъ любовныхъ шалостяхъ. Дѣнивая отъ природы, она не затруднилась бы просидѣть цѣлую ночь, сторожа спокойствіе счастливыхъ любовниковъ и внутренно сочувствуя ихъ счастью. Чѣмъ дольше жила она, чѣмъ спокойнѣе становилось ея собственное сердце, тѣмъ болѣе возрастала ея готовность служить на пользу любящихся. Рыбинскій, подъ предлогомъ недостатка и неопытности двухъ горничныхъ Юліи Васильевны, предложилъ ее въ услуженіе. Выборъ этотъ былъ очень удаченъ: ею оставались довольны всѣ—и лѣсничиха и Рыбинскій, и даже самъ лѣсничій. Прошедшее Афанасья Ивановны рассказывалось нѣсколькими словами: она была дочь дворовой жеицины стараго барина, подарившаго Рыбинскому имѣніе. Павелъ Петровичъ сблизился съ нею еще при жизни покойнаго владѣльца, когда улаживалъ душевспасительную бесѣду его послѣдніе минуты,—сблизился очень скоро, но скоро и оставилъ, безъ горя для себя, не огорчивши и возлюбленную. Она не только не огорчилась, но когда Рыбинскій сдѣлался ея господиномъ, то воспользовалась первымъ же случаемъ, чтобы быть ему полезнаю. Такое благодушіе и безкорыстіе понравились Рыбинскому и онъ далъ ей очень почетное положеніе въ своей дворнѣ. Афанасья Ивановна, цѣла, жила и дѣлала что хотѣла, не

никому отчета въ своихъ поступкахъ и пользовалась совершенно свободою до тѣхъ поръ, пока не представлялась нужда въ ея услугахъ. Въ дворнѣ Рыбинскаго Афанасья Ивановна была общій другъ, никто не завидовалъ ся льготамъ и всѣ въ одинъ голосъ называли ее: веселая дѣвка. У Юліи Васильевны Афанасья пользовалась почти такой же совершенно свободою: она только дѣлала видъ, что ходитъ за барыней, а на самомъ дѣлѣ у нея были другія обязанности, которыя никому не должны быть извѣстны и которыя она сохраняла въ большой тайнѣ.

— Для чего держитъ Юлія Васильевна такую дѣвку? думала про себя Прасковья Федоровна. Кажись, не надо быть ей больно-то ручной къ дѣлу, а, вѣдь, веселье-то ей не больно кому нужно...

— Ну-съ... какъ васъ звать-то? спросила Афанасья Ивановна, улывшись и помолившись на образъ.

— Прасковья Федоровна...

— Ну, Прасковья Федоровна, теперъ чайку попьемъ что ли?..

— Очень благодарна, Афанасья Ивановна, только не было бы какаго неудовольствія послѣ отъ господъ...

— Изъ-за чего это? Изъ-за чаю-то?... Чтой-то Господи пошлѣ... да у насъ объ этомъ и въ голову-то никому не придетъ водумать...

— Хорошо же васъ Юлія Васильевна содержать, благородно...

— Я и у своего барина такъ привыкла: мнѣ вездѣ хорошо... Я своимъ господами довольна... Ну, Уляшка, подавай самоваръ проворнѣе...

— Да вотъ, Афанасья Ивановна, Маша все бранится, что проворнѣе барынѣ не вычистила...

— Такъ что же ты, пострѣлепокъ, и самъ дѣлѣ не вычистила... Ну подавай скорѣе самоваръ-отъ, да и Машу сюда позови: она тоже изопьетъ чайку-то... съ нами... И ругаться не станетъ. .

Черезъ нѣсколько минутъ самоваръ кипѣлъ на столѣ. Явилась и Маша. Это была глупая и вздорная дѣвка, но работала, какъ машина, безсознательно, безъ любви и безъ скуки. Она исполняла свои обязанности аккуратно и только ея машинальная дѣятельность спасала гардеробъ беззаботной Юліи Васильевны отъ совершеннаго безпорядка.

— Поей-ка съ нами чайку, Маша: полно тебѣ тамъ руки-то возводить...

— Давайте... Да вотъ Уляшка у меня отъ рукъ отбивается... До сей поры ничего барынѣ не приготовила, а она, чай, скоро встанеть...

— Нѣтъ, еще долго не встанеть... утвердительно сказала Афанасья.

— Да, вѣдь, вчера рано легла...

— Легла-то рано, да ночь-то не спокойно спала: зубами билась, я часа два около нея сидѣла.

— А я и не слыхала...

— Да я нарочно тебя не будила: что, молъ, пускай ее спитъ: завтра ей рано вставать...

— А Уляшку не будили?

— Нѣтъ... Ну что ее... ребенокъ!.. Что она поможетъ...

— Вотъ, вѣдь, пострѣлъ, никогда не услышитъ... Все бы, однако, посидѣла... Нѣтъ, вы напрасно ее балуете, Афанасья Ивановна... Послѣ съ ней не сладись... Вчера говорю: слушай, Уляшка, встань завтра раньше и чтобы до моего вставанья все у тебя было готово... Что же? Сегодня встаю, а она еще изволить нѣжится, протяня ножки... Ну, ужъ я ей хорошаго же пинка дала: вскочила у меня, какъ встрепанная... Терпѣть не могу...

— Молоденька еще: заботки-то мало... Постарше будетъ, станетъ больше заботиться... замѣтила Прасковья Федоровна не безъ умысла:

— Да, вѣдь, песь она этакой: ей ужъ вѣдь пятнадцатой годъ... Вотъ, подите-ка, чай, какъ теперь машеть: все кое-какъ, все кое-какъ, чтобы только съ рукъ свалить, а ужо подастъ барынѣ рукава—синьку не отмочить, либо гладить будетъ—припалить... Миѣ же достанется, я же отвѣчай за нее...

— Вотъ не могу надивиться такимъ характерамъ, какъ Маша... Цѣлый день она возится: что нибудь дѣлаетъ... Ни поговорить, ни погулять ей не хочется... Да не то, что свое только дѣло справила—ну и шабашъ, молъ, гуляй теперь... знать ничего не хочу... Нѣтъ, она смотритъ, чтобъ и дѣвчонка, и та, чтобы безъ дѣла не шаталась...

— Терпѣть не могу..

— Это правда, что все отъ характера, замѣтила Прасковья Федоровна... Одинъ человекъ вселости любить, другой безъ дѣла умереть... Это человекомъ... А эта подвѣльнѣй будетъ;

тъ та... подумала про себя Прасковья Ѳедоровна, да и по-
дѣлать. Надо эту больше просить на счетъ Сашеньки.

— Вотъ, матушка, Марья... все по отчеству то васъ не знаю...

— Марья Алексѣевна...

— Вотъ, Марья Алексѣевна, не оставьте моеи внучки вашими
вставленіями... Вѣдь, вы, чай, паслышаны, что Юлія Васильев-
на, мою внучку беретъ къ себѣ въ дочки...

— Нѣтъ, не слыхала ничего...

— Какъ же, матушка... Я вотъ сюда и ребенка-то привезла...

— Да что ей это вздумалось: сама молода, еще народить...

— Ну, такое ужъ разсужденіе: значить хотѣли добро
бѣднымъ людямъ сдѣлать, а можетъ и для того, что говорить:
коли своихъ дѣтей нѣтъ, да чужаго возьмешь, такъ и свои нач-
нутъ родиться... Юлія-то Васильевна сколько лѣтъ замужемъ?

— Да ужъ лѣтъ восемь, а, можетъ, и всѣ девять есть...

— А дѣточекъ, вѣдь, не было своихъ?

— Нѣтъ, не было...

— Ну, такъ вотъ видите: можетъ для этого самаго и бе-
рутъ, что бы свои дѣти пошла... Такъ вотъ, матушка, ужъ вы
мою Сашеньку не оставьте... Конечно, она хоть и отъ бѣдности,
а все благородное дворянское дитя, отъ нея того не спросит-
ся, что съ нашей сестры... а все когда и остановите въ чемъ,
по ея глупости, когда и за работку какую легонькую посади-
те... Ужъ не оставьте... прошу я васъ... Васъ Богъ за это на-
градитъ... Вѣдь, хотъ Юлія Васильевна и въ дочки ес. изволить
брать, да гдѣ же ей каждую минуту ребенкомъ заниматься...
Извѣстно, что часто и въ дѣтской, али тамъ въ какой своей
комнаткѣ будетъ... Тоже когда въ гости уѣдутъ, или къ са-
мимъ когда гости приѣдутъ... Вотъ тогда ужъ вы се и научи-
те... всегда вамъ буду за это благодарна...

— Извольте, что же... Я ужъ баловаться не дамъ... Терпѣть
не могу...

— Ну, ужъ она теперъ вашей внучкѣ пошевелиться не дастъ...
Занорить за работой, сказала Афанасья Ивановна смѣясь.

— Ну да еще теперъ какая она работница... Я только про-
шу, чтобы не больно баловался ребенокъ, такъ ему дать когда
что въ руки, замѣсто игрушки, чтобы хотъ къ иголкѣ-то при-
учился. А то гдѣ еще: какая съ нея работа...

— Ну, напилася, сказала Маша, опрокидывая пятую чашку.
Теперъ пойду посмотрю что мой пострѣлъ дѣлаеть...

— Надо и мнѣ навѣдаться къ своимъ: чай, дожидаются—поди меня... прибавила съ своей стороны Прасковья Федоровна, приподнимаясь... Прощайте покудова, Афанасья Ивановна... Покорнѣйше благодарю за ваше угощеніе и пріятное знакомство... Пришлите сказать какъ Юлія-то Васильевна проснется, да и ихъ-то повѣстите, что, молъ, дворянинъ Остапковъ дочку привоаъ.

— Хорошо, хорошо... Да вы гдѣ же дожидаетесь—то?

— Да тутъ у васъ, на дворѣ...

— Ахъ такъ какъ же это: вы хоть сюда бы вошли, въ дѣвичью...

— Очень бы хорошо, Афанасья Ивановна... Со мной и дочка... Да какъ бы господь-то не прогнѣвить... Имъ-то не сдѣлать противность...

— Нѣтъ, ничего, приходите... Что за бѣда такая—вы шумѣть не станете, не разбудите никого...

— Такъ очень хорошо-съ: мы сейчасъ придемъ...

— Ну, а я коли покудова одѣваться стану: чай и барыня скоро встанетъ.

Прасковья Федоровна, возвратившись къ зятю и дочери, нашла ихъ въ бесѣдѣ съ кучерами, которые подтрунивали надъ Остапковымъ, къ большому огорченію и безпокойству Катерины, не выдавшей еще какъ холопы тѣхъ господъ, къ которымъ ея глава ѣздитъ въ гости, обращаются съ нимъ. Она и не подозревала, что Нивеша очень привыкъ къ этимъ неприятностямъ и что отъ самыхъ господъ онъ слышитъ и переноситъ и не такіе рѣчи, когда они развеселятся и захотятъ потѣшиться на счетъ своего бѣднаго собрата.

Прасковья Федоровна, во сконуженному виду зятя и безпокойному лицу дочери, а еще больше по оскаленнымъ зубамъ кучеровъ, отгадала положеніе своихъ присвѣхъ и, желая сдѣлать вриличное внушеніе невѣжкамъ, торжественно объявила, что она познакомила съ Афанасьею Ивановной, что та, вѣроятно съ приказанія господъ, напоила ее чаемъ и что ихъ просить въ домъ: пока господа почиваютъ, такъ въ дѣвичьей подождать...

— Ну, ты баринъ, тамъ дѣвкамъ-то спуску не давай!.. сказалъ кучоръ Рыбинскаго. Ты за Афанасьею-то Ивановной тамъ примахнись...

— Какъ вамъ не стыдно, возразила съ упрекомъ Прасковья Федоровна: какія вы рѣчи говорите женатому человѣку, да еще и при женѣ его...

— Что же не говорить-то: онъ по этой части ходокъ... Къ вамъ прѣдетъ когда, дѣвицъ не знаютъ куда отъ него прятаться...

— Ну ужъ это вы напрасно... говорилъ Никеша, тряся головою и видимо обиженный...

— Какъ вамъ не стыдно: ахъ, я, право, удивляюсь,—говорила Прасковья Федоровна.—Нѣтъ, въ наше время деликатнѣе были люди... Что онъ бѣдный человекъ, такъ и надобно его обижать: однако же, вѣдь, онъ хоть какъ ни бѣденъ, а все-таки дворянинъ, благородный... Вамъ господинъ имъ не гнушается— въ гости къ себѣ принимаетъ... А вы такъ его обижаете кровню...

— Да чѣмъ я его обижаяю... отвѣчала нѣсколько смущенный кучеръ. Вотъ еще какая!.. Откуда пожаловала, изъ какой стороны!.. обратился онъ со смѣхомъ къ другому кучеру.

— Не говори, парень... Фу ты, ну ты, шире грязь, навозъ идетъ...

— Да не хорошо, не хорошо, господа, продолжала оскорбленная Прасковья Федоровна, не обращая вниманія на оробѣвшего Никешу, который дергалъ ее за рукавъ, чтобы прекратить дальнейшую ссору: онъ зналъ по опыту какъ неприятны бываютъ для него послѣдствія подобныхъ столкновений..

— Перестаньте маменька, пойдѣте! твердилъ онъ, переминаясь на мѣстѣ.

— Кого хотите спросите, господа кучера, никто васъ за это не выкалтитъ, продолжала Прасковья Федоровна. И опять вы коротите такую уважительную женщину, Афанасью Ивановну... Ну что она станеть этаннми пустяками...

Оба кучера вдругъ громко захохотали.

— Тутъ смѣяться нечему, а совѣститься слѣдуетъ, что такую мораль пехоронную на добрыхъ людей внушаете. Вотъ я бы вошла да рассказала Афанасѣ-то Ивановнѣ, что вы про нее говорите; не больно бы, чай, она спасибо вамъ сказала... Тоже при барынѣ находится: худую-то славу про нее распускать по одному этому такъ не слѣдуетъ...

— Да, что ты разносилась больно, знаемъ мы Афанасью-то Ивановну, по прежде чай твоего... Полно фузырится-то... Ишь, ты!.. Сбирунны какіе прѣхали, да еще ломаются... Знаемъ мы вашу братью... Ишь ты... чванство какое показываютъ... Видѣли мы, насъ не испугаешь...

— Маменька, да пойдѣте... отстаньте.

— Только, что не приходится мнѣ, старухѣ, съ тобой, мой

любезнинькій, говорить-то, да и некогда, а то бы я съ тобою поговорила. Пойдите-ка: настъ, чай, тамъ дожидаются...

— Подите-ка!... говорили вслѣдъ ей со смѣхомъ кучера. Ишь ты, распустила какія извѣстія. Извольте чувствовать... А вотъ не дамъ клячонкѣ-то ни сѣна, ни овса, какъ пріѣдетъ къ намъ баринъ-то большой, такъ и будетъ знать... Всякая тоже сволочь уваженія требуетъ... Гольдыба этакая...

— Напрасно вы это, маменька, связались... говорилъ съ упрямкомъ Никеша.

— Не все, вѣдь, имъ уважать надо, Никоноръ Александрычъ, иной разъ слѣдуетъ и себя показать... Хамы вѣдь, они... чего отъ нихъ ждуть...

Прасковья Федоровна ввела Остапкова съ дочерью въ дѣвичью. Здѣсь они застали Машу, которая, держа въ одной рукѣ кисейный рукавъ, а въ другой ухо Уляшши, съ большою горячностью дѣлала ей какія-то замѣчанія.

— Это чисто? Это называется чисто? Это?.. Этакъ ты чистишь?.. Этакіе ты рукавчики барынь притогривила? Этакіе?.. спрашивала она, потрясая рукавомъ, и послѣ каждаго вопроса дергая Уляшу за ухо, вслѣдствіе чего Уляшша послѣ каждаго вопроса присѣдала, морщилась, вытягивала впередъ шею и поднимала обѣ руки, къ верху. Остапковы въ молчаніи остановились передъ это сценой.

— Я тебѣ дамъ, пострѣлъ... погоди ты у меня... сказала Маша, замѣтивши постороннихъ и оставляя ухо своей жертвы.

— Али провинилась дѣвочка? заискивающимъ голосомъ спросила Прасковья Федоровна.

— Надоѣла окаянная... Каждый день съ ней у меня битва!..

— А ты бы, дѣвочка, старалась, не доводила бы себя до этого... вотъ тебѣ и было бы хорошо... Вотъ это моя дочка, Марья Александровна, а это вотъ внучка... барышня наша... вонъ еще какой птенчикъ...

— Ну вотъ ты у меня, барышня, смотри же не шали, не перенимай съ Уляшки, а то и тебѣ этакъ же будетъ... Видѣла какъ кто шалить-то?...

— Зачѣмъ же?... Она себя до этого не будетъ доводить... возразила нѣсколько обиженная Прасковья Федоровна. Она должна помнить, что она барышня.—Станетъ ли она брать примѣръ съ горничной дѣвочки. А что, Марья Александровна, барышня еще не изволила вставать?..

Въ эту минуту послышался изъ сосѣднихъ комнатъ звонокъ.

— А вотъ звонить, значить проснулась... Ну, Уляшка, коли бышла будетъ что говорить, право засѣку, вотъ те Христось... Приготовила ли, пострѣль, воды-то умываться?.. Съ этими словами Маня ушла изъ дѣвичей.

— Чортъ, дьяволь этакой, только и знаетъ, что дерется... боршотала про себя Уляша.

— Что али Марья-то Алексѣевна не въ Афанасью Ивановну?— кысательна, сердита?...

— Куда ей равняться съ Афанасей Ивановной, дьяволу такому.. Отъ нея только и жди, что развѣ обругаетъ да прибьетъ..

— Сама, душенька, видно себя до того доводишь... наставительно сказала Прасковья Федоровна.

— Какъ же?... Да съ кѣмъ она не ругается?... Со всѣми... Не бось, какъ съ поваромъ, съ Даниломъ, всѣ ночи напролетъ гужеть, такъ съ тѣмъ не ругается, не смѣетъ... Тотъ и самъ прибьетъ...

— Ахъ, ахъ, дѣвочка, развѣ тебѣ можно это говорить... По дѣломъ, видно, тебя и наказываютъ... Развѣ ты это должна знать и понимать... а?... А — ахъ!... не хорошо, дѣвочка, не хорошо!...

— Чего не хорошо-то... Какъ мнѣ не знать: она сама когда жам за нимъ посылаетъ сказать, что господа улеглись, чтобы приходилъ... И Афанасья Ивановна сколько разъ видала...

— Перестань, дѣвочка, перестань... Не твое это дѣло... Тебѣ я говорить объ этомъ нейдетъ... говорила Прасковья Федоровна, сердито потрясая головой.

— Однако какъ дворня то распущена, думала она между тѣмъ: вотъ что, значить, старшаго-то человѣка не было... Ну ужъ будь я здѣсь: у меня бы въ дѣвичью мужчина не пришель вочевать... Послѣ надо будетъ, познакомившись, и объ этомъ шушить Юліи Васильевнѣ. Ей, чай, этого и въ воображеніе не приходитъ... Пожалуй, этакъ и ребенокъ того насмотрится... Долго ли... Нѣтъ, надо будетъ сказать... Афанасья Ивановна пріотворила дверь въ дѣвичью и велѣла подавать умываться брызги...

— Про васъ я говорилъ, что вы пріѣхали, сказала она, обращаясь къ Прасковьѣ Федоровнѣ. Подождите: вотъ сейчасъ одѣнется и позоветъ васъ.

Но Останковимъ пришлось еще долго дожидаться; одѣ ванье Юліи Васильевны продолжалось часа два. Прасковья Федоровна и Катерина, съ Сашей на колѣняхъ, скромно и терпѣливо сидѣли въ уголку, потихоньку разговаривая между собою и торопливо останавливали и приказывали молчать Сашенькѣ когда она, по неопытности ребенка, раскрывала ротъ, чтобы спросить о чемъ нибудь мать или бабушку. Останковъ, наскучив сидѣть, ходилъ по дѣвичей тихими и неровными шагами, каждый разъ останавливаясь и оглядываясь, когда, бормоча себѣ что-то подъ носъ, съ недовольнымъ видомъ, входила Маша брала какую нибудь принадлежность туалета барыни и снова уходила, или стремглавъ пробѣгала чрезъ дѣвичью Ульяна. Въ эти минуты и Прасковья Федоровна съ Катериной прекращали свою бесѣду, ожидая, что позовутъ ихъ къ барынѣ, взглядывали на Сашу и охоранивали ее.

— Какъ еще онѣ дѣло-то дѣлаютъ, какъ еще онѣ служатъ-то!... говорила Прасковья Федоровна дочери, смотря на суетные горничныхъ. Старшаго человѣка въ домѣ нѣтъ!...

Наконецъ Афанасья Ивановна позвала ихъ и велѣла идти за собою.

IV.

Вслѣдствіе своихъ роскошныхъ привычекъ, а отчасти по безтолковости и беззаботности характера, Кострицкіе, пріѣхавши въ городокъ, гдѣ застасть ихъ наша исторія, наняли самую большую квартиру, какая только была въ городѣ, не смотря на то, что новое мѣсто было невыгодное и не могло дать прежнихъ средствъ для жизни. До самаго знакомства съ Рыбинскими половина комнатъ въ этой квартирѣ стояла пустая, безъ всякой мебели, но съ тѣхъ поръ, какъ предводитель сталъ останавливается у лѣсничаго, вся квартира мало по малу наполнилась мебелью и приняла очень приличный видъ. Юлія Васильевна имѣла свой особенный будуаръ, въ которомъ разыгрывая роль великосвѣтской барыни, совершала свой туалетъ съ помощью Афанасьи Ивановны, Манки и Ульяшки. Она еще была въ утреннемъ пенюарѣ, когда къ ней ввели Останкова съ дочерью, женой и тещей. Никена подошла къ ручкѣ.

— Здравствуйте... Покажите-ка мнѣ мою будущую дочку...

— Вотъ, матушка, Юлія Васильевна, отдаетъ въ полное ваше покровительство: не оставьте...

— А, да она прехорошенькая... Ну, поди сюда, поди ко мнѣ... Какъ ее зовутъ?

— Сашенька... Александра...

— Саша... Ну, поди ко мнѣ, Саша.

Сашенька почему-то оробѣла и уцѣпилась рученками за платье шери.

— Поди же, глупенькая, поди къ своей маменькѣ. Цѣлуй у нея ручку... говорила Прасковья Федоровна, подводя Сашу къ Юліи Васильевнѣ.

Саша подходила бокомъ и недовѣрчиво, искоса поглядывая на названную маменьку и держа палецъ во рту.

— Зачѣмъ же палецъ-то въ ротъ запихала? говорила бабушка. Вынь пальчикъ, опусти ручку... Экая глупенькая... Глупа еще, матушка... Ничего не видала.

— Да вы ее не троньте... Право, прехорошенькая будетъ... Какіе глазки у ней славные, веселые... Атонази, (такъ звала Юлія Васильевна Афанасью Ивановну) посмотри—вѣдь, право, прехорошенькій ребенокъ... Только какъ она смѣшно у васъ одѣта... Ха, ха, ха! Что это, развѣ можно такъ одѣвать ребенка! Ха, ха, ха... Платье съ глухимъ воротомъ, съ длинными рукавами, длинное до самыхъ подошвъ... Бѣдненькая...

— Ну, матушка, извините: мы, вѣдь, въ деревнѣ модъ-то не видали... оправдывалась Прасковья Федоровна.

— И какъ она запыхалась, бѣдная, отъ дороги, и голова какъ наизава... Фи! масломъ... Нѣтъ, Атонази, ее надо вымыть, причесать, напомадить... Прикажи Машѣ. Да сейчасъ же сшить ей платье, и панталончики... Ее надо привести въ порядокъ... Она будетъ славная дѣвочка... Саша, хочешь ко мнѣ въ дочки?...

— А?

— Хочешь быть настоящей барышней? Хочешь, чтобы я тебѣ сшила платье, хорошее платье, не этакое... а хорошее, нарядное... ахъ, какое!... Хочешь?...

— Хочу...

— Хочешь... Ну, и хорошо... Мсье Осташковъ, что же вы меня не знакомите: кто же это, вѣрно ваша жена...

— Вотъ это жена-съ... А это ея маменька.

— Ну, очень пріятно...

Катерина поклонилась, подошла и хотѣла поцѣловаться. Юлія Васильевна вошла съ движеніемъ, но по какому-то барскому совѣтѣ хотѣла притвориться, что не вошла и отицнула въ

сторону; Катерина смутилась и отступила шагъ назадъ. Юлія Васильевна улыбулась.

— Ахъ... вы хотите поцѣловаться, сказала она. Ну, поцѣлуйте... И она подставила свою щеку. Катерина облобызала ее отъ чистаго сердца.

— Ну, вы отдайте мнѣ вашу дочку... Я у васъ ее отниму... Она мнѣ очень нравится...

— Съ тѣмъ привезли, матушка... Не оставьте, будьте второй матерью... отвѣчала Катерина и отерла выступившія слезы.

— А вы не плачьте... Я хочу, чтобы вы отдали мнѣ ее отъ чистаго сердца, съ радостью, а не со слезами. Я ее буду воспитывать, какъ родную дочь

Катерина не могла удержаться, зарыдала и упала въ ноги Юліи Васильевнѣ.

— Будьте ей, матушка, замѣсто меня... Не оставьте... говорила она, всхлывая. Мнѣ ужъ такъ не обучить ее...

— Ахъ, что же это вы дѣлаете... Встаньте, пожалуста... Я не могу этого видѣть... Встаньте и не плачьте, ради Бога... Я лучше не возьму совсѣмъ...

Осташковъ и Прасковья Федоровна пришли въ безпокойство и сѣвши поднятъ Катерину.

— Нѣтъ, матушка, возьмите... говорила Катерина, силясь остановить слезы... Возьмите. Нельзя же... Жалко... Мать... Осташковъ пожималъ плечами, хмурился и разными движеніями старался показать женѣ свое неудовольствіе.

— Она, сударыня, радуется за ся благополучіе, говорила Прасковья Федоровна. Какъ ей не радоваться, что дочкѣ счастье выходитъ. Да что дѣлать... материнское сердце: жалко—вотъ разстаться со своимъ роднымъ дитѣй. Да, вѣдь, вы, можетъ, позволите когда придти и повидаться...

— Ахъ, сколько угодно... Только ужъ, разумѣется, чтобы не отучать ее отъ меня и не мѣшать мнѣ воспитывать такъ, какъ я хочу.

— Гдѣ ужъ, сударыня, мѣшать... Что же она можетъ, чему ее научить супротивъ васъ, хоть и мать родная... Человѣкъ она неученый... Какое она можетъ дать воспитаніе, или ученье?.. Опять какъ же можно и отъ васъ отучать: мы и теперъ какъ слышали, такъ все толковали Сашенькѣ, что она должна васъ любить и почитать больше матери родной, и во всемъ слушаться... Это ужъ какъ можно... Это мы очень хорошо понимаемъ.

Въ эту минуту въ будуарѣ жены вошелъ Иванъ Михайловичъ, съ красными отъ вчерашней попойки глазами и измятымъ лицомъ.

— Что это, матушка, у тебя?—спросилъ онъ.

— Посмотри, Жанъ, какую хорошенькую дочку намъ Богъ далъ, отвѣчала Юлія Васильевна. Она еще теперь смѣшно одѣта... А когда хорошенько одѣнемъ ее, просто прелесть будетъ...

— Мг...

— Здравствуйте, батюшка, Иванъ Михайловичъ, говорилъ Осташковъ, низко кланаясь.

— А; господинъ дворянинъ... Это ты награждаешь мою жену своей дочкой?..

— Да-съ... Имъ угодно было облагодѣтельствовать... Не оставьте...

— Ну, ну... Это ваше дѣло, не мое... Какъ у меня голова болитъ, просто ужасъ... Пожалуйста, чаю поскорѣе. Павелъ Петровичъ проснулся.

— Ахъ, Атонази, прикажи поскорѣе подавать самоваръ...

— Намъ пришлите въ кабинетъ: мы тамъ будемъ пить, въ залахъ...

Иванъ Михайловичъ ушелъ, не обративши болѣе никакого вниманія ни на приемъша, ни на ея мать и бабушку, что нѣсколько озадачило Прасковью Ивановну.

— Конечно, онъ мужчина, думала она... дѣло его мужское... А все бы слѣдовало побольше заняться... Развѣ ему не по мысли, что Юлія Васильевна беретъ Сашеньку?... А можетъ, и то, что гостемъ занять, къ нему торопился...

— Ну, такъ оставляйте мнѣ вашу дочку: я ее возьму... Не беспокойтесь: ей жить у меня будетъ хорошо...

Надо, матушка, помолиться, отвѣчала, Прасковья Федоровна... а тутъ ужъ и дѣло дѣлать... Чай, за батюшкой будете вольять?

— За какимъ батюшкой?...

— За отцомъ... священникомъ... чай, молебень бы надо отслужить?...

— Ну это вы сами какъ хотите... Мнѣ некогда, я должна одѣваться.

— Все же такъ хоть такъ промежду собой, безъ попа, а все надо помолиться, благословить дитю, да и отдать вамъ, а вы врините... Это ужъ какъ водится...

— Ну, пожалуй, пожалуй... Только, вѣдь, вы опять плакать будете, а я не могу видѣть слезъ...

— Итъ ужь, Катеринушка, какъ нибудь старайся, воздерживайся, не плачь...

— Да, пожалуста, ради Бога... Миѣ ужасно дѣлается тошно, когда я вижу слезы... Я лучше нарочно уйду: вы безъ меня плачете сколько хотите.

— Ну, такъ присядемте всѣ... Катерина, ты возьми къ себѣ Сашеньку-то... командовала Прасковья Ѳедоровна. Всѣ устѣлись. Катерина сдерживала слезы и молча прижимала дочь къ надрывающемуся сердцу.

— Ну, теперъ помолитесь, сказала Прасковья Ѳедоровна, глабоко вздохнувши, приподнялась и начала класть земные поклоны. Катерина какъ припала къ землѣ, такъ и не могла приподнять головы: сдержанныя рыданія давили ей грудь, слезъ она не могла удержать: они неволью вырывались изъ глазъ и обливали полъ, къ которому прижалась головою бѣдная Катерина. Юлія Васильевнѣ совѣстно стало сидѣть въ присутствіи такой горячей молитвы, такою неспритворнаго горя: она неволью привстала съ кресель, улыбка сбѣжала съ лица, и рука приподнялась, чтобы осѣнить грѣшное тѣло крестомъ; но въ эту минуту дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась и на порогѣ показался Рыбинскій.

— Что вы это такое дѣлаете?—спросилъ онъ, останавливаясь въ дверяхъ.

Юлія Васильевна захохотала и упала въ кресла. Прасковья Ѳедоровна остановилась, не окончивши земнаго поклона; Катерина вздрогнула и приподняла изумленное, омоченное слезами лицо.

— Не ходите, не ходите... говорила сквозь сѣтъ Кострицкая, или войдите и не мѣшайте намъ. Мы здѣсь совершаемъ обрядъ усыновленія.

— Вотъ что!... сказалъ Рыбинскій, входя. А я за тѣмъ и шолъ, чтобы посмотреть на вашу новую дочку... Продолжайте, продолжайте, матушка... Я вамъ не мѣшаю... обратился онъ къ Прасковѣ Ѳедоровнѣ, проходя мимо ея, и сѣлъ возлѣ Кострицкой.

Прасковья Ѳедоровна и Катерина были смущены этимъ неожиданнымъ приходомъ новаго и незнакомаго лица, и не могли уже продолжать молитвы. Онѣ стояли въ нерѣшительномъ положеніи.

— Ну, что же? продолжайте, пожалуйста, ваше дѣло, говоритъ Рыбинскій. Осташковъ, что же ты, братецъ, стагъ?... дѣйствуй... Я желаю видѣть тебя матерью.. прибавилъ онъ по французски, обращаясь къ Юліи.

— Ну, зачѣмъ ты пришегъ, отвѣчала она, закрывая губы платкомъ... Ты будешь смѣшить меня... А мнѣ слѣдуетъ держать себя солиднѣе: бѣдная мать такъ плачетъ...

— Ахъ, Боже мой, какая жалость! проговорилъ Рыбинскій проницески. Они, я думаю, очень рады, что одного дармоѣда съ глѣба долой...

— Ну, перестань же, не смѣши... Ну, отдавайте же мнѣ вашу дочь, обратилась она къ Осташкову и Катеринѣ.

Прасковья Федоровна, которая успѣла оправиться отъ смущенія, очень спокойно и серьезно сняла съ себя образокъ, подала его Осташкову, и велѣла благословить дочь. Тотъ исполнилъ ее приказаніе. Потомъ Прасковья Федоровна передала тотъ же образокъ Катеринѣ.

— Ну теперь ты благослови, да и отдай Сашеньку съ рукъ на руки Юліи Васильевнѣ: пусть она будетъ ей мать и благодѣтельница.

У Катерины дрожали руки и тряслась голова, когда она благославляла дочь, изъ глазъ ручьемъ струились слезы.

— Ну, теперь дай сюда образокъ-то, да подведи Сашеньку къ Юліи Васильевнѣ, а вы, матушка, извольте принять образокъ-то да также благословите ребенка.

Юлія Васильевна, сдерживая улыбку и гримасничая, взяла образъ изъ рукъ старухи. Катерина не могла удержаться и вдругъ, объявши Сашу, зарыдала надъ ней.

— Ахъ, Боже мой, ну что это они со мной дѣлаютъ, у меня право всѣ нервы разстроятся... говорила Юлія Васильевна.

— Ну, перестань же, перестань, Катерина... Ну чтой-то, чатка, и самъ дѣлѣ. Время ли теперь плакать... Только господь безпокоившъ... Вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ у тебя не силой ребенка берутъ: сама привезла... внушала Прасковья Федоровна.

— Да что же, Осташковъ, развѣ вамъ не хочется отдать вашу дочь? спросилъ Рыбинскій.

— Какъ, батюшка, Павелъ Петровичъ, да мы за великое счастье для себя поставляемъ!.. Что съ ней сдѣлалась... Известно, бабья глупость... Перестань же, Катерина... Чтой-то это за проказъ...

— Ну, подводи же, подводи... хлопотала Прасковья Федорова.

Катерина повиновалась и снова сдвинула въ груди и слезы и рыданія. Юлія Васильевна благословила образомъ Сашу.

— Ну, теперь все? спросила она Прасковью Федоровну усталымъ голосомъ.

— Все-съ...

— Ну, слава Богу...

— Теперь честь имѣю васъ поздравить съ названной дочкой... Ну, вотъ, Сашенька, твоя новая маменька: люби же ее, уважай, слушайся, старайся учиться... Не оставьте, матушка, ее... Прасковья Федоровна поклонилась въ ноги. Осташковъ и Катерина послѣдовали сѣ примѣру. Юлія Васильевна сконфузилась.

— Ахъ, Боже мой, ну что это вы дѣлаете?...

— Ничего, матушка, не важность! отвѣчалъ Осташковъ, поднимаясь и цѣлуя ручку Юліи Васильевны. Онъ подошелъ къ Рыбинскому и также хотѣлъ поцѣловать у него руку, но Рыбинскій руки не далъ и Осташковъ чмокнулъ его въ плечико.

— Не оставь, матушка, кормилица, не оставь мою Сашеньку... съ рыданіями говорила Катерина и ловила руку Юліи Васильевны.

— Ну, что это, сѣ Богу... Да оставьте же меня: твердила Юлія, защищаясь отъ поцѣлуевъ Катерины.

— Осташковъ, да уйми же жену... Она надоѣла Юліи Васильевнѣ... замѣтилъ Рыбинскій.

— Катерина, отстань... Маменька уйдите съ ней отсюда... говорилъ Осташковъ и вывелъ изъ комнаты жену и тещу.

— Атонази, возьмите и дѣвочку... Вымойте ее тамъ, да на помадите... Отъ нея страшно воняетъ... говорила Юлія Васильевна. Онѣ меня страшно измучили! сказала она, оставшись наединѣ съ Рыбинскимъ.

— А ты думала, что дѣтей можно родить безъ страданій? съострилъ Рыбинскій.

— Ну, перестань... Какой противный!...

— За то ты теперь послѣ этихъ мукъ стала еще интереснѣе... Впрочемъ меня дожидается твой мужъ...

Онъ быстро поцѣловалъ Юлію и вышелъ изъ будуара. Она позвала Машу и приказала подавать одѣваться.

Осташковыхъ какъ будто совсѣмъ забыли. Они сидѣли въ дѣвичей и ожидали, что ихъ опять позовутъ въ комнаты, но ни-

кто на нихъ не обращалъ вниманія. Катерина давно заплакалась и успокоилась, любуясь на Сашеньку, которую Маша вымыла, причесала и напомадила. Прасковья Федоровна сидѣла унылая: она была недовольна малымъ вниманіемъ Юліи Васильевны къ ней и Катеринѣ: ей казалось, что и Сашенькою мало занялась названная мать. Она обдумывала и соображала все, что видѣла, и все ей какъ-то не нравилось; но она ни за что не рѣшилась бы высказать зятю, или дочери, свое неудовольствіе и недоумѣніе; она боялась, какъ бы они не отдумали отдавать Сашу Юліи Васильевнѣ. Ужь каково ни будетъ здѣсь Сашенькѣ, думала она, а все лучше, чѣмъ дома; ужь какъ ни какъ, а все она будетъ здѣсь барышней и всю барскую манеру перейметъ, а дома-то чему она научится?... Осташковъ нѣсколько разъ выходилъ навѣдаться къ своей лошади. Стояла она, голубушка, на прежнемъ мѣстѣ, въ хомутѣ и во всей сбруѣ; солнышко ужь высоко взошло, на самый полдень, и крѣпко припекало; мухи стаями со всеѣхъ сторонъ осаждали бурку; только головой трясла да хвостомъ помаивала бѣдная скотинка, защищаясь и отъ мухъ и отъ солнечнаго припека. Надо бы отложить лошадку, напоить порядкомъ и въ конюшню поставить; видѣлъ и понималъ это бѣдный Никеша, да не смѣлъ и подумать обратиться къ разсерженнымъ кучерамъ съ какойнибудь просьбой. Увидѣлъ, что не ѣсть бурка сѣна, слазилъ на сѣноваль, принесъ сѣвенькаго и отътого отворачивается, а самъ жалобно смотритъ на Никешу, какъ будто сказать хочетъ: до ѣды ли: пить хочется, въ горлѣ пересохло отъ пыли и отъ жары. Знамо бы надо напоить, да гдѣ воды-то возьмешь, на рѣку бы сводить, а ну какъ вдругъ господу спросятъ, а меня нѣтъ, думалъ Никеша. Да ну, потерпѣйшь, не великъ баринъ... У меня у самаго въ горлѣ пересохло... Вошелъ Никеша въ дѣвичью къ своимъ, тѣ все еще сидятъ однѣ, дожидаются, пристали къ нему, заставляютъ спросить барыню: что же она прикажетъ: дожидаться ли имъ, или ѣхать на квартиру, теперь ли оставить Сашеньку или послѣ привести. Поялся Никеша, оглянулся вокругъ, нечѣмъ защититься. Афанасья Ивановна куда-то исчезла, Маша не въ духѣ, сердитая, и подойти къ ней страшно, самъ Никеша въ первый разъ, въ новомъ незнакомомъ домѣ всегда робѣлъ и конфузился, однако дѣлать нечего: осмѣлился, и пошелъ во внутреннія комнаты, отыскивать Юлію Васильевну. Заглянулъ Никеша въ кабинетъ: тамъ Рыбинскій разговаривалъ съ письмо-

водителемъ, который пришолъ къ нему по дѣламъ, а Иванъ Михайловичъ лежалъ на диванѣ и курилъ трубку, отъ времени до времени вмѣшиваясь въ разговоръ Рыбинскаго. Изъ залы услыхалъ Никеша голосъ Юліи Васильевны въ гостиной, потоптался на мѣстѣ и рѣшился наконецъ войти въ гостиную. Тамъ Юлія Васильевна, совершенно одѣтая, сидѣла на диванѣ, въ ожиданіи Рыбинскаго; передъ нею стояла Афанасья Ивановна, и онѣ о чемъ-то бесѣдовали. По легкомыслію своему она совсѣмъ забыла и о Сашенькѣ и обо всѣхъ Осташковыхъ. Нерѣшительныи остановился Никеша въ дверяхъ гостиной. Юлія Васильевна его замѣтила, и вспомнила о Сашѣ.

— А, м-сье Осташковъ... гдѣ же Саша?

— Она тамъ-съ, въ дѣвичей...

— Что же она тамъ дѣлаетъ?... Приведите ее сюда: мы по-толкуемъ съ Атонази объ ея костюмѣ...

— Сейчасъ-съ... Никеша замаялся.

— Ну, что же вы?...

— А какъ прикажете... на счетъ маменьки и жены?...

— Что такое?

— Имъ ѣхать... али погодить?...

— Ахъ, какъ хотите... Это совершенно отъ васъ зависитъ: если нужно, такъ поѣзжайте...

— А Сашеньку... какъ же прикажете?...

— Что Сашеньку?...

— Теперь оставить, или послѣ привезти?

— Какъ послѣ привезти?... Какой вы смѣшной: сейчасъ приведите ко мнѣ, сюда...

— Очень хорошо-съ...

— Да что, вамъ нужно ѣхать, что ли, домой?..

— Никакъ нѣтъ-съ...

— Ну такъ пусть ваши тамъ побудутъ сколько хотятъ... Только, ради Бога, чтобъ ваша жена не плакала: я не могу видѣть и слышать этихъ рыданій...

— Нѣтъ-съ, она не будетъ... не безпокойтесь. А торопиться намъ некуда... И лошадекъ надо дать отдохнуть...

— Ну, такъ что же? и прекрасно: пусть они тамъ, въ дѣвичей, и отобѣдаютъ у меня... а послѣ обѣда и поѣзжайте... Я вотъ только взгляну на Сашу и опять пришлю ее къ нимъ... Атонази вотъ покажетъ имъ платья, которыя я велю перешить

ли Саша... Пусть онѣ увидятъ какъ она будетъ у меня одѣта... Ну подите же...

Но Никеша все еще мялся и не шолъ.

— Тамъ у меня лошадка... Я на лошадку ирѣхалъ... проговорилъ онѣ несмѣло.

— Ну такъ что же?

— Отложить и покормить можно?

— Разумѣется, можно... Скажите тамъ кучеру: онѣ все вамъ сдѣласть...

— Нѣтъ, ужъ я самъ-съ...

— Ну, какъ хотите: это ваше дѣло...

— Да я только такъ... къ тому... чтобы послѣ чего не вышло... Какихъ неприятностей...

— Какія неприятности?... Ахъ, какой смѣшной Осташковъ...

Ну, подите же, подите, приведите Сашу...

Осташковъ спѣшилъ исполнить приказаніе и наскоро передалъ своимъ, что Юлія Васильевна позволяетъ имъ остаться у нея и даже отобѣдать въ дѣвичей; подтвердилъ Катеринѣ, чтобы она не вкакала, взялъ Сашу, не велѣлъ ходить за собою прочимъ и повелъ ее въ гостиную. Самолюбіе Прасковьи Ѳедоровны было очень уколото за дочь: она надѣялась сблизить Катерину черезъ Сашу съ Юліей Васильевной, и съ желаннымъ благороднымъ обществомъ, но должна была разочароваться въ своихъ надеждахъ. Катерина радовалась, что еще нѣсколько часовъ будетъ вѣдть свою Саменьку.

Осташковъ отвелъ дочку къ Юліи Васильевнѣ, оставилъ ее въ гостиной и посѣтилъ къ своей лошади. Новая маменька препала умытую дѣвочку по щекѣ, велѣла подать Афанасѣ Ивановѣ духовъ, опрыскала ими ее и, уже душистую, поцѣловала въ нухленькую розовую щечку.

— А, вѣдь, прехорошенькой ребенокъ!— замѣтила она, обращаясь къ Афонази.

— Да, недуренькая...

— Ты не знаешь который ей годъ?

— Не догадалась, не спросила...

— Я сама позабыла спросить... Ты, я думаю, дурочка, вѣдь, не знаешь который тебѣ годъ? обратилась Юлія Васильевна къ Сашѣ... Не знаешь, вѣдь?...

— Знаю: семь годковъ... отвѣчала Саша, помня наставленія бабушки.

— Вотъ такая она... Молодецъ!...

— Она будетъ боецъ! замѣтила Афанасья Ивановна. Смотри-те-ка: другую бы на веревкѣ здѣсь не удержалъ въ первый-то разъ, боялась бы всего, да ревѣла... А эта ничего...

— Тѣмъ лучше: я ужасно не люблю этихъ дикарокъ и плаксъ.. Да и чтобы я съ ней стала дѣлать, какъ бы она стала плакать... Ну, однако, надо ее, Атонази, поскорѣе экипировать, то, вѣдь, такъ ее никому показать нельзя, да и я не могу ее видѣть въ этомъ балахонѣ.

Тутъ начался довольно продолжительный разговоръ о платьяхъ, которыя можно пожертвовать на то, чтобы изъ нихъ устроить приличный костюмъ для Саши.

— Барышня, вѣдь я все перезабуду, что вы ни говорите, сказала вдругъ Афанасья Ивановна: вы, вѣдь, меня знаете, какая я головушка... Погодите, я лучше позову Машу: вы при ней лучше прикажите. И Афанасья Ивановна, не дожидаясь позволенія, кликнула Машу.

Маша явилась и разговоръ снова сдѣлался серьезнѣе. Саша сначала со вниманіемъ прислушивалась къ этому разговору, потому что онъ касался того предмета, о которомъ ей постоянно толковала Прасковья Федоровна: она понимала, что ее хотять сдѣлать нарядной барышней, но подробности разговора скоро утомили ее дѣтское вниманіе. Она стала съ любопытствомъ оглядывать убранство гостиной: особенный интересъ возбудило въ ней большое зеркало, въ которомъ она увидѣла свою особу. Саша сначала испугалась, потомъ удивилась, увидѣвъ себя въ отраженіи зеркала, наконецъ улыбнулась и съ радостью увидѣла, что другая Саша также ей отвѣтила улыбкой. Она сдѣлала гримасу—и двойникъ ей отвѣтилъ тѣмъ же. Саша сдѣлала другую, третью гримасу—и вдругъ разохоталась звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ.

— Чему ты это хохочешь? спросила съ удивленіемъ Юлія Васильевна.

— А вона! отвѣчала Саша, показывая въ зеркало, высунула языкъ и снова залилась тѣмъ же беззаботнымъ смѣхомъ.

— Что ты это орешь, безстыдница, строго замѣтила Маша: развѣ такъ можно хохотать... А?... И что вертись: объ ней говорить, ей платье хотять шить, а она вертится... Терпѣть не могу...

— Марья, что ты! Кто тебѣ далъ право такъ говорить съ

Сашей... и при мнѣ... Ахъ какая дура! сказала Юлія Васильевна...

— Меня, сударыня, баушка ся просила, чтобы я ей не дала базоваться, и останавливала. И пристало ли ей такъ хохотать...

— Да оставь, пожалуста, это не твое дѣло. Во первыхъ, ты должна обращаться съ ней вѣжливо, не говорить ей ты, во вторыхъ, бабушкѣ теперь нѣтъ до нея никакого дѣла, она мнѣ отдана... А я тебѣ не приказываю вмѣшиваться въ мое воспитаніе, и не останавливать Сашу ни въ чемъ, потому что ты совершенная дура и невѣжа... Ты слова не умѣешь сказать...

— Мнѣ, какъ угодно: я пожалуй, ничего не стану говорить: мнѣ не велика корысть...

— Ну, и молчи... Ахъ, какая дура!... Саша, душенька, такъ не должно, хохотать... это стыдно, нехорошо, невѣжливо!... Саша, задумалась.

— Я къ маменькѣ хочу, сказала она вдругъ, почти плаксивымъ голосомъ.

— Ну отведи ее къ матери... Да извольте приняться шить ей платье, а панталончики пусть Ульяна шьетъ...

Маша сердито взяла Сашеньку за руку и вывела изъ гостиной.

— На-те-ка вотъ... ничего не видя за вашу-то меня барыня кружала: на что остановила, что шалить тамъ, вертится, ломается, вздумала хохотать на весь домъ... говорила Маша Прасковья Федоровна и Катеринѣ. Ужъ теперь что хочешь дѣлай, хоть на головѣ ходи—слова не скажу.

— Нѣтъ, вы на это не взирайте; сдѣлайте такое одолженіе: останавливайте... какъ ребенка не остановить, когда шалить. Мы всегда будемъ очень благодарны... отвѣчала Прасковья Федоровна, а сама въ то же время думала: ну слава Богу, видно барыня добрая и Сашеньку въ обиду не дастъ.

— Нѣтъ, матушка, вѣдь, мнѣ корысть-то не велика съ ней тутъ возиться... Я только что терпѣть этого не могу, какъ дѣвчонка балуетъ... Терпѣть не могу... А Юлія Васильевна се избалуетъ... Ужъ непремѣнно избалуетъ... И Афанасья Ивановна никогда ни въ чемъ не остановитъ. Эта и во вниманіе не возьмется...

— Нѣтъ, ужъ вы ее не оставьте вашимъ наставленіемъ: кто же ребенка и остановитъ, коли и вы отъ него откажетесь...

— Нѣтъ, матушка, нѣтъ... Мнѣ коли не велятъ, такъ и надо... Мнѣ же лучше: заботы меньше... Вотъ платьевъ велятъ ей нашить: нашую какихъ велятъ... Гдѣ у меня эта Уляшка Господи, наказаніе мое Божеское, эта Уляшка... Ну, погодиж ты, дѣвка... Терпѣть этого не могу...

Бабушка и мать поинтересовались узнать какія платья приказано шить Сашенькѣ. Маша рассказывала имъ все подробно, показывала матеріалы для шитья: въ эти минуты Катерина и Прасковья Ѳедоровна были совершенно счастливы. Между тѣмъ, пришло время обѣда. Самъ Осташковъ допущенъ былъ къ господскому столу; теща, жена и дочь обѣдали въ дѣвичей. Юлія Васильевна не хотѣла вступитъ въ свои новыя родительскія права и принять на себя новыя обязанности матери, пока дочь не будетъ прилично одѣта.

— Послѣ обѣда Осташковъ пошелъ провѣдать своихъ. Они совѣтовали ему собираться домой и велятъ просить у Юліи Васильевны позволенія проститься съ нею. Осташковъ передалъ просьбу своихъ. Юлія Васильевна въ это время сидѣла наединѣ съ Рыбннскимъ, потому что Иванъ Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе уснуть послѣ обѣда; она безъ возраженій согласилась отпустить Осташкова домой, относительно же прощанья съ его семействомъ замѣтила, что боится опять новыхъ сценъ, покломовъ и слезъ, что очень ее разстраиваетъ.

— Нѣтъ, ужъ не беспокойтесь: я скажу, чтобы ужъ ничего этого не было...

— Да, пожалуста. Вы собирайтесь: я сейчасъ выйду проститься съ вами.

Черезъ нѣсколько минутъ она дѣйствительно вышла въ дѣвичью.

— Ну, прощайте, прощайте, говорила она, подставляя щеку на лобзаніе Катерины и Прасковьи Ѳедоровны. Атонази, ты возьми пока къ себѣ Сашу... А вотъ какъ она будетъ одѣта совершенно, я тогда буду ее держать постоянно около себя...

— Не оставьте... заговорили было бабушка и мать.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь: ей будетъ у меня хорошо... Вотъ вы пріѣзжайте, пожалуй, мѣсяца черезъ два, три, вы и не узнаете Сашу... Я ее одѣну, какъ куколку. Ну, прощайте.

И съ этими словами Юлія Васильевна вышла изъ дѣвичей, оставивъ Прасковью Ѳедоровну въ крайнемъ огорченіи, что она не могла ей высказать всего, что намѣревалась сказать.

Осташковъ объяснялъ, что теперь Юліи Васильевнѣ никакъ

нельзя было долго оставаться въ дѣвичей, что у ней сидить гость и она должна спѣшить занимать его...

Тутъ начались опять наставленія, благословенія, слезы надъ головою Сашеньки, просьбы къ Машѣ, Афанасьѣ Ивановнѣ, даже къ Уляшѣ: не оставить ребенка. Саша знала и прежде, но теперь только почувствовала, что должна разстаться съ родными, и плакала горько, ухватившись за мать и бабушку. Ес надобно было оттащить отъ нихъ силой, чтобы дать имъ возможность уйти и потомъ Маша должна была закрыть ей ротъ, чтобы громкія вопли ея не дошли до господскихъ ушей. Афанасья Ивановна, впрочемъ, нашла болѣе дѣйствительное средство остановить эти вопли: она принесла Сашѣ цѣлый передникъ разныхъ лакомствъ и бѣдный ребенокъ проглотилъ вмѣстѣ съ ними и свои слезы. Осташковъ на обратномъ пути былъ веселъ; Праксovia Федоровна, спокойная и довольная за судьбу внучки, оставалась лишь не совсѣмъ довольна приѣмомъ: Катерина сидѣла въ тѣлѣ грустная и печальная: ей было жалко разстаться съ дочкой, хоть она и старалась утѣшать себя мыслью, что въ этой разлукѣ ея счастье.

У.

Черезъ недѣлю Осташковъ собрался везти своего сына къ Палеву. Теперь при разставаньи слезъ большихъ не было, и никто изъ женщинъ не поѣхалъ провожать Николинку. Впервыи, съ нимъ разставались не на всю жизнь: Палёновъ не въ сыновья его бралъ; во вторыхъ, матери да и всему женскому поколѣнью семья бывать всегда какъ-то легче разстаться съ мальчикомъ, нежели съ дѣвочкой, потому ли что возлагается больше надежды на силы и независимость будущаго мужчины, потому ли что на мальчика семья всегда смотритъ, какъ на перелетную птицу, которая хоть и оставляетъ свое гнѣздо, но, когда придетъ время, снова въ него воротится и по праву займетъ свое мѣсто.

Снова тотъ же бурка и та же телѣга везла Осташкова съ сыномъ, но и дворъ и домъ Палёнова и все его холопство были знакомы Никешѣ и потому онъ здѣсь уже не робѣлъ. Смѣло поставилъ онъ лошадей гдѣ слѣдовало, смѣло задалъ ей сѣна; съ поклономъ, но спокойно попросилъ знакомаго и отчасти пріятеля кучера присмотрѣть за буркой, и прямо повелъ сына въ господскій домъ, впрочемъ, по привычкѣ, черезъ заднее крыльцо: черезъ пе-

реднее онъ до сихъ поръ не осмѣливался еще входить ни в одинъ помѣщичій домъ.

Абрамъ Григорьевичъ, камердинеръ Палёнова, державшійся пр баринѣ какимъ-то чудомъ въ теченіе десяти лѣтъ, не смотр на то, что Палёновъ то и дѣло перемѣнялъ прислугу, привык къ Осташкову, смотрѣлъ на него какъ на неизбѣжное зло в домѣ, снисходительно подавалъ ему руку и даже иногда въ доб рый часъ милостиво и дружески разговаривалъ. Черезъ нег Осташковъ тотчасъ же получилъ доступъ въ кабинетъ Палёнова. Абрамъ Григорьевичъ снисходительно выслушалъ просьбу Оста шкова: доложить о немъ барину, и другую просьбу: не оставит сына, который, вѣроятно, нѣсколько недѣль проживетъ въ дом Палёнова. Камердинеръ глубокомысленно посмотрѣлъ на наслед ника Осташкова.

— Ишь ты какого лоботряса выростилъ! замѣтилъ онъ и слегка ударилъ Николишку по затылку. Подите прямо въ каби неть: онъ тамъ!...

— Да какъ бы опять не огнѣвался, что безъ доклада... возра зилъ Осташковъ.

— Что докладывать-то про тебя: чай, не Богъ знаетъ какіе гости пріѣхали... Что на него смотрѣть-то... Ступай... Ему за хочется, такъ и даромъ обругаетъ, ни за что; ему развѣ порядокъ нуженъ, что ли? Взбеленится, вступить ему въ башку-то обаяялъ или оттаскалъ человѣка, ну и шабашъ, и правъ... Пос лѣ самъ себѣ смѣлкой: виноватъ, или нѣтъ... Ну сго къ чорту. Ступай прямо...

Осташковъ вошелъ въ кабинетъ. Палёновъ заботливо и спѣш но писалъ. На звукъ отворяющейся двери онъ оглянулся. Оста шковъ поклонился и хотѣлъ заговорить.

— А, погоди, братецъ, сейчасъ... Нужно дописать... Немѣ шай...

И онъ снова началъ строчить. Осташковъ присѣлъ на стулъ, и, погрозивши сыну, чтобы онъ не ворочался, самъ какъ бы при рось къ стулу. Вдругъ Палёновъ сталъ торопливо искать чего то на письменномъ столѣ. То, чего онъ искалъ, не попадаюся подъ руку.

— Эхъ, чортъ тебя дери... вскрикнулъ Палёновъ, мгновенно вскипаясь. Абрамъ, Абрамъ! закричалъ онъ.

Абрамъ вошелъ.

— Чего изволите?

— Гдѣ у меня тутъ... Вѣдомости были на этажеркѣ.

Абрамъ подошелъ къ письменному столу.

— Куда ты идешь?... Тебѣ говорятъ на этажеркѣ.

Абрамъ заикнулся, чтобы отвѣчать что-то.

— Тебѣ, говорятъ, на этажеркѣ вѣдомости были. Ты не слышишь, не понимаешь, что тебѣ говорятъ. Не хочешь понять... На этажеркѣ... Тебѣ говорятъ: на этажеркѣ... На этажеркѣ... Ты не слышишь... Ты пьянъ, анаема...

— Да сударь...

— Я тебѣ дамъ, сударь... Я тебѣ дамъ, сударь... Пьяница ты такая... кричалъ Палѣновъ, и вдругъ вскочилъ и сдѣлалъ распоряженіе съ личностью Абрама... Съ утра пьянъ, ракалія... а тебѣ дамъ, анаема... продолжалъ Палѣновъ, красный какъ ракъ, пыхтя и задыхаясь...

— Абрамъ остался, по видимому, совершенно равнодушнѣ къ вощетинамъ, которыя получилъ, точно были не его, а кого-то другого, совершенно незнакомаго ему человѣка, нисколько не зашущался отъ нихъ и только лишь смигивалъ да нѣсколько поворачивалъ голову то въ ту, то въ другую сторону. Увидя, что баринъ наконецъ умаялся и сѣлъ отдыхать, онъ подошелъ къ письменному столу, на которомъ писалъ Палѣновъ, нашолъ газеты почти подъ самымъ носомъ барина, и подалъ ихъ ему.

— Вотъ вѣдомости, проговорилъ онъ лаконически.

— Какъ же онѣ очутились здѣсь? Вѣдь, онѣ были на этажеркѣ... проговорилъ Палѣновъ, смягчившись и чувствуя смущеніе, которое желалъ скрыть.

— Были давеча... Вѣдь, сами же взяли читать, какъ чай пили, да и положили сюда... Не разберете дѣломъ, да и деретесь зря...

— Ну, ну... Ты у меня не груби!... вскрикнулъ Палѣновъ, готовый вновь вспыхнуть...

Абрамъ повернулся молча и пошелъ вонъ изъ кабинета. Проходя мимо Осташкова, онъ поглядѣлъ на него злобно, даже съ ненавистью и въ тоже время презрительно. Взглядъ его казался, говорилъ: «вѣдь, вотъ говорилъ, что захочетъ прибить, такъ прибьетъ... Вотъ и прибилъ. А вотъ ты такъ не можешь прибить... А дай-ка мнѣ волю, я бы тебя не прибилъ, что ли? прибилъ бы да еще какъ... Ну что сидишь?...

Никеша предъ этимъ выразительнымъ взглядомъ скромно опустилъ глаза. Маленькій Николянка съ замирающимъ сердца и со

страхомъ смотрѣлъ на грознаго барина, прижался къ отцу и не смѣлъ пошевеливаться во все то время, пока писалъ Палѣновъ. Наконецъ онъ бросилъ перо и обратился къ Осташкову.

— Ну что, ты привезъ сына?

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ Никеша, поспѣшно, приподнимаясь со стула. Вотъ батюшка, Николай Андреевичъ, не оставьте! продолжалъ онъ, подводя сына... Цѣлуй ручку...

— Который годъ?...

— Девять десятый...

— Ну, давно пора учиться... Я въ этомъ возрастѣ уже перечиталъ цѣлую библіотеку своего отца, зналъ исторію и географію... какъ свои пять пальцевъ...

— Гдѣ же, батюшка, Николай Андреевичъ, и кому нибудь, а не то, что ему быть противъ васъ... Ужъ не оставьте его хоть грамотѣ-то поучить... чтобы на службу-то поступить могъ...

— Нѣтъ, я хочу, чтобы онъ получилъ полное образованіе... Теперь онъ поучится у меня, потомъ поступитъ въ уѣздное училище, въ гимназію и въ университетъ...

— Покорнѣйше васъ благодарю... Вы истинный нашъ благодѣтель... Только не много ли будетъ про него, снесетъ ли? Гдѣ ужъ ему далеко забираться...

— Ну ты, братецъ, этого ничего не понимаешь. Ужъ это мое дѣло...

Палѣновъ позвонилъ и велѣлъ позвать своего конторщика, который также носилъ титулъ земскаго. Тотъ тотчасъ же явился, и сталъ у дверей, въ ожиданіи господскихъ приказаній. Съ перваго взгляда было видно, что это былъ величайшій франтъ и любезникъ среди дворовыхъ, и притомъ человекъ деликатнаго обращенія и высоко думающій о своихъ нравственныхъ и физическихъ достоинствахъ. Сѣренькій нанковый сюртучекъ его, съ засаленнымъ воротникомъ и протертыми рукавами, совершенно уничтожался и становился незамѣтенъ за ярко-пестрою жилеткою изъ рытаго бархата, правда, полинявшею, но за то сшитою камзолъ и съ поразительно блестящими металлическими пуговками. Бѣлая манишка была накрахмалена, какъ видно, усердною рукою, потому что топырилась на груди, какъ кора, и даже потрескивала при его движеніяхъ, а отогнутыя а l'enfant воротнички никакъ не прилегали къ шеѣ, и торчали въ разныя стороны, какъ крылья бабочки на лету. Подъ воротничками виднѣлся маленькій шолковый платочекъ, цвѣтъ котораго, за давностію существованія, опредѣлить

было невозможно, но по бахрому, которая окружала его и при-
 звали которой удержали еще на углах платка, безошибочно можно
 было заключить, что онъ составлялъ нѣкогда принадлежность жен-
 ского туалета, и перешелъ на шею конторщика, какъ даръ нѣж-
 лиго, любящаго сердца. Аристархъ, или, какъ звали его мужики,
 Старей Николаичъ, былъ бѣлокуръ отъ природы, носилъ длин-
 ные, нещадно напомаженные волосы, виски онъ тщательно за-
 тесывалъ напередъ и концы ихъ подвивалъ. Къ этимъ вискамъ
 онъ чувствовалъ любовь до самоотверженія, и не хотѣлъ ни уко-
 ротить, ни спрятать ихъ за уши, не смотря на то, что въ не-
 добрый часъ ему всего больше доставалось отъ барина за эти
 самые виски, подвитые и напомаженные. Во время разговора,
 достигая любезности, въ минуты раздумья, недоумѣнія, въ спю-
 тивномъ и тревожномъ состояніи духа, однимъ словомъ—безпре-
 станно онъ поглаживалъ и подвивалъ на указательный палецъ
 эти завѣтные виски. Послѣ вспышекъ господскаго гнѣва, когда,
 случалось, что вся его благообразная наружность приходила въ без-
 порядокъ и разстройство, Аристархъ Николаевичъ врежде всего
 заботился о приведеніи въ надлежащій приличный видъ свои,
 больше всего пострадавшіе, виски. Говорилъ онъ нѣсколько на-
 распыль и до того кудревато и затѣйливо, что иногда прислу-
 шиваясь къ своей фразѣ, самъ приходилъ въ сердечное умиленіе;
 ходилъ тихо, на носочкахъ и въ припрыжку; разговаривая, выста-
 влялъ то ту ногу, то другую, дѣлалъ шагъ или два впередъ и
 вслѣдъ за тѣмъ столько же назадъ. Передъ баринкомъ склонялъ
 голову на бокъ и придавалъ лицу своему умильно-сентименталь-
 ное выраженіе. Къ живописанію имѣлъ способности необычно-
 вѣщныя, даже умѣлъ выводить перомъ съ одного почерка раз-
 ныя фигуры, птицъ, цвѣты, цѣлыя вѣнки и гирлянды, за что
 и возжалованъ былъ помѣщикомъ въ званіе конторщика. образо-
 ваніе онъ получилъ сначала въ приходскомъ, потомъ въ уѣздномъ
 училищѣ, но такъ скоро оказалъ блестящія уснѣхи въ калли-
 графій, что Палѣновъ, который въ то время нуждался въ хоро-
 шемъ конторщикѣ, не утерпѣлъ и, не давъ ему окончить курса,
 изъ втораго класса взялъ его къ себѣ во дворъ для письменовод-
 ства. Въ день тезоименитства каждаго изъ членовъ господскаго
 семейства онъ постоянно подносилъ шляпшнику или шляпшницѣ
 произведеніе своего искусства: большею частію какую нибудь
 молитву, написанную различными почерками, начиная отъ са-
 мыхъ крупныхъ готическихъ буквъ, до самой мелкой скорописи.

Вообще Аристархъ Николаевичъ былъ человѣкъ искательный и угодительный, и хотя не всегда избѣгалъ господскаго гнѣва соединеннаго съ нимъ нападенія на виски, но пользовался и свои способности нѣкоторымъ снисхожденіемъ и даже расположеніемъ помѣщика. Николай Андреевичъ Палѣновъ, вообще поклонникъ, или лучше сказать, любитель всякаго рода талантливыхъ людей, съ нѣкоторою гордостію показывалъ всякому по вому знакомому произведенія своего конторщика и особенно сим волю вѣры, описанный имъ на пространствѣ окружности четвертака; при чемъ часто пояснялъ, что хотя и это замѣчательно, и онъ зналъ одного офицера, который ту же молитву уписывалъ въ окружности пятачка такъ, что прочесть написанное можно было только съ помощію увеличительнаго стекла. Итакъ Аристархъ Николаевичъ тотчасъ явился по призыву барина, и, оправивъ виски, выставилъ правую ногу, и, склонивши на бокъ голову, ожидалъ его приказаній.

— Вотъ, Аристархъ, тебѣ новая обязанность, сказалъ Палѣновъ: возьми на свое попеченіе этого мальчика... Я его скоро отдамъ въ уѣздное училище, такъ хочу, чтобы ты пока подготовилъ его читать и писать...

— Съ моею пріятностію...

— Смотри: времени осталось немного: всего какихъ нибудь три или четыре недѣли... Но мнѣ хочется, чтобы ты въ это время выучилъ его читать, хоть по складамъ и писать буквы.

— Это по разсмотрѣнію его понятій и вразумленію его чувствъ...

— Нѣтъ, я бы желалъ, чтобы ты непременно его выучилъ, чтобы я могъ похвастать тобой...

— По вашему приказанію, я буду употреблять всю свою усердность, и даже напряженіе чувствъ сдѣлаю... только былъ бы его старательность къ принятію преподаванія моего... И такъ же, чтобы не было развлеченія къ шалостямъ и буйственнымъ поступкамъ насчетъ непослушанія и прочихъ качествъ...

— На-счетъ этого Старей Николаичъ не безпокойтесь, это звался Осташковъ: онъ у меня тихъ, а то и розгой припугнуть можно, въ ученія безъ этого нельзя...

— Нѣтъ, розогъ быть не должно: я противъ этого... И вообще никакихъ побоевъ, угрозъ и строгостей... Современная педагогика пришла къ убѣжденію, что всѣ такія мѣры строгости болѣе притупляютъ, нежели развиваютъ способности... Нужи

стараться развивать въ ребенкѣ благородное самолюбіе, любовь къ честному труду, объяснить ему пользу образованія, стараться заинтересовать его наукой такъ, чтобы онъ брался за книгу съ радостію, и любовью... Я всегда самъ такъ думалъ и недавно эти мысли выразилъ одинъ знаменитый ученый: я тебѣ дамъ прочесть его статью...

— Для назиданія моего и руководства считаю даже себя въ необходимости просить о прочтеніи этой знаменитой книги и въ пріятность себѣ поставлю...

— Я самъ теперь пишу статью о воспитаніи; ты будешь ее переписывать и увидишь какъ мы сходимся въ идеяхъ съ этимъ знаменитымъ ученымъ; я даже полагаю, что онъ воспользовался моими мыслями, потому что бывши въ Петербургѣ, я со многими говорилъ объ этомъ предметѣ и даже въ одномъ домѣ спорилъ съ этимъ ученымъ о воспитаніи и доказалъ ему ошибочность нѣкоторыхъ его убѣжденій.

Аристархъ подобострастно улыбнулся, съ умиленіемъ взглянулъ на барина, сдѣлавъ два шага впередъ, потомъ назадъ, и положилъ:

— Ваша ученость и понятія извѣстны, можно сказать, всему свѣту... и теперьча если взять всѣхъ здѣшнихъ помѣщиковъ, нѣтъ никто не можетъ превзойти... Такъ какъ я, по своей должности, имѣю вниманіе къ переписыванію вашихъ сочиненій, и даже писемъ и бумагъ, то могу судить... И всегда въ большое назиданіе и чувствительность прихожу... И я это очень могу вонять, что всякій ученый можетъ большія понятія для своихъ мыслей получить себѣ въ вашихъ разговорахъ и изложеніяхъ...

Палѣновъ былъ очень доволенъ и ухмылялся.

— Ну, а по какой методѣ ты думаешь учить? спросилъ онъ.

Аристархъ нѣсколько замаялся.

— Метода... конечно... Я долженъ слѣдовать... по самой лучшей методѣ... чтобы метода была самая лучшая... Насчетъ его понятій... чтобы онъ понималъ...

— Ты держись моей методы: не учи какъ учили встарину: азъ, буки, вѣди, а учи: а, бе, ве, ге и т. д... И сначала объясни ему гласныя буквы, а потомъ согласныя... и растолкуй, что согласныя безъ гласныхъ выговаривать нельзя... Тогда онъ скоро пойметъ... Возьми на примѣръ какое нибудь слово... Ну хоть на примѣръ: кулакъ... И растолкуй ему: вотъ эта гласная, а вотъ эта согласная, (о безгласныхъ говори послѣ)... заставь

его произнести сначала вмѣстѣ съ гласными, а потомъ пусть попробуетъ тоже слово сказать безъ гласныхъ... Онъ тогда тогда часть пойметъ... и увидитъ какую роль въ этомъ словѣ играютъ гласныя и какую согласныя, и какъ образуется это слово: кулакъ... Когда ты растолкуешь ему посредствомъ такихъ примѣровъ различіе буквъ, тогда пусть онъ учится изображать каждую букву на бумагѣ. Такимъ образомъ онъ будетъ въ одно тоже время учиться у тебя и читать и писать... Понялъ?

— Могу всѣ эти примѣры ему преподавать, и о всякомъ предметѣ назиданіе сдѣлать... только бы была у него своя собственная желательность къ принятію правилъ моего обученія... Да я могу преподавать насчетъ поведенія и благородныхъ манеръ, какъ содержать себя благородному человѣку на своей дистанціи и въ пріятности общественной...

— Ужь не оставьте Старей Николаевичъ, коли батюшка Николай Андреевичъ позволяютъ... Обучите его... мальчишку, хотя бы какъ-то нибудь мараковалъ грамотѣ. А это вы, батюшка Николай Андреичъ, отмѣните, чтобы мальчишку не сѣчь... Какъ можно, выучишь ли ребенка безъ острастки, только избалуется, совсѣмъ страхъ потеряетъ... Какъ таки ни трясоволоски, и пинка не дать мальчишкѣ... Да онъ отобьется совсѣмъ... Я бы не совѣтовалъ...

Палѣновъ разсердился.

— Послушай, Осташковъ; если я приказываю что нибудь если я говорю, что это мои убѣжденія, неужели я хуже твоего понимаю, что дѣлаю?.. И можешь ли тутъ разсуждать?.. И что ты можешь разсуждать... Я бы не совѣтовалъ... Ну. что ты можешь совѣтовать? и кому же?.. мнѣ... Тебѣ дураку, хотятъ сдѣлать добро, заботятся, разсуждаютъ о твоёмъ же снѣ... Ты долженъ только молчать, слушать, да благодарить... Ахъ кака свинья... неучъ... Онъ мнѣ хочетъ совѣтовать... Дуракъ!..

Никеша оробѣлъ. Аристархъ поправлялъ виски.

— Извините, батюшка, благодѣтель... говорилъ робко и тихо Осташковъ... Я только такъ-съ... Не съ тѣмъ-съ... Не къ тому...

— Ну, а къ чему же?.. къ чему?.. Ну говори къ чему.

— Могу ли я говорить противъ васъ, благодѣтель... Извините милостиво...

— А говорить... Сужденія свои подаетъ...

— Простите, батюшка, Николай Андреевичъ... По глупости!.. поговорилъ Никеша и поцѣловалъ Палѣнова въ плечо.

Палѣновъ стихъ.

— То-то по глупости... И надо бы молчать, коли самъ сознаешь, что глупъ... И не только ты, такъ никто изъ здѣшнихъ помѣщиковъ, которые осмѣливаются считать себя образованными людьми, не въ силахъ возвыситься до тѣхъ современныхъ взглядовъ и убѣжденій, которые я раздѣляю съ передовыми людьми вѣка... Всѣ вы живете подъ вліяніемъ патріархальныхъ взглядовъ, всѣ вы окованы въ своихъ предрасудкахъ... Надо большое умственное развитіе, чтобы идти въ уровень съ вѣкомъ и не отставать отъ него. Для этого нужно такъ много читать и размышлять, какъ я, а кто здѣсь читаетъ и размышляетъ?... Въ всѣхъ ограниченность, тупость, рутинный взглядъ на вещи... Аристархъ справедливо говоритъ, что здѣсь нѣтъ ни одного поэта, который могъ бы спорить со мной...

— Какъ это можно... это всякій можетъ сейчасъ видѣть... подхватилъ Аристрахъ.

— Ну, а ты еще вздумалъ мнѣ совѣтовать, подавать свои мнѣнія... Мг... глупецъ!.. Ну, ну, Богъ проститъ... Такъ прихватилъ Аристархъ за этого мальчика: учи его такъ, какъ я тебя говорилъ, и не прибѣгай ни къ какимъ тѣлеснымъ наказаніямъ... А вѣсто этого, заведи тетрадь, въ которой каждый день дѣлай подробную отмѣтку о твоихъ занятіяхъ, объ успѣхахъ и заведеніи ученика, и съ этой отмѣткой приводи его ко мнѣ... Если онъ будетъ учиться и вести себя хорошо, я буду его поощрять, въ противномъ случаѣ—сдѣлаю ему приличное наставленіе... Слышишь мальчикъ... какъ тебя зовутъ?..

— Николаемъ... поспѣшилъ отвѣтить Осташковъ.

— Зачѣмъ ты мѣшаешь ему говорить... Пусть онъ самъ мнѣ отвѣчаетъ... Какъ тебя зовутъ?..

— Николай...

— А по отчеству?..

Мальчикъ молчалъ.

— Фу, ты, Боже мой, какое невѣжество...

— Какъ зовутъ твоего отца?

— Никаноръ Лисандрычъ...

— Александрычъ, а не Лисандрычъ... Ну, такъ какъ же ты будешь по отчеству...

— Не подказывай, закричалъ, онъ Осташкову, который весь

былъ напряженіе и хотѣлъ бы вскочить въ ротъ сыну. Ну, подум же... Отца зовутъ Никаноръ, какъ же ты будешь по отчеству Николинъка молчалъ.

— Ну, говори же... Да говори же, болванъ этакой...

Мальчикъ никакъ не могъ понять о чемъ его спрашиваютъ, и вовсе не могъ ни о чемъ думать: испугался и задрожалъ, когда закричалъ на него Палёновъ.

— Да онъ глупъ, онъ идиотъ!... Поди сюда ближе... Слуша какъ зовутъ твоего дѣдушку?

— Дѣдушка Лисандра. . отвѣчалъ мальчикъ дрожащимъ голосомъ.

— Чортъ знаетъ что такое! Говорятъ тебѣ не Лисандръ, Александръ. Ну, какъ зовутъ отца?

— Никаноръ Лисандрычъ...

— Не смѣй говорить: Лисандрычъ, говори Александрычъ.. закричалъ Палёновъ, и затопалъ ногами.

У Николинъки покраснѣли глаза и навернулись слезы.

— Ну, говори сейчасъ: А-ле-ксандрычъ.

У мальчика со страха стѣснило горло и онъ не могъ вымолвить ни слова.

— О, да онъ еще и упрямый... Говори сейчасъ, а то исколочу мерзавца... Говори...

Николинъка замигалъ и захлипалъ...

— Ахъ ты щенокъ этакой... Каковъ упрямецъ, каковъ?.. Говори сейчасъ:.. Сейчасъ говори... мерзавецъ... кричалъ Палёновъ, крѣпко сжимая плечо юнаго Осташкова. Мальчика въ это время обуялъ такой страхъ, что онъ уже думалъ только о томъ какъ бы убѣжать и началъ порываться изъ рукъ Палёнова.

— А такъ ты вотъ каковъ... Такъ на-жъ тебѣ, на-жъ тебѣ.. Ахъ ты, мерзость этакая... Палёновъ отъ всего доброжелательнаго сердца далъ нѣсколько затрещинъ бѣдному мальчугану. Тотъ заревѣлъ на весь домъ.

— Молчать, щенокъ!

— Батюшка, Николай Андреичъ прибавьте ему, шельмцу, прибавьте еще хорошенько... говорилъ Осташковъ...

— Молчи ты, дуракъ, осель! закричалъ на Осташкова Палёновъ.

Николинъка вопилъ что было мочи. Въ дверяхъ кабинета показалось недовольное и изумленное лицо супруги Палёнова.

— Что это за визгъ?... спрашивала она крѣпкимъ голосомъ.

— Тащите его вонь, мерзавца... Вытащите его... Выпорите изъ хорошенько... кричалъ вышедшій изъ себя Палёновъ.

Осташковъ и Аристрахъ спѣшили исполнить его приказанія и Шолинъка еще громче закричалъ отъ ихъ толчковъ и пинковъ.

— Что это ты за комеражи дѣлаешь... Какъ тебѣ не стыдно... говорила супруга, когда двери въ кабинетъ затворились.

— Отстань, матушка... Убирайся къ чорту... Я жизни не рать, что связался... Вездѣ непріятности.—Тупость, глупость, цютизмъ... Чортъ^о знаетъ что такое...

— Ты, наконецъ, не помнишь, не чувствуешь, что говоришь съ женой, а не съ лакеемъ.

— Ахъ, отстань, говорягъ,... Уйди... Я огорченъ, взбѣшонъ... Миѣ на каждомъ шагѣ судьба ставитъ препятствія... Я—несчастный человекъ!...

— Я не знаю твоихъ несчастій... Но ты ужасъ что дѣлаешь изъ нашего дома...

— Да, что же, наконецъ, я не хозяинъ, что ли въ своемъ домѣ?... Я не могу дѣлать, что хочу?... Ты хочешь меня уничтожить, сдѣлать нулемъ.

— Ты можешь быть чѣмъ тебѣ угодно, но не дѣлай изъ нашего дома Богъ знаетъ чего... и не смѣй оскорблять жены... Я не раба твоя, не подданная, не холопка... Такъ обращаются съ женой только солдаты и мужики... Ты мужикъ... солдатъ...

— Дьяволъ ты этакой... змѣя!... Вонъ или я тебя!...

— Что ты?...

Впрочемъ супруга Палёнова, по опыту знала, что могло слѣдовать за такимъ вопросомъ, и потому при первомъ движеніи мужа быстро вскочила, взвизгнула и скрылась за дверью. Она предвидѣла конецъ этой сцены, но не могла отказать себѣ въ удовольствіи подразнить мужа. Выйдя изъ кабинета, она заплакала и легла въ постель,—съ ней начались истерическіе припадки; нужно было послать въ городъ за докторомъ, весьма опытнымъ, хотя и молодымъ еще человекомъ... Такія исторіи въ домѣ Палёнова происходили не рѣдко.

По этому случаю въ дворнѣ только слегка замѣтили: сегодня нашъ-то Пугачевъ на барыню наскочилъ... Да она свое взяла: на постель, да и за лекаремъ!... Оказія!...

VI.

Осташковъ съ Аристархомъ вразумили и успокоили Николаишь вовсе не по тѣмъ началамъ, которыя проповѣдывалъ Палёновъ теоріи, согласно съ ученіемъ извѣстнаго ученаго, но старали руководствоваться тѣми приѣмами, которые имъ указалъ тотъ же Палёновъ въ практическомъ приложеніи своей теоріи. Вразумивъ и успокоивши такимъ образомъ сына, Осташковъ не зналъ, что ему дѣлать: къ Палёнову идти не смѣлъ, и грустный сидѣлъ въ конторѣ у Аристарха, ожидая, когда Николай Андреичъ вспомнитъ его и позоветъ къ себѣ. Аристархъ витійствовалъ передъ мальчикомъ и дѣлалъ ему различныя наставленія о томъ, какъ надо прилежно учиться, какъ должно слушаться и повиноваться учителю, почитать старшихъ и проч. однимъ словомъ обо всемъ томъ, что онъ почерпнулъ изъ прописей при частомъ переписываніи ихъ.

— Да, вы этого ему въ голову не давайте забирать, Старикъ Николаичъ, что его ни сѣчь, ни бить не будутъ... Нѣтъ, битьюшка, сѣките и бейте его, канальца, коли будетъ того стоить. Миѣ это ничего, я за этимъ не стою... хоть и дворянская кровь да ничего... Это заживетъ, а лучше баловать не будетъ... Что выдумалъ?... Николай Андреичъ имъ занимаются, спрашиваютъ, а онъ не отвѣчаетъ... Какъ за это не выпоротъ... Э вотъ только послушалъ, что сѣчь не будутъ, сейчасъ и взялъ себѣ въ голову... Какъ ихъ не сѣчь?.. На что же и розги-то сдѣланы, какъ не на ихъ братью? Всѣхъ насъ сѣкли... Не понимаетъ того, что Николай Андреичъ, это только такъ, съ опытами говорятъ: посмотрѣть, что будетъ... А онъ на-ка, не слушается... Я тебѣ дамъ... Да я попрошу Старца Николаича, чтобъ онъ тебя походя билъ да поролъ... Что теперь надѣлалъ?.. Теперь и подойти-то къ Николаю Андреичу нельзя...

— Нѣтъ ничего... его сердце не пространное: онъ удовольствіемъ своимъ чувствамъ для себя сдѣлаетъ, а потомъ опять ничего: впадаетъ въ простоту... возражалъ Аристархъ.

— Ахъ, Николка, Николка, зарѣзалъ ты меня... Чтобы тебѣ отвѣтить-то... Что не отвѣчалъ, пострѣлъ этакой?... Отчего не отвѣчалъ?.. говори...

— Боялся...

— Чего ты боялся?...

— Что прибьетъ...

— Отвѣчалъ бы, такъ не прибилъ бы... А на что же заревѣлъ-то? а? на что заревѣлъ?... Вѣдь, онъ, чай, тебя еще не билъ тогда... а? На что заревѣлъ?... Ну, говори... Что сталъ?.. Говори, отвѣчай...

— Не знаю...

— Пороть тебя надо, мошенника этакого... Вотъ и будешь плакать, не станешь реветъ зря... Баушки тебя избаловали... Пори его, батюшка, Старей Николаичъ... Не жалѣючи бей и пори... отъ всего сердца прошу... Чтобы онъ зналъ, мошенникъ, какъ надобно съ благодѣтелями своими говорить да угождать, а не то, что упрямство дѣлать... И что выдумалъ, разбойникъ...

— Зачѣмъ же вы этакія слова неудобныя говорите... чрезъ это онъ впадаетъ въ грубость и невѣжество, а его надобно пречучать ко всякой деликатной обходительности, такъ какъ вы ютя и въ бѣдности, но должны свою политику соблюдать...

— Да, вѣдь, досадно, батюшка, Старей Николаичъ: ну-ка онъ, что надѣлалъ...

— Однако же можно дитяти другіе резоны и наставленія представлять со всею обходительностію: вотъ какъ я при васъ же излагалъ...

— Вы, батюшка, Старей Николаичъ, ученые, а я темный чело-вѣкъ: гдѣ мнѣ этакого ума взять, какъ у васъ...

Старей Николаичъ былъ очень доволенъ этимъ комплимен-томъ, и поправилъ виски.

— Мы его обучимъ и всякое обхожденіе покажемъ... только, чтобы чувства ваши были на счетъ благодарности... А то, вѣдь, вромъ стараться и себя убивать не приходится.

— Не оставьте, Старей Николаичъ: на васъ моя крѣпкая надежда, а ужъ я васъ не оставлю, поблагодарю, чѣмъ сила моя возьметъ... Только пойметъ ли онъ что: времени-то больно мало...

— А мы будемъ стараться вразумленіе ему дѣлать къ назиданію его понятій, чтобы онъ больше къ наукѣ себя употреб-лялъ, а не къ шалостямъ...

— Не оставьте, Старей Николаичъ...

— А вы мнѣ теперь рубль серебромъ дайте, такъ сказать для ободренія моего къ трудамъ...

— Какъ, теперь, Старей Николаичъ?... За что же?..

— Я вамъ говорю: для ободренія моего къ трудамъ... Да вы изъ чувствительности своей, чтобы я больше старался, должны

принести мнѣ благодарность... А безъ этого какое же мог имѣть стараніе?

— Да вѣдь, какъ же, Старей Николаичъ: это господскій приказъ... Конечно я послѣ, какъ увижу, ваше стараніе... съ моимъ полнымъ удовольствіемъ: мнѣ ничего не жаль, свое родно дѣтище, не чужое...

— Что же мнѣ господскій приказъ?... А можетъ, онъ умышленности не имѣетъ, чтобы понимать... Вотъ я и сказал барину, что напрасно изволите держать, и никакой надежды в немъ на-счетъ ученія полагать нельзя... Вотъ и весь приказъ.. Вы это должны принять себѣ въ чувствіе. :

— Да какъ же такъ, Старей Николаичъ ужъ это будетъ обидно: хоть бы трехъ-гривенничекъ, али полтинничекъ прислалъ, а то цѣлковый... У меня и денегъ-то такихъ нѣтъ...

— Какъ у васъ не быть: вы въ своемъ званіи и отъ богатыхъ господъ не оставлены... Вамъ стыдно это и говорить... Я дворовый человѣкъ, да имѣю при себѣ всегда для своего продовольствія, на счетъ табаку и прочихъ развлеченій, рубль и два серебромъ.

— Вотъ вы какъ, Старей Николаевичъ!... А вѣрите ли Богу у меня вотъ семья на рукахъ, а иной разъ гривенника во всемъ домѣ не найдешь...

— Ну, что вы напрасно изъясняете... Теперь отъ одной господской добродѣтели вы сколько можете получить...

— Батюшка, Старей Николаичъ, вѣдь, семья. Конечно я благодарителями своими доволенъ, кабы не они, такъ я бы давно живъ не былъ... Да, вѣдь, семья, Старей Николаевичъ... Мало ли всего надобно...

— Однако же вы можете вести свою экономію... А я дворовый человѣкъ... Гдѣ мнѣ взять?... Какъ хотите, а рублемъ серебра вы мнѣ должны способствовать... А то и мальчику никакой учености преподавать не буду и вы удовольствія не получите.

— Какъ же, Старей Николаевичъ... Будетъ полтинника... Право, обидно...

— Вы меня обижаєте... Что же значить все мое ученье, если останусь доволенъ какимъ нибудь полтинникомъ... Я долженъ себя чувствовать... И я чувствую...

Въ это время Осташкова позвали къ Палѣнову. Никеша хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, и ускользнуть отъ свое-

вѣстнаго, хотя и вѣжливаго конторщика, но тотъ остановилъ го.

— Что же вы не желаете образованности вашему сыну...

— Николай Андреичъ зоветъ, Старей Николаичъ...

— Баринъ безъ меня ничего не можетъ сдѣлать... Давайте гдѣ-нибудь, а то я откажусь отъ всякаго старанія по неспособности вашего сына къ понятіямъ.

— Да вотъ погодите, Старей Николаичъ, я вотъ только къ Николаю Андреичу схожу... Я сейчасъ...

Старей Николаичъ разсердился.

— Ну, такъ подижь, попробуй... сказалъ онъ съ негодованіемъ... Посмотрю я, не повезешь ли назадъ своего...

— Да вы не обижайтесь, Старей Николаичъ. Я не то что-бы... Я, вѣдь, не отказываюсь... Съ моимъ удовольствіемъ...

— Поди, поди... Проси барина...

— Да, что жь мнѣ... Я на васъ надѣюсь... Вотъ получите узъ... Такъ и быть... Изъ послѣднихъ.

Осташковъ съ огорченіемъ подалъ деньги: онъ зналъ по опыту, какъ много значить дружба и вражда съ дворовыми людьми того господина, отъ котораго онъ надѣялся что нибудь получить — и не смѣлъ не исполнить требованія конторщика.

— Стыдитесь вы это говорить... возразилъ Аристархъ, принявъ рубль серебромъ. Неужели вамъ жалко такой ничтожной суммы для образовательности вашего сына...

— Эхъ, Старей Николаичъ, бѣдность моя...

— Спѣшите къ Николаю Андреичу... чтобы опять не ожесточился...

Осташковъ вздрогнулъ, засуетился и побѣжалъ къ Палёнову.

Буря въ душѣ Николая Андреича давно уже прошла и затихла, но онъ чувствовалъ какое-то недовольство собою, какое-то тоскливое расположеніе духа вслѣдствіе столкновенія съ женою. Никто не умѣлъ такъ искусно раздражить Палёнова и раздраживши оставить неудовлетвореннымъ и пристыженнымъ, какъ его собственная супруга. Притомъ онъ зналъ хорошо, потому что уже не разъ испытывалъ, что обыкновенно слѣдовало за подобными столкновениями: непрерывныя въ продолженіе цѣлой недѣли истерики, съ необходимымъ присутствіемъ доктора, которому платились за леченіе огромныя деньги, что и само по себѣ было не малую казню для скупаго Палёнова; за тѣмъ упреки, слезы и оскорбительныя замѣчанія жены при каждой встрѣчѣ съ

мужемъ, или молчаніе въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, или скоропостижный отъѣздъ со всѣмъ семействомъ въ городъ для леченія, что было для Николая Андреича всего хуже, потому что больше всего опустошало его карманъ. Какъ всѣ капризные, пзбалованные и раздражительные, но слабохарактерные люди, послѣ непріязненной стычки, гдѣ они проигрываютъ поле сраженія, Николай Андреичъ послѣ каждой ссоры съ женой падалъ духомъ, терялъ бодрость, становился вялъ и скученъ, жаловался на нездоровье и искалъ предлога обвинить въ чемъ нибудь свою печальную судьбу. Тогда ему становился нуженъ человѣкъ, предъ которымъ бы онъ могъ ныть и жаловаться. На этотъ разъ Осташковъ какъ будто былъ посланъ въ утѣшеніе Палёнову самую судьбой: никто не могъ быть столько терпѣливымъ и великодушнымъ слушателемъ, какъ онъ; никто, кромѣ его, не въ состояніи бы былъ съ такимъ сочувствіемъ и состраданіемъ выслушивать жалобы барина, только-что приколотившаго своего лакея, на неповиновеніе, неисправность и буйныя склонности прислуги, не цѣнящей милостей и выводящей изъ себя самое ангельское терпѣніе. Какъ только Палёновъ впалъ въ такое унылое расположеніе духа, онъ вспомнилъ объ Осташковѣ и велѣлъ позвать его къ себѣ. Нинеша нашелъ своего благодѣтеля, лежащимъ на диванѣ съ самымъ грустнымъ и болѣзненнымъ выраженіемъ лица.

— Что вы, батюшка Николай Андреичъ? спросилъ Осташковъ соболѣзнующимъ голосомъ.

— Что, братъ, Осташковъ, плохо жить на свѣтѣ добрымъ людямъ... Поди сядь сюда поближе... Нездоровится что-то...

— Что съ вами, батюшка?...

— Весь какъ будто разбитъ... и нервы разстроены. Тоска такая... Да и немудрено: тутъ бы никто не сохранилъ здоровья... Бьешься, мучишься, работаешь, какъ волъ, какъ батракъ, жертвуешь своимъ здоровьемъ, а тутъ безпрестанно непріятности... Давеча этотъ пьяница Абрамъ меня разстроилъ... что я не дѣдалъ для этого мерзавца, давно бы его надо было въ скотники прогнать, а я его держу камердинеромъ, одѣваю, кормлю, каждый день чай пьеть, анафема... а онъ вмѣсто благодарности грубитъ... А тутъ еще жена... Это ужасъ: я несчастнѣйшій человѣкъ...

— Не мой ли пострѣлбнокъ, батюшка, васъ растревожилъ? Простите, великодушно...

— Нѣтъ, Осташковъ: что твой сынъ!.. ребенокъ... Ну, по-
вѣрился, его наказали — и кончено... Нѣтъ, Осташковъ, для
насъ, такъ называемыхъ богатыхъ людей, есть огорченія поглуб-
же, которыхъ ты никогда не испытывалъ и не испытаешь...
Ты бѣднякъ, но ты полный хозяинъ, полный господинъ въ
своемъ домѣ, никто тебѣ не смѣетъ ни въ чемъ противорѣчить,
жена смотритъ въ глаза и поступаетъ во всемъ согласно съ тво-
ей волей... Столкновеній съ людьми, съ этими неблагодарными,
вѣчно недовольными тварями, у тебя нѣтъ... Живешь ты скром-
но, тихо, какъ хочешь, какъ позволяютъ тебѣ твои средства,
никому до тебя дѣла нѣтъ, никто тебя не осудитъ... А я... Я
вѣчный мученикъ, вѣчный рабъ приличій, общественныхъ усло-
вий... Я не могу жить такъ, какъ хочу, какъ того требуетъ мое
сердце, мои убѣжденія, мой взглядъ на вещи... Я не принадле-
жу себѣ, я весь принадлежу людямъ... Тружусь, работаю, до-
бываю... а для кого?.. развѣ для себя?.. Нѣтъ, я знаю, я на-
передъ увѣренъ, что все, что я скопилъ—пойдетъ прахомъ... Про
меня говорятъ, что у меня полторы тысячи душъ, что я богатъ,
но если бы кто зналъ чего мнѣ стоитъ это богатство... Какихъ
усилій, какихъ трудовъ, какого кроваваго пота стоитъ мнѣ каж-
дый рубль, который я получаю!.. И знаютъ ли, повѣрятъ ли,
что я едва свожу концы съ концами?.. что я долженъ дрожать
и разчитывать надъ каждой копѣйкою?.. Нѣтъ, этому никто не
повѣритъ... И что особенно ужасно: этому не повѣрятъ даже
внутри собственной моей семьи, не повѣритъ жена... Это ужас-
ная, невыносимая мысль... Нѣтъ, Осташковъ, ты счастливецъ,
въ сравненіи со мной!.. Ты этого не понимаешь...

— Очень понимаю, батюшка, Николай Андрейчъ... Какъ мож-
но непонимать... Только одни развѣ безчувственные люди не
чувствуютъ вашихъ благодѣяній... А я очень чувствую... Вотъ
какъ передъ Богомъ... Осташковъ прослезился отъ искренняго
сердца и поцѣловалъ Палёнова въ плечо.

— Спасибо тебѣ, Осташковъ... Я знаю—ты добрый, благород-
ный человекъ... Но только ты все-таки меня не понимаешь...

— Нѣтъ, Николай Андрейчъ, понимаю, всё ваши слова пони-
маю и къ сердцу беру... Все чувствую, Николай Андрейчъ, толь-
ко выговорить не могу, потому что не учень...

— Да ты, можетъ быть, чувствуешь ко мнѣ сожалѣніе, по-
тому-что ты добрый человекъ и видишь, что я страдаю... но
понять меня ты все-таки не можешь, и именно потому, что не

развить, не образованъ... Нѣтъ, Осташковъ, надобно, надобно, учиться...

— Да я ужъ такъ надумалъ, батюшка Николай Андреичъ, чтобы просить вашего неоставленія... Ужъ хочу попробовать, можетъ, хоть немножко и пойму... Ужъ какъ нибудь, батюшка Николай Андреичъ хоть маненичко-то оболваньте...

— Оболваньте!.. Ахъ, ты смѣшной, Осташковъ... сказалъ Палёновъ съ улыбкою...

— Да право!.. Хотъ бы крошечку-то... на человѣка былъ похожъ... сказалъ Осташковъ въ восторгѣ отъ удовольствія, что разсѣялъ тучи на мрачномъ челѣ своего благодѣтеля.

— Я думалъ о тебѣ и говорилъ съ однимъ господиномъ Карѣвскимъ... Ты его не знаешь?..

— Видать—видалъ... а знакомства у насъ этакаго нѣтъ, чтобы тамъ милости его были ко мнѣ... и въ дому у нихъ еще не бывалъ...

— Онъ человѣкъ умный и образованный... Я долженъ это сказать, хотъ мы и споримъ съ нимъ постоянно. Правда, есть у него этакія стремленія... бранить все... говорить иногда о такихъ вещахъ, о которыхъ ему, по молодости лѣтъ, еще и разсуждать бы не слѣдовало... Ну, да это—результатъ современнаго направленія и бредней университетскихъ профессоровъ.— Впрочемъ что я говорю съ тобою объ этомъ... Ты этого не поймешь... Такъ вотъ я его просилъ о тебѣ: онъ тамъ у себя въ деревнѣ учитъ грамотѣ своихъ мальчишекъ и даже дѣвокъ крестьянскихъ... И вообще онъ большой ревнитель просвѣщенія... Онъ съ радостію берется учить тебя... Такъ вотъ поѣзжай къ нему—я тебѣ дамъ письмо. Сегодня ночуй у меня и завтра же утромъ отправляйся къ нему...

— Очень хорошо-съ, батюшка Николай Андреичъ... Только что, если онъ меня теперь будетъ у себя останавливать: мнѣ, вѣдь, въ теперешнее время несподручно у нихъ остаться... Тоже работашка въ полѣ... Вотъ жнитво идетъ, а у меня и то съ этими разѣздами да хлопотами вся работа стала: однѣ-то бабы не успѣваютъ поправляться... А вотъ я бы убрался, да ужъ тогда...

— Ну, это какъ ужъ онъ тамъ тебѣ скажетъ, онъ на зиму въ Москву и Петербургъ собирается...

— Такъ развѣ можетъ работничка не пожалуютъ ли...

— Ну, ты обо всемъ этомъ переговори съ нимъ... Вотъ я те-

я сейчас напишу письмо къ нему... Онъ живетъ тутъ и^е далеко отъ меня: всего верстъ пятнадцать.

— А ужъ вы, батюшка, Николай Андренчъ, будьте отецъ и благодѣтель: малолѣтка моего неоставьте.

— Ну что же ужъ тутъ говорить объ одномъ и томъ же десятъ разъ... отвѣчалъ Палѣновъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ... Вѣдь, ужъ тебѣ сказано разъ... Мальчикъ отданъ на руки. . чегожь тебѣ еще?..

— Слушаю, слушаю, батюшка... Я такъ только. Покорнѣйше васъ благодарю за всѣ ваши милости... Мы не стоимъ того, какъ вы объ насъ радѣете...

Палѣновъ принялся сочинять письмо. Писаніе писемъ было страстью Палѣнова. Въ жизнь свою онъ никогда ни о чемъ, ни о какомъ ничтожномъ обстоятельстве не могъ написать коротенькой записочки, о чемъ бы онъ ни писалъ у него выходили длинныя, плодовиыя посланія. Этою способностію Николай Андреевичъ очень дорожилъ и любилъ ее въ себѣ. Писаніе писемъ — этотъ тяжелый и скучный трудъ для иныхъ, доставляло Палѣнову особенное наслажденіе, и потому корреспонденція его была огромная, велась имъ тщательно и аккуратно. Каждое посланіе записывалось имъ въ особенную заведенную для того исходящую и занумеровывалось... Николай Андреевичъ иногда съ внутреннимъ самодовољствіемъ, иногда съ притворной жалобой, рассказывалъ сколько нумеровъ выходитъ у него въ годъ, и въ счастливый часъ эта цифра возрастала на языкѣ его до такихъ громаднхъ размѣровъ, что ей позавидовала бы иная самая дѣятельная канцелярія.

Въ весьма короткое время Палѣновъ испестрилъ цѣлый листъ почтовой бумаги, адресованный Карѣву. Коснувшись пользы образованія вообще, онъ нарисовалъ грустную картину человѣка неграмотнаго, отчужденнаго чрезъ незнаніе грамоты отъ всѣхъ интересовъ мыслящаго міра, осужденнаго, по его словамъ, коснуться въ сферѣ привычекъ и убѣжденій, давно отжившихъ свой вѣкъ, давно ненужныхъ человѣчеству, лишеннаго возможности воспринимать новые взгляды и слѣдить за вѣкомъ и пр. въ этомъ родѣ. Потомъ замѣтилъ, что положеніе неграмотнаго человѣка становится еще ужаснѣе, когда онъ принадлежитъ къ сословію дворянскому, сословію всегда передовому въ дѣлѣ мысли и умственнаго развитія... Вотъ я вамъ представляю, писалъ Палѣновъ, субъекта подобнаго рода. Я наблюдалъ и изучалъ его

въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Что бы могло выдти изъ него еслибы онъ въ свое время получилъ настоящее и правильно образованіе?—За тѣмъ, увлекшись мыслію о томъ чудотворномъ дѣйствіи, какое должно производить на людей образованіе, онъ нарисовалъ такую картину образованнаго Осташкова, изъ которой слѣдовало заключить, что Никеша одаренъ отъ природы гениальными способностями, остановленными въ своемъ развитіи мракомъ невѣжества, въ которомъ онъ прозябалъ. И кто же кто этотъ несчастный, лишенный свѣта образованія! восклицалъ Палдновъ. Потомокъ самаго древнѣйшаго дворянскаго рода въ нашей губерніи, рода, который, какъ видно изъ разсмотрѣнныхъ мною документовъ, былъ въ полной уже силѣ еще въ 13-мъ столѣтіи, рода, изъ котораго исходили государственныя люди и полководцы, мужи совѣта и брани, честь и краса нашей родины! И вамъ, можетъ быть, предстоитъ поддержать жизнь этого увядающаго дерева, помочь подняться на ноги этой павшей знаменитости... Я съ своей стороны беру на свои руки юную отрасль, сына Осташкова, и намѣренъ вести его самымъ широкимъ путемъ образованія... Но я забылъ, что вы враги всѣхъ сословныхъ различій и привилегій, и знатность рода Осташкова не тронетъ васъ. Въ такомъ случаѣ дѣлайте для чело- вѣка, освѣтите мракъ его разумѣнія. По моему мнѣнію, это замѣ- чательный, необыкновенный фактъ, что чело- вѣкъ, слишкомъ въ тридцать лѣтъ отъ рода начинать чувствовать жажду знанія и рѣшается начать ученіе съ азбуки. Я не безъ гордости скажу при этомъ: ктожь этотъ чело- вѣкъ?.. дворянинъ! Въ какомъ сословіи вращался этотъ чело- вѣкъ, у котораго возникла эта жажда знанія? въ дворянскомъ!.. Помочь такому чело- вѣку, удовле- творить его жажду, просвѣтить его, мнѣ кажется, великое государственное дѣло, которымъ вы окажете незабвенную услугу отечеству и чело- вѣчеству... Этого не въ состояніи сдѣлать какой- нибудь Рыбинскій, который тратитъ свои силы на развратъ, и не помнить своихъ обязанностей, возложенныхъ на него сосло- віемъ, избравшимъ его въ свои представители. Кстати этотъ Осташковъ знаетъ въ подробности весь образъ жизни Рыбин- скаго; спросите его когда- нибудь на досугѣ... Вы ужаснетесь и возмутитесь духомъ... Вы тогда окончательно поймете, что я встаю противъ этого чело- вѣка не по какимъ-либо лич- нымъ разсчетамъ, но только во имя правды и чести нашего со- словія, сдѣлавшаго ошибку и пристыдившаго себя его избра-

вѣсть». Въ заключеніе Палёновъ дѣлалъ множество комплиментовъ самому Карѣеву и выражалъ надежду, что онъ понишетъ благородство стремленій и цѣлей его, Палёнова.

Кончивши письмо, которое очень понравилось ему самому, Николай Андреевичъ не могъ удержаться, чтобы не прочесть его вслухъ Никешѣ... Тотъ слушалъ съ возможнымъ для него напряженіемъ всей своей мыслительной способности, слушалъ, вздыхалъ и наконецъ пришелъ въ совершенное умиленіе, заморгалъ глазами и прослезился. Когда Палёновъ кончилъ чтеніе, онъ, по своему обыкновенію, приложился къ его плечу и проговорилъ:

— Дай вамъ Богъ здоровья, батюшка, и съ дѣтками вашими... Какъ стараетесь объ насъ... сколько изволили написать. И какъ это все... ахъ Господи!..

— Что хорошо, Осташковъ?.. спросилъ Палёновъ, снисходительно улыбаясь...

— И... Да, кажется... ну, цѣлый вѣкъ сиди: половины... третьей доли не придумаешь, право, не придумаешь...

— Это, мой другъ, все дѣлаетъ образованіе, ученіе...

— Ужь истинно, что ученье надо большое... Какъ это!.. Господи!.. Сколько написали... Да вѣдь, и въ одну минуту... Удивленіе!.. Осташковъ съ изумленіемъ потрясалъ головой и разводилъ руками.

— А ты, если когда Карѣевъ будетъ тебя спрашивать про Рыбинскаго, расскажи ему про его житье все подробно. Мнѣ это нужно...

Осташковъ молчалъ.

— Слышишь?..

— Слышу, батюшка, Николай Андреевичъ... только бы какъ востѣ не дошло до Павла Петровича... Пожалуй, прогнѣваются...

— Дуракъ!.. Что же ты дорожишь своимъ Павломъ Петровичемъ больше, нежели мной?.. Что онъ для тебя больше моего дѣлаетъ?.. Ты на него больше надѣешься...

Бѣдный Осташковъ оробѣлъ и совершенно растерялся: тамъ дочь, тутъ сынъ!.. мелькнуло въ его головѣ, тотъ предводитель, а этотъ... съ этимъ много не наговоришь, какъ разгнѣвается... Что дѣлать?..

— Ну, что же молчишь... Ты его сторону что ли хочешь держать?.. Онъ твой благодѣтель, а не я?.. Онъ тебя въ люди вывелъ, а не я?..

— Батюшка, Николай Андренчъ... Николай Андренчъ... Какъ мнѣ вашихъ милостей не чувствовать... Я не благодарный в кой... Я, кажется, денно и ношно молюсь за васъ... И дѣтя то наказываю... Да и не замолить мнѣ никогда... Могу ли васъ къ кому прировнять?..

— Ну, такъ чтожь тебѣ Павелъ Петровичъ?..

— Только что какъ я при своей бѣдности... А они предводители... Все могутъ со мной сдѣлать.

— Ничего онъ не можетъ съ тобой сдѣлать. Ты такой дворянинъ, какъ и всѣ... Что онъ можетъ тебѣ сдѣлать?.. И дѣйся на меня... Я въ обиду не дамъ... Еще увидимъ... кто кого. Еще Богъ вѣсть на долго ли онъ и предводителемъ—то останется... Коли на то пойдетъ, я и министру напишу... Меня министръ лично знаетъ... Еще потягаемся... Что, онъ хорошъ человекъ, по твоему?.. Хорошій?..

— Я этого не могу знать, Николай Андренчъ...

— Какъ не можешь знать?.. Развѣ ты не гащивалъ у него по цѣлой недѣли, развѣ ты не видалъ, какъ онъ живетъ... Развѣ такъ живутъ люди съ хорошей нравственностію... Пьянство, карты, развратъ... Развѣ это хорошо, по твоему?.. Ну, говори, хорошо?..

— Что ужъ тутъ хорошаго, Николай Андренчъ...

— Такъ чтожь ты юлишь... Что же ты говоришь, что знаешь?.. Вотъ благодарность!.. Всѣ мнѣ измѣняютъ, всѣ... И отъ кого цѣтъ благодарности... Николай Андренчъ вспыхнулъ вскопчилъ съ кресель.

— Пошелъ же ты къ чорту и съ своимъ мальчишкой... Что бы твоя нога въ моемъ домѣ не была, коли ты такъ помнишь и цѣнишь мое благодѣяніе...

Палѣновъ бросился на диванъ.

— Иамѣна, кругомъ измѣна!.. Ни въ комъ человѣческой души, ни отъ кого привязанности, благодарности... Это адъ, а въ жизнь... Это вѣчное мученье прежде времени... Для него Рыбинскій дорожке меня!.. Пошелъ вонъ... съ глазъ моихъ долой!..

Осташковъ блѣдный, переминался на одномъ мѣстѣ...

— Батюшка, Николай Андренчъ... Да могу ли я... Простить моей глупости... Да я для васъ что угодно... Что прикажете то и буду дѣлать... лепетаю онъ со страхомъ и тоскою.

Палѣновъ лежалъ на диванѣ и стоналъ...

— Не гнѣвайтесь, батюшка, Николай Андренчъ... Я только и

шу... такъ по своей глупости. А я по концѣ жизни долженъ чувствовать ваши милости... Я что угодно для васъ, только не плачьтесь...

— Ну, такъ ты выбрось изъ головы своего Рыбинскаго... Не смѣй воянать о немъ при мнѣ... Онъ для тебя ничего не сдѣлалъ, и никогда не сдѣластъ... Я твой единственный благодѣтель... Ты мнѣ всѣмъ обязанъ... Я тебя вытаскилъ въ люди и сдѣлалъ человѣкомъ... Кто бы здѣсь, кромѣ меня, принять въ тебѣ участіе?... Я съ тобой возился, говорилъ, рекомендовалъ тебѣ, какъ роднаго сына... А для тебя вдругъ какой нибудь Рыбинскій сталъ дороже меня... Стыдись... Безсовѣстный...

— Нѣтъ, батюшка... ни къ кому я васъ не приравняю... Вы мой истинный благодѣтель... Я это чувствую... А только глупость моя одна говоритъ...

— Ну, такъ исполняй же всѣ мои приказанія. А глупостей не говори... Я тебя ни низости, ни подлости никакой не научу... Я не такой человѣкъ... Я требую только, чтобъ ты говорилъ правду.

— Извольте, батюшка... со всѣмъ усердіемъ готовъ служить вамъ за всѣ ваши милости... Только не оставьте...

Мало по малу Палёновъ успокоился и миръ возстановился. Осташковъ остался ночевать и на другой день, получивши письмо къ Карѣву и благословивши сына, отправился рекомендоваться будущему своему наставнику. Николинъ заревѣлъ было, расцѣпясь съ отцомъ, но стоило только напомнить ему, что услышитъ Николай Андреичъ, чтобы унять его слезы. Онъ остался въ полъ покровительствомъ и надзоромъ Старца Николаича.

VII.

Аркадій Степановичъ Карѣвъ былъ тотъ самый молодой человѣкъ, бѣлокурый и съ жолчнымъ выраженіемъ лица, котораго мы въ первый разъ встрѣтили на знаменитомъ именинномъ пиршествѣ Рыбинскаго. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые считаютъ себя недовольными, которые, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ убѣжденій, перешедшихъ въ кровь и плоть человѣка, безпрестанно мѣняютъ свои взгляды, идутъ то за тѣмъ, то за другимъ направлениемъ, но любятъ становится въ оппозицію и даже искусственно развиваютъ въ себѣ недовольство. Эти люди мыкаются по бѣлому свѣту, какъ угорѣлыя, хватаются то за то дѣло, то за другое, не кончая ни котораго; горячатся,

бранятся, шумятъ для того только, чтобы обратить на себя вниманіе, чтобы о нихъ говорили; страстные теоретики, безъ какой способности къ практической дѣятельности, они строя свои теоріи, не на фактахъ, а только на отрицаніи дѣйствительно существующаго; примѣняя ихъ къ дѣлу и не зная не понимая жизни, они только путаются и врутъ Карѣевоспитывался въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеніи но былъ исключенъ изъ него прежде окончанія курса за дерзости и оскорбленія, нанесенныя одному профессору и начальнику заведенія. Выйдя изъ заведенія, онъ вздумалъ было поступить въ гражданскую службу, но не прослужилъ и полгода, надоѣлъ и своему столоначальнику и секретарю и другимъ членамъ того присутственнаго мѣста, въ которое поступилъ, такъ что его убѣдительно просили удалиться. Затѣмъ Аркадій Степановичъ схватился было за литературу, новсѣ его статьи задркость и безтактность были съ ужасомъ возвращаемы редакторами. Наконецъ Карѣевъ задумалъ поселиться въ деревнѣ съ цѣлю преобразовать бытъ своихъ крестьянъ: научить ихъ праведному хозяйству, облагородить и образовать. Но дѣла съ своими крестьянами для него было мало: онъ хотѣлъ въ этомъ отношеніи вліять на весь свой край. Для этого онъ началъ ѣздить по помѣщикамъ, разсуждалъ о правахъ крестьянъ на уваженіе заботливость помѣщика, доказывалъ необходимость учить и грамотѣ и сельскому хозяйству. Наконецъ, чтобы подать примѣръ, онъ открылъ у себя школу, какъ для своихъ, такъ и для чужихъ крестьянъ; но чужіе никто къ нему не шли, а потому онъ долженъ былъ ограничиться своими. Приказано было всѣмъ мальчикамъ отъ 8 до 17 лѣтъ являться въ школу, гдѣ учился самъ помѣщикъ лично. Крестьяне, разумѣется, повиновались, и хотя почесывали затылки, и жаловались на новые порядки, отнимавшіе у нихъ надсмотрщиковъ въ работѣ, но дѣтей своихъ высылали на учебу. Школа была открыта, Карѣевъ принялся за обученіе съ жаромъ, съ какимъ обыкновенно принимался за всякое новое дѣло, но на бѣду, онъ выдумалъ какую-то новую, мудреную систему обученія грамотѣ, по которой ученики его черезъ мѣсяць же должны были свободно читать и писать. Это система была дѣйствительно новая и ни на что не похожая: только мальчики ничего не понимали, мѣсяць прошолъ, а они и только не выучились читать, но даже никто изъ нихъ не зналъ азбуки. Такая тупость и неспособность мальчиковъ выводила Ка

дѣла изъ терпѣнія; онъ уже готовъ былъ остановиться на мысли, что русское простонародье вовсе лишено способности къ развитію. Въ это время онъ гдѣ-то вычиталъ, что между раскольниками грамотность распространяется преимущественно чрезъ дворянъ и особенно старыхъ дѣвокъ. Онъ остановился на этой мысли; и тотчасъ отданъ былъ приказъ по вотчинѣ, чтобы всѣ дѣвки шли къ барину въ ученье. Передъ такимъ приказаніемъ мужики рѣшительно стали въ тупикъ, сходились, толковали между собою, кричали, ругались, спорили, наконецъ положили идти къ господину и просить у него милости: не отмѣнить ли дѣвокъ отъ ученья, да ужъ не порѣшить ли и совсѣмъ эту окаянную школу. Согласились, пошли. Снявши шапки столпились у крыльца господскаго дома и послали старосту вызвать барина.

Баринъ вышелъ.

— Что вамъ ребята?..

— Да мы къ вашей милости... отвѣчала вся толпа въ одинъ голосъ.

— Что же нужно?..

— Да вотъ насчетъ твоего-то приказа.

— Насчетъ какого приказа?

— А вотъ насчетъ дѣвокъ-то...

— Ну что же насчетъ дѣвокъ?.. Говорите...

— Да ужъ нельзя ли какъ отмѣнить, кормилецъ... Это ужъ не то не похоже... Какое это ужъ дѣло... Это выходитъ совсѣмъ раззоренье... слышалось изъ толпы нѣсколько голосовъ разомъ.

— Да я этакъ ничего не пойму... Говори ктонибудь одинъ за всѣхъ...

— Ну говори ты, дядя Левинъ... Говори ты... у тебя дѣвка...

— Да что мнѣ-то говорить... Я не одинъ, не у одного меня дѣвки-то... Говорите всѣ... отвѣчалъ дядя Левинъ, рыжий, широкоплечій и приземистый мужикъ съ плутоватымъ лицомъ.

— Ну что не одинъ... Знамо, не одинъ... Ужъ говори, значить... Мы за тобой... Все единственно, выходить... Говори... слышалось изъ толпы опять нѣсколько голосовъ разомъ.

— Мнѣ, коли баринъ прикажетъ, я стану говорить... А то, что мнѣ говорить-то... возражалъ дядя Левинъ...

— Ну, говори, говори хоть ты... Все равно... приказалъ Картевъ.

— Мнѣ коли вотъ господинъ позволеніе дастъ, я могу гово-

рять... А то какъ я стану говорить безъ господскаго приказа? Сами вы, ребята, посудите...

— Ну, такъ говори же... нетерпѣливо повторилъ Карѣвъ.

— Вотъ, что батюшка, Аркадія Степанычъ, доложить не в гнѣвъ твоей милости, началъ Левинъ, запуская большіе пальцы обѣихъ рукъ за кушакъ. Изволилъ твоя милость приказать на счетъ дѣвокъ, чтобы то есть дѣвокъ къ твоей милости въ учень предоставить... Такъ мѣрь, значить, вотъ всѣ наши ребята, те перича пришли просить твоей милости, нельзя ли какъ это дѣло оставить... Значить, отмѣну сдѣлать...

— Да, ужь отмѣни, кормилецъ, подхватилъ сѣдой старикъ изъ толпы.

— Да за чѣмъ же отмѣнить?..

— Нѣтъ ужь отмѣни, кормилецъ, продолжалъ тотъ-же старикъ. Какое ужь это дѣло: дѣвокъ учить... Это дѣло несхоже.

— Какое ужь это дѣло... Что дѣвка... Что ужь это: дѣвокъ учить... Нѣтъ ужь отмѣни, Аркадія Степанычъ... заголосилъ толпа...

— Ну опять всѣ закричали... Молчите вы. Говори ты одинъ.. какъ тебя, Панфилъ, что ли?..

— Левка, Аркадія Степанычъ...

— Какой Левка... Что за Левка!.. Я этого терпѣть не могу.. Какъ твое настоящее имя?.. Левъ, что ли?..

— Да оно точно что Левонтій .. Левинъ, батюшка, Аркадія Степанычъ...

— Ну, такъ, такъ и называй себя... Къ чему это униженіе?.. Левка... Этого никогда не смѣй дѣлать... Вы знаете, что я уважаю ваше человѣческое достоинство... А ты самъ себя унижаешь! Левка... Что за Левка...

— Да это намъ ничего, батюшка... Мы передъ твоей господской милостью, за всегда должны трепеть имѣть...

— И это совсѣмъ лишнее... Всякій человѣкъ долженъ уважать себя, уважать свое человѣческое достоинство... Съ какой стати ты хочешь унижать себя передо мною. Я такой же человѣкъ, какъ и ты...

— Какъ это можно, Аркадія Степанычъ... Можно ли это примѣнить твою милость ко мнѣ, сѣрому мужику...

— Ну, да объ этомъ мы послѣ потолкуемъ... Слушайте, ребята, что я буду сиранивать и говорить... А ты отвѣчай мнѣ за всѣхъ. Вы просите, чтобы я не училъ вашихъ дѣвокъ грамотѣ

— Да ужь отставь, кормилецъ, отиѣни... грянули мужики хопъ, съ низкимъ поклономъ.

— Ну молчите же... Отвѣчай мнѣ Леонтій, отчего вамъ не вѣтся, чтобы я училъ вашихъ дѣвокъ?..

— Да ужь та что мѣръ, Аркадія Степанычъ, полагасть, то ужь это будетъ очинно обидно... Такъ ли ребята?..

— Да ужь какъ не обидно... Ужь очинно обидно.. Совсѣмъ раззоренье.. подхватили мужики.

— Да чѣмъ же обидно?.. И какая тутъ обида? Вѣдь, я это дѣлю для вашей же пользы.—Когда ваши дочери выучатся грамотѣ, онѣ незамѣтно обучать своихъ братьевъ, выучать своихъ дѣтей, когда сами выйдутъ за мужъ. Конечно, положимъ всѣхъ глупышки, которые теперь учатся у меня, будутъ грамотны, но вѣдь, я не могу же цѣлый вѣкъ жить здѣсь: у меня есть другія обязанности. Ну, если я уѣду отсюда, кто же будетъ учить вашихъ дѣтей, вашихъ внуковъ?.. Мужикъ вопервыхъ меньше способенъ къ этому дѣлу, да у него и времени нѣтъ, онъ и дома почти не живетъ... Между тѣмъ назначеніе женщины преимущественно домашнее хозяйство и воспитаніе дѣтей. Ковчивши свою работу по дому, женщина, вмѣсто того, чтобы бѣгать на ваши глупыя посѣдки, или болтать съ сосѣдками всякій вздоръ, садится и учитъ дѣтей грамотѣ... Это, кажется, такъ просто, такъ очевидно... Неужели вы не понимаете своей личной пользы?.. Ну, что вы мнѣ на это скажете?.. Въ чемъ же тутъ обида?.. Ну растолкуй мнѣ ты, Леонтій...

— А вотъ, батюшка, въ чемъ, Аркадія Степанычъ... какъ мы то есть, по своей глупости, промежду себя, на мѣру смекали теперича, чѣмъ бы дѣвкѣ идти въ поле жать, али сѣно сгребать да сушить, али тамъ какая другая работа застигнетъ по нашему крестьянству, а она поди въ ученье, да въ книжку смотри, да тверди. А работа-то стала: вомъ мужичку-то и раззоренье... А, вѣдь мы, батюшка, Аркадія Степанычъ, работой живемъ... На то мужицкое дѣло: что поработалъ, то и живь... Какъ быть-то... Такъ ли, господа мѣрлице, я барину докладываю?..

— Такъ, такъ... Какое ужь это дѣло... Это умрешь... Какъ не умереть, парень: вся работа станеть... Раззоренье совсѣмъ... Сегодня, смотри-ка, въ полѣ-то все поспѣло... Какъ не поспѣть, парень.. Да уйдетъ, весь хлѣбъ уйдетъ... заговорила толпа.

— Погодите, погодите... Не кричите... Поймите вы это: вѣдь,

это дѣлается не навсегда, а только на одинъ, на два мѣсяца... Ну, положимъ, что вотъ это лѣто и трудненько будетъ... Ну потерпите, поналягте на работу... Стерпится-слюбится, говорить русская пословица. Потерпите ны эти мѣсяцы, за то, вѣдь вы будете счастливы на всю жизнь... Грамотность такое дѣло которое невидимо принесетъ вамъ такую пользу, какой вы не ожидали... Неужели же вы не можете потерпѣть для себя, для своей же пользы...

— Пужда-то наша не терпится, Аркадій Степанычъ, пужда-то наша не ждетъ... Тоже казенную подать надо заплатить, ваше милости оброкъ предоставить... Вѣдь, твоя милость, отъ оброка аля отъ барщины, не освободишь...

— Да, вѣдь, вы смѣшной народъ, вы не понимаете ни правни обязанностей человѣческихъ... Съ какой же стати я бы сталъ освобождать васъ отъ оброка или отъ барщины? Вѣдь, я вамъ же хочу добро сдѣлать, для васъ же тружуся... Вѣдь, еслиби вы въ состояніи были понимать свою пользу, вы же бы ми стали платить за то, что я учу вашихъ дѣтей... А, вѣдь, я дѣлаю это даромъ, понимаете—даромъ работаю для васъ... А еш вы же хотите съ меня взять за это.. Вотъ, вѣдь, вы како дикій народъ!... Вѣдь, если ты грамотный, ты скорѣе можеш за всякое дѣло взяться, и торговать начнешь, и разбогатиеш А безъ грамоты и безъ ученья, куда ты пойдешь?..

— Коли Богъ не взыщеть, такъ и съ ученьемъ не разбогатиешъ, возразилъ тотъ же сѣдой старикъ, а кого Богъ найдетъ такъ тотъ и безъ грамоты богатъ будетъ... Мужичку земли пахать указано, ну, и паши, трудись: Богъ труда любитъ.. На что нашему брату ученье... И мальчишскъ-то бы надо, баринъ, ослободить: и мальчишка у мужика не даромъ гуляетъ: вь гдѣ нибудь поможетъ да подхватить... Хоть на грошъ сработаетъ, у мужика и грошъ въ счету... Надо бы тебѣ, батюшка и мальчишскъ-то ослободить: такъ, вѣдь, они только... ничеи изъ этого ученья не будетъ... Ну, да ужъ мы такъ положили ну, потерпимъ, коли на то барская воля... Пусть свою охотитѣшь... И не беспокоили твою милость... А ужъ дѣвокъ-тучить... Ну, такъ это ужъ выходитъ, баринъ... Послушай ти меня старика и не прогнѣвайся: это выходитъ ужъ людямъ и смѣхъ... Этого испоконь вѣка не слыхано... Развѣ ужъ наст своихъ мужиковъ раззорить совсѣмъ хочешь... Вотъ... не про

— Ты на меня старика, а я тебѣ всю правду сказалъ, въ передъ Богомъ...

— Ну, старикъ, долго я тебя слушалъ: все ждалъ, что ты то нибудь дѣльное скажешь... а вижу, что ты хоть и давно въ свѣтѣ живешь, да ума немного накопилъ... Какъ же ты не знаешь, того, что я говорю: я вамъ толкую, что я для васъ же пользы стараюсь, а ты говоришь, что я раззорить васъ хочу... Вѣдь, ужъ я толковалъ же вамъ кажется, разжевалъ и въ ротъ положилъ почему намѣренъ учить именно дѣвокъ, а ты говоришь, что испоконъ вѣка объ этомъ не слыхано, что это милое на смѣхъ... Ну, а какъ же у раскольниковъ почти всѣ женщины обучены грамотѣ, и дѣвки, особенно старыя, тѣмъ только и занимаются, что грамотѣ учатъ... Знаешь ли ты это?... А вѣдь, ужъ раскольники старой вѣры держатся и такъ живутъ, какъ наши предки жили... Ну, что скажешь, а?...

— Не знаю, кормилецъ... Я съ раскольниками не знаюсь... Мы, слава Богу, у тебя не раскольники: намъ съ нихъ примѣръ брать не приходится... Да и ты, баринъ, не бери: и ты, чай, къ Богу вѣруешь...

Аркадія Степановича наставительный тонъ старика нѣсколько сердитъ, но онъ, по своимъ принципамъ, не хотѣлъ этого показывать, и притворно засмѣялся.

— Ну, старикъ, я вижу ты дуракъ, и съ тобой толковать нечего... сказалъ онъ.

— Да что, батюшка, Аркадія Степанычъ, и толковать твоей милости съ нами, дураками, виѣшался Левинъ, замѣтивши улыбку на господскихъ устахъ и принимая ее въ благопріятномъ для себя смыслѣ. Что ужъ толковать съ нами... Мы извѣстно народъ глупой, неученой... А вотъ лучше, батюшка, окажи намъ божеское милосердіе, заставь за себя вѣчно Богу молить: напшой на насъ, дураковъ, да отмѣни все это ученье: и дѣвокъ не трогай, да ужъ и ребятишкамъ-то вели по домамъ идти... Что твоей милости съ ними себя только беспокоить... Просите, ребята... Кланяйтесь барину... Онъ у насъ милостивый...

И дядя Левинъ бросился въ ноги. Вся толпа послѣдовала его примѣру.

— Отмѣни, кормилецъ... Ослободи всѣхъ... Будь отецъ... Лучше мы тебѣ гостинчикъ какой съ міру соберемъ да принесемъ... Не дѣлай этого раззоренья... Слышалось изъ толпы, которая послѣ земнаго поклона вся осталась на колѣняхъ, ожидая

милостиваго рѣшѣнія отъ барина. Аркадій Степанычъ вышелъ изъ себя отъ досады и негодованія.

— Встаньте, встаньте... Дураки этакіе, ослы этакіе... Встаньте, говорятъ вамъ... кричалъ онъ, горячася.

Въ эту минуту въ ворота на господскій дворъ въѣзжал Осташковъ на своемъ буркѣ. Увидя цѣлую толпу народа на конѣяхъ передъ бариномъ, стоящимъ на крыльцѣ, онъ по невольному чувству униженія, проникшаго въ его думу, поспѣшилъ снять шапку, и остановилъ лошадь.

Аркадій Степановичъ хотѣлъ говорить, но замѣтивъ сего, не узнавъ съ перваго взгляда и припоминалъ эту физиономію, которая казалась ему знакомою.

— Встаньте же, повторилъ онъ. Вонъ кто-то пріѣхалъ.

Мужики поднялись и обернули головы къ Никешѣ, который съ открытой головой подходилъ къ Карѣеву и держа въ одной рукѣ шапку, другой торопился достать рекомендательное письмо Палёнова.

— Отъ кого ты? спросилъ онъ Осташкова, когда тотъ подошелъ на близкое разстояніе.

— Отъ Николая Андреича Палёнова, отвѣчалъ Никеша, подавая письмо и кланяясь.

Карѣевъ распечаталъ и сталъ читать. Когда онъ дошелъ до фамиліи Осташкова, онъ вспомнилъ лицо сего и поспѣшно обратился къ нему.

— Ахъ, здраствуйте: я васъ не узналъ, сказалъ онъ, протягивая руку. Что же это вы стоите безъ шапки... Какъ это можно: накройтесь, пожалуста...

— Ничего-съ...

— Накройтесь, накройтесь... Это про васъ мнѣ пишетъ Николай Андреичъ?

— Точно такъ-съ.

Карѣевъ продолжалъ читать письмо.

— Вы хотите учиться? спросилъ онъ окончивши чтеніе.

— Точно такъ-съ... Имѣю это желаніе...

— Очень радъ, и готовъ вамъ служить...

— Вотъ, скоты, смотрите, продолжалъ онъ, обращаясь къ мужикамъ. Вотъ сама судьба посылаетъ вамъ доказательство того, что значить ученіе и какъ люди дорожатъ имъ. Вотъ смотрите: вотъ бѣдный дворянинъ, у котораго большая семья, ему слишкомъ тридцать лѣтъ, и, не смотря на это, онъ пріѣхалъ

внѣ, чтобы учиться грамотѣ, потому что, къ несчастію, онъ и знаетъ ее... Слышите: слишкомъ въ тридцать лѣтъ... Сколько у васъ дѣтей?...

— Пятеро-съ...

— Видите: пятерыхъ дѣтей, жену, свой домъ и хозяйство ставляетъ человекъ для того, чтобы учиться; просить, какъ шлости, чтобы его образовали... А вы что?... Баринъ самъ предлагаетъ вамъ свои услуги, а вы отказываетесь отъ нихъ, просите оставить васъ дураками, неучами... А?... Не стыдно вамъ?... Видите: вотъ онъ дворянинъ, какъ ни бѣденъ, а все богаче васъ, человекъ совершенно свободный, а видитъ, что безъ грамоты, безъ ученя жить нельзя... Подумайте-ка объ этомъ!... Отчего же вы то такъ упрямитесь... А?...

— Его, кормилецъ, дворянское дѣло, отвѣчалъ старикъ. Коли онъ господинъ, ему ужъ безъ грамоты, извѣстно, и жить нельзя... Вашему званью ученю отъ Бога показано, потому такое ише дѣло... А намъ кормилецъ, по мужицкому нашему роду, и безъ ученя прожить можно...

— Да, вѣдь, дуракъ ты этакой, люди-то всѣ одинаковы... Я ужъ вамъ десятый разъ это говорю... Пожалуй, всѣмъ можно безъ ученя жить... Было время, что и наши предки такіе же умные, какъ и мы, даже познатнѣе насъ, не умѣли читать... Да, вѣдь, почему же нибудь догадались, что надо учиться...

— Ну, да ужъ, кормилецъ, коли ужъ такая твоя крѣпкая олопа, ну ужъ Богъ съ тобой учи ребятншекъ, только парнѣй-то, что покрупнѣй, да дѣвокъ-то намъ ослободи... А ужъ дѣвокъ учить, какъ ты хошь... Нѣтъ, ужъ дѣвокъ учить, какъ ты хошь... Нѣтъ ужъ это... въ раззоренье насъ введешь. И славу глудую о себѣ пустишь... Вонъ и баринъ-то самъ же пріѣхалъ къ ученю, а не хозяйку же свою прислалъ...

— Ну, старикъ, ты со мной не смѣй никогда говорить: ты меня только сердншь... Я вижу теперь, что вы народъ дикій и гурой... Я хотѣлъ съ вами поступать по-человѣчески, а вы какъ будто хотите меня заставить думать о васъ, какъ и думаютъ умные, что васъ надо учить палкой, а не словами... Слышайте же: я хотѣлъ вамъ пользы, я трудился для васъ безкорыстно, изучая, уча вашихъ глупыхъ ребятншекъ, но вижу, что вы не только неблагодарны мнѣ за это, но думаете, что я хочу пригнѣтать и раззорять васъ... Наплавать же на васъ, дураки этакіе... Съ сегодняшнаго дня ни дѣвокъ, ни ребятншекъ вашихъ

видѣть не хочу, не посылайте въ мнѣ никого, все ученье по чесно... Ослы этакіе... Ступайте домой...

— Дай Богъ тебѣ здоровья, батюшка... Вѣчно будемъ за те Бога молить, что оставилъ эту науку...

Нѣкоторые изъ мужиковъ кланялись въ ноги. Лица у всѣхъ повеселѣли.

— Ахъ, дурачье... Дураки этакіе... Ступайте вонъ... Глазь долой... Экой народъ дикій...

Мужики шарахнулись всей массой и пошли домой съ господскаго двора, веселые и довольные. Карѣвъ злобно посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, и даже плюнулъ съ досады.

— Каковъ народецъ! а?... обратился онъ къ Остапкову.

— Да-съ!... отвѣчалъ Никеша, качая головой. Какіе немощныя... Имъ только дай потачку...

— Да нѣтъ не то, а пользы своей не понимаютъ... Да, ни чего не понимаютъ, хоть ты лобъ взрѣжь, толкуя имъ...

— Помилуйте, да гдѣ же имъ понимать: народъ сѣрой-съ.

— Право, здѣсь доживешь до того, что станешь, пожалуй раздѣлять убѣжденія Палёнова, проговорилъ Карѣвъ въ раздумьи.

— Пойдите въ комнаты,

— Вотъ только бы лошаденку прибрать...

— Я прикажу.

— Ну, очень хорошо-съ... проговорилъ Никеша и вошелъ въ домъ вслѣдъ за хозяиномъ...

VIII.

Карѣвъ жилъ въ небольшомъ старомъ домѣ, въ которомъ провели всю свою жизнь его отецъ и его мать, экономничая и собирая состояніе для своего единственнаго баловня—сына. Старики считались людьми бѣдными, но отецъ Карѣва много лѣтъ служилъ по выборамъ и, умирая, оставилъ сыну около полутора ста душъ крестьянъ, нигдѣ не заложенныхъ.

По необходимости поселившись въ старомъ родительскомъ домѣ, Карѣвъ старался обставить себя на столичный ладъ: выписалъ новую мебель, распустилъ большую часть многочисленной прислуги, оставивъ только крайне необходимую, положилъ всѣмъ оставшимся жалованье съ тѣмъ, чтобы ему не докучали никакими прообами объ экипировкѣ и т. п., обращался съ ними не грубо, но не позволялъ ни малѣйшей фамильярности и при-

идеть всю прислугу въ негодованіи требованіемъ исправленной и непонятной для нея чистоты и аккуратности. Дворца ненавидя его за всё новые порядки и горевала о старыхъ.

Карѣвъ ввелъ Останкова въ свой кабинетъ и предложилъ видѣться. Останковъ сѣлъ.

— Ну-съ, такъ вы хотите учиться? спросилъ его хозяинъ.

— Желая... хоть бы немножко... Не оставьте своими милостями... отвѣчалъ Никеша, привставая и кланяясь.

— Съ удовольствіемъ, съ большимъ удовольствіемъ. И зачѣмъ же немножко... Нѣтъ, я займусь съ вами въ плотную... Мнѣ теперь особенно интересно заняться съ вами для того, чтобы убѣдить себя въ одномъ вопросѣ. Я изобрѣлъ свою систему обученія грамотѣ, по моему мнѣнію, весьма упрощенную и приспособленную къ быстрому пониманію. Между тѣмъ деревенскіе мальчашки, которыхъ я училъ, оказались крайне тупы... Я хотѣю убѣдиться на васъ, неужели въ самомъ дѣлѣ сословныя преимущества вліяютъ не только на внѣшнюю сторону человѣка, но даже утопчаютъ и усиливаютъ самыя нравственныя способности человѣка: дѣлаютъ его болѣе способнымъ къ пониманію и вообще развитію. Палѣновъ въ этомъ совершенно убѣжденъ, но онъ—человѣкъ стараго вѣка, хотя и корчитъ изъ себя современнаго, притомъ онъ только начитанъ, но страшно неразвитъ... По моему мнѣнію, онъ даже не далекъ и не въ состояніи глубоко мыслить... Скажите, пожалуйста, Палѣнова здѣсь у васъ считаютъ, должно быть, очень умнымъ и ученымъ человѣкомъ?...

— Какъ же можно-съ: Николай Андреечъ у насъ... изъ ума ушелъ!... Этакое умнѣющаго человѣка теперь изъ всей нашей округи не найдешь...

— Ну, вамъ простительно еще такъ думать: вы человѣкъ неученый... даже неграмотный. Но скажите, пожалуйста, неужели у васъ всё такъ думаютъ о немъ?

— Какъ же можно-съ... всё такъ полагаютъ насчетъ Николая Андрееча... Онъ у насъ на всю губернію...

— Карѣвъ усмѣхнулся.

— Но неужели никто не слышитъ какъ онъ завирается... развѣ истинно умный человѣкъ можетъ такъ врать... Вѣдь, это значить во всей вашей губерніи нѣтъ человѣка съ порядочною головой... Ну, какъ этого не понять: умный человѣкъ не можетъ врать и говорить глупостей... Если еще врать и говорить

глуности, значить онъ дуракъ... Вѣдь, вы слышали, что Палновъ завирается?

— Никакъ нѣтъ-съ... Да и какъ я могу объ этомъ понимать я человѣкъ темный, ученя мнѣ не дано...

— Темный человѣкъ... Это славное выраженіе!.. Но все таки, вѣдь, вы можете же разобратъ, когда человѣкъ говоритъ негѣпости... вздоръ, какой можетъ придти въ голову развѣ съ маспедшему человѣку...

Гдѣ же мнѣ разбиратъ людей-съ... Моя бѣдность не позволяетъ... Кто ко мнѣ милостивъ, такъ я долженъ эти милости чувствовать... А какъ я могу людей разбиратъ... особливо которые мои благодѣтели... Николай Андреичъ завсегда были мо благодѣтели, и я завсегда это чувствую...

— О, мой, другъ, какія допотопныя понятія!.. Безпристрастіе, правда и свобода мышленія выше всего на свѣтѣ... Если человѣкъ дѣласть вамъ добро, будьте ему за это благодарны никто вамъ не мѣшастъ, но правду о немъ говорите, и въ вашемъ образѣ мыслей будьте всегда безпристрастны въ какихъ бы вы ни были отношеніяхъ къ человѣку... Чтобы для васъ и сдѣлалъ человѣкъ, хоть бы спасъ васъ отъ смерти, но если онъ подлець, такъ и говорите: я ему очень благодаренъ за то, что онъ для меня сдѣлалъ, но онъ подлець, если онъ дуракъ, такъ и говорите: что онъ дуракъ... Вотъ напримѣръ я въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Палновымъ...

— И они объ васъ завсегда прекрасно отзываются.

— И пускай... Это мнѣ однако не помѣшастъ говорить о немъ-то, что я думаю, потому что это правда... А для меня правда дороже всего на свѣтѣ... И такъ какъ вы пріѣхали ко мнѣ учиться, то, по праву наставника, совѣтую и вамъ такъ же поступать... И сколько бы человѣкъ ни дѣлалъ для васъ добра не бойтесь судить о немъ безпристрастно, потому что иначе вы будете поступать не добросовѣстно, а по личнымъ своимъ интересамъ. И главное: стѣсните свободу мышленія, а только тотъ человѣкъ и можетъ назваться честнымъ и нравственно—независимымъ, который мыслить независимо, независимо даже отъ собственнаго чувства... Вы понимаете меня...

— Гдѣ же мнѣ все понимать-съ... Неученый человѣкъ, темный...

— Ну, я надѣюсь, впоследствии будете понимать... Можетъ быть, мнѣ удастся растолковать вамъ еще многое такое, чего бы

и никогда не слышали отъ здѣшнихъ господъ. Только надо утѣшиться, утѣшиться... Сегодня отдохните, а завтра начнемъ.

— Съ тѣмъ пріѣхалъ... Не оставьте... Только я вотъ хотѣлъ васъ обезпознать на счетъ того, когда прикажете вридри къ вамъ сисисить... Тесперь-то нельзя: у меня здѣсь лошаденка, да тоже еще что надо изъ дома забрать изъ одежи...

— Да, вѣдь, вотъ вамъ надобно будетъ жить у меня... Миѣ этого въ голову не пришло...

— Не обезпознать бы какъ васъ-то...

— Нѣтъ, это ничего... Я вотъ думаю только гдѣ васъ по-кѣстить...

— На счетъ этого... все равно-съ... Миѣ гдѣ прикажете... Тесперь время лѣтнее: я и на сѣновалѣ спать буду-съ... А вотъ не знаю какъ съ работой быть... Тоже меня не будетъ дома, извина, работа въ полѣ станеть...

— Ну, ужъ это обдумывайте сами какъ нибудь: это дѣло не мое... Работника наймите что ли какого нибудь...

— Извѣстно бы нанять-то... Да достатки-то мои малые, нанять-то не изъ чего.. Тоже семья, запашка маленькая, своего глѣба не стаеть, покупаемъ...

— Ну ужъ этого я не знаю... Это ваше дѣло.. Мое дѣло только выучить васъ грамотѣ: за это я беру-съ...

— А осмѣлюсь васъ спросить... Не будетъ ли милости: не возжадете ли человѣчка ко миѣ, хоть несдѣльки бы на двѣ... Хотъ бы какого нибудь небольшою стоящаго... Ненужниенькаго бы какого нибудь...

— Ну въ этомъ извините: у меня людей праздношатающихся нѣтъ... Я держу только людей самыхъ необходимыхъ и у всякаго изъ нихъ есть свои обязанности... Притомъ во всякомъ случаѣ я не считаю бы себя вправѣ располагать трудомъ чело-вѣка даромъ, и если бы у меня и былъ кто свободенъ, вы должны бы были порядить его и платить ему за работу денги... Я удивляюсь, что вы просите...

— Извините меня, не прогнѣвайтесь, что попросилъ...

— Нѣтъ, что же, вы передо мной невиноваты ни въ чемъ... Впрочемъ васъ и во всякомъ случаѣ винить нельзя: вы живете между такимъ господами, которые чужой трудъ не цѣнятъ ни во что и которые считаютъ себя въ правѣ располагать личностью чело-вѣка... Ну, я не таковъ... Надѣюсь, что и вы когда по-

живете со мной—перемѣните свой образъ мыслей и въ этомъ о пошеніи...

— Ужь я не знаю, какъ теверь п быть... Видно, надо от д жить ученю... до зимы...

— Къ чему же? нѣтъ... Зимой я уѣду отсюда... Нѣтъ, у вы какъ нибудь устранивайтесь.... Не теряйте этого случая. Послѣ сами жалѣть будете... Ну, что же дѣлать: если ва хозяйство немножко и пострадаетъ... Образованіе важнѣе ваше поля...

— Нечего дѣлать... Ужь видно такъ положиться на влас Божью... Можетъ, и самъ дѣлѣ какъ выучусь грамотѣ, дворя не оставятъ и въ должность какую выбратьтъ...

— Разумѣется...

— Такъ ужь я коли сѣзжу домой, да на той недѣлѣ с воскресенья и приду.

— Хорошо...

— А ужь сегодня позвольте у васъ пробить—лопаденка-1 очень смучилась...

— Оставайтесь, оставайтесь... Я очень радъ. Мы потолкуемъ Никеша остался.

Карѣвъ, какъ всѣ вообще люди самообольщенные и измѣ чивыхъ убѣжденій, любилъ высказываться предъ всякимъ слу шателемъ. Подобные господа никогда даже не соображаютъ способенъ ли собесѣдникъ понять ихъ рѣчи, они говорятъ по тому, что имъ правится говорить о самихъ себѣ, о своей му драсти, и чѣмъ больше слушатель тарашить глаза отъ изумле нія, чѣмъ сильнѣе выражается на его лицѣ тупость и непо нимавіе, тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ прислушиваются он къ собственнымъ рѣчамъ своимъ. Карѣвъ съ великою охото высказывалъ предъ Никешой новыя, неслыханныя имъ дотол мысли. Многого Осташковъ не понималъ, но все то, что отрывкам усвоивала его голова, шло совершенно въ разрѣзъ со всѣми прея ними убѣжденіями, чувствами, со всѣмъ обычнымъ ему образом мыслей. При иныхъ рѣчахъ Карѣва, Осташкову становилос даже страшно и онъ чувствовалъ внутреннее желаніе перекре ститься, въ другой разъ, слушая своего наставника, онъ готов былъ счость его за сумасшедшаго, еслибы смѣлъ остановитс на этой дерзкой мысли. Но когда вечеромъ, послѣ этой бесѣды Никеша пошелъ спать, онъ чувствовалъ въ головѣ своей такую путаницу, въ сердцѣ такую тоску, и во всемъ тѣлѣ такую уста

сть, точно какъ будто сейчасъ только очнулся отъ какого-нибудь тяжелаго припадка. Даже ночь спалъ Никеша безмятежно, безпрестанно просыпался, читалъ молитву и набожно крестился.

На другой день Карѣвъ спросилъ Никешу.

— Ну-съ, какое вы вынесли впечатлѣнiе отъ нашего вчерашняго разговора?

— Ужь и не знаю какъ вамъ доложить... Очень ужь какъ-то страшно сдѣлалось...

— Страшно?... это всегда, мой другъ, такъ: когда открывается истина, которая разрушаетъ всѣ наши презiя убѣжденiя, всегда душа объемлетъ какимъ-то страхомъ... Человѣку страшно убѣдиться, что все, во имя чего онъ жилъ и дѣйствовалъ до сихъ поръ, было вздоръ и пустяки... Но скажите мнѣ, выслушайте, по совѣсти: говорили ли вамъ что нибудь подобное эти господа, ваши просвѣтителы, эти благодѣтели, какъ вы ихъ называли?

— Никакъ нѣтъ-съ...

— Я въ этомъ вполне увѣренъ... О, конечно, всѣ они проповѣдывали вамъ о возвышенныхъ чувствахъ, о самопожертвованiи, о любви и благодарности... Не вѣрьте, Остапковъ, и почитайте, что я вамъ говорилъ: все дѣлается и должно дѣлаться только во имя эгоизма, т. е. всякiй дѣластъ, что нибудь только для себя, и поэтому: чтобы для васъ люди ни дѣлали, не считайте себя имъ обязаннымъ, потому что они это дѣлали не для васъ, а для себя... Ни благодѣтелей, ни благодарности нѣтъ и не должно быть на свѣтѣ... Даже всѣ ваши семейныя отношенiя, которыми вы такъ дорожите построены на взаимномъ самолюбiи: вы кормите и воспитываете вашихъ дѣтокъ только потому, что это вамъ прiятно, что вы этого хотите, следовательно, вы это дѣлаете не для нихъ, а для себя... Следовательно и дѣти ничѣмъ не обязаны своимъ родителямъ... Помните это и внушайте вашимъ дѣтямъ...

— Буду помнить-съ... отвѣчалъ Никеша.. А ужь дѣтямъ-то это внушать... я не знаю какъ вамъ сказать: пожалуй, изъ повиновенiя выйдутъ, слушаться не станутъ.

— Пускай ихъ выходятъ. Повѣрьте: что для нихъ нужно и полезно, тѣмъ они воспользуются, а не нужное они и послѣдутъ, если вы даже заставите ихъ взять насильно... Вы понимаете ли, что своими толкованiями я вамъ облегчаю жизнь: я

избавляю васъ отъ лишнихъ хлопотъ, и заботъ; помните, что люди живутъ только для себя, и вы живите только для себя одного... не мѣшайте лишь только и другимъ жить такъ, какъ имъ хочется. Понимаете?...

— Да это-то я понимаю-съ...

На возвратномъ пути въ свою усадьбу, Никеша размышляя такимъ образомъ, по поводу бесѣды своей съ Карѣевымъ:

— Это онъ дѣло говорилъ, что всѣ мы живемъ только для свой мамонъ, для своего удовольствія... Это что говорить, это истинно всѣ такъ живутъ... И какіе они мои благодѣтели: ни сивѣшку только, да обиду всякую оказываютъ... Отъ людей своихъ такъ никогда не обороняютъ: и тѣ наровятъ какъ бы что сорвать или обидѣть бѣднаго человѣка... Какіе ужь благодѣтели: дастъ полтину, а наругается на рубль... Да я имъ, извѣстно, не сталъ бы кланяться. Сталъ что ли бы я кланяться какъ бы у меня что свое было... Ужь нужда моя не позволяетъ, такъ долженъ на себѣ переносить: нечего дѣлать... Бѣдность одолѣла... Какіе ужь благодѣтели!.. Такъ только говорится... знаемъ мы это сами... Тотъ говоритъ: ты меня долженъ больше всѣхъ благодарить и почитать: я твой благодѣтель, а другой: нѣтъ меня уважай больше всѣхъ, потому я не въ примѣръ больше всѣхъ для тебя сдѣлалъ... Тотъ говоритъ свое, а этотъ свое... Что ужь: какіе это благодѣтели... Это все онъ правду истинную говорить... И вотъ хоть бы теперь родитель: за что меня обижаетъ? а Иванъ у него при всемъ его родительскомъ благословеніи остается... чѣмъ онъ ему больше меня услужилъ?... Такъ-то все на свѣтѣ... Это онъ отъ ума говорилъ... А вотъ ужь что онъ отъ Божественнаго-то говорилъ, и тамъ на счетъ всего прочаго такъ ужь и не знаю какъ это къ мнѣнію принять!.. Надо такъ полагать, что зачитался... Внушай говорить, дѣтямъ, чтобы они изъ послушанія вышли... чтобы они уважаніе къ тебѣ потеряли... Да я хочу, чтобы дѣти-то мнѣ поильцы и кормильцы были... А я имъ стану этакое внушать, такъ они послѣ на старости лѣтъ меня изъ дома выгонять, да хворость придетъ — испить не дадутъ: скажутъ не хотимъ, намъ это неприятно, да и шабашъ.. Нѣтъ, это онъ въ сторону принялъ, заговорился... Видно, онъ заговаривается, что и нашъ же Николай Андреичъ... Нѣтъ, вѣдь, оно большое-то ученье... Не даромъ пословица говорится: умъ за разумъ зашолъ... Господи помилуй: что онъ иное говорить-то... Какихъ рѣчей на свѣтѣ не услышишь... А вотъ

Никеша-то поработать не даль... Чего желѣеть?... Кажись бы, даль, не деньги платить свои.... Чтобы дать чловѣчка-то.... Уж не раззорился бы .. Вотъ теперь какъ быть... Ну, да свои управятся, поналягутъ... А я по крайности мѣсяць, другой на его харчахъ проживу... Все хлѣбъ-то пойдетъ дома поспорѣ... Трехъ ѣдаковъ-то не будетъ... Хоть малы-малы, а и Никольска, и Сашенька тоже ѣли.... Управятся какъ нибудь и одни... На этотъ разъ Осташковъ пробылъ дома только одинъ день и ни на что не хотѣлъ обратить вниманія относительно своего домашняго хозяйства. На всѣ докучные вопросы и жалобы тетки и жены, онъ отвѣчалъ, что ему теперь ни до чего, чтобы они управлялись сами, какъ знаютъ, а онъ уйдетъ мѣсяца на два въ ученье... А выучится грамотѣ, да пойдетъ въ службу, тогда заживетъ по другому: и женѣ съ теткой работать не придется: либо работниковъ найметъ, а можетъ и мужиковъ своихъ купить... Призадумались бѣдныя женщины отъ такого рѣшительнаго отвѣта: хотѣли было возражать что-то, но Никеша только прикрикнулъ, да ругнулся... И тетка, и жена замолчали.

— Не прежній Никешинька... Видно, прибить не дастъ, подумала Наталья Никитишна... И то сказать: самъ отецъ и дому хозяйствъ, знаетъ что дѣлаетъ... А не управиться однимъ-то...

— Хоть бы матушка пришла, подумала Катерина...

IX.

Осташковъ отправился къ Карѣву пѣшкомъ, съ узелкомъ на плечѣ, рассчитывая пробыть въ ученьѣ мѣсяца два; но курсъ его кончился гораздо скорѣе, нежели онъ ожидалъ. Новозобрѣтенная, упрощенная система Карѣва никакъ не примѣнялась къ пониманію Никеша. Никеша старался изъ всѣхъ силъ, напрягалъ всѣ свои умственныя способности, вслушивался, всматривался, ломалъ голову до поту, до приливовъ крови, но ничего не могъ понять и запомнить. Образованіе слоговъ изъ двухъ отдѣльныхъ звуковъ совершенно ставило его въ тупикъ. Карѣвъ же оказался на бѣду нетерпѣливъ, взыскателевъ, кричалъ и горячился, ожидалъ скорыхъ и блестящихъ успѣховъ отъ своего ученика, а вмѣсто того встрѣчалъ тупоуміе — и выходилъ изъ себя отъ досады и негодованія. Съ каждымъ урокомъ Никеша чувствовалъ сильнѣе отвращеніе и тоску отъ ученья, и страхъ предъ своимъ наставникомъ, а Карѣвъ—озлобленіе и презрѣніе къ нему.

— Вы бы, батюшка, Аркадій Степанычъ, азамъ-то меня поучили: я бы можетъ быть скорѣе понялъ,—осмѣлился однажды проговорить Осташковъ.

— Отстань... дуракъ... азамъ! закричалъ на него Карѣвъ... Съ этаконъ тупой башкой ничего не сдѣлаешь... Тебя бы палкой учить, такъ скорѣе бы понялъ...

Такого рода грубые отвѣты еще были сносны для Остаškova: онъ ихъ переносилъ великодушно и не обижался. Но Карѣвъ иногда сдерживалъ себя отъ подобныхъ выходокъ и вымещалъ свою досаду язвительными насмѣшками или молчаніемъ въ теченіе цѣлыхъ дней. Этого Никеша не могъ перенести. Онъ ходилъ цѣлые дни, какъ пришибленный, или виноватый въ какомъ нибудь преступленіи. Въ недѣлю ученья онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ, видно, года моя ушли, Аркадій Степанычъ... для ученья... говорилъ иногда Осташковъ, доведенный до отчаянія.

— Мг..... Года ушли... Въ тридцать лѣтъ человекъ не можетъ понять того, что съ разу понимаютъ пятилѣтніе дѣти... Это надо родиться съ такой умной головой... Мг... потомокъ древняго рода... порода... Вотъ они... Пусть парадуется Палёновъ... Вотъ онъ, хваленныя способности... Весь вашъ родъ, Осташковъ, видно, отличался такимъ высокоуміемъ... Недаромъ судьба привела вашъ родъ къ такой бѣдности... Да вы и не стоите ничего лучшаго... И этотъ Палёновъ еще хлопочетъ, чтобы образовать, поднять васъ изъ вашей грязи... Да вы для нея родились... Вамъ, какъ свиньямъ, самой судьбой предназначено валяться весь вѣкъ въ грязи... Это ваше назначеніе... Я бы ни за что и дѣтей-то вашихъ не сталъ учить... По родителю видно какіе и у нихъ должны быть способности. Никеша молчалъ, ежился, не смѣлъ поднять глазъ на своего учителя, и маялся, какъ въ пыткѣ.

Случалось, что Карѣвъ, разсерженный непониманіемъ Остаškova, вдругъ прекращалъ урокъ и выгонялъ его изъ кабинета, въ которомъ происходило ученье и по цѣлому дню не говорилъ и не смотрѣлъ на Остаškova. Бѣднякъ бралъ книгу, садился гдѣ нибудь въ уголку и по цѣлымъ часамъ сидѣлъ, не сходя съ мѣста и не сводя глазъ съ книги, въ которой ничего не понималъ. Въ тихомолку Никеша часто горько плакалъ, билъ себя по головѣ, дралъ за волосы, или усердно молился, прося у Бога разума и помощи въ ученьи. Ни разу не приходило ему въ голову, что виноватъ въ его плохихъ успѣхахъ учитель, а не онъ

онъ. Онъ не смѣлъ даже объ этомъ и подумать. Удивлялся онъ только отчего Аркадій Степанычъ не учитъ его азачъ т. е., азъ, бѣки, вѣди и проч., какъ слыхалъ онъ, учать дьячки мальчишекъ; но, вѣдь, ужь Аркадій Степанычъ самъ ученый человекъ, знаетъ какъ надо учить, значить, вѣдь, и онъ самъ также учился и выучился же, вѣдь: и вотъ до какой премудрости дошолъ, то самъ Палѣновъ ему ничемъ. . И того дуракомъ противъ себя считаетъ... Нѣтъ, видно, ужь такъ Богъ меня разумомъ обидѣлъ, не для меня эта наука писана... Видно, и умереть придется безграмотнымъ... А потерплю еще маленько, погожу: можетъ не прояснить ли Господь разумъ... После стыдобушка будетъ и домой—то, и въ люди—то показаться, какъ ничего не войду... Нѣтъ, подожду еще, потерплю... что будетъ?... что Богъ дастъ?... И выжидалъ онъ минутки, когда проходилъ гдѣнибудь Карѣевъ, и робко, какъ провинившійся школьникъ, подходилъ къ нему, просилъ прощенія, общалъ стараться, умолялъ еще маленьчко, хоть немножечко поучить его: авось, не войдетъ ли...

И овятъ начиналась прежняя пытка.

Однажды во время урока прѣзжалъ къ Карѣеву Тархановъ.

Дѣла Тарханова въ настоящее время были очень плохи: аферы его не удавались, долговъ на немъ накопилось много, а новыхъ предпріятій не оказывалось; таинственные обороты, которыми существовалъ онъ и до сихъ поръ, становились все мельче и малоприбыльнѣй: послѣднему имѣнію его грозила продажа съ публичнаго торга. Но онъ не унывалъ, по крайней мѣрѣ наружно, и держалъ себя, по обыкновенію, самоувѣренно и почти дерзко. Въ уѣздѣ всѣ болѣе или менѣе знали Тарханова и ему становилось трудно поддѣть когонибудь на удочку. Карѣевъ былъ новымъ человекомъ и Тархановъ рѣшился поискать счастья около него. Нѣсколько разъ уже и прежде онъ прѣзжалъ къ нему, бойко и съ увѣренностію разсказывалъ о своихъ удачныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ, бранилъ помещиковъ за ихъ неподвижность, за то, что они какъ будто стыдятся коммерческой дѣятельности, а на самомъ дѣлѣ боятся труда и всѣ—неучи страшные, не умѣютъ ни за что взяться, и бесплодно проживаютъ деньги; и всѣми этими разговорами, а особенно своею самостоятельностью, отрицательнымъ взглядомъ на вещи и даже нѣкоторою современностію убѣжденій успѣлъ уже поправиться Карѣеву. Настоящій прѣздъ его былъ уже съ опредѣленною

цѣлью: или выпросить денегъ у Карѣева, или затянуть его вновь придуманное предпріятіе, съ тѣмъ чтобы распорядиться его денгами.

— Здравствуйте, батюшка, Аркадій Степанычъ...

— Здравствуйте, Иванъ Петровичъ... Со всѣмъ забыли...

— Да все хлопоты... А, Осташковъ! Какими это судьбами.. Да и книги, и доска аспидная... Что это вы съ нимъ подѣлывали?...

— А вотъ наложилъ на себя эпитимію: вздумалъ грамотѣ выучить мальчика...

— Ого, Осташковъ!... Вотъ какъ!... Это добрже!... Ну что же, какъ идетъ дѣло?...

Карѣевъ съ отчаяніемъ махнулъ рукой...

— Что? Плохо?... Тупь?...

— Ни на что не похоже...

— Этого надобно было ожидать... Вѣдь, лентяй страшный... Гдѣ ему учиться... Ему вотъ шутовскую должность передъ помѣщиками разыгрывать, да на бѣдность собирать: это его дѣло... Да вы съ нимъ какъ?... Я думаю, вѣдь, деликатничаєте... Напрасно... Съ нимъ, вѣдь, нельзя, какъ съ прочими людьми обходиться... Его, какъ лошадь лѣзвную, бить надо: онъ скорѣе поймаешь... Право... Ну, да вотъ я съ нимъ послѣ поговорю... Вы бы пока задали ему урокъ что ли, да выслали его учить... А миѣ позволили бы потолковать съ вами: я, вѣдь, за дѣломъ къ вамъ пріѣхалъ...

— Какой урокъ... Онъ безъ меня слова не умѣетъ выговорить... Ступайте, Осташковъ...

— Ахъ, изсохшая вѣтвь знаменитаго древа... говорилъ Тархановъ, насмѣшливо смотря на сконфуженнаго, печально уходившаго Никешу.— Пѣтъ, да я вижу вы очень деликатно съ нимъ: уже займусь по своему.

— Вотъ въ чемъ дѣло, Аркадій Степановичъ, продолжалъ Тархановъ, когда дверь за Никешей затворилась.— Я пріѣхалъ посоветываться, потолковать съ вами, какъ съ образованнымъ и ученымъ человѣкомъ, и даже сдѣлать вамъ нѣкоторыя предложенія... Съ прочими нашими олухами, вѣдь, ничего не сдѣлаешь... Вотъ-съ какая миѣ пришла мысль... Вы знаете, что всѣ мы, помѣщики, убѣдились наконецъ, что лѣсъ составляетъ основное, такъ сказать, наше богатство и что лѣсъ беречь надо, вслѣдствіе этого мы всѣ стали бережливы относительно лѣсовъ до

той стени, что готовы собственнѣхъ печей не топить, лишь бы сохранить лѣса въ цѣлости. Но при этомъ посмотрите до сихъ мы дѣлѣхъ вещей доходимъ, и что значить недостатокъ въ насъ коммерческой предпримчивости, о чемъ я вамъ всегда говорилъ... Наши мужики ѣздятъ на Волгу за сорокъ, за пятьдесятъ верстѣ, покупать сплавный лѣсъ... Мы имѣемъ по соседству фабрика, на которыя лѣсъ безпрестанно требуется, особенно въ видѣ теса: и всѣ фабриканты тоже покупаютъ лѣсъ съ Волги. Вѣдь они на десятки тысяча покупаютъ каждый годъ одного теса... Теперь разчитайте: что стоитъ сплавъ и перевозка на 50 верстѣ разстоянія. А между тѣмъ у насъ по соседству отъ фабрикъ есть лѣса, помѣщики изъ него продаютъ бревна, которыя купцы иногда дома пилать шильщиками и платить за это страшныя деньги... И никому изъ насъ до сихъ вѣрь въ голову не пришло построить лѣсопильной мельницы... Помилуйте: да, вѣдь, если завести такую лѣсопильню, такъ, вѣдь, шильно рубль на рубль наживается.. Позвольте карандашика: я вамъ сдѣлаю разсчетъ...

Карѣвъ подавъ карандашъ и бумаги. Тархановъ быстро сдѣлалъ очень убѣдительный разсчетъ, по которому оказалось, что дѣйствительно лѣсопильная мельница приносила бы по крайней мѣрѣ 100 процентовъ на затраченный капиталъ.

— Вы видите, что я не ошибаюсь?... Согласны вы, что разсчетъ мой вѣренъ и не воображаемый, а дѣйствительный?...

— Да... кажется...

— Ну, хорошо, да положимъ, что я ошибся, и уменьшимъ весь доходъ на половину: и тутъ вы получаете 50 процентовъ... Что это, мало?

— Какое же мало?... Помилуйте...

— Да я васъ спрашиваю: какое предпріятіе можетъ принести такой процентъ?... И наши олухи, наши богачи помѣщики, имѣющіе по нѣсколько сотъ десятинъ строеваго лѣса не умѣли до сихъ поръ догадаться объ этомъ... не умѣли объ этомъ подумать...

— Да развѣ они думаютъ о чемъ нибудь, и способны думать? жельно замѣтилъ Карѣвъ.

— Вотъ-съ, вотъ поэтому я не хочу съ ними, скотами, и говорить объ этомъ, не хочу и дѣлиться съ ними этой золотой мыслью... А пріѣхалъ къ вамъ, какъ человѣку, который одинъ только здѣсь и есть, способный говорить о дѣлѣ и понять другаго дѣльнаго человѣка... Вотъ видите ли: по совѣсти вамъ ска-

зять, я какъ человѣкъ, слѣдовательно эгоистъ, можетъ быть, и сказалъ бы я вамъ о своемъ замыслѣ, чтобы одному воспользоваться барышами... Вы не осудите меня за эту откровенности пожалуйста...

— Напротивъ, еще болѣе уважаю и цѣню васъ... Это совершенно законно и справедливо.. Я, вѣдь, не держусь патріархальныхъ началъ взаимнаго надуванья подъ видомъ самоотверженія...

— Ха, ха, ха... Это славно сказано... Такъ вотъ видите ли я пріѣхалъ рассказать вамъ объ этомъ замыслѣ только потому что у меня нѣтъ средствъ осуществить его одними моими силами... Я механику-то знаю отлично и построю мельницу безъ помощи всякаго нѣмецкаго мастера, мнѣ стоитъ только съѣздить хоть въ Ярославскую губернію и посмотреть тамъ на лѣсопильни... Слѣдовательно вотъ еще сбереженіе расхода: не нужнанимать мастера... Ну-съ, теперь я вамъ сдѣлаю два предложенія: которое вы изберите?... Я знаю у васъ есть большія лѣсныя дачи и лѣсъ строевой, береженный... Такъ какъ хотите или продайте мнѣ его, но съ разсрочкой платежа, потому что меня въ настоящее время не станетъ денегъ для покупки егъ всего вдругъ, а по частямъ покупать не расчесть, или соедините капиталы и уполномочте меня строить мельницу и производить на ней работы изъ вашихъ лѣсовъ, съ тѣмъ, что барыши пополамъ... Какъ хотите?...

— Дайте немножко подумать: это дѣло такое серьезное, что вдругъ рѣшиться мудрено...

— Да, конечно: подумать слѣдуетъ... Но вы только меня успокойте въ томъ отношеніи, что вы не послѣдуете конечно примѣру нашихъ мудрыхъ господъ, которые никогда не въ состояніи рѣшиться ни на какое предпріятіе вслѣдствіе своего тупоумія и дурацкой неподвижности... Вы скажите мнѣ только вы пойдете на котороенибудь изъ этихъ предложеній..

— Вѣроятно.

— Нѣтъ, не вѣроятно, а навѣрно скажите мнѣ...

— Навѣрно.

— Вы успокойте меня, потому что я медлить не хочу, и если ужъ дѣлать дѣло, такъ дѣлать, не откладывая. Вы или дайте мнѣ слово, что пойдете на котороенибудь предложеніе или откажитесь. Въ такомъ случаѣ, я ужъ хоть стѣну лбомъ прошибу а добьюсь себѣ товарища въ комънибудь другомъ...

— Я вамъ говорю, что я готовъ на ваше предложеніе только дайте подумать которое выбрать...

— Честное слово?

— Честное слово...

— Ну, вотъ я теперь покоенъ... Вашу руку. Карѣвъ подалъ руку и Тархановъ пожалъ ее отъ чистаго сердца... Онъ былъ совершенно счастливъ и доволенъ.

— Теперь я вижу, что всѣ здѣшнія головы не стоятъ одного волоска на вашей головѣ, сказалъ Тархановъ въ порывѣ восторга.

— Вотъ видите что: я сейчасъ бы, можетъ быть согласился идти съ вами въ часть, да у меня въ настоящее время денегъ нѣтъ...

— Ну, такъ вотъ что можно сдѣлать: продайте нѣсколько десятинъ лѣса на срубъ... Намъ вѣдь нужны деньги теперь только на устройство мельницы всего тысячи четыре... Ну моихъ двѣ, да двѣ вашихъ .. А покупателей я вамъ сейчасъ найду.

— Вотъ это дѣло...

— Такъ значить, идти?

— Идетъ.

— Bravo... Великое счастье имѣть дѣло съ людьми умными и ушными. Извольте-ка столкнуться въ нѣсколько-то минутъ съ такими оболтусами... Попробуйте... Ахъ ученье, ученье — воистину свѣтъ!... А что, гдѣ нангъ ученый мужъ Остапковъ: что онъ подѣлываетъ?..

— А вотъ пойдете обѣдать: увидимъ и его... Вотъ батюшка, голова-то: я въ жизнь свою не видалъ человѣка тупѣе его... Рѣшительно ничего не понимаетъ.

— Нѣтъ, послушайте: вы, право, не такъ съ нимъ обращаетесь... Онъ, вѣдь, страшный лентяй и тунеядецъ... Онъ никакъ ничего не дѣлаетъ, шляться по господскимъ домамъ и ѣсть даромъ чужой хлѣбъ. . Вотъ онъ и здѣсь у васъ думаетъ, что приползъ гостить, а на ученье смотритъ какъ на шутку... Вы же его балуете... Нѣтъ вы мнѣ позвольте только, дайте волю: я его припугну хорошенько... Только не мѣшайте мнѣ... Вы посмотрите, что дѣло пойдетъ гораздо лучше...

— Ничего не будетъ...

— А вотъ увидите ..

Тархановъ былъ веселъ, въ самомъ хорошемъ расположеніи

духа и за объдомъ попалъ на бѣднаго Осташкова съ ожесточеніемъ.

— Что, великій мужъ, какъ твое ученіе? спросилъ онъ ея

— Плохо, Иванъ Петровичъ... уныло отвѣчалъ Осташковъ

— Отчего же это: плохо? Лѣнишься, тунеядничаешь?.. Тебѣ совѣстно, что Аркадіи Степанычъ беспокоится для тебя, занимается съ тобой... Своей пользы не понимаешь?... Добра, которое тебѣ дѣлаютъ, не цѣнишь?..

— Какъ не понимать и не цѣнить, Иванъ Петровичъ... Кажется, отъ стыда сгорѣлъ, глаза бы не глядѣли.. Да что же мѣдлать, коли понятія нѣтъ... Видно года мои ушли..

— Врешь: понятія нѣтъ... Не бось умѣешь по помѣщикамъ ходить, да милости, подавнія выпрашивать... Это умѣешь, на это стаетъ понятія... Какъ бы въ тебѣ совѣсть была, не сталъ бы чужой хлѣбъ есть даромъ... Кусокъ-бы въ горло не пошелъ. А ты видишь какъ улетаешь... Что добрый человекъ нашелся кормить тебя, такъ ты и радъ. Нарочно, чай притворяешься, что не понимаешь, чтобы подольше пожить на хлѣбахъ Аркадія Степаныча... А еще дворянинъ... Э, безсовѣстный...

— Помилуйте, Иванъ Петровичъ, отвѣчалъ Осташковъ съ глазами, полными слезъ,—да, кажется, я на Аркадія-то Степаныча зреть не могу... Ужь до ѣды ли мнѣ... Кажется бы, самаго-то себя куда-бы ни на есть, въ щель какую запахалъ.. Да что-же мнѣ съ собой дѣлать, коли Господь обидилъ...

— Полно, полно... Ты передо мной эти лясы не точи... знаю я тебя... Это все отъ того, что Аркадіи Степанычъ смотритъ на тебя, какъ на человека... какъ на благороднаго въ самомъ дѣлѣ, дворянина... Вотъ ты и прикидываешься дурачкомъ... А вотъ погоди: теперь я тебя въ руки возьму... Мнѣ Аркадіи Степанычъ далъ надъ тобой волю. И вотъ тебѣ мое слово: я завтра опять приѣду сюда и если ты опять не будешь понимать просто выпорю, стащу на конюшню и выдеру... для твоей же пользы выпорю... Слышишь... ты меня знаешь... У меня, братъ, станеть духу, коли скажешь... Помни же это... Смотри... Какъ не станешь понимать, такъ и на конюшню... У меня будешь понимать: откуда что возьмется... Помни же. Я попусту говорить не люблю...

Осташковъ зналъ Тарханова за человека наглаго, способнаго на всякую дерзость и нисколько не усумнился въ возможности того, чѣмъ онъ угрожалъ ему. Не смѣя возражать, онъ взгля-

гуль робко на Карѣва, надѣясь на его лицѣ прочитатъ себѣ щипту, но Карѣвъ сидѣлъ мрачный и сердитый... Сердце у Никеша замерло и сжалось тоскою. Онъ не смѣлъ поднять глазъ и ничего почти не ѣлъ за обѣдомъ. Послѣ обѣда онъ старался скрыться отъ взглядовъ Тарханова. Угроза не выходила изъ его ступаненной головы. Цѣлый день пробродилъ онъ, какъ шальной, и ночью не могъ уснуть. Тоска обуяла его душу. Чѣмъ свѣтъ, назарѣ, когда въ домѣ Карѣва все еще спали, онъ поднялся съ постели и, не зная что дѣлать съ собою, на что рѣшиться, связалъ въ узелокъ все свое платье и тайкомъ, какъ воръ, выбрался изъ дома, изъ усадьбы, за околицу... Тутъ онъ остановился въ нерѣшимости, что дѣлать?... Уйти, не простившись съ хозяиномъ, не поблагодаривши за хлѣбъ-соль, не хорошо... Объявить Карѣву, что хочетъ уйти домой — пожалуй не отпустить, остановить; а остаться: видимое дѣло: наука не дается, пріѣдетъ этотъ разбойникъ Тархановъ, не уйти отъ стыда: высѣчетъ... Что дѣлать?.. И уйдешь... а какъ послѣ покажешься Палѣнову, что скажешь?... Не повѣритъ, что грамота не далась, скажетъ: лѣнь одолѣла... Пожалуй милостей лишнись... Ахъ, ты Боже мой... Какъ быть... Да нѣтъ, ужь что не будетъ, а ужь лучше уйти отъ бѣды, что виситъ на носу... Вотъ нанесла нелегкая человѣка!... И Никеша поплеся къ дому улылый, разбитый, огорченный, въ самомъ скверномъ тѣлѣжѣ расположеніи духа...

X.

Въ то время, какъ Никеша жилъ у Карѣва и продолжалъ свой курсъ ученія, однажды, въ праздничный день, къ избѣ старика Осташкова подѣхала телѣга, парой, и съ колокольчикомъ. Молодцовато съ гикомъ и уханьемъ подѣхалъ ямщикъ, молодой парень къ самымъ воротамъ и на всемъ скаку остановилъ лошадей. Изъ оконъ избы Александра Никитича и сосѣдней, Никешинной, тотчасъ же высунулось нѣсколько любопытныхъ лицъ. Въ телѣгѣ сидѣлъ какой-то отставной воеводичъ, въ сильно поношенномъ и засаленномъ сюртукѣ безъ эполетъ и въ помятой фуражкѣ. Огромные, черные съ просѣдью и вздерошенные усы и давно небритая борода пріѣзжаго прежде всего бросались въ глаза на его кирпичнаго цвѣта лицѣ.

— Вотъ и пріѣхали, баринъ, сказалъ ямщикъ, обращаясь къ

сѣдоку и завивая возжи на желѣзную уключину, вбитую въ бѣсѣдку телѣги. Каково отмахалъ?...

— Хорошо... водки поднесу... не внятно, хриплымъ голосомъ, пьянаго отвѣчалъ пріѣзжій. Ну... что-жь ты... мерзавецъ. вышмай меня... Ска-а-тина... Не знаешь...

— Сейчасъ... ваше благородіе... отвѣчалъ ямщикъ, тоже, видимо, навеселѣ...

— То-то... Долженъ знать...

Ямщикъ прыгнулъ съ козелъ и, не совсемъ твердо держась на ногахъ, подошелъ и протянулъ руки сѣдоку.

— Не узнали... Не встрѣчаютъ... бормоталъ пріѣзжій, выскочивъ изъ телѣги... Вотъ удивятся... какъ узнаютъ... Спустившись съ телѣги, онъ, покачиваясь, установился наконецъ на ногахъ, не твердою рукою поправилъ на головѣ фуражку, закрутилъ усы и подпершись фертонъ руками въ бока, съ какою-то неопредѣленною улыбкой смотрѣлъ вокругъ себя. Между тѣмъ изъ избы выбѣжалъ Иванъ, чтобы узнать кто такой пріѣхалъ зачѣмъ. Онъ подошелъ къ пріѣзжему.

— Кто ты такой?... спросилъ его послѣдній.

— Да вамъ кого надо?

— Кто ты такой?... Какъ ты прозываешься? прикрикнулъ на него пріѣзжій.

— Осташковъ...

— Гм... Осташковъ... Какъ твое имя...

— Иванъ Александрычъ...

— Ванюшка... А отецъ гдѣ?... Живъ али нѣтъ?...

— Какъ же, живъ...

— Веди меня къ нему...

— Пойдемте... Пожалуйте... отвѣчалъ Иванъ, указывая въ избу и отправляясь впередъ.

— Веди меня... олухъ... не знаешь... закричалъ на него незнакомый гость. Подъ руку возьми... Не чувствуешь... Гм... Осташковъ ты, Ванюшка... молокососъ... развѣ такіе Осташковъ бываютъ... Вотъ такъ веди...

Иванъ повиновался, взявъ гостя подъ руку и повелъ въ свою избу.

Вдругъ въ домѣ Никанора Осташкова распахнулись двери из сѣней на крыльцо, и изъ нихъ съ крикомъ и воплемъ выскочила Наталья Никитишна...

— Батюшка, Харлашенька!.. Вѣдь, это онъ право, онъ... кричала она, перебѣгая разстояніе отъ своей избы къ братниной. Батюшка... братецъ... Харлампій Никитичъ... признала, вѣдь...

Пріѣзжій, услышавъ его голосъ, остановился и съ улыбкой смотрѣлъ на бѣгущую старуху.

— А, узнала... Неужто сестра Наталья... спрашивалъ онъ.

— И, батюшка, я... Аха-ха-ха... рыдала Наталья Никитишна, кидаясь на шею къ брату... Откуда взялся? Солнышко ясное... Родной ты нашъ... И въ живыхъ-то не чаяли... Ну-ка вѣдь, сердце мнѣ сказало... И не признаешь тебя... Похожева нѣтъ... Батюшка ты нашъ... Точно съ того свѣта...

— Ну, да ужъ будетъ... Не вой... Не люблю... Пойдемъ къ дому...

— Ахъ, дядинька-съ... говорилъ Иванъ, цѣлуя гостя въ плечо, и стараясь заглянуть ему въ лицо.

— Что, знаешь теперь?.. Узналъ?

— Извините: не зналъ-съ...

— Ну, на, поцѣлуй... продолжалъ тотъ, подавая руку.

Иванъ поцѣловалъ руку дяденьки.

— То-то... долженъ чувствовать... дядя твой... Ну, обними теперь...

Иванъ совсѣмъ усердіемъ обнялъ его.

— Ну, веди...

Во въ это время на шею къ нему бросился самъ Александръ Никитичъ, который долго смотрѣлъ изъ окна на пріѣзжаго съ недоумѣніемъ, и ни разу не подумалъ, что это его братъ, о которомъ больше 15 лѣтъ не было слуха и котораго считалъ умершимъ. Когда же сестра, по инстинкту крови или по предчувствію узнала его, онъ также поспѣшилъ на встрѣчу неожиданному гостю.

— Братъ... Харлампій... Неужто ты?... Вотъ не ждалъ-то...

— А-а... думалъ пропалъ... Осташковъ не пропадетъ...

— Да пойдемъ... Пойдемъ въ домъ-то...

— Веди... обратился Харлампій Никитичъ къ племяннику... Уваженія не оказалъ... Не призналъ... проговорилъ онъ, съ улыбкой кивая на Ивана.

— Гдѣжъ ему признать... Его еще и въ живыхъ не было, какъ ты въ службу-то ушелъ...

— А что ты, батюшка, али ножками-то слабъ... болятъ, видно, ноженки-то? спрашивала Наталья Никитишна, на радостяхъ не замѣтившая, что пріѣзжій братецъ пьянъ и стараясь подхватить его подъ другую руку.

— Раненъ... Контузію получилъ... растяженіе жилъ...

— Ахъ ты старатель нашъ... До чего ты дослужился... Упала же таки тебя, нехристи окаянныя... И здоровенькии-домой не дали воротиться.

Слезы такъ и текли ручьемъ изъ глазъ обрадованной Натал Никитишны, но она старалась не давать имъ воли послѣ того какъ братецъ сказалъ, что онъ женскаго вѣтья не любитъ. Иванъ вель уже дядю съ нѣкоторой гордостью, и при входѣ въ избу съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на тетку, которая такъ вошла вслѣдъ за ними. Дядя — офицеръ былъ дорогой гость выгодный, и желанный. Ему бы не хотѣлось имъ дѣлиться съ семьей брата.

— Вотъ, какъ пріѣхалъ къ намъ дядя, такъ и къ намъ въезжали... мелькнуло у него въ головѣ.

— Ну-ка, садись, братъ, садись... говорилъ Александръ Никитичъ... Усталъ, чай, съ дороги-то...

— Усталось, усталось... Три тысячи верстъ, вѣдь, проѣхалъ.

— Ахъ, батюшка ты нашъ... Эко мѣсто проѣхалъ... отозвалась Наталья Никитишна.

{ — Чѣмъ намъ дорогаго гостя подчивать-то...

— Извѣстно: военными напитками... Самоваръ вели наставить. А между прочимъ водки подай...

Александръ Никитичъ переглянулся съ Иваномъ. На лица ихъ выразилось нѣкоторое замѣпательство.

— За водкой-то я тотчасъ сбѣгаю... сказалъ впрочемъ Иванъ какъ бы отвѣчая на безмолвный вопросъ отца и что-то быстро сообразивши.

— А самоваръ-отъ у насъ возьмите... вмѣпалась Наталья Никитишна... Скажи, Ванюша, Катеринѣ, чтобы принесла, да приходила бы поскорѣе: дяденька, молъ, изъ полка пріѣхалъ... / чай-то съ сахаромъ... чай, нѣтъ у васъ... Тоже молви ей, что бы своего принесла...

— Да чтожь это у васъ... развѣ вы ужь врознь живете?..

— Да, ужь мы подѣлились... Я съ Никешей живу, отвѣчала Наталья Никитишна. Эко горе, Пиконора-то Александрыча нѣтъ дома... Помнишь, чай, его братецъ... Махонькій еще былъ какъ ты отъ насъ въ службу-то поѣхалъ, а ужь теперь у сего маго дѣти...

— Мало помню... Такъ вотъ вы какъ... Много же у васъ тутъ переѣвъ...

— Много всего было... подтвердилъ Александръ Никитичъ и сдержаннымъ неудовольствіемъ.

— Ну, а ты... Ванюшка... Смахай живо за водкой. Чаю попить можно: время ждетъ... А водки съ устатку требуется.

— Живо, дяденька, тотчасъ...

— Ну, смотри... люблю, чтобы живо было... по военному... Тебя приучать буду... Да вотъ что, братъ Александръ... ты отдай моему имщику за подводу... Я дорогой-то поистратился. Къ мелкія извѣсь... Два съ полтиной отдай...

Александръ Никитичъ замаялся.

— Такъ давай: я разбѣняю тебѣ... проговорилъ онъ какъ-то вѣршительно...

— Слышишь ты: въ дорогѣ изхарчился... Всѣ подошли... Изъ казначейства вотъ надо пенсіонъ получить...

— Такъ... на ассигнаціи два съ полтиной?

— Нѣтъ... нынче все на серебро... серебромъ...

— Такъ какъ же, братецъ, денегъ-то у меня теперь такихъ нѣтъ... Нѣтъ ли у тебя сестра Наталья?..

— Не знаю, есть ли съ естолько то?... Сбѣгать развѣ пошлю... Вотъ грѣхъ какой: Никешин-то нѣтъ... Да я сбѣгаю: пошлю... Можетъ наберу...

— Да у васъ какъ не быть деньгамъ: вы люди богатые... сказалъ Александръ Никитичъ съ горечью.

Наталья Никитинична не слышала этихъ словъ: она уже бѣжала домой, чтобы скорѣе воротиться къ брату.

— Да что развѣ въ скудости живешь? спросилъ Харлампій Никитичъ брата, оставшись съ нимъ наединѣ.

— Да съ чего въ достаткахъ-то жить?... Меня здѣсь сестрица съ старшимъ сыномъ славно обрѣзали: женила Никанора на холонокъ на какой-то, отдѣлились, да и земли чуть не половину взяли... Къ богатымъ господамъ поддѣльваются. Тѣ не оставляютъ... Вотъ и живутъ. А я вотъ съ Иваномъ кое-какъ и перебиваюсь на старости... Ужъ какіе мои достатки, съ чего тутъ разживаться...

— Какъ же онъ могъ... Никешка?... Противъ отца?... Его, значить, надо въ ежевѣя руки взять... Сократить... Вотъ я его...

— Не онъ одинъ... Съ нимъ-то бы я управился... А главное сестра захотѣла...

— Вотъ я ее...

— Да тутъ еще теща его... Такая скверная старушонка...

изъ холошокъ... Сбыли парня... Знать меня теперь не хотятъ. Никакой помощи отъ него не вижу...

— Вотъ я ихъ всѣхъ... Что? Противъ отца грубить?... меня всѣ будутъ смирно... по военному... смирно... равняйся. Не знаютъ они...

— Теперь вотъ только на одного Ивана и надежда...

— Наградить его... Я его награжу... А Никешку смиримъ. Что? Противъ отца? Цыцъ, не смѣть... руки по швамъ... Зна начальство... Эхъ, братъ, службы ты не знаешь... Ослабѣлъ?

— Много, братецъ, и годовъ-то... Ужъ вошь спину горбил стало... Эхе-хе... Да что говорить... Вотъ, слава тебѣ Господи, хоть тебя дождался... Ну-ка, а забылъ насъ совсѣмъ: хоть бы когда написалъ.

— Некогда... Служба... Долженъ... знаешь... каждую минуту...

— Да гдѣ же ты былъ-то, въ какихъ мѣстахъ?...

— Далеко... на Кавказѣ... Что Ванюшка пойдетъ долго.. Усталъ я съ дороги...

— Что, дяденька, живо ли? спросилъ Иванъ, входя въ это время съ полуштофомъ въ рукахъ.

— Ничего... Давай...

— Сейчасъ стаканчикъ...

— Слушай команду: давай... Стаканчикъ послѣ. Ты ее поставь... Мы и по военному можемъ изъ горлышка въ горлышко. А ты свое дѣло правь: стаканъ изготавляй...

И дѣйствительно, пока Иванъ ходилъ за стаканомъ, Харлампій Никитичъ приложилъ горлышко скляницы къ губамъ и, не переводя духа, высосалъ половину принесеннаго вина.

— Это насъ укрѣпляетъ.. проговорилъ онъ, опуская штофъ на столъ.

— Братъ, выпей... продолжалъ онъ, наливая принесенный между тѣмъ стаканъ.

— Кушай, братецъ, самъ-то... Ты съ дороги...

— Ничего... стаканчикъ выпей... А тебѣ, Ванюшка, не дамъ... Первое молодъ... Второе: надо принесть... Ха, ха, ха!... Сробѣли?... Ну, надо его наградить... за почтеніе отца... Выпей стаканчикъ.

— Да я не желаю, дядишка... Кушайте сами...

— Ну... Можешь ты?... знай команду: маюрку дають свою порцію прими и отходи прочь... Ну...

Браніи Никитичъ налилъ стаканъ и подалъ Ивану. Тотъ выпилъ.

— А тѣхъ я выправлю... Они не знаютъ .. Ванюшка... У меня будь всегда въ исправности: передо мной, значитъ... Я тебя награжу... А Никешку мы умножимъ... Поди принеси еще полштофа... Ящичку надо поднести... Онъ мнѣ пѣсни... Везъ хорошо... значитъ, служилъ... Ну и надо наградить... Чтожь сталъ, Пошолъ принеси... Я сегодня, значитъ, дома, въ свой домъ пріѣхалъ... Тридцать лѣтъ не былъ... Ну и вы должны меня вести... А послѣ я васъ стану... Вотъ въ казначейство...

— Пошелъ же Иванъ, промысли еще... приказалъ Александръ Никитичъ, не зная, что думать о братѣ.

Иванъ ушелъ.

— Чинъ-то, братецъ, у тебя какой?...

— Чинъ... Поручикъ...

— Значительный?...

— Значительный...

— И жалованье хорошесъ?...

— Пансіонъ по чину... Я въ отставку выпелъ...

— Пансіонъ. Такъ великъ ли?

— Говорятъ тебѣ по чину. Служилъ не мало: значитъ выслужилъ...

— Такъ ты, братецъ, теперъ, значитъ, со всѣмъ къ намъ пріѣхалъ?

— Совсѣмъ... На вѣчный отдыхъ... Такъ чтожь, ты не радъ то ли?...

— Что ты это... Богъ съ тобой... какое не радъ. Почитай тутъ не тридцать лѣтъ брата не видалъ, пріѣхалъ ты человѣкъ значительнымъ, за всѣхъ за насъ служилъ и выслужился, а еще бы мнѣ не радоваться... Теперъ ужъ я за тобой буду жить, какъ за каменной стѣной... Знаю, что не оставишь и въ чинъ недостаткахъ... Поддержишь брата...

— Поддержу... Это могу... Сказано: могу...

— Ужъ не оставь, братецъ... Что дѣлать? Бѣдность одолѣла. А едина не гнется идти, да добираться по богатымъ господамъ. Свой роль помню .. А можно бы... Вотъ Никаноръ живетъ... Хорошо... А все господскимъ живетъ подаяніемъ. Со мной не дѣлится... Забылъ отцовскую хлѣбъ-соль... Ну, да я и не жалею... Горько только, что поятцы нѣтъ стъ сына... Енъ тутъ было вздумалъ землю отнимать... Иванъ сына накосилъ, такъ

силою хотѣлъ взять. Подговорилъ какого-то разбойника, да избилъ у меня парня-то... Эхъ, горькос, братецъ, мое житье.. Не оставь хоть ты...

— Сказано: всёхъ ихъ вытяну... въ струнку поставлю... Никешку... Гдѣ онъ?... Подавай мнѣ Никешку... Подавай сей часъ... требую...

— Да его нѣтъ... Ушолъ, чу, опять по господамъ...

— Послать привести... чтобы явился... Сказать: поручик Осташковъ требуетъ...

Въ эту минуту вошла Наталья Никитишна, въ сопровожденіи Катерины, которая несла самоваръ.

— Вотъ, батюшка, братецъ, вотъ ужъ кое какъ набрала де нежекъ сколько требовалъ по приказу твоему... Кажись такъ.. Изволь ка сосчитать... говорила старуха, развязывая платокъ въ которомъ завязаны были деньги.

— Положи... сосчитаю... Никешку требую .. подать мнѣ его.. Поручикъ Осташковъ требуетъ къ себѣ...

— Батюшка, да онъ бы и самъ давно прибѣжалъ, только не бѣду дома-то его не случилось... Пошолъ къ какому-то господину грамотѣ учиться... Въ службу его хотятъ взять, такъ грамотѣ пошелъ обучиться, потому безъ грамоты въ службѣ нельзя самъ ты изволишь знать... А то бы, вѣдь, ужъ онъ и самъ давно прибѣжалъ, услыхавши, что дяденька прѣехалъ... А вотъ это его жена, Катерина... Славная бабенка... добрая, работящая. Под Катерина Ивановна, поцѣлуй у дяденьки ручку.

— Прочь... не доущу... Подать мнѣ Никешку. Какъ смѣл онъ неявиться,.. Отыскать мнѣ его:.. и привести живаго или мертваго... Слышишь... Вы не знаете...

— Батюшка, сейчасъ бы исполнила твой приказъ: нарочно бы Катерина сбѣгала, да не знаемъ, гдѣ онъ пребываетъ-то: у какого-то барина-то незнакомаго... Не растолковалъ онъ намъ.

— А испугался... Прячется... Найду... Самъ найду... и вызысканіе сдѣлаю... Противъ отца. Я вамъ дамъ... У меня, чтобы...

Иванъ явился съ новымъ полуштофомъ, а вѣдѣ за Иваномъ вошолъ ямщикъ: поручикъ Осташковъ не договорилъ своей фразы.

— Подай сюда... обратился онъ къ Ивану... Ты кто такой? спросилъ онъ ямщика.

— Али не призналъ, барицъ... Ямщикъ, что те везъ... Ишь ты ужъ какъ... на радостяхъ какъ тебя укачало...

— Что ты можешь мнѣ говорить... Ты кто такой?... Не знаешь...

— Да я ничего... Прогоните пожалуйста...

— Сколько тебѣ нужно?

— Знаете сами... за два рубля рядился... Да обѣщали еще прибавить... хорошо везь...

— Возьми... проговорилъ онъ невнятно, указывая на деньги, лежащія на столѣ...

— Да, вѣдь, тутъ братецъ два съ полтиной а ему слѣдуетъ только два, замѣтила Наталья Никитишна.

— Какъ ты смѣешь мнѣ говорить!.. Двугривенный ему прибавить... А то подай сюда!..

Наталья Никитишна, робко и съ недоумѣніемъ поглядывая на брата, исполнила приказаніе. Въ продолженіе разговора съ ящикомъ онъ почти безпрестанно пилъ водку, стаканъ за стаканомъ, и уже совершенно охмѣлѣлъ; глаза его помутнились, и слипались, языкъ начиналъ говорить невнятно, руки дѣлали произвольныя движенія, и сидѣть онъ не могъ уже прямо, не качаясь вѣсь туловищемъ.

— Водочки еще, баринъ, обѣщаль поднести, проговорилъ ящикъ, принимая деньги.

— Что... Пошолъ вонъ... Выгони его вонъ... Подай сдачу... обратился онъ къ Натальѣ Никитишнѣ, протягивая нетвердую руку. Та успѣшила положить въ нее оставшіеся за расчетомъ тридцать копѣекъ, которыя намѣревалась-было отнести домой, какъ ненужныя для брата; но братецъ положилъ ихъ въ карманъ. Осташковъ допивалъ остатки водки.

— Чтожъ, ваше благородіе, за что огнѣвался?.. Поднести обѣщаль... настаивалъ ящикъ. Вѣдь, какъ везъ-то... Скорѣе почтовыхъ...

— Пыщъ... не смѣть. Захочу—поднесу... Не захочу... Кто мнѣ можетъ... Подать мнѣ Никешку... Я его буду обучать... Смирно, руки по швамъ... Веди меня спать. койку: я рапень... Последнія слова едва можно было разобрать, но вся семья засуетилась, не зная гдѣ и какъ уложить дорогого гостя. Но пока приставляли лавки одна къ другой и покрывали ихъ разной одеждой, чтобы сдѣлать ложе поручика помягче, онъ уже спалъ, положи голову на столъ.

— Эхъ, баринъ... огась!... проговорилъ ящикъ, съ улыбкой.

Ну ужь и дорогой то не мало же курилъ... Да какой же седитый... бѣда!..

— Вся семья стояла около спящаго гостя, не зная какъ перенести его на приготовленную постель. Наконецъ Александръ Никитичъ рѣшился взять его подъ руку, Иванъ — подъ другую, безчувственного перетащили его и уложили на лавку.

Наталья Никитишна, съ убитымъ, печальнымъ лицомъ, помогала брату и племяннику, а Катерина въ страхѣ и недоумѣніи стояла надъ закипѣвшимъ уже самоваромъ.

— Ну, хозяйева, значить, прощайте. Счастливо оставаться говорилъ ящикъ, молча, но весело смотрѣвшій до сихъ пор на всю эту возню. — Али, можетъ, поднесете на радостяхъ, чтя гостя привезъ... Сродственникъ значить, что ли вамъ выходитъ

— Ну, ступай, ступай, пріятель... отвѣчалъ Александръ Никитичъ сердито. Что тебѣ еще надо?... Раздѣлку получилъ, — ну и съ Богомъ...

— Да оно извѣстно... мнѣ что... только что вотъ общалъ водки, говорить, поднесу... Да вотъ и не поднесъ... Думалъ что...

— Ну ступай, ступай: говорятъ...

— Да я уйду. Что мнѣ не уйти... Только что вотъ общалъ, — бормоталъ ящикъ, лѣниво подвигаясь къ двери... Прощайте вы коли такъ... Тоже, братецъ, видишь ты: господскую фантазію держать... Ступай вонъ... Лохмотники...

Послѣднія слова договорилъ онъ, затворяя за собою дверь в избу.

Наталья Никитишна, какъ опытная женщина, первая спохватилась посмотреть: все ли имущество брата вынесли изъ телѣги.

— Неужто у него только и поклажи всей, что этотъ узелокъ... Дай-ка сбѣгаю сама посмотрю въ телѣгѣ.

Ящикъ собиралъ уже возжи и приготовлялся сѣсть въ телѣгу, чтобы отправиться въ обратный путь, когда выбѣжала изъ избы Наталья Никитишна.

— Неужто, голубчикъ, съ бариномъ-то только и поклажи было, что одинъ узелокъ? спросила она, заглядывая въ телѣгу

— Али больше? грубо и насмѣшливо отвѣтилъ ящикъ. Настоящій-то баринъ съ хорошей поклажей къ вамъ бы и не пріѣхалъ...

— Да, что ты, другъ, собачишься, незная людей,.. окрыси-ся Наталья Никитишна.

— Невидалъ... Пусти-ка, баушка... Печего въ сѣнѣ-то рыть-ся: вустаго-то мѣста, видно, не найдешь... хоть по волосинкѣ его перебери... Вишь ищетъ... Не золото ли разсыпаль...

Ямщикъ засмѣялся.

— Да это печего, другъ, зубоскалить-то... Ты насъ не зна-ешь, и мы тебя не знаемъ. А, можетъ, что осталось въ телѣгѣ: ты увезешь, а послѣ тебя ищи...

— Такъ тащи... Что нашла?..

— Ну итѣ, такъ, вѣдь, съ тебя и не спрашиваютъ... А все посмотреть надо...

— То-то... надо... Печего тутъ, коли итѣ ничего... вымол-вить ямщикъ вскакивая въ телѣгу.

— Да ты откуда?

— Оттудова... Ну-ка вы... прикрикнулъ онъ на лошадей... А еще обѣцалъ: водкой, говорить, напою... Эй вы, слезы...

И Наталья Никитишна только его и видѣла; а у нея вдругъ родилось было сильное желаніе поразспросить ямщика о томъ, какъ братецъ ѣхалъ, что говорилъ и дѣлалъ дорогой.

Наталья Никитишна была совершенно смущена и разстроена страшнѣмъ поведеніемъ пріѣзжаго, безъ вѣсти пропадавшаго брата. Она сначала, на радостяхъ и не замѣтила, что гость пріѣхалъ въ полпьяна, но теперь видѣла, что онъ напился очень скоро, безъ всякой надобности и одинъ, безъ компаніи; и не знала она, что о немъ подумать, а признать его съ перваго раза просто пьяницей, ей было какъ-то больно, да и думать этого не хотѣлось. И откуда онъ пріѣхалъ, и какъ, и почему не привезъ съ собой ничего? Пріѣхалъ, напумѣлъ, ничего про себя не раз-сказалъ, взялъ денегъ; напился допьяна и завалился спать... Ничего не могла понять бѣдная старуха, но на сердцѣ у нея сдѣлалась тяжело и тошно, и радость вся прошла, точно сол-нышко вдругъ спряталось за тучкою. Катерина, которая со вре-мени семейнаго раздора никогда не ходила къ тестю, оставшись теперь одна у него въ избѣ, предъ суровыми взглядами родной, враждебной семьи, напуганная крикомъ и угрозами пьянаго дяди, не могла оставаться долго безъ защиты Натальи Никитишны и воспѣшила выйти вслѣдъ за ней.

— Что за чудо, тетушка, про Никанора-то Александрыча онъ

какъ... Неужто ужь они успѣли ему что наговорить и него...

— Видно что... покажѣ я за деньгами-то ходила.

— Да что онъ, тетушка, какой... Видно зашибается хлѣбкомъ?

— Не знаю, Катюша, не знаю, что и подумать. Сердце мое надѣлось вдругъ... точно что порвалось тамъ...

— Ты, тетушка, развѣ туда?... Я не пойду теперь... Матушка-то одна сидить. Я домой пойду...

— Ну, поди, поди... А я войду посижу, посмотрю еще и проснется ли... чай, не выгнать сестру-то родную.

— Да приходи-поскорѣе... расскажи что... Возвратившись домой, Катерина рассказала матери, которая въ это время гостила у нея, все подробно о новопріѣзжемъ дяденькѣ.

— Стало быть пьяный человекъ... больше ничего!... разсудил Прасковья Федоровна: либо запойный временемъ, либо кажинный день безъ просыпа... Это бываетъ и въ благородномъ звѣніи, и въ дворянскомъ. Небольно радость велика, что пріѣхал и слава Богу, что не у васъ остановился... А это конечно, что они успѣли на Никанора Александрыча наговорить. Да что же онъ можетъ ему сдѣлать... Развѣ вотъ только земель обидятъ... Такъ, вѣдь, не потерялъ бы только милость дворянства, совсѣмъ въ обиду не дадутъ... А вотъ, Богъ дастъ выучится грамотѣ, да на службу поступитъ, такъ ему и о землѣ-то больно горевать нечего... И безъ земли будетъ сытъ.. Только грамотѣ-то выучился... Вѣдь, какъ бы онъ былъ умный-и человекъ, да меня слушался, такъ давно и грамотѣ зналъ, и в службу бы давно служилъ... И не смотрѣлъ бы ни на кого.

Между тѣмъ Наталья Никитишна сидѣла около спящаго брата съ грустью посматривала на его измятое багровое лицо, вклокоченные волосы и усы. Онъ спалъ крѣпко, и храпѣлъ на всю избу, изрѣдка простаивая и мыча что-то.

Александръ Никитичъ сидѣлъ тоже призадумавшись, облокотясь на столъ, и отворотясь отъ сестры. Онъ не зналъ радоваться или горевать, что пріѣхалъ неожиданный гость.— Коли денги будетъ получать, да поддерживать меня станеть на старости лѣтъ, ну, такъ дай Богъ ему здоровья... А какъ онъ только пріѣхалъ на мои хлѣбы, да каждый-то день вотъ этакъ — ну такъ лучше бы онъ и не пріѣзжалъ... Ну, да тогда можно его къ Никанору спроводить... Лучше земли уступить... Раздѣлить

и совѣтъ... А, можетъ, вѣдь, кто его знаетъ. Можетъ, вѣдь, и жалованье большое получаетъ и мнѣ помогать будетъ.

Иванъ что-то перемигивался съ женой и насмѣшливо по-смыривалъ на тетку. Молчаніе было прервано Натальей Никитишной.

— Это ты, что ли, братецъ, пожаловался братцу-то Харышью на Никонара-то, что онъ очень на него въ сердце вошелъ?..

— Что мнѣ жаловаться-то... развѣ отцу на сына приходится жалобу приносить, хоть бы къ кому нинаестъ... развѣ есть кто больше отца?

— Ну, да все видно, что недоброе рассказали....

— Что есть, то и рассказалъ...

— Кажется, онъ тебѣ непочтенія не оказываетъ?...

— Ну, да и уваженія-то не много...

— Ужъ это грѣхъ, братецъ, тебѣ говорить: всегда онъ отъ тебя въ обидѣ...

— Въ обидѣ онъ, а кто сѣно-то хотѣлъ силой отнять, да зубы-то мнѣ выколотивъ?... отозвался Иванъ.

— Такъ, вѣдь, ты же у него сѣно скосилъ. Онъ свое хотѣлъ взять, не твое...

— Свое?.. Какое свое?.. Я по батюшкину приказу дѣлаю: ты онъ меня благословить, то и беру... Не мое и не его, а все родительское, пока родители живы...

— Хорошо тебѣ этакъ подмасливать-то, какъ ты при отцѣ живешь, а его обидѣли да обмѣрили во всемъ.

— Такъ онъ радъ отца-то за воротъ взять: дай мнѣ вотъ столько, а не эстолько... Не хочу владать чѣмъ благословилъ, а давай все: самъ безъ куска оставайся...

— Полно... Гдѣ ему за воротъ отца взять... Ты скорѣй возьмешь за воротъ-то какъ нужда придетъ... Онъ вотъ отцу то не больно грубить, даромъ, что всѣмъ отъ него обдѣленъ; а ты такъ вотъ теткѣ старухѣ рта не дашь разинуть...

— Да кто его обдѣлилъ?... сердито замѣтилъ Александръ Никитичъ. Кто его отдѣлялъ-то?... Кто съ нимъ дѣлился-то?... развѣ не самъ не захотѣлъ съ отцомъ жить?... Гнали его что ли?...

— Нѣтъ не отъ отца онъ ушелъ и я ушла не отъ тебя, а вотъ отъ кого... Наталья Никитишна указала на Ивана.

— Не приходится старшему брату за меньшаго спину гнуть

да во всемъ ему потрафлять... На тебя-то бы одного он угодилъ...

— Полно ты мнѣ... Знаю я васъ... Захотѣлось богатымъ быть... Думали: своимъ то домоу заживете, да во господамъ милостыню собирать будете, и съ отцомъ старикомъ дѣлиться и станете, такъ гадали разбогатѣть... Нѣтъ, кабы у меня деньги были, вы бы не ушли, небось, отдѣляться бы не вздумали.. Вотъ дядя пріѣхалъ... Вотъ напередъ знаю: коли увидите что есть деньги — станете ухаживать, кланяться, да къ себѣ зазывать, а коли разберете, что отъ него корысти нѣтъ, еще его же кормить надо, такъ и знать его не захотите... Не такъ, что ли?... Ну-ка ты мнѣ скажи отгадку: вотъ я загадалъ... Покажи-ка себя каковы вы есть...

— Я свое сердце знаю: мнѣ для роднаго своей крови не жалко, а не то что, что... Мы и для чужаго куска-то не жалѣемъ, а не то-что для своей родной крови... Только было бы у насъ...

— Да я знаю, что у васъ какъ себѣ, такъ все есть, а не себѣ, такъ и нѣтъ ничего.. Это мнѣ дѣло знакомое... И я бывало, захаживалъ къ вамъ съ нуждой-то своей, такъ съ пу-стыми руками уходилъ... Я... отецъ, а не то-что дядя...

— У самихъ нѣтъ, такъ негдѣ взять...

— Нѣтъ у васъ!.. Нѣтъ вы, я думаю, изъ всѣхъ господскихъ кармановъ удите... Остался ли хоть одинъ господскій дворъ, на которомъ бы милостыни-то вамъ не подавали?... Да вотъ погоди, увидимъ... а я напередъ говорю, коли увидите, что у брата есть деньги, посмотрите какъ станете увиваться да лебезить около него... А нѣтъ, такъ хоть бы его и на свѣтѣ не было...

— Полно, полно, грѣховодникъ...

— Эхъ, да хоть ужь сиди, да не говори со мной: не доводи до грѣха... Ему покой надо дать... А либо шла бы ужь домой: пока сонный-то, ничего не получишь, не выпросишь...

— Господи, экой языкъ эхидный... Кабы не родное было, неужто бы я стала сидѣть... Богъ ни съ тобой, я уйду... коли ужь ты этимъ меня попрекаешь... Видно, забылъ и ты мою старую службу... Мало я на тебя работала... Господь тебя суди...

— Прослезившись Наталья Никитишна вышла изъ избы брата. Жена Ивана тотчасъ же развязала тощій узелокъ

с имуществомъ дяди. Въ узлѣ оказалось двѣ ситцевыхъ пошитыхъ рубашки, да старый, кушанный, вѣроятно, нѣкогда у татарина и засаленный до послѣдней возможности, халатъ... больше ничего. И Александръ Никитичъ и Иванъ, вслѣдъ за любознательной женщиной, взглянули на имущество гостя.

— Не много же добра-то привезъ... мелькнуло у всѣхъ у нихъ въ умѣ, но никто другъ другу ничего не сказалъ, только вопросительно всѣ переглянулись.

— Говорить жалованье изъ казначейства будетъ получать... сказалъ наконецъ Александръ Никитичъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвія.

— Да велико ли? спросилъ Иванъ.

— Говорить, велико...

— А какъ онъ да все-то вотъ этакъ будетъ... земѣтила жена Ивана.

Александръ Никитичъ ничего не отвѣтилъ и только посмотрѣлъ на спящаго брата.

— Наталья Никитишна нѣсколько разъ приходила навѣдываться не проснулся ли братецъ, но онъ почивалъ до самаго вечера. Между тѣмъ Иванъ, отправившійся, по обыкновенію, въ Стройки погулять ради праздничнаго дня, нахвасталъ, что къ нимъ пріѣхалъ дяденька офицеръ, въ большихъ чинахъ и жалованье изъ казначейства получаетъ.

Харлампій Никитичъ проснулся уже вечеромъ, потребовалъ вазу, потомъ захотѣлъ ѣсть. Наталья Никитишна стала угощать его чаемъ. Начались разговоры, распросы о прежнемъ житьѣ-бытьѣ. Гость былъ мраченъ и неразговорчивъ: жаловался на усталость и головную боль, держалъ тонъ высокомерный и повелительный. О прежней своей жизни объяснялъ, что онъ прощолъ огонь и воду и выстрадалъ всякую муку: 12 лѣтъ былъ юнкеромъ по причинѣ непредставленія документовъ о дворянскомъ происхожденіи, потомъ, вскорѣ послѣ производства, по благородству своихъ чувствъ побилъ товарища офицера, за что былъ разжалованъ въ солдаты и посланъ на Кавказъ, гдѣ опять выслужился, но сталъ очень тосковать... Начальство не любило его за справедливость и строгій нравъ, и онъ рѣшился выйти въ отставку и ѣхать домой...

— Что же это, братецъ, не писалъ то намъ ничего?... спросила Наталья Никитишна.

— Что же вамъ было писать?.. Прежде писалъ къ брату... и денегъ просилъ... Много ли присылали!..

— Видишь, братецъ, наши достатки... Съ чего было мнѣ посылать... Только что самъ то кое-какъ тащился... съ голоду не помиралъ... Тоже ребятешекъ растить...

— Что же, развѣ моей-то частью не пользовался?... Вѣдь, надо думать, мы половинники съ тобой... Али нѣтъ?...

— А вотъ, братецъ, посмотри: много ли мы прибытковъ-то получаемъ... Вотъ поживешь — все увидишь... Да еще наши труды насъ кормятъ... А коли бы всю то нашу землю въ короткому отдать, въ чужія руки, такъ двадцати рублей напросишься... А я тоже, вѣдь, на первыхъ то порахъ посылалъ тебѣ...

— Посылали, посылали... И я посылала... подтвердила Наталья Никитишна.

— Посылали вы... родственники дражающіе... Пересылали ли въ годъ по пяти рублей?... Такъ вѣдь, на это собаку не прокормишь... Да ужъ вы сомной объ этомъ не разговаривать... Много я всего перетерпѣла... Теперь отдохнуть хочу... Самъ своей головой до своего ранга дошолъ... Ну, не хочу стараго поминать... только теперь слѣдуетъ беречь меня и изъ моей команды не выходить... А то всю подноготную разшевелю... За всѣхъ за васъ я одинъ служилъ... Теперь пріѣхалъ къ вамъ на отдыхъ... Должны чувствовать... Такъ то братецъ—сестрица... Пошлите-ка за водкой... Что-то голова трещить и къ сердцу подступаетъ... Со мной, вѣдь, тоска. Вотъ уже лѣтъ восемь... Это меня армянка изъ ревности испортила... Ну да и много на службѣ пострадалъ... опять же ранень... И съ домомъ своимъ въ разлукѣ жилъ... Теперь не могу безъ этого жить... Миѣ теперь много не нужно, а косушку требуется... Да вы не бойтесь. Что переглядываетесь?... Не все буду на ваши пить... Теперь въ дорогѣ издержался... деньги всѣ вышли... А вотъ изъ казначества пенсіонъ получу, на свои стану пить... Али ужъ и жалко стало?..

— Полно, братецъ, что ты... Сколько тебѣ угодно...

— То-то... У меня первое, чтобы повиновеніе было... Потому я заслужилъ своей кровью, самъ собой, одинъ... И характеръ въ себѣ имѣю свирѣпый, если кто какое препятствіе... Меня и начальство опасалось...

— Иванъ, бѣгавшій за водкой, возвратился съ пустыми руками и въ нерѣшимости переминался на одномъ мѣстѣ.

— Что же ты? Подавай... сказалъ Харлампій Никитичъ.

— Да не знаю какъ при васъ молвить то дяденька, чтобы не огнѣвались...

— Ну, говори...

— Да безъ денегъ-то, пожалуй, не дадутъ... А денегъ-то нѣтъ у насъ...

— Ты можешь мнѣ это говорить?... Къ тебѣ дядя въ гости прѣхалъ, а ты не можешь для него на гривенникъ водки купить... Да ты бы рубашку съ себя снялъ да заложилъ... Ты знаешь кто у тебя, дядя?... Пстой, погоди... На вотъ, есть... Харлампій Никитичъ вынулъ 30 копѣекъ, оставшіяся изъ принесенныхъ Натальей Никитишной, и нащупанныя имъ въ карманѣ.

— Поди, купи на всѣ... Да впередъ мнѣ не смѣть противорѣчать... Чтобы всегда было, когда спрошу... У меня такой нравъ... Получу пенсіонъ — распячусь... А чтобы у меня всегда было... Я безъ этого жить не могу... Потому тоскую и привычку получилъ... Дорогой деньги вышли... а выпить требуется... Да я сапоги съ себя сниму, а себѣ удовлетвореніе сдѣлаю... А вы мнѣ стали препятствовать... Вы мужьяки, выходить... родственныхъ чувствъ не имѣете. Видите человѣка... Заслужилъ себѣ чинъ... Должны уважать... А еще моимъ жили сколько лѣтъ...

— Братецъ, да ты не безпокойся... Все будетъ по твоему приказу.

— Такъ, что же мнѣ много, что ли нужно... косушкѣ-то?... Олухи...

— А вотъ что, братецъ, я тебя хотѣла спросить, вмѣшалась Наталья Никитишна, желая отвлечь его отъ непріятныхъ мыслей. Давеча ты започивалъ... спросить-то тебя нельзя было... все ли ящиче-то твое ящикъ-то принесъ: всего одинъ узелокъ...

— Много было... да дорогой меня обокрали...

— Обокрали?... Какимъ же это манеромъ?...

— Такъ... И самъ не знаю... Вынули, значить... Украли, да и шабашъ...

— Ахъ ты, Боже мой... А много было?

— Мало ли было... Всѣмъ было вамъ гостинцы везъ... Да платья двѣ пары... Бѣлье разное... Много всего...

— И все украли?...

— Чисто...

— Вотъ Божеское-то насланіе...

— Что ты станешь дѣлать... Вотъ теперь новое платье еще надо шить... Наталья Никитишна искренно ему повѣрила и горевала.

Но Иванъ принесъ водки. Харлампій Никитичъ выпилъ и повеселѣлъ. Головная боль и раздраженное состояніе духа его прошли. Онъ нѣсколько времени рассказывалъ роднымъ о своихъ походахъ, и всѣ слушали его съ благовѣрнымъ вниманіемъ, несмотря на то, что этотъ рассказъ былъ, и несвязенъ, и безтолковъ, и полонъ противорѣчій. Харлампій Никитичъ много нахвасталъ про себя, но ему вѣрили безпрекословно. И вся семья разошлась на этотъ разъ успокоенная и довольная, что Богъ возвратилъ ей такого заслуженнаго и почтеннаго родственника, который будетъ для нея и честью и поддержкой. На этотъ разъ изгладилось изъ души всѣхъ и первое неприятное впечатлѣніе отъ пьянства гостя: надѣялись, что, вѣдь, не каждый же день это будетъ. А съ дороги, и съ усталости, и съ прежняго горя, и съ радости, что воротился восвояси, могъ человекъ и закутить... А проспится—и пройдетъ...

На слѣдующіе за тѣмъ дни Харлампій Никитичъ уже объяснилъ себя окончательно.

— Харлампій Никитичъ былъ, что называется горькій. Онъ давно уже страдалъ этимъ недугомъ, и за него долженъ былъ разстаться со службой. Безрадостная, безпріютная, одинокая жизнь, безъ родственныхъ связей, безъ всякихъ нравственныхъ интересовъ, помогла развиться и укорениться въ немъ этой болѣзни. Врожденные, дикіе инстинкты природы его, ничѣмъ не останавливаемые, поддерживали въ немъ эту страсть: Харлампій Никитичъ не могъ уже существовать безъ водки. Мрачный отъ природы характеръ, при не возможности удовл. творить этой потребности, доводилъ его до крайней злобы, почти до бѣшенства. Весь остатокъ мыслительной способности его былъ направленъ на средства добыванія этого необходимаго для его жизни продукта. По выходѣ въ отставку, онъ шлялся нѣсколько времени по своимъ бывшимъ товарищамъ и знакомымъ, но мало по малу и тѣ стали отворачиваться отъ него. Харлампій Никитичъ вспомнилъ о домѣ, о родныхъ, и рѣшился возвратиться къ нимъ. Наполовину пѣшкомъ, наполовину съ возовиками совершилъ онъ свой дальній путь, истратилъ въ дорогѣ весь свой маленькій запасъ деньжонокъ, вещь за вещь продалъ и заложилъ все свое платье, но за тридцать верстъ передъ домою нанял

вару лошадей, чтобы явиться на свою родную сторону приличнымъ образомъ, достойнымъ заслуженнаго поручика Осташкова, и не уронить себя съ разу въ глазахъ родныхъ и сосѣдей.

Прїездъ его совершенно нарушилъ порядокъ обычной жизни обитателей Охлопковъ. На другой же день Харлампій Никитичъ, оклячившись сначала у брата, отправился въ гости къ сестрѣ. Александръ Никитичъ и Иванъ не пошли съ нимъ, и напомнили ему при этомъ о своей семейной враждѣ, жаловались на Никанора, рассказывали объ его жадности къ деньгамъ, о непочтеніи къ родителю, о намѣреніи отнять насильно всю землю. Обвиняя Никешу, главной виновницей и подбивательницей во всемъ этомъ, указывали Прасковью Федоровну. Харлампій Никитичъ все это принималъ съ сѣденіемъ и пошелъ въ гости къ сестрѣ, сильно предубѣжденный противъ Никешы и Прасковьи Федоровны.

Наталя Никитишна, не смотря на рабочую пору, ради дорогаго гостя осталась дома и не пошла на работу. Все, что только было у нея въ домѣ, все, что только можно было достать на ея скудныя средства, все было приготовлено для угощенія братца. Самоваръ кипѣлъ на столѣ, среди твердыхъ какъ камень заварныхъ кренделей и красныхъ медовыхъ пряниковъ; въ печкѣ пылалъ огонь и жарилась курица, опара для блиновъ и яица для яичницы были на-готовѣ. Разумѣется не была забыта и водка: Наталя Никитишна уже догадывалась, что безъ этого снадобья какое угощеніе не было бы по мысли дорогаго гостю.

Прасковья Федоровна сохраняла по обычаю свой спокойный и важный видъ, но въ душѣ была не спокойна: соображая все то, что рассказывала дочь и Наталя Никитишна, она предчувствовала, что гостя, конечно, вооружили противъ нея и не ждала ничего прїятнаго отъ его посѣщенія, да и вообще отъ самаго его прїезда. Катерина уже чувствовала къ нему нѣкоторый страхъ и хотѣла было уклониться отъ новаго свиданія съ дядей подъ предлогомъ полевой работы; но тетка отсвѣтовала ей уходить, влагая, что дяденька обидится и разсердится еще больше, зато, что сама хозяйка не хотѣла его встрѣтить.

Наталя Никитишна, вся была поглощена стращаніемъ и заботой угодить братцу, котораго столько лѣтъ не видала и въ живыхъ не чаяла. Впрочемъ она часто отрывалась отъ печки, чтобы взглянуть нейдетъ ли гость. Наконецъ Харлампій Никитичъ показался на улицѣ, и шолъ къ нимъ. Онъ еще не былъ пьянъ, и шолъ твердой поступью, забывши, что наканунѣ раз-

сказывалъ о своихъ ранахъ. Наталья Никитишна и Катерина за суетились и бросились на крыльцо встрѣчать гостя. Прасковья Федоровна сдѣлала было тоже движеніе идти къ нему на встрѣчу, но удержалась и осталась въ избѣ, впрочемъ пересѣла на другое мѣсто, подальше отъ стола, поближе къ печкѣ. Харлампій Никитичъ вошелъ сумрачный, целасковый; Наталья Никитишна слѣдовала за нимъ, обливаясь радостными слогами.

— Ахъ гость дорогой, ахъ родной ты мой... Ну-ка, думали я, что доживу до такой радости... приговаривала она, идя за нимъ.—Садись-ка, садись, батюшка ты нашъ, свѣтлое мое солнышко... Милостя прошу... Посмотри-ка на наше житье бытье.

Прасковья Федоровна встала и молча поклонилась.

— А это кто? спросилъ Харлампій Никитичъ, садясь за стол и указывая на Прасковью Федоровну.

— Ахъ, батюшка... Это моя свахонька, Никешина тещенька вотъ Катерины Ивановны маменька.

— Прощу не оставить вашимъ пріятнымъ расположеніемъ.. проговорила Прасковья Федоровна, какъ-то чинно и сдержанно Харлампій Никитичъ ничего не отвѣчалъ.

— Она, можно сказать, нашему Никешинькѣ свѣтъ дала и в люди его пустила, продолжала Наталья Никитишна. Вотъ почти на однѣ ея деньги и избу выстроили и обзаведеніе все сдѣлали... Чѣмъ прикажешь тебя, золотой, просить-то сначала: чайкомъ что ли, али водочки выкушаешь...

— Водки подай... Что-то такъ... все съ дороги-то... не хо рошо....

— То-то, мой родной... Пожалуй-ка, выкушай... Вотъ такой грѣхъ Никанора-то Александрыча нѣтъ, да и не знаемъ гдѣ взять... Хозяина-то нѣтъ, а кабы онъ былъ все бы ужъ лучше... Что мы дуры-бабы безъ него знаемъ... Онъ бы ужъ лучше зналъ какъ тебя угостить... Тоже вѣкъ свой между господами живетъ. И какъ его любятъ господа... какъ почитаютъ!.. Ужасно какъ всѣ имъ довольны остаются, угодить что ли онъ умѣетъ... Всѣ на-перебой другъ противъ друга... Такъ и зовутъ такъ и зазываютъ... Дома-то не дадутъ посидѣть... Катюша тамъ яичницу-то... да блинковъ-то пеки, а я вотъ чаю-то налью... Да не угодно ли еще водочки-то?.. Я подамъ... Сколько угодно... Кушай...

— Да ты поставь ее сюда... Какъ мнѣ фантазія придетъ, я выпью...

— Сейчасъ, родной... сейчасъ... Не знаю, вѣдь, я... Не обична этому... Пожалуй-ка на доброе здоровье... кушай... Да погудилась бы ты Прасковья Федоровна, разлила бы чай-то... ты къ этому сручишь... А я бы Катюшѣ-то помогла около печки-то... Горяченькихъ-то ему поскорѣе закусить, моему родному.

— Извольте... Отчего же... опять тѣмъ же чопорнымъ тономъ проговорила Прасковья Федоровна, подсаживаясь къ самовару.

— Вы, видно, лучше брата-то... Александра живете? замѣть Харлампій Никитичъ. У того самовара-то нѣтъ...

— Слава Богу живемъ... Жили и еще лучше, да вотъ только дѣтки-то насъ сминать стали... Ну, да благодаря Бога, да господамъ, двоихъ теперь пристроилъ Никаноръ-то Александрычъ къ мѣстамъ: одну барыня богатая въ дочки взяла, а другаго въ ученье отдалъ... Да ужь и самъ надумалъ въ науку идти... Сказывала я тебѣ вчера... Выучусь, говорить, на службу поступлю... Это ему господа все, благодѣтели, дѣлають. Пожалуй-ка горяченькихъ-то блинковъ... съ яишенкой-то...

— Нѣтъ, у нихъ лучше!.. думалъ про себя Харлампій Никитичъ выпивая пятую рюмку и закуривая. Хотѣлъ всѣхъ съ разу огрѣть, да, видно, погодить... Угождають...

— Коли самому хорошо, надо бы и отцу-то помогать, не оставаясь его въ старости, сказалъ онъ вслухъ. — Зачѣмъ онъ почтенія не оказываетъ... Я этого не люблю... Въ службѣ онъ не бывалъ... Не знаетъ...

— Ахъ, братецъ, и не грѣши: не слушай ихъ... Вотъ ты увидишь: онъ всегда съ полнымъ почтеніемъ къ родителю... А ужь отъ него, такъ онъ обиженъ... И обида вся выходитъ отъ брата Александра—черезъ Ивана... Онъ все подбиваетъ отца противъ нашего-то... Вѣдь, вотъ теперь и въ глаза, и за глаза скажу: вѣдь, первые-то годы Никеша-то жилъ одной Прасковьей Федоровной... вѣдь, отецъ-отъ ничѣмъ ничего не далъ... Всѣмъ на ея кочѣ заводились... Опять же въ землѣ какую прижимку сдѣлали... Мы, вѣдь, пятой частью супротивъ ихняго-то не владемъ... А земля въ пустѣ лежитъ, либо Ванюшка-то на сторону отдаетъ, да деньги-то прогуливаетъ отъ отца потихоньку.

Вотъ, вѣдь, какъ... А мы въ обидѣ... своимъ добромъ не пользуемся...

— А я пользовался двадцать-то пять лѣтъ?... Много отъ вас получалъ?.. И забыли, что братъ есть... прикрикнулъ Харлампій Никитичъ.— Вотъ я посмотрю, какое онъ мнѣ вочтеніе-то будетъ оказывать... Коли Никаноръ въ обидѣ, я долженъ его наградить... если станетъ меня почитать и слушаться... А не будетъ почтенія оказывать... станетъ отбиваться: у меня берегись.. Я не посмотрю, что къ господамъ ѣздить... Я самъ поѣду... люблю: у меня подтянись и стой... жди приказа... Приказъ получилъ... на лѣво кругомъ, маршъ... Справляй свое дѣло. Первое дѣло: знай дисциплину... Слушай команду... Будь справедливымъ... Чести своей не роняй... Вотъ и будетъ офицеръ... Ты баушка, это слыхала, али не знаешь? обратился онъ къ Прасковье Федоровнѣ.

— Попало тебѣ въ лобъ-то... Солдафонъ ты я вижу не образованный... мелькнуло въ головѣ Прасковьи Федоровны.

— Конечно я въ военной службѣ не была, отвѣчала она степенно; но понять васъ могу, потому выросла промежду господ и на господахъ. Слыхала и военные разговоры, какъ въ военной службѣ служатъ...

— То-то... Смотри... значить, должна внушать... Я не люблю... Къ старшимъ и къ начальству, будь почтителенъ, родителей уважай...

— Я не знаю къ чему вы это говорите. А если на-счетъ Никанора Александрыча, такъ конечно, онъ теперь самъ въ возрастъ вошелъ и по своимъ знакомствамъ съ господами можетъ и самъ свои понятія имѣть; но только я вамъ скажу: я ему всегда старалась внушать, что онъ долженъ наипаче всего на свѣтѣ своихъ родителей почитать... Хотя я старуха не ученая и не грамотная, но однако же довольно на своемъ вѣку жила и видала, что непочтеніе къ родителямъ, а также и къ старшимъ себя; ни до чего добраго довести не можетъ... Это я не только Никанору Александрычу, какъ моя дочь за нимъ въ замужествѣ, но даже и всякому готова сказать... потому съ опыта говорю...

— Погоди... много не говори... Я не люблю... ты меня слушай... что я скажу... Наталья, дай еще водки... Живо... Теперь я пріѣхалъ... значить заслуженный человекъ... поручикъ... Онъ, Никешка, меня долженъ уважать... Я могу его наградить... Если онъ отъ отца обиженъ, я могу приказъ отдать...

...ему дядя, поручикъ Остапковъ... Онъ долженъ чувствовать...
 И могу въ должность теперь... въ исправники... потому я ра-
 нтъ... слабъ здоровьемъ... опредѣленіе могу получить... И васъ
 ктъ благодѣтельствую... Доходы большіе у исправника... Куп-
 ю деревню... Могу!.. Ну и награжденіе выдамъ... Наталья... это
 курпа?..

— Курпа, батюшка, курпа... Покушай-ка на доброе здо-
 ровье.

— Наталья... поди сюда... Я теперь заслуженный человекъ...
 И твои чины, медали... Уважаешь ты меня?..

— Ахъ, родной ты мой, да какъ же намъ всѣмъ тебя не ува-
 жать... Ты у насъ одинъ...

— Ну, хорошо... ступай... А ты уважаешь?..

Харлампій Николаичъ устремилъ свои воспаленные глаза на
 Катерину.

— Уважаю, дяденька... Какъ же можно...

— Ну, хорошо... А ты, баушка, уважаешь?..

— Какую же я имѣю возможность не уважать васъ? Первое,
 что вы...

— Ну, хорошо... молчать... Никешка долженъ уважать... Те-
 перь я значительный человекъ... я раненъ... поручикъ Остап-
 ковъ... Вы меня уважаете... Братъ васъ обижаетъ... Я васъ хочу
 наградить... Я у васъ останусь... Къ брату я не пойду... съ
 тали буду жить. Онъ и меня обижалъ... не присылалъ денегъ ..
 Я у васъ останусь... Ну, кладите меня спать...

Наталья Никитишна слѣшила уложить брата—и онъ тотчасъ
 же захрапѣлъ. Сбившись въ уголокъ женщины въ тихомолку раз-
 суждали о намѣреніи гостя остаться у нить на житье. Наталья
 Никитишна выражала поэтому случаю совершенное удовольствіе,
 Катерина не знала радоваться ей, или огорчаться и вопросительно
 взглядывала на мать, а Прасковья Федоровна рассуждала такимъ
 образомъ:

— Коли Харлампій Никитичъ при своемъ чинѣ, да будетъ
 содержать себя поумѣрениѣ, пойдетъ въ дворянскую компанію
 и получитъ должность—ну, такъ само собой, счастливъ Ника-
 воръ Александрычъ... лестно ему будетъ и передъ господами,
 закономными на этакого дядю показать... Черезъ него и Никанору
 Александрычу въ господахъ пріемъ совсѣмъ другой будетъ...
 А, коли, да избави Богъ и не къ осужденію будь сказано, Хар-
 лампія Никитича, коли онъ, да все такъ будетъ зашибаться

хмѣлемъ, ну такъ, мать моя, радости вамъ будетъ не много. Вотъ помяните мое слово...

— Полно, Федоровна, вѣдь, это такъ чай, только съ дорог да съ радости, что на свою родную землю ступилъ... Неуж ужъ такъ таки и станетъ каждый день курить... возража Наталья Никитишна. Вѣдь, тоже, онъ въ службѣ былъ, до большихъ чиновъ дошелъ, а этакого бы и въ службѣ держать стали: давно бы выгнали...

— Ну, не знаю... А бываетъ, мать моя, всяко бываетъ... И вѣстно, дай Богъ, дай Богъ...

ХІ.

Проспавшись Харлампій Никитичъ не измѣнилъ своего намеренія поселиться у Никанора; но, не желая обидѣть брата, сказалъ ему, что онъ будетъ жить въ обоихъ семьяхъ, чтобы никому не было завидно, и обѣщалъ Никешку покорить отца Александръ Никитичъ сначала было оскорбился тѣмъ, что братъ приравнивалъ его къ сыну, который у него находится подъ гнѣвомъ, и къ бабамъ, съ которыми онъ ссорился, но, не зная ея матеріальныхъ средствъ брата, сомнѣвался—не слѣдуетъ ли ему радоваться, что онъ надумалъ избавить его отъ себя. Одно только боялся старикъ, какъ бы пріѣзжій братъ не потребовалъ формальнаго раздѣла земли; но предполагалъ навѣрно, что семейная вражда вслѣдствіе этого обстоятельства готова была рагорѣться еще сильнѣе; но Александръ Никитичъ затаилъ до времени свой гнѣвъ.

Семья Никешки съ перваго же дня почувствовала всю тяжесть сожителства съ Харлампіемъ Никитичемъ. Въ теченіи недѣли онъ загонялъ бѣдныхъ женщинъ до того, что они знали что имъ дѣлать, и стали въ совершенный тупикъ. Отто и дѣло требовалъ вина и напивался каждый день по нескольку разъ. Когда онъ осмѣлился было заикнуться, что имъ нѣтъ денегъ на вино, Харлампій Никитичъ поднялъ такой шумъ, такъ ругался и бурмилъ, что Наталья Никитишна въ попыхахъ сама побѣжала въ Стройки занять денегъ, и купить водки, чтобы только унять грознаго брата. Съ Прасковьей Федоровной Харлампія Никитича не взяли лады: ему понравилась ея степенность и разсудительность; онъ безпрестанно придирался къ ней, не смотря на то, что она старалась о

дѣлать молчаніемъ: безпрестанно попрекала ее, что она ховка и испортила своей кровью фамилію Осташковыхъ. Гордая паруха оскорблялась и нѣсколько разъ собиралась уйти къ себѣ домой, но слезныя просьбы напуганной дочери ее останавливали.

Въ пищѣ Харлампіи Никитичъ тоже прихотничалъ и каждый день требовалъ мяса, хотя семья Никеша, особенно въ его отсутствіе, считала для себя это кушанье непозволительной роскошью и довольствовалась молочной пищей. Маленькихъ дѣтей, Харлампіи Никитичъ напугалъ до того, что они боялись при немъ юти въ избу и убѣгали прочь отъ него съ визгомъ и крикомъ, что очень забавляло пьянаго дикаря. Только и отдыхала семья въ тѣ минуты, когда гость уходилъ къ брату. Тамъ онъ очень подружился съ Иваномъ, который, воспользовавшись наклопностями дяди и самъ отчасти имѣя такія же, доставалъ гдѣ-то денегъ и кутилъ съ нимъ потихоньку отъ отца. Иванъ познакомилъ дядю съ нѣкоторыми веселыми ребятами въ Стройкахъ и водилъ его туда. Эти походы давали иногда семьѣ Никеша временный отдыхъ; но какъ только гость возвращался, въ домѣ подымался дымъ коронысломъ. Ни Александръ Никитичъ, ни Иванъ теперь уже не звали къ себѣ Харлампіа Никитича и даже внутренно радовались, что онъ освободилъ ихъ отъ своего постоянного пребыванія. Но Иванъ не забывалъ вооружать пьянаго дядю противъ Никанора и всей его семьи, и Харлампіи Никитичъ, возвращаясь домой, иногда свирѣпствовалъ, несмотря на всѣ угожденія.

Никогда еще отсутствіе хозяина не чувствовалось такъ въ семьѣ Никеша, какъ въ эти тревожные дни: и въ полѣ-то все стало, и денегъ-то нѣтъ, и расходы не по силамъ, и надо всѣмъ этимъ точно бить, посланный съ неба—дорогой гость, не жданный, не прошенный. Часто, собравшись въ кучку, въ слезахъ, разсуждали бѣдныя женщины, что имъ дѣлать и какъ бы отыскать Никанора Александрыча, чтобы повѣстить его о томъ, что дѣлается въ домѣ. Прасковья Федоровна хотѣла было ѣхать къ Палёнову, чтобы отъ него узнать о Никешѣ. Харлампіи Никитичъ, какъ нарочно объявилъ, что завтра или послѣзавтра онъ поѣдетъ въ городъ за жалованьемъ на ихней лошади вмѣстѣ съ Иваномъ—и лошадь не смѣла тронуть, хотя Харлампіи Никитичъ и завтра и послѣзавтра только собирался, но не ѣхалъ. Рѣшились командировать Катерину къ Палёнову пѣшкомъ, чтобы отыскать мужа, какъ вдругъ онъ явился самъ, совершенно неожиданно.

Никогда возвращеніе Никеша не приносило въ домъ его той радости, какъ въ этотъ разъ, между тѣмъ какъ самъ онъ тоже въ первый разъ возвращался домой такой смиренный, такой сконфуженный, съ такимъ сознаниемъ своего ничтожества съ такимъ разочарованіемъ во всѣхъ надеждахъ. Харлампій Никитичъ еще спалъ, когда Никеша робко и нерѣшительно приходилъ къ своему дому, не зная какъ объяснить домашнимъ, иронія своего достоинства, причину бѣгства отъ Карѣева и предвременного возвращенія домой. Его замѣтили въ окно и вбросились изъ избы къ нему на встрѣчу. Катерина почти съвоемъ повисла у него на шеѣ, у старухъ лица были вытянутыя, печальныя, а Наталья Никитишна смотрѣла даже какъ будто была виновата въ какомъ преступленіи: она внутренно обвиняла себя въ томъ, что пригласила брата въ домъ племянни и тѣмъ внесла къ нему раззоренье. Никеша остолбенѣлъ от удивленія, смотря на все это непонятное для него смущеніе, горе, и радость отъ его возвращенія.

— Да что у васъ подѣлалось? спросилъ онъ наконецъ съ испугомъ. Все ли въ домѣ здорово?

Женщины смотрѣли другъ на друга, не зная какъ ему отвѣтить.

— Да что такое?.. Пойдемте же въ домъ-отъ...

— Нѣтъ, родной, не ходи, сказала Катерина.

— Да что же такое?.. Скажете ли вы мнѣ...

— Дяденька твой пріѣхалъ... отвѣтила наконецъ Прасковья Федоровна.

— Какой дяденька?

Тутъ ужъ всѣ женщины заговорили въ одинъ голосъ, рассказывая каждая по своему и на перебой одна передъ другой такъ что Никеша съ трудомъ наконецъ могъ понять въ чемъ дѣло.

— Вотъ напугали-то... совсѣмъ было съ ума свели... Думал и невѣсть что, сказалъ онъ. Такъ что что онъ дяденька: развѣ онъ долженъ буянить и даромъ опивать да объѣдать меня! Коли хочеть по хорошему, такъ пожалуй живи... А то, вѣдь, можно и по шеямъ... Что мнѣ, что онъ офицеръ... Я самъ про себя живу, не про кого...

Никеша былъ отчасти радъ этому неожиданному обстоятельству, устранявшему необходимость объяснять семье причину своего возвращенія и доставлявшему возможность показать сво-

нѣтъ семейныя, что онѣ хозяйнѣ ихъ и глава, безъ котораго они ничего не могли сдѣлать.

— У меня нѣтъ про него денегъ на водку... Коли хочешь—погуляй на свои... А станетъ бурлить, я его уйму по своему...

— Нолно, Никоноръ Александрычъ, да ты съ нимъ не связывайся... Онъ убьетъ... говорила Катерина. Ты посмотри-ка и него, какой онъ... Страхъ ужастъ смотрѣть... Того и смотри, не зашибеть...

— Ну еще кто кого... Я и караулъ закричу, храбрился Никоноръ.

— А по моему, Никоноръ Александрычъ, тебѣ съ дядей въ спору вступать безъ нужды не годится, замѣтила разсудительно Прасковья Федоровна: потому онъ тебѣ дядя, и офицеръ, чело-вѣкъ старый и заслуженный... Можетъ, онъ видѣлъ, что мы женщины, такъ насъ и понималъ, что мы бабей породы, и куражился надъ нами: что, молъ, на нихъ смотрѣть, что онѣ могутъ сдѣлать?.. Ну, да мы бабы, бабы и есть... А ты мущина, можетъ тебя и посовѣстится... и послушаетъ... Ты съ нимъ въ спору не входи, а со всѣмъ своимъ почтеніемъ Расскажи ему, что ты чело-вѣкъ бѣдный, ничего не имѣешь и самъ живешь милостями благодѣтелей, что тебѣ взять не изъ чего... Что-молъ и, дяденька, очень вамъ радъ, только что же, молъ, мнѣ дѣлать, коли нѣтъ у меня достатковъ... Радъ бы радостью вамъ всякое угощеніе сдѣлать, да вѣдь, молъ, не въ разоренье же мнѣ идти со всей семьей... Такъ ты все добромъ, да лаской съ нимъ поговори. Ну, а коли и тебя не послушаетъ, станеть буяннить...

Опять же ты вѣжливымъ манеромъ скажи ему, что-молъ, дяденька, я самъ не безъ защиты живу, что, дескать, меня всѣ зыбшіе господа любятъ и жалуютъ, и въ обиду не дадутъ. Вотъ мое какое мнѣніе... А тамъ какъ знаешь... А я бы такъ желалъ...

Всѣ согласились съ этимъ мудрымъ совѣтомъ и пошли въ избу.

На вопросъ, сдѣланный мимоходомъ: отчего Никоноръ Александрычъ такъ скоро и неожиданно воротился, онъ отвѣчалъ, что стосковался о домѣ и пришелъ понавѣдать. Этимъ отвѣтомъ не только удовольствовались, но и остались очень довольны.

Скоро проснулся и Харлампій Никитичъ, спавшій въ холодной сѣнцѣ. Съ шумомъ вошелъ онъ въ избу, мрачный и свирѣпый съ похмѣльемъ.

— Водки!.. вскричалъ онъ, садясь на лавку.

— Здравствуйте, дяденька... проговорилъ Никеша, не совсѣмъ смѣло подходя къ грозному дядѣ.

— Кто ты такой? спросилъ Харлампій Никитичъ... Никеша что ли?

— Точно такъ-съ... Я вашъ племянникъ... Никаноръ Осташковъ... Здравствуйте, дяденька...

Никеша потянулся было, чтобы поцѣловаться.

— Ну, здорово... Погоди... Водки подай... голова болитъ..

Харлампій Никитичъ отстранилъ Никешу отъ поцѣлуя...

— Есть ли, тетенька водка-то?.. Подайте, когда есть...

Женщины засуетились и поставили на столъ остатки отъ вчерашней покупки. Харлампій Никитичъ тотчасъ выпилъ.

— Гдѣ ты былъ? спросилъ онъ Никешу.

— Да тутъ, у знакомыхъ господъ...

— Меня твои бабы плохо слушались... Не уважали... Я этого не люблю... У меня слушать команду...

— Я дяденька съ полнымъ удовольствіемъ... Что угодно.. Стало бы только нашихъ достатковъ... чѣмъ богаты тѣмъ и рады... А въ чемъ наши недостатки—ужь не взыщите...

— Ну, то-то смотри... Я человекъ военный... Люблю повиновеніе... Ты тутъ противъ отца... Смотри у меня... Я потачки не дамъ... Я по военному поверну...

— Помилуйте, дяденька... Я, кажется...

— Ну, молчать... Давай еще водки...

— Есть ли водка-то? спросилъ Никеша, обращаясь къ домашнимъ.

— Водка-то вся вышла... робко и нерѣшительно отвѣчала Катерина.

— Нѣту водки, дяденька... Вся вышла...

— Ну, сбѣгать поскорѣе... Зачѣмъ довели, что вся вышла. Говорилъ чтобы не переводилась... приказывалъ... Живо сбѣгать... Ждать не люблю...

— Сейчасъ, дяденька, пошлю-съ... Только денегъ у меня вѣ умаленьи... Денегъ пожалуйста...

— Что ты мнѣ можешь говорить... заоралъ Харлампій Никитичъ. Съ кѣмъ ты говоришь... Дядя... поручикъ Осташковъ.. могу облагодѣтельствовать... Этакъ ты почитась? .. Ахъ ты... ты не знаешь...

— Что же дѣлать, дяденька... Радъ бы радостью, да денегъ нѣтъ-съ... Взять негдѣ...

— Молчать... чтобы сейчас было... Живо...

— Да нѣтъ-съ, дяденька... ужь извините, пожалуйста... Не идите денегъ, такъ видитъ Богъ не на что намъ купить... Са- ни съ копѣйки на копѣйку скачемъ...

— Какъ?.. Что?.. Ты мнѣ грубить... Я кто? Сейчасъ поди нись...

— Да извините, дяденька... Вся вина наша въ томъ, что бѣд- ность наша... А только взять денегъ негдѣ, коли сами не по- кажете...

— Да я тебя... уничтожу... въ бараній рогъ согну... Поди сюда сейчасъ... я тебя прибую... сейчасъ поди...

— Вся семья Никеша стояла ни жива, ни мертва, ожидая грозы великой, но Никеша захотѣлъ себя показать передъ ней: каковъ онъ есть.

— Ну, нѣтъ ужь, дяденька: просимъ извиненія... Отъ побо- ев-го мы ушли... Спину я вамъ подставлятъ не намѣренъ... Харлампій Никитичъ разсвирѣпѣлъ окончательно.

— Такъ ты такъ... Ты и со мной этакъ... погодижь я тебя выучу...

Вооружившись чубукомъ онъ поднялся на Никешу съ угро- жающимъ жестомъ. Женщины заверещали въ одинъ голосъ.

— Да что жь ты драться что ли вздумалъ... вступился за себя Никеша. Я самъ не поддамся, только тронь... Я караулъ кричу... Сдачи дамъ...

— Ты смѣешь... Противъ меня... Офицеръ... Поручикъ Остап- ковъ... дядя твой... кричалъ Харлампій Никитичъ, наступая съ воднятыиъ чубукомъ.

— Не тронь... Говорятъ, сдачи дамъ... Что мнѣ за дѣло, то ты офицеръ... Какой ты дядя, что пріѣхалъ въ мой домъ да разорить меня хочешь... возражалъ Никеша, отступая.

— Батюшки, родные, отстайте... кричали женщины...

— Кормилецъ ты мой... уговаривала Наталья Никитишна брата, стараясь удержать его за руку...

— Прочь, вѣдьма... вскричалъ поручикъ, опуская чубукъ на сестру.

— Да что ты, въ самомъ дѣлѣ буянишь... Никеша бросился на дядю и вырвалъ у него чубукъ.

— Такъ я тебѣ награжденія не дамъ... наслѣдства лишу... Съ земли сгоню... Тфу вамъ, ракалія... погодижь... я вамъ удружу... кричалъ обезоруженный поручикъ, направляясь къ

двери. Хотѣлъ благодѣтелемъ быть.. По міру пушу. Съ земли сгоню...

— Харлампій Никитичъ хлопнулъ дверью, оставя все семейство въ страшномъ смущеніи и направился къ брату.

— Что теперъ будетъ съ нами... Пропали мы... сказала Наталья Никитишна. Бѣжать развѣ за нимъ... Не уклоняю ли какъ...

— Не надо... Пушай дѣлаешь, что хочешь... возразилъ Никеша. Не драться же ему дать и самъ дѣлѣ... Тамъ увидимъ, что дѣлать...

— Чтой-то ужъ и пропадать... замѣтила съ своей стороны Прасковья Федоровна. Богъ не выдастъ — свинья не съѣстъ... пословица говорится.

— Ну, мать моя, какъ съ земли-то сгонять, такъ куда мы дѣнемся...

— Ну еще сгонить, либо иѣтъ... за Никанора-то Александрыча и благодѣтели вступятся... Не дадутъ въ обиду... Вотъ еще можетъ и самъ въ службу поступить...

Но Никеша вдругъ упалъ духомъ и задумался: онъ вспомнилъ о своемъ бѣгствѣ, о неудачѣ въ ученіи, боялся, что это обстоятельство сильно повредитъ ему во мнѣніи его благодѣтелей: и уже раскаявался, что поссорился съ дядей, нажилъ въ немъ новаго врага въ семьѣ и потерялъ, можетъ быть, будущую свою поддержку.

— Что теперъ будетъ!... повторялъ онъ мысленно вслѣдъ за Натальей Никитишной.

Алексѣй Потѣхинъ.

СБАЗАНІЯ УРАЛЬСКІХЪ КАЗАКОВЪ.

VIII.

Баскачкина ростошь.

— Скажу тебѣ о Баскачкиной Ростошѣ,—говорилъ собесѣдникъ мой, старикъ.—Мѣсто, самъ знаешь, не уединенное, не глупое, на большомъ тракту, и отъ Уральска близехонько, всего версты двѣ, а черти издавна тамъ водятся.

Мы иногда проежъ себя разсуждали: «зачѣмъ, молъ, черти тутъ поселились, а не въ другомъ какомъ уединенномъ мѣстѣ? Чай, нашли бы такое удобное мѣсто, — земля, слава Богу, не каменомъ сошлась! «Толкуемъ этакъ-то проежъ себя, ломаемъ головы, а дѣло-то выходитъ очень просто: на большомъ тракту больше, значить, поживы чертямъ, — вотъ она штука-то въ чужь! Разсудилъ это одинъ старецъ, изъ Иргизскихъ монастырей. И справедлива была его рѣчь. Къ примѣру, ѣдетъ ночной ворой пьяный человекъ, упихся, что называется, до-зела; въѣдетъ на мостъ, что черезъ ростошь сдѣланъ, въѣдетъ, знамо, не перекрестясь, не благословясь,—черти-то и тутъ: испугають, оканьяные, лошадь, и та бросится въ сторону и опрокинетъ телегу; иль бо какъ нибудь колесо подвернуть, иль бо ось изломать, иль бо другое что сдѣлають надъ телѣгой, и та свернется на бокъ, — и полетитъ цыный съ моста вверхъ тормашкой, и сломитъ себѣ голову! а это дьяволамъ и нужно: душа убишагося пьяницы, значить, будетъ въ ихъ рукахъ.

Вотъ уже на моей памяти, продолжалъ разскащикъ, довольно было такихъ исторій, а въ старину,—старики, бывало, разсказываютъ,—въ старину, сударь мой, не оберешься, бывало, такихъ исторій. Вотъ что однажды случилось:

Ѣхалъ изъ города старикъ съ внученкомъ, съ мальчикомъ

лѣтъ восьми или девяти. Проѣхавши Баскачкину Ростошь, встрѣтили они обозъ, — съ хлѣбомъ изъ Руси шолъ. Отрокъ правилъ лошадь, своротилъ немного въ сторону, придержалъ лошадь и говорить старику:

— Дѣдушка! Чтѣ я вижу? Страсти Господни!...

— Чтѣ, дитятко?—спрашиваетъ старикъ.

— Да, что, дѣдушка! Страсти!—говоритъ отрокъ.—Надъ обозомъ, чтѣ идетъ намъ на встрѣчу, окаянныя вьются — съ хвостами, съ рогами, съ когтями, съ огненными языками, какъ и Страшномъ Судѣ пишутся. Вьются они, дѣдънька, надъ однотелѣгой, что позади всѣхъ, — такъ и облѣпили се, словно карги * маханину, негдѣ курочки клюнуть: и на колесахъ—то сидятъ, и на оглобляхъ—то сидятъ, и на дугѣ—то сидятъ; а въ воздухѣ—то рой—роемъ, словно мошки въ жаркую пору.

Старикъ смотритъ на обозъ, но ничего не видитъ, хошъ ночь и лунная была, — однако тотчасъ догадался, что отроку яко чистой и безгрѣшной душѣ, откровеніе дается. Сію жъ минуту велѣлъ старикъ отроку остановиться, а самъ, крестясь, творя молитву, вылѣзъ изъ телѣги и подошелъ къ обозу, взглянулъ на послѣдній возъ и видитъ: лежитъ на возу мертвецъ пьяный мужикъ и такъ зря, на вѣтеръ, сквернословить.

— Почтенный!—говоритъ старикъ пьяному мужику.—Всталъ бы ты и прошолся не много пѣшечкомъ.

— За коимъ чертомъ?—спрашиваетъ мужикъ.

— Да впереди, почтенный, глубокая ростошь, высокій мостъ, говоритъ старикъ: грѣха бы какого не случилось, — дѣло ночное, мостъ—то не очень надеждый...

— Убирайся къ черту!... сказалъ пьяный старику, и повернулся внизъ лицомъ.

— Почтенный! Я тебѣ не шутя говорю,—говоритъ старикъ мужику. — Встань, касатикъ, перекрестись, сотвори молитву, и пройди пѣшечкомъ черезъ мостъ—то, — а есть когда тебѣ одному не въ мочь, я, пожалуй, помогу. Между нами будь сказано, говоритъ старикъ, мѣсто не очень чистое, не шутя говорю.

— И я тебѣ не шутя говорю: убирайся къ черту! сказалъ мужикъ, перевернулся опять вверхъ лицомъ и заоралъ какую—то скверную пѣсню.

* Вороны.

Нечего дѣлать, старикъ отступился отъ пьянаго, и поѣхалъ съ отрокомъ своими путемъ дорогой. Отрокъ и говоритъ старикау:

— Дѣдушка! Какъ ты подошелъ къ возу и сталъ говорить съ мужикомъ, — черти-то прочь отлетѣли; а какъ отошелъ отъ воза, они опять его облѣпили.

— Нишні, дитятко!—говоритъ старикъ.—Крестись и твори юштуру. Не наше дѣло.

На другой день старикъ ѣдетъ одинъ назадъ въ городъ, — ѣдаль-то онъ недалеко, въ Рубежную; кажется, отвозилъ отрокъ къ роднымъ, — ѣдетъ старикъ назадъ, подъѣзжаетъ къ Баскичьиной Ростоши и видитъ около нея дрожки и роспуски стоять, и народу бездна. Старикъ подъѣхалъ къ народу и спросилъ:

— Что такое?

— Мертвое тѣло поднимають!—сказали старику.

Старикъ полюбопытничалъ, подошелъ къ мертвому, взглянулъ—и узналъ: это былъ вчерашній пьяный мужикъ, коего онъ уговаривалъ пройтись пѣшкомъ. Случилась съ нимъ эта исторія такимъ побытомъ: весь обозъ благополучно прошелъ черезъ мостъ, — одна только задняя лошадь, на серединѣ моста, вдругъ чего-то испугалась и шарахнулась; телѣга—на бокъ, а пьяный полетѣлъ въ ростошь, внизъ головой, и урѣзался о балку! — Только и было его житія. Недаромъ, значить, окаленные вились и ластились около пьянаго, — душой попользовались, подлецы! замѣтилъ разскащикъ.

А разъ случилась пресмѣшная, сударь мой, исторія съ нашимъ казакомъ, продолжалъ разскащикъ. Ыхалъ онъ, этотъ казакъ, изъ *Савушкина Ерика* въ городъ, — не одинъ, а съ женой ѣхалъ. Жена лежала въ телѣгѣ и дремала, а мужъ распѣвалъ пѣсни — навеселѣ былъ. Дѣло было ночью, подъ какой то праздникъ. Ночь была мѣсячная, свѣтлая, хоть узоры вышивай. Вдругъ передъ самымъ мостомъ лошадь остановилась, уперлась и нейдетъ.

— Ну, ну, одрань, — кричитъ казакъ на лошадь. — Какого шута испугалась?

Жена проснулась, выглянула изъ телѣги и увидала на мосту, на перилахъ, значить, сидятъ *барыни* въ нѣмецкихъ платьяхъ, въ шлякахъ, съ зонтиками, а около барынь стоятъ *юспода*, то-есть, солдатскіе офицеры, кто съ трубкой въ зубахъ, кто

съ гитарой въ рукахъ, кто съ чѣмъ, — всѣ, барыни и господ разговариваютъ о чемъ-то и хохочутъ.

— Кто это?—спрашиваетъ тихонько жена мужа.

— Кто? говорить мужъ. Рази не видишь? *Господа* съ *барынями*! Разгуляться, значить, изъ казармъ вышли.

Жена опять прилегла въ телѣгу.

— Ну, ну! Шутъ тебя побери! кричитъ казакъ на лошадь.

А лошадь ни съ мѣста: фырчить, упирается, дрожитъ. Казакъ хотѣлъ вылѣзть изъ телѣги, чтобы взять лошадь под уздцы и провести черезъ мостъ. Но въ это самое время, откуда ни возмись, подбѣжалъ солдатъ, якобы офицерскій деньщикъ и говорить казаку :

— Не безпокойся, казачѣкъ! Сиди. Я проведу лошадь через мостъ.

— Есть когда не въ трудъ,—говорить казакъ,—сдѣлай Божескую милость...

Солдата отъ этихъ словъ будто покорило, и онъ шаговъ на пять отскочилъ назадъ.

— Не бойся, служивый, говорить казакъ: лошадь смирная. Шутъ ее знаетъ, теперь только что-то заартачилась.

Толкуетъ казакъ, успокоиваетъ *служиваго*, а того и не знаетъ, что служивому не лошадь страшна: служивому-то «*Божеская*» милость непонутру. Однако, немного погодя, солдатъ стал потихоньку подходить къ лошади, чтобы взять подъ уздцы, а лошадь фырчить, дрожитъ и становится на дыбы. Въ это время жена опять выглянула изъ телѣги и взглянула на солдата; а у того, у бестин, вмѣсто человѣчьихъ ногъ, торчатъ изъ подъ шинели лошадиныя копыты! Каковъ солдатъ, а? — замѣтилъ разскащикъ. Чай, ни въ какой землѣ, ни у одного царя, такого не найдешь. Ладно. Жена повела глазами на *господъ* и на *барыни*; и у тѣхъ, проклятыхъ, вмѣсто ногъ, торчатъ — у кого лошадиныя же копыты, у кого звѣриныя лапы, а у одной барыни изъ подъ платья и хвостъ видѣнъ, закорючился, словно у собаки! Каковы *господа*? каковы *барыни*?—замѣтилъ опять разскащикъ.—Сортъ!!—Ладно. Жена тотчасъ догадалась, въ чемъ дѣло, однако не струсила, дернула мужа за рукавъ.

— Стой, Иванычъ! говорить жена мужу. Крестись и твори молитву! «а сама вдругъ поднялась изъ телѣги, перекрестилась и возласила:» «Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!»

Господь и барынь словно громомъ оглушило: кто гдѣ стоялъ, тотъ тутъ и присѣлъ; и разговоры, сударь мой, и смѣхъ прервались. Проговоривъ Исусову молитву, женщина тотчасъ же воскликнула: «Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его!»

Ну, этого ужъ *господа съ барынями* не выдержали: взвизнули, окаянные, и кто гдѣ стоялъ, кто гдѣ сидѣлъ, тотъ тутъ и провалился сквозь землю, а инья барыни, что на перитяхъ сидѣли, тѣ, сударь мой, полетѣли подъ мостъ и завертѣлись, словно турманы, — только шумъ пошелъ отъ платьевъ, — и грѣхъ, и смѣхъ!... Не будь съ казакомъ жены, — замѣтилъ разскащикъ, — бѣда бъ могла случиться: съ пьяна казакъ не доглядѣлъ бы, не догадался бы, что тѣ были не господа съ барынями, а настоящіе черти, и, что добраго, свалился бы съ юста и сломилъ бы себѣ голову.

Все-то, сударь мой, — продолжалъ разскащикъ, — черти дурить съ пьяными, а не съ терезвыми. Вотъ уже сколько живу на свѣтѣ, а ни разу не слыхалъ, чтобы окаянные представлялись терезвыми, а все пьянымъ. Разъ на пьянаго же казака напали, — вооруженной рукой напали, сударь мой, — вотъ что забавно.

«Бѣхалъ онъ, этотъ казакъ, верхомъ изъ Гниловскаго форпоста, — летучку возилъ, — и въ Гниломъ-то у пріятеля, добрымъ намеромъ понатянулся. Бѣхалъ ночью. А въ тотъ день, передъ вечеромъ, только что зарыли въ Баскачкиной Ростощѣ одну овощу, женщину. На такихъ, должно быть, на радостяхъ черти-то и раскутились, и представились казаку воинами, съ ружьями, съ копыями, верхами, на бѣлыхъ лошадяхъ, въ бѣлыхъ шапкахъ, бѣлыхъ балахонахъ; выступили по сю сторону ростощи, передъ мостомъ; стали во фронтъ и преградили казаку дорогу. Это было давно, годовъ сорокъ тому, когда еще киргизы пошаливали. Ну, казаку-то и не въ домекъ, что это шишны, — думалъ, что киргизы. Сначала казакъ поступилъ такъ, какъ военный артикулъ повелѣваетъ, — окликнулъ: «Что за люди?» Не отвѣчаютъ. «Что за люди?» Не отвѣчаютъ. «Что за люди? Застрѣлю!» въ третій разъ ужъ казакъ окликнулъ. Молчать, не отклякаются, только ружьями на казака поводятъ. Казакъ видитъ, что непріатели вплотную прицѣливаются въ него, хотятъ стрѣлять, но ружья у нихъ не бьютъ, якобы осѣкаются. Тогда и казакъ прицѣлился въ непріателей, пфъ! и одинъ непріатель повалился съ лошади. Остальные всѣ хлынули на казака. Казакъ поворотилъ коня назадъ, и поскакалъ къ Гнилому.

Самъ скачетъ, а самъ ружье заряжаетъ; и только что зарядилъ,— глядь,—а впереди другая партія непріятелей, въ бѣлыхъ же балахонахъ, въ бѣлыхъ же шапкахъ, на бѣлыхъ же коняхъ Казакъ пафъ! и повернулъ коня въ бокъ, ударился въ степь, къ *Садамъ*. Самъ скачетъ, а самъ ружье заряжаетъ; и только что зарядилъ,— глядь,—а на встрѣчу ему отъ Садовъ новая партія несется такихъ же непріятелей. Казакъ пафъ! и повернулъ коня назадъ, и ударился къ *Переволочной рошъ*, хотѣлъ, значить броситься вплавь черезъ *Солдатскую Старицу*. Самъ скачетъ а самъ ружье заряжаетъ; и только что зарядилъ, — глядь,— изъ—подъ яра Старицы высыпала еще партія такихъ же непріятелей! — Шабашъ! Прощай, Максимъ, и съ поѣздомъ! Что дѣлать казаку? Бросить оружье и покориться? Нѣтъ! Казакъ и хочеть кориться! Ярѳій, значить, былъ. Онъ и по этой партіи выстрѣлилъ, а потомъ—куда попало; повернулъ коня въ сторону да и давай вавилоны писать; — и грѣхъ и смѣхъ, сударь мой! Наподобіе того, какъ, примѣрно, тюлька (лиса) отъ собакъ увертывается, — такъ и казакъ нашъ отъ шишиговъ увертывается не дается; то туда, то сюда бросится, а самъ ружье заряжаетъ самъ стрѣляетъ. Напоследокъ всѣ заряды выпустилъ. Казакъ тутъ не сробѣлъ, — схватилъ ружье за дуло, и давай отмахиваться отъ шишиговъ; самъ отмахивается, а самъ оретъ благимъ матомъ: и себя, значить, ободряетъ, и непріятелей страшаетъ.

Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилась эта исторія, есть когда б не наѣхала на казака почта съ конвоемъ. Лишь только послышался колокольчикъ, черти и стали удаляться отъ казака все дальше и дальше, а напоследокъ, какъ почта стала подъѣзжать къ мѣсту побоища, всѣ юркнули въ Баскачкину Ростошь, и исчезли. Тутъ только казакъ очнулся и въ настоящей разумъ пришло, перекрестился и сотворилъ молитву, а дотелева, слово замстало, это и въ голову не приходило; тутъ только казакъ спозналъ, кто таковы были непріатели. Вотъ она какова эта Баскачкина Ростошь,—бѣдовая!—прибавилъ рассказчикъ.

А все оттого, продолжалъ онъ, немного погодя, что оныицы зарывали въ ней: оттого самага и черти притонъ въ ней имѣли. Вотъ нынче, благодареніе Богу, нынче, сударь мой, почитай не слышать, чтобы черти шалили. Рѣдко-рѣдко какомунибудь пьяному человѣку представятся, и то не близко, а издалека, какимънибудь неважнымъ привидѣніемъ, примѣрно: *совой, бирюкомъ, иль-бо человеческомъ посвистомъ, иль б*

баскачкѣ. А отчего перестали черти шалить въ Баскачкиной Ростоши? Да оттого, батенька, что люди не стали тутъ зарывать овицы. Для нихъ отведено нынче другое мѣсто, въ степи, за татарскій кладбищемъ, гдѣ нѣтъ никакого тракта. Оттого-то и утихло въ Баскачкиной Ростошѣ, заключилъ старикъ.

IX.

Опицицы.

— Къ слову пришлось о пьяницахъ, то-ись о тѣхъ, кто не вѣру вино пить и до смерти упивается,—сказалъ собесѣдникъ мой, немного погодя послѣ того, какъ заключилъ рассказъ о Баскачкиной Ростоши.—Какъ ты думаешь объ нихъ?—обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

— Я никакъ не думаю, отвѣчалъ я: не знаю. Я бы желалъ отъ тебя услышать, что ты объ нихъ скажешь.

— Дѣло! сказалъ старикъ. Слушай!

И старикъ началъ:

— Сперва-на-перво слѣдуетъ знать, что всякому человѣку на роду написано, какою смертію и когда умереть; а пьяницамъ—нѣтъ: пьяница, значить, самъ отъ себя погибаетъ, какъ и когда придется, то-ись, когда обопьется. Всякому человѣку на роду написано и то, гдѣ умереть, откуда земля взята, (земля еси, и въ землю паки пойдеши,—замѣтилъ рассказчикъ, въ видѣ поясненія), тамъ человѣкъ и умереть долженъ, а пьяницамъ—нѣтъ: пьяница гдѣ обопьется, тамъ ему и могила. За всякимъ человѣкомъ ангелы-хранители ходятъ, а за пьяницей нѣтъ, то-ись, и за нимъ сначала ходятъ, да отступаются, какъ скоро онъ станетъ не вѣру упиваться. Вотъ тутъ-то чертямъ и воля, какъ ангелы-хранители отступятся, тутъ-то они и задушиваютъ пьяницу. Но ангелъ-хранитель, надо знать, отступается не тихимъ молчаніемъ, а сначала упредить того человѣка, отъ котораго хочетъ отступить, упредить его страшнымъ, грознымъ сномъ, чтобы человѣкъ спокаялся и воздержался. Бываетъ, что иной человѣкъ, увидавши грозный сонъ, и впрямь бросаетъ пить, и тогда, знамо дѣло, ангелъ-хранитель опять беретъ его подъ свою защиту; а иной на то не смотритъ. Пускай не смотритъ, самъ себя, значить, убиваетъ, на то, значить, у чертей и хомуты шьются,—замѣтилъ рассказчикъ.

«Сколько разъ случалось мнѣ на моемъ вѣку видать опицицы и слышать объ нихъ, продолжалъ старикъ: всѣмъ-то, сударь мой, какъ послѣ люди сказывали, всѣмъ-то имъ снились грозные сны. Зналъ я одного казака, пьяница былъ горькій, всегда до безчувствія напивался, всякій почетъ разъ водой отливали.

Равъ на *баирель* * приснился ему таковой-то грозный сонъ таковой-то понятный сонъ, иной на его мѣстѣ на всю бы жизнь отказался отъ вина, но казакъ не почувствовался. Снилось ему очутился онъ въ пустой избѣ безъ оконъ, безъ дверей и безъ пола. Въмѣсто пола, лежала поперекъ избы одна только дощечка: на ней-то казакъ и стоялъ. Внизу—пропасть, въ пропасти-тъма кромѣшная. Изъ пропасти слышно: то будто телѣга съ пустой бочкой прогремятъ, то будто тяжелый возъ въ гору тащится и скрипитъ, то будто кто кнутомъ лошадь погоняетъ то будто кто засвищетъ, то будто кто застонетъ!... Казакъ обвелъ глазами избу, и видитъ: всѣ стѣны увѣшаны уздами, кнутами и хомутами, да какими? страсти Господни! Поводья, сулони, шлеи, всѣ, значить, кисточки и подвѣсочки сдѣланы изъ живыхъ змѣй и скорпій! Казакъ пришелъ въ ужасъ несказанный. Вдругъ откуда ни возьмись явился окаянный, въ кучерскомъ нарядѣ и при кожанномъ фартукѣ, схватилъ со стѣны одинъ хомутъ и хлопъ казаку на шею! Такъ-то вотъ! Казакъ рванулся.

Не шевелись! говоритъ окаянный казаку. Тебѣ жъ послѣ хуже будетъ. Этотъ хомутъ для тебя припасенъ, но безъ мѣрки дѣланъ. Теперь примѣрю, и что не такъ, исправлю, покуда время есть.

Казакъ рвется, крутится, хочетъ кричать—голоса нѣтъ. На послѣдокъ крутился, крутился и оступился,—оступился и полетѣлъ въ пропасть. летѣлъ, летѣлъ—и проснулся! проснулся весь въ поту, словно испуанный. Казакъ сильно перепугался, и въ тотъ же день, за завтракомъ, рассказалъ сонъ артельщикамъ.

— Дѣло неладное, сказалъ казаку одинъ старикъ — артельщикъ. Теперь тебѣ, Кузѣма, не довѣдетъ не точию упиваться безъ мѣры, а и капли въ ротъ вина брать. Сонъ нехорошъ, говоритъ старикъ. Берегись, дружокъ. Не то, какъ разъ попадешь къ чертямъ, и запрягутъ они тебя въ бочку, и будешь замѣсть лошади служить...

«Казакъ напугался и сна-то, и стариковыхъ-то словъ, и бросилъ было пить, да не надолго. Дѣло было на *маломъ баирель*. Во все «багренье» казакъ не пилъ. Отбагрили и воротились въ Уральскъ. Наступили святки. По обычаю предковъ, всѣ предались веселью, но казакъ воздержался. Послѣ святокъ поѣхали на *большое багренье*. И во все «большое багренье» казакъ не пилъ, да на послѣднемъ рубежѣ прорвался: поймалъ большущую бѣлугу, въ полтораста рублевъ, и съ радости выпилъ, да выпилъ-то не полюдски, вотъ въ чемъ бѣда! Нужно было переѣхать съ одного мѣста на другое. Поѣхали. Казакъ

* Рыболовство, отправляемое въ р. Уралъ, зимней порой, *баграми*. Авт.

лила не выжить. Артельщики завернули его въ тулузь и положили въ его сани. Лошадь, знамо дѣло, привычная, бѣжить себѣ за другими лошадьми. Ыхали по льду. Все шло хорошо. Вдругъ, словно на грѣхъ, пришла полынья почитай поперекъ всего Яика, только къ Бухарской сторонѣ было немного льду, такъ сажени въ двѣ шириной. Артельщики какъ ѣхали одинъ за другимъ, гуськомъ, такъ и поѣхали этой закрайницею, то-есть, между берегомъ и между полыньей. И впереди ѣдутъ, и сзади ѣдутъ, а лошадь пьянаго бѣжить, значить, въ серединѣ. Ёдутъ тихонько, трусцой. Но лишь только лошадь пьянаго сверстается съ полыньей, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сани шлопъ объ ледъ, словно на кочку наѣхали, а кочки никакой не было, подырыгнули и на бокъ! а пьяный, словно мячикъ, прыгъ изъ саней и—бухъ въ полынью! Въ тотъ же мигъ сани опять стали, какъ слѣдуетъ, на полозья и покатались своей дорогой, а пьяный пошелъ ко дну! Только шапка его да тулузь всплыли вверхъ воды. Хомуть-то, что окаанный приѣхалъ, значитъ, и пригодился!—заключилъ рассказчикъ.

— Да, продолжалъ онъ, немного погодя, черти, какъ есть черти, не даютъ покою нашему брату, кто ужъ черезъ чуръ унижется, то-есть, до-зѣла, какъ говорится; такъ и дыбятъ, окаанные, надъ пьяными, чтобы залучить къ себѣ, одно слово, враги рода человѣческаго. Недавно, годовъ пятнадцать тому, сыграли было они штуку съ одной старухой, изъ нашего форпоста,—Бычиха прозывалась. Тащилась она—не объ ней будь сказано, вокойница ужъ—тащилась она чуть живехонька со свадьбой. Вдругъ, откуда ни возмись, подвернулись къ ней двѣ женщины, якобы подруги, что въ бесѣдѣ съ нею были, подхватили Бычиху подъ мышки и повели, якобы, къ какой-то товаркѣ въ гости. Ничего. Идетъ старуха съ товарками, идетъ и тихо распѣваетъ:

Подъ горою калина,

Подъ горою малина...

Товарки подпѣваютъ, подплясываютъ, рукавами размахиваютъ, шапками прищелкиваютъ; одно слово—вьются около Бычихи, какъ самыя задушевныя и ласковыя подруги. Вдругъ Бычиха запнулась за что-то, якобы за кочку, и съ языка у ней невзначай сорвалось: «Господи Исусе!..» Подругъ словно не было—исчезли окаанныя! Бычиха очутилась по колѣни въ водѣ. И гдѣ же? Въ *Батырдаъ*, у *Сокорокъ*, верстъ за семь отъ форпоста. Вонъ куда шиншиги-то занесли! Хорошо еще, что старуха запнулась за кочку въ водѣ; не запнись—она едвали бы сотворила молитву, а иди безъ молитвы—пропала бы, что и толковать: завели бы ее черти въ воду по шейку и—пригнули бы! Старуха тотчасъ же очнулась,—куда и хмѣль дѣвался,—однако отъ испуга расслабла и не могла вернуться домой; изъ воды-то кое-какъ вышлепась на берегъ, и тутъ же упала, и всю ночь до утра

пролежала. Утромъ наѣхали на старуху косяшники и привели домой. Съ того ли, не съ того ли, а старуха бросила, однак пить, и до самой смерти хмѣльнаго въ ротъ не брала.

Еще такимъ же манеромъ черти сорочиковскаго казака завели въ воду, продолжалъ раскащикъ. Шоль онъ, этотъ казакъ, со свадьбы же, какъ водится, пьяный. Вдругъ подвернулись къ нему, какъ и къ Бычихѣ, два казака, якобы товарищи и повели къ кому-то въ гости. Хорошо. Идутъ втроемъ, то-есть казакъ и два товарища, идутъ и, знамо дѣло, пѣсни распѣваютъ, скоморошничаютъ, поютъ смѣшную пѣсню:

«Не полая-то вода разливалась...»

На счастье казака ночь была ненастная, по небу тучки ходили, вдругъ молонья освѣтила. Казакъ хоша и пьянъ былъ перекрестился, и проговорилъ: «Святъ, Святъ Господь Саваофъ! Товарищей словно не было, исчезли окаянные! Казакъ осматривался, и видитъ: въ двухъ-трехъ шагахъ впереди рѣчка Сорочинка. Дѣло было весной, Сорочинка, самъ знаешь, рѣчка крутоярая, а въ водополье бываетъ глубокая и быстрая. Попасъ въ нее терезвому, и то бѣда: не скоро вырвешься, а о пьяномъ и толковать нечего. Не освѣти молонья, казаку и на умъ бы не пришло перекреститься. Шагъ-два, и пропалъ бы казакъ ни за денежку.

— Ещесь од нимъ казакомъ, — продолжалъ раскащикъ, сыгралъ черти этакую же штуку, совсѣмъ уже сверзали было казака с яра, да Богъ помиловалъ: во время казакъ молитву проговорилъ Шоль онъ, этотъ казакъ; со свадьбы пьяный, и къ нему подвернулись какіе-то казаки, якобы товарищи, и повели въ кабакъ. Подошли къ кабаку. Въ кабакѣ огонь, музыка, танцы, пѣсни, одно слово веселье. Дверь у кабака настежь. Одинъ пріятель вошелъ въ кабакъ, а другой остался сзади и нудитъ казака, чтобы скорѣй шоль. Пошоль и казакъ. Но казакъ имѣлъ хорошую привычку: всякій разъ, когда входилъ въ двери и переступалъ черезъ порогъ, онъ творилъ Иисусову молитву. Такъ и тутъ сдѣлалъ. Лишь только занесъ на порогъ ногу, казакъ сотворилъ: «Господи Иисусе!» Вдругъ кабакъ съ трескомъ разсыпался, и все исчезло, все пропало: и кабакъ, и пріятели, и музыка! Казакъ очутился на высококомъ яру Яика, стоитъ на одной ногѣ, словно солдатъ на ученьѣ, а другая вверхъ поднята, какъ, значить, черезъ порогъ занесъ. Казакъ хотѣлъ по вернуться назадъ, да не спопашелся и полетѣлъ подъ яръ. Когда летѣлъ, казакъ чертилъ и руками и ногами по яру, и къ счастью казака попалъ ему въ руки толстый, крѣпкій солодковый корень; казакъ и уцѣпился за него, и повисъ. На ту пору плыли, неподалеку отъ того мѣста, рыбаки въ бударѣ, услышали голосъ казака, подплыли къ нему и сняли его съ яра. Все Иисусова молитва помогла: во время, значить, была сазана задрочилъ старикъ.

Иосифъ Медвѣшовъ.

О НЕКОТОРЫХЪ СРЕДНЕВѢКОВЫХЪ ОБВИНЕНІЯХЪ ПРОТИВЪ ЕвРЕЕВЪ.

(Окончаніе.)

IV.

Одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ въ дѣлѣ защищенія евреевъ отъ разбираемаго нами обвиненія есть—отношеніе къ этому вопросу крещенныхъ евреевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ христіанство получило господство въ Европѣ, въ лоно его перешли сотни тысячъ, можно сказать, милліоны евреевъ. Въ числѣ ихъ были люди всѣхъ классовъ еврейскаго общества. Между ними были раввины, ученые, художники, поэты, купцы, ремесленники, ветошники и негодяи. Нѣкоторые раввины, принявъ христіанство, откладывали талмудъ въ сторону, и сдѣлались ученѣйшими, лучшими, и благочестивѣйшими теологами, какъ напримѣръ францисканскій монахъ Николай де-Лира (Nicolaus de-Lira), епископъ Неандръ и др. Иные изъ раввиновъ достигали даже архіепископскаго сана, и играли важнѣйшія роли въ дѣлахъ церкви, какъ напр. Паоло де-Санта-Марія, архіепископъ бургосскій. Другіе евреи сдѣлались знаменитыми медиками и пользовались безграничною довѣренностью своихъ монарховъ и своихъ христіанскихъ согражданъ. Еще другіе были украшеніемъ лучшихъ университетовъ, какъ напр. Гаксъ и др. Многіе блистали въ литературѣ и искусствахъ. Наконецъ, многіе крещенные евреи, уже будучи христіанами, населили толкучіе рынки,

еще другіе попадали въ смирительные дома, а оттуда — а знафотъ. Отношенія этихъ крещеныхъ евреевъ къ своимъ предкамъ единовѣрцамъ были также очень различны. Одни изъ нихъ вовсе не заботились о евреяхъ, другіе боролись противъ ихъ вѣроученій съ богословіемъ въ рукахъ, но мало заботились самихъ евреевъ; нѣкоторые съ одной стороны полемизировали противъ ихъ ученія, а съ другой — защищали ихъ отъ злобныхъ обвиненій. Были и такіе изъ этихъ крещеныхъ евреевъ, которые написали противъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ самыя рѣзкія и злобныя сочиненія, въ которыхъ они поднимали противъ нихъ самыя отвратительныя обвиненія и осмѣивали іуданзмъ и еврейство. Были даже и такіе, которые большую часть своей жизни провели въ полемизированіи противъ евреевъ и въ исходатайствованіи у императоровъ эдиктовъ противъ евреевъ и ихъ литературы; были наконецъ и такіе, которые сдѣлали обвиненіе противъ евреевъ своимъ ремесломъ: они постоянно старались чернить ихъ предъ правительствомъ и начальствомъ низкими клеветами и доносами, и становились черезъ то величайшимъ бѣдствіемъ для евреевъ.

Вопросъ, какъ *всѣ* эти тысячи и сотни тысячъ крещеныхъ евреевъ, — различной степени образованія, различнаго положенія въ обществѣ и различнаго образа мыслей, — относились къ разбираемому нами обвиненію, хотя очень важенъ, но не такъ удобо-разрѣшимъ, и, главнымъ образомъ — потому, что не *всѣ* они *письменно* выразились объ этомъ обвиненіи. Но можно положительно сказать, что обвиненія эти вообще говорятъ въ пользу евреевъ. Мы основываемъ это мнѣніе наше на слѣдующихъ отрицательныхъ и положительныхъ соображеніяхъ.

Въ средніе вѣка съ евреями не входили въ длинныя разсужденія: лишь только находили какое либо мертвое или убитое дитя, то въ черни всегда являлось нѣсколько лицъ, которые утверждали, что дитя это убили именно еврей, — и этого было достаточно. Простые люди по собственному распоряженію избивали и грабили тогда евреевъ даннаго города, а иногда, проникаясь ревностію, отправлялись въ сосѣдніе города и убивали и тамошнихъ евреевъ: Этимъ дѣло и кончалось, а хронистамъ оставался только незначительный трудъ занести въ хронику, что въ такомъ-то и въ такомъ-то году, въ такомъ-то и такомъ-то городѣ, еврей умертвилъ христіанское дитя, и за это столько-то и столько-то евреевъ, таинмъ-то и такимъ-то спо-

собою; были убиты. Въ послѣдующее время евреевъ подвергли мнимому суду; ихъ не хотѣли казнить безъ собственнаго признанія въ преступленіи. На это существовали пытки. Конечно, въ дѣлѣ умалчивалось о пыткѣ; но, какъ положительно известно, евреи сознавались только въ такихъ случаяхъ, гдѣ, по духу тогдашнихъ юридическихъ обычаевъ, несомнѣнно была употреблена пытка. Добросовѣстные судьи прибѣгали и къ пыткамъ крещеныхъ евреевъ, которые какъ нельзя лучше годились для этого дѣла и которыхъ специально для этой цѣли допрашивали и вывѣдывали. Въ новѣйшее время были случаи, гдѣ судьи допрашивали не только самихъ выкрестовъ, но ихъ женъ, дѣтей и христіанскихъ родственниковъ. Въ тѣхъ весьма рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ эти выкресты были до того подлы, чтобы клеветать на прежнихъ единовѣрцевъ своихъ, враги евреевъ всегда пользовались показаніями этихъ клеветанниковъ и имена этихъ послѣднихъ дошли до насъ. Поэтому съ достоверностью можно заключить, что во всѣхъ другихъ случаяхъ допрошенные выкресты говорили за евреевъ, ибо въ противномъ случаѣ мы знали бы ихъ имена и показанія.

Между крещеными евреями было до 150²⁴³ такихъ, которые въ различныя времена сочиняли противъ прежнихъ своихъ единовѣрцевъ самыя нечестивыя сочиненія, гдѣ они возводили на нихъ всевозможныя обвиненія. Изъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ писателей одинъ только упомянутый выше Самуилъ Бренцъ сказалъ, что *можетъ быть* еврей употребляетъ кровь христіанъ при родахъ; да еще другой выкрестъ, тоже упомянутый выше, Францискъ изъ Пляченцы, творецъ секретнаго болѣзней евреевъ, какъ то: свиныхъ клыковъ и ушей, червяковъ и проч., говорить, что евреи употребляютъ кровь для леченія себя отъ этихъ болѣзней.

Кромѣ этихъ отвѣщенныхъ вралей, всѣ выкресты, писавшіе противъ евреевъ, или вовсе не упоминаютъ объ этомъ обвиненіи, тогда какъ они возводятъ на нихъ различныя другія обвиненія, или же, не смотря на всю враждебность свою къ евреямъ, рѣшительно отвергаютъ обвиненія въ употребле-

²⁴³ Уже Вольфъ (Bibliotheca Hebraea t. II. p. 1003 — 1013 и IV p. 161 — 163 Hamburg. 1731 г.) насчитываетъ болѣе 120 крещеныхъ евреевъ, писавшихъ противъ прежнихъ своихъ единовѣрцевъ; но такъ какъ выкрестовъ было еще много послѣ Вольфа, а равно и такихъ, которые не были ему извѣстны.

ни ими христіанской крови, и объявляют эту клевету стыдом для христіанъ.

Спрашивается, почему же эти выкресты, бывшіе заклятыми врагами евреевъ и написавшіе противъ нихъ многотомныя сочиненія, полныя обвиненій и насмѣшекъ, — почему они не упоминаютъ объ этомъ обвиненіи? Почему многіе изъ этихъ отъявленныхъ враговъ евреевъ даже защищали ихъ отъ этого обвиненія? Не есть ли это лучшее доказательство, что все это обвиненіе есть безумнѣйшая клевета, которую эти отъявленные враги евреевъ не рѣшались повторить?

Разсматривая далѣе отношенія этихъ сотенъ тысячъ крещеныхъ евреевъ къ этому обвиненію, мы видимъ а., что всѣ честные, образованные и ученые между ними, не смотря на то, писали ли они противъ или за евреевъ, выражаются рѣшительно въ пользу ихъ и противъ этого обвиненія; б, что только 6—7 отъявленныхъ негодяевъ, вралей и илтриановъ отзывались противъ евреевъ, и с., что и эти 6—7 негодяевъ рѣшительно противорѣчаютъ другъ другу, и изобличаютъ такимъ образомъ одинъ другого во лжи.

Такъ одинъ изъ нихъ, именно упомянутый выкрестъ изъ Регенсбурга, говоритъ, что евреи употребляютъ кровь христіанъ для умирающихъ, — что, какъ выше доказано, есть чистѣйшая ложь. Другой, Самуилъ Бренцъ, говоритъ, что она, можетъ быть, употребляется при родахъ, что опять таки есть доказанная ложь. Третій, Францискъ изъ Пяченцы, утверждаетъ, что евреи употребляютъ ее отъ импровизированныхъ имъ болячекъ. Четвертый, пресловутый унтеръ-офицеръ русской службы, говоритъ, что кровью этою намазываются къ пасхѣ дверные косяки, для чего, по его мнѣнію, годится и кровь 80 лѣтняго старца. Пятый, выкрестъ въ г. Тридентѣ, утверждаетъ, что евреи въ четвертый день Вербной недѣли пекутъ наскальные опрѣсноки съ кровью христіанъ, а въ 5 и 6 день этой недѣли пьютъ вино, смѣшанное съ этою кровью.²⁴⁴ Шестой, нѣкто Серафиновичъ изъ Литвы, увѣрялъ, что кровь христіанъ употребляется евреями для цародѣйства и опрѣсноковъ, и что для этого нужно христіанское дитя не старше 13 лѣтъ. Излишне доказывать, что еслибъ во всѣхъ этихъ пока-

²⁴⁴ Выше уже мы замѣтили, что это столь же безстыдная, какъ и глупая ложь: ибо еврейская пасха очень рѣдко совпадаетъ съ христіанскою Вербною недѣлюю.

михъ было хотя сколько нибудь правды, они бы не противорчили себѣ такъ сильно.

И кто такіе эти обвинители? Негодяи, враны и обманщики. Что упомянутые выше крещеные евреи изъ Регенсбурга и Тридента яли, это мы выше доказали.

О Бренцѣ разсказывается, что онъ разъяжалъ верхомъ на лошади побуждалъ чернь нападать на евреевъ и грабить ихъ. Чего же должно ожидать отъ человѣка, рѣшающагося возбуждать чернь противъ своихъ кровныхъ братьевъ? Мы выше, впрочемъ, явилъ уже мнѣніе о немъ христіанскихъ ученыхъ, которые говорили, что онъ былъ величайшій невѣжда, незнакомый съ еврейскою литературою, представлявшій самую невинную вещь въ испавистномъ и враждебномъ свѣтѣ, и что онъ вообще *изъ худого еврея сдѣлался худымъ христіаниномъ*. Нашего соотечественника, унтеръ-офицера изъ Гродно, мы уже выше характеризовали, и мы, христіане, не можемъ гордиться тѣмъ, что яли этого негодяя у евреевъ и приняли его въ свою среду ²⁴⁵. Другой выкрестъ, на показанія котораго ссылаются въ высшей степени враждебный евреямъ польскій писатель начала прошедшаго вѣка, *Жуховскій*, ²⁴⁶ увѣрялъ князя Радзивила, что онъ, будучи еще раввиномъ, могъ волшебствомъ заставить кричать дѣса и горы и творить еще другія чудеса. Можно уже изъ этого усмотрѣть, что это былъ за господня.

На *Серафимовичъ* мы должны остановиться немного долѣе, ибо онъ надѣлалъ много зла евреямъ и на его слова ссылаются еще и въ наше время.

Извѣстія о жизни его находятся у его друга и покровителя *Жуховскаго* и упомянутаго францисканскаго монаха, *Пикульскаго*, въ его книгѣ *Złosc Żydowska*. Первый изъ нихъ говоритъ, будто *Серафимовичъ* былъ прежде раввиномъ, но сознается, что тотъ же могъ доставить никакихъ доказательствъ на это ²⁴⁷. А мы-такъ можемъ доказать, что онъ не только не былъ раввиномъ, но что

²⁴⁵ Пора уже, для чести нашей церкви быть разборчивѣе въ приѣмѣ евреевъ въ лоно христіанства; ибо къ чему намъ подвергать себя насмѣшкамъ евреевъ, которые гонорать—и часто очень справедливо—что мы съ радостью и съ открытыми объятіями принимаемъ въ свою среду, такъ сказать, дрожжи и пѣну еврейскихъ общинъ?

²⁴⁶ *Proces criminalny o niewinne dziecie etc.*

²⁴⁷ *См. Zuchowski стр. 213.* Это весьма обыкновенная уловка со стороны многихъ крещенныхъ евреевъ, которые, желая приобрести себѣ какую либо высокую протекцію, увѣряютъ, будто они были раввинами, чтобы заставить тѣмъ своихъ покровителей вѣрить, что они совершили очень важное приобрѣтеніе для христіанства.

онъ былъ величайшій невѣжда, не имѣвшій и понятія о еврейской литературѣ и не понимавшій даже по-еврейски; но это послѣ Подробіѣе говоритъ о немъ *Пикульскій*,²⁴⁸ увѣрявшій, что будучи онъ имѣлъ рукопись Серафиновича, изъ которой почерпалъ свои обвиненія противъ евреевъ. Этотъ *Пикульскій* рассказываетъ, что Серафиновичъ *въ теченіе полутора года былъ сумасшедшимъ* такъ что его держали закованнымъ по рукамъ и ногамъ, и что всѣ медицинскія пособія оказались неэффективными для его излеченія. Въ одинъ прекрасный день, повѣствуетъ далѣе *Пикульскій*, онъ въ состояніи сумасшествія же воскликнулъ: «Боже христіанъ! Если Ты действительно есть Богъ, то да упадутся мои цѣпи и да возвратится мое здоровье, и я по смерти моей останусь въ Твоей вѣрѣ!» Въ тотъ же мигъ, какъ только онъ произнесъ эти слова, цѣпи спали съ его ногъ и рукъ, окна комнаты, въ которой онъ былъ запертъ, само растворилось, онъ побѣжалъ въ монастырь, гдѣ онъ въ 1710 году былъ обращенъ въ католичество. *Пикульскій* утверждаетъ, какъ мы уже сказали, что онъ имѣлъ рукопись Серафиновича, изъ которой (стр. 720—804) сообщаетъ извѣстія о мнимыхъ обрядахъ евреевъ, куда относится и обрядъ убіенія христіанскихъ дѣтей, который здѣсь подробно описанъ. Извлеченіе изъ этихъ извѣстій появилось на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Оряды жидовскіе производимые въ каждомъ мѣсяцѣ у славскихъ цѣлюховъ (sic) въ С. Петербургѣ. Съ дозволенія указнаго, в изд. П. Б. 1787 года (30 стр.)» Если слово «*славскіи цѣлюхи*», т. е. у сabbатойцвѣянъ, какъ называются послѣдователи извѣстнаго еврейскаго лже-мессіа, явившагося во второй половинѣ 17 в., въ Турціи, и перешедшаго потомъ въ исламизмъ²⁴⁹ послѣдователи этого лже-мессіа, гонимые самими евреями, перешли отчасти въ христіанство, отчасти въ мухаммеданство и с

²⁴⁸ *Pikulsky l. c. p. 705.*

²⁴⁹ Объ этомъ лже-мессіи—*Сabbатой-цви* и его послѣдователяхъ см. *Thomas Coenen, Ydele verwachtinge der Joden Getoont in de Persoon van Sabethai-Zevi, Haren laitsen vermeeynden Messias etc Amst. 1869 г. in 8-to, 140 стр. loh. los. Winkler, исторія Сabbатой Цви, напечатанная въ его Arcanum regium, Wittenberg, 1703 г. i 4-о стр. 74—104. Ricaut, History of the Empire Ottom. стр. 200—211 1680 г. London. Chardin, Voyage т. VI. Hammer, Geschichte des Osman Reiches. т. IV стр. 183 и слѣд. Basnage, Hist. des Juifs, кн. IX стр. 779—789 изд. 1716 г. Carl Anton (крещенный еврей) Nachrichten von dem falschen Messias Sabbathai-Zevi, Wolfenbüttel 1752; Nachlese zu dieser Nachricht, Braunschw. 1753, Jost, Geschichte der Judenhumpe II, стр. 153, и дал., Leipzig 1859.*

ишіеи времени совершенно поглотившись массою христіанъ и мухамеданъ. Русскій переводчикъ не зналъ всего этого и уже въ главномъ листѣ поставилъ колоссальную и грубую безсмыслицу, назвавъ свою книжонку «Обряды жидовскіе» и пр. Излишнее было бы говорить здѣсь, что никому конечно не придетъ въ голову предположеніе, что, быть можетъ, кровь христіанъ употребляютъ эти сabbатой-цвѣяне, чего-де могутъ не знать и сами евреи; излишне говорить объ этомъ потому, что Sabbатой-Цеви родился въ 1641 г., а обвиненіе это явилось въ Европѣ уже въ 12 вѣкѣ.

Это-то извлеченіе переписывалось потомъ съ приличными измѣненіями, и приобщалось къ дѣлу, при всѣхъ позднѣйшихъ процесснаго рода, какъ на примѣръ было поступлено въ городѣ Велна, Витебской губерніи, въ 1830 году.²⁵⁰

Опроверженіе *всѣхъ* безсмыслицъ и постыдной лжи, которыя сообщаютъ Пикульскій, а за нимъ и *извлеченіе* отъ имени Серафимовича, повело бы насъ слишкомъ далеко. Мы сдѣлаемъ одно только примѣчаніе, котораго достаточно для охарактеризованія какъ всѣхъ нелѣпныхъ сказокъ этого сумасшедшаго Серафимовича, такъ и глупости, невѣжества и близорукости тѣхъ, которые опирались или опираются на авторитетъ его.

Пикульскій, въ третьей части упомянутой книги своей, глав. X, стр. 760 и д., спеціально трактуетъ о мнимомъ убіеніи еврейскихъ христіанскихъ дѣтей, и повторяетъ со словъ Серафимовича, что подробное описаніе этого обряда и церемоній, которыя съ нимъ сопровождается, находится въ *Талмудѣ*, трактатъ *Звеза-Левъ*, глава III § 25. На страницѣ 763 и слѣд. у Пикульскаго находится даже описаніе этого обряда, сдѣланное, будто бы, согласно тому *трактату Талмуда*. Всякій христіанскій читатель Пикульскаго, видя, что еврейскій источникъ такъ точно указанъ, по главамъ и параграфамъ, легко долженъ убѣдиться, что такой обрядъ существуетъ у евреевъ. Но противъ этого убѣжденія достаточно простое замѣчаніе — что между *всѣми 63 трактатами Талмуда нѣтъ ни одного, который носилъ бы названіе Звеза-Левъ*²⁵¹ и что на сколько это извѣстно мнѣ изъ соб-

²⁵⁰ Anklagen der Juden in Russland etc. гдѣ приведены всѣ акты этого дѣла.

²⁵¹ Азѣвнѣнное исчисленіе трактатовъ Талмуда находится у Вольфа, Bibliotheca Hebr. t. II, p. 703—715; срав. *ibid.* p. 744—751, гдѣ находится исчисленіе ихъ по порядку.

ственного изученія подробнѣйшихъ библиографій и многочисленныхъ каталоговъ, *кѣтъ во всей еврейской литературѣ одной книги съ такимъ заглавіемъ!* И такихъ свидѣтелей и тѣхъ свидѣтельства приводили и приводятъ противъ евреевъ даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти многихъ семействъ. Горе тебѣ Израиль, если такіе изверги, какъ Серафиновичъ, и такая постыдная ложь могутъ призывать тебя столько зла, бѣдствій и страданій!

Еслибъ тѣ, которые такъ часто ссылались и ссылаются на Серафиновича, имѣли хотя смутное понятіе о еврейской литературѣ, то имъ стоило бы только заглянуть хоть бы въ упомянутыя нами сочиненіе величайшаго врага евреевъ Эйзенменгера, онъ бы даже сказалъ имъ, что Серафиновичъ безстыдно вралъ, ибо Эйзенменгеръ перерылъ, какъ извѣстно, всю печатаную и даже рукописную литературу евреевъ, чтобы извлечь изъ нея обвиненія противъ нихъ, и все таки долженъ былъ съзнаться, *что во всей еврейской литературѣ нѣтъ ни одного мѣста, въ которомъ нахвдился бы хоть малѣйшій намекъ на то, что евреи употребляютъ кровь христіанъ.* А этотъ Серафиновичъ хочетъ найти даже подробное описаніе этого мнимаго обряда въ общеизвѣстномъ Талмудѣ. Одинъ уже способъ ссылокъ Серафиновича на Талмудъ въ высшей степени поразителенъ и ясно доказываетъ, что онъ и имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о Талмудѣ, ни о еврейской литературѣ вообще. Всякій, имѣющій хотя бы самыя скудныя понятія о греческой и римской литературѣ, знаетъ, что *Иліаду* Гомера, *Энеиду* Виргилія нельзя цитировать по главамъ и параграфамъ, но по пѣснямъ и стихамъ; точно также каждый еврей знаетъ, что *Талмудъ не раздѣленъ на параграфы* и что его не цитируютъ по числу главъ, но что всѣ древнѣйшіе раввины, жившіе до изобрѣтенія книгопечатанія, цитировали его по трактатамъ и *не по числу главъ*; а по начальному слову главы, напр. трактатъ *Борасотъ*, глав. *Гароз*; позднѣйшіе же раввины—по трактатамъ и листамъ, напр. тр. *Шабботъ*, листъ такой-то.

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 772 и д) Пикульскій объясняетъ, по Серафиновичу, *къ чему* евреи употребляютъ кровь христіанъ, при чемъ говорится (стр. 774), *что все это подробно объяснено въ Талмудѣ, въ книгѣ Хохмэс Нистеръ.* Пикульскій замѣчаетъ при этомъ, что онъ много трудился, чтобы отыскать эту книгу, но ни какъ не могъ: очень естественно, *ибо такая книга*

нигда не существовала, да и не могла существовать. Хохма Нисстеръ (что, впрочемъ, не грамматически: должно сказать хохма-нистаря, или хохмотъ нистаротъ) слово, означающее *magia occulta*, есть не названіе какой либо талмудической или вообще еврейской книги, а подъ этимъ именемъ разумѣть ученіе каббалы, родъ древнееврейской теозофіи о существѣ Бога, объ отношеніи его къ матеріи и проч. Но мнимый раввинъ Серафиновичъ, слышавшій вѣроятно, что евреи съ нѣкоторыхъ благоговѣніемъ иногда произносятъ это слово, подумалъ, что это заглавіе какой нибудь таинственной книги, и насколько выгоднымъ влести ее въ свою постыдную интригу.

Нужно замѣтить еще, что въ упомянутой главѣ у Пиккульскаго выходитъ еще множество другихъ ссылокъ на Талмудъ, по Серафиновичу (конечно, по главамъ и параграфамъ), которыя всѣ вымышлены и изъ которыхъ *ни одно слово* не находится даже въ амстердамскомъ изданіи Талмуда, сдѣланномъ безъ цензуры и безъ пропусковъ.

Что враги евреевъ извращали и толковали въ худую сторону разныя, сами по себѣ безупречныя, мѣста Талмуда и другихъ еврейскихъ сочиненій—это случалось, и даже очень часто; но изводитъ такое ужасное обвиненіе на цѣлую злополучную націю и ссылаться, для доказательства этого обвиненія, на извѣстныя главы и параграфы книги, которая никогда не существовала, да и существовать не могла—это что-то такое, чему мы не находимъ имени.

Притворомъ правдивости Серафиновича можетъ служить еще слѣдующее. Онъ именно сказалъ: *что одни литовскіе евреи употребляютъ ежегодно 120 штофовъ крови*²⁵² и что онъ самъ, будучи еще раввиномъ, закололъ одно христіанское дитя ударомъ въ бокъ, *откуда вытекла осьмушка крови, бьлой какъ молоко*²⁵³. И такой молодецъ находить вѣру, и на его показанія ссылаются у насъ еще въ XIX вѣкѣ!

Изъ всего сказаннаго видно, что изъ миллионновъ крещеныхъ евреевъ только нѣсколько человекъ отозвались противъ евреевъ касательно разбираемаго нами обвиненія; что и эти немногіе показали только грубую, подлую, нелѣпую и доказанную ложь и изобличаютъ другъ друга своими противорѣчіями, и что всѣ эти свидѣтели были отъявленными, безстыдными, без-

²⁵² Pikulsky тамъ же стр. 778.

²⁵³ ...ià sam widzialem, wyszlo z pol kwaterki krwi, bialej iako mleko.

совѣстными и негодами, позорившими св. церковь своимъ вступленіемъ въ нее, осквернившими христіанскіе храмы своимъ крещеніемъ и обманувшіе и побудившіе къ пролитію невинной крови многихъ христіанскихъ монарховъ, высокихъ особъ духовныхъ и честныхъ судей.

Если же, съ другой стороны, рассмотримъ показанія тѣхъ крещеныхъ евреевъ, которые защищали своихъ прежнихъ единовѣрцевъ противъ этого обвиненія, то увидимъ, что всѣ они были честныя и уважаемая личности, что многіе изъ нихъ были даже знаменитыми дѣятелями церкви, оказавшими ей великія заслуги.

Первый изъ нихъ извѣстный крещенный еврей, возстававшій противъ этого обвиненія, былъ знаменитый *Николай де-Лур* (умеръ около 1340 г.) Онъ происходилъ изъ Нормандіи, гдѣ въ еврействѣ пріобрѣлъ полное знаніе раввинской литературы иудаизма. По принятіи христіанства, онъ сдѣлался францисканскимъ монахомъ и однимъ изъ величайшихъ богослововъ своего времени. Своимъ для того времени превосходнымъ комментариемъ Библии, прчемъ онъ преимущественно пользовался раввинскими толкованіями, онъ нѣкоторымъ образомъ открылъ позднѣйшимъ поколѣніямъ возможность пониманія Библии, такъ что переводы ея послѣ реформации возможны были только при его толкованіяхъ. Отсюда пословица: *si Lyra non lirasset Lutherus non saltasset*. Этотъ человекъ, оказавшій своими сочиненіями такія важныя услуги христіанству и знавшій такъ хорошо евреевъ и ихъ литературу, написавшій даже противъ нихъ нѣсколько сочиненій рѣшительно даже возстаетъ противъ этого обвиненія. ²⁵⁴

Другой, еще болѣе извѣстный духовный сановникъ, бывшій однимъ изъ величайшихъ украшеній католической церкви, такъ же выражается противъ этого обвиненія. Мы разумѣемъ здѣсь знаменитаго архіепископа бургосскаго, Паоло де-Санта Марія. Онъ родился въ Бургосѣ около 1350 г.; въ еврействѣ назывался *P. Саломонъ Галеви*; прилежно занимался еврейскою литературою, и до сорокалѣтняго возраста своего былъ раввиномъ въ этомъ же городѣ, отличаясь строгимъ выполненіемъ еврейскаго закона. Когда этотъ столь же знаменитый какъ и строгій раввинъ 21 іюля 1390 г. перешолъ въ христіанство, то это надѣлало между христіанами столько шума, что въ народѣ сложились чудесныя

²⁵⁴ Geffken, Bildercatechismus des 15 Jahrhundert, Leipzig. 1835, I. стр. 30.

сказаніи о томъ, что Пресвятая Дѣва явилась раввину и проч. **Искорѣ** послѣ принятія христіанства онъ поступилъ въ духовное сословіе, и своимъ краснорѣчіемъ и своею ученостію обрѣлъ на себя вниманіе, въ бытность свою въ Парижѣ и приисконѣ дворѣ въ Авиньонѣ; потомъ быстро прошолъ всѣ ступени духовной іерархіи и наконецъ, въ 1414 году, сдѣлался архиепископомъ Бургосскимъ и примасомъ Испаніи. Генрихъ III Кастильскій, который высоко цѣнилъ его, наименовалъ его своимъ духовникакомъ и опекуномъ и воспитателемъ Жуана II. Сколько онъ былъ знаменитъ, какъ примасъ королевства, столько же отличался и какъ человѣкъ государственный, будучи великимъ канцлеромъ Кастиліи.

Въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ, очень уважаемыхъ католиками, господствуетъ враждебное настроеніе къ евреямъ, иногда несвободное отъ клеветы; извѣстно даже, что онъ выдалъ много враждебныхъ и ненавистныхъ декретовъ противъ евреевъ, и, не смотря на то, онъ рѣшительно возстаетъ противъ разбираемаго нами обвиненія. Упомянутый герцогъ Миланскій въ своемъ эдиктѣ ссылается и на этого архипастыря, какъ на вѣдущаго судью въ этомъ вопросѣ и какъ на защитника евреевъ касательно этого обвиненія.

Въ томъ эдиктѣ герцогъ указываетъ и на многихъ другихъ критиковъ евреевъ, которыхъ онъ не называетъ по имени, но о которыхъ говоритъ, что они были очень свѣдуши въ законѣ еврейскомъ. ²⁵⁶

Весьма ученый выкрестъ изъ евреевъ, жившій въ первой половинѣ XV вѣка и называвшійся въ еврействѣ Іосуа де-Лочка, а въ христіанствѣ, Негонупа-а-санта-Ге, былъ также однимъ изъ величайшихъ враговъ, евреевъ противъ которыхъ написалъ нѣсколько весьма враждебныхъ сочиненій, и требовалъ даже для евреевъ костра. ²⁵⁷ И не смотря однакожь на это, на вопросъ **Искорѣ**, у котораго онъ пользовался большимъ уваженіемъ, онъ отвѣчалъ, что обвиненіе евреевъ въ употребленіи крови христіанъ рѣшительно ложно. ²⁵⁸

²⁵⁶ Y Cardoso. Las Excelencias etc, p. 426.

²⁵⁷ Cardoso, y son excelentissimos Doctores, como Nicolao de Lira, el Burgense, y otros bien informados de los ritos Hebraycos, si quisiesen sabido tal costumbre, lo uvieran manifestado, y puesto en sus escritas.

²⁵⁸ О немъ и о его сочиненіяхъ см. у Вольфа, Bibliotheca Hebr., № 791 и II стр. 1007.

²⁵⁹ См. Gentius, Geschichte der Juden.

Крещеный еврей Христіанъ Герсонъ, обратившійся въ христіанство въ 1600 г. и умершій въ Дрегельмѣ вообще уважаемымъ *пасторомъ*, добросовѣстность и ученость котораго засвидѣтельствованы многими христіанскими учеными, ²⁵⁹ объявляетъ, ²⁶⁰ что обвиненіе евреевъ въ употребленіи ими христіанской крови *ложно и глупо*. Между тѣмъ этотъ человѣкъ не писалъ два сочиненія противъ евреевъ, ²⁶¹ въ которыхъ онъ такъ мало щадитъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, что Вагензейль ²⁶² говоритъ объ немъ, что никто не изобразилъ недостатковъ и суетвѣрія евреевъ съ такою подробностью, какъ онъ. Этотъ Вагензейль ссылается также на изрѣченія многихъ другихъ крещеныхъ евреевъ, объявившихъ разбираемое нами обвиненіе совершенно ложнымъ. Еслибъ евреи, говоритъ онъ, употребляли кровь христіанъ, то это давно уже было бы открыто тѣми, которые обратились къ христіанству. «Конечно, говоритъ онъ далѣе, нѣкоторые изъ крещеныхъ евреевъ утверждали это, «но только такіе, которые изъ худыхъ евреевъ сдѣлались дурными христіанами, и которые обманомъ и клеветою старались пріобрѣсти себѣ благосклонность христіанъ». Я же, говоритъ онъ, наконецъ, свидѣтельствую словомъ истины и Богомъ, — а отецъ Господа нашего Иисуса Христа, ему же слава во вѣки, знаетъ, что я не лгу, — «что никогда ни одинъ изъ тѣхъ многихъ крещеныхъ евреевъ, съ которыми мнѣ случалось имѣть дѣло, не говорилъ мнѣ, чтобы его единовѣрцы употребляли кровь христіанъ, хотя я подробно спрашивалъ всѣхъ объ этомъ».

Іоаннъ Вюльферъ, ученый знатокъ еврейской литературы и весьма почтенное лицо XVII столѣтія, жившій въ Нюрнбергѣ, рассказываетъ, ²⁶³ что онъ предложилъ одному крещеному еврею *пользовавшемуся большимъ уваженіемъ*, по имени Христіану Фельсигту, вопросъ, *quod sacramenti*: употребляютъ ли евреи для какой нибудь цѣли кровь христіанъ; на что тотъ ему отвѣчалъ рѣшительно, что это обвиненіе *придуманно по ненависти самимъ безсовѣстными обмазчиками*, и когда онъ (т. е. Вюльферъ) за тѣмъ увѣщевалъ его не оскорблять святости таинства и сказать

²⁵⁹ См. о немъ у *Вольфа* Bibl. Hebr. t. I стр. 1007 и сл. № 1896 и т. III стр. 976 и сл.

²⁶⁰ Въ предисловіи къ его книгѣ: *Der judische Talmud und dessen Widerlegung* (иудейскій Талмудъ и опроверженіе на него); 6 изд. Лейпцигъ 1698 г.

²⁶¹ «Иудейскій Талмудъ» и кн. *Chelek der (almudische) Juden*.

²⁶² *De Infund.* стр. 92 и сл.

²⁶³ *Theriacs Judaica etc.* стр. 78.

эту правду, то этотъ крещеный еврей отвѣчалъ ему: «что въ истинной совѣсти должно сказать ему это, (т. е. что такое обвиненіе выдуманно злонамѣренными людьми), предъ самимъ Богомъ. Вольфъ присовокуляетъ, что онъ предоставляетъ читателю судить объ обвиненіяхъ какого нибудь Бренца и подобныхъ ему людей, послѣ этихъ словъ такого почтеннаго человѣка.

Въ началѣ XVIII столѣтія одинъ крещеный еврей, по имени Францискъ Ксавіеръ написалъ книгу: «О басняхъ и суетвѣрїи евреевъ отъ рожденія до обрѣзанія. ²⁶⁴ Въ этой книгѣ онъ такъ признаетъ обвиненіе евреевъ въ употребленіи крови *ложнымъ*. ²⁶⁵

Подобнымъ же образомъ отзывается объ этомъ обвиненіи и Карл Алмонъ, ²⁶⁶ профессоръ въ Гельмштетъ, крещеный еврей, дѣйствовавшій и писавшій много *противъ* еврейства. «Еще юностишнаго дня, говоритъ онъ евреи трепещутъ въ такихъ мѣстностяхъ (гдѣ это обвиненіе находятъ еще вѣру), когда приближается ихъ пасха; ибо они каждую минуту боятся, что кто-нибудь совершитъ убійство, а это можетъ обратить веселость изъ праздниковъ въ горькую печальъ.

Въ новѣйшее время благочестивый и ученый придворный проповѣдникъ въ Вѣнѣ, бывшій нѣкогда евреемъ, *Фейтз*, который тогда пріоромъ доминиканцевъ и котораго благочестіе извѣстно во всей Австріи, совершивъ, въ церкви, на амвонѣ, съ крестомъ въ рукахъ, клятву, удостовѣрялъ, что евреи никогда не употребляли и не употребляютъ христіанской крови.

Прославившійся своимъ благочестіемъ и сочиненіемъ церковной исторіи крещеный еврей, евангелическій епископъ въ Берлинѣ докторъ и профессоръ богословія *Августъ Неандеръ*, обнародовалъ въ Берлинскихъ вѣдомостяхъ въ 1840 г. и клятвою подтвердилъ несправедливость взведеннаго на евреевъ извѣта въ употребленіи ими христіанской крови.

Извѣстный порицатель іудейства, миссіонеръ Александръ М' Сентъ (*M' Saut*) издалъ въ 1840 г. сочиненіе подъ заглавіемъ: *Reasons for believing that the charge lately revived against the Jewish people is a baseless falsehood*; въ которомъ опровергалъ

²⁶⁴ Tractatus de fabulis et. superstitione Judaeorum inde a nativitate usque ad circumcissionem; Hamburg 1719 г.

²⁶⁵ Этой книги я не знаю, но объ ней упоминаетъ Вольфъ (Bibl. Gebr. т. III стр. 24, № 1844, А.) и при этомъ замѣчаетъ; ubi inter caetera narrationem de sanguinis christiani usu, tanquam puerperis Judaicis necessario, falsam esse testatur.

²⁶⁶ Въ предисловіи къ своему сочиненію Kurzer Entwurf Jud. Gebräuche. Braunschweig. 1734.

вышеупомянутое обвиненіе на евреевъ. Въ этомъ сочиненіи посвященномъ авторомъ английской королевѣ, находится утвержденіе *тридцати пяти крещеныхъ евреевъ*: это обвиненіе названо всѣми ими «*нусною и сатанинскою ложью*» (a foul and satanic falsehood.)

Я могъ бы еще привести много положительныхъ свидѣтельствъ крещеныхъ евреевъ противъ разбираемаго обвиненія; но вмѣсто того я ограничусь однимъ важнымъ свидѣтельствомъ чужеземца, который *половину* своей жизни посвятилъ на составленіе самыхъ непріязненныхъ сочиненій противъ евреевъ, и ходатайство у Германскаго императора о предписаніи сжечь *еврейскія книги*, за исключеніемъ одного св. писанія, что о части и удалось ему. Я разумю крещенаго еврея Іоанна *Пфефферкорна*. Этотъ человекъ обратился къ христіанству на 30-мъ году жизни, въ 1504 году, и старался, вмѣстѣ съ судьей еретицъ Іак. Гогштратеномъ и съ фанатическими Кельскими богословами Арнольдомъ фонъ Тунгаромъ и Отруиномъ Грацемъ уговорить императора Максимилиана издать приказаніе сжечь всѣ еврейскія книги, кромѣ библіи. Но чтобы побудить къ этому императора, онъ написалъ нѣсколько книгъ, наполненныхъ желчными и ядовитыми отзывами объ евреяхъ, между прочимъ упомянутую нами выше книжку: «*объ еврейскихъ обычаяхъ въ праздникъ Пасхи*,» въ которой, однако, *нѣтъ обвиненія евреевъ въ употребленіи христіанской крови*. Затѣмъ написалъ онъ сочиненія подъ заглавіемъ «*Der Judenfeind*,» т. е. «*Врагъ евреевъ*» и проч., «*Панегирикъ императору Максимилиану*» и другія, въ которыхъ онъ усиливается доказать, что евреи и книги ихъ преступны и безбожны. Императоръ показал готовность исполнить его желаніе, уже и начинали дѣйствительно собирать и складывать въ монастыри еврейскія книги какъ вдругъ императору вздумалось узнать мнѣніе Рейхлина объ этомъ предметѣ. Рейхлинъ, знаменитый какъ государственный человекъ и отличный ученый, *знавшій также хорошо по-еврейски*, отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, во всей еврейской литературѣ только *два* книги заслуживаютъ того, чтобы ихъ сжечь всѣ просвѣщенные люди тогдашняго времени объявили себя въ пользу Рейхлина и противъ Пфефферкорна и его приверженцевъ. Этотъ послѣдній, приведенный въ ярость противодѣйствіемъ Рейхлина и согласившихся съ нимъ ученыхъ, сталъ издавать цѣлый рядъ сочиненій, полныхъ самыхъ непріязненныхъ обвиненій про-

противники его не остались безответными, и, вслѣд-
 ствiе этого, начался сильный споръ, въ которомъ принимали
 участие первые ученые Европы, и въ которомъ всѣ просвѣщен-
 ные люди были на сторонѣ Рейхлина, всѣ невѣжды и изуверы—
 на сторонѣ Пфефферкорна ²⁶⁷. Въ числѣ сочиненій, обнародо-
 ванныхъ Пфефферкорномъ противъ евреевъ и назначенныхъ къ
 тому, чтобы служить побужденіемъ къ сожженію всей еврейской
 литературы, находится, между прочимъ, одно, весьма ядовитое:
 посланіе *adhortationis Judaicae ad Christum* ²⁶⁸, въ которомъ
 онъ, не смотря на силу и постоянство своей ненависти къ
 евреямъ, *рѣшительно выражается противъ обвиненія въ упо-
 требленіи крови*. По причинѣ важности этого свидѣтель-
 ства мы приведемъ его здѣсь буквально по-латыни и по-рус-
 ски, оно читается такъ: *Inseram subjiciamque his super re
 ista, quae vulgato fertur adversum Iudaeos, inani rumore, ser-
 vato refellendo eum, ne nos christiani ob id ridiculi simus. Di-
 cimus vulgo inter christianos, judaeis necessario opus esse, uti
 christiano ad medelam, propterea eos occidere infantulos
 christianorum, ad hoc eos foeda quadam aegritudiane laborare.
 Quis christiani! nolite his adhibere fidem, quia et Scripturae
 divinae, et legi naturae, et rationi repugnat, quare oportet in hoc
 casu judaeos me defendere, et excusare... Fugite ergo et vita-
 re detractionem hanc ridiculam, falsam, et (si recte conspiciere vul-
 det) *illis christianis non parum contemptui existentem... Manete
 in veritate, hujusmodi vanitate objecta, o christiani! nec
 comminiscamini per se falsa, non satis honesta nobis,*» т. е.*

къ этому присоединю и прибавлю нѣчто объ одномъ пустомъ
 слухѣ, который обыкновенно употребляется для обвиненія евре-
 евъ, прибавлю для того, *чтобы мы христіане не сдѣлались изъ
 этого смѣшными.*» Обыкновенно говорятъ между христіана-
 ми, что евреямъ необходимо нужно употреблять христіанскую
 кровь, какъ лекарство, и что они по этому убиваютъ христіан-
 скихъ младенцевъ, присовокупляя, что они дѣлаютъ это съ нѣ-
 сколько ужасною жестокостію. Любезнѣйшіе христіане! не вѣрь-
 те этому, потому что это опровергается и св. писаніемъ и за-
 кономъ естественнымъ и разумомъ; *я долженъ въ этомъ слу-*

²⁶⁷ Объ этомъ спорѣ и сочиненіяхъ Пфефферкорна сравн. Вольфъ
 с. т. I стр. 985—988 № 1845 т. III стр. 940—944 и т. IV, стр. 956
 слѣд. и *Vasnage. hist. de juifs*, т. IX, part. 2, ch. XXXIII, § 12—15
 стр. 923—929 изд. 1716 г.

²⁶⁸ Издава въ Кельнѣ 1507 г. и послѣ переведено на нѣмецкій языкъ.

чать защищать и оправдывать евреевъ. И такъ, избѣгайте и отвергайте эту смѣшную, ложную и (если хотите правильно смотреть на дѣло), для насъ христіанъ недостойную рѣчь. Пребывайте въ истинѣ, и, отказавшись такимъ образомъ отъ суетности, христіане, не вспоминайте о такихъ слухахъ, ложныхъ и недостойныхъ.

Такимъ образомъ этотъ величайшій врагъ евреевъ, посвятившій половину своей жизни клеветамъ и преслѣдованію своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, былъ однако совѣстію принужденъ къ тому, чтобы признать обвиненіе евреевъ въ употребленіи кровъ христіанъ безумнымъ, смѣшнымъ и ложнымъ, а вѣрованіе въ это обвиненіе стыдомъ ляхристіанъ.

Одно уже свидѣтельство такого заклятаго врага евреевъ должно бы собственно быть достаточнымъ для того, чтобы однажды навсегда уничтожить вѣру въ это обвиненіе и въ словесахъ выкрестовъ, которые говорили противъ евреевъ. Если поставимъ съ одной стороны показанія такихъ негодяевъ и враговъ, какъ упомянутый нами унтеръ-офицеръ, мнимый раввинъ Серафино вичъ и подобные имъ, а съ другой стороны показанія такихъ лицъ, какъ Николай де-Лира, Паоло Бургосскій, примасть Испаніи, епископъ и профессоръ Неандръ, благочестивый Вейтъ и другіе,—то, кажется, нужно быть или ослѣпленнымъ фанатикомъ или же просто злонамѣреннымъ, чтобы не убѣдиться въ невинности евреевъ и въ вымышленности этого обвиненія.

V.

Должно, однакожь, сказать къ чести человѣчества и христіанъ, что варварскія и свирѣпыя гоненія, слѣдствіе столь ложныхъ и неосновательныхъ обвиненій, болѣе благомыслящими христіанами строго порицались, и что евреи часто находили защитниковъ и покровителей между самими христіанами. Но до реформации частное лицо рѣдко осмѣливалось открыто вступить за евреевъ, изъ опасенія прослыть или еретикомъ, или же подкупленнымъ евреями ²⁶⁹. Даже нѣкоторые *вльценосцы*, покровительствовавшіе евреямъ, или подверглись за то порицанію

²⁶⁹ Non deerat tamen, qui ex christianis patrocinium susceperunt (т. е. отъ евреевъ) sive aureis telis (Iudaeorum) expugnati etc. Höttinger hist. eccles. стр. 869.

сторони духовенства, или открыто сами за подкупленныя
срещи ²⁷⁰.

Въ такомъ то смыслѣ приписываютъ подкупность благочестиву старцу Іоанну, епископу Шпейрскому, который защитилъ несчастныхъ евреевъ при хищномъ и кровавомъ нападении на нихъ во время перваго крестоваго похода. Самымъ извѣстнымъ примеромъ со стороны духовенства подвергался и набожный король французскій Людовикъ VII, стоявшій во главѣ одного изъ престолныхъ походовъ, и осмѣлившійся человѣчески разсуждать о срещи. Его открыто обвиняли въ подкупѣ со стороны евреевъ ²⁷¹.

Витодуранъ, довольно жалкій историкъ XIV стол., также упрекаетъ въ подкупности императора Лудовика Баварскаго по тому поводу, что императоръ не согласился на гоненіе евреевъ, когда въ Бюнкенѣ въ 1346 г. нашли младенца мнимо умерщвленнаго срещи. Императоръ, сознавая справедливость своихъ поступковъ и не обращая вниманія на низкія подозрѣнія, воспретилъ прѣшества на поклоненіе умерщвленному младенцу, творившему, какъ обыкновенно, великія чудеса ²⁷².

И въ XI столѣтіи существовали христіане, которые мыслили по-христіански и за тѣмъ утверждали, что духовенство не законно и вопреки всякаго права удерживало за собою имущества евреевъ, умерщвленныхъ по его же наущенію въ Лионѣ, въ 1049 году. Противъ нихъ возсталъ епископъ Галинардъ, угрожая отлучить отъ церкви всѣхъ тѣхъ, которые осмѣлятся высказать подобное воззрѣніе на поступки духовенства ²⁷³.

Къ счастью, уже до реформациі были пастыри церкви, имѣвшіе вѣсъ и значеніе въ христіанствѣ, и не страшившіеся подозрѣнія со стороны ученой и неученой толпы, а послѣ реформациі, и многіе почетные міряне ревностно заступались за евреевъ и смѣло ополчались на нелѣпное обвиненіе.

Въ то время, когда впервые появилось обвиненіе въ употребленіи крови, папа Григорій IX рѣшительно опровергъ его

²⁷⁰ Bernoldi Chron. ad an. 1096 apud Pertz Monumenta etc. т. VII стр. 465.

²⁷¹ Histor. vitae Ludovici VII въ Recueil des his. des gaules т. VII стр. 286.

²⁷² Hottinger l. c. стр. 890.

²⁷³ Interdico et anathematiro (слова епископа въ его духовномъ завѣщаніи); ut nemo contrarius existat Athanacensibus (Aisnay) propter pecuniam judaeorum, ibidem dudum interfectorum. Ménestrier, hist. civil. ou consul. de la ville de Lyon (Lyon 1696 in fol.) стр. 224

въ особю по этому случаю изданной буллѣ 1235 года. Тщете но изслѣдовавъ дѣло, папа Григорій IX обвинилъ евреевъ *и снллями*, присовокупивъ также, что обвиненіе есть послѣдствіе *одного корыстолюбія* обвинителей, которые, домогаясь еврейскаго богатства, *злоупотребляютъ христіанскою религіею, да прикрытъ какимъ бы то ни было благовиднымъ образомъ свалочность къ еврейскимъ дѣньгамъ*. Въ слѣдующемъ году папа писавъ вторично подобнаго содержанія письмо и защищалъ евреевъ отъ этого ложнаго обвиненія въ особой грамотѣ, посланной Людовіку IX. ²⁷⁴

Той же самой системы придерживался папа Инокентій IV 1247 г., въ буллѣ: «*Archiepiscopis et Episcopis Alemaniae*». ²⁷⁵

Въ этой буллѣ папа жалуется на то, что разные духовные *свѣтскіе князья и дворяне грабятъ и убиваютъ евреевъ, но разными ложными, ничтожными и вымышленными предлогами* что они, не смотря на то, что подтвержденія истинъ христіанской религіи нѣкоторымъ образомъ почерпнуты изъ архива евреевъ, несправедливо обвиняютъ ихъ въ томъ, что будто они убиваютъ къ пасхѣ христіанскихъ дѣтей, что евреямъ строжайше запрещено закономъ, *и что христіане злымъ образомъ надкидываютъ трупы въ еврейскіе дома*, чтобы потомъ обвинить евреевъ въ убійствѣ. ²⁷⁶ По такимъ-то и подобнымъ выдумкамъ, говоритъ папа далѣе, пападаютъ на евреевъ вопреки всѣхъ законовъ и вопреки всякой справедливости, грабятъ бросаютъ въ темницы, мучатъ и убиваютъ ихъ возмутительнымъ образомъ, безъ законнаго обвиненія, безъ признанія съ стороны евреевъ, безъ доказательствъ ихъ виновности и т. Папа требуетъ, поэтому, чтобы обращались съ евреями кротко, и человѣчески, чтобы ихъ не удручали ложными обвиненіями, чтобы духовенство, князья и дворянство защищали ихъ отъ несправедливости черни.

Пусть, однакожъ, не думаютъ, что этотъ папа былъ еврей

²⁷⁴ Документы эти находятся въ собраніи писемъ этого папы отчасти въ упомянутомъ нами сочиненіи Вагензюйля.

²⁷⁵ Эта булла начинается словами: *Lachrimabilem iudeorum Alemaniae miserabilem etc. y Odorici Reynaldi continuatio Analium Ecclesiasticorum. C. Baronit. t. XIII p. 581 ad. annum 1247, § 84.*

²⁷⁶ *Falso imponunt eisdem (scil. iudeis) quot in ipsa solemnitate a corde pueri communicant interfecti. credendo id ipsam legem praescribere, eum sit legi contrarium manifeste: ac eis malitiose obiciunt hominis eadaver mortui, si contigerit illud alicubi reperiri etc.*

амъ; напротивъ, за два года до изданія этой буллы онъ издалъ буллу, отъ 30 января 1245 года, противъ евреевъ, начинающуюся словами: «*Impria Iudaeorum perfidia,*» въ которой онъ пишетъ на то, что евреи неказываютъ себя неблагодарными и оказанную имъ защиту и, вопреки каноническому праву, дерзнуть христіанскихъ кормилицъ и слугъ и т. п. ²⁷¹

Подобнымъ же образомъ писали въ пользу евреевъ, касательно этого обвиненія, и папы Клементъ VI, въ 1348 году, Сикстъ IV, въ 1475, когда онъ не хотѣлъ признать святость мши-погубника Симона въ Тридентѣ, Павелъ III, отъ 12 мая 1540, Александръ VII и Клементъ XIII, этотъ послѣдній вотъ по какому случаю: вслѣдствіе частыхъ и ужасныхъ преслѣдованій евреевъ въ Польшѣ на основаніи этихъ ложныхъ обвиненій, евреи послали къ тогдашнему, папѣ Бенедикту XIV одного изъ своихъ единовѣрцевъ, именемъ Якова Теллека, чтобы просить папу заступиться за преслѣдуемыхъ. Послѣ продолжительнаго разсмотрѣнія этого вопроса, которое продолжалось до вступленія на престолъ Климента XIII, кардиналъ *Корсинни* писалъ отъ 9-го февраля 1760 г. отъ имени папы, къ тогдашнему папскому нунцію въ Варшавѣ *Висконти*, слѣдующее: «Имъ (евреямъ) дѣлаютъ великую несправедливость, если чернь обвиняетъ ихъ въ убійствахъ, основываясь на ложномъ мнѣніи, будто они для своихъ пасхальныхъ опрѣсноконъ имѣютъ падобность въ человѣческой крови, и именно въ крови христіанъ. Нынѣ благополучно царствующій папа Климентъ XIII, при тщательномъ изслѣдованіи этого предмета, ничего не оставилъ безъ вниманія, какъ подобаетъ его (папы) мудрости и важности этого предмета, о чемъ ваше преосвященство получите подробныя извѣстія при другомъ случаѣ.» Это мнѣніе папы нунцій передалъ первому министру Августа III, графу Брулю (*Bruhl*), которому онъ писалъ отъ 21 марта 1763 г. между прочимъ слѣдующее: ²⁷² «Такъ какъ ваша свѣтлость желаетъ знать мнѣнія св. отца, то я считаю для себя честью сообщить вамъ ихъ. Его святѣйшество желаетъ, чтобы знали, что разсмотрѣвъ неславно всѣ основанія, на которыхъ опирается мнѣніе, будто евреи

²⁷¹ См. *Magnum Bullarium Romanum*, ed. Aug. Turinorum 1859 t. III p. 508 и дал.

²⁷² Эти документы находятся въ вышедшей въ 1763 г. въ Варшавѣ книгѣ: *Documenta Iudaeos in Polonia concernentia, ad acta metrices regni suscepta, et ex iis fideliter iterum descripta et extracta*; этотъ вавъ перепечатанъ въ журналѣ, «*Orient*» 1840 г. № 5 стр. 39 и д.

употребляютъ человеческую кровь для своихъ оупрѣсноконъ, что ради этого они, будто, способны на убійство христіанскіхъ дѣтей,—призналъ, что нѣтъ никакихъ доказательствъ достаточно ясныхъ и вѣрныхъ, чтобы признать предубѣжденіе, которымъ они и имѣютъ теперь противъ нихъ, такъ чтобы могли, по силу ихъ, объявить ихъ виновными въ подобныхъ преступленіяхъ» и пр.

Нѣмецкій императоръ Фридрихъ III въ уставѣ, изданномъ 24 іюня 1470 г какже отвергаетъ это обвиненіе, ссылаясь на многочисленныя папскія буллы, воспрещавшія вѣру и употребленіе евреями христіанской крови. Фридрихъ III, признавая это обвиненіе за клевету, выдуманную изъ личныхъ видовъ, повелѣваетъ всѣмъ курфирстамъ и князьямъ, вселуковенству и графамъ, и т. д. не признавать и не принимать такого обвиненія, и полагаетъ сто золотыхъ марковъ, каждый вѣсомъ въ одинъ лотъ, денежнаго взыскапія на всякаго не вышеупомянутыхъ господъ, который самовластно обвинитъ в томъ преступленіи евреевъ; наконецъ императоръ повелѣваетъ своему зятю, маркграфу Карлу Баденскому, отпустить вволю заточенныхъ, по поводу этого самаго обвиненія, евреевъ съ выдачею имъ отобраннаго у нихъ имѣнія; въ случаѣ неповиновенія, императоръ грозитъ денежнымъ взысканіемъ императорскою опалою.²⁷⁹

Почти всѣ нѣмецкіе императоры, но въ особенности Карлъ V отъ 3 апрѣля 1544 г., Максимилианъ II, отъ 8 марта 1566 г. Рудольфъ II, отъ 1577 г., Фердинандъ III, въ 1638 году и Леопольдъ, отъ 21 іюня 1661 года,—опровергали это обвиненіе во многихъ грамотахъ, изданныхъ въ пользу евреевъ ссылаясь, въ свою очередь, на папскія рѣшенія и на устав императора Фридриха III. Вотъ почти единогласныя слова ихъ послѣ неоднократныхъ подобныхъ изысканій подтверждается, что евреи не нуждаются въ христіанской крови, и что по силѣ несправедливымъ образомъ пытали, мучили и умерщвляли невинныхъ евреевъ. Затѣмъ повелѣвается: чтобы никто не осмѣливался под опасеніемъ взыскапія 60 марковъ золота, каждый вѣсомъ в лотъ, обвинять евреевъ въ этомъ преступленіи; и даже въ случаѣ достовѣрныхъ извѣщеній или накрытія злодѣевъ на самомъ дѣлѣ, все таки никто не имѣетъ права самовольно распоря-

²⁷⁹ Вагензейль обнародовалъ эту важную грамоту по пражскомъ оригиналу, въ его сочиненіи «de Infund. стр. 103—105 и «Benachrichtigung» стр. 169 и 172.

пясь съ обвиненными евреями, а обязанъ каждый разъ доводить обвиненіе до самого императора, для высочайшаго разсмотрѣнія. ²⁸⁰

Лучшіе короли Польши не менѣ нѣмецкихъ императоровъ отличались защищеніемъ евреевъ отъ этого обвиненія и мудрыми званіями и постановленіями касательно этого вопроса. Первымъ изъ польскихъ государей, издавшихъ подобныя постановленія былъ Болеславъ, герцога калишскій, гнѣзненскій и, по малолѣтству своего племянника, великопольскій. Въ своемъ статутѣ отъ 1264, ²⁸¹ касательно евреевъ. § 31, онъ говоритъ: «Согласно опредѣленіямъ папы. ²⁸² мы строго запрещаемъ отъ имени св. отца (папы) обидѣть живущихъ на нашей землѣ евреевъ въ употребленіи человеческаго прова. Если же еврей будетъ обвиненъ христіаниномъ въ убійствѣ христіанскаго дитяти, то онъ долженъ быть уличенъ, тремя христіанами и тремя евреями, и тогда только онъ наказивается. Если же онъ не будетъ уличенъ, то обвинитель подвергается тому же наказанію, которое слѣдовало бы еврею.»

Это послѣднее постановленіе, совершенно согласное предписанію Моисея, ²⁸³ навѣрно уничтожило бы всѣ эти обвиненія на евреевъ, еслибъ оно было строго выполняемо; мы убѣждены, что еслибъ и нынѣ было сдѣлано и опубликовано такое распоряженіе, то никакія кляузы не были бы болѣе слышны.

Постановленіе герцога Болеслава было подтверждено и распротранено на все польское королевство Казиміромъ III, Великимъ, 9 октября 1334 г. Правда, польскій историкъ Длугошъ говоритъ, ²⁸⁴ что евреи были обязаны привилегіями, данными имъ въ 1334 и 1347 г.; вліянію еврейской любовницы этого короля, именованной Эстерки; но это несправедливо, потому что король познакомился съ этою еврейкою только въ 1356 году, *двадцать два года послѣ* подтвержденія сказаннаго статута, которое послѣдовало въ 1334 году, и слѣдовательно безъ всякаго вліянія Эстерки. Въ царствованіе этого короля, въ 1347 году,

²⁸⁰ Подлежащіе документы находятся у Simneus Adit. m. I ad l. III c. 2 Вагензейль, de Infund. стр. 101 и слѣд. Benachrichtigungen etc стр. 167 и сл. Wülfer, Theriaca Judaica» стр. 83 и слѣд. и во многихъ другихъ мѣстахъ.

²⁸¹ Въ Statuta Regni Poloniae in ordinem alphabeti digesta a Joh. Herb. de Pulstin; Samosci 1597, p. 233 и д.

²⁸² Вѣроятно здѣсь говорится объ упомянутой буллѣ папы Иннокентія IV отъ 1247 года.

²⁸³ Второз. XIX. 16—19.

²⁸⁴ Joh. Dlug. seu Longini. Histor Polon; Lips. 1711, t. I, p. 1110.

нѣкоторые интриганы обвинили евреевъ въ томъ, что они, будто убили христіанское дитя, найденное въ Лобзовскомъ лѣсу, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Кракова. Высшее польское духовенство, которое почти всегда отличалось благочестіемъ, терпимостью и ученостью, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, заступалось за евреевъ, а произведенное, по повелѣнію короля, *публичное* изслѣдованіе этого дѣла тогдашнимъ канцлеромъ королевства, *Яковомъ Мельхтономъ*, и человѣколюбивымъ духовникомъ короля *Придотомъ*, доказало невинность евреевъ и обнаружало козни интригановъ. Казиміръ велѣлъ, вслѣдствіе этого опубликовать приведенный нами § 31 статута Болеслава, особеннымъ эдиктомъ, по всему королевству, и основалъ въ Краковѣ въ память этого событія, гдѣ невинность и истина восторжествовала надъ ложью и интригами, церковь. ²⁸⁵

Это же постановленіе Болеслава подтверждено и въ 12 § статута литовскаго князя Витолда, даннаго въ 1408, съ тою разницею, что здѣсь требовалось для удаки не *три*, а *одинъ еврейскій* свидѣтель, и что если еврей дѣйствительно оказался бы виновнымъ въ убійствѣ христіанскаго дитяти, то его слѣдовало судить какъ *душеубца*. ²⁸⁶

Затѣмъ въ статутѣ Казиміра IV, данномъ евреямъ въ 1453 году говорится, § 21: «Также постановляемъ, что отнынѣ никакой христіанинъ не долженъ обвинять еврея въ употребленіи для религіозной цѣли крови христіанъ, или гостей; въ этомъ отношеніи папскіе декреты (Инокентія) и законы (польскіе) признаютъ евреевъ невинными, и что это противъ ихъ религіозныхъ законовъ.»

Это было подтверждено королями: *Александромъ*, въ началѣ XVI вѣка, *Сигизмундомъ Августомъ*, въ Петриковѣ, въ 1548, 1551 и 1571, *Стефаномъ*, въ 1576 и 1580, въ Варшавѣ, *Сигизмундомъ III*, въ 1588 тамъ же, *Михиломъ I*, въ 1671, *Августомъ II*, въ 1711 и *Августомъ III*, въ 1768. годахъ. Существуетъ еще слѣдующее прибавленіе къ упомянутому § Сигизмунда III, подтвержденное тремя его преемниками: «если христіанинъ упорно будетъ обвинять еврея въ убіеніи христіанскаго младенца или въ оскверненіи св. даровъ, то онъ тогда только можетъ быть осужденъ, если свидѣтелями противъ него явятся три туземныхъ и совершенно безукоризненныхъ еврея и столько же и

²⁸⁵ См. Hermann Sternberg zur Geschichte der Juden in Polen въ Illustr. Israel. Jahrbuch; Pest 1860 г. p. 7.

²⁸⁶ Czacki, о Litwackich i Polskich prawach, стр. 111.

нихъ же христіанъ. Если же обвинитель не доставитъ такъ свидѣтелей, то онъ несетъ то наказаніе, какое слѣдовало бы еврею. Если же иностранный, въ Польшѣ живущій дворянинъ, или польскій гражданинъ, употребитъ при такомъ ложномъ обвиненіи насиліе, то они наказываются конфискаціею ихъ имѣн.²⁸⁷

По свидѣтельству извѣстнаго историка *Іоанна Миллера*, въ его исторіи швейцарскаго союза, т. I стр. 559, швейцарцы, сократившіе понемногу нѣкоторые враждебные евреямъ законы, проводящіе ихъ такъ часто въ столкновеніе съ кабинетами гюльдерсскимъ и вашингтонскимъ, постановили еще въ 13 в., что еврей не слѣдуетъ обвинять въ убіеніи христіанскихъ дѣтей.

Упомянутый нами выше герцогъ миланскій *Галеацо-Сфорца*, въ своемъ эдиктѣ, отъ 19 мая 1470 года, также рѣшительно высказывается въ пользу евреевъ касательно обвиненія. Въ этомъ эдиктѣ онъ говоритъ объ обвиненіяхъ поднятыхъ на евреевъ въ разныхъ мѣстахъ Ломбардіи, о признаніяхъ выжатыхъ изъ евреевъ страшными муками, и беретъ ихъ подъ свою защиту. Онъ ссылается на законы евреевъ, на показанія многихъ достойныхъ довѣрія крещеныхъ евреевъ (*Hebreos baptizatos, y dignos de fee*); далѣе онъ указываетъ на то, что это обвиненіе совершенно не извѣстно въ нехристіанской Турціи, гдѣ живетъ, однакожь, столько христіанъ; въ заключеніе онъ требуетъ, чтобы это обвиненіе только тогда имѣло значеніе, когда свидѣтели совершенно неподозрительны, а обвиненіе ясно показано; чтобы процессъ былъ правильно произведенъ, и чтобы доносчики были строго наказываемы, если ихъ обвиненія окажутся ложными.²⁸⁸

Уже выше упомянуто, что венеціанскій дожъ *Піетро Мочениго*, въ 1475 году, заступился за гонимыхъ евреевъ, и что онъ всенародно объявилъ ложью и обманомъ обвиненіе противъ тридентскихъ евреевъ въ томъ, что они будто бы во время пасхи умертви-

²⁸⁷ См. Documenta Judaeos in Polonia concernentia etc. Orient I. с. стр. 38 и д. и въ предисловіи къ *Obrona Izrael*. Тугендгольда нѣмец. переводъ стр. 55—9, гдѣ находится множество подтвержденій сказанному нами о постановленіяхъ польскихъ королей, и откуда мы заимствовали часть свѣдѣній о нихъ.

²⁸⁸ Этотъ довольно длинный документъ сообщается на испанскомъ языкѣ у *Cardoso* въ его *Las exelencias etc.* въ главѣ *Decimo calunia de los Hobreos, que matan ninos Christianos paravalerse de su vange en sus Ritos*, стр. 426 и д. по копіи сдѣланной въ Веронѣ 4 мая 1726 г. и засвидѣтельствованной «*Jacobo Luriano Podesta y Micael Frimani capitán Relori de Verona*».

ли христіанскаго младенца. Также судъ въ Веронѣ, подъ предсѣдательствомъ подесты *Юстіана Контраено*, оправдалъ, 28 февраля 1606 года, еврея Іозефа Ла-Копіа отъ возведеннаго на него обвиненія въ убіеніи христіанскаго дитяти и употребленіи его крови, и именно на томъ основаніи, что еврейскій законъ говоритъ противъ этого обвиненія, что многіе государи такъ выразились въ пользу евреевъ и наконецъ, что папы заврети върять въ это безбожное обвиненіе. ²⁸⁹

Даже турецкіе султаны Мурадъ (не знаю который) и Селиманъ II объявили себя противъ этого обвиненія; первый, когда нѣсколько христіанъ въ Константинополѣ подняли такое обвиненіе, велѣлъ произвести строгое изслѣдованіе и когда убѣдился, что обвиненіе было рѣшительно ложно, предписалъ всѣмъ властямъ имперіи не обращать вниманія на такія козни. ²⁹⁰ Селиманъ II высказался объ этомъ обвиненіи по слѣдующемъ поводу. Въ 1590 году нѣсколько христіанъ обвинили еврея въ Амазін, недалеко отъ Эрзерума, въ томъ, что христіанинъ вошелъ къ нему въ домъ и не возвратился оттуда. Подвергнуты пыткамъ евреи показали, что они точно убили христіанина; и повѣсили, и достойный медикъ Яковъ Абіобъ былъ сожженъ. Но обвиненіе это было все-таки лишь выдумкою ложныхъ свидѣтелей: спустя нѣкоторое время, мнимо убитый евреями христіанинъ оказался въ живыхъ. Когда это дѣло дошло до Селимана II, онъ наказалъ клеветниковъ и повелѣлъ, чтобы всякое обвиненіе евреевъ въ употребленіи крови христіанъ не рѣшалось ни какимъ другимъ судомъ, кромѣ дивана. ²⁹¹

И нынѣшній султанъ, по случаю обвиненія поднятаго на евреевъ въ Дамаскѣ, въ 1840 г., издалъ 6 ноября того же года фирманъ, гдѣ обвиненіе это названо предразсудкомъ невѣжд и клеветою, и гдѣ предписывается защищать евреевъ отъ подобныхъ обвиненій.

Лютеръ, ²⁹² какъ извѣстно недругъ евреевъ, объявляетъ это обвиненіе *ложью и дурачествомъ*.

Великій голландскій ученый, Гуго Гроціусъ, говоритъ, что ²⁸⁹ ...affirmatur olim a sanctissimis Pontificibus prohibitum fuisse quemquam credere de huiusmodi objecto impio sanguinis Christiani abusu etc. Этотъ документъ также сообщается у Cardoso l. c. стр. 429, по копіи сдѣланной 5 мая 1626 г. публичнымъ нотаріусомъ въ Веронѣ, Киприаномъ Массевіо.

²⁹⁰ Cardoso, l. c. стр. 431.

²⁹¹ Zunz, Damascus etc. стр. X Берлинъ 1859 года.

²⁹² Въ его сочиненіи: Jesus Christus ein geborner Jude etc., oper. ed. Wittenb. m. V, 443.

жду евреями позднѣйшаго времени совершенно не существовать ни идолопоклонства, ни прелюбодѣйства, ни *человѣкоубійства* вообще. ²⁹³

Другой извѣстный голландскій ученый, Іоаннъ Лейзденъ, утверждаетъ, что обвиненіе это вымышлено нѣкоторыми людьми, чтобы этимъ увеличить ненависть христіанъ противъ евреевъ. ²⁹⁴

Часто упоминаемый христіанскій ученый Вюльферъ также рѣшительно возстаетъ противъ этого обвиненія, ²⁹⁵ и въ этомъ смыслѣ говоритъ о *безумной ярости* черни противъ евреевъ, которая воспламеняется *самыми несправедливыми обвиненіями* ²⁹⁶ безбожныхъ людей и обманомъ мошенниковъ. Вюльферъ замѣчаетъ далѣе, что всё тѣ свидѣтельства лѣтописцевъ, которыя толкуютъ о убійствѣ христіанскихъ младенцевъ евреями, или совершенно ложны, или же какое либо убійство действительно могло быть совершено какимъ нибудь однимъ евреемъ для дурнаго отищенія, но ни въ какомъ случаѣ не потому, чтобы еврей нуждался въ христіанской крови. Показанія Бренна и другихъ ему подобныхъ Вюльферъ рѣшительно называетъ ложью, ²⁹⁷ выдуманною только для того, чтобы вредить евреямъ. Вюльферъ противопоставляетъ показаніямъ этихъ *«безбожныхъ людей»* свидѣтельства честныхъ крещенныхъ евреевъ и ученыхъ христіанъ въ пользу евреевъ. ²⁹⁸

Въ числѣ знаменитыхъ католиковъ, защищавшихъ евреевъ противъ этого обвиненія мы можемъ указать на кардинала Флѣри (Fleury), основательнаго знатока еврейской письменности и еврейскихъ обычаевъ ²⁹⁹. Нѣкоторые авторы, говоритъ онъ, утверждаютъ, что еврей совершалъ эти жестокости, для получения крови христіанъ и употребленія ея для лекарствъ и колдовства; но доводы этихъ авторовъ такъ *нестыдны и нелѣпы*, что я не удостоиваю приводить ихъ здѣсь». Относительно такъ называемыхъ фактовъ, т. е. показаній лѣтописцевъ о минимомъ совершенныхъ убійствахъ христіанскихъ младенцевъ евреями, Флѣри говоритъ: «Впрочемъ, я не нахожу въ этихъ фактахъ ни одного,

²⁹³ *Judeos a tanto tempore, nec ad falsum deorum cultum deflexisse, ut olim, nec creditus se contaminare, nec ne adulteriis succusari; De verit. relig. Christiana, l.V.*

²⁹⁴ *Speciel. Philolog. Centur. 1. гл. III § 2.*

²⁹⁵ *Theriaca Iudaeica* стр. 76—84.

²⁹⁶ *Iniquissimae accusationes.*

²⁹⁷ *Nec me movent BrenzII, aliorum nequam hominum, confessiones etc.*

²⁹⁸ *Quam gravis infuria miserae genti (sc. Iudaeis) a sceleratissimis hominibus inferatur.*

²⁹⁹ Клавдій Флѣри написалъ между прочимъ сочиненіе: *Les mœurs des Israelites. Paris 1681*; это сочиненіе имѣло нѣсколько изданій, и переведено также на многіе другіе языки.

который был бы основанъ на неопровержимыхъ доказательствахъ, и кѣтъ надобности провѣрять ихъ, развѣ ради пофронца котораго воздается этимъ *мнимымъ мученикамъ*.³⁰⁰

Другой католикъ, также основательный знатокъ еврейскъ литературы и исторіи, Баснажъ, — который написалъ подробную исторію евреевъ въ X томахъ, —³⁰¹ ревностно заступаетъ евреевъ и обстоятельно доказываетъ ничтожность, подлость и вѣзость побужденій, заставлявшихъ вымышлять эти обвиненія. Такъ какъ сочиненіе Баснажа написано на французскомъ языкѣ, и всѣмъ доступно, то я считаю излишнимъ выписывать слова и поэтому ограничусь ссылкой на самое сочиненіе.³⁰²

Самымъ ученымъ и самымъ дѣятельнымъ защитникомъ евреевъ былъ отъявленный врагъ еврейства Іоаннъ Христофъ Вагензейль, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ еврейской литературы и жившій личное знакомство со многими крещеными и некрещеными евреями во многихъ государствахъ Европы; вообще Вагензейль былъ одинъ изъ первѣйшихъ ученыхъ своего вѣка. Уже в 1674 г. онъ замѣчаетъ въ своемъ толкованіи къ талмудическѣй статьѣ, «Сота» (Sota),³⁰³ что побуждаемый *«любовью къ истинѣ»* онъ напишетъ обстоятельное защищеніе евреевъ противу обвиненія ихъ въ употребленіи крови, и что въ этой апологій онъ намѣревается указать на начало и причины того *«ложное обвиненіе»* изъ за котораго многіе тысячи евреевъ невинно страдали и умирали. Въ 1693 г. онъ написалъ посланіе Іоанну Фехтусу³⁰⁴ въ которомъ разсуждаетъ о многихъ ученыхъ предметахъ и между прочимъ на стр. 70—143 о томъ вопросѣ: употребляютъ ли евреи для какой либо цѣли христіанскую кровь? бы слишкомъ распространился, еслибы хотѣлъ сообщить полное извлеченіе изъ этого сочиненія, написаннаго на латинскомъ языкѣ и занимающаго 74 страницы in 4; поэтому ограничусь лишь самыми существенными показаніями его.

Предварительно упомянувъ, что многіе его ученые соотечественники неоднократно напоминали ему сдержать данное обещаніе о составленіи особаго трактата въ защиту евреевъ противъ извѣстнаго обвиненія, Вагензейль извиняется, что, по недостатку времени, еще не могъ приступить къ исполненію своего на-

³⁰⁰ Hist. Eccles. т. XII стр. 379.

³⁰¹ Второе изданіе вышло въ Гагѣ 1716 г.

³⁰² Histoire des Juifs кн. IX гл. XIII, § 17—34, т. IX, ч. I стр. 371—380.

³⁰³ Altorf. 1674, стр. 332.

³⁰⁴ Выше упомянутое сочиненіе: De Infund..... Epistola.

времени, и замѣчаетъ, что озаглавить это сочиненіе: «*Judicium sanguinis*, т. е. кровавый судъ». Вагензейль доказываетъ, что евреи считаютъ всякое убійство за *смертельный грѣхъ*, и намѣреются въ предполагаемой апологіи выставить 25 доказательствъ и то, что евреи ни въ какомъ случаѣ не употребляютъ христіанской крови. Изъ этихъ 25 доказательствъ Вагензейль подробно разбираетъ лишь 4. Вотъ они вкратцѣ:

1) Евреи до такой степени боятся крови, что они хоронятъ тѣло такого человѣка въ тѣхъ же самыхъ платьяхъ вмѣстѣ съ кровью. 2) Употребленіе крови въ пищу считается такимъ же грѣхомъ, какъ идолопоклонство, которое, въ свою очередь, у евреевъ есть самый величайшій грѣхъ. 3) Евреи имѣютъ столь сильное отвращеніе отъ убійства и крови, что они наименованы 30 серебрянниковъ, возвращенныхъ имъ Іудею, кровавыми деньгами, и не соглашались ихъ принять въ храмовую кассу.¹⁰ Еслибы евреи дѣйствительно нуждались въ христіанской крови для нравственнаго или физическаго благоденствія, то этили самымъ они сознавались бы въ несовершенствѣ собственной религіи и, слѣдовательно, въ совершенствѣ христіанской вѣры. Затѣмъ оставался бы еще одинъ вопросъ: что дѣлаютъ тѣ евреи, которые живутъ на востокѣ и не имѣютъ около себя христіанъ?

Такимъ образомъ Вагензейль слѣдитъ далѣе за ходомъ обвиненія въ употребленіи крови, приводитъ различные роды появленія его, опровергаетъ всѣ возраженія по одиночкѣ, и старается доказать начало каждаго обвиненія. Но вотъ въ чемъ недостатокъ Вагензейля: онъ ищетъ причины тѣхъ обвиненій исключительно въ самомъ еврействѣ, т. е. въ еврейскихъ обрядахъ, какъ бы непонятыхъ христіанами, и потому иначе растолкованныхъ, нежели какъ бы слѣдовало. Впослѣдствіи онъ отчасти исправилъ эту ошибку, указавъ на настоящія причины, а именно на жадность къ еврейскимъ деньгамъ и на выгодные обороты, которые позволяли себѣ нечестивые люди съ помощью многихъ чудотворящихъ, будто убитыхъ евреями, младенцевъ и прокалотыхъ гостей. Не будемъ болѣе разбирать это ученое сочиненіе Вагензейля, а перейдемъ къ другому труду этого же самаго автора, тракующему о томъ же самомъ предметѣ.

¹⁰ См. Еванг. Матѣ. (27, 3—9.) *Enim vero, замѣчаетъ Вагензейль (1. с. стр. 10 etc.) a praecipuo sanguinis caedis abhorrebant Iudaei et nos credimus, Nles ipsum sanguinem innocenter occisii hominis in duos usus secum conditum habere?*

Вагензейль не исполнилъ вполнѣ своего обѣщанія въ мѣрѣ, какъ самъ первоначально намѣривался; но въ 1705 онъ издалъ сочиненіе подѣ заглавіемъ: «Benachrichtigung wegen einiger die gemeine Iudischheit betreffenden wichtigen sachen, т. е. свидѣнія, касающіяся нѣкоторыхъ важныхъ вѣщевъ, относительно всего еврейства.»³⁰⁶ Это сочиненіе состоитъ изъ различныхъ трактатовъ о евреяхъ и еврействѣ; второй трактатъ (стр. 126—206) обстоятельно распространяется объ обвиненіи въ употребленіи крови и озаглавленъ весьма характерически: «Unwidersprechliche Widerlegung der entsetzlichen Iwarheit, dass die Juden zu ihrer Bedürfniss Christenblut haben müssen, welche (Beschuldigungen) so viel tausend dieser unschuldigen Leute um Haab, Gut, Leib und Leben gebracht, т. е. неоспоримое опроверженіе ужасной неправды, будто бы что евреи для своихъ потребностей имѣютъ надобность въ крови христіанъ, неправды, лишившей многія тысячи этихъ невинныхъ людей имущества, достоянія и жизни».

Изъ этого весьма ученаго сочиненія мы также сообщимъ только главное содержаніе. Во вступленіи авторъ высказываетъ свое сожалѣніе, что это ложное обвиненіе возбуждаетъ въ евреяхъ ненависть не только противъ христіанъ, но и противъ христіанства! Вагензейль замѣчаетъ, что такой пошлый порокъ служитъ къ посрамленію христіанъ, но никакъ не христіанства и что на христіанахъ лежитъ обязанность доказать евреямъ, что всѣ несправедливости, съ которыми на нихъ нападаютъ, происходятъ отъ людей неразумительныхъ, и что люди благоразумные и благочестивые во всѣхъ тѣхъ обвиненіяхъ не принимаютъ никакого участія».

Между всѣми ложными обвиненіями Вагензейль указываетъ на обвиненіе въ употребленіи христіанской крови, какъ на вѣщайшее и на самое горькое, вымышленное единственно для того, «чтобы обморочить, обмануть людей.» Потомъ авторъ последовательно доказываетъ взаимное противорѣчіе свидѣтельствъ касающихся этого обвиненія и менуетъ все обвиненіе пустою болтовнею, которая не должна — бы исходить изъ христіанскихъ устъ». Если бы эта болтовня, продолжаетъ Вагензейль, осталась только болтовнею, то она была-бы сносна, и страшныя мученія и казни многихъ тысячъ евреевъ, послѣд-

³⁰⁶ Второе исправленное и дополненное изданіе вышло въ Альтопфѣ въ 1707, in 4. Этого изданія я не могъ получить.

иши отъ этой «*проклятой несправедливости, заставляющей соединяться и соединять не только людей, но и безжизненные камни*».

Указавъ послѣдовательно на ничтожность и неосновательность кѣхъ свидѣтельствъ, приведенныхъ въ доказательство тому, что евреи, будто, нуждаются въ христіанской крови, Вагензейль отвергаетъ:

«Не будемъ довольствоваться тѣмъ, что рѣшительно опровергнута всѣ, *дьяволомъ распространенная несправедливости*, но постараемся также и предупредить всѣ ложныя показанія, которыя впредь какимъ-либо лжецомъ или обманщикомъ будутъ назначаемы легкомысленнымъ людямъ; послѣдней цѣли мы достигнемъ тогда, когда докажемъ, до какой степени невозможно даже допустить нелѣпую мысль, что евреи умерщвляютъ христіанскихъ дѣтей, съ цѣлью употребленія ихъ крови, какъ цѣлебнаго средства». Вотъ вкратцѣ его доказательства:

1) Всѣмъ извѣстно, какъ строго евреи соблюдаютъ свои заповѣди, и что они въ разныя времена скорѣе подвергались самымъ невыносимымъ мученіямъ, но ни за что не соглашались съ свинину, (кн. Маккавеевъ II гл. 7); употребленіе же крови въ пищу гораздо строже запрещено, чѣмъ употребленіе свиинны.

2) Евреи не съѣсть куска мяса, не удаливъ предварительно различными многочисленными операціями всю кровь изъ мяса. Евреи такъ строго соблюдаютъ это предписаніе, что, вкушая кусокъ хлѣба и замѣтивъ слѣды крови изъ своихъ же десенъ на съѣдаемомъ хлѣбѣ, срываютъ слѣды крови съ хлѣба и тогда только доѣдаютъ его.

3) Если бы евреи дѣйствительно вѣрили, что въ крови содержится какое либо цѣлительное начало, то скорѣе употребили бы кровь собственныхъ еврейскихъ мучениковъ, или вообще какого нибудь еврея, ибо крови его могли бы приписать болѣе силы, чѣмъ христіанской.

4) Многочисленныхъ евреевъ, проживавшихъ и нынѣ проживающихъ въ Африкѣ и Азій, никогда не упрекали въ употребленіи христіанской крови: поэтому и европейскіе евреи могутъ одинаковымъ образомъ обойтись безъ оной.

5) Вагензейль ссылается на многихъ крещеныхъ евреевъ, которыхъ онъ настоятельно спрашивалъ объ этомъ предметѣ, и всѣ они называли это обвиненіе ложью.

6) Многія папскія буллы и многочисленныя императорскіе

у нас единодушно защищают евреевъ противъ этого обвиненія и единогласно объявляютъ его ложью. Наконецъ авторъ присовокупляетъ: «Съ какой точки зрѣнiя мы ни посмотримъ на этотъ вопросъ, вездѣ увидимъ только самыя гнусныя нечестности.»

Потомъ авторъ доказываетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ что вышеупомянутая сказка объ умерщвленiи евреями христіанскаго младенца въ Тридентѣ, не смотря на то, что въ свое время ей всюду и почти всѣ вѣрили, есть «самая великая и потмѣльшая ложь», хотя это мнимое происшествіе было воспѣваемо многочисленными странствующими пѣвцами и всѣхъ ярмаркахъ, и было, сверхъ того, вездѣ изображено нагляднымъ образомъ. Въ заключеніе своего вывода Вагензейль говоритъ: «Безъ лишнiихъ размышленiй мы скоро открываемъ очевидную причину появленiя этой выдумки: сверкжеланiя *похитить у богатыхъ евреевъ и добро и деньги*, въ то время когда такого рода козни разыгрывались, былъ вѣкъ *виду миванiя блаочестивыхъ* обмановъ, чудесъ и убѣжденiя людей посредствомъ суевѣрiя.» Здѣсь Вагензейль рисуетъ то вліаніе какое имѣли на средневѣковое европейское человѣчество превратное пониманіе духовной стороны возвышенной вѣры Христовой и поклоненіе одной внѣшности, «когда монахи и духовники, говоря словами апостола Павла (2 Фесал. II 9, 10.), по дѣйствію сатанину во всякой силѣ, и знаменiяхъ, и чудесахъ ложныхъ, и во всякой лести неправды, старались превосходить другъ друга въ порабощенiи умовъ людей, въ обобранiи ихъ имуществъ и проч. Постоянно выдумывалось что-нибудь новое, чтобы тѣмъ самымъ приманить людей; всякая мѣстность нуждалась въ чудотворящихъ образахъ, мѣстной святыхъ, мѣстныхъ чудотворныхъ мощахъ, или вообще въ какихъ либо средотвахъ внушенiя благоговѣнiя, чтобы задерживать на мѣстѣ мирянъ, препятствовать имъ уносить деньги въ другія отдаленныя мѣста, и, если возможно, приманивать еще жителей другихъ мѣстностей... Такого рода приманки и недоставало въ Тридентѣ, почему духовенство и начало совершать свои интриги съ помощію утопшаго христіанскаго младенца; а такъ какъ-то происшествіе случилось вскорѣ послѣ еврейской Пасхи, то и придумали распространить слухъ, что младенецъ былъ умерщвленъ евреями, чтобы воспользоваться его христіанскою кровью, при заготовленiи *вскалай* ихъ свѣсеноконъ. Для большей же вѣроятности

онѣи трутъ былъ соотвѣтственно препарованъ и снабженъ нѣко-
кими ранами.»³⁰⁷

Дѣль, говоритъ онъ даѣе, была достигнута: ибо не только
иудеи этой козни получили щедрое вознагражденіе, но и
иъ городъ обогатился отъ стеченія многочисленныкъ поствѣ-
нныкъ, пришедшихъ на поклоненіе новымъ чудотворящимъ
идолыъ.

Въ той же самой мѣрѣ, какъ это тридентское проишествіе,
пролившееся всюду и принятое всѣми за истину, есть *пустая*
облава, въ той же самой мѣрѣ, продолжаетъ Вагензейль, и
иъ прочія подобныя сказки—*ложны* и *неосновательны*, ибо по
Вашему яромыслу, всѣ эти исторіи разсказаны хронистами
иъиъ образомъ, что, разбирая ихъ безъ предразсудковъ и чи-
таиъ съ здравымъ человѣческимъ разумомъ, мы сейчасъ же
иъищемъ, какъ *несмыслыъ* евреевъ жестоко обижали и что
иъиши обвиненія евреевъ происходили отъ еврейскихъ недруговъ,
иъ иести къ евреямъ или изъ желанія приобрьсть *еврейское*
богатство.

Вагензейль приводитъ еще одно, всенародно³⁰⁸ объявленное
иъиленіе сульцбахскаго придворнаго суда, отъ 16 іюля 1692
иъи, которое гласитъ: въ настоящее время распространился
иъи, что евреи похитили или по крайней мѣрѣ, намѣре-
иъиы похитить христіанскаго младенца. Нѣсколько разъ уже
иъиши подобная молва, и всякій разъ при появленіи такого
иъишенія «дѣло было изслѣдовано по высочайшему повелѣнію
иъиши *тщательнымъ* образомъ; при точномъ изслѣдованіи
иъи никогда ничею еще не оказалось: *напротивъ* того всякій
иъиъ ило *выставлялось*, что *тѣ слухи* были *пустыя* сказки,
иъиши *слышанныя* *влыми* *затѣвщиками*» почему этимъ самымъ при-
иъишеи не только объявляется, что эти слухи ложны и неосно-
иъишительны, но также строжайше предупреждаются всѣ лица,
иъиши *иъиши* евреямъ подобныя ложныя обвиненія, чтобы
иъиши лица не только не осмѣливались-бы упрекать евреевъ
иъиши *иъиши* *неосновательныя* сказкахъ но и не смѣли-бы
иъиши *иъиши* ихъ. Всѣ лица, которыя будутъ дѣйствовать вопреки
иъиши предписанію, будутъ подвергнуты чувствительному нака-
иъишию».

³⁰⁷ Мы выше уже замѣтили, что папа, также какъ и дожь вене-
иъишианскій, усмотрѣвъ всю эту нѣтригу, никакъ не хотѣлъ признать
иъиши *иъиши* убитаго еврейскаго младенца.

³⁰⁸ De Infund. pag. 105 и слѣд.

Въ 1714 году, богословскому факультету лейпцигскаго университета тогдашнимъ королемъ польскимъ и курфирстомъ саксонскимъ Августомъ II было предложено, *положить свое мнѣніе по вопросу*, — употребляютъ-ли евреи для какой-либо цѣли христіанскую кровь. Факультетъ рѣшительно объявилъ это обвиненіе *ложью и сказкою* въ весьма обширномъ протоколѣ, единогласно подписанномъ 8 мая, 1714 года, всѣми профессорами и докторами того факультета ³⁰⁹.

Я не буду утомлять читателя обстоятельнымъ разборомъ этого обширнаго отзыва, но обращу вниманіе лишь на важнѣйшіе выводы его.

Относительно такъ называемыхъ фактовъ, подтверждающихъ умерщвленіе христіанскихъ дѣтей, о которыхъ столь часто толкуютъ средневѣковые лѣтописцы, упомянутые члены богословскаго факультета приводятъ слѣдующія три обстоятельства. 1, что всѣ эти повѣствованія до такой степени наполнены противорѣчіями, что каждый лѣтописецъ уличаетъ другого во лжи; 2, что всѣ эти рассказы относятся ко временамъ невѣжества и легковѣрія, и весьма подозрительны по причинѣ безчисленныхъ чудесъ, мною совершавшихся при открытіи младенца. Богословскій факультетъ указываетъ въ этомъ мѣстѣ на сознаніе Эйзенменгера, извѣстнаго недоброжелателя евреевъ, что въ настоящее время умолкли слухи о подобныхъ смертоубійствахъ, и замѣчаетъ при этомъ, что причиною тому слѣдуетъ почитать образованіе, распространившееся по Германіи и уничтожившее вѣру въ подобныя пустые вымыслы; 3, что быть можетъ, что какой нибудь еврей въ самомъ дѣлѣ разъ убилъ христіанскаго младенца, но что убійство было совершено изъ *личной* мести, и слѣдовательно несправедливо приписывать преступленіе одного лица цѣлому сословію.

Въ томъ же самомъ году Конректоръ франкфуртской гимназіи, Іоаннъ Яковъ Шудтъ, неумолимый врагъ евреевъ, обнаружилъ объемистое сочиненіе in 4-to, содержащее 1746 страницъ; остервенѣніе противъ всего еврейства высказывается здѣсь на каждой страницѣ. ³¹⁰

Приведемъ вкратцѣ сужденіе Шудта:

Достоверно и рѣшительно доказано, что евреи ни пьютъ, ни ѣдятъ христіанской крови, ни примѣшиваютъ ея въ

³⁰⁹ Этотъ отзывъ сообщается въ сочиненіи подъ заглавіемъ: «*Datascia*», Löwenstein 1844 г. стр. 325 — 362; изданіе 2-е Roedelheim.

³¹⁰ *Jüdische Merkwürdigkeiten etc.* Frankfurt и Leipzig. 1714 въ 4-хъ отдѣлахъ.

всѣмънныя хлѣбы свои, ни споспѣшествуютъ ея родамъ своихъ удальницъ, и ни мажутъ ея умершихъ.»

Къ несчастію, Шюдтъ увлекается мнимыми фактами лѣтописанія, и, вслѣдствіе того, полагаетъ, что евреи употребляютъ христіанскую кровь, изъ ненависти и злобы противъ христіанъ, и разныя *дьявольскія чародѣйства*.

Знаменитый французскій писатель новѣйшаго времени, Францискъ Мишель I, выражается слѣдующимъ образомъ ²¹¹ о сообращенныхъ средневѣковыми монахами, такъ называемыхъ, фактахъ или много убіенія евреями христіанскихъ дѣтей: «Но это извѣстество авторовъ, по большей части духовныхъ, доказываетъ скорѣе общезвѣстность этого явленія, чѣмъ его дѣйствительность. Когда средневѣковые короли и бароны должны были возвратитъ евреямъ то, что эти послѣдніе одолжили имъ, или когда они прельщались богатствомъ своихъ заимодавцевъ, то они не упустили случая прикрывать свое корыстолюбіе и свое беззаконіе приличнымъ предлогомъ, и всего чаще, если вѣрить историкамъ, призывали въ подобныхъ обстоятельствахъ на помощь религію. Такимъ образомъ евреи были превозглашены убійцами, отравителями, людодѣями, святотатцами, волшебниками и проч. По малѣйшему поводу ихъ арестовали, пытали, заставляли признаться въ преступленіяхъ, въ которыхъ ихъ обвиняли; ихъ защитеній не слушали, или, скорѣе, имъ не давали защищать себя; конфисковали ихъ имущество, или приговаривали къ значительнымъ пенямъ; ихъ гнали, жгли, колесовали, вѣшали между двухъ собакъ, и это еще не все: потому что послѣ палача приходилъ проливиста и клалъ на насъ помять и на чело ихъ дѣтей печать проклятій и безчестія.»

Большая часть нашихъ читателей знаютъ навѣрно, что въ 1840 г., въ Дамаскѣ, евреи были обвинены въ убіеніи нѣкоего католическаго патера Томаса. Здѣсь не мѣсто доказывать, что евреи были невинны; что, помощью страшныхъ пытокъ, отъ которыхъ многіе умерли, выжали у нѣкоторыхъ евреевъ ложныя показанія; что многіе безпристрастные европейскіе консулы въ Дамаскѣ горячо заступались за евреевъ, и проч. Мы хотимъ обратитъ вниманіе нашихъ читателей на слѣдующее:

Во всей Европѣ, всѣ лучшіе, благороднѣйшіе и знакомые съ

²¹¹ Hugues de Lincola, Recueil de ballades anglonormandes et ecossaises relatives au meurtre de cet enfant commis par les Juifs en 1255; publié avec une introduction et des notes par Francisque Michel. Paris, 1836.

еврействомъ христіане въ то время громко возвысили голосъ въ защиту евреевъ. Различныя правительства, какъ-то наше русское, англійское, сѣвероамериканское, австрійское, датское, голландское, нѣкоторыя итальянскія и даже *исламское* рѣшители объявили себя и дѣйствовали въ пользу евреевъ, не смотря на то, что многія изъ истребленныхъ выше правительствъ, и крайней мѣрѣ въ то время, далеки не могли назваться дружелюбными относительно евреевъ. Въ различныхъ странахъ Европы благочестивые христіане основывали даже комитеты собирали денежные пожертвованія въ пользу евреевъ. Этотъ кровавый дамасскій процессъ возбудилъ наиболѣе участія, сочувствія и даже движенія въ Англїи. Известно, что въ состоятельныхъ классахъ и въ высшемъ обществѣ Англїи распространено болѣе образованія, знанія и даже учености, чѣмъ во всякой другой странѣ. Нигдѣ такъ не распространено знаніе еврейскаго языка и иудаизма, какъ въ Англїи; здѣсь навѣрное найдется гораздо болѣе христіанскихъ дамъ, которыя читаютъ библію и подлинникъ, чѣмъ въ другой странѣ мужчинъ, которые могутъ читать по-еврейски. Здѣсь, прежде чѣмъ въ другихъ странахъ знаменитые ученые, какъ Селденъ, Пококъ, Спенсеръ, Лайтфуумъ и др., написали прекрасныя сочиненія о литературѣ, религіи и законодательствѣ евреевъ, — сочиненія, которыя пользуются известностію въ Англїи и выдержали уже нѣсколько изданій. Въ этой-то самой Англїи, гдѣ наилучше знаютъ евреевъ, еврейство, дамасскій процессъ возбудилъ наиболѣе негодованія, а еврей — наиболѣе сочувствія. Первые люди Англїи, какъ лорды: Пальмерстонъ, Джонъ Россель, Робертъ Пиль и ии. др. говорили въ парламентѣ о положеніи дамасскихъ евреевъ; вездѣ составлялись митинги и комитеты для спасенія обвиненныхъ евреевъ, гдѣ участвовали первые люди Англїи. Ораторы на этихъ митингахъ не находили довольно словъ, чтобы выразить свое омерзѣніе свое къ злодѣйствамъ, совершеннымъ надъ евреями въ Дамаскѣ, и вся Англїя считала заступничество за евреевъ обязанностью христіанъ. «Этимъ заступничествомъ за злополучныхъ и невинныхъ евреевъ, говорили многіе ораторы, мы омыемъ стыдъ нашихъ предковъ, выдумавшихъ это позорное обвиненіе.» Англичане же исходатайствовали у Мехмедъ-Али и освобожденіе заключенныхъ евреевъ. Англійскіе и американскіе миссіонеры на востокѣ въ буквальномъ смыслѣ истощали всю свою энергію въ заступничествѣ за евреевъ.

Не можемъ не сообщить здѣсь воззрѣніе нашего правитель-
ства на дамасскій процессъ, выраженное въ слѣдующей депешѣ
позднѣе вице-канцлера, графа Несельроде, къ нашему послан-
нику въ Лондонѣ, барону Бруншову:

«С. Петербургъ, 31 августа. Господинъ баронъ! Считаю дол-
гомъ извѣстить ваше сіятельство о полученіи вашей депеши,
вторую вы извѣщаете меня о рѣшеніи, принятомъ на лон-
донскомъ митингѣ, касательно преслѣдованій, претерпѣнныхъ
дамасскими евреями отъ египетскихъ властей. Выраженія этого
достойнаго собранія, основанныя на принципахъ гу-
манности и справедливости, могли быть только въ высшей
степени одобрены императорскимъ правительствомъ. Оно не-
принужденно раздѣляетъ единогласное и живое сочувствіе, возбуж-
даемо въ Англіи участію этихъ несчастныхъ евреевъ, подчи-
нившихъ египетскому господству, и примыкаетъ къ мыслямъ,
выраженнымъ въ рѣшеніи того собранія касательно устраненія
такихъ возмутительныхъ злоупотребленій и жестокостей, зрѣ-
лищемъ которыхъ былъ недавно городъ Дамаскъ. Передайте,
г. баронъ, это выраженіе г. лорду-меру и ир.

Человѣколюбивому притѣру Англіи послѣдовали сѣверо-амери-
канцы. И въ сѣверной Америкѣ происходило много митинговъ
въ пользу евреевъ, и особенно большой митингъ въ Нью-Йоркѣ,
19 марта 1840 года. Сѣверо-американское правительство послало,
14 августа 1840 года, слѣдующее энергическое предписаніе
визиту своему въ Александрію:

«Вашингтонъ, 14 августа 1840 года. Наравнѣ со воими дру-
гими просвѣщенными націями, сѣверо-американцы съ омерзѣ-
ніемъ узнали, какія низкія преступленія взводятъ на евреевъ въ
Дамаскѣ и какими жестокостямъ ихъ подвергли. Президентъ
вашъ раздѣляетъ мысли, выраженные съ разныхъ сторонъ, и
чувствуетъ потребность выразить свое удивленіе и свое при-
соединеніе, что въ такомъ просвѣщенномъ вѣкѣ могутъ еще при-
писывать какой бы то ни было религіозной партіи такіе отвратительные
обряды, и, для доказательства преступности, прибѣгать
къ такимъ варварскимъ мѣрамъ. Преступленія, въ которыхъ
обвиняютъ этихъ несчастныхъ евреевъ, слишкомъ подобны тѣмъ,
которыя, во времена менѣе просвѣщенные, употреблялись пред-
метомъ для фанатическихъ преслѣдованій и угнетенія ихъ, чтобы
легко было хоть на минуту подумать, что эти обвиненія теперь
болѣе справедливы, чѣмъ тогда. Президентъ съ бодрѣющимъ удо-

вольствіемъ извѣстнаго о томъ, что многія европейскія правительства пытались приостановить употребленія въ Дамаскѣ жестокостей, и съ радостію узналъ, что это отчасти имъ удалось. Искренне желаетъ, чтобы сочувствіе и посредничество прителства Соединенныхъ Штатовъ не остались чуждыми этимъ благороднымъ стремленіямъ, и поручилъ мнѣ уполномочить и употребить все, что только сообразно съ характеромъ вѣщаго поста, дабы эти несчастныя жертвы преслѣдованія, воиоторыхъ достигъ и до нашихъ береговъ, были поставлены и защиту справедливости и гуманности.»

Въ Германіи, гдѣ вообще не очень скоро приступаютъ къ дѣлствіямъ, ученѣйшіе и благороднѣйшіе люди тоже многократно энергически возвышали голосъ въ пользу евреевъ. Я увлекся слишкомъ далеко, еслибъ хотѣлъ сообщить здѣсь все, что я сали тогда въ Германіи въ защиту евреевъ; не могу, однако, не сообщить здѣсь мнѣнія нѣкоторыхъ первыхъ авторитетовъ этомъ дѣлѣ.

Извѣстный ориенталистъ, бывшій долго прусскимъ консуломъ въ Дамаскѣ, *Ветцштейнъ*, равно уважаемый на востоцѣ христіанами и евреями, мухаммеданами и друзьями, знающій сирийское населеніе лучше всякаго другаго европейца, совершенно убѣжденъ въ невинности евреевъ въ Дамаскѣ. Знаменитый арменіанистъ, профессоръ *Петерманъ*, въ Берлинѣ, нут шествовавшій по востоку и жившій долго въ Дамаскѣ, писалъ мнѣ отъ 16 января, сего 1861 года, слѣдующее: «Я часто говорилъ объ этомъ (т. е. объ обвиненіи, взведенномъ на евреевъ въ Дамаскѣ) съ консуломъ Ветцштейномъ. Онъ, подобно всѣмъ людямъ, свободнымъ отъ предрасудковъ, въ негодованіи отъ этого обвиненія и неоднократно высказывалъ мнѣ, что обвинительные свидѣтели, разными недозволительными средствами — подкупомъ, обѣщаніями, угрозами и пыткой — были побуждены или вынуждаемы къ показаніямъ противъ нихъ собственно совѣсти.»

Франц Дельчъ, нынѣ профессоръ богословія въ Брауншвейгѣ прежде служившій при миссіи для обращенія евреевъ въ христіанство, котораго между природными христіанами, безъ сомнѣнія, можно считать величайшимъ знатокомъ еврейской литературы, говорилъ въ 1840 году проповѣдь, въ церкви Сиротскаго дома, въ Дрезденѣ, въ которой онъ слѣдующимъ образомъ отзывался о процессѣ въ Дамаскѣ:

«При некихъ многолѣтнихъ занятіяхъ еврейскою литературою, и мои справедливо ожидаютъ объясненія по поводу событій Дамаскѣ и на островѣ Родосѣ. Хотя я давно исполнилъ бы эту обязанность любви, еслибъ чувствовался недостатокъ въ компетентныхъ защитникахъ, но я не могу, однакожъ, пропустить просямый Божьимъ доставленный мнѣ случай, чтобы гласно выступить противъ этой средневѣковой мерзости.» Проповѣдь эта дѣлена на три части, гдѣ разсматриваются три главныхъ препятствія къ обращенію евреевъ въ христіанство, изъ которыхъ второе, «есть, безъ сомнѣнія, *ненависть къ евреямъ*, и всѣй вашей гуманности и космополитизмѣ, которыми мы жили, еще не совсѣмъ въ насъ искорененная. Эта ненависть къ религіи вызвала, въ современномъ вопросѣ объ эманципаціи евреевъ, много бранимыхъ сочиненій противъ нихъ, которыя тѣмъ болѣе истыды для христіанскаго имени, чѣмъ болѣе авторы ихъ ищутъ на это послѣднее. Ненависть эта,—не безъ дѣятельнаго содѣйствія живыхъ выкрестовъ изъ евреевъ, желавшихъ своимъ прежнимъ единовѣрцамъ и угодить своимъ ношамъ,—распространила разныя несправедливыя обвиненія противъ евреевъ, все болѣе и болѣе отдаляющія ихъ отъ христіанства и заставляющія ихъ сомнѣваться въ проповѣдуемой имъ любви. Къ принадлежить обвиненіе, что евреи примѣшиваютъ христіанскую кровь къ своимъ пасхальнымъ опрѣснокамъ,—обвиненіе, живость котораго давно уже Лютеръ и другіе благовѣрные отцы вашей (Лютеранской) церкви подтвердили и доказали, которое, какъ бы какою-то ирраціональною силою, занесено съ собою на Диванъ и обрушило, какъ вы всѣ знаете, въ Дамаскъ и на островѣ Родосѣ, новыя кровавыя преслѣдованія на злодѣльное, и безъ того уже угнетенное, племя израилюе.»

«Событія въ Дамаскѣ и на Родосѣ должны возбудить священную гнѣвъ и горестъ во всѣхъ тѣхъ, кому близко къ сердцу лежитъ миссіонерства въ Израилѣ. Непростительно, что такъ опорочили имя христіанъ предъ лицомъ евреевъ всего земнаго шара, возставшихъ какъ единый человѣкъ.»

Въ дополненіе къ отзывамъ о разбираемомъ нами вопросѣ, мы хотимъ привести мнѣнія еще двухъ, весьма извѣстныхъ, авторитетовъ.

Благочестивый ученый Іоаннъ Фридрихъ фонъ *Мейеръ*, докторъ теологіи и обонхъ правъ, первый бургомистръ Франкфурта на Майнѣ, президентъ апелляціоннаго суда и посланникъ тамош-

наго сейма, бывший президентомъ франкеуртскаго библейскаго общества, за тѣмъ переводившій и толковавшій библію, осмислительномъ знаніи еврейской литературы, ³¹² въ 1841 г. такъ же обнародовалъ отзывъ «*no добросовѣстному убѣжденію въ честь истины*» противъ столь страшнаго обвиненія евреевъ ³¹³.

Въ этомъ отзывѣ Мейеръ указываетъ на строгія Моисея воспрещенія всякаго смертоубійства и говорить, «*что ни Талмуд ни раввины никогда не одобряли убійства*». Обвиненію, евреи употребляютъ христіанскую кровь для приготовленія пхальныхъ опрѣсоковъ, авторъ считаетъ верхомъ нечестности замѣчая: «*я въ самомъ дѣлѣ вовсе не знаю что и возразить столь страшное (abenteuerliche) обвиненію!*» Далѣе Мейеръ говоритъ, что *нѣтъ никакихъ фактическихъ доказательствъ*, которыя могли бы служить поводомъ къ предположенію, что могутъ быть нѣкоторые евреи, для какихъ либо суевѣрныхъ чародѣйствъ употребляютъ христіанскую кровь; если принять даже это предположеніе, то нужно еще доказать, *въ самомъ ли дѣлѣ тамъ или другой обвиняемый еврей занимается чародѣйствомъ.*

Другой набожный и ученый католикъ, Франц Іосифъ Молиторъ, авторъ славнаго сочиненія: «*Philosophie der Geschichte oder über die Traditionen in dem alten Bunde und ihre Beziehung zur Kirche des neuen Bundes*» ³¹⁴ т. е. «*философія исторіи о преданіяхъ ветхаго завіта и ихъ соотношеніи къ церкви новаго завіта*», рѣшительно возстаётъ противъ этого обвиненія. Авторъ замѣчаетъ ³¹⁵, что при изданіи 3-го тома его философской исторіи «*весьма было бы кстати ученымъ образомъ распространиться*» о ложно навязываемомъ евреямъ обвиненіи въ употребленіи христіанской крови, но оставляетъ это потому, «*считаетъ это обвиненіе, неосновательность и нечестность котораго столь часто уже доказаны, слишкомъ экстравагантнымъ, чтобъ даже мимоходомъ упомянуть о немъ*». И такъ, живую Молитора, *не стоить даже и труда опровергать это обвиненіе.*» Но вслѣдствіе пророчества въ Дамаскѣ, — продолженіе

³¹² Между его сочиненіями въ особенности замѣчательны: Die heilige Schrift in berichteter Uebersetzung mit Anmerkungen: «*Blätter für höhere Weisheit*»; Inbegriff der christl. Glaubenslehre»; Das Buch Jexira, die älteste Kabbalistische Urkunde der H. bräuer» на еврейскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и т. д.

³¹³ См. Stimmen berühmter Christen über den Damascener Blutprozess. Frankfurt am Main. 1843 стр. 5—10 и въ Der neue Piteval etc. t. II 2 издан. Le. 1858. p. XIV—XIX.

³¹⁴ Это сочиненіе вышло въ Франкфуртѣ на Майнѣ, въ 1827; оно состоитъ изъ 3-хъ томовъ.

³¹⁵ Тамъ же стр. 11—16 и XX—XXIII.

вдаль, — которому нинѣ принесено столько невинныхъ и дѣлать жертвъ, я не заведу ни на минуту, по добросовѣстному моему убѣжденію, высказаться объ этомъ вопросѣ. *Видите многолѣтнихъ трудовъ моихъ, которые я исключительно посвящалъ на изслѣдованіе и изученіе раввинскихъ и каббалистическихъ сочиненій, я нинѣ полное право льстить себя надеждою, что я достаточно ознакомился съ мистическою и казуистическою стороною еврейства. За тѣмъ я объявляю, что никогда мнѣ не случалось ни съ талмудистами, ни каббалистами, и вообще ни съ какою еврейскою сочиненіемъ, встрѣчать ни малѣйшаго намёка, который могъ бы служить подтвержденіемъ этого нелпаго (absurditatis) обвиненія противъ еврейства; равнымъ образомъ я никогда не видалъ ни малѣйшаго слѣда подобнаго кровожаднаго преданія, хотя весьма продолжительное время занимался еврейскими преданіями. Да и рѣшительно невозможно, сколько мнѣ извѣстно изъ еврейскаго законодательства, допустить мысль, что такое гнусное предписаніе какимъ-либо образомъ могло бы войти въ еврейство, не уничтоживъ предварительно до основанія «Моисеевъ, и талмудическій законы».*

Дальше Молиторъ утверждаетъ, что евреи никакъ не могутъ употреблять христіанскую кровь на чародѣйства, «ибо» говорить онъ, «я долженъ настойчиво утверждать, что магія въ еврейской религіи безусловно запрещена, и мнѣ не извѣстно ни одного указанія ни въ библіи, ни въ талмудѣ, ни въ каббалѣ, которое бы могло оправдать подобное преступленіе». «Обвиненію же», продолжаетъ Молиторъ, «что евреи, будто, употребляютъ христіанскую кровь для религіозныхъ обрядовъ и церемоній... выказывается полное непониманіе ни еврейскихъ обрядовъ, ни самаго еврейства, и напоминаетъ подобное обвиненіе въ принесеніи человѣческихъ жертвъ, которое въ свое время было называемо христіанамъ со стороны язычниковъ». Потомъ Молиторъ приводитъ различныя мнѣнія христіанъ, опровергавшихъ въ разные времена «этотъ предразсудокъ, который основывается совершенно на совершенномъ незнаніи дѣла», и наконецъ замѣчаетъ:

«Послѣ столь многочисленныхъ и ясныхъ доказательствъ, послѣ столь многихъ и компетентныхъ мнѣній, мнѣ остается только не обманувшись согласиться съ отзывомъ господина придворнаго священника Фейта,²¹⁶ и съ чистою совѣстью, безъ обмана и

²¹⁶ Придворный проповѣдникъ въ Вѣнѣ; см. выше.

безъ какихъ либо уловокъ, поднимая руки ко Всевышнему, торжественно объявить и засвидѣтельствовать, что ни въ какое время ни письменно, ни словесно, и ни какимъ либо другимъ способомъ, я ничего не слышалъ такого о евреяхъ, что могло бы служить хотя малѣйшимъ поводомъ обвинять ихъ, тѣмъ болѣе, хотя въ какой либо мѣрѣ, оправдать обвиненіе, что они употребляютъ человѣческую кровь для религиозныхъ обрядовъ; напротивъ того, мнѣ достоверно извѣстно, что вообще всякое употребленіе крови евреямъ строжайше воспрещено по законамъ; что тѣсто пасхальныхъ хлѣбовъ, которое евреи называютъ *мацца*, никакъ не должно придти въ прикосновеніе съ кровью, потому что черезъ это прикосновеніе мацца перестаетъ имѣть свое значеніе, и употребленіе ея въ этомъ видѣ законно воспрещается, ибо кровь, смѣшавшаяся съ маццою, превращаетъ ее въ «хамецъ». (т. е. тѣсто заквашенное, которое употреблять въ пищу строго воспрещается всѣмъ евреямъ).»

Молисторъ заключаетъ свое сужденіе слѣдующими словами:

«Это сужденіе я высказалъ по требованію многихъ лицъ, и возывая къ помощи Всевышняго, который есть Богъ истины и любви; утверждаю, что все то, что я сказалъ, есть, по моему знанію и убѣжденію, свѣтлая, неподдѣльная истина и совершенная правда. Да сохранитъ Всемогущій Богъ сердца всѣхъ христіанъ отъ жестокихъ обвиненій! Аминь.»—И я скажу: аминь, но, къ сожалѣнію, не исполнилась эта усердная молитва!

Заключимъ длинный рядъ приведенныхъ нами христіанскихъ защитниковъ безвинныхъ жертвъ народныхъ предрасудковъ защитою благодушнаго, въ Бозѣ почивающаго императора Александра Благословеннаго. Приводимъ здѣсь списокъ съ отношенія его сіятельства, тогдашняго главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, къ тогдашнему гродненскому гражданскому губернатору.

«По неосновательному подозрѣнію на евреевъ, будто бы они употребляютъ въ опрѣснокяхъ христіанскую кровь, неоднократно были дѣланы, во время польскаго правленія, на нихъ извѣты въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей; но производившіяся слѣдствія доносовъ сихъ не оправдывали. Бывшій король польскій Сигизмундъ Августъ, по таковымъ бездоказательнымъ извѣтямъ на евреевъ, грамотами своими 1564 г. августа 9, и 1566 г. мая 20 дня, запретилъ обвинять евреевъ, безъ всякаго основанія, въ употребленіи христіанской крови, зная изъ доводовъ священ-

но писанія, что евреи оной не требуютъ. Въ новѣйшія же времена, именно въ 1763 году, марта 21 дня, папскій нунцій по дѣлу евреевъ писалъ: что и въ недавнемъ предъ тѣмъ времени римскій престоль изслѣдовалъ всѣ основанія, на которыхъ утверждается мнѣніе, что евреи имѣютъ надобность въ челоуѣческой крови, для дѣланія своихъ опрѣсноковъ; но не нашолъ нисколько ясныхъ доказательствъ, которыя бы достаточны были къ утвержденію сего предрассудка противъ евреевъ, такъ, чтобы можно было, въ силу оныхъ, объявить ихъ виновными въ таковой преступленіи; и потому не призналъ правильнымъ въ подобныхъ объясненіяхъ утверждать на семъ основаніи сужденія.

По поводу оказывающихся и нынѣ въ нѣкоторыхъ, отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ, губерніяхъ извѣтовъ на евреевъ объ умерщвленіи ими христіанскихъ дѣтей, якобы для той же надобности, Его Императорское Величество, приѣмля во вниманіе, что таковыя извѣты и прежде неоднократно опровергаемы были безпристрастными слѣдствіями и королевскими грамотами, Высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ: объявить всѣмъ г.г. управляющимъ губерніями Монаршую волю, чтобы впредь евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей безъ всякаго уликъ, по единому предрассудку, что якобы они имѣютъ гадю въ христіанской крови; но еслибы гдѣ случилось смертоубійство и подозрѣніе падало на евреевъ, безъ предубѣжденія однакожь, что они сдѣлали сіе для полученія христіанской крови, то было бы производимо слѣдствіе на законномъ основаніи, по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся, наравнѣ съ людьми прочихъ вѣроисповѣданій, которые уличились бы въ преступленіи смертоубійства.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи сообщая вамъ, милостивый государь мой, для свѣдѣнія и надлежащаго исполненія, честь имѣю быть и пр. Подписалъ: князь Александръ Голицынъ.
С. Петербургъ № 261, 6 марта, 1817 года.

VI.

Нанѣ остается еще рассмотретьъ вопросъ: не существовала ли когда нибудь между евреями какая либо тайная секта, которая употребляла бы кровь христіанъ для какой бы то ни было цѣли. Мы самымъ положительнымъ образомъ говоримъ и утверждаемъ, что такая секта никогда не существовала между евреями, и даже существовать не могла.

Читатели позволят намъ сказать сперва нѣсколько словъ о сектаторствѣ въ еврействѣ вообще, при чемъ мы докажемъ, что существованіе такой секты въ лонѣ іудаизма не возможно внутреннимъ причинамъ.

Іудаизмъ искони бѣденъ сектами. Въ христіанствѣ было много поводовъ къ образованію расколовъ; вопросъ о божественности законовъ моисеевыхъ для христіанъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полагалъ уже различіе между евреями христіанами и язычико-христіанами. Двигавшія всѣми нами въ первые вѣка христіанства гностическія идеи, происшедшія отъ неестественнаго соединенія философіи греческой съ философіею востока, произвели также новые и многочисленныя расколы въ лонѣ церкви. Къ этому должно прибавить еще трудно постижимое ученіе о св. Троицѣ, о природѣ Христа, о причастіи, вопросъ о святыхъ иконахъ, іерархіи и пр. Такимъ образомъ образованіе многочисленныхъ сектъ въ лонѣ христіанства находитъ себѣ естественное объясненіе. Въ іудаизмѣ и въ всѣ эти поводы къ сектаторству не существуютъ. Во время втораго іерусалимскаго храма въ еврействѣ были собственно двѣ секты, расходившіяся въ главныхъ пунктахъ вѣроученія какъ напр. о законности традиціонныхъ ученій, о воскресеніи мертвыхъ и т. подоб.; секты эти были *саддукеи* и *фарисеи*. Другія такъ называемыя секты, упоминаемыя Іосифомъ Флавіемъ отцемъ церкви Епифаніемъ, какъ то: *асеидеи*, или правильнѣе *хасеидеи*, *ессеи*, *терапевты*, *гемеробабтиты* и др. были только *оттѣнками* фарисеевъ, такъ что они не считали другъ друга еретиками. *Самаритяне* стояли внѣ іудаизма, а послѣдніе слѣды *саддукеевъ* потерялись уже въ 3-мъ вѣкѣ по Р. X. Послѣ консолидаціи раввинизма, и особенно послѣ распространенія Талмуда, сдѣлалось невозможнымъ образованіе новыхъ сектъ *внутри* еврейства. Съ одной стороны между всѣми евреями господствуетъ совершенное согласіе касательно сущности главнѣйшихъ отвлеченныхъ догматовъ, какъ то: единство божія, провидѣнія, откровенія, безсмертія, и проч., и еврей, который не вѣруетъ во всѣ эти догматы, этимъ самымъ естественнѣе перестаетъ быть евреемъ; съ другой стороны, касательно вопроса, какъ должно понимать спеціально эти догматы, между евреями господствуетъ совершенная свобода, какъ мы уже объяснили выше. За то обрядовые законы іудаизма опредѣлены весьма строго. За тѣмъ, каждый еврей, отвергающій какъ

или законеніе моисеево или общепринятое раввинское постановленіе, а именно потому, что не признаетъ его обязательности, и пренебрегаетъ таковое, при извѣстныхъ случаяхъ, въ увѣренности, что это не грѣшно, — этимъ самымъ ставитъ себя внѣ іудаизма, и еврей смотръ на него какъ на вольнодумца (эпикурейца) и бѣснѣшника, котораго они ненавидятъ, презираютъ и, по возможности, преслѣдуютъ. Всѣ элементы, не согласующіеся съ традиціоннымъ ученіемъ и раввинизмомъ, должны были рѣшительно выдѣлиться изъ еврейства.

Такъ евреи-христиане, не соблюдавшіе нѣкоторыхъ законовъ моисеевыхъ и отвергавшіе отчасти традиціонное ученіе, должны были оставить еврейство и совершенно выдѣлиться изъ него. Когда въ восьмомъ столѣтіи появились караймы и отвергли традиціонное ученіе раввиновъ, они также должны были разстаться съ евреями, съ которыми они и до сихъ поръ еще не соединились; еще и нынѣ еврей не здать пищи караймскаго приготовленія и не вступаютъ съ ними въ брачныя союзы; раввинитскіе еврей считаютъ даже грѣхомъ держать у себя караймскую книгу. Еврей даже неоднократно прибѣгалъ къ свѣтской власти христианъ и мухаммеданъ для преслѣдованія караймовъ, такъ что позднѣйшія поколѣнія ихъ благословляютъ имена тѣхъ, которые, при помощи свѣтской власти, вытѣснили караймовъ изъ Испаніи.

Когда во второй половинѣ XVII вѣка, появились упомянутыя выше саббатойцвіане, — они не могли оставаться въ лонѣ еврейства; сектаторы эти, преслѣдуемые евреями, вскорѣ перешли къ христианству или исламу. Эта нетерпимость сектъ въ лонѣ еврейства объясняется тѣмъ, что религіозная ревность евреевъ, какъ выше было уже сказано, обнаруживается не въ стремленія къ прозелитизму или въ ненависти къ послѣдователямъ другихъ исповѣданій, но направлена *внутрь*, на самихъ евреевъ; по этому-то, оставаясь совершенно равнодушными къ послѣдователямъ другихъ религій, не считая даже своею обязанностью заботиться объ ихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, они строго преслѣдуютъ тѣхъ единовѣрцевъ своихъ, которые не соблюдаютъ своихъ религіозныхъ постановленій, или еще держатся какихъ либо еретическихъ, по мнѣнію евреевъ, вѣротолкованій. Если же были бы такіе еврей, которые ежегодно убиваютъ людей, пьютъ человѣческую кровь или употребляютъ ее для чародѣйства, которое строжайше запрещено еврейскимъ закономъ, да еще сверхъ того считали бы это не только дозволеннымъ, но и богоугоднымъ, то эти люди были бы

въ глазахъ вѣрующіхъ евреевъ не только извергами, но и ноными отступниками отъ своей религіи, преслѣдованіе которыхъ евреи считали бы своею священнѣйшею обязанностію даже тогда, когда эти мнимые сектаторы не причиняли бы имъ никакого вреда. И такъ тѣ евреи, которые спокойно живутъ въ религіозномъ общеніи со всѣми евреями, не считаются ими эретиковъ, и не могутъ, слѣдовательно, принадлежать къ тако мнимой сектѣ, еслибъ такая даже и существовала.

Но мы уже доказали, что даже тѣ *христіанскіе* ученые которые были величайшими врагами еврейства, но которые долго и основательно занимались исторіею и литературою евреевъ и особенно специально занимались разбираемымъ нами обвиненіемъ,—рѣшительно утверждали, что нѣтъ ни одного, хотя сколько нибудь достовѣрнаго, факта, который подтверждалъ бы это обвиненіе; мы доказали также, что враждебныя евреямъ показанія нѣкоторыхъ выкрестовъ не заслуживаютъ никакой вѣры, а признанія самихъ евреевъ выжиались изъ нихъ пыткой и были не голосомъ истины, но воплемъ отчаянія, вырваннымъ ужаснѣйшими муками. Слѣдовательно, ничто ни даетъ намъ права предполагать, что между евреями даже когда либо существовала подобная секта.

Теперь, еслибы, не смотря на все это, кто нибудь все таки хотѣлъ бы допускать, что рассказы средневѣковыхъ хронистовъ о мнимыхъ дѣтоубійствахъ евреевъ и показанія выкрестовъ истинны, то ему нужно было бы обвинить *всѣхъ* евреевъ: ибо тамъ почти постоянно рассказывается, что—или *раввины* участвовалъ въ убійствѣ, или—что оно съ особенною торжественностію совершалось въ *синагогѣ*, при чемъ обвиняются не отдѣльныя личности, о *всѣй общинѣ*. Слѣдовательно, нужно принять одно изъ двухъ: или эти рассказы и показанія хронистовъ ложны, или *всѣ* евреи виновны. Но полагаемъ, что мы достаточно доказали, что обвинять *всѣхъ* евреевъ въ этомъ преступленіи было бы величайшею несправедливостію.

Выше мы также доказали, что евреи игнорируютъ христіанство, и что во всемъ обширномъ религіозномъ законодательствѣ евреевъ нѣтъ ни одного постановленія, которое было бы сдѣлано прямо вслѣдствіе появленія христіанской религіи; спрашивается теперь: что могло породить такой ужасный обрядъ, рѣшительно уничтожающій всѣ естественныя и коренныя законы моисеевы и, кромѣ того, подвергающій самихъ мнимыхъ преступниковъ и все еврейство величайшимъ бѣдствіямъ? Но до-

узнать даже, что когда либо существовали, или, даже, теперь существуютъ, такіе фанатическіе евреи, которые изъ какого либо неизвѣстнаго религіознаго побужденія отъ времени до времени убиваютъ христіанскихъ дѣтей и употребляютъ ихъ кровь; въ такомъ случаѣ мы должны допустить и то, что эти люди, которыхъ фанатизмъ побуждаетъ даже къ убіенію дѣтей, должны быть въ высшей степени преданы своей религіи, ибо религіозный фанатизмъ и религіозный индифферентизмъ не совместиы *es* *одинои томе эсе лице*. Но, — не говоря уже о томъ, что еврейскій фанатизмъ не имѣетъ вовсе такого наступательнаго хара ктара и направленія *экс*, — было бы нелѣпо допустить, что тѣ же самые евреи, которые въ такой степени преданы своей религіи, станутъ изъ какихъ-то неизвѣстныхъ религіозныхъ побужденій преступать и попираеть строжайшіе запреты своей же религіи.

Можетъ быть скажутъ, что эта секта могла быть вызвана единственно *личною местию* за перенесенныя гоненія и преслѣдованія со стороны христіанъ. Хорошо: гоненія на евреевъ начались уже въ V вѣкѣ, а обвиненіе это появилось въ XII-мъ; итакъ нужно предположить, что еще въ это раннее время образовались между евреями въ различныхъ странахъ Европы общества, члены которыхъ изъ рода въ родъ поставили себѣ обязанностью ежегодно мучить и умерщвляеть христіанскихъ дѣтей и пить ихъ кровь. Во такое предположеніе было бы величайшею нелѣпостію, и вотъ въ какихъ причинахъ. Въ высшей степени нелѣпо допускать, чтобы еврей изъ-за личной мести, которая сама по себѣ страшно воспрещена еврейскими законами, рѣшились преступать такіе строжайшія заповѣданія своей религіи, какъ челоуѣкоубійство и употребленіе крови. Потомъ, еслибъ даже возможно было допустить, чтобы *какой нибудь еврей*, когда либо совершилъ это, то рѣшительно невозможно думать, чтобы *многіе* еврей совершали это въ теченіе *многихъ вѣковъ*. Далѣе, въ высочайшей степени не съ чѣмъ не сообразно думать, чтобы злополучные еврей, которые должны были отчаянно бороться за свое бытіе и ежечасно спасаться за свою собственную жизнь, рѣшились подвергнуть себя и все еврейство величайшимъ опасностямъ, единственно ради своего личнаго и безсильнаго мщенія. И если даже допустить, что между евреями и находились такіе мстительные люди, готовые дѣйствовать по влеченію личнаго чувства мести, то невозможно согласиться, чтобы они, при видѣ истребленія, изъ-за этого же

многочисленнаго убійства, цѣлыхъ еврейскихъ общинъ огнемъ и мечомъ при видѣ бѣдствій и безпредѣльнаго зловѣчія, которыя эт обвиненіе навлекаетъ на все еврейство, при видѣ многихъ тысячъ своихъ единовѣрцевъ, быть можетъ, собственныхъ дѣтей, отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ, восходящихъ на костеръ, чтобы при видѣ всего этого они все таки въ теченіе 500 лѣтъ рѣшались удовлетворить собственному чувству мести тѣмъ, что убивать какое либо чужое дитя. Невозможно!

Допустимъ наконецъ невозможное, все таки слѣдуетъ спроситься, что такой отчаянный мститель убивалъ бы своего врага или дѣтей его при первой возможности, гдѣ и когда бы и представился удобнѣйшій и безопаснѣйшій случай; при этомъ главнѣйшее дѣло было бы само только убійство. Но хронисты и обвинители утверждаютъ, что эти убійства евреевъ всегда совершаются *около масти*, что надъ убиваемымъ дитятею совершается обрядъ обрѣзанія, что ему остригаютъ *масти*, наносятъ ударъ, и постоянно въ одномъ мѣстѣ — на затылкѣ, что отсюда испускаетъ кровь, что при этомъ совершаются такія-то и такія-то церемоніи и проч., и проч.—и все это изъ-за личной мести! Можете ли своего врага, или его дитя, убить, гдѣ и когда удобнѣе; но не станете ли выждать для этого только извѣстный день въ году, кто станете ли изъ мести наносить своему врагу рану только въ извѣстномъ мѣстѣ? кто станете ли изъ мести совершать надъ своимъ врагомъ обрѣзаніе и даже обстригать ему ногти?—И станете ли, въ особенности еврей, не безопаснѣйшимъ касательнымъ собственнаго жизни, такимъ образомъ оперировать своего врага столь спокойно, со всѣми подробностями, не торопясь, какъ будто совершаетъ самое обыкновенное и невинное дѣло?! Слѣдовательно, нужно принять, или что рассказы хронистовъ и обвинителей ложны, или что на трупахъ христіанскихъ дѣтей дѣйствительно находили такія раны, но что онѣ были нанесены имъ не мстительными евреями, а враждующими противу нихъ христіанами, чтобы, не изъ боясь ходящими въ толпѣ предрасудками желая возводить подобное обвиненіе на евреевъ изъ различныхъ побужденій: не изъ зависти, корыстолюбія и не рѣдко изъ желанія скрыть собственное преступленіе.

Извѣстно также, что во всей еврейской литературѣ нѣтъ и мажорнаго намека на существованіе подобной секты между евреями; напротивъ, евреи въ своей литературѣ, и даже въ нѣкоторыхъ молитвахъ, горько жалуется на то, что имъ приписали

нѣтъ такіа отвратительнаго преступленія. Извѣстно еще, что при называють на своемъ языкѣ это обвиненіе «алиать дѣ», т. е. «навѣтъ крови» и что они рѣшительно отвергаютъ мысль, что между ними существуетъ, или когда либо существовала, подобная секта. Почему отвергаютъ? Само собою разумѣется, что это можетъ быть только по одной изъ слѣдующихъ двухъ причинъ: или евреи дѣйствительно не знаютъ о существованіи этой секты, или же они знаютъ, но все таки отрицаютъ это, изъ опасенія компрометировать раскрытіемъ этой секты своихъ единородныхъ. Но ни того, ни другого рѣшительно невозможно допустить, по слѣдующимъ соображеніямъ:

Нельзя допустить, что евреи сами не знаютъ о существованіи этой секты; ибо извѣстно, что евреи во все продолженіе среднихъ вѣковъ до конца прошлаго столѣтія, и отчасти въ нашемъ вѣкѣ (въ Римѣ еще и теперь), жили въ особенныхъ замкнутыхъ и крайне тѣсныхъ кварталахъ «*getto*», слѣды которыхъ и нынѣ еще можно видѣть въ Прагѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ и мн. др. городахъ Германіи и Італіи.

Въ этихъ геттахъ улицы были такъ тѣсны, что каждый могъ наблюдать за своимъ сосѣдомъ по ту сторону улицы, а по недостатку мѣста дома здѣсь такъ высоки и въ каждомъ изъ нихъ такъ много еврейскихъ семействъ, что каждый еврей конечно зналъ всю подноготную своего сосѣда.

Сравниваемъ теперь: есть ли возможность допустить, чтобы въ теченіе болѣе 500 лѣтъ въ Испаніи, Франціи, Англіи, Германіи, Італіи, Австріи, Венгріи, Польшѣ, словомъ, чтобы между евреями во всѣхъ странахъ Европы, въ теченіе болѣе 500 лѣтъ, существовала еврейская секта, навлекающая на всѣхъ евреевъ ужаснѣйшія бѣдствія и безпредѣльное злополучіе, вопиющая священнѣйшіе законы ихъ религіи, изъ-за вѣрности которой они столько и такъ долго страдаютъ, совершающая въ извѣстные дни ежегодно свои кровавыя сцены,—чтобы такая еврейская секта существовала, а сами евреи не знали бы о существованіи этого источника ихъ злополучія, находящихъ такъ оказывать, подъ самымъ носомъ у нихъ; чтобы этого не знали всезнающіе евреи, извѣстные всему міру своею пропагандистскою, догадливою и смышленною? Далѣе. Если бы во всѣхъ разказахъ хронистовъ о минимыхъ ежегодныхъ и повсемѣстныхъ убійствахъ евреевъ была хотя десятая доля правды, то спрашивается: какъ объяснить то обстоятель-

ство, что христіане, *живущіе совершенно отдѣльно отъ евреев*, могли такъ часто и такъ подробно узнавать о злодѣйствахъ этихъ мнимыхъ сектаторовъ, а евреи, въ тѣсной средѣ которыхъ эти мнимые злодѣи живутъ, ничего не знали и ничего не слыхали объ этихъ мерзостяхъ, совершающихся въ теченіе полутысячелѣтія у нихъ подъ носомъ. Интересъ самихъ же евреевъ требовалъ бы, чтобы они открыли этихъ преступниковъ, предали ихъ въ руки правосудія, чтобы тѣмъ защитить свое собственное существованіе.

Итакъ, и это предположеніе невозможно. Остается еще другое, а именно, что такая секта существуетъ, что евреи да знаютъ о ея существованіи, но что они не открываютъ ее, чтобы раскрытіемъ такихъ мрачныхъ злодѣйствъ не компрометировать своихъ единовѣрцевъ и еврейство въ глазахъ христіанъ. Но и это предположеніе въ высшей степени нелѣпо. Мы выше доказали, да и каждый самъ знаетъ, что тотъ, кто терзаетъ, убиваетъ людей, пьетъ, человѣческую кровь, совершаетъ чудовищство и пр. въ глазахъ еврея, какъ по его гуманнымъ, такъ особенно по его религіознымъ вѣрованіямъ, есть величайшій извергъ, каюго только могла изобрѣсти самая черная и преступная фантазія, и что евреи считалъ бы величайшею своею обязанностью неусыпно преслѣдовать его всѣми возможными мѣрами. Возможно ли допустить, чтобы евреи въ теченіе полутысячелѣтія давали жарить себя сотнями и тысячами на кострахъ, истреблять цѣлыя еврейскія общины, навлекать злополучіе, *посмѣяніе и позоръ на всю націю* изъ-за опасенія окомпрометировать себя предъ христіанами раскрытіемъ въ своей средѣ нѣсколькихъ злодѣевъ? Да они просто бы сказали: «Оставьте насъ въ покоѣ; мы, нашъ вѣра и наша нація невинны; но вотъ вамъ изверги; мы презираемъ и ненавидимъ ихъ тройственно: какъ люди, какъ евреи и какъ бѣдствующіе изъ-за нихъ. Возьмите и предайте ихъ въ руки правосудія и мы будемъ молить за васъ Бога, за избавленіе насъ отъ безбожныхъ преступниковъ,—противъ вашей и нашей религіи!» А что евреи дѣйствительно поступили бы такъ, это доказывается исторіею и дѣйствительными событіями, гдѣ евреи прибѣгали къ помощи свѣтской власти, противъ тѣхъ изъ своихъ единовѣрцевъ, преслѣдованіе которыхъ за уклоненіемъ отъ общепринятыхъ религіозныхъ воззрѣній они считали свою *религіозною* обязанностью, и которые, собственно говоря, не приносили имъ даже никакого вреда, при чемъ евреи нисколько не

намалъ економетировать себя предъ христіанами. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Поступки евреевъ съ самаритянами, во время еврейскаго могущества при Гирканѣ I, извѣстны изъ исторіи. Выше мы также помнимъ, какъ поступали евреи съ караннами. Опуская много другихъ примѣровъ, мы хотимъ привести фактъ изъ жизни евреевъ нашего отечества. Извѣстно, что около половины прошлаго столѣтія появились между евреями такъ называемые *хассидимъ*, распространившіеся постепенно въ Литвѣ, Польшѣ и Галиціи. Намъ намъ кажется считать этихъ хассидимъ особенною сектою, точно такъ, какъ называть протестантскихъ пѣтистовъ протестантскою сектою; ибо хассиды стоятъ вполне на почвѣ и въ лонѣ іудаизма, и отличаются отъ другихъ евреевъ только болѣе кабалистическимъ направлеиемъ. У нихъ нѣтъ ничего запрещеннаго, что считалось бы дозволеннымъ у другихъ евреевъ, и наоборотъ: они не дозволяютъ себѣ ничего такого, что у другихъ евреевъ было бы запрещено. Религіозныя несогласія между хассидимъ и митнагдимъ (т. е. *протестантскими*, какъ обозначаются остальные евреи) такъ велики, что евреи должны были бы считать ихъ недостойными даже виннавія. Хассиды, напр., высоко уважаютъ кабалистическую книгу «Зогаръ», но она уважаема и другими евреями. Хассиды различаются по обряду такъ называемыхъ испанскихъ евреевъ, по нѣтъ ритусу, или обрядъ, распространенъ между евреями по мнѣнью сѣверо-африканскому берегу и почти на всемъ востокѣ. Хассиды въ нѣкоторыхъ религіозныхъ вопросахъ руководствуются мнѣніями *P. Іосифа Каро*, другіе *P. Мошея Иссерлеса*; во тотъ и другой одинаково высоко уважаются *еслми* евреями. Далѣе, хассиды питаютъ высокое, безусловное уваженіе къ своимъ духовнымъ главамъ, которыхъ они въ прежнее время считали и, быть можетъ, и теперь еще считаютъ творцами. Они отличаются еще энтузіазмомъ и восторженностью, съ какими совершаютъ свои молитвы, сопровождаемыя пѣніемъ и хлопаньемъ въ ладоши. Но все это могло бы казаться евреямъ только смѣшнымъ, а отнюдь не преступнымъ, и казалось бы, что евреи не должны были бы и думать объ этихъ восторженныхъ единовѣрцахъ своихъ. Но не такъ было это на самомъ дѣлѣ: лишь только хассиды стали распространяться по нашимъ западнымъ губерніямъ, евреи формально возстали, какъ будто предстояло рѣшить вопросъ: быть или не быть іудаизму. Раввины, которые при польскомъ влады-

чествѣ имѣли еще въ своихъ рукахъ довольно административной и судебной власти среди евреевъ, разослали воззванія о преслѣдованіи хассидовъ. Ихъ проповѣдникамъ запретили проповѣдывать, и отъ нихъ самихъ требовали отреченія и публичнаго покаянія, какъ будто они были Богъ знаетъ какіе преступники. Хассидскія книги сожигались евреями, а сами хассиды были подвержены отлученію. На бывшемъ въ это время великолѣбномъ собраніи раввиновъ кромѣ отлученія, имъ запретили нѣтъ омов молитвенные дома, ихъ не велѣли приглашать на субботу, а въ другіе дни — сажать за столомъ двухъ хассидовъ рядомъ. Нѣкоторые болѣе ревностные евреи требовали даже запрещенія употреблять ихъ пищу и вступать съ ними въ браки. Но этимъ еще не ограничились: не довольствуясь этими духовными мѣрами, евреи обратились къ помощи свѣтской власти. Ихъ оговаривали, какъ сектаторовъ, и довели дѣло до того, что нѣкоторые духовные главы хассидовъ были уже на пути въ Сибирь, и возвращены уже съ дороги. Эта борьба противъ хассидовъ началась около 1770 года и продолжалась почти цѣлое полустолѣтіе, многія общины совершенно обнищали отъ этихъ процессовъ; были даже такіе ревностные евреи, которые посвятили дѣлу преслѣдованія хассидовъ все свое состояніе и всю жизнь свою. Архивы различныхъ министерствъ нашихъ переполнены дѣлами объ этихъ спорахъ хассидовъ и митнагодовъ.

Такъ поступали евреи въ теченіе почти цѣлаго полустолѣтія противъ религіозной партіи, стоящей всецѣло на почвѣ раввинискаго іудаизма, послѣдователи которой не причинили имъ никакого матеріальнаго зла, и съ которыми они нынѣ живутъ въ мирѣ и согласіи. Есть ли какая нибудь возможность думать, неслѣ этого, чтобы противъ секты, послѣдователи которой ежегодно убиваютъ людей, нѣютъ кровь своихъ невинныхъ жертвъ или употребляютъ ее для чародѣйства, и такимъ образомъ не только стоятъ внѣ іудаизма, но неистово попираютъ даже священнѣйшіе законы еврейской религіи, да сверхъ того считаютъ это даже дѣломъ богоугоднымъ и еще навлекаютъ этими злодѣяніями несласанное злополучіе на все еврейство, чтобы относительно такой секты, говоримъ мы, евреи въ теченіе полутора столѣтій не только оказывали терпимость, но и съ невообразимымъ самопожертвованіемъ цѣлыми тысячами восходили бы на костры, и не хотѣли бы указать на самыхъ ненавистныхъ виновниковъ своихъ бѣдствій?!

Итакъ и это предположеніе, т. е. что, можетъ быть, между евреями существуетъ, или когда либо существовала какая-нибудь тайная секта, которая употребляла бы кровь христіанъ, лишю историческаго и разумнаго основанія и ведетъ въ лабиринтъ заблужденій.

Полагаемъ, что все сказанное нами слишкомъ достаточно для того, чтобы убѣдить тѣхъ, которые только желаютъ убѣдиться, что евреи никогда и ни для какой цѣли не употребляли и не употребляютъ крови христіанъ; что между ними никогда не было, да и нынѣ нѣтъ такой секты, которая совершала бы подобное преступленіе, и что это обвиненіе есть мрачное исчадіе средневѣковаго фанатизма, невѣжества, корыстолюбія и ненависти къ евреямъ.

Возвратить къ жизни тысячи и сотни тысячъ безвинно сожженныхъ, замученныхъ и казненныхъ евреевъ мы не въ силахъ; но мы должны подумать о живыхъ, особенно о тѣхъ двухъ милліонахъ евреевъ, которые живутъ въ нашемъ отечествѣ и надъ головою которыхъ виситъ дамокловъ мечъ, семейства и общины которыхъ подвержены величайшей опасности, всякій разъ, когда въ обитаемой ими мѣстности какимъ бы то ни было образомъ потеряется христіанское дитя. Были люди, которые говорили, что правительство должно принять мѣры къ искорененію этого преступленія *между евреями*; но такія мысли суть только горькій плодъ закоренѣлыхъ предразсудковъ и незнакомства съ евреями; ибо того, чего нѣтъ и никогда не было, нельзя и искоренять; но нужно принять самыя дѣйствительныя мѣры къ искорененію этого предразсудка *въ той средѣ*, которая доставляла и, можетъ быть, готова доставлять лже-свидѣтелей, для подтвержденія вымысловъ этихъ кровавыхъ предразсудковъ. Принять такія мѣры поведѣваетъ намъ долгъ нашъ, какъ людей, какъ гражданъ и какъ христіанъ!

Никакое перо, никакая пластика не въ состояніи передать несказанныя бѣдствія, которыя изливаетъ на нашихъ злополучныхъ еврейскихъ согражданъ одно уже существованіе въ христіанскомъ обществѣ этого предразсудка противъ нихъ. Постараемся однакожь изобразить, хотя въ слабыхъ чертахъ обыкновенно начинаются, движутся и оканчиваются эти процессы; при этомъ мы должны замѣтить, что *лежитъ изобразать не созданія собственной фантазіи, а стемельные факты.*

Мы не разъ уже высказали, что для начатія такихъ процессовъ противъ евреевъ достаточно, чтобы въ обитаемыхъ ими мѣстностяхъ пропало христіанское дитя: случится ли напр., что дитя замерзло *подъ снѣгомъ*, погибло *подъ обрывомъ на берегу рѣки*, брошено какою нибудь подгулявшею дѣвкою, умышленно или неумышленно кѣмъ нибудь убито, и осторожно куда нибудь заброшено, — роковые предрассудки уже наготовѣ и побуждаютъ толпу видѣть въ евреяхъ убійцъ этого дитяти. И точно, христіанское населеніе тотчасъ начинаетъ указывать пальцемъ на евреевъ, какъ на убійцъ, а люди, которые изъ какихъ бы то ни было побужденій желаютъ *уличить евреевъ*, которыхъ напередъ уже считаютъ убійцами, равно какъ истинные виновники смерти дитяти, если таковые есть, пускаютъ въ ходъ всѣ интриги, чтобы взвалить вину на евреевъ. Чѣмъ же дѣлаютъ евреи? При мысли объ «*алилатъ-дамъ*», т. е. «*кровавомъ навѣть*», стоившемъ имъ столько жертвъ и страшномъ для нихъ болѣе чумы, они съ ужасомъ взираютъ на неминуемо угрожающія имъ долготѣнее заточеніе и раззореніе. Въ этомъ безнадежномъ положеніи, они обыкновенно прибѣгаютъ къ единственному, предками завѣщанному имъ, средству—молитвѣ и посту. Мужчины наполняютъ синагоги воплемъ и рыданіями, а женщины и дѣти, у гробовъ своихъ усопшихъ братьевъ, оглашаютъ воздухъ криками отчаянія, зывая о помощи къ Тому, Кто спасалъ Израиля въ Египтѣ, и въ Вавилоніи, знающему ихъ невинность и очень часто раскрывавшему ее, къ стыду клеветниковъ Израиля. Страшна и потрясающа бываетъ сцена этихъ воплей цѣлаго народонаселенія, раздающихся у кивота завѣта въ синагогахъ и у нѣмыхъ гробовъ на кладбищахъ!

Но предрассудки изобрѣтательны: эти самыя собранія, эти самыя ледяныя вопли отчаянія приводились, какъ доказательство виновности евреевъ!!!

Видя, что противъ нихъ, затѣваются козни, евреи становятся осторожными и охраняютъ свои дома, чтобы въ нихъ не вошло чего нибудь такого, что могло бы служить *уликою* противъ нихъ, какъ это нерѣдко случалось.—Но и эта, столь разумная предосторожность выставляется новымъ доказательствомъ ихъ виновности.

Что смотрѣть на трупъ найденнаго, чрезъ нѣсколькихъ дней; еврей, напередъ уже заклеянные убійца-

ни его, изъ опасенія быть обиженными чернью, естественно по-
идутъ туда — и вотъ новое доказательство ихъ виновности.

Между тѣмъ интрига все болѣе и болѣе формируется и при-
нимаетъ ясный и роковой для евреевъ видъ, чему конечно дѣя-
тельно содѣйствуютъ умысленные или неумысленные виновники
смерти дитяти, и особенно тѣ, которые ожидаютъ какой либо
вещественной пользы отъ такого процесса и осужденія евреевъ.
Въ христіанскомъ населеніи начинаютъ ходить слухи, что най-
денное дитя было обрѣзано, имѣло рану на извѣстномъ мѣстѣ
на затылкѣ или обстриженные ногти и пр.; поводомъ къ такимъ
слухамъ могли послужить какіе нибудь раны, полученные дитя-
темъ при загрызеніи его собаками или свиньями, или при па-
деніи на него землянаго обрыва и пр. Нерѣдко истинные ви-
новники смерти дитяти наносятъ ему эти раны злонамѣренно и
превращаютъ его, сообразуясь съ существующими въ народѣ на
этотъ счетъ повѣрьями, чтобы тѣмъ удачнѣе взвалить свое пре-
ступленіе на евреевъ.

Врачъ подтверждаетъ еще эти догадки предразсудковъ своимъ
медицинскимъ свидѣтельствомъ, рѣшая, не обвинуясь, ко вреду ев-
реевъ такіе трудные медицинскіе вопросы, надъ разрѣшеніемъ
которыхъ, какъ меня увѣряли многіе добросовѣстные медики,
задумались бы величайшіе авторитеты науки. И такимъ образомъ
роковой для евреевъ процессъ достаточно приготовленъ.

Уликъ противъ евреевъ уже *достаточно*. Недостаетъ еще
свидѣтелей; но и они находятъ, хотя обыкновенно очень поздно,
иногда по истеченіи годовъ. Въ этомъ случаѣ слѣдователи бы-
ваютъ крайне неразборчивыми: кто ни попадѣ — всѣ *идутся* для
свидѣтельства противъ евреевъ въ такомъ процессѣ. Многіе
изъ этихъ свидѣтелей думаютъ, что не грѣшно лжесвидѣтель-
ствовать противъ «*проклятыхъ жидовъ*», которыхъ молва напе-
редъ уже заклеила убійцами; они даже полагаютъ, что совер-
шаютъ дѣло богоугодное, если своими показаніями содѣйству-
ютъ погибели ненавистныхъ «*жидовъ*».

Такъ одна женщина *ворожила на воскѣ* что дитя убили еврей;
и проч.

Но всѣ эти и подобныя безсвязныя и бессмысленныя пока-
занія, *высказываемыя иногда многими десятками людей*, слишкомъ
невѣроятны и обыкновенно противорѣчатъ одно другому, чтобы
казаться удовлетворительными даже тѣмъ, которые очень желали
бы обвинить евреевъ. Поэтому подобныя показанія обыкновенно

оставляются безъ вниманія, а сами свидѣтели по большей части отъ нихъ отказываются и безнаказанно сходятъ со сцены страшной трагедіи, чтобы дать мѣсто находчивости и остроумію другихъ обличителей. Не должно забывать, что процессы этого рода являются нерѣдко въ глазахъ христіанскаго населенія дѣломъ благочестивой борьбы съ мнимомъ злобомъ евреевъ. Къ сожалѣнію иногда слѣдователи, зная солидарность евреевъ и печальный интересъ, какой подобныя дѣла возбуждаютъ во всемъ еврейскомъ населеніи, пользуются этими случаями для личныхъ своихъ выгодъ.

Сама собою разумѣется, что истинные виновники смерти дитяти, если таковые есть, различнымъ образомъ заинтересованные въ этомъ процессѣ, не устанутъ отыскивать новыхъ свидѣтелей безъ разбора, которымъ дается *надлежащее наставленіе* и такимъ образомъ являются люди, которые, подлежа и безъ того уже наказанію, и часто сами по своему невѣжеству не зная, какія послѣдствія могутъ имѣть для нихъ самихъ ихъ лжесвидѣтельства, увѣряютъ, что они сами даже участвовали въ убійствѣ дитяти.

Какъ ни противоестественно, что евреи стануть приглашать христіанъ къ содѣйствію въ такомъ дѣлѣ; что евреи довѣрятъ эту мнимую страшную тайну людямъ, на совѣсть и вѣрность которыхъ нельзя положиться, и чтобы они стали довѣрять ее даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ вполне могли обойтись безъ всякой посторонней помощи, — но этому, къ несчастью нѣкоторые даютъ вѣру.

Невѣжественные и злонамѣренные свидѣтели, при новыхъ допросахъ, забываютъ иногда прежде импровизированныя ими показанія и противорѣчатъ не только другъ другу, но и самимъ себѣ. Но это все ничего; ибо говорятъ: «хотя они въ частности и противорѣчатъ другъ другу, и даже самимъ себѣ, но всё сходится въ показаніи, что пайденное дитя убила еврей» — и это считаютъ достаточнымъ.

Этимъ однакожъ не ограничиваются. Какіе нибудь 50—60 человекъ, въ числѣ которыхъ находятся старики, женщины и дѣти, томятся въ темницахъ и рѣшительно раззорены. Отъ нихъ уже нечего ожидать. Между тѣмъ личная ненависть и корыстолюбіе имѣютъ здѣсь широкое поле для своихъ безыменныхъ дѣйствій. Тѣ же ложные свидѣтели выступаютъ съ новыми показаніями: убили дескать дитя здѣшніе евреи, но они сдѣлали это

во нарушенію такихъ-то и такихъ-то еврейскихъ общинъ, ко-
нчить кровъ христіанъ нужна для религиозныхъ цѣлей. И вотъ
слагается новый романъ, новый вымыселъ, новая интрига, и все
не обрушается моремъ бѣдствій на цѣлыя еврейскія общины.

Люди, выступившіе свидѣтелями противъ евреевъ, импровизи-
руютъ уже цѣлый подробный рассказъ о томъ, какъ они, по по-
рученію евреевъ, разѣзжали по разнымъ еврейскимъ общинамъ
съ запечатанными бутылками христіанской крови, какъ они да-
вали эту драгоценную кровь членамъ еврейскихъ общинъ; при
этомъ конечно указывается на болѣе извѣстныя и богатыя мѣст-
ности между евреями, отъ которыхъ мнимые убійцы, по расска-
заніи этихъ свидѣтелей, получили столько-то и столько-то *мл-*
льковъ рублей (!), изъ которыхъ имъ, т. е. свидѣтелямъ, доста-
лось только по *двадцати пяти* коп. сер.

Какъ ни дышутъ веселостью эти показанія, какъ ни не-
пріятно, что евреи сдѣлаютъ комиссарами въ такомъ дѣлѣ
или въ иномъ извѣстныхъ людей, вмѣсто того, чтобы самимъ
безопасно раздавать эту кровь своимъ единовѣрцамъ,—показанія
ни остаются не безъ силы. Въ разныхъ еврейскія общины посы-
лаются вестовы, богатѣйшіе евреи арестуются, иногда внезапно,
среди глубокой ночи. На пространствѣ сотни верстъ всѣ еврей-
скія общины охватываются горемъ, ужасомъ и отчаяніемъ, и сотни
тысячъ евреевъ ежеминутно опасаются за свое спокойствіе,
достоиніе и даже жизнь. Арестованные вновь евреи томятся,
иногда не зная даже за что, про что. Но вотъ ихъ берутъ къ
моросу, допрашиваютъ, передопрашиваютъ, приводятъ на оче-
ныя ставки съ свидѣтелями, которыхъ они въ жизнь свою не
видали; наконецъ убѣждаются, что эти вновь арестованные евреи
къ дѣлу не причастны, и что свидѣтели безстыдно вралы, и евре-
евъ освобождаютъ! Но не такъ дѣло дѣлается, какъ на бумагѣ
пишется: между арестомъ и освобожденіемъ этихъ евреевъ про-
ходили годы. Освободившись изъ темницы, они волѣдствіе долгаго
и мучительнаго заточенія остаются на вѣки морально и физиче-
ски обезсиленными и разстроенными, а возвратясь на родину
иногда узнаютъ, что ихъ жены умерли отъ бѣдствій и горя,
что дѣти ихъ сдѣлались также добычею смерти и нищеты, а
иногда значительное состояніе ихъ давно уже не существуетъ!
Таковы побочные отростки этихъ процессовъ.

Интересно конечно, не сама трагедія продолжаетъ разы-
грываться, хотя съ меньшимъ числомъ лицъ.

Мы особенно настаиваемъ на фактѣ: что свидѣтелями противъ евреевъ въ подобныхъ процессахъ почти всегда являлись тогда обитатели остроговъ, публичныхъ и смиренныхъ домовъ, т. п.; что всѣ эти свидѣтели почти всегда противорѣчатъ другъ другу и самимъ себѣ; что часто они сами мѣняютъ свои показанія; что большая часть этихъ послѣднихъ юридически они зываются вымышленными; что, къ сожалѣнiю, при этомъ обыкновенно разсуждаютъ такъ: «хотя всѣ эти свидѣтели суть люди опороченные, хотя показанія ихъ противорѣчивы, но какъ все они сходятся въ томъ, что *дитя убили евреи*, то имъ слѣдуетъ вѣрить; а если обвиненные и отвергаютъ преступленiю рѣшительно, то они все-таки не въ состоянiи привести, такъ сказать математическiя доказательства, что всѣ эти свидѣтели показываютъ несправедливо».

Я не юристъ; но мнѣ кажется, что такимъ образомъ можно обвинить честнѣйшаго человѣка. Мнѣ кажется, также, что наша современная юриспруденцiя, по крайней мѣрѣ насколько можно судить по официальнымъ актамъ этихъ процессовъ, стоитъ ниже юриспруденцiи древнихъ раввиновъ, какъ она сложилась у нихъ еще за 2000 лѣтъ. По раввинскому законодательству свидѣтели даже въ дѣлахъ гражданскихъ, должны быть люди совершенно безупречные, а показанія ихъ единогласны *во всемъ* частно стяхъ. Далее судьи обязаны были употребить все возможно для оправданiя обвиненнаго, и даже послѣднiй раввинскiй ученiкъ имѣлъ право голоса, если онъ могъ сказать что нибудь *справдаліе*: въ процессахъ же противъ евреевъ, по поводу обвиненiя ихъ *во убіенiи людей* и въ употребленiи *человѣческой крови* судьи допускаютъ къ свидѣтельству людей самаго неодобрительнаго поведенiя, не обращаютъ довольно вниманiя на противорѣчiя ихъ; и сами употребляютъ иногда усилiя *обвинить* евреевъ.

При такой обстановкѣ процессъ очень естественно усложняется, запутывается и становится болѣе опаснымъ для несчастныхъ евреевъ. Слѣдователи ^{наперерывъ} одинъ передъ другимъ хотятъ имѣть заслугу раскрыть эту мнимую, взковую, кровавую тайну евреевъ, и употребляютъ всевозможныя усилiя, чтобы увлечь ихъ.

Мѣстныя синагоги уже давно обысканы; найденныя въ нихъ кпиги конфискованы, и въ нихъ не найдено никакихъ *уликъ*. Но извѣстно, что евреи грамотны—*все* безъ всякаго исключенiя,—что почти у каждаго изъ нихъ найдется нѣсколько еврей-

есть книгъ духовнаго, научнаго или философскаго содержанія: эти не смотря на то, что большая часть изъ нихъ печатны въ *Россіи* и съ дозволенія *цензуры*, иногда отбираются для издѣванія, нѣтъ ли въ нихъ указаній на мнимый «догматъ» употребленія крови; а такъ какъ на мѣстѣ, гдѣ производится слѣдствіе между русскими, часто нѣтъ лица, которое было бы въ состояніи прочесть *раввинскую* книгу, то книги эти или нѣкоторыя изъ нихъ, оказавшіяся, почему нибудь подозрительными, отсылаются къ кому нибудь, кто слыветъ знатокомъ еврейскаго языка. Этотъ гебранецъ при помощи грамматикъ и словарей старается узнать что нибудь въ присланныхъ ему книгахъ. И нападаетъ съ веселъ долгихъ *ислѣдованій* на слово «дамъ», и узнаетъ, что слово это значитъ «кровь»; слово это онъ принимаетъ за доказательство, что евреи употребляютъ кровь христіанъ?! Между тѣмъ возлѣ этого страшнаго слова «дамъ» находится, можетъ быть, другое: «*ло-токлу*», т. е. «да не вкушайте», — на него онъ не обращаетъ должнаго вниманія, потому что ищетъ главнаго слова «дамъ». Результатомъ этихъ *ислѣдованій*, стоящихъ противъ евреевъ некротковременнаго заточенія, бываетъ иногда то, что конискованныя книги признаются «*подозрительными*».

Не всегда даже прибѣгаютъ къ помощи такого гебранца. Были, напр., при одной книгѣ рисунокъ, изображающій, какъ души, весь процессъ убіенія евреями христіанскихъ дѣтей! На рисункѣ изображенъ человекъ въ *король*; — очевидно еврей, — съ пятами на тѣлѣ, сидящій въ ваннѣ, между тѣмъ какъ другіе мунцины въ чалмахъ, — тоже очевидно евреи, — отнимаютъ у плачущихъ женщинъ маленькихъ дѣтей и зарѣзываютъ ихъ надъ упомянутою ванною. Книга, при которой найденъ рисунокъ, оказывается ни болѣе, ни менѣе, какъ «Собраніемъ молитвъ и обрядовъ, совершаемыхъ евреями въ первые два вечера *пасхи*», — тѣ самые вечера, для которыхъ, по вѣрованію евреямъ, нужна кровь христіанъ.

Такое «*неожиданное доказательство*», что евреи употребляютъ кровь христіанъ въ свою жидовскую пасху, естественно можетъ рѣшить окончательно этотъ вопросъ, и виновность обвиненныхъ евреевъ становится очевидною. То простое обстоятельство, что контрастно, чтобы евреи стали изображать въ печатной книгѣ сцену своего мнимаго кроваваго обряда, съ перваго раза не приходитъ въ голову, хотя этотъ рисунокъ сильнѣе всякихъ свидѣтельствъ въ пользу евреевъ. Подъ этимъ рисункомъ, равно какъ и подъ всѣ-

ми другими, находящимися въ другой книгѣ, неподозрительнымъ рисунками, находится, правда, подпись, которая объясняетъ содержаніе его: но провинціальныя гебраисты не въ состояніи разбирать ее, что дѣлаетъ рисунокъ еще подозрительнѣе. Эта страшная книга съ еще болѣе страшнымъ рисункомъ, послѣ долгаго странствованія, доходитъ наконецъ до ученаго и честнаго крещенаго еврея, и подпись подъ рисункомъ, написанная хотъ еврейскими буквами, но на *испанскомъ* языкѣ, переводъ на который приложенъ ко всей книгѣ, назначенной для употребленія такъ называемыхъ испанскихъ евреевъ, которые говорятъ, какъ извѣстно, понынѣ на этомъ языкѣ, какъ нельзя лучше объясняетъ содержаніе рисунка, прочитывается имъ и изображающая очень древнюю и каждому еврею извѣстную легенду о злобномъ фараонѣ, заблѣвшемъ однажды проказою и повелѣвшемъ по совѣту своихъ врачей, убивать ежедневно 300 еврейскихъ младенцевъ, чтобы купаться въ ихъ крови!

Такимъ образомъ это страшное и «неожиданное доказательство» преступности евреевъ обращается въ ничто и исчезаетъ. Не исчезли и не кончились только бѣдствія арестованныхъ евреевъ. Эти книги, этотъ рисунокъ и переписка заключенныхъ евреевъ перенесли обвиненіе на религіозную почву, тѣмъ болѣе опасную для евреевъ, что наше христіанское общество съ иудаизмомъ мало знакомо. Разъясненіе писемъ, полныхъ воплей и отчаянія, изъ которыхъ не предубѣжденный человѣкъ съ болію въ сердцѣ могъ бы убѣдиться въ невинности евреевъ, поручается иногда озлобленному противъ евреевъ выкресту, снабжающему эти письма произвольными объясненіями и комментаріями, а слѣдователи употребляютъ всѣ средства *уличить* евреевъ и раскрыть «*истину*», т. е. преступность евреевъ. Собираютъ всевозможный старый книжный хламъ, гдѣ только находится что либо враждебное евреямъ; люди, незнающіе еврейства, обращаются въ ученыхъ гебраистовъ и представляютъ свои отзывы, въ которыхъ они стараются доказать виновность невинныхъ. Охарактеризованные нами выше показанія, приводившія противъ евреевъ мѣста изъ такихъ книгъ, которыя никогда не существовали, приводятся однакожъ, какъ важныя доказательства. Не довольствуясь и этимъ, отыскиваютъ всѣ враждебныя рѣшенія касательно этого вопроса, дошедшія до насъ отъ *старанаго времени*, не обращая должнаго вниманія на то, что результаты подобныхъ процессовъ, производимъ-

иися въ то время, когда были въ ходу еще пытки, но могутъ имѣть значенія для нашихъ дней. Наконецъ узнають, что 30 лѣтъ тому назадъ одинъ крещенный еврей, въ Валахін, написалъ книгу противъ евреевъ. Всѣ экземпляры этой книги употреблены будто бы, но старанію евреевъ, *мессимамъ* *вра-щельствомъ*; есть, однако, слухъ, что существуютъ еще многогреческій переводъ ея. И вотъ спѣшать отыскать гдѣ нибудь логъ новогреческій переводъ, посылають за этою книжишкою въ самую Турцію, а между тѣмъ въ бібліотекахъ найдутся десятки, сотни другихъ книгъ, въ которыхъ высокіе сановники христіанской церкви и знаменитѣйшіе *христіанскіе* ученые защищаютъ евреевъ отъ этого обвиненія всею силою истины и очевидности? Но ищутъ доказать *смелость*, а не *мессимамъ* *вращельство* — и въ этомъ заключается источникъ бѣдствій многострадальныхъ сыновъ Израиля!

Къ счастью высшіе государственные сановники безпристрастно смотрятъ на процессы этого рода и посылають честныхъ и добросовѣстныхъ людей для повѣрки произведенныхъ слѣдствій; но одна честность мало можетъ помочь правосудію: чуждые иудейства и евреевъ, слѣдователи бывають не въ состояніи ухватиться за тѣ обстоятельства, часто мелкія и повидимому ничтожныя, которыя въ рукахъ специалиста могутъ служить вѣрнымъ средствомъ для раскрытія истины, т. е. *мессимамъ* *вращельство* евреевъ; при томъ, незнакомые съ бытомъ евреевъ и, если можно такъ выразиться, съ душою общинной жизни ихъ, они иногда не чужды бывають мысли, что, быть можетъ, между евреями на самомъ дѣлѣ есть какая либо секта, или отдѣльныя личности, которыя употребляютъ кровь христіанъ. Кромѣ того они находятъ эти дѣла столь запутанными предшествующими дѣйствіями, что и при лучшихъ намѣреніяхъ не въ состояніи вполне раскрыть истину.

Наконецъ слѣдствіе оканчивается; дѣло первоначально формулировавшееся словами: «Дѣло о найденномъ въ городѣ N *мертвомъ* младенцѣ» является въ судебномъ мѣстѣ, уже подъ роковымъ заглавіемъ: «Дѣло объ *убіеніи* евреями въ такомъ-то году, въ такомъ-то городѣ, такихъ-то христіанскихъ дѣтей!» Но что извлечъ судьямъ изъ этого архива обвиненій и уликъ, исписанныхъ иногда на 3—4000 листахъ, гдѣ нѣтъ ни слова оправданія, ни слова состраданія и участія къ злополучнымъ евреямъ? Они обвиняють!... Доказательствомъ противъ евреевъ приводить представляемы свидѣтелями, вымыслы и софизмы. И долженъ сознаться, что при чтеніи такихъ приговоровъ, основанныхъ на этихъ хитросплетенныхъ доказательствахъ виновности евреевъ, мнѣ было больно, что они могли имѣть мѣсто не дагѣ 30-ти лѣтъ тому назадъ и что при всѣхъ этихъ процессахъ нѣтъ и рѣчи объ *оправданіи* евреевъ; все старается только *обвинять* ихъ; и потому дѣйствительно осуж-

даютъ! Такъ изъ одного, очень справедливаго и логичнаго замѣчанія одной еврейки, что еслибъ ея единовѣрцы дѣйствительно нуждались въ христіанской крови, то они не стали бы жадно прибѣгать къ помощи христіанъ, «такъ какъ на улицѣ бѣгаютъ столько дѣтей», судьи вывели прямое заключеніе, что евреи хватаютъ свои жертвы изъ бѣдныхъ христіанскихъ дѣтей, шлепущихся по дорогамъ. Такимъ же образомъ судьи однажды приняли *ломанье рукъ, отчаяніе и обмороки* заточенныхъ евреевъ, которыхъ семейства, вслѣдствіе арестованія своихъ прокормителей подверглись величайшей нищетѣ, — *за очевидныя доказательства ихъ виновности!*....

Это кажется невѣроятнымъ, но это истина!

Такимъ образомъ первый актъ этой страшнаго трагедіи оконченъ. Начинается второй. Бумаги изготовляются подобающимъ образомъ, снабжаются цѣлымъ архивомъ выписокъ изъ враждебныхъ еврейскъ сочиненій и отсылаются въ высшую судебную инстанцію. Въ этой послѣдней обыкновенно засѣдаютъ люди болѣе просвѣщенные; они, правда, часто не очень довѣряютъ выкованнымъ на мѣстѣ мнимаго преступленія интригамъ; но и они не могутъ разобличить ихъ, по причинѣ отдаленности мѣста происшествія и запутанности самаго дѣла. По этому и здѣсь, частью отъ незнакомства съ еврействомъ и даже отъ превратныхъ понятій о немъ, частью вслѣдствіе роковаго предположенія, что между евреями все-таки, можетъ быть, существуетъ такая секта, а еще болѣе вслѣдствіе пристрастнаго направленія слѣдствія во вредъ евреямъ, что не всегда можно усмотрѣть изъ дѣла, — все это и многое другое омрачаетъ взглядъ этихъ — во всякомъ другомъ дѣлѣ проникательныхъ — судей; такъ что послѣ долгихъ споровъ голоса раздѣляются, и дѣло передается въ высшее судебное мѣсто, которое наконецъ и дѣлаетъ заключеніе: *освободить арестованныхъ*, и именно — во первыхъ потому, что обвиненіе само по себѣ заключаетъ много невѣроятнаго, во-вторыхъ потому, что оно не представляетъ никакихъ юридическихъ данныхъ; это слово «освободить» раздается послѣ 15-ти лѣтняго заточенія злополучныхъ евреевъ! Но все-таки справедливость торжествуетъ надъ ложью.

Но спрашиваемъ: слѣдуетъ ли всему этому продолжаться долженъ ли вѣчно висѣть этотъ мечъ дамокловъ надъ головами двухъ милліоновъ нашихъ согражданъ? Должны ли гибнуть десятки и сотни семействъ изъ-за ложныхъ клеветъ? Нѣтъ! Дѣлу этому долженъ быть положенъ конецъ; мы не должны, мы не можемъ оставаться нѣмыми свидѣтелями... Если евреи виновны, то они должны быть съ корнемъ истреблены изъ нашей среды; если же они невинны — что, какъ полагаемъ, мы доказали — то мы должны оградить ихъ разъ навсегда отъ этихъ постыдныхъ интригъ которыя постоянно подвергаютъ опасности честь и счастье двухъ милліоновъ людей.

Д. Хвольсонъ.

СТОРОННИКИ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ПО ВНОВЬ ОТКРЫТЫМЪ МАТЕРІАЛАМЪ). (*)

1705—1724.

I.

СВЯТЫНЯ-РАДЪТЕЛЬ.

...самимъ истиннымъ Богомъ засвидѣтельствуюся, не имѣю во всемъ Россійскомъ государствѣ такого друга и скорби о разлученіи, кромѣ насъ, Богъ свидѣтель—
Царевичъ къ духовнику от. Якову (27 апрѣля 1710 г.)

Въ 1705-мъ году Алексѣй былъ лишонъ умнаго наставника, поземца Гюйсена. Въ началѣ сего года Гюйсенъ отправленъ былъ съ разными порученіями за границу. Царевичъ между тѣмъ жилъ почти безъ всякаго надзора со стороны царской въ селѣ Преображенскомъ. Государь пріѣзжалъ въ Москву на короткое время, Меньшиковъ находился постоянно въ Петербургѣ. «Съ этого-то времени, по свидѣтельству г. Устрялова, — царевичъ окружилъ себя монахами, попы и чернцы были его собесѣдниками; въ кругу ихъ онъ возненавидѣлъ все, что ни любилъ отецъ.»

Въ нашихъ замѣткахъ о почтенномъ трудѣ г. Устрялова мы уже имѣли случай замѣтить, что эта характеристика общества,

(*) Статья наша была окончена, когда мы получили отъ М. П. Погодина первые листы печатаемыхъ имъ новыхъ матеріаловъ для исторіи царевича Алексѣя. Въ это драгоценное собраніе, доставленное М. П. Погодину Г. В. Всиповымъ, трудолюбивымъ изслѣдователемъ Петровской старины, войдутъ, между прочимъ, и тѣ документы, которые служили намъ источниками для составленія настоящей монографіи. Это обстоятельство избавляетъ насъ отъ необходимости печатать письма царевича къ духовнику въ приложенияхъ.

окужавшаго царевича есть общее мѣсто, оставляющее за собою множество неразрѣшенныхъ вопросовъ. Историкъ нашъ, основываясь на нѣсколькихъ показаніяхъ, вынужденныхъ у царевича пыткой, почти наканунѣ смерти, — говорить о вредномъ вліяніи окружающихъ его людей съ 1705 года. Г. Устряло какъ бы вскользь упоминаетъ о царевнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ «свѣрной и непріязненной брату, которая распаяла умъ племянника тайными видѣніями. Царица мать, продолжаетъ слова историка, также дѣйствовала на сына чрезъ своихъ *родственниковъ и друзей, въ особенности чрезъ брата своего Авраама Лопухина*. Но *главнымъ виновникомъ* несчастнаго настроенія царевича бы. Александръ Кикинъ: нѣкогда любимый деньщикъ государя, послѣдствіи адмиралтейца, человекъ умный и бойкій, онъ изъ видовъ любостыжанія, втерся къ царевичу и представлялъ дѣла отца въ ненавистномъ видѣ. »

Вся эта цитата основывается частью на показаніяхъ царевича, частью на догадкахъ историографа; но и тѣ, и другія, могли быть невѣрны; царевичъ, какъ ни былъ напуганъ доносами угрозами, пытками своихъ сторонниковъ, наконецъ предстоящими ему самому мученіями, все-таки могъ скрыть многое, да бы выставить кое-что не въ такомъ сильномъ свѣтѣ, какъ бы оно должно было быть. *Наша догадка* оправдалась.

Вновь открытые матеріалы — свидѣлствуютъ, что ни Авраамъ Лопухинъ, ни *въ особенности* Александръ Кикинъ вовсе не были *главными виновниками* той усобицы, той затаенно нелюбви, даже ненависти, которая такъ рано начала развиваться въ наслѣдникѣ престола противъ его отца; на Алексѣя дѣйствительно имѣлъ громадное вліяніе одинъ изъ *друзей* царицы, но этотъ другъ мало извѣстенъ г. Устрялову: потому именно что царевичъ почти до послѣдняго издыханія не выдавалъ егору разгнѣванному отцу и только подъ пыткой передалъ нѣсколько словъ, которыхъ однако было достаточно, чтобъ привести тѣ виновнаго друга на плаху.

Вновь отысканные матеріалы впервые выдвигаютъ свѣтныя и руководителя царевича; то былъ—духовникъ его, Яковъ Игнатъевъ.

Когда за отъѣздомъ Гюйсена, — царевичъ почти освободился отъ учебныхъ занятій, тогда уже вокругъ него былъ тѣсный кружокъ людей, связанныхъ между собой любовью и глубокою преданностью къ царевичу; въ этомъ маленькомъ, замкнутомъ обществѣ мы не видимъ ни Лопухиныхъ, ни Кикина, — нѣтъ здѣсь были родственники его бабки: — Василій Григорьевичъ Михаилъ Григорьевичъ, Андрей Федоровичъ, Алексѣй Ивановичъ, Иванъ Ивановичъ Нарышкины, затѣмъ это же общество составляли: его присутствіе съ *малыхъ лѣтъ* — Никиточъ Кондратьевичъ Вяземскій, Петръ, Левъ и Сергѣй Вяземскіе

затѣмъ мужъ знакомой уже намъ кормилицы — Марфы, * Всклїй Ивановичъ Кольчовъ, также Андрей Михайловичъ Кошчевъ; домоправитель Алексѣя—Федоръ Борисовичъ Еварлаковъ, духовникъ царевича Яковъ Игнатевъ; благовѣщенскій ключарь, братъ кормилицы Иванъ Аѳонасевъ;—преосвященный крутицкій Иларіонъ; протопопъ Алексѣй Васильевъ; священникъ Леонїй Григорьевъ изъ Грязной слободы въ Москвѣ; Федоръ Сергѣевичъ (?), Никита Савичъ Хитрой, сынъ его Ивавъ Никитичъ Хитрой, князь Андрей Вяземскій, Илья Протопоповъ, Акулина Родіоновна дочь вологодскаго архіепископа Юсіѳа, жена Степана Цымбальщика, и Варсонофія.

Вотъ поименно — мужчины и женщины свѣтскія и духовныя лица, — составлявшія съ первыхъ же годовъ жизни царевича до самой его смерти самую ближнюю его дружину; какъ онъ самъ выражался: «его компанію и соборъ».

Главою собора, — вдыхавшей въ него жизнь и дѣятельность, поддерживавшей всѣ тайныя сношенія, связующею членовъ — былъ Яковъ Игнатевъ. Родомъ изъ Владиміра или Суздаля, Игнатевъ съ дѣтскихъ лѣтъ связанъ былъ дружбою съ знаменитымъ Досифеемъ, впоследствии ревностнымъ сторонникомъ царицы Авдотьи; съ нимъ вмѣстѣ Яковъ бродилъ по монастырямъ, они называли другъ друга братьями. — Игнатевъ явился въ Москву, какъ можно судить по одному изъ писемъ царевича, * въ 1680 году; служилъ діакономъ въ Архангельскомъ соборѣ; затѣмъ удалившись оттуда, искалъ мѣста ключаря въ Благовѣщенскомъ, наконецъ получилъ важный постъ въ духовной іерархіи — поставленъ протопопомъ придворнаго собора у Спаса на верху, въ Крестовскомъ дворцѣ. †

Около 1705 года онъ выбранъ духовникомъ царевича. † Съ вернаго же вступленія своего на новое поприще Яковъ, какъ видно владѣвшій даромъ слова, характеромъ сильнымъ и энергичнымъ, — увлекъ и приковалъ къ себѣ впечатлительнаго и слабо-характернаго юношу.

Въ Преображенскомъ селѣ, въ спальнѣ царевича, отецъ Яковъ въ тайной и уединенной бесѣдѣ, подвелъ духовнаго сына къ столу. На столѣ лежало святое евангеліе.

— Будеши ли заповѣди Божія исполнять? торжественно спросилъ духовникъ — и преданія апостольская и святыхъ отецъ хранить? и мене, отца своего духовнаго, почитать, и за Ангела Божія, и за апостола имѣти? и за судію дѣлъ своихъ? и хочешь ли мене слушати во всемъ? и вѣруешь ли, яко и азъ, аще и грѣшенъ есть, но такову же имѣю власть самодѣательства отъ Бога, мнѣ недостойному дарованную, и ею могу вязати и рѣшати, какову власть даровалъ Христоръ апостолу Петру и прочимъ апостоламъ, глаголя: ею же, аще свяжете на земли, будетъ связанъ и на небесахъ, и ею же, аще разрѣшите на зем-

ди, будетъ разрѣшенъ и на небеса? и хоцещи ли смиренія моего священству и власти во всемъ повиноватися и покорятися?

Мы живо представляемъ себѣ съ какимъ торжественнымъ и какъ бы вдохновеннымъ видомъ вопрошалъ отецъ Яковъ робкаго, суевѣрнаго юношу; живо представляемъ, какое потрясающее впечатлѣніе произвели на Алексѣя: рѣчь, видъ говорящаго и этотъ рядъ вопросовъ надъ святымъ евангеліемъ, вопросовъ,—требовавшихъ немедленнаго и рѣшительнаго отвѣта послѣ этого намъ понятна та присяга, которую послѣдовалъ дать царевичъ:

— Заповѣди Божія, отвѣчалъ Алексѣй, взволнованный и облытый священнымъ ужасомъ,—и преданія апостольская и святыхъ его вся съ радостію хоцу творити и хранити; и тебе, отцу моего духовнаго, буду почитати, и за Ангела Божія и за авостола Христова, и за судію дѣлъ своихъ имѣти, и священству твоего власти слушати и покоритися во всемъ долженъ.»⁸

Довольно этой сцены, чтобъ судить о характерѣ всѣхъ остальныхъ. Мы какъ бы слышимъ всѣ остальные увѣщенія, совѣты и наставленія духовника, его толки о текущихъ событіяхъ, о полвижникахъ Петра..... онъ завладѣваетъ царевичемъ вполне завладѣваетъ его душою, сердцемъ, всѣми дѣйствіями, тайными помышленіями. Въ письмахъ царевича къ духовнику чудеснымъ образомъ сохранившихся для исторіи,⁹ въ каждой строкѣ видно подтвержденіе нашихъ словъ. Прослѣдимъ эти отношенія, войдемъ, руководимые этой перепиской, въ жизнь связи «компанія» царевича, и тогда дадимъ мѣсто нашимъ заключеніямъ.

1706 годъ царевичъ провелъ въ Преображенскомъ, и около этого времени тайно посѣтилъ мать; это мы знаемъ изъ документовъ, уже обнародованныхъ.¹⁰ Но вслѣдствіе какихъ причинъ, лучше сказать подъ чьимъ вліяніемъ совершена была эта поѣздка? изъ тѣхъ документовъ не видно. Пробѣжимъ 11-ть писемъ царевича къ духовнику, уцѣлѣвшихъ за этотъ годъ, и найдемъ ли въ нихъ хоть намековъ на его совѣтниковъ и помощниковъ въ этомъ дѣлѣ?¹¹

Царевичъ вѣренъ присягѣ: съ первыхъ же годовъ поступленія въ паству къ Якову, онъ именуется его батюшкой, «святынею», «всечестнѣйшимъ пастыремъ, овецъ духовныхъ отче», предлюбезнымъ радѣтелемъ; его имѣетъ судью *всѣхъ дѣлъ своихъ*, его просьбы спѣшить выполнить.

«Всечестнѣйшій отче! О зятѣ отца вашего *сатаны* (Андрей Нарышкинъ)¹² будетъ управлено, по желанію его и по прошенію вашему». ¹³ Въ другомъ письмѣ (отъ 16 сентября) царевичъ извѣщаетъ, что онъ говорилъ объ отцѣ *Коровѣ* (также прозвище одного изъ компанейцевъ Алексѣя, какъ видно изъ духовнаго) съ тетушкою» и та «не весьма соизволила» на его

просьбу, почему царевичъ тутъ же совѣтуетъ: подать ему самому челобитную архіерею отъ братіи Горицкаго монастыря (вероятно, дѣло идетъ о поставленіи отца «Коровы» въ настоятели Горицкой обители): «а я когда увижу преосвященнаго продолжася царевичъ, буду говорить; а нарочно о семъ посылать (негодиться). дабы не надокучить архіерею и не повредить бы любви съ нимъ, *которая между нами, частыми сими вѣщаніями.*»

Заботливость о друзьяхъ постоянно отличала царевича; изъ писемъ сего года видно, что онъ хлопоталъ у преосвященнаго разсавскаго (Стефана Яворскаго) «о безотложномъ поставленіи какого-то отца Дмитрія въ казанскіе протопопы». Навѣщая объ томъ, царевичъ спрашивалъ духовника: правда ли, что преосвященному *Голубчику* (прозвище архіерея крутицкаго Иларіона) вѣстно ѣхать въ Смоленскъ? ¹⁴ Точно также услышавъ отъ Петра Анфимова, зятя духовника, что Ромодановскій доносилъ о немъ государю, царевичъ спѣшить, по просьбѣ Анфимова, справиться чрезъ Лопухина ¹⁵, какія тамъ слова были? «А иначе, сказано въ письмѣ, кромѣ его не возможно, для того, что онъ *(Авраамъ Лопухинъ)* съ нимъ (съ Ромодановскимъ?) умѣетъ обходиться».

На вниманіе царевича духовникъ отвѣчалъ тѣмъ же; вмѣстѣ съ отвѣтными грамотками посылалъ онъ разныя подарки, между прочимъ цвѣты, за которые Алексѣй своего святѣнню зѣло благодарствовалъ; ¹⁶ впрочемъ святѣнны чаще присылалъ нравоучительныя посланія, нежели гостинцы. Какъ кажется, царевичъ вышлалъ этимъ нравоученіямъ съ большимъ уваженіемъ; что же до его приставниковъ, то они разсыпались въ благодарности отцу Якову; «за письмо твое нравоучительное, писалъ къ царевичу Алексѣю Нарышкину, въ маѣ 1705 года, — о приложенномъ ученіи иѣменкаго языка, зѣло твою святѣнню всеобще благодаримъ...» ¹⁷ Изъ этого видно, что святѣнны радѣтель не шолъ противъ образованія питомца, не отвращалъ его отъ наукъ.

Въ праздничные дни царевичъ сзываетъ свой «соборъ» — пожелаться; ¹⁸ но при свиданіяхъ съ духовникомъ имѣлись въ виду не однѣ только веселости: шли какіе то тайные переговоры; въ перепискѣ говорилось о нихъ съ особенными предосторожностями, неясными намеками, царевичъ спрашивалъ приказаній, самъ въ свою очередь давалъ совѣты:

Такъ напр., въ выпискѣ 15 марта Алексѣй спрашивалъ: когда отецъ духовный велитъ ему видѣть Тезикова, (ямщика *Владимирскаго*).

«Въ дѣль *нашемъ*, тайнственно писалъ Алексѣй (28 мая), изволь объявить кунца Якова Васильевича Шептицкаго, моего дельщика, сказавъ, что я къ нему подвигаемъ милостію, хощу

ему сей товаръ добрый сыскати; а буде васъ стануть спрашивать, для чего не объявилъ до сего времени? и ты какъ нибу изволь отговориться; а когда придетъ время къ посмотрѣнію твара, и онъ съ тобою поѣдетъ.»

Непонятныя для насъ, эти строки были понятны переписавшимся: что за нами скрывалось какое то дѣло это видно и слѣдующихъ словъ наревича: «лучше сего лица не чаю быть. У о семь, для пространнаго разговору, какъ мнѣ велишь къ се быть, рано-ль, или по обѣдѣ, или самъ ко мнѣ пожалуешь?»

«Зѣло ты изрядно сдѣлалъ, пишетъ царевичъ 20 іюня, чей (?) на письмѣ ни какой отвѣди не дадь; и впредь писмами съ такими людьми вязаться не надобно, а о мѣстѣ изво подумать, гдѣ приличнѣе; а въ домѣ твоємъ сему не приличъ быть, и о семь ко мнѣ отпиши.»

Дружба Алексѣя съ духовникомъ завязывалась тѣснѣе и тѣснѣе; приглашенія на какія то совѣщанія были довольно часты.

«Изволь быть у Акулишѣ, понеже имѣю я нужду и къку (письмо 23 іюня). На другой день: «изволь прислать ключъ отъ желѣзнаго сундука, а съ Варсоноѣею ничѣмъ не вяжись. Остань отъ нее; сегодня мнѣ быть къ тебѣ не возможно, поне мы здѣсь въ Медвѣдковѣ.... утре увидимся у Акулиши.»

Итакъ, на шестнадцатомъ году царевичъ уже таилъ, что отъ отца, замыкался въ собственномъ кружкѣ, имѣлъ планы тайныя, велъ о нихъ переговоры съ предосторожностями, находилъ отраду въ бесѣдахъ съ духовникомъ, и подъ его покровомъ озабавлялся какою — то *Акулишей*. Эти немногія грамотки даютъ возможность изслѣдователю хоть немного проникнуть въ сивоиракъ, до сихъ поръ тяготѣвшій надъ домашнею жизнью царевича.

Въ началѣ 1707 года Алексѣй былъ вытребованъ отцомъ въ Жолкву, откуда посланъ въ Смоленскъ, для заготовленія пріанта и сбора рекрутъ. Однако двухъ лѣтъ, почти безвыѣзавъ проведенныхъ въ Преображенскомъ, было вполне достаточно, чтобъ укрѣпить въ сердцѣ Алексѣя привязанность къ его «компаніи». Нѣкоторые изъ Нарышкиныхъ сопровождали его въ разъѣздахъ, и своимъ присутствіемъ еще болѣе укрѣпляли эти связи. Алексѣй постоянно вспоминалъ о своихъ друзьяхъ. Такъ, въ письмѣ 11 марта изъ Жолквы, онъ уже дительно просилъ духовника: «какъ присѣтетъ день Похвалъ Богородицы, пожалуй справь празникъ, какъ при мнѣ бывалъ (кромѣ архіерея), пожалуй позови Ивана Афонасьевича, и самъ пожалуйста отслужите литургію у царевича Дмитрія, и откушайте у меня въ домѣ», затѣмъ уполномочивалъ отца Яковъ распорядиться всѣмъ на счетъ стола, къ которому неотменно наказывалъ пригласить «благодѣтеля» (Василія Григорьевича Нарышкина), М. Г. Нарышкина, В. И. Кольцова, Ѳ. Б. Еварла

ва, поа Алексѣя Васильева и Василису Ефимовну, ¹⁹ «пожалѣста, заключаетъ царевичъ, повеселитесь духовнѣ и тѣлесно, и ко нѣ отпишите».

Съ необыкновенною радостію; «любезно, по достоинству» — кричалъ царевичъ своихъ компанейщиковъ, послѣ разлуки ²⁰ подобно своему батюшкѣ не упускалъ случая, въ особеннѣхъ на радостяхъ, кутнуть въ дружеской пирушкѣ.

«А ны вчера, пишетъ онъ изъ Смоленска 30 іюня, повеселился врядно (по случаю приѣзда «Благодѣтеля»): отецъ мой духовный Чижовъ (прозвище) чуть живъ отшелъ до дому, подержитъ сыномъ; такожь и протчіе поджарилася. Сіе письмо быль Никифору (Вяземскому) и ключарю».....

«Пожалуй, пишетъ къ тому же отцу Якову одинъ изъ ближайшихъ друзей царевича, Алексѣй Нарышкинъ: не оставь въ молитвахъ своихъ меня, и писаніемъ; мы здѣсь (въ Смоленскѣ) здемъ въ молитвенныхъ подвижѣхъ пребываемъ: я уже третій лѣтъ, почитай, немалывался; а и Главный нашъ (т. е. царевичъ?) не унижаетъ же: пожалуй понуди всѣхъ насъ къ молитвѣ». Быть не можетъ Нарышкинъ хотѣлъ не болѣе, какъ помутить, но «Главный» испугался; великочтимый имъ отецъ духовный пришлетъ къ въ отвѣтъ грозное посланіе, и вотъ онъ свѣситъ приписать: Алексѣя Ивановича (Нарышкина) клеветы на насъ не изволь слушать. Истинно неправда, я по вся дни Богу молюсь». ²¹

Отецъ духовный, милостиво выслушивая извѣщенія и откровенныя дѣйствія своего сына, посылалъ къ нему гостинцы ²² и принималъ его доклады — друзьямъ ²³ и, какъ видно изъ цитированнаго, съ этого уже времени вполне завѣдывалъ его хозяйственными дѣлами. ²⁴

Впрочемъ всѣ эти обстоятельства были второстепенныя; главное, что соединяло переписывавшихся — это общность какихъ-то взглядовъ, сильная неприязнь къ настоящему порядку вещей, и надежды на лучшее будущее; все это, какъ нельзя лучше, просвѣчиваетъ въ частныхъ извѣстіяхъ царевича о камихъ-то толкахъ, либо въ его запросахъ о томъ же:

«О всѣхъ тамошнихъ вѣстяхъ изволишь увѣдомиться у Никифора (Вяземскаго), а о отшедшемъ у насъ проглаголось, но за наши грѣхи и лучшее ему сочинися». ²⁵

«....о грядущихъ на васъ скорбныхъ у насъ больше прежняго извѣстія нѣтъ; а какъ будетъ, безъ извѣстія васъ не отавлю». ²⁶

Въ другихъ цидулахъ вѣсти сообщались болѣе откровенно. Извѣстную милости твоей, король Шведскій намѣренъ ити къ Москвѣ. И отъ батюшки просланъ къ вамъ Иванъ Мусинъ, чтобъ городъ крѣпить для непріятели, и будетъ войска наши, ари батюшка сущія его не удержатъ вамъ не чѣмъ его удержатъ. Сіе изволю яро себя держитъ и иныиъ не объявлять до

времени; и изволь смотрѣть мѣста, куда-бъ выѣхать, когда сбудеть. А нынѣ изволь на Москвѣ жить безъ опасенія, что будетъ впредь, буду писать»....

Между тѣмъ царевичъ получилъ приказаніе отправиться д распорядженій по военнымъ дѣламъ въ Минскъ. Въ одинъ тотъ же день (21 сентября) Алексѣй извѣстилъ Петра о выполненіи его приказанія и тогда же писалъ къ духовному отцу «получилъ я сего дня письмо отъ батюшки ²⁷ изъ Тикотина. И волилъ писать, чтобъ мнѣ ѣхать къ нему въ Минскъ, который отсюда 400 вестъ, и отступу пишутъ ко мнѣ друзья мои, чтобъ ѣхать безъ всякаго опасенія; и мню, что къ вамъ буду вскорѣ повиданному, а о всемъ вамъ скажется словесно Василиій Ивановичъ Колычевъ, который отправленъ отсюда сего дня къ вамъ, и что онъ вамъ скажетъ, извольте вѣрить, и дѣлать такъ; а я отсида отъѣзжаю сего дня въ путь». ²⁸

Мы не имѣемъ ключа къ разрѣшенію таинственныхъ словъ Алексѣя; что это за вѣсти друзей, чего опасаться могъ царевичъ о чемъ долженъ былъ говорить словесно Колычевъ, что скорби постигли духовника? отвѣтовъ на эти вопросы мы имѣемъ, такъ какъ изъ писемъ самаго отца Якова до насъ дошло только три грамотки и то 1715—1716 годовъ; но безъ особаго ключа къ отгадкамъ, каждый можетъ замѣтить, — что отношеніе членовъ «соборной компаніи» — имѣли что то особенное; то было простое дружеское общество, оно сплочивалось общими видами; компанія имѣла своихъ сторонниковъ въ царской свитѣ и изъ нея то среды пишутъ «друзья» о томъ, чтобы «главныи спѣшилиъ выполнить отцовскіи приказъ — «безъ опасенія». — Ч еслибы всѣ эти грамотки своевременно достались въ руки московскихъ и петербургскихъ истязателей въ 1718 году? Сколько бы было новыхъ подозрѣній, новыхъ допросовъ, очныхъ ставокъ, арестовъ, и пытокъ, пытокъ, нещадныхъ пытокъ! Но мы еще дойдемъ до слѣдователей и палачей, а пока продолжимъ нашъ обзоръ таинственной переписки:

Въ октябрѣ 1707 года «Главный» въ Москвѣ. На него возложена обязанность надзирать за укрѣпленіемъ Кремля и присутствовать въ канцеляріи министровъ. Обнародованныя письма Алексѣя показываютъ, что онъ довольно старательно выполнялъ отцовскіе порученія; но батюшка былъ недоволенъ и грозилъ на него, «что онъ оставя (будто бы) дѣло, ходитъ за бездѣльемъ». — Алексѣй долженъ былъ искать защиты отъ гроз отцовской у Катерины Алексѣевны, ²⁹ а утѣшеніе продолжалъ находить въ бесѣдахъ съ духовникомъ; пріязнь и довѣріе ея къ отцу Якову не слабѣли ³⁰ и при первой же разлукѣ выразились съ большею, нежеля прежде силою.

«Письмо вашей Святости, отъ 19 августа пишетъ къ намъ царевичъ съ дороги за граньцу, — «я здѣсь (въ Люблинѣ) полу

нѣтъ вчера, за что благодарствую. и впредь сего желаю; истинно не малую радость вашимъ письмамъ имѣю, *пожеже въ семь лѣтнѣхъ имѣю такого друга не имѣю, подобно вашей Святыни, въ чемъ свидѣтель Богъ*».

Всѣгда за признаніемъ, излившимся изъ глубины души, царевичъ съ чувствомъ самой искренней дружбы утѣшаетъ духовника въ его печали («о сгорѣніи дома»): «о семь истинно собогъзнаю я вамъ, говорить Алексѣй, только прошу васъ въ семь случаѣ въ безмѣрную печаль себя не вдавайте: помните Іова, Евстаѣя Святыхъ, како напасти претерпѣша, но что точію за сіе все благодариша Бога, глаголюще: Господь даде, Господь оты, яко Господу изволися, тако и бысть. И за такое въ малостѣхъ терпѣніе и благодареніе воспріиша благая здѣ и въ будущи; блаженъ человекъ, ему же Господь Богъ его; надѣющіи ся на Господа, яко Сионъ гора не подвижется во вѣки, глаголетъ Писаніе. Благо есть надѣяться на Господа, неже на человека; и пакы: проклятъ человекъ, иже надѣется на человека, и благословенъ мужъ, иже надѣется на Господа. И о семь прошу васъ, дабы вы во Господа надежду возложили, онъ еже хоцетъ, да творить»...

Все это не пустое щегольство знаніемъ текстовъ изъ священнаго писанія,—царевичъ, во имя религіи утѣшая «единственнаго друга», не останавливался на словахъ, онъ убѣдительно просилъ о. Якова взять на нужду денегъ изъ его сундука ³¹, кромя того изъ матерій золотыхъ камокъ, что понадобится, предоставилъ духовнику «взять себѣ на приданое дочери», ему подарилъ свою посуду, и въ знакъ особеннаго вниманія послалъ списокъ съ чудотворнаго образа Богоматери Честнаховскія, которому ходилъ поклониться ³². За тѣмъ, по обычной набожности, царевичъ предписывалъ раздать «доставное» на церковныя утвари, въ особенноти просилъ украсить на его достатки особенно имъ чтимую церковь св. Евстаѣія у Боровицкаго моста: «вся сіе, съ обычною довѣрчивостію пишетъ Алексѣй духовнику, въ волю вашу во всемъ полагаюся; что благо, то извольте дѣлать»... ³³

Обстоятельство странное, неразгаданное: отправляясь въ первую побывку за границу, Алексѣй какъ бы имѣлъ въ виду остаться тамъ навсегда. По крайнсей мѣрѣ на эту мысль намотать его распоряженія духовнику о заготовкѣ и высылкѣ за границу векселей, о освобожденіи служителей на волю, «куда кто хоцетъ», о распродажѣ его пожитковъ, чтобъ *«ничего даромъ не пропало»*; нечего и говорить, что всѣ эти распоряженія обложены царевичемъ особенною таинственностію: напр. въ одной и той же грамоткѣ онъ три раза напоминаетъ о секретѣ «сіе все изволь какъ найскорѣе управить, чтобъ до пріѣзду *выинитъ* въ Москвѣ». А мы уже знаемъ, кого разумѣли друзья подъ сло-

вомъ «вышляю!» «Вышеписанное изволь... какъ мочно тайно дѣлать», далѣе перечисляетъ «своихъ *знемыхъ*», съ просьбой передать имъ поклонъ, «но сего письма, просить, *не кажи*». Значить не всѣ члены компаніи царевича пользовались одинаковою довѣренностью, она всецѣло выпадала только его Святѣйшѣ духовнику, что, впрочемъ, не мѣшало Алексѣю принимать самое сердечное участіе въ остальныхъ друзьяхъ. Его особенно интересовали вѣсти объ ихъ пирушкахъ; царевичъ въ нѣсколькихъ письмахъ просить провести любезный ему праздникъ Евстафія «по прежнему», и прислать къ нему деньщика поумнѣ съ вѣдомостью о торжествѣ *съ соборнымъ посланіемъ* компанейщиковъ ²⁴.

Въ то время, когда батюшка разгромивъ шведа на поляхъ Полтавскихъ, находился въ апогеѣ своего величія, единственный сынъ его въ тайственной запискѣ къ духовнику заявлялъ какія-то сокровенныя, едва ли не «*противныя царю*», желанія: «мы про ваше здравіе святаго Бога молили, и пресвятую Богоматерь со Іаковомъ апостоломъ просили: *дабы намъ скоро временно вся желаемая блава чрезъ свое заступленіе даровала*»... ²⁵

Эта надежда на «вся желаемая блава» еще яснѣе выказалась въ слѣдующихъ въ высшей степени замѣчательныхъ припискахъ къ цитованному уже письму отъ 14 ноября изъ Ярославля Галичскаго:

«Въ Володиміръ, просить Алексѣй духовника, не ѣзди, для Бога; ни съ кѣмъ, ни съ съ Андреемъ Фодоровичемъ (Нарышкинымъ)... Въ Володиміръ, мнѣ мнится, не надлежитъ вамъ ѣздить, *по' неже смотрельщиковъ* за вами много, чтобы изъ сей твоей поѣздки и мнѣ не случилось какое зло, понеже нынѣ многіе вѣдаютъ, *въ какомъ ты у меня состоиши, и что все мое тебя вверено*; а починять, что нѣчто и туды *повезъ*. Для Бога не ѣзди, понеже уже съ 30 лѣтъ (съ 1680 г.) тамъ не былъ и великое терпѣль, *малою ли не стерпишь*; а и когда буде и Адъ (Кольчевъ) братъ будетъ просити въ Матрененскіе дровеса (?) по прежнему намѣренію, туды не ѣзди, для Бога»

Выписанныя строки говорятъ сами за себя: сношенія съ матерью поддерживались, туды посылались нѣчто изъ достатковъ сына; духовникъ вызывался посѣтить, тайно пробѣлать заточеннаго, а любящій его сынъ и именемъ Бога закликаетъ не отвѣживаться на столь смѣлое предпріятіе: вокругъ нихъ шпионы, многіе *смотрельщики*. Итакъ за девять лѣтъ до страшнаго розыска, между отцомъ и сыномъ царя рѣшительная распря: Алексѣй обижся уже замыкаться отъ него въ своемъ кружкѣ, Петръ—не доврѣлъ сыну, слѣдилъ за его совѣтниками...

1710 годъ Алексѣй провелъ за границей: посѣтилъ Варшаву; предъ Карлсбадомъ видѣлъ нареченную свою невѣсту Шарлоту; жилъ долго, занимаясь науками, въ Дрезденѣ; ѣздилъ въ Лейпцигъ. Ни науки, ни невѣста, къ которой не чувствовалъ ни малѣйшаго

меченія, — не вызывали его участія; сердце и мысли его были отъединены, среди любезныхъ ему друзей; ихъ онъ привѣтствовалъ частыми письмами, поздравлялъ съ праздниками, посылалъ поклонныя ³⁶, только съ ними отъ души шутилъ и балагурилъ.

«Къ брату Аду ³⁷ не писалъ нынѣ за тѣмъ, что не имѣю отъ него жданаго извѣстія о соплетеніи его (о бракѣ?) и мню, что сіе онъ творить для того, что утонулъ въ щемилцахъ; только отдай отъ меня поздравительной поклонъ, и попроси, чтобъ онъ писаніемъ насъ хотя вынуря изъ щемилецъ, постилъ». ³⁸ Алексѣй относился съ особеннымъ уваженіемъ къ Аѳимію Иванову, супругу своего отца духовнаго; въ Госуд. Архивѣ есть его грамота (а было ихъ безъ сомнѣнія не одна), въ которой онъ шлетъ ей поклонъ желать здравія и проч.

Съ неменьшимъ участіемъ писалъ онъ также (4 февраля изъ Кракова) о зятѣ духовника, подъячѣмъ Петрѣ Аѳимовѣ, котораго хотѣлъ взять къ себѣ на службу Ромодановскій. Это обстоятельство Аѳимову крайне не нравилось. Царевичъ писалъ къ Аѳимову, чтобъ онъ сослался на него, будто онъ поручилъ ему какое дѣло править. «а то для того, чтобъ мочно тебѣ сичъ отъ Ромодановскаго щитится». Въ заботливости своей о всѣхъ близкихъ къ друзьямъ своимъ, Алексѣй много хлопоталъ о какомъ-то подъячѣмъ Окунковѣ, вѣроятно по просьбѣ кого нибудь изъ компанейщиковъ; онъ выручилъ его «со многою трудностью изъ Чкавы отъ Бестужева, который не хотѣлъ отпустить Окунькова, боясь отъ него доводу». Дѣло въ томъ, что Бестужевъ, какъ видно изъ письма царевича (4 марта изъ Кракова), терялъ на свои расходы государевы деньги, а приказывалъ записывать погыачимъ на иное; почему и боялся отпустить Окунькова, какъ чловѣка, знавшаго его продѣлки».

Царевича интересовали казанья т. е. проповѣди Стефана Яворскаго, ревностнѣйшаго, хотя и тайнаго его доброжелателя. Алексѣй просилъ выслать ему копію за границу; любопытствовалъ знать, кто будетъ архіереемъ на упразднившейся столѣ въ ростовскую епархію, ³⁹ спрашивалъ уѣхалъ ли Засыпко (т. е. Алексѣй Нарышкинъ) на мѣсто его назначенія (въ Угличъ комедантомъ), ⁴⁰ наконецъ съ радостью отвѣчалъ духовнику на извѣстіе объ успѣшномъ исходѣ какого-то неприятнаго для него дѣла. ⁴¹ Единственный другъ не покидалъ его ни грамотками, ни другими присылками: такъ въ 1710 году между прочимъ отецъ Яковъ прислалъ къ царевичу въ Дрезденъ нѣсколько книгъ, безъ сомнѣнія богословскаго содержанія. ⁴²

На него Алексѣй продолжалъ возлагать всѣ распорядки по доховымъ дѣламъ; въ распоряженіяхъ по сему случаю таже загадочная цѣль, таже тайна... «изволишь просить, чтобъ мнѣ написать письмо о домовномъ моемъ устроеніи, чтобъ возможно, *случаю зовущу*, показать беззапинательно, и я такое письмо по-

сылаю вамъ, только не изволь до тѣхъ временъ (будетъ ничег не дѣлалъ) до которыхъ будутъ на *Москву вышнія особи наши*, а по сшествіи ихъ изволь управить по прежнимъ моимъ письмамъ, а письмо то, вложенное здѣ, для нужнаго зѣло случая изволь беречь; а во время бытія ихъ только смотри какъ воз можно, чтобъ не пропало что изъ Преображенскаго, а пач книги (?), которыя хотя по малу для подозрѣнія изволь к себѣ перевезть, или до сшествія не замай⁴³ ...»

Алексѣй остался доволенъ извѣстіемъ, что всесчастнѣйшій отъ за «нѣкакимъ препятствіемъ», не исполнилъ его прежнихъ приказаній: и то благоволилъ сочинить изрядно «ибо и азъ, говоритъ Алексѣй, въ тѣ времена такъ остро писахъ, не спросися съ собою много...» т. е. распоряженія его слишкомъ рѣшительныя могли быть замѣчены царскими смотрѣльщиками, теперь же онъ находил время благополучнымъ ради сшествія съ *Москвы вышнихъ*, почему и просилъ управить все какъ было сказано,⁴⁴ «а чинить все то по моимъ письмамъ, изволь не все вдругъ, по маленьку брать и терять, а не все вдругъ вывезть, или какъ лутче и вамъ безопаснѣе». ⁴⁵

Изъ распоряженій его о домовыхъ распорядкахъ особенно интересно приказаніе отдать какого-то Павла Пилю, который у Ада (Колычева) пребываетъ, въ школу, для ученія, чтобъ онъ дней своихъ не терялъ все праздно; «учить его вели, пишеть тотъ самыи Алексѣй, котораго такъ много обвиняли панегиристы Петра въ лѣности и небреженіи къ наукамъ, учить его вели латинскому и нѣмецкому языкамъ, а за одежду и на ученіе изволь отдавать по рассмотрѣнію своему ты, а буде возможно, хотя бы и французскому языку училися бы, и какъ отдашь, изволь отписать ко мнѣ». ⁴⁶

Отецъ Яковъ тосковалъ въ разлукѣ съ свѣтъ—надѣжою царевичемъ, и нѣсколько разъ заявлялъ свою грусть въ интимныхъ письмахъ. Отвѣтъ Алексѣя дыпалъ пылкою къ нему любовью и сердечною преданностью. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна грамотка отъ 27 апрѣля 1710 г., изъ Варшавы: «Пишеть ко мнѣ, прелюбезный мнѣ радѣтель, что вамъ не безъ тягости мое отсутствіе отъ васъ; а и мнѣ во истину чаю не легче отстраненіе отъ васъ; самимъ истиннымъ Богомъ засвидѣтельствуюся, не имѣю во всемъ Россійскомъ государствѣ такого друга и скорби о разлученіи, кромѣ васъ, Богъ свидѣтель! Аще и не хотѣлъ бы сего изреци, но случаю зовущу изрекаю, дай Боже вамъ долговременно жити: аще бы вамъ переселеніе отъ здѣшнихъ къ будущему случилось, то уже мнѣ весьма въ Россійское Государство не желательное возвращеніе, паче же мнѣ и оскорбленіе, что васъ не видѣти, гдѣ прежь сего видѣлъ; только всегда прошу Господа Бога и его Богоматерь, дабы я сподобился васъ, прежде моего разлученія души грѣшной отъ тѣла,

вти на немногое время видѣть. И о семъ всемъ въ волю его полагаюсь: можетъ онъ противными намъ полезно устроить».

Вотъ какое сердце иѣжкое, увлекающееся, достойное лучшихъ предметовъ для своей любви, всецѣло поработщено было «прелюбезнымъ ему радѣтелемъ». Изъявленіе любви и уваженія вырывается у царевича невольно: сердце его преполнилось этими чувствами, и онъ, какъ бы боясь, чтобы его словъ не приняли «за кумпльментъ» спѣшить оговориться. «И не хотѣлъ бы сего изречи, во случаю зовущу изрекаю»: разболтавшись разъ, царевичъ проситъ благословить его на дальнѣйшею бесѣду.

Еще же благослови побалагурить. Пишешь ты ко мнѣ, радѣтель, что я ваме раденіе о матере во здраво бытіи уничтожаю, и хочещи, аще Богъ возблагословитъ, мою въ семъ горя честь и почтеніе смотрѣть, и я вамъ о семъ извѣстно чиню: не чиню себя выспе иныхъ людей въ семъ дѣлѣ горячее быти, мню, что все *во мьру будетъ, а паче* предняя намъ не извѣстна, Богъ вѣсть, можетъ и хуже, и лутче людей у меня быти». ⁴⁷

Въ этихъ строкахъ царевичъ, какъ кажется, оправдывается въ той осторожности, съ какою заклиналъ онъ духовника въ прежнихъ письмахъ не ѣхать во Владиміръ, т. е. не навѣщать заточенную парицу; до какой степени онъ оберегалъ въ этомъ случаѣ радѣтеля, видно изъ слѣдующей его грамотки: «Аще случится волю Божіею быть извѣ моровой въ Москвѣ, изволь отъѣзжать въ безопасное мѣсто, *кромя Володиміра*, къ Вологдѣ, или куда пристойнѣе; а мы слышимъ, что моръ приближается къ Москвѣ». ⁴⁸

Переписка шла дѣятельно; Алексѣй въ цидулкахъ своихъ проситъ, чтобы вѣдомости *тайныя* писать чрезъ Поппа (можетъ быть не собственное имя, а прозвище одного изъ компанейщиковъ), либо чрезъ Строганова; пишетъ иногда цифирною азбукою, и въ составленной, и зѣло радуется, что ею можетъ писать духовникъ: «для того, замѣчаетъ царевичъ, когда какая нужда будетъ, и мы можемъ ею писать тайно, что надлежитъ». ⁴⁹

Вѣсти о друзьяхъ, о поставленіи компанейщиковъ изъ душойныхъ на новыя мѣста, объ отъѣздахъ и здоровіи членовъ «собора» — все это писалось болѣе или мѣнѣе откровенно; ⁵⁰ что же, говоря словами Алексѣя: «надлежало писать тайно?» То были вѣсти съ обѣихъ сторонъ о разныхъ событіяхъ, имѣвшихъ для нихъ особое значеніе: такъ Алексѣй сообщилъ въ декабрѣ 1710 г. о бывшихъ въ Дрезденѣ вѣдомостяхъ (не оправдавшихся однако) «что князь Меньщиковъ погиге», ⁵¹ духовникъ въ свою очередь обстоятельно писалъ, о бывшихъ на Москвѣ вещахъ, что весьма интересовало царевича. ⁵² За тѣмъ для Алексѣя въ это время было два дѣла особенно важныхъ; одно касалось религіи, другое состояло въ приготовленіяхъ къ женитьбѣ, на пелюбезной ему иѣжкѣ.

Извѣстно, что царевичъ былъ весьма религіозенъ, онъ строго выполнялъ всѣ внѣшніе обряды вѣры; ⁵³ но къ немалой е печали за границей въ 1710 — 1712 годахъ у него не было никого священника, какого ему желалось. такъ напр., въ 1710 онъ исповѣдывался въ Лейпцигѣ у греческаго попа черезъ переводчика своего Дубровскаго, который говорилъ съ исповѣдникомъ по-латыни. ⁵⁴

«Священника мы при себѣ не имѣемъ, писалъ царевичъ духовнику, и взять негдѣ, а безъ доклада (государю?) яса явно въ Москву *не безъ опасенія*: прошу вашей Святости, прии священника, кому можно тайну сію повѣрить, не стараго, и чѣ бы не знаемый былъ всѣми: и изволь ему сіе объявить, что онъ поѣхалъ ко мнѣ тайно, сложка священническіе признаки, е. обривъ бороду и усы, такожде и гуменцо зарастить, а всю голову обрить, и надѣть волосы накладные. И нѣмецк платье надѣвъ, отправь его ко мнѣ курьеромъ (такого сыщ чтобъ могъ верховую нужду понести и вели ему сказываться м имѣ денщикомъ, а священникомъ бы отнюдь не назывался хороше бѣ безженной, а у меня онъ будетъ за служителя, кромѣ меня и Никифора (Вяземскаго), сея тайны вѣдать ник не будетъ. А на Москвѣ какъ возможно сіе тайно держи, что и дома у васъ не многія, или хотябъ кромѣ Патера (прозван одного изъ членовъ компаніи) никто не вѣдалъ; такождебъ онъ у себя въ домѣ сего отнюдь не объявлять, и не брать б ничего съ собою надлежащаго іерею, ни требника, только (нѣсколько частицъ причастныхъ, а книги я всѣ имѣю; а плат ему нѣмецкое купи изъ моихъ денегъ, и что ему надобно уе рои; а изготова, пошли его на Варшаву, и вели явиться княз Григорію Долгорукову, и чтобъ сказался моимъ слугою, а денщикомъ, и онъ ко мнѣ отправитъ: я ему о семъ прикажъ. Пожалуй, пожалуй, яви милосердіе къ души моей, не даж умрети безъ покаянія: мнѣ онъ (т. е. священникъ) не для че иного, только для смертнаго случая, такожде и здоровому д исповѣди тайной. Я его не буду являть никому, что онъ пот будетъ у меня за служителя, а во время вечерень и утрень, и часовъ, поповскаго дѣлать ему не велю, чтобъ и домашніе вѣдали мои о семъ; прошу сіе *тайно* и неоплошно учинять. хороше бѣ бездомной и безженной былъ человекъ и молодой, и чтобъ онъ подѣ видомъ такимъ съ Москвы отъ знаемыхъ утаился, будто безъ-вѣсти пропалъ, «какъ и многимъ случается ибо нужда, и закону пермишенье бываетъ»; а бритью бороды не сумнѣвался бы онъ: лутче малое преступить, нежели душ наши погубити безъ покаянія. А чтобъ молодой былъ или младобобразный, чтобъ не признали, а мнимъ бы за служителя моего быти; пожалуй хотя не скоровременно, только добре сіе со дини безлѣнностю, и не дожидайся о семъ другаго письма.

дѣть не благоволиши сего сочинити, души наши Богъ зыцетъ на васъ, аще безъ покаянiя отъ житiя сего отлучатся».

Письмо это, какъ отмѣчено въ дѣлѣ, безъ подписи имени, безъ означенiя мѣста и времени, явно только то, что оно писано изъ Ливонiи; для насъ онъ многозначителенъ: у царевича цѣль священника, но онъ вызываетъ его спасается безъ доклада. Почему жь въ такомъ случаѣ не доложить? Либо потому, что нерасположенiе къ рождшему, возрасло въ Алексѣй до того, что онъ всячески избѣгалъ съ нимъ сношенiя, либо потому что Алексѣй не надѣялся, что просьба его будетъ уважена. Государь считалъ сына за ханжу, ханженство ему крѣпко не любилось и въ поспѣхъ могъ отказать. И такъ, чтобы избѣжать и просьбы и отказа, писать обращается къ духовному отцу; онъ заранѣе увѣренъ, что вѣрлбозный радѣтель, пекущiйся о его домовомъ управленiи, и о спасенiи его души, употребитъ всѣ усилiя, чтобы не погубитъ душу своего питомца «безъ покаянiя».

А кому подробную инструкцiю шипеть ему Алексѣй, какъ это напоминаетъ, чтобы дѣло вѣлось сколь возможно секретнѣе; но это показываетъ полнѣйшее недоуѣрiе къ рождшему, страхъ чуждого влстью, а главное увѣренность, что только заботливая рука «радѣтеля» пошлетъ ему спасенье...

Мы не безъ уваженiя приведемъ длинное письмо цѣликомъ: такъ посланiя, которыя бы такъ ярко освѣщали отношенiя Алексѣя къ отцу слишкомъ не много, чтобы не остановиться на немъ съ надлежащимъ вниманiемъ... Забота о духовной пастырѣ, какъ надо думать, особенно занимала царевича въ 1710—1711 годахъ, когда желѣзная воля Петра требовала отъ него брака съ иностранкой, высокой, худой, и изуродованной оспой Шарлотой.

«Соброръ» царевича съ его главой, духовникомъ, сильно были возбуждены противъ этого брака; на дѣйстви этой партiи жаловался дѣдъ невѣсты, герцогъ Антонъ Ульрихъ, въ письмѣ къ Урбиху, въ августѣ 1710 г.: «царевичъ очень встревоженъ, молвою о предстоящемъ бракѣ. Русскiе (т. е. сторонники Алексѣя) не хотятъ его, опасаясь, что много потеряютъ съ утратою кровнаго союза съ своимъ государемъ, и «люди, пользующiеся довѣренностью царевича, стараются религiозными внушенiями отклонить его отъ заключенiя брака, которымъ, по мнѣнiю ихъ, чужеземцы думаютъ господствовать въ Россiи. Царевичъ вѣритъ имъ. Если царь уловитъ время и не повелитъ окружающимъ сына склонить его, то дѣло, конечно, не состоится» и проч. Дѣло было, однакоже, улажено, заключаетъ г. Устряловъ, приведя эту выписку.

Добавить новыя подробности къ исторiи сего улаженiя по вновь найденнымъ письмамъ царевича: «на сихъ дняхъ, извѣщаетъ онъ духовника:—былъ отъ батюшки присланной Антонъ, который привезъ статьи, польмецки проектъ, о бракѣ моемъ, который

уже подписанъ его рукою; и я здѣсь подписалъ же, и сродни невѣсты моей подписали жъ...»

«Извѣстную вашей святѣни, продолжаетъ Алексѣй въ слѣдующей грамотѣ, поминутый курьеръ прїѣзжалъ съ тѣмъ: ес здѣсь князь Вольфенбительской, живеть близъ Саксоніи, и у него есть дочь, дѣвица, а сродникъ онъ польскому королю, который и Саксонію владѣеть, Августъ. И та дѣвица живеть здѣ въ Саксоніи, при королевѣ, аки у сродницы. И на той княжнѣ давно уже меня сватали, однакожь мнѣ отъ батюшки не весма было открыто, и я ес видѣлъ. И сіе батюшкѣ извѣстно стало. И онъ писалъ ко мнѣ нынѣ: какъ она мнѣ показалась, и есть ли моя воля съ нею въ супружество? А я уже извѣстенъ, что он не хочеть меня женить на русской, но на здѣшней, *на какой хочу*; и я писалъ, что когда его воля воля есть, что мнѣ бы на иноземкѣ женатому, и я его воли согласую, чтобъ меня женилъ на вышеписанной княжнѣ, которую я уже видѣлъ и мнѣ показала, что она человекъ добръ и *лучше ея здѣсь мнѣ в сыскать*»...

«Пропну у васъ, трогательно заключаетъ письмо царевичъ, пожалуйста, помолись, буде есть воля Божія, чтобъ сіе совершилъ, а будетъ нѣтъ, чтобъ разрушилъ, понеже мое упованіе въ немъ все какъ онъ хочеть, такъ и творить; и отпиши какъ твоѣ сердце чуетъ о семъ дѣлѣ?»⁵⁵

Такимъ образомъ Петръ смѣло могъ въ послѣдствіи объявити (въ манифестѣ 3 февраля 1718 г.), что онъ «далъ сыну *на волю*, избрать собѣ въ супружество ту изъ свойственниковъ чужестранныхъ государей, какую царевичъ излюбитъ...»

Дѣло было, значитъ, улажено ко взаимному соглашенію; царевичъ не посмѣлъ, да и не возмогъ воспротивиться отцовскому приказанію волею—неволею онъ согласился тогда; прелюбезный радѣтель, увидавъ, что дѣло проиграно, сопротивленіе невозможно, бракъ православнаго царевича съ лютеранкой принцессой состоится, предложилъ ему обратить Шарлоту въ православіе.

«Противъ писанія твоего *о моемъ собственномъ дѣлѣ*, отвѣчалъ на это царевичъ,⁵⁶ *помудить ту особу* къ воспріятію нашему вѣры, весьма невозможно; но развѣ послѣ, когда она въ наши края прїѣдетъ, и сама разсмотритъ; можетъ то и сочинити, а прежь того весьма сему состоятися невозможно. И о семъ всѣмъ больше надлежитъ положится на волю Божию. Онъ многожды и мнящимся противными намъ полезныя устрояетъ, а мы многожды безъ помощи его и мнящимся полезными противная устрояемъ. А ваша святость въ томъ своемъ письмѣ меня ничемъ не оскорбилъ,⁵⁷ но паче увеселилъ, желая мнѣ всякаго благовременнаго и вѣчнаго (блага); но о всемъ буди воля Божія: онъ за молитвами Богоматери и святыхъ; какъ хочеть совершать,

или разрѣшить, по волѣ своей божественной; въ чемъ надежду мою имѣю и имѣть буду».

Ждали только царскаго пріѣзда, чтобы совершить бракосочетаніе: «рождшей мя прибылъ въ Теплицы, писалъ женихъ къ отцу Якову (17 сентября 1711), гдѣ я въ прошломъ годѣ былъ; а бракъ мой когда и гдѣ будетъ, еще неизвѣстны мы; а что будетъ впредь, писать буду о всемъ подлинно». ⁵⁸ Свадьба назначена была 11 октября въ Торгау; не видать однако, чтобъ въ ожиданіи ея царевичъ грустилъ, напротивъ въ праздничекъ, по-прежнему онъ отдавался съ своими спутниками пьянственному веселію, болѣе умѣренному, нежели какому предавался «рождшій» его, тѣмъ не менѣе зѣло изрядному. Объ этомъ онъ самъ свидѣтельствуесть въ шутовомъ, «писаніи, внѣ числа *соборномъ*:»

«Всечестнѣйшій отецъ съ Патеромъ и съ дѣтками здраствуй! писалъ соборъ царевича, какъ видно въ самый разгулъ хмѣльной шурушки: — Возвѣщаемъ вашей Святыни: мы здѣсь въ сей день великомученика Евстафія, по духовномъ празднованіи, сирѣчь вечерни, всенощной, утрени и литургии, и казани (т. е. проповѣди) *веселимся* духовнѣ и тѣлеснѣ, и про ваше здоровье пьемъ; желаю вамъ многолѣтно жити, и въ радости намъ бы васъ скоровременно видѣти. И на сіе писаніе *излитіе вина было*, дабы оное васъ, при пріятіи, сегожъ пріяти принудило, дабы вамъ благополучно жити и *сильно пити*, и насъ бы припоминати. Дай Боже, наше и ваше желаніе въ совершеніе пришло, чтобъ намъ быть вскорѣ...»

«Вси же христіане правыя вѣры, съ нами суціе, приписали ниже сего—Алексѣй Грѣшный (не Алексѣй ли Ивановичъ Нарышкинъ?) іерей Іоаннъ Слонскій, сіе выше писанное укрѣпляемъ, чашами и стаканами подтверждаемъ, себѣ и вамъ обоихъ здравіи желаемъ. Здѣсь праздникомъ симъ про здравіе ваше, *не по Немецки повеселихомся но по русски*, ⁵⁹ и всѣ всегда прошенія вашего къ Богу, еже бы къ вамъ спѣшится, ей о васъ печалеть, а о домашнихъ и нужду пріемлемъ, ей желаемъ вси къ вамъ, а паче Никифоръ Вяземскій. ⁶⁰

«Истинно подпиваемъ и васъ, сердечныхъ нашихъ любителей, наминаемъ, къ будущему сему празднику желаемъ къ вамъ прибыти, и съ вами радостно торжествовати. Ѳеодоръ Еварлаковъ вамъ поздравляю и желательно васъ видѣти желаю.

«При семъ наливалъ, празднику поздравлялъ, а за ваше здравіе все выпивалъ Иванъ Афонасьевъ.

«Сихъ всѣхъ, присущихъ намъ, заключалъ посланіе Алексѣй, собственноручно, представихъ вашей Святыни, *просимъ* прощенья, что описисто писано, истинно въ пьянствѣ сіе случится, а мы *по Московски пьемъ* въ поминанье прежде бывшихъ съ вами благъ; всиже просимъ отцу Іоанну Афонасьевичу (ключарю)

повелѣнъ сочинити, и сіе ему, и *всѣмъ* показати нашей *кн*
якнѣ». ⁶¹

Такимъ образомъ даже въ минуты гульливаго пира царей съ «компанейщиками» вспоминали о своей главѣ, о прелюбезно радѣтеляхъ...

Тотъ однако смотрѣлъ на брачное торжество въ Тогау далеко не такъ легкомысленно, какъ смотрѣлъ самъ Яннхъ. Увидавъ, что фактъ совершился: свадьба отпразднована, духовникъ сталъ соединять съ нею особенныя виды и надежды: онъ нетерпѣливо ждалъ брачнаго плода, такъ какъ нами надежнѣе упрочивалось за Алексѣемъ престолонаслѣдство. Шелъ еще седьмой мѣсяць, а уже отецъ Яковъ, пылливо спрашивалъ царевича, въ какомъ состояніи находится его супруга скоро ли разрѣшиться отъ бремени:

«О зачатіи во чревѣ *сопращенные* ⁶² мнѣ хоцещи вѣдѣти радѣтель, отвѣчалъ Алексѣй, и (азъ) возвѣщаю: что весьма до отѣзду моего подлинно познати было не можно еще ⁶³ а повелѣя женѣ, аще будетъ возможно сіе познати, чтобъ до меня не медленно писала. И какъ о семъ получу извѣстіе, есть ли что или нѣтъ, о томъ, писаніемъ не умедля, вашей Святыни возвѣщу».

Разлученный съ женой въ теченіе почти всего перваго года Алексѣй, уже въ то время велъ себя довольно вѣтрено, такъ по крайней мѣрѣ можно думать изъ слѣдующихъ строкъ его письма къ духовнику:

«А мы именницы *Акулины* здравіе днесъ пили съ присушимъ намъ, а вы, чаю, у ней были?»

Гораздо осмотрительнѣе былъ онъ въ другихъ случаяхъ: такъ напр. онъ запретилъ строить свой дворъ въ Москвѣ, потому что толкъ, что слышалъ, «что рождшему мя неугодно, кто въ Москвѣ дома строитъ, понеже воли его есть жити въ Петербургѣ.»

«Еще прошу для Бога, писалъ осторожный царевичъ, бергися общенія съ Авраамомъ Федоровичемъ (Лопухинымъ), и въ домъ его не ѣзди, и къ себѣ не пускай, понеже самъ ты извѣстенъ о семъ, что сіе намъ и вамъ не польза, а наипаче вредъ, того ради надобно сего хранитися весьма; только о семъ не сумнѣвайся, я такъ для опасенія писалъ, понеже и прежде сего я вамъ о семъ говаривалъ на Москвѣ многожды, чего ради и въ намѣренный путь вамъ (въ Володиміръ) возбранилъ ѣхать, опасаяся впредь какого случая, а нынѣ о семъ благодатію Божіею ничего нѣтъ; только пожалуй хранись, понеже любовь между нами мнози вѣдаютъ, того ради подобаетъ хранитися ⁶⁴.

«Во отечествіе свое (т. е. въ Владиміръ), убѣждаетъ царевичъ въ другомъ письмѣ, благоволи путешествіе удержати, понеже можетъ *намъ* что въ сего не благо быти, Лучше сіе удерживать».

и, *дожде же тамо близоживущи* въ житіи семь будутъ. Иже же отыдутъ отъ сего житія, въ то время можно безъ сущія бхати».. 65.

Эта осторожность и надежды на скорую перемѣну въ его судьбѣ — особенно сильно высказываются въ другой запискѣ 66 къ духовнику: «*батьюшка, изволь сказать вельмъ тѣмъ, къ которымъ мои грамотки есть въ пакетъ на твое имя, Ивану Афонасьевичу, чп.обв ко мнѣ больше не писали, и самъ не изволь являть ко мнѣ, для того, что самъ изволишь выдать, помолись, чтобы скорѣе совершилось, а чаю, что не уедлится. Пожалуй, сіе письмо, кромѣ себя да ключаря, не изволь казать никому. и ему прикажи, чтобъ никому не сказывалъ, а инымъ изволь приказать словомъ въ разговорахъ, а не указомъ, будто отъ себя *изданіемъ, и чтобъ сіе было тайно*» 67.*

Этакіи *изданіями* Алексѣй болѣе и болѣе прикрываетъ настоящій смыслъ своихъ цидулокъ. Въ одной изъ нихъ къ от. Якову (голъ неизвѣстенъ, писано въ Москвѣ) онъ дѣлаетъ такого рода гласившее распоряженіе: «*изволь о вчерашнемъ бракѣ, что у тебя роспись (которую ты самъ написалъ) написать такихъ росписей побольше, и изволишь дать ключарю Ивану Афонасьевичу и Леонтью, священнику Богословскому, и Никольскому, то у Боровицкаго моста, попу Алексѣю, и чтобъ они посмотрили, и самъ изволь потрудиться, что возможно ли сему быть?* и завтра, чтобъ мнѣ отвѣдь дали; а я чаю, съ тобою завтра увижусь, а ко мнѣ тѣхъ отвѣдей въ походъ завтра не присылай, чтобъ всякій у себя держалъ до моей присылки. а завтра бь у всѣхъ отвѣдь была готова... Также буде есть, что о *нашемъ дѣлѣ* извѣстіе отъ посланныхъ тобою, дай мнѣ *любовность*...»

Что это за брачныя росписи, — посланныя царевичемъ на просмотръ друзьямъ попомъ съ запросомъ: *возможноли сему быть?* Не была ли это программа церемоніала смѣхотворной свадьбы престарѣлаго князь-Папы Зотова съ архіерейшею Бутурлиной, — бывшей въ началѣ 1715 года, въ Москвѣ? Извѣстно, что роспись эту подписали между прочими архимандритъ Ал. Нев. Лав. Феодосій; по ней *молодые* вѣнчались въ Архангельскомъ Соборѣ и шутовскою процессіей ходили по улицамъ Москвы, при звонѣ всѣхъ колоколовъ. И такъ не о программѣ ли этого страннаго торжества спрашивалъ Алексѣй своихъ интимныхъ друзей?

Всѣ пресмотрѣнныя нами письма, знакомятъ насъ съ отношеніями царевича къ главѣ его друзей, къ отцу Якову. На основаніи этихъ документовъ, мы уже говорили, что царевичъ былъ исполненъ чувствъ глубокаго уваженія и любви къ своему духовному отцу: такъ продолжалось до 1715 года, или до того именно времени, до котораго доходятъ вновь найденныя грамотки Алексѣя. Въ 1715 — 1716 годахъ дружескія отношенія нару-

шились, и нарушились весьма серьёзно; причина ссоры заключалась въ томъ, что пастырь — врачъ духовный — сталъ ужъ слишкомъ радѣть о земныхъ интересахъ, о собственныхъ благахъ и прибыткахъ, о достаткахъ своихъ свойственниковъ.

Вотъ какъ было дѣло: у отца Якова было три дочери; одна изъ нихъ, Настасья, вышла замужъ за подъячего Петра Анфимова⁶⁸. Духовникъ выхлопоталъ ему мѣсто управляющаго в Алатырской вотчинѣ царевича, въ селѣ Порѣйкомъ: Анфимовъ распорядился въ ней самовольно, притѣснять мужиковъ, бралъ лишніе поборы съ винокуренныхъ заводчиковъ, наконецъ, безъ позволенія царевича уѣзжалъ въ Москву, по собственнымъ дѣламъ, въ надеждѣ, что все и вся покроетъ мощная рука достопочтеннаго тестя. Такое поведеніе и безирестаннѣя жалобъ крестьянъ скоро навлекли на Анфимова гнѣвъ царевича. Въ 1715 году управляющій нашелся уже вынужденнымъ просить у тестя «охраненія отъ гнѣва царевича,» оправдывался въ самовольнымъ отлучкахъ, выставлялъ на видъ аккуратность свою въ сборъ приходныхъ денегъ, увѣрялъ, что никакихъ несправленій съ собой въ дѣлахъ не знаетъ; но крѣпко опасается «видимыхъ невидимыхъ враговъ своего житія.»

Опасенія сбылись; царевичъ вытребовалъ Анфимова въ Петербургъ и велѣлъ навести слѣдствіе о его управленіи. По свидѣтельству подъячего никогда ни на кого еще царевичъ такъ не гнѣвался, какъ на него; но слѣдователи, царевичъ Сибирскій да Михайло Волковъ, если вѣрять Анфимову, большаго въ видѣ его ничего не сыскали, а явилась во многомъ ложь и затѣи мужичья... Тѣмъ не менѣе царевичъ лишилъ его содержанія не отпуская домой, и держалъ его въ печалѣхъ и въ влѣкомъ сокрушеніи. Царевичъ самъ его допрашивалъ по дѣлу управленія и лично объявлялъ пріѣхавшимъ порѣйскимъ крестьянамъ, что въ пошлеть къ нимъ Анфимова управляющимъ.

— «Живу здѣсь въ Слб., писалъ тотъ къ тестю въ октябрѣ 1715 г., въ великихъ печалѣхъ и сокрушеніи; и на всякъ день ожидаю бѣды, понеже подѣ такимъ великимъ гнѣвомъ, что ужъ сказано мнѣ: отпуски отсюда не будетъ... Прихожу я въ печалѣхъ моихъ въ безпамятство и боюсь, чтобъ утраты въ здоровьѣ моему не учинилось.... не знаю, что дѣлать: такъ я грѣшныи прогнѣвилъ Бога моего.» Затѣмъ новыя просьбы у тестя об охраненіи и защитѣ его предъ царевичемъ⁶⁹. Яковъ Игнатьевъ внялъ мольбамъ зятя—и принялся охранять; но принялся крайнѣе неловко: первая ошибка его состояла въ томъ, что онъ писалъ не столько въ тонѣ просительномъ, сколько въ тонѣ требованія даже угрозы. Воспользовавшись смертью одного изъ общихъ ихъ друзей, Андрея Федоровича Нарышкина, скончавшагося въ это время отъ мучительной болѣзни, отецъ Яковъ угрожалъ на

ещу такоюже смертью, буде тотъ не поступить по правдѣ, то стъ не оправдасть Анфимова

Царевичъ разгнѣвался и излилъ свой гнѣвъ на отца духовнаго въ самой рѣзкой грамоткѣ; она не уцѣлѣла, но съ сохрѣнаньемъ ся знакомить самъ Игнатъевъ: по его словамъ, царевичъ не затруднялся въ подборѣ самыхъ рѣзкихъ выражений, заявлялъ желанье—чтобъ его святыню радѣтеля посѣтила тюкратно лютейшая и мучительнѣйшая смерть—нежели Нарышкина, чтобъ Господь Богъ низвергнулъ его отъ Золотой рѣшетки Спаса на Верху (Кремлевская, лворцовая церковь, мѣсто служенья Игнатъева) и проч.

Игнатъевъ отвѣчалъ посланьемъ на трехъ большихъ листахъ. Этотъ документъ важенъ для насъ: во первыхъ потому, что онъ принадлежитъ непосредственно отцу Якову, а изъ его писемъ дошло до насъ всего только три грамотки; во вторыхъ, посланье это разсѣваетъ слишкомъ идиллическій взглядъ на нѣжныхъ чувства, будтобы *всегда* связывавшія царевича съ духовникомъ.

«... Возблаговолилъ превысочество твое, пишеть скорбный и оскорбленный святыня-радѣтель ^{то} къ ничтожности моеи писати, то я въ моемъ къ тебѣ писаніи, по случаю упомянулъ отъ простоты моея и неосторожности о смерти господина Андрея Белоровича Нарышкина: будто я милости вашей такую же злою смертию дерзнулъ претить. О чемъ Богъ свидѣтель и зреть свыше въ сердца наша, и видить въ нихъ ложь и правду, и не утаитъ (отъ) Его ни мысль, ни помышленіе челоуѣческое! Чтобъ мнѣ къ вашему лицу сіе принести — на умъ мой сего ненашиаюся. Аще-ли съ такимъ намѣреніемъ я погрѣшилъ предъ тобою, какъ ты о мнѣ разумѣешь и въ своемъ писаніи ко мнѣ объявляешь: «чтобъ мнѣ, не токмо стюкратно лютейшая смерть Андрѣевой, но тюкратно лютейшая, и мучительнѣйшая самому получить.» И какой я себѣ врагъ, что мнѣ милость твою, лежащую на мнѣ, теряти; а гнѣвъ твой на себя привлекати?

«Но благородіе твое, рѣченное мною не о тебѣ—изволишь причитати напрасно къ себѣ, и отъ великаго гнѣва твоего изволишь ты великими ругательствы облагати мя, и кименю метати, и увязяти мя словесы каменно-метными, забывъ страхъ Божій и обещаніе свое (данное) предъ Богомъ и предъ святыми его ангелы и архангелы»... Тутъ отецъ Яковъ напоминаетъ извѣстную уже намъ сцену первой исповѣди, первопріишествіе царевича къ нему въ духовность.

«И нынѣ же, господинъ мой, продолжаетъ святыня-радѣтель, все то обещаніе свое уничтоживъ (въ) игру или глумленіе вмѣнивъ быти, ииѣши мя не за Ангела Божія и не за Апостола Христова, и не за судію дѣлъ своихъ; но, забывъ свое обещаніе, самъ мене судиши; называеши мя во твоемъ нынѣ ко мнѣ писаніи: «любостра-

отна живца неправедна, чужимъ грѣхамъ потакателя;» и прощаеши мнѣ: «отъ золотыя рѣшетки, что вверху у Спаса—на низъ падеіе;» и яко Или жерца (жреца?) «хрепта сокрушеніе;» за бывъ писанное Апостоломъ Святымъ»... Яковъ наминаетъ за бытое царевичемъ, что де, по словамъ писанія, — даже Михаилъ Архангелъ не дерзнулъ судить дьявола, «а онъ царевичъ суд навелъ хульный на своего отца духовнаго:» и аще бы азъ, и суще таковъ грѣшникъ, якого мя ты описалъ еси, но благородію твоему не довлѣетъ тако укоряти мя и озлобляти; гадати (?), и поношати, и судити, писаніемъ своимъ душевную мою нечѣпоту обнажати! Но недоумѣніемъ и простотою содѣянк мною понести бы легко и долготерпѣливо. Мы ваши душевны и будущаго вѣка тяготы, снисходя вамъ, на своя души взимаемъ и погрѣшенія ваша предъ Богомъ на себѣ полагаемъ.... ¹¹ а милость ваша и временной сей, малой погрѣшительной предъ вами тягости нашей не хотите понести! И каменно мечете на мя уязвляете словесы ругательными. А и во прежде бывшія, прешедшія времена и годы, егда присутствующу благородію твоему въ Москвѣ: *многукратно ты мене кушалъ и вслѣчески озлоблялъ а въ нѣкоемъ домъ (?) и за бороду моя дралъ.* Чесого былъ за страхъ живаго Бога и за воплощеніе сына Божія, излившаго за насъ кровь свою святую и за честь Св. Духа, чрезъ него явилъ дадеся и чинъ священства и власть вязати и рѣшити: милости твоей не довлѣло тако чинити, укоряти мя и судити... ¹² А твоя благодать за мною смотришь и укоряешь мене и судиши Благоволи премилостивый осмотрилися: нѣсть-ли нынѣ во твоёмъ писанномъ ко мнѣ писаніи и къ Богу Іаковлю досадительства? Иногда, видя мои слезы не вступится ли за мене заступникъ нашъ Богъ Іаковлевъ? Аще азъ и грѣшнъ, и скверненъ обаче служитель пречистому тѣлу его и крови ¹³.

.... А превысочество твое не точію тяжко въздыхати намъ учинилъ, но и плачь многъ въ домишко нашъ водворилъ. И не токмо отъ благородія твоего къ намъ повинновенія и молитвенныя писанія мои не внемлешь и въ ничто ихъ повергаешъ о чемъ инамы судитися предъ царемъ царствующимъ въ денъ втораго его пришествія, идеже нѣсть лице-пріятія, егда земна власть изнеможетъ; тамо и царь, яко единъ отъ убогихъ, предстанеть, но кійждо отъ своихъ дѣлъ или прославится или постыдится.

«Еще же превысочество твое благоволилъ укорительно ко мнѣ писати, что я болѣе пристрастіемъ, нежели правдою, ео держимъ. стою за виноватаго зятя, и протчая о жалобѣ и него Порѣческихъ мужиковъ ¹⁴. И сіе, я мню, что на насъ болѣе гнѣваяся будещи ранити и много печаліемъ уязвляти *Есть и другіе отъ милостиваго твоего наказанія и побоизуачены, и зрачють кровью.* Ихъ же кровь отъ земли, яко

идеи вопіеть къ Богу! Какое ты къ подручнымъ своимъ, и къ себѣ Господа своего обрящешь. Не надлежитъ поху превысочеству озлобленіемъ хвалиться, но достоѣнно ризнати и подражать во благочестіи сопісесіящаго, и яко славъ благочестія, достоблаженныя памяти дѣда твоего, блаженнаго царя и великаго князя Алексѣя Михайловича. Его же въ всенародныхъ попеченіяхъ, наподручныя, яко море многоликое, разливашеся милость. И какое, къ освященному чину отдаше онъ почитаніе! и являлъ на нихъ благоутробіе и въ святой милости душевѣдцевъ своихъ содержать—словомъ представляти не можно! Еже и донынѣ всенародная уста человѣческая, не умолкая поминають и похвалами вѣнчаютъ; и яко велія громогласная труба прославляючи память его, вопіеть на воздухъ, чюдное воздуха гласомъ своимъ объемлющи. И за сіе онъ мною, пренное къ подручнымъ милосердіе, пренную получилъ отъ царя царствующихъ къ себѣ милость и погрѣшеніямъ предъ Богомъ пренное поглаженіе, понеже не освященный чинъ только почиташе, но самага бояшся Бога, и во страхъ, и въ заповѣдехъ его пребываше.» 15

Этотъ торжественнымъ обращеніемъ къ царю Алексѣю Михайловичу поимено Петра ловко завершается посланіе святыни-радѣтеля. Нельзя не согласиться, что оно написано съ большимъ искусствомъ и обличаетъ въ писавшемъ и умъ, и силу убѣдительнаго краснорѣчія, и прекрасное знаніе характера и ума того, къ кому обращалось слово. Упреки отца Якова въ самоуправныхъ расправахъ царевича—по нашему мнѣнію, нисколько не противорѣчатъ высказанному нами взгляду на нравственную личность Алексѣя: это былъ добрый, впечатлительный, чуждый воли и жергін, но надѣленный иѣжными чувствами молодой человѣкъ. Любовь, расточаемая имъ иногда подручникамъ, доказываютъ только то, что онъ платилъ дань своему вѣку, и не могъ устоять отъ подражанья (весьма впрочемъ слабого) своему великому родителю. Упреки святыни-радѣтеля, — быть можетъ немножко преувеличенныя въ пылу ссоры, — доказываютъ только одно: что Алексѣя не надо идеализировать, что даже въ отношеніяхъ своихъ къ сторонникамъ, къ членамъ собственнаго «собора»—въ отношеніяхъ зачастую полныхъ самой иѣжной къ нимъ любви—онъ являетъ въ тоже время черты далеко не похвальные. Не винить его надо за это, вѣстѣ съ отцомъ Яковымъ, а спросить у тѣхъ казеннаго духовника, по чему же онъ не достаточно заботился о развитіи тѣхъ добрыхъ качествъ, какія являть въ себѣ его царственный питомецъ?

Какое впечатлѣніе произвело на царевича грозное «обличеніе»—неизвѣстно; но, судя по двумъ другимъ грамоткамъ отца Якова, видно, что его прежнія отношенія къ Алексѣю не возстановились вполне. Оба письма относятся къ концу 1715 и началу

1716 годовъ. Въ одномъ изъ нихъ духовникъ униженно просить царевича не посылать изъ Москвы въ Петербургъ, какого то «убогаго купчину Козьму Сергѣева», — а поручить ему, под руководствомъ Кожина, провѣрку дѣлъ по управленію Анфимовъ въ Порѣчѣ, «точію, пожалуй, пишетъ между прочимъ духовникъ, мой премилостивый, *аще имѣю азъ благодать предъ тобою прежде бывшую*, прикажи Кожину, чтобъ онъ былъ къ Козьмѣ милостивъ и напаятуя душу свою и смертный часъ какъ на второмъ пришествіи стати предъ Богомъ, тако счет имѣлъ во всякой правости» и проч.

Переписка однако, хотя и рѣже, продолжалась въ 1715—1716 годахъ, что видно изъ тѣхъ благодарностей, которыя расточаетъ Яковъ «за многую утѣху,» какую онъ получаетъ отъ царевичевыхъ грамотокъ.

«*По дому же* моему, наставляетъ между прочимъ радѣтель въ новомъ письмѣ, величество твое прошу—*имъводержанія* весьма удаляйся, зане гнѣвъ мужа правды Божія не содѣлываетъ мужъ гнѣвливъ благодати Божей не приемлетъ», радѣтель наставляетъ о «милости къ подручникамъ», о забвеніи ихъ прежнихъ согрѣшеній, о смиреніи; просить охраниться отъ высокоумія а главное—убѣждаетъ отчуждаться памятозлобія. Противъ него (и понятно почему) святыня-радѣтель гремитъ со всемъ пыломъ своего краснорѣчія; «памятозлобіе, по его увѣренію; есть яростное исполненіе, согрѣшеніямъ хранило, правдѣ—ненависть, добродѣтелямъ—погубленіе, ржа—душѣ, червь—уму, молитвѣ—посрамленіе, мольбѣ—отсѣченіе, любви—отчужденіе, душѣ—гвоздь углѣбшій, несладостно чувство, въ сладости горестнѣй—любимое всегдашній грѣхъ, бессонное беззаконіе, повсечасная злоба проч.»

Впрочемъ положительно можно сказать, что недостатки царевича ни мало не ослабляли къ нему любви его сторонниковъ близкихъ къ нему подручниковъ, и народа; это доказываетъ между прочимъ молитвы, которыя слагались приверженцамъ и находили сочувствіе въ народѣ. И немудрено: народъ смотрѣлъ на Алексѣя какъ на свою надежду, на своего избавителя «отъ навожденія антихристового»; онъ молился за царевича съ чувствомъ глубокой къ нему привязанности. Предъ нами — двѣ такія молитвы; онѣ сохранились на перетлѣвшей бумагѣ; углы листовъ осыпались, многихъ строкъ разобрать нельзя, но для насъ не столько важны слова, сколько общій тонъ этихъ молитвъ, а онъ достаточно выявляется въ слѣдующихъ отрывкахъ:

«...Недостойные наши (уста) дерзнухомъ принести къ Богу молитвы: дабы преподобный Алексѣй челоуѣкъ Божій въ явнѣ своемъ пособителенъ, сущ... нарицающіся: благороднѣйшесю государю нашему царевичу и великому князю Алексѣю Петро

ну молитвами своими подавалъ пособіе въ непремѣнномъ, благодучномъ и душеспасительномъ здравіи; дабы его царское каторгіе укрѣплялъ во всѣхъ Богу и отечеству православному грѣшнѣхъ намѣреніяхъ: дабы преподобный Алексѣй человѣкъ Божій благороднѣйшему государю нашему царевичу и вел. кн. Алексѣю Петровичу, яко своему тезоименнику.... да будетъ съ нимъ. Аможе пойдетъ, да будетъ съ нимъ помощь Божья, еще же да съ нимъ благополучно возвратишия въ отраду всѣхъ, кѣхъ церкви святей восточной въ отечествіи православнаго его царствованія самъ Богъ прославить!....

«Преподобнаго Алексѣя человѣка Божія, вошіяли православныя въ другой молитвѣ за свою надѣжу, милостію и промысломъ на соблюденіе благороднаго житія благочестивому государю нашему царевичу и великому князю Алексѣю Петровичу врученнаго. почитающе Ангела, о чемъ наши недостойныя (уста) дерзнули при нынѣшнемъ молебномъ вѣннѣ принести молитвы: дабы преподобный отецъ нашъ Алексѣй человѣкъ Божій, благочестивому государю нашему царевичу и великому князю Алексѣю Петровичу, яко своему тезоименитому, у Христа Господа и у Пресвятой Дѣвы Богородицы Божьей Матери сія двое дабы испросилъ дары: *благочестіе и мужество*. На нихъ-же, аки на докъ основаніяхъ, недвижимо православныхъ царей утверждаются державы. Первымъ даромъ *благочестія*—благочестивый государь нашъ царевичъ и великій князь Алексѣй Петровичъ, Богу угождающій, да удостоится себѣ *своего времени данное богомъ царствованіе*. Вторымъ даромъ *мужества* съ ополченіемъ Ангельскимъ, помоществующимъ власть себѣ отъ царя небснаго, своего времени данную всякимъ вражнымъ устремленіемъ да сотворитъ непреодолимую. И паки тѣмъ же де даромъ *мужества* произрастетъ отъ силы въ силу, аки луна.... Благочестивый государь нашъ, царевичъ Алексѣй Петровичъ аки солнце.... не токмо да просвѣщаетъ, но и милосердіемъ своимъ да согрѣваетъ всѣхъ, державѣ своей подсутствующихъ... А о соблюденіи православно російскаго царствованія многими трудами въ окрестныхъ далечайшихъ странахъ снабдевающи богоугодныя промыслъ десницею вышняго, да будетъ укрѣпляемый, дондеже удостоится его царскому благородію до отечествія своего здраво и благополучно возвращаемуся», сіе отъ богомольническихъ и всенародныхъ устенъ провѣщати словеса: благословенъ буди Богъ, укрѣпляяй благочестиваго государя нашего царевича и великаго князя Алексѣя Петровича и помощію своею соблюдаяй на многія лѣта» и т. д.

26 сентября 1716 года царевичъ рѣшился наконецъ на дѣло,— какъ мы уже видѣли — замышленно имъ еще въ 1709 году: онъ оставилъ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы не возвращаться въ него до *благоприятныхъ обстоятельствъ*. Какъ ни слабъ былъ царь-

вичъ по своему характеру, но ужь онъ слишкомъ хороше зна «рождашаго» его, чтобы поддаться его сыщикамъ: нѣтъ сомнѣнія, не удалось бы «наловить», если бы только на помощь Цесарю, не явилась Ефросинья. Любовница поколебала рѣшимо Алексѣя....

Во время заграничной охоты Толстаго съ Румянцовымъ послѣднимъ престоломъ «соборъ» послѣдняго былъ въ болыи тревогѣ. «Неполучая никакихъ вѣдомостей о государѣ царевичѣ всѣ, по словамъ ключаря, стали печальны.»

Сторонники сходились по часту, съ грустью толковали о бѣдѣ царевичѣ, передавали неутѣшительныя вѣсти о поискахъ его царскими сыщиками, вспоминали послѣднія минуты, съ нимъ проведенныя, трепетали и надѣялись...

— «Царевичъ государь, — сообщилъ отецъ Яковъ ключарю Аннасьеву, — царевичъ государь говаривалъ со мною: батюшко-государь велѣлъ мнѣ либо жениться, либо постричься, а мнѣ постричься не хочется, также и жениться не хочется. Батюшко-государь изволить меня женить паки на иноземкѣ; и я не знаю что дѣлать? не знаю — ницету воспріяти, да съ нищими скрытися до времени; не знаю — отъѣзди куда въ монастырь и бы со дьячками; или отъѣзди въ такое мѣсто, гдѣ приходщихъ пріемлютъ и никому не выдають... И я же теперю вѣдаю, заключилъ скорбный духовникъ, гдѣ государь царевичъ обрѣтается.» "

Но сердце его уже чуюло, что быть грозѣ женинучей, и что его не обойдетъ царская гроза. Духовникъ не льстилъ се надеждами на благополучный исходъ дѣла и началъ приготавляться къ розыску. "

Такимъ образомъ, еще за годъ до ареста — въ 1717-мъ году, въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ великаго поста — духовникъ призвалъ въ палату, въ собственномъ домѣ въ Бѣломъ городѣ, на Никитской улицѣ, племянника своего Семена Игнатъевича Семенъ, смѣтливый 14-ти лѣтній мальчикъ, былъ сынъ младшаго брата духовника, Ивана Игнатъевича, священника изъ Спаснаго кремлевскаго собора. Иванъ Игнатъевичъ скончался въ 1715 году успѣвши пристроить сына, по ходатайству царевенъ Маріи Алексѣевны и Катерины Алексѣевны, всаломщикомъ въ томъ же соборѣ, подъ покровительство отца Якова.

— Вотъ тебѣ мѣшокъ съ писмами, сказала духовникъ, отдавая Семену большой холщевой мѣшокъ, вложенный въ кулекъ: мѣшокъ тотъ запечатать носю печатью, а кулекъ не запечатанъ, — возьми его и спрячь потайнѣ.

— Какія тѣ письма? — спросилъ мальчикъ.

— Какое тебѣ дѣло? отвѣчалъ Яковъ; эти письма царевича Алексѣя Петровича; возьми ты ихъ къ себѣ и сохрани, и никому объ нихъ не сказывай.»

Семень такъ и сдѣлалъ. Жилъ онъ въ то время вѣстѣ съ дядей; но у него былъ свой домъ на Лубянкѣ, въ приходѣ Григорія Страстотерпца, гдѣ жила его мать и куда поспѣшилъ онъ отвѣсть письма: точно выполняя наказъ дялюшки, Семень посылалъ ихъ въ палатѣ въ углу и закладъ кирпичемъ.

Мальчикъ, разумѣется, и не предчувствовалъ, что этимъ укрытельствомъ онъ многихъ спасаетъ отъ лютыхъ истязаній, судей отъ новыхъ допросовъ, заплечныхъ мастеровъ отъ добавочной работы.

А работа закипѣла. 11-го февраля 1718 г. заграничная поѣздка Толстова съ Румянцовымъ увѣнчалась успѣхомъ: царевичъ сидѣлъ уже на «генеральномъ дворѣ» въ Преображенскомъ; плли допросы, производились пытки...

Но прежде нежели въ бѣглою очеркъ просмотришь слѣдственное дѣло и станемъ въ немъ отыскивать показаній царевича, относившихся до ближайшихъ его сторонниковъ, взглянемъ на разобранныя нами письма. ”

Въ какомъ отношеніи заслуживали они нашего вниманія, что новаго внесли въ исторію царевича?

Эти новые матеріалы потому уже интересны, что они относятся къ мало извѣстному періоду въ жизни Алексѣя: изъ нихъ мы узнаемъ точно и опредѣлительно, что за люди были его ближайшими совѣтниками и друзьями; для близкаго знакомства въ нихъ многого еще недостаетъ, но уже важно и то, что мы во первыхъ знаемъ ихъ поименно, а во вторыхъ — видимъ что этотъ кружокъ былъ несравненно ближе къ Алексѣю, нежели Кикяны, Лопухины, Досифей Щербатовъ, Сибирскій царевичъ и друг. главныя дѣйствующія лица въ розыскомъ дѣлѣ. По характеру главы «собора» можно судить, какимъ путемъ овладѣлъ этотъ кружокъ сердцемъ и душой царевича: отецъ Яковъ дѣйствовалъ на религіозность царевича, и во имя священнаго писанія, произвольно толкуемаго, управлялъ всѣми помыслами и дѣйствіями его.

Насъ поразили клички, которыми отмѣчалъ Алексѣй любимыхъ изъ своихъ сторонниковъ; кромѣ духовника, обыкновенно называемаго самыми ласкательными именами: «пре-любезный радѣтель,» «батюшко», и проч. Алексѣй роздалъ клички всѣмъ членамъ собора; тутъ были: отецъ Сатана, братъ Адъ, Жибанда, Голубчикъ, Хитрая, Леонидъ, отецъ Корова, Молохъ, Благодѣтель, отецъ духовный Чижъ, Пузовъ, Грачь, отецъ Іуда, Засыпка, Патерь, Пузось, Петръ-Ивля, Поппъ, отецъ Слонскій, Бритый, Грѣшный, Захлюстка и другіе.

Эти прозвища, безъ всякаго сомнѣнія, давались изъ подражанія Петру: извѣстно, что при дворѣ, въ теченіе всего царствованія Петра существовали князь Кесарь, архи-князь-Пайя,

архи-игуменя; существовали «духовные владыки» разныхъ горьдовъ, которые были неболѣе, какъ членами «всепьяннѣйшаго, сумазброднѣйшаго собора всешутѣйшаго князь Папы»: такъ называлось сонмище пьяницъ и обжоръ, соборъ, устроенный съ конца XVII вѣка; самъ Петръ довольствовался титуломъ «протодякона» всепьяннѣйшаго собора; за тѣмъ остальные члены конклавіи, кромѣ сана, возложеннаго на нихъ протодякономъ Петромъ въ порядкѣ іерархіи пьянаго собора, носили особыя ключки. Онѣ писались вмѣстѣ съ ихъ настоящими фамиліями; такимъ образомъ въ Петровскомъ соборѣ всешутѣйшаго были:

Протокопай - Мухановъ, архидяконъ иди - Строевъ, дяконъ Іоаннъ попирай-Бутурлинь; ключари: почини-Апраксинъ, Ризничійи изымай-Мусинъ-Пушкинъ, дунь-Шемакинъ, размахни-Васильевъ, возми-Тпмашевъ и проч. Большая часть ключекъ были крайне прянаго содержанія и весьма курьезны; что же до дѣятельности собора всешутѣйшаго архи-князь-Папы и вельми шумнаго протодякона Пахома пихай-Михайлова⁸⁰, то предъ нею пирушки царевича въ честь именинъ Акульки, были дѣтскими забавами. Подражательность царевича не доросла до того, чтобы перенять отцовскія пированія во всемъ ихъ безобразномъ разгулѣ; этому мѣшали: во первыхъ собственная натура царевича, во вторыхъ вліяніе духовника. Отецъ Яковъ снисходилъ къ пирушкамъ царевича, безъ сомнѣнія, принималъ въ нихъ участіе, но едвали допускалъ въ нихъ большое безобразіе; иначе царевичъ не сталъ бы разсыпаться предъ нимъ въ извмненіяхъ, какъ то мы видѣли при чтеніи его свѣтѣ числа соборнаго посланія отъ 20-го сентября 1711-го года». Кстати о немъ: тогъ посланія также усвоить изъ шуточныхъ соборныхъ посланій «протодякона Пахома попирай—Михайлова. Къ сожалѣнію, изъ боязни растянуть статью, мы не можемъ привести въ подтвержденіе нашихъ словъ множество намъ извѣстныхъ юмористическихъ посланій и рѣчей Петра, писанныхъ имъ для собора и для «чина избранія и постановленія» князь-Папы⁸¹.

Вообще, благодаря вновь открытымъ матеріаламъ, мы яснѣе и яснѣе представляемъ себѣ нравственную личность Алексея: онъ былъ, какъ мы уже сказали, добръ, мягкосердеченъ, постояненъ въ дружбѣ и любви, щедръ, впечатлительнъ. въ высшей степени религіозенъ (до суевѣрія), любилъ ученіе хотя далеко не былъ образованъ надлежащимъ образомъ, и наконецъ до такой степени имѣлъ слабую волю, что легко подчинялся каждому болѣе или менѣе сильному, энергическому характеру; обстоятельства и прежде всего деспотизмъ отца развили въ немъ скрытность, осторожность до трусости и нерѣшительность: все это какъ нельзя лучше видно изъ его поступковъ: онъ издавна, какъ теперь оказывается, задумалъ укрыться отъ

известнаго ему отца за границу, и между тѣмъ рѣшается на это только послѣ девятилѣтняго раздумья, да и какъ рѣшается! — Не хотѣть жениться на Шарлоттѣ — и при первомъ словѣ грознаго отца заявляетъ согласіе: нѣсколько разъ повторяетъ въ замкѣ Свѣтъ-Эльмо, что готовъ лучше умереть, но только не бѣжать отцу — и между тѣмъ дозволяетъ себя склонить къ возвращенію своей любовницѣ.

Но обратимся къ нему, прослѣдимъ его поведеніе относительно своихъ компанейщиковъ во время московскихъ и петербургскихъ розысковъ 1718-го года.

Въ вервѣхъ, весьма длинныхъ, показанійхъ 4 февраля царевичъ, выдавъ Кикина, *Семена Нарышкина*, (некомпанейца) Дубровского, Василья Долгорукова, Ивана Афанасьева камердинера, царевича Сибирскаго и друг., изъ своей *компаніи* указалъ только на Пшифора Вяземскаго, какъ на одного изъ главныхъ его совѣтниковъ къ побѣгу; царевичъ даже преувеличилъ его вину (какъ оказалось послѣдствію) и, какъ кажется, потому, что чувствовалъ къ нему менѣе всего привязанности, нежели къ остальнымъ членамъ «собора».

Отецъ Якова царевичъ скрыть совершенно побоялся, такъ какъ ему свѣдомо было, что государь и его приближенные знали дружбу его съ духовникомъ⁸², но упомянулъ о немъ вскользь, въ добавочномъ показаніи:

— «Написалъ я (въ 1716 г. предъ побѣгомъ), показывалъ царевичу, къ отцу духовному Якову, да къ Кикину Ивану⁸³ письма, где по принужденію иду въ монастырь, чтобъ дали они вручить письма нѣсколько денегъ, понеже въ то время у нихъ денегъ были, и я отдалъ той дѣвкѣ, которая у меня жила (т. е. Евросинѣ), не сказавъ, что въ нихъ писано, запечатавъ, и молвилъ ей: Когда я умру (понеже я былъ боленъ), отдай тѣ письма: они тебѣ денегъ дадутъ. И она оныя письма спрятала въ лапоть, и нынѣ оныя въ Питербургѣ»...

— «Еще-жь когда былъ отецъ духовный бывшій Яковъ, Лавасскій протопопъ, въ Питербургѣ, и говорилъ мнѣ: «Авраамъ (Лозухинъ) гораздо печалится, что ты къ нему неласковъ; наниши писмено, не именуя себя, ни его, такъ, что ты его въ сродственной любви держишь и всегда ему доброжелательный, чтобъ онъ не сумнѣвался.» — И оное письмо взялъ онъ къ себѣ; а отдалъ ли, или нѣтъ, не знаю.

— «Лѣтъ тому одинадцать, или двѣнадцать, или больше, продолжалъ царевичъ, сказывалъ мнѣ онъ же Яковъ: «есть у меня письмо отъ матери къ тебѣ» и показывалъ ихъ. Я не взялъ, а въ нихъ, кажется мнѣ, что писано о здоровьѣ, да милостыни просила. И я отцу духовному сказалъ: Не вози ко мнѣ такихъ писемъ предъ. И онъ не возилъ.»⁸⁴

Такимъ образомъ, царевичъ только упомянулъ о духовникѣ,

и тутъ же какъ-бы спѣшилъ его оправдать: послѣдному показанью особенно какъ-то трудно вѣрится особенно теперь, когда известно, что духовникъ нѣсколько разъ пытался лично посѣтить заточенную царицу и былъ съ ней въ пересылкахъ.

Показаніе царевича на его «единственнаго друга» такъ было осторожно, что во все время допросовъ и истязаній московскихъ отца Якова оставили въ покоѣ; неизвѣстно даже, былъ ли онъ арестованъ. *Жибанда* (Федоръ Еварлаковъ) и *Молохъ* (Иванъ Нарышкинъ) единственный изъ любимыхъ членовъ «собора», замѣшанные въ дѣло не столько царевичемъ, сколько показаніемъ Кейкина, камердинера Афанасьева⁸⁵ и друг., также ничего не показали о интимныхъ сношеніяхъ царевича съ отцомъ Яковомъ ничего не упомянули о ихъ перепискѣ. Домъ духовника былъ описанъ на государя, но полиція не догадалась обыскать жилищъ его племянника Семена. Послѣдній какъ не былъ юнъ, но у него хватило на столько смѣлки, чтобъ не доводить завѣтнаго кулъка до свѣдѣнія *высшихъ*; мало того, онъ переложилъ его въ другое мѣсто, потайнѣе, въ подполье своего жилища. Никтъ въ домѣ не зналъ о вѣренномъ ему кулъкѣ, такъ что его дядя до времени оставленъ былъ въ покоѣ.

6-го апрѣля 1718 г. духовникъ еще неразстриженный вѣтъ стѣ съ прочимъ лицами, уцѣлѣвшими отъ мартовскихъ казней привезенъ былъ въ Петропавловскую крѣпость. Отецъ Яковъ стоялъ въ *сильномъ подозрѣніи*, но никакихъ еще *обвиненій* и немъ не было.

Царевичъ не выдавалъ его до послѣднихъ минутъ: въ него потребовали отъ него обстоятельный списокъ всѣхъ лицъ, на кого онъ *надѣялся*. Алексѣй представилъ длинный реестръ именъ между которыми были и такія сторонницы какъ напр. царица Прасковья Федоровна,⁸⁶ и между всѣми именами не было имени духовника.

Наконецъ 17 іюня, стоя предъ собраніемъ высшаго судилища которому поручено было изречь смертный приговоръ, Алексѣй показалъ на Сибирскаго царевича, Дубровскаго, Вяземскаго и отца своего духовнаго, протопопа Якова, что слышалъ отъ нихъ такія слова: «тебя въ народѣ любятъ и пьютъ про твоё здоровыя говоря и называя тебя надеждою россійской;»⁸⁷ съ тѣхъ словъ я и надѣялся, говорилъ Алексѣй, на народъ на всякое время всегда.

Это было первое *важное* обвиненіе, сорвавшееся съ устъ царевича противъ его духовнаго отца.

19 іюня 1718 года они встрѣтились въ одномъ застѣнкѣ:

Перваго вздернули на виску царевича.

Можно представить себѣ, что чувствовалъ несчастный, въ нуждаемый къ обвиненію своего друга; что чувствовалъ и тотъ въ ожиданіи собственной пытки, предъ истязаніями злополучнаго Алексѣя, *частію* имъ же доведеннаго до настоящаго бѣдствія

— Какъ быть у меня, говоритъ царевичъ, въ Митербурхъ духовникъ, Яковъ Игнатьевъ, и я въ то время у него исповѣдывался и на исповѣди сказалъ ему Якову «я желаю отцу своему смерти»; и онъ сказалъ:» Богъ тебя проститъ; мы всё желаемъ ему смерти.

Дано царевичу 25 ударовъ.

— Такія слова, что сказывалъ царевичъ по моему спросу, — казался отецъ Яковъ, вздернутый въ свой чередъ на дыбу я его спрашивалъ: «не желаешь ли отцу своему смерти?» онъ сказалъ: «желаю». Я ему говорилъ: «мы и всё желаемъ ему смерти, для того что въ народѣ тягости много». А кто еще жаждетъ смерти и съ кѣмъ говаривалъ о тягостяхъ, того не упомню. Что царевича въ народѣ любятъ, и пьютъ про его здоровье, называя его надеждою россійской, — то я говаривалъ. А слышать отъ людей отъ кого не упомню... говорилъ не въ какую гѣру, но просто».

«Святѣнъ, радѣтелю» дано столько же ударовъ, сколько его возлюбленному питомцу.

Изъ сознанія Игнатьева видно, что царевичъ, вынужденный вынести его обвинить, выставилъ все тани на видъ, что не духовникъ — *первымъ* пожелалъ смерти отцу.

Съ тѣмъ же чувствомъ любви и уваженія къ духовнику писалъ онъ показаніе 22-го іюня: въ этомъ письмѣ⁸⁸ царевичъ говорилъ: Виземскій и *Нарышкины Алексѣй да Василій*⁸⁹, видя мою склонность ни къ чему иному, только чтобъ ханжить и conversaciю имѣть съ попами и чернецами, и къ нимъ часто бѣгать и подпивать, въ томъ мнѣ не токмо не претили, но и сами тожь со мною охотно дѣлали. А понеже они отъ младенчества моего при мнѣ были, и я обыкль ихъ слушать и бояться, и всегда имъ угодное дѣлать; а они меня больше отводили отъ отца моего и утѣвали избытыми забавами, и мало по малу не только дѣла воинскія и прочія отъ отца моего дѣла, но и самая его особа зѣло мнѣ омерзѣла, и для того всегда желалъ я отъ него быть въ отлученіи и проч.

Весь этотъ предсмертный рассказъ уже прямо относился къ «собору», и все таки въ немъ ничего не было сказано непосредственно о духовникѣ, ни слова не упомянуто о перепискѣ съ нимъ... Забыть о столь продолжительной и интимной корреспонденціи царевичъ не могъ, слѣдовательно это было умаленное закрывательство, обнаруженное только нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его смерти.

24-го іюня вторая попытка: вновь сходятся предъ одной и той же дыбой питомецъ и его святѣня-радѣтель.

Царевичъ спрашиванъ о всѣхъ его дѣлахъ: всю ли правду написалъ и проч.—Дано 15 ударовъ.

Взволкли на дыбу Якова Игнатъева ⁹⁰: съ кѣмъ желали въ всѣ государю смерти и для чего?

Яковъ мужественно снесъ пытку; онъ не проговорился ничѣмъ болѣе того, что уже было на него показано; дано 9 ударовъ.

— Всегда прошу Господа Бога и его Богоматерь, писалъ царевичъ къ духовнику еще въ 1710 году, дабы я сподобился вѣсь прежде моего разлученія души грѣшной отъ тѣла хотя на некое время видѣти.

Это давнишнее желаніе, по молитвѣ царевича, исполнилось нѣсколько дней спустя послѣ свиданія съ святыней-радѣтелемъ въ застѣнкѣ, на общихъ истязаніяхъ, Алексѣй Петровичъ испустилъ духъ.

Духовникъ его пережилъ шестью мѣсяцами; въ это время онъ былъ пытанъ въ третій разъ: 5-го августа ему дано 15 ударовъ.

8-го декабря, 1718 года, голова отца Якова скатилась на эшафотѣ, на Петербургской сторонѣ, у церкви св. Троицы, и въѣздѣ въ Дворянскую слободу. Тѣло его вмѣстѣ съ прочими два дня лежало на мѣстѣ казни. 10-го декабря головы казненныхъ поставлены на каменномъ столбѣ на желѣзныхъ спицахъ, а тѣла выложены на колесахъ близъ съѣстнаго рынка ⁹¹.

Только по трехъ съ половиною мѣсяцахъ, 29 марта 1719 года, въ день свѣтлаго Христова воскресенія, дозволено было отдать полусгнившія тѣла родственникамъ казненныхъ, для погребенія. Но черепа ихъ украшали спицы вплоть до царствованія Петра II-го.

И такъ, Яковъ Игнатъевъ погибъ единственно за неосторожно высказанное желаніе смерти государю; переписка же съ Алексѣемъ оставалась тайною, какъ и существованіе «собора» царевича. Изъ членовъ его въ 1718 году пострадали только Никифортъ *Вяземскій*, Иванъ Ивановичъ Нарышкинъ и Федоръ Еварлаковъ. Алексѣя и Василья Нарышкиныхъ, которыхъ назвалъ царевичъ въ письмѣ 22 іюня, не тронули.

Вяземскій (отецъ *Иуда*), ⁹² послѣ подъема на дыбу, и должикъ разспросовъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, отправленъ 4 декабря 1718 г. безъ наказанія въ Архангельскъ.

Иванъ Ивановичъ *Нарышкинъ* (Молохъ) послѣ подъема на виску сосланъ на жительство въ Переяславль Рязанскій.

Федоръ Еварлаковъ (*Жибанда*), послѣ двухъ пытокъ (31 ударъ) битъ жестоко кнутомъ 8 декабря 1718 г. и сосланъ въ Тобольскъ на службу, съ написаньемъ въ дѣти боярскіе.

Затѣмъ остальные члены ближайшаго къ царевичу обще-

она не были приглашены въ 1718 году ни къ допросамъ, ни къ застѣвкамъ.

Какъ же открылось ихъ участіе въ «соборѣ», и какъ поступить съ ними Петръ—мы увидимъ изъ слѣдующихъ главъ нашего разсказа. ²³

ПРИМѢЧАНІЯ.

¹ Святыней прелюбезнымъ радѣтелемъ царевичъ называлъ своего духовника, Якова Игнатьева.

² Русское Слово 1860 г. № 1.

³ Устряловъ г. VI с. 18.

⁴ Смот. «Кормилица царевича Алексѣя»—наша статья, по вновь открытымъ матеріаламъ, въ журналѣ Разсвѣтъ 1861 г. № 1.

⁵ Алексѣй къ духовнику: 14 ноября 1709 г.

⁶ Отецъ Яковъ получилъ это мѣсто въ началѣ 1712 года. Вотъ что писалъ царевичъ, поздравляя его въ «новомъ чинѣ»: «Мнѣ же азъ не безъ смотрѣнія Вожія твое отъ Архангельскаго собора съ *прошлостію* отлученіе:—аще бы тамъ былъ, сего чина ты неприялъ,—понеже, видя святыи Спасъ службу вашу во святой его церкви прілежнью, отъ самаго діаконства сущую, не восхотѣ, дабы вы добродѣйствъ его отлучилися, и къ рабу его,—аще и вѣрнѣйшему,—пошли для временныхъ прибытковъ; но отъ нижнія степени восхотѣ ти возвести на высоки у себя же во храмѣ, понеже истинно можно видѣть, что по особливой любви своей васъ содержитъ. Аще Богъ съ кѣмъ, что сотворитъ тому человекъ? А о благовѣдскомъ ключарствѣ не тужи; истинно полно хлопотъ и бѣдъ; отъ однихъ мощей слова не убѣжишь—а сохрани Боже и бѣды—.....а ваше (нынѣшнее) Спаское мѣсто ангело подобное, тихое, безбѣдное, изрядное, юта и не богатое; только же милостію Вожію не весьма бѣдное; а васъ Спасъ милостію своею не оставитъ, понеже онъ возлюбилъ васъ и опредѣлилъ въ службу свою».—Марта 17. Изъ Торуня 1712 г. грамотка 122.

⁷ Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что выборъ этотъ сдѣланъ былъ усиліями партіи заточенной царицы: насъ навело на эту мысль слѣдующее показаніе царевича, 4 февр. 1718 г. «Лѣтъ тому одиннадцать, или двѣнадцать, или больше (т. е. въ 1705—1707 г.) сказывалъ мнѣ отецъ Яковъ: есть у меня письма отъ матери къ тебѣ и показывалъ ихъ. Только я у него не взялъ и проч. Устр. VI с. 169. Видимо, что отецъ Яковъ былъ сторонникъ царицы и съ перваго же поступленія своего въ духовники къ Алексѣю сталъ дѣйствовать въ ея пользу. Въ послѣдніе годы вмѣсто Якова Игнатьева у царевича былъ духовникъ отецъ, Георгій въ Петербургѣ (1715—1716 г.?) и отъ Варлаамъ въ Москвѣ въ началѣ 1718 года.

⁸ Письмо духовника къ царевичу 1714 или 1716 года, въ которомъ онъ описываетъ «первопрішествіе царевича къ нему въ духовность».

⁹ Смотр. ниже главу II-ю.

¹⁰ Показаніе О. Дубровскаго 24 мая 1718 г.

¹¹ Подлинныхъ писемъ царевича мы не нашли; за то въ государ-

ственномъ архивѣ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ—удѣлы современной копія этихъ писемъ. Это перепрѣванная и полуистлѣвшая отъ сырости тетрадь въ листъ величялкою; она требовала съ одной стороны большой осторожности при чтеніи, такъ какъ листы ея осыпаются чуть ни при каждомъ оборотѣ страницы.

¹² О этихъ прозвищахъ смотри ниже.

¹³ Письмо 10 іюня 1706 г.

¹⁴ Письмо отъ 28 іюля 1706 г.

¹⁵ Письмо отъ 23 іюня 1706 г.

¹⁶ Письмо отъ 2 іюня 1706 г.

¹⁷ Письмо А. И. Нарышкина изъ села Порѣчья 14 мая 1703 г.

¹⁸ Прошу вашей святости къ торжеству царевича святаго Дмитрія купить съ отцемъ Леонидомъ (попъ Леонтій Григорьевъ) и братомъ Адамъ. (Кольчевъ)... изволь привести съ собою; а отъ меня по ней особой посылки не было. Мая 14 1706 г.

¹⁹ Василиса была монахиня, (въ постриженіи наречена Варсонофією) это видно изъ слѣдующей записки царевича къ царской фавориткѣ. 29 ноября 1708 г.: Катерина Алексѣевна, здравствуй на мое жество лѣтъ!.... Пожалуй отпиши ко мнѣ, отъ куда сіе пронеслось что Василиса Евимовна (Козинская) пострижена батюшковымъ указомъ, чего здѣсь ни было? А для чего она пострижена, и о томъ изволишь извѣститься изъ письма къ государю батюшкѣ. Устр. VI 309 Въ письмѣ къ батюшкѣ (16 ноября 1708 г.), царевичъ дѣйствительно извѣщаетъ о отпавшей Василисѣ Ковинской, которая жила при бабушкѣ, и, какой былъ «великій приходъ» въ Александрову слободу для постриженія.

²⁰ Письмо 30 іюля 1707 года изъ Смоленска: царевичъ доноситъ отцу Якову о приѣздѣ благодѣтеля (В. Г. Нарышкина).

²¹ Іюня отъ 17. Изъ Смоленска грамотка 25.

²² Грамотка царевича благодарственная за присылку драгихъ закусокъ, финиковъ. Число не означено.

²³ Грамотка царевича 26 іюля, 20, Смоленскъ 1707 г. Пречестны мой отецъ Іаковъ Игнатъевичъ, со всѣми приписавшимся въ письмѣ твоёмъ *нашей компаніи старыми и новыми*, здравствуй, ты съ ними, и они съ тобою! Іюля 29. Смоленскъ грам. 27. Къ письму отъ 16 августа изъ Вязьмы.... поклонись пожалуй Ивану Афонасьевичу Ключарю и Жибандѣ (Федоръ Еворлаковъ) «и прочимъ».

²⁴ Грам. царев. 29 безъ означенія года, числа и мѣста откуда писана.

²⁵ Іюня 22. Смоленскъ грамотка 21, въ началѣ отъѣтка: пр другомъ (?) написано).

²⁶ Грамотка 29; годъ, мѣсяцъ и число неизвѣстны.

²⁷ Это единственные случаи въ дошедшей до насъ перепискѣ Алексѣя съ духовникомъ, что царевичъ называлъ Петра *бабушкой*; въ всѣхъ остальныхъ грамоткахъ это слово замѣнено: «рождшіи меня либо «вышние люди». Черта мелочная, но характеристичная; она свидѣтельствуетъ о томъ непріязненномъ чувствѣ, которымъ такъ рано проникся Алексѣй въ отношеніяхъ къ отцу.

²⁸ Сент. 21. Смоленскъ. Грамотка 37. 1707 г.

²⁹ Устряловъ VI 309. Письма царевича Алексѣя изд. Мурзакевича 1849 г.

³⁰ Мая 28. «Аще есть нѣ... намъ (или нѣтъ) на пользу, пожалуй посѣти меня сего дня, и притомъ и о Хитрой поговоримъ, а съ Пузо вымъ сдѣлаемъ и кромѣ васъ». По порядку въ которомъ вписана эта грамотка царевича въ обѣихъ копіяхъ переписки съ духовникомъ, надо думать, что она относится къ 1708 году. Хитрая быть можетъ

на или дочь одного изъ членовъ «компаніи» Викты Савича Хитро-ца, но можетъ быть и прозвище, равно какъ и Пузовъ. Къ этому же относятся первыя, разумѣется формальныя, письма Алексѣя къ Катринѣ Алексѣевнѣ. Что-то говорилъ о ней, и ея возраставшемъ жемчю отецъ Яковъ, сторонникъ дарицы Авдоты? какъ бы интересно было его послушать? Нѣтъ сомнѣнія, что въ его рѣчахъ нѣтъ не было въ пользу Катерины, а между тѣмъ Алексѣй писалъ явные къ ней цидулки, лукава такимъ образомъ, предъ грознымъ отцомъ. Суровость, жестокость и деспотизмъ съ сильной стороны вызываетъ лукавство и притворство съ слабой.

¹⁷ 1709 г. сент. 5-го, Люблинъ, грам. 4-я.

¹⁸ Изъ Ярославля Галичскаго, отъ 18-го грамотка числомъ 12-я; тѣсда и годъ не означены.

¹⁹ Ноября 14-го. Изъ Ярославля Галичскаго, письмо, какъ отлѣчено въ дѣлѣ, безъ начала.

²⁰ 1709 г. Люблинъ. Грам. 4-я отъ 5-го сент. и грам. 5-я отъ 11-го сентября изъ Солицы. Царевичъ безпрестанно посылаетъ дружескія поклонныя: «Поклонись всей компаніи и брату нашему мѣрности возлюбленному Аду» (Колычеву?) 7-го декабря 1709, изъ Кракова и проч.

²¹ Октября отъ 10. Изъ Конецъ-Поля. Грамотка 10.

²² Генв. 15 ч. 1710 изъ Кракова грам. 16.

²³ Аломъ, по показанію Нарышкина, назывался Колычовъ, но какъ ижется, то не былъ мужъ кормилицы Василій Ивановичъ, а другой Колычовъ Андрей Михайловичъ?

²⁴ Февр. 4 Краковъ грам. 19. Въ грам. 40 отъ 5 авг. изъ Дрездена, царевичъ проситъ духовника: «поклонись отцу Іудѣ (?) и брату Аду, и прочимъ, желаю имъ долготѣно и благополучно жити въ шлести божіей. Аминь.»

²⁵ Грам. 38, іюля 22, Дрезденъ 1710 г.

²⁶ Грам. 56, ноябр. 18 Дрезденъ 1710 г. оно кончается просьбой: «поклонись отъ меня всей компаніи нашей».

²⁷ Ноября 4 изъ Дрездена. Грам. 54.

²⁸ Показ. курьера Даудова 4 апр. 1722 г. В. Д. Р. Д. Т. К. карт. III л. 20. Даже мелкія вещи царевича были подъ непосредственнымъ надзоромъ и въ постоянномъ распоряженіи духовника: «Веще радѣтель, спрашиваетъ Алексѣй въ одной изъ цидулокъ, отиди ко мнѣ: нѣтъ ли у тебя моего какого ларца или шкатулки орѣховой съ венцями и некоторыми? понеже у насъ нѣтъ, а Кикинъ (Иванъ?) сказывалъ, что у васъ не принималъ, и у него ее нѣтъ же; а мнѣ есть съ ней нужда; благоволи отписать; у васъ ли она, а мнѣ мнѣтся у васъ». Въ госуд. архивѣ есть росписи драгоценныхъ вещей, бывшихъ на храненіи у Якова Игнатьева.

²⁹ Генваря отъ 28. Изъ Кракова грам. 18.

³⁰ Февр. отъ 4. Изъ Кракова грам. 19.

³¹ Марта отъ 4. Изъ Кракова грам. 22.

³² Іюня 1. Изъ Сальцътала грам. 84.

³³ Грамотка 29. письмо отъ 27 апрѣля 1710.

³⁴ Ноябр. 24. Изъ Дрездена 1710 грам. 57

³⁵ Грам. 57 грам. 38 изъ Дрездена дек. 1 1710 грам, 70, 24 февр. 1711 г. изъ Дрездена.

³⁶ Въ 67 грам., 9 февр. изъ Дрездена царевичъ благодаритъ за извѣщеніе о поставленіи отца Слонскаго Алексѣй истинно изъ всея души своей порадовался: что Богъ насъ еще не оставилъ въ семъ напемъ желаніи. Царевичъ особенно радуется возвышенію (какому неизвѣстному, отца Слонскаго?) что отъ человѣкъ добрый, «и можно имъ быть

довольнымъ». — «Поздравляю самъ радѣтель, пишетъ царевичъ — въ отвѣтъ на извѣстіе о поставленіи Досифея архіереемъ ростовскимъ. получа другаго сродника, архіерея, отца Досифея, которому благоволи отъ меня поклоненіе сочинити и о молитвахъ просити, *понеже отъ тебя прежде сего свидѣтельствованъ быти мужъ святъ.* (гр 92 іюля 6 изъ Вольфенбителя 1711 г.) Изъ послѣднихъ словъ видно до какой степени царевичъ полагался на рекомендацію друзей отцомъ его духовнымъ.

⁵¹ Дек. 1 Дрезденъ грам. 58 1710 г.

⁵² Апр. 11 Дрезденъ грам. 77, г. 1711 Грам. 87, іюля 25 изъ Браншвица 1711 г.

⁵³ Дек. 7, изъ Кракова 1709 г.

⁵⁴ Отъ 1 октября, изъ Лейпцига грам., 47. О какомъ-то священно греко-іереѣ, отцѣ Ливерин, Алексѣй просилъ духовника въ 114 грам. 23 января 1712 г. (изъ Торуня), чтобы тотъ похлопоталъ у митрополита объ опредѣленіи его въ школу, или гдѣ имъ будетъ потребенъ а пока отыщется мѣсто, снабжалъ бы деньгами и надлежащимъ со держаніемъ.

⁵⁵ Цидулка неизвѣстнаго года, мѣсяца и числа.

⁵⁶ 26 января изъ Дрездена грам. 66 1711 г.

⁵⁷ Вѣроятно, отецъ Яковъ извѣстился, что не досадилъ ли онъ своими предложеніями.

⁵⁸ Вольфенбитель, 97 грам.

⁵⁹ Не намекъ ли на Петровскіе кутежи? Впрочемъ и въ нихъ мно го было чисто русской размахистости.

⁶⁰ Онъ-то кажется и слагатель курьѣзнаго посланія.

⁶¹ Сентября 20 изъ Вольфенбителя 1711 года.

⁶² Т. е. *сопряженной* со мной, обращающъ вниманіе на это словъ въ немъ нельзя не замѣтить равнодушія и нерасположенія къ на- сильно навязанной женѣ «*нѣмкѣ чертовкѣ*», какъ называлъ царевичъ Шарлоту, подъ пьяную руку.

⁶³ Грамотка писана изъ Познани 6 мая 1712 года (№ 131); царевичъ разстался съ женой 10 апр.; она осталась въ Эльбингѣ, а онъ, по отцовскому указу, отправился въ Померанью. Весну и лѣто пробылъ подъ Штетиномъ; осень и зиму въ Мекленбургѣ также въ разлукѣ съ нею.

⁶⁴ Іюня 13-го. Изъ Гарца. Грам. 137.

⁶⁵ Годъ, мѣсяцъ и число неизвѣстны.

⁶⁶ 7 ноября, изъ Нарвы, безъ означенія года.

⁶⁷ Подчеркнутыя слова — руки Никифора Вяземскаго. Выше же подчеркнутыя строки, какъ отмѣчено въ современной копіи: въ подлинникѣ легко почернены.

⁶⁸ Другая дочь, Анна, сочеталась съ помѣстнымъ судьей Пановымъ; третья — выпла за переводчика Посольской канцеляріи Степана Артемьевича Волкова. Святыня близко принимая къ сердцу интересы живыхъ свойственниковъ, просилъ о Волковѣ дядка Якова Васильевича Кубартова, чтобы «его честность былъ къ переводчику благъ и милостивъ; и содержалъ бы его въ щедротахъ благодѣнія своего, ради нашей ничтожности. За что я милости твоей, писалъ радѣтель, должнъ моею услугою платити и святаго Бога молити. Прося о семъ, писавый вашъ Богомолецъ, верхоспаской протопопъ Іаковъ Игватъевъ, множественно кланяюся додоклонно. Яннуаря 17-го.

« Письма Петра Анѣимова къ Якову Игнатьеву: Москва 7 марта. Сб. 8 сентября и 3 октября.

« Письмо это уцѣлѣло въ Госуд. Архивѣ при Мин. Иностр. дѣлъ въ вухъ спискахъ, сильно пострадавшихъ отъ сырости.

« Слѣдуетъ цитата изъ свящ. писанія.

« Приводятся въ доказательство данная цитата изъ Іоанна Іѣстника и св. Вѣангелія, о высококомъ значеніи священническаго сна.

« Слѣдуетъ цитата изъ Апостола Павла о повиновеніи наставнищю, ти бо бдять о душахъ вашихъ и проч.

« Противъ этого мѣста на полѣ можно разобрать слова, «и что сажъ изволяешь за тя наши... сугубыми ранами... штрафомъ казнить...»

« Подпись: «всякихъ благъ превысочеству твоему желатель, ничтожшій богомолецъ твой, священникъ Іаковъ, аки предстоя высокочеству твоему многократно челомъ бью. Іюля 12 дня. Грамотка 39-я.

« Иштва вѣроятно была сложена во время отъѣзда царевича за границу.

« Это любопытное показаніе ключаря Аѣонасьева, 3-го октября 1730 года, какъ и все предыдущее, не было извѣстно г. Устрялову.

« Възъ ко Богу человѣческое дерзновеніе сице, выписывалъ дуловникъ въ тревожныя минуты: аще праведнаго помиловати нѣсть ливо, тѣмъ же азъ недостоинный всепокорне воию ти; Святче Божій вѣсти на! паки и паки умильнѣ во Христвъ зову ти: посѣти мя нелюбие Господи!»

« Переписка царевича съ духовникомъ простирается до 1715 г. мѣсяца до побѣга его за границу. Отправляясь въ нѣмецину, во второй разъ, Алексѣй писалъ къ отцу духовному: «4-іюня 1714 г. Изволю вамъ, что государь батюшка изволилъ отправить меня для дощипъ въ Карлсбадъ, гаъ я и прежде былъ. И поѣду отсюда вскорѣ отъ дня, и о семъ не извольте печалиться, понеже во благое сіе дѣло иду съ помощію божіею; *о здѣшнемъ увѣдомишься* «изъ письма ключаря Івана Аѣонасьевича. До насъ дошло 67 грамотокъ царевича къ духовнику, но ихъ было втрое, если не вчетверо больше: объ этомъ можно догадываться по нумерамъ, выставленнымъ на этихъ письмахъ, — они простираются до 160-го нумера. Куда дѣлакъ остальные письма, были ли они въ кулкѣ Семена Игнатьева, стили ли въ его подпольѣ, что въ себѣ заключали—неизвѣстно; неизвѣстно также гаъ письма Алексѣя къ Т. Н. Стрѣпневу, на которыхъ есть указанія въ дѣлахъ? Исторія дѣтства и юности царевича имѣетъ многихъ, доселѣ неизвѣстныхъ матеріаловъ. Въ особенности—важнѣе было бы имѣть побольше интимныхъ писемъ царевича т. е. грамотокъ, подобныхъ нами приведеннымъ, потому что его *официальна* посланія къ Петру, Вкатеринѣ, Меньшикову и другимъ лицамъ—преимущественно ему стана—матеріалъ по самому существу своему весьма скудный.

« Такъ называлъ себя государь Петръ Алексѣевичъ.

« Въ эти документы,—собственной руки Петра, проливаютъ яркій свѣтъ на замѣчательную особенность его характера, на юморъ Петра.

« Смотр. выше письмо царевича къ отцу Якову: «сынѣ многіе вѣ-

даютъ, въ какомъ ты у меня состояніи, и что все мое тебѣ въѣренъ и проч. (14-го ноября 1710 г.)

⁸³ Съ братомъ его, Александромъ Кикинымъ, Я. Игнатьевъ былъ близко знакомъ. Показанія *Анфимова*, 20 авг. 1720 года Д. Р. Д. К. Картонъ XXVII д. 8-ое.

⁸⁴ *Устряловъ*, т. VI с. 156. 169.

⁸⁵ Онъ показалъ также на Якова Игнатьева, что имъ была составлена цыфирная азбука для царевича. *Устр. VI 179.*

⁸⁶ Я въдалъ, показалъ на нее царевичъ, что она ко мнѣ хороша добра, хотя и безъ большой конфиденціи, чаялъ же къ сему склоненъ (т. е. къ его вѣстеству на престолъ). *Устр. VI 253.*

⁸⁷ *Устряловъ*, т. VI с. 265.

⁸⁸ *Устряловъ*, т. VI 274—275.

⁸⁹ Члены его собора: *засыпка и благодѣтель.*

⁹⁰ Его разстригли 19-го іюня 1718 г.

⁹¹ Для полнаго знакомства съ дѣятельностью тайной канцеляріи это страшное время, богатый матеріалъ представляютъ приходскіе расходныя ея тетради за весь 1718 годъ; онѣ уцѣлѣли въ бумагахъ хранившихся въ крѣпости, во уцѣлѣли въ самомъ несчастномъ вѣдѣ; мало съ крайнею осторожностью разсматривать ихъ, такъ какъ при малѣйшей неловкости перелѣвшіе листы разсыпаются въ порошокъ. Здѣсь любопытный изслѣдователь находитъ обстоятельное указаніе: сколько денегъ и драгоценностей конфисковано у всѣхъ арестантовъ, начиная отъ царевича, царицы, царевны, Долгоруки до послѣдней крылошанки Суздальско-Покровской обители; тутъ обозначенъ расходъ на потребности колодниковъ; на покупку свѣдъ, *холста* для перевязки изувѣченныхъ пыткой, лекарствъ и проч. ихъ врачеванія; въ этихъ же тетрадяхъ обозначено количество пѣгоновъ на привозку арестантовъ, на отсылку ихъ въ мѣста заключенія и проч.; въ расходахъ обозначены дачи наградныхъ денегъ служащимъ при тайной канцеляріи за ихъ посланные *труды и услуги*, дача вознагражденія духовенству за поминки по царевичу; тутъ же веденъ обстоятельный реестръ расходовъ на его погребеніе и проч. Не меньшаго вниманія заслуживаютъ бумаги, относящіяся къ Канбара—Акинѣева, Воронова, Протопопова, Кіевскаго митрополита и проч. чатью до А. Кикина, лицъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ царевича.

⁹² Эта кличка была кажется за нимъ, такъ покрайней мѣрѣ называлъ его Иванъ Нарышкинъ, одинъ изъ членовъ царевичева собора. *Устряловъ. VI с. 187.*

⁹³ Любопытенъ вопросъ: какъ приняли европейскія державы вѣсть о казни царевича, о *скасовываніи* его сторонниковъ? Хорошо было бы по этому поводу разобрать иностранныя куранты того времени; въ государственномъ архивѣ есть нѣсколько современныхъ переводовъ съ иностранныхъ извѣстій о событіяхъ 1718 г.; не останавливаясь на нихъ, такъ какъ это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко, мы ограничимся указаніемъ на слѣдующій, весьма интересный документъ:

«Наимилшому сыну нашему Ѡ. П., писалъ Бенедиктъ, зу ласки Божіей, Папа стараго Рима, Ангельскаго престола и нашей можности благословенство! Динкую за твое написаніе, полученное въ Римѣ августа сего року, по которому извѣстихомся, аще и отъ союзниковъ напихъ, что ты въ Россіи день ото дня въ ласку царск.

жившемъ, и уже на мѣсто кардинала засѣдаешь. Притомъ прошу, милый сыну мой, не забывай обѣщанія своего, како, входя въ школы лат., святому Петру и намъ кланулся за отеческую свою вѣру побояться, изъ восточную же ратовать. Разсмотри, коханный мой, лучше не обѣщанія, нежели обѣщавшуся, не исправляться. Нынѣ время благоприятно, нынѣ день надежды нашея: ибо царь московскій отеческіе свои законы поламалъ и весьма преклоненъ въ нѣмецкіе законы. Сіе содѣяся чрезъ прилежное трудолюбіе добраго нашего соопника и всей западной церкви благодѣтеля, господина Дефорта, который за молитвами святаго костела, въ великой тогда милости у государя московскаго былъ. И хотя едино противно костелу учинено, но изъ того всему западу потребность и доброе поспѣшеніе произыде: егда законную свою царицу нуждою послалъ до кляштора (т. е. въ монастырь), а въ тоя мѣсто поялъ другую, отъ исповѣданія лютерскаго; и за просьбу тоя: патриарху уже въ Россіи быть не велѣтъ; сына своего отъ свободныхъ рожденнаго, въ греческомъ исповѣданіи обученнаго — убилъ до смерти... Которыя три главныя въ настоящемъ дѣлѣ нашемъ великіе были помѣшатели: патриархъ — сильной въ догматахъ, царица — едино тѣло, сынъ — естество любительное! Нынѣ же къ тому никто противу говорить не смѣетъ, ибо ясно слышавъ, что оный государь вѣрнаго своего служителя, нашего благодѣтеля, господина Дефорта, написалъ въ вѣчно достойную себѣ жалость и прошеніе его содержать въ неуспѣшной памяти. Паче же другой жены своей, чрезъ которые отеческіе ему уставы тако омерзѣли, что ни слышати про тѣхъ хоцетъ. А понеже улюбилъ лютерскую вѣру, того ради и жестокаго греческаго правила, на посредствѣ нашего исповѣданія легко удержать возможно. Гнусно бо намъ еще едино, какъ слышимъ, что злѣйшіе наши непріатели, патриархи восточные въ Россіи изъ диптиховъ церковныхъ еще не выключены. Ты же пребывай и успѣвай, въ немъ же наученъ еси: потщися известію твоемъ званіе сотворити, да будетъ слово твое солю растворено. Здравствуйте! Писано въ Римѣ, ноября въ 25 д. 1718 року.

Это курьезное письмо есть ничто иное, какъ мистификація, поддѣлка грубая, неискusstная, но тѣмъ не менѣе весьма характеристичная; она имѣетъ большое значеніе въ исторіи русскаго общества, еще большее въ лѣтописяхъ тайной розыскныхъ дѣлъ канцелярій за первую половину прошлаго столѣтія. Мнимо-папское посланіе вышло въ свѣтъ въ исквиленіи на Теофана Прокоповича въ половинѣ 1732 года. Составителемъ и того и другаго оказался по всѣмъ подозрѣніямъ нѣкій иеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ, лице близкое къ знаменитому противнику Теофана — Теофилакту Лопатинскому. Подозрѣнія на Рѣшилова Теофанъ Прокоповичъ изложилъ въ особой запискѣ: «доказательство такое, что Папино письмо отъ нѣкоего плута вымышленное и какое не только не было, но и весьма быть не могло». Это доказательство читатель найдетъ въ любопытной брошюрѣ И. Чистовича: «Рѣшиловское дѣло. С. п. б. 1861 г.» Г. Чистовичу не посчастливилось однако отыскать мнимо-папское посланіе, коіюю котораго (въ четвертушку, весьма лежкаго устава руки самаго Прокоповича) мы нашли въ государственномъ архивѣ. Этотъ небольшой лоскутокъ интересной бумаги повлекъ за собой осмилѣтнее слѣдствіе, множество арестовъ, нещадныхъ истязаній, и долговременное тюремное заключеніе Теофилакта Лопатинскаго съ его слугами и людьми довѣренными. Заточеніе царицы Авдотьи, а главнымъ образомъ смерть царевича дала памфлетисту Рѣшилову содержаніе къ его поддѣлкѣ и такимъ образомъ съ кровавымъ эпизодомъ 1718 года соприкасается новая кровавая драма

(1733—1740 г.): это борьба двухъ архіепископовъ и въ ней величайшее торжество честолюбиваго, злобнаго и мстительнаго Феофана Прокоповича. Соч. г. Чистовича представляетъ пока лучший матеріалъ для знакомства съ нею; въ немъ любопытные найдутъ разъясненіе вопроса, какое значеніе должно было имѣть въ то время мнимое папское посланіе 1718 года.

Михаилъ Семевскій.

Апрѣль 1861 г.

С.-Петербургъ.

ДУША РАСТЕНІЯ.

I.

Физиологія растений долгое время медлила своимъ развитіемъ. Хотя первые слѣды ея проявляются съ тѣхъ поръ, когда Лввенгукъ и Мальпиги предприняли свои микрографическія работы, но дѣйствительное начало ея не восходитъ далѣе прошлаго вѣка, когда прекрасныя изысканія Галеса относительно питанія и дыханія растений объяснили нѣкоторые фазы жизни растительнаго царства. Только съ этого времени натуралисты начали внимательно изучать феномены прозябанія. Между учеными людьми минувшаго вѣка, столь богатаго талантливыми и добросовѣстными наблюдателями, появилось большое соревнованіе. Тѣ, которые приобрѣли уже извѣстность, еще болѣе увеличили потомъ свою славу, способствуя своими трудами къ основанію и систематизированію новой науки. Наблюденія Линнея и Вольфа, многотомные опыты Боне и Сенебье, труды Дюгамеля и Людвига, сочиненія Мюстеля, изслѣдованія де Сосюра и Гедвига стремись къ одной цѣли—соединить разбѣнные матеріалы, для образованія изъ нихъ правильнаго цѣлаго. Одни, изучая жизнь растений, разсматривали въ особенности форму, строеніе и развитіе его органовъ, другіе старались объяснить ихъ отправленія и дѣятельность. Изъ совокупности этихъ трудовъ возникан двѣ нова науки: физиологія и органографія растений.

Благодаря средствамъ, которыя микроскопъ и химическій анализъ представляютъ для изслѣдованія, эти двѣ вѣтви ботаники развились въ изумительной степени. И все-таки многіе пункты въ прозябаніи до сихъ поръ остаются столь же темными и не-

удовимыми, какъ они были при первомъ возникновеніи науки. И дойдетъ ли когда нибудь фізіологія, не смотря на ея постоянные успѣхи, до возможности удовлетворительно объяснить и которыя явленія, повидимому неподходящія ни подъ законы физики ни химіи,—мы этого не знаемъ.

Но, принимая во вниманіе, съ какимъ усиленнымъ рвеніемъ и жаромъ германскіе фізіологи обратились въ настоящее время къ изученію феноменовъ, составляющихъ жизнь растений, позволительно надѣяться, что скоро будетъ объяснено нѣсколько такихъ фактовъ, которые оставались до сихъ поръ непонятными.

Фізіологи во всё времена замѣчали въ растеніяхъ необыкновенныя феномены, на которые они смотрѣли различнымъ образомъ. Правда, всё они признавали явственную аналогію между этими фактами и нѣкоторыми инстинктами животныхъ; но одни не видя въ первыхъ ничего кромѣ явленій одиночныхъ и неважныхъ, думали объяснить ихъ совершенно механическими физическими теоріями; напротивъ того, другіе, заинтересованные странностью этихъ фактовъ, изучали ихъ съ большимъ вниманіемъ и изъ совокупности своихъ наблюденій—заключали, что растеніе, вѣроятно, есть созданіе одушевленное.

Такимъ образомъ Фроликъ, Гедвигъ, Боне и Людвигъ въ своихъ сочиненіяхъ охотно распространяются о феноменахъ, которые, по ихъ мнѣнію, доказываютъ растительный инстинктъ. Они склоняются къ мысли, что растеніе можетъ испытывать извѣстный разрядъ ощущеній.

Ф. Эд. Смитъ, англійскій ботаникъ, думаетъ, что растенія нельзя отказать въ способности чувствовать, и что они могутъ доходить до чувства собственнаго благосостоянія (*bien être*) даже счастья.

Персиваль видитъ добровольныя дѣйствія въ способности растеній направлять свои корни къ мѣстамъ, гдѣ есть пригодная для нихъ пища, и обращать свои стволы и листья къ свѣту.

Въ послѣдніе годы, сочиненія двухъ одинаково знаменитыхъ ученыхъ обратили вниманіе нѣмецкихъ натуралистовъ на вопросъ о душахъ въ растительномъ царствѣ.

Марціусъ, одинъ изъ самыхъ первыхъ представителей новой науки, допускаетъ въ растеніяхъ не только способность чувствовать, но и бессмертную душу.

Къ голосу знаменитаго ботаниста недавно присоединился го

* K. F. von Martius, Die Unsterblichkeit der Pflanzen, ein Typus.

мъ не менѣе извѣстнаго ученаго, Теодора Фехнера, одного изъ самыхъ независимыхъ и, по нашему мнѣнію, самыхъ вдохновенныхъ мыслителей современной Германіи. Онъ первый вошелъ въ подробное разсмотрѣніе вопроса о душѣ прозябаемыхъ. Новыя взгляды, оригинальныя идеи наполняютъ его сочиненіе, которое можно назвать первымъ опытомъ растительной психологіи. *

Физиологія каждый день открываетъ столь разнообразныя и неразительныя черты сходства въ жизненныхъ отправленіяхъ двухъ царствъ—растительнаго и животнаго, что нельзя отвергнуть безъ всякаго изслѣдованія предположеніе людей, подобных Марціусу и Фехнеру, что растеніе есть существо чувствующее и одаренное индивидуальною душою.

Поэтому мы изложимъ здѣсь нѣкоторые факты, повидимому отрицающіе существованіе души въ растеніяхъ, чтобы читатель могъ сознательно вывести свое собственное заключеніе относительно этой психологической проблемы, которая въ послѣднее время возбудила живой споръ въ Германіи.

Наблюдая усилія, которыя дѣлаютъ животныя, чтобы достать себѣ пищу, или избавиться отъ вредныхъ для нихъ вліяній, или, наконецъ, чтобы удержать себя въ благоприятныхъ для нихъ условіяхъ, мы безъ всякаго затрудненія допускаемъ, что эти усилія суть дѣйствія добровольныя, а не простыя проявленія жизненной силы. Совсѣмъ другимъ образомъ мы смотримъ на растенія. Ихъ устройство, видъ, форма, кажущаяся неподвижность, способъ ихъ возрастанія и жизни представляютъ такую большую разницу сравнительно съ нашимъ тѣлосложеніемъ и рокомъ существованія, что мы очень мало расположены видѣть проявленія души въ замѣчательныхъ феноменахъ, которыя представляютъ намъ жизнь этихъ существъ. Во всѣхъ организованныхъ существахъ питаніе является самымъ существеннымъ актомъ для сохраненія ихъ жизни. Въ твореніяхъ животнаго царства оно всегда сопровождается очевидными признаками воли или постоянства. Животныя всѣмъ существомъ своимъ двигаются къ предмету, котораго они желаютъ, между тѣмъ какъ растеніе посылаетъ за своею пищею только нѣкоторыя изъ своихъ частей. Оно ищетъ въ пѣдрахъ земли матеріаловъ, необходимыхъ для его питанія, посредствомъ специальныхъ органовъ—корней. Види-

* Gust. Theod. Fechner, Nanna oder über das Seelenleben der Pflanzen.

мательно разсматривая обстоятельства этого движенія, мы замѣчаемъ въ немъ признаки энергіи и убѣждаемся, что усилія, которыя дѣлаетъ растеніе для отысканія себѣ пищи, соответствующей его организаціи, не менѣе дѣйствительны, какъ и тѣ, посредствомъ которыхъ животныя достигаютъ той же цѣли.

Энергія, которую обнаруживаютъ прозябаемыя въ этомъ отношеніи, такова, что они направляютъ свои корни къ землѣ, гдѣ находится изобильная пища, проникая даже сквозь скалы. Большія каштановыя деревья, растущія на Этнѣ, умѣютъ не ходить русло источниковъ, не смотря на толстые слои лавы камня.

Мало того — растенія, по видимому, обладаютъ какимъ-то инстинктомъ, посредствомъ котораго они узнаютъ хорошую землю и направляютъ къ ней свои корни. Лордъ Кенеръ разсказываетъ слѣдующій фактъ подтверждаемый Мэрриемъ. Сред развалинъ «Новаго Аббатства» (New Abbey), въ графствѣ Галлоуэ, возвышается кленовое дерево, которое прежде росло на одной изъ стѣнъ. Потому ли что оно находило тамъ мало простора, или по недостатку пищи, оно спустило по стѣнѣ крѣпкіи корни, и утвердило его въ землѣ. Когда этотъ корень приобрѣлъ надлежащую прочность, то кленъ отдѣлилъ мало по малу и другіе свои корни отъ стѣны, на которой онъ росъ до этихъ поръ и, наконецъ, отсталъ отъ нея совершенно, чтобы жить на почвѣ, на которую онъ перебрался съ помощью своихъ собственныхъ усилій. *

Мэрриемъ приводитъ еще слѣдующій фактъ. Смородиновый кустъ находившійся въ мѣстѣ, гдѣ онъ не могъ хорошо расти, прильнулъ одну изъ своихъ вѣтвей къ землѣ, болѣе плодородной. Эта вѣтвь пустила корень и начала сама превращаться въ кустъ между тѣмъ какъ первоначальный стволъ мало по малу совершенно исчезъ съ мѣста гдѣ онъ росъ. Такимъ образомъ это растеніе, достигнувъ хорошей земли, къ которой оно направилось, окончательно утвердилось тамъ, и перестало требовать пищи отъ оставленной имъ бесплодной почвы.

На берегахъ Комскаго озера, близъ Плиніанской виллы, можно замѣтить корни, которые деревья, растущія на возвышенностяхъ спускаютъ внизъ по скаламъ. Эти корни направляются къ хорошей землѣ, глубоко проникаютъ въ нее, и преобразуются въ

* Murray Forriep's Notizen.

ные стволы, между тѣмъ какъ прежніе наконецъ погибають совершенно.

Узнаемъ еще объ одномъ фактѣ, котораго мы сами были свидѣтелями на маленькомъ островѣ св. Томы въ Антильскомъ архипелагѣ. На одной скалѣ, отъ четырехъ до пяти футовъ вышиною, пустило ростки гранатное дерево. Оно подымалось тамъ въ некоторомъ разстояніи отъ края какъ разъ возлѣ стѣны сеперы, устроенной на скалѣ. Дерево замѣтно росло вверхъ въ продолженіе первыхъ лѣтъ своего существованія. Казалось, оно сильнѣе подниматься выше стѣны, которая заслоняла отъ него лучи солнца. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ мы опять увидѣли его, то нашли его тонкимъ, высокимъ, имѣющимъ видъ и форму тополя. Корни его обхватывали утесъ и проникали въ малѣйшія скалинки. Оно стояло въ наклонномъ положеніи; все въ немъ показывало страданіе и истому. Въ это-то время, когда дерево, по видимому, должно было погибнуть, оно начало спускаться со скалѣ сильнымъ корнемъ, который, достигнувъ плодородной земли, скоро проникъ въ нее, проложивъ себѣ между мелкими растеніями, густо покрывавшими окранны площадки. Этотъ новый корень получилъ значительную силу, между тѣмъ какъ прежніе, обхватывавшіе утесъ, отдѣлились отъ него и начали сохнуть: кустъ перемѣнялъ свою точку опоры. Онъ наконецъ совершенно оставилъ скалу, на которой родился, и сталъ процвѣтать на землѣ, къ которой онъ направилъ свои корни и куда онъ переселился весь.

Однакоже нѣкоторые наблюденія, правда малочисленные, какъ будто показываютъ, что растенія лишены способности узнавать плодородную землю и направлять къ ней свои корни. Единственный опытъ въ этомъ отношеніи, имѣющій, по нашему мнѣнію, некоторую важность, есть опытъ г. Дюрана въ Каенѣ. Этотъ наблюдатель видѣлъ, что корни нѣкоторыхъ растеній, которыя онъ посадилъ въ снарядахъ нарочно приготовленныхъ для подобнаго опыта, не проникали въ хорошую землю, хотя находились въ сосѣдствѣ ея. Одинъ этотъ опытъ, въ отдѣльности, не можетъ рѣшить вопросъ и опровергнуть огромное число противныхъ ему фактовъ, замѣченныхъ въ разныхъ растеніяхъ, и притомъ всегда въ такихъ, которыя живутъ на свободѣ. Поэтому большая часть фیزیологовъ и послѣ этого наблюденія продолжали допускать, что растенія могутъ узнавать хорошую землю, или, по крайней мѣрѣ, направлять къ ней свои корни.

Когда мы рассматриваемъ, въ совокупности, факты, относящіеся къ питанію растений; когда мы видимъ, что эти послѣднія показываютъ какую-то энергію и настойчивость въ отысканіи себѣ пищи, и оставляютъ бесплодную землю для болѣе плодотворной, — то мы почти готовы допустить, что эти усилія суть дѣйствія одушевленные, и что растение можетъ сознавать ихъ такъ же, какъ животное, которое мы считаемъ себя совершенно въ правѣ признавать одушевленнымъ существомъ, когда оно дѣйствуетъ подобнымъ образомъ, хотя совершенно въ другой сферѣ.

Слѣды одушевленной силы растений замѣчаются не въ однихъ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя относятся къ ихъ питанію. Растеніе, какъ и вся другія органическія существа, повидимому обладаетъ многими и разнообразными склонностями, которыя преобладаютъ въ немъ и управляютъ имъ во время его жизни.

Изъ всѣхъ созданий, живущихъ на землѣ, ни одно не ищетъ свѣта съ такою жадностью, какъ растеніе. Свѣтъ составляетъ его счастье и наслажденіе.

Мы уже показали способность растений направляться къ свѣту, объяснивъ быстрый ростъ гранатоваго дерева стремленіемъ его подняться выше стѣны, заслонявшей отъ него лучи солнца.

Еще сдѣлалъ подобныя же, но гораздо болѣе убѣдительныя наблюденія.

«Когда дубъ, растущій въ лѣсу, говоритъ онъ, имѣетъ въ своемъ сосѣдствѣ большія деревья, то онъ обнаруживаетъ постоянное стремленіе подыматься все прямо вверхъ для отысканія свѣта и воздуха. Онъ очень мало будетъ пускать вѣтвей въ боковомъ направленіи, да и эти одиночныя вѣтви скоро погибнутъ. Когда дубъ достигнетъ цѣли своихъ постоянныхъ усилій, когда онъ почувствуетъ наконецъ, что его вершина свободна, волнуется среди свѣта, то его непрестанная дѣятельность будетъ смѣнена чувствомъ покоя. Скоро послѣ этого онъ начнетъ пускать многочисленныя боковыя вѣтви, чтобы образовать изъ нихъ свой вѣнецъ. Но въ моментъ вступленія его въ этотъ новый фазисъ дѣятельности, онъ дошелъ уже до половины своего существованія. Непрестанныя усилія, которыя онъ дѣлалъ для того, чтобы достигнуть небеснаго свѣта истощили, крѣпость его молодости, и новый порывъ, которымъ онъ захочетъ показать свое могущество, не будетъ имѣть того успѣха, на который онъ

* Eckermann, Gespräche mit Göthe, кн. III стр. 146.

идеали. Достигнувъ своего полнаго развитія, онъ представитъ и ннѣ деревомъ стройнымъ, высокимъ и даже сильнымъ, но недостатокъ пропорціональности между его стволомъ и короной существенно будетъ вредить его красотѣ.

Глюккеръ замѣтилъ слѣдующій фактъ. — На опушкѣ одного лѣса, среди очень густаго плетня, зародился колосникъ (*stachys palustris*). Едва растеніе достигло нѣсколькихъ дюймовъ высоты, какъ оно перестало развиваться вертикально. Наклонивъ свой стебель, оно начало подвигаться въ горизонтальномъ направленіи къ маленькому отверстию, которое пропускало въ плетень болѣе сильный свѣтъ. Колосникъ продолжалъ расти такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не достигъ до болѣе освѣщеннаго мѣста. Съ этой минуты онъ опять поднялъ свой стебель вверхъ и принялъ нормальное направленіе, начавши подыматься вертикально. *

Были примѣры, что картофель, зародившійся въ погребѣ, выдвигался до двадцати пяти футовъ надъ землею, чтобы достигнуть единственнаго отверстія, посредствомъ котораго свѣтъ проходилъ съ подвала. **

Опытъ, сдѣланный ученымъ Тессе, и повторившійся неоднократно послѣ него, доказываетъ до очевидности, что эти растенія, действуя такимъ образомъ, повинуются единственно инстинкту, склонности, которая влечетъ ихъ къ свѣту, и что здѣсь нужда въ воздухѣ не играетъ никакой роли. Если различныя растенія, зародившіяся въ погребѣ, находятся между двумя отверстиями, изъ которыхъ одно, продѣланное въ темномъ мѣстѣ, свободно пропускаетъ атмосферическій воздухъ, а другое, будучи закрыто стекломъ, даетъ доступъ только свѣту, — то мы увидимъ, что всѣ они направляются къ освѣщенному хотя и закрытому отверстию ***.

Было замѣчено, — и этотъ фактъ вполне заслуживаетъ вниманія, — что растенія, живущія въ подземельяхъ, направляются по прямой линіи къ свѣту; но, не будучи въ состояніи поддерживать своей гигантской стебель, который достигаетъ длины, превышающей нормальную въ семь или восемь разъ, они пускаютъ его по землѣ, до тѣхъ поръ пока онъ доберется до имѣющей воздушную стѣну, которая съ этихъ поръ будетъ служить для него опорой, — и тогда снова поднимаютъ его.

* Glocker, Versuch über die Einwirkung des Liechts auf die pflanzen стр. 28.

** Memoirs of the american Academy of arts and science, vol. II.

*** Lamarck et de Candolle, Flore française, t. I, p. 198.

Невозможно не удивляться, видя, что эти существа, которы во всё времена, съ основаніемъ или безъ основанія, считались совершенно лишенными чувства, не только обнаруживаютъ большую впечатлительность относительно свѣта, но и стремятся к нему на встрѣчу съ такою энергіей, что, не будучи въ состояніи достигнуть его иначе, они добровольно измѣняютъ свой обычный способъ прозябанія, пробираясь къ нему по землѣ и по стѣнамъ.

Замѣтимъ еще остроумный опытъ Мюстеля. Этотъ искусный наблюдатель поставилъ противъ горшка съ жасминомъ (*Jasminum azaricum*) небольшую доску, въ которой онъ проделалъ много отверстій, каждое величиною въ два дюйма въ діаметрѣ, и на разстояніи шести дюймовъ одно отъ другаго. Жасминъ измѣнилъ направленіе своего стебля и двинулся къ свѣту, пройдя сквозь ближайшее отверстіе. Мюстель немедленно и жасминъ и доску привелъ въ обратное положеніе, такъ что стебель, который проникъ чрезъ первое отверстіе, очутился въ тѣни; но растеніе снова вырвалось на свѣтъ, пройдя чрезъ второе отверстіе. Повторивъ нѣсколько разъ этотъ опытъ, Мюстель имѣлъ удовольствіе видѣть, что стебель проникъ сквозь всѣ скважины и обвилъ зигзагами обѣ стороны доски. Не напоминаетъ ли этотъ фактъ инстинктъ птицы, которая вылетаетъ въ первое представившееся ей отверстіе?

Слѣдующій фактъ, который мы находимъ въ книгѣ Фехнера показывая до какой степени сильно въ растеніяхъ стремленіе къ свѣту, по нашему мнѣнію, можетъ также служить примѣромъ энергіи, къ которой они способны, когда хотятъ выйти изъ неблагоприятнаго для нихъ положенія.

Лейпцигскій профессоръ Швегрихенъ, очень извѣстный ботаникъ, получилъ свѣдѣніе, что въ глубокихъ мансфельдскихъ копяхъ найденъ новый родъ тайнобрачнаго растенія. Его чешуйчатый стволъ достигъ высоты ста двадцати футовъ, не добравшись однакоже до входа въ мину. Этотъ минный тайнобрачникъ былъ ничто иное, какъ чешуйникъ (*lathraea squamaria*)—растеніе, которое обыкновенно имѣетъ только нѣсколько дюймовъ высоты. Брошенной какимъ-нибудь случаемъ въ эту глубину, онъ сталъ искать того, въ чемъ всего болѣе имѣлъ нужду, т. е. свѣта. Единственнымъ средствомъ дойти до него было—рости, рости и рости: такъ и сдѣладо это растеніе, кото-

не въ ту минуту, когда было найдено, превзошло уже болѣе чѣмъ во сто разъ высоту, которой оно достигаетъ, живя среди луча свѣта на земной поверхности. Когда гусеница стремится внизъ изъ своего положенія и возродиться къ новому лучшему существованію, то инстинктъ научаетъ ее сосредоточить сперва всѣ свои силы въ одной работѣ—въ образованіи кокона. Мы знаемъ, что этотъ инстинктъ столько же таинственъ, какъ и тотъ, который открылъ чешуйчатому корню, что для достиженія свѣта ему необходимо прежде всего сосредоточить всѣ свои усилія въ одномъ актѣ—въ возрастаніи. Должно замѣтить, что это существо начало искать свѣта прежде, чѣмъ онъ озарилъ его, такъ что стремленіе къ свѣту возникло въ немъ самостоятельно, когда ни малѣйшій лучъ свѣта не проникалъ въ глубину, въ которой оно находилось. Это обстоятельство, показывающее, что растеніе дѣйствовало вовсе не подъ вліяніемъ какой нибудь внѣшней силы, заставляетъ насъ видѣть въ упомянутомъ феноменѣ характерическій признакъ всякаго самопроизвольнаго дѣйствія: самостоятельность. Правда, мы не въ состояніи допустить, чтобы чешуйникъ зналъ, что онъ ищетъ именно свѣта, но мы не можемъ представить никакого серьезнаго возраженія читателю, который скажетъ, что это существо должно было чувствовать чего оно не хочетъ; а чего оно не хотѣло такъ это оставаться тамъ, гдѣ не могло ни производить листьевъ и вѣтвей, ни расцвѣтаться. Выйти изъ этого аномальнаго положенія—было, вѣроятно, единственною цѣлюю всѣхъ его усилій.

Хотя усилія латреи придти въ соприкосновеніе со свѣтомъ можетъ казаться внутреннимъ побужденіемъ, совершенно самопроизвольнымъ актомъ, однакожь мы сильно колеблемся допустить какъ общій фактъ существованіе этой самопроизвольности во всѣхъ растеніяхъ. Допустивъ его мы должны будемъ смотрѣть на растенія какъ на существа, одаренныя особыми инстинктами, и, следовательно, обладающія способностью или свободою повиноваться имъ.

На касаясь здѣсь вопроса о свободѣ душъ, мы скажемъ только, что по нашему мнѣнію всякое твореніе можетъ чувствовать себя свободнымъ, какъ скоро оно повинуется внутреннему побужденію, инстинкту, который ему свойственъ.

Такимъ образомъ, несмотря на противоположный результатъ, до котораго дошли нѣкоторые отдѣльные мыслители, большая часть наблюдателей единогласно приписываетъ животнымъ способность

дѣйствовать свободно, подъ вліяніемъ ихъ различныхъ высотъ.

Но какимъ образомъ можно дойти до тогоже самаго вывода когда дѣло идетъ о растеніяхъ? Можно ли указать въ растительномъ царствѣ не кое-какіе отдѣльные феномены, а постоянные факты, дающіе намъ право думать, что растенія обладаютъ въ какой бы то ни было мѣрѣ этою свободой, безъ которой мы не можемъ считать ихъ существами одушевленными?

При отыскиваніи въ растеніи признаковъ свободы насъ тогда же поражаютъ: широта пространства, на которое онъ раскидываетъ свои сучья и вѣтви; способность его производить смотря по обстоятельствамъ, мало или много вѣтвей, листьевъ и цвѣтовъ, группировать ихъ и распредѣлять постоянно мѣняющимся способомъ. Почки, листья и цвѣты каштановаго дерева показываются скорѣе въ такомъ-то мѣстѣ, чѣмъ въ другомъ; вѣтви и стволъ его бываютъ прямы или кривы независимо отъ вліянія внѣшнихъ агентовъ—воздуха или свѣта. Это послѣднее замѣчаніе намъ кажется тѣмъ болѣе справедливымъ, что разсматривая однородныя растенія, напр. дубы, которые живутъ на одной и той же почвѣ, мы замѣчаемъ въ нихъ очень чувствительныя различія. Одни изъ нихъ раздѣлены на двѣ, другіе—на три большія вѣтви, которыя находятся въ неравномъ разстояніи отъ почвы и образуютъ съ нею углы, въ высшей степени различныя. Листья, отростки, цвѣты группируются на нихъ въ рядкѣ, который постоянно мѣняется, переходя отъ одного вида къ другому. Мы вовсе не замѣчаемъ, чтобы эти существа, относительно производства различныхъ частей своихъ, были подчинены неизмѣннымъ законамъ, господствующимъ въ неодушевленной матеріи; напротивъ того, мы чувствуемъ, что они могутъ разнообразить до безконечности ихъ число и направленіе.

Та же самая свобода, которую мы сейчасъ замѣтили въ воздушной жизни растеній, обнаруживается, хотя съ меньшею ответственностью, и въ подземномъ ихъ существованіи, потому что они имѣютъ способность направлять свои корни къ хорошей землѣ и развѣтвлять ихъ различнымъ образомъ.

Это безконечное разнообразіе, представляемое растеніемъ относительно производительности и направленія различныхъ частей его, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ природы, которые не подходятъ ни подъ какіе физическіе законы.

Известная сила не достаточна для объясненія этого разнообра-
 ния и за тѣмъ мы почти готовы считать его признакомъ инди-
 видуальной свободы въ существахъ растительнаго царства.
 Хотя это объясненіе слишкомъ противоположно нашему обык-
 новенному взгляду на растительный міръ, такъ что мы остерегаемся
 принять его, однакоже изложенные нами факты могутъ его оправдывать.
 Мы снова желаемъ обратить вниманіе читателя на различіе, которое обнаруживаютъ растенія одного
 и того же вида въ своемъ произрастеніи, — различіе, которое
 удобнѣе склонностямъ тоже очень часто несходнымъ, замѣ-
 тливымъ въ животныхъ одного и того вида.

Два зерна одного и того же яблока были посажены на одной
 и той же почвѣ; они были подвержены однимъ и тѣмъ же влія-
 ніямъ; они пустили ростки и благоденствовали, они сдѣлались
 прекрасными деревьями, которыми намъ предстоитъ тщательно
 разсмотрѣть. Мы замѣтимъ въ нихъ съ перваго раза большое
 сходство: листья одной и той же формы, кора одного и того
 же вида, одинаковый складъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи
 мы увидимъ, что сквозь это общее сходство проглядываютъ
 очень чувствительныя различія, особеннаго можно бы сказать—
 историческаго, свойства. Одно изъ двухъ деревьевъ, какъ будто
 съ нетерпѣньемъ увеличить кругъ своей дѣятельности, начало
 рано раздвояться, очень недалеко отъ земли, и за долго прежде
 своего соотѣда. Цвѣты и плоды во всѣ годы будутъ поспѣвать
 на немъ ранѣе и расти въ большемъ изобиліи, нежели на дру-
 гой яблонѣ; оно будетъ гуще покрыто листьями и вѣтвями, и
 мы почти невольно припишемъ ему болѣе дѣятельный харак-
 теръ и болѣе живой темпераментъ. Короче, мы увидимъ, что
 эти два растенія ведутъ себя почти также какъ два брата о
 которыхъ заботились одинаково, но которые, тѣмъ не менѣе,
 выросая, обнаруживали противоположныя склонности.

Мы позволяемъ себѣ указать на слѣдующій фактъ, ко-
 торый, какъ намъ кажется, можетъ быть приведенъ въ при-
 мѣръ стойкости, съ какою существа растительнаго царства,
 независимо отъ общаго характера, свойственнаго данному ви-
 ду, удерживаютъ свои склонности, — мы хотѣли сказать—свою
 индивидуальную свободу.

Въ Тюльрійскомъ саду растутъ нѣсколько сотенъ каштано-
 выхъ деревьевъ подъ одинаковыми климатическими вліяніями,
 возмущаясь одними и тѣми же попеченіями. Однако же между

этими каштанами есть одинъ, очень извѣстный парижанамъ обладающій темпераментомъ болѣе дѣятельнымъ, и характеромъ болѣе предприимчивымъ, нежели всѣ остальные. Едва начинаютъ показываться первые лучи весенняго солнца, онъ пробуждается и производитъ почки и листья за много недѣль прежде другихъ деревьевъ сада, за долго до пробужденія своего сосѣда, котораго черныя и совершенно нагія вѣтви переплетаются съ ея вѣтвями, какъ будто для того, чтобы ярче выставить ихъ раннюю зелень и заставить еще сильнѣе почувствовать разность характера, существующую между этими двумя созданіями. Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, какъ мы наблюдаемъ это дерево оно ни разу не измѣнило своей репутаціи.

Де Кандоль, который замѣтилъ подобныя же факты въ Швейцаріи и въ Монпелье, не безъ основанія думаетъ, что эти феномены нельзя объяснить иначе, какъ совершенною особеннымъ темпераментомъ индивидовъ.

При всей многочисленности и подробности наблюденій на этотъ счетъ, никогда не было замѣчено, чтобы растенія, принадлежащія къ одному и тому же виду и живущіе на той же самой землѣ, росли совершенно одинаково. То болѣе или менѣе быстрымъ возрастаніемъ, то болѣе изобильнымъ производствомъ органовъ, они всегда представляли безконечное разнообразіе, сходное съ тѣмъ, которое замѣчается въ постоянно различныхъ способахъ дѣятельности животныхъ одного и того же вида, живущихъ въ одной и той же средѣ.

Развитіе растенія мы съ намѣреніемъ уподобили сейчасъ дѣятельности животныхъ; потому что намъ хотѣлось бы указать на одинъ изъ самыхъ существенныхъ фактовъ жизни прозябаемыхъ и рассмотреть то назначеніе, которое имѣетъ въ ихъ царствѣ актъ возрастанія.

Замѣтивъ способность растеній стремиться къ свѣту, мы предположили также, что актъ возрастанія въ царствѣ растительномъ имѣетъ совершенно другое значеніе, чѣмъ въ царствѣ животномъ, такъ что возрастаніе наше и возрастаніе растеній очень мало имѣютъ аналогіи между собою, хотя мы часто смѣшиваемъ эти два явленія въ одномъ наименованіи.

Животное всегда имѣетъ одинаковое число органовъ и членовъ, которые всегда остаются на одномъ мѣстѣ, и всегда расположены однимъ и тѣмъ же образомъ. Оно рѣшительно лишено способности произвести въ нихъ какое нибудь измѣненіе.

Растенія не подчиняются этому правилу, потому что, какъ мы уже выше замѣтили, они могутъ производить органы въ неограниченномъ числѣ, возобновлять ихъ и располагать постоянно въ различномъ порядкѣ.

Возрастаніе въ царствѣ прозябаемомъ является намъ актомъ самопроизвольнымъ, полнымъ нечаянности и разнообразія. Растенія, свободно развиваясь во всѣхъ направленіяхъ, достигаютъ той же цѣли, къ которой стремятся животныя, посредствомъ передвиженія, потому что прозябаемыя ищутъ своей пищи, направляются къ свѣту и оплодотворяются именно посредствомъ непрерывнаго произрастанія, общаго или частнаго.

Разныя времена года, свѣтъ, тьма, теплота, говоря вообще, не имѣютъ никакого вліянія на возрастаніе существъ животнаго царства. Животныя растутъ одинаковымъ образомъ среди годовыхъ и температурныхъ перемѣнъ; напротивъ того, развитіе растеній мѣняется вмѣстѣ съ сезонами, температурой и погодой.

И растеніе именно посредствомъ своего различнаго образа возрастанія, повинуваясь требованіямъ ви́шнихъ агентовъ, воздѣйствуетъ съ своей стороны на стихіи, которыми оно окружено со всѣхъ сторонъ. Постояннымъ произрастаніемъ, непрерывнымъ преобразованиемъ оно удовлетворяетъ различнымъ одушевляющимъ его наклонностямъ, и достигаетъ цѣли своего существованія, точно такъ же, какъ животныя исполняютъ свое жизненное назначеніе посредствомъ послѣдовательнаго ряда непрерывныхъ дѣйствій.

Но опредѣляя такимъ образомъ существенно-различную роль, которую играетъ возрастаніе въ двухъ царствахъ организованныхъ существъ, мы въ тоже время видимъ съ другой стороны болѣе явственную аналогію между возрастаніемъ растеній и дѣятельностью животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ мірѣ прозябаемомъ перестать расти значитъ перестать жить, такъ же какъ въ царствѣ животномъ жизнь прекращается вмѣстѣ съ способностью дѣйствовать. Короче, для прозябаемыхъ расти значитъ дѣйствовать. Приведеніе нѣкоторыхъ фактовъ сдѣлаетъ болѣе очевидною справедливость этого положенія.

Замѣтимъ прежде всего, что какъ животныя измѣняютъ самопроизвольно свой образъ жизни и дѣятельности, смотря по странѣ, гдѣ они обитаютъ, и по различнымъ временамъ года, такъ и растенія, по видимому, обладаютъ способностью устроить и

измѣнять свое возрастаніе по времени и обстоятельствамъ, почвѣ и по средѣ, въ которой они живутъ.

Нѣтъ надобности останавливаться на вліяніи, которое имѣтъ различныя времена года на ростъ прозябаемыхъ, упоминать о дѣятельности растенія весной и о влности его въ зимнее время; все продолженіе зимы оно повидимому спитъ, какъ дѣлаютъ многія животныя.

Мы знаемъ какъ, по словамъ Гёте, растетъ дубъ, заслоняемъ тѣнью. Тотъ же внимательный наблюдатель природы покажетъ на теперь какъ дѣйствуютъ дубы, живущіе при различныхъ условіяхъ.

«Если дубъ, говоритъ онъ, стоитъ одиноко на влажной, (лотистой и черезъ-чуръ плодородной почвѣ, то онъ рано произведетъ сучья и вѣтви, въ большомъ числѣ и во всѣхъ направленіяхъ; но въ немъ будетъ замѣтно отсутствіе противныхъ умѣряющихъ вліяній. Онъ не будетъ коренастъ, суковатъ и слень. Издали онъ будетъ имѣть видъ слабости, напоминающій липу. Онъ не будетъ красивъ, или, по крайней мѣрѣ, не будетъ имѣть красоты дуба. Напротивъ того дубъ, который живетъ на склонѣ горы, на почвѣ каменистой и бесплодной, будетъ, правда, жилистъ и узловатъ, но эти качества перейдутъ въ немъ въ ру. Всѣ усилія его къ полному своему развитію будутъ по тоянно парализованы. Рано задержанный и остановленный въ свободномъ своемъ возрастаніи, онъ никогда не достигнетъ того, чтобы своимъ видомъ внушить кому либо слова: этомъ существѣ есть нѣчто внушающее удивленіе. — Дуба кажется пригоднѣе всего почва песчаная, въ которой онъ свободно можетъ пустить свои корни во всѣхъ направленіяхъ; и кромѣ того нужно, чтобы пространство вокругъ него было достаточно свободно, такъ чтобы дерево могло со всѣхъ сторонъ подвергаться дѣйствию стихій, и проникаться вліяніемъ свѣта и солнца, дождя и вѣтра. Если онъ будетъ жить въ изнѣженности, защищенный отъ бурь и непогодъ, то изъ него не выйдетъ ничего хорошаго. Только вѣковая борьба съ стихіями сдѣлаетъ его сильнымъ и могущественнымъ, и произведетъ то, что когда онъ достигнетъ своего полного развитія, мы, стоя передъ нимъ, будемъ чувствовать себя объатыми восторгомъ и удивленіемъ.» *

Точность фактовъ, которые замѣтилъ Гёте, доказывается тѣмъ

* Eckermann, Gespräche mit Goethe.

то прозябаемыя измѣняютъ свой способъ роста, когда ихъ перемѣняютъ съ одной земли на другую, или когда измѣняютъ ихъ положеніе относительно солнца. Этотъ переверотъ въ наклонностяхъ отдѣльнаго растенія обнаруживается очень замѣтно.

Такимъ образомъ орѣхъ и каштанъ, когда они растутъ у воды, раскидываютъ свои вѣтви въ видѣ арокъ, какъ большая часть водяныхъ растеній; но они совершенно измѣняютъ свой видъ и положеніе, когда ихъ переносятъ далеко отъ воды на сухую почву. *

Либихъ замѣтилъ, что простого пересажденія съ одного мѣста на другое иногда бываетъ достаточно для того, чтобы миндальное дерево, на которомъ прежде росъ горькій миндаль, стало производить сладкій. **

Персикъ, который, говорятъ, очень вреденъ въ Персіи, своей родиной, сдѣлался у насъ однимъ изъ плодовъ наиболее цѣнныхъ.

Вообще культура сильно дѣйствуетъ на характеръ большей части растеній, что напоминаетъ намъ вліяніе прирученія животныхъ: подобно этимъ послѣднимъ, растенія измѣняютъ права и привычки подъ непрерывнымъ вліяніемъ челоуѣка. Вы съ трудомъ согласитесь признать въ скромномъ дикомъ шиповникѣ предка великолѣпныхъ розовыхъ кустовъ вашего сада. Растеніе не только преобразовало свои тычинки въ лепестки, чтобы создать цвѣтокъ, которому вы удивляетесь, но оно измѣнило осанку и видъ, и наконецъ стало испускать то благоуханіе, котораго шиповникъ не имѣетъ.

Есть прозябаемыя, которыя соответственно различнымъ часамъ дня растутъ иначе или обнаруживаютъ различныя свойства; такъ поступаетъ *Hydrophyllum calycinum*, котораго листья кислотнаго утрома, не имѣютъ никакого вкуса днемъ и очень горьки при закатѣ солнца. Еще удивительнѣе: *hibiscus mutabilis*, какъ я имѣлъ случай наблюдать на Антильскихъ островахъ, сперва даетъ своему цвѣтку—бѣлый цвѣтъ, къ полудню окрашиваетъ его въ пурпуръ, а вечеромъ, въ минуту самаго захода солнца, пурпуръ преобразуется въ блестящій красный цвѣтъ. *Victoria regia* даетъ цвѣты, которые въ минуту своего распусканія бываютъ совершенно бѣлы; но спустя нѣсколько часовъ они начинаютъ превращаться въ красные.

* Bernardin de Saint-Pierre, Etudes de la nature.

** Liebig, Chemische Briefe.

Физиологъ Мейеръ увѣряетъ, что *amarullis Josephinae* две-ростетъ вдвое скорѣе чѣмъ вечеромъ.

Какъ между животными есть такія, которыхъ движеніе медленны, и такія, которыя дѣйствуютъ и двигаются съ чрезвычайною быстротою, такъ точно и между растеніями одни растутъ нескоро, а другіе—удивительно быстро.

Въ Каракасскомъ ботаническомъ саду находилось одно выщее растеніе изъ породы *solvolvulus*, которое въ теченіи шести мѣсяцевъ достигло длины въ шесть тысячъ футовъ такъ что ростъ его увеличивался болѣе чѣмъ на двадцать четыре фута въ день или на одинъ футъ въ часъ. *

Victoria regia обнаруживаетъ въ своемъ произрастаніи дѣятельность по истинѣ изумительную. Въ нѣсколько мѣсяцевъ она производитъ множество огромныхъ листьевъ, изъ которыхъ нѣкоторые достигаютъ въ очень короткое время до семи футовъ въ діаметрѣ. Когда мы могли внимательно наблюдать листья этого растенія, то намъ казалось, что мы видимъ самый актъ ихъ возростанія. Это не было иллюзіей, такъ какъ я могъ убѣдиться, что въ двадцать четыре часа одинъ изъ листьевъ увеличился почти на цѣлый футъ въ діаметрѣ. Мы видѣли одну *Victoria regia*, которая въ теченіе трехъ мѣсяцевъ покрыла площадь воды пространствомъ въ сто двадцать футовъ. Когда это необыкновенное растеніе находится въ хорошихъ климатическихъ условіяхъ и когда мѣсто, гдѣ оно растетъ, не представляетъ никакого препятствія для его полнаго развитія, то оно легко раскинется въ пространство многихъ тысячъ метровъ, какъ это бываетъ въ большихъ рѣкахъ Бразиліи и Гвіаны. Альсидъ д'Орбиньи видѣлъ въ Паранѣ одну *Victoria (Victoria cruziana d'Orb.)*, которая покрывала поверхность воды болѣе чѣмъ на четверть льѣ въ длину. Сэръ Робертъ Шомбургъ, знаменитый путешественникъ видѣлъ это растеніе въ большомъ количествѣ въ рѣкѣ Еербисъ и увѣряетъ, что иногда одинъ индивидуумъ этого растенія занимаетъ огромныя пространства.

Очень замѣчательнъ фактъ, что бывали многіе примѣры, когда прозябаемая вдругъ измѣняла образъ своего возростанія и обнаруживали наклонности совершенно противоположныя тѣмъ, которыя характеризовали ихъ до этого момента, точно такъ же какъ люди и животныя иногда вдругъ мѣняютъ свой образъ дѣйствія; и наблюдатели не могли объяснить этого иначе, какъ

* Murray, Froriep's Notizen t. XXVIII.

случае произвольнымъ актомъ. Извѣстны очень многіе случаи этого рода, но мы приведемъ только одинъ изъ нихъ.

Въ Jardin des Plantes въ Парижѣ была одна *agave foetida*, которая болѣе столѣтія росла тамъ съ необыкновенною медленностью; вдругъ, безъ всякой видимой причины, она начала въ 1793 г. подыматься съ такою быстротою, что было время когда она выросла болѣе чѣмъ по одному футу въ день.*

Гартигъ, сдѣлавшій очень замѣчательныя наблюденія подлѣ ея, утверждаетъ, что это прозябаемое, растущее сперва очень медленно, ускоряетъ свое возрастаніе съ каждымъ днемъ, пока не достигнетъ полнаго развитія.**

Многія растенія бывають дѣятельнѣе въ то время, когда они вступаютъ, нежели во всякое другое, точно такъ же какъ въ существахъ другаго царства мы замѣчаемъ болѣе безпокойную дѣятельность въ тотъ моментъ, когда они находятся подлѣ вліянія любви.

Американская *анава*, которая въ странахъ новаго свѣта, своей родиной, начинается цвѣсти съ третьяго года своего существованія, обыкновенно остается пять лѣтъ безъ цвѣтовъ въ странахъ средиземныхъ гдѣ она аклиматизирована и растетъ на воздухѣ. Въ оранжереяхъ нашего сѣвера ея природная медленность доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Несмотря на возвышенную температуру оранжереи, она растетъ такъ медленно, лѣтность ея такъ велика, что она болѣе полувѣка не рѣшается на актъ оплодотворенія. Но какъ только въ ней пробудился этотъ инстинктъ, она дѣлается совсѣмъ другимъ существомъ. Изъ группы образуемой ея длинными, иглистыми листьями, она съ непостижимою быстротою подымаетъ свой гигантскій, покрытый цвѣтами, стволъ, который въ теченіе какихъ нибудь пятнадцати дней достигаетъ высоты двадцати пяти футовъ. Когда тайна оплодотворенія совершилась, то истощенное растеніе умираетъ.

Вѣсто того, чтобы, подобно животнымъ, передвигаться всѣмъ существомъ своимъ изъ одного мѣста къ другому, растенія съ помощию ими точки проникають все впередъ, посредствомъ своихъ постоянно возрождающихся органовъ. Они растутъ всю свою жизнь, такъ же какъ животные не перестаютъ дѣйствовать пока существуютъ. Съ какою дѣятельностью напр., рожд

* Wiegmann's Archiv., 1844, т. II pag. 71.

** De Candolle, Physiologie végétale.

производить свои листья, стебель и колосья! Переставъ расти, он перестаетъ жить. Новые почки и новые листья, которые производить дубъ въ этотъ годъ, исчезнуть въ свою очередь и будут замѣнены другими. Назначеніе дуба — производить ихъ, а и удерживать въ своемъ владѣніи. Онъ доволенъ этою дѣятельностью; его корни, вѣтви, листья, цвѣты и плоды — суть его произведенія; всякій годъ онъ создаетъ новые и измѣняетъ старые. Наблюдатель, какъ бы онъ ни былъ проникателенъ можетъ уловить только самыя рѣдкія, самыя замѣтныя измѣненія, которыя непрестанная дѣятельность прозябаемаго производитъ во всѣхъ частяхъ его. Кто въ состояніи исчислить все перемѣны, которыя происходятъ на одной какой нибудь вѣтви дуба, хотя бы въ теченіе только нѣсколькихъ лѣтъ его существованія?

Когда вы внимательно наблюдали эту непрестанную работу, уловили эту неудержимую склонность прозябаемыхъ мѣняться преобразовываться и совершенствоваться, вы не можете отвергать, что они одарены изумительною дѣятельностью, и охотно допускаете вмѣстѣ съ Марціусомъ, что это существа очень прилежныя и трудолюбивыя.

Мы сейчасъ замѣтили, что произрастаніе и развитіе прозябаемыхъ всегда сопровождается очевидными признаками инстинкта. Но эти созданія обнаруживаютъ различныя способности своей души не единственно своимъ развитіемъ или своимъ ростомъ въ собственномъ смыслѣ. Читатель, вѣроятно, былъ уже пораженъ способностью прозябаемыхъ измѣнять положеніе своихъ листьевъ и цвѣтовъ, наклонять, подымать и искривлять свои стволы, вѣтви и даже корни. Вотъ въ этомъ-то и заключаются особенныя движенія ихъ, постоянныя или временныя, которыхъ не должно смѣшивать съ общимъ движеніемъ индивида. Какъ животныя могутъ всѣмъ существомъ своимъ передвигаться съ одного мѣста на другое, или только измѣнять положеніе своихъ членовъ, такъ растеніе можетъ не только развиваться въ пространствѣ, но и давать большей части своихъ органовъ самостоятельныя и самопроизвольныя движенія.

Нѣкоторыя растенія ползутъ или карабкаются для отысканія себѣ опоры, между тѣмъ какъ другія, повидимому, заняты единственно направленіемъ своихъ листьевъ и цвѣтовъ къ лучамъ солнца. Нѣкоторыя держатъ свои стебли и вѣтви въ наклонномъ положеніи во время жара и засухи, и подымаютъ ихъ подѣ

мишемъ влажности и свѣжести. Есть растенія до того впечатлительныя, что при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ свернваютъ свои листья.

Каждое растеніе дѣйствуетъ различнымъ, ему свойственнымъ, образомъ, такъ что феномены, на которые въ настоящую минуту обращено наше вниманіе, представляютъ безконечное разнообразіе. Притомъ относящіяся сюда факты такъ многочисленны, что мы отмѣтимъ только нѣкоторые изъ нихъ, наиболее замѣчательныя.

Растеніе, которому природа назначила виться вокругъ какой нибудь опоры, выходя изъ земли, подымается сперва совершенно прямо; спустя нѣсколько времени, оно даетъ своему стволу, у вершины, горизонтальное направленіе. Вскорѣ затѣмъ нижняя часть ствола начинаетъ виться спиралью на себя самой. Вслѣдствіе этого оконечность ствола, принявшая боковое направленіе, опишетъ кругъ въ пространствѣ. И такъ растеніе употребляетъ свою оконечность какъ органъ осязанія, посредствомъ котораго оно ощупью ищетъ своей опоры. Если первый кругъ спирали былъ недостаточенъ, то растеніе повторитъ ту же эволюцію. Стволъ, сдѣлавшійся длиннѣе, опишетъ на этотъ разъ болѣе широкой кругъ, и, можетъ быть, встрѣтитъ опору, которой отъ не нашелъ съ перваго раза. Если, при всѣхъ усиліяхъ, растенію не удастся найти, чего оно ищетъ, — оно оставитъ свой первоначальный планъ и, не будучи уже въ состояніи поддерживать высоту своего длиннаго стебля въ горизонтальномъ положеніи, все цѣликомъ припадаетъ къ землѣ и будетъ ползти по ней до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ на своемъ пути необходимой для себя опоры. И оно тотчасъ же чувствуетъ присутствіе этой опоры, потому что дойдя до нея, въ тотъ же мигъ, переставъ волочиться по землѣ, обвиваетъ своего покровителя и начинаетъ подыматься вверхъ. Еслибы оно не почувствовало присутствія этого предмета, еслибы прикоснувшись къ нему, не испытало какого нибудь ощущенія, служащаго къ пробужденію въ немъ инстинкта, склонности и способности карабкаться, то, очевидно, оно прошло бы мимо встрѣченной опоры, не измѣняя направленія, что, какъ намъ кажется, было бы для него удобнѣе, нежели вступать на новый путь, гдѣ ему предстоитъ бороться съ силою тяжести.

Но что будетъ дѣлать растеніе, когда достигнетъ вершины предмета, вокругъ котораго оно обвилось?—оно не находить

уже тамъ опоры, а между тѣмъ желаніе, нужда опираться, сохраняются въ немъ по-прежнему. Оно опять начнетъ тѣ же эволюціи, которыя мы замѣтили въ началѣ его существованія: нѣсколько дней оно будетъ подыматься все прямо надъ своею опорой, потомъ наклонитъ горизонтально верхнюю часть своего ствола, которымъ и станетъ описывать въ пространствѣ круги, посредствомъ спиральныхъ движеній.

Очень замѣчательно, что цѣлыя семейства обвиваются вокругъ своихъ подпоръ, оборачиваясь на себѣ самихъ справа влѣво какъ это дѣлаютъ бобовыя растенія, страстоцвѣтныя, вьюны видныя, между тѣмъ какъ другія семейства дѣлаютъ эти движенія всегда слѣва направо, какъ хмѣль, діоскорейныя, дѣвичій корень. Чтобы опредѣлить направленіе этого винта, должно вообразить себя въ центрѣ спирали, и лицомъ къ югу. Многіе наблюдатели не объяснили куда они смотрѣли — на сѣвер или на югъ — и потому не должно удивляться, если одни изъ нихъ говорили о извѣстныхъ растеніяхъ, что они вьются справа на лѣво, а другіе приписывали ихъ извиву совсѣмъ противоположное направленіе.

Вообще, вьющіяся растенія обвиваются безразлично вокругъ предметовъ всякаго рода; однакоже павилика пренебрегаетъ тѣлами безжизненными и обвивается только вокругъ живыхъ растеній. Если молодую павилику привести въ соприкосновеніе съ какимъ бы то ни было неодушевленнымъ предметомъ, то она пройдетъ мимо, не обвившись вокругъ него; но она обовьется вокругъ всякаго растенія, ему доступнаго, въ особенности же вокругъ тимьяна, который она очень любитъ. Почему показываетъ она эту разборчивость, которой, по видимому, нѣтъ у другихъ родовъ большого семейства, къ которому она принадлежитъ? Потому что она имѣетъ свои вкусы и желанія. Между тѣмъ какъ другія вьющіяся растенія остаются своими корнями въ землѣ, изъ которой они вышли, и продолжаютъ доставать изъ нея свою пищу, павилика, зародившаяся въ землѣ, выростая, отдѣляется отъ нея, и оставляетъ свои первые корни, которые она тамъ бросила; съ этихъ поръ она питается сокомъ тѣхъ самыхъ прозябаемыхъ, вокругъ которыхъ она вьется, и въ грудѣ которыхъ она пускаетъ множество маленькихъ корней, по мѣрѣ своего возрастанія. Иногда случается, что она истощаетъ растеніе, выпивая его питательный сокъ. И когда оно умретъ отъ этого, то павилика, неблагодарная и прожорливая, какъ всѣ

исядцы, станеть подвигать оконечность своего стебля для прискиванія новой опоры, и, оставивъ свою первую жертву, прибится ко всякому другому растенію, котораго сокъ можетъ служить ему изобильную пищу.

Многіе виды обвиваются вокругъ подпоры посредствомъ специальныхъ органовъ, называемыхъ ушками или гораздо чаще руками. Это послѣднее названіе намъ кажется лучшимъ, потому что растеніе употребляетъ ихъ какъ руки, посредствомъ которыхъ оно хватываетъ предметъ, прицѣпляется къ нему, поддерживаетъ и вѣтъ свой стебель и, карабкаясь, подымается вверхъ.

По нашему мнѣнію, большая часть физиологовъ не безъ основанія думаетъ, что руки растеній не суть органы въ собственномъ смыслѣ этого слова, или, лучше, что это суть только случайныя и приличные органы, недоношенные цвѣты или листья. Этотъ фактъ несомнѣнно способствуетъ къ обнаруженію совершенно психическаго свойства въ этой постоянной дѣятельности, въ этихъ непрестанныхъ превращеніяхъ, которыя мы замѣтили въ жизни прозябаемыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить одною механическою теоріею фактъ, представляемый растеніями, которыя для того, чтобы прирѣшиться къ какому нибудь предмету, преждевременно рѣзаютъ то листь, то цвѣтъ, и потомъ превращаютъ ихъ въ руки, которыя даютъ имъ возможность удовлетворить своему врожденному инстинкту, внутреннему побужденію, заставляющему ихъ искать опоры? Въ этомъ обстоятельствѣ растеніе дѣйствуетъ, по видимому, съ нѣкоторою смѣтливостію, или, по крайней мѣрѣ, съ замѣчательною разборчивостію, потому что для достиженія своей цѣли оно употребляетъ самыя вѣрныя средства. Мы получаемъ такимъ же образомъ, когда, для того чтобы влѣзть на стѣну, прибѣгаемъ, при недостаточности своихъ естественныхъ средствъ, къ употребленію крюковъ и скобокъ. Что производство ушковъ или рукъ въ самомъ дѣлѣ предоставлено особому инстинкту этихъ растеній,—это, по нашему мнѣнію, видно изъ того,—какъ показали наблюденія,—что съ одной стороны руки являются только тогда, когда индивидъ достигъ уже высоты, на которой онъ начинаетъ имѣть нужду въ опорѣ, а съ другой, что онъ можетъ производить ихъ въ неопредѣленномъ числѣ по мѣрѣ того, какъ подымается вокругъ своей опоры.

Мы не можемъ оставить это большое и замѣчательное семейство прозябаемыхъ, не упомянувъ о слѣдующемъ фактѣ, который, какъ намъ кажется, можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на

вопросъ о душѣ въ растеніяхъ и который былъ указанъ г. Макеромъ, изъ Женевы. Если прикоснуться къ рукѣ какогонибудь водоросля, напр. дѣвичьяго корня, въ точкѣ отстоящей на три или на четыре сантиметра отъ его оконечности, то онъ тотчасъ сожмется и образуетъ кольцо. Посредствомъ этого кольца оно схватитъ предметъ, прикосновеніе котораго оно почувствовало, если впрочемъ онъ не слишкомъ толстъ. Мы замѣтимъ даже два очень различныя движенія, потому что въ то самое время, когда рука сдѣлаетъ первое кольцо вокругъ опоры, растеніе продолжаетъ свиваться спирально своею оконечностію до которой, впрочемъ, не коснулось постороннее тѣло, и чрезъ четверть часа образуется такимъ способомъ нѣсколько узловъ.

Изъ совокупности фактовъ, только что замѣченныхъ нами въ вьющихся растеніяхъ, можно заключать, что эти существа, одаренныя чувствомъ осязанія въ своихъ рукахъ и въ оконечностяхъ своихъ стволовъ, дѣйствуютъ подѣ вліяніемъ настоящаго инстинкта, когда этими чувствующими оконечностями, они ищутъ своихъ опоръ посредствомъ самопроизвольныхъ движеній.

Разсматривая выше нѣкоторые характеристическіе факты, сопровождающіе ростъ прозябаемыхъ, мы дошли до признанія въ этихъ существахъ присутствія особеннаго инстинкта, который заставляетъ ихъ искать свѣта и рости всецѣло къ нему. Теперь, изучая частныя и самопроизвольныя движенія, способностью къ которымъ растеніе повидимому одарено, мы замѣчаемъ, что его листья и цвѣты суть тѣ изъ его органовъ, которые оно преимущественно направляетъ къ свѣту.

Что въ настоящемъ фактѣ скрывается дѣйствіе одушевленное, это, кажется, доказывается тѣмъ, что растеніе, посредствомъ энергическихъ и повидимому самопроизвольныхъ движеній, возвращаетъ своимъ листьямъ ихъ нормальное положеніе всякій разъ, когда какаянибудь посторонняя сила нарушитъ его. Изъ двухъ сторонъ листа одна постоянно обращена къ небу, другая — къ землѣ. Если мы будемъ держать все растеніе или вѣтвь его такъ, чтобы свѣтъ падалъ на нижнюю сторону листьевъ, между тѣмъ какъ противоположная сторона будетъ оставаться въ тѣни, то черезъ нѣсколько времени растеніе опять повернетъ свои листья, и, искрививъ оспованіе ихъ, вновь обратитъ верхнюю сторону ихъ къ свѣту. Боне, при одномъ изъ своихъ многочисленныхъ опытовъ, видѣлъ одно и то же растеніе поворачивающимъ свои

листья четырнадцать разъ. Однако же при слишкомъ частомъ повтореніи этого опыта надъ однимъ и тѣмъ же экземпляромъ растеніе испытываетъ большую усталость. Движеніе листьевъ становится болѣе медленнымъ и упомянутый феноменъ сопровождается наконецъ признаками разстройства на нижней ихъ сторонѣ.

Впрочемъ тотъ же фактъ можно наблюдать на плакучихъ деревьяхъ, гдѣ онъ происходитъ естественно. Эти странныя созданія, въ то самое время, когда они, въ противность всѣмъ другимъ растеніямъ, обращаютъ и опускаютъ свои вѣтви къ землѣ,—даютъ своимъ листьямъ изгибъ, посредствомъ котораго верхняя ихъ сторона обращается къ небу.

Замѣнитый англійскій ботаникъ Найтъ повернулъ къ свѣту нижнюю сторону винограднаго листа, лишивъ его всякихъ средствъ принять прежнее положеніе. Онъ скоро увидѣлъ реакцію растенія противъ насилія, учиненнаго надъ этимъ листомъ. Оно попробовало сперва повернуть его, потомъ старалось завернуть его края; наконецъ, — не успѣвъ въ обѣихъ этихъ попыткахъ, отдалило листъ отъ оконнаго стекла, куда онъ упирался, и подвинуло его въ другомъ направленіи къ свѣту, который, входя въ оранжерею съ противоположной стороны, необходимо долженъ былъ падать на верхнюю сторону листа. *

Если верхнюю сторону листа какого нибудь растенія, живущаго на открытомъ воздухѣ, мы прикроемъ маленькою дощечкой, то увидимъ, что листъ постарается избавиться отъ этой помѣхи и предприметъ дѣйствія, разнообразныя, смотря по обстоятельствамъ, но которые будутъ всегда таковы, какія мы исполнили бы сами для скорѣйшаго достиженія той же цѣли. Иногда растеніе наклонитъ направо или налево черешокъ своего листа, въ другой разъ оно опрокинетъ листъ, прижавъ его къ вѣтви или къ стволу, чтобы вынуть его изъ-подъ дощечки и возвратить ему такимъ образомъ нормальное положеніе:

Что должно заключить изъ этихъ фактовъ? Могли ли бы самыя сильныя изъ животныхъ представить болѣшую разборчивость въ средствахъ къ избавленію своихъ членовъ отъ стѣснительныхъ помѣхъ? Дютроше останавливается въ изумленіи передъ этими фактами, которые онъ наблюдалъ очень внимательно. Этотъ натуралистъ, который всегда такъ склоненъ объяснять феномены прозрѣнія остроумными физическими теоріями, въ настоящемъ случаѣ и не думаетъ прибѣгать къ нимъ; и, увлеченный очевид-

* Treviranus, Beiträge zur Pflanzenphysiologie.

ностью фактовъ, восклицаетъ: «Когда мы видимъ какимъ количествомъ средствъ располагаетъ растеніе, чтобы достигнуть одной и той же цѣли, то почти готовы признать въ немъ таинственный умъ, рѣшающій выборъ средствъ, которыя оно должно употребить *.

Всѣ знаютъ, что подсолнечникъ постоянно обращаетъ свои крупныя цвѣты къ солнцу; но многимъ не извѣстно, что большее число полевыхъ растеній слѣдуютъ также за солнечнымъ теченіемъ. Гегель былъ пораженъ этимъ фактомъ.

«Когда вечеромъ, говоритъ онъ,—мы выйдемъ на лугъ такъ чтобы намъ приходилось смотрѣть на западъ, то увидимъ очень мало цвѣтовъ, потому что они всѣ обращены къ заходящему солнцу; напротивъ того, входя туда съ противоположной стороны, мы замѣтимъ, что лугъ блеститъ тысячами цвѣтовъ. Равнымъ образомъ, когда рано утромъ мы выйдемъ на лугъ, смотря на западъ, то сперва не замѣтимъ тамъ ни одного цвѣтка, потому что всѣ они остались обращенными въ ту сторону, гдѣ зашло солнце, но мы увидимъ, что они будутъ поворачиваться къ востоку по мѣрѣ того какъ солнце станетъ подыматься на горизонтѣ».

Къ числу самыхъ странныхъ движеній, замѣчаемыхъ въ растеніяхъ, должно отнести тѣ, которыми сопровождается ихъ сонъ, также какъ и обратныя движенія, сопровождающія ихъ пробужденіе. Наблюдая большое число прозябаемыхъ, мы бываемъ поражены различіемъ вида, который они представляютъ—днемъ и ночью, и легко убѣждаемся, что причина этого различія заключается въ положеніи, которое листья, цвѣты, и даже стволы принимаютъ въ отсутствіи свѣта,—положеніи, совершенно противномъ тому, которое прозябаемыя даютъ днемъ тѣмъ же самымъ органамъ. Вотъ этотъ-то замѣчательный феноменъ Линней называетъ сномъ растеній. Отдыхаютъ ли растенія ночью? Должно ли ихъ состояніе въ ночное время сравнивать со сномъ существъ, принадлежащихъ къ животному царству? Между физиологами существуетъ большое различіе мнѣній относительно этого феномена, какъ и относительно всѣхъ тѣхъ, которые, по видимому, открываютъ намъ присутствіе души въ растеніяхъ. Какъ бы то ни было, нельзя не замѣтить, что сонъ растеній сопровождается нѣкоторыми фактами, которые обнаруживаютъ въ

* Dutrochet. Recherches sur la structure intime des plantes.

ншихъ существахъ предусмотрительность, хотя она долгое время оставалась незамѣченной. Прозябаемая съ простыми противоположными листьями, напр. лебеда, поднимаютъ ихъ во время такъ, что верхними сторонами своими они плотно соединяются одинъ съ другимъ, прикрывая такимъ образомъ молодые отпрыски. Напротивъ того другія растенія, какъ напр. дикій балзаминъ (не-тронь-меня), опускаютъ свои листья сводами надъ своими цвѣтами. Есть такія, которыя несовершенно поднимаютъ свои листья, но, оставляя ихъ пріоткрытыми у верхушки, образуютъ изъ нихъ нѣчто въ родъ воронки вокругъ почекъ и цвѣтовъ, какъ это замѣчается въ перуанской пальмѣ и въ дурманѣ. Между растеніями съ листьями сложными многія семейства поднимаютъ свои листочки въ сумерки и, вводя ихъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ единственно посредствомъ ихъ верхушки, образуютъ навѣсъ, подъ которымъ цвѣты укрываются отъ холода и другихъ ночныхъ опасностей; такъ поступаетъ напр. блѣднокрасная дятлина или русильонскій трилистникъ. Значительное большинство спящихъ растеній закрываютъ свои цвѣты передъ сномъ, для защищенія находящейся въ нихъ драгоценной пыли отъ вреднаго вліянія ночной росы.

Есть растенія, которыя регулярно открываютъ свои цвѣты днемъ и закрываютъ при закатѣ солнца, и которыя, слѣдовательно, осенью спятъ больше, нежели лѣтомъ. Напротивъ того, другія прозябаемая имѣютъ такой регулярный сонъ, что засыпаютъ и пробуждаются, открываютъ и закрываютъ свои цвѣты, всегда въ одинъ и тотъ же часъ, безъ различія временъ года. Линней, замѣтившій этотъ фактъ, соединилъ въ одномъ и томъ же цвѣтникѣ нѣсколько спящихъ растеній, изъ которыхъ каждое пробуждалось въ различный часъ, и устроилъ такимъ образомъ цвѣточные часы, которые показывали время довольно правильно. Существуетъ, въ противоположность этому, много и такихъ растеній, которыхъ сонъ чрезвычайно нерегуляренъ. Это растенія—чрезвычайно чувствительныя къ атмосферическимъ вліяніямъ. Они поднимаютъ или опускаютъ свои листья, открываютъ или закрываютъ свои цвѣты, словомъ — спятъ или остаются въ бодрственномъ состояніи, смотря по погодѣ. Внимательно наблюдая привычки этихъ прозябаемыхъ, мы видимъ въ нихъ живые барометры, которые показываютъ погоду съ большею

точностью, нежели снаряды нашихъ механиковъ, потому что инстинктъ растений рѣдко обманывается въ этомъ случаѣ.

Стеллера, напр., извѣстная подъ именемъ мокрицы или куриной слѣпоты, чаще всего просыпается въ девять часовъ утра. Въ эту минуту она подымаетъ стебель, открываетъ листья и цвѣты, и остается въ состояніи бодрствованія до полудня, если день обѣщаетъ хорошую погоду; но если надо ждать дождя, то растеніе не проснется: она останется въ наклонномъ положеніи и вовсе не откроетъ своихъ цвѣтовъ. Непосредственно открываетъ цвѣты свои въ седьмомъ часу утра, бодрствуетъ до четырехъ часовъ вечера. По тѣхъ поръ, пока онъ дѣйствуетъ такимъ образомъ, можно рассчитывать на хорошую погоду; но если онъ и послѣ семи часовъ еще спитъ, то можно быть увѣреннымъ, что будетъ дождь въ продолженіе дня.

Къ приведеннымъ выше явленіямъ присоединяется еще одинъ очень достойный замѣчанія фактъ, заставляющій насъ признать въ снѣ прозабываемыхъ феноменъ, почти тождественный съ нашимъ собственнымъ сномъ: во многихъ спящихъ растеніяхъ было замѣчено, что они измѣняютъ часы своего сна подъ вліяніемъ искусственнаго дня. Де Кандоль помѣстилъ довольно большое число этихъ растений въ погребѣ, который оставался темнымъ во время дня и освѣщался множествомъ аргандовыхъ лампъ во время ночи. Въ снѣ этихъ индивидовъ произошло сперва нѣкоторое замѣшательство. Они закрывали и открывали свои листья безъ опредѣленной регулярности; но чрезъ нѣсколько дней они уже привыкли къ этому новому роду существованія, и согласно съ нимъ совершенно измѣнили порядокъ своего нормальнаго сна. Эти растенія возвращались къ бодрствованію при наступленіи своего искусственнаго разсвѣта и засыпали утромъ, когда для нихъ начиналась ночь.

Не даютъ ли намъ эти факты право предполагать, что растенія, подобно намъ самимъ, имѣютъ способность измѣнять продолжительность и порядокъ своего сна согласно обстоятельствамъ, въ которыя они поставлены?

Сверхъ того, иногда въ положеніи спящихъ растений, иногда въ движеніяхъ, сопровождающихъ ихъ сонъ и ихъ пробужденіе, есть нѣчто знаменательное и символическое, что всегда страннымъ образомъ поражаетъ наблюдателя.

Напримѣръ, мы увидимъ, что въ тотъ моментъ, когда бѣлокопытникъ (мать и мачиха) закроетъ всѣ свои цвѣты, то нач-

ить наклонять свой стебель и будетъ держать его въ наклонномъ положеніи до своего пробужденія.

Есть видъ молочая (*euphorbia oleaeifolia*), котораго верхушка во время зимы наклонена къ землѣ и подымается только весною, когда для растенія оканчивается зимній сонъ.

Лотосъ, живущій въ Нилѣ, и кувшинчикъ, (*nénufar blanc*) въ нашихъ озерахъ, утромъ поднимаютъ свой большой бѣлый цвѣтъ надъ водою и оставляютъ его открытымъ въ продолженіе дня. Въ полдень они сперва слегка наклоняютъ его, а потомъ въ минуту наступленія своего ночнаго сна, склоняютъ свой стебель, закрываютъ свой цвѣтъ и вновь опускаютъ его въ подводную глубину. Они держатъ его тамъ всю ночь до момента своего пробужденія; раннимъ утромъ, они направляютъ этотъ цвѣтъ, еще закрытый, къ поверхности, за тѣмъ открываютъ его при лучахъ солнца, когда онъ уже поднялся надъ водою.

Мы не вѣримъ болѣе въ существованіе ундиновъ, которыя, какъ говоритъ легенда, спятъ въ глубинѣ водъ во время ночи и выходятъ утромъ грѣться на солнцѣ; но эта легенда доказываетъ, что народное чувство уловило прелесть такого перемѣнчиваго существованія. Природа, даровавъ эту тихую и спокойную жизнь некоторымъ изъ своихъ созданій, превратила въ дѣйствительность то, что казалось не болѣе какъ мечтою.

Если мы примемъ въ соображеніе, что не проходитъ часа, ни минуты, ни секунды, когда бы цѣлые міриады прозябаемыхъ не давали своимъ многочисленнымъ органамъ произвольныхъ, сейчасъ описанныхъ нами, движеній, то убѣдимся, что неподвижность, обыкновенно приписываемая растительному царству, есть просто заблужденіе, и что за тѣмъ нельзя основываться на распространенномъ повсюду, но такъ худо подтверждаемомъ мнѣніи, чтобы отвергать въ растеніи существованіе души и считать его лишеннымъ всякой чувствительности.

Представлять эту мнимую неподвижность какъ серьезное возраженіе людямъ, которые видятъ въ растеніи существо одушевленное и чувствующее, значитъ уступать имъ поле битвы. Въ самомъ дѣлѣ есть прозябаемая, которая выказываетъ необыкновенную подвижность и притомъ совершенно особеннаго свойства. Можно сказать, что эти существа находятся въ постоянной агитации. Они такъ чувствительны или, если угодно, такъ раздражительны, что ихъ глубоко трогаетъ малѣйшая пе-

ремѣна атмосферы. Феномены, о которыхъ мы говоримъ, замѣтны особенно въ *hydesagum gurgans*, полукустарникъ и большаго семейства мотыльковыхъ растений (*papilionacées*). Верхняя часть его тройнаго листа утверждена на черешкѣ и больше двухъ другихъ, на которые мы прежде всего обратимъ вниманіе читателя. Эти два маленькіе боковые листика находятся въ безпрестанномъ движеніи, опускаясь и подымаясь безъ отдыха. Правда, это движеніе бываетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ выше температура, но оно продолжается и въ тѣни также какъ на солнцѣ, ночью какъ и днемъ, на открытомъ воздухѣ какъ и въ комнатѣ. Погруженіе въ холодную воду прерываетъ его; но оно начинается опять какъ только мы выставимъ растеніе въ теплотѣ. Очень замѣчательнъ тотъ фактъ, что это прозябаемое, любящее возвышенную температуру, остается парализованнымъ, когда изъ оранжереи его переносятъ на открытый воздухъ и оставляютъ его расти въ менѣе высокой температурѣ. Александръ Гумбольдтъ замѣтилъ, что оно значительно ускоряетъ движенія своихъ листиковъ при внезапномъ переходѣ отъ тьмы къ свѣту. Этимъ движеніямъ придаетъ, наконецъ, отпечатокъ самостоятельности то, что они происходятъ не одинаковымъ и нерегулярнымъ образомъ, такъ какъ они бывають быстрѣе въ періодъ оплодотворенія прозябаемаго, очень часто замедляются безъ всякой видимой причины, потомъ съ неменьшею неожиданностію вновь получаютъ свою нормальную энергію, повинуваясь внезапному и произвольному побужденію растенія. Кромѣ этихъ непрестанныхъ произвольныхъ движеній боковыхъ листьевъ, эти прозябаемыя даютъ верхнему листу совѣтъ особое движеніе: они подымають его подъ вліяніемъ свѣта и наклоняють во тѣмъ. Эти существа такъ чувствительны къ вліяніямъ солнца, что, по наблюденіямъ Гюфеланда, отраженія свѣта на стѣнѣ, отстоящей отъ нихъ на двадцать шаговъ, достаточно для того, чтобы они подняли свои верхніе листья, и одного мимолетнаго облачка, закрывающаго солнце, для того, чтобы они тотчасъ же опустили ихъ. Когда солнечные лучи падаютъ на растеніе прямо, или когда ихъ направляютъ на него и сосредоточивають посредствомъ увеличительнаго стекла, то оно все дрожитъ и трепещеть.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ИСКУССТВА. СОЧИНЕНІЕ О. БУСЛАЕВА. С. ПЕТЕРБУРГЪ. 1861.

(Статья вторая).

Въ первой статьѣ своей, посвященной разбору «Историческихъ очерковъ Русской народной словесности и искусства», мы остановились съ особымъ вниманіемъ на филологической сторонѣ ученаго труда г. Буслаева и старались, по мѣрѣ собственнаго разумѣнія, исправить въ немъ то, что было, по нашему мнѣнію, не согласно съ строгими законами языковѣдѣнія. Участіе филологин въ разрѣшеніи вопросовъ, касающихся первобытныхъ эпохъ народной жизни, столь значительно и указанія ея въ этомъ дѣлѣ часто бываютъ столь важны и рѣшительны, что весьма необходимо, по нашему мнѣнію, поддерживать, сколько возможно, общее къ ней довѣріе благоразумнымъ и чуждымъ произвола употребленіемъ тѣхъ средствъ, которыя она предлагаетъ къ раскрытію смысла древнихъ, доисторическихъ и полусторическихъ временъ. Исходя изъ этой мысли, мы почли своимъ долгомъ предъ уважаемою нами наукою подвергнуть соотвѣтственные и прямо ошибочные выводы г. Буслаева строгому разбору, который, по скудости филологическаго образованія многихъ изслѣдователей нашей старины, можетъ быть оказать имъ нѣкоторую пользу, удержавъ отъ слѣпаго довѣрія къ недоказаннымъ мнѣніямъ лица весьма ученаго и весьма почтеннаго, но не непогрѣшительнаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ смѣшныхъ заключеній и выводовъ, въ родѣ указанныхъ и обличенныхъ нами. Обращаясь къ разсмотрѣнію тѣхъ статей г. Буслаева, въ которыхъ онъ предлагаетъ изслѣдованія о древней народной поэзій

и вообще литературѣ, мы не можемъ удержаться отъ выраженія нашего искренняго уваженія къ тому просвѣщенному и сочувственному взгляду г. Буслаева на предметъ его изслѣдованія который дается только или избранному вкусу, или долгому безпристрастному изученію. Мы нисколько не были удивлены и удовольствіемъ на такой взглядъ г. Буслаева нѣкоторыхъ нашихъ невѣгласовъ, которые въ своихъ рецензіяхъ старались приписать сочувственное направленіе г. Буслаева понятному увлеченію ученаго своимъ предметомъ, отрицая въ самомъ предметѣ присутствіе собственной привлекающей и побуждающей силы: совершенное извращеніе художественныхъ воззрѣній и стремленіе все въ мірѣ пригнать подъ мѣрку дешевенькихъ, какъ будто либеральныхъ понятій, столь замѣтное и нашей литературѣ, намъ не новость, и мы лучшаго не ожидаемъ отъ многихъ изъ нашихъ литературныхъ судей. Очень вѣроятно, что они еще сдерживаются и побаиваются выразить свои чувства поправѣ; ученый авторитетъ г. Буслаева ихъ пугаетъ не равенъ часъ, проштрафившись, скажешь что-нибудь не въ твою силу. Затруднительное и смѣшное положеніе! И статью хочется написать, и направленію времени угодить, и г. Буслаева не согрѣбить, и себя не уронить! Очень заботно.

Но, кромѣ собственной твердой увѣренности въ правоту своего направленія, мы увѣрены, г. Буслаевъ будетъ въ этомъ случаѣ вознагражденъ и разумнымъ сочувствіемъ всѣхъ здравомыслящихъ людей, сохранившихъ подъ тяжкимъ гнетомъ журнальнаго деспотизма о свободу мнѣній и преданія истиннаго художественнаго вкуса.

Нельзя, кажется, пожаловаться въ наше время на недостатокъ вниманія къ народной русской поэзіи; но это вниманіе—какого-то страннаго свойства, проистекающее не изъ прямого впечатлѣнія отъ чудныхъ красотъ вѣчно юной, первобытной поэзіи, недоступныхъ литературѣ искусственной, а изъ посторонняго источника, отъ стремленій соціальныхъ, по которымъ низшіе слои народа со всѣми принадлежностями ихъ жизни. въ томъ числѣ и съ поэзіею, сдѣлались предметомъ для многихъ дѣятельнаго сочувствія, а для иныхъ простаго любопытства и дѣломъ моды. Отдавая должную справедливость современнымъ човѣколюбивымъ стремленіямъ общества къ улучшенію нравственнаго и вещественнаго состоянія народа, которымъ никто изъ честныхъ людей не остается чуждъ; мы не думаемъ погрѣ-

ить противъ справедливости, если замѣтимъ, что однихъ этихъ стремленій и вообще добрыхъ чувствъ весьма недостаточно для насъ, чтобы вѣрно и по достоинству оцѣнить поэтическія произведенія народа. Мало того, социальныя стремленія скорѣе препятствуютъ, чѣмъ способствуютъ этой оцѣнкѣ, и по весьма естественной и всѣмъ понятной причинѣ.

Соціальное направленіе эпохи обыкновенно выражается въ чувствѣ недовольства настоящимъ порядкомъ вещей, въ строгомъ осѣдованіи явленій и самыхъ началъ общественной и личной жизни человѣка, въ постоянныхъ заботахъ о ирисканіи новыхъ путей для нея основаній и водвореніи новыхъ порядковъ; читателю извѣстно, что въ такія озабоченныя времена поэзія теряетъ свободу и ненамѣренность, свои существеннѣйшія свойства, и дѣлается слугою цѣлей практическихъ, насущныхъ, нуждѣйшихъ, но сравнительно низжайшихъ. Между тѣмъ, по весьма естественному закону подчиненія современнымъ нуждамъ и цѣлямъ, и самый вкусъ общества и большинства пишущихъ направляется сообразно съ господствующимъ направленіемъ, такъ же высочайшимъ произведеніямъ творческой, свободной фантазіи начинаютъ предпочитать посредственныя литературныя произведенія, съ рѣшеніемъ какого-нибудь политическаго или общественнаго вопроса, болѣе похожія на ученыя разсужденія, чѣмъ на созданія поэзіи. Читатель помнитъ можетъ быть пріемъ, дѣланный нашей критикой первымъ произведеніямъ г. О. Дюроуэскаго; еще прежде появленія ихъ въ печати, предупредивъ публику, что ей готовится необыкновенное наслажденіе; спрашивали, что всякому писателю лестно было бы окончить свое литературное поприще такъ, какъ г. Достоевскій готовился его читать; имя его упоминали рядомъ съ именами Пушкина, Лермонтова, Гоголя и *Нестроева*; а между тѣмъ найдется ли теперь человѣкъ, который не только самъ рѣшился бы перечитать сочиненія этихъ людей и Двойника, но и предложилъ бы прочесть ихъ людямъ не читавшимъ, какъ замѣчательныя произведенія? А что касается г. Львова, Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, развѣ не принадлежала въ изступленіе не только мелкихъ чиновниковъ, которые могли привѣтствовать ее изъ чувства благодарности, но и великихъ господъ, отъ которыхъ этимъ бѣднымъ чиновникамъ приходится тяжело и которые изъявляли, слѣдовательно, восторгъ, совершенно безкорыстный? А Обломовъ?...

Впрочемъ редація Библіотеки для Чтенія думаетъ объ этомъ

романъ не по нашему, и потому выразить о немъ свое откровенное мнѣніе мы надѣемся въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ, и бѣгая, по чувству приличія, слишкомъ рѣзкаго разногласія съ редакціею. Очень понятно, что для вкуса, такимъ образомъ и правленнаго, не могутъ имѣть большой цѣны произведенія чисто художественныя, отъ которыхъ нѣтъ другой пользы, кромѣ высокаго эстетическаго наслажденія; согласно съ тѣмъ и въ сременной критикѣ постоянно слышатся, нельзя сказать, ч умныя, но очень бойкія и ужъ нисколько не застѣнчивыя мнѣія, возстающія противъ чистаго искусства въ защиту утилитарнаго направленія повѣстей, романовъ, драмъ и комедій.

Мы говоримъ это не столько по желанію осудить современнаго направленіе нашей литературы, сколько въ объясненіе и подтвержденіе выше предположенной мысли, что социальныя стремленія нашего времени, возбуждшія столь живое и человѣколюбивое участіе къ положенію народа и ко всему, что его касается, нисколько не помогаютъ уразумѣнію красоты народной поэзіи, которая ничѣмъ не можетъ отвѣчать желаніямъ утилитаристовъ и никакъ не можетъ войти съ ними въ союзъ: нѣтъ болѣе рѣзкой противоположности народной пѣснѣ, какъ стихотворенія на пр. г. Некрасовъ особенно писанныя народнымъ складомъ! Что можетъ быть противоположнѣе этой совершенно невозмутимой ясности, этой чудному художественному равновѣсію чувства, этой строгой и рѣ, которыя составляютъ неизмѣнныя черты эпической поэзіи изображеніемъ всего на свѣтъ, ужаснаго и нѣжнаго, величественнаго и обыкновеннаго, суроваго и трогательнаго;—что, говорить можетъ быть противоположнѣе этимъ чертамъ первобытной поэзіи, чуждой всякаго стѣсненія и всякой посторонней заботы ясной, здоровой, цвѣтущей, какъ не эта болѣзненная, стонущая чахлая муза, которая поетъ о томъ, что не на что избу посвятить, что не чѣмъ залатить оброкъ и т. д., и поетъ имени за тѣмъ, чтобы не дать покоя чувству, чтобы будить сонъ бездушныхъ себялюбцевъ, чтобы устремить на помощь, чтобы подвигнуть на благотворительный поступокъ или общепользную мѣру? Цѣли полезной литературы въ благородныхъ представителяхъ ея могутъ быть чисты, возвышенны и человѣколюбивы; въ когда возникаетъ вопросъ о художественной сторонѣ ея произведеній, то эта чуждая примѣсь политическихъ и общественныхъ вопросовъ, которымъ она служитъ, эти раздражающія впечатлѣнія, которыя она производитъ на читателя, этотъ однооб-

ранный, вѣчно тоскливый тонъ ея представляются столь не сообразными съ основными условіями чистаго искусства, что строгіе судьи не признають поэтическаго достоинства даже въ самихъ искуснѣйшихъ произведеніяхъ соціальной музы. Извѣстно, что Пушкинъ не признавалъ поэтомъ Беранже,—и конечно не потому, чтобы не могъ оцѣнить необыкновеннаго стиха французскаго поэта (Пушкинъ слишкомъ хорошо зналъ по-французски и въ стихахъ отчасти разумѣлъ), но мы увѣрены, что причины тому нужно искать въ свойствѣ самаго вдохновенія Беранже.

Вѣроятно, многимъ читателямъ нашимъ извѣстна пѣсня Беранже, Jacques или Huissier du roi (заглавія въ точности принять не можемъ), которой содержаніе состоитъ въ томъ, что къ умирающему работнику ожидаютъ прихода сборщика податей и жена, чтобы укрѣпить и освѣжить глоткомъ вина ослабшаго мужа, предлагаетъ ему продать свое обручальное кольцо и т. д. Какое мучительное, безотрадное чувство остается въ читателѣ послѣ этой пѣсни, какую почти нервическую боль производить этотъ постоянно повторяющійся припѣвъ:

Voilà venir l' huissier du roi.

Таково я было намѣреніе Беранже, чтобы не дать чувству читателя никакого исхода, чтобы запереть его въ болѣзненныхъ ощущеніяхъ бѣднаго работника и его семьи.

Въ примѣръ крайней противоположности намѣренными гиперболическими приѣмамъ спокойныхъ и мѣрныхъ приѣмовъ чистаго искусства укажемъ на величественное произведеніе нашей народной поэзіи, на Стихъ о страшномъ судѣ.

Когда послѣ тщетнаго моленія Святыхъ и предстательства Божіей Матери о помилованіи нераскаянныхъ грѣшниковъ, произнесенъ надъ ними послѣдній, невозвратный, праведный приговоръ Судии, и грѣшники прощаются на вѣки съ праведниками, которымъ уготовано блаженство, съ Св. крестомъ и со всякою христіанскою святынею, отъ которой они навсегда отлучены; когда вслѣдъ за тѣмъ отверзается огненная рѣка,

Протечетъ рѣка Сіонъ огненная,
Протечетъ она, яко громъ прогремить;
Тогда Ангели, Архангели преустроятся;
Серафимы, Херувимы преужаснутся,

—чувствуешь, что остановиться на этомъ представленіи гибели и вѣчной смерти было бы невыносимо для сердца; желаешь скрыть отъ умственныхъ взоровъ эту «страшную муку превѣчен-

ную» и отдохнуть на какомъ-либо свѣтломъ и отрадномъ представленіи, чтобы успокоить чувство чрезмѣрно взволнованнаго воображеніемъ нескончаемыхъ мукъ. Эпическій поэтъ, ии народъ, глубоко уразумѣлъ это и заключаетъ стихъ такъ:

Повелѣлъ Господь Ангеламъ, Архангеламъ
 Берега съ мѣста содвигнути,
 Повелѣлъ перстьемъ засыпати,—
 Святымъ духамъ замуравити,
 Чтобы отъ грѣшныхъ было не слышати
 Ни зыку, ни крику, ни рыданія.

Такимъ чуднымъ оборотомъ народная поэзія доставляетъ и ходъ тому страшному и подавляющему впечатлѣнію, котораго если бы не было столь искусно и съ такимъ тонкимъ соблюденіемъ художественныхъ условій умѣрено, могло бы своею безмѣрностію подавить художественное наслажденіе и тѣмъ унять поэтическую цѣнность стиха.

Но этимъ художественнымъ покровомъ, столь мастерски и кинутымъ на раздрающія сцены вѣчныхъ мукъ, не ограничил еще народный поэтъ; какъ отрадный и умиротворяющій эпилло страшной, приводящей въ содроганіе и трепетъ поэмы, являет затѣмъ образъ обновленной и чистой, омытой отъ зла и порока свободной отъ страданія и горя земли, для которой народъ могъ отыскать во всемъ созданіи лучшаго сравненія, какъ чистую, непорочную дѣву:

Будетъ земля,
 Аки харотья бѣлая,
 Аки чистая дѣва, отроковица,
 Нескверная, непорочная. *

Такъ различны и способы, какъ различны цѣли, поэзіи чистой, художественной, и поэзіи (если только слово поэзія здѣсь у мѣста) соціальной, по сущности своей родственной съ прозою, на примѣръ, съ ораторскими рѣчами и другими видами словесности, имѣющими въ виду практическія, полезныя послѣствія. Художникъ-поэтъ стремится привести все въ мѣру, которая, какъ показано нами въ первой статьѣ, составляетъ необходимое условіе всякой красоты, и чуждается всего излишняго, преувеличеннаго, нестройнаго и притворнаго; социалистъ притворнаго, любитъ гиперболу, количество впечатлѣнія для него важнѣе качества: ему лишь бы сильнѣе подействовать, какъ, это его не очень заботитъ.

* См. прекрасныя соображенія объ этомъ въ первомъ выпускѣ исторіи русской словесности С. П. Невырева (изд. V).

Такому направленію слѣдуетъ наша современная литература; въ этомъ направленіи образовался и вкусъ нашихъ критиковъ; юности и комедіи, романы и драмы, съ какими-нибудь вопросами, считаются въ наше время единственно законнымъ родомъ словесныхъ произведеній. И такъ удивительнаго нѣтъ ничего, въ томъ, что просвѣщенное сочувствіе г. Буслаева къ переходящимъ красотамъ нашей народной поэзіи представляется нашимъ *полезникамъ*, * какъ понятное увлеченіе, которое они не вродь и извинить ему ради его ученыхъ достоинствъ, мѣсто того, чтобы самимъ извиниться нуждами времени въ своемъ одностороннемъ направленіи и ограниченномъ взглядѣ.

Происхожденіе эпической поэзіи у каждаго народа относится къ той глубокой древности, къ той незапамятной для него, исторической эпохѣ его жизни, въ которую онъ создавалъ свой языкъ и свою мифологію; такъ что самое созданіе языка можно признать первоначальнымъ актомъ эпическаго народнаго творчества, воссоздаваемаго, сообразно съ особыми свойствами народныхъ представленій, весь видимый міръ, внутреннюю жизнь мѣтѣвъ и область высшихъ міроправительныхъ силъ. Эта тѣснѣйшая связь языка съ народною эпическою поэзіею одна достаточно показываетъ, что какъ народу ни въ какую пору его жизни, ни при какихъ обстоятельствахъ невозможно отречься отъ роднаго языка безъ искаженія своихъ природныхъ, исконно предопределенныхъ, на вѣки нерушимыхъ духовныхъ чертъ; такъ точно и съ своею эпическою поэзіею, какъ съ верховнымъ и полнымъ выраженіемъ своей первобытной сущности, онъ никогда не можетъ разорвать естественныхъ связей безъ духовнаго вреда себѣ или, лучше сказать, безъ тяжкаго противу себя преступленія, какъ бы нѣкотораго отступничества. Что за народъ, презирающій свой языкъ? Что за народъ, отвергающій свою старину?

Мы чувствовали нужду въ нѣкоторыхъ объясненіяхъ по этому предмету, какъ для того, чтобы выразить наше сочувствіе взгляду г. Буслаева, такъ еще болѣе для того, чтобы подать голосъ, какъ бы ни былъ онъ слабъ, противъ невѣжественнаго презрѣнія къ художественной сторонѣ литературы, противъ этой легкой брани на здравыя эстетическія понятія и противъ неудержимо разливающагося безвкусія. Дѣло вкуса не такъ мало важно, какъ можетъ это представиться инымъ, не довольно

* Подражаніе слову: безобразникъ.

размышлявшимъ о его значеніи; по близкой связи художественной силы съ умственными и нравственными силами человѣскаго духа, паденіе вкуса не можетъ произойти одиноко, независимо отъ разстройства другихъ стихій духовной дѣятельности народа. Измѣняя нѣсколько выраженіе знаменитаго французскаго писателя, мы скажемъ такъ: если въ литературѣ какого-либо народа замѣтно исчезаетъ здравый художественный вкусъ это показываетъ, что многое другое еще прежде исчезло изъ внутренней жизни народа.

На замѣчанія, сдѣланныя г. Буслаеву нѣкоторыми критиками о слишкомъ снисходительномъ, по мнѣнію ихъ, взглядѣ его на родную старину отвѣтимъ, въ дополненіе къ сказанному, собственными прекрасными словами почтеннаго ученаго:

«Любить родную старину и народность, говоритъ г. Буслаевъ¹ «не значитъ все видѣть въ радужномъ свѣтѣ своихъ идиллическихъ мечтаній; и на оборотъ съ интересомъ останавливаться «на темныхъ сторонахъ древне-русской жизни и въ подробно «сти изучать ихъ столь же безпристрастно, какъ и все свѣтлое и прекрасное, завѣщанное намъ стариною—вовсе не значитъ быть чужду народныхъ симпатій, не любить своего, русскаго. Вообще это личное отношеніе излѣдователя къ предмету изученія, это внесеніе любви или ненависти въ предметъ науки, какъ кажется, свидѣтельствуетъ о крайней незрѣлости ученыхъ пріемовъ и идей нашей литературы. Примѣненіе ж «этого личного взгляда къ своей народности, сверхъ того, ставитъ ученаго въ самое ложное, щекотливое и неловкое положеніе. Такъ какъ подъ любовью или нелюбовью къ русской народности обыкновенно разумѣютъ или напыщенное самовосхваленіе или какое-то смиренное самоуничтоженіе и презрѣніе «то одинаково не согласно съ человѣческимъ достоинствомъ и «то, и другое. Хвалить свое смѣшно, потому что и безъ того «извѣстно, что всякому свое мило, и такая похвальба всегда «можетъ быть заподозрѣна въ пристрастіи; поносить же вска старину и народность значило бы унижать самого себя въ «собственныхъ своихъ глазахъ и въ добавокъ быть очень невѣжливымъ къ своимъ соотечественникамъ. Очень понятно презрѣніе къ какому-нибудь современному злу родной земли, потому что преслѣдованіемъ существующаго зла можно его устранивать; но смѣшно ратовать и донкихотствовать противъ по-

* Т. II. стр. 102.

фатовъ, уже отжившихъ. И такъ любовь или нелюбовь къ русской народности и старинѣ—есть дѣло, можетъ быть занимаемое для журнальной болтовни, но не имѣетъ никакого отношенія къ строго ученому, серьезному изслѣдованію, напротивъ, вредить ему, заслоняя предметъ изученія неумѣотнымъ шризомъ и смѣшною сентиментальностію.»

Но довольно объ этомъ.

Пора обратиться къ разсмотрѣнію ученыхъ разсужденій г. Буслаева, касающихся эпической поэзіи. Здѣсь мы встрѣтимся съ вопросами о ея происхожденіи, особенныхъ, отличительныхъ свойствахъ и различныхъ отношеніяхъ къ языку и другимъ областямъ народной жизни; о свойствахъ и постепенномъ измѣненіи нашего народнаго эпоса, о родствѣ его съ эпической поэзію другихъ индоевропейскихъ народовъ; о различныхъ видахъ нашихъ эпическихъ произведеній и о различныхъ возрѣніяхъ древней Руси на эту мірскую, отчасти языческую, отрасль нашей словесности; и. т. п. Въ большей части случаевъ мы будемъ имѣть удовольствіе согласиться въ мнѣніяхъ г. Буслаева и въ этихъ случаяхъ ограничимся простымъ изложеніемъ его мнѣній въ существенныхъ ихъ чертахъ; а на то, чтѣ въ разсужденіяхъ г. Буслаева представляется намъ сомнительнымъ или просто невѣрнымъ, мы предложимъ свои возраженія съ тою же лютительною откровенностію, которая руководила нами въ предложенныхъ уже замѣчаніяхъ на филологическую сторону книги г. Буслаева.

Происхожденіе эпической поэзіи въ народѣ, какъ мы уже заѣтили выше, относится къ древнѣйшимъ, незапамятнымъ временамъ его жизни, къ той ея порѣ, когда онъ создаетъ свой языкъ и свою мифологию; когда, выдѣляясь изъ совокупнаго жителства съ своими соплеменными родичами, онъ начинаетъ разумѣть себя, какъ особое цѣлое, и свою особенность стремится выразить въ своеобразномъ представленіи міра, человѣка и нравительныхъ силъ и ихъ взаимныхъ отношеній. Эта отдаленная, таинственная эпоха всеобщаго народнаго творчества, въ которую позднѣйшій изслѣдователь ея можетъ проникнуть только чрезъ изученіе слѣдовъ этого творчества, сохранившихся въ древнѣйшихъ свойствахъ языка и остаткахъ первобытной эпической поэзіи, есть время цѣльной жизни народа, совокупной, еще не разграниченной дѣятельности всѣхъ духовныхъ его силъ. Въ соотвѣтствіе съ этою первоначальною нераздѣльностію,

совокупностью духовной деятельности народа, мы замѣчаемъ что въ первобытный эпосъ народа входятъ всѣ многообразныя стихіи его жизни, въ позднѣйшее время получающія свое окончательное самостоятельное развитіе. «Домсторическое, темное происхождение поэзіи, говоритъ г. Буслаевъ, теряющееся въ дренности незапамятной, въ понятіяхъ народа соединялось съ началомъ знанія, чародѣйства и заклинанія, а также права и языческихъ обрядовъ» *.

«Народный эпосъ—во всѣхъ разнообразныхъ его направленіяхъ, начиная отъ мѣла и чарующаго заклятія, этого отголоска религиозныхъ мѣлическихъ обрядовъ, и до дѣтской игры сопровождаемой стихами и причитаньями, и до колыбельной пѣсни есть не только выраженіе народнаго быта, но даже *сам народная жизнь*, возведенная на первую степень сознанія и перелитая въ прекрасные звуки роднаго слова» **.

«Древнѣйшія словесныя произведенія имѣютъ самое разнообразное содержаніе, объемля собою всѣ умственные и нравственные интересы народа. Эпическія сказанія всѣхъ народовъ съ повѣствованіемъ о походахъ героевъ соединяютъ мѣлическія преданія о происхожденіи боговъ, объ устройствѣ міра и о переворотахъ, въ немъ происшедшихъ, нравственныя поученія, а также и наставленія опытной мудрости, которая, удивляя насъ проблесками замѣчательнаго здраваго смысла, нерѣдко заставитъ и улыбнуться, когда входитъ въ суевѣрныя, младенческія понятія о природѣ, образчикъ которыхъ видимъ въ примѣтахъ, заклятійхъ, наговорахъ. Изображая жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, повѣствуя обо всемъ, что народъ знаетъ великаго и важнаго, эпическая поэма дѣйствительно имѣетъ своимъ предметомъ весь міръ и все человечество, разумѣется, въ томъ тѣсномъ объемѣ, въ какомъ умѣла она понять и міръ, и человечество» ***.

И такъ эпическая поэзія выполняетъ или, лучше сказать, довершаетъ ту же самую задачу, которая предлежитъ народу въ созданіи языка; эпосъ народный есть послѣдующей актъ, дальнѣйшее развитіе той творческой дѣятельности народа, которая является и въ созданіи языка.

«Неистощимое разнообразіе художественныхъ формъ въ обла-

* Т. I. стр. 18.

** Т. I. стр. 414.

*** Т. I. стр. 186.

ныхъ нарѣчійхъ, говоритъ г. Вуслаевъ въ статьѣ своей о областныхъ видоизмѣненіяхъ русской народности, достаточно увѣритъ насъ въ той мысли, что языкъ образуется въ неразрывной связи съ народною поэзіею, такъ что всѣ разобранные нами слова (областного языка) столько же справедливо могутъ быть названы формами эпического слога, какъ и собственными именами предметовъ, свойствъ и дѣйствій. Исходя изъ такого общаго начала, изслѣдователь видитъ въ областномъ слогѣ разрозненные члены одного органическаго цѣлаго, остатки той великой поэмы, которая еще во времена незапамятныя, раздробясь на множество мелкихъ эпизодовъ, была первымъ произведеніемъ художественнаго творчества, имѣвшего предметомъ воссозданіе всей природы и жизни въ идеальныхъ образахъ, омытыхъ въ звуки*.

Этотъ ближайшее соотношеніе между эпическою поэзіею и языкомъ, основанное на общемъ стремленіи ихъ къ одной и той же цѣли, именно къ художественному воссозданію природы и жизни по особымъ представленіямъ выходящаго на путь самостоятельной жизни народа, усматривается во многихъ чертахъ ихъ взаимнаго подобія, которое искусно подмѣчено и прекрасно изображено г. Вуслаевымъ.

«Основываясь на мифахъ и языческихъ воззрѣніяхъ на природу и жизнь, говорятъ онъ, древнѣйшая самородная поэзія во всѣхъ ея описываемыхъ событіяхъ и дѣйствіяхъ видитъ сверхъестественное участіе боговъ. Какъ въ эпическихъ произведеніяхъ, на примѣръ, въ Иліадѣ и Одиссеѣ, въ Эддѣ, въ Финскомъ эпосѣ, бываетъ трудно развязать фантастическій узелъ, въ которомъ перепутаны тончайшія нити народныхъ суевѣрій съ простодушнымъ рассказомъ о дѣйствительно случившемся: такъ и въ формахъ языка умѣли неразрѣшимо сочтаться воззрѣнія и впечатлѣнія съ старобытными вѣрованіями, составляющими въ образованіи языка особый роль эпическаго чудеснаго**.

«Съ широкимъ взглядомъ на міръ, говоритъ далѣе г. Вуслаевъ, эпическая поэзія соединяетъ, такъ сказать, широту самаго изложенія, состоящую въ томъ, что пѣвецъ съ одинаковымъ интересомъ медлитъ на описаніи какъ важныхъ, такъ и ничтожныхъ предметовъ: такъ что, собственно говоря, ему ничто не кажется въ жизни маловажнымъ; и за что бы онъ ни

* Т. I. стр. 185.

** Т. I. стр. 187.

взялся, все поглощаетъ его вниманіе и является въ его глазахъ достойнымъ подробнаго и тщательнаго описанія. Тако этическое настроеніе представляется намъ только продолженіемъ того, что такъ блистательно было ужъ начато языкомъ. И необходима была самая полная преданность всѣмъ явленіямъ жизни и природы, до безконечности разнообразнымъ, чтобы съ такимъ вниманіемъ остановиться на каждомъ, такъ мѣтко взглянуть на каждое, и такъ художественно выразить, какъ все это совершилъ языкъ въ эпоху своего созиданія. Народъ еще и языкъ учился вникать во всѣ подробности существующаго и ничего не считать маловажнымъ, прежде нежели выразилъ это полное сочувствіе свое съ міромъ въ широкомъ теченіи эпическаго склада» *.

«Въ какія бы подробности ни вдавался эпическій поэтъ, говорить далѣе г. Буслаевъ, продолжая параллель между эпическою поэзіею и языкомъ, онѣ не поглотятъ его вниманія до того, чтобы онъ забылъ важнѣйшій предметъ, которому посвящаетъ свое вдохновеніе, именно человѣка. Все на свѣтѣ, что бы онъ ни описывалъ, имѣетъ для него смыслъ только по отношенію къ человѣку. Тоже должно сказать и объ языкѣ. Изображая безконечно различныя явленія природы, онъ постоянно исходитъ отъ воззрѣнія человѣка и, живописуя природу, постоянно имѣетъ въ виду человѣка, помощью выражаемыхъ въ словахъ воззрѣній и впечатлѣній ставя его, такъ сказать, на первомъ планѣ ландшафта и вмѣстѣ съ тѣмъ указывая точку зрѣнія на предметъ» **.

Соотношеніе эпической поэзіи съ языкомъ выражается и въ одинаковомъ способѣ ихъ изображать нравственныя отклоненія души.

«Это особенно явствуетъ, говорить г. Буслаевъ, изъ многословныхъ уподобленій, въ которыхъ явленіями физическаго міра пѣвецъ старается уяснить себѣ и слушателямъ сокровенныя движенія и свойства человѣческой природы. Такимъ образомъ въ длинныхъ эпическихъ уподобленіяхъ мы видимъ известную степень народнаго разумѣнія, къ которой ужъ не возвращаются поэты, когда выйдутъ изъ юнаго возраста эпической поэзіи. Относительно образованія словъ нравственнаго и отвлеченнаго значенія, народный языкъ стоитъ на той же ступени развитія,

* Тамъ же.

** Тамъ же.

на которой поэзія эпическая нашлась вынужденною прибѣгать къ изобразительнымъ уподобленіямъ» *.

При томъ, какъ самородная эпическая поэзія есть произведеніе всей массы народа получившее начало неизвѣстно когда, слагавшееся и измѣнявшееся въ теченіе многихъ вѣковъ и переходившее изъ рода въ родъ по преданію: такъ и языкъ есть общее достояніе всего народа, объемлющее въ себѣ дѣятельность многихъ поколѣній. Какъ сказка, какъ преданіе, языкъ принадлежитъ всѣмъ и каждому, но никто не можетъ сказать, когда и кѣмъ былъ созданъ языкъ» **.

Мысль о близкомъ взаимномъ соотношеніи эпической поэзіи и языка, какъ произведеній одного и тогоже первобытнаго народнаго творчества, достаточно разъясненная выше приведенными сближеніями, получаетъ особую ясность, если обратить вниманіе на тѣ посредствующія формы эпическаго творчества, которыя составляютъ переходъ отъ созданія отдѣльныхъ реченій и формъ въ языкъ къ полнымъ и завершеннымъ поэтическимъ произведеніямъ, каковы поэмы, духовные стихи, сказки. Эти посредствующія формы, которыя г. Буслаевъ называетъ разрозненными членами эпическаго преданія, суть пословицы, поговорки, краткіе заговоры, клятвы, загадки, примѣты и т. п.

«Всѣ эти разрозненные члены одного общаго сказочнаго преданія, говоритъ г. Буслаевъ, взятые въ совокупности, составляютъ то цѣлое, которое хотя и не высказалось во всей полнотѣ и нераздѣльности ни въ одной народной поэмѣ, однако всѣми чувствовалось и сознавалось, какъ родное достояніе предковъ. Ни одинъ изъ разрозненныхъ членовъ баснословнаго преданія не живетъ въ народѣ отдѣльно, самъ по себѣ: всѣ они взаимно переходятъ другъ въ друга, связываются крѣпкими узлами повѣрья, сцѣпляются и перемѣшиваются, подчиняясь игривой фантазіи народа, изобразительной и художественной. Иногда загадка переходитъ въ цѣлую поэму, и поэма сокращается въ загадку; пословица рождается изъ сказанія и становится необходимою частью поэмы, хотя и ходитъ въ устахъ народа отдѣльно; клятва и заговоръ, составляя оторванный членъ преданія, развиваются въ цѣлое сказаніе, или составляютъ обычный пріемъ въ эпическомъ разсказѣ; даже примѣта, обычно-

* Т. I. стр. 188.

** Т. I. стр. 185.

венно подразумѣваемая, а не высказываемая, иногда является обильнымъ источникомъ эпическому вымыслу» *.

Эпическая самородная поэзія, соответствующая въ каждомъ народѣ первоначальной эпохѣ его жизни и обнимающая всѣ многообразныя стороны этой жизни, создается, какъ сказано, совокупною творческою дѣятельностію всего народа; отдѣльныя лица не были поэты, а только пѣвцы и рассказчики (рапсоды); они умѣли только вѣрнѣе и ловчѣе рассказывать или пѣть, что извѣстно было всякому.

«Если, говоритъ г. Буслаевъ, что и прибавлять отъ себя что вещь гений, то единственно потому что въ немъ по преимуществу дѣйствовалъ тотъ поэтический духъ, которымъ проникнутъ весь народъ; только это убѣжденіе давало ему силу творить, только такое творчество было по сердцу его слушателямъ. Поэтому и въ этомъ случаѣ изобрѣтеніе басни, лицъ и событій, и принадлежало поэту. Преданіе, подобно языку, жило въ сознаніи всѣхъ и каждого; вѣками оно возрастало и обрабатывалось. Отдѣльному лицу, увлеченному въ своей жизни всѣмъ потокомъ преданій и повѣрій, трудно было, подобно новѣйшему художнику, отрѣшиться отъ нихъ въ минуту творчества и возсоздать въ изящной формѣ все то, что было въ нихъ прекраснаго. Въ эпическую эпоху рассказчикъ или пѣвецъ довольствовался немногими прибавленіями только въ подробностяхъ, при описаніи лица или событія, уже давно всѣмъ извѣстныхъ; онъ былъ свободенъ только въ выборѣ того, что казалось ему важнѣйшимъ въ народномъ сказаніи; но и при свободѣ рассказа онъ былъ неволенъ въ выборѣ словъ и выраженій. Въ самородномъ эпосѣ эпическая обрядность во всей силѣ господствуетъ въ повторахъ извѣстныхъ, обычныхъ выраженій, и сказанное о чемъ нибудь однажды казалось столь удачнымъ, что уже никто не бралъ на себя труда выдумывать новое» **.

Самородная эпическая поэзія, какъ выраженіе первобытной жизни народа, имѣетъ свои отличительныя свойства, которыя доселѣ не вполне объяснены и опредѣлены наукою и остаются недоступными разумнію людей поверхностнаго и ложно образованнаго вкуса. Многіе, по ограниченности и условности своего взгляда на поэтическія достоинства, приступаютъ къ словеснымъ произведеніямъ древней эпохи съ тѣми же требованіями,

* Т. I. стр. 33.

** Стр. 52.

поэмы имѣютъ смыслъ по отношенію къ поэзіи позднѣйшей, искусственной, личной, и потому нерѣдко видятъ безобразіе тамъ, гдѣ взоръ истиннаго художника отыскиваетъ высокую форму, и предполагаютъ нравственную грубость тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ существуютъ здравыя и чуждыя условныхъ приемы отношенія къ человѣку и природѣ. Между тѣмъ въ эпической поэзіи, при всей ея незаостѣнчивой и рѣзвой, какъ выражается г. Буслаевъ, откровенности въ изображеніяхъ человеческой жизни и природы, врядъ ли можно отыскать намѣренное оскорбленіе нравственнаго чувства, какое не рѣдко встрѣчаемъ въ знаменитыхъ твореніяхъ поэзіи личной. По крайней мѣрѣ лучшіе знатоки народной эпической поэзіи свидѣтельствуютъ, что имъ не случилось ни въ одной народной пѣснѣ найти ничего ложнаго, никакого обмана *.

«Нравственное чувство, говоритъ г. Буслаевъ, такъ значительно воспитывается эпическою поэзіею, что слушателя всегда больше увлекали вопросы нравственные, нежели художественная идея поэмы; точно такъ, какъ и теперь люди простые, а такъ же и дѣти, не умѣя отдѣлать художественнаго наслажденія отъ нравственнаго довольства, принимаютъ въ сказкѣ или повѣсти такое же участіе, какъ и въ дѣйствительной жизни, съ любовью слѣдятъ за добрымъ и великодушнымъ героемъ и съ отвращеніемъ слушаютъ о зломъ» **.

Существованіе въ народной безыскусственной поэзіи пѣсенъ, оскорбляющихъ нравственность, и даже неприличныхъ (obscena), могутъ представиться для иныхъ довольно важнымъ возраженіемъ противъ такого мнѣнія. Дѣйствительно, такое значительное количество дурныхъ пѣсенъ, какъ въ нашей, преимущественно малороссійской народной поэзіи, пѣсенъ совершенно безнравственныхъ, на которыхъ лежитъ однако печать того же самаго эпическаго склада, который составляетъ особую принадлежность поэзіи чисто народной, представляетъ въ этомъ случаѣ нѣкоторое затрудненіе для тѣхъ, которые желали бы раздѣлать съ г. Буслаевымъ его лестное для народной поэзіи мнѣніе о ея нравственной чистотѣ. Посмотримъ однако, какъ выходитъ изъ такого затрудненія г. Буслаевъ.

«Кто не привыкъ, говоритъ онъ, отдавать себѣ отчетъ въ сокровенныхъ побужденіяхъ наружныхъ явленій, тотъ легко

* Т. I. стр. 51.

** Тамъ же.

объяснить себѣ рѣзкую откровенность и грубую простоту эпической поэзіи отсутствіемъ нравственнаго чувства, принявъ за это послѣднее условныя свѣтскіе пріемы, и даже подкрѣпитъ свое мнѣніе какою-нибудь пѣсней новѣйшаго издѣлія, дѣйстви- тельно пошлою и грязною. Но, если взять въ соображеніе, что старинная эпопея возникаетъ и раскрывается въ продолженіи вѣ- ковъ, что каждое поколѣніе бережетъ и дѣлаетъ ее, какъ луч- шее свое достояніе, и что такъ называемое дурное направленіе возникаетъ въ литературѣ большею частію уже отъ лица, отъ произвола частнаго, *а не отъ всеобщаго нравственнаго расхо- ложенія*; то едва ли можно допустить въ эпической самородной поэзіи не только рѣшительное оскорбленіе нравственнаго чув- ства, но даже и малѣйшее уклоненіе отъ добра и правды. И в изустной, безграмотной словесности, безъ сомнѣнія, могли сла- гаться пѣсни, оскорбляющія нравственность; но онѣ не расхо- дились далѣе той волости, гдѣ пѣлъ ихъ самъ сочинитель, и никогда не доживали до послѣдующаго поколѣнія, умирая вмѣ- стѣ съ своимъ виновникомъ. «Всѣ минется, говоритъ народъ одна правда остается;» а пѣсня — правда. Какъ бездарность такъ всякое личное зло и всякій произволъ, эпическая поэзія отъ себя отбрасывала, подобно тѣмъ озерамъ, которыя будто бы не терпятъ на днѣ своемъ никакой нечистоты и постоянно из- вергаютъ ее на берегъ» *.

Строки достойнаго сочувствія и уваженія! Нельзя не радо- ваться такому просвѣщенному стремленію почтеннаго профес- сора утвердить въ общемъ сознаніи нравственное достоинство народной поэзіи. Въ существенномъ и главномъ мы вполне раз- дѣляемъ мнѣніе г. Буслаева, но желали бы измѣнить его въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Къ несчастію, въ народѣ есть пѣс- ни сомнительнаго и даже безнравственнаго содержанія, которыя не умерли вмѣстѣ съ своими сочинителями и послѣ ихъ смерти продолжаютъ свое существованіе по трактирамъ, кабакамъ и другимъ притонамъ безнравственности. Сказанное о времени къ сожалѣнію, придется приложить и къ простраству: такого рода пѣсни не всегда ограничиваются, какъ говоритъ г. Бус- лаевъ, тѣмъ околоткомъ, гдѣ жилъ и пѣлъ ихъ составитель, и расходятся по разнымъ мѣстамъ, какъ и чистыя пѣсни народа съ тою конечно разницею, что онѣ большею частію прячутся по закоулкамъ и не смѣютъ показываться на свѣтъ Божій. Да

* Т. I. стр. 55.

и между древними русскими стихотвореніями, собранными Кирши Даниловымъ, можно указать на образцы не довольно цѣлостнаго вдохновенія: такъ пѣсня о Ставрѣ Годиновичѣ содержитъ въ себѣ нѣкоторые стихи, которые съ величайшимъ удовольствіемъ включилъ бы въ свой репертуаръ трактирный торбанецъ, увеселяющій загулявшихъ купеческихъ сынковъ. Въ пѣсняхъ, ближайшихъ къ намъ по времени, можно отыскать достаточное число совершенно безнравственныхъ, которыя одна въ честь на себѣ печать не нашего времени и которыя распространены чуть не по всему лицу Русской земли.

На примѣръ, пѣсня о Комаринскомъ мужикѣ. Не можемъ сказать, давно ли она сложена, но въ отношеніи къ пространству, въ которомъ она поется въ народѣ, ея не побѣдитъ ни одно самое чистое, самое цѣломудренное народное произведеніе.

Такими замѣчаніями мы почли долгомъ ограничить мнѣніе г. Буслаева, совершенно справедливое въ существенномъ, именно въ томъ, что такого рода пѣсни происходили не отъ всеобщаго нравственнаго расположенія народа, а отъ частнаго, личнаго произвола.

Другое отличительное свойство самородной эпической поэзіи есть безграничная широта ея объема. Обыкновенно говорятъ, что содержаніемъ эпоса бываетъ цѣлый міръ и все человѣчество; это вполнѣ справедливо, хотя этого выраженія конечно никто не приметъ въ томъ смыслѣ, будто эпосъ есть поэтическия всеобщая исторія человѣческаго рода и природы. Нѣтъ! содержаніемъ эпоса бываютъ поэтически изображенныя событія изъ жизни извѣстныхъ лицъ; но эти лица всегда бываютъ представителями цѣлыхъ родовъ и поколѣній: такъ что, повѣствуя о нихъ, пѣвецъ увлекаетъ воображеніе слушателей на поприще необозримое, повѣствуя о событіяхъ и дѣлахъ, объемлющихъ цѣлыя поколѣнія.

«Даже внѣшняя мѣра, говоритъ г. Буслаевъ, соответствуетъ такому широкому объему эпоса. Одна пѣсня сцѣпляется съ другою, одинъ рассказъ дополняется другимъ; поколѣніе послѣдующее добавляетъ сказку поколѣнія отжившаго, и никто не видитъ ни начала, ни конца эпическому цѣлому, которое тянется изъ рода въ родъ, то дробясь на отдѣльныя пѣсни и рассказы, то собираясь въ дружныя массы.»

«Широкій взглядъ на міръ передаетъ пѣвецъ слушателю иногда въ самомъ началѣ своего рассказа. Вотъ почему нѣкоторыя

древне-русскія стихотворенія начинаются этой прекрасной пѣвкой:

Высота ли высота поднебесная,
Глубота ли, глубота океанъ море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днѣпровскіе.

«Здѣсь призвано въ помощь все необъятное, чтобы дать эпическому воодушевленію надлежащій просторъ: и широта земля, и глубина океана, и высота поднебесная» *.

Самородная эпическая поэзія существенно отличается отъ позднѣйшей, искусственной поэзіи глубокимъ и величавымъ спокойствіемъ своего тона, соответственнымъ необозримо широкому теченію ея повѣствованія. Этотъ величаво спокойный тонъ оказывающій и на слушателей самое успокоительное дѣйствіе по мнѣнію г. Буслаева, зависитъ частію отъ самой формы эпоса, то есть, разсказа. Эпическая поэзія не дѣйствуетъ на насъ прямо, непосредственно, какъ на примѣръ драма, которая представляетъ самый предметъ предъ глаза зрителя или читателя въ эпическомъ же произведеніи между предметомъ повѣствованія и слушателемъ существуетъ примирительное, успокоительное посредство разсказчика.

«Хотя эпосъ, говоритъ г. Буслаевъ, возбуждаетъ въ слушателяхъ всѣ роды ощущеній—и смѣхъ, и ужасъ съ жалостію, нѣжное, и страшное, и веселье, и горе, однако ни одно изъ нихъ не наполняетъ души за исключеніемъ всѣхъ прочихъ, всѣ вѣдѣтъ попеременно, сообщаясь душѣ, удерживаютъ ее томъ равновѣсіи, которое необходимо для ея тишины и ясности» **.

«Подобно трагедіи, эпосъ можетъ возбудить въ душѣ ужасъ и жалость; только тонъ этихъ чувствованій будетъ совершенной. Сколь болѣзненная и мучительная катастрофа въ трагедіи столько трогательна и тихо прискорбна въ эпосѣ» ***.

Выше, въ началѣ этой статьи, упоминая о препятствіяхъ и уразумѣнію высокихъ красотъ первобытной поэзіи, которыя, нашему мнѣнію, поставлены современнымъ, общественнымъ направленіемъ нашей словесности, мы имѣли случай указать какъ на отличительную и при томъ высокую черту эпическаго

* Т. I. стр. 58.

** Т. I. стр. 60.

*** Тамъ же.

мизі, на эту непостижимую мѣрность и сдержанность ея пріемъ, которая никогда не уступаетъ никакимъ заманчивымъ и искусственнымъ поводамъ къ усиленному и напряженному выраженію чувствъ или къ многоглаголивому и растянутому описанію дѣйствій. Въ дополненіе къ тому приведемъ прекрасныя слова г. Буслаева о томъ же предметѣ:

«Чувствуешь, говоритъ онъ, какое-то могущественное величіе даже въ такихъ эпическихъ разсказахъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать отъ поэта изліянія чувствъ по случаю какой-нибудь сцены глубоко трогательной сердце, и, кромѣ голога повѣствованія, ничего не находишь» *.

Замѣтимъ съ своей стороны, что эта высоко-художественная форма первобытной поэзіи свойственна не однимъ произведеніямъ чисто повѣствовательнаго рода; мы находимъ ее и въ тѣхъ народныхъ пѣсняхъ, которыя по содержанію своему необходимо отнести въ разрядъ лирическихъ произведеній, и именно этой-то чертѣ приписываемъ высокое ихъ достоинство. Для объясненія своей мысли, позволимъ себѣ привести одинъ изъ тысячи примѣровъ:

Мимо моего садика,
 Мимо моего зеленого,
 Пролегала дороженька,
 Широкиѣ не широкая,
 Только очень пробовиста:
 Какъ по той по дороженькѣ
 Дочь отъ матери ѣхала,
 Горючо слезно плакала,
 Соловейкѣ наказывала:
 Ты лети, соловейушко!
 На родиму сторовушку,
 Ты и сядь во зеленый садъ,
 На любимую яблоньку,
 Утѣшай мою матушку,
 Чтобъ она, государыня,
 Не тужила, не плакала,
 На чужихъ дѣтей гляючи,
 Ко своимъ примѣняючи.

Едва ли возможно трогательнѣе этой небольшой пѣсенки выразить тихую грусть разлуки дочери съ матерью; а между тѣмъ была строгая воздержность въ этомъ по истинѣ мастерскомъ изображеніи! Какъ глубоко нѣженъ этотъ прекрасный образъ

* Т. I. стр. 62.

тихо плачущей дочери, которая среди своей печали заботи больше всего о томъ, чтобы ея государыня матушка:

Не тужила не плакала,
На чужихъ дѣтей гладючи,
Ко своимъ примѣняючи.

А между тѣмъ какими малыми средствами достигъ создатѣль свои цѣли, то есть этого глубоко трогательнаго впечатлѣнія: ѣдетъ отъ матери дочь, плачетъ и въ слезахъ обращаетъ къ соловью, чтобы онъ полетѣлъ утѣшать ея матушку: вотъ все. Какой легкой пріемъ! Какъ немногосложны черты: сценъ разлуки, ни усиливающихъ обстоятельствъ и отвѣнокъ матери даже нѣтъ на лице, объ ней упоминаетъ только да въ просьбѣ къ соловью; а между тѣмъ какъ живо рисуется этотъ тоскующій образъ старушки, у окна внимающей солову прилетѣвшему утѣшать ее. Какое спокойствіе тона, которое ложный вкусъ покажется, пожалуй, сухостію, недостаткомъ реческаго движенія, и какая однако глубина чувства для внимающаго тайны поэзіи!

Исчисленные нами достоинства самородной эпической поэзіи и многія другія, на которыхъ мы не останавливаемся, стѣсняясь цѣлю нашей статьи, имѣютъ полное право на вниманіе и можно надѣяться, что благодаря многочисленнымъ въ области открытіямъ и ученымъ трудамъ, изслѣдованію эпической поэзіи посвященнымъ, доставятъ ей въ будущихъ курсахъ исторіи литературы и эстетики подобающее мѣсто. Странно было ожидать отъ новѣйшихъ писателей подражанія этимъ безыскусственнымъ образцамъ; нѣкоторыя попытки воссозданія народныхъ пѣсни или сказки возможны; Жуковский, Пушкинъ и Лермонтовъ оставили намъ прекрасные образчики такого воссозданія и мы причисляемъ эти попытки нашихъ великихъ художниковъ къ числу превосходнѣйшихъ твореній нашей словесности. Эти попытки суть такое же подражаніе народному эпосу, какъ подраженія Пушкина, на примѣръ, Данту, древнимъ, Ломоновою Байрону и т. д.; писать же постоянно въ этомъ родѣ, поддѣлываясь подъ безыскусственную простоту народнаго эпоса, было бы такъ же смѣшно и напрасно, какъ взрослому ловѣку подражать невинности ребенка и, плѣняясь чистотой ясностію его младенческой души, притворять себѣ его блаженное вѣщаніе незнаніе. Тѣмъ не менѣе мы въ правѣ надѣяться, что знакомства съ народной поэзіей немалой пользы для вкуса и

стоющаго поколѣнія. Имъ, освѣжающимъ и благоуханнымъ имѣть отъ этихъ первобытныхъ созданныхъ народнаго творчества, какъ ни далека наша эпоха отъ простоты, беззаботности и безпечнаго спокойствія временъ древнихъ, при совершенной возможности для современнаго писателя приобрести свойства эпического стиля; все таки эти свойства могутъ имѣть положительное и весьма благопріятное вліяніе на вкусъ нашихъ писателей, ясно показывая, въ чемъ именно состоитъ поэтическое творчество, и тѣмъ удерживая отъ заблужденій ложнаго литературнаго направленія. Ни для какой эпохи, ни для какого направленія, ни для какого рода писателей, нельзя отрицать пользы отъ изученія Гомера; а въ Гомерѣ мы видимъ совершеннѣйшее и полнѣйшее выраженіе именно тѣхъ самыхъ свойствъ эпической поэзіи, которыми мы только что воздали честь и котормъ въ другой конечно мѣрѣ проявляются въ эпическихъ произведеніяхъ всѣхъ другихъ народовъ, въ томъ числѣ и нашего.

Не тоже ли самое можно видѣть и на языкѣ? Извѣстно, что въ древнѣйшія эпохи своей жизни языкъ отличается необыкновенною изобразительностію и художественною игрою, которыя съ теченіемъ времени постепенно въ немъ пропадаютъ; ибо съ словъ съ тѣми представленіями, которыя ихъ породили, мало по малу затемняется, и слова изъ художественныхъ обращеній обращаются въ условные знаки. Мы, живущіе въ довольно позднюю эпоху народной нашей жизни, пользуемся словами своего языка именно такъ, и возвратиться къ утраченнымъ уже лицамъ воззрѣніямъ на языкъ не можемъ; но при всемъ томъ кто рѣшился бы сказать, что изученіе нашего древняго эпическаго языка, сохранившагося въ народной поэзіи и областныхъ говорахъ, равно какъ и въ древнихъ письменныхъ памятникахъ нашихъ, не можетъ принести огромной пользы нашему современному языку? Извѣстно, какъ цѣнили народный языкъ наши лучшіе писатели: какъ истинные, великіе художники слова, они глубоко чувствовали его поэтическія свойства и искусно украшали свои творенія оттуда заимствованными сокровищами. Изъ того, что принялись передразнивать народъ и поддѣлывать подъ его прекрасную рѣчь, конечно ничего добраго не выйдетъ; но при разумномъ пользованіи ею возможны были бы, мы увѣрены, самыя счастливыя послѣдствія для нашего роднаго слова. Это было бы, какъ намъ кажется, одной изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ противъ этой безцвѣтности со-

временнаго слога, этихъ противн... *современныхъ писателей и* составляютъ гордость *и* *радую* современнаго читателя, воспитавшихъ свой литер... *вершились* *отчаяніе* читателей, воспитавшихъ свой литер... *и* *вкусъ* на истинныхъ образцахъ слова. Но тщательное изученіе первобытной народной поэзіи обѣщаетъ не одни эстетическія послѣдствія; какъ вѣрный образъ внутренней жизни младенчествующаго народа, она служитъ для насъ наилучшимъ проводникомъ къ разумѣнію тѣхъ духовныхъ началъ, которыя составляютъ основу первобытной внутренней жизни народа, и къ опредѣленію тѣхъ формъ, которыя принимаетъ сознаніе народа въ первоначальныя эпохи его исторіи. Поэтическія красоты народныхъ сказокъ, пѣсенъ и духовныхъ стиховъ представляютъ для нашего времени конечно важнѣйшую и занимательнѣйшую сторону народной поэзіи; но этою стороною далеко не исчерпывается ея значеніе для насъ, такъ какъ и для народа, создававшаго свою поэзію, въ эпоху созданія поэтическаго побужденія не были единственными двигателями.

«Пѣсня, сказка, поэтическое преданіе старины, говоритъ Буслаевъ, дороги народу не потому только, что забавляютъ досужее время, даютъ пищу праздному воображенію, ласкаютъ слухъ складными звуками, однимъ словомъ, не потому, что народъ находилъ въ произведеніяхъ своей безъискусственной поэзіи удовлетвореніе только однимъ эстетическимъ стремленіемъ и позываемъ. Въ этихъ произведеніяхъ онъ чувствуетъ какъ дополненіе всему нравственному существу своему; потому что они срослись въ его сердцѣ со всѣми лучшими, душевными его помыслами, мечтаніями и взрваніями; потому что въ нихъ находитъ онъ уже готовое выраженіе тѣхъ сокровенныхъ духовныхъ началъ, которыя ему самому становятся доступными только въ этой виѣшной, уже установившейся, окрѣпившейся формѣ. Это его старина и преданія, изъ которыхъ сложились первыя основы его нравственной фizioноміи. Это духовная собственность всѣхъ и cadaго. Кто поетъ пѣсни или рассказываетъ сказку, тому она и принадлежитъ, какъ его литературная собственность, потому что онъ и самъ подумалъ бы и сказалъ бы точно такъ же, еслибъ старина не подслужилась ему готовымъ выраженіемъ. Поэтическое творчество цѣлыхъ массъ или поколѣній и творчество отдѣльной личности сливаются въ этомъ всеохватывающемъ широкомъ потокѣ народной поэзіи. Пѣвецъ или рассказчикъ что-нибудь иногда прибавитъ и от

оба, но такъ, что ни онъ самъ того не замѣтитъ, ни другіе: ничто такъ, какъ отъ избытка сердца слагается новое слово, гибкое и бойкое, совершенно свѣжее, но уже изъ готовыхъ въ языкѣ этимологическихъ данныхъ».

Вдумываясь глубже въ общій смыслъ народной поэзіи, мы должны признать за нею высокое назначеніе. Она сопутствуетъ народамъ на тяжеломъ историческомъ поприщѣ, и вѣчно живая и свѣжая постоянно питаетъ въ нихъ высокія стремленія къ области идей; она убѣждаетъ всякаго, что поэтическое настроеніе есть одна изъ необходимѣйшихъ, непреходящихъ потребностей духовной жизни, какое бы направленіе въ теченіе вѣковъ она ни получила, хотя бы даже исключительно практическое. Если бы народная поэзія ограничивалась одними эстетическими интересами, она давно бы уже изсыкла въ своихъ источникахъ, она бы съ теченіемъ вѣковъ пропала. Но, какъ старина и преданье, какъ вѣрованье и обычай, она выше всякаго вымысла, питающаго только праздное эстетическое чувство; она внѣ всякаго подозрѣнія въ неправдѣ и обманѣ. Хотя и говорится въ народѣ, что *сказка складка, а пѣсня бѣлыя*: но это потому только, что замышленіе большей части сказокъ относится къ такой эпохѣ, что народъ не успѣлъ удержать ихъ въ формѣ *быльмы* и уже передаетъ ихъ не въ связной формѣ стиха, а въ болѣе свободной позднѣйшей формѣ прозаической. Художественная форма сказокъ, если можно такъ выразиться—основывается на томъ, что почти всѣ онѣ у народовъ индоевропейскихъ поражаютъ изслѣдователя удивительнымъ средствомъ, Судная неправда, бессмысленная ложь, не могла бы пронестись на разстояніи вѣковъ по многимъ народамъ и племенамъ обиднымъ согласіемъ въ главныхъ мотивахъ сказочнаго преданія и не могла бы такъ твердо окрѣпнуть въ національности каждаго.» *

Самородная эпическая поэзія, занявъ подобающее ей мѣсто въ курсахъ исторіи литературы и эстетики, необходимо измѣнитъ прежнія узкія воззрѣнія на художественныя условія словесныхъ произведеній и у насъ, когда мы ближе познакоимся и по достоинству оцѣнимъ сокровища народнаго слова, какъ измѣнила уже отчасти и расширила она эстетическія понятія на Западѣ, гдѣ для изученія старины и народности сдѣлано несравненно болѣе, чѣмъ у насъ.

* Т. I. стр. 301.

«Изученіе собственно народной словесности, говоритъ г. Бслаевъ, то есть, пѣсенъ, сказокъ, народныхъ преданій и другихъ такъ называемыхъ *народныхъ книгъ*, это благотворное ученіе, которымъ современная наука преимущественно обязана энергической, гениальной дѣятельности. Я. Гримма и его многочисленныхъ послѣдователей, дало новое направленіе изслѣдователямъ исторіи литературы, расширило ихъ воззрѣнія и все болѣе способствовало низведенію эстетической критики съ шаткаго, исключительнаго трибунала. Изслѣдователи усмотрѣли, что позади и около литературныхъ и вообще художественныхъ знаменитостей толпятся цѣлые ряды дѣятелей, правда—не столько прославленныхъ, но въ свое время приносившихъ великую пользу успѣхамъ народнаго образованія своими негромкими произведеніями. вмѣстѣ съ расширеніемъ изучаемаго матеріала, самый художественный вкусъ сталъ очищаться отъ теоретическихъ предразсудковъ, безусловно раболѣбствовавшихъ передъ *какимъ нибудь* (?) Тассомъ, Боккачіо или Петраркою. Нашли наконецъ, что и кромѣ италіанскаго нувеллиста были многіе другіе нисколько ему не уступавшіе въ наивности разсказа и несравненно выше его стоявшіе по свѣжести поэтическихъ воззрѣній и по глубинѣ и искренности средневѣковыхъ народныхъ вѣрованій и убѣжденій, даже по мѣткости и силѣ сатирическихъ выходокъ. Узнали положительно, что еще задолго до сладкорѣчиваго пѣвца Лауры, и въ Италіи, и въ Германіи, и въ другихъ западныхъ странахъ, были лирическіе поэты, болѣе искренніе и задушевные, болѣе проникнутые свѣжими силами народнаго творчества и нисколько не испорченные искусственною аффектаціею, которою страдаютъ сонеты этого италіанскаго мимнезингера XIV вѣка. И великому, пресловутому Тассу сталъ отказывать въ громкомъ притязаніи на эпическое творчество, указавъ ему скромное мѣсто между поэтами любви, и въ его поэмѣ стали находить болѣе достоинствъ лирическихъ, нежели эпическихъ. Въ плавности прозы и художественности стиха перестали видѣть безусловную привилегію на почетное мѣсто въ критической теоріи, или въ философической, эстетической исторіи литературы и искусства».

«Хотя на Западѣ уже много сдѣлано для изученія старинъ и народности, несравненно болѣе, нежели у насъ; но постоянно открываемые и издаваемые памятники литературы и искусства въ Германіи и Франціи и другихъ европейскихъ странахъ,

и энергически и дружно стремящаяся вперед литературная и учебная деятельность къ изслѣдованію сокровенныхъ основъ национальности—приготовляетъ блистательную будущность историческому изученію, а въ настоящее время открываетъ такое широкое поприще мыслящему изслѣдователю, даетъ столько помысловъ и свѣжихъ литературныхъ интересовъ, что онъ развѣ только съ сожалѣніемъ о заблужденіяхъ человѣческаго ума можетъ обратиться назадъ, къ тѣмъ эстетическимъ теоріямъ, которыя мнимой обширностію и высотой взглядовъ прикрывали самый скудный запасъ насущныхъ свѣдѣній». *

Изученіе первобытной эпической поэзіи есть въ тоже время изученіе первоначальнаго періода внутренней жизни народа: ибо, по общему эстетическому или историко-литературному правилу, что поэзія есть выраженіе народной жизни, всякому на-прямленію, которое въ разныя времена принимаетъ литература, необходимо соотвѣтствуетъ извѣстное настроеніе общественной жизни. Изъ этого правила не представляетъ исключенія и эпическая поэзія: извѣстно, что она отличается неподвижностію своихъ приемовъ и формъ, употребляя однѣ и тѣже выраженія или обозначенія подобныхъ дѣйствій и качествъ, не смотря на различіе лицъ, которымъ эти дѣйствія и качества приписываются, и обстоятельствъ, которыми эти дѣйствія сопровождаются. Эти частыя повторенія, которыя въ искусственной поэзіи не могутъ быть терпимы, а въ эпической составляютъ существенное ея украшеніе и необходимую принадлежность, которую опустить такъ же невозможно, и неестественно, по прекрасному выраженію г. Буслаева, какъ выкинуть изъ жизни день ожиданія передъ радостью; эти постоянные эпитеты, которыя однажды навсегда приданы предмету и неизмѣнно сопровождаютъ его во всѣхъ положеніяхъ; многочисленныя обычныя уподобленія, метафоры и другія обычныя эпическія формы: все это находится въ тѣснѣйшей связи съ строго обрядовымъ, неизмѣннымъ строемъ и теченіемъ жизни народной въ тотъ ея періодъ, когда господствуетъ общенародная, эпическая поэзія.

Въ старину, говоритъ г. Буслаевъ, преданіе замѣняло и школу, и науку. Подъ его благотворнымъ вліяніемъ протекала вся жизнь человѣка, отъ колыбели до могилы. Младенецъ, у груди своей матери, уже прислушивался и привыкалъ къ колыбельной пѣснѣ, которую въ свою очередь будетъ онъ пѣть и

* Т. I. стар. 403.

своимъ дѣтямъ. Провожая усопшаго, сродники облакивали его въ обычныхъ старинныхъ причитаньяхъ и знали навѣрно, что когда-нибудь и ихъ тѣми же словами и тѣмъ же напѣвомъ станутъ провожать тѣ, которые переживутъ ихъ. Два крайніе возраста человѣческой жизни, старость и дѣтство, дружно встречались на сказкѣ: поколѣніе отживающее передавало преданіе поколѣнію народившемуся. Старый рассказываетъ сказку и поучаетъ; малый слушаетъ и поучается. Одинъ напоминаетъ въ сказкѣ прошедшее, другой гадаетъ о будущемъ; содержаніе ж самой сказки, подвиги богатырей, битвы и страхи, и послѣ всего желанный конецъ тревогамъ—женитьба на царевнѣ, съ цѣлымъ царствомъ въ приданное: идея сказки—та прекрасная середина человѣческаго вѣка, та бодрая возмужалость, которая для дитяти еще недоступна, какъ отдаленное будущее, а для старика расквашка, какъ невозвратное прошедшее,—тотъ идеалъ, который во все вѣка уноситъ человѣка изъ дѣйствительности къ чему-то лучшему и совершеннѣйшему и который въ сказкѣ такъ наивно сумитъ несбыточные диковинки».

«Игрою и пѣсней сопровождалъ человѣкъ все важнѣйшія труды свои: по веснѣ ли, когда выгонялъ въ поле стада и засеивалъ ниву, по осени ли, когда косилъ траву и зажиналъ хлѣбъ, поэзія служила, какъ утѣхою въ трудѣ, такъ и забавою праздника; тогда-то особенно разыгрывалась досужая фантазія—и хороводъ и пѣсня сопровождали древній обычай, udržавшійся въ памяти, вмѣстѣ съ преданіями, отъ эпохи незапамятной».

«Важнѣйшее событіе въ жизни, между двумя крайними ея предѣлами, между рожденіемъ и смертію—есть женитьба, и ни одинъ обрядъ столько не богатъ преданіями, повѣрьями и старинными пѣснями, какъ свадьба, на которой эпическая поэзія разыгрывалась во всемъ своемъ древнемъ разгулѣ, и какъ неизмѣнный, отъ періода миенческаго идущій обрядъ, и какъ досужая забава пирующихъ, и какъ вѣщая сила, ограждающая благо, жизнь и здоровье жениха и невѣсты».

«Въ эпическій періодъ жизни, народный обычай имѣетъ такую власть надъ отдѣльной личностью, что она не только не можетъ создать пѣсню или сказку, какъ исключительное выраженіе своей частной жизни, но даже не имѣетъ надобности выдумывать отъ себя приличное привѣтствіе на пиру, въ знакъ доброжелательства собесѣдникамъ и хозяину. Привѣтствія и за-

црвныя рѣчи искони ходили между народомъ въ установленной обычаемъ формѣ».

«Еще разительнѣе эпическая обрядность въ причитаньяхъ въ покойникѣ, всегда неизмѣнныхъ, исконно въку служащихъ выраженіемъ тоски и горя оплакивающихъ. Конечно, не только теперешняго горевали въ старину по усопшемъ родственникѣ, однако въ изліяніяхъ своей горести довольствовались обычными причитаньями». *

«Эпическій пѣвецъ, хотя и неясно, чувствовалъ влекущую его къ общей толпѣ цѣлаго поколѣнія, ничѣмъ не удержимую слухъ преданія и обычая. Онъ былъ неволенъ, какъ въ содержаніи разсказа, идущемъ отъ старины, такъ и въ способѣ выраженія, употребляя общепринятые, обычные эпическія формы, удоболенія, эпитеты, метафоры и вообще подчиняясь складу и ладу народной рѣчи. Потому самородная эпическая поэзія, въ теченіе столѣтій, представляетъ замѣчательную ровность языка, не нарушаемую личнымъ способомъ выраженія отдѣльныхъ пѣвцевъ и составляющую отличительный характеръ эпическаго слога». **

«Народный эпосъ во всѣхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ, начиная отъ мѣла и чарующаго заклатія, этого отголоска религиозныхъ мѣненческихъ обрядовъ, и до дѣтской игры, сопровождаемой стихами или причитаньями, и до колыбельной пѣсни—есть не только выраженіе народнаго быта, но даже сама народная жизнь, возведенная на первую степень сознанія и перелитая въ прекрасные звуки роднаго слова. Потому только въ слезѣ съ характеристикой первоначальнаго эпическаго быта самаго народа возможно себѣ составить вѣрное и полное понятіе объ этомъ существенномъ, основномъ родѣ поэтической дѣятельности».

«Совокупному, такъ сказать, собирательному, творчеству народной фантазіи и этому ровному, неизмѣнному теченію эпоса соответствуетъ строгая обрядность эпическаго быта, подчиненная вѣрованью и сопровождаемая неизмѣнными, обычными проявленіями въ дѣйствіяхъ и самыхъ словахъ. Съ самаго рожденія до смерти вся жизнь человѣка подчиняется этому ровному эпическому теченію, руководимая вѣрованьями старины, огла-

* Т. I. стр. 44—51.

** Т. I. стр. 76.

шаемая звуками роднаго слова (эпоса), въ его разнообразныхъ проявленіяхъ». *

Но такое однообразіе эпическихъ приемовъ и формъ нельзя принимать за признакъ того, что жизнь народа, эпическою поэзію изображаемая, пребывала во все время господства эпоса неподвижною и не испытывала никакихъ перемѣнъ. Такое заключеніе было бы крайнею нелѣпостію, ибо эпическое настроеніе, на примѣръ, въ Русской поэзіи существовало отъ самыхъ незапамятныхъ временъ темной мнѳологической старины до временъ весьма позднихъ и къ намъ близкихъ; можно положительно утвердить, что эпическое творчество въ нашемъ народѣ изсякло на нашей памяти, то есть, на памяти нашихъ средовѣчныхъ современниковъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ урочные дни народныхъ игрищъ, на примѣръ, въ семикъ, не только по деревнямъ, но и во многихъ значительныхъ городахъ все молодое поколѣніе собиралось и составляло поэтическія процессіи, сопровождаемыя дружнымъ общимъ пѣніемъ самыхъ чистыхъ народныхъ пѣсенъ совершенно эпическаго свойства и соответствующими дню играми; и это дѣлалось въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ теперь слышатся какіе-то жалкіе романсы, неизвѣстно, откуда проникшіе въ народъ, какъ на примѣръ

Сколь ты, Анушка, прекрасна,

Сколь ты очень хороша;

Но любовь моя напрасна

И болитъ моя душа:

Можно предполагать, что и донныя эпическое одушевленіе, если не творчество, не покинуло нѣкоторыхъ отдаленныхъ окраинъ нашей земли; быть можетъ пѣсни не творятся вновь, но по крайней мѣрѣ древнія не исчезли изъ памяти народа и поются доселѣ, ожидая просвѣщенныхъ любителей народной старины. Доказательствомъ тому можетъ послужить только что явившееся въ печати великолѣпное собраніе древнѣйшихъ произведеній русскаго эпоса, которымъ мы обязаны усердію и умѣнію Рыбникова.

Если же мы обратимся мыслию лѣтъ за двѣсти, на пр. къ XVII в., то увидимъ, что въ эту пору пѣсни, не только бытовныя, но даже историческія, слагались по слѣдамъ событій, какъ на примѣръ записанныя въ 1619 году Ричардомъ Джемсомъ и нѣсколько лѣтъ тому напечатанныя въ Извѣстіяхъ Второго Отдѣ-

* Т. I. стр. 414.

лія Академія Наукъ. Во времена же Царя Алексѣя Михайловича принимались дѣятельныя мѣры противъ тѣхъ пѣсенъ и прищъ, которыя сопровождались какими-либо обрядами, уцѣлѣвшими отъ языческой древности: такъ сильно было эпическое настроеніе въ народѣ. Изъ этого странно было бы вывести, что жизнь русскаго народа отъ первоначальныхъ временъ его исторіи и даже отъ эпохи доисторической до конца XVII в. и далѣе оставалась неподверженною никакимъ существеннымъ измѣненіямъ, на томъ только основаніи, что во все продолженіе столь многихъ вѣковъ въ народной поэзіи господствовалъ эпическій складъ. Дѣйствительно, этотъ эпическій складъ сохранился въ русской поэзіи отъ древности до новѣйшаго времени и находилъ въ жизни народа себѣ извѣстное соотвѣтствіе; но, при этомъ единствѣ и неизмѣнности склада и внѣшнихъ признаковъ русской народной поэзіи, въ самомъ содержаніи русскаго эпоса происходили многоразличныя измѣненія. Такъ, разбирая русскія пословицы которыя, какъ читатель, вѣроятно, замѣтилъ, отнесены г. Буслаевымъ, и совершенно вѣрно, къ стихамъ народнаго эпоса, онъ примѣчаетъ въ нихъ слѣды перехода народной жизни изъ одного состоянія въ другое, напримѣръ, изъ ютчаваго, пастушескаго быта въ осѣдлый, земледѣльческій и т. д. Нельзя не замѣтить въ нѣкоторыхъ изъ таковыхъ соображеній г. Буслаева кое-какихъ невѣрностей, происходящихъ отъ непримѣннаго усилія подтвердить свое общее положеніе наибольшимъ количествомъ положительныхъ доказательствъ; но не смотря на частныя ошибки, общая мысль все же остается вѣрною; языкъ и пословицы, равно какъ и другія произведенія первобытнаго народнаго творчества, дѣйствительно сохраняютъ, для умѣющаго прочесть, ясныя указанія на давнопрошедшія событія въ исторіи народа, и по нимъ наука доходитъ до постиженія такихъ древнихъ, но несомнѣнныхъ фактовъ народной жизни, которые безъ того были бы совершенно утрачены для нашего сознанія.

Въ эпическихъ пѣсняхъ и сказкахъ народныхъ мы еще явнѣе можемъ усмотрѣть различные переходы, соотвѣтствующіе различнымъ, постепеннымъ измѣненіямъ въ жизни и сознаніи народа. У всѣхъ народовъ безъ исключенія первоначальный характеръ эпоса былъ по преимуществу миеологическій; въ самомъ началѣ своего бытія народъ стремится въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ выразить свои представленія о проис-

каждою міра, о творческихъ силахъ и отношеніи къ нимъ человека. Этотъ родъ эпоса называется обыкновенно еогоническимъ или космогоническимъ; дѣйствующими лицами въ немъ бывають по преимуществу измышленныя народною фантазіею божества, устрояющія по своему міръ. За тѣмъ, мало по малу въ содержаніе эпоса проникаеть стихія человѣческая и вмѣстѣ съ богами дѣйствуютъ люди особой высшей породы, герои, полу-боги: такимъ образомъ эпосъ еогоническій смѣняется героическимъ, который въ свою очередь, чрезъ постепенно усиливашееся преобладаніе человѣческой стихіи обращается въ историческій.

«Если главныя основы эпоса остаются неизмѣнны, говоритъ г. Буслаевъ, все же, по требованіямъ развивающихся поколѣній, или въ слѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ иногда цѣлыя обширныя отдѣлы древнѣйшей народной поэзіи вмѣстѣ съ древнѣйшими поколѣніями, вымирають, оставляя по себѣ только слабыя слѣды. Такъ эпосъ еогоническій смѣняется героическимъ. Съ начала тотъ и другой живутъ общею жизнью; но потомъ остается только героическій, а потомъ и этотъ послѣдній, все болѣе прерывая нити, связывавшія его съ народною міеологіею, вступаетъ на поприще *историческаго* разсказа.»

«Тогда въ памяти народа остаются только отрывочныя намеки на утраченное цѣлое, въ видѣ *обычныхъ эпическихъ формъ* или темныхъ *новпрій*, бессознательныхъ *обрядовъ* и т. п., арханческихъ устарѣлыхъ формъ, въ образованіи и измѣненіи словъ,—формъ, которыхъ первоначальное значеніе уже непонятно; потому что онѣ уже стали не иное что, какъ развалины нѣкогда стройнаго, цѣлаго зданія—не иное что, какъ старыи и разрозненныи матеріалъ, пошедшій на новыя постройки». *

При такомъ преемственномъ измѣненіи свойствъ народнаго эпоса, одно и тоже дѣйствующее лице и одно и тоже событіе, воспріимая народомъ, могли и даже должны были являться съ значительными видоизмѣненіями свойствъ (въ лицѣ) и подробностей (въ событіи). Такъ, на примѣръ, одинъ и тотъ же русскій богатырь, Илья Муромецъ представляется въ одной пѣснѣ съ одними свойствами, въ другой съ другими, хотя эти видоизмѣненія никогда не доходятъ до разрушенія основныхъ чертъ

* Т. I. стр. 415.

го характера; въ одной пѣснѣ онъ является въ смѣненіяхъ съ жини-то богатырями древнѣйшей эпохи, превосходящими его само, какъ на примѣръ Святоторъ; въ другой онъ является жини богатырями историческаго Владимірова цикла, надъ которыми господствуетъ своею необычайною силою. По этимъ и жинимъ другимъ причинамъ, эпосъ первоначально является въ видѣ многихъ отдѣльныхъ эпизодовъ, не имѣющихъ наружнаго, тѣхнческаго единства, тѣмъ неменѣе связанныхъ внутреннею органическою связію.

Сознавая или, точнѣе сказать, только ощущая всю полноту жинисловъ народной фантазіи, говоритъ г. Буслаевъ, каждое жинианіе получаетъ въ наслѣдство и удерживаетъ только часть жинио всеобъемлющаго цѣлаго. Но за то въ каждомъ эпизодѣ, въ каждой эпической пѣснѣ, чувствуются все элементы, изъ которыхъ сложился народный эпосъ: чувствуется ясно, что только на широкой основѣ полнаго воссозданія жизни въ эпической формѣ была возможна та жинидательная сила, помощію которой сложился эпизодъ, отдѣльная пѣсня или сказка.

На этомъ основывается высокое достоинство эпизодовъ народнаго эпоса. Каждый изъ нихъ даетъ слушателю полную возможность ориентироваться, опознаться во всехъ подробностяхъ жиниизиса и въ тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя въ эпизодѣ сообщаются, хотя бы подробности эти, какъ краткіе намеки, и состоятъ въ связи съ другими пѣснями или сказками, то есть, съ другими эпизодами великаго народнаго эпоса. Никогда не видя предъ собою цѣлаго эпическаго зданія (которое и живетъ только въ эпизодахъ), между тѣмъ воляжій, и поющій, и слушающій, общается съ нимъ на каждомъ отдѣльномъ эпизодѣ: подобно тому, какъ говорящій проникается всею полнотою и силою своего роднаго языка, хотя бы оказалъ только несколько фразъ;— или чтобъ вполне восчувствовать все отъѣнки грамматическаго состава хотя бы самой кароткой рѣчи, надобно усвоить себѣ все внутренній строй языка.

Эпизодическое существованіе эпоса, вполне согласное съ постоянно эпизодическимъ его употребленіемъ въ народѣ, опредѣляетъ всю историческую его судьбу, все его внѣшнее развитіе. Со временемъ одни эпизоды пропадаютъ, другіе возникаютъ жининовь, жининые подновляются, по требованію новыхъ обстоятельствъ и возрѣній, и, такъ сказать, покрываются новыми нароостами. Однако, не смотря на это постоянное видоизмѣненіе составныхъ

частей, цѣлое остается невредимо, пока въ народѣ не угасла жизнь эпического творчества. Точно такъ дерево остается сѣжо и исполнено жизни, пока здоровъ его корень, сколько бы ни мѣняло оно вѣтвей и листьевъ. Потому, замѣчу мимоходомъ кажется, отличается необыкновенно художественнымъ тактомъ, въ нѣкоторыхъ языкахъ, наименованіе эпизодовъ народнаго эпоса *вьтвями* (branches). *

Соединеніе этихъ по видимому разрозненныхъ, въ сущности же органически, тѣсно соединенныхъ между собою, составныхъ частей народнаго эпоса совершается уже въ послѣдующую, вѣричную эпоху поэтической дѣятельности народа, имѣющую безсомнѣнія свое важное значеніе въ исторіи народной поэзіи; и этому совокупленію частей нельзя придавать той важности, которая приписывается ей прежними эстетиками, отдающими ей не художественной отдѣлкѣ или стройности преимущественно предъ чисто внутренними достоинствами и красотами эпической поэзіи, равно замѣчательными и въ эпическихъ эпизодахъ, какъ и въ стройно составленной изъ нихъ цѣльной поэмѣ. Г. Буслевъ прекрасно опровергаетъ устарѣлый взглядъ на это дѣло одного изъ лучшихъ новѣйшихъ эстетиковъ Германіи, Фишеръ который утверждаетъ, что народная поэзія, не смотря на ея искренность и свѣжесть, при ея недостаткѣ въ технической художественной обработкѣ, слишкомъ бѣдна, и потому она можетъ воспроизвести великій матеріалъ эпической поэзіи не иначе, какъ только въ разрозненныхъ, отдѣльныхъ пѣсняхъ. **

«Въ этихъ словахъ, говоритъ г. Буслевъ, явственно слышатся и странные толки о какомъ-то эпическомъ единствѣ, и напыщенная рѣчь академическаго критика, свысока снисходящаго къ безыскусственнымъ пѣснямъ.

«Что значитъ эта прославленная художественная техника, въ которой отказывается эстетикъ нашихъ временъ народнымъ пѣснямъ? Хлопотать о вѣншемъ единствѣ или объ осязаемой полнотѣ народнаго эпоса, приведеннаго въ книжную систему, значитъ вовсе не понимать высокаго жизненнаго начала, которымъ проникнута народная поэзія. Неужели для того, чтобы наслаждаться своими пѣснями, народу не все равно, болѣе или менѣе тѣсно между собою слагаются эти отдѣльныя раскодія его эпоса? Во всякомъ случаѣ, народная пѣсня поется или слушается

* Т. I. стр. 414.

** Т. I. стр. 406.

цѣлостно, но понимается всегда только въ связи съ цѣлымъ. Въ это великое эпическое цѣлое, ни въ одномъ народѣ, даже у грековъ, ни въ Иліадѣ, ни въ Одиссееѣ, никогда не выдѣлилось и не могло выразиться въ высшемъ видѣ, сплоченное въ одну всеобъемлющую поэму. Народный эпосъ, — также какъ народное слово, какъ самый языкъ, — живетъ въ устахъ всего народа: полнота и единство эпоса опредѣляются не высшею формой, но органическою цѣлостію и характеристическою оригинальностію самой народности, всеми духовными интересами народа, сосредоточенными къ предметамъ народнаго творчества.*

На этотъ разъ мы предположили познакомить читателя съ общими выводами, къ которымъ привело г. Булаева внимательное изученіе эпическихъ твореній, какъ собственно нашихъ народныхъ, такъ и чужихъ, состоящихъ съ нашими въ близкомъ родствѣ, вслѣдствіе единства происхожденія народовъ индоевропейскаго колына. Эти общіе выводы почтеннаго профессора о происхожденіи эпической поэзіи, ея составныхъ частяхъ, отличительныхъ свойствахъ и многоразличныхъ отношеніяхъ, представляются намъ столь занимательными и справедливыми, при томъ такъ прекрасно выраженными, что мы почли необходимымъ оставить на нихъ вниманіе читателя и въ большей части случаевъ удержатъ даже изложеніе автора. Въ этихъ общихъ заключеніяхъ, быть можетъ вызывающихъ на какія либо частныя замечанія, но въ существенномъ совершенно вѣрныхъ, изслѣдователя нашей поэтической старины, которая въ настоящее время такъ сильно занимаетъ наше образованное общество, найдутъ безъ сомнѣнія себѣ большую помощь и надежное руководство. Мы такъ бѣдны здоровыми эстетическими понятіями вообще, въ особенности же сужденія нашихъ критиковъ о народной поэзіи такъ странны, что всякое стремленіе возстановить здравомысліе въ этой области нашего мышленія должно быть принято съ всею признательностію: ибо, повторяемъ сказанное прежде, глупота или совершенное извращеніе художественнаго вкуса и само по себѣ есть явленіе весьма печальное и унизительное, а кроме того оно служитъ зловѣщимъ признакомъ искаженія въ обществѣ и другихъ духовныхъ силъ. Не чувствовать красоту самородной эпической поэзіи и потому презирать, на примѣръ, русскія народныя пѣсни — означаетъ, по нашему мнѣнію, не одну грубость вкуса, но и общее неправильное настроеніе ума и серд-

* Т. I. стр. 407.

ца. Потому мы считаемъ своимъ долгомъ съ особеннымъ уваженіемъ отнести къ тѣмъ здоровымъ и тонкимъ мнѣніямъ Буслаева, которыми онъ обогащаетъ нашу критическую литературу и поддерживаетъ расположеніе и вкусъ къ чистой поэзіи.

Судя по направленію большей части нашихъ современныхъ писателей, трудно надѣяться, чтобы мнѣнія г. Буслаева превозмогли столь распространенное и столь твердо упроченное безвкусіе; мудрено себя вообразить, чтобы вліянію его понятій распространилось въ широкихъ размѣрахъ и съ желаемою быстротою; для торжества идеи въ человеческомъ обществѣ недостаточно того, чтобы она была истинна, (напротивъ того, мы знаемъ, что наиболее истинныя и спасительныя понятія проникаютъ въ общее сознаніе всегда съ крайними усиліями и борьбою) для того нужно еще чтобы и въ обществѣ было достаточно воспринимавшей способности. Литературное же образованіе, которое одно можетъ воспитать вкусъ чрезъ знакомство съ высочайшими произведеніями человеческого слова, въ нашемъ обществѣ находится въ такомъ жалкомъ состояніи, что нельзя думать безъ страха о нашей ближайшей литературной будущности.

Но нельзя почесть мало важнымъ и того, если здоровыя художественныя понятія, лежащія въ основаніи любопытныхъ изслѣдованій г. Буслаева, подѣйствуютъ хотя на некоторую часть внивающихъ и читающихъ людей.

Впрочемъ, воздавая должную честь справедливости и занятиности общихъ эстетическихъ соображеній г. Буслаева и не останавливая особенное вниманіе, мы далеки отъ той мысли, чтобы этими общими заключеніями ограничить всѣ достоинства его почтеннаго труда; такого рода похвала была бы для него оскорбленіемъ. Частныя примѣненія этихъ общихъ эстетическихъ началъ однѣ въ состояніи придать имъ надлежащую цѣнность и обратить ихъ изъ праздныхъ общихъ мнѣній въ внимательныя и живыя истины. Эта живая сторона произведенія г. Буслаева представляетъ также весьма много любопытнаго новаго, но конечно не въ той мѣрѣ безспорнаго, какъ вышесказанная нами общія положенія. Въ слѣдующей заключительной статьѣ своей мы обратимся къ разъясненію тѣхъ вопросовъ, которые по нашему мнѣнію, рѣшены г. Буслаевымъ не довольно правильно или разсмотрѣны не съ достаточною полнотою, оставляя въ сторонѣ все то, что въ трудѣ его, по нашему мнѣнію изслѣдовано съ надлежащею точностію и чему мы изъявляемъ свое покровное уваженіе.

ЗАПИСКИ О НѢКОТОРЫХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХЪ ЖИЗНИ И СЛУЖБѢ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ТАЙНАГО СОВѢТНИКА, И. В. ЛОПУХИНА, СОЧИНЕННЫЯ ИМЪ САМИМЪ. Москва. 1860.

Мы слишкомъ хорошо знаемъ, что исторія нашей цивилизаціи началась съ Петра Великаго, но между нами недостаточно распространена та истина, что нравы сколько нибудь цивилизованныхъ народовъ, такъ называемые гуманные характеры, или дръствѣ сказать—добрыя сердца и милосердныя души, способны къ жалости, состраданію, сколько нибудь прямому пониманію справедливости, и вообще къ добрымъ чувствамъ и хоть отчасти правильнымъ понятіямъ о сложнѣйшхъ взаимныхъ отношеніяхъ между людьми,—у насъ начали мало-по-малу возникать и формироваться только съ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія. Эпоху эту можно, пожалуй, отодвинуть и дальше самой реформы Петра, но въ этомъ не было бы никакой пользы, точно такъ какъ ея не было бы въ томъ случаѣ, если бы мы о какомъ нибудь великомъ мыслителѣ стали утверждать, что начало его умственной силы относится во дню и часу къ часу его рожденія, хотя и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что начало дѣйствительно можно довести до того дня и часа. Масса читателей всего лучше знакомится съ прежними временами и съ людьми тѣхъ временъ изъ художественныхъ произведеній; но такихъ произведеній у насъ рѣшительно нѣтъ, Тѣмъ не менѣе обстоятельство это не столько могущественно, чтобы уже совершенно ибнжать намъ—знакомиться съ людьми и событіями нашей новой исторіи, въ послѣ-петровскую эпоху. Мы имѣемъ нѣсколько хорошихъ составленныхъ монографій, записокъ, разказовъ, воспоминаній, архивныхъ веданій и другихъ оцры-

вочныхъ сочиненій, изъ которыхъ мы узнали столько факто и почерпнули столько достовѣрныхъ свѣдѣній, что можемъ безошибочно судить о степени человѣчности тѣхъ людей и той эпохи. Все, что мы знаемъ объ этомъ предметѣ, и—вѣроятно—все, можемъ узнать когда-либо, сводится къ тому, что формальная сторона европейской жизни долго держалась у насъ почти безъ всякаго соответствующаго ей содержанія, и что право на званіе людей мы начали приобрѣтать спустя значительное время послѣ усвоенія европейской внѣшности, и именно не ранѣе конца прошедшаго столѣтія. До этой поры для самыхъ гуманныхъ и самыхъ справедливыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ будучи похвалою, если мы скажемъ, что они не были разбойниками по ремеслу, потому что этимъ ремесломъ не гнушались люди, занимавшіе высокое общественное положеніе, почитавшіеся патрициемъ и не имѣвшіе никакого другого повода прибѣгать къ нему, кромѣ того, что ремесло это не казалось имъ чудовищнымъ. Чтобы слова наши не казались въ свою очередь просто риторическимъ украшеніемъ, мы для примѣра укажемъ хоть графовъ Девіеровъ, о которыхъ г-жа Кохановская рассказываетъ намъ такія любопытныя вещи. Г-жа Кохановская характеризуетъ время и поступки Девіеровъ замысловато придуманною фразою «немножко среднихъ вѣковъ». Этимъ конечно выражается не то, чтобы поведеніе Девіеровъ и подобныхъ имъ сподвижниковъ дѣлало ихъ похожими на благородныхъ рыцарей, а скорѣе то, что благородные рыцари не рѣдко вели себя какъ настоящіе разбойники, въ воровскомъ и уголовномъ значеніи этого слова. Но важнѣе всего здѣсь то, что поступки Девіеровъ не составляютъ собою рѣдкаго исключенія, а служатъ общою характеристикой того времени. Есть одно изумительное обстоятельство, которое лучше всѣхъ другихъ фактовъ подтверждаетъ такія мнѣнія, хотя, впрочемъ, оно и безъ того почитается совершенно правильнымъ со стороны всякаго сколько нибудь начитаннаго человѣка. Обстоятельство это состоитъ въ томъ, что въ началѣ послѣдней четверти прошедшаго вѣка у насъ составилось общество, которое не было ни религіозною сектою, ни политическою партіею, а поставило единственнымъ своимъ призваніемъ утвержденіе и распространеніе правилъ челоуѣколюбія и формированіе, въ средѣ своей, добрыхъ и гуманныхъ людей. Одна уже мысль о составленіи общества для преслѣдованія подобныхъ цѣлей позволяетъ думать, чтобы среда, окружавшая это общество, о

гласъ уваженіемъ къ человѣческимъ правамъ и сколько нѣ-
 гдѣ сильною склонностію къ добродѣтели. Но этого мало:
 шество это, никогда не бывшее тайнымъ, представлявшее
 и возможные средства къ подробнѣйшему разузнанію его—и
 оныя гражданскимъ поведеніемъ и печатными книгами—тѣмъ
 иже въ свое время почиталось вреднымъ, постоянно возбуж-
 до къ себѣ непріязненные чувства, подвергалось преслѣдова-
 ю, и наконецъ было уничтожено мѣрами—самыми трагическими
 и главныя его членовъ, т. е. для людей, которые по своему
 бразованію были лучшими людьми въ государствѣ, а по сво-
 го нравственнымъ качествамъ, или лучше сказать по своей
 родители, никого не хуже, можетъ быть, въ цѣломъ совре-
 енномъ имъ человѣчествѣ. Такимъ обществомъ были наши
 ориниалысты, о которыхъ теперь достовѣрно извѣстно, да и
 тогда было извѣстно, что это были просто *божьи люди*, въ
 оныи смыслѣ, какъ это слово понимаетъ нашъ народъ, т. е.
 или по своему темпераменту—чрезвычайно кроткіе, по своимъ
 рычкамъ — благотворительные, по своимъ убѣжденіямъ —
 рѣдне спокойные, и по этимъ самымъ причинамъ неспособные
 и на какое смѣлое дѣло, исключая дѣлъ обыкновенной спра-
 едливости. Это до такой степени вѣрно, что всякій разъ, какъ
 олько въ общество попадалъ человѣкъ, не имѣвшій хоть одно-
 о изъ исчисленныхъ качествъ, — положимъ, хоть рожденный
 и холерическимъ темпераментомъ, — то онъ непремѣнно дѣлался
 востатомъ; а если это былъ человѣкъ хорошо убѣжденный,
 о, не прибѣгая къ открытому разрыву съ обществомъ благо-
 адренныхъ людей, онъ никогда не становился дѣятельнымъ
 членомъ общества. Таковъ былъ, напримѣръ, нашъ энергическій
 Шерашскій.

Что Мартинисты не были религіозными сектантами, объ этомъ
 ронко было заявлено еще въ то время самымъ просвѣщеннымъ
 и самымъ высоко-поставленнымъ членомъ тогдашней духовной
 ерархіи, митрополитомъ Платономъ. Что касательно политики
 или внутренняго управленія они не имѣли никакихъ особенныхъ
 убѣжденій, это такъ же было всѣмъ хорошо извѣстно, и луч-
 ше всего тѣмъ, по чьимъ внушеніямъ ихъ преслѣдовали и кого
 избирали орудіемъ для такихъ преслѣдованій. А между тѣмъ
 ни все таки не избѣгли ни преслѣдованій, ни окончательнаго
 пораженія. Для объясненія такого факта можно принять одно
 предположеніе: вѣроятно открытая благонамѣренность Мартины-

ство, их широкое человеколюбие, и вообще гуманное поведение — служили безмолвным осуждением общаго поведения остального громаднаго большинства ихъ современниковъ. Въ почему мы полагаемъ, что при всемъ малосилии и ограниченности своихъ социальныхъ понятій, при всей женоподобной мягкости своихъ характеровъ, наши Мартинисты были первыми представителями и распространителями у насъ гуманныхъ понятій, какъ лучшаго продукта, выработаннаго заимствованнами у Европы цивилизаціей. Въ этомъ ихъ гражданская заслуга и въ этомъ все ихъ значеніе въ исторіи нашего просвѣщенія. Ихъ гуманный образъ мыслей и, какъ прямое слѣдствіе того ихъ безукоризненное, честное поведение на всѣхъ степеняхъ общественнаго положенія, при отравленіи всѣхъ обязанностей государственныхъ должностей, иногда довольно высокихъ, въ падавшихъ на ихъ долю, служили предметомъ соблазна для ихъ современниковъ и должны служить для насъ предметомъ признательности. Они были первыми людьми, хотя не помышлявшими о пережѣвахъ, по крайней мѣрѣ не удовлетворенными и внѣшнимъ величіемъ нашего отечества, ни шутовскими одами въ которыхъ оно воспѣвалось; отъ такого самодовольства ихъ способна была спасти одна уже несомнѣнная искренность и сила ихъ религіозности: форма безъ содержанія, какъ вѣра безъ дѣлъ, для нихъ должна была казаться мертвою. Пускай Эскартаузенъ былъ ихъ пророкомъ; они были отчаянные мистики, — это правда; но ихъ голубиная непорочность, на каждомъ шагѣ встрѣчавшаяся съ своимъ величайшимъ контрастомъ — зорными привычками людей необновленныхъ, но масса благодѣлительныхъ дѣлъ, ими сдѣланныхъ, и въ особенности масса добрыхъ характеровъ, ими образованныхъ, не могли не оставить глубокаго слѣда въ нашей жизни. Та мягкость и можно сказать, граціозность правительственныхъ приѣмовъ, которыми отличаютъ начало царствованія императора Александра и цѣлое поколѣніе людей того времени, та поэтичность замисловъ этихъ людей и ихъ смѣлое пренебреженіе къ призрачной формальности, — качества, съ которыми такъ невыгодно для самой себя въ свое время столкнулась неуклюжая, шершавая, формальная дѣльность Державина и другихъ пустопорожныхъ умовъ и личностей одной съ нимъ стай, — составляютъ, можетъ быть, именно этотъ самый слѣдъ, оставленный экзальтированными *искателами обновленнаго здема*, которые, по примѣру

чтого Павла, желала быть *жалеемами и отлученными от лица Христа ради своихъ братій*. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что искатели обновленнаго эдема желали этого гораздо съ меньшею силой, чѣмъ это сказано, но довольно и того, что таія слова находятся въ ихъ катихизисѣ (Зап. Лоп. стр. 2), и что въ своемъ энтузіазмѣ они *подозрвали* въ себѣ именно такую степень желанія.

Книга, выставленная нами въ заглавіи, принадлежитъ мартинисту. Мы нацѣлены познакомить читателя и съ мартинистомъ * и съ мартинизмомъ въ ихъ симпатической и отчасти наивной непосредственности, насколько онѣ открываются въ этой книгѣ.

Я родился 24 февраля, 1756 года — такъ начинается повѣсть о моеи жизни и убѣжденіи тайный совѣтникъ и сенаторъ И. В. Лопухинъ. — *Младенчество мое было самое болѣзненное. Воспитанъ я въ разсужденіи тѣла въ крайней нѣгѣ*, а со стороны знаній въ болѣешихъ небреженіи. — Русской грамотѣ училъ меня домашній слуга. По французски училъ Савояръ, не знавшій совсѣмъ правилъ языка. По нѣмецки берлиннець, который ненавидѣлъ языка нѣмецкаго и всячески старался сдѣлать мнѣ его противнымъ, а хвасталъ французскимъ, и сколько умѣлъ, училъ меня ему тихонько, пользуясь охотою моею къ чтенію. Нѣмецкія же книги держали мы на учебномъ столѣ своемъ для одного виду, и я, выучась только читать по нѣмецки, — разумѣть — что читаю на немъ, уже научился больше, нежели черезъ десять лѣтъ послѣ окончанія мною такого ученья; научился отъ сильного желанія разумѣть на языкѣ семь духовныхъ книги. — Такимъ образомъ на 17 году моего возраста кончилось мое воспитаніе и ученіе языковъ, которыхъ ни одного, какъ и своего природнаго, не знаю и по сіе время «грамматическихъ» правилъ, хотя на послѣднемъ и очень много писалъ и даже сочинялъ книги. Однимъ словомъ если я что знаю, то подлинно самоучкою».

Это болѣзненное младенчество и воспитаніе въ крайней нѣгѣ — черты очень характерныя: ими объясняется въ мартинизмѣ гораздо больше, чѣмъ можно предполагать съ перваго раза, а для автора «Записокъ», какъ мы сейчасъ увидимъ, въ книгѣ заключается причина всего его нравственнаго развитія и опредѣленіе всей его жизненной карьеры. Но что касается до откровеннаго признанія въ недостаточности образованія, доходящаго будто бы до незнанія грамматическихъ правилъ роднаго языка? Названіе мартинистовъ придано нашимъ франкъ-масонамъ случайно; оно пересено на нихъ изъ Парижа, гдѣ въ то время, когда они сдѣлались извѣстными, называли мартинистами людей, придававшихъ особенное значеніе нѣкоторой книгѣ «*В заблужденіяхъ и истинѣ*», которую написалъ нѣкто *Сонъ-Мартонъ* и которая была перепечатана и у насъ:

ного языка, то это признаніе должно быть признаніем скромности автора и именно значительной широты его общаго образованія, дававшего ему возможность понимать — как много еще оставалось свѣдѣній, которыхъ онъ не имѣлъ и не могъ имѣть, при всей своей любознательности. Лопухинъ до своего времени, безспорно, человекъ образованный; его большая начитанность, не въ однѣхъ только духовныхъ книгахъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію; ясность и отчетливость его мысли обличаютъ усиленную работу мышленія; развитіе этихъ мыслей не только почти постоянно логично, но иногда даже очень сильно; языкъ у него — для тогдашняго времени образцовый такъ что если его «Записки» сравнить съ «Записками Державина» и при этомъ принять въ расчетъ, что ихъ составленіе относится почти къ одному году, то на сторонѣ прославленнаго поэта окажется громадная невыгода: въ составителѣ однѣхъ мы видимъ дѣйствительно просвѣщеннаго литератора, какъ по языку такъ и по образу мыслей; въ сочинителѣ другихъ — несравнимаго подъячаго, пишущаго протоколъ изъ своей жизни, при средствахъ архивной начитанности и гербовымъ слогомъ тогдашняго дѣлопроизводства.

По принятому обычаю того времени, Лопухинъ былъ записанъ въ военную службу, разумѣется, въ гвардію

«я въ 1775 году имяннымъ приказомъ пожалованъ въ прапоршники преображенскаго полка. Послуживъ нѣсколько мѣсяцевъ (говорить онъ) я сдѣлался такъ болѣнъ, что цѣлые три года не могъ выходить изъ комнаты, кромѣ какъ въ лѣтніе и самые хорошіе дни. Потомъ еще года три сряду — въ каждый мучила меня лихорадка. Это время, въ самые бурные лѣта молодости, было для меня *большая опытная школа терпѣнія и многу послужила въ пользу охоты моей къ чтенію*. Ослабленныя силы здоровья и случившіяся при томъ нѣкоторые припадки, препятствующій верховой ѣздѣ, принудили меня навѣкъ проститься съ военной службой.»

Лопухинъ никогда не былъ настолько честолюбивъ, чтобы не обойтись безъ службы; по складу своего ума и характера онъ счумѣлъ бы сохранить въ самомъ себѣ уваженіе къ своему лицу, — какъ ни трудно это было въ то время, — даже не проходя никакого служебнаго поприща. Но онъ, какъ можно предположить, сознавалъ въ себѣ возможность быть полезнымъ, чувствовалъ *любовь собственно къ службѣ*, которая, по его словамъ, «при невозможности удовлетворяться военною, устремляла склонность его къ гражданской.» «Особливо, — говоритъ онъ, — занимала меня часть уголовная. Съ большою прілежностію соби-

дѣль я всё возможные по сей части свѣдѣнія, интересовался обстоятельствомъ и сужденіемъ всякаго уголовного дѣла, о которомъ слышалъ.» И дѣйствительно, свѣдѣнія Лопухина по уголовному праву, по всей вѣроятности, были обширны, и его размышленія объ немъ упорны и продолжительны, потому что взглядъ его на этотъ предметъ былъ самый просвѣщенный, таинственный, который въ то время далеко не всѣмъ былъ раздѣляемъ— даже изъ людей, преданныхъ наукѣ. Его мысли о силѣ и значеніи судебныхъ доказательствъ, о преступности уголовныхъ приговоровъ, составляемыхъ безъ соображенія побудительныхъ причинъ преступленія, о бесполезности и противоестественности крательныхъ наказаній дѣлаютъ ему одинаковую честь, какъ юристу и какъ человѣку. Когда въ 1782 году, онъ былъ уволенъ изъ военной службы, и по открытіи губерній, въ томъ же году, былъ опредѣленъ совѣтникомъ московской уголовной палаты, то своптеоретическія понятія онъ старался, по возможности, проводить и въ своей служебной практикѣ. Вотъ его собственные слова:

«Въ должности сей принялъ я себѣ за правило наблюдать, чтобъ какъ новинный не былъ никогда осужденъ, такъ бы и виноватый не приближалъ наказанія, но по *человѣколюбію*, сколько можно больше умѣреннаго... Правила умѣренности въ наказаніяхъ держался я неуступно. Вудучи старшимъ въ палатѣ, въ которую скоро опредѣленъ я былъ и предсѣдателемъ, мнѣ было удобно сохранять его.

Но *человѣколюбивыя* наклонности судьи на этотъ разъ опирались на вротныхъ умственныхъ соображеніяхъ. Мы постарались сгруппировать ихъ, какъ очень характерныя и для его собственнаго лица и для корпораціи, къ которой онъ принадлежалъ по своимъ убѣжденіямъ:

«Я думаю, что предметъ наказаній, долженъ быть исправленіе наказуемыхъ и удержаніе отъ преступленій. Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобнаго презрѣнія челоѣчества и одно безполезное тиранство. Ненадежность избѣжать наказанія, гораздо больше можетъ удерживать отъ преступленій, нежели ожиданіе жестокаго. Вѣроятно, никто не покусится на преступленіе при увѣреніи, что не приближитъ казни. Ожесточенный въ злодѣяніяхъ, не думаетъ о ней. Но не находящійся въ такомъ степени разврата, конечно, собираясь сдѣлать уголовное преступленіе, не ласкается тѣмъ, что ему дадутъ двадцать, а не пятьдесятъ ударовъ.

«Ищеніе, какъ звѣрское свойство тиранства, ни одною каплею не можно вливаться въ наказанія. Вся ихъ цѣль должна быть исправленіе наказуемаго и примѣръ для отвращенія отъ преступленія. Все же превосходящее сію мѣру, есть только безплодное терзаніе чело-

вѣчества и дѣйствіе неуваженія къ нему или лютой. Все казни должны быть соразмѣрны оной цѣли, и такъ распределены, чтобъ сколько можно дѣйствительнѣе достигая къ ней, какъ можно меньше изнурительны и мучительны для челоуѣчества были. Сіе кажется неоспоримое правило челоуѣколюбія въ законодательствѣ, коего одинъ предметъ долженствуетъ быть благо челоуѣчества на землѣ и *всеоамаленное приготовленіе его къ оному въ вѣчности.*

«Какъ странно видѣть, когда люди напрягаютъ всѣ свои силы найти виноватаго для того только, чтобъ его наказати, и сіе часто изъ мнимаго правосудія и усердія къ сохраненію порядка, какъ будто оный безъ того совершенно бы возмутился, и остановилось бы дѣйствіе—невидимо, но всегда и вездѣ безпогрѣшно дѣйствующаго—источника его. Страннѣе еще иногда видѣть, съ какимъ рвеніемъ вѣсколько грабителей и мадонимцевъ, при чувствѣхъ, видѣ добраго усердія имѣющихъ, стараются натянуть доказательства къ обвиненію какого нибудь бѣдняка, впадшаго и въ неважное преступленіе, и по какому нибудь, можетъ быть, особливо несчастному стеченію обстоятельствъ.

«Думаю такъ же, что не должно опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни, потому что въ христіанскихъ правительствѣхъ исправленіе наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру, надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наказаніяхъ предметомъ, и что нѣтъ такого владѣя, о которомъ бы можно рѣшительно заключить, что онъ не можетъ еще сдѣлаться полезнымъ для общества въ лучшемъ и свободномъ состояніи жизни.»

Само собою разумѣется, что такой образъ мыслей, и въ особенности прилженіе его къ отправленію судейской должности, для того времени, въ Россіи, были не только новы, но совершенно дикі и непонятны. То «безплодное терзаніе челоуѣчества, или лютость», о которыхъ упоминается въ приведенныхъ нами словахъ Лопухина, были совершенно въ порядкѣ вещей и никого не возмущали, по крайней мѣрѣ достоверно извѣстно, что они нисколько не трогали тѣхъ, которые могли обнаруживать ихъ дѣйствіе, а не подвергаться ему. Не нужно забывать, что Лопухинъ былъ судьей какими нибудь тридцатью годами певднѣе того времени, когда двое юношей за чтеніе Беккарія, разсуждавшаго такимъ же образомъ о тѣхъ же предметахъ, были преданы смертной казни французскимъ правосудіемъ, въ самой столицѣ Франціи. Московское правосудіе въ то время давно уже не присуждало смертныхъ казней; за то московскіе законодѣлы никакъ не могли согласиться съ Лопухинимъ, чтобы замѣна смертной казни торговою была сдѣлана съ какою нибудь другою цѣлію, а не съ той, чтобы увеличить жестокость наказанія. Мы встрѣчаемъ у Лопухина любопытный образчикъ ея

отомщения по этому спорному предмету съ самимъ главнокомандующимъ Москвою, графомъ Брюсомъ:

«Первое неудовольствіе его собственно противъ меня было за то, что малое число ударовъ палатою опредѣлялось. Онъ возвратилъ мнѣ внесенный на утвержденіе приговоръ, коимъ опредѣлено было одному убійцѣ дать 50 ударовъ, какого числа больше при мнѣ никогда не шлогалось, возвратилъ съ тѣмъ, чтобъ перемѣнить и горздо прибавить. Я не согласился, и сперва очень учтивымъ и, вѣдѣясь лучше усѣсть, нѣсколько шуточнымъ образомъ отговаривался и представлялъ ему мои причины; но когда онъ, не внимая мнѣ, упорствовалъ въ своемъ требованіи, думая даже, что имѣеть къ тому право, и наставлялъ уже съ досадою, то я ему твердо и рѣшительно сказалъ, что опредѣленіе не будетъ перемѣнено; что никогда жесточайшихъ наказаній при мнѣ не будетъ; что какъ палата, по учрежденіи, не должна перемершвовать своихъ рѣшеній, такъ и онъ не имѣеть права возвращать ихъ. А ежели онъ не согласенъ и не угодно ему такое число ударовъ, то можетъ прибавку испрашивать представленіемъ своимъ правительствующему сенату.

«Можно себѣ вообразить, какъ разгнѣвался г. главнокомандующій. Однако нисколько не оказалъ грубости, много только горячился и кричалъ: «Какъ, разбойникамъ и смертоубійцамъ давать только по 50-ти ударовъ!»—«По сколько жь бы, ваше сіятельство, думали?»—«По сколько?»—отвѣчалъ: «двѣсти, триста, четыреста, пятьсотъ.»—«Да эдакъ будемъ всегда засѣкать до смерти.»—«Чего жь ихъ жалеть?» говорилъ онъ; «и это же наказаніе вмѣсто смертной казни.»—«Такъ», отвѣчалъ я; «но отмѣна смертной казни, къ величайшей славѣ російскаго скипетра, въ первой Россіи учрежденная, почитается мудрымъ закономъ милосердія; а ежели вмѣсто того, чтобъ отрубить голову, замучивать людей до смерти кнутомъ, то это былъ бы законъ тиранскій, и всякая такая мѣра наказанія, которая можетъ лишить жизни, есть уже большое преступленіе онаго закона милосердія.

...Вдругъ онъ мнѣ говоритъ: «Я вамъ очень благодаренъ. Вы одолжили меня, вы вразумили меня; признаюсь, что я никогда не видалъ такъ ясно этой истины и всегда думалъ, что при наказаніяхъ, вмѣсто смерти, такого разбора не надобно.»

Но признаніе себя побѣжденнымъ со стороны главнокомандующаго была только иронія, потому что признательность его къ одолжившему и вразумившему его человѣку была такая, что онъ старался всячески нажимать на него и даже сдѣлалъ доносъ. Лопухинъ, какъ человѣкъ «воспитанный въ разсужденіи тѣла въ крайней нѣгѣ», при первой значительной неприятности подалъ въ отставку, которую и получилъ въ 1785 году. О крайней нѣгѣ мы упоминаемъ въ этомъ случаѣ не для того, чтобы укорить Лопухина за легкость уступки; мы не имѣ-

емь никакого права на это; Лопухинъ, по нашему мнѣнію, могъ поступать какъ ему угодно и какъ ему казалось удобнѣй; мы хотимъ только показать, что такой образъ дѣйствій для него былъ самый естественный. Сангвиникъ по темпераменту, деликатный по своей природѣ, мартинистъ по убѣжденіямъ, онъ прежде всего смотрѣлъ на дѣла здѣшняго міра со стороны ихъ угодности Богу, а богоугодная дѣятельность, какъ ему могло казаться, еще гораздо болѣе возможна для человѣка частаго, чѣмъ занятаго гсударственной службой. Мы имѣли случай замѣтить, что Лопухинъ признается даже *въ любви къ службѣ*, но что въ то же время понятіе о службѣ для него имѣло болѣе обширное значеніе, чѣмъ, напримѣръ, отправленіе обязанностей совѣтника палаты; а отъ такой службы онъ ни къ кому не могъ быть отставленъ. И такая служба для него дѣйствительно не прекращалась. Со времени своей отставки до 1792 года, — роковаго для нашихъ франкъ-масоновъ, — онъ главнѣйшимъ образомъ посвящалъ свою дѣятельность успѣхамъ своего общества, которое во все время своего существованія немного насчитывало такихъ усердныхъ членовъ.

Чтожь однако дѣлали эти достойные люди и въ чемъ они были убѣждены особеннымъ отъ другихъ людей образомъ, чтобы составлять изъ себя корпорацію?

На практическую часть этого вопроса отвѣтъ не можетъ быть затруднителенъ: почитая, по справедливости, идеаломъ человѣческой нравственности извѣстную заповѣдь о любви къ ближнему, они издавали книги нравственно-религіознаго содержанія, которыя, по ихъ мнѣнію, могли способствовать къ развитію такой нравственности; книги эти они отчасти сочиняли сами, но несравненно чаще переводили съ иностранныхъ языковъ; съ тою же самою цѣлію они обращали вниманіе на дѣло воспитанія; а такъ какъ съ ихъ точки зрѣнія просвѣщенные проповѣдники могли быть лучшими распространителями истинно-евангельскаго челоуѣколюбія, то они постоянно занимались воспитаніемъ у себя семинаристовъ, которыхъ поручали имъ сами архіереи различныхъ епархій, и число которыхъ иногда простиралось до 50-ти; наконецъ, слишкомъ извѣстныя дѣла благотворительности, составлявшія ихъ лучшую практику, производились ими на такую широкую руку, что изумляли современниковъ и еще болѣе способны изумлять насъ, которые ничего подобнаго вокругъ себя не видимъ, не смотря на то, что средства нашей страны

съ тѣхъ поръ увеличились во крайней мѣрѣ въ пять разъ, между тѣмъ какъ пропорція бѣдныхъ едвали уменьшилась: на этотъ предметъ черезъ это общество прошелъ не одинъ милліонъ и, безъ всякаго сомнѣнія, устроена не одна тысяча человѣческихъ частей.

Что касается до особенности корпоративныхъ убѣжденій общества, то это вопросъ трудный: передать ихъ можно, но понять нельзя. Одно не подлежитъ никакому сомнѣнію, что убѣжденія эти ни въ какомъ случаѣ не должны были почитаться вредными, или опасными, — по той простой причинѣ, что это вовсе не убѣжденія, а какія-то странныя комбинаціи словъ, абракадабры, о которыхъ трудно сказать, чтобы съ ними соединяли какое нибудь понятіе, даже тѣ, которые ихъ формулировали. Общество шло весьма здравомыслящихъ представителей: сильное доказательство этому — нашъ авторъ, еще сильнѣйшее — Новиковъ; а между тѣмъ въ своемъ способѣ теоретическаго преслѣдованія истины, оно занималось толченіемъ воды, блуждало «во тьмѣ и снѣи смертной.» Однимъ словомъ:

«Члены общества сего упражнялись въ познаніи самого себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ, въ книгѣ Премудрости гл. VII. ст. 17—22.»

Указанное здѣсь мѣсто читается такъ: *«Сей бо даде мнѣ о сущихъ познаніе неложное, познати составленіе міра и дѣйствіе стихій, начало, и наконецъ и средину время, возращеніе перемѣны и измѣненія время, лѣты круги и звѣзды разположенія, естество животныхъ и мнѣвъ зѣбрей, вѣтровъ усмѣненіе и помышленія чловѣковъ, разнство лѣторасленъ и силъ кореній.»* Можно подумать, что общество, по образцу своихъ первообразовъ, старинныхъ масоновъ, было своего рода академіей, съ тремя отдѣленіями: наукъ физическихъ, математическихъ и естественныхъ. А между тѣмъ этого ничего не было: оно просто занималось познаніемъ изчисленныхъ предметовъ, «по правиламъ, содержащимся въ Библии и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога, посредствомъ науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ.» Но для болѣе полнаго знакомства съ этой стороною нашихъ масоновъ, мы позаимствуемся изъ ихъ катихизиса:

«Истинный ли ты Франкъ-масонъ?

— Мнѣ извѣстны та невидимая и неустроенная земля, и тѣ воды,

на концѣ послѣднѣ дузъ великаго оградѣла владѣющей при ея сотвореніи.

Какое должно быть главное упражненіе истинныхъ франкъ-масоновъ?

— Послѣдованіе Іисусу Христу.

На какой матеріи работаютъ мудрые отцы истинныхъ франкъ-масоновъ?

— На той же, изъ которой все сотворено.

Въ чемъ состоятъ ихъ искусство?

— Въ наукѣ вѣдать тайны царствія Божія, кои другимъ сообщаютъ они въ притчахъ, поколику то нужно къ созиданію царства сего Гдѣ мѣсто ихъ пребыванія?

— Въ обновленномъ эдемѣ.

Какихъ свойствъ долженъ быть тотъ, который можетъ получить таинство ордена?

— Онъ долженъ быть таковъ, что хотябы имѣлъ способъ влечать всѣ болѣзни тѣла и жить нѣсколько сотъ лѣтъ, по примѣру древнихъ праотцовъ, совсѣмъ тѣмъ могъ бы терпѣливо сносить, и не помогая себѣ, жесточайшую боль, и быть въ готовности назавтра умереть безъ роптанія; такъ же, чтобъ былъ готовъ сносить величайшую бѣдность, обладаючи способами производить богатства, превосходящія богатства всего міра, и имѣя средство бесѣдовать съ ангелами, могъ бы смиренно пребывать въ глубочайшемъ невѣжествѣ, и имѣя съ Іисусомъ Навиномъ силу останомить солнце, и съ Илиєю отверзаты и затворять небо, считалъ бы себя менѣе всѣхъ и могъ бы скитаться безъ роптанія на землѣ, не имѣя мѣста, гдѣ на оной преклонить главу.

Какая должность истиннаго франкъ—масона въ разсужденіи своего государя?

— Онъ долженъ царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не только доброму и крѣткому, но и строптивому.

Когда начиняется истинная работа въ нравственности?

— Когда человекъ начнетъ совлекаться ветхаго Адама.

Когда она оканчивается?

— Тогда, какъ ветхій Адамъ совлеченъ совершенно.

Когда перестанетъ всякій трудъ и работа?

— Когда золотой вѣкъ, который Богъ хочетъ прежде внутренне возстановить въ маломъ своемъ избранномъ народѣ, распространится вездѣ, и когда царство самой природы освободится отъ проклятій и возвратится въ сродоточіе солнца.

Люди, державшіеся такого катихизиса, изъ котораго мы съ намѣреніемъ взяли только частичку того, что въ немъ есть самаго отвлеченнаго, и опустили почти все то, что составляетъ величайшую апологію для его исповѣдниковъ — противъ каемыхъ бы то ни было гражданскихъ обвиненій, такіе люди, кажется, могли бы съ полною для себя и для своихъ ближнихъ безо-

известію предаваться такимъ мирнымъ занятіямъ, какъ «совлече-
ніе съ себя ветхаго Адама», или «работа на той самой мате-
ріи, изъ которой все сотворено». Однако этимъ занятіямъ не
было суждено развиваться до какого-нибудь смысла, или за не-
возможностію такого развитія—заѣхнуться умственнымъ движе-
ніемъ другого рода, болѣе опредѣленнаго. Могло быть, что
еслибы общество ничего другаго не дѣлало, то и съ нимъ ни-
чего бы не сдѣлали: но независимо отъ совлеченія ветхаго Адама,
у него была практика, слишкомъ противорѣчившая всеобщимъ
привычкамъ, въ особенности привычкамъ людей, имѣвшихъ влія-
ніе на ходъ тогдашнихъ дѣлъ. Конечно, когда мартинизмъ
подвергся официальному изслѣдованію, то членовъ его не спра-
шивали прямо—зачѣмъ они ведутъ добродѣтельную жизнь, по-
чему питаютъ неумѣренное пристрастіе къ судебной справедли-
вости, для чего даютъ даровое воспитаніе и проч. Но если до-
просамъ дано было другое направленіе, то единственно потому,
что есть разряды дѣлъ, которыя никакъ не могутъ быть веде-
ны на чистоту. Поводъ—объяснить такимъ образомъ преслѣдо-
ванія мартинистовъ—мы находимъ у самого Лопухина, и нахо-
димъ не въ какихъ-нибудь расплывающихся соображеніяхъ, а
въ фактическомъ разсказѣ. Передъ началомъ грозы, собирающей-
ся надъ головами нашихъ франкъ-масоновъ, тотъ самый главно-
командующій Москвы, который съ трудомъ могъ согласиться
съ мыслию, что, по духу нашего законодательства, кнутъ не
долженъ быть признаваемъ орудіемъ смертной казни, имѣлъ
однажды съ Лопухинскимъ такую бесѣду:

«Вдругъ графъ Брюсъ говоритъ мнѣ наединѣ, что извѣстно, что
я нахожусь въ ономъ обществѣ, и что хотя онъ самъ бывалъ въ
подобномъ и зная всю святость его цѣли и упражненій (сіи были
точныя его слова), понесетъ онъ въ сердцѣ своемъ уваженіе къ
намъ и во гробъ, *однако въ некоторыхъ чинахъ и лѣтахъ уже не-
прстойно силъ заниматься.* «Встали это таково, какъ ваше сія-
тельство сказывать изволите», отвѣчалъ я ему, «то мнѣ кажется,
что чѣмъ больше лѣтъ и чиновъ имѣетъ человекъ, и чѣмъ важнѣй-
шею обязанъ должностію, тѣмъ пристойнѣе и нужнѣе упражняться
ему въ томъ, что его просвѣщаетъ, учить добродѣтели и застав-
ляетъ исполнять ея правила.»

«Разговоръ нашъ былъ длинный и долгъ съ обѣихъ сторонъ до-
вольно равнодушный. Предметъ его былъ тотъ, что графъ Брюсъ
постоятельно требовалъ, чтобы я оставилъ общество и упражне-
нія, и что это будетъ угодно государынѣ. «Волю ея о семъ, что ли»,
спросилъ я его, «объявляете вы мнѣ?» — «Нѣтъ», говорилъ онъ,
«но можете разумѣть, что не отъ себя говорю я вамъ это.»

«Чтожь», отвѣчалъ я, «неужели государыня изволитъ знать о моихъ связяхъ и упражненіяхъ? Я думаю, едва ли ей извѣстно мое существованіе на свѣтѣ». «Да», сказалъ онъ, «вы ей слишкомъ извѣстны и она непремѣнно требуетъ отъ васъ того, что вы отъ меня слышите». «Позвольте мнѣ усомниться», говорилъ я, «чтобъ такой мудрой государынѣ было неудобно такое доброе дѣло, какимъ и вы его признаете». «Да, она не такъ думаетъ», отвѣчалъ онъ. — «Можетъ по тому», говорилъ я, «что оно ей не прямо извѣстно; такъ стоитъ только ей объяснить; а объ дѣлахъ добрыхъ не только полезно, но и долгъ вѣрнаго подданнаго объяснять государямъ правду». — «Ты поди объясни ей», сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ.

Князь Прозоровскій, преемникъ Брюса по должности московскаго главнокомандующаго, поступалъ въ отношеніи мартинистовъ еще откровеннѣе. Онъ положительно признавалъ ихъ нарушителями общественной безопасности, и неоднократно доносилъ на нихъ въ этомъ родѣ, всегда опираясь въ своихъ заключеніяхъ на то обстоятельство, что огромные размѣры ихъ благотворительности не могутъ привести ни къ чему доброму. Лично о Лопухинѣ онъ былъ такого мнѣнія, что тотъ едва ли не дѣлаетъ фальшивыхъ ассигнацій, чтобы не отказывать себѣ въ пагубномъ удовольствіи — подавать щедрую милостыню. Противъ такого наивнаго обвиненія мы находимъ у Лопухина не менѣе наивное оправданіе, которое главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что преступленіе челоѣколюбія въ немъ должно быть относимо не столько къ его волѣ, сколько къ его природѣ. Пытался онъ иногда бороться съ собою и не подавалъ просящему; но кончалось всегда тѣмъ, что онъ ворачивалъ получившаго отказъ и подавалъ ему вдвое, въ наказаніе себя за безжалостное попользованіе.

Графъ Брюсъ, князь Прозоровскій и другіе сильные міра были еще изъ числа сколько-нибудь разумныхъ порицателей мартинистовъ; а то находились и такіе, которые обвиняли ихъ въ сообществѣ съ духами и, что еще болѣе важно, въ сношеніяхъ «съ одною, очень близкою къ престолу особою». Правдоподобіе, которое придавали этому послѣднему обвиненію, Лопухинъ объясняетъ такимъ образомъ:

«У страха глаза велики. Вотъ отъ чего прямо родились и возрасли негодованія оныя и подозрѣнія. А сему содѣйствовали довѣрчивость къ навѣтамъ, обычай слушать шпионовъ, которые должны необходимо лгать, потому что ежели они будутъ правду доносить, то естественно потеряютъ несчастную къ нимъ довѣрчивость и съ нею пользу свою; обычай такъ же полагаться на искусство полиціи, которая почти всегда строитъ свою фортуна на безвѣкомствѣ жителей,

мѣсто того, чтобъ ей сохранять ихъ покой. Много также дѣйствовали предубѣжденіе и ненависть, которыми вмѣстѣ съ невѣжествомъ исполнены люди противъ строгой морали и всякой духовности, которыми отличались издаваемые нами книги.

Совокупность всѣхъ исчисленныхъ здѣсь причинъ получила еще большую силу съ открытіемъ французской революціи, которую тогдашняя политическая мудрость приписывала именно мліанію тайныхъ обществъ и философіи энциклопедистовъ. Нашъ мартинистъ въ своихъ «Запискахъ», писанныхъ для потомства и имъ самимъ положенныхъ въ бібліотеку Московскаго архива государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, — стало быть въ запискахъ совершенно искреннихъ, — всѣми силами старается опровергнуть всякое предполагаемое сходство между своимъ обществомъ и тѣми, продуктомъ которыхъ почитали революцію. Показанія Лопухина заслуживаютъ въ этомъ случаѣ самаго безусловнаго вѣроятія: между его единомышленниками не было ни одного, который бы свое уваженіе къ принципу монархической власти, и даже къ лицу государыни, не возводилъ на степень догмата. Но есть здѣсь одно обстоятельство, достойное всего нашего любопытства: Лопухинъ имѣлъ такое здравое понятіе объ истинныхъ причинахъ революціи, которое въ то время, за пределами самой Франціи, на всемъ континентѣ Европы могло быть радѣяемо лишь нѣсколькими десятками людей. Это подтверждаетъ уже отчасти высказанную нами ту мысль, что мартинисты, какъ корпорація любознательныхъ людей, не бывши социалистами ни въ одной отрасли человѣческаго знанія, держались даже нѣкоторыхъ чрезвычайно странныхъ мнѣній, были, однако, людьми очень просвѣщенными, и въ особенности очень много размышлявшими. — Вотъ подлинныя слова, которыми выражается мнѣніе Лопухина:

«Впрочемъ, главною причиною революціи ставитъ оную философію общества похоже, мнѣ кажется, на то, какъ иногда больные, изнуривъ себя и всѣ свои соки испортивъ невоздержностію и неосторожностію, не желая признаваться въ прямыхъ причинахъ своихъ болѣзней, стараются ихъ приписывать какимъ нибудь неважнымъ постороннимъ случаямъ, въ коихъ они невинны, и которые бы для нихъ совсемъ нечувствительны были, естли бы разслабленное тѣло ихъ не было уже готово разрушиться».

Между людьми, имѣвшими какую нибудь силу при дворѣ или въ правительствѣ, мартинисты имѣли и нѣсколькихъ друзей; но эти люди не отличались ни достаточною стойкостію, ни даже особрательностію, такъ что не только не могли ослабить

возраставшаго нерасположенія къ обществу, но еще ускорил его развязку и усилили степень ея невыгодности. Таинъ другомъ общества былъ князь Безбородко. Ему поручено было произвести надъ мартинистами слѣдствіе. По своему добросердечію, хорошему расположенію къ ихъ обществу и по отличному знанію ихъ совершенной безвредности, онъ, проживши въ Москвѣ нѣсколько недѣль, ничего не рѣшился предпринять противъ нихъ; между тѣмъ, возвратившись въ Петербургъ, въ оправданіе своего бездѣйствія онъ привелъ ту причину, что дѣла мартинистовъ требуетъ самаго обширнаго изслѣдованія, такъ какъ они истребили множество своихъ бумагъ. Мартинисты безъ сомнѣнія, это дѣлали, подобно всѣмъ людямъ, исписывающимъ много бумаги. Но построеніе на этомъ фактѣ лишняго обвиненія все-таки одолжено своимъ происхожденіемъ единственно тому обстоятельству, что князь поторопился повернуть языкъ. Между тѣмъ отъ этого поворота языка произошло то, что разсказывается въ слѣдующихъ словахъ Лопухина.

«Наконецъ въ апрѣлѣ 1792 года рѣшилось много разъ и нѣсколько лѣтъ предпріемлемое пораженіе нашего общества. Вдругъ всѣ книжныя лавки въ Москвѣ запечатали, также типографію и книжныя магазины Новикова, и дома его наполнили солдатами, и онъ былъ подъ московной взятъ былъ подъ тайную стражу съ крайними предосторожностями и съ такими воинскими нарядами, какъ будто на волоскѣ тутъ висѣла цѣлость всей Москвы. Новиковъ содержалъ недѣли три въ Москвѣ, и потомъ отвезенъ окольными путями въ Шляссельбургъ. Его везли на Ярославль и на Тихвинъ. Приставъ отъ князя Прозоровскаго предписано было съ особенною опасностію проѣзжать Ярославль, потому-де, что въ немъ была некогда московская ложа, подъ покровительствомъ бывшаго тамъ генералъ-губернаторомъ Алексѣя Петровича Мельгунова, котораго тогда и съ ложемъ уже нѣсколько лѣтъ на свѣтѣ не было.

Я описываю подробности эти (прибавляетъ Лопухинъ) для того чтобъ представить какъ дѣйствовали. Можно прямо сказать, что съ тѣнью своею сражались.

Лопухинъ послѣ Новикова почитался опаснѣйшимъ человекомъ. Если онъ не раздѣлялъ судьбы Новикова, то обязанъ этимъ счастливой случайности; прежде чѣмъ примѣнить къ нему крѣпкія принятія въ отношеніи Новикова, его подвергнули слѣдствію и допросамъ; а Новикову были предоставлены эти печальныя средства къ оправданію уже въ заключеніи, гдѣ они никогда почти не бывають дѣйствительны, особенно когда обвиняющіе сами же исправляютъ и должность судей въ отношеніи къ обвиняемому, и когда оправданіемъ они должны доказать, поэтому, и

но неосмотрительность, или злонамеренность. «Вопросы», вложенные Лопухину, по его словам, «сочинены были очень тщательно. Сама государыня изволила поправлять ихъ и свои гнать слова. Все мѣтилось на подозрѣніе связей съ тою ближшею къ престолу особою, какъ упоминаю выше; прочее же мнѣ, такъ сказать, подобрано только для разширенія завѣсы». Въ калѣйшей наклонности — выслушать оправданіе съ одной стороны, при величайшей возможности доказать неправдоподобіе всѣхъ обвиненій—съ другой стороны, Лопухину легко было отклонить отъ себя участь, постигшую Новикова. Ему особенно помогли — эстетическая привычка къ хорошему изложенію мыслей и та задушевная искренность, которая всегда его плкала, въ какиѣ бы чувствахъ, мысляхъ и дѣйствіяхъ ему и доводилось признаваться. Эти свойства Лопухинъ ввелъ и въ все оправданіе. Императрица, сама отличавшаяся эстетическими наклонностями, оцѣнила ихъ по достоинству, и Лопухинъ былъ спасенъ. Заключительныя слова Лопухинскаго оправданія, — какъ рассказывали Лопухину очевидцы, — вызвали у государыни даже слезы. И дѣйствительно, въ положеніи Лопухина, трудно было изобрести болѣе оправдательнымъ способомъ. Вотъ съ какиѣмъ восторгомъ онъ обращался къ императрицѣ:

«Государыня! Я не злодѣй. Мать отечества! Я одинъ изъ вѣрныхъ моихъ подданныхъ и сыновъ его. Мать моя! Я исполненъ глубиншею къ тебѣ любовью. Никогда мысль одна противъ тебя не обращалась въ душѣ моей. Никогда не упражнялся я въ томъ, гдѣ бы только находилъ, но даже подозрѣвалъ хотя одну тѣнь преступнаго. Свидѣтель саму Царь царей, Господь Богъ мой, Спаситель, надежда и утѣшеніе.

«Сие чистосердечное исповѣданіе мое печатлѣю я слезами, — не слезами страха и ропота: ибо я не дерзаю и усумниться въ правосудіе и милосердіе твоемъ, но слезами чувствительности сердца, во всей чистотѣ ощущающаго невинность свою, и любящаго, смѣю сказать, вѣритель».

Мы уже знаемъ, что такія мысли и чувства были общи съѣмъ иертинистамъ. Мы знаемъ также, что Лопухинъ послѣ Новикова былъ самымъ дѣятельнымъ членомъ общества. Отчего же съ двумя лицами, въ равной мѣрѣ замѣшанными въ одно и то же дѣлѣ, неравномѣрно поступали? Отвѣтъ на это можетъ быть только предположительный: могло быть, что императрица, читая отвѣты Новикова, была не въ такомъ расположеніи духа, чтобы покориться эстетическому чувству, какъ мы съ нею при чтеніи отвѣтовъ Лопухина; могло быть так-

же; что старый, больной и разстроенный Новиковъ, давая свои отвѣты, былъ не въ такомъ настроеніи, чтобы возвыситься Лопухинскаго краснорѣчія; могло быть и то, что отвѣты Лопухина были представлены императрицѣ безъ всякихъ комментариевъ, а отвѣты Новикова съ дополненіями и объясненіями можно еще предполагать, что императрица считала Лопухина столь же виновнымъ, какъ и Новикова, но простила его по своему милосердію и не въ примѣръ прочимъ, или наконецъ,—она и Новикова почитала столь же правымъ, каковы могла и ходить Лопухина, но признавала за нужное въ это время, бышее роковымъ для одного изъ европейскихъ вѣнценосцевъ, и казать своимъ подданнымъ примѣръ спасительной строгости. И это будутъ предположенія одинаково близкія къ правдѣ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ исканіе исторической необходимости событій и поступковъ должно почитаться совершенно направленнымъ.

Для насъ гораздо понятнѣе, почему послѣ кончины императрицы Екатерины одною изъ первыхъ заботъ императора Павла, было—оказать самое нѣжное вниманіе къ мартиристамъ во первыхъ онъ все-таки былъ человекомъ другого поколѣнія во вторыхъ онъ почиталъ ихъ пострадавшими, отчасти, даже изъ-за его особы. Авторъ «Записокъ» былъ особенно взыскателенъ милостями императора. Этимъ онъ въ особенности одолженъ былъ тому обстоятельству, что въ числѣ ближайшихъ людей государю были два искренніе его друга — Сергій Ивановичъ Плещеевъ и князь Репнинъ. Въ обращеніи съ ними государь зывалъ Лопухина «нашимъ.» «Я скажу тебѣ новость,» говорилъ онъ Плещееву, послѣ того какъ тайно отъ него и Репнина да уже указъ о призваніи Лопухина: «Лопухинъ нашъ, Ив. Вл. скоро сюда будетъ. Я послалъ за нимъ.»

По прибытіи Лопухина въ Петербургъ, государь вскорѣ обратилъ ему вниманіе свое такимъ способомъ, который, показывая въ немъ замѣчательнаго знатока человѣческаго сердца. «Въ вечеръ того же дня,—говоритъ Лопухинъ,—государь, призвавъ меня къ себѣ, приказалъ мнѣ объявить, въ сенатѣ, генераль-прокурору волю его объ освобожденіи всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ «Тайной Экспедиціи,» кромѣ повредившихся въ умѣ. О снѣданныхъ слѣднихъ государь приказалъ усугубить попеченіе къ возможному излеченію, для освобожденія также ихъ, по выздоровленіи, между тѣмъ, сколько можно, ихъ поконить.» Вообще внимате

вѣсть государя къ своему новому приближенному была почти небывавшая». Бывали минуты, — замѣчаетъ Лопухинъ, — въ которыя тысячи душъ для себя выпросить стоило бы ниѣ одного слова.»

Но Лопухинъ ни по своему личному характеру, ни по своему мнѣнію истиннаго мартиниста, не былъ способенъ упрочить себя ни при дворѣ, ни въ правительствѣ, никакого особаго значенія: онъ не былъ созданъ ни для первыхъ мѣстъ, ни для самостоятельныхъ положеній, точно такъ, какъ ни одинъ изъ «истинныхъ отцевъ франкъ-масоновъ» не былъ созданъ для этого, хотя всѣ они въ положеніяхъ подчиненныхъ могли бы быть людьми, какихъ только желать возможно. Не смотря на свое «искаженное обновленнаго эдема,» они могли быть запуганы всякою смѣлою реформою, хотя въ тоже время людямъ смѣлѣе ихъ — они могли, безъ вѣдома для самихъ себя, внушать нѣкоторую инициативу. Еще не прошло и двухъ мѣсяцевъ по пріѣздѣ Лопухина въ Петербургъ, какъ государь, разговаривая о немъ съ Цесаревичемъ, уже отзывался о его способностяхъ, что не находить къ такимъ, какія желалъ видѣть въ приближенныхъ къ своей особѣ. Вскорѣ послѣ такого отзыва Лопухинъ съ достаточнымъ, однако, къ нему вниманіемъ былъ отправленъ въ чинѣ тайнаго совѣтника сенаторомъ въ московскіе департаменты. Въ короткое время своего пребыванія въ силѣ и милости при дворѣ, при величайшемъ къ нему вниманіи императора, которое успѣло ему сдѣлать враговъ и завистниковъ, при частыхъ бесѣдахъ съ императоромъ, Лопухинъ ничего не сдѣлалъ, не предпринималъ и даже ничего не придумалъ и не имѣлъ въ готовности чего нибудь практически придуманнаго, что можно было бы предпринять.

Но сенаторомъ Лопухинъ опять былъ чрезвычайно полезенъ. Здѣсь онъ держался тѣхъ же самыхъ правилъ, съ которыми служилъ въ уголовной палатѣ и прожилъ всю свою прекрасную жизнь. По словамъ Лопухина, во время его присутствія въ сенатѣ, во все царствованіе императора Павла «ни одинъ дворянинъ пятимѣ департаментомъ не былъ приговоренъ къ тѣлесному наказанію, и по всѣмъ дѣламъ истощалась законная возможность къ обличенію осуждаемыхъ.» Какъ важно было присутствіе такого члена въ составѣ тогдашняго сената — показываетъ слѣдующая небольшая быль, рассказанная самимъ Лопухиничемъ: «Нѣкто изъ разумѣвшихъ сенаторовъ петербургскихъ, теперѣ

же покойникъ, рассказывалъ мнѣ, съ какимъ прискорбемъ пришла дѣнь онъ былъ подписать кнутъ и ссылку сыну коретнаго знакома своего, да и безвинному почтѣ. «Для чегожь?» спросилъ я. «Бояли иначе,» отвѣчалъ онъ. — «Что,» говорилъ я, «такъ именно приказано было, или государь особливо интересовался этиаъ дѣломъ?» — «Нѣтъ,» продолжалъ онъ, «да мы по вѣсѣмъ боялись не строго приговорити и самыи крутыи мѣрами старались угождать ему.»

Для полной характеристики представителя нашего франтъ масонства намъ остается указать на его мнѣнія касательно и коренія взятокъ, обращенія съ расколыниками и крѣпостнымъ права.

Относительно перваго изъ этихъ предметовъ Лопухинъ, в одномъ изъ своихъ донесеній императору Александру, предлагаетъ двѣ мѣры, изъ которыхъ одна состоитъ въ опредѣленіи на главныя мѣста въ имперіи хорошихъ начальниковъ. Очевидно что это вовсе не мѣра: если можно было предложить такъ совѣтъ, то ужъ слѣдовало бы дать ему большую обширность присовѣтовать опредѣленіе хорошихъ людей къ всѣмъ вообще должностямъ безъ всякаго исключенія. Гораздо практичнѣе другая мѣра, выраженная у Лопухина съ слѣдующихъ словъ:

«Не малымъ способомъ къ обнаруженію сего *(взятчицества)* послужить бы могла и отмѣна того закона, который равноу подвергаетъ наказанію и пріемлющаго взятки и дающаго. Осмѣлюсь сказать, что послѣдняго довольно бы оставить только внутреннему сужденію добродѣтели, которой столько же неестественно бы между милліонами людей общею, какъ бытъ и каждаго обязанностію подѣ взысканіе земскихъ законовъ подходящею.»

Мысль Лопухина объ отмѣнѣ извѣстнаго уголовнаго закона взяткахъ основана на томъ, что давать взятку — не есть преступленіе, потому что не давать ее есть высокая гражданская добродѣтель, которую очень странно развивать какими бы то ни были карательными мѣрами, а брать взятку — порокъ и преступленіе потому что не брать ее вовсе не есть заслуга, а прямое исполненіе долга, поручаемаго нашему исполненію, подѣ страхомъ наказанія. Основаніе это вполнѣ разумно и выводимая изъ негъ мѣра нисколько не противорѣчитъ понятію о справедливости. Вообще же въ дѣлѣ, котораго мы касаемся, Лопухинъ былъ величайшій нуристъ и нападалъ на такія вещи, которыя, въ обычаи того времени, почитались вполнѣ безгрѣшными, такъ что открыто были защищаемы въ сенатѣ, и даже въ присутствіи государя. Къ числу такихъ вещей онъ относилъ приниженіе начальствующимъ лицамъ хлѣба-соли на золотыхъ блю-

ить, или въ осмысленныхъ алмазахъ солонкахъ, благодарственные и поздравительные объѣды, и въ особенности объѣды — составляемые по денежному сбору съ цѣлаго города, которые онъ возмужительно почиталъ злоупотребленіемъ. Что касается до личнаго безкорыстія самого Лопухина, то оно выше всякихъ похвалъ. Никѣмъ благопріятные случаи обогатиться милостями духъ царей, онъ, кажется, считалъ заворною самую мысль о томъ, чтобы воспользоваться подобными случаями. Однажды только онъ обратился съ просьбою къ Александру, въ видахъ собственной пользы. Просьба эта была составлена такъ, какъ будто Лопухинъ оправдывался въ какомъ нибудь большомъ преступленіи; онъ разсказалъ обо всѣхъ своихъ слабостяхъ, и о томъ, въ какомъ страхѣ былъ содержимъ своимъ крайне разсчитливнымъ отцемъ, и какъ тайно отъ него надѣлавши долги, на самыя необходимыя издержки, никогда не смѣлъ ему открытъ объ нихъ и потому дѣлалъ еще новые долги, для уплаты ростовщическихъ процентовъ, и какъ дѣла его отъ этого разстроивались сугубымъ образомъ; объяснилъ даже и то, съ какою «прискорбностію» онъ проситъ за самого себя и что никогда на это не рѣшился бы безъ величайшей крайности. Чего же, вы думаете, просилъ Лопухинъ?.. «Чтобъ повелѣно было лишь въ казну деревню его, которую онъ имѣлъ въ Калужской губерніи.»

Образъ мыслей Лопухина касательно поведенія правительства въ отношеніи къ раскольникамъ для тогдашняго времени былъ радикальный, и потому онъ особенно замѣчателенъ: систематическая строгость противъ раскольниковъ признавалась тогда за право, освященное всею давностію, протекшею со временъ царя Алексѣя Михайловича. Лопухинъ имѣлъ поводъ высказаться въ противоположномъ смыслѣ, съ большою выгодною для тогдашняго расколичества, по случаю обзорнія имъ, въ качествѣ ревизора, Слободо-украинской губерніи. Нѣкоторыя черты разсказа Лопухина о дѣйствіяхъ тогдашнихъ властей противъ *дубоворцевъ*, которыхъ всегда признавали за самыхъ опасныхъ между раскольниками, кажутся заимствованными изъ всѣмъ извѣстной лѣтописи Крутогорской губерніи, съ тою разницею, что дѣйствующими лицами здѣсь являются болѣе, чѣмъ становые пристава и исправники.

«Прѣзжая вмѣстѣ съ товарищемъ (*разсказываетъ Лопухинъ*) въ Харьковъ (т. е. на мѣсто ревизіи), остановившись мы на сутки въ

Бѣльгородѣ. Обѣдали у архіерея. Тутъ же обѣдалъ одинъ чиноникъ, бывшій земскимъ исправникомъ во время розысковъ (*отъ царствованія Екатерины*) надъ духоборцами, который помогалъ хозяевамъ ругать ихъ... Послѣ обѣда пошелъ я по городу прогуливаться съ онымъ чиновникомъ и спрашивалъ его наединѣ о духоборцахъ. Повѣсть его состояла только въ брани же.—«Да изволите жъ знать ихъ?» спросилъ онъ меня.—«Нѣтъ.»—И подлинно мнѣ тогда еще и случалось ни одного изъ нихъ видѣть.—«Изволите-жъ ихъ посмотрѣть,» продолжалъ онъ; «похожи ли хоть мало на христіанъ: кровинки въ лицѣ нѣтъ. Они, злодѣи, и въ церкви *хаживали*; да въ церкви стоимъ, а не это думаетъ. Только бывало и отгада души что оттуда ихъ вытащить, да въ однихъ рубашкахъ палочьемъ дуть.»—«Почему-жъ,» спрашивалъ я его, «знать было вамъ—что они думаютъ?»—«Какъ же-съ, это видно,» отвѣчалъ онъ.»

Слѣдуетъ замѣтить, что отставной исправникъ можетъ разсказывать такія вещи ревизующему сенатору только въ томъ убѣжденіи, что дѣйствія его достойны награды; и очень вѣроятно что кромѣ самихъ раскольниковъ, Лопухина и немногихъ друзей его, не только между сенаторами, но и во всей имперіи, тогда трудно было насчитать даже нѣсколько десятковъ людей, которые не почли бы исправника совершенно въ своемъ правѣ, еслибы онъ вздумалъ жаловаться, что остался *ненагражденнымъ* за свои дѣйствія по раскольниковымъ дѣламъ: можно вообразить—какъ хорошо было быть раскольникамъ.

«Пріѣхавши въ Харьковъ (продолжаетъ Лопухинъ), между прочимъ вѣдомостями потребовалъ я особливую вѣдомость и о томъ, что происходило и происходитъ съ духоборцами, живущими въ тамошней губерніи.

«Губернаторъ подалъ мнѣ вѣдомость. При немъ же читая ее, нашелъ я, что въ царство покойной императрицы, нѣкоторые изъ нихъ заключены были въ тѣсныя заточенія и не возвратились. А при государѣ покойномъ всякій генераль-прокуроръ, въ слѣдствіе губернаторскихъ представленій, объявлялъ именной указъ о ссылкѣ ихъ цѣлыми семействами въ разныя мѣста на поселеніе и на каторгу, и сослано ихъ такимъ образомъ не одно сто.

«Благость воцарившаяся въ императорѣ Александрѣ I отвѣрала всѣ темницы въ Россіи, и страдальцы оные освободились.

«Въ августѣ возвратились они въ свои дома, или лучше, сказать, на мѣста опустошенныхъ домовъ ихъ, а въ октябрѣ, по отзывамъ нѣкоторыхъ поповъ и чиновниковъ земской полиціи, начали ихъ уже опять увѣщевать. И для того отряжены были епархіальнымъ архіереемъ два ученѣйшіе, какъ въ вѣдомости сказано было, священники, и земскаго суда засѣдатель съ командою.»

Лопухинъ предсказалъ губернатору, что онъ ничего лучшаго не могъ предпринять для того, чтобы произвести бунтъ. Пред-

заваніе незамедленно исполниться. На другой же день губернаторъ является къ Лопухину съ секретнымъ рапортомъ, полученнымъ съ мѣста увѣщанія, въ которомъ описывалось, «что дуборцы увѣщаній не слушаются, государя помазанникомъ Божиимъ не признаютъ, распятому Господу Іисусу не поклоняются и никакихъ государственныхъ податей и повинностей исполнять не хотятъ.» При рапортѣ приложенъ былъ напѣвъ, доказывающій безбожіе дуборцевъ, и между прочимъ объяснено, что земскій судъ идетъ на мѣстѣ дѣйствія, а главные изъ виновниковъ сидятъ подъ стражею. «Что прикажете мнѣ дѣлать?» спрашивалъ встревоженный губернаторъ.

«А вотъ что», отвѣчалъ ему Лопухинъ. «Повѣрьте, что все это произошло оттого, что стали увѣщевать этихъ людей не во время, не искусно, ожесточили ихъ и не такъ поняли. Доказательство тому слѣдъ присланный вамъ напѣвъ ихъ *; читайте его: онъ присланъ въ увѣщаніе ихъ новѣрія къ Спасителю, а пренеполненъ благоговѣніемъ къ Нему. Вѣрно ихъ спрашивали—что думаютъ о коронаціи, которая недавно была... Да какая же нужда всякаго теперь мужика, который встрѣтится, спрашивать — что онъ думаетъ о коронаціи? Вѣрно ихъ заставляли кланяться образу, и они, по своимъ понятіямъ, не послушались. Вѣрно ихъ спрашивали—будутъ ли платить подати? Они, будучи теперь раззоренные, нищіе, которые сами требуютъ помощи, ожесточились такимъ вопросомъ,» и проч.

«И такъ вотъ что вы сдѣлайте. Пошлите тотчасъ туда нарочнаго; примите всѣхъ, взятыхъ подъ стражу, освободите. Земскому суду сдѣлайте самый строгій выговоръ за то, что онъ въ такомъ дѣлѣ, не описавшись къ вамъ, осмѣлился отправиться для слѣдствія на мѣсто; прикажите ему и съ командою тотчасъ выѣхать въ городъ, а закладателю явится сюда къ отвѣту.

Въ духѣ этихъ самыхъ распоряженій Лопухинъ тотчасъ сдѣлалъ представленіе государю, а между тѣмъ вошелъ въ личныя сношенія съ дуборцами, въ которыхъ нашелъ, какъ и предвидѣлъ, людей очень добрыхъ и очень покорныхъ, почитавшихъ, наравнѣ со всѣми вѣрующими, добраго царя — даромъ Божиимъ, а злого — бичемъ за грѣхъ. «Отчего,» спрашивалъ ихъ Лопухинъ, «перестали вы въ церковь ходить? Вѣдь вы прежде ходили, и все исполняли, какъ и прочіе.» — «Признаемся,» отвѣчали они, «въ грѣхъ своемъ, что перестали ходить отъ досады, а теперь не можемъ переломить себя.» — «Отъ какой же досады?» — «Ну, да какъ насъ начали изъ церквей — то таскать, да въ однихъ рубашкахъ быть валочьемъ, приговаривая: въ церкви стоишь, а

Въ напѣвѣ семь написано было: «Поклоняемся Христу не мѣдному, не серебряному, не золотому, не кованному, и не литому, и не писанному, а Христу, Сыну Божию, Спасу міра и проч. и проч.

Прим. авт. «Записокъ.»

не то думаешь.» Въ исторіи нашего раскола о такой причинѣ его солидарности говорено еще не достаточно.

Государь не только одобрилъ образъ дѣйствій уполномоченнаго имъ сенатора, но и сдѣлалъ общее распоряженіе, въ духъ отличавшаго его человѣколюбія, о правахъ и обязанностяхъ мѣстныхъ властей въ отношеніи къ раскольникамъ.

Дѣйствія Лопухина по этому дѣлу, и въ особенности вызванное имъ распоряженіе, сдѣлали ему много враговъ и порицателей мірскихъ и духовныхъ. Просвѣщенная терпимость Лопухина и врожденное ему благодущіе объясняли его общими, враждебнымъ существующему порядку, поведеніемъ, какъ государственнаго человѣка, какимъ онъ никогда не былъ.

«Бранили меня,—говоритъ авторъ «Записокъ»,—нѣсколько ученыхъ монаховъ, которые думаютъ, что все, касающееся до религіи, есть ихъ монополія.

«Бранили меня благочестивыми слышущіе старцы, кои не пропускаютъ обѣдней и прилежно разбираютъ—рыба ли визига, * и можно ли въ постные дни пить чай съ сахаромъ, потому что въ него-де, кладется кровь, и которые готовы безъ разбора подписывать людямъ ссылку, и всякую неправду для пріятеля, особливо для вельможи придворнаго.

«Бранили охотники вмѣшиваться въ политику, которые, какъ бы забываясь о благосостояніи и твердости государства, кричатъ, что сеять не должны быть терпимы, хотя они сами изъ ленточикъ, изъ тѣлъ какого нибудь превосходительства, и особливо изъ знатной сумы ходячихъ достоинствъ, готовы на все пуститься».

Эта, еще и теперь понятная, брань была такъ сильна и всеобща, что Лопухинъ былъ вынужденъ составить и распространить по Москвѣ, въ рукописи, оправдательную для себя записку, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ преступленіе, что не родился съ такими наклонностями, чтобы духоборцевъ «дуть па-лочьемъ».

«Могу сказать», говаривалъ о себѣ Лопухинъ, «что я не вышю правды, но правда настолько меня выше, что я не смѣю предъ ней и заикнуться». И это такая правда, передъ которой тоже трудно заикнуться. Онъ никогда не уклонялся, ни въ какихъ касавшихся до него дѣлахъ, высказывать свое мнѣніе, какъ скоро оно казалось ему справедливымъ. Ему доступны были всѣ

* Подлинно зналъ я одну барыню, очень богомольную, разумную и еще шестиріцу по-французски, и по-нѣмецки, которая толковала съ архіереями — можно ли есть визигу въ тѣ дни, въ которые по уставу не положено есть рыбу, и ей рѣшено, почему-то не помню, визигу къ рыбѣ не причитая. *Прим. Лопухина*

требованіи справедливости и человѣческихъ правъ, и насъ нисколько не должно удивлять, если по поводу смутно возникавшей тогда мысли объ освобожденіи крестьянъ, онъ отзывается не въ пользу немедленнаго осуществленія этой мысли. Онъ открыто говорилъ, что въ силѣ желанія, — чтобы на всей землѣ не было ни одного несвободнаго человѣка, — онъ никому не уступитъ; но онъ находилъ, что такой порядокъ для Россіи въ то время былъ бы немного раннимъ; однажды онъ высказалъ императору такое мнѣніе въ то время, когда за долги готовъ былъ лишиться всѣхъ крестьянъ своихъ, и даже самъ указалъ на это обстоятельство, въ доказательство безпристрастія своего мнѣнія. Лопухинъ, безъ сомнѣнія, ошибался: время всегда готово для всего, что въ него сдѣлаютъ; но онъ ошибался не какъ обскурантъ. Онъ понималъ даже всю невыгоду отставать такое мнѣніе, и если не переставалъ держаться его, то потому, что считалъ его сообразнымъ съ своими обязанностями патріотизма и, можно сказать, челоуѣколюбія: по образу его мыслей выподило, что нѣкоторое продленіе крѣпостнаго права могло въ будущемъ увеличить для народа сумму его счастья и полноту его свободы. Лопухинъ ошибался и въ этомъ: никакое продленіе зла не въ состояніи произвести ни одного атома добра. Но слѣдуетъ вспомнить, что мнѣніе его относится именно къ той порѣ Александрова царствованія, когда послѣ однихъ вѣроятныхъ слуховъ о нашествіи Наполеона (1807 г.) наступали другіе совершенно справедливые слухи о томъ же предметѣ.

Но читатель все еще не будетъ имѣть полнаго представленія о Лопухинѣ, если мы не приведемъ слѣдующихъ одушевленныхъ строкъ изъ его завѣщанія къ друзьямъ, которое имъ должно было сдѣлаться извѣстнымъ послѣ его смерти:

«Друзья и всѣ, которые знаютъ меня и любятъ! Когда я умру, не тратьте изживенія на покровъ земли землею, художествомъ испещренною.

«Когда вспомните, что сердце сіе было вѣрнымъ хранилищемъ драгоценнаго залога дружбы вашей, что оно рыдало о всякомъ огорченіи вашемъ, и восхищалось всякимъ вашимъ удовольствіемъ; когда вспомните, что я плѣнялся красотою истины, хотя слабо соблюдалъ ея небесные уставы; что я усердно чтилъ во всемъ изящное, стремился любить челоуѣчество и ближнему служить готовъ былъ; что если кого и оскорбилъ, то безъ намѣренія, и охотно бы согласился оное загладить величайшимъ прискорбіемъ самому себѣ: вспомните жьна горячею, вѣрною любовію ко всему тому, что было дорого и любезно моему сердцу».

Таковъ былъ мартинистъ и, можно смѣло сказать, что таковъ

былъ мартинизмъ. между нами есть много такихъ, которымъ удавалось встрѣчать людей, называвшихъ себя мартинистами и отличавшихся привычками совершенно противоположнаго свойства. Для оправданія мартинизма, о такихъ людяхъ можно сдѣлать одно предположеніе и высказать одну правду. Предположеніе состоитъ въ томъ, что эти люди когда нибудь могли быть, или хотъ почитались, хорошими; что же касается до правды, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что друзья Лопухина и Новикова, вѣстѣ съ этими своими вождями, о подобныхъ людяхъ могли сказать только одно: *«отъ насъ изыдоша, но не была отъ насъ»*.

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЪ АНГЛИИ.

Соч. Генриха Томаса Бёкля. Томъ 1.

(Статья вторая.)

Прежде, нежели последуемъ за авторомъ въ его дальнѣйшемъ изложеніи, повторимъ вкратцѣ выводы, сдѣланные въ предыдущей статьѣ.

Историческая наука въ своемъ нынѣшнемъ состояніи оказалась неудовлетворительною, какъ по недостатку многосторонняго образованія въ бѣльшей части ея дѣятелей, такъ и по отсутствію въ ней того строгаго метода, который привелъ къ столь блистательнымъ результатамъ въ наукахъ естественныхъ. Главнѣйшее препятствіе въ приложеніи этого метода къ исторіи встрѣчается въ нѣкоторыхъ общераспространенныхъ предразсудкахъ. Таково напр. мнѣніе, будто явленія историческія не подлежатъ общимъ законамъ явленій, которыхъ дѣйствіе могло бы быть съ точностью опредѣлено и даже предсказано, но требуютъ для своего объясненія особыхъ, сверхъестественныхъ началъ. Таковы же нѣкоторыя ученія, издавна принятые на вѣру большинствомъ людей и своею кажущеюся непоколебимостью препятствующія мысли свободно и безпристрастно изучать предлагающія сея явленія. Сюда принадлежатъ два различныя ученія и донынѣ раздѣляющіе большинство людей, а именно: метафизи-

ческое учение о такъ называемой свободной волѣ и теологическое учение — о предопредѣленіи.

Освободившись отъ всѣхъ этихъ предрасудочныхъ воззрѣній, мысль находить въ исторіи два дѣйствительно существующія начала, изъ взаимодействія которыхъ происходятъ всѣ историческія явленія. Эти начала суть человѣческой духъ, стремящійся къ самостоятельному развитію на основаніи своей собственной природы и міръ внѣшнихъ явленій, оказывающій непрерывное вліяніе на это развитіе духа.

Первый и самый интересный вопросъ, рождающійся при этомъ, есть слѣдующій: которое изъ этихъ двухъ началъ должно считаться сильнѣйшимъ въ историческомъ развитіи человѣчества?

Внимательное и точное изслѣдованіе показало, что въ большей части древнихъ, внѣ-европейскихъ государствъ, природа оказывается сильнѣйшимъ дѣятелемъ, т. е. именно такимъ, изъ котораго по преимуществу объясняются историческія судьбы и особенности тѣхъ народовъ. Напротивъ, въ европейской исторіи непрерывно возрастающее торжество духа надъ природою оказывается несомнѣннымъ явленіемъ, и исторія народовъ европейскихъ можетъ быть объяснена удовлетворительно лишь изъ изученія законовъ этого преобладающаго въ ней начала. Отсюда само собою слѣдуетъ, что и вообще въ исторіи силы духа должны считаться главнѣйшими дѣятелями, такъ какъ имъ предстоитъ безконечное развитіе; противудѣйствующія же силы природы остаются неизмѣнными и торжество человѣка надъ ними, разъ начавшись, не можетъ уже быть уничтожено.

И такъ силы духа и его законы составляютъ главнѣйшій предметъ при историческомъ изученіи развитія человѣческихъ обществъ. Но какими способами могутъ быть лучше всего изучаемы эти законы? Самонаблюденіе и нѣкоторые простые опыты, составлявшіе доселѣ главное основаніе знаній человѣка о своемъ духѣ, не доставили до сихъ поръ, по мнѣнію Бэкла, удовлетворительныхъ результатовъ и не оказались способными къ разрѣшенію тѣхъ важныхъ вопросовъ, какіе задавала имъ историческая наука. И такъ дѣлается необходимымъ расширить сферу наблюденій надъ природою человѣческаго духа, и постараться уловить законы его проявленій въ тѣхъ крупныхъ и общихъ чертахъ, какія представляетъ намъ дѣятельность людей въ массахъ, историческая дѣятельность. Обыкновенные, самые

простыя приемы естествознанія, состоящія въ точномъ исключеніи и искусномъ группированіи фактовъ уже на первыхъ же порахъ успѣли разрѣшить, въ этомъ отношеніи, нѣкоторые вопросы, неразрѣшенные прежнимъ методомъ. И такъ для исторической науки не остается другого выбора, какъ этотъ методъ естествознанія.

Силы духа, слѣдовательно, исторія должна наследовать не въ индивидуальныхъ его проявленіяхъ, но на широкомъ полѣ исторической дѣятельности. Какія же внешне, силы духа представляются намъ дѣйствующими на этомъ полѣ? По общепринятому представленію это суть силы нравственныя и силы умственныя. Дѣйствительно, присутствіе и дѣятельность тѣхъ и другихъ мы не можемъ не видѣть въ исторической жизни народовъ. Но строгая наука хочетъ знать съ точностью мѣру каждой изъ этихъ силъ и степень ея участія въ развитіи человечества. Строгий и безпристрастный анализъ показываетъ, въ этомъ отношеніи, слѣдующее: нравственные побужденія и принципы, не смотря на то, что они, вообще говоря, любезнѣе большинству людей, оказываются, однако, весьма слабымъ дѣятели въ прогрессѣ человеческого духа. И общее направленіе дѣйствій человѣческихъ, постепенное историческое измѣненіе того, что называется духомъ времени, оказывается зависящимъ преимущественно отъ движенія умственного начала въ духѣ, отъ объема и направленія знаній человечества въ каждую эпоху. Прямымъ подтвержденіемъ этого теоретическаго положенія служатъ два весьма крупныя примѣра, а именно: постепенное ослабленіе въ исторической жизни народовъ двухъ главнѣйшихъ золъ, причинившихъ народамъ неисчислимый вредъ. Уничтоженіе религиозныхъ гоненій и очевидное ослабленіе духа войнъ—два изъ сильнѣйшихъ и очевиднѣйшихъ благодѣяній цивилизаціи—произведены, какъ показываетъ строгій анализъ, не улучшеніемъ нравственныхъ принциповъ человечества, но исключительнымъ вліяніемъ знаній и изобрѣтеній, слѣдовательно, умственнымъ началомъ духа.

Окончательный выводъ изъ всего предыдущаго, который мы и заключили нашу первую статью, состоялъ въ слѣдующемъ: широко взятое движеніе цивилизаціи въ каждомъ просвѣщенномъ народѣ зависитъ единственно отъ трехъ вещей: во первыхъ отъ объема знаній его передовыхъ людей; во вторыхъ отъ

направленія этого знанія, т. е. отъ предметовъ, на которые оно устремлено; наконецъ, въ третьихъ, и всего болѣе, отъ степени распространенія этого знанія и отъ свободы, съ которой оно проникаетъ въ всѣ классы общества.

Для предупрежденія недоразумѣній считаемъ нужнымъ разъ навсегда оговориться, что такой выводъ, равно какъ и нѣкоторые другіе широкіе выводы Бёкля, самъ онъ признаетъ безусловно справедливыми только по отношенію къ долгимъ періодамъ движенія цивилизаціи и ко всему объему этого движенія. Хотя совершенно справедливо, говоритъ Бёкль, что совокупность человѣческихъ дѣйствій, взятыхъ въ большіе періоды времени, зависитъ исключительно отъ совокупности человѣческихъ знаній, но нельзя не сознаться, что этотъ великій законъ, будучи приложенъ къ одной какой либо странѣ, теряетъ нѣсколько своего безусловнаго значенія. Чѣмъ болѣе мы стѣсняемъ поле нашихъ наблюденій, тѣмъ болѣе теряютъ эти наблюденія въ своей положительной цѣнности, или, иными словами, тѣмъ сильнѣе увеличивается возможность возмущенія широкихъ законовъ внимательствомъ законовъ низшихъ и подчиненныхъ. Вмѣшательство чуждыхъ правительствъ, вліяніе, оказываемое идеями, литературой, обычаями и нравами другихъ народовъ; наконецъ нападеніе, а иногда даже завоеваніе одной націи другою; новая религія, законы и обычаи, насильственно вводимыя завоевателями;—все это суть явленія, которыя съ точки зрѣнія всемірнаго историческаго движенія уничтожаютъ и уравниваютъ другъ друга, не нарушая дѣйствіе общихъ историческихъ законовъ; но въ отношеніи одной какой либо страны они легко могутъ мѣшать естественному ея развитію и затруднять для насъ изученіе законовъ движенія цивилизаціи. Точно такъ же строгіе законы, выведенные статистикой и примѣры которыхъ мы уже видѣли въ предыдущей статьѣ, оказываются непогрѣшительными только при извѣстныхъ условіяхъ. Такъ исторія преступленій дала намъ убѣдительныя доказательства, что количество ихъ, совершенное въ данной странѣ, повторяется изъ году въ годъ съ поразительнымъ однообразіемъ. Но еслибы мы вздумали ограничить наши наблюденія болѣе короткими промежутками времени, напр. мѣсячными сроками,—мы открыли бы въ нихъ меньшую правильность; а наблюденія ежечасныя не представили бы, конечно, почти никакого точнаго закона; тоже самое случилось бы, если бы статистика вмѣсто данныхъ, представляемыхъ

и отношеній преступленій цѣлою страной, имѣла въ своемъ распоряженіи только данныя, собираемыя въ одной улицѣ, или въ одномъ семействѣ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что если мы хотимъ самостоятельно повѣрять выводы Бѣкля, то должны дѣлать это на столь же широкомъ полѣ наблюдений, какъ это дѣлаетъ онъ. Иначе мы безпрестанно будемъ находить въ исторіи кажущіяся опроверженія его выводовъ, а укоренившіяся въ насъ воззрѣнія и привычки заставятъ насъ, можетъ быть, и возмущаться нѣкоторыми изъ его положеній. Но всякое опроверженіе имѣетъ истинную цѣну и вѣсъ только тогда, когда опровергающій становится на одну и ту же точку зрѣнія съ своимъ противникомъ; иначе будутъ выходить только безплодныя недоразумѣнія. Такихъ именно недоразумѣній возбудится весьма много, какъ мы ожидаемъ, дальнѣйшими разсужденіями Бѣкля, къ которымъ мы теперь должны перейти,—а потому мы и сочли нужнымъ предвослать имъ эти краткія замѣтки.

Такимъ образомъ истиннымъ и единственнымъ двигателемъ цивилизаціи Бѣкль, какъ мы видѣли, считаетъ знаніе. Если мы спросимъ, что именно разумѣетъ онъ подъ знаніемъ, то увидимъ, что онъ даетъ ему весьма широкое, хотя въ то же время и ясно опредѣленное, значеніе. «Истинное знаніе, говоритъ онъ, знаніе, на которомъ зиждется цивилизація, состоитъ единственно въ открытіи отношеній предметовъ и идей другъ къ другу и между собою; другими словами, оно есть познаніе физическихъ и духовныхъ законовъ.» Не трудно догадаться, что воля столь широкое опредѣленіе подходитъ весьма многое, что мы всѣ привыкли называть знаніемъ, и что въ особенности оно ни коимъ образомъ не ограничиваетъ знанія однимъ естествознаніемъ въ тѣсномъ, матеріалистическомъ его значеніи. Очевидно напр., что истинные законы духа, какимъ бы способомъ они ни открывались, составляютъ, по мнѣнію Бѣкля, достоинство истиннаго знанія и, слѣдовательно, и движущую силу въ цивилизаціи. Но, давая знанію столь широкое значеніе, Бѣкль уже считаетъ себя вправѣ не признавать дѣятельнаго и существеннаго участія въ движеніи цивилизаціи ни за тѣмъ другимъ кровъ знанія.

На первыхъ же порахъ, впрочемъ, онъ необходимо встрѣчаетъ

ся съ готовымъ уже мѣбріемъ, которое привыкло считать главнѣйшими рычагами цивилизаціи три силы, наиболее замѣтныя по своему вліянію и при поверхностномъ взглядѣ на исторію представляющіяся первичными, основными силами. Эти силы суть — религія, литература и правительство. Не отвергая нисколько великой исторической важности этихъ началъ, Бѣкъ, однако, рѣшается подвергнуть ихъ строгому анализу съ тѣмъ, чтобы отыскать въ каждомъ изъ нихъ именно тѣ элементы, которые составляютъ въ нихъ движущее начало цивилизаціи.

Прежде всего ясно, говорить онъ, что если какой либо народъ предоставленъ совершенно своему собственному развитію, то его религія, литература и правительство будутъ не причинами, но скорѣе продуктами его цивилизаціи. Изъ даннаго состоянія общества естественно и неизбѣжно вытекаютъ известныя послѣдствія. Эти послѣдствія могутъ быть задержаны и извращены постороннимъ вліяніемъ; но если такого внѣшняго принужденія нѣтъ, то невозможно себѣ представить, чтобы напр. высоко развитый народъ, привыкшій пользоваться орудіями разума и сомнѣнія, могъ принять религію, находящуюся въ вопиющемъ противорѣчій съ законами здраваго смысла. Исторія представляетъ намъ примѣры перемѣны религіи цѣлыми націями, но мы не найдемъ въ ней ни одного случая, чтобы народъ развивающійся добровольно принялъ отсталую религію. Точно также не встрѣтимъ мы примѣра, чтобы народъ, клонящійся къ упадку, измѣнилъ свою религію къ лучшему. Конечно, нельзя отрицать, что истинная религія благопріятствуетъ цивилизаціи и, напротивъ, ложная задерживаетъ ее; но нельзя также не замѣтить, что если не случится какого либо посторонняго вѣдательства, — народъ не въ силахъ открыть ложности своей религіи иначе, какъ по указанію разума. Но если этотъ послѣдній находится въ бездѣйствіи, и науки — въ застоѣ, такого открытія не произойдетъ никогда. Народъ, коснѣющій въ невѣжествѣ, будетъ постоянно довольствоваться своею старою, ложною религіею, и никогда не дойдетъ до потребности истинной. Наша глубоко невѣжественная, именно въ слѣдствіе своего невѣжества, будетъ постоянно довольствоваться религіею полною чудесъ, религіею съ безчисленнымъ количествомъ боговъ, религіею объясняющею каждое ничтожное явленіе непосредственнымъ вѣдательствомъ одного изъ боговъ. Совсѣмъ иное уви-

ль мы въ народахъ, среди которыхъ преобладаютъ знания. Потребность болѣе здравой, болѣе серьезной религіи будетъ развиваться въ нихъ именно съ движеніемъ знаній. Но можно ли изъ этихъ двухъ явленій заключать, что въ первомъ случаѣ дурная религія способствовала невежеству народа, а во второмъ истинная религія произвела знаніе? Можемъ ли мы утверждать, чтобы явленіе предшествовавшее было слѣдствіемъ, а явленіе послѣдующее причиной? Такимъ образомъ приписывать религіи дѣятельное и прямое участіе въ движеніи цивилизаціи — значило бы впасть въ логическую ошибку.

Истинное отношеніе вещей состоитъ въ слѣдующемъ. Религіозныя мнѣнія каждой эпохи принадлежатъ къ числу симптомовъ, характеризующихъ вообще эту эпоху. Если эти мнѣнія пустили въ обществѣ глубокіе корни, то само собою разумѣется, что они опредѣляютъ образъ дѣйствій людей; но прежде нежели эти мнѣнія успѣютъ глубоко укорениться, въ обществѣ должны произойти значительный *умственный* переворотъ. Какъ трудно ожидать, чтобы сѣмена принялись на голой скалѣ, также невозможно надѣяться, чтобы кроткая и философская религія могла быть усвоена невежественными и грубыми дикарями. Безчисленныя попытки этого рода всегда приносили одинаково неудачные результаты. Исторія представляетъ намъ неопровержимыя доказательства, что одной проповѣди было недостаточно для укорененія среди дикихъ народовъ прочныхъ началъ христіанской вѣры, если миссіонеры не приносили также съ собою знаній, которыя возбуждали въ новообращенныхъ дѣятельность уственную, и такимъ образомъ приготавливали ихъ умы къ принятію высокихъ религіозныхъ истинъ, которыя оставались бы для нихъ вѣчно недоступными безъ этой умственной подготовки.

Такимъ образомъ религіозныя мнѣнія людей, если смотрѣть на ходъ вещей съ широкой точки зрѣнія и въ ихъ совокупности, оказываются не причиной, а послѣдствіями ихъ умственного развитія. Но если мы будемъ разсматривать явленія въ меньшемъ масштабѣ, обращая вниманіе лишь на какой либо краткій и исключительный періодъ времени, то, конечно, могутъ встрѣтиться обстоятельства, которыя нарушаютъ этотъ общій законъ и, повидямому, измѣняютъ естественный порядокъ вещей. Исторія производитъ по временамъ великія *личности*,

которыя, посвящая всю свою жизнь одной цѣли, достигаютъ такой силы, что создаютъ цѣлыя нравственныя или философскія ученія, имѣющія значительное вліяніе на людей. Но всматриваясь ближе въ исторію, мы ясно увидимъ, что хотя какое либо новое мнѣніе и принадлежитъ первоначально одному человеку, но успѣхъ его зависитъ преимущественно отъ умственного состоянія того народа, среди котораго оно распространяется. Если новое нравственное ученіе или новая философія слишкомъ высоки для известнаго народа, то они будутъ бесполезны ему, пока онъ достаточно созрѣетъ для ихъ усвоенія. Можетъ быть и обратный случай—религіозное ученіе, исповѣдуемое народомъ, можетъ быть ниже его умственного развитія, тогда оно также не будетъ оказывать никакого полезнаго дѣйствія. Такъ, по мнѣнію Бѣкля, господствующая (католическая) религія во Франціи не соотвѣтствуетъ уже болѣе умственному развитію этого народа, а протестантская религія, исповѣдуемая въ Шотландіи и Швеціи, выше умственного состоянія этихъ народовъ. Причины такихъ ненормальныхъ отношеній заключаются въ вмѣшательствѣ правительствъ въ дѣло религій, которыя и задерживали естественное развитіе религіозныхъ убѣжденій въ каждой странѣ. Это вмѣшательство, говоритъ Бѣкль, было по большей части вполнѣ добросовѣстно и должно быть приписано единственно незнанію со стороны правительствъ ихъ дѣйствительныхъ обязанностей въ отношеніи къ управляемымъ народамъ. Почти цѣлыя 150 лѣтъ Европа была раздираема религіозными войнами, религіозными кровопролитіями и гоненіями; а между тѣмъ ничего бы этого не было, еслибы государство не преслѣдовало религіозныхъ убѣжденій его членовъ.

Но именно вслѣдствіе не признанія этой простой истины религіозное движеніе въ различныхъ странахъ Европы не слѣдовало своему естественному ходу. Не будь вмѣшательства правительствъ—всѣ наиболѣе цивилизованныя страны въ западной Европѣ должны были сдѣлаться протестантскими, а менѣе цивилизованныя—католическими. Въ общемъ итогѣ это, правда, такъ и есть, и это-то обстоятельство навело многихъ на странную мысль—приписывать всю новѣйшую цивилизацію вліянію протестантизма, при чемъ они упустили изъ виду весьма важный фактъ, что до тѣхъ поръ, пока началось великое новѣйшее движеніе, въ протестантизмъ не было никакой нужды. Но хотя, вообще

говоря, успѣхъ реформации можетъ служить мѣркою и признакомъ того движенія новѣйшей цивилизаціи, которое ей предшествовало, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ вліяніе правительствъ и церкви задерживало и извращало этотъ естественный ходъ религиозныхъ улучшеній. И когда Вестфальскій миръ утвердилъ существовавшія политическія отношенія, склонность къ религиознымъ преніямъ и борьбамъ такъ ослабѣла, что никому уже не было охоты возбуждать религиозные перевороты и жертвовать своею жизнью для низверженія той религіи, которую обстоятельства утвердили въ его отечествѣ. Съ своей стороны, правительства весьма благоразумно не предпринимали сами никакихъ переворотовъ подобнаго рода, оставляя національныя учрежденія въ ихъ существующемъ видѣ. Такимъ образомъ произошло то, что въ настоящую минуту ни въ одномъ европейскомъ государствѣ господствующая религія не можетъ служить вѣрною и точною мѣркою степени просвѣщенія страны.

Окончательный выводъ изъ всего сказаннаго очевиденъ: религиозныя системы, не смотря на всю ихъ важность въ жизни человѣчества, не оказываются, однако, тѣмъ самостоятельно движущимъ началомъ цивилизаціи, за которое многіе считаютъ ихъ. Тамъ, гдѣ онѣ соотвѣтствуютъ степени умственнаго развитія народа, онѣ приносятъ всю свою пользу, обусловливаемую умственною подготовкою народа къ принятію истинъ религіи; гдѣ же эта подготовка недостаточна, религиозныя истины, падая на бесплодную почву, не производятъ надлежащаго дѣйствія.

Почти все, что было сказано о религіи, прилагается и къ литературѣ—этому, по мнѣнію многихъ, старому самостоятельному и важному двигателю цивилизаціи. Собственно говоря, литература (Бѣкъ принимаетъ слово литература въ самомъ обширномъ его значеніи), если она находится въ нормальномъ и непринужденномъ положеніи, есть только выраженіе знаній извѣстной страны, форма, въ которую облеклись эти знанія. Въ сохраненіи и распространеніи этихъ знаній и заключается вся ея польза. Видѣть же въ самой литературѣ, независимо отъ ея содержанія и направленія, могучую и плодотворную силу—значитъ не понимать сущности вещей. Европа, безъ сомнѣнія, обязана очень многими своей литературѣ, но этимъ многимъ она обязана не тому, что произвела сама литература, но тѣмъ истинамъ, которыя она успѣла сохранить и передать въ общее пользованіе.

Ибо знанія должны быть приобрѣтены прежде, нежели они выскажутся въ печати, и единственная польза книгъ состоитъ въ томъ, что они служатъ складочными мѣстами, въ которыхъ сокровища духа бережно хранятся и откуда они удобно могутъ быть потерянны. Сама по себѣ литература—это складочное мѣсто мыслей человѣчества — заключаетъ множество мудрости, но въ то же время и множество вопіющихъ нещестій; по этому польза, изъ нея извлекаемая, зависитъ не столько отъ нея самой, сколько отъ того духа и направленія, съ какими она изучается, и отъ болѣе или менѣе счастливаго выбора заключающихся въ ней матеріаловъ. Въ этомъ именно и заключаются условія благотворнаго вліянія литературы; и если эти условія не соблюдаемы, количество и достоинство книгъ въ известной странѣ не будутъ имѣть никакого значенія. Даже на высшихъ ступеняхъ цивилизаціи часто замѣчается наклонность предпочитать ту часть литературы, которая благопріятствуетъ старымъ предразсудкамъ, той части, которая борется съ ними. Если такое стремленіе умовъ очень сильно, то единственнымъ результатомъ большой учености будетъ накопленіе доводовъ къ поддержанію старыхъ заблужденій и къ укрѣпленію въ массахъ суевѣрія. Примеры этого не рѣдки и въ наше время, и мы часто видимъ людей, которыхъ начитанность лишь утверждаетъ ихъ въ невѣжествѣ и которые становятся тѣмъ отсталѣе, чѣмъ болѣе читаютъ. Исторія представляетъ намъ такія состоянія обществъ, въ которыхъ указанная выше наклонность была всеобщаю, и тогда, естественно, литература приносила болѣе вреда, чѣмъ пользы; такъ напр. въ нѣкій періодъ времени съ 6-го по 10-й вѣкъ въ Европѣ можно насчитать не болѣе 3 или 4 человекъ, осмѣливавшихся мыслить самобытно; да и тѣ были принуждены облекать свои мысли въ темныя, мистическія формы; остальное общество было погружено въ теченіе этого времени въ самое безотрадное невѣжество. При такихъ обстоятельствахъ немногіе, умѣншіе читать, принуждены были удовлетворять свою любознательность книгами, только поддерживавшими и укрѣплявшими въ нихъ суевѣріе, и новыя безчисленныя собранія легендъ и другихъ бредней. Всѣ эти скучныя и нецѣльныя сочиненія были сильно распространены и считались за неопровержимыя истины. Естественно, что чѣмъ болѣе читалась такая литература, тѣмъ болѣе распространялась въ массахъ суевѣріе. По этому я нисколько не сомнѣваюсь, го-

врътъ Бѣдъ, что если бы въ 7 и 8 вѣкахъ, самыхъ мрачныхъ въ этого періода, позабыта была на время грамотность и чтеніе любимыхъ книгъ того времени было на время приостановлено, — цивилизація Европы подвинулась бы скорѣе, нежели она подвигалась на самую дѣль. Ибо, когда движеніе этой цивилизаціи началось вновь, самымъ сильнымъ противникомъ его оказалось легковѣріе; воспитанное въ умахъ этою литературой. Въ лучшихъ книгахъ уже не было совершеннаго недостатка, но вкусъ къ чтенію такихъ книгъ былъ совершенно убитъ предшествовающею литературой.

Этотъ духъ легковѣрія и страсти къ сказочному и чудесному отражался еще долгое время въ литературѣ и историческія сочиненія среднякъ вѣковъ представляютъ поразительные прикѣры самыхъ невѣроятныхъ сказокъ, въ которыхъ, однако, немногіе дерзали сомнѣваться. Что исторія въ собственномъ смыслѣ въ среднякъ вѣка вовсе не было — это только малая сторона дѣла; по несчастію люди не только удовлетворяются отсутствіемъ настоящаго знанія, но и замѣняютъ его изобрѣтеніемъ лжи. Этимъ именно объясняются, напр., въ историческихъ сочиненіяхъ того времени различныя басни относительно происхожденія народовъ, въ которыхъ особенно ясно выназывается направление умовъ въ средніе вѣка. Въ теченіе многихъ столѣтій каждый народъ вѣрилъ, что онъ по прямой линіи происходитъ отъ лицъ, участвовавшихъ въ троянской войнѣ. Въ 1128 г. Генрихъ I-й, король Англійскій, спрашивалъ одного изъ ученыхъ о древности происхожденія Франціи. Отвѣтъ ученаго сохранилъ намъ одинъ историкомъ 13 вѣка; вотъ онъ: «Великомощный государь! подобно большей части Европейскихъ государствъ, франки ведутъ также свое начало отъ троянцевъ.» Въ такомъ именно происхожденіи не сомнѣвался никто; единственныи вопросъ заключался въ томъ, кто именно были столь слабые родоначальники. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи существовало въторое единомысліе; такъ было уже принято вѣрми, что французы ведутъ свой родъ отъ нѣкоего Франка, о которомъ никто не сомнѣвался, что онъ былъ сынъ Гектора; точно такъ же несомнѣннымъ считалось происхожденіе Бриттовъ отъ Брута, отецъ котораго былъ ни болѣе ни менѣе, какъ самъ Эней. Нельзя не отдать при этомъ справедливости нѣкоторымъ, болѣе скептическимъ, историкамъ, которые считали Брута только за правнука Энеева.

Такъ же точны и любопытны показанія лучшихъ средневѣковыхъ историковъ о происхожденіи различныхъ городовъ. Въ описаніяхъ этихъ городовъ, точно такъ же какъ въ біографіяхъ великихъ людей, исторія обыкновенно начинается съ первобытныхъ временъ, и событія излагаются часто въ непрерывной послѣдовательности со временъ Ноева ковчега или изгнанія Адама изъ рая. Въ примѣчаніяхъ къ *Chronicle of London from 1089 to 1483*, находится родословная, въ которой исторія лондонскихъ епископовъ возводится до Ноя и даже Адама. Въ другихъ случаяхъ древность, приписываемая происхожденію чего либо, не такъ велика, но во всякомъ случаѣ она простирается весьма далеко. Парижъ, напр., по ихъ мнѣнію, получилъ названіе отъ Париса сына Пріамова, который бѣжалъ сюда по разореніи Трои. Туръ такъ называется потому, что онъ есть мѣсто погребенія нѣкогого Турона, троянца; что Труа выстроены самими троянцами несомнѣнно доказывается этимологіею. Нюрнбергъ, по общему мнѣнію, получилъ свое имя отъ императора Нерона; Іерусалимъ—отъ царя Ерусса, всѣмъ извѣстнаго въ средніе вѣка, но котораго существованіе позднѣйшіе писатели не могли доказать... Пруссія называлась этимъ именемъ отъ Прусса, брата Августова. Это послѣднее происхожденіе было, правда, слишкомъ молодо; но зато Силезія получила свое названіе отъ пророка Іліи, отъ котораго Силезцы и вели свое происхожденіе. Лишь относительно дня основанія города Цюрихъ были нѣкоторые споры, хотя оно безспорно относилось ко временамъ Авраама. Послѣднее мнѣніе еще было высказано въ 1608 году... О множествѣ подобныхъ предметовъ средневѣковые историки обладали столь же драгоценными и точными свѣдѣніями. Напр. всѣмъ было извѣстно, что городъ Неаполь былъ основанъ на яйцахъ и судьба его была связана съ какимъ-то таинственнымъ яйцомъ. Татары, какъ само собою разумѣется, происходили изъ тартара; но относительно значенія этого слова между учеными было нѣкоторое разногласіе. Одни говорили, что это былъ нѣкоторый низшій родъ преисподней, другіе, что это именно была она сама.

Въ книгѣ Бёкля приводится много и другихъ примѣровъ баснословія средневѣковыхъ историковъ и того духа легковѣрія, которымъ проникнуты были въ то время всѣ умы. Мы не можемъ, разумѣется, передать здѣсь всѣ ихъ, но полагаемъ, что

читатель не безъ интереса прочтетъ слѣдующія два анекдота, въ времени уже позднѣйшаго.

Въ концѣ 15 и въ началѣ 16 вѣка жилъ знаменитый астрономъ Штѣлеръ, профессоръ математики въ Тюбингенѣ. Этотъ замѣчательный человекъ оказалъ астрономіи значительныя услуги и былъ одинъ изъ первыхъ, указавшихъ способъ къ исправленію Юліанскаго календаря. Но ни талантъ, ни знанія не могли спасти его отъ вліянія духа времени. Въ 1524 году обнародовалъ онъ выводы своихъ мудреныхъ исчисленій, которыми онъ долго занимался и изъ которыхъ оказывалось, что земной шаръ въ этомъ году вновь подвергнется всемірному потопу. Такое предсказаніе, сдѣланное человекомъ значительнаго авторитета и высказанное имъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, естественно произвело всеобщее и живѣйшее безпокойство. Извѣстіе о предстоящемъ страшномъ событіи распространилось съ необыкновенною быстротою и объело ужасомъ всю Европу. Чтобы избѣжать хотя перваго натиска воль, многіе обитавшіе близъ моря или рѣкъ оставили свои жилища, но другіе видѣли въ этой мѣрѣ лишь временную отсрочку бѣдствія и помышляли о дѣйствительнѣйшихъ средствахъ избѣгнуть несчастія. Рѣшили между прочимъ, что императоръ Карлъ V долженъ назначить особыхъ наблюдателей, которые бы осмотрѣли страну и указали на тѣ мѣста, которыя наименѣе подвержены наводненію и которыя могли бы служить убѣжищемъ при наступленіи наводненія. Таково по крайней мѣрѣ было желаніе одного изъ генераловъ Карла V, находившагося въ то время во Флоренціи и по порученію котораго составлена была книга, въ которой излагались необходимыя предохранительныя мѣры. Но ужы были слишкомъ возбуждены, чтобы принять столь разумный планъ, и притомъ, такъ какъ высота наводненія не была известна, кто могъ поручиться, что оно не покроетъ самыя высокія горы? Среди различныхъ колебаній и споровъ о мѣрахъ безопасности роковой день приближался, а между тѣмъ не было еще сдѣлано никакихъ значительныхъ приготовленій, соотвѣтствующихъ важности угрожающаго бѣдствія. Исчислить различныя предложенія, сдѣланныя въ это время, значило бы составить длинный свисокъ. Но одно изъ нихъ стоитъ быть упомянутымъ, такъ какъ оно было дѣйствительно исполнено съ великою ревностью и притомъ ярко характеризуетъ эпоху. Нѣкто изъ духовныхъ, по имени Авріоль (Avriol), профессоръ каноническаго права въ Тулузскомъ уни-

верситетѣ, придумывая различныя средства къ отвращенію или смягченію всеобщаго бѣдствія, панналь, маконоць, на мысль, воспользоваться тѣмъ же способомъ, къ которому прибѣгъ съ такимъ успѣхомъ Ной въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Едва эта счастливая мысль озарила его, какъ уже и встрѣтила всеобщее сочувствіе. Жители Тулузы приняли въ ней самое дѣятельное участіе, и ковчегъ былъ дѣйствительно построенъ, въ той надеждѣ, что, по крайней мѣрѣ, хоть часть человѣческаго рода будетъ спасена и по окончаніи потопа можетъ продолжить человѣческій родъ, который со временемъ вновь населитъ землю.

Около семидесяти лѣтъ послѣ того какъ прошолъ страхъ ожиданія всемірнаго потопа, случилось другое событіе, долго занимавшее и тревожившее лучшіе умы въ одной изъ главнѣйшихъ странъ Европы. Въ концѣ 16 вѣка распространился слухъ, что въ Силезіи родился ребенокъ, у котораго одинъ зубъ былъ золотой. При повѣркѣ этого слуха, онъ оказался вполне справедливымъ, и по этому скрыть его отъ публики не было никакой возможности. Извѣстіе о чудѣ быстро распространилось по всей Германіи, принято было, конечно, всѣми за таинственное предзнаменованіе и всякій мучительно старался разрѣшить, что бы оно значило. Разрѣшить этотъ великій вопросъ предоставлено было судьбою доктору Горсту. Въ 1595 году этотъ знаменитый врачъ обнародовалъ результаты своихъ изслѣдованій о золотомъ зубѣ. Изъ этихъ изслѣдованій оказалось, что при рожденіи ребенка солнце въ соединеніи съ сатурномъ находилось въ созвѣздіи овна. Такимъ образомъ это явленіе хотя и осталось сверхъестественнымъ, но оказалось, однако, не предвѣщающимъ никакой опасности. Все было очень просто. Золотой зубъ былъ нечто иное, какъ провозвѣстникъ золотой эпохи, въ которую императоръ изгонитъ турокъ изъ христіанскихъ владѣній и положитъ основаніе обширной имперіи, которая будетъ существовать тысячу лѣтъ. На это же событіе, замѣчаетъ весьма серьезно Горстъ, встрѣчаемъ мы весьма ясный намекъ у пророка Даниила, въ его извѣстной второй главѣ, гдѣ онъ говоритъ о статуѣ съ золотой головой, видѣнной во снѣ Навуходносоромъ.

Въ то время, какъ литература занималась почти исключительно подобными бреднями, очевидно, что истинное знаніе, — то знаніе, которое производитъ общественныя мнѣнія и движеть

цивилизацию, — было не на сторонѣ литературы. Оно, за исключе-
 ниемъ немногихъ счастливыхъ умовъ, зарождалось и накопи-
 лось мало по малу въ той сравнительно непросвѣщенной, но дѣ-
 тельной и трудолюбивой массѣ, которая, повидимому, замята
 была лишь практическими дѣлами устройства своего существо-
 ванія и огражденія себя отъ различныхъ насилій и притѣсненій,
 во которая въ тоже время, нестѣсняемая схоластическою ученостью
 и сохраняя непосредственный взглядъ на жизнь, ея явленія и
 законы, дѣлала истинныя открытія въ области духа и природы.
 Эти зародыши новыхъ формъ жизни и новаго, болѣе практиче-
 ского, направленія знанія ожидали только мощныхъ и даровитыхъ
 органовъ, чтобы предъявить свои права міру и сдѣлаться истин-
 ными и сознательными начала новой цивилизаціи. Вся позднѣй-
 шая плодотворная литература получила свою силу и прочное влѣ-
 яніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой она была выразительницею
 этихъ новыхъ, отчасти выработавшихся уже въ массахъ, стремленій
 и началъ и хотя потомъ, въ передовыхъ своихъ представителяхъ
 опередила, конечно, массы, но новый духъ свой она, безъ со-
 мнѣнія, вынесла изъ скрытой, подспудной работы многихъ по-
 колѣній, непрерывно продолжавшейся даже при совершенномъ
 застоѣ умственного движенія въ самой литературѣ.

Такимъ образомъ: во первыхъ, не всегда случается, чтобы
 литература именно была представительницею новыхъ знаній, воз-
 никающихъ и накопляющихся въ обществѣ и подготовляющихъ
 въ будущемъ благотворные перевороты; во вторыхъ, объемъ и
 богатство литературы, которою обладаетъ народъ, не имѣютъ
 такой важности, какъ то настроеніе духа, съ которымъ народъ
 пользуется этой литературой. Въ ту мрачную эпоху, говоритъ
 Бэконъ, о которой было говорено выше, существовала также и
 литература съ серьезнымъ содержаніемъ, но ею никто не поль-
 зовался. Въ теченіе долгаго времени латинскій языкъ, напр.,
 былъ общеупотребительнымъ, и, если бы люди хотѣли, они мо-
 гли бы съ пользою изучать латинскихъ классиковъ; но для это-
 го они должны бы были стать людьми другой эпохи. Всякое
 достоинство цѣнили они по мѣркѣ своей эпохи и въ то время
 шлакъ цѣнился всеми выше золота. По этому они и оставляли
 золото въ сторонѣ и собирали выгарки. То, что происходило въ
 ту эпоху, продолжается до извѣстной степени и въ наше время.
 Каждая литература содержитъ нѣсколько истинъ и много лож-

наго; хорошее вліяніе ея зависить именно отъ умѣнья отдѣлять эти истинны отъ лжи. Новыя идеи и открытія имѣють во всякомъ случаѣ великое значеніе и будущность; но пока эти идеи не проникли въ умы и эти открытія не признаны, онѣ не имѣють на общество никакого вліянія и не оказываютъ своего благотворнаго дѣйствія.

Никакая литература не принесетъ народу пользы, если не найдетъ ея подготовленнымъ. Точно такъ же литература весьма богатая, но лишенная духа самостоятельности, свободы и смѣлости мысли, которая составляютъ главнѣйшія основанія ея силы и прогресса, не можетъ приносить надлежащей пользы народу, среди котораго развивается. По этому—то такъ безразсудны вообще толки о необходимости покровительства литературѣ, денежныхъ пособій отъ правительства и т. п., какъ будто покровительство способно возбудить въ ней тѣ энергическія ея свойства, безъ которыхъ она ничтожна.

Наконецъ, многіе думаютъ, что цивилизацію Европы можно приписать преимущественно искусству различныхъ европейскихъ правительствъ и той прозорливости, съ которою они умѣли предвидѣть различное зло, грозившее ихъ народамъ, и предотвращать его мудрыми законодательными мѣрами. Мѣры эти суть выраженія и продукты общественнаго движенія, но, конечно, не причины его. Все это ясно не теоретически только, но и практически, въ чемъ можетъ легко убѣдиться всякій внимательный читатель исторіи. Исторія Англіи и другихъ европейскихъ государствъ представляетъ этому много примѣровъ. Такова напр. извѣстная судьба хлѣбныхъ законовъ въ Англіи. Разумность и необходимость уничтожить ихъ въ наше время безспорно признается всякимъ, сколько нибудь просвѣщеннымъ человѣкомъ; вопросъ состоитъ только въ томъ, кому собственно мы обязаны этою мѣрою. Англичане, менѣе свѣдущіе въ исторіи своего отечества, скажутъ, конечно, что истиннымъ виновникомъ ея была мудрость парламента, между тѣмъ какъ люди, привыкшіе всматриваться въ исторію нѣсколько глубже, припишутъ ея дѣятельности лиги противъ хлѣбныхъ законовъ и происшедшему оттуда великому напору на правительство. Наконецъ, кто прослѣдитъ внимательно и подробно всѣ различныя переходы, которымъ подвергался этотъ великій вопросъ,

мъ несомнѣнно убѣдился, что правительство, законодательство и сама лига были безсознательно лишь орудіями той могучей силы, которая превосходитъ всѣ остальные силы, взятыя вмѣстѣ. Однимъ словомъ всѣ они были лишь выразителями общественнаго мнѣнія, поднявшаго этотъ вопросъ почти за сто лѣтъ до его оффиціального разрѣшенія. Въ началѣ второй половины 18-го вѣка неразумность вообще протекціонистскихъ ограниченій торговли была уже столь ясно доказана полико-экономистами, что всякій, понявшій и усвоившій ихъ доводы, необходимо былъ на ихъ сторонѣ. Съ этой минуты уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ стало ужь простымъ вопросомъ яснаго пониманія вещей. Люди, знакомые съ необходимыми фактами, были противъ нихъ, незнакомые съ обстоятельствами дѣла еще стояли за нихъ. Такимъ образомъ ясно, что законы должны были пасть неизбѣжно, такъ только распространеніе здраваго взгляда на вещи достигнетъ извѣстной степени. Заслуга лиги состояла въ томъ, что она способствовала распространенію этого взгляда; заслуга парламента въ томъ, что онъ подчинился ему. Не подлежитъ однако никакому сомнѣнію, что члены лиги и парламента могли лишь въ малой степени содѣйствовать успѣху того, что сдѣлалось неизбѣжнымъ въ слѣдствіе распространенія здравыхъ идей. Живи они столѣтіемъ раньше—всѣ ихъ соединенныя усилія остались бы бесполезными, такъ какъ время еще было не зрѣло для этихъ идей. Но они сами были создателями движенія, начавшагося гораздо прежде, нежели кто либо изъ нихъ успѣлъ родиться; и высшее, что могли они сдѣлать, было—привести въ исполненіе задуманное другими и проповѣдовать громко и открыто ученія, преподаваемыя имъ учителями. Ибо никто, ни даже они сами, никогда не утверждали, чтобы въ ученіяхъ, ими публично проповѣдуемыхъ предъ избирателями и распространяемыхъ по всѣмъ концамъ государства, было что нибудь новое. Сами открытія были сдѣланы уже давно и производили мало по малу свое дѣйствіе, вышрывая поле у стараго заблужденія и пріобрѣтая повсюду приверженцевъ. Реформаторы въ этомъ дѣлѣ плыли только по теченію; они лишь способствовали тому, что уже было неизбѣжно. И въ этомъ именно заключается немалая и недвусмысленная похвала заслугамъ, ими дѣйствительно оказаннымъ. Во всякомъ случаѣ они встрѣтили сильное сопротивленіе. И хотя начала свободной торговли почти въ продолженіе цѣлаго

столѣтія утвердились цѣпью доказательствъ столь же твердыхъ и положительныхъ, какъ математическія истины, но противъ нихъ боролись до послѣдней крайности, и парламентъ только по настоятельной необходимости рѣшился уступить тому, чего народъ требовалъ неотступно и чего необходимость давно уже была утверждаема лучшими людьми трехъ поколѣній.

Люди, приписывающіе слишкомъ большое значеніе мѣрамъ европейскихъ правительствъ, должны обратить вниманіе также и на другое обстоятельство, а именно на то, что всѣ великія реформы, ими совершенныя, состояли не въ утвержденіи чего либо новаго, но въ уничтоженіи прежде сдѣланнаго. Такъ въ хлѣбныхъ законахъ все дѣло состояло лишь въ отмѣнѣ старыхъ законовъ, чрезъ что торговля получила необходимую свободу и естественное теченіе. Такъ, что когда эта реформа совершилась, все получило именно тотъ видъ, какъ будто законодательство никогда не мѣщалось въ это дѣло. Тоже должно сказать и объ уничтоженіи религіозныхъ преслѣдованій. Это, конечно, есть одно изъ величайшихъ дѣлъ новаго времени, но очевидно, что все оно состояло только въ отмѣнѣ тѣхъ мѣръ, которыя прежде считались необходимыми для блага подданныхъ. Таковъ вообще путь, которому слѣдуютъ въ наше время просвѣщеннѣйшія и гуманнѣйшія правительства. Вся задача ихъ состоитъ въ томъ, чтобы возвратить всему тотъ естественный и необходимый ходъ, съ котораго сбивало его незнавіе прежнихъ правителей. Но если такова именно задача новѣйшихъ правителей и если лучшіе и полезнѣйшіе изъ законодательныхъ мѣръ суть отмѣны старыхъ законовъ, то само собою разумѣется, что, вообще говоря, европейская цивилизація не можетъ считать себя многимъ обязанною мудрости законодательныхъ мѣръ своихъ правительствъ.

Исторія развитія европейской торговли можетъ служить лучшимъ доказательствомъ справедливости сейчасть сказаннаго. Правительства въ Европѣ, издавшія законы о торговлѣ, дѣйствовали по большей части такимъ образомъ, какъ будто ихъ главною задачею было уничтожить вовсе торговлю и разорить торгующій классъ. И все это съ намѣреніемъ оказать имъ покровительство и поддержку. Эта страсть къ покровительству и вредъ, причиняемый сию торговлѣ, достигли такихъ размѣровъ.

то одинъ изъ лучшихъ экономическихъ авторитетовъ нашего времени (Blanqui—*Histoire de l'économie politique en Europe*. II, p. 25.) выразилъ недавно ту мысль, что безъ контрбанды европейская торговля не могла бы вовсе удержаться, и была бы окончательно уничтожена непрерывнымъ въ нее внимательствомъ. Мысль эта, которая на первый взглядъ могла бы показаться очевидною нелѣпостью, не удивить однако никого, кто знаетъ, какъ слаба была въ началѣ европейская торговля и какъ велики противопоставляемыя ей затрудненія. Вредное внимательство законодательства чувствовалось на каждомъ шагѣ: Пошлины при ввозѣ, пошлины при вывозѣ, пособіе для поддержанія невыгодной торговли и налогъ для подавленія привозной торговли; запрещеніе одной отрасли промышленности, поощреніе другой, — таковы были обыкновенныя мѣры. Одинъ товаръ запрещено было ввозить потому, что онъ производится въ колоніяхъ; другой могъ быть ввозимъ и покупаемъ, но не продаваемъ вновь, наконецъ третій могъ быть покупаемъ и вновь продаваемъ, но не долженъ быть вывозимъ за границу. Далѣе мы встрѣчаемъ законы для регулированія заработной платы, законы для регулированія цѣнъ, законы для процентовъ, законы для опредѣленія торговыхъ барышей и т. д. Пошлины часто были такъ высоки, что вдвое и втрое увеличивали стоимость товара. Система внимательства распространялась на все: рынки, фабрики, машины, даже простыя лавки — все было подъ присмотромъ. Акцизные чиновники охраняли города, а гавани кшѣди таможенными чиновниками, которыхъ единственнымъ дѣломъ было — слѣдить почти за каждымъ движеніемъ частной жизни, заглядывать въ каждый свертокъ и каждую вещь облагать пошлиною. Все это совершалось, по большей части, для поддержанія торговли и промышленности, т. е. съ народа собирали деньги и заставляли его терпѣть столько неудобствъ не для выгоды правительства, но для пользы самаго же народа. Другими словами, у промышленныхъ классовъ отнимали деньги для того, чтобы процвѣтала промышленность.

Таковъ въ общихъ чертахъ образъ дѣйствій европейскихъ правительствъ, имѣвшихъ благоую цѣль способствовать процвѣтанію торговли и промышленности. Извѣстно, къ какимъ противоположнымъ результатамъ привели эти мѣры относительно

самой торговли и промышленности. Но зло не ограничилось этимъ; оно неизбежно отразилось и на нравственной сторонѣ народовъ. Огромныя шайки контрабандистовъ, порожденныя всевозможными стѣсненіями торговли, состоя изъ людей готовыхъ на все и привыкшихъ къ преступленіямъ всякаго рода, разносили по мирнымъ деревнямъ неизвѣстные тамъ прежде пороки. Образовался цѣлый классъ общества, находящійся въ постоянной открытой войнѣ съ правительствомъ, и этотъ классъ находилъ сочувствіе и поддержку въ мѣстныхъ жителяхъ, котораго матеріальнымъ интересамъ онъ не наносилъ никакого вреда и въ то же время казался ему до извѣстной степени правымъ въ своей открытой войнѣ противъ искусственныхъ и ненужныхъ препятствій торговлѣ. Занятіе контрабанднымъ промысломъ дѣлалось иногда столь популярнымъ, что Лемонтэ (*Essai sur l'établissement monarchique de Louis XIV*) рассказываетъ, что въ началѣ 18-го вѣка цѣлые отряды кавалеріи оставляли свои знамена, чтобы принять участіе въ войнѣ противъ фиска. Что всѣ эти бѣдствія и пороки происходили именно отъ вредныхъ мѣръ, будто бы покровительствовавшихъ торговлѣ и промышленности, ясно изъ того, что они прекращались немедленно, гдѣ уничтожались эти мѣры.

Точно такое же превратное дѣйствіе оказывали правительственныя мѣры и въ другихъ случаяхъ, гдѣ онѣ покушались руководить то, что по природѣ вещей, не подлежитъ вмѣшательству власти. Такъ въ теченіе многихъ столѣтій европейскіе правительства считали своей главнѣйшею обязанностью утверждать и защищать правую, по ихъ мнѣнію, религію и преслѣдовать всякое религіозное заблужденіе. Кромѣ множества другихъ золъ, происшедшихъ изъ такого неправильнаго взгляда, Бекль указываетъ на развитіе двухъ важныхъ видовъ порока, порожденныхъ этимъ неумѣстнымъ вмѣшательствомъ, а именно—на усиленіе лицемерія и ложной клятвы.

Распространеніе порока лицемерія, говоритъ Бекль, есть явленіе неизбежное, какъ только за исповѣданіе какой либо другой вѣры, кромѣ признанной, полагается наказаніе. Не говоря объ отдѣльныхъ и высокихъ личностяхъ, всегда представляющихъ исключенія, не подлежитъ сомнѣнію, что большинству людей трудно устоять противъ постояннаго искушенія, и если

лю искушніе является въ видѣ почетовъ и денегъ, то они легко поддаются сму и обращаются къ покровительствуемой вѣрѣ, разумѣется, по большей части лишь наружно, обрядами. Но всякій, поступающій такимъ образомъ, есть лицеизѣръ, и всякое правительство, поощряющее такой образъ дѣйствій, очевидно, поощряетъ лицеизѣріе. Далѣе, такъ какъ законодатели при такомъ образѣ дѣйствій, очень хорошо понимаютъ ненадежность новообращенныхъ, то, конечно, они стараются предотвратить опасность самыми сильными, по ихъ понятіямъ, мѣрами. Они обыкновенно стараются утвердить новообращенныхъ частыми клятвенными обѣщаніями. Это постоянное подозрѣніе искренности чувствъ и движеній каждаго породило множество клятвенныхъ обѣщаній всякаго рода. Въ Англіи мальчикъ, переходящій въ высшую школу, долженъ приносить клятву въ такихъ вещахъ, которыхъ онъ не можетъ даже понять и въ которыхъ поручиться за себя не можетъ иногда и взрослый человѣкъ. Вступая въ парламентъ, онъ обязанъ вновь къ клятвенному исповѣданію вѣры, и такимъ образомъ почти на каждой ступени своего политическаго восприища обязанъ онъ приносить новую клятву. Когда подобнымъ способомъ торжественное призваніе имени Божьяго повторяется почти при всякомъ случаѣ, — естественно происходитъ то, чего и нужно было ожидать, именно, что при этомъ дѣлается какимъ-то пустымъ и незначащимъ формализмомъ. Легкомысленно данная клятва также легко и нарушается, и лучшие наблюдатели англійскаго общества, притомъ наблюдатели весьма различнаго характера и образа мыслей, сходятся въ томъ, что обычай ложной присяги въ Англіи, непосредственно вызванный упомянутыми выше ложными мѣрами, распространился до такой степени, что сдѣлался источникомъ народн. порчи, уменьшилъ достоинство свидѣтельства и поколебалъ естественное довѣріе, которое человѣкъ долженъ имѣть къ слову своего ближняго. Гамильтонъ (*Discussions on philosophy and literature*) прямо говоритъ: «Если Англія отличается предъ цѣлымъ свѣтомъ порокомъ лжесвидѣтельства, то англійскіе университеты, и въ особенности Оксфордскій, отличаются въ этомъ отношеніи даже и въ самой Англіи».

Такимъ образомъ мы видѣли, что законы, изданные свропейскими правительствами для огражденія промышленности, принесли этой послѣдней одинъ вредъ; законы для утвержде-

нія правой вѣры породили лицемеріе; и, наконецъ, мѣра къ обезпеченію справедливости свидѣтельствъ усилила порокъ лже-свидѣтельства. Точно таковы же были успѣхи каждой изъ европейскихкихъ странъ въ попыткахъ уничтоженія лихоимства и пониженія процентовъ съ денегъ при займахъ. Всякій разъ слѣдствіемъ законодательныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи было усиленіе лихоимства и возвышеніе процентовъ. Причины подобнаго явленія въ наше время понятны всякому, сколько нибудь знакомому съ политической экономіею, и потому мы не будемъ о нихъ распространяться. Остановимся еще на одномъ и уже послѣднемъ примѣрѣ.

Все, что было сказано до сихъ поръ о результатахъ дѣятельности европейскаго законодательства не суть какія либо гипотезы, или выводы подверженные сколько нибудь сомнѣнію, но факты такого рода, въ которыхъ легко можетъ убѣдиться каждый. Вредное дѣйствіе нѣкоторыхъ изъ этихъ законоположеній можно еще и до сихъ поръ видѣть въ Англіи; а въ различныхъ иныхъ государствахъ можно открыть и каждое изъ нихъ въ полномъ дѣйствіи. Если сообразить ихъ мысленно во всей совокупности, то они представляются по истинѣ столь страшнымъ орудіемъ, что нельзя не дивиться, какъ могла цивилизація продолжаться вопреки имъ. Что она не погибла при такихъ обстоятельствахъ, это доказываетъ только необыкновенную энергію челоѣка и служитъ ручательствомъ за то, что въ настоящее время, когда законодательныя стѣсненія уменьшились и духъ челоѣческой менѣе угнетенъ въ своей дѣятельности, ходъ цивилизаціи несравненно ускорится. Но было бы въ высшей степени неосновательно рассчитывать въ этомъ отношеніи сколько нибудь на помощь законодательства, исключая тѣхъ благихъ мѣръ, которыми отиѣняются старья.

Едва ли мнѣ нужно объяснять, говорить въ заключеніе Бекль, что всѣ предыдущія замѣчанія нисколько не касаются дѣйствительныхъ и важныхъ услугъ, оказываемыхъ обществу всякимъ, сколько нибудь благоустроеннымъ правительствомъ. Въ каждой странѣ должна существовать власть, наказывающая преступленія и издающая законы, иначе народъ находится въ анархіи. Обвиненія, которымъ исторія принуждена подвергнуть всѣ доселѣ существовавшія правительства, состоятъ только въ томъ, что они выступали за предѣлы своего естественнаго круга дѣйствій

и при всякомъ шагѣ этого рода, наносили обществамъ страшный вредъ.

Но злоупотребленіе власти есть явленіе столь обыкновенное въ исторіи, что ни одинъ классъ общества, бывшій въ главѣ управленія, не могъ избѣжать его. Поддерживать порядокъ, не позволять слуху притѣснять слабого и принимать нѣкоторыя предупредительныя мѣры для сохраненія общественнаго здоровья, — главы единственныя услуги, которыя правительство можетъ оказывать интересамъ цивилизаціи. Что эти услуги чрезвычайно важны, объ этомъ, конечно, никто не станетъ спорить; но нельзя еще сказать, чтобы цивилизаціи была возбуждаема этия мѣрашми, или чтобы прогрессъ человечества ими ускорялся. Все, чего могутъ достигнуть всѣ законодательныя мѣры, это — облегчить прогрессу его дѣло; самый же прогрессъ зависитъ отъ другихъ вещей.

Этотъ мы и оканчиваемъ изложеніе философски историческихъ взглядовъ Бѣкля. Все стараніе наше до сихъ поръ состояло въ томъ, чтобы передать ихъ съ возможною точностью, и поэтому мы старались по преимуществу главнѣйшіе пункты передавать словами самого автора. Ученіе Бѣкля намъ показалось до того стройнымъ, что какія либо частныя замѣчанія на него рѣшительно были бы неумѣстны. Если принять главное его положеніе, остальные вытекаютъ изъ него неизбѣжно, а не принять этого главнаго, кажется, нельзя. Во всякомъ случаѣ, выдержать и ученіе Бѣкля строгую критику во всей своей цѣлости или нѣтъ, оно представляетъ такъ много смѣлаго и оригинальнаго, что неизбѣжно должно возбудить умственную дѣятельность въ читателѣ, и это его несомнѣнная заслуга. Съ своей стороны мы считаемъ Бѣкля ни болѣе ни менѣе, какъ основателемъ новой философско—исторической школы и объ этомъ—то именно значеніи его книги мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Основное стремленіе Бѣкля, какъ мы видѣли въ первой статьѣ, есть—возвысить историческую науку до того же уровня, какого достигли въ наше время естественныя знанія; придать ей такую же строгость и точность, сдѣлать ее столь же самостоятельнымъ знаніемъ. Что собственно новаго заключается въ этомъ стремленіи, какихъ результатовъ ожидаетъ Бѣкль отъ исторіи, обрабатываемой по этому методу? Въ книгѣ его мы встрѣчаемъ до сихъ

поръ лишь намеки на новую роль исторической науки въ средѣ другихъ знаній; но, кажется, не трудно обрисовать до нѣкоторой степени эту новую роль.

Исторія, въ своемъ обширнѣйшемъ значеніи, есть наука о судьбахъ человѣческаго племени на землѣ. Такой взглядъ на нее, конечно, не покажется никому новостью; но едва ли кто либо до Бекля обнималъ мысленно всѣ результаты, вытекающіе изъ такого взгляда на исторію. Первый и самый важный состоитъ въ томъ, что исторія при этомъ должна сдѣлаться наукою естественною, т. е. принять тотъ же методъ, такъ же независимо и самостоятельно излагать свои наблюденія и выводы надъ человѣческою порою въ ея исторической жизни, какъ дѣлаютъ это науки естественныя, наблюдая тотъ или другой порядокъ естественныхъ явленій. Казалось бы, что тоже самое стремились дѣлать лучшіе историки и до сихъ поръ; но въ сущности происходило совсѣмъ другое. Не говоря уже объ историкахъ съ узко-національнымъ, религіознымъ и другимъ подобнымъ взглядомъ, самый безпристрастный историкъ не могъ освободиться отъ взглядовъ, вѣрованій и убѣжденій своей эпохи и страны, и все это, приобретенное совсѣмъ изъ другихъ источниковъ, вносилось имъ, сознательно или безсознательно, въ его историческія изслѣдованія; и такимъ образомъ между предметомъ и его наблюдателемъ становилось нѣчто чуждое, можетъ быть, существенно важное, священное и необходимое для наблюдателя и людей его эпохи, но все таки мѣшавшее его непосредственному наблюденію надъ вещами. Такимъ образомъ исторія представляла прекрасные поводы даровитымъ людямъ для политическихъ, религіозныхъ, соціальныхъ, нравственныхъ и философическихъ соображеній; но была въ нихъ сама по себѣ виновата весьма мало, ибо всѣ существенные вопросы, касающіеся человѣка и его природы, были уже предварительно рѣшены на другихъ путяхъ. Окончательно челоуѣкъ являлся въ своей исторической жизни такимъ именно существомъ, какимъ хотѣло его видѣть современное мышленіе, и это именно существо насильно, безъ его спросу, навязывалось исторіи. Даже новѣйшее стремленіе исторической науки—возсоздавать прошлые эпохи и историческихъ ихъ дѣятелей во всей ихъ художественной цѣлости, не прилагая къ нимъ безусловно требованій нашего времени, не могло поставить исторію на самостоятельную ногу, такъ какъ умышленно ограничивало свою за-

лучу истинною правдою, избѣгая всякихъ философско-историческихъ соображеній.

А между тѣмъ уже при первомъ поверхностномъ взглядѣ на дѣло, нельзя не признать за исторію существеннаго права признати во многомъ свой судъ въ важнѣйшихъ вопросахъ о человѣкѣ и его природѣ. Если политическая экономія, имѣющая предметомъ лишь нѣкоторую часть общественной дѣятельности человѣка, при первыхъ же шагахъ своихъ на самостоятельномъ пути, не задумалась высказать нѣсколько общихъ положеній о нравственной природѣ человѣка, положеній, во многомъ разошедшихся, да и теперь еще расходящихся съ общепринятыми мнѣніями; то сколько сильнѣе въ этомъ отношеніи право исторіи. Наблюдая развитіе природы человѣка на широкой аренѣ, во всѣхъ безъ исключенія проявленіяхъ ея дѣятельности, не есть ли она именно та наука, которая должна сказать свое послѣднее слово о свойствахъ человѣка, какъ извѣстнаго созданія, и на этомъ основаніи заложить прочное зданіе общественнаго устройства. Само собою разумѣется, что всѣ другіе пути, которыми открывалась до сихъ поръ мысленію человѣческая природа и на основаніи которыхъ созидалось сознательное движеніе обществъ, не должны быть заброшены; но, по крайней мѣрѣ, въ исторіи, сдѣлавшейся самостоятельною наукою, получимъ мы новый вѣщій органъ и по всѣмъ вѣроятіямъ лучшій критеріумъ для повѣрки мнѣній о человѣкѣ, добываемыхъ другими путями.

Такова именно, по нашему мнѣнію, новая задача, указываемая Бѣклемъ исторической наукѣ, задача, безъ сомнѣнія, высшая изъ всѣхъ, какія предлагались ей до сихъ поръ. Въ какой степени способенъ разрѣшить ее самъ Бѣкль, мы не можемъ ничего сказать до появленія его «Исторія цивилизаціи Англіи» въ полномъ объемѣ; но, кажется, можно сказать съ увѣренностью, что смѣлая мысль, впервые имъ такъ послѣдовательно и рѣшительно высказанная, не пройдетъ безслѣдно и породитъ новое историческое направленіе, отъ котораго ожидать можно весьма много. Нѣкоторые общіе выводы, добытые Бѣклемъ съ помощью этого новаго метода, читатель уже видѣлъ выше и, нѣтъ надобности увѣрять, что напр. основное положеніе о значеніи знанія въ цивилизаціи останется прочнымъ и вѣрнымъ поуканіемъ науки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на этихъ пер-

ВЫХЪ ПОПЫТКАХЪ НЕ ОСТАНОВИТСЯ НОВЫЙ МСТОДЪ И ЧТО СКОРО
УСЛЫШИМЪ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ГОЛОСЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ВО ВСЯХЪ
СУЩЕСТВЕННЫХЪ ВОПРОСАХЪ, КАСАЮЩИХСЯ ЧЕЛОВѢКА..

Е. Эдельсонъ.

ПОЛИТИКА.

I. Австрійскій государственный совѣтъ.

29 апрѣля, въ часъ по полудни, собралась въ Вѣнѣ верхняя палата, въ томъ самомъ зданіи, гдѣ за нѣсколько времени передъ этимъ происходили засѣданія нижне-австрійскаго областного сейма. Впрочемъ изъ числа 134 членовъ явилось на это засѣданіе только 90. Мы не будемъ въ этомъ случаѣ слѣдовать газетамъ и рассказывать, кто изъ членовъ палаты когда вошелъ и кто изъ нихъ былъ одѣтъ во фракъ или мундиръ или въ епископской рясѣ; скажемъ только, что первое засѣданіе верхней палаты открылось тѣмъ, что эрцъ-герцогъ Райнеръ объявилъ ей о назначеніи князя Ауэрсперга ея предсѣдателемъ и министра финансовъ г. Филиппа Реано вице-предсѣдателемъ. Послѣ чего предсѣдатель прочиталъ довольно длинную рѣчь, въ которой онъ приглашалъ своихъ сотрудниковъ заняться ревностно и единодушно возложеннымъ на нихъ дѣломъ для блага страны.

Что же касается перваго сбора палаты депутатовъ, то она на этотъ разъ представляла порядочную пустоту,—только не относительно публики, которая набралась туда во множествѣ, но относительно своихъ членовъ, такъ какъ изъ общаго числа послѣднихъ было въ наличности только 150 человекъ. Большая часть депутатовъ заняли мѣста въ центрѣ, только чехи сѣли поправѣ; на лѣвой же сторонѣ центра засѣли преимущественно богемскіе нѣмцы, верхніе австрійцы, тирольцы, зальцбургцы и нѣкоторые изъ вѣнскихъ представителей, а также и моравцы. Въ палатѣ депутатовъ господствовалъ черный фракъ, изъ духовныхъ лицъ было два епископа и два архимандрита; а два крестьянина изъ Буковины явились въ своемъ національномъ нарядѣ. Въ половинѣ втораго въ залу представителей вошли ми-

нистры: Пленеръ, Шмерлингъ, Лассеръ и Пратобевра. При чемъ одинъ изъ служителей звономъ колокольчика подавъ знакъ и соблюденію тишины.

Затѣмъ г. Шмерлингъ объявилъ палатѣ, что г. Гейнъ, троюпаусскій представитель, назначенъ, по волѣ императора, председателемъ палаты депутатовъ, и что должность вице-председателя, по высочайшей волѣ, возложена на профессора Гаснера, совѣтника верхняго земскаго суда Маццухели. Виѣстѣ съ этимъ министръ передалъ председателю дипломы 20 октября и 2 февраля.

Затѣмъ председатель взошелъ на трибуну и произнесъ оттудрѣчь, въ которой, говорилъ о важности занятій, предстоящихъ палатѣ, и о своей надеждѣ на поддержку со стороны своихъ сотрудниковъ. Послѣ чего было выбрано семь дѣлопроизводителей.

Въ заключеніе, какъ верхней палатѣ, такъ и палатѣ депутатовъ было объявлено, что торжественное ихъ открытіе императоромъ будетъ происходить 1 мая въ 11 часовъ утра.

Формула присяги для членовъ обѣихъ палатъ принята слѣдующая.

Председатель спрашивалъ: «Объщаетесь ли вы подъ присягомъ быть вѣрными и послушными его апостольскому величеству, соблюдать законы и исполнять по совѣсти ваши обязанности?» На такой вопросъ каждый спрашиваемый отвѣчалъ: «Объщаюсь».

Для членовъ, незнакомыхъ съ нѣмецкимъ языкомъ формула присяги читалась въ обѣихъ палатахъ на языкахъ руманскомъ и русинскомъ.

Торжественное открытіе обѣихъ палатъ происходило въ назначенное время въ особомъ зданіи, построенномъ для этой цѣли съ изумительною быстротою, въ теченіе шести недѣль и съ употребленіемъ на него 800,000 флориновъ. Чтобы познакомить нѣсколько съ личнымъ составомъ австрійскихъ палатъ, замѣтимъ, что въ верхней палатѣ члены отъ Венгріи, Трансильваніи и Кроаціи еще не назначены. Наслѣдственными членами императоръ пожаловалъ 56 и пожизненными 39 лицъ. Къ этимъ лицамъ нужно прибавить 20 эрцъ-герцоговъ и до 30 архіепископовъ и князей-епископовъ. Въ числѣ наследственныхъ членовъ явился противъ общихъ ожиданій и графъ Голуховскій. Такое назначеніе считаютъ необходимою уступкою реакціонной партіи. Въ числѣ пожизненныхъ членовъ находятся нѣсколько писателей, и между ними извѣстный историкъ Богеміи—Палацкій. Бывшіе герцоги моденскій и тосканскій сдѣлались тоже членами верхней палаты, по званію австрійскихъ эрцъ-герцоговъ. Изъ общаго числа депутатовъ, т. е. изъ 343 человекъ, собралось въ Вѣну только до 200 членовъ; распределеніе ихъ по областямъ имперіи было слѣдующее: изъ южной Австріи 18, изъ

верхней Австріи 10, изъ Штиріи 13, изъ Форарльберга 2, изъ Моравіи 22, изъ Богеміи 54, изъ Силезіи 6, изъ Зальцбурга 3, изъ Каринтіи 5, изъ Крайны 6, изъ Гоца 2, изъ Триеста 2, изъ Галиціи 38, изъ Далмаціи 5, изъ Буковини 5 и изъ Тироля 8, тогда какъ полное число тамошнихъ депутатовъ должно состоять изъ 10. За тѣмъ число отсутствующихъ депутатовъ было слѣдующее: изъ Тироля 2, Венгріи 85, Трансильваніи 20, Крайны 9, Истріи 2 и Венеціи 200, всего 144.

При такихъ условіяхъ первое собраніе австрійскаго государственнаго совѣта не было представительствомъ всѣхъ областей имперіи, и кромѣ того въ немъ не было слишкомъ значительнаго числа депутатовъ, и въ верхнюю палату не было назначено членовъ отъ тѣхъ областей, которыя не прислали своихъ представителей, такъ что собственно первое собраніе государственнаго австрійскаго совѣта было ничего болѣе, какъ только собраніе представителей отъ нѣмецкихъ и славянскихъ областей, входящихъ въ составъ имперіи. Венгрія съ считающимися за нее провинціями и Венеціанская область не были представляемы въ этомъ засѣданіи.

1 мая, послѣ того какъ въ залу собрались всѣ наличные члены верхней палаты и палаты депутатовъ, расположившись первыя по правой, а послѣдніе по лѣвой сторонѣ трона,—въ залу вошелъ императоръ, въ сопровожденіи своихъ министровъ и эрцгерцоговъ. Министры засѣли на эстрадѣ по лѣвой сторонѣ трона, а эрцгерцоги по правой.

Когда такимъ образомъ всѣ заняли назначенныя имъ мѣста, императоръ всталъ и прочиталъ слѣдующую рѣчь:

«Почтенные члены моего государственнаго совѣта! Открывая первое засѣданіе, я считаю для себя удовольствіемъ видѣть собравшихся здѣсь и сердечно привѣтствовать эрцгерцоговъ, принцевъ моего дома, многихъ высокихъ князей церкви, представителей знатныхъ фамилій государства и лицъ, назначенныхъ мною важнѣйшими членами верхней палаты, привѣтствую также и васъ гг. депутаты! Я еще радостно взволнованъ многими благодарственными адресами, доставленными мнѣ изъ среды сеймовъ. Эти выраженія прямодушія и патріотизма служатъ мнѣ ручательствомъ, что я могу видѣть въ васъ вѣстниковъ, присланныхъ ко мнѣ этими собраніями для того, чтобъ возвѣстять отъ радное согласіе во всѣхъ частяхъ имперіи, служащее порукою за будущность, полную надежду, которую мы желаемъ упрочить какъ взаимнымъ довѣріемъ, такъ и прямодушіемъ и искренностію нашихъ дѣйствій.

Я твердо убѣжденъ, что свободныя учрежденія подѣ благо-разумною защитою основнаго закона о политическихъ правахъ всѣхъ народовъ имперіи, о равенствѣ всѣхъ гражданъ передъ закономъ, объ участіи представителей націи въ законодательномъ

собраніи, поведуть къ благотворнымъ преобразованіямъ во всѣхъ частяхъ соединенной монархіи.

Мы должны стараться осуществить принципы эти, при помощи Божіей, въ смыслѣ диплома 20 октября прошедшаго года и въ смыслѣ основнаго закона 26 февраля текущаго года. Игнѣ въ виду эту цѣль, я предпринялъ политическое устройство имперіи на основаніи независимаго положенія областей, сколько это совмѣстно съ единствомъ, необходимымъ для поддержанія монархіи, для чего я и обратился и утвердилъ уже испытанныя конституціонныя формы правленія съ участіемъ въ немъ народныхъ представителей по законодательной части.

Я хочу, сообразно съ началами откровенной и либеральной политики, вести это дѣло къ правильному его развитію во всѣхъ частяхъ имперіи, на основаніи права и справедливости и съ оглядкою на прошедшее отдѣльныхъ королевствъ и областей, а также съ одинаковою любовью и заботливостію о каждой изъ множества благородныхъ націй, братски-соединенныхъ уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ подъ скипетромъ моего дома.

Теперь почти во всѣхъ областяхъ не только что устроены конституціоннымъ порядкомъ, но даже и собраны сеймы. Они составляютъ уже не задачу, но дѣло. Посредствомъ правильныхъ повтореній сеймовыхъ собраній, дѣло это, годъ отъ году, будетъ получать ббольшую прочность, такъ какъ лучшее и вѣрнѣйшее обезпеченіе идеи есть ея осуществленіе.

Такимъ образомъ, всѣ области будутъ говорить со мною черезъ своихъ представителей, а чрезъ эти непосредственныя сношенія я буду въ точности знать о томъ, что онѣ признаютъ для себя благотворнымъ, и тогда сдѣлается возможнымъ водворить полезныя учрежденія и издавать законы, которые удовлетворяли бы потребностямъ и желаніямъ народовъ. Въ этомъ году, однако, столь счастливо начавшаяся дѣятельность сеймовъ не можетъ болѣе проявиться, такъ какъ вслѣдствіе необходимости, лежащей на государственномъ совѣтѣ — разрѣшить настоятельныя вопросы, имѣющіе общій интересъ, — приходится въ настоящее время распустить сеймы.

Не будемъ скрывать трудность тѣхъ задачъ, которыя подлежатъ нашему разрѣшенію. Мы должны показать міру, что политическія, національныя и религіозныя разногласія, которыя встрѣчаются и сталкиваются въ предѣлахъ австрійской монархіи, не составляютъ такихъ препятствій къ разсудительному соглашенію, которыя нельзя было бы преодолѣть при посредствующемъ вліяніи подвигающей впередъ цивилизаціи, а также при помощи взаимной уступчивости и примирительныхъ чувствъ.

Государство, правительство котораго поставляетъ своимъ долгомъ защищать каждую національность и вводить въ законныя и взаимныя отношенія отдѣльныхъ племенъ имперіи начало тер-

ности, не только благопріятствуетъ свободному развитію національнаго благоденствія, но и представляетъ еще вѣрное руководство за такое независимое и твердое положеніе государства, которое съ одной стороны порождаетъ довѣріе внутри, а съ другой—устраняетъ всякое опасеніе извнѣ; потому что такое государство, при подобномъ положеніи, старается избѣгнуть возбужденія страстей, обнаруживающихся обыкновенно послѣ наступательныхъ войнъ.

Въ манифестѣ моемъ отъ 20 октября я выразилъ, что я вѣрю расудительности и патриотическому усердію моихъ народовъ счастливое развитіе и упроченіе учреждений, мною дарованныхъ, или мною возобновленныхъ. Я убѣжденъ, что вы представите собою примѣръ, достойный подражанія, относительно дѣятельности и самообладанія, соответственнаго началу терпимости; и тогда вы, къ концу собранія, увидите, что вы и сами укрѣпились на вашемъ мѣстѣ и почувствуете, что вы почтены благодарностью и отъ государя и отъ родины. Вы приобретете также и сочувствіе всѣхъ тѣхъ, которые видятъ въ утвержденіи конституціоннаго порядка новый залогъ могущества и благоденствія родной земли.

Я вправѣ надѣяться, что вопросъ о представительствѣ королевствъ Венгерскаго, Кроатскаго и Славонскаго, а также и великаго княжества Трансильванскаго, скоро будетъ рѣшенъ въ имперскомъ совѣтѣ благопріятнымъ образомъ, въ духѣ тѣхъ собственноручныхъ моихъ повелѣній отъ 26 февраля, которыя къ нимъ относятся. Въ этомъ случаѣ, полагаюсь съ одной стороны на правоту дѣла, а съ другой стороны на расудительность моихъ народовъ, которая, конечно, съумѣетъ взять перевѣсъ и преодолѣть всѣ препятствія и всѣ затрудненія. Они не обманутъ, но оправдаютъ на дѣлѣ мои ожиданія, когда поймутъ истинное положеніе дѣла и необходимость, а также и преимущества дарованныхъ мною учреждений. Какъ всегда, такъ и теперь они останутся вѣрны ихъ законному государю, и я съ удовольствіемъ буду видѣть представителей всей монархіи собравшихся вокругъ моего трона.

Я предаюсь надеждѣ, что мы безъ перерыва будемъ пользоваться благословеніями мира. Европа сознаетъ потребность въ отдыхѣ, вслѣдствіе потрясеній послѣднихъ лѣтъ; она считаетъ необходимымъ возстановить равновѣсіе и употребить всѣ свои силы для улучшенія своего внутренняго устройства. Твердая повсѣдневность такого чувства налагаетъ на государства обязательство не подвергать никакимъ опасностямъ драгоценныхъ благодѣяній мира. Австрія сознаетъ такое обязательство и убѣждена, что его признаютъ также и другіе державы. Итакъ, мы тѣмъ успѣшнѣе можемъ предаваться трудамъ, клонящимся къ утвержденію новой эпохи благоденствія, посредствомъ развитія всей нашей дѣя-

тельности, направленной на умственные и материальные интересы на усиление земледельческой производительности, промышленности и торговли.

Министерство мое сообщить вамъ бюджеты на будущій годъ изъ нихъ вы увидите продолженіе усилій для того, чтобы возстановить равновѣсіе въ финансовой экономіи государства. Однако эта, такъ упорно преслѣдуемая, цѣль, не могла быть еще достигнута по извѣстнымъ вамъ обстоятельствамъ. Но скорое осуществленіе національнаго самоуправленія общинъ и сокращеніе военной силы, въ виду возстановленія правильныхъ международныхъ отношеній, — позволяютъ рассчитывать на значительно облегченіе государственнаго бюджета и на возстановленіе равновѣсія въ государственныхъ финансахъ.

Такъ какъ мое правительство намѣревается ввести желанныя измѣненія въ нѣкоторыхъ отрасляхъ податной системы, то вамъ имѣютъ быть сообщены проекты закона по этому предмету. Вместе съ этимъ вамъ будутъ представлены отчеты за 1860 г и оправданіе финансовыхъ мѣръ, постановленныхъ по причинѣ ихъ настоятельности, безъ согласія со стороны государственнаго совѣта. Я поручаю вашему просвѣщенному разсмотрѣнію и зрѣлому обсужденію предложенія, касающіяся опредѣленія отношеній между государствомъ и національнымъ банкомъ, — отношенія которія въ особенности должны упрочить независимость послѣдняго.

Еще другія важныя дѣла, частью подлежащія общему совѣту имперіи, частью нѣкоторымъ его отдѣламъ, должны обратит на себя ваше вниманіе и быть предметомъ вашего зрѣлаго сужденія, такъ какъ я уже приказалъ сообщить вамъ относящіеся къ нимъ проекты законовъ.

Историческіе періоды, во время которыхъ народы сужденіи идти впередъ по проложенному для нихъ пути, прерываются въ временахъ, въ теченіе столѣтій, рѣшительными переворотами. Что касается до насъ, то намъ не дано счастья жить въ спокойное безоблачное время. Провидѣнію угодно было возложить на насъ обязанность преодолѣть, для блага отчизны, одинъ изъ самыхъ важныхъ кризисовъ. Такія дѣла не совершаются безъ усилій и мужественной настойчивости, а также безъ пожертвованія кровью и имуществами, — но имъ необходимо совершиться.

Вы, господа, — я въ этомъ увѣренъ, — изъясните полную готовность оказать мнѣ содѣйствіе съ той старой австрійскою вѣрностью, съ тѣмъ самоотверженіемъ и съ тою преданностію, которія всегда обнаруживались у всѣхъ племенъ имперіи въ самыя затруднительныя времена самымъ блистательнымъ образомъ и служили доказательствами ихъ благопріятныхъ чувствъ. Мои вѣрные народы, въ адресахъ, недавно до меня дошедшихъ энергически высказали мысль, что необходимо поддерживать

тѣ условія, которыя служатъ основою единства для всѣхъ земель моей имперіи. Я признаю долгомъ—принятымъ мною на себя передъ всѣми моими народами и формально подтвержденнымъ въ моихъ постановленіяхъ, основанныхъ на духѣ тѣхъ идей, которыя выражены мною въ дипломѣ отъ 20 октября минувшаго года и которыя осуществлены въ основныхъ законахъ отъ 28 февраля текущаго года — охранять моею императорскою властью единообразное устройство, какъ неприкосновенную основу, единой и нераздѣльной моею имперіи, согласно присягѣ, принятой мною въ торжественный часъ. Я твердо намѣренъ считать ея нарушение покушеніемъ противъ безопасности монархіи и противъ правъ всѣхъ моихъ земель и народовъ и энергически подавлять его. А такъ какъ мы не преминемъ способствовать общему дѣлу, каждый во мѣрѣ своихъ силъ, то и молимъ Бога благословить наше предпріятіе, привести его къ желанному концу и защитить и охранить своею всемогущею силою противъ всѣхъ и каждаго, королю, государству, народы и ихъ представителей».

Императоръ читалъ свою рѣчь твердымъ и яснымъ голосомъ, съ особенными удареніями на нѣкоторыхъ словахъ. Во время чтенія императоръ былъ съ непокрытою головою и двадцать разъ рѣчь Франца-Иосифа была прерываема рукоплесканіями и одобрительными восклицаніями, раздававшимися во всѣхъ концахъ залы.

Вечеръ этого дня заключился торжественной иллюминаціей Вѣны и ѣздой императора въ открытой коляскѣ по улицамъ столицы, въ сопровожденіи густой толпы народа, привѣтствовавшей его радостными кликами. Массы народа явились послѣ этого вдоль окнами министра Шмерлинга и депутата Шуселки, для выраженія имъ общаго сочувствія.

Надобно замѣтить, что редація императорской рѣчи была предметомъ обсужденія въ совѣтѣ министровъ. Совѣтъ министровъ собирался два дня сряду, и каждый разъ засѣданіе его было продолжительно. Особенности и при томъ весьма оживленные пренія возникали между министрами на счетъ тѣхъ частей тронной рѣчи, которыя касались Венгріи.

Послѣ перваго восторга, которому такъ легко предается большинство, рѣчь Франца-Иосифа потеряла свое первоначальное обаяніе. Мысль объ отсутствіи значительной части представителей и слова императора о предстоящихъ пожертвованіяхъ кровью и мучествомъ должны были, послѣ первыхъ порывовъ восторга, произвести не слишкомъ утѣшительное впечатлѣніе. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ между прочимъ и то, что фонды на вѣнской биржѣ послѣ императорской рѣчи, возвѣщавшей миръ и спокойствіе, не только что не поднялись, а напротивъ упали еще ниже.

Видѣть съ этииъ родились въ публикѣ вопросы объ отвѣст-

венности министровъ и объ ихъ особыхъ распоряженіяхъ въ то время, когда государственный совѣтъ не бываетъ въ сборѣ. Къ этому присоединились вопросы о правѣ депутатовъ выражать ихъ мысли, не подвергаясь възвѣжанію, объ измѣненіи законодательства по уголовной и гражданской части, а также и насчетъ постановленій о книгопечатаніи; а между тѣмъ въ тронной рѣчи не видно прямыхъ упоминаній о реформахъ по этимъ частямъ.

По рукахъ депутатовъ, находящихся въ Вѣнѣ, ходила, какъ сообщала газета «Presse», запросъ, который они хотѣли предположить въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій второй палаты, и который состоитъ въ слѣдующемъ: «Правда ли, что дониндѣ продолжаютъ ссылки на жительство по распоряженіямъ, сдѣланнымъ прежнимъ министерствомъ? Правда ли, что подобной ссылкой могутъ подвергнуться и тѣ граждане, которые выбраны въ члены сеймовъ? Спрашивается также, на какихъ законныхъ постановленіяхъ основаны подобныя ссылки по одному только полицейскому распоряженію? Наконецъ, когда министерство намѣрено представить прозектъ закона о безотвѣтственности и о неприкосновенности депутатовъ?»

Подобнаго рода вопросы весьма могли явиться при настоящемъ положеніи Австріи и при употребленіи тамошнимъ правительствомъ мѣръ, не совсѣмъ соответственныхъ конституціонному порядку. Такъ одна изъ лембергскихъ газетъ получила строгое предостереженіе, за возбужденіе юношества противъ установленнаго порядка и за поддержаніе въ немъ стремленій, вредныхъ для цѣлости имперіи и несовмѣстныхъ съ поддержаніемъ спокойствія и общественнаго порядка. Кроме того, лембергская полиція конфисковала цѣлое изданіе одного номера другой лембергской газеты, содержавшаго въ себѣ статью, имѣвшую, во мнѣнію полиціи, цѣлю возбудить недовѣріе къ учрежденіямъ и реформамъ австрійскаго правительства.

Между тѣмъ на другой день по прочтеніи тронной рѣчи, въ австрійскихъ палатахъ начались пренія объ адресѣ на эту рѣчь. Первые прозекты адресовъ, представленные палатамъ, заключали, между прочимъ, въ себѣ желаніе, чтобы представители Венгрии явились въ Вѣну, чтобы въ адресѣ императору были выражены духъ миролюбія и готовность соединенія, но чтобы вмѣстѣ съ этимъ было упомянуто еще о томъ, что народы, вѣрные императору, готовы поддержать единство и цѣлость имперіи всевозможными пожертвованіями.

Вмѣстѣ съ этимъ въ верхней палатѣ возникъ вопросъ, нужно ли допустить публичныя пренія объ адресѣ, или вести ихъ при закрытыхъ дверяхъ. Вся верхняя палата, за исключеніемъ одного только голоса, принадлежащаго графу Антонію Ауэрсбергу (Анастасію Грюну), постановило послѣднее. Одинъ изъ членовъ верхней палаты, графъ Гартохъ, чтобы поддержать предложеніе

о забывучести палаты при составленіи адреса, замѣтилъ между прочимъ, что будетъ весьма неловко, если императоръ узнаетъ содержаніе адреса черезъ газеты, прежде нежели самый адресъ будетъ поднесенъ ему. По поводу этого толкованія, одна изъ газетъ сдѣлала слѣдующее замѣчаніе: «развѣ императору нужно читать газеты для того, чтобъ знать что дѣлается въ первой палатѣ? впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ конституціонные государи походятъ нѣсколько на отцовъ семействъ, которые дѣлаютъ видъ, будто они ничего не знаютъ о сюрпризахъ, приготовленныхъ ко дню ихъ рожденія или именинамъ.»

Одновременно съ вопросомъ объ адресѣ въ палатѣ депутатовъ, одинъ изъ ея членовъ, докторъ Мюльфельдъ, подкрѣпленный г. Ригеромъ и нѣсколькими другими своими сотоварищами, пригласилъ министерство объявить, какія мѣры приняло правительство въ ожиданіи выборовъ въ члены императорскаго совѣта въ Венгріи, Кроаціи и Трансильваніи, и что оно намѣрено сдѣлать для того, чтобы эти земли отправили отъ себя представителей въ императорскій совѣтъ. На такой запросъ г. Шмерлингъ сказалъ, что онъ будетъ въ состояніи объявить, дастъ ли онъ отвѣтъ на этотъ запросъ или нѣтъ, только тогда, когда онъ будетъ сообщенъ ему письменно.

Надобно полагать, что такая уклончивость перваго министра не представляетъ ничего болѣе, какъ только нерѣшительность правительства на счетъ того, какъ дѣйствовать въ отношеніи Венгріи. Безъ всякаго сомнѣнія, г. Шмерлингъ желаетъ выиграть въ настоящемъ случаѣ нѣсколько времени для того, чтобы формулировать свой отвѣтъ, съ согласія императора, въ самыхъ основательныхъ выраженіяхъ.

Въ добавокъ въ затронутому въ палатѣ депутатовъ вопросу о Венгріи явилась въ Вѣнѣ небольшая брошюра, написанная однимъ изъ членовъ палаты, вождемъ богемской партіи. Авторъ этой брошюры настойчиво обвиняетъ Венгрію за ея стремленія въ законамъ 1848 года, находя, что такое стремленіе венгерцевъ раздѣляетъ имперію на два враждебные стана. По мнѣнію автора этой брошюры, теперешняя Австрія должна быть, «австрійскою державой» не дѣлаясь исключительно державой венгерской, итальянской или славянской.

Что же касается собственно составленія адресовъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь, то такой адресъ былъ составленъ въ верхней палатѣ прежде, нежели въ палатѣ депутатовъ. Засѣданія объ этомъ въ верхней палатѣ не были бурны. Только князь Сальмъ и графъ Тунъ, дѣйствуя въ духѣ меньшаго числа своихъ сочленовъ, именно 18, заявили себя противъ конституціи 20 октября и предлагали благодарить императора только за дипломъ 26 февраля. Многіе ораторы весьма дѣльно выразились противъ такой особенности взгляда на нынѣшнія учрежденія Австріи.

Слово «конституціонный» введенное въ проектъ адреса, тоже сдѣлалось предметомъ споровъ въ верхней палатѣ; но, послѣ продолжительныхъ преній, оно было удержано на томъ основаніи, что и самъ императоръ въ своей тронной рѣчи употребилъ нѣсколько разъ подобное выраженіе.

Въ палатѣ депутатовъ пренія объ адресѣ продолжались восемь часовъ сряду. Пренія объ этомъ предметѣ не только были оживленныя, но и жаркія. Въ особенности они приняли послѣдній характеръ тогда, когда дѣло коснулось параграфа на счетъ поддержанія единства и цѣлости австрійской монархіи. Въ преніяхъ по этому дѣлу чехи и поляки, а также нѣкоторые изъ защитниковъ сословныхъ преимуществъ, высказали множество мнѣній, проникнутыхъ стремленіемъ къ федеральной монархіи. Впрочемъ такого рода мнѣнія, по большинству голосовъ, были признаны неосновательными.

Мы не будемъ приводить здѣсь адреса ни верхней палаты ни палаты депутатовъ; мы не станемъ даже дѣлать изъ нихъ извлеченій, такъ какъ въ сущности оба адреса представляютъ только полное одобреніе тронной рѣчи и выражаютъ признательность къ государю, даровавшему своей имперіи новыя учрежденія.

Сравнивая однако выраженія обоихъ адресовъ о предметахъ затронутыхъ рѣчью Франца-Иосифа, нельзя не замѣтить, что адресъ верхней палаты гораздо сильнѣе настаиваетъ на мысли о необходимости прочнаго единства имперій, нежели это дѣлаетъ адресъ палаты депутатовъ, въ которомъ выставляется на первый планъ важность провинціальныхъ сеймовъ, такъ живо напоминающихъ о разнородномъ составѣ австрійской монархіи. Кроме того, адресъ первой палаты выражаетъ, что необходимости поддерживать согласіе должно прекращаться тамъ, гдѣ являются требованія чести и условія политическаго значенія великой державы; между тѣмъ какъ палата депутатовъ, не толкуя вовсе объ этихъ щекотливыхъ и неопредѣленныхъ предметахъ, просто-напросто замѣчаетъ, что она готова защищать Австрію противъ всякаго нападенія.

Подобное же не-совсѣмъ сходное настроеніе обоихъ палатъ, видно также и изъ заключительныхъ словъ въ обоихъ адресахъ. Верхняя палата объявляетъ свое намѣреніе пожертвовать «кровью и имуществомъ», для защиты единства имперіи, провозглашеннаго дипломомъ 26-го февраля, и присовокупляетъ, что императоръ, показавъ свое милосердіе, можетъ быть теперь твердъ, непоколебимъ и силенъ». Вторая палата не высказываетъ такихъ громкихъ фразъ и довольствуется простымъ замѣчаніемъ, что она «всегда останется вѣрною его величеству.»

Очень понятно, что не слѣдовало бы вовсе останавливаться на такихъ діалектическихъ заключеніяхъ, если бы они не явля-

лись въ адресахъ, не только по зрѣломъ размышленіи, но и послѣ жаркихъ споровъ ихъ составителей между собою, о каждой фразѣ, о каждомъ словѣ. При такомъ условіи своего составленія, австрійскіе адреса довольно ясно представляютъ въ общихъ чертахъ образъ мыслей, господствующій въ вѣнскихъ палатахъ.

Очень естественно, что члены верхней палаты, обязанные своимъ положеніемъ, исключительно воли и благосклонности императора, должны поддерживать всѣ его стремленія къ сохраненію единства имперіи, во что бы то ни стало, и кровью, и имуществомъ, и твердостью, и непоколебимостію, и силою. Между тѣмъ, какъ члены палаты депутатовъ, обязанные своимъ званіемъ только довѣрію своихъ согражданъ, признаютъ своимъ долгомъ поддерживать прежде всего мѣстныя стремленія своихъ довѣрителей, а между тѣмъ,—главное стремленіе послѣднихъ, не смотря даже на веретѣну, происшедшую въ системѣ дѣйствій австрійской политики,—еще далеко отъ той восторженности, по поводу монархическаго единства, которое вызываетъ на добровольныя пожертвованія имуществомъ и кровью.

II.

Процессъ по поводу брошюры, написаной герцогомъ Омальскимъ.

Извѣстно, что императоръ Наполеонъ III придаетъ большое значеніе политическимъ брошюрамъ, видя въ нихъ средство для проведенія въ общественное мнѣніе такихъ идей, которыя сходятся съ направленіемъ и цѣлями его внутренней и внѣшней политики и для пораженія такихъ, которыя не согласны съ его собственными воззрѣніями. Уже не разъ брошюры, касавшіяся императорской политики и не безъ основательно приписываемыя диктовкѣ самого императора, дѣлали много шума и во Франціи и за границей. Въ настоящее же время и противники императорскаго правительства взяли съ своей стороны за подобный образъ дѣйствій на общественное мнѣніе посредствомъ брошюръ, и самой шумной попыткой со стороны партіи непріязненной правительству, была брошюра, изданная въ Парижѣ герцогомъ Омальскимъ, однимъ изъ сыновей короля Людовика-Филиппа. Брошюра эта явилась подъ заглавіемъ: «Lettre sur l'histoire de France.»

Брошюра герцога была отвѣтомъ на рѣчь, сказанную въ законодательномъ собраніи принцемъ Наполеономъ, громившую преимущественно порядокъ дѣлъ въ старинныхъ монархіяхъ. Обѣ стороны затронутыя — одна рѣчью, а другая брошюрой

сочли себя какъ сообщали газеты, оскорбленными и между авторомъ рѣчи и авторомъ брошюры дѣло готово было дойти до дуэли. Впрочемъ съ своей стороны принцъ Наполеонъ просилъ письменно императора, чтобы онъ дозволялъ брошюрь герцога Омальскаго обращаться по Франціи; вмѣстѣ съ этимъ принцъ принималъ на себя обязанность написать такой на нее отвѣтъ, который бы изобличилъ клеветы герцога и уничтожило бы то несприятное впечатлѣніе, какое неизбежно долженъ былъ произвести памфлетъ, направленный противъ того, кто имѣетъ много враговъ и по своему административнымъ дѣйствіямъ и по своимъ политическимъ мнѣніямъ.

Императоръ не призналъ однако удобнымъ расшустить по Франціи брошюру герцога Омальскаго и отклонилъ вызовъ своего двоюроднаго брата касательно составленія отвѣта.

Вслѣдствіе отказа императора, дѣло о конфискованной брошюрь герцога Омальскаго пошло судебнымъ порядкомъ, изъ чего и возникъ процессъ въ судѣ исправительной полиціи.

Утромъ въ 4 часа потянулася въ судъ полиціи исправительной вереница адвокатовъ, изъ нихъ г. г. Гебертъ и Дюфоръ должны были явиться защитниками обвиняемыхъ: издателя брошюры г. Дюминре и типографика Бо. Обвиненія этихъ подсудимыхъ были по видимому далеко не шуточные, потому что президентъ суда обвинилъ перваго, «въ возбужденіи чувства ненависти и презрѣнія къ правительству», а втораго въ томъ, что онъ «своими типографическими станками содѣйствовалъ возбужденію этого чувства.»

На такое обвиненіе оба подсудимые отвѣчали, что они признаютъ себя участниками въ изданіи брошюры, подвергнувшейся запрещенію и преслѣдованію. Послѣ чего императорскій адвокатъ Дюкре прочиталъ слѣдующій обвинительный актъ:

«Политическія обстоятельства, среди которымъ мы живемъ, началъ г. Дюкре, породили, нѣсколько времени тому назадъ, обильное количество брошюръ. Многія изъ этихъ сочиненій съ живостію напали на дѣйствія и поступки правительства и нападенія допущены со стороны послѣдняго безъ стѣсненія. Правительство хотѣло, чтобы истина брызнула изъ всѣхъ этихъ противорѣчій, какъ-бы они пристрастны ни были.

Однако въ послѣдніе дни явилася такая брошюра, которая не удерживалась отъ нападеній на императорское правительство въ самой его основѣ. Сочиненіе это вызвало противъ себя преслѣдованіе, составляющее теперь предметъ нашего занятія. Блюстили закона ни-какъ не могли позволить, чтобы законъ былъ оскорбленъ такъ позорно. Правительство, трижды единодушно провозглашенное націей, не могло дозволить, чтобы производили нападеніе на его основу, т. е., на націю. Бездѣйствіе въ подобномъ случаѣ было-бы признакомъ слабости.

Съ перваго раза, продолжалъ г. Дюкре, судя по заглавію и по подяси, надобно было полагать, что упомянутая брошюра была ничто иное, какъ только простой отвѣтъ на рѣчь, произнесенную въ сенатѣ, но вскорѣ чтеніе первыхъ страницъ этого сочиненія должно было убѣдить, что оно есть ни что иное, какъ только памфлетъ, какъ только манифестъ политическаго характера. По этой причинѣ и нельзя было согласиться съ желаніемъ его императорскаго высочества, принца Наполеона, который хотѣлъ, чтобъ одно только общественное мнѣніе было судомъ нападеній, высказанныхъ въ этомъ манифестѣ, и который выразилъ такое желаніе въ своемъ письмѣ, напечатанномъ въ «Монитерѣ.»

Переходя потомъ къ оцѣнкѣ брошюры герцога Омальскаго, президентъ суда сдѣлалъ о ней слѣдующій отзывъ:

«Мы не будемъ разсматривать здѣсь, сказалъ онъ, вслѣдствіе какова печальнаго вдохновенія, по поводу простаго намеса, одинъ изъ принцевъ орлеанской фамиліи вздумалъ напасть не только на систему правительства, но и на государя, который служить ея представителемъ и на императорскую фамилію. Мы не будемъ также разыскивать, подъ какими, еще болѣе печальнымъ вдохновеніемъ, авторъ брошюры попытался оправдать память Филиппа-Равенства.

Что-же касается обвиняемыхъ, участниковъ преступленія, то они люди опытные въ своемъ ремеслѣ, они хладнокровно сдѣлались эхомъ самыхъ ожесточенныхъ политическихъ страстей, они бросили въ среду публики сочиненіе, которое должно было произвести волненіе умовъ. Безъ всякаго сомнѣнія они захотѣли принять участіе въ тѣхъ страстяхъ, которыми предаются они сами, но вмѣстѣ съ тѣмъ они хотѣли и денегъ, и кромѣ того при изданіи брошюры они имѣли въ виду то, чѣмъ рисовали.

Принципы ихъ преступны; они высказываются въ послѣднемъ параграфѣ брошюры, гдѣ авторъ, указывая на дурную дорогу, по которой идетъ настоящее правительство, говоритъ, что когда вѣбодъ вся страна, встанетъ какъ одинъ человѣкъ, и спроситъ государя, виновника всѣхъ угнетающихъ ее бѣдствій: «Что вы сдѣлали съ Франціей?»

Обвинивъ такимъ образомъ и брошюру герцога Омальскаго и участниковъ въ ея изданіи, президентъ въ слѣдующихъ фразахъ опредѣлилъ настоящее положеніе Франціи.

«Франція представляетъ нынѣ картину спокойствія, сознающаго свои силы и если бы захотѣли сдѣлать сравненіе, то въ противоположность этому зрѣлищу мы привели бы въ примѣръ положеніе Франціи подъ тѣмъ правительствомъ, которое съ такой любовью восхваляетъ авторъ брошюры, называя его «тихимъ движеніемъ либеральныхъ учреждений.» Въ ту пору мы встрѣтимъ

только кровавые возмущения, возстаніе Вапдей, провозглашеніе осаднаго положенія и разладъ между личнымъ мнѣніемъ и мнѣніемъ народныхъ представителей.»

Въ подтвержденіе же возмутительнаго направленія разсматриваемой брошюры президентъ сослался на то мѣсто, въ которомъ авторъ говоритъ о неисполненіи виллафранкскихъ и бордосскихъ обѣщаній. Къ этому, замѣтилъ президентъ, авторъ прибавляетъ «я знаю, что исполненіе данныхъ обѣщаній не считается въ числѣ добродѣтелей, трогательное соединеніе которыхъ представляетъ въ себѣ фамилія Бонапарте; и тѣ, которымъ дано было столько обѣщаній, поступать очень благоразумно, если будутъ держать себя на сторожѣ.»

Послѣ этого, императорской адвокатъ доказалъ несправедливость этого оскорбительнаго мѣста, замѣтивъ что императорское правительство сдержало по возможности всѣ свои обѣщанія. Развѣ наша армія не въ Римѣ? Развѣ не мы поддерживаемъ главнѣйшее католичество? спросилъ между прочимъ г. Дюкре.

Судебный протоколъ, изъ котораго мы заимствуемъ настоящія свѣдѣнія, не говоритъ о томъ, что отвѣчали присутствующіе и такіе щекотливые и смѣлые запросы императорскаго адвоката но приводитъ только строки, подвергшіяся самому тяжелому обвиненію. Въ этихъ строкахъ сказано слѣдующее:

«...Когда нація, когда каждый французъ будетъ пользоваться тою же безопасностью, тою же свободою и тою же неприкосновенностью, тогда въ главѣ нашей конституціи можно будетъ помѣстить принципы 89 года, очищенные отъ утопій 91 года отъ преступленій 93 года и отъ лицемерія иного времени.»

Въ опроверженіе этого слишкомъ явнаго и оскорбительнаго намека императорскій адвокатъ сослался въ общихъ фразахъ на президента государственнаго совѣта и на тѣ мѣры, которыя принимала нѣкогда свободная Англія, когда ей нужно было охранять Ганноверскій домъ отъ притязанія Стуартовъ, составившихъ за границей заговоры противъ правительства, учрежденнаго въ Англіи по народному желанію.

«Четвертый параграфъ брошюры, сказано далѣе въ обвинительномъ актѣ, укоряетъ императорское правительство въ притворствѣ: такъ какъ оно въ тоже самое время льститъ и католикамъ и восторженнымъ приверженцамъ итальянской революціи. Этотъ же параграфъ замѣчаетъ, что императорское правительство, въ виду Европы играетъ комедію, возвращая свободу слова народнымъ представителямъ Франціи.»

Вслѣдствіе этого, сославшись на рѣчь г. Билльо, въ которой оправдывается политика императорскаго правительства правительственный адвокатъ напомнилъ слушателямъ о лицемѣрной политикѣ, которой слѣдовалъ отецъ герцога въ 1844 году; г. Дюкре напомнилъ о томъ, какъ египетскій паша, по-

згаясь на обѣщаніе Франціи, отвергъ ультиматумъ, предложенный ему Портою, но какъ между тѣмъ, вслѣдствіе тайныхъ сдѣлокъ между Константинополемъ и тюильрійскимъ кабинетомъ, Франція внезапно отказалась отъ обѣщаннаго ею пашѣ посредничества и отдала его въ руки султана. Въ добавокъ къ этому г. Дюкре замѣтилъ, что при орлеанскомъ правительствѣ Франція отказалась отъ значенія первенствующей европейской державы, допустивъ сжечь Бейрутъ въ виду французскаго флота. «И при такихъ воспоминаніяхъ, добавилъ ораторъ, осмѣливаются обращаться къ настоящему правительству съ слѣдующимъ угрожающимъ вопросомъ, «что сдѣлали вы изъ Франціи! «Мы сдѣлали изъ нея націю, которая гордится своимъ правительствомъ и которая имѣетъ къ нему справедливое довѣріе.»

Послѣ этого заключенія защитникъ г. Дюминре, г. Дюфоръ, началъ свою рѣчь замѣчаніемъ, что брошюра, пущенная въ публику его кліентомъ, не произвела вовсе того ужасающаго, общаго впечатлѣнія, которое приписываетъ ей обвинительный актъ президента. Замѣчаніе это г. Дюфоръ основалъ на томъ обстоятельстве, что, не смотря на продажу брошюры герцога на самомъ бойкомъ мѣстѣ въ Парижѣ, правительство не тотчасъ распорядилось объ ея конфискованіи. Затѣмъ г. Дюфоръ, оставляя на время въ сторонѣ вину своего кліента, принялся съ жаромъ защищать Орлеанскихъ принцевъ противъ сравненія ихъ съ заговорщиками—Стуартами, сравненія, сдѣланнаго императорскимъ адвокатомъ.

«Я слышалъ какъ здѣсь сравнили Орлеанскихъ принцевъ съ Стуартами, составлявшими заговоры за границей, сказалъ г. Дюфоръ. Но развѣ въ жизни первыхъ есть хоть одинъ поступокъ, оправдывающій подобныя обвиненія, взводимыя противъ принцевъ, которымъ Франція не можетъ сдѣлать ни одного упрека и которые, какъ всѣ это очень хорошо знаютъ, живутъ въ совершенномъ уединеніи, пріютившись около своей матери, которая испытала столько горя, и къ изгнанію которой присовокупился всѣ преслѣдованія, какія только можетъ изобрѣсти человѣческая злоба? Слышали ли когда нибудь ихъ ропотъ? Подавали ли они когда нибудь сигналъ къ заговору? А между тѣмъ ихъ безпрестанно задѣваютъ, и періодическія изданія или люди, бывшіе у нихъ на службѣ и рѣчи, идущія свѣше. Отвѣчали ли они когда нибудь на всѣ эти нападки? Никогда».

Ссылаясь далѣе на литературные труды принцевъ Жуанвильскаго и Омальскаго, г. Дюфоръ замѣчаетъ, что труды эти далеки отъ того, чтобъ чернить императора и правительство и что напротивъ сочиненія принцевъ, напечатанныя въ «Revue de deux Mondes» отличаются спокойнымъ безпристрастіемъ и сочувствіемъ къ славѣ и къ счастью Франціи. Въ нихъ отдается полная справедливость и французскимъ солдатамъ и тѣмъ изъ

французскихъ генераловъ, которые вовсе не принадлежать къ орлеанской партіи.

Далѣе г. Дюфоръ указалъ на то, что въ брошюрѣ герцога Омальскаго даже римскій вопросъ рассматривается авторитетно только религіозной точки зрѣнія, и что въ ней нѣтъ ничего такого о внутренней политикѣ, что могло бы возбудить духъ партій. И за тѣмъ онъ выражается такъ; «чтобъ разрѣшить вопросъ въ простыхъ словахъ; я скажу слѣдующее: на меня нападаютъ, я беру оружіе у одного изъ моихъ друзей, чтобъ защититься, неужели же за одолженіе оружія, въ подобномъ случаѣ будутъ преслѣдовать моего друга?»

Я говорилъ, продолжаетъ г. Дюфоръ, что былъ вызовъ. Вы знаете, что въ засѣданіи сената, происходившемъ 1 марта 1861 года, была сказана весьма важная рѣчь. Ораторъ предлагалъ въ ней разрѣшеніе римскаго вопроса, защищая единство Италіи. Не мнѣ рассматривать какимъ образомъ былъ обсужденъ этотъ вопросъ, но всякій однако пойметъ, что это можно было сдѣлать, не говоря о принципахъ Орлеанскихъ. Что говорили о Бурбонахъ неаполитанскихъ по необходимости,—это понятно, но за чѣмъ же было мѣшать въ пренія Бурбоновъ французскихъ? «Послѣ этого г. Дюфоръ приводитъ изъ рѣчи принца Наполеона то мѣсто, въ которомъ послѣдній говорилъ, что фамилія Бурбоновъ, въ лицѣ Филиппа-Равенство, дала соблазнительный примѣръ раздоровъ. Онъ бы могъ остановиться на этомъ, присовокупивъ г. Дюфоръ, но онъ добавилъ и членами Орлеанскаго дома. Выступъ съ этимъ г. Дюфоръ указываетъ и на то, что рѣчь принца Наполеона не только-что получила огромную гласность, но что в само правительство придадо ей особое значеніе, такъ какъ въ тотъ же день ко всѣмъ префектамъ была отправлена министромъ депеша о томъ, что «принцъ Наполеонъ произнесъ великолѣпную рѣчь, произведшую сильное ощущеніе». Кромѣ того, замѣтилъ г. Дюфоръ рѣчь эту могли читать на всѣхъ церковныхъ дверяхъ, какъ читаютъ обыкновенно императорскія прокламаціи.

«Итакъ, продолжалъ г. Дюфоръ, при этихъ условіяхъ можно ли было говорить: вы имѣете право отвѣчать, даже нападать на принца Наполеона, но только не на правительство?... Отвѣтъ у меня готовъ на это: съ той минуты, когда правительство присвоило себѣ эту рѣчь, сѣтованія на него были справедливы. При томъ, развѣ принцъ не говорилъ во имя правительства, произнося слѣдующія фразы: *мы удивляемся Гарибальди... мы удѣляемъ королю неаполитанскому одно только наше сожалѣніе... мы васъ разстрѣляемъ...* Послушавъ подобныя выраженія можно было подумать, что принцъ Наполеонъ — виновникъ всего того что сдѣлалось въ Италіи, а въ такомъ случаѣ, отвѣчая ему, необходимо было заговорить и о тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ столько участія...»

Искренній смѣхъ слушателей покрылъ эту острую насмѣшку.

За тѣмъ г. Дюфоръ замѣтивъ, что онъ не имѣетъ права сдѣлать сравненіи между императорскимъ правительствомъ и правительствомъ Орлеанскимъ, хотя его и вызываютъ на эту тему—обратился къ президенту съ слѣдующимъ вопросомъ: «развѣ дѣлаетъ тотъ преступленіе, кто говоритъ о правительствѣ, что оно дѣйствуетъ неискренно? Развѣ подобныхъ упрековъ не дѣлаютъ въ Англіи Пальмерстону, въ Сардиніи Кавуру и въ Бельгіи Рожье? Развѣ тамошнія правительства оскорбляются этимъ? Нисколько. Развѣ то, что сказалъ герцогъ Омальскій разнится отъ того, что говорилъ въ законодательномъ собраніи г. Келлеръ, когда онъ замѣчалъ, что наше правительство въ одно и тоже время доставляло нарѣзныя пушки г. Кавуру и корпію королю неаполитанскому?...» Ораторъ въ жару своей рѣчи заходитъ далѣе, когда говоритъ на-прямикъ, что если г. Кавуръ и дѣйствуетъ двусмысленно, то онъ поступаетъ такъ, потому что подражаетъ пріятели Франціи. Къ этому г. Дюфоръ прибавилъ, что хотя онъ и не есть защитникъ герцога Омальскаго, но что онъ ставитъ себя на мѣсто автора брошюры, такъ какъ онъ одинаково съ нею и чувствуетъ и мыслить.

Защитникъ г. Бо, адвокатъ Геберъ защищалъ своего кліента гораздо сокращеннѣе, хотя впрочемъ онъ началъ свое оправданіе съ исторіи древнихъ римлянъ, любившихъ, по словамъ его, политическія пренія. Г. Геберъ, желая развить свою систему защищенія, принялся было читать брошюру почти всю подражая, но президентъ предложилъ ему ограничиться только тѣми мѣстами, которыя подвергались преслѣдованію. Въ отвѣтъ на это, защитникъ г. Бо, прочиталъ отрывокъ изъ одного сочиненія Луи-Наполеона, въ которомъ будущій императоръ проводилъ паралель между правительствомъ своего дяди и правительствомъ Луи-Филиппа. Прочитавъ этотъ отрывокъ, г. Геберъ замѣтилъ, что сочиненіе, на которое онъ сейчасть сослался, безпрепятственно обращалось въ Парижѣ въ 1839 г., вскорѣ послѣ возникнутаго беспорядка, подавленнаго одною только національною гвардіею. «Сочиненіе это принадлежало несчастному изгнаннику, сказавъ въ заключеніе г. Геберъ и за сочиненіе это не беззаконили ни типографшица, ни издателя.»

Однако ни историческія ссылки, ни осязательныя паралели, ни намеки, ни прямое высказываніе истинъ не имѣли успѣха передъ судомъ, который, не смотря на краснорѣчіе адвокатовъ, приговорилъ г. Дюминре къ годичному заключенію и къ пѣни въ 5000 франковъ, а г. Бо къ шестимѣсячному заключенію и къ уплатѣ пѣни въ томъ же количествѣ, которое опредѣлено для его сотоварища.

III.

Нынѣшнія отношенія Венгріи къ австрійской имперіи.

Говоря о появленіи императорскаго диплома отъ 26 февраля нынѣшняго года, мы имѣли случай замѣтить, что венгерскіе комитаты признали его не болѣе какъ только такимъ предложеніемъ австрійскаго императора, которое сеймъ самостоятельнаго королевства венгерскаго можетъ, по своему усмотрѣнію, принять или отвергнуть. Между тѣмъ въ то время, когда Венгрія смотрѣла съ этой точки на австрійскую конституцію, уравнивавшую политическія права всѣхъ областей имперіи въ ущербъ особеннымъ стремленіямъ венгерцевъ, — въ Вѣнѣ собрались обѣ палаты государственнаго совѣта, но для совершенной ихъ полноты не доставало венгерскихъ представителей. Такая уклончивость венгерцевъ отъ сліянія своихъ политическихъ гражданскихъ интересовъ съ общими интересами габсбургской монархіи представляетъ теперь исходную точку, какъ для дѣйствій австрійскаго правительства, такъ и для дѣйствій народнаго венгерскаго представительства, т. е. пештскаго сейма. Въ настоящее время обѣ стороны смотрятъ одна на другую и недоувѣрчиво и непріязненно.

1-го апрѣля въ Пештѣ открылся венгерскій сеймъ, подъ вліяніемъ той общепринятой о Венгріи идеи, что страна эта должна возвратиться къ законамъ 1848 года, далеко не сходящимся съ стремленіями австрійскаго правительства къ единству монархіи, предположенному по плану вѣнскаго кабинета.

Надобно предварительно замѣтить, что венгерцы имѣютъ съ англичанами большое сходство въ томъ отношеніи, что оба эти народа крѣпко стоятъ за каждую букву закона. Поэтому, оставляя даже въ сторонѣ національныя стремленія Венгріи, тамошнее населеніе смотритъ на законы 1848 года, какъ на учрежденія, составленныя по силѣ неотмѣненныхъ формально постановленій, такъ что по мнѣнію его, собственно только законы этого года и должны считаться обязательными для обитателей королевства венгерскаго.

Въ самомъ дѣлѣ венгерскіе законы 1848 года обнимаютъ весь гражданскій бытъ страны. Они заключаютъ въ себѣ тридцать одинъ артикулъ, изъ которыхъ каждый раздѣляется на множество мелкихъ статей. Въ одномъ изъ этихъ артикуловъ въ статьѣ 1-й сказано между прочимъ, что венгерскій сеймъ будетъ собираться сжегодно въ Пештѣ, между тѣмъ Францъ-Иосифъ, вопреки этому положительному постановленію, назначилъ мѣстомъ собранія сейма не Пешть, а Буды. Этого уклоненія было уже на первый разъ достаточно для того, чтобы представители Венгрии не явились тотчасъ на предложеніе императора. Съ отказа многихъ депутатовъ отправиться на сеймъ въ Буды, а не въ Пешть, началось противодѣйствіе венгерцевъ новымъ распоряжкамъ, установленнымъ въ силу императорскаго диплома отъ 26 февраля.

Между тѣмъ въ то время, когда въ Венгріи обнаружилось такое сопротивленіе распоряженіямъ правительства, австрійское министерство, состоящее изъ большинства нѣмцевъ и славянъ, не слишкомъ благоклонныхъ венгерскимъ стремленіямъ, заявило, что оно не намѣрено дѣлать дальнѣйшихъ уступокъ для Венгріи, такъ какъ подобныя уступки будутъ противны принципамъ централизаціи, положенному въ основаніе диплома, изданнаго 26 февраля. По полученіи такого отзыва, венгерскіе депутаты, собравшіеся было въ Пештѣ, дали знать графу Аппони, верховному судѣ (judex curiae) и императорскому комиссару при венгерскомъ сеймѣ, что они ни подѣ какимъ видомъ не отправятся на сеймъ, если только сеймъ будетъ происходить въ Будахъ. Графъ Аппони снесся объ этомъ съ Вѣной и черезъ три дня былъ оттуда полученъ отвѣтъ, до нѣкоторой степени благоприятный для венгерцевъ, такъ какъ императоръ изъявилъ свое согласіе на то, чтобъ сеймъ происходилъ въ Пештѣ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы торжественное его открытіе происходило въ Будахъ, какъ въ императорской резиденціи, тѣмъ болѣе, что въ Пештѣ нѣтъ императорскаго дворца. По поводу этого распоряженія, наличные члены сейма собрались въ залѣ пемтскаго комитета и основываясь на томъ, что новое императорское распоряженіе, удовлетворяя только до нѣкоторой степени законъ 1848 года, положили, что каждому изъ депутатовъ предоставляется на волю ѣхать или не ѣхать на открытіе сейма въ Будахъ, но что во всякомъ случаѣ, по соблюденіи этой формальности, венгерскіе депутаты должны, по силѣ законовъ 1848 года, собраться на сеймъ въ Пештѣ. Такимъ образомъ поѣздка депутатовъ въ Будахъ имѣла видъ добровольной уступки, а не обязательнаго дѣйствія въ силу венгерскихъ законовъ.

Венгерскіе депутаты настояли въ этомъ отношеніи на своемъ, потому что 19 апрѣля они собрались въ Пештѣ. Старѣйшій по лѣтамъ изъ депутатовъ Владиславъ Палочи, открылъ засѣданіе слѣдующими словами: «Сегодня 19 апрѣля; этотъ день— годовщина того дня, когда это величество нашъ король Фердинандъ утвердилъ законы 1848 года, на которыхъ основано благоденствіе нашей родины.»

Такое вступленіе къ занятіямъ сейма ясно выразило взглядъ собранія на нынѣшняго императора австрійскаго, не признаваемаго народными представителями Венгріи въ санѣ короля венгерскаго.

За тѣмъ былъ избранъ настоящій предсѣдатель г. Коломанъ Гейза, который въ свою очередь сдѣлалъ параллель между надеждами венгерцевъ въ 1848 года и настоящимъ положеніемъ Венгріи. Далѣе, сравнивъ Венгрію съ кораблемъ, гонимымъ бурей, но не теряющимъ надежды достигнуть счастливой пристани, г. Гейза сказалъ, что венгерскому сейму предстоятъ

затрудненія двоякаго рода: одни внутреннія, други внѣшнія.

Основные начала въ стремленіи венгрии, по поводу которых не можетъ быть въ этой странѣ никакого разногласія, заключаются, по словамъ г. Гейза, въ стремленіи венгерцевъ къ равенству правъ, къ уваженію законныхъ притязаній, изъясняемыхъ разными національностями на независимость и законное самоуправленіе Венгрии въ предѣлахъ ея территоріи. Рѣчь свою г. Гейза заключилъ изъясненіемъ сожалѣній по поводу отсутствія народныхъ представителей изъ Трансильваніи, Крואціи, Славоніи, Военной Границы и Фіуме, такъ какъ, по его мнѣнію, представители этихъ областей должны имѣть мѣсто на сеймѣ венгерскаго королевства и участвовать во всѣхъ законодательныхъ его учрежденіяхъ.

Мы нарочно привели здѣсь содержаніе этой рѣчи, такъ какъ она въ краткихъ словахъ опредѣляетъ настоящія стремленія венгерцевъ въ ущербъ австрійскому единству.

Кромѣ рѣчи г. Гейза были произнесены рѣчи другими лицами; всѣ эти рѣчи, равно какъ статьи венгерскихъ журналовъ и корреспонденціи изъ Пешта, сообщаемыя въ разныхъ иностранныхъ газетъ, наводятъ на слѣдующія мысли о настоящихъ стремленіяхъ венгерцевъ.

Венгрія хочетъ жить самостоятельною, отдѣльною жизнью отъ прочихъ областей, входящихъ въ составъ имперіи. Желаніе это не истекаетъ изъ одного только стремленія къ либеральнымъ учрежденіямъ, но оно основывается и на неизомытыхъ еще историческихъ преданіяхъ, въ которыхъ хранятся слѣды древней, конституціонной свободы венгерцевъ, рядомъ съ новытками австрійскаго правительства — сокрушать эту древнюю свободу.

Впрочемъ Венгрія не стремится исключительно къ тому, чтобы выйти изъ подъ личнаго вѣковаго господства Габсбургскаго дома, она сама готова поддерживать его династическія права, если только онъ, въ свою очередь, доставитъ королевству св. Стефана первенство передъ всеми областями, входящими въ составъ ихъ въ имперію. Говоря другими словами, венгерцы хотятъ не только возстановленія учрежденій 1848 года, но и перенесенія центра монархическаго тяготѣнія, изъ Вѣны въ Пештъ. Короче, они стремятся къ тому, чтобы императоры австрійскіе были прежде всего венгерскими королями. Само собою разумѣется, что такой династическій переворотъ немислимъ для государей Габсбургскаго дома, считающихъ себя прежде всего мѣстными государями, и смотрящихъ на Венгрію какъ на страну не самостоятельную, но уже издревле присоединенную къ австрійской коронѣ. Несходственность въ воззрѣніяхъ между венгерцами и австрійскимъ правительствомъ угрожаетъ разрывомъ между стра-

вою и верховною властью, и въ послѣднемъ случаѣ Венгрія итакъ надежду явится такой что ей не будетъ страшна оставшая часть австрійской монархіи.

Политическое свое могущество Венгрія основываетъ на томъ, что она можетъ составить независимое государство съ 1¼ милліонами жителей. Обыкновенно считаютъ венгерцевъ не болѣе 5 милліоновъ, но надобно замѣтить, что при мысли объ отдѣленіи отъ Австріи, венгерцы надѣются на то, что на сторонѣ ихъ не только останутся иноплеменные народы, хотя и неслившіеся съ ними по языку, но живущіе съ ними въ перемѣшку въ самой Венгрії, и что кромѣ того, къ самостоятельному королевству венгерскому примкнуть добровольно: Трансильванія, Славонія, Кроація и Военная Граница, какъ такія области, которыя составляли издревле достояніе не австрійской, но собственно венгерской короны.

Но если венгерцы смотрятъ на свое отторженіе отъ Австріи съ этой точки зрѣнія, то вслѣдъ за тѣмъ въ свою очередь австрійскіе нѣмцы и австрійскіе славяне иначе рассуждаютъ объ этомъ дѣлѣ. Они считаютъ соединеніе Венгрії съ прочими областями австрійской имперіи какимъ-то юридическимъ обязательствомъ, подтвержденнымъ ходомъ историческихъ событій въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ и не находятъ возможнымъ тебѣ Венгрія, безъ упорной борьбы, могла достигнуть отдаленнаго политическаго существованія. Пролитая кровь жителей прочихъ областей австрійской имперіи при освобожденіи Венгрії отъ турецкой грозы въ прежнее время, обязываетъ венгерцевъ, по отношенію противниковъ венгерской самостоятельности, къ тѣсному и неразрывному на вѣки союзу съ тѣми, чьи предки спасли ихъ отъ ита оттомановъ! Кромѣ того, нѣмецкіе колонисты, поселившіеся въ Венгрії и содѣйствовавшіе весьма много развитію благосостоянія главныхъ венгерскихъ городовъ Пешта, Офема, Пресбурга, Темешвара и Ольденбурга, имѣютъ свои племенные интересы, защищать которые отъ венгерскаго преобладанія австрійскіе нѣмцы считаютъ своей неизбѣжной обязанностію.

Но кромѣ этихъ вѣдшихъ враговъ, Венгрія должна въ своихъ стремленіяхъ опасаться еще и того, что тѣ народы, на добровольное присоединеніе которыхъ она, какъ мы замѣтили, рассчитываетъ съ такою увѣренностію, пожелаютъ національной самостоятельности, внѣ всякой зависимости отъ венгерцевъ и безъ всякой федераціи съ ними. Событія 1848 года показали возможность подобныхъ стремленій, и если она повторится въ настоящее время, то они неминуемо должны будутъ ослабить силы Венгрії.

Не смотря однако на эти обстоятельства, не слишкомъ благоприятствующія стремленіямъ Венгрії, не подлежитъ, какъ ка-

жется, сомнѣнію и то, что во всякомъ случаѣ возстаніе Венгріи не обойдется дешево для Австріи.

Между тѣмъ члены венгерскаго сейма, собравшись въ Пештъ, пошли далѣе въ своемъ противодѣйствіи австрійскому правительству. Вслѣдствіе настоятельныхъ мѣръ, принятыхъ по распоряженію министерства касательно сбора податей въ Венгріи, пештскій сеймъ объявилъ, что плата податей необязательна для венгерцевъ, потому что настояція подати должно считать незаконными, такъ какъ онѣ не утверждены сеймомъ, тогда какъ на установленіе какихъ бы то ни было податей въ Венгріи исключительное право имѣетъ одинъ только сеймъ. Только угроза венгерскаго канцлера барона Вая, что онъ самъ поднесетъ императору указъ о распущеніи сейма, если послѣдній будетъ противодействовать взиманію податей, побудили сеймъ отнѣхивъ сдѣланное имъ постановленіе. Такимъ образомъ, благодаря барону Ваю, австрійское правительство взяло въ Венгріи временный перевѣсъ надъ сеймомъ по финансовой части. Впрочемъ не одно только письмо барона Вая, но и изъявленное министерствомъ намѣреніе взимать въ Венгріи подати при участіи военной силы содѣйствовали къ отнѣнъ сеймомъ его распоряженія касательно не взноса податей въ императорскую казну.

Въ продолженіе этого времени, въ Вѣнѣ собрался государственный совѣтъ, на который, впрочемъ, какъ мы ужъ говорили, не явились депутаты отъ Венгріи, а также отъ Трансильваніи, Славоніи и Кроаціи, какъ отъ областей, считающихъ себя въ соединеніи не съ австрійскою, но собственно съ венгерскою короною. Такая медлительность венгерцевъ отчасти объясняется ихъ ожиданіемъ, что при открытіи палатъ рѣчь императора или послѣдующія за тѣмъ пренія въ палатахъ обнаружатъ передъ ними, какъ намѣренія австрійскаго правительства, такъ и расположеніе умовъ въ разныхъ областяхъ имперіи и вслѣдствіе этого дадутъ имъ возможность повести свои дѣла сообразно съ ходомъ дѣлъ въ австрійскомъ государственномъ совѣтѣ. Съ другой стороны разрывъ Венгріи съ Австріей выразился еще и въ томъ, что Францъ-Иосифъ не назначилъ ни одного члена изъ венгерцевъ для засѣданія въ верхней палатѣ. Вообще, въ послѣдніе два мѣсяца взаимныя отношенія Венгріи и Австріи, при взаимной ихъ неблагоклонности, представляли нерѣшительность и выжиданія съ обѣихъ сторонъ, что и подавало поводъ разнымъ газетамъ предсказывать одинъ разъ окончательный разрывъ между венгерцами и австрійскимъ правительствомъ, а другой разъ толковать о вѣроятности скорого сближенія между обѣими несогласными сторонами.

Среди этихъ показаній явились три факта сдержавшіе на время рѣшительность венгерцевъ, а именно письмо венгерскаго канцлера, барона Вая, въ которомъ онъ сообщалъ членамъ сейма:

то Венгрія въ случаѣ своего возстанія при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ не должна рассчитывать на поддержку ни со стороны Франціи, ни со стороны Италіи. Почти въ тоже время Кошутъ увѣдомилъ своихъ собратій по сейму, что имъ нечего ждать отъ него въ нынѣшнемъ году. Наконецъ смерть графа Телеки, важная въ томъ отношеніи, что она оставила на нѣсколько времени крайнюю венгерскую партію безъ такого вождя, который бы пользовался ея особеннымъ довѣріемъ.

Въ настоящее время, послѣ самоубійства графа Телеки, во главѣ венгерскаго движенія сталъ извѣстный патріотъ Деакъ, дѣйствовавшій еще въ 1848 году, и мы полагаемъ, что въ добавокъ къ сказанному уже нами, ничѣмъ нельзя такъ хорошо охарактеризовать стремленія большинства въ Венгріи, какъ изложивъ политическую программу Деака, на основаніи которой онъ предложилъ венгерскому сейму составить адресъ для отправки Францу-Иосифу и которую онъ читалъ въ одномъ изъ послѣднихъ собраній сейма.

Сказавъ въ немногихъ словахъ о превратностяхъ и волненіяхъ, испытанныхъ Венгріей, г. Деакъ, опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ настоящее затруднительное положеніе своей родины.

«Въ конституціонной нашей жизни бывала пора, когда государь и народъ не соглашались между собою на счетъ главныхъ вопросовъ общественнаго права; была пора, когда подобныя несогласія перерождались въ печальные раздоры. Но при всемъ этомъ и государь и народъ оставались въ извѣстныхъ предѣлахъ, — предѣлахъ, указанныхъ венгерскою конституціей, дѣйствительность которой признавали постоянно обѣ враждующія стороны. Обѣ онѣ опирались на одинъ и тотъ же законъ, такъ что во всѣхъ случаяхъ причиною распри былъ не самый законъ, но только разногласіе въ его истолкованіяхъ.

Нынѣ, напротивъ, мы не находимся уже въ предѣлахъ, очерченныхъ законами. Дѣло идетъ не о нѣкоторыхъ законодательныхъ вопросахъ, не о духѣ законовъ, но уже о самой конституціи, о дѣйствительности основнаго нашего уложенія.

Намъ хотятъ, продолжаетъ г. Деакъ, дать конституцію, но не ту конституцію, которую у насъ отняли силой, намъ хотятъ дать конституцію новую, чуждую для насъ, намъ хотятъ дать часть той общей конституціи, которая составлена для всей монархіи вообще, но мы не хотимъ имѣть жалованную конституцію, а требуемъ возвращенія нашей древней хартіи, которая не была сдѣлана намъ въ видѣ подарка, но которая была плодомъ взаимныхъ обязательствъ между государями и народомъ и которая служила представительницей нашего національнаго развитія. Мы хотимъ той хартіи, которую мы измѣняли всякій разъ, когда этого требовала необходимость, сообразно съ потребностями времени и которую мы могли бы измѣнять по сво-

ему усмотрѣнью и въ слѣдующиѣ времена; мы хотимъ такой хартии, основныя начала которой выработались въ насъ. На нашей сторонѣ законъ, святость договоровъ, на сторонѣ же нашихъ противниковъ матеріальная сила.»

Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ неблагоприятныхъ для венгерцевъ г. Деакъ совѣтуетъ имъ держаться благоразумія и осторожности.

«Намъ слѣдуетъ разрѣшить два вопроса, говорить далѣе г. Деакъ, а именно: къ кому должны мы обращать то, что хотимъ сказать? Какую форму придадимъ мы результатамъ нашихъ совѣщаній?»

Описывая бѣдственное положеніе Венгріи, въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ, и помянувъ о томъ, что при послѣднихъ правительственныхъ реформахъ и венгерскіе представители призваны къ участию въ государственныхъ дѣлахъ, г. Деакъ продолжаетъ:

«Нашъ первый и самый священный долгъ заключается теперь въ томъ, чтобъ сосредоточить все наши силы и все наши средства для того, чтобъ Венгрія осталась Венгріей и чтобы ея конституціонная независимость была неприкосновенна. Но если этой независимости въ самой ея основѣ угрожаетъ опасность, то мы не можемъ не признать нашей главной обязанностью тотчасъ же протестовать противъ подобнаго покушенія.

«Между тѣмъ наша конституціонная независимость находится въ опасности съ той самой поры, когда его величество сдѣлалъ свой первый шагъ къ конституціонной системѣ. Она подверглась опасности въ ту минуту, когда намъ была обѣщана наша хартия на извѣстныхъ только условіяхъ и при томъ съ исключеніемъ многихъ, самыхъ существенныхъ ея уставовъ. Она подверглась опасности вслѣдствіе диплома, изданнаго 20 февраля, такъ какъ дипломъ этотъ стремился къ тому, чтобы лишить Венгрію навсегда ея конституціонныхъ правъ, по которымъ водата и рекрутскіе наборы, во всей своей обширности, подлежатъ собственно опредѣленіямъ одного только сейма. Дѣла финансовыя и кредитныя, таможенныя и торговыя, все эти главныя вопросы народной и политической жизни, подлежатъ теперь обсужденію со стороны государственнаго совѣта, гдѣ они будутъ рѣшены людьми, чуждыми Венгріи, которые смотрятъ на дѣло съ другой точки и которые въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуются интересами, посторонними для нашего отечества.

«Въ отношеніи административномъ, продолжаетъ г. Деакъ, императорскій дипломъ ставитъ Венгрію въ зависимость отъ австрійскаго правительства, если и отъѣтственнаго, то не передъ Венгріей, но передъ императорскимъ совѣтомъ, гдѣ наши интересы могутъ найти весьма слабую защиту».

Изъ такихъ условій политическаго устройства австрійской

имперіи г. Деакъ выводитъ заключеніе, что Венгрія не можетъ пользоваться ни административною, ни законодательною самостоятельностью и что въ такомъ случаѣ она будетъ Венгріей только по имени, оставаясь въ сущности не болѣе, какъ провинціей австрійской имперіи.

За тѣмъ г. Деакъ считаетъ нужнымъ изложить довольно пространно свой взглядъ на историческое отношеніе Венгріи къ Габсбургской династіи. Мы не будемъ слѣдить за историческими фактами, на которые ссылается г. Деакъ, въ своей рѣчи, но скажемъ только о нѣкоторыхъ общихъ выводахъ, сдѣланныхъ имъ изъ этихъ фактовъ. Изъ фактовъ этихъ видно, между прочимъ, что венгерцы постоянно держались своей конституціонной независимости, и что, стремясь къ этому безусловно, они не только-что не признавали самовольныхъ распоряженій императора Иосифа II по дѣламъ венгерскимъ, но даже не захотѣли воспользоваться тѣми преимуществами и льготами, которыя онъ предоставилъ имъ по своей доброй волѣ, безъ утвержденія со стороны сейма.

Но важнѣйшимъ основаніемъ для домогательствъ венгерцами отдѣльнаго, самостоятельнаго управленія служитъ дипломъ императора австрійскаго и короля венгерскаго Леопольда II, приведенный г. Деакомъ, въ которомъ сказано между прочимъ слѣдующее: «хотя по силѣ 1 и 2 артикуловъ 1723 года право на престолонаслѣдіе въ Венгріи и распространено на женское лѣтце, и хотя престолъ долженъ принадлежать всегда тому государю, который владѣетъ другими наследственными землями по праву установленнаго порядка, тѣмъ не менѣе однако Венгрія, вмѣстѣ съ соединенными съ нею областями, есть страна свободная, правительствомъ которой пользуется совершенною независимостью, т. е., она не подчинена никакому государству и народу; она имѣетъ свою собственную конституцію и свое собственное управленіе, почему она и должна быть управляема своимъ королемъ, закономъ корованнымъ, сообразно съ ея законами и обычаями, а не по образцу другихъ провинцій».

Два преесиниковъ Леопольда II, какъ видно изъ ссылки, дѣлаемыхъ г. Деакомъ, торжественно подтвердили эти права Венгріи; а изъ этихъ-то нравъ г. Деакъ и выводитъ, что между Венгріей и прочими областями австрійской имперіи не существуетъ никакого соединенія кромѣ личнаго—въ особѣ государя и на основаніи этого доказывается, что въ случаѣ дальней возможности пресѣченія Габсбургскаго дома по женской линіи, Венгрія имѣетъ законное право избрать себѣ отдѣльнаго государя и что слѣдовательно между ею и другими наследственными землями австрійской короны нѣтъ никакой существенной связи. Тоже самое подтверждаетъ г. Деакъ и закономъ касательно опеки надъ несовершеннолѣтнимъ государемъ, такъ какъ въ этомъ слу-

тѣ въ опекуны назначаются два разныхъ лица: одно для Венгрии, а другое для прочихъ областей. Наконецъ г. Дсакъ приводитъ еще и то обстоятельство, что австрійскія земли составляли некогда ленныя владѣнія римско-нѣмецкой имперіи, между тѣмъ какъ Венгрія не входила никогда въ ея составъ и замѣчаетъ, что когда римско-нѣмецкій императоръ Францъ I вриналъ, въ 1804 году, титулъ императора австрійскаго, то онъ вмѣстѣ съ этимъ объявилъ, что такая перемѣна императорскаго титула въ Габсбургскомъ домѣ не должна произвести никакихъ измѣненій въ его отношеніяхъ къ Венгрии.

«Намъ говорятъ, продолжаетъ г. Дсакъ, что цѣлостъ монархія есть высшая задача, передъ которой должны склониться интересы отдѣльныхъ областей. Но замѣчанія эти не могутъ быть опровергаемы только тогда, когда они относятся къ монархія, въ которой всѣ составныя части, устроены на одинаковомъ политическомъ основаніи и когда онѣ соединены между собою безусловно, т. е., когда между ними существуетъ дѣйствительное соединеніе».

Затѣмъ г. Дсакъ развиваетъ послѣдовательно ту мысль, что Венгрія не находится вовсе въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ другимъ австрійскимъ областямъ и что она съ своей стороны готова имѣть одинаковое съ ними политическое устройство, если только такое устройство не будетъ нарушать основныя начала ея конституціоннаго быта. Къ этому онъ добавляетъ, что какъ Венгрія, по причинѣ своей отдѣленности отъ прочихъ областей австрійской монархія, не считаетъ себя выравнѣ вѣшиваться въ дѣла послѣднихъ, такъ точно она не желаетъ представить и имъ право вѣшиваться въ ея дѣла, что однако неминуемо должно послѣдовать при существованіи одного общаго совѣта для всѣхъ частей австрійской монархія.

Переходя затѣмъ къ вопросу касательно областей, соединенныхъ съ венгерской короной, г. Дсакъ замѣчаетъ, что не только ходъ историческихъ событій, но что и всѣ императорскіе дипломы, указы, а также прагматическая санкція Карла VI, подтверждають неотъемлемое право Венгрии на Трансильванію, Славонію, Кроацію, Военную Грамшцу и Фіуме. Къ этому ораторъ прибавилъ, что венгерцы, удерживая за собою эти области, должны однако дѣйствовать въ духѣ миролюбиваго единенія.

Слѣдующее мѣсто въ рѣчи г. Дсака касается уничтоженія австрійскимъ правительствомъ либеральныхъ законовъ, принятыхъ въ 1848 году венгерскимъ сеймомъ.

«За тѣмъ, говоритъ онъ, и какимъ образомъ можно писать новые законы, если венгерскій народъ желаетъ только того, чтобъ было восстановлено дѣйствіе основныя законовъ, и притомъ если онъ желаетъ этого въ такое время, когда собраны его представители для того именно, чтобъ они начали свои

законодательную дѣятельность? И такъ скажемъ, добавляетъ г. Деакъ, что мы положительно и настоятельно требуемъ скорого и безотлагательнаго возстановленія законовъ, отмѣненныхъ австрійскимъ правительствомъ точно такъ же, какъ требуемъ и уничтоженія распоряженій, изданныхъ такимъ же образомъ.

Конецъ рѣчи г. Деака относится къ тремъ предметамъ: къ отреченію императора Фердинанда V отъ званія короля венгерскаго, къ политическимъ преступникамъ и къ коронованію Франца Юсваа королемъ венгерскимъ. По первому пункту г. Деакъ замѣчаетъ, что императоръ Фердинандъ V, отказываясь 2 декабря 1848 года отъ императорской короны, не упомянулъ ничего о своемъ отказѣ отъ короны венгерской, и что венгерскому сейму не было даже сообщено особо объ этомъ актѣ, какъ будто Венгрія не составляетъ отдѣльнаго королевства, но только входитъ въ составъ имперіи наравнѣ съ прочими областями. «Между тѣмъ добавляетъ г. Деакъ, король нашъ не могъ отказаться отъ короны безъ согласія и безъ участія народа».

Вслѣдствіе этого г. Деакъ дѣлаетъ слѣдующее предложеніе: «не благоудно ли будетъ его величеству, для исправленія прежней ошибки, распорядиться о томъ, что его величество Фердинандъ V издалъ актъ о своемъ отреченіи, съ тѣмъ, чтобы такой актъ былъ прямо обращенъ на имя Венгріи съ увѣдомленіемъ сейма, что король Фердинандъ V, 2 декабря 1848 года, отказался отъ венгерской короны; не благоудно ли также его величеству пригласить его императорское высочество эрцгерцога Франца-Карла, къ изданію манифеста, обращеннаго къ Венгріи, въ которомъ бы его высочество объявлялъ, что онъ въ 1848 году отрекся отъ перешедшаго къ нему права на престолъ, по силѣ прагматической санкціи».

Переходя затѣмъ къ вопросу о политическихъ преступникахъ, г. Деакъ предлагаетъ сейму потребовать отъ австрійскаго правительства освобожденія всѣхъ заключенныхъ по дѣламъ политическимъ, а также истребовать возвращеніе конфискованныхъ имущества тѣмъ, у кого они были отняты. Безъ этого, продолжатъ онъ, всѣ переговоры будутъ бесполезны.

Что же касается коронованія, то г. Деакъ требуетъ исполненія этого обряда, какъ такого акта, который установленъ основными законами Венгріи.

«Итакъ, въ заключеніе сказалъ ораторъ, сохраненіе нашей конституціонной независимости, территоріальная и политическая неприкосновенность нашей страны, полный составъ сейма, возстановленіе нашихъ законовъ, нашего представительнаго правленія и нашего отвѣтственнаго министерства и наконецъ уничтоженіе всѣхъ распоряженій, изданныхъ не конституціоннымъ порядкомъ—составляютъ такія предварительныя условія, безъ которыхъ не возможны ни переговоры, ни соглашенія».

Юридически развитое предложеніе г. Деака, не исполненное пустымъ краснорѣчіемъ, было принято всѣмъ собраніемъ; даже противники политическихъ мнѣній оратора одобрили рукоплесканіями его продолжительную рѣчь. Основныя ея положенія были взяты для внесенія въ адресъ, отправляемый отъ венгерскаго сейма императору. Безъ всякаго сомнѣнія если бы дѣло, защищаемое г. Деакомъ, можно было вести юридическимъ порядкомъ, то Венгрія выиграла бы своей политической протестъ; но на бѣду Венгріи, какъ выразился самъ ея адвокатъ, на сторонѣ ея только справедливость, а на сторонѣ ея противниковъ матеріальная сила.

Между тѣмъ въ Венгріи и въ самомъ Пештѣ продолжается вооруженною рукою сборъ податей въ австрійскую казну. Со всѣхъ сторонъ раздаются вопли негодованія, но на запросы обществъ и частныхъ лицъ какъ дѣйствовать, комитаты отвѣчаютъ: «покоряться—платить». Само собою разумѣется, что эта умѣренность не искренняя. Рванувшись сильно впередъ въ самомъ началѣ, венгерцы видимо обращаются теперь къ выжидательной системѣ, надѣясь достигнуть безъ борьбы того политическаго положенія, къ которому они стремятся. Между тѣмъ, какъ будто въ отзывѣ на адресъ верхней вѣнской палаты, внушавшей императору твердость и непоколебимость въ его предпріятіяхъ, австрійское правительство, какъ бы предупреждая требованія, предъявляемыя г. Деакомъ, отправило къ аграрскому сейму акты относительно отреченія короля Фердинанда V и эрцгерцога Карла. Посылая такимъ образомъ эти акты не къ пештскому, но къ аграрскому сейму, австрійское правительство очень ясно показывало, что оно признаетъ независимыми отъ Венгріи тѣ области, которыя послѣдняя считаетъ своими, и слѣдовательно этимъ признаніемъ разрушаетъ на практикѣ домогательство пештскаго сейма о цѣлой территоріи, составляющей древнее венгерское королевство.

Австрійская политика не даромъ славится искусствомъ разрѣшать въ свою пользу самыя запутанныя дѣла. Она приобрѣла издавна и ловкость и навыкъ противопоставлять одну другой подвластныя ей народности, такъ что разнопленнымъ составомъ имперіи, который обыкновенно вся европейская дипломатія признаетъ грозою для Австріи, послѣдняя умѣетъ пользоваться какъ лучшимъ средствомъ для своей собственной пользы.

ИСТОРИЯ

МАРИ-И СТЮАРТЪ,

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Соч. М. Минье.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

Приложеніе къ журналу «Библіотека для Чтенія» № 5 1861 г.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

МАРІЯ СТЮАРТЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Шотландія, до соединенія ея съ Англіею подъ именемъ Великобританіи, болѣе всѣхъ государствъ Европы была волнуема внутренними безпорядками. Но ни при одномъ изъ своихъ національныхъ королей она не испытала столько революцій и трагическихъ катастрофъ, какъ при Маріи Стюартъ. Эта королева, которую несчасіе преслѣдовало со дня рожденія до самой смерти, имѣла только шесть лѣтъ отъ роду въ то время когда была призвана къ трону. Вскорѣ принужденная бѣжать изъ своего королевства, она сдѣлалась супругою наследника французской короны и лишилась его на девятнадцатомъ году своей жизни. Въ ранней молодости оставшись вдовою, она возвратилась въ Шотландію, гдѣ только что совершилась протѣстантская революція. Здѣсь королева должна была встрѣтить старинное феодальное ненокорство, усяленное всѣмъ фанатизмомъ новыхъ вѣрованій. Въ самое непродолжительное время свергнутая, заключенная, изгнанная, она, чтобы спастись отъ буйства своихъ подданныхъ, предалась во власть своихъ сосѣдей, которые девятнадцать лѣтъ продержали ее въ плѣну и наконецъ казнили на эшафотѣ.

Не первый разъ рассказывая эту трогательную и трагическую исторію, я постараюсь представить ея событія во всей ихъ дѣйствительности, и со всею возможною ясностію раскрыть ихъ истинныя причины. Къ матеріаламъ уже бывшимъ въ употребленіи или откры-

(*) Исторія Маріи Стюартъ (потому что жизнь этой королевы—исторія) представляетъ собою длинный и, можетъ быть, самый эстетическій эпизодъ великаго революціи XVI вѣка. Этотъ въ высшей мѣрѣ любопытный эпизодъ никогда еще не былъ рассказанъ съ такою полнотою и съ такимъ пониманіемъ общаго смысла эпохи, къ которой онъ относится, какъ въ предлагаемомъ сочиненіи. Если бы мы считали почему-нибудь полезнымъ перевести это сочиненіе со всѣми цитатами, въ немъ приведенными, то читатель увидѣлъ бы, что книги, касающіяся одного съ самаго предмета, составляютъ довольно обильную литературу, и что изъ документовъ, болѣе чѣмъ въ рукахъ автора, могъ бы выйти довольно обширный архивъ. Мы полагаемъ что переводъ и преданіе этого историческаго изъясненія, и хорошо сдѣланнаго, и далеко не скучно рассказаннаго, и притомъ относящагося къ предмету, который не переставалъ возбуждать симпатическое вниманіе цѣлаго грядущаго столѣтія, ни въ какомъ случаѣ не будутъ казаться лишними читателямъ всѣмъ.

тымъ въ недавнее время, я присоединю и такіе, которые оставались до сихъ поръ неизвѣстными. Располагая большимъ запасомъ свѣдѣній, я, можетъ быть, пролью новый свѣтъ на этотъ предметъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ оставшіяся темнымъ. Чуждый всякаго предубѣжденія, я не буду ни защитникомъ, ни порицателемъ этой обольстительной королевы, внушающей къ себѣ сердечное сочувствіе даже въ потомствѣ. Въ своихъ сужденіяхъ о Маріи Стюартъ я не буду увлекаться односторонностію, партіи и смотрѣть на нее съ католической или протестантской, шотландской или англійской точки зрѣнія. Но съ спокойнымъ безпристрастіемъ исторіи, безъ суровости и излишняго снисхожденія, принимая живѣйшее участіе въ ея положеніи и ея поступкахъ, я постараюсь открыть что въ ея бѣдствіяхъ было ударомъ злополучной судьбы и чего она дѣйствительно заслуживала.

Прежде всего необходимо бросить взглядъ на политическое состояніе Шотландіи и духъ пресвитеріанской революціи, которые имѣли такое важное вліяніе на судьбу Маріи Стюартъ.

Расположенная на сѣверной оконечности Британскаго острова, покрытая горами, наполненная пустошами, прорѣзанная озерами, холодная, бѣдная и воинственная,—Шотландія постоянно защищалась самою природою отъ различныхъ завоевателей, занимавшихъ южную часть ея. Въ древности она избѣгла римскаго ига; во времена германскихъ вторженій она не подпала оружію саксовъ, англовъ и датчанъ; ея не коснулось и владычество англо-нормановъ въ періодъ феодальный. Суровые и неустрашимые ея обитатели были раздѣлены на кланы, управляшіеся главами рода или племени; этимъ правителямъ шотландцы оказывали строгую покорность и горячую преданность, доходившую до самоотверженія. Члены каждаго отдѣльнаго клана носили всѣ одно имя; по поводу взаимныхъ оскорбленій и убійствъ между кланами поддерживались наследственные чувства мести и *ненависти на смерть*—чувства, составляющія одно изъ главныхъ отличій первобытнаго общества, которое не выпло еще изъ формъ семейнаго быта. Будучи потомками древней гальской расы, они отличались характеромъ предприимчивымъ, безпокойнымъ умомъ, неукротимою отвагою, непостоянствомъ своихъ привязанностей и почти совершенною неподвижностью своихъ обычаевъ. Во время Маріи Стюартъ кланы еще сохраняли языкъ, одежду, организацию и отчасти даже оружіе племенъ кельтическихъ.

Въ періодъ времени, съ конца XI по конецъ XIII вѣка, національные короли Шотландіи допустили въ низменныя страны ея бѣглыхъ саксонцевъ, и нормандскихъ искателей приключеній, которые и утвердились тамъ скорѣе какъ поселенцы, нежели какъ завоеватели и смѣшались съ пиктами и скотами. Въ это же время феодальная система германскихъ народовъ появилась въ Шотландіи наряду съ патріархальною системою гальскихъ племенъ, которая еще продолжала господствовать въ цѣпи горъ Грампіанскихъ на сѣверѣ и сохранялась съ нѣкоторыми измѣненіями въ горахъ Чевіотскихъ на югѣ, а также въ болотистыхъ земляхъ, отдѣлявшихъ Шотландію отъ

Англіи. Такимъ образомъ въ этомъ небольшомъ королевствѣ, было два народа, два языка, два общества двѣ формы организаціи. Древняя кельтическая раса занимала гористыя мѣста; а германская раса англо-саксовъ и норманновъ — равнины. Дикіе Highlanders или обитатели высокихъ земель, какъ ихъ называли, говорили по-гальски, вооруженные поселенцы низменностей — по-англійски. Первые, по прежнему, упорядивались системою клановъ, вторые — системою феодальной; тажъ признавалась преимущественно связь родовая, тогда какъ здѣсь население поставлено было въ политическія и территоріальныя условія воинственнаго общества.

Въ Шотландіи, имѣвшей въ то время очень мало городовъ, война была, такъ сказать, постоянна; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находились крѣпости, въ которыхъ жители страны искали убѣжища во время частныхъ раздоровъ. Къ борьбѣ внутренней, никогда почти не прекращавшейся, между кланами, а также между гайлендерами, т. е. обитателями горъ и лоулендерами (Lowlanders), т. е. обитателями равнинъ, присоединились войны внѣшнія, бывшія долгое время опустошительными. Англо-норманскіе короли, — которые завладѣли Ирландіею и покорили Валлисъ, — захотѣли подчинить себѣ и Шотландію. Осуществивъ это, они подчинили бы своей власти всю ту часть британскихъ острововъ, въ которой держалось независимо гальское племя. Много разъ они побѣдоносно вступали въ Шотландію; и не смотря на геройскія усилія Уэллеса (Wallace) и упорное сопротивленіе Роберта Бруса, они по видимому готовы были окончательно утвердиться въ ней при Эдуардѣ I и Эдуардѣ III. По всей вѣроятности, они бы въ это время и присоединили Шотландію къ Англіи; если бы не были вынуждены переносить свое оружіе на континентъ, гдѣ въ продолженіе болѣе чѣмъ цѣлаго столѣтія защищали или распространяли свои владѣнія. Продолжительныя войны, которыя англо-норманскіе короли должны были вести съ королями Франціи, помѣшали имъ окончить завоеваніе Ирландіи и упрочить за собою обладаніе Шотландіею. Такимъ образомъ съ 1357 года, когда Давидъ II взошелъ на тронъ Шотландіи, доблестно основанный отцомъ его Робертомъ Брусомъ, національная независимость Шотландіи сдѣлалась безспорною, и англійскіе короли перестали уже грозить ей.

Франція во многомъ способствовала къ упроченію этихъ важныхъ результатовъ. — Подвергаясь постояннымъ нападениямъ того же врага, она въ XIII столѣтіи заключила съ Шотландіею союзъ, продолжавшійся до конца XVI, и бывшій равно полезнымъ для обѣихъ странъ въ дѣлѣ освобожденія ихъ отъ англичанъ. Эта связь заботливо поддерживалась королями Франціи; они посылали помощь Шотландіи, когда ей угрожала опасность и получали содѣйствіе отъ нея, когда сами находились въ подобномъ положеніи; они окружали себя шотландскою гвардіею, раздавали титулы и земли членамъ знатнѣйшихъ домовъ — Стюартамъ, Дугласамъ, Гампльтонамъ, и сдѣлали свой дворъ какъ бы убѣжищемъ или школою для благородныхъ шотландцевъ, искавшихъ на континентѣ пріюта или образованія. Такой союзъ

продолжался до конца XVI столѣтія, и имѣлъ немаловажное вліяніе на судьбу Маріи Стюартъ, сдѣлавъ ее совершенною французскою по рожденію, образованію, первому замужеству и характеру, и возбуждая духъ возмущенія въ высшей шотландской аристократіи, которая во время несовершеннолѣтія и отсутствія королевы сдѣдалась сильнѣе и могущественнѣе.

Планъ королей, предшественниковъ Маріи Стюартъ на тронѣ Шотландіи, повинувась общему стремленію всѣхъ государствъ того времени къ сосредоточенію власти, тщетно старались покорить монархическому порядку и приучить къ послушанію это страшное дворянство. Тогда между ними и знатными баронами завязалась политическая распря, заступившая мѣсто прежней національной борьбы шотландцевъ съ англичанами. Эти бароны, изъ которыхъ большая часть была въ одно и тоже время и начальниками клановъ и феодальными владѣльцами, располагали весьма значительными силами. Предводителемъ черныхъ Дугласовъ занимавшій шотландскія границы на югѣ, имѣлъ нѣтъ отъ 1000 до 1500 человекъ всадниковъ обыкновеннаго коня, и могъ выставить въ поле до 40 т. воиновъ. Короли же, напротивъ, не имѣли ни вѣстимаго войска, ни денежныхъ средствъ. Единственная сила ихъ заключалась въ королевскомъ титулѣ, не всегда уважаемомъ; а главную поддержкою въ дѣлахъ служила ихъ случайная и шовтничная преданность знатныхъ фэвилей, которая они употребляли одну противъ другой. Но не смотря на такую слабость, Марія Стюартъ, въ лицѣ женщины взшедшая на тронъ Роберта Брюса, съ 1539 по 1542 годъ настойчиво стремилась къ ослабленію шотландской аристократіи.

Это трудное дѣло было начато Яковомъ I. После 18-ти лѣтняго изгнанія возвратясь изъ Англіи въ Шотландію, онъ принялъ се образцы англійскаго управленія, и попыталъ ввести его въ своей странѣ. Чтобы уничтожить всякое сопротивленіе, онъ отправился въ горы и захватилъ тамъ болѣе сорока предводителей клановъ. Потомъ началъ на многихъ знатныхъ лордовъ, самовластно распоряжаться своими участками, и побуждалъ такимъ образомъ обѣ аристократіи, нѣсколько ограничиваятн королевскую власть. Онъ воспринялъ конвентуарію бароновъ; раздѣлилъ на двѣ палаты шотландскій парламентъ, составившій прежде одно общее собраніе, въ которомъ господствовало знатное дворянство; упрочилъ общее правосудіе, назначилъ четыре раза въ годъ собранія ассизовъ по вѣсть королевствъ, и подчинилъ имъ тѣ сноры, которые прежде рѣшались съ оружіемъ въ рукахъ; наконецъ отнялъ у незаконныхъ и незаконныхъ владѣльцевъ графства и помѣстья, которые они похищали у короны и которыя служили имъ средствомъ для возстаній противъ нея. Но дворянство, востроженное этими недовольствами в сараньствѣ, которыми они сопровождалась, постаралась набавиться съ ихъ убійствомъ. Между шотландскими аристократами составились заговоры, и заговорники, застигнувъ короля въ Пертѣ, убили его 14 января 1437 года.

Всѣ парламенты, введенныя въ государство Яковомъ I-мъ, уничтожи-

живши во время малолѣтства его сына, Якова II-го, который един-
 кае, достигнувъ совершеннолѣтiя, снова возвратился къ намѣро-
 ннѣ своего отца. Графъ Дугласъ, самый значительный изъ юн-
 гиль бароновъ, вошелъ въ союзъ съ графомъ Крофтортомъ, имѣв-
 шимъ обширную власть на востокъ, и съ графомъ Россемъ, по-
 мѣвавшимъ на сѣверѣ. Яковъ II-й, не успѣвъ отвлечь Дугласа
 отъ этого опаснаго союза, самъ закололъ его кинжаломъ въ замкѣ
 Штерлингъ. куда онъ пригласилъ Дугласа, ругаясь ему за безонас-
 лость. После этого вѣроломнаго и насильственнаго поступка возго-
 рѣлась ожесточенная война между фамилиями Стюартовъ и Дугла-
 совъ; предводительствуя равными силами, противники двинулись
 другъ противъ друга. Двѣ армiи, каждая въ 40.000 человекъ, встрѣ-
 тились на берегу небольшой рѣки Каронъ. Здѣсь одна изъ сторонъ,
 то что бы те ни стало должна была побѣдить и ослабить другую.
 Стюарты одержали верхъ. Этому способствовало опасенiе, внушаемое
 горнству и безъ того уже слишкомъ сильнымъ могуществомъ гор-
 нитъ и честолюбиваго дома Дугласовъ, которые, въ случаѣ если бы
 побѣда осталась за ними, грозили бы ему еще большими угнетенi-
 ями, нежели какое оно терпѣло отъ царствующаго дома. Яковъ
 Дугласъ, оставленный частью своихъ приверженцевъ, былъ разбитъ,
 лишился владѣнiй и изгнанъ. Съ нимъ погибъ родъ черныхъ Дуг-
 ласовъ, которыхъ огромныя владѣнiя были раздѣлены между Дугла-
 сами рыжими изъ отрасли Ангуса, Гамильтонами западными и потом-
 ами Стотта Вѣллейча на югѣ. Эти три фамилии возвысились на
 развалинахъ впавергнутаго дома; впрочемъ ни одна изъ нихъ не
 достигла такого значенiя, какимъ обладалъ онъ.

Предпримчивый Яковъ II-й недолго пережилъ успѣхъ, сдѣлавшiй
 его грозною дворянства. Онъ погибъ въ 1460 году двадцати девяти
 лѣтъ отъ роду отъ пушечнаго выстрѣла при Роксбургѣ. Эта смерть
 извѣстила его, по всей вѣроятности, отъ смерти, бывшей удѣломъ
 его отца. Яковъ III, по достиженiи возраста, въ которомъ онъ уже
 былъ въ состоянiи управлять государствомъ, продолжалъ дѣло сво-
 ихъ предшественниковъ. Но онъ дѣйствовалъ безъ должной осто-
 рожности и энергiи. Окруживъ себя министрами и фаворитами изъ
 низшихъ сословiй, онъ передалъ свою власть въ такія руки, кото-
 рыя ее не только не увеличивали, но еще подвергали опасности.
 Вѣсто того, чтобы раздѣлять дворянство на партiи, онъ позволялъ
 ему соединиться противъ него, и выказалъ себя столько же робкимъ,
 какъ и неспособнымъ. Въ 1482 году шотландскiе бароны извѣстили
 на Аберкомъ мосту его любимцевъ — палебевъ, а въ 1488 году
 убили самаго короля, настигнувъ его въ бѣгствѣ, послѣ програн-
 наго имъ сраженiя при Санчл.

Устрашенный или вразумленный несчастною судьбою своихъ пред-
 ковъ, Яковъ IV не сталъ слѣдовать ихъ примѣру. Онъ вошелъ въ
 соглашенiе съ шотландскимъ дворянствомъ, терпѣвшимъ нападени-
 я отъ его предковъ и примирился съ королями ангайскими, съ кото-
 рыми она постоянно воевали. Пользуясь внутреннею тишиною и
 вѣрнымъ миромъ, онъ старался укрѣпить свое королевство и дѣлѣ

ему возможное благоустройство. Онъ женился на дочери Генриха VII, искуснаго политика, который незадолго предъ тѣмъ прекратилъ въ Англіи продолжительныя междоусобныя войны домовъ юркскаго и ланкастерскаго и который хорошо понималъ всю выгоду этого союза для своей не совѣмъ еще утвердившейся власти. Тюдоры, династія которыхъ была основана Генрихомъ VII, имѣли совершенно другія виды на Шотландію. Они уже не думали присоединить ее къ Англіи насильственно или на правахъ феодальныхъ, какъ хотѣли Плантагенеты; но желали привлечь ее къ союзу съ Англіей посредствомъ брачныхъ связей и трактатовъ, и оторвать такимъ образомъ отъ союза съ Франціей, который, въ продолженіе двухъ вѣковъ, совершенно разстроивалъ планы ихъ предшественниковъ и на островѣ и на континентѣ. Устроить политическое сближеніе двухъ королевствъ и такимъ образомъ приготовить ихъ территориальное соединеніе,—такова была система Генриха VII, начало которой онъ положилъ бракомъ своей дочери Маргариты съ Іаковомъ IV и трактатомъ наступательнаго и оборонительнаго союза, который былъ первымъ покушеніемъ противъ старинной дружеской связи между Шотландіей и Франціей. Но Генрихъ VIII, не обладавшій ни осторожностію, ни политическимъ тактомъ своего отца, вскорѣ разстроилъ его дѣло. Въ 1513 году онъ заставилъ Іакова IV снова вступить въ союзъ съ Франціей и поднять противъ него оружіе. Правда, война эта имѣла печальный исходъ для короля и для дворянства Шотландіи, которые на этотъ разъ дѣйствовали единодушно: Іаковъ IV былъ разбитъ. Онъ нашолъ смерть на полѣ битвы при Флоденѣ, съ десятью тысячами своихъ приверженцевъ, между которыми были два епископа, два аббата, двѣнадцать графовъ, тринадцать лордовъ, пять старшихъ сыновей знатныхъ бароновъ и много дворянъ низшаго разряда. При наследникѣ его, Іаковѣ V, которому при востшествіи на престолъ было меньше двухъ лѣтъ отъ роду, Шотландія впала въ величайшіе безпорядки.

Во время продолжительнаго малолѣтства Іакова V знатныя фамиліи Шотландіи другъ у друга оспаривали власть и вступали между собою въ битвы даже на улицахъ Единбурга. Особенно Гамильтоны и Дугласы рыжіе производили междоусобія въ странѣ. Въ главѣ первыхъ стоялъ графъ Аранъ, ближайшій наследникъ престола послѣ Стюартовъ; послѣдними управлялъ графъ Ангусть, женатый на вдовѣ Іакова IV, сестрѣ Генриха VIII. Фамилія Гамильтоновъ вообще оставалась вѣрною политикѣ французской; фамилія же Дугласовъ старалась распространить въ Шотландіи вліяніе англичанъ. Послѣ продолжительной борьбы обѣ эти партіи примирились, въ ущербъ государству. Молодой король былъ содержимъ подъ такою стѣснительною опекой, что казался совершеннымъ плѣнникомъ. Это развилось въ немъ сильную и неумолимую ненависть къ шотландскому дворянству; и къ систематическому плану своихъ предковъ—какъ можно болѣе ослабить это дворянство—онъ присоединилъ еще желаніе отмстить ему за себя. Едва освободясь изъ-подъ опеки графа Ангуса, который управлялъ отъ его имени, Іаковъ V пошелъ противъ

него и заставилъ его бѣжать въ Англію, гдѣ этотъ глава рыжихъ Дугласовъ и жилъ въ изгнаніи до самой смерти короля.

Пылкій Іаковъ V болѣе своихъ предковъ оказалъ смѣлости въ повсемѣстномъ возстановленіи королевской власти и уничтоженіи анархическаго могущества дворянства. Онъ обезсилилъ Дугласовъ рыжихъ, какъ его прадѣдъ, Іаковъ II.—Дугласовъ черныхъ. Потомъ онъ предпринялъ походъ на южную границу, гдѣ жили совершенно отбившіеся отъ рукъ воинственные кланы Гепбёрновъ, Гомовъ, Скоттовъ, Керовъ; взялъ ихъ замки, захватилъ ихъ предводителей и уничтожилъ неповиновеніе. Онъ повсюду внушилъ глубокой страхъ къ своей власти и строгости, наказывалъ убійства, вошедшія въ обычай у буйнаго и дикаго населенія, преслѣдовалъ поджигательства и кражу животныхъ — пороки, укоренившіеся въ нравахъ страны, улучшилъ судебныя учрежденія, способствовалъ умственному образованію, развилъ нѣкоторыя отрасли промышленности, украсилъ Шотландію множествомъ новыхъ зданій и повсемѣстно возстановилъ миръ и спокойствіе.

Но всѣ эти перемѣны были непрочны. Скользя, такъ сказать, по поверхности стіи шотландскаго общества, онъ не имѣли времени проникнуть въ его основы, чему главною причиною былъ Генрихъ VIII. Этотъ пылкій и властолюбивый король стремился вовлечь своего племянника во всѣ свои политическіе и религіозные планы. Разорвавъ связь съ римскою церковью, онъ побуждалъ Іакова V произвести такую же религіозную перемѣну въ Шотландіи, какую самъ онъ сдѣлалъ въ Англіи. Онъ хорошо понималъ, что въ то время, когда послѣдняя сдѣлается страной протестантскою, первая не можетъ оставаться католическою, не вступивъ опять, притомъ съ болѣею силою чѣмъ когда либо, въ связи съ континентомъ, отъ которыхъ онъ и его отецъ старались ее отторгнуть, и что новыми причинами непріязни между двумя государствами неизбежно будутъ возобновлены и усилены прежнія. Желая привлечь на свою сторону племянника, онъ предложилъ ему свою дочь въ супруги.

Іаковъ V нѣкоторое время колебался. Крайняя испорченность шотландскаго духовенства, соединявшаго съ общимъ въ то время разращеніемъ этого сословія, грубыя привычки и буйные нравы шотландскаго дворянства, склоняли его къ реформѣ. Значительныя злоупотребленія, которыми владѣло духовенство, тоже соблазняли его. Онъ позволилъ, даже поэту Давиду Линдсэю и доктору Джоржу Бузану писать на монаховъ и священниковъ сатиры, которыя приобрѣли сильную популярность. Однако король скоро одумался. Самъ собой, или наученный другими, онъ пришолъ къ мысли, что унижая духовенство, онъ тѣмъ самымъ усилитъ дворянство; что злоупотребленія перваго изъ этихъ сословій не могутъ быть отняты бевъ того, чтобы значительная часть ихъ не перешла ко второму. Поступать такимъ образомъ значило противорѣчить дѣйствіямъ своихъ предшественниковъ и вредить себѣ самому; это значило оставлять планъ, которому уже больше столѣтія они слѣдовали относительно дворянства и принять совершенно противоположную систему. Сверхъ

того Іаковъ V разсудилъ, что уничтожая духовенство, въ которомъ заключалось почти все просвѣщеніе королевства, и среди котораго шлоходилась большая часть людей, способныхъ занимать высшія гражданскія должности, онъ ввергнетъ Шотландію въ невѣжество, и оставитъ феодальную аристократію безъ всякой оппозиціи и въ парламентѣ и въ королевствѣ. Къ тому же примачъ Битонъ и нѣкоторые епископы предложили ему отъ имени духовенства ежегодную субсидію въ 50,000 ливровъ, которая удовлетворяла его корыстолюбію и вмѣстѣ съ тѣмъ могла помочь ему защищаться противъ Генриха VIII, если бы этотъ государь объявилъ войну.

Принужденный выбирать между уничтоженіемъ католической церкви и ослабленіемъ феодальнаго дворянства, Іаковъ V остановился на последнемъ. Но отвергая тягостную дружбу Генриха VIII, онъ снова долженъ былъ прибѣгнуть подъ защиту союза съ Францискомъ I. И такъ онъ по неволѣ возвратился къ старой политикѣ своего дома и своего государства. Онъ отправился во Францію и женился тамъ въ 1537 году на Магдалинѣ, дочери Франциска I-го. Эта принцесса черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего замужества умерла, и въ слѣдующемъ году онъ вторично вступилъ въ супружество съ Марією Лотарингскою, вдовою герцога Лонгвиля, сестрою герцога Франсуа де-Гиза. Этотъ союзъ ясно опредѣлялъ тотъ планъ, которому предполагалъ слѣдовать король относительно религіозныхъ реформаторовъ, доктрины которыхъ незамѣтно преникали въ Шотландію, и поземельныхъ владѣльцевъ, которые тяготились его властію. Онъ началъ преслѣдовать протестантовъ строгими законами и наказаніями, и распространялъ свою жестокость на самыя знатныя фамиліи королевства. По всякому подозрѣнію въ заговорѣ, эти послѣднія подвергались страшнымъ наказаніямъ. Дворянство, доведенное до крайней степени раздраженія и ненависти, искало только случая, чтобы излить свою злобу на Іакова V. Случай этотъ скоро представился.

Генрихъ VIII снова началъ настаивать, чтобы король Шотландіи соединился съ нимъ и ввелъ религіозную реформу въ своемъ государствѣ. Онъ даже пріѣхалъ для переговоровъ въ Іоркъ, куда обѣщалъ прибыть и Іаковъ V. Но въ продолженіе шести дней для напрасно ждалъ племянника и въ бѣшенствѣ немедленно объявилъ ему войну. Это была опасная минута для Іакова V. Онъ не могъ отразить англичанъ безъ помощи военныхъ силъ шотландскаго дворянства; но въ интересахъ этого дворянства было скорѣе ослабить короля, нежели доставить ему побѣду. И король скоро узналъ это изъ печальнаго опыта. Когда англичане, опустошивъ пограничныя земли Шотландіи, воротились въ свои владѣнія, то дворянство отказалось преслѣдовать ихъ, объявивъ Іакову V, что эта война противна интересамъ государства, и что удаленіе непріятеля дѣлаетъ продолженіе ея бесполезнымъ. Ихъ смѣлый отказъ повергнувъ короля въ глубокое уныніе. Однако же онъ отправилъ новое войско противъ англичанъ, подъ предводительствомъ Оливіера Синклера, который былъ ненавидимъ дворянствомъ, какъ любимецъ короля и

другъ духовенства. Принявъ начальство, Смиклеръ двинулся къ заднимъ границамъ, во главѣ десяти-тысячной арміи. Шотландскія войска встрѣтившись съ пятьюстами англичанъ на восточной оконечности Сольвейскаго залива, обратились въ бѣгство, желая лучше улизнуть королю, подвергнувъ себя поражению, нежели усилить его власть успѣхомъ. Позорное, и знаменательное событіе у Сольвейскаго залива, поразило Іакова V. Онъ заболѣлъ лихорадкою и умеръ 14 декабря 1542 года въ замкѣ Фоклендѣ, тридцати одного года отъ роду. Незадолго до своей смерти онъ получилъ вѣстие, что жена его въ замкѣ Ливингтау, разрѣшилась отъ бремени дочерью; при этомъ онъ печально сказалъ о шотландской коронѣ, внесенной въ домъ Стюартовъ внукою Роберта Вруса: «женщиною она принесена и съ женщиною погибнетъ.» Эта женщина была Марія Стюартъ, родившаяся 8 декабря 1542 года.

Въ то время, когда на тронѣ Шотландіи взошла королева, которая была тогда только шесть дней отъ роду, и продолжительное малолѣтство которой снова вызвало и распространило анархическое господство дворянства, дѣло преобразованія, предпринятое пятью королями, ея предшественниками, не подвинулось далѣе своего начала. Препрежне положіе Шотландіи почти не измѣнилось. Число городовъ ея мало увеличилось, благосостояніе ихъ мало возрасло на ея территоріи, все еще наполненной пустырями, и покрытой замками. Кланъ и лены существовали въ прежней силѣ, не встрѣчая отпора ни въ общинахъ, которыя еще недостаточно развились, ни въ королевской власти, которая еще не сдѣлалась довольно могущественною. Правда, королевская власть сильно стремилась учредить въ Шотландіи общую государственную организацію, но не успѣла дать ей ту силу, какую она приобрѣтала во многихъ другихъ странахъ. Власть законодательная, сила обществнная, и наконецъ власть судебная, остававшаяся наследственной, не только въ баронскихъ помѣстьяхъ, но и въ королевскихъ округахъ, находилась въ рукахъ дворянства, которое управляло парламентами, засѣдало въ судахъ, составляло феодальную армію, и изъ котораго были избираемы даже городскіе старшины.

Шотландскій парламентъ составлялъ одно общее собраніе. Король Іаковъ I, по примѣру Англій, однажды раздѣлилъ его на двѣ палаты, но это нововведеніе существовало не долго. Возвратясь къ своей прежней формѣ, шотландскій парламентъ былъ великимъ совѣтемъ страны, гдѣ въ общемъ собраніи разсуждали евітскіе и духовныя лорды, депутаты мѣстечекъ и коронныя должностныя лица. Поземельная аристократія легко приобрѣтала въ немъ господство. По шотландской системѣ, отъ великаго совѣта страны отдѣлялось небольшое собраніе изъ тридцати двухъ членовъ, подъ именемъ «*Комитета статейныхъ лордовъ*»; оно пригетовляло всѣ дѣла, которымъ должны были разсмагриваться въ сессіяхъ. Этотъ комитетъ, избранный парламентомъ, совершенно управлялъ имъ. Шотландскіе короли пытались учредить высшую судебную инстанцію надъ инстанціею феодальною. Этотъ новый судъ былъ сначала переходный и соотве-

яль въ судебныхъ засѣданіяхъ (ассизахъ), которые держали чрезъ каждые три мѣсяца въ различныхъ частяхъ королевства *лорды сесси*, учрежденные Іаковомъ I. При Іаковѣ IV, онъ сдѣлался постояннымъ, подъ именемъ трибунала *лордовъ ежедневнаго совѣта* имѣвшаго свои засѣданія въ Эдинбургѣ. Наконецъ онъ получилъ болѣе полное устройство, при Іаковѣ V, который основалъ *коллегію юстиціи*. Но этотъ судъ, раздѣленный между самими дворянами, находился въ слишкомъ большой зависимости отъ ихъ страстей и взаимной борьбы. Тамъ гдѣ нѣтъ независимой и безпристрастной общественной силы, не можетъ быть и власти судебной которая бы пользовалась общимъ уваженіемъ. Судъ становится только новою формою угнетенія. Сильный пользуется имъ противъ слабого.

Въ Шотландіи, королямъ никогда не удавалось организовать государственную силу, которая бы имъ принадлежала. Обладая весьма незначительными денежными средствами, они не имѣли и постоянного войска. Ихъ армія оставалась феодальною. По первому сигналу, подъ знамена ихъ сходились на короткое время всѣ обязанные нести военную службу. Короли, не имѣя силы, достаточной для ослабленія дворянства, не имѣли также и правильной устроенной администраціи, которою они могли бы замѣнить егонеобузданное могущество. Вынужденные противопоставлять однихъ территориальныхъ владѣльцевъ другимъ, они низлагали тѣхъ, которые имъ противились, и возвышали тѣхъ, которые имъ благопріятствовали. Такимъ образомъ, не ослабляя могущества аристократовъ, они только переносили его съ одного лица на другое. Вслѣдствіе этого феодальныя формы общества не уничтожились; короли, такъ сказать, только мѣняли однихъ противниковъ на другихъ. Они постоянно стремились сдѣлать коронныя имущества неотчуждаемыми, вернуть права, похищенные у королевской власти, уничтожить наследственное право охраненія границъ, уменьшить наследственные переходы должностей, запретить конфедераціи бароновъ; но, уступая непреодолимой силѣ обычаевъ и необходимости, они снова раздавали конфискованныя земли и отобранные титулы, допускали запрещенныя ими самими наследственные права, и большею частію оказывались совершенно безсильными противъ аристократическихъ союзовъ.

Изъ пяти королей, бывшихъ на тронѣ Шотландіи до Маріи Стюартъ, двое—Іаковы I и III — умерщвлены; II и IV—погибли въ битвѣ, а Іаковъ V, умеръ съ отчаянія, оставленный дворянствомъ, которое онъ надѣялся покорить, и побѣжденный въ ту минуту, когда считалъ себя торжествующимъ. Всѣ пять королей пали въ борьбѣ съ непокорствомъ шотландской аристократіи, или съ непріязнью Англіи. Побѣжденные обстоятельствами, которыя превышали ихъ силы, они погибли всѣ еще въ молодыхъ лѣтахъ, жертвами заговоровъ, или въ битвахъ. Самый старшій изъ нихъ имѣлъ не болѣе сорока одного года, и всѣ оставили своихъ наследниковъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ продолженіе пяти долгихъ, одно за другимъ слѣдова-

шихъ, несовершеннолѣтій наслѣдниковъ престола, не только произошла остановка въ дѣятельности королевской власти, но и самая эта часть была парализирована. Дворянство снова получило то, что оно потеряло изъ своего могущества, и Шотландія впала опять во все прежніе беспорядки. Такимъ образомъ эти пять королей, несмотря на свои намѣренія и усилія, не измѣнивъ положенія государства, передали другъ другу однѣ и тѣже опасности. Эти опасности еще болѣе увеличались для Маріи Стюартъ, во время малолѣтства которой произошелъ переворотъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, прибавившій къ прежнимъ причинамъ беспорядковъ и раздоровъ новыя. Протестантская реформа только укрѣпила и расширила аристократическую анархію.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ первый разъ на тронѣ Шотландіи была призвана женщина; Марія Стюартъ принесла на него и слабость своихъ лѣтъ и слабость своего пола. Регенства, которое необходимо должно было быть продолжительнымъ при королевѣ вдовствующей на престолѣ шести дней отъ роду, домогался кардиналъ Битонъ, архіепископъ Сентъ-Андрейскій, который, въ качествѣ примаса, стоялъ во главѣ церкви, и Джемсъ Гамилтонъ, графъ Аранскій, который былъ ближайшимъ наслѣдникомъ короны и успѣлъ заслужить расположеніе дворянства. Глава дворянства легко взялъ верхъ надъ главою духовенства. Собравшійся парламентъ вручилъ графу д'Аранъ регентство и опеку надъ королевой-ребенкомъ. Вслѣдъ за тѣмъ кардиналъ Битонъ короновалъ Марію Стюартъ, 9 сентября 1543 года, въ Штёрлингѣ.

Съ этой минуты образовались двѣ партіи, дѣятельно оспаривавшія другъ у друга власть, особу и наслѣдство Маріи Стюартъ, опираясь одна на поддержку Англіи, другая—на помощь Франціи. Первая, состоявшая изъ большей части бароновъ, снова сдѣлавшихся совершенно независимыми, уничтожала все предпріятія второй, къ которой прикнула разрушающаяся церковь и которую руководилъ мелевальскій примасъ, вмѣстѣ со вдовствующею королевой, потерявшею въ это время всякое значеніе. Генрихъ VII счелъ своею обязанностью воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ для выполненія плановъ своихъ относительно Шотландіи. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ предлагалъ свою дочь Марію въ супруги Іакову V, а теперь сталъ просить руку Маріи Стюартъ для сына своего, герцога валлійскаго. Этотъ прозектъ столько же соответствовалъ политикѣ, сколько обстоятельствамъ. Союзъ наслѣдницы Шотландіи съ наслѣдникомъ Англіи совершенно естественно и безъ всякихъ волненій долженъ былъ подготовить сліяніе обоихъ государствъ. Но Генрихъ VIII самъ повредилъ успѣху своихъ плановъ. Его необузданное желаніе, которое не могло примириться съ отсрочкою или подвергнуться неизвѣстности, сдѣлало его слишкомъ категоричнымъ и требовательнымъ. Онъ объявилъ, что молодая ко-

розова наkedнтся подъ его покровительствомъ, до тѣхъ поръ пока не достигнетъ возраста, необходимаго для вступленія въ бракъ; а въ ожиданіи этого онъ хотѣлъ, чтобы ему уступлены были многія самыя урѣзанные мѣста страны. Это было не завоеваніе королевства, какъ во времена Эдуарда, а конискація королевскихъ владѣній и временная отдача Шотландіи подъ секвестръ Англіи.

Эта необдуманная торопливость и оскорбительная для гордости шотландцевъ требовательность много повредили Генриху VIII, который убѣдился наконецъ и самъ въ необходимости уменьшить свои притязанія. Онъ ограничилъ ихъ только тѣмъ, чтобы Марія Стюартъ была прислана въ Англію на двѣнадцатомъ году и здѣсь вступила въ бракъ съ герцогомъ валлійскимъ какъ только она достигнетъ законнаго возраста. На этихъ условіяхъ былъ заключенъ трактатъ 1 іюля 1543 г. но даже самый трактатъ этотъ возбудилъ въ Шотландіи пародное неудовольствіе и стремленіе страны къ союзу съ Франціей. Графъ Аранъ, фамилія котораго постоянно находилась въ дружественныхъ сношеніяхъ съ этимъ государствомъ, хотя на нѣкоторое время и былъ привлеченъ личными интересами на сторону Англіи, но вскорѣ по заключеніи трактата, присоединился ко вдовствующей королевѣ, которая еще не была страшна для него, и къ кардиналу примасу, котораго уже можно было не опасаться. Это сближеніе снова и совершенно неожиданно измѣнило политику Шотландіи. Трактатъ съ Генрихомъ VIII былъ уничтоженъ черезъ пять мѣсяцевъ по заключеніи, а 15 декабря, въ Эдинбургѣ, регентъ и государственные сословія Шотландіи подписали новый трактатъ, заключившій условія тѣснаго союза съ Франціей и подтверждавшій, отъ имени Маріи Стюартъ, всѣ договоры обоихъ государствъ, начиная со времени Роберта Бруса.

Черезъ это война съ Англіей сдѣлалась неизбежною. Раздраженный Генрихъ VIII немедленно объявилъ ее. Отправленная имъ въ Фортскій заливъ флотилія разоряла берега и грозила сжечь самый Эдинбургъ. Черезъ нѣсколько времени англійская армія перешла южную границу Шотландіи и подвергла страну страшнымъ опустошеніямъ. Домогаться такимъ путемъ руки Маріи Стюартъ—значило получить непремѣнный отказъ. Этой неполитичной войной Генрихъ достигъ только того, что внушилъ шотландцамъ всеобщую ненависть къ англичанамъ. —приверженцы которыхъ уменьшались съ каждымъ днемъ,—заставилъ ихъ призвать на помощь союзныя французскія войска и возбудилъ жаркое прѣдвѣдованіе прѣтивъ религіозныхъ нововводителей, державшихся его стороны. Начальники послѣднихъ, уже довольно многочисленныя, были захвачены въ замкѣ Сентъ-Андрѣ и, въ оковахъ, посажены на французскія галеры. Генрихъ VIII умеръ въ январѣ 1547 г., далеко не достигнувъ предположенной цѣли: соединить два дома—Стюартовъ и Тюдоровъ, и тѣмъ положить начало сліянію двухъ королевствъ—Шотландіи и Англіи.

Къ этой же цѣли и съ такимъ же увлеченіемъ стремился герцогъ Сомерсетъ, дядя (съ материнской стороны) Эдуарда IV и протекторъ королевства во время несовершеннолѣтія этого короля. Въ годъ смер-

ти Генриха VIII онъ вступилъ въ Шотландію, во главѣ сильной арміи, обѣщая вывести ее обратно, если шотландцы обѣжуются удержать свою королеву, не посылая ее на материкъ до тѣхъ поръ, пока она достигнетъ брачнаго совершеннолѣтія; и разорвутъ всякія сношенія съ Франціей. Но тѣ рѣшились лучше сражаться, чѣмъ поддаться волю англичанъ. 10 сентября 1547 г., при *Пинки* они вступили въ битву и проиграли ее. Эта рѣшительная неудача, стоившая обиденнымъ болѣе десяти тысячъ человекъ, открыла Шотландію на вооруженнымъ врагамъ. Англичане дошли до самаго Лейта; потому они утвердились въ южной части государства, гдѣ и подчинили себѣ значительныхъ лордовъ, владѣвшихъ воинственными пограничными округами.

Ослабленная, но не уничтоженная этимъ оборотомъ дѣла, національная партія прибѣгла къ Франціи, которая одна только была въ силахъ оказать шотландцамъ дѣйствительную помощь противъ англійскаго оружія. Чтобы заинтересовать ее не одними только политическими причинами, нужно было предложить ей то, чего съ такимъ жаромъ домогалась Англія—наслѣдство Маріи Стюартъ и опеку надъ нею. Эта королева, имѣвшая около шести лѣтъ, жила до сихъ поръ въ замкѣ Штёрлингъ, вмѣстѣ съ двумя своими губернерами: лордами Эрскиномъ и Ливингстономъ. Послѣ битвы при Пинки, ее увезли изъ этого замка, который могъ подвергнуться осадѣ, въ монастырь Инчмарнонъ, построенный среди озера Ментейтъ и не въ такой степени подверженный нападеніямъ англійской арміи. Вдовствующая королева, по согласію съ регентомъ, рѣшилась тогда отослать свою дочь на материкъ и обручить ее съ молодымъ дофинемъ Франціи, находившемся почти въ одинаковомъ съ нею возрастѣ. Предложеніе, сдѣланное хитрой государыней шотландскому дворянству и французскому двору, было принято обѣими сторонами съ величайшею готовностію. Все видѣли въ немъ собственные выгоды. Королевство пріобрѣтало защитника, способнаго поддержать его независимость; вдовствующая королева надѣялась получить внаслѣдствіи регентство; французскій дворъ видѣлъ въ этомъ неразрывномъ союзѣ вѣрное средство унять Англію. Но больше всѣхъ выигрывало при этомъ шотландское дворянство, буйному господству котораго удаленіе Маріи Стюартъ и ея супруги въ чужой землѣ должны были особенно благопріятствовать.

Какъ только этотъ проектъ былъ принятъ съ обѣихъ сторонъ, Генрихъ II, который наслѣдовалъ Франциску I чрезъ три мѣсяца по воцѣленіи Эдуарда VI на престолѣ, послалъ флотъ въ р. Фортъ, съ тысячами десанта и превосходною артиллеріей, подъ начальствомъ Андре де Монталамбера, владѣльца Эссе. Этотъ вѣнчальный воеводъ всенемогательныхъ войскъ, введенный въ собраніе парламента, объявилъ, что его государь, радуясь случаю укрѣпить старинный союзъ двухъ странъ посредствомъ брака двухъ ихъ наслѣдниковъ, охотно принимаетъ на себя защиту Шотландіи и воспитаніе ея молодой королевы при французскомъ дворѣ и торжественно обязывается уважать законы и привилегіи королевства. Эта сдѣлка разстроила планы лорда протектора, который пожелалъ Шотландію, не уничто-

живъ въ ней духа сопротивленія, и который, опустошивъ ее, еще болѣе отдалялъ ее отъ Англіи. Въ публичномъ манифестѣ онъ объявилъ тогда, что онъ не имѣетъ никакого другаго намѣренія, кромѣ соединенія двухъ странъ посредствомъ брачнаго союза, на основаніяхъ совершеннаго равенства, подъ общимъ названіемъ Британіи. Онъ увѣрялъ, что желаетъ этимъ положить конецъ войнамъ, которыя такъ долго ихъ опустошали. Но его политическія причины имѣли также мало успѣха, какъ и его военныя экспедиціи. Тогда герцогъ Сомерсетъ попытался воспрепятствовать юной королевѣ шотландской отправиться во Францію. Онъ послалъ флотъ, подъ начальствомъ адмирала Клинтонна, чтобы перехватить ее на дорогѣ, будучи увѣренъ, что та изъ двухъ странъ, въ рукахъ которой будетъ королева, овладѣетъ и ея королевствомъ.

Но дальновидность и благоразуміе мѣръ, принятыхъ вдовствующею королевой, отстранили отъ ея дочери и эту послѣднюю опасность. Она немедленно увезла юную Марію изъ Инчмагома въ Дѣмбартонъ, куда съ небольшою поспѣшностью и таинственностью прибылъ также адмиралъ Вильганьонъ съ четырьмя гальотами, назначенными для препровожденія во Францію молодой государыни. На королевскомъ гальотѣ, вмѣстѣ съ Марією Стюартъ, отправились два ея гувернера, побочный братъ ея, лордъ Джемсъ, которому въ это время было семнадцать лѣтъ, и четыре ея сверстницы, принадлежавшія къ знатымъ фамиліямъ: Флеммингъ, Ситонъ, Битонъ и Ливингстонъ. Ихъ называли четырьмя Маріями, потому что всѣ онѣ носили имя своей королевы. Маленькая флотилія, съ своимъ драгоценнымъ грузомъ, оставила западный берегъ Шотландіи 7 августа, незадолго передъ тѣмъ, какъ англійская эскадра прибыла къ мысу Сентъ-Абботъ, для того, чтобы воспрепятствовать ея отплытію. Плаваніе этой флотиліи совершилось благополучно и 13 августа 1548 г. она вошла въ Брестскій портъ. Отсюда Марію Стюартъ повезли въ Сентъ-Жерменъ, гдѣ въ то время находился дворъ. Король Генрихъ II принялъ ее тамъ и обращался съ нею, какъ съ дочерью. Онъ назначилъ ей содержаніе, соотвѣствующее ея сану, и сталъ воспитывать ее вмѣстѣ съ своими дѣтьми.

Все было кончено. Неудавшійся планъ соединенія Шотландіи съ Англіей смѣнился старинной политикой соперничества и вражды, которая усилилась до такой степени, что постоянно поддерживалась въ теченіе остальныхъ годовъ столѣтія, отличаясь то жестокостью, то коварствомъ враждующихъ сторонъ. Послѣ отъѣзда Маріи Стюартъ на материкъ, ея королевство вело войну еще два года. Но съ присоединеніемъ французскихъ войскъ къ шотландскимъ военное счастье измѣнилось. Англичане были разбиты, потеряли большую часть укрѣпленныхъ позицій, занятыхъ ими послѣ битвы при Пинки, и принуждены были заключить съ Шотландіей, — территорія которой была ими очищена, — миръ, подписанный 24 марта въ Булонн, а 24 апрѣля 1550 г. обнародованный въ Эдинбургѣ. Однакоже миръ не избавилъ ихъ отъ ненависти сосѣдей, вражду которыхъ они пробусли этой девятилѣтней войною.

Въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ, наступившихъ по заключе

ни мира 1550 г., французское господство въ Шотландіи возрастало, усиливалось и наконецъ пало. Вдовствующая королева, честолюбивой которой равнялось ловкости, стремилась къ управленію государствомъ своей дочери. Она добивалась регентства съ тѣмъ же искусствомъ, какое выказала въ подготовленіи тѣснаго союза Шотландіи съ Франціей и въ устройствѣ брака Маріи Стюартъ съ дофиномъ. Безъ труда удалось ей пріобрѣсти поддержку своекорыстнаго Генриха II. Этотъ государь, особенной благосклонностью котораго пользовались его братья—герцогъ Франсуа де Гизъ и кардиналъ Лотарингскій, уступалъ въ распоряженіе графа Арана, главы Гамильтоновъ, герцогство Шателро, съ условіемъ, чтобы тотъ отказался отъ регентства. Между тѣмъ Марія Лотарингская своими обѣщаніями, возбуждавшими честолюбіе шотландскаго дворянства, все болѣе и болѣе пріобрѣтала его благорасположеніе. Она снискала также сочувствіе уже значительно усилившейся въ то время протестантской партіи, выказывая большую снисходительность къ ея ученію, и наконецъ привлекла на свою сторону графа Гэнтли, главу фамиліи Гордоновъ, и сильнѣйшаго владѣтеля на сѣверѣ, обѣщавъ отдать ему графство Мюррей, а его старшаго сына сдѣлать графомъ Ротсэй. Въ тоже время она добилась опекуинства надъ королевою, видя въ этомъ средство къ достиженію власти въ государствѣ. Но только послѣ четырехлѣтнихъ интригъ и усилій достигла она своей цѣли. Весною 1554 г. слабый графъ Аранъ уступилъ ей наконецъ регентство, цѣною котораго пріобрѣлъ герцогство Шателро и значительный пенсіонъ отъ Франціи. Кромѣ того онъ удержалъ за собою замокъ Дэмбартонъ до совершеннотѣтія королевы, былъ признанъ вторымъ лицомъ въ королевствѣ и въ случаѣ смерти Маріи Стюартъ долженъ былъ наследовать престолъ. Марія Лотарингская, въ присутствіи государственныхъ чиновъ Шотландіи и съ ихъ согласія, приняла отъ своей дочери, достигшей тогда двѣнадцатилѣтняго возраста, титулъ и власть регентши.

Такимъ образомъ вдовствующая королева достигла наконецъ цѣли, къ которой стремилась такъ неутомимо. Она дѣйствовала безошибочно; но это было легче, когда она только желала, чѣмъ тогда, какъ получила желаемое. Легче было не дѣлать ошибокъ, стремлясь ко власти, чѣмъ избѣгать ихъ въ управленіи государствомъ. Нуждаясь во всѣхъ, она умѣла угодить каждому. Но дѣла пошли иначе, когда она получила въ свои руки королевскую власть. Для нея было трудно избѣгать увлеченія, съ какимъ она выказывала свое пристрастіе къ Франціи, которой обязана была своимъ возвышеніемъ. Важнѣйшія должности въ королевствѣ она замѣстила французами. Вице-канцлеромъ былъ сдѣланъ де Рюбе, должность контролера отдана Вильмору, губернаторство Оркней - Вонтону, и наконецъ всѣмъ ходомъ государственнаго управленія завѣдывалъ д'Уазель, бывшій тайнымъ секретаремъ регентши. Такое управленіе Шотландіи посредствомъ иностранцевъ было непопулярно и опасно. Оно возбуждало зависть въ шотландской аристократіи, которая охотно принимала помощь Франціи, но не могла сносить долго господства ея.

Однакоже разрывъ между Франціей и Шотландіей послѣдовалъ не

скоро. Регентша еще ладилa со всѣми, въ комъ нуждалась, для того чтобы выдать свою дочь за дофина и защищать Шотландію отъ Англіи. Положеніе этой послѣдней страны совершенно измѣнилось со вступленіемъ на ея тронъ Маріи Тюдоръ. Новая королева съ фанатическою ревностю принялась за уничтоженіе религіознаго переворота, совершеннаго ея отцомъ, Генрихомъ VIII, и утвердившагося въ правленіе брата ея, Эдуарда VI; католицизмъ былъ восстановленъ самыми крутыми мѣрами. Потомъ, выйдя замужъ за Филиппа II, она связала Англію съ обширными владѣніями государя Испаніи и Обѣихъ Сидней, герцогства Миланскаго, Нидерландовъ и Америки. Этотъ союзъ, одинаково опасный Франціи и Шотландіи, долженъ былъ мгновенно скрѣпить узы, связывавшія оба эти королевства. Онъ воспрепятствовалъ католико-національной партіи отдѣлиться отъ регентши, а партіи англо-протестантской — примкнуть къ королевѣ, преслѣдовавшей ея единовѣрцевъ въ Англіи, и къ королю, который былъ главнымъ противникомъ протестантства на материкѣ. Вслѣдствіе этого бракъ шотландской королевы съ дофиномъ сдѣлался совершенно необходимымъ, чтобы противопоставить одному союзу — другой.

Марія Стюартъ была очень развита для своего возраста. Она была высока и хороша собою. Ея блестящія глаза дышали умомъ. Ея руки были въ высшей степени изящны. Она имѣла нѣжный голосъ и благородную наружность, исполненную граціи; говорила съ одушевленіемъ и вообще была уже чрезвычайно привлекательна. Рано выказались въ ней прелести, заставлявшія любить ее и дѣлавшія очаровательнымъ даже самое дѣтство ея. Она была воспитана вмѣстѣ съ дочерью Екaтерины Медичи, подъ надзоромъ ученой Маргариты Французской, сестры Генриха II, покровительницы Мишеля де л'Опиталя, бывшей въ послѣдствіи замужемъ за герцогомъ савойскимъ. Дворъ, среди котораго выросла Марія Стюартъ, былъ самымъ великолѣпнымъ, самымъ изящнымъ, самымъ веселымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ развращеннымъ въ Европѣ. Сохраняя еще нѣкоторые воинственные обычаи среднихъ вѣковъ и въ тоже время пріучаясь къ умственной дѣятельности эпохи возрожденія, онъ имѣлъ характеръ на половину рыцарскій, на половину ученый. Турниры и охота смѣшивались тутъ съ науками и ученостію; театральныя представленія и зрѣлища дѣйствующія на умъ, смѣнялись гимнастическими упражненіями тѣла; грубыя древнія игры, основанныя на ловкости и силѣ, шли объ руку съ новыми, утонченными наслажденіями искусствъ.

Ничто не могло сравниться съ блескомъ и шумомъ этого двора, введенными еще Францискомъ I, который привлекъ къ нему цвѣтъ Французской аристократіи, воспитывая здѣсь молодыхъ дворянъ изъ всѣхъ провинцій, въ качествѣ пажей *, и украсивъ его почти двумя

* При Францискѣ I, также и при Генрихѣ II такихъ пажей было около ста тридцати, изъ нихъ ежегодно до 50 человекъ выходили въ пѣхоту, въ тяжелую и легкую кавалерію. Брантомъ. т II с. 353 и 354.

стами дамъ и дѣвицъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ королевства. Вся эта толпа придворныхъ безпрестанно переселялась то на берега Сены въ роскошные дворцы Фонтенбло и Сентъ Жермена, частью выстроенные вновь, частью переделанные Францискомъ I; то въ увеличенныя имъ замки Блуа и Амбуаза на берега Луары, гдѣ проводилъ время предки его. Подражая отцовскому примѣру, Генрихъ II удержалъ тоже великолѣпіе и при своемъ дворѣ, которымъ съ дѣятельностью и увлеченіемъ руководила ловкая итальянка Катерина Медичи. Она привикла къ этому при Францискѣ I, привикшемъ ее въ *маленькій отрядъ своихъ дамъ фаворитокъ*, съ которыми онъ бѣдаль охотиться за оленями и не рѣдко проводилъ время одинъ въ своихъ увеселительныхъ домахъ. Но по большей части жулики смѣшивались съ обществомъ дамъ почти непрерывно. Королева и ея дамы присутствовали на всѣхъ играхъ и увеселеніяхъ Генриха II и его придворныхъ, сопровождали его на охоту; король также со своей свитой проводилъ по нѣскольку часовъ утромъ и пѣлые вечера на половинѣ Катерины Медичи. «Тамъ, говоритъ Брантомъ, всегда находилась толпа земныхъ богинь, одна прекраснѣе другой: каждый вельможа, каждый придворный говорилъ съ тою, которая ему нравилась больше всѣхъ, между тѣмъ, какъ король съ своими приближенными бесѣдовалъ съ королевою, или занималъ разговоромъ свою сестру, королеву дошину (Марію Стюартъ) и другія принцессы.» Имѣя официальныхъ фаворитокъ, короли хотѣли, чтобы и подданные тоже имѣли ихъ. «И тѣхъ кто этого не дѣлалъ, говоритъ Брантомъ, считали фатами и глупцами.» Францискъ I взялъ себя въ фаворитки сначала графиню Шатобрианъ, а потомъ герцогиню д'Этангъ; Генрихъ II былъ также рыцарски-страстнымъ поклонникомъ жены великаго сенешала Нормандіи, Дианы де Пуатье. Но кромѣ этихъ извѣстныхъ всѣмъ фаворитокъ, были и другія Францискъ I, прославившійся своею безнравственностью, отличался тѣмъ, что самъ любилъ просвѣщать дамъ, поступавшихъ къ его двору. Его товарищемъ въ этихъ подвигахъ вольнодумства и разврата былъ дядя Маріи Стюартъ, богатый и разгульный кардиналъ Лотарингскій. Таковъ былъ дворъ, изъ жизни котораго Брантомъ заимствовалъ большую часть безнравственныхъ примѣровъ, приведенныхъ имъ въ своихъ *«Свѣтскихъ жемчужинахъ»*. Объ испорченности этого двора можно судить даже изъ стихотворенія, которое духовникъ Генриха II, поэтъ Мелень де Сентъ-Желе, посвятилъ одной изъ красавицъ двора:

«Я слышалъ, что какъ только ко двору являлась какая нибудь красивая дѣвушка или молодая дама, онъ тотчасъ же сблизался съ нею и чтобы склонить ее обыкновенно говорилъ, что самъ хочетъ заняться ея образованіемъ. Прекрасный составникъ!.. Тогда говорили также, что изъ числа состоявшихъ при дворѣ и поступавшихъ туда вновь дамъ и дѣвицъ почти вовсе не было такихъ, которыхъ бы не развратило или собственное корыстолюбіе или щедрость кардинала; и очень не мало, а быть можетъ и ни одна изъ нихъ не оставила этого двора съ незапятнанною членомъ.» Брант. т. VII с. 340.

Si du parti de celle voulez être
 Par qui Venus de la cour est bannie,
 Moi, de son fils ambassadeur et prêtre,
 Savoir vous fais qu'il vous excommunie.
 Mais si voulez à leur foy être unie,
 Mettre vous faut le coeur en leur puissance,
 Pour répondant à votre obéissance.
 Car on leur dit qu' en vous, mes demoiselles,
 Sans gage sûr, y a peu de fiance
 Et que d'Amour n'avez rien que les ailes *.

Въ этой-то школѣ изящества и разврата, откуда выходили такіе остроумные и порочные короли, такіа любезныя и въ тоже время вѣтренныя принцессы, выросла и образовалась Марія Стюартъ. Въ дѣтствѣ своемъ она почерпала отсюда одно только хорошее; но при этомъ нельзя было не дать ей замѣтить существовавшего здѣсь зла, которому она невольно стала подражать въ послѣдствіи, потому что видѣнные примѣры рано или поздно непременно отражаются на поступкахъ. Но сначала она пользовалась только изяществомъ и образованностью, представлявшими при этомъ очаровательномъ и ученомъ дворѣ, гдѣ дочери короля съ любовью изучали языки и искусства и гдѣ у каждаго государя былъ свой поэтъ: у Франциска I — Маро; Генриха II — Сень-Желе; у Карла IX — Ронсаръ; у Генриха III — Де-портъ. Это было время литературнаго переворота, который, отдаливъ французскую поэзію отъ наивной простоты среднихъ вѣковъ, съ дѣлюю придать ей ученія формы древности, — заставилъ ее потерять свою самостоятельность, не достигнувъ желаемого величія. Такой родъ поэзіи могъ быть только минутной прихотью, хотя проповѣдывалъ его Іоакимъ дю Беле развивалъ, Ронсаръ, покровительствовалъ ему канцлеръ Л'Опиталь, удивлялся Монтень и апплодировалъ весь дворъ Генриха II. Ронсаръ, жившій три года въ Шотландіи, въ качествѣ пажа при Іаковѣ V, — былъ сначала наставникомъ Маріи Стюартъ въ поэзіи, а потомъ ея поклонникомъ.

Скоро развернулись въ ней разнообразныя дары ея богатой и очаровательной натуры. Въ десять лѣтъ она уже удивляла всѣхъ своею зрѣлостью, и въ письмахъ къ вдовствующей королеви, по поволу шотландскихъ дѣлъ, обнаруживала тонкость ума, необыкновенную для своего возраста. Тринадцати лѣтъ она декламировала предъ королеми, королевою и всѣми придворными, въ залѣ Лувра, латинскую рѣчь, сочиненную ею самой. Уже способная къ скрытности, она умѣла сохранять политическія тайны, которыя довѣрала ей мать. Вотъ что писалъ объ ней кардиналъ Лотарингскій къ своей сестрѣ:

* Если вы хотите принадлежать къ числу тѣхъ, которые изгнали придворную Венеру: то я, посланникъ и жрецъ ея сына, объявлю вамъ, что вы отлучены изъ нихъ. Но если вы хотите быть съ ними за одно, то вы должны предать свое сердце изъ нихъ възвѣсть, въ залогъ вашего повиновенія; потому что, говорить, навѣсь дѣвщины, безъ залога, положиться нельзя, и что изъ любви вы не имѣете ничего кромѣ кривлеви.

чи, добротѣ, мудрости и добродѣтеляхъ, что совершеннѣе ея во всемъ прекрасномъ и благородномъ невозможно и быть, и теперь ничего подобнаго вы не встрѣтите въ нашемъ государствѣ, ни между аристократами, ни между двѣшками низшаго и средняго классовъ, какія только находятся въ немъ. Я долженъ сообщить вамъ также, мадамъ, что король очень любитъ ее и всегда находитъ часъ времени для бесѣды съ нею, а она умѣетъ занять его разговоромъ о прекрасныхъ и разумныхъ предметахъ такъ, какъ этого не сдумѣла бы сдѣлать иная двадцати-пятилѣтняя женщина.» Прекрасное воспитаніе, которое она получила, обогатило ее природныя способности разнообразными познаніями. Кроме латинскаго языка, на которомъ она хорошо говорила, она изучала исторію, знала живые языки, отличалась въ музыкѣ, очаровательно пѣла, аккомпанируя себѣ на лютнѣ и сочиняла стихи, приводившіе въ восхищеніе Ронсара и дю-Беле. Обладая живымъ и проницательнымъ умомъ, вкрадчивымъ и любезнымъ характеромъ, она составляла украшеніе двора, гдѣ всѣ восхищались ею. Кардиналъ Лотарингскій въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ своей сестрѣ преобладаніе Маріи Стюартъ при дворѣ, который она сдумѣла подчинить своему влиянію: «Увѣряю васъ, мадамъ, что никто не можетъ быть прекраснѣе и благороднѣе королевы — дочери нашей; она совершенно управляетъ королемъ и королевою.»

Когда этой очаровательной принцессѣ наступилъ пятнадцатый годъ, Генрихъ II сталъ торопить ея бракъ съ дофинемъ. 31 октября 1557 г. онъ писалъ къ государственнымъ чинамъ Шотландіи, приглашая ихъ къ выполненію стариннаго обязательства, даннаго ими по этому предмету. 14 декабря государственные чины собрались въ Эдinburghъ, подтвердили свои обѣщанія, которыя регентша сдумѣла сдѣлать привлекательными для нихъ, и назначили десять комиссаровъ, для того чтобы они ѣхали въ Парижъ, утвердить предстоящій бракъ отъ имени Шотландіи и присутствовать на торжествѣ. Этими комиссарами были назначены: архіепископъ Глазго'скій; епископъ Рос'скій, епископъ Оркней'скій; графъ Ротъ; графъ Кассилсъ; лордъ Джемсъ Стюартъ, комендантъ замка Сентъ-Андре, бывший въ это время двадцати шести лѣтъ; лорды Джемсъ Флеммингъ и Джорджъ Ситонъ и Джонъ Эрскинъ Дэйв. Сообразно съ полученными инструкціями они должны были прежде всего взять съ королевы и дофина клятву въ соблюденіи нераздѣльности, законовъ и привилегій государства. Эта формальность была исполнена и контрактъ подписанъ 19 апрѣля 1558 г. на слѣдующихъ условіяхъ; старшій сынъ, происшедшій отъ этого брака долженъ быть королемъ Франціи, если же отъ него произойдутъ только дочери, то старшая изъ нихъ дѣлается королевою Шотландіи, получая четыреста тысячъ экю, какъ французская принцесса. Она можетъ выйти замужъ не иначе какъ съ обоюднаго согласія государственныхъ чиновъ Шотландіи и короля Франціи. Дофинъ имѣетъ право пользоваться титуломъ и гербомъ короля шотландскаго, и если онъ умретъ на французскомъ престолѣ, то долженъ

оставить королевѣ, женѣ своей, вдовью пенсію въ шестьдесятъ тысячъ турскихъ ливровъ.

Черезъ пять дней, послѣ этого, бракосочетаніе происходило съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ въ церкви Богоматери. Кардиналъ де Бурбонъ совершилъ его въ присутствіи короля, королевы, принцевъ крови и знатнѣйшаго дворянства. Едва только окончилась церемонія, новобрачная, примѣру которой послѣдовали и депутаты ея страны, поздравила дофина королемъ Шотландіи; и въ теченіе моихъ дней празднества смѣнялись одно другимъ, наполняя Парижъ движеніемъ и радостью. Повсюду прославлялось величіе блистательной принцессы, которая, казалось, была призвана счастливо носить двѣ короны. И кто могъ угадать въ это время, что меньше чѣмъ въ десять лѣтъ она потеряетъ ихъ одну за другою и должна будетъ впасть въ бездну несчастій.

Самый французскій дворъ способствовалъ ея паденію, научивъ ее двуличности и коварству, которыя были для ней въ послѣдствіи такъ пагубны. Не довольствуясь тѣмъ, что этотъ бракъ еще болѣе скрѣплялъ союзъ съ Шотландіею, вовлеченною черезъ него въ войну Франціи съ Англіей и Испаніей, Генрихъ II хотѣлъ упрочить за собою власть надъ этимъ королевствомъ, въ случаѣ, еслибы Марія Стюартъ умерла бездѣтною. Онъ думалъ такимъ образомъ предотвратить восшествіе Гамильтоновъ на тронъ и присоединить къ Франціи страну, которая никогда не терпѣла мысли о соединеніи съ Англіей. 4 апрѣля 1558 г., т. е. за пятнадцать дней до принятія Маріею Стюартъ условій, сообщенныхъ комиссарамъ шотландскаго парламента, она подписала въ Фонтенбло два тайныхъ документа чрезвычайно-опасной важности. Первый изъ этихъ актовъ просто составлялъ полную отдачу Шотландіи королямъ французскимъ, въ уваженіе заслугъ, оказанныхъ этими королями въ разное время Шотландіи, въ защитѣ ея противъ англичанъ, старинныхъ и закоренныхъ враговъ этой страны, и особенно въ вознагражденіе за помощь ей короля Генриха II, который, во время малолѣтства шотландской королевы, поддерживалъ ея государство на собственный счетъ.

Второй актъ былъ составленъ повидимому на случай неисполненія перваго, въ которомъ Марія Стюартъ передавала также Генриху II свои наследственныя права на Англію и Ирландію. Онъ заключалъ въ себѣ предоставленіе королю французскому права пользоваться доходами королевства шотландскаго, до тѣхъ поръ пока этими доходами не уплачивалась сумма, израсходованная имъ на защиту Шотландіи. Такъ какъ это королевство, при своей бѣдности не могло уплатить суммы, простиравшейся до милліона золотомъ, то Марія Стюартъ отдавала его во владѣніе короля Франціи до уплаты долга доходами. Такимъ образомъ, съ согласія блажайшихъ своихъ родственниковъ герцога де Гиза и кардинала Лотарингскаго, она отдала Шотландію подъ залогъ долга, котораго это королевство не признавало вовсе.

Оба эти акта столько же неудачны, сколько и неудобоисполнимыя, не могли быть полезными королю Франціи, но въ значительной степени могли повредить королевѣ шотландской, научивъ ее пренебре-

гать своимъ словомъ, играть своими обязанностями и черезъ это поставивъ ее на пути къ злополучію. И въ самомъ дѣлѣ 4 апрѣля она подписала тайный протестъ противъ торжественныхъ обѣщаній, данныхъ пятнадцать дней спустя, въ присутствіи шотландскихъ комиссаровъ. Уничтожая заранѣе согласіе, которое должна была дать на статьи, составленныя чинами своего государства, сообразно съ его законами, она сказала въ этомъ протестѣ, что намѣрена располагать своимъ наслѣдіемъ на правахъ дѣйствительной королевы и потому, не желая чтобы оно досталось во власть какого нибудь туземнаго вельможи, она хочетъ *связать, слить, и соединить королевство шотландское съ короною Франціи*. Далѣе она прибавила, что принуждена подчиниться по наружности требованіямъ своихъ подданныхъ, потому что живетъ далеко отъ своей страны, не имѣетъ во власти ея крѣпостей, а безъ этого опасается смуть, которыя могутъ принести ей погибель.

И такъ первый шагъ въ жизни и въ управленіи Маріи Стюартъ ознаменовался актомъ слабости и предательства. Конечно, ее нельзя строго обвинять въ этомъ, потому что она была еще очень молода и совершенно подчинена чужому произволу; но ей слишкомъ скоро пришлось раскаяться въ этомъ. Шотландскіе комиссары, вовсе не подозревая, что королева пренебрегла своими клятвами и произвольно распорядилась ихъ отечествомъ, возвратились въ Шотландію, чтобы и тамъ утвердить договоръ, заключенный 19 апрѣля. Парламентъ, видя свои желанія исполненными, ратификовалъ его въ декабрѣ 1558 г. и утвердилъ за дофинамъ корону, доставшуюся ему по браку. Онъ опредѣлялъ также, чтобы съ этихъ поръ всѣ акты издавались за подписью Франциска и Маріи, короля и королевы Шотландіи, дофина и дофины Франціи.

Этимъ бракомъ обозначилась высшая точка французскаго вліянія на Шотландію. Достигнувъ ея, какъ крайняго предѣла, это вліяніе стало немедленно ослабѣвать. Шотландія воспользовалась всѣми выгодами, какія оно могло доставить и теперь замѣчала въ немъ одни только неудобства. Она чувствовала, что независимость ея, защищаемая отъ вліянія Англіи, можетъ подвергнуться опасности со стороны Франціи, а она вовсе не желала замѣнить одного чужеземнаго господства другимъ. Съ другой стороны Марія Лотарингская, достигнувъ всѣхъ своихъ цѣлей, — лишивъ регентства графа Арана выдавъ свою дочь за сильнѣйшаго изъ государей Европы, доставивъ Шотландіи французскій протекторатъ, соблюдала меньше осторожности въ отношеніи къ людямъ, которые, по ея мнѣнію, уже не могли быть для нея ни полезны, ни страшны. Она исключительно окружила себя своими соотечественниками и этимъ привела въ раздраженіе недовѣрчивую и завистливую шотландскую аристократію, которая по своимъ наклонностямъ и привычкамъ уже стремилась отдѣлиться отъ нея. Знатнѣйшіе бароны, и во главѣ ихъ герцогъ Шателро и графъ Гэнтли, уже обнаруживали свое недовѣріе по поводу войны, которую вели Франція и Шотландія противъ Англіи и Испаніи. Собравшись въ Кельсо они отказались отъ вторженія въ англійскія владѣнія,

опираясь на то, что для них нѣтъ никакого интереса начинать наступательныя дѣйствія, и что они должны ограничиваться только защитою королевства въ случаѣ нападенія непріятелей.

Начавшійся такимъ образомъ несогласіа скоро пошли дальше. Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ бракосочетанія королевы шотландской съ дофинномъ Франціи Маріа Тюдоръ умерла и съ ея смертью рухнулъ тѣсный союзъ Испаніи съ Англіею. Кромѣ того эта смерть повлекла за собою вторичное паденіе католицизма въ послѣдней странѣ, безпрестанно мѣнявшей свои религіозныя вѣрованія, подчиняя ихъ произволу государей. Дочери Катерины Арагонской наследовала дочь Анны Болейн, немедленно возстановившая исповѣданіе, котораго держались отецъ ея, Генрихъ VIII и братъ Эдуардъ VI. Вступленіе Елизаветы на тронъ въ ноябрѣ 1558 г. измѣнило какъ отношенія Маріи Стюартъ къ Англіи, такъ положеніе и чувства партій въ Шотландіи. Елизавета была объявлена незаконнорожденною, когда ея мать была обезглавлена, и французскій дворъ смотрѣлъ на нее, какъ на неспособную къ царствованію и по рожденію, и по религіи. По пристрастному взгляду этого двора Марія Стюартъ, какъ происходящая по прямой линіи отъ Генриха VII и его старшей дочери Маргариты Тюдоръ, бывшей за мужемъ за Іаковомъ IV, была законною наследницею англійской короны. Съ опрометчивостью, превосходившею даже неблагоразуміе актовъ, заключенныхъ въ Фонтенбло, Генрихъ II заставилъ дофиню принять гербъ Англіи и соединить его съ гербомъ Шотландіи. Этимъ поступкомъ онъ положилъ начало страшной борьбѣ между нею и Елизаветой *.

Но какова была въ самомъ дѣлѣ эта личность, вражду которой къ Маріи Стюартъ такъ безбоязненно возбудилъ французскій дворъ, и которая съ этой минуты сдѣлалась ея соперницей, какъ королева и какъ женщина? Съ возвышеннымъ умомъ, съ повелительнымъ характеромъ, съ чрезвычайною гордостью соединяя сильную энергію, большую хитрость и способности, Елизавета должна была скрывать свои чувства и вѣрованія въ продолженіе всего грознаго царствованія сестры своей, которая навѣрно сослала бы ее куда нибудь, еслибы за нее не вступился Филиппъ II. Подозрѣваемая она жила подъ надзоромъ въ удаленіи отъ двора, и здѣсь получила прівычку къ притворству, которая соединялась въ ней съ непреклонными и пылкими страстями, наследованными ею отъ отца. Вотъ какъ описываетъ ее венеціанскій посланникъ Джовани Микеле, въ 1556 г. незадолго до ея востпешствія на престолъ; тогда ей было двадцать три года: «Она одинаково замѣчательна, говоритъ онъ, какъ по своей наружности, такъ и по уму, хотя лицо ея скорѣе привлекательно чѣмъ красиво. Она высока ростомъ и хорошо сложена. Цвѣтъ лица ея не жейтъ, хотя она довольно смугла. У нея прекрасныя глаза, но осо-

* Замѣчательно, что въ то время, когда король французскій и королева шотландская обнаруживали эти притязанія на тронъ Англіи, Филиппъ II, искавшій передъ тѣмъ руки Елизаветы, защищалъ ее передъ папою, когда тотъ хотѣлъ объявить ее еретичкой, и во всякомъ случаѣ требовалъ, чтобы это государство досталось ей, а не кому нибудь другому.

Было хороши ея руки, которыя она любитъ выставлять на показъ. Ея умъ и проницательность удивительны, и она доказала это умень- шить держа себя среди подворъннн, предметомъ которыхъ она слу- жить и опасностей, которыя окружаютъ ее. Въ знаннхъ языковъ она пре- восходитъ свою сестру королеву. Кромѣ англійскаго, испанскаго, фран- цузскаго и латинскаго, — въ этихъ онѣ обѣ одинаково сильны—она въ совершенствѣ владѣетъ языкомъ греческимъ и гораздо лучше ко- ролевы говоритъ по-итальянски; послѣдннй языкъ ей очень нравится и она любитъ употреблять его. Она горда и надмѣнна. Рожденная матерью, обезглавленною за нарушеннє супружеской вѣрности, она все таки считаетъ себя—равною съ королевою, сестрой своей, и свое про- исхожденнє законнымъ. Говорятъ, что она очень похожа на отца, кото- рый за это особенно любилъ ее. воспиталъ такъ же хорошо какъ и коро- леву и столько же позаботился объ ней въ своемъ завѣщаннн.» Обладая большими свѣдѣннями, Елизавета отличалась также разнообразными талантами. Она была прекрасной музыкантшею и восхитительно тан- цовала. Ея личныя достоинства, очарованнє свѣтлаго ума, всѣ пре- дности блистательнаго воспитаннн, особенная оригинальность, необык- новенная граціозность и живое, сильное воображеннє заставляли ви- дѣть въ ней замѣчательную женщину; а въ тоже время тонкость и проницательность ея сужденнн, ея глубокая наблюдательность, изворот- ливый и высокоумѣрный характеръ, дѣятельное честолюбнє — предвѣ- щали въ ней великую королеву.

Въ самый день своего вступленнн на тронъ она показала чѣмъ будетъ въ послѣдствнн. Она съ достоинствомъ приняла корону, и изъ угнетеннн перешла къ власти спокойно, безъ малѣйшаго сму- щеннн. Приннявъ политику, составившую славу ея правленнн, она всегда слѣдовала ей, и ни разу не уронила ея значеннн. Нельзя сказать, что она была ревностной протестанткой, но она удалась отъ католи- цизма, какъ отъ исповѣданнн, угнетавшаго ее въ дѣтствѣ и опас- наго для ея власти. Она скорѣе могла ненавидѣть его, чѣмъ опро- вергать. Не смотря на то, что, по ея словамъ, она читала твореннн св. Іеронима и св. Августина, и не была знакома съ сочиненнями Лютера и Кальвина, ей все таки казалось, что между различными исповѣданнями хрнстіанской религнн въ сущности очень мало разницы. Поэтому она приняла протестанство больше изъ политическихъ цѣлей, чѣмъ изъ убѣжденнн; * въ этомъ она видѣла средство привлечь къ своей пар- тнн общественное мнѣннє, придать ей главнѣйшее значеннє въ госу- дарствѣ и ослабить партню ей враждебную.

* Черезъ полтора года послѣ своего востшествнн на тронъ она выдавала себя за католичку, предъ Квадра, епископомъ аквилльскимъ, капелланомъ Филиппа II и его посланникомъ въ Лондонъ, желая этимъ упрочить за собою благорасположеннє испанцевъ, и въ случаѣ нужды имѣть въ нихъ поддержку противъ Англнн и Шот- ланднн. «Недавно она говорила мнѣ, писалъ Квадра къ Филиппу II, что она такая же католичка, какъ я католикъ, и именемъ Божиимъ утверждала, что ея рели- гнн ничѣмъ не отличается отъ исповѣданнн католиковъ, находящихя въ ея коро- левствѣ.» Епископъ аквилльскнй спросилъ, для чего она скрываетъ свою религню, она отвѣчала мнѣ, что принуждена сдѣлать это *до времени* (ad tempus).» Тайная депеша 3 іюня 1560 года.

Она немедленно же окружила себя людьми преданными и опытными. Между ними первыя мѣста занимали: лордъ Робертъ Дэдлей, одинъ изъ сыновей герцога Нортэмберленда, назначенный ею великимъ шталмейстеромъ и до самой смерти бывший ея любимцемъ и Вильгельмъ Сесиль, получившій должность государственнаго секретаря и оставшійся сорокъ лѣтъ первымъ министромъ Елизаветы. Умѣя сохранять привязанность тѣхъ, кого она сумѣла выбрать, она всегда могла положиться на этихъ людей. Но при этомъ никогда ни на минуту не подчинялась она вліянію своихъ любимцевъ; самыя лучшіе министры ея были только полезными орудіями въ ея рукахъ, но не больше. Она постоянно совѣтовалась съ ними, но рѣшеніе всегда предоставляла себѣ. Свою волю, подчинявшуюся только личнымъ расчетамъ или политическимъ интересамъ, она высказывала иногда медленно, часто смѣло, но всегда повелительно, по-королевски. Не больше какъ черезъ мѣсяцъ послѣ того какъ она заняла тронъ Маріи Тюдоръ, испанскій посланникъ писалъ объ ней къ Филиппу II: «ея несравненно больше боятся, чѣмъ королевы, сестры ея. Она повелѣваетъ и дѣлаетъ все, что ей угодно, такъ же рѣшительно, какъ и король, отецъ ея.» Отъсылаясь о себѣ съ полнымъ сознаниемъ своего достоинства и могущества, Елизавета сказала, около того же времени: «я докажу свѣту, что въ Англіи есть женщина, которая умѣетъ дѣйствовать мужественно и которой не помогаютъ ни конетабль Монморанси, какъ королю французскому, ни епископъ аррасскій, какъ королю испанскому.»

Такова была королева, сдѣлавшаяся опорой всѣхъ религіозныхъ диссидентовъ и всѣхъ недовольныхъ существующимъ порядкомъ дѣлъ Шотландіи; Марія Стюартъ, слѣдуя дурнымъ совѣтамъ, сама принудила ее къ этому, вызвавъ своими поступками горячую ненависть ея. Число такихъ диссидентовъ и недовольныхъ безпрестанно увеличивалось, потому что регентша, Марія Лотарингская, выдавъ свою дочь за дофина, не считала нужнымъ быть снисходительной къ партіи реформы, и думала, что можетъ безнаказанно пренебрегать высшею аристократіей государства. Она управляла имъ при помощи французскихъ солдатъ, и слѣдуя совѣтамъ Франціи, къ которой въ это время питали въ Шотландіи такую же ненависть, какую прежде — къ Англіи. Когда же на французскій престолъ вступили зять и дочь Маріи Лотарингской, она стала дѣйствовать еще неосторожнѣе.

Генрихъ II умеръ 10 іюля 1559 г., отъ удара копьемъ, полученнаго имъ на турнирѣ, и оставилъ корону молодому Франциску II, который совершенно подчинился вліянію герцога Франсуа де Гиза и кардинала Лотарингскаго, братьевъ регентши шотландской. Хотя за три мѣсяца предъ этимъ (2 апрѣля) былъ заключенъ общій миръ въ Като-Камбрези и хотя Елизавета была признана по этому трактату, однако же Марія Стюартъ не оставила герба Англіи, а теперь даже приняла титулъ королевы Англіи и Ирландіи. Это дерзкое и тщеславное присвоеніе титула заставило Елизавету поддерживать съ своей стороны членовъ высшей аристократіи и религіозныхъ сектаторовъ рефор-

ятскаго исповѣданія, возстановившихъ въ Шотландіи англійскую партію. Съ этой минуты между мѣстнымъ дворянствомъ и чужеземными войсками, между протестантами и католиками возникъ важный вопросъ о томъ, кто одержитъ верхъ—аристократія или королевская власть, старый или новый порядокъ вещей. Отсутствие Маріи Стюартъ и неблагоразуміе Маріи Лотарингской сильно способствовали рѣшенію его въ пользу феодальной аристократіи и пресвитеріанской церкви, которыя приобрѣтали господство въ королевствѣ.

Этотъ переворотъ долженъ быть изложенъ въ краткомъ очеркѣ. Протестантская партія, игравшая такую важную роль въ несчастіяхъ Маріи Стюартъ, зарождалась въ Шотландіи весьма медленно, и въ самомъ началѣ своемъ подвергалась жестокимъ гоненіямъ въ теченіе всего царствованія Іакова V. Этотъ король ненавидѣлъ ее, какъ еретическую, и боялся ея противонаціональнаго духа: онъ слотрѣлъ на протестантовъ, какъ на враговъ древней церкви и на союзниковъ Англіи. До полученія своего религіознаго устава изъ Женевы, шотландскій протестантизмъ заимствовалъ первыя вѣрванія въ Германіи. По этому вначалѣ онъ былъ проникнутъ духомъ Лютера. Въ 1525 г. парламентскимъ актомъ было воспрещено ввозить въ предѣлы королевства сочиненія этого опаснаго реформатора и распространять его ученіе. Но ни законы, ни угрозы не могли остановить развитія благочестивой и строгой идеи, обнявшей большинство народонаселенія, идеи, за которую предавали сожженію аббатовъ, священниковъ, бенедиктинскихъ монаховъ, канониковъ Сентъ-Андре и дворянъ. Даже самый духовникъ короля, Ситонъ, оказавшійся слѣшкомъ благоклоннымъ къ ней, принужденъ былъ удалиться въ Англію, чтобы избѣжать костра, на которомъ, втеченіе одного только 1539 г., погибло семь мучениковъ за протестантиство. Въ 1541 г. парламентъ, подъ страхомъ конфискаціи имущества и смертной казни, запретилъ всякіе споры противъ папской власти.

Но скоро въ управленіе государствомъ вступилъ графъ Аранъ и при его регентствѣ все измѣнилось. Привлекаемый личными интересами на сторону Англіи, онъ условился съ другими статейными лордами дозволить чтеніе библіи на языкѣ народномъ и разрѣшить евангелическимъ реформаторамъ ихъ проповѣдь. Одинъ изъ этихъ реформаторовъ Джорджъ Уишартъ, возвратившійся въ это время изъ Англіи, куда онъ бѣжалъ въ предшествовавшее царствованіе, распространилъ новое ученіе въ Шотландіи; между своими учениками онъ считалъ знаменитаго Нокса и былъ истиннымъ предшественникомъ его въ дѣлѣ проповѣдыванія и утвержденія протестантиства. Это былъ человекъ возвышеннаго ума, нѣжной души, набожности, доходившей до аскетизма, который соединялъ чрезвычайную кротость съ самыми горячими убѣжденіями своими. Онъ съ большимъ успѣхомъ проповѣдывалъ въ Монтрозѣ, Дэнди, Пертѣ и Эйрѣ противъ догматовъ римской церкви и безпорядочной жизни ея духовенства. Его равностными защитниками и покровителями были: графъ Гленкэрнъ, графъ Маршалъ, сэръ Джорджъ Дугласъ, братъ Арчибалда, графа Авгуса, лорды Брѣстонъ, Лонгъ-Нидри, Ормстонъ,

Кальдеръ и Лочъ-Норрисъ. Примиреніе графа Арана съ кардиналомъ Битономъ нисколько не остановило успѣховъ его проповѣди, хотя раскаявшійся правитель государства уже не покровительствовалъ ему больше, а ободрившійся глава церкви употреблялъ всевозможныя средства для того, чтобы не допустить дальнѣйшаго распространенія реформы. Было даже совершено покушеніе на жизнь Уиншарта, но оно не удалось, — и съ этихъ поръ онъ проповѣдывалъ не иначе, какъ окруженный толпою бароновъ и вооруженныхъ людей. Но наконецъ графъ Патрикъ Вотвелъ * съ отрядомъ солдатъ захватилъ его ночью въ мѣстечкѣ Ормистонъ и передалъ кардиналу Битону, который 28 марта 1546 г. приказалъ сжечь его живаго. Смерть этого реформатора въ высшей степени воспламенила ненависть протестантской партіи къ кардиналу и шестнадцать смѣльчаковъ, подъ предводительствомъ Норманда Лесли, старшаго сына графа Ротза, схватили въ свой чередъ самаго Битона въ замкѣ Сентъ-Андре, зарѣзали его съ фанатическою жестокостью и потомъ вывѣсили, для поруганія, его трупъ на стѣну крѣпости.

Это убійство возбудило всеобщее отвращеніе и сильно повредило дѣлу протестантовъ. Ихъ предводители, и въ числѣ ихъ Ноксъ, съ которымъ Уиншартъ трогательно простился незадолго до своего ареста, сказавъ ему: «удалитесь, довольно и одного для жертвы», были взяты въ плѣнъ въ замкѣ Сентъ-Андре, послѣ пятимѣсячной осады и отсланы во Францію. Долго продержали ихъ тамъ въ тяжеломъ рабствѣ, и протестантская партія оправилась отъ этого удара только тогда, какъ Марія Лотарингская стала покровительствовать ей, съ цѣлю достигнуть регентства и управлять Шотландію безъ препятствій. Съ этого времени она возникла съ новыми силами, и Ноксъ, проведя нѣсколько лѣтъ въ цѣняхъ, на французскихъ галерахъ, былъ возвращенъ ей, чтобы воодушевить ее своимъ умомъ и своею смѣлостью.

Онъ достигъ уже въ это время полной зрѣлости позроста и его таланты, заслуги и несчастія доставили ему чрезвычайное вліяніе въ Шотландіи. Этотъ отважный реформаторъ родился въ 1505 г.; первоначальное воспитаніе онъ получалъ въ Гаддингтонской школѣ, послѣ того, вмѣстѣ съ Бучананомъ, слушалъ, въ университетѣ Сентъ-Андре, курсъ богословія; читанный Джономъ Маджоромъ, — который получилъ образованіе во Франціи, подъ вліяніемъ свободныхъ доктринъ д'Айльи и Жерсона, — потомъ сдѣлался странствующимъ ученикомъ Уиншарта и наконецъ плѣнникомъ Генриха II. Изъ трехъ языковъ, употреблявшихся учеными и проповѣдниками того времени, въ юности онъ зналъ одинъ латинскій и только послѣ 1534 года изучалъ греческій, незадолго передъ тѣмъ введенный въ Шотландію однимъ профессоромъ, пріѣхавшимъ изъ Франціи, а въ 1550, когда его плѣнъ окончился съ заключеніемъ мира, онъ, на материкѣ, занялся и еврейскимъ. Владѣя этими тремя орудіями проповѣди, располагая обширными богословскими познаніями, одушевляемый могучимъ умомъ:

* Отецъ знаменитаго Джамса Вотвеля, играющаго важную роль въ этой исторіи.

увлеченный необыкновенною ревностью, при стремительномъ характерѣ и чрезвычайномъ краснорѣчїи, онъ посвящалъ себя дѣлу реформы повсюду, гдѣ только могъ принести ему пользу. Онъ отправился въ Англію, чтобы здѣсь содѣйствовать реформѣ, сильно развившейся при Эдуардѣ VI, но покинулъ эту страну, когда королева Марія возстановила въ ней католицизмъ; потомъ онъ управлялъ церковью англійскихъ эмигрантовъ во Франкфуртѣ и наконецъ поселился въ Женевѣ, гдѣ Кальвинъ, съ которымъ онъ равнялся въ непоколебимости характера, но котораго превосходилъ въ энергіи, — былъ его учителемъ и другомъ. Терпимость, выказанная Маріей Лотарингской въ политикѣ, дава ему возможность возвратиться въ отечество, и въ 1555 онъ прибылъ въ Шотландію, чтобы сдѣлаться ея религіознымъ преобразователемъ и нравственнымъ властелиномъ.

По возвращеніи своемъ Ноксъ убѣдилъ послѣдователей новаго исповѣданія, не принимать болѣе участія въ процессіяхъ господствующей церкви, что они дѣлали до той поры, и открыто отдѣлиться отъ католиковъ. Въ тоже время онъ привлекъ къ своему ученію троихъ молодыхъ и знатныхъ послѣдователей, которымъ предстояло играть важную роль въ дѣлахъ своего отечества. Лордъ Джемсъ Стюартъ, побочный братъ королевы и прїоръ Сентъ-Андрѣ, равно замѣчательный, какъ по силѣ характера и по уму, такъ и по высокому своему положенію, принялъ протестанство вмѣстѣ съ Арчибалдомъ, лордомъ Лорноу, сыномъ графа Арджилля и лордомъ Джономъ Эрскинью. Двое изъ нихъ были впоследствии регентами Шотландіи, первый подъ именемъ графа Мюррей'скаго, а послѣдній — графа Мар'скаго. Вмѣстѣ съ другими могущественными баронами, каковы были — графъ Гленкэрнъ, графъ Маршаль, сиръ Джемсъ Сэндилендсъ, прозванный лордомъ Сентъ-Джономъ, потому что онъ былъ прїоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, Эрскинъ Данъ и др., они образовали по совѣту Нокса, религіозную конгрегацию и торжественно обязались поддерживать и распространять св. писаніе. Духовенство, душая устроить Нокса, вызвало его на судъ въ Единбургъ. Смѣлый реформаторъ явился туда, но для того только, чтобы публично изложить догматы преобразованнаго исповѣданія. Въ теченіе десяти дней, утромъ и вечеромъ ежедневно, всходилъ онъ на кафедру и безпрепятственно проповѣдывалъ передъ огромною толпою, привлекаемою его краснорѣчіемъ и плѣнявшеюся его объясненіемъ книгъ евангельскихъ. Народъ, въ высшей степени взволнованный его рѣчами, разогналъ правнуемую ежегодно процессію, въ память святаго Эгидія (Saint-Giles), патрона города, а статую святаго бросилъ въ озеро.

Когда новое ученіе распространилось и между дворянствомъ, и между народомъ въ сильной степени, то оставалось только добиться, чтобы оно было дозволено въ государствѣ. Ноксъ надѣялся и этого достигнуть. Съ этою цѣлью онъ подалъ регенту просьбу. Но она приняла ее съ самымъ оскорбительнымъ презрѣніемъ, понявъ, что пора остановить развитіе переворота, равно опаснаго, какъ для значенія церкви, такъ и для государственнаго спокойствія. Духовенству не трудно было убѣдить ее въ необходимости наказанія Нокса и унич-

тошенія нововведеній, сдѣланныхъ этимъ мятежнымъ проповѣдникомъ. Оно получило дозволеніе преслѣдовать и осудить своего опаснаго соперника, на убійство котораго оно уже покушалось въ граствѣ Ангусскомъ.

Ноксъ готовъ былъ пренебрегать опасностями, если видѣлъ въ этомъ пользу, но онъ вовсе не хотѣлъ погибать безплодно. При всемъ своемъ увлеченіи, онъ не былъ чуждъ благоразумія и умѣлъ, смотря по обстоятельствамъ, жертвовать собою и беречь себя. Видя, что еще не пришло время желаемыхъ имъ религіозныхъ преобразованій, онъ отступилъ передъ бурею, готовившеюся разразиться надъ нимъ, и снова поѣхалъ въ Женеву, куда его приглашали быть насторомъ. Между тѣмъ въ Эдинбургѣ былъ произнесенъ надъ нимъ смертный приговоръ и на площади Высокаго-Креста сожжено было представлявшее его чучело. Католическая партія, ободрившаяся послѣ приговора надъ Ноксомъ и его бѣгства, надѣялась запугать также и другихъ проповѣдниковъ реформы, бродившихъ въ государствѣ по всѣмъ направленіямъ. Джонъ Дугласъ, обратившійся въ протестантство кармелитъ и капелланъ графа Арджилла, замѣнилъ Нокса въ Эдинбургской общинѣ; Павелъ Метвенъ открыто проповѣдывалъ въ Дэнди, англичанинъ Джонъ Уиллохъ распространялъ евангелическое ученіе въ граствахъ Ангусъ и Мерсъ; другіе пасторы пріобрѣтали послѣдователей въ другихъ округахъ и повсюду продолжались частныя собранія, въ которыхъ наиболѣе свѣдуцій братъ общины, читалъ св. писаніе и оканчивалъ чтеніе благочестивою проповѣдью. Регентша вызвала всѣхъ этихъ проповѣдниковъ запрещеннаго вѣрученія къ отбѣту передъ собою и потребовала у нихъ отчета въ ихъ поведеніи. Они явились; но ихъ сопровождало такое значительное количество дворянъ протестантской партіи, что регентша, вмѣсто суда надъ ними, ограничилась только повелѣніемъ, чтобы они удалились въ пограничные округи. Но тѣ вовсе не думали повиноваться. Одинъ изъ западныхъ бароновъ Чальмерсъ Катгертъ, окруженный другими приверженцами реформы, даже возсталъ съ угрожающею смѣлостью противъ преслѣдованій, которымъ протестанты подвергались со стороны духовенства. «Епископы, сказалъ онъ регентшѣ, угнетаютъ и насъ и нашихъ вассаловъ для собственнаго обогащенія. Теперь они стали преслѣдовать нашихъ пасторовъ, чтобы ихъ погубить также, какъ насъ. Мы не станемъ переносить этого болѣе.» При этихъ словахъ товарищи его, стоявшіе до тѣхъ поръ съ открытыми головами, гордо надѣли свои желѣзныя каски, какъ будто бароны произноса ихъ, сдѣлалъ вызовъ на борьбу.

Регентша была вынуждена согласиться на безмолвную терпимость. Но скоро протестантскіе бароны и дворяне, возбужденные Ноксомъ, изъ своего убѣжища управлявшимъ всѣми ихъ дѣйствіями, собрались 3 декабря 1557 г. вмѣстѣ, особымъ союзнымъ актомъ (covenant), опредѣлили они отправлять открыто свое богослуженіе, и также открыто возстать противъ обрядности прежняго вѣрученія; кромѣ того они образовали особое управленіе въ государствѣ, подъ именемъ *лордовъ конгрегациі*. Графы Гленкэрнъ, Арджилъ, Мортонъ.

пріоръ Сентъ-Андре, Дрскингъ Дэнъ и др. были главными *лордами конгрегациі*, образовавшими новую власть въ защиту новаго богослуженія.

Въ такомъ видѣ оставались нѣсколько времени обѣ партіи, не вступая въ борьбу. Регентша продолжала угождать протестантамъ до тѣхъ поръ, пока выдала дочь свою за дофина, и пока союзъ Англіи съ Испаніей не рухнулъ со смертію католички Маріи и со вступленіемъ на тронъ протестантки Елизаветы. Но послѣ этого ея угодность исчезла. Съ первыхъ же мѣсяцевъ 1559 г. она присоединилась къ свѣтлымъ цѣлямъ Франціи, желавшей упрочить за Марією Стюартъ обладаніе Англіею, наравнѣ съ Шотландіею, при помощи католической партіи обояхъ государствъ. Регентша, утвердивъ своею подписью постановленіе синода епископовъ, осудила всѣ преобразованія, введенныя въ Шотландію и потребовала возстановленія безусловнаго единства вѣроисповѣданій. На это явное выраженіе нетерпимости протестантская партія отвѣчала угрозою возстанія.

Война, объявленная такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ, не захотѣла разразиться. Многіе города и въ томъ числѣ Дундизъ, Монтрозъ и Пертъ открыто приняли реформу. Ноксъ, вызванный изъ Жезевы лордами конгрегациі, прибылъ въ Шотландію въ началѣ мая 1559, въ этотъ разъ уже навсегда. Его горячія проповѣди противъ обрядности и установленій католицизма, побудили фанатическую и жестокою толпу низвергать иконы, разрушать монастыри, и грабить казетники прежней религіи. Это опустошеніе началось въ Пертѣ, но скоро ему стали подражать вездѣ, и разгнѣванная регентша грозилась срыть этотъ городъ до основанія и его мѣсто засѣять солью.

Она собрала войска, чтобы осадить Пертъ, а лорды конгрегациі рѣшились защищать его. Но все таки она приступила предварительно къ переговорамъ съ ними, не соблюдая вовсе принимаемыхъ условій. Тогда армія конгрегациі, подъ предводительствомъ лорда Джемса и графа Арджилля, съ которыми соединился сэръ Вильямъ Кернардъ, лордъ Гренджскій, одинокъ изъ самыхъ храбрыхъ и самыхъ опытныхъ воиновъ въ Шотландіи, двинулся изъ Сентъ-Андре на Пертъ, который и занялъ 25 іюня. Она овладѣла также Стёрлингъ раньше, чѣмъ регентша успѣла занять этотъ замокъ, взяла Ливингтоу и 30 іюня вступила въ Эдинбургъ. Столица королевства подпала во власть протестантовъ, и здѣсь, какъ повсюду, гдѣ только проходила армія конгрегациі и проповѣдывали ея пасторы, революція выразилась въ разрушеніи монастырей и другихъ святогослужительствъ. Олтари были испровергнуты, образа разбиты, католическое богослуженіе—прекращено.

Въ этой рѣшительной борьбѣ, протестанты обратились съ просьбою о помощи къ Елизаветѣ, а регентша торопила Генриха II присылкою подкрѣпленій. Въ ожиданіи заключено было перемиріе съ 24 іюня по 10 января 1560, и обѣ стороны согласились не препятствовать другъ другу въ отправленіи богослуженія. Лорды конгрегациі 25 іюля 1559 г. очистили Эдинбургъ, куда регентша обѣщала не вводить французскаго гарнизона. Время перемирія съ обѣихъ сторонъ

было употреблено для увеличенія силъ. Генрихъ II только что умеръ и, казалось, что французскія войска, находившіяся въ бездѣйствіи по заключеніи мира въ Като-Камбрези, были теперь больше чѣмъ когда нибудь въ распоряженіи Маріи Лотарингской, дочь которой вступила на престолъ могущественной Франціи. Дѣйствительно, небольшой отрядъ войска былъ немедленно отправленъ къ регентшѣ, и французскій дворъ, которымъ управляли два ея брата, началъ готовить экспедицію подъ начальствомъ маркиза Эльбёвъ. Францискъ II послалъ въ Шотландію де Ветанкура съ восемьюдесятью тысячами ливровъ. Онъ написалъ также къ пріору Сентъ-Андре угрожающее письмо, и приказалъ Ветанкуру объявить во всеуслышаніе, что до тѣхъ поръ не будетъ считать себя королемъ Франціи, пока не усмирить Шотландію.

Пока регентша получала войска и помѣщала ихъ въ Лейтъ, укрѣпленія котораго она возобновила, съ цѣлью господствовать надъ Фортскимъ проливомъ и такимъ образомъ обезопасить съ этой стороны Единбургъ, конгрегація братьевъ тоже не оставалась въ бездѣйствіи. Ноксъ, тайно прибывшій въ Бервикъ, велъ тамъ переговоры съ сэромъ Джемсомъ Крафтсомъ, англійскимъ комендантомъ этой крѣпости и вытребовалъ кораблей для защиты Дэнди и Перта, солдатъ для противопоставленія французскимъ войскамъ и денегъ для уплаты дворянству, которое не могло продолжать войну на собственный счетъ. Кромѣ того онъ писалъ къ Сесилю, что наденіе ихъ партіи повлечетъ за собою и наденіе его государыни, умоляя его въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ уговорить Елизавету, чтобы она помогала шотландцамъ. «Дворянство этихъ округовъ, писалъ онъ ему, готово употребить послѣднія усилія, если только вы поможете ему. Именемъ Иисуса Христа, заклинаю васъ отвѣчать откровенно.»

Сесиль раздѣлялъ чувства Нокса, и не ожидалъ его письма, чтобы выразить ихъ передъ Елизаветою. Съ глубокимъ дипломатическимъ расчетомъ, которымъ отличалась вся его сороколѣтняя служба своей королевѣ, онъ составилъ 5 августа ноту о средствахъ, необходимыхъ для окончательнаго успокоенія Шотландіи. «Шотландія, говоритъ онъ здѣсь,—не можетъ иначе достигнуть благоденствія, какъ только при помощи двухъ средствъ: или соединясь съ Англіею неразрывнымъ, вѣчнымъ союзомъ, или составивъ вмѣстѣ съ нею одну англійскую монархію. Чтобы утвердить вѣчный союзъ между обоими государствами, слѣдуетъ вырвать Шотландію изъ подъ вліянія Франціи, этого стариннаго врага Англіи. До тѣхъ же поръ, пока Шотландія будетъ находиться подъ французскимъ вліяніемъ, такой союзъ невозможенъ.» Чтобы освободить эту страну отъ вліянія Франціи, Сесиль совѣтовалъ своей государынѣ поддерживать ее, указывая при этомъ мѣры, которыя должны были принять шотландскія чины. Мѣры эти клонились къ изгнанію французскихъ войскъ, къ исключенію иностранцевъ изъ всѣхъ государственныхъ должностей и къ удаленію ихъ отъ командованія войсками; кромѣ того онъ предлагалъ также учредить совѣтъ управленія, не зависящій отъ королевы, а если она не приметъ этихъ условій, то передать королев-

скую власть ближайшему наследнику престола. Онъ означивалъ своею мету словами: «Сдѣлавшись разъ свободною, Шотландія сама найдетъ средства къ соединенію обоихъ государствъ.»

Елизавета колебалась. Еще не прошло года какъ она вступила на тронъ, и она сознавала, что ея власть еще не вполне упрочена. Она не чувствовала никакого расположенія къ пресвитеріанству, которое разрушало церковную іерархію и порождаетъ въ государствѣ духъ партій. Къ боязни, возбуждаемой въ ней этимъ разрушительнымъ протестантствомъ, присоединялась еще и личная ненависть къ человеку, который былъ его главнымъ двигателемъ. Ноксъ оскорбилъ ея королевское самолюбіе, запальчивымъ сочиненіемъ своимъ противъ управленія женщины, изданнымъ въ царствованіе Маріи Тюдоръ. * Наконецъ недавній трактатъ въ Като-Камбрези, казалось, воспрепятствовалъ ей неирризенныя дѣйствія въ отношеніи къ Франціи и Шотландіи. Но,—какъ она всегда вела себя сообразно съ необходимою и какъ Францискъ II и Марія Стюартъ сами уничтожили принятія ею въ отношеніи къ нимъ обязательства, не признавая ея правъ на англійскую корону и присвоивъ себѣ ея титулъ,—то она рѣшалась защищать союзныхъ лордовъ. Такимъ образомъ она вступила на путь, которымъ должна была идти всю свою жизнь,—противный ея убѣжденіямъ, но сообразный съ ея интересами.

Однакоже, сначала она оказывала шотландскимъ инсургентамъ только слабую и тайную помощь. Сэръ Ральфъ Сэдлеръ привезъ имъ отъ нея три тысячи фунтовъ стерлинговъ и условился, чтобы верховная власть, находившаяся въ рукахъ Маріи Лотарингской, была передана герцогу Шателро, который, подъ влияніемъ своего сына, графа Арана, принялъ сторону протестантовъ. Послѣдній незадолго передъ тѣмъ возвратился изъ Франціи, гдѣ онъ сдѣлался кальвинистомъ и черезъ это потерялъ начальство надъ шотландской гвардіей. Ободрившіеся союзники потребовали, чтобы регентша прекратила укрѣпленіе Лейта, а такъ какъ она отвѣчала имъ, что ея дочь, лицо которой представляетъ она, не нуждается въ дозволеніи своихъ подданныхъ для того, чтобы укрѣпить одинъ изъ портовъ своего королевства,—то они, 15 октября 1559 г. открыли кампанію, съ арміею въ двѣнадцать тысячъ человекъ, и 16 снова заняли Эдинбургъ, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія. Здѣсь союзники немедленно учредили два совѣта, составъ которыхъ выразилъ ихъ намѣреніе управлять государствомъ и преобразовать церковь. Герцогъ Шателро, пріоръ Сентъ-Андре, графы—Аранъ, Арджиль, Гленкэрнъ, лорды Рутвенъ, Войдъ, Максвелъ, лорды Дэнъ и Кёркальди Грэнджъ, Генрихъ Бальневъ и Дж. Галибѣртонъ, старшина города Дэнди, составили первый совѣтъ, имѣвшій значеніе политическое; между тѣмъ, какъ Ноксъ, Гудмэнъ и протестанскій епископъ Галлоуэйскій образовали второй, бывшій совѣтомъ духовнымъ. Оба они, на публичномъ засѣданіи, бывшемъ черезъ четыре дня послѣ этого, приня-

* Это сочиненіе называется: *Первый звукъ трубы противъ управленія женщиною.*

ли чрезвычайнаго смѣлаго рѣшеніе, послужившее началомъ тѣмъ смелѣйшимъ мѣрамъ, которыми наполнено царствованіе Маріи Стюартъ. Они изложили регентшѣ и сообщили ей объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мы, вѣрные бароны нашихъ государя и государыни, вслѣдствіе важныхъ соображеній, уничтожаемъ власть, получаемую вами отъ ихъ величествъ, совѣтъ которыхъ въ нашихъ общественныхъ дѣлахъ, мы составляемъ по праву рожденія.» Они отдали имя вѣрности своему неповиновенію, и именемъ права назвали похищеніе власти.

Устроившись такимъ образомъ, они выступили на Лейтъ. Но здѣсь ихъ разбила французскія войска, и они были принуждены вторично оставить Единбургъ, въ ночь 5 ноября. Тогда только королева Елизавета рѣшилась подать имъ болѣе дѣйствительную и болѣе явную помощь. Уильямъ Мэтлендъ, лордъ Летингтонъ, оставившій должность государственнаго секретаря при регентшѣ, для того чтобы посвятить свои способности на служеніе конгрегаціи, былъ посланъ тотчасъ же къ Елизаветѣ, чтобы поторопить ее присылкою флота и арміи въ Шотландію, если она не желаетъ видѣть подчиненія этой страны Франціи и подвергнуть опасности свои собственные права на англійское королевство. Это былъ самый умный, самый ловкій, самый убѣдительный и самый изворотливый политикъ Шотландіи. Онъ умѣлъ уговорить Елизавету, указывая на ея собственные интересы. Эта королева послала герцога Норфолькскаго въ Берикъ, гдѣ онъ и заключилъ отъ ея имени оборонительный союзъ съ конгрегаціей, комиссарами которой были Мэтлендъ, Бальневъзъ, Питтароу и Рутвенъ. По условіямъ этого договора, королева должна была помогать герцогу Шательро и его партіи, до тѣхъ поръ, пока они изгоняютъ французовъ изъ своего отечества; а герцогъ Шательро и его партія должны были соединить свои силы съ войсками королевы англійской, въ случаѣ нападенія французовъ на ея территорію. Наконецъ, чтобы скрыть возмутительный характеръ этого договора со стороны союзниковъ, и его незаконность со стороны Елизаветы, подданные Маріи Стюартъ заключили его отъ имени своей королевы, и обѣщали повиноваться ей во всемъ, что только не будетъ нарушать древнихъ законовъ и старинныхъ привилегій страны.

Это вмѣшательство Англій въ шотландскія дѣла возбудило удивленіе французскаго двора, который, собственно неловкостью возбудивъ неприязнь Елизаветы, потребовалъ у нея теперь отчета. Но она всегда умѣла находить достаточныя причины для оправданія дѣйствій, которыя могли принести ей пользу. Она смѣло отвѣчала, что не можетъ смотрѣть на аристократію и народъ Шотландіи, какъ на бунтовщиковъ; но что, напротивъ, она видитъ въ нихъ вѣрныхъ подданныхъ короны, съ тѣхъ поръ какъ они рѣшились возстать противъ короля Франціи, на защиту правъ его супруги и своей королевы. «Въ самомъ дѣлѣ, прибавляла она, если бароны допустятъ, чтобы въ отсутствіе ихъ королевы, управленіе государствомъ было вырвано изъ ихъ рукъ; если они малодушно откажутся отъ независимости своей родины, пока королева будетъ слѣдовать совѣтамъ не шот-

лидцевъ, а французовъ, — совѣтамъ своей матери и другихъ иностранцевъ, которые служатъ ей въ Шотландіи и совѣтамъ кардинала и герцога де Гиза, которыхъ она слушается во Франціи, — то они попросятъ себя стыдомъ предъ лицомъ свѣта; и если молодой королеви суждено пережить свою мать, то она сама будетъ осуждать ихъ, имъ подданныхъ трусливыхъ и испорченныхъ.»

Во исполненіе Барвикскаго трактата, англійская эскадра вошла въ устье Форта весною 1560 г., и армія изъ шести тысячъ пѣхоты и двухъ тысячъ кавалеріи проникла въ Шотландію, подъ командою лорда Грея. Въ Престонѣ къ ней присоединился герцогъ Шательро съ восемью тысячами конфедератовъ. Съ этого времени французы не могли вести войну съ непріятелемъ, далеко превосходившимъ ихъ силами. Они снова заперлись въ укрѣпленіяхъ Лейта, которая господствовала надъ Фортскимъ залівомъ и служила пристанью Эдинбурга. Обложенные непріятелемъ съ моря, осаждаемые съ суши, французы выдержали въ Лейтѣ замѣчательную блокаду. Они дѣлали усильныя вылазки, и съ блестящею храбростію отражали непріятельскіе приступы. Но французскій дворъ не посылалъ имъ никакого подкрѣпленія. Его принуждали къ этому разстройство финансовъ и борьба, возгорѣвшаяся въ государствѣ между протестантами и католиками, между принцами лотарингскими и бурбонскими. Открытіе Амбуазскаго заговора въ маѣ мѣсяцѣ заставило герцога де Гиза и кардинала Лотарингскаго защищать самихъ себя, не думая уже о помощи сестры своей, регентши шотландской. Такая безпомощность дѣлала положение войскъ, осажденныхъ въ Лейтѣ, безвыходнымъ, тѣмъ болѣе, что все дворянство и въ томъ числѣ графъ Гэнтли, глава католической партіи, соединились для уничтоженія господства иностранцевъ и для изгнанія ихъ.

Монлокъ, епископъ Валенскій, посланный Марією Стюартъ и Францискомъ II, чтобы выиграть время съ помощью переговоровъ между регентшей и взбунтовавшеюся аристократіей, не имѣлъ успѣха въ этомъ порученіи. Сама регентша успѣла не больше его на совѣщаніи съ нѣкоторыми изъ бароновъ, потому что прежде всего они требовали очищенія королевства французами. Наконецъ эта принцесса, изнуренная усталостію и заботами, заболѣла смертельно. Она приказала перевезти себя въ Эдинбургскій замокъ, гдѣ ее принялъ лордъ Эрскинъ. Здѣсь, чувствуя приближеніе смерти, ускоренной волненіями государства, сожалѣніемъ о потерѣ власти, трудами, употребленными на ея защиту, и тяжестью положенія между враждебными требованіями шотландцевъ, съ которыми она желала бы согласиться, и приказаніями французовъ, которымъ она должна была повиноваться, — она захотѣла еще разъ передъ смертію переговорить съ владѣтелями кофедератовъ. Герцогъ Шательро, графы Арджиль, Гленкэрнъ, Маршалъ и Лордъ Джемсъ собрались вокругъ нея. Регентша приняла ихъ съ прежнимъ радушіемъ и съ своею врожденною ласковостію. Начально говорила она съ ними о плачевномъ состояніи государства, которымъ много лѣтъ управляла спокойно и благополучно; выражала сожалѣніе о томъ, что принуждена была по-

вшиваться приказаніямъ, которыя получала изъ Франціи и совѣтвала имъ удавить разомъ и французскія и англійскія войска; но все таки старалась убѣдить ихъ, что лучше будетъ, если они предпочтутъ союзъ съ государствомъ, которое не можетъ угрожать ихъ національной независимости. Послѣ этихъ благоразумныхъ совѣтовъ, которые она могла давать, но которымъ не имѣла возможности слѣдовать, она обняла каждого изъ нихъ и подала руку низшимъ дворянамъ, находившимся въ ихъ свитѣ. Это прощаніе умирающей королевы,—почти всѣ ошибки которой были дѣломъ ея совѣтниковъ и которую не покидали здравый смыслъ и кротость даже подъ вліяніемъ оскорбленій и мучительной агоніи,—глубоко тронуло присутствующихъ и они вышли отъ нея, обливаясь слезами.

Марія Лотарингская не долго пережила эту трогательную сцену; она скончалась 10 іюля 1560 г. Послѣ ея смерти, со стороны французскаго двора въ Шотландіи не было законнаго представителя власти, потому что регентши не стало, а королева находилась въ предѣлахъ государства. Французы не имѣли возможности держаться противъ непріятеля въ стѣнахъ Лейта, собственными средствами, потому что на помощь Франціи нельзя было рассчитывать; она была занята собственными раздорами и ослаблена начавшеюся въ ней гражданскою войвою. Поэтому заключеніе мира было неизбѣжно,—а оно могло совершиться только на условіяхъ, предложенныхъ шотландскою конгрегаціей.

Переговоры начались въ Единбургѣ; комиссарами со стороны Елизаветы были Сесиль и Николай Уоттонъ, а со стороны Франциска II и Маріи Стюартъ—епископы Валенскій и Амьенскій, ла Броссъ, д'Уавель и Ранданъ. Миръ былъ подписанъ 5 и 6 іюля, на слѣдующихъ условіяхъ: французскія войска должны очистить Шотландію; укрѣпленія Лейта должны быть скрыты; король и королева Франціи отказываются отъ герба и титула государей англійскихъ; герцогу Шателюро и другимъ дворянамъ, имѣвшимъ помѣстья во Франціи, возвращаются ихъ имѣнія въ этомъ государствѣ и титулы, отнятые у нихъ послѣ возмущенія; высшія должности: канцлера, казначея, контролера, поручаются не духовнымъ, а свѣтскимъ лицамъ, и наконецъ охраненіе и администрація государства не должны быть предоставляемы иностранцамъ. Управление государственнымъ дѣлами должно быть вручено совѣту изъ двѣнадцати членовъ, семь изъ нихъ назначаются по выбору королевы, а пять по избранію сословія. Этотъ совѣтъ обязанъ озаботиться улучшеніемъ государственнаго управленія. Было постановлено также, что свободный парламентъ соберется въ августѣ.

Таковы, были главныя основанія Единбургскаго трактата, утвердившаго въ Шотландіи паденіе французской партіи и торжество англійской. Онъ преобразовалъ государственное управленіе изъ монархическаго въ аристократическое, и приготовилъ, вслѣдствіе побѣды реформаторовъ, паденіе древней религіи, обезпечивъ за феодальною аристократіею поддержку пресвитеріанской демократіи. Оба комиссара Елизаветы хорошо понимали всѣ выгоды, какія она могла извлечь изъ подобнаго договора и тотчасъ сообщили ей по этому пред-

ику свое заключеніе. «Этотъ договоръ, говорили они, окончательно поранитъ за взшииъ величествомъ покореніе Шотландіи, котораго не достигъ ни одинъ изъ вашихъ предшественниковъ, не смотря на множество одержанныхъ ими побѣдъ; онъ передаетъ въ ваши руки сердца и преданность дворянства, которыя принесутъ Англiи даже болѣе пользы, чѣмъ сколько могли бы принести доходы короны.»

Но уничтоженіи въ Шотландіи чужеземнаго господства оставалось еще довершить революцію религіозную. Лорды конгрегаціи поддерживали свой тѣсный союзъ, пока великое предпріятіе не было окончено. Въ періодъ времени между подписью трактата, который освобождалъ ихъ отъ всякаго сопротивленія и собраніемъ парламента, который долженъ былъ содѣйствовать достиженію ихъ цѣлей, они возбуждали всю страну, чтобы болѣе расположить умы въ свою пользу. Ихъ проповѣдники разсѣялись повсюду, и когда собрался парламентъ, то огромное большинство его членовъ было на сторонѣ измѣненія религіознаго устройства Шотландіи. Мелкіе бароны, которые уже тамъ не застали болѣе, теперь снова собрались по случаю такого исключительнаго обстоятельства и опять получили право подавать голоса. Скамья духовенства была почти пуста; большая часть епископовъ и аббатовъ, застѣвшихъ тамъ прежде, не захотѣли присутствовать при разрушеніи своей церкви. Почти всѣ статейные лорды принадлежали къ конгрегаціи и парламентъ открылся подъ предсѣдательствомъ Денттона, который принаравливался ко всякимъ обстоятельствамъ и, какъ мы увидимъ впоследствии, былъ всегда на сторонѣ сильнѣйшаго. Королевская власть была представляема безсильными и безомовными знаками—коровою, скиптромъ и мечомъ, положенными на пустомъ тронѣ. Удѣленная и ослабленная власть была совершенно неспособна направить и сдерживать революціонное собраніе, которому было поручено окончить трудъ, продолжаемый реформаторами болѣе двадцати лѣтъ, съ различными превратностями, но съ постояннымъ успѣхомъ. Сильная просьба самыхъ ревностныхъ реформаторовъ, если не сочиненная, то, по крайней мѣрѣ, одобренная Ноксомъ, требовала отъ парламента, чтобы уничтожить римскую церковь и католическое духовенство; осудить ученіе о пресуществленіи тѣла Христова въ хлѣбъ; произнести осудительный приговоръ противъ заслуги дѣлъ, чистилища, паломничества, молитвы ко святымъ, — однимъ словомъ—уничтожить таинства и обряды древняго богослуженія, наконецъ лишить духовенство права засѣдать и подавать голосъ въ собраніи сословій. Парламентъ повиновался большей части этихъ повелительныхъ требованій; онъ удовлетворилъ реформаторовъ, призвавъ ихъ въ рочсмовѣданіе, удовлетворилъ и дворянство, уступивъ ему часть имущества, принадлежавшаго духовенству.

Парламентъ потребовалъ отъ реформатскихъ пасторовъ исповѣданія ихъ вѣры, которое они и составили въ четыре дня. Исповѣданіе это близко-подходило къ символу авглійской церкви временъ Эдуарда VI. Преобладающія тамъ доктрины Нокса были почти тождественны съ ученіемъ Кальвина. 17 августа парламентъ единогласно утвердилъ это исповѣданіе. Изъ свѣтскихъ лордовъ не признали его только графы

Кассиджъ и Кэтнессъ, а изъ духовныхъ — примасъ-архіепископъ Сентъ Андрейскій и епископы Дэмбленскій и Данкельдскій, которые, не отказываясь отъ реформъ, необходимыхъ для уничтоженія злоупотребленій, требовали времени, чтобы осуществить эти реформы своевременно и съ обдуманностію. Побѣдившіе протестанты, какъ это бываетъ слишкомъ часто, выказали нетерпимость и прибѣгли къ насиліямъ. Рѣшеніями, слѣдовавшими одно за другимъ, отмѣнили они католическую религію и папскій судъ въ королевствѣ. Они опредѣлили страшное наказаніе противъ тѣхъ, которые станутъ служить мессу или присутствовать при ней, подъ опасеніемъ въ первый разъ — конфискаціи имущества, во второй — изгнанія, а въ третій — смерти.

Затѣмъ, пасторы новой церкви въ Шотландіи издали Книгу дисциплины, (Book of discipline), которая имѣла цѣлю установить между ними истинно христіанское управленіе. Онѣ не одобряли англиканской іерархіи почти такъ же какъ іерархію католическую и называли ее остаткомъ суевѣрія и идолопоклонства, которые должны оскорблять людей благочестивыхъ. Такимъ образомъ, предписывая повиновеніе государямъ и начальникамъ и объявляя врагами Бога и людей тѣхъ, которые покусятся уничтожить *святое учрежденіе гражданскихъ властей*, они однакоже не признали главу государства главою церкви, какъ это было въ Англіи. Религіозное самодержавіе стало принадлежать народу, который по этому слѣжался источникомъ церковной власти. Одинъ онъ назначалъ пасторовъ по избранію, но эти избранные изъ христіанскаго общества, прежде допущенія ихъ къ евангельской проповѣди должны были подвергнуться публичному экзамену, производимому пасторами и старѣйшинами конгрегаціи, въ главныхъ основаніяхъ вѣры и въ тѣхъ различіяхъ, которыя существуютъ между церковью римскою и церковью пресвитеріанскою. Послѣ экзамена, не получая даже рукоположенія употребляемаго со временъ апостольскихъ, они были вводимы въ среду братіи и принимали на себя исполненіе тѣхъ обязанностей церковной службы, для которыхъ были избраны. Они совершали таинства крещенія и причащенія, проповѣдывали слово Божіе и читали обыкновенныя молитвы и священное писаніе. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было установленныхъ пасторовъ, эта послѣдняя обязанность исполнялась обыкновенными чтецами. Діаконы были избираемы для принятія церковныхъ доходовъ и раздачи милостыни.

Государство было раздѣлено на десять енархій, во главѣ которыхъ находились десять пасторовъ, облеченныхъ титуломъ суперинтендентовъ. Будучи обязаны посѣщать свои духовные округа, они должны были проповѣдывать тамъ три раза въ недѣлю; заботиться, чтобы всѣ церкви были въ полномъ порядкѣ; наблюдать, чтобы простые пасторы вели правильную жизнь и имѣли достаточно средствъ къ существованію; чтобы между народомъ распространялись христіанскіе нравы; чтобы бѣдные находили себѣ помощь, а юношество получало образованіе. По правиламъ, вложеннымъ въ книгу *благочинія*, образовались въ Шотландіи тѣ приходскія школы, которыя она обязана была впоследствии пресвитер-

иѣтъ, распространившимся среди низшихъ классовъ народа и тѣмъ благодѣиствіемъ, которое возрасло въ странѣ. Въ этой книгѣ говорится: «Для споспѣшествованія добродѣтельному и благочестивому воспитанію юношества, всякій приходъ въ сколько нибудь значительныхъ городахъ долженъ имѣть своего школьнаго учителя, способнаго преподавать, по крайней мѣрѣ, грамматику и латинскій языкъ... Что касается до приходовъ деревенскихъ, гдѣ народъ собирается одинъ разъ въ недѣлю, чтобы присутствовать при богослуженіи, то тамъ чтецы или пасторы будутъ обучать юношество началамъ христіанскаго ученія, исключительно по женеvскому катихизису».

Книга благочинія, — назначавшая имущество, отнятое у католическаго духовенства, въ пользу реформатской церкви, для народнаго образованія, вспомошествованія бѣднымъ, и въ тоже время подвергавшая свѣтскихъ вельможъ строгому надзору пасторовъ, — не нравилась дворянству, которое, на основаніи изложенныхъ въ ней принциповъ, должно было лишиться своего состоянія и подвергнуться зависимости. Такимъ образомъ эта книга не получила такого одобренія, какъ исповѣданіе вѣры. Многие бароны не захотѣли ее подписать, другіе же, сначала согласившіеся, потомъ отказались отъ нея. Они желали сохранить за собою тѣ имущества, которыми завладѣли. Но, за исключеніемъ этого разногласія, старое дворянство и новая церковь дѣйствовали единодушно въ преслѣдованіи римскаго духовенства, въ уничтоженіи французскаго вліянія и въ ослабленіи королевской власти. Единбургскій трактатъ и парламентскіе акты, состоявшіеся въ августѣ 1560 года, сдѣлали изъ Шотландіи родъ протестантской республики, управляемой дворянствомъ и пасторами и находящейся подъ покровительствомъ Англіи. Лорды конгрегаціи не стѣнялись говорили, «что королева Елизавета позаботилась о безопасности и свободѣ Шотландіи, и потому королевство обязано ей болѣе, чѣмъ своей собственной государынѣ».

Парламентъ въ отсутствіе королевы предоставилъ соблюденіе правосудія и управленіе государствомъ двадцати членамъ торжествующей партіи. Сэръ Джемсъ Сэндилендсъ Кальдеръ, пріоръ рыцарей святаго Іоанна Іерусалимскаго, былъ отправленъ во Францію, для представленія предполагаемыхъ мѣръ на утвержденіе Маріи Стюартъ и Франциска II. Но Марія Стюартъ и Францискъ II, и какъ государи, и какъ католики, не могли дать своего одобренія революціи, которая измѣнила состояніе монархіи и народную религію. Присвоеніе шотландскимъ дворянствомъ верховной власти, заключеніе союза съ иностраннымъ государствомъ, сверженіе регентши, созваніе парламента безъ согласія и содѣйствія королевской власти, измѣненіе богослуженія, произведенное публичнымъ обѣ этомъ совѣщаніемъ, учрежденіе правительственнаго совѣта парламентомъ, — все это привело ихъ въ величайшее негодованіе; они чувствовали свое паденіе, еще не лишившись трона. Кардиналь Лотарингскій горько жаловался англійскому посланнику Трокмортону на помощь, которую Елизавета оказывала подобнымъ мятежнымъ поступкамъ: «Шотландцы, говоритъ онъ, не исполняютъ ни одной изъ своихъ

вѣрноподаническихъ обязанностей. Король и королева Шотландіи имѣютъ только титулъ государей; ваша же королева имѣетъ надъ шотландцами власть дѣйствительную, потому что она обладаетъ ихъ повиновеніемъ». Когда Трокмортонъ явился къ Маріи Стюартъ просить ратификаціи Эдинбургскаго трактата, она наотрѣзъ отказалась въ этой просьбѣ и съ живостью отвѣчала: «Мои шотландскіе подданные совершенно не исполняютъ своего долга. Я—ихъ королева, они даютъ мнѣ это названіе; но ведутъ себя не такъ, какъ прилично подданнымъ. Я научу ихъ покорности». Трокмортонъ возражалъ на это, что если она не приметъ Эдинбургскаго трактата, то сдѣлаетъ подозрительными для Елизаветы намѣренія свои и короля, своего мужа, и заставитъ думать, что не отказывается отъ притязаній на Англію, гербы которой она не перестаетъ носить. Раздраженная королева прекратила аудіенцію, давъ ему отвѣтъ очень неудовлетворительный. Не смотря, однакоже, на свое неудовольствіе, Марія Стюартъ увидѣла невозможность силою принудить своихъ подданныхъ къ прежнему повиновенію.

Французскія войска очистили Лейтъ; самъ же Францискъ II былъ слышкомъ занятъ покореніемъ гугенотовъ и борьбою съ возникающимъ сопротивленіемъ Вурбоновъ и ихъ партій, такъ что не могъ предпринять ничего рѣшительнаго въ Шотландіи. Его дяди, герцогъ Гизъ и кардиналъ Лотарингскій, управлявшіе государствомъ отъ его имени, думали, что необходимо только выиграть время, дожидаться несогласій между конфедератами, а покамѣстъ позаботиться объ уничтоженіи безпокойства во Франціи. Они работали съ необыкновенною ловкостью и энергіей. Уничтоживъ Амбуазскій заговоръ, повѣсивъ его второстепенныхъ и явныхъ предводителей, они арестовали принца Кондэ, котораго преслѣдовали, какъ тайнаго и главнаго вождя; напугали короля Наварскаго, уничтожили стараго конетабля Анна Монморанси и его сыновей, и постоянно грозили тремъ братьямъ Шатильонамъ. Но ихъ политика страшныхъ угнетеній во Франціи и искусныхъ выжиданій въ Шотландіи была разстроена смертью Франциска II, послѣдовавшею 5 декабря 1560 года. Марія Стюартъ овдовѣла, ея дяди, принцы Лотарингскіе, потеряли вліяніе, а вслѣдствіе отдѣленія шотландской короны отъ французской уничтожилась и самая общность интересовъ, связывавшихъ оба государства между собою. Со вступленіемъ на престолъ Карла IX началась другая политика, подъ руководствомъ хитрой Катерины Медичи, которая боялась Гизовъ, не любила Маріи Стюартъ, и, не желая ничѣмъ рисковать, приняла систему: внутри государства — дѣлать соглашенія между партіями и ихъ предводителями; и внѣ—жить въ мирѣ и добромъ согласіи со всѣми.

Такимъ образомъ, супружество Маріи Стюартъ, разорванное смертью, имѣло печальныя послѣдствія, безъ малѣйшихъ выгодъ. Будучи причиною отсутствія королевы, оно ослабило въ Шотландіи значеніе королевской власти. Оно соединило дворянство и сдѣлало беззаконное господство его преобладающимъ въ государствѣ. Оно имѣло своимъ результатомъ торжество протестантской реформаціи и къ опасе-

стигъ феодальнаго своеволия присоединило тѣ, которыя были необходимымъ слѣдствіемъ религіозной демократіи, склонной къ неповиновенію государю подъ предлогомъ повиновенія Богу. Оно сдѣлало ненавистнымъ союзъ съ Франціей, котораго шотландцы прежде такъ искали, и восстановило англійское вліяніе, на которое они смотрѣли нѣкогда такъ непріязненно. Когда Марія Стюартъ снова сдѣлалась королевою одной только Шотландіи, она нашла, что дворянство этой страны привыкло къ мятежамъ и захватило власть въ свои руки; что ея королевство, противъ ея воли, вступило въ союзъ съ сосѣдною, прежде непріязненною державою; что народъ исповѣдуетъ чуждую ей религію. Обычай, власть, политика, вѣра,—все ей грозило опасностью.

Вдова на восемнадцатомъ году жизни, съ двѣнадцати лѣтъ французка, Марія Стюартъ почувствовала, что отнимала у нея смерть мужа, низводя ее съ французскаго трона. Она предалась глубокой печали. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль она не выходила изъ своей комнаты, и не принимала никого, кромѣ королевы матери, короля, его братьевъ, короля Наварскаго, конетабля Монморанси и принцевъ Лотарингскихъ. Какъ только она стала принимать иностранныхъ посланниковъ, ей начали дѣлать различныя предложенія о вступленіи въ новый бракъ, которыхъ она въ эту минуту не слушала. Мы разсмотримъ впоследствии любопытныя факты, сюда относящіеся. Король Филиппъ II рѣшился предложить Маріи Стюартъ руку своего сына, Домъ - Карлоса, имѣя намѣреніе поставить Испанію относительно Шотландіи въ такое же положеніе, въ какомъ находилась къ ней Франція. Короли Швеція и Данія тоже искали ея руки.

Елизавета послала графа Бедфорда выразить ей сожалѣніе вдовѣ Франциска II. Этотъ чрезвычайный посланникъ прибылъ въ Парижъ 3 февраля, и, исполнивъ оффиціальное порученіе, возложенное на него Елизаветою, онъ, кромѣ того, просилъ королеву шотландскую ратифицировать Эдинбургскій трактатъ. При этомъ случай Марія выразила желаніе жить съ Елизаветою въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.— «Мы обѣ живемъ на одномъ островѣ, сказала она Бедфорду, мы говоримъ однимъ языкомъ, мы самыя близкія между собою родственницы и обѣ—королевы». Но, высказавъ ему всѣ эти причины къ самой тѣсной дружбѣ, она отказалась утвердить Эдинбургскій трактатъ въ отсутствіе своего дяди, кардинала Лотарингскаго, не находившагося тогда при дворѣ, и, въ особенности, не посовѣтовавшись объ этомъ съ своимъ дворянствомъ и парламентомъ. Затѣмъ, любезно попросивъ портрета Елизаветы, она пожелала свиданія съ нею, которое приведетъ ихъ къ болѣе скорому и болѣе вѣрному соглашенію, нежели всѣ заочныя переговоры. Такимъ-то образомъ она избѣжала ратификаціи трактата, котораго рѣшилась не принимать.

Всѣ ея цѣли сосредоточились въ настоящее время на Шотландіи, въ которой смерть Франциска II была принята съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Смерть эта, уничтоживъ страхъ, внушаемый Франціею, очень натурально раздѣлила партіи. Такъ какъ національный вопросъ о независимости несуществовалъ болѣе, то на сцену выступили

интересы частные. Католическая партія одушевилась и ободрилась. Она имѣла тайное собраніе, на которомъ присутствовали архіепископъ Сентъ-Андре, епископы Абердинскій, Мюррэйскій, Россій, графы Гэнтли, Атоль, Крофордъ, Сэтерлендъ, Кэтнесъ и многіе бароны. Они выбрали Лесли, въ то время эбердинскаго епископа, а позднѣе—епископа Росскаго, и отправили его увѣрить молодую королеву въ своей совершенной преданности. Лесли нашолъ Марію Стюартъ 14 апрѣля 1561 года въ Витри въ Шампанді. Изъ Реймса, въ которомъ она провела часть зимы съ своею теткою, настоятельницею женскаго монастыря Св. Петра (Saint-Pierre-les-dames), она уѣхала въ Лотарингію. Лесли предложилъ ей, отъ имени католиковъ, немедленно отправиться въ Шотландію; арестовать во Франціи ея брата Джемса,—котораго ей посылалъ парламентъ инсургентовъ,—на время, пока она не возвратится въ свое королевство; высадиться въ Эбердинѣ, гдѣ она найдетъ армію въ двадцать тысячъ человекъ, собранную ея друзьями на сѣверѣ Шотландіи. Марія имѣла достаточно благоразумія, чтобы не послѣдовать этому совѣту. Вспомнивъ, что предводители этой партіи въ послѣднее время выказали себя или слабыми или мятежными, она не думала, что ихъ преданность очень ровностна, обѣщанія надежны и вѣрность продолжительна. Кромя того ей не хотѣлось показать себя исключительною изъ опасеній какъ бы еще больше не ослабить себя. Она искала помощи вездѣ. Она уже поручила Простону Крэгмилару, Огильви Файндадетеру, Лемсдену Бленерну и Лесли Очтермѣтчи, отправиться, въ качествѣ ея комиссаровъ, въ Шотландію, куда они прибыли 20 февраля 1561 года, чтобы засвидѣтельствовать ея привязанность, ея миролюбивыя намѣренія и извѣстили о ея скоромъ возвращеніи. Для возобновленія правильного дѣйствія власти, она отправила къ герцогу Шателро, къ графамъ Арджилю, Атолю Гэнтли, Ботвелю, архіепископу Сентъ-Андре и лорду Джемсу королевское повелѣніе о созваніи законнаго парламента.

Собравшійся парламентъ отправилъ лорда Джемса къ его сестрѣ. Лордъ Джемсъ, казалось, былъ способнѣе всякаго другаго успокоить неудовольствіе Маріи Стюартъ и убѣдить ее скорѣе возвратиться въ королевство. Путь его лежалъ черезъ Англію. Елизавета и ея министры, съ которыми Джемсъ былъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ, нѣсколько опасались предложеній, которыя французскій дворъ не преминетъ ему сдѣлать, чтобы привлечь его на свою сторону. Онъ былъ самымъ важнымъ лицомъ въ Шотландіи, по своему рожденію, по положенію, которое онъ занималъ въ королевствѣ, по вліянію на всю реформатскую партію, какъ свѣтскій глава ея, наконецъ по той довѣренности, которую онъ внушалъ къ себѣ въ большей части дворянства. Не смотря на свою молодость, онъ успѣлъ уже отличиться на войнѣ—какъ солдатъ, во внутреннихъ безпорядкахъ—какъ политикъ. Онъ обладалъ самымъ твердымъ мужествомъ и необыкновеннымъ хладнокровіемъ. Съ умомъ разсудительнымъ, съ характеромъ энергическимъ, не имѣющимъ той живости и тонкости, какою обладаютъ его хитрые и непостоянные соотечественники, открытый, грубый, но не безъ притворства и лукавства, онъ шолъ къ своей

къмъ съ рѣшимостью и здравымъ смысломъ, которые обыкновенно вѣдутъ къ ней скоро и вѣрно.

Пріоръ Сентъ-Андрѣ встрѣтился съ королевою своею сестрою въ Сентъ - Дивѣе на другой день послѣ того какъ она выѣхала съ ошціаломъ эбердинскимъ, Джономъ Лесли. Онъ постарался расположить ее къ партіи конгрегаціи и къ союзу съ Англією. Но Марія Стюартъ не убѣдилась причинами, которыя онъ представлялъ въ интересахъ ея власти и спокойствія. Открывъ ему свои намѣренія, она объявила, что она не утвердитъ Эдинбургскаго трактата и постарается разорвать союзъ между Англією и Шотландією, который ей неприятенъ; она даже усиливалась склонить къ своей религіи и къ своимъ намѣреніямъ лорда Джемса, которому предлагала санъ кардинала и богатія бенефіціи во Франціи. Но лордъ Джемсъ не колебался отказаться отъ всѣхъ этихъ выгодъ и, казалось, приобрѣлъ еще болѣе довѣрія своей сестры этимъ доказательствомъ прямоты и безкорыстія. Марія обѣщала послать ему необходимое полномочіе, чтобы управлять королевствомъ на время ея отсутствія. Она пожелала только, чтобы, возвращаясь въ Шотландію, онъ не ѣхалъ черезъ Англію.

Лордъ Джемсъ этого не исполнилъ. Онъ такъ твердо держался союза съ Влизаветой, въ которомъ видѣлъ главную силу своей партіи, что передалъ все происходившее между нимъ и сестрою английскому посланнику, Трокмортону. Трокмортонъ, чувствуя какъ важно для его государыни сохранить то вліяніе, которое она успѣла приобрести въ Шотландіи, посовѣтовалъ привлечь на свою сторону самыхъ способныхъ и сильныхъ людей этой страны ежегодною раздачею имъ 20,000 фунтовъ стерлинговъ. «Нужно, писалъ онъ, быть особенно внимательнымъ къ графу Арану, какъ второму лицу въ королевствѣ, и къ лорду Джемсу, который въ честности и вліяніи, по моему мнѣнію, не уступитъ тамъ никому.... Лордъ Джемсъ очень вѣжливый, искренній и благочестивый джентельменъ, и очень привязанъ къ вашему величеству. Никто больше его не заслуживаетъ вашихъ милостей». Но бережливая Влизавета считала излишнимъ къ связи, которая существовала между нею и лордомъ Джемсомъ по религіознымъ и политическимъ интересамъ присоединять еще и денежную. По прибытіи его въ Лондонъ, она приняла его очень хорошо, но не наградила его ничѣмъ, кромѣ своей благосклонности, которая ей мало стоила.

Марія Стюартъ, не успѣвъ поколебать вѣрность лорда Джемса партіи реформаторовъ и его привязанности къ Англіи, не дала ему полномочія, которое обѣщала. Жиль де Ноайль былъ отправленъ въ Шотландію, чтобы предложить парламенту разорвать союзъ, недавно заключенный съ Влизаветою, и возобновить тотъ, который такъ долго уже былъ поддерживаемъ съ Францією. Но Ноайлю не удалось его шорученіе. Парламентъ оказался столько же непоколебимымъ какъ и пріоръ Сентъ-Андрѣ. Онъ отвѣчалъ уполномоченному Маріи Стюартъ, что помощь королевы Влизаветы избавила Шотландію отъ папской тирании и французскаго ига, и Ноайль возвратился безъ всякаго успѣха. Марія Стюартъ, проведя нѣкоторое время въ Реймсѣ

и Лотарингін, рѣшилась наконецъ отправиться въ Шотландію, увозя съ собою свою вдовью часть въ 60,000 ежегоднаго дохода. Она поѣхала не столько по желанію, сколько по необходимости. «Я часто замѣчала, говоритъ Брантомъ, что она боится этого путешествія, какъ смерти, и во сто разъ лучше бы желала остаться простою вдовою во Франціи, чѣмъ ѣхать царствовать въ свою дикую страну.» Она поручила д'Уазелю просить охранительной грамоты для проѣзда ея черезъ Англію. Но Елизавета не допустила д'Уазеля въ свои владѣнія и отказала Маріи Стюартъ въ ея просьбѣ. — «Ея величество, писалъ Сесиль, объявила д'Уазелю, что она не желаетъ притворяться съ королевой шотландской и не приплетъ ей грамоты до ратификаціи Эдинбургскаго трактата; но послѣ ратификаціи она будетъ имѣть не только свободный проѣздъ, но всевозможныя удобства и самый радушный пріемъ».

Марія Стюартъ была глубоко оскорблена этимъ отказомъ. Она выразила это англійскому посланнику Трокмортону въ словахъ, полныхъ горечи и достоинства. — «Милостивый государь, сказала она, ничто меня такъ не огорчаетъ какъ то, что я забылась до такой степени, что просила у королевы вашей государыни милости, въ которой не нуждалась. Затѣмъ, вспоминая о своихъ неудовольствіяхъ противъ Елизаветы, она прибавила съ достоинствомъ и нѣсколько угрожающе живостью: «Сообщите нашей повелительницѣ, что христіанскимъ государямъ и государствамъ покажутся странными ея старанія возбудить противъ меня моихъ подданныхъ, и помѣшать мнѣ вернуться въ Шотландію теперь, когда я осталась вдовою. Я желаю только ея дружбы; я не желаю раздоровъ въ ея государствахъ, и ничего не ищу у ея подданныхъ, хотя и знаю, что между ними есть такіе, которые готовы принять предложенія, если таковыя будутъ имъ сдѣланы. Не всѣ имѣютъ одинаковыя съ нею чувства въ религіи и въ другихъ предметахъ. Королева ваша государыня говоритъ, что я молода и что мнѣ не доставятъ опытности; но я достаточно имѣю и лѣтъ и опытности, чтобы вести себя дружески и честно въ отношеніи моихъ родственниковъ и союзниковъ. Надѣюсь, мое благоразуміе никогда не измѣнитъ мнѣ настолько чтобъ я забылась и говорила о ней иначе, нежели какъ слѣдуетъ о королевѣ и моей близкой родственницѣ.»

Когда на другой день, 21 іюля, передъ своимъ отѣздомъ она еще разъ увидѣла Трокмортонна, то обратилась къ нему съ слѣдующими словами, полными мрачныхъ предчувствій, которыя должны были осуществиться впоследствии: «Надѣюсь, что вѣтеръ будетъ мнѣ благопріятствовать и я не буду имѣть необходимости приставать къ берегамъ Англій; если же пристану, то буду въ рукахъ вашей королевы и тогда она можетъ дѣлать со мною что ей угодно. Если она настолько жестока, что желаетъ моей смерти, то пусть, принесетъ меня въ жертву. Можетъ быть, подобная участь будетъ для меня лучше жизни. Да исполнится воля Божія».

Проведя нѣсколько дней въ Сенъ-Жерменѣ съ королевскою фамиліей, она простилась съ нею и отправилась въ Кале въ сопро-

возвѣдшіи герцога Гиза, кардиналовъ Лотарингскаго и Гиза и нѣко-
 торыхъ придворныхъ. 14 августа она сѣла на карабль съ тремя сво-
 ими дядями, герцогомъ Омальскимъ, великимъ пріоромъ, герцогомъ
 Эльбѳомъ, Дамвшемъ, сыномъ конетабля Монморанси, и многими дво-
 рянами. Брантомъ, бывший въ числѣ сопровождавшихъ ее въ Шот-
 ландію, оставилъ объ ея отъѣздѣ трогательный разсказъ, изъ котораго
 я приведу нѣсколько строкъ: «... Когда галеры вышли изъ порта
 и поднялся маленький вѣтеръ, то были поставлены паруса... По-
 ложивъ объ руки на корму со стороны румпеля, она залилась крупны-
 ми слезами, обращая свои прекрасные глаза къ порту и къ тому мѣ-
 сту, отъ котораго отправилась, и повторяя печальные слова: «Про-
 щай Франція»... пока не настала ночь... Она отказалась отъ пищи
 и легла на палубѣ, гдѣ ей была приготовлена постель. потому что
 она не хотѣла сойти въ каюту. Она приказала рулевому разбудить
 ее съ разсвѣтомъ, если еще будетъ видѣнъ берегъ Франціи; судьба
 этому благоприятствовала: вѣтеръ упалъ, и на веслахъ мы мало
 подвинулись въ эту ночь; такъ что утромъ еще былъ виденъ
 берегъ Франціи. Рулевой не забылъ ея приказанія. Она поднялась
 на постели и опять стала смотрѣть на французскій берегъ, пока
 могла, повторяя слова: прощай Франція! Прощай Франція! ка-
 жется я никогда больше тебя не увижу.»

Хотя она и боялась попасться въ руки крейсеровъ, которыхъ Елиза-
 мета выслала въ море, но прибыла благополучно въ Фортскій заливъ
 послѣ пятидневнаго плаванія. Туманъ, поднявшійся наканунѣ ея
 пріѣзда, помѣшалъ видѣть маленькую эскадру, которая привезла
 ее въ отечество и бросила якорь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ бе-
 рега. Этотъ туманъ разсѣялся утромъ 19 августа, и Марія Стюартъ
 вошла въ Лейтскій портъ, гдѣ ея не ожидали. Едва только разнеслась
 вѣсть о ея прибытіи, какъ народъ сбѣжался со всѣхъ сторонъ ей
 на встрѣчу, а дворянство явилось проводить ее въ Эдинбургъ въ
 замокъ ея предковъ. Этотъ радутный пріемъ ее тронулъ, но не
 обрадовалъ. Она съ грустью сравнивала бѣдность дикой страны, въ
 которую возвратилась послѣ тринадцатилѣтняго отсутствія съ ве-
 ликолѣпіемъ двора, въ которомъ прдвела счастливые дни своего дѣт-
 ства и своей молодости. Для нея приготовили хорошую лошадь, а для
 дамъ и кавалеровъ ея свиты маленькихъ горныхъ вноходцевъ «кое-
 какихъ, говоритъ Брантомъ, и кое-какъ осѣдланныхъ». Увидя ихъ,
 королева, пррбавляетъ онъ, «начала плакать и говорить, что это не
 похоже на пышность, приготовленія, великолѣпіе и на превосход-
 ныхъ верховыхъ лошадей Франціи.» — Въ такомъ скромномъ видѣ
 она прибыла въ Голирудскій дворець. Вечеромъ, граждане Эдин-
 бурга явились подъ ея окнами, выражая музыкою своихъ трехструн-
 ныхъ скрипокъ и пѣніемъ псалмовъ свою радость по случаю ея
 возвращенія.

Звукъ этой нестройной музыки, гимны этой мрачной, чуждой для
 нея религіи, еще болѣе увеличили грустное впечатлѣніе, испытанное
 Марією Стюартъ при возвращеніи въ страну, въ которой она себя

чувствовала чужою, которой нравовъ она не приняла, которой вѣрованій она не раздѣляла.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Марія Стюартъ нашла въ Шотландіи очень много важныхъ и разнообразныхъ затрудненій. Какъ ей вести себя относительно торжествующей протестантской партіи? Какимъ образомъ она соединить и заставить повиноваться дворянство, привыкшее къ возмущеніямъ и раздоромъ? Какимъ образомъ уживется съ Елизаветою, своею могущественною сосѣдкою и непріятельницею? Наконецъ, какъ вступить ей во второй бракъ съ иностраннымъ принцемъ, не подвергая своей короны опасности, или съ кѣмънибудь изъ своихъ подданныхъ, не поселяя раздоровъ въ государствѣ? Чтобы выйти счастливо изъ всѣхъ этихъ затрудненій, она должна была имѣть благоразумія больше, чѣмъ сколько можно было ожидать отъ ея лѣтъ и природныхъ качествъ. Она была проникательна, но довольно неосторожна; одарена большимъ умомъ, и, однакоже, неспособна къ послѣдовательности и постоянству. Привѣтливая въ обращеніи, порывистая, граціозная и страстная, безгранично довѣряясь тѣмъ лицамъ, которыя ей нравились, съ пылкостью увлекалась своими господствующими идеями,—она обладала всѣми прелестями женщины, не обладая въ достаточной степени твердыми качествами, необходимыми для королевы.

Однако же, будучи предупреждена объ угрожающихъ ей опасностяхъ, и слѣдуя благоразумнымъ совѣтамъ лорда Джемса и Летингтона, она сначала вела себя съ ловкостью. Членами ея тайнаго совѣта были назначены: герцогъ Шательро, графы Гэнтли, Арджиль, Бответъ, Эрроль, Марпаль, Атоль, Мортонъ, Монтрозъ, Гленкэрнъ, лордъ Джемсъ и лордъ Джонъ Эрскинъ, вмѣстѣ съ государственнымъ казначеемъ, государственнымъ секретаремъ, клеркъ-регистраторомъ (clerk-register) и клеркомъ юстиціи (justice-clerk). Сохранивъ должность канцлера за графомъ Гэнтли, она назначила лорда Джемса первымъ министромъ, а Летингтона государственнымъ секретаремъ. Эти-то два протестантскихъ предводителя должны были сдѣлаться ближайшими совѣтниками католической королевы. По наружности признавая религиозный переворотъ, совершившійся въ ея государствѣ во время ея отсутствія, она требовала терпимости въ отношеніи самой себя. — «Я рѣшилась, сказала она за нѣсколько времени передъ отъѣздомъ изъ Франціи Трокмортону, не принуждать никого изъ моихъ подданныхъ; но я должна желать того же относительно себя самой, и убѣждена, что ихъ не будутъ заставлять принуждать меня».

Но этой терпимости трудно было добиться отъ жаркихъ сектаторовъ; они смотрѣли на возстановленіе мессы, какъ на возвращеніе идолопоклонства. — «Я желаю лучше видѣть, говорилъ Ноксъ, высадку десяти тысячъ непріятелей на берега Шотландіи, чѣмъ одну католическую обѣдню въ этой странѣ.» Такимъ образомъ, когда въ вос-

кресенье, слѣдовавшее за прибытіемъ Маріи Стюартъ, была отслужена месса въ ея собственной капеллѣ, вся протестантская партія извоновалась и почти возстала. Пасторы грозили. Народъ ропталъ. Со всѣхъ сторонъ слышались слова: *не допустимъ, чтобы идыи снова были возстановлены въ этомъ государствѣ* Фанатическій мастеръ * Лидсей, въ латахъ, сопровождаемый толпой, столько же раздраженной, какъ онъ самъ, вошелъ на дворъ Голирудскаго дворца, требуя смерти католическихъ священниковъ. Лордъ Джемсъ, предвидѣвшій эти безпорядки, разсѣялъ ихъ. Рѣшась не позволять тревожить религіозную свободу своей сестры, онъ самъ сталъ въ дверяхъ капеллы. Противопоставивъ этому шумному фанатическому безпорядку свою власть и энергію, онъ защищалъ капеллановъ королевы, которые спокойно окончили католическій обрядъ, къ величайшему соблазну Нокса, гнѣвъ котораго не пощадилъ даже лорда Джемса.

Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время послѣ этого событія, Ноксъ писалъ къ своему другу Кальвину: «Пріѣздъ королевы нарушилъ спокойный ходъ нашихъ дѣлъ. Черезъ три дня послѣ ея прибытія, идола мессы былъ уже возстановленъ. Нѣсколько серьезныхъ и вліятельныхъ лицъ хотѣли этому воспрепятствовать, говоря, что ихъ очищенная совѣсть не можетъ допустить снова оскверненія земли Господа, которая силою его слова очищена отъ чужеземнаго идолослуженія. Но такъ какъ большая часть людей, принадлежащихъ къ нашему вѣроисповѣданію, думали иначе, то нечестіе осталось торжествующимъ и въ настоящее время приобретаетъ новыя силы. Тѣ, которые одержали здѣсь верхъ, представляли въ оправданіе своей снисходительности, что всѣ пасторы, а въ томъ числѣ и ты самъ, совершенно убѣждены въ томъ, что мы не имѣемъ права препятствовать королеви въ исповѣданіи ея религіи. Не смотря на то, что я старался отвергнуть эту молву, которая мнѣ кажется совершенно ложною, она такъ глубоко проникла въ ихъ сердца, что мнѣ невозможно поколебать, ее, если только я отъ тебя не узнаю, точно ли этотъ вопросъ былъ подвергнутъ обсужденію нашей церкви и какъ отвѣчали братья. Я часто безпокою тебя, но у меня нѣтъ никого другаго, кому бы я могъ довѣрить свои заботы. Откровенно сознаюсь, отецъ мой, что я по настоящее время совершенно не зналъ, какъ трудно и тяжело бороться съ лицомъ іриемъ, прикрытымъ маскою благочестія. Я никогда не боялся до такой степени открытыхъ враговъ, когда среда скорби надѣялся на побѣду.»

Неудовольствіе Нокса высказывало всю новую нетерпимость, грозные признаки которой королева увидала при своемъ торжественномъ вѣздѣ въ Эдинбургъ. 2 сентября, въ день назначенный для этого торжества, Марія Стюартъ, пообѣдавъ въ замкѣ, приблизилась къ городу, подъ балдахинномъ изъ фіолетоваго бархата, въ сопровожденіи дворянства и почетнѣйшихъ гражданъ. Шестилѣтній ребенокъ, вышелъ изъ облака какъ будто съ неба и, провознося стихи, поднесъ

* *Мастеромъ* называютъ старшаго сына какого нибудь лорда.—Этотъ Патрикъ Лидсей наследовалъ титулъ своего отца, какъ шестой лордъ этого имени, въ 1463 году.

ей ключи Эдинбурга, библію и книгу псалмовъ. Чтобы напомнить ей о страшныхъ казняхъ Вожиныхъ за идолопоклонство, о которыхъ разсказывается въ священномъ писаніи, представлены были на ея пути казнь Корея, Дафана и Авирона, поглощенныхъ землею въ минуту жертвоприношенія и другія зрѣлища въ такомъ же ужасномъ родѣ. Привѣтствуемая какъ королева, угрожаемая какъ католичка, Марія, послѣ всѣхъ этихъ выраженій народной радости и религіознаго фанатизма, возвратилась въ Голирудъ, гдѣ она получила отъ города въ знакъ благополучнаго вѣзда серебрянный позолоченный сервизъ цѣною въ 2 тысяч. марокъ.

Благодаря твердости своего брата, достигнувъ лично для себя свободы въ исповѣданіи своей религіи, королева поняла, что нужно обезпечить этимъ страшнымъ протестантамъ исключительное господство ихъ вѣры. И такъ она сдѣлала имъ уступки, которыя должны были ей дорого стоить. Она объявила въ совѣтѣ и въ прокламаціи къ народу, что въ установленной религіи не будетъ сдѣлано никакой перемѣны, и что всякое дѣйствіе, какъ явное, такъ и тайное, направленное къ измѣненію ея формъ будетъ наказываться смертію. Такимъ образомъ законною властію короны утверждались рѣшенія революціонной власти парламента. Марія захотѣла потомъ видѣть Нокса, можетъ быть надѣясь смягчить его и привлечь на свою сторону. При свиданіи съ нимъ она разсуждала объ обязанностяхъ подданнаго и христіанина. Королева упрекала его, что въ книгѣ своей объ управленіи женщинъ, онъ возбуждалъ народъ противъ государей, и просила его быть болѣе снисходительнымъ къ тѣмъ, кто думаетъ о религіозныхъ предметахъ иначе чѣмъ онъ. «Государыня, отвѣчалъ Ноксъ; если оставить идолослуженіе и склонять народъ къ почитанію Бога согласно Его откровенію значитъ возбуждать подданныхъ противъ государей, то меня нельзя оправдать, потому что я дѣлалъ это;—но если познаніе Бога и Его истинной вѣры приводитъ всѣхъ добрыхъ подданныхъ къ искреннему повинновенію государямъ, то кто можетъ меня осуждать?» Марія смутилась. Ее наполнила ужасомъ теорія Нокса, ниспровергавшая всякую власть, предоставлявшая самимъ подданнымъ судить о томъ, какимъ повинновеніемъ они обязаны своимъ государямъ, и уполномочивавшая ихъ къ возстанію, къ повывзову ихъ духовныхъ вождей. Она увидѣла ту ужасную будущность, которая ожидала ее, какъ католическую королеву, среди этихъ гордыхъ и непокорныхъ протестантовъ и мрачныхъ пасторовъ-фанатиковъ. Не имѣя силъ отвѣчать, чувствуя, что это бесполезно, она впала въ грустное молчаніе и съ четверть часа оставалась въ совершенномъ уныніи.

Лордъ Джемсъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ этой странной сцены, гдѣ Ноксъ явился молодой и любезной королевѣ, недавно вернувшейся изъ Франціи, какъ еврейскіе пророки являлись съ предостереженіями Всевышняго предъ царями Израильскими и Іудейскими. Онъ постарался ободрить свою сестру, и Марія Стюартъ, проищески соглашаясь съ словами Нокса, чтобы лучше выказать ихъ смыслъ, сказала: «Хорошо,

внимаю. Подданные мои должны повиноваться вамъ а не мнѣ: ни должны дѣлать то, что имъ угодно а не то, что я имъ приказываю. Вмѣсто того, чтобы быть ихъ королевною, я должна учить и быть ихъ подданною!» Доведенный до этой крайности своего сужденія, Ноксъ вскричалъ, желая отступить: «Боже сохрани! Я вѣдь далекъ отъ того, чтобы приказывать, кому бы то ни было, а еще больше отъ того, чтобы разрѣшать подданныхъ отъ ихъ законнаго повиновенія. Я желаю только одного, чтобы государи какъ и подданные повиновались Богу, который повелѣваетъ королямъ и королевамъ быть отцами и матерями своей церкви и питать ее. Марія, которая не намѣрена была сдѣлаться покровительницею религій, которую она терпѣла, но вмѣстѣ ненавидѣла, долше не могла удерживаться. Она выказала чувства, которыя до сихъ поръ скрывала, и съ гнѣвомъ сказала: «Не вашу церковь буду я питать, а римскую, которую считаю истинною церковью Божіей.»

При этихъ словахъ Ноксъ также не удержался. Онъ излился въ самыхъ сильныхъ ругательствахъ противъ католической церкви, глубины догматовъ которой онъ не понималъ и которой великія постановленія были уронены въ глазахъ реформаторовъ продолжительными злоупотребленіями. Онъ объявлялъ, что она исполнена заблужденій, осквернена пороками и предлагалъ доказать, что истина вѣры въ ней еще болѣе искажена чѣмъ въ церкви Іудеевъ. Королева положила конецъ этой дерзкой выходкѣ, и отпустила его. Онъ вышелъ, прося Бога «излить на нее благословеніе въ шотландской республикѣ съ такою же щедростью, съ какою онъ излилъ ихъ на Девору въ республикѣ израильской.»

Необдуманная запальчивость Нокса подверглась порицанію со стороны политическихъ предводителей протестантской партіи. Летингтонъ даже писалъ Сесилію: «Я желалъ бы, чтобы Ноксъ говорилъ тѣмъ болѣе любезнымъ съ такою молодою королевою, и чтобы его неумеренная пылкость не заставляла его произносить фразъ, неудобоваримыхъ для слабаго желудка. Она, безспорно, выказываетъ въ отношеніи къ нему благоразуміе выше своихъ лѣтъ. Да ниспослетъ ей Богъ помощь своего духа!» Между двѣнадцатью графами и лордами, изъ которыхъ состоялъ тайный совѣтъ Маріи, она дала перевѣсъ послѣдователямъ новаго ученія. Въ общемъ засѣданіи, собранномъ для приведенія государства въ порядокъ и изысканія средствъ къ поддержанію реформатской церкви, было рѣшено, чтобы треть доходовъ съ церковныхъ имѣній оставшихся въ рукахъ прелатовъ или захваченныхъ дворянствомъ была передана королевѣ для содержанія проповѣдниковъ, для устройства школъ, для вспоможенія бѣднымъ и для увеличенія ея собственныхъ доходовъ. Лордъ Джемсъ, Мэтиендъ Летингтонъ, графы Арджиль и Мортонъ должны были наблюдать за ассигнованіемъ этой трети. Исповѣданіе вѣры осталось правиломъ новой религій, но Книга благочинія была отвергнута дворянствомъ, которое охотно принимало ученіе пасторовъ, но вовсе не желало находиться подъ ихъ упра-

влеченіемъ. Эти первыя дѣйствія царствованія Маріи имѣли цѣлю не въ который родъ соглашенія различныхъ интересовъ въ странѣ, всегда готовой къ междоусобной войнѣ. Религіозное господство протестантской партіи; частная свобода королевы; распредѣленіе власти въ смѣшанномъ совѣтѣ; раздѣленіе церковныхъ доходовъ, изъ которыхъ двѣ трети предоставлялись въ пользу прежнихъ почетныхъ лицъ католическаго духовенства, или дворянству, а остальная треть шла въ пользу новой церкви: таковы были первыя дѣйствія управительства Маріи Стюартъ по ея возвращеніи.

Виновикомъ этого распорядка былъ, въ значительной степени, лордъ Джексъ, котораго Марія наименовала графомъ Маръ, по случаю супружества его съ дочерью графа Маршала, ввѣривъ ему чрезвычайную власть, для возстановленія покорности въ мятежныхъ пограничныхъ округахъ. Онъ исполнилъ это порученіе съ рѣдкою энергіей и быстрымъ успѣхомъ. Главные члены высшаго дворянства не безъ зависти смотрѣли на мпость, которою онъ пользовался. Въ особенности были недовольны Гордоны, оставшіеся католиками, и Гамильтоны, которые сожалѣли о потерянномъ могуществѣ. Эта послѣдняя фамилія лишилась значительной части доходовъ, вслѣдствіе поданно провизшедшихъ перемѣнъ, въ утвержденіи которыхъ римское духовенство упрекало королеву. Герцогъ Шателро и его старшій сынъ, графъ Аранъ совершенно не показывались при дворѣ со времени ея прибытія. Они все еще держали въ своихъ рукахъ крѣпость Дэмбартонъ, но не имѣли никакого вліянія; и часть имущества Арбротскаго аббатства была у нихъ отнята. Архіепископъ Сентъ-Андре, побочный братъ герцога, долженъ былъ уступить многія изъ своихъ бенефцій; лордъ Клавдій, сынъ его, принужденъ былъ отказаться отъ аббатства Послп, которое въ послѣдствіи должно было перейти къ нему, аббатъ Кильвиннингскій и другіе Гамильтоны должны были принести жертвы, которыхъ требовало отъ нихъ послѣднее собраніе. Что касается до графа Гэнтлп, котораго старшій сынъ, Александръ Гордонъ, умершій въ 1553 году, былъ женатъ на одной изъ Гамильтоновъ, то онъ кромѣ причинъ неудовольствія, общихъ всѣмъ баронамъ неимѣвшимъ вліянія, еще боялся потерять графство Мюррей, которымъ онъ давно пользовался.

Союзы недовольныхъ въ Шотландіи всегда возникали очень скоро. Но на этотъ разъ заговоръ не имѣлъ успѣха. Старшій сынъ герцога Шателро, графъ Аранъ, человекъ съ слабою головою, внезапно былъ пораженъ сумасшествіемъ. Въ припадкѣ безумія онъ открылъ намѣренія графа Ботвеля и аббата Кильвиннинга, которые предлагали ему напасть на дворецъ королевы, овладѣть ея особою, убить графа Маря и захватить въ свои руки управленіе государствомъ. Открытый такимъ образомъ, этотъ заговоръ былъ уничтоженъ. Графъ Маръ немедленно арестовалъ аббата Кильвиннинга и графа Ботвеля, который черезъ нѣсколько времени бѣжалъ. Обезсиливъ Гамильтоновъ весной 1562 года, онъ осенью уничтожилъ Гордоновъ.

Въ сѣверныхъ областяхъ Гордоны пользовались такою же властью, какъ Гамильтоны въ западныхъ. Гэнтли составилъ заговоръ для умерщвленія графа Мара и государственнаго секретаря Летингтона, и задумалъ женить своего втораго сына, Джона Гордона на королевѣ. Гордонъ уже открыто возсталъ. Раннѣе, на улицахъ Эдинбурга, лорда Огильви, въ слѣдствіе частной ссоры, онъ не послушался своей государыни, которая ему приказала отправиться въ крѣпость Стерлингъ. Собравъ до тысячи конныхъ воиновъ, онъ не обращалъ вниманія на королевскую власть. Его отецъ, графъ Гэнтли, укрьпиль замки Файндлметеръ, Эгендаунъ и Стратбоджи, и, расположившись въ горахъ, ожидалъ тамъ Марію Стюартъ, которая, посѣтивъ въ предшествовавшемъ году внутреннія области своего государства, имѣла намѣреніе объѣхать теперь сѣверныя. Она отправилась туда во главѣ небольшой арміи, предводительствуемой графомъ Маръ. Офицеръ, которому Гордонъ ввѣрилъ охраненіе замка Инвернесса, не пустилъ ее туда; королева осадила и взяла этотъ замокъ, и приказала повѣсить коменданта. Въ этомъ путешествіи, которое въ то же время было и военною экспедиціей, Марія показала большое мужество, весело переносила всѣ неудобства, переѣзжала верхомъ чрезъ эту суровую страну, переплывала рѣки, располагалась на отдыхъ въ пустыняхъ и сожалѣла, «что она не мужчина, и потому не можетъ проводить ночи въ полѣ одѣтая въ куртку, имѣя ранецъ на спинѣ, прикрываясь глазгоскимъ щитомъ и вооруженная длиною двуручною пшагой». Возвратясь въ Эбердинскій замокъ, она отдала графство Мюррей своему брату Джемсу и сдѣлала войну съ Гордонами неизбежною. Графъ Гэнтли дѣйствительно появился въ двадцати миляхъ отъ Эбердина у Корричи во главѣ своихъ приверженцевъ. Но королевская армія, предводительствуемая новымъ графомъ Мюррей, при которой находились графы Атоль и Мортонъ, одержала надъ нимъ совершенную побѣду. Гэнтли остался на полѣ битвы безъ погребенія, какъ государственный мятежникъ, и его неудача причинила минутное разрушеніе его дома. Изъ двухъ сыновей, которые у него остались, Джонъ Гордонъ былъ приговоренъ къ обезглавленію за бунтъ, но этотъ приговоръ измѣнили на заключеніе въ Дэмбарской крѣпости, а другому, Адаму Гордону была оказана пощада, во его молодости. Фамилія эта, занимавшая второе мѣсто въ государствѣ и имѣвшая возможность выставить въ поле до двадцати тысячъ солдатъ, лишилась своего титула, потеряла огромныя владѣнія и быстро пришла въ совершенный упадокъ. Лордъ Джемсъ, испросивъ у своей сестры для графа Мортонна, своего родственника, мѣсто государственнаго канцлера, оставшеся свободнымъ съ смертью графа Гэнтли. Немилость, которой подверглись Гамильтоны и погибелъ Гордоновъ утвердили еще болѣе торжество протестантства, политическій предводитель котораго, Мюррей управлялъ Шотландією такъ же полновластно какъ и искусно.

Впрочемъ не единственно для того, чтобы царствовать съ меньшими безпокойствами и затрудненіями, Марія Стюартъ выказывала такое

уваженіе Мюррэю и его партіи. Она имѣла еще другіе виды и подѣя снисходительностью скрывалось большое честолюбіе. Она стремилась къ тому, чтобы Елизавета признала ее наследницею англійскаго трона, а этого она надѣялась достигнуть легче съ помощію партіи протестанской, которая въ то же время была и партіею англійской. Послѣ смерти Франциска II она перестала носить гербъ Англии и не объявляла себя болѣе соперницею Елизаветы. Но отказавшись отъ мысли, свергнуть ее съ трона она захотѣла ей наследовать. Это была цѣль, предложенная ей лордомъ Джемсомъ, когда она возвратилась въ Шотландію, и къ которой онъ не переставалъ ее направлять. Желая согласить свою любовь къ сестрѣ, съ одушевившимъ его усердіемъ къ своей вѣрѣ, Мюррэй употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы между обими королевами, возникла тѣсная дружба, которая могла бы въ послѣдствіи соединить оба государства подъ однимъ скиптромъ и привести ихъ къ исповѣданію одной и той же вѣры, 6-го августа 1561 года, за тринадцать дней до прибытія Маріи Стюартъ въ Лейтъ, онъ писалъ самой Елизаветѣ письмо, которое дѣлаетъ честь его совершенной чистоты, глубокой разсудительности и разумному патриотизмѣ. Совѣту искреннюю приязнь между двумя родственницами, и неизмѣнный союзъ двухъ коронъ, онъ въ письмѣ своемъ къ Елизаветѣ обращается къ ней съ слѣдующими словами, столько же благоразумными, сколько любезными. «Вы обѣ—нѣжныя сестры, обѣ въ цвѣтущемъ возрастѣ, вы очень похожи другъ на друга превосходными качествами, Богъ щедро надѣлялъ васъ всѣми дарами природы и счастья, но полъ вашъ не позволяетъ вамъ увеличивать вашу славу войнами и кровопролитіемъ, вы можете преуспѣвать въ ней только посредствомъ мирнаго царствованія.» Потомъ онъ упоминаетъ о титулѣ, который приняла его молодая повелительница въ то время, когда обѣ страны были въ войнѣ, и сожалѣетъ, что это поселило между двумя королевами опасное недовѣріе. Чтобъ обратить эту причину раздора въ средство къ сближенію, онъ проситъ, чтобъ, по совершенномъ признаніи настоящей власти Елизаветы Марією, этой послѣдней дано было утвержденіе ея будущаго права: «Какое неудобство можетъ быть въ томъ, говорилъ лордъ Джемсъ, если при неприкосновенности титула вашего величества, какъ для васъ самихъ такъ и для вашихъ потомковъ, будетъ сохранено королевѣ, моеи государынѣ, ея мѣсто въ наследованіи англійской короны, мѣсто, которое я считаю (ваше величество мнѣ простите это) ближайшимъ, по законамъ всѣхъ народовъ, такъ какъ моя государыня происходитъ по прямой линіи отъ короля Генриха VII, вашего дѣда. Обѣ части этого острова соединила бы тогда вѣчная дружба. Престола—наследованіе зависитъ отъ воли Божіей, которую человѣческая предсудительность не въ состояніи измѣнить. Но во всякомъ случаѣ подобное согласіе принесло бы намъ великое спокойствіе».

Такое предложеніе не удивило Елизавету. Летингтонъ въ самую минуту смерти Франциска II говорилъ обѣ этихъ планахъ Сесидю, который скорѣе допускалъ ихъ нежели отвергалъ. И такъ Марія Стюартъ,

узнавъ по своему возвращеніи, что произошло на этотъ счетъ, отправила Летингтона въ Лондонъ, для продолженія этихъ обольстительныхъ переговоровъ. Въ тоже время она поручила ему увѣрить Елизавету въ ея дружбѣ и передать подарки, между которыми былъ алмазь, обдѣланный въ форму сердца, въ знакъ добраго расположенія Маріи къ английской королевѣ. Елизавета очень хорошо приняла Летингтона. Но она была мало расположена заранѣе дѣлать распоряженія о своемъ наследствѣ. Ревнивая любовь къ своей власти должна была въ теченіе всей жизни Елизаветы мѣшать ей назначить себѣ наследника. Не отвергая желаній шотландской королевы, но и не удовлетворяя ихъ, она съ своей стороны потребовала ратификаціи эдинбургскаго трактата. Марія Стюартъ продолжала отказываться отъ этого по причинамъ весьма основательнымъ. Она говорила, что договоръ этотъ былъ заключенъ собственно съ ея мужемъ, что главные его условія уже исполнены: французы очистили Шотландію, вновь построенныя крѣпости скрыты, а она сама перестала носить гербъ и титулъ королевы Англии и Ирландіи. Она прибавляла, что совершенно отказаться отъ помянутаго герба и титула она не можетъ, такъ какъ это значило бы отказаться отъ своихъ будущихъ правъ. Впрочемъ, она предлагала подвергнуть трактатъ пересмотру, для опредѣленія ихъ взаимныхъ обязательствъ и разумнаго удовлетворенія обихъ, къ общей пользѣ ихъ государствъ и вѣчному миру ихъ подданныхъ.

Обѣ королевы шли такимъ образомъ совершенно къ разнымъ цѣлямъ, и при этомъ столкновеніи притязаній было предложено личное свиданіе между ними, какъ средство разсѣять недовѣріе и положить конецъ несогласіямъ. Когда Летингтонъ возвратился, 6 іюля 1562 года, въ Эдинбургъ, съ ласковымъ письмомъ отъ Елизаветы, которая высылала свой портретъ Маріи Стюартъ, выражала ей намѣреніе поддержать дружескій союзъ двухъ королевствъ, и предлагала ей пріятную перспективу скорой встрѣчи, Марія приняла въ совершенный восторгъ. Съ тою свойственною пылкостью надежды, отъ которой даже ни время ни несчастія ее не исправили, она повѣрила и свиданію и его счастливымъ послѣдствіямъ. «Я увѣрена, сказала она посланнику Елизаветы, что когда мы будемъ бесѣдовать вмѣстѣ, наши сердца будутъ такъ довольны, то самую большую непріятность изъ тѣхъ, которыя произойдутъ между нами, мы почувствуемъ въ минуту нашей разлуки. Богъ свидѣтель, что въ глубинѣ моего сердца я ее люблю и уважаю какъ мою дорогую и родную сестру.» Въ радостномъ изліаніи своихъ чувствъ она говорила объ Елизаветѣ съ снисхожденіемъ и лести, которая могла нравиться тщеславію этой королевы, не будучи въ состояніи намѣнить ея политику.

Свиданіе, назначенное въ Іоркѣ, около осени 1562 года не состоялось. Междоусобныя войны на континентѣ, въ которыхъ Елизавета приняла участіе, помогла французскимъ гугенотамъ, какъ недавно помогала она шотландскимъ реформаторамъ, дали ей поводъ отложить его до лѣта 1563 года. Она послала къ Маріи Стюартъ сэра Генриха Сиднея, поручивъ ему выразить ея сожалѣніе о томъ, что она не можетъ видѣть ея, и предоставляетъ ей самой на-

значить время свиданія между 20 мая и 31 августа слѣдующаго года. Марія Стюартъ была опечалена и раздосадована этой отстрочкой, которая должна была часто повторяться. Тѣмъ не менѣе она осталась вѣрна принятой ею политикѣ. Несмотря на то, что принцы Лотарингскіе, ея дяди, требовали ея разрыва съ Елизаветой, которая посылала вспомогательныя войска принцу Конде, адмиралу Колиньи и протестантскому дворянству, она осталась нейтральною. Поставленная между своими привязанностями и интересами, между своею религіею и своимъ честолюбіемъ, она ограничивалась тѣмъ, что совѣтовала заключить миръ. Зимой 1563 года она послала въ Англію Летингтона, поручивъ ему постараться о сближеніи Елизаветы съ Гизами и защищать права Маріи на наслѣдованіе англійской короны, если парламентъ будетъ заниматься этимъ дѣломъ. Летингтонъ долженъ былъ поддерживать тамъ права ея, какъ ближайшей наслѣдницы и просить Елизавету не назначать другаго наслѣдника, когда интересы ея государства и желаніе ея подданныхъ заставятъ ее сдѣлать распоряженіе на этотъ счетъ.

Преслѣдуя эти важные планы, Марія Стюартъ отдавалась въ то же время увлеченіямъ своихъ лѣтъ и своего характера при шотландскомъ дворѣ, который она оживляла своею живостью, вкусомъ, прелестями и граціей. Она перенесла туда обычай и удовольствія французскаго двора. Окруженная привлекательными молодыми женщинами изъ нѣкоторыхъ лучшихъ фамилій государства, она занималась то музыкою, то танцами, то соколною охотою, или сочиняла стихи съ тѣмъ, кто такъ же, какъ и она, любилъ прозію. Пылкость, съ которою она предавалась этимъ удовольствіямъ, нечестивымъ въ глазахъ пресвитеріанскихъ пасторовъ подвергала ее строгому осужденію съ ихъ стороны. Сколько разъ Ноксъ съ своей кафедры возставалъ противъ пировъ и праздниковъ этого веселаго двора, который такъ скоро долженъ былъ сдѣлаться такимъ мрачнымъ и печальнымъ!

Къ несчастію для очаровательной, легкомысленной Маріи, слишкомъ большая короткость въ ея обращеніи дѣлала ее предметомъ нескромныхъ покушеній: слишкомъ большая свобода женщины заставляла забывать почтеніе, приличное королевѣ. Капитанъ Гелбёрнъ позволилъ себѣ съ нею самую дерзкую недедикатность и только бѣгствомъ избѣжалъ наказанія. Этотъ примѣръ не удержалъ однакоже несчастнаго Шателара, дворянина изъ Дофиня, внучатнаго племянника Баэра, по материнской линіи; онъ обладалъ большимъ остроуміемъ, хорошо пѣлъ и недурно писалъ стихи. Онъ прибылъ въ Шотландію съ Дамвилемъ, вторымъ сыномъ кометабла, влюбленнымъ въ Марію Стюартъ и сопровождающимъ ее въ отечество. Онъ писалъ къ ней стихи, на которые Марія Стюартъ отвѣчала также стихами, что и возбудило въ немъ безразсудную страсть. Возвратясь во Францію, онъ не хотѣлъ, во время первой междуособной войны, идти съ Дамвилемъ противъ гугенотовъ, своихъ единовѣрцевъ, ни сражаться съ гугенотами противъ Дамвиля, своего патрона, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ возвратиться въ Шотландію. Марія Стюартъ приняла его очень ласково, и пылкая страсть Шателара дошла до послѣдней

степени. Если верить словам Нокса, она ободряла Шателара своим обращением, неприличным порядочной женщиной. В продолжение всей зимы 1563 года онъ былъ допускаемъ къ ней въ кабинетъ съ большою свободой, нежели ктонибудь изъ дворянъ. Королева иногда опиралась на плечо Шателара, и эта опасная фамильярность воспламенила его до такой степени, что онъ рѣшился на все, для удовлетворения своей страсти. Однажды вечеромъ онъ спрятался подъ кровать королевы. Его тамъ открыли и Марія ограничилась тѣмъ, что запретила ему показываться при дворѣ. Въмѣсто того, чтобы повиноваться, онъ тайно послѣдовалъ за королевою въ замокъ Файфъ, и черезъ два дня снова спрятался въ ея комнатѣ. Марія Стюартъ замѣтила его въ ту самую минуту, какъ хотѣла лечь спать. Она начала кричать и звать на помощь. Со всѣхъ сторонъ сбѣжались люди и, въ порывѣ негодованія, она приказала Мюррью, который вошелъ первымъ, убить Шателара. Мюррэй успокоилъ ее и приказалъ схватить несчастнаго дворянина, который черезъ два дня былъ приговоренъ къ смертной казни. Идя къ эшафоту, онъ читалъ «посланіе къ смерти» своего друга Ронсара, въ которомъ находились стихи, совершенно подхлывшія къ его положенію и состоянію его чувствъ:

Le desir n'est rien que martire,
Content ne vit le desireux,
Et l'homme mort est bien heureux,
Heureux qui plus rien ne desire. *

Прибывъ на мѣсто казни, онъ поднялъ глаза къ небу и сказалъ:
«О жестокая женщина!»

Это приключеніе сопровождалось большою оглаской; оно заставило еще больше желать, чтобы королева устранила новымъ бракомъ опасности, которымъ подвергали ее красота и вдовство. Кроме того, къ этому ее побуждали: необходимость имѣть наследника для шотландскаго трона, молодость, желаніе подданныхъ и предложенія, уже давно дѣлаемыя многими принцами Европы. Второе супружество Маріи, переговоры о которомъ продолжались четыре года, вызвало внимательство самыхъ значительныхъ государей Европы, — Филиппа II, Картина Медичи, императора Фердинанда, Елизаветы, королей шведскаго и датскаго: изъ нихъ одни старались о томъ, чтобы заключить этотъ брачный союзъ, другіе — чтобы ему воспрепятствовать. Такъ какъ онъ имѣлъ необыкновенную важность, по множеству разнообразныхъ интересовъ, которые привелъ въ столкновеніе, по тѣмъ причинамъ, которыя разоблачили и по своимъ ужаснымъ послѣдствіямъ, то мы расскажемъ въ подробности, при помощи новыхъ документовъ, его любопытные фазисы и печальный конецъ.

Не прошло еще и мѣсяца со дня смерти Франциска II-го какъ появилось множество претендентовъ на руку его вдовы. Марія Стюартъ отдавала королямъ шведскому и датскому, и ея выборъ, повидимому, падалъ на Донъ Карлоса, сына Филиппа II-го. Для ея, кардиналъ Лотарингскій, сообщилъ о возможности этого супружества Шантонвѣ. Желаніе есть мученіе; желающій не бываетъ доволенъ, но мертвый счастливъ. Сказавъ это ничего не желаетъ болѣе.

посланнику испанскаго короля при французскомъ дворѣ. Этотъ планъ возбудилъ недовѣріе, и встрѣтилъ сопротивленіе со стороны Визьяветы и Катерины Медичи, которыхъ интересамъ онъ одинаково противорѣчилъ. Какъ для той, такъ и для другой, былъ слишкомъ опасенъ бракъ наслѣдника Испаніи, Нидерландовъ, Милана, королевства Обѣихъ Сицилій, Франшъ-Конте съ королевою шотландской, простиравшей свои виды на корону Англіи. Катерина Медичи, имѣвшая болѣе возможности мѣшать этому браку нежели Елизавета, поручила епископу Лиможскому, своему посланнику въ Мадридъ и дочери своей, вышедшей, послѣ Катокамбрзійскаго мира, замужъ за Филиппа II-го, препятствовать выполненію плана употребивъ все свое вліяніе. «Чтобы остановить это, писала она, я сдѣлаю тайно всё зависящія отъ меня распоряженія.» Она склонилла даже на свою сторону герцога Гиза и кардинала Лотарингскаго, убѣдивъ ихъ доводами, основанными на глубокихъ политическихъ соображеніяхъ. Она сказала имъ, что если ихъ племянница, имѣющая право на англійскій престолъ, выйдетъ замужъ за испанскаго принца, то можетъ случиться, что Шотландія и Англія прибавятся къ владѣніямъ католическаго короля и еще увеличатъ его могущество; она заклинала ихъ съ самою жаркою настойчивостью никогда не содѣйствовать браку, который можетъ поставить французское королевство въ величайшую опасность, въ какой оно когда либо находилось. Кардиналъ и герцогъ ей это обѣщали. Они дали ей слово, что будутъ дѣйствовать согласно ея совѣтамъ, такъ какъ они предпочитаютъ благосостояніе Франціи выгодамъ своей племянницы. Къ чести ихъ надобно сказать, что они сдержали это обѣщаніе. Въ то время, когда Марія Стюартъ оставляла Францію, она совѣтовалась съ герцогомъ Гизомъ на счетъ своего супружества. Герцогъ отвѣчалъ, что не хочетъ ей ничего совѣтовать, потому что онъ не въ состояніи дать ей совѣтъ наиболѣе для нея полезный и предлагалъ ей самой сдѣлать выборъ. Но этому выбору, который по прежнему обращался на испанскаго принца, помѣшалъ кардиналъ Лотарингскій, который, встрѣтившись съ императоромъ Фердинандомъ въ Инсбрукѣ, вступилъ съ нимъ, безъ вѣдома своей племянницы въ переговоры о бракѣ ея съ эрцгерцогомъ Карломъ, вторымъ сыномъ императора. Новый проектъ не могъ не разстроить прежняго. Онъ долженъ былъ внушить Филиппу II опасеніе, какъ бы, желая женить своего сына на королевѣ шотландской въ ущербъ своему кузену эрцгерцогу, не возбудить неудовольствія въ своемъ дядѣ императорѣ. Это дѣйствительно и случилось. Какъ только Филиппъ II узналъ объ этихъ новыхъ переговорахъ, онъ немедленно прекратилъ свои.

Марія Стюартъ это было очень непріятно. Эрцгерцогъ не имѣлъ ни власти, ни арміи, ни денегъ; онъ не понравился бы шотландцамъ—какъ иностранецъ, раздражилъ бы протестанскую церковь—какъ католикъ. Такимъ образомъ Марія была расположена отказать ему, потому что онъ бы ее поставилъ въ невыгодное положеніе, не принося ей никакого средства защищаться противъ неудовольствія своихъ подданныхъ и противъ ихъ безпокойнаго духа.

Она не приняла также предложеній графа Арана, за котораго желала выдать ее королева англійская, и герцога Немурскаго и Феррарскаго, которые были для нея слишкомъ ничтожными и слабыми государями. Рѣшительнымъ поступкомъ Марія, вопреки своему дядѣ, кардиналу Лотарингскому, возобновила переговоры о супружествѣ съ Денъ-Карлосомъ. Она поручила своему секретарю Летингтону, въ одну изъ его многочисленныхъ поѣздокъ въ Лондонъ, передать посланнику Филиппа II-го при Елизанетѣ, что она рѣшилась не выходить замужъ за протестанта, и не возьметъ католика, предлагаемаго королевою англійскою; что на ея положеніе, ни интересы не позволятъ ей принять руку эрцъ-герцога, и что если она не вступитъ въ бракъ съ испанскимъ принцемъ, который одинъ ей по душѣ, то, согласно данному отъ нея приказанію, онъ, Летингтонъ, отправится во Францію и предложитъ ей руку Карлу IX, не смотря на разность лѣтъ и на родство Маріи съ этимъ государемъ. Это послѣднее опасеніе должно было взять верхъ надъ всѣми другими соображеніями Филиппа II-го.

Какъ только этотъ подозрительный и колеблющійся государь узналъ о разговорѣ Летингтона съ епископомъ Куадрую, онъ немедленно написалъ къ послѣднему, что бракъ между королевою шотландскою и его сыномъ «можетъ послужить средствомъ къ поправленію религіозныхъ дѣлъ въ англійскомъ королевствѣ, и потому онъ рѣшился осуществить его на самомъ дѣлѣ». Онъ просилъ освѣдомиться о всѣхъ сношеніяхъ, которыя королева шотландская имѣла въ Англии, и вести переговоры о бракѣ въ величайшей тайнѣ, такъ какъ дѣло это должно быть окончено прежде, чѣмъ о немъ узнаютъ, изъ опасенія вызвать двойное сопротивленіе — французскаго двора и англійской королевы. Онъ прибавлялъ, что это будетъ также средствомъ какъ можно менѣе оскорблять императора, который не зналъ настоящихъ намѣреній королевы шотландской и полагался въ настоящемъ случаѣ на предложенія кардинала Лотарингскаго. «Еслибы я считалъ бракъ съ эрцъ-герцогомъ вѣроятнымъ и ожидалъ бы отъ него тѣхъ же самыхъ результатовъ, какъ и отъ брака ея съ моимъ собственнымъ сыномъ, то согласился бы на него съ величайшимъ удовольствіемъ, изъ любви, которую я питаю къ императору, моему дядѣ, и къ его дѣтямъ. Къ переговорамъ въ пользу моего сына, побуждаетъ меня ваше увѣреніе, основанное на томъ, что вы слышали изъ устъ посланника королевы шотландской о нерасположеніи ея къ какомунибудь другому браку, и о малой пользѣ, которая могла бы отъ него произойти; при томъ же я опасался, чтобы она не вышла за короля французскаго. Я хорошо помню тѣ заботы и безпокойства, которыя я испытывалъ въ то время, когда она была замужемъ за королемъ Францискимъ. Если бы этотъ король былъ еще живъ, то безъ всякаго сомнѣнія мы вступили бы съ нимъ въ войну, потому что я былъ бы обязанъ защищать королеву Англии противъ нашествія на ея владѣнія, которое было рѣшено.»

Исполняя это повелѣніе, Куадра отправилъ Люкса-де-Паца къ шотландской королевѣ для переговоровъ о супружествѣ ея съ донъ

Карлосомъ. Пацъ былъ отправленъ Куадрую тайнымъ образомъ черезъ Ирландію. Онъ вошелъ по этому предмету въ сношенія съ Летингтономъ и Мюррэмъ, и по окончаніи ихъ, вернулся въ Лондонъ, а Марія Стюартъ предписала своему секретарю въ Брюссель, Роле, вести чрезъ посредство своей тетки, герцогини Аршотъ, и кардинала Гранвеллы, прямые переговоры о заключеніи предполагаемаго супружества. Въ то же время Діего Перейра, секретарь испанскаго посольства въ Англии, по этому же предмету отправился въ Арагонію гдѣ находился тогда Филиппъ II-й.

Эти переговоры, при всей ихъ таинственности, не могли однако не дойти до слуха протестантскихъ пасторовъ. Последніе рѣшительно возстали противъ мысли о супружествѣ своей королевы съ католическимъ принцемъ, и Ноксъ, по своему обыкновенію, публично протестовалъ. Обращаясь къ реформатскому дворянству и извѣщая его о предстоящей опасности, онъ говорилъ: «до меня доходятъ слухи о супружествѣ королевы. Герцоги, братья императора, короли, всѣ ищутъ ея руку. Замѣйте день, милорды, въ который я предувиждаю васъ объ этомъ, чтобы въ послѣдствіи вы были моими свидѣтелями. Если шотландское дворянство, служащее Господу Іисусу Христу, попуститъ кого нибудь изъ невѣрныхъ сдѣлаться супругомъ и господиномъ нашей государыни, то оно этимъ самымъ будетъ способствовать изгнанію истинной вѣры изъ своего отчества и призываетъ на него кару Божию.»

Королева пришла въ негодованіе отъ этихъ словъ и не смотря на безполезность своего предшествовавшаго свиданія съ Ноксомъ, снова потребовала его къ себѣ. Она упрекала его въ неблагодарности и дерзости, говоря, что сдѣлала все, чтобы смягчить и удовлетворить его; но ничего не могла добиться по его упрямству; она разразилась противъ него упреками за то, что онъ осмѣлился разсуждать о ея брачѣ, который до него не касается вовсе, и угрожала ему своимъ мщеніемъ. Ноксъ отвѣчалъ ей, что всходя на кафедру, онъ не владѣетъ болѣе собою, и повинуется совершенно, тому кто повѣлѣлъ ему надѣсти плоти; что его назначеніе состоитъ не въ томъ, чтобы посѣщать дворцы королей или покой дамъ, а въ проповѣданіи Евангелія.—И на это признаю, отвѣчала королева, но зачѣмъ вы вмѣшиваетесь въ мое замужство? Что вы такое въ государствѣ?—Я родился подданнымъ этого государства, отвѣчалъ Ноксъ не смущаясь, и не смотря на то, что я не баронъ, ни лордъ, ни графъ, все-таки Господь Богъ сдѣлалъ меня, недостойнаго, полезнымъ членомъ этого государства. Въ этомъ качествѣ я обязанъ, точно такъ же, какъ и всякій членъ дворянства, указывать народу на угрожающія ему опасности, и по этой причинѣ, то что я говорилъ публично я повторю передъ вами: если дворянство этой страны будетъ согласно на соединеніе ваше съ невѣрнымъ мужемъ, тогда оно отвернется Христа и отгонитъ вѣру и измѣнитъ свободу королевства.» Раздраженная королева приказала ему выйти. Проходя переднія комнаты, гдѣ собралось нѣсколько молодыхъ придворныхъ дамъ, разряженныхъ и весело разговаривавшихъ между собою, онъ обратился къ нимъ съ рѣчью полною

герцогини проше: «О прекрасныя дамы, сказалъ онъ имъ, какъ пріятно была бы ваша жизнь если бы она могла всегда продолжаться, и если бы можно было и на небо пойти въ этихъ прекрасныхъ нарядахъ. Но! какая скверная вещь эта смерть, отъ которой вы ничѣмъ не избавитесь! И когда она придетъ, отвратительныя черви примутся за ваше тѣло, даже если оно не будетъ такъ нѣжно; а бѣдная душа, боюсь я, будетъ такъ слаба, что не сможетъ унести съ собою это золото, уборы, жемчугъ и камни.

Ноксъ былъ также безпощаденъ и къ Мюррэю, который слишкомъ благопріятствовалъ намѣреніямъ своей сестры. Онъ обвинялъ его въ томъ, что онъ забываетъ Бога, желая удержать свою власть и высокое положеніе. Но онъ ему объявилъ, что его честолюбивая снисходительность не предохранитъ его отъ близкаго паденія. Мюррэй, оскорбленный, удалился отъ него. Ихъ старая дружба охладѣла и въ продолженіе полутора года они едва обмѣнивались только нѣсколькими словами. Летингтонъ, возвратясь изъ Англіи, также жаловался на вспышки и недобріе реформатора, который подвергалъ свою государыню подозрѣніямъ и враждѣ, распуская слухъ, что она выходитъ замужъ за испанскаго принца. Упрямый Ноксъ не переставалъ бить тревогу; онъ написалъ къ Сесилю, съ которымъ былъ въ постоянной перепискѣ, что все потеряно, и что изъ двѣнадцати членовъ совѣта королевы, девять на ея сторонѣ и въ тайнѣ раздѣляютъ ея намѣренія.

Но проектъ, которымъ Марія дорожила больше всего, не осуществился. Въ бракъ съ Донъ-Карлосомъ, который встрѣтилъ самое живое сопротивленіе въ Шотландіи и препятствія различнаго рода, но одинаковой силы въ Англіи, во Франціи и въ Австріи, не состоялся въ слѣдствіе обыкновенной медлительности испанскаго двора, который, всѣмъ этимъ интересамъ давъ время дѣйствовать и одержать верхъ. Императоръ Фердинандъ просилъ Филиппа II-го, какъ добраго родственника, ходатайствовать за эрцъ-герцога, передъ королевою шотландскою; и тотъ 6-го августа 1564 года, писалъ къ Діего-Гусману-де-Сильва; занявшему, послѣ Куадры, должность посланника въ Лондонѣ. «Все это заставляеть меня оставить предположеніе насчетъ принца. Я не хочу ни дѣлать непріятности императору, ни мѣшать браку эрцъ-герцога, на котораго смотрю, какъ на роднаго сына. Я такъ же бы точно былъ доволенъ, если бы королева шотландская вышла замужъ за него, какъ и за принца Донъ-Карлоса, и употреблю всѣ зависація отъ меня средства, чтобы привести это дѣло къ счастливому концу». Онъ поручилъ Сильвѣ объявить о своемъ отказѣ и употребить всѣ возможные старанія въ пользу эрцъ-герцога. Независимо отъ своей природной нерѣшительности, Филиппъ II-й былъ остановленъ самыми наклонностями Донъ-Карлоса. Этотъ молодой человекъ, съ безпорядочнымъ умомъ, съ буйными наклонностями, способный на самыя рѣзкія крайности въ своихъ поступкахъ, получилъ сотрясеніе въ мозгу, въ слѣдствіе паденія, которое подвергло опасности его жизнь. Въ тотъ же самый день, въ который Филиппъ II передавалъ свои рѣшительныя намѣренія Сильвѣ, онъ писалъ къ кардиналу Гранвеллѣ, слѣдующія замѣчатель-

мыя слова о наслѣдникѣ своихъ коронъ, который спустя четыре года такъ несчастно погибъ. «Принимая въ соображеніе характеръ моего сына и нѣкоторые его поступки, я думаю, что онъ не сдѣлаетъ извлечь изъ этого супружества тѣхъ плодовъ, которыхъ я надѣялся; то есть возвращенія королевствъ шотландскаго и англійскаго къ католической религіи, ради которой только я готовъ былъ подвергнуться всему, что могло бы произойти.

Принужденная отказаться отъ Донъ-Карлоса и не желая выйти замужъ за эрцъ-герцога, который, говорила она «былъ самою выгодной партіей для того, чтобы подвинуть ея дѣла въ Англій и Шотландіи», Марія Стюартъ перестала думать выйти замужъ за какого нибудь изъ государей континента. Всѣ они были одинаково исключены изъ ея выбора,—одни, по причинѣ ихъ религіи, другіе—вслѣдствіе ихъ отказа; одни — какъ слишкомъ слабые, другіе — какъ слишкомъ могущественные, и всѣ—потому что не нравились ея подданнымъ и встрѣчали сопротивленіе королевы англійской. Что могла она предпринять въ такомъ положеніи? «Я рѣшилась, говорила она, выйти за кого нибудь изъ жителей этого острова, о чемъ и католики и протестанты меня настоятельно просили, грозя не допустить, чтобы я поступила иначе.

Около этого-то времени Елизавета, боясь, чтобы она не вышла за иностраннаго принца, поручила своему посланнику Рандольфу сдѣлать ей самое странное предложеніе. Она предложила ей въ нужу своего фаворита Роберта-Дэдли. Рандольфъ сначала не рѣшался исполнить это порученіе. Не смотря на то, что Робертъ-Дэдли былъ сынъ герцога Нортэмберлендскаго, который, во времена Эдуарда VI, послѣ паденія герцога Сомерсета, управлялъ Англіею съ величайшимъ полномочіемъ, онъ стоялъ слишкомъ далеко отъ трона, чтобы серьезно искать руки королевы; и казалось невозможнымъ, чтобы Елизавета имѣла дѣйствительное намѣреніе сдѣлать своего любовника мужемъ своей кузины. Однакоже, вслѣдствіе вторичнаго приказанія своей государыни, Рандольфъ сдѣлалъ формальное предложеніе Маріи Стюартъ. Она нашла его оскорбительнымъ и съ гордостью сказала ему: «Неужели вы думаете, г-нъ Рандольфъ, что для меня будетъ очень почетно до такой степени унижить сво йсанъ? Развѣ королева, ваша государыня, поступаетъ сообразно своему обѣщанію обращаться со мною, такъ какъ съ сестрою или дочерью, совѣтуя мнѣ выйти замужъ за милорда Роберта, вступить въ союзъ съ ея подданнымъ?» Рандольфъ намекнулъ, что лордъ Робертъ-Дэдли можетъ сдѣлаться достойнымъ этого высокаго союза, получивъ отъ Елизаветы большія почести. Онъ старался также соблазнить Марію, давъ ей понять, что цѣною этого брака будетъ наслѣдованіе англійскаго престола; но Марія отвѣчала, что даже эта перспектива не можетъ заставить ее рѣшиться, тѣмъ болѣе, что Елизавета можетъ сама выйти замужъ и имѣть дѣтей. «А въ такомъ случаѣ, сказала она, что меня обезпечить, и что я могу выиграть?» Она согласилась впрочемъ поговорить объ этомъ съ Мюррэмъ, Лотингтономъ и графомъ Арджилемъ. Всѣ эти лица были не прочь отъ такого союза

если бы его результатомъ было признаніе правъ Маріи на наследованіе англійскаго трона. Они обѣщали употребить все свое вліяніе, чтобы склонить королеву къ этому союзу въ томъ случаѣ, если Елизавета объявитъ ее своею наследницею и парламентскимъ актомъ утвердитъ корону Англии за дѣтьми, рожденными отъ этого брака.

Но вскорѣ появился другой претендентъ, вполнину англичанинъ вполнину шотландецъ, находившійся въ положеніи гораздо болѣе выгодномъ, чѣмъ лордъ Робертъ. Графъ Ленноксъ изъ дома Стюартовъ, изгнанный изъ Шотландіи за то, что принялъ сторону Генриха VIII, бѣжалъ въ Англію, гдѣ Генрихъ выдалъ за него свою племянницу Маргариту Дугласъ, дочь графа Ангуса и Маргариты Тюдоръ, вдовы Іакова IV. Отъ этого брака родился лордъ Генрихъ Дарлей, который, слѣдовательно, принадлежалъ къ двумъ фамиліямъ, занимавшимъ троны Англии и Шотландіи, и имѣлъ въ это время дѣвятинадцать лѣтъ. Его мать не переставала поддерживать дружескія и родственныя отношенія съ Марією Стюартъ съ самаго ея прибытія въ Шотландію; въ это время она тайно предложила ей выйти за него замужъ. Чтобы лучше убѣдить ее, она ей напомнила, что онъ носитъ, какъ она, «прозваніе Стюарта, столь пріятное для шотландцевъ,» что онъ съ ней одной религій и что послѣ нея онъ ближайшій наследникъ престола. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ своихъ Марія не отвергла этого предложенія, и позволила графу Ленноксу возвратиться въ Шотландію и вступить въ обладаніе тѣмъ имуществомъ и почестями, которыхъ онъ былъ лишонъ за свое преступленіе. Но на это необходимо было согласіе Елизаветы. Сесиль спросила Мюррея и Летингтона, не будетъ ли возвращеніе Леннокса имѣть видныхъ невыгодъ для протестантства и ихъ партій. Мюррей отвѣчалъ ему на это, отъ 13 іюля 1564 года: «наше положеніе, благодаря Богу, не такъ слабо, чтобы мы могли опасаться, даже въ такомъ случаѣ еслибъ первый подданный въ этомъ королевствѣ вздумалъ присоединиться къ мятежникамъ; потому что мы пользуемся милостью нашей государыни и свободой совѣсти на столько, на сколько можемъ жать; возвратится ли онъ или не возвратится дѣло религій ничего отъ этого не потерпитъ». Елизавета послѣ нѣкоторыхъ увертокъ, позволила наконецъ Ленноксу возвратиться въ Шотландію, и даже собственноручнымъ письмомъ рекомендовала его Маріи Стюартъ. Она утаивала скрытную цѣль этого путешествія, и въ настоящую минуту не была, можетъ быть, недовольна, что сынъ графа Леннокса искалъ руку королевы, ея кузины. Двухъ такихъ претендентовъ, какъ лордъ Робертъ и лордъ Дарлей, едва было достаточно въ ея глазахъ, чтобъ отдалить континентальныхъ искателей, которыхъ она еще боялась, ихъ же обонхъ она надѣялась легко отстранить потомъ. Такимъ образомъ она надѣялась помѣшать всѣмъ бракамъ по очереди ловкими интригами и своевременнымъ сопротивленіемъ; и насильно удержать Марію Стюартъ въ положеніи, въ которомъ она сама находилась по собственной волѣ.

23 сентября 1564 года графъ Ленноксъ возвратился въ Шотландію. Марія Стюартъ приняла его чрезвычайно милостиво и скоро возвра-

тила его прежнее положеніе, къ большому неудовольствію Фамиліи Гамильтоновъ, старыхъ его враговъ. Она говорила съ нимъ о брачныхъ предположеніяхъ, которыя были главною причиною его возвращенія въ отечество. Но Марія Стюартъ желала предварительно узнать мнѣніе Елизаветы относительно своего супружества и своихъ правъ на англійскую корону. Она дала это щекотливое порученіе Джемсу Мельвилю, который былъ отправленъ ею въ Лондонъ, и также долженъ былъ тайно переговорить съ леди Ленноксъ о скорѣйшемъ прибытіи Дарнлея въ Шотландію. Дженгельмонъ въ полномъ смыслѣ слова, тонкій дипломатъ, Джемсъ Мельвиль всю свою юность провелъ на континентѣ, котораго интересы ему были хорошо извѣстны, и говорилъ на всѣхъ болѣе употребительныхъ языкахъ; онъ жилъ при дворѣ французскомъ, посѣщалъ германскіе дворы; девять лѣтъ принадлежалъ къ блестящей свитѣ конетабля Монморанси, три года пользовался довѣренностью электора-палатина, и былъ очень цѣнимъ Елизаветою, у которой не могъ не успѣть.

Эта государыня, такая же тщеславная женщина, какъ искусная королева, дѣйствительно оказывала ему необыкновенное вниманіе.—Она изъявила желаніе, чтобы Мельвиль постоянно обѣдалъ у мадамъ Стаффордъ, ея главной наперсницы, чтобы имѣть возможность чаще видѣться и бесѣдовать съ нимъ. Она играла и танцевала въ его присутствіи, одѣвалась то по-англійски, то по-итальянски, то по-французски, нѣсколько разъ въ день перемѣняла костюмъ, чтобы привлечь его взглядъ, получить его одобреніе, и даже разъ, показывая свои великолѣпные золотисто-бѣлокурые волосы, вьющіеся отъ природы, спросила, у кого лучше цвѣтъ волосъ, у нея, или у шотландской королевы. Мельвиль, какъ ловкій придворный, отвѣчалъ, что никого нѣтъ въ Англии, кто бы могъ сравниться съ нею, и никого нѣтъ въ Шотландіи, кто бы могъ сравниться съ Марією Стюартъ. Но Елизавета не удовольствовалась этою уклончивою лестью и заставила Мельвиля сказать себѣ, что цвѣтъ лица ея бѣлѣе, что она лучше играетъ на клавесинѣ и танцуетъ съ большимъ достоинствомъ.

Въ восторгѣ отъ этого маленькаго превосходства, она изъявила большое желаніе видѣть Марію-Стюартъ, представляла, что чувствуетъ къ ней большую нѣжность, и съ жаромъ поцѣловала ея портретъ, который вынула въ присутствіи Мельвиля изъ ящика, гдѣ хранились и многіе другіе. Эти изъявленія наружнаго расположенія всегда были у нея средствомъ прикрыть или преувеличить ея чувства и служить ея политическимъ планамъ. Хитрая королева не забыла того, что занимало ее въ Шотландіи. Она спросила Мельвиля, поручила ли ему Марія отвѣчать на предложеніе, сдѣланное ей Рандольфомъ насчетъ Роберта Дэдди. Когда Мельвиль сказалъ, что его государыня вовсе не имѣетъ желанія вступить въ этотъ бракъ, то Елизавета казалась очень недовольною. «Лордъ Робертъ, прибавила она, мой лучший другъ, я его люблю, какъ брата, и еслибы когда нибудь рѣшилась выйти замужъ, то вышла бы непременно за него. Не будучи въ состояніи поступить противъ своихъ убѣжденій, я желала бы по крайней мѣрѣ.

чтобы выборъ моей сестры палъ на него, потому что нѣтъ никого другаго, котораго я болѣе пламенно желаю видѣть раздѣляющимъ съ нею мое наслѣдство. Это было бы самымъ лучшимъ средствомъ уничтожить всѣ мои опасенія. Я хорошо знаю вѣрность и усердіе лорда Дэдди, онъ никогда не потерпѣлъ бы ничего, могущаго уменьшить наше доброе согласіе. Пусть моя сестра не пренебрегаетъ имъ: черезъ нѣсколько дней я сдѣлаю его графомъ Лейстерскимъ и барономъ Денбай».

Дѣйствительно, Елизавета возвела лорда Роберта въ эти достоинства съ большою торжественностью въ самомъ Вестминстерѣ. Она своими руками надѣла графскую корону на голову своего фаворита, и когда окончилась церемонія, обратилась къ Мельвилю и спросила, что онъ думаетъ о лордѣ Робертѣ. Мельвиль отвѣчалъ, что считаетъ его счастливымъ, ибо онъ имѣетъ государыню, которая умѣетъ такъ вознаграждать заслуги. «Я знаю, сказала она, указывая на Дарнлей, который несъ передъ нею государственный мечъ, по званію перваго принца крови, и намекая на предполагаемое предпочтеніе къ нему Маріи-Стюартъ,—я знаю, что этотъ *молодой шестъ* вамъ больше нравится». Чтобы лучше прикрыть намѣренія своей государыни, Мельвиль отвѣчалъ въ томъ же шуточномъ тонѣ: «Умная женщина не выберетъ такого мужа, хорошенькаго, тоненькаго, безбородаго и больше похожаго на женщину, чѣмъ на мужчину».

Елизавета часто возвращалась къ этому предмету и старалась увѣрить Мельвиля, что если ея сестра, королева шотландская, выйдетъ замужъ по ея совѣту, то дѣло о ея наслѣдствѣ будетъ скоро рѣшено. Она говорила, что самыя искусныя юристы въ королевствѣ, между тѣмъ, по ея приказанію разсмотрятъ этотъ важный вопросъ. Она снова объявила ему, что желаетъ остаться *королевою дѣвственницею*, «если только, прибавила она, ваша государыня, измѣнивъ свои обязанности, не заставитъ меня выйти замужъ». Мельвиль отвѣчалъ на это, что ея рѣшеніе не выходить замужъ согласуется съ возвышенностію ея чувствъ и что ея сердце слишкомъ велико для того, чтобы она рѣшилась раздѣлить съ кѣмъ нибудь свою самодержавную власть или рискнула выбрать себѣ господина. Отпуская его она сказала ему слѣдующія слова, скорѣе любезныя, чѣмъ искреннія: «Увѣрьте нашу королеву, что я нѣжно люблю ее, что я желаю жить съ ней въ дружбѣ болѣе, чѣмъ когда нибудь и что я совершенно удалила изъ своего сердца всякую ревность и подозрѣніе».

Послѣ возвышенія Лейстера, Елизавета, казалось, еще съ большимъ жаромъ принялась за осуществленіе мысли женить его на королевѣ шотландской. По этому предмету Рандольфъ получилъ инструкціи еще болѣе положительныя. Самъ Лейстеръ писалъ Маріи письма, полныя покорности и лести. Наконецъ Летингтонъ и Мюррей, на совѣщаніи, которое они имѣли въ Бервикѣ съ графомъ Бедфордомъ, снова обѣщали содѣйствовать осуществленію этого брака, если наслѣдованіе англійскаго престола будетъ утверждено за Маріею Стюартъ парламентскимъ актомъ. Сама Марія, не смотря на нежеланіе, такъ гордо и ясно ею высказанное, казалось, готова была

согласиться на этихъ условіяхъ. Въ началѣ 1565 года она удалилась въ Сентъ-Андре, чтобы воспользоваться большею свободою вдали отъ дѣлъ и двора; ее туда сопровождалъ Рандольфъ, котораго она принимала съ большою короткостью. Она жила тамъ безъ всякой пышности и почти безъ свиты, въ домѣ одного купца, и здѣсь-то веда самыя душевные бесѣды съ посланникомъ Елизаветы, то за столомъ, гдѣ Рандольфъ сидѣлъ подлѣ нея, то во время прогулокъ верхомъ, въ которыхъ онъ сопровождалъ ее. Она говорила ему, что непремѣнно должна выйти замужъ, чтобы избѣжать множества непріятностей, и готова слѣдовать совѣтамъ Елизаветы. — «Если она хочетъ, прибавляла она, обращаться со мною, какъ съ своею сестрою или съ дочерью, то я готова повиноваться ей и почитать какъ старшую сестру или мать. Но если она хочетъ видѣть во мнѣ только свою сосѣдку, королеву шотландскую, то при всемъ моемъ желаніи жить съ ней въ дружбѣ и поддерживать миръ, она не должна разсчитывать на уступки, на которыя я въ первомъ случаѣ охотно бы согласилась». Въ концѣ этой бесѣды, гдѣ заходилъ разговоръ и о Лейстерѣ, она, казалось, поставила свое рѣшеніе въ зависимость отъ признанія ея законной наслѣдницей англійскаго трона. Въ самомъ дѣлѣ когда Рандольфъ спросилъ ее, что она думаетъ о Лейстерѣ, «я думаю, отвѣчала она, что онъ долженъ быть настоящимъ дворяниномъ, какъ говорятъ про него многіе, и таковъ, что королева, моя сестра, которая считала бы его достойнымъ сдѣлаться ея мужемъ, еслибъ онъ не былъ ея подданнымъ, не должна находить никакого возраженія, чтобы онъ сдѣлался моимъ. Впрочемъ, прибавила она: мои дальнѣйшія дѣйствія будутъ зависѣть отъ воли вашей государыни, которая будетъ моею руководительницею».

Въ такомъ положеніи были эти переговоры когда Генрихъ Дарлей пріѣхалъ въ Шотландію. Елизавета позволила ему отправиться къ своему отцу графу Ленноксу подлѣ предлогомъ устройства семейныхъ дѣлъ. Она знала о его видахъ на Марію, и можетъ быть предвидѣла, что Дарлей также точно помѣшаетъ браку Маріи Стюартъ съ Лейстеромъ, какъ Лейстеръ помѣшалъ ея браку съ кѣмъ нибудь изъ государей континента. Въ самомъ дѣлѣ эта изворотливая государыня желала только замедлить дѣло и держать все въ неопредѣленности. Дарлей былъ принятъ королевою, своею кузиною, очень любезно. Онъ обладалъ пріятными манерами, изящною наружностью и всею прелестью молодости. Руководимый совѣтами своихъ честолюбивыхъ родителей онъ выказывалъ при этомъ довольно такта. Съ ловкостью, какой въ немъ уже не замѣчалось впоследствии, онъ хотѣлъ съ самаго пріѣзда, привлечь на свою сторону Мюррея, стараясь угодить ему. По утрамъ онъ присутствовалъ на проповѣдяхъ Нокса, а по вечерамъ танцевалъ съ королевою. Этими онъ хотѣлъ успокоить недовѣрчивую шотландскую церковь и понравиться при дворѣ.

Съ этой минуты начинается борьба между двумя претендентами: однимъ, принадлежавшимъ партіи реформаторовъ, и другимъ принадлежавшимъ партіи католической, между Лейстеромъ поддержи-

всемысли Летингтономъ и Мюррэмъ, и Дарилеємъ сторону котораго сильно держали графъ Атоль, всѣ шотланскіе бароны стараго брѣвншнѣданія, и одинъ итальянецъ по имени Давидъ Риччіо, заступившій при королевѣ мѣсто Роде, бывшаго секретаремъ по иностранной корреспонденціи, и успѣвшій приобрести надъ нею сильное вліяніе. Летингтонъ написалъ тогда Сесилю нѣсколько писемъ, наполненныхъ самыми глубокими политическими соображеніями въ пользу брака, который онъ считалъ выгоднымъ для вѣхъ общаго дѣла и для обоихъ государствъ. Онъ умолялъ его выпросить у королевы Елизаветы согл. сіе на условіе, которое одно только могло обезпечить успѣхъ. Но Елизавета жаловалась, что изъ этихъ переговоровъ дѣлають торгъ, и смѣялась надъ Летингтономъ, который, безпрестанно говоря о ея нѣспѣдствѣ, казалъ: *я ей колоколомъ часоваго смерти, ежеминутно издающаго похоронный звонъ*. Летингтонъ отвѣчалъ, что его государынѣ пужно противопоставить подобную причину возраженій иностранныхъ государей, чтобы вездѣ знали, что въ вопросѣ о своемъ замужствѣ она не дѣйствовала легкомысленно, уступая просьбамъ англійской королевы. Что касается до него, то, съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ, и благороднымъ патриотизмомъ онъ говорилъ Сесилю о соединеніи Англии и Шотландіи, которое будетъ слѣдствіемъ этого брака. «Это событіе, говорилъ онъ, доставитъ намъ обѣимъ бо-го славы, болѣе прочную признательность потомства, нежели та, которую удалось стяжать храбрымъ сподвижникамъ короля Эдуарда I въ завоеваніи Шотландіи и короля Роберта Бруса въ ея защитѣ. Мюррэй также ничего не забывалъ, чтобъ убѣдить Елизавету. Онъ умолялъ Сесиля ходатайствовать у нея, чтобы, признавъ права Маріи Стюартъ на англійскую корону, она ускорила бракъ ея съ Лейстеромъ. Онъ говорилъ, что если не состоится этотъ бракъ, тогда онъ самъ потеряетъ свое вліяніе, что та политика, которую онъ неуклонно поддерживалъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ въ отвошшии къ Англии необходимо будетъ оставлена; что королева, его сестра, потеряетъ къ нему довѣріе, тѣмъ болѣе, что ни одна изъ надеждъ, которыми онъ ее льстилъ, и въ виду которыхъ онъ заставлялъ ее дѣйствовать, не сбудется; что уваженіе, которое она оказывала королевѣ Елизаветѣ, прекратится; что Марія Стюартъ снова сблизится съ своими родственниками и католическими государями, отъ которыхъ теперь удалилась; что новый король будетъ чувствовать къ нему смертельную неприязнь за хлопоты о другомъ и желаніе помѣшати ему; что если этотъ король будетъ папистъ, то придется или повиноваться ему или сдѣлаться предводителемъ недовольныхъ и снова испытывать тѣ неприятели и бѣдствія, которыя прекратились уже пять лѣтъ тому назадъ.

Эти сильныя причины должны были побудить Елизавету, къ рѣшимости которой, повидимому, ожидала Марія Стюартъ. Она повторила Рандольфу, что англійская королева, если желаетъ, можетъ имѣть огромное вліяніе на ея рѣшенія. — «Мой мужъ, сказала она ему, долженъ быть похожъ на того, кого ваша государыня хочетъ имѣть дать.» — Но Елизавету волновали противоположныя чувства:

политика заставляла ее уступить Лейстера королеву Шотландии, привязанность—сохранить его для себя. Кроме того она питала не побдиное отвращеніе къ тому, чтобы назначить себя наслѣдницею. Вслѣдствіе этого Сесиль писалъ: «Ея величество королева очень желаетъ, чтобы милордъ Лейстеръ былъ мужемъ королевы шотландской но когда дѣло доходить до требуемыхъ условій, я вижу, что ея пылкость ослабѣваетъ.»

Но надобно было дать отвѣтъ въ томъ или другомъ смыслѣ. Елизавета уже истощила всѣ свои хитрости и отсрочки. Принужденная высказать положительно свое мнѣніе, она вовсе не хотѣла признать правъ Маріи Стюартъ на наслѣдованіе англійскаго трона. до тѣхъ поръ пока она не выйдетъ замужъ.—Она поручила Рандольфу объявить ей объ этомъ, впрочемъ увѣряя ее, что если она выйдетъ замужъ за Лейстера, какъ за простаго графа, то можетъ вполне разсчитывать въ послѣдствіи на щедрость англійской королевы и не будетъ имѣть причины раскаяваться. Она очень хорошо знала что Марія съ пренебреженіемъ отвергнетъ такой неравный бракъ. если цѣною его она не купитъ англійской короны. Рандольфъ сообщалъ Маріи Стюартъ отказъ Елизаветы, которая была имъ очень недовольна и заплакала. Что должна была дѣлать королева шотландская, обманутая въ своихъ честолюбивыхъ и упорныхъ надеждахъ. Ей оставалось обратиться только къ Дарнлею. Она вдругъ остановилась на немъ свой выборъ столько же по склонности сколько по необходимости. Дарнлей ей чрезвычайно понравился и скоро овладѣлъ этимъ сердцемъ, въ которомъ съ одинаковою легкостью можно было возбудить любовь и отвращеніе. Марія Стюартъ скоро не могла уже сладить съ страстью, которую онъ ей внушалъ и выказывала ее въ всѣхъ. Когда Дарнлей заболѣлъ, она не покидала его ни днемъ ни ночью, и постоянно ухаживала за нимъ, въ его комнатѣ, какъ будто онъ былъ уже ея мужемъ. Все соединилось здѣсь къ тому, чтобы сдѣлать этотъ бракъ неизбежнымъ, и любовь, и родственныя отношенія, и требованія обстоятельствъ. Этому браку благопріятствовали графъ Атоль, графъ Кэтнесъ, лордъ Рутвенъ, лордъ Линдсэй лордъ Юмъ, нѣкоторые изъ Дугласовъ, связанные родствомъ и дружбою съ Ленноксами и все дворянство, втайнѣ оставшееся вѣрнымъ католическому исповѣданію. Марія Стюартъ возвратила изъ Франціи смѣлаго графа Вотвеля, чтобы въ случаѣ нужды противопоставить его Мюррзю, съ которымъ онъ находился въ личной враждѣ, и который принудилъ его за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ бѣжать на континентъ; кроме того она предположила снова возвратитъ милости графу Гэнтли, фамилія котораго была унижена Мюррземъ.

Но этотъ бракъ также встрѣтилъ множество препятствій и былъ причиною большихъ тревогъ. Партія протестантовъ и лорды конгрегаціи видѣли въ немъ начало возстановленія католицизма. Герцогъ Шательро и всѣ Гамильтоны, съ давнихъ поръ непримиримые противники Ленноксовъ, предугадывали въ немъ будущее паденіе своихъ фамилій. Мюррэй, обладавшій, по мнѣнію Дарнлея, слишкомъ большою властью, ожидалъ вѣрной опалы. Наконецъ королева Елизавета

была чрезъ него въ опасности скоро вступить во вражу съ Шотландією, которой король и королева, опираясь на католическія державы Европы, могли возбуждать противъ нея значительную часть ея подданныхъ, еще держивавшихся старой религіи государства. Графъ Ленноксъ нисколько не скрывалъ этого, и весьма неблагоприятно говорилъ, что король испанскій будетъ ихъ другомъ и что они могутъ рассчитывать на большинство англичанъ.

Рѣшившись выйти за Дарлея, не смотря на всѣ эти страшныя сопротивленія, Марія Стюартъ попыталась уменьшить ихъ число или силу. Она склонилась на сторону этого брака уступчиваго Летингтона и хотѣла сдѣлать тоже съ Мюррэмъ, который былъ менѣе сговорчивъ и уже удалился отъ двора. Призвавъ его къ себѣ, она потребовала, чтобы онъ подписалъ бумагу, содержащую въ себѣ одобреніе этого брака и обещаніе поддерживать его всѣми средствами. Мюррэй отказался и съ твердостью возразилъ ей, что бракъ этотъ слишкомъ опречетливъ, что иностранные государи будутъ его осуждать, что англійская королева имъ оскорбится, что и онъ съ своей стороны, принимая прежде всего въ соображеніе сколько можетъ этотъ союзъ принести пользы истинной религіи Христа, не желаетъ, чтобы королева соединилась съ человѣкомъ, который до того времени оказывался скорѣй врагомъ, нежели другомъ этой религіи. Марія, раздраженная этимъ сопротивленіемъ, употребила все, чтобы восторжествовать надъ нимъ: она просила, угрожала, сердилась, заклинала, — но все было напрасно. Она отпустила Мюррэя упрекая его въ неблагодарности. Она приписывала ему самыя честолюбивыя намѣренія и даже увѣряла, что онъ хочетъ сдѣлаться королемъ шотландскимъ. «Я хорошо вижу на что онъ мѣтитъ; онъ хочетъ возложить корону на свою голову».

Мюррэй отчасти оправдалъ подозрѣнія своей сестры враждебностью своихъ дѣйствій. Во главѣ пяти или шести тысячъ человѣкъ онъ явился въ Единбургъ, чтобы осудить графа Ботвелля, котораго обвинялъ въ неоднократномъ покушеніи на его жизнь и котораго Марія Стюартъ вызвала изъ ссылки. Онъ соединился съ графомъ Арджилемъ, и герцогомъ Шательро съ намѣреніемъ защищать и поддерживать себя общими силами. Онъ вошелъ также въ сношенія съ пасторами протестанской религіи, которые собрались въ это время въ Единбургъ, желая устранить угрожавшую имъ опасность. Наконецъ, чрезъ посредство англійскаго посланника Рандольфа, онъ обратился къ Елизаветѣ за помощью, какую ей будетъ угодно оказать ему. Узнавъ отъ двуличнаго Летингтона о предполагаемомъ бракѣ Маріи съ Дарилеемъ, англійская королева горячо возстала противъ исполненія этого плана. Совсе не желая дать требуемое отъ нея согласіе, она передала этотъ предметъ на обсужденіе своего тайнаго совѣта, который, постановленіемъ отъ 1 мая, объявилъ подобный бракъ оскорбительнымъ для обѣихъ королевъ и опаснымъ для обонхъ государствъ. Въ негодованіи своемъ совершенно забывъ о своихъ недавнихъ хлопотахъ въ пользу Лейстера, она сказала французскому посланнику Нолю-де Фуа: «Я никакъ не могла думать, чтобы коро-

лева шотландская имѣла такъ мало самолюбія, чтобы рѣшиться выйти за мужъ за сына графа Леннокса, за своего вассала». Въ то же время она поручила Трокмортону отправиться въ Шотландію, чтобы сообщить Маріи Стюартъ о мнѣніи тайнаго совѣта Англіи и воспрепятствовать этому браку съ помощью всѣхъ кому онъ былъ непріятенъ. Трокмортонъ долженъ былъ снова предложить ей Лейчестера а также еще двухъ: герцога Норфолька и графа Арэндела.

Но когда онъ прибылъ въ Шотландію, Марія Стюартъ зашла уже такъ далеко, что не могла отступить. Она собрала высшее дворянство въ Стёрлингѣ и 15 мая объявила ему о своемъ намѣреніи выйти замужъ за Дарнлея, при чемъ ни одинъ голосъ не рѣшился противорѣчить ея волѣ. Въ тотъ же самый день она сдѣлала Дарнлея графомъ Росскимъ и лордомъ Ардэннакскимъ, подаривъ ему значительныя помѣстья въ государствѣ. Эти рѣшительныя поступки сдѣлали посольство Трокмортонна совершенно бесполезнымъ. Онъ сообщилъ Маріи постановленіе тайнаго совѣта Англіи, при чемъ выразилъ удивленіе королевы, своей государыни, что графъ Ленноксъ и лордъ Дарнлей, будучи ея подданными, и не испросивъ ея дозволенія, рѣшились принять участіе въ такомъ дѣлѣ, которое одинаково интересуетъ и Англію и Шотландію. Марія Стюартъ дала Трокмортону слѣдующій гордый и вмѣстѣ умный отвѣтъ: «Неудовольствіе моей доброй сестры по истинѣ изумительно, потому что выборъ который она порицаетъ былъ сдѣланъ согласно желаніямъ, которыя переданы мнѣ мистеромъ Рандольфомъ. Я отвергла всѣхъ иностранныхъ искателей руки моей и избрала англичанина, происходящаго отъ королевской крови обоихъ государствъ и перваго принца крови Англіи. Поэтому меня удивляетъ позднее неодобреніе выбора въ равной степени соответствующаго выгодамъ обоихъ королевствъ». Впрочемъ она все таки отложила день празднованія своей свадьбы, надѣясь смягчить свою опасную сосѣдку и избѣжать совершеннаго разрыва съ нею. Эта уступка не удовлетворила однакоже Елизаветы, которая желала не отсрочки, а совершеннаго оставленія прозкта, и потому неблагоклонно приняла справедливыя возраженія Маріи Стюартъ.

Елизавета, столько же вспыльчивая, сколько и хитрая, приказала посадить въ Лондонскую Башню графиню Ленноксъ, уже и прежде находившуюся подъ бдительнымъ надзоромъ въ собственномъ домѣ, по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ предводителями англійскихъ католиковъ. Она требовала, чтобы графъ Ленноксъ и лордъ Дарнлей, какъ англійскіе подданные возвратились ко двору. Когда Рандольфъ передалъ имъ это приказаніе, Ленноксъ отказался повиноваться ему, говоря, что такъ какъ его жена задержана въ Англіи, то онъ не возвратится до тѣхъ поръ, пока не будетъ убѣжденъ въ лучшемъ къ себѣ расположеніи англійской королевы. Отказъ Дарнлея былъ менѣе почтителенъ и болѣе высокомеренъ. «Я не считаю себя, сказалъ онъ, обязаннымъ повиноваться никому, кромѣ королевы шотландской, которой я служу и которую почитаю. Ваша государыня завидуетъ моему счастью. Но я еще нуженъ здѣсь, въ

чать вы убѣдитесь черезъ нѣсколько дней. Я вовсе не предполагаю возвратиться, и находя, что мнѣ очень хорошо здѣсь, я думаю здѣсь и оставаться. Вотъ вамъ мой отвѣтъ.» Вызывая Леннокса и Дарнлея, Визавета въ тоже время поручила Рандольфу увѣрить въ своей почтѣи протестантовъ и диссидентовъ Шотландіи.

Послѣдніе употребляли всѣ свои силы, чтобы воспрепятствовать браку Маріи. Генеральный соборъ шотландской церкви, созванный графомъ Арджилемъ и Ноксомъ, постановилъ, чтобы граждане Эдинбурга были вооружены, и чтобы подано было королевѣ прошеніе, о совершенномъ воспрещеніи мессы не только въ государствѣ, но и въ самомъ дворцѣ, а равно и объ обязательномъ присутствіи всѣхъ подданныхъ при молитвахъ и церемоніяхъ господствующей церкви. Графъ Гленкарнъ и пять комиссаровъ, избранныхъ общимъ собраніемъ, представили это прошеніе королевѣ, которая обѣщала имъ твердо поддерживать ихъ богослуженіе, но для себя самой просила того же снисхожденія, которое она оказывала другимъ. Она сумѣла умѣрить притязанія протестантовъ; однакоже ей не удалось привлечь на свою сторону Мюррэя, который отказался прибыть въ Пертъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Дарнлей и Ленноксъ угрожаютъ его жизни. Въ это же самое время Мюррэй рѣшился на отчаянную крайность. Въѣхавъ съ герцогомъ Шателро, графами Арджилемъ, Ротсомъ и лордомъ Бойдомъ онъ предположилъ схватить королеву и Дарнлея на пути изъ Перта въ Келлендеръ, замокъ лорда Ливингстона. Заговорщики хотѣли передать Дарнлея англичанамъ, или даже убить его, заключить Марію въ Лочливнѣ и поставить Мюррэя во главѣ правленія. Но королева, во-время предувѣдомленная о ихъ преступномъ намѣреніи, быстро покинула Пертъ, и въ сопровожденіи трехсотъ человѣкъ кавалеріи, подъ начальствомъ графа Атола и лорда Рутвена, проѣхала Кинросскіе дефилеи, гдѣ ее должны были атаковать, и куда дѣйствительно прибылъ, черезъ два часа послѣ ея проѣзда, графъ Арджиль съ своими людьми; но она уже счастливо достигла Келлендера.

Это преступное намѣреніе возбудило всеобщее негодованіе страны; и тѣмъ, кто его предпринялъ, ничего болѣе не оставалось, какъ начать открытый мятежъ. Дѣйствительно они не замедлили прибѣгнуть къ нему. Мюррэй призывалъ народъ и *братію* къ оружію. Марія также съ своей стороны издала прокламацію, которою требовала, чтобы всѣ коронные вассалы явились въ Эдинбургъ, готовыми къ войнѣ, и съ достаточнымъ продовольствіемъ для немедленнаго выступленія въ походъ. Кромѣ того, чтобы религіозная партія не пристала къ мятежникамъ, она обнародовала другую замѣчательную прокламацію, съ цѣлью успокоить протестантскую церковь, и сама въ первый разъ присутствовала въ Келлендерѣ при богослуженіи пресвитеріанскаго пастора. Сознавая какъ необходимо для нея торопиться выйдомъ замужъ и такимъ образомъ избавиться отъ всякихъ попытокъ на разстройство этого брака, она возвела, 20 іюля, Дарнлея въ санъ герцога Альбани, а получивъ 22 разрѣшеніе изъ

Рима, привезенное ей епископомъ Дэмбланскимъ, назначила воскресенье, 29 іюля, днемъ своего бракосочетанія.

Наканунѣ этого торжества, особою грамотою, она передала титулъ короля Дарилею, который въ тотъ же вечеръ былъ превозглашонъ тремя королевскими герольдами на площадяхъ Эдинбурга. На другой день въ шестомъ часу утра былъ совершонъ въ Голлирудской капеллѣ обрядъ бракосочетанія. Марія явилась въ траурѣ на эту церемонію, послѣдствія которой въ непродолжительномъ времени должны были сдѣлаться такъ печальны. На ней были тѣ же платье чернаго бархата и большой бѣлый вуаль, которые она носила съ самой смерти Франциска II. По окончаніи бракосочетанія по католическому обряду, Дарилей поцѣловалъ ее и оставилъ одну у подножія алтаря слушать мессу, вѣроятно боясь сдѣлаться слишкомъ подозрительнымъ. Послѣ того онъ упросилъ Марію, чтобы она сбросила трауръ, и въ другой одеждѣ присутствовала за банкетомъ, при которомъ по древнему феодальному обычаю имъ прислуживали одиѣ за другиѣ первѣйшіе лорды государства. Шталмейстеромъ королевы былъ графъ Атоль, форишнейдеромъ графъ Мортонъ, кравчимъ графъ Крофордъ; тѣже должности при королѣ занимали графы Эглинтонъ Кассилисъ и Гленкэрнъ. При крикахъ *щедрость!* въ народъ бросали деньги и весь остальной день прошолъ въ танцахъ и весельи. Дарилей, торжественно признающій королемъ, былъ упоенъ счастьемъ и гордостью; Марія же, надолго считая себя счастливою, испытывала наслажденіе, возбуждаемое удовлетворенною страстью. Посланникъ Елизаветы писалъ о нихъ слѣдующее: «Это уже не тотъ лордъ Дарилей, котораго мы знали прежде. Его рѣчь дышитъ гордостью, такъ что его можно принять за повелителя всего міра. Онъ достигъ всѣхъ почестей, которыя женщина можетъ оказать любимому мужчинѣ. Королева не требуетъ для самой себя тѣхъ знаковъ уваженія, которые оказываются Дарилею, она сосредоточила на немъ всѣ возможныя достоинства и отличія; чтобы угодить королевѣ, надо сперва угодить ему, вся ея воля, всѣ ея желанія заключаются въ томъ, чтобы дѣйствовать и поступать сообразно желаніямъ лорда.»

Этотъ бракъ положилъ конецъ довольно искреннему согласію которое въ продолженіе четырехъ лѣтъ поддерживалось между двумя королевами взаимною надеждой, которая съ обѣихъ сторонъ была обманута. Елизавета постоянно стремилась къ ратификаціи Эдинбургскаго трактата, но будучи въ состояніи принудить къ нему Марію; Марія съ своей стороны постоянно желала признанія своихъ правъ на наследство англійскаго престола, въ которомъ отказывала ей Елизавета. Непріязненность обѣихъ королевъ поселила вражду между самими государствами.

Надобно сознаться, что вина во всѣхъ этихъ дѣлахъ на сторонѣ Елизаветы, а не Маріи. Эта королева, хитрая и гордая, недоверчивая и властолюбивая вздумала управлять Маріей не удовлетворяя ея желаній, отдѣлить ее отъ всѣхъ, не вознаграждая ея ничѣмъ, что могло бы привязать къ ней шотландскую королеву. Она не желала, чтобы Марія Стюартъ вышла замужъ за кого нибудь изъ континен-

мных государей, что слѣдало бы ее слишкомъ могущественною, за англійскаго подданнаго, который бы упрочилъ за ней наследіе англійскаго трона, ни за члена царственныхъ домовъ Тюдоровъ и Стюартовъ, что могло бы приготовить соединеніе обоихъ государствъ; она противодѣйствовала Донъ-Карлосу, возставала противъ герцога Карла, оттолкнула Лейстера, выказала нерасположеніе к нему. Она могла бы выдать Марію замужъ по своему желанію, или бы согласилась назначить ее своею наследницею. Она этого не сдѣлала и ссудила себя на политику, полную осторожности, интригъ, зависти, предательства и борьбы. Постоянно интриговать въ Шотландіи, и бороться съ заговорами въ Англии, возжигать междоусобную войну въ сосѣднемъ государствѣ и предупреждать ее у себя: вотъ политика, которой она постоянно слѣдовала въ продолженіе двадцати лѣтъ, съ 1565 по 1586 годъ.

Съ другой стороны стремленіе злополучной судьбы Маріи Стюартъ, приостановленное на нѣкоторое время, вновь пошло своимъ чередомъ послѣ этого несчастнаго брака. Она разсорилась съ своимъ братомъ, честолюбивымъ графомъ Мюррэмъ, который былъ искуснымъ ея руководителемъ со времени ея возвращенія изъ Франціи; который далъ королевѣ внутренній и внѣшній миръ, возстановилъ повиновеніе безпокойнаго дворянства и довѣріе или, по крайней мѣрѣ, вежливость подозрительной секты пресвитеріанъ. Она опять возвратилась къ своимъ наклонностямъ; сблизилась съ своими родственниками, изъ которыхъ самый могущественный—герцогъ Франсуа де Гизъ—былъ умерщвленъ; вошла въ соглашенія съ королемъ испанскимъ и Папою; начала покровительствовать католикамъ и безпокоить протестантовъ; отдала отъ себя англичанъ; стала рисковать,—и наконецъ погибла на развалинахъ своей власти и своего добраго имени.....

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Замужство шотландской королевы сильно встревожило протестантовъ Англии. Незадолго до него тайный совѣтъ Елизаветы снова объявилъ его вреднымъ для интересовъ преобразованной религіи и для безопасности государства. Сесиль, руководившій политикой англійскаго правительства, представилъ на усмотрѣніе Елизаветѣ записку, въ которой изложилъ всѣ опасныя послѣдствія этого брака. Онъ упоминалъ здѣсь: во 1-хъ, что на дѣтей, вмѣющихъ родиться отъ этого брака, должно будетъ смотрѣть, какъ на законныхъ наследниковъ двухъ королевствъ, и что поэтому многіе изъ значительнѣйшихъ подданныхъ Англии могутъ забыть свои обязанности въ отношеніи къ королевѣ и начать благопріятствовать интригамъ и планамъ королевы шотландской; во 2-хъ, что паписты воспользуются этимъ бракомъ, какъ единственнымъ средствомъ возстановленія римскаго исповѣданія, для того чтобы возмутить спокойствіе обоихъ государствъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и повиновеніе подданныхъ особѣ ея величества. Припоминая далѣе, какъ королева шотландская

по выходѣ замужъ во Франціи, присвоила королевскій англійскій гербъ и титулъ, онъ утверждалъ, что Марія Стюартъ возобновила свои притязанія и значительно усилитъ партію, которая ее поддерживала. «Эта партія, прибавляетъ Сесиль, если ее не унять теперь же, сдѣлается такъ опасна и при дворѣ, и въ палатахъ и въ палатахъ, что ослабить ее можно будетъ только самыми отчаянными мѣрами. По послѣднимъ свѣденіямъ собраннымъ мировыми судами въ графствахъ этого королевства, только треть населенія найдена достаточно твердою въ религиозныхъ убѣжденіяхъ.»

Сесиль предлагалъ слѣдующія средства для устраненія этихъ опасностей: во 1-хъ, не откладывать долѣе замужства Елизаветы; во 2-хъ принять мѣры, могущія усилить и распространить новое исповѣданіе въ Англии и Шотландіи; въ 3-хъ войти въ самыя ближайшія сношенія въ Шотландіи съ партіей недовольныхъ бракомъ Даррела, и поддерживать ее всеми средствами. Невозможно было выказать большую предусмотрительность и подать лучшіе совѣты въ духъ протестантства и его выгодъ. Партія реформы особенно желала противопоставить бракъ протестантки Елизаветы, замужству католички Маріи и укрѣпить религиозный переворотъ, совершонный Генрихомъ VIII, доставивъ англійской коронѣ наследника одной съ ничь крови и одинаковаго исповѣданія.

Елизаветѣ было въ это время тридцать лѣтъ. Ее нельзя было назвать красавицей; но она имѣла эффектную наружность и очень гордилась этимъ. Въ своихъ манерахъ, то слишкомъ свободныхъ, то исполненныхъ достоинства, она умѣла соединить самую непринужденную причудливость съ непреступнымъ величіемъ. Обладая огромнымъ умомъ и блестящими способностями, она управляла государствомъ съ рѣдкимъ искусствомъ, благородуміемъ и энергіей но, казалось, была лишена вовсе здраваго смысла, когда дѣло шло объ ней самой. Особенно льстили ей продолженія о ея замужствѣ; такого рода искаательства заставляли предполагать, что ея красотой восхищаются, что она нравится многимъ, и это чрезвычайно пріятно затрогивало ея самолюбіе. Въ этомъ отношеніи ей нечего было завидовать Маріи Стюартъ. Филиппъ II прежде всѣхъ сдѣлалъ ей предложеніе, послѣ смерти второй жены своей, королевы Маріи. Большая часть государей, искавшихъ руки королевы шотландской, добивались и у нея той же чести. Въ этомъ числѣ были король Даніи, король Швеціи и эрцъ герцогъ Карлъ, переговоры съ которымъ были давно уже открыты, но не подвигались впередъ, хотя и не прекращались окончательно. Изъ шотландцевъ графъ Аранъ дѣлалъ ей предложеніе, изъ ея же подданныхъ графъ Арндель искалъ ея благосклонности, а графъ Лейстеръ даже пользовался ею.

Хотя Елизавета привыкла къ предложеніямъ всякаго рода, однакожь она получила одно, весьма удивившее ее. Катерина Медичи, можетъ быть для того, чтобы устранить эрцъ-герцога Карла и воспрепятствовать королеви англійской вступить въ союзъ съ австрійскимъ домомъ, а можетъ быть и просто изъ желанія привлечь къ себѣ политическую благосклонность этой королевы, польстивъ ей

тиселами, задумала предложить ей въ мужа Карла IX. Этотъ странный прозѣтъ женить пятнадцатилѣтняго мальчика на тридцатилѣтней женщинѣ, католика на протестанткѣ, короля Франціи на королеву английской, — былъ пушценъ въ ходъ осенью 1564 г. Катерина Медичи, только что окончила въ это время первую гражданскую войну, въ которой Елизавета помогала гугенотамъ, кѣмъ Гавръ де Граса, уступленнаго гугенотами Англии, въ видѣ платы за помощь, оказанную этимъ государствомъ. Хитрая итальянка, обезпечивъ себя со стороны Филиппа II, своего зятя, на свиданіи въ Байоннѣ, рассчитывала, безъ сомнѣнія, этимъ сватовствомъ оградить себя отъ опасной неблагосклонности Елизаветы.

Съ этою цѣлью она уполномочила своего посланника въ Лондонѣ, Поль-де-Фуа, сдѣлать Елизаветѣ формальное предложеніе. «Мнѣ бы хотѣлось, писала она ему, скрѣпить нашу дружбу узами болѣе тѣсными, и я считала бы себя счастливѣйшею матерью въ свѣтѣ, если бы черезъ одного изъ дѣтей моихъ нѣжно-любимая сестра стала бы дорогою дочерью моею.» Поль-де-Фуа просилъ у Елизаветы аудиенціи, которая и была назначена 14 февраля 1565, въ то самое время, когда Дарнлей прибылъ въ Шотландію съ цѣлью жениться на Маріи Стюартъ. Искусно передавъ Елизаветѣ содержаніе своего щекотливаго порученія, онъ вручилъ ей самую депешу Катерины Медичи, наполненную похвалами достоинствамъ королевы и увѣреніями, что Елизавета *останется довольна какъ физическою, такъ и моральною стороною* (tant au corps qu'à l'esprit de quoi la contenter) молодого короля, Карла IX. Читая это письмо Елизавета нѣсколько разъ мѣлилась въ лицѣ. Она казалась и довольною и смущенною; наконецъ она отвѣчала посланнику, что высокая честь этого предложенія внушаетъ ей такое же почтеніе къ королеву матери Карла IX, какое могла бы она чувствовать, будучи ея дочерью, и что она сохранить это почтеніе на всю жизнь. «Но, прибавила она, вѣроятно, королева мать не позаботилась справиться о моемъ возрастѣ; я слишкомъ стара для такого молодого короля и онъ будетъ пренебрегать мною, такъ же, какъ король испанскій пренебрегалъ моею сестрой, вожкой королевою Маріей. А для меня лучше умереть, чѣмъ испытывать презрѣніе и быть оставленною.»

Не смотря на это, вслѣдствіе настояній французскаго посланника, выставлявшаго на видъ политическія и коммерческія выгоды этого предложенія, о которомъ парижскій дворъ повидному хлопоталъ серьезно, переговоры были начаты надлежащимъ порядкомъ. Они тянулись нѣсколько мѣсяцевъ. Елизавета призывала Сесилия, чтобы узнать его мнѣніе насчетъ, или лучше сказать противъ этого страннаго брака; и наконецъ вопросъ о немъ подвергла обсужденію важнѣйшихъ лицъ государства. Въ теченіе этого времени Катерина Медичи и Карлъ IX выражали передъ Смитомъ, бывшимъ при ихъ дворѣ английскимъ посланникомъ вмѣсто Трокморта, самое нетерпѣливое желаніе видѣть этотъ бракъ состоявшимся. Поль-де-Фуа тоже старался ослабить по возможности могущественную оппозицію Сесилия, привлечь на свою сторону ближайшихъ совѣтниковъ Елизаветы,

пользовавшихся наибольшою ея довѣренностью, и превозмешь отращеніе самой королевы, тщеславію которой очень льстило это предложеніе, совершенно протавное здравому смыслу. Эти переговоры не могли укрыться отъ другихъ дворовъ, въ интересахъ которыхъ было противиться этому браку. Брачный союзъ короля французскаго съ королевой англійской, такъ же противорѣчилъ интересамъ Испаніи, какъ предполагавшійся назадолго передъ тѣмъ бракъ наследника Испаніи съ королевой шотландской противорѣчилъ выдѣлу Франціи. Посланникъ Филиппа II, Гусманъ де Сильва, прямо выразилъ это Елизаветѣ въ разговорѣ, который прекрасно обрисовываетъ эту тщеславную, насмѣшливую, и хитрую государыню.

«Говорятъ, сказалъ ей Сильва, что ваше величество выходите замужъ за короля Франціи.» Елизавета наклонила немного голову и размѣялась. Потомъ она отвѣчала: «Я хочу исповѣдаться передъ вами, потому что теперь постъ, и я считаю васъ своимъ другомъ. Дѣйствительно были переговоры о моемъ бракѣ съ его католическимъ величествомъ, королемъ братомъ моимъ, съ королемъ французскимъ, съ королями шведскимъ и датскимъ.—И съ эрцъ-герцогомъ тоже, перебилъ Сильва.—Да, отвѣчала Елизавета, теперь остается одинъ только вашъ наследникъ престола, о которомъ мнѣ ничего не говорили еще.—Причина этого, мнѣ кажется, очевидна, возразилъ Сильва; король, государь мой, долженъ предполагать навѣрное, что вы не желаете выходить замужъ, потому что когда онъ, величайшій изъ христіанскихъ государей, которому, какъ ваше величество сами говорили мнѣ, вы многимъ обязаны, — когда онъ предлагалъ вамъ свою руку, вы не приняли ее.—Для меня это не такъ очевидно, возразила Елизавета, — потому что въ то время я гораздо меньше думала о своемъ замужствѣ. Да даже и теперь, еслибъ я могла назначить для моей короны такого наследника, какова бы мнѣ хотѣлось и какой нуженъ теперь, увѣряю васъ, я не вышла бы замужъ. Но мои подданные такъ торопятъ меня, что я не могу избавиться отъ замужства иначе, какъ только при помощи другаго средства, о которомъ я говорила, а оно довольно затруднительно. Къ тому же женщина, не выходящая замужъ, подвергается свѣтскимъ пересудамъ. Это приписываютъ обыкновенно или какия нибудь недостаткамъ, или дурнымъ побужденіямъ. Напримѣръ, обо мнѣ говорили, что я отказывала всѣмъ потому, что мнѣ нравился графъ Лейстеръ, а за него не выходила оттого, что онъ былъ женатъ; но теперь у него уже нѣтъ жены, однакожъ я не выхожу за него. Впрочемъ языкъ не привяжешь; истина всегда обнаружится и займетъ свое мѣсто. Богу извѣстны мои мысли и моя душа, которыя слишкомъ далеки отъ всего, что обо мнѣ предполагаютъ... Но, наконецъ, если бы этотъ бракъ съ королемъ Франціи состоялся, что вы о немъ подумали бы?

— Я подумалъ бы, отвѣчалъ Сильва, что это путь не широкій и не короткій, да что и на широкомъ пути всегда можно споткнуться. Елизавета засмѣялась и заговорила о другомъ. Черезъ нѣсколько

времени послѣ этого она увѣрила Сильву, что не позволитъ себѣ увлечься предложеніями французскаго двора.

Дѣйствительно, когда прошла отсрочка, которую королева просила у Поля де Фуа, съ цѣлью посоветоваться съ главнѣйшими вельможами Англіи, она назначила ему 2 мая аудіенцію и тутъ приготовила его къ своему отказу. Наконецъ, 12 июня, Поль де Фуа былъ приглашенъ въ залъ совѣта, въ Вестминстерѣ, чтобы получить рѣшительный отвѣтъ. Здѣсь уже собрались заранѣе графъ Лейстеръ, великій камергеръ Гоуардъ, Сесиль, Питеръ и маркизъ Нортэмптонъ. Послѣдній, отъ лица всего собранія, сказалъ посланнику: «что важнѣйшее препятствіе къ браку короля, его повелителя, съ королевой, изъ государыней, составляетъ неравенство возрастовъ, а также продолжительная и опасная неизвѣстность—редится ли отъ этого брака наследникъ престола, потому что молодость короля не позволяетъ надѣяться, чтобы королева могла имѣть отъ него дѣтей раньше, какъ развѣ только черезъ нѣсколько лѣтъ». Получивъ такой отвѣтъ, Поль де Фуа написалъ Катеринѣ Медичи, что нѣтъ больше никакой надежды. «Но, прибавилъ онъ, хотя мнѣ не удалось склонить королеву Англіи къ браку съ королемъ, я все таки съумѣю помѣшать сватовству эрцъ-герцога Карла, съ предложеніемъ о которомъ пріѣхалъ посланникъ императора.»

Этотъ посланникъ, по имени Адамъ Шветковичъ, отправленный новымъ императоромъ, Максимилианомъ, для того, чтобы возвратить знаки ордена Подвязки, оставшіеся послѣ отъѣзда его, Фердинанда I, высадился въ Англію 5 мая и засталъ кабинетъ и аристократію сильно занятыми вопросомъ о замужствѣ королевы Елизаветы. Шветковичъ энергически взялся за дѣло эрцъ-герцога Карла, предложеніе котораго было очень неблагоклонно принято королевой шотландской. Сесиль не былъ противъ него, герцогъ Норфолькъ и графъ Сэссексъ, враги Лейстера, тоже сильно поддерживали его. Казалось, дѣло пошло серьезно. Сесиль нѣсколько разъ видѣлся съ императорскимъ посломъ, сообщалъ ему брачный контрактъ, заключенный за десять лѣтъ передъ тѣмъ между королемъ испанскимъ и королевою Маріей, и въ видѣ условій, на случай если бракъ состоится, требовалъ, чтобы релігія не была измѣняема; чтобы государственныя должности давались только англичанамъ; чтобы не вмѣшивать Англію ни въ войны имперіи, ни въ войны Испаніи, и наконецъ, если королева умретъ бездѣтною, то чтобы заботы о наследованіи были отданы на усмотрѣніе парламента.

Поль-де-Фуа, сознавая на сколько это намѣреніе противно интересамъ его двора, старался препятствовать его осуществленію при помощи графовъ Пемброка, Шрузбэрри, Бедфорда и особенно Трокмортонъ и Лейстера. Онъ самъ умолялъ Елизавету не оскорблять его государя выходомъ замужъ за эрцъ-герцога. Чтобы еще лучше разстроить проектъ этого брака, Поль-де-Фуа, сообразно съ инструкціями, полученными имъ изъ Парижа, сильно поддерживалъ предъ Елизаветой искательство Лейстера, постоянно добивавшагося ея руки. Этотъ честолюбивый фаворитъ, къ которому королева питала силь-

ную и постоянную привязанность, и котораго она полюбилась у себя при дворѣ, назначивъ ему сосѣднія съ своими комнаты, искалъ теперь поддержки для своихъ цѣлей у короля Франціи, такъ же какъ въ началѣ царствованія Елизаветы онъ домогался того же у короля испанскаго. Поль-де-Фуа, на совѣщаніи своемъ съ королевою, происходившемъ черезъ нѣсколько времени послѣ отказа ея Карлу IX и замужства Маріи Стюартъ съ Дарилеемъ, совѣтовалъ ей избрать въ мужа Лейстера и такимъ образомъ упрочить спокойствіе своего королевства и удовлетворить желаніямъ подданныхъ. Онъ говорилъ ей, что она испытала многолѣтнюю привязанность графа, и что отъ него можетъ ожидать повиновенія, соответствующаго чести, какую она доставитъ ему подобнымъ возвышеніемъ. Далѣе онъ доказывалъ, что Лейстеръ, будучи англичаниномъ, никогда не станетъ покровительствовать иностранцамъ, что ей не нужно будетъ опасаться его, потому что онъ никогда не былъ могущественъ, и что наконецъ она не оскорбитъ никого изъ сосѣднихъ государей оказавъ предпочтеніе одному передъ другими, а напротивъ сохранить дружбу всѣхъ. Елизавета отвѣчала ему, что не знаетъ, выйдетъ ли она еще замужъ, и что ея подданный, хотя бы и не располагавшій прежде большими средствами, женился на ней, приобрѣтеть довольно власти для выполненія дурныхъ своихъ желаній, если они будутъ у него. Она прибавила въ заключеніе, что, боясь подобнаго обстоятельства, не намѣрена надѣлать своего будущаго мужа ни властью, ни богатствомъ, ни средствами, потому что вступить въ бракъ единственно для того, чтобы имѣть наследника, но, что когда она думаетъ о замужствѣ, то ей *кажется будто у нея выражаютъ внутренности*. Поль-де-Фуа нѣсколько разъ возобновлялъ этотъ разговоръ. Ничего не обещая, Елизавета очень хвалила Лейстера, къ которому съ каждымъ днемъ она привязывалась все сильнѣе, и о которомъ открыто говорила, что не можетъ провести дня, не вида его.

И такъ легковѣрный любимецъ надѣялся при этомъ рѣшительномъ случаѣ увѣнчать свое счастье женитьбой. Его враги искали сближенія съ нимъ. Графъ Сэсексъ занесивалъ въ немъ; Сесиль охладѣлъ къ эрцъ-герцогу. Лейстеръ самъ явился къ могущественному секретарю, чтобы открыться ему и привлечь его на свою сторону. Онъ говорилъ ему, что хочетъ признаться въ своемъ намѣреніи жениться на королевѣ, и что ему *кажется будто она оказываетъ благосклонность только ему одному*; онъ просилъ Сесиль оставить съ этого времени всѣ свои другія намѣренія, увѣряя его при этомъ, что постоянно будетъ стараться не только объ оставленіи его въ настоящей должности, но и о томъ, чтобы доставить ему другую, высшую, какую онъ заслуживалъ, оказавъ своимъ рѣдкимъ благоразуміемъ и дипломатическою тонкостью много полезнаго королевѣ и государству. Сесиль, казалось, былъ тронутъ довѣренностію Лейстера, благодарилъ его за предложеніе, и, какъ ловкій придворный, общалъ всѣми силами служить интересамъ графа.

Добившись поддержки своимъ честолюбивымъ намѣреніямъ внутри и внѣ государства, Лейстеръ постарался разстроить сватовство эрцъ-герцога, предлагавшаго условія, которыхъ нельзя было принять; въ тоже время онъ разрушилъ надежды маркграфини баденской, прѣхавшей недавно, чтобы предложить короля шведскаго въ мужья Елизаветѣ. Сдѣлавшись настоятельнѣе послѣ неудачъ своихъ свекателей, Лейстеръ просилъ королеву, которая, какъ казалось, была не прочь отъ брака съ нимъ, назначить время этого брака въ исходѣ текущаго года. Она же, съ своей стороны, просила его подождать до Срѣтенья въ будущемъ году.

Но пришло Срѣтенье, а бракъ Лейстера не состоялся точно такъ же, какъ не удался исканія короля шведскаго, эрцъ-герцога Карла и короля Франціи. Елизавета не хотѣла ни съ кѣмъ раздѣлять своей власти, и въ тоже время старалась ладить со всѣми. Она съ разсчитанною нерѣшительностію уклонялась отъ всѣхъ предложеній, не дѣлая никому формальнаго отказа. Такимъ образомъ она разочаровала Карла IX посредствомъ эрцъ-герцога, эрцъ-герцога и короля шведскаго посредствомъ Лейстера, и разрушила слишкомъ честолюбивыя надежды послѣдняго, выказавъ къ недавно прѣхавшему изъ Франціи графу Ормонду такую неожиданную и необыкновенную благосклонность, что раздраженный Лейстеръ покинулъ дворъ и удался на нѣкоторое время въ свои помѣстья.

Наслѣдованіе англійскаго трона не было обезпечено бракомъ, по этому возникъ вопросъ о томъ, чтобы обезпечить его выборомъ наследника. Этотъ выборъ колебался между графомъ Гэнтингтономъ и герцогомъ Норфолькомъ. Члены совѣта королевы усердно занялись этимъ дѣломъ; но, не смотря на усиленные ихъ состоянія, королева также не была расположена назначать себѣ преемника какъ прежде — избрать мужа. Однако же, не заботясь о томъ, чтобы дать англійской коронѣ наследника протестанта, она оставляла въ полной силѣ наследственные права католическихъ короля и королевы Шотландіи. Она даже допустила свою соперницу, Марію Стюартъ, взять надъ нею значительный перевѣсъ тѣмъ, что побудила недовольныхъ шотландцевъ къ возстанію, не оказавъ имъ довольно скорой и довольно достаточной помощи, для того чтобы не допустить ихъ до пораженія. Причина этого заключалась не въ совѣстливости, а въ нерѣшительности Елизаветы. Она говорила, что обыкновенная медленность, съ какою она рѣшалась на что нибудь, представляла ей много неудобствъ, и что, очень хорошо зная, сколько быстроты и ловкости нужно, чтобы не упустить удобнаго случая, она часто пропускала его. Тоже случилось съ нею при этомъ обстоятельствѣ, какъ и при многихъ другихъ.

Мюррэй за нѣсколько времени до замужства своей сестры былъ потребованъ ею, подъ страхомъ нарушенія долга вѣрности, ко двору, чтобы здѣсь доказать уголовное обвиненіе, возведенное имъ и графомъ Арджилемъ на графа Леннокса и Дарнlea въ томъ, что послѣдніе намѣревались посягнуть на ихъ жизнь. Мюррэй отказался отъ этого, потому что въ самомъ дѣлѣ боялся, какъ говорилъ

онъ, какой нибудь опасности для себя со стороны своихъ противниковъ, или потому, что имѣлъ намѣреніе прибѣгнуть къ оружію, единственному средству, которое оставалось для него. Дѣйствительно, онъ приготовился выступить въ походъ. Въ прокламаціи, изданной съ цѣлью возмутить дворянство и народъ, онъ говорилъ, что королева нарушаетъ права государства и отнимаетъ его привилегіи, давая ему короля не по выбору и безъ одобренія сословія, что совершенно противно законамъ и обычаямъ страны. Въ то же время онъ писалъ къ графу Bedford и просилъ его: «прийти къ нему на помощь и защитить невинныхъ послѣдователей евангелія, на которыхъ сатана выпускаетъ мірскія силы». Рандольфъ съ своей стороны понуждалъ Елизавету помочь Мюррэю, если она не хочетъ допустить до паденія вмѣстѣ съ нимъ англійскую партію и шотландскихъ протестантовъ. Но предприимчивая Марія, созвавши вокругъ себя всѣхъ вѣрныхъ вельможъ съ ихъ родственниками и друзьями, такъ быстро двинулась противъ Мюррэя, что принудила его отступить, сражаясь, отъ Стерлинга до Глазго и отъ Глазго во владѣнія его союзника графа Арджилла. Въ то же время она дала энергическій отвѣтъ англійскому послу Тимсворту, пріѣзжавшему къ ней съ высокоумнымъ отвѣтомъ Елизаветы; онъ не хотѣлъ признать Даррелла королемъ, и за это былъ схваченъ на обратномъ пути, близъ границы и задержанъ въ плѣну, въ замкѣ Юмъ. Англійская королева ограничилась только высылкою незначительной суммы денегъ со множествомъ обѣщаній герцогу Шателро, графамъ Мюррэю, Арджиллу, Ротзу, Гленкэрну и лордамъ Бойду и Очилтри, которые собравъ около тысячи челомѣкъ, направились въ Эдинбургъ.

Эта столица королевства была также центромъ протестантизма. Бунтовщики думали, что она поголовно возстанетъ въ ихъ пользу, но были приняты очень холодно. Никто изъ гражданъ не встрѣтилъ ихъ, а изъ пушекъ цитадели даже стрѣляли по ихъ отряду. Не смотря на склонность новаго вѣроученія къ неповиновенію гражданской власти въ тѣхъ случаяхъ, когда обязанности религіозныя расходились съ обязанностями въ отношеніи къ государству, несмотря на расположеніе шотландскаго дворянства къ бунтамъ, нужно было, чтобы Марія Стюартъ совершила много ошибокъ, много неблагоприятнаго, пока противъ нея разразилось серьезное возстаніе. Изуленные общественнымъ равнодушіемъ, испуганные собственною слабостію, возмущившіеся лорды со всевозможною поспѣшностію обратились за помощію къ Сесилю, руководившему политикой Елизаветы, и къ графу Bedford, начальствовавшему англійскими пограничными войсками; они требовали присылки трехъ тысячъ челомѣкъ и отправленія нѣсколькихъ военныхъ кораблей въ Фортскій заливъ.

Но Марія, съ энергическою дѣятельностію сѣмѣвшая воспользоваться обычною медленностію Елизаветы, не дала имъ времени дожидаться этой помощи. Предводительствуя арміей вассаловъ въ десять тысячъ челомѣкъ, она во второй разъ рѣшительно двинулась противъ Мюррэя и его товарищей, объѣдала ихъ бунтовщиками и

заставила немедленно покинуть Эдинбургъ. Вслѣдъ затѣмъ она очистила графство Файфъ, изгнала лорда Гранджа и тѣхъ бароновъ, которые выказывали расположеніе къ возмущившимся, собрала кон-трибуцію съ городовъ Дэнди, Сентъ-Андре и вѣла замокъ Кэмблъ. Во всѣхъ этихъ походахъ она ѣздила верхомъ, съ пистолетами у сѣды, все время пока преслѣдовала до Дэмри разбитаго Мюррэя, который, съ толпою своихъ приверженцевъ, бѣжалъ на англійскую границу. Въ порывѣ вражды своей она сказала Рандольфу, невозмутно остававшемуся возлѣ нея, что охотнѣе подвергнетъ опасности свою корону чѣмъ откажется отъ мщенія.

Она въ тоже время надала прокламацію противъ Мюррэя и его приверженцевъ. «Возмутители, причинившіе послѣднее возстаніе, искала она, говорятъ, что они взяли за оружіе защищая дѣло религій; этимъ они хотѣли покрыть свои недостойныя намѣренія и легче увлечь людей неопытныхъ». Она обвиняла ихъ, напротивъ, въ томъ, что они дѣйствуютъ только изъ честолюбія, что они были осыпаны ея благодѣяніями, и теперь оказались столько же ненасытными, сколько неблагодарными. «Они не довольны тѣмъ, прибавляла она, что получали богатства за богатствами, почести за почестями; они хотѣли захватить въ свои руки насъ и все наше королевство, для того, чтобы распоряжаться, обладать и пользоваться имъ по своей прихоти... Они хотѣли принудить насъ, чтобы мы управляли только по ихъ совѣтамъ..., разрушить спокойствіе государства, измѣнить естественный порядокъ вещей, заставить государей повиноваться, а подданныхъ повелѣвать. Никогда ничего подобнаго не было требуемо ни отъ кого изъ королей, нашихъ благородныхъ предковъ, ни даже отъ регентовъ страны.. Во время нашего дѣтства, и до возвращенія нашего въ государство, они пользовались свободнымъ выборомъ членовъ совѣта и дѣйствовали по своему благоусмотрѣнію; и теперь, когда мы достигли полной зрѣлости, они стремятся къ тому, чтобы считать насъ малолѣтними и держать насъ подъ своею опекою! Таково-то дѣло религій, за которое возстали они; вотъ то дѣло, изъ котораго они хотятъ, чтобы вы рисковали своими землями, своимъ имуществомъ, своею жизнью, приставъ къ нѣсколькимъ бунтовщикамъ, съ оружіемъ въ рукахъ возмущившимся противъ своей природной государыни. Говоря прямо, они стремятся къ тому, чтобы быть королями, или, по крайней мѣрѣ, оставить намъ этотъ титулъ и присвоить себѣ управленіе государствомъ.» Она оканчивала объѣмъ подданнымъ, что они спокойно будутъ пользоваться своимъ имуществомъ, полной свободою совѣсти, и призвала ихъ возвратиться къ законному повинновенію и постоянной вѣрности

Взбунтовавшіеся лорды, понимая опасность, угрожающую имъ, если они не получаютъ немедленной помощи, отправили къ Роберту Мельвиллю, своему посланнику у Елизаветы, записку названную: *свѣдѣніе о положеніи церкви Христовой, которая начинаетъ подвергаться преслѣдованіямъ въ лицѣ ея главнѣйшихъ членовъ, представляемыхъ ея величеству, королевы.* Въ этомъ докладѣ, они приписывали вліянію иностранцевъ преслѣдованіе, которому подвергались. Главными ви-

новниками его они называли Давида Риччио, несправедливостямъ котораго осмѣлился противиться Мюррей, и Дарнлея, который, будучи подданнымъ другаго государства, явился въ Шотландію, чтобы адѣсь, безъ ихъ согласія, захватить нима и власть короля. Они заклинали Елизавету поддержать это дѣло, имѣвшее большое значеніе и для нея самой. Но эта хитрая и осторожная королева, пославшая 12 сентября къ графу Векфорду повелѣніе отдать въ ихъ распоряженіе войска и деньги, черезъ три дня послѣ того, отправила къ нему новый приказъ, которымъ уничтожался первый; въ это время она уже узнала слабость бунтовщиковъ и понесенное ими пораженіе. Она ограничилась только тѣмъ, что велѣла Сесилию передать имъ, что смотритъ благосклонно на ихъ предпріятіе и весьма сочувствуетъ ихъ несчастію.

Марія Стюартъ, послѣ побѣдъ, одержанныхъ ею надъ противниками ея власти и религіи, уже не скрывала болѣе своихъ страстей и предположеній. Она приблизила къ себѣ предприимчиваго врага Мюррея, молодаго графа Вотвеля, утвердивъ его въ наследственной должности великаго адмирала Шотландіи, и назначивъ военнымъ начальникомъ западной границы и центра. Она также вышустила изъ тюрьмы сына графа Гэнтли, и сдѣлала его однимъ изъ близкихъ къ себѣ лицъ.

Предсѣдателемъ своего совѣта она сдѣлала католика, графа Атолиа, отъявленнаго врага графа Арджилля; это былъ человекъ весьма храбрый, но весьма безтолковый. Руководимая итальянцемъ Давидомъ Риччио, она исподволь приготавлила возстановленіе древней церкви. Въмѣстѣ съ Дарнлеемъ, она обратилась къ Филиппу II съ просьбою о помощи въ борьбѣ, начинавшейся между нею и протестантами, такъ же какъ Мюррей и протестанскіе лорды обращались къ Елизаветѣ. Она писала королю испанскому, что онъ—естественный покровитель католической религіи, и что она, вмѣстѣ съ мужемъ, боится потерять свою наследственную корону, равно какъ и другія права, на которыя они *изъявляли притязанія*, если имъ не окажетъ помощи одинъ изъ великихъ христіанскихъ государей, нисколько не задумываясь прибѣгаетъ къ нему; при этомъ она выставила на видъ и то обстоятельство, что шотландцамъ, которые оставались вѣрными католической религіи, грозилъ опасность окончательной гибели. Къ нему былъ отправленъ одинъ англійскій дворянинъ, служившій прежде королевѣ Маріи Тюдоръ, и теперь находившійся при Дарнлеѣ. Она поручила ему объяснить королю испанскому положеніе ея дѣлъ, и просить его о скорѣйшемъ отвѣтѣ, отъ котораго зависѣло благосостояніе государства и церкви, «а для поддержанія ихъ, прибавляла она, мы не пощадимъ ни жизни, ни средствъ, если только вы можете намъ совѣтомъ и дѣломъ.» Она просила о помощи также Карла IX.

Какъ французскій, такъ и испанскій дворы одобрили ея бракъ. Оба они въ сущности были весьма довольны, первый тѣмъ, что Марія не вышла замужъ ни за принца Донъ-Карлоса, ни за эрцъ-герцога Карла; а второй тѣмъ, что она не выбрала вторично мужа себѣ въ могущественномъ домѣ, вліяніе котораго возбуждало опасенія Филиппа II,

старавшагося повсюду противоборствовать его вліянію. Этотъ глава шотландизма въ Европѣ, выслалъ Марію Стюартъ двадцать тысячъ, и написалъ къ Папѣ, который съ своей стороны далъ ей восемь тысячъ. При этомъ Филиппъ писалъ ей, что послать другую помощь въ настоящее время было бы опасно и бесполезно; онъ прибавлялъ, что не слѣдуетъ, однакоже, отказываться отъ правъ королевы шотландской на англійское наслѣдство, хотябы поддерживать ихъ пришлось оружіемъ. «Въ этомъ великомъ дѣлѣ, говорилъ онъ, самъ Богъ поддержитъ королеву Шотландіи; потому что это единственный путь, по которому религія можетъ проникнуть въ королевство англійское, всѣ другіе закрыты въ настоящее время».

До полученія этой незначительной и боязливой помощи, Марія Стюартъ отвергла посредничество, которое предлагалъ ей отъ имени своего двора французскій посланникъ Кастельно де Мовиссіеръ. «Мнѣ легче потерять все, сказала она съ гордостью, чѣмъ договариваться съ своими подданными». Въ этомъ воинственномъ увлеченіи, она въ третій разъ выступила въ походъ, 9 октября, чтобы изгнать изъ королевства остатки бунтовщиковъ, расположившихся въ Дэмфри. Въ сопровожденіи графовъ Вотвеля и Гэнтли, съ арміею отъ 10 до 12 тысячъ человекъ, она безъ труда обратила въ бѣгство Мюррэй и его приверженцевъ, которые 14 октября бѣжали въ Англию. Марія торжествовала. Все приводила въ опьяненіе эта жизнь, полная дѣятельности, случайностей и борьбы. Побѣда была для нея началомъ мести. Она не довольствовалась только тѣмъ, что усилъа уничтожить возмущившихся лордовъ, осудивъ ихъ какъ измѣнниковъ, и отнявъ у нихъ вѣнцы и должности; ея планы въ это время были обширнѣе и смѣлѣе. Все королевство преклонилось передъ нею. Изъ двадцати одного графа только пять и изъ двадцати восьми лордовъ только трое были противъ нея, да и тѣ принуждены были бѣжать. Считая себя достаточно утѣрждавшеюся въ Шотландіи, зная, что ея сторону поддерживаетъ католическая партія въ Англии, и надѣясь на поддержку сильнѣйшихъ государей материка, она думала, что заставитъ самую Елизавету раскаяваться въ отказѣ признать ее своею наслѣдницею и въ подстрекательствѣ ея подданныхъ къ бунту. Она сама высказала свои намѣренія. Нѣкоторые вельможи ея свиты представляли ей, что она утомляетъ себя, находясь безпрерывно въ полѣ и предводительствуя войскомъ въ такое суровое время года; она отвѣчала имъ на это: «я до тѣхъ поръ не оставлю моихъ трудовъ, пока они не приведутъ меня въ Лондонъ».

Она приняла весьма высокомерный тонъ съ Елизаветою. Въ письмѣ къ ней она говорила, что не можетъ вообразить, какимъ образомъ королева англійская согласилась поддерживать бунтовщиковъ, и грозила ей, что прибѣгнетъ къ помощи государей, своихъ союзниковъ, если та вздумаетъ дѣло возмущившихся считать своимъ дѣломъ. Поженіе Елизаветы было весьма затруднительно. Посланники французскій и испанскій, отъ имени своихъ государей, энергически отстаивали интересы Маріи Стюартъ, защищая такимъ образомъ общія права государей. Кромѣ того, Елизавета боялась отчасти за спокойствіе своего

государства и собрала войска на шотландской границѣ. Чтобы предупредить всякое движеніе со стороны англійскихъ католиковъ, она призвала въ Лондонъ герцога Норфолка, маркиза Нортэмптона, графовъ Арэндела и Пемброка подъ предлогомъ совѣщанія съ ними въ сущности потому, что считала ихъ расположенными къ ней соперницѣ. Тоже подозрѣніе заставило ее призвать къ себѣ герцога Нортэмберленда, Уестморленда и Кэмберленда, земли которыхъ находились на шотландской границѣ.

Принявъ эти предосторожности, она хотѣла успокоить неудовольствіе Маріи, гордившейся въ это время своими успѣхами, и выказал себя противъ обыкновенія весьма мягкою и не слишкомъ требовательною. Такъ какъ ей ничего не стоило обманывать, то она выпуталась изъ ложнаго положенія, въ которое поставила себя въ помощи одной изъ обыкновенныхъ для нея сценъ смѣлаго надутельства. Она притворилась чрезвычайно раздраженною поведеніемъ Мюррэя и публично приказала ему удалиться въ Ньюкэстль, а въ то же время, тайно, дозволила ему представиться ей. Мюррэй явился въ сопровожденіи одного изъ Гамильтоновъ, аббата Кильвиннинга. Елизавета приняла ихъ въ присутствіи членовъ своего совѣта и французскаго посланника, чтобы разыграть эту гнусную комедію какъ можно выгодноѣе для себя. Когда Мюррэй вошелъ, то, поклонившись колѣни, заговорилъ по-шотландски. Королева остановила его, и приказала выражаться по-французски, потому что онъ зналъ этотъ языкъ. Мюррэй отвѣчалъ, что ему трудно объясняться на языкѣ на которомъ онъ мало говорилъ и который позабылъ почти. Королева возразила, что онъ навѣрное припомнитъ его настолько чтобы отвѣчать ей и особенно настолько, чтобы понять ее, и потомъ сказала ему по-французски, что удивляется, какимъ образомъ онъ осмѣлился явиться къ ней безъ позволенія. «Развѣ вы не заклемены именемъ бунтовщика противъ своей государыни? Развѣ вы отвергли съ презрѣніемъ ея призывъ и не подняли оружія противъ ея власти? приказываю вамъ говорить истину, какъ прилично благородному человѣку». Смѣшавшійся Мюррэй старался оправдаться и отивъ обвиненій въ измѣнѣ, и объяснялъ, что не могъ явиться къ ней государынѣ, потому что она была окружена его врагами; онъ говорилъ, что вовсе не имѣлъ желанія овладѣть ея особою и объявилъ, что королева англійская не побуждала его поднимать оружіе.

Елизавета просила французскаго посланника припомнить слово Мюррэя, и, обращаясь къ послѣднему, съ жаромъ прибавила:

«Вы хорошо сдѣлали, что сказали правду. Никогда ни я и никто отъ имени моего не одобрялъ вашего неестественнаго возмущенія противъ своей государыни. За власть надъ цѣлымъ міромъ я стану поддерживать ни одного подданнаго въ неповиновеніи своей государю; и еслибы я сдѣлала это когда нибудь, то за это Богъ и казалъ бы меня въ моемъ собственномъ государствѣ подобными смутами! Что же касается до васъ обоихъ, то вы — недостойные цари, и я повелѣваю вамъ немедленно удалиться изъ моего присутвія».

Послѣ этого безстыднаго обмана, Елизавета, такъ поворно оттолкнувшая людей, которыхъ сама возбуждала, и повергнувшая въ униженіе партію, въ которой скоро могла имѣть нужду, выказала чрезвычайную любезность Маріи Стюартъ. Она поручила Рандольфу, недавно отвозившему, отъ нея деньги возмущившимся лордамъ, рассказать шотландской королевѣ, какъ она приняла ихъ, и что говорила. «Я бы хотѣла, писала она собственноручно къ Маріи Стюартъ, что бы вы сами слышали это и могли судить сколько уваженія и привязанности оказала я вамъ въ совершенное противорѣчіе тому, что говорили, будто я стою за вашихъ противниковъ; подобный поступокъ слишкомъ далекъ отъ меня; онъ бы принесъ очень много безчестія королевѣ, которая, не скажу, сдѣлала бы, но даже допустила бы его.

Марія Стюартъ никогда еще не достигала такого могущества. Ей повиновались всѣ въ государствѣ и ее уважали другіе государи. Тверью ея умѣнья зависѣло упрочить за собою власть, добытую отважностію. Если бы она выказала больше снисходительности послѣ одержанныхъ ею побѣдъ, еслибы она простила Мюррэя и другихъ изгнанниковъ, она приобрѣла бы ихъ благодарность и вѣрность. Послѣ униженія, которое перенесли они въ Англіи, они считали бы себя счастливыми, если бы могли возвратиться въ Шотландію; не надѣясь болѣе на коварную Елизавету, они бы сблизились съ великодушною Маріей. Эта государыня могла бы такимъ образомъ ослабить англійскую партію въ своемъ королевствѣ, и въ тоже время усилить партію шотландскую въ Англіи. Ничто не уменьшаетъ такъ значительно веровъ и не приобретаетъ въ такой степени друзей, какъ сила, соединенная съ благоразуміемъ. Мюррэй, недавно бывший такимъ гордымъ и упорнымъ въ своемъ сопротивленіи, униженно готовъ былъ возвратиться къ покорности. Онъ послалъ дорогой алмазь Дадду Риччио, чтобы приобрѣсти поддержку этого всезнающаго советника королевы, сестры своей, общая ему свою дружбу, если только онъ возвратитъ ему ея милости. Въ тоже время объ этомъ хлопотали Джемсъ Мельвиль и Николай Трокмортонъ, желавшіе склонить королеву къ полезной кротости. Мельвиль, которому она дозволила свободно выражать передъ нею свои мнѣнія, говорилъ ей объ этомъ въ Эдинбургѣ; а Трокмортонъ, изъ зависти къ Сесілю приставшій къ партіи Маріи, писалъ ей изъ Англіи, убѣждая ее простить, чтобы тотомъ спокойнѣе царствовать. И тотъ и другой просили ее быть милосердною для ея же собственной пользы и славы, чтобы этимъ привязать къ себѣ всѣхъ подданныхъ, не оставлять Елизаветѣ никакого средства для нарушенія спокойствія въ государствѣ, и распознать самихъ протестантовъ въ пользу ея правъ на Англію.

Но Марія была слишкомъ увлечена, и не захотѣла послушаться этихъ мудрыхъ совѣтовъ, основанныхъ на политическомъ расчетѣ. Ей казалось лучше продолжать свое мнѣніе, и она уступила внушеніямъ французскаго двора и кардинала Лотарингскаго, приславшаго въ Шотландію Рамбулье и Клерно, чтобы поднести Дарилею орденъ св. Михаила, и сообщить Маріи о союзѣ, заключенномъ католическимъ

государями противъ протестантства. Марія Стюартъ подписала союзный договоръ, и не слушая Мельвиля, доказывавшаго ей, что в слѣдуетъ принуждать людей къ крайностямъ, чтобы не сдѣлать ихъ опасными, — она отвѣчала ему съ гнѣвомъ: «я не боюсь ихъ. Что смѣютъ, что могутъ они предпринять?» Простивъ одного только герцога Шателъро, который, по слабости своего характера, былъ и очень опасенъ, и разъединивъ фамилію Гамильтоновъ съ другими изгнанниками, она рѣшилась уничтожить Мюррѣя, Арджилла и другихъ ихъ товарищей по возстанію, заставивъ на ближайшихъ засѣданіяхъ парламента осудить ихъ, какъ измѣнниковъ.

За нѣсколько времени до этого собранія, которое должно было удовлетворить ея мстительности, и на которомъ она хотѣла осуществить свои предположенія въ пользу старой церкви, она послала епископа Дэмбленскаго къ новому Папѣ Пію V, чтобы предложить ему свою полную покорность. Она просила у него духовной и свѣтской помощи, «для того, писала она, чтобы измѣнить плачевное и жалкое положеніе нашего государства. Случай теперь благоприятный потому что враги наши отчасти изгнаны, отчасти находятся подъ нашею властію... Если Богъ и ваше святѣйшество, за дѣло которыхъ мы стоимъ, поможете намъ, то съ подобною поддержкою мы преодолѣемъ всѣ препятствія.» Давидъ Риччіо, бывшій пенсіонеромъ Папы и главнымъ агентомъ католической политики, убѣждалъ королеву быть непреклонною къ изгнанникамъ, и вступить на опасный путь религіозной реставраціи.

Этотъ молодой итальянецъ, достигшій такого значенія въ Шотландіи, гдѣ онъ скоро нашолъ трагическій конецъ, прибылъ въ Эдинбургъ въ декабрѣ 1562 г. имѣя около 28 лѣтъ отъ роду. Онъ прѣхалъ сюда вмѣстѣ съ савойскимъ посланникомъ графомъ Моретто у котораго былъ камердинеромъ (cameriere). Это былъ человѣкъ ловкій, получившій образованіе довольно рѣдкое для нѣсколько герцога шотландскаго двора; къ тому же онъ былъ прекрасный музыкантъ, и королева оставила его въ качествѣ своего камеръ-лакея, когда графъ Моретто возвратился въ Пьемонтъ. Марія Стюартъ очень любила музыку, и окружала себя артистами на скрипкѣ, на лютнѣ и на флейтѣ; у нея были также три пѣвца, и къ нимъ присоединялся иногда Риччіо, чтобы пѣть басомъ, котораго для хора не могло ставало. Найдя его въ скоромъ времени способнымъ къ болѣе почетной службѣ, чѣмъ должность камердинера, королева, въ декабрѣ 1564 г., назначила его своимъ секретаремъ для иностранной корреспонденціи, на мѣсто Роле. «Онъ такъ хорошо исполнялъ эту должность, писалъ тосканскій посланникъ къ герцогу Космѣ I, что большая часть государственныхъ дѣлъ проходила черезъ его руки. Онъ такъ благоразумно велъ ихъ и такъ хорошо оканчивалъ, что величество скоро очень полюбила его.» По его-то совѣту и подъ его руководствомъ устроился бракъ Дарнлея; онъ, сообразно желаніямъ Маріи, старался тѣсными узами связать королеву со шотландскою съ Папою и королемъ испанскимъ, отдѣлить ее отъ Англии и разорвать ея связь съ протестантскою партіею. Онъ жилъ !

большую ногу, а необыкновенная благосклонность, которою онъ пользовался, сдѣлала его высокоумѣреннымъ и дерзкимъ. Его близость къ королевѣ и власть, пріобрѣтенная имъ надъ нею, сильно повредила репутаціи Маріи. Такъ Елизавета, говоря съ французскимъ посланникомъ объ изгнаніи Мюррэя, сказала ему: «что причиною этого изгнанія былъ италіанецъ, по имени Давидъ, котораго королева шотландская любила и которому покровительствовала больше, чѣмъ позволяла это ея положеніе и честь.»

Дарнлей, нѣсколько времени жившій въ согласіи съ Риччіо, сдѣлался его смертельнымъ врагомъ. Человѣкъ честолюбивый и пустой, не отличавшійся ни кротостію, ни храбростію, не обладавшій ни ловкостію, ни умѣніемъ подчиняться при случаѣ, Дарнлей, умъ котораго не возвышался вмѣстѣ со счастьемъ, скоро потерялъ любовь Маріи Стюартъ. Онъ ошибался въ чувствахъ этого вѣтреннаго сердца, и какъ будто нарочно старался всѣми средствами утратить власть надъ нею, которую удалось ему пріобрѣсти на минуту. Онъ любилъ пить, проводилъ много времени на охотѣ, держалъ себя высокоумѣрно, былъ грубъ и взыскателенъ. Онъ принуждалъ Марію Стюартъ раздѣлять съ нимъ *брачную корону*, т. е. уступить ему половину верховной власти, что она обѣщала ему въ первомъ пылу своей любви, и чѣмъ обладалъ ея первый мужъ, Францискъ II. Но она отказала ему въ этомъ, можетъ быть потому, что видѣла его неспособнымъ къ правленію, а можетъ быть и потому, что не любила уже его больше. Недостатки Дарнлея не оставляли ей ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что если она отдастъ въ его руки королевскую власть, то подвергнетъ такимъ образомъ большымъ опасностямъ и себя и свое государство. Меньше, чѣмъ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ своего замужства, Марія, потерявъ привязанность къ Дарнлею, также старалась избѣгать его, какъ незадолго передъ тѣмъ искала случаевъ видѣть его. Было уже не далеко до разрыва, в Дарнлей, въ своемъ неудовольствіи, готовилъ для Маріи Стюартъ сцену печальнаго униженія.

Обманутый въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ, оскорбленный въ своей привязанности, Дарнлей приписывалъ отказъ и отчужденіе отъ него королевы вліянію Риччіо; онъ думалъ, что секретарь-италіанецъ былъ и совѣтникомъ ея, и любовникомъ. «Я узналъ, говорилъ онъ, что этотъ презрѣнный Давидъ обезчестилъ мое брачное ложе.» Поэтому онъ рѣшился отдѣлаться отъ него. Свое горе онъ открылъ двоюродному брату своему Джорджу Дугласу, который принялъ близко къ сердцу поодушевляющую его жажду мщенія. Дарнлей послалъ Дугласа къ лорду Рутвену, одному изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ своей фамиліи, человѣку смѣлому и рѣшительному, съ просьбою принять участіе въ его мщеніи и помочь его предпологаемому возвышенію. Дѣло шло о томъ, чтобы убить Риччіо и захватить силою брачную корону. Хотя лордъ Рутвенъ былъ въ это время очень нездоровъ, однакоже, послѣ непродолжительнаго колебанія, онъ присталъ къ заговору, въ которомъ участвовалъ также лордъ Линдсей и о которомъ зналъ даже Рандольфъ. Не даже

какъ за мѣсяць до его выполненія, Рандольфъ писалъ къ Лейстеру, 13 февраля 1556 г. «Мнѣ извѣстно навѣрное, что королева раскаивается въ своемъ бракѣ, что она ненавидитъ Дарнлея и всѣхъ его родственниковъ; я знаю также, какъ то и ему самому не безъизвѣстно, что нѣкто раздѣляетъ съ нимъ благосклонность королевы; я знаю, что существуетъ заговоръ, руководимый отцомъ и сыномъ и имѣющій цѣлью овладѣть короною противъ воли королевы; я знаю, что если предположеніе удастся, то Давиду перерѣжутъ горло съ согласія короля... Я узналъ вещи еще болѣе ужасныя: умыслы противъ особы королевы, но думаю, что лучше сохранять ихъ въ тайнѣ чѣмъ писать объ нихъ господину секретарю (Сесилию). Я сообщу объ этомъ въ настоящее время только вашей свѣтлости.»

Заговоръ распространялся въ глубокой тайнѣ; Рутвенъ, находящійся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ изгнанными лордами, считалъ нужнымъ вовлечь и ихъ въ это дѣло. Такъ же какъ прежде друзья Маріи Стюартъ нужно было соединиться съ приверженцами Леннокса, чтобы одолѣть партію Мюррэя, такъ теперь необходимымъ былъ союзъ Леннокса съ Мюррэемъ противъ Маріи Стюартъ и преданныхъ ей вассаловъ. Одни Ленноксы не могли и удерживать Мюррэя и другихъ изгнанниковъ въ ссылкѣ, и подчинить себя королеву. По этому рѣшено было привлечь къ заговору тѣхъ, которые еще такъ недавно подвергались жесточайшимъ преслѣдованіямъ. Графъ Мортонъ, близкій родственникъ и искренній другъ Мюррэя, приверженецъ угрожаемаго протестантскаго исповѣданія, боявшійся потерять должность государственнаго канцлера, а также нѣкоторыя левныя владѣнія, взялся руководить предпріятіемъ; онъ сдѣлалъ это втайнѣ и съ ловкостію. Приобрѣсти сочувствіе главнѣйшихъ пасторовъ и самыхъ могущественныхъ бароновъ протестантской партіи; возвратитъ изгнанниковъ и возстановитъ ихъ прежнее значеніе; обезпечитъ за собою поддержку Влизаветы и ея главнѣйшихъ министровъ: Сесилия и Лейстера; убить Ричію; распуститъ парламентъ который долженъ былъ собраться, чтобы законнымъ порядкомъ опредѣлить гибель бѣжавшихъ лордовъ; арестовать королеву; вручить Дарнлею королевскій титулъ и оставить Мюррэя во главѣ привлеченія;—таковъ былъ планъ, составленный Мортонемъ. Въ Шотландіи этотъ планъ приняли лорды: Линдсей, Рутвенъ, Летингтонъ, и Единбургскихъ пастора Ноксъ и Крэгъ, клеркъ юстиціи, Баллендъ, клеркъ протоколовъ, Макгиль, лорды: Вонстонъ, Кальдеръ Ормистонъ. Въ Шотландіи графъ Ленноксъ самъ сообщилъ объ этомъ планѣ Мюррэю, Ротэу, Гранджу, Гленкарну и Очильтри, тесту Нокса: всѣ они приняли его и условились собраться на границѣ чтобы быть готовыми, въ случаѣ успѣха, прибыть немедленно въ Единбургъ.

Составили два covenants, (союзные акты) чтобы торжественно соединить короля съ его соучастниками. Въ первомъ, который подписалъ король, Мортонъ и Рутвенъ,—Дарнлей объявилъ, что королева совершена съ пути и обманута злонамѣренными людьми и особенно однимъ итальянцемъ, по имени Давидомъ; по этому онъ пожелалъ,

помощию дворянства и другихъ лицъ, овладѣть этими врагами государства; а если они станутъ сопротивляться, такъ уничтожить ихъ. Онъ обязался своимъ королевскимъ словомъ поддерживать и защищать своихъ соучастниковъ даже въ присутствіи самой королевы и внутри дворца. Во второмъ совенантѣ графы Мюррэй, Араджиль, Гленкорнъ и Ротъ, лорды Вейдъ и Очилтри обязались отъ имени своего и своихъ единомышленниковъ поддерживать справедливыя требованія Дарлея, быть друзьями его друзей и врагами его враговъ, поднести ему брачную корону, поддерживать протестантское исповѣданіе и сражаться съ его противниками. Король, съ своей стороны обязалъ простить Мюррэя, прекратить всякое судебное преслѣдованіе за ихъ преступокъ и возстановить ихъ въ должностяхъ и владѣніяхъ, принадлежавшихъ имъ прежде.

Эти совенанты были сообщены Рандольфу, который копій съ нихъ переслалъ Сесилю. Рандольфъ и графъ Вудфордъ писали въ одно время изъ Вервика, 6 марта, государственному секретарю Елизаветы, идя строгою тайною отъ всѣхъ, кромѣ королевы и Лейстера, о великомъ предпріятіи, которое вскорѣ должно было совершиться: «Всѣмъ извѣстны, говорили они, недоразумѣнія и споры, возникшіе между королевою и ея мужемъ, по поводу того, что, съ одной стороны, она отказала ему въ брачной коронѣ, а съ другой стороны, онъ узналъ, что королева поступаетъ съ нимъ такъ невыносимо, что мы не рѣшились бы этому повѣрить, если бы ея поведеніе не было слишкомъ извѣстно. Чтобы уничтожить этотъ предлогъ къ скандалу, онъ рѣшился присутствовать при арестѣ и наказаніи того, чьи преступленія превышаютъ всякую мѣру, и кто нанесъ ему величайшее бѣдствіе, какое только можетъ получить человекъ, и особенно находящійся на такой высокой степени.» Они доносили въ своей депешѣ обо всѣхъ условіяхъ, заключенныхъ заговорщиками, и прибавляли: «Если королева шотландская, сопротивляясь тому, чего требуютъ отъ нея, найдетъ поддержку внутри государства, то противъ нея можно будетъ держаться, потому что она должна будетъ прибѣгнуть къ совѣтамъ и помощи только той части дворянства, которая сохранила къ ней вѣрность. Но если она обратится къ лужеземной помощи, то ея величество королеву, государыню нашу, будутъ просить о томъ, чтобы она милостиво приняла на себя защиту короля и лордовъ, на основаніяхъ, заслуживающихъ уваженія. Вотъ обстоятельства, которыя казались и кажутся еще намъ, имѣющимъ большую важность. Мы полагаемъ, что на насъ лежитъ обязанность извѣстить объ этомъ васъ, господинъ секретарь, для того чтобы вы могли сдѣлать объ нихъ представленіе (королевы) по вашему благоусмотрѣнію.»

Елизавета дѣйствительно была извѣщена о заговорѣ, и вовсе не думала препятствовать ему. Ни Марія Стюартъ, противъ власти и чести которой была задумана эта измѣна, ни Давидъ Риччио, жизни котораго она угрожала, нисколько не подозрѣвали объ этомъ мрачномъ заговорѣ, хотя онъ извѣстенъ былъ столькимъ лицамъ. Однакоже королева замѣчала глубокое отвращеніе, питаемое дворян-

ствомъ къ ея слишкомъ близкому и слишкомъ доверенному секретарю. Въ одномъ письмѣ, гдѣ она излагала свои мнѣнія на этотъ счетъ, она съ грознымъ увлеченіемъ возражала на притязанія лордовъ, которые, ссылаясь на заслуги своихъ предковъ, и считала себя, какъ они сами выражались, лучше воспитанными и болѣе учеными, хотѣли всѣмъ управлять въ государствѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они, больше чѣмъ кто другой, имѣютъ богатствъ и чести, которыя могутъ посвятить отечеству... Марія находила, что вообще вмѣсто храбрости и благоразумія своихъ предковъ, они отличались только пристрастіемъ къ своимъ фамиліямъ, беззаботностію о своей чести, были безразсудны, взмѣнчивы, властолюбивы и презирали верховную власть и законы. Она спрашивала далѣе, слѣдовало ли въ подобномъ случаѣ не признавать или уменьшать черезъ нихъ власть королевскую, уважая ихъ силу; и въ заключеніе говорила: «Если король находитъ человѣка изъ низкаго состоянія, бѣднаго по имуществу, но богатаго умомъ, вѣрностію, привязанностію и способнаго къ выполненію поручаемыхъ ему обязанностей онъ не долженъ осмѣливаться поручить ему власть, потому что люди сильные, уже обладающіе ею, хотятъ получить ее въ большей мѣрѣ!» И такъ она твердо рѣшилась поддерживать противъ нихъ Риччіо, который и былъ именно этотъ человѣкъ, — низкаго происхожденія, но съ высокимъ умомъ и вѣрнымъ сердцемъ.

Риччіо, съ своей стороны, рассчитывая на энергическую поддержку смѣлой королевы, казался недоступнымъ боязни; однакоже его предостерегалъ одинъ астрологъ, по имени Даміо, съ которымъ онъ имѣлъ обыкновеніе совѣтоваться. Но таинственное предсказаніе гадателя, который совѣтовалъ ему, какъ говорятъ, остерегаться *незаконнорожденнаго*, обозначая этимъ именемъ Джорджа Дугласа, побочнаго сына графа Авгуса, какъ будто бы угрожало ему Мюррэемъ. Мюррэй, въ то время изгнанный, недавно самъ заискивалъ расположенія Риччіо, чтобы опять войти въ милость, а слишкомъ самонадѣянный фаворитъ пренебрегъ этимъ неяснымъ предостереженіемъ. Онъ не принялъ никакихъ предосторожностей, и оставался въ неблагоприятной короткости съ королевой.

Марія Стюартъ, узнавъ, что англійскій посланникъ передалъ денежную сумму Мюррэю, во время его возмущенія, приказала ему, 17 февраля, оставить Шотландію. Агитаторъ Рандолфъ удалился въ Бервикъ. Королева созвала парламентъ, который долженъ былъ утвердить осужденіе Мюррэя и другихъ изгнанниковъ. Она лично открыла его, 7 марта, день, въ который были назначены *статейные лорды*, и она вручила имъ въ духовномъ управленіи государствомъ власть, принадлежавшую имъ до перемѣнъ, совершенныхъ въ общественномъ богослуженіи, для того чтобы, какъ она сама выразилась, содѣйствовать возстановленію древней религіи и противодѣйствовать возмутителямъ. Обвинительный актъ противъ послѣднихъ былъ составленъ, и долженъ былъ вотироваться во вторникъ, 12 марта. Но заговорщики не дожидаясь этого дня, и избрали субботу, 9 марта, для

исполненія своего предпріятія, которому съ своей стороны, вспомоществовали пресвитеріанскіе пасторы.

3 марта началась великая недѣля общаго покаянья протестантовъ, и самые ревностные изъ нихъ собрались поэтому въ Единбургъ. Ноксъ, а также и Крэгъ, знавшіе оба о заговорѣ, избрали для своихъ проповѣдей предметы, способные взволновать умы и подготовить ихъ къ предстоящему событію. приводя кровавые примѣры изъ библіи. Смерть Зева и Орева, пораженіе Веніамитовъ, исторія Эсфири, казнь Амана научали этихъ напуганныхъ и жестокихъ людей, какъ нужно поступать съ врагами народа Божьяго. Такимъ врагомъ былъ на этотъ разъ бѣдный итальянецъ, котораго презирали, какъ иностранца, которому завидовали какъ фавориту, котораго боялись, какъ китолка и котораго заговорщики рѣшились принести въ жертву, даже въ самомъ присутствіи королевы.

Дѣйствительно, въ субботу вечеромъ Мортонъ, Рутвенъ, Линдсэй явились въ сопровожденіи около двухъ-сотъ вооруженныхъ чело-вѣкъ, какъ это было заранѣе условлено, къ Дарилею, комнаты котораго въ Голирудскомъ дворцѣ были расположены подъ апартаментами Маріи Стюартъ. Онъ поужиналъ раньше обыкновеннаго и ожидалъ ихъ. Въ 8 часовъ онъ поднялся къ королевѣ по потайной лѣстницѣ, въ сопровожденіи Рутвена, Джорджа Дугласа, Андрея Кара-Фодонсайда, и Патрика Беллендена, которые шли за нимъ въ небольшомъ разстояніи; между тѣмъ какъ Мортонъ и Линдсэй заняли съ своими вооруженными людьми ворота и внутренность дворца. Дарилей первый вошелъ въ кабинетъ королевы, маленькую комнату около двѣнадцати футовъ въ квадратъ, гдѣ засталъ Марію Стюартъ за ужиномъ съ ея побочною сестрою, леди Аражилъ и Давидомъ Риччіо, который сидѣлъ съ покрытой головою, здѣсь же присутствовали Голирудскій комендантъ *, лордъ Кричъ, Артуръ Эрсकिनъ и нѣсколько другихъ придворныхъ. Дарилей сталъ сзади королевы, которая обернулась къ нему и они поцѣловались.

Черезъ минуту послѣ этого вошелъ Рутвенъ, покрытый латами, съ лицомъ блѣднымъ и изнуреннымъ болѣзнію, въ слѣдъ за нимъ явились Джорджъ Дугласъ, Фодонсайдъ и Патрикъ Белленденъ съ книжками и пистолетами въ рукахъ. Ихъ появленіе въ комнатахъ королевы, въ этотъ часъ и въ такомъ видѣ, заставило Марію Стюартъ угадать мрачное намѣреніе короля и заговорщиковъ. Она спросила у Рутвена, что привело его, и кто позволилъ ему явиться къ ней. Рутвенъ отвѣчалъ, указывая на Риччіо: «Вотъ этотъ Давидъ, который сидитъ здѣсь, въ вашей собственной комнатѣ, гдѣ онъ былъ уже слишкомъ долго. Не угодно ли вашему величеству удалить его. — Въ чемъ же заключается его проступокъ спросила королева. — Онъ нанесъ, возразилъ Рутвенъ, величайшее и самое гнусное оскорбленіе чести вашего величества, королю, супругу вашему, дворянству и всему народу.» Тогда королева отвѣчала ему, что если онъ желаетъ

* Лордъ Робертъ Стюартъ, побочный сынъ Іакова V и Евфиміи Эльфинстонъ; онъ сдѣланъ былъ комендантомъ аббатства Голирудъ еще при отцѣ своемъ.

обвинять Давида, то она предасть его лордамъ парламента, и повелѣла Рутвену удалиться подъ страхомъ наказанія, какъ за измѣну. Но Рутвенъ, не слушая вовсе ея словъ, подошелъ къ Давиду, чтобы схватить его. Послѣдній бросился къ королевѣ съ крикомъ: «Государыня, я погибъ! Giusticia, giusticial! спаси мнѣ жизнь, государыня, спаси мнѣ жизнь!» При этомъ движеніи его и преслѣдованіи, которому онъ подвергся, столъ былъ опрокинутъ на королеву, находившуюся въ это время на шестомъ мѣсяцѣ беременности, и старавшуюся вырвать его изъ рукъ убійцъ, кинжалы и пистолеты которыхъ въ эту минуту направились противъ нея. Риччіо ухватился всю силой за складки ея платья. Дарнлей собственными руками оттащилъ его, и пока его вели насильно, онъ удерживалъ королеву въ своихъ рукахъ, чтобы она не бросилась на помощь къ своему секретарю.

Возволнованная опасностью, которой подвергся ея несчастный слуга, и опасаясь лично за себя, Марія умоляла заговорщиковъ быть милосердными къ Риччіо, котораго они уводили, напоминая при этомъ Дарнлею услуги, которыя тотъ оказалъ ему самому. Дарнлей лицемерно увѣрялъ ее, что ему не сдѣлаютъ ни малѣйшаго зла. Вѣднато, дрожащаго итальянца потащили изъ кабинета королевы черезъ ея спальню, въ находившуюся рядомъ пріемную комнату. Тамъ находилась большая часть заговорщиковъ въ ожиданіи своей жертвы. Мортонъ и Линдсэй хотѣли оставить его до слѣдующаго дня, чтобы повѣсить потомъ, но нетерпѣливый Джорджъ Дугласъ поразилъ его на лѣстницѣ кинжаломъ короля, вскричавъ: «*Вотъ королевскій ударъ!*» Въ ту же минуту на Риччіо бросились другіе, и онъ палъ, пораженный пятьюдесятью шестью ударами стилетовъ и кинжаловъ. Его трупъ былъ выкинутъ черезъ окно на дворъ и положенъ въ комнату дворцоваго привратника.

Узнавъ объ умерщвленіи Риччіо, королева, въ порывѣ скорби и негодованія высказала свои чувства къ Дарнлею. Она упрекала его въ томъ, что онъ покровительствовалъ такому подлому поступку, и въ томъ, что онъ покрылъ ее стыдомъ, забывъ, что она вывела его изъ ничтожества и возвела даже на тронъ; она называла его измѣнникомъ и сыномъ измѣнника. Дарнлей, въ свою очередь, упрекалъ ее за то, что она, вотъ уже вѣсколько мѣсяцевъ избѣгаетъ его присутствія, не хочетъ оставаться съ нимъ, когда Давидъ бываетъ у нея. Потомъ онъ прибавилъ: «Именно по этому я согласился на такой поступокъ, какъ для вашей чести и собственнаго удовлетворенія, такъ и для того, чтобы избавиться отъ Давида.—Милордъ, возразила она ему, вы были виновникомъ оскорбленія, нанесеннаго мнѣ; я не жена вамъ больше, и не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока ваше сердце не будетъ растерзано такъ же, какъ сегодня мое.» Рутвенъ, возвратившійся послѣ этого ужаснаго дѣла, вошелъ при этихъ словахъ. Изнуренный еще болѣе чѣмъ взволнованный, и готовый лишиться чувствъ, онъ спросилъ стаканъ вина. Потомъ онъ рѣзко сказалъ королевѣ, что Давида убили, потому что онъ былъ стыдомъ

для нея, бичомъ для ея государства, и что гибельное вліяніе, какое онъ имѣлъ надъ нею, заставляло ее угнетать дворянство, изгнать удалившихся лордовъ, находиться въ предосудительныхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ иностранными государями, изъ желанія возстановить прежнюю религію и наконецъ, что черезъ него же въ ея совѣтъ были допущены измѣнники: графы Ботвель и Гэнтли. Марія Стюартъ, униженная такимъ образомъ, залилась слезами и отвѣчала ему съ угрожающею горечью: «Эта кровь дорого будетъ стоить нѣкоторымъ изъ васъ!» Рутвенъ, дикая энергія котораго, еще болѣе усиленная болѣзнію, сразившею его чрезъ два мѣсяца послѣ того, отвѣчалъ: «Назави Богъ! потому, что чѣмъ больше ваше величество обнаружите гнѣва, тѣмъ строже будетъ свѣтъ въ своемъ приговорѣ объ васъ.» Лишившись слуги, преданнаго ей и дорогаго для нея, получивъ оскорбленіе своей чести, потерявъ свою власть, Марія сдѣлалась плѣнницею враговъ своихъ.

Графы Гэнтли и Ботвель, узнавъ, что Мюррээ и Арджила ожидаютъ на другой день, и думая, что имъ также грозитъ участь Риччіо, бѣжали, спустившись на веревкѣ изъ дворцоваго окна, выходящаго въ поле. Графъ Атоль, лорды Флемингъ и Ливингстонъ и сэръ Джемсъ Вальсѣръ, находившіеся въ Голирудѣ, когда заговорщики наполнили дворецъ, и когда былъ убитъ Риччіо, тоже спаслись бѣгствомъ. Шумъ, происходившій въ замкѣ, встревожилъ жителей Эдинбурга. Городской старшина, извѣщенный Мельвилемъ, приказалъ ударить въ набатъ, и съ толпою вооруженныхъ гражданъ явился у воротъ дворца, желая узнать, что случилось, и прося позволенія видѣть королеву. Но заговорщики отказали ему и грозили королевѣ, что убьютъ и ее, и выкинуть за стѣны, если она захочетъ видѣть гражданъ и говорить съ ними. Но такъ какъ послѣдніе настаивали на своемъ желаніи, то имъ отвѣчали отъ имени короля, что королева здорова, что съ нею не случилось ничего особеннаго, и что только убитъ секретарь итальянецъ, находившійся въ сношеніяхъ съ Папою и королемъ испанскимъ, и условившійся съ ними ввести въ государство иностранныя войска съ цѣлью покорить его и возстановить католическое вѣровисповѣданіе. За тѣмъ Дарнлей приказалъ имъ удалиться. Они разошлись тогда, и королева безъ всякой надежды на помощь, оставалась въ теченіе всей этой печальной ночи плѣнницею въ своей комнатѣ, не имѣя при себѣ даже своихъ слугъ и женщинъ. Она чувствовала, что ей нужно принуждать себя, притворяться, посѣять раздоръ между своими врагами, чтобы сначала вырваться изъ ихъ рукъ и потомъ уже отомстить имъ. И она исполнила это съ терпѣніемъ хитростию ненавистью, и ловкостью оскорбленной женщины.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Бракъ королевы съ Дарнлеемъ повергъ Шотландію въ междоусобную войну; умерщвленіе Риччіо послужило въ ней началомъ заговоровъ и убійствъ. Исторія этого терзаемаго королевства въ теченіе долгаго періода времени представляетъ только рядъ возмуще-

ній, измѣнъ и насилій. Всѣ подвергались этому: и король и королева и три регента, только въ разное время и не въ одинаковой степени. Убийство, темница и эшафотъ были ихъ удѣломъ. Но такова уже обыкновенно судьба необузданныхъ страстей. Они находятъ наказаніе тамъ, гдѣ ищутъ своего удовлетворенія.

Въ теченіе печальной ночи, наступившей послѣ убійства Риччіо, Марія Стюартъ была погружена въ самое горькое отчаяніе. Въ собственномъ дворцѣ ее сдѣлали невольницею, потому что Мортонъ и другіе заговорщики зорко охраняли его. На утро Дарнлей заговорилъ и началъ дѣйствовать какъ король. Онъ опредѣлилъ распустить парламентъ и подъ страхомъ наказанія за измѣну предписалъ его членамъ оставить Эдинбургъ въ теченіе трехъ часовъ. Собственноручно онъ написалъ къ городскому старшинѣ, чтобы тотъ строго наблюдалъ за этимъ и не позволялъ оставаться никому, кромѣ протестантовъ. Когда онъ посѣтилъ королеву, то нашелъ ее въ припадкѣ печальнаго изступленія. Трагическая сцена, происходившая передъ ее глазами, страшныя воспоминанія, преслѣдовавшія ее, грозная фигура Рутвена, который, казалось, готовъ былъ поразить ее, злобщія намѣренія, которыхъ она опасалась со стороны дворянства, привыкшаго не уважать своихъ государей, причинили ей нѣчто въ родѣ бреда. При видѣ ея страданій, сожалѣніе пробудило въ сердцѣ Дарнлея любовь. Онъ просилъ прочихъ заговорщиковъ, чтобы служанкамъ королевы дозволено было прійти къ ней на помощь, съ условіемъ, чтобы всякій разъ, какъ онѣ будутъ выходить изъ ея комнаты, ихъ лица были открыты, изъ опасенія упустить плѣнницу, подъ одеждой кого нибудь изъ нихъ. Съ этой минуты Марія Стюартъ, видя, что она можетъ освободиться не иначе, какъ только при помощи собственной хитрости, пустила въ ходъ всю свою ловкость и притворство, чтобы достигнуть этой цѣли.

Когда Мюррэй, на встрѣчу которому она послала Мельвиля, прибылъ въ воскресенье вечеромъ, вмѣстѣ съ бѣжавшими лордами, она пригласила его къ себѣ. Увидя его, она бросилась къ нему въ объятія и сказала: «Ахъ, братъ мой, еслибъ вы были здѣсь, вы не позволили бы поступать сомною такъ недостойно? Мюррэй казался растроганнымъ».

Собравшіеся на утро заговорщики не окончили ничего изъ оставшагося имъ сдѣлать. Казалось, они должны были вручить корону и управленіе государствомъ Дарнлею, довершить утвержденіе протестантства и заключить королеву въ замкѣ Стёрлингъ до тѣхъ поръ, пока она не одобритъ всѣхъ ихъ поступковъ. Но этотъ планъ, который приписывала имъ Марія Стюартъ, они осуществили только черезъ годъ. Теперь же хитрость королевы и слабость Дарнлея разстроили его.

При многочисленныхъ и скрытныхъ свиданіяхъ, происходившихъ между королевою о ея мужемъ, она указала ему какое жалкое положеніе займетъ онъ въ отношеніи къ лордамъ, если позволитъ имъ одержать верхъ надъ нею, и въ то же время указала на опасность, которой онъ подвергнется со стороны союзныхъ государей.

если допустить дальнѣйшія перемены въ религиозномъ устройствѣ королевства. Ей не трудно было привлечь его къ себѣ. Дарнлей былъ человекъ пустой и слабый, и не смотря на свое честолюбіе отличался боязливостію. Рѣзкія и унизительныя объясненія, происходившія между мужемъ и женою, были забыты; Дарнлей не вспоминалъ уже про оскорбленія своей чести, на которыя онъ жаловался, а Марія про обиду, полученную ею недавно и про насиліе, которымъ отнята у нея власть. Покинувъ своихъ друзей и своихъ нахѣренія, Дарнлей рѣшился помогать освобожденію Маріи Стюартъ и слѣдовать за нею.

Это освобожденіе не могло совершиться иначе, какъ только при обманѣ другихъ заговорщиковъ. Въ понедѣльникъ Дарнлей сообщилъ имъ, что королева больна лихорадкою, и что ей угрожаетъ преждевременное разрѣшеніе отъ бремени, если она не перемѣнитъ воздуха. Въ то же время онъ увѣрялъ, что она готова забыть все случившееся, словесно подтвердить имъ всѣ свои обѣщанія и подписать акты, которые они сочтутъ нужнымъ составить для своей безопасности. Заговорщики считали сначала всѣ эти предложенія обманомъ, и совѣтывали Дарнлею не довѣряться ей. Но Дарнлей настоялъ на своемъ, и привелъ Мюррэя, Мортонъ и Рутвена къ королевѣ. Марія сказала имъ, что никогда не любила крови и не жаждала богатствъ своего дворянства; что, поступая такъ, какъ она дѣлала съ самаго возвращенія своего въ Шотландію, она снова будетъ милостива къ изгнанникамъ, проститъ смерть Давида и забудетъ все прошлое. Она предложила имъ, чтобы они сами назначили условія, которыя она подпишетъ, и которыми должна быть ограждена ихъ безопасность. Потомъ, взявъ подъ руки Дарнлея и Мюррэя она нѣсколько времени прохаживалась съ ними, съ видомъ довѣрчивости и дружбы.

Принужденные уступить желаніямъ короля и подчиниться предложеніямъ королевы, заговорщики составили актъ въ защиту своей безопасности и передали его Дарнлею. Послѣдній взялся устроить такъ, чтобы королева подписала его. Онъ просилъ ихъ также, чтобы они оставили ее только подъ его надзоромъ, давъ ей видимую свободу и возможность отдавать какія ей вздумается приказанія; онъ принималъ на себя ответственность за все. Тогда отрядъ заговорщиковъ оставилъ дворецъ Голирудъ, но предводители ихъ не забыли замѣтить Дарнлею, что считаютъ себя обманутыми, и предполагаютъ, что королева вмѣстѣ съ нимъ удалится въ замокъ Эдинбурга или въ Дэнбаръ. «Если въ слѣдствіе этого, сказалъ ему Рутвенъ, будетъ пролита кровь, то пусть эта кровь падетъ на вашу голову, а не на насъ.»

Дѣйствительно, въ ночь съ 11 на 12 марта, Марія вмѣстѣ съ Дарнлеемъ и капитаномъ своей гвардіи Артуромъ Эрскиномъ, тайно вышла изъ Голируда, и на лошадяхъ, заранѣе приготовленныхъ, отправилась въ Дэнбаръ. Прибывши туда, она немедленно созвала вооруженныхъ дворянъ. Лорды, участвовавшіе въ заговорѣ, узнавъ во вторникъ утромъ, что она уѣхала не подписавъ условій, которыя сама предложила, послали къ ней лорда Семпла, чтобы потребовать

исполненія обѣщаній. Она заставила его прождать отвѣта три дни. Когда же за это время къ ней собрались войска, приведенныя графами Ботвелемъ, Гэнтли, Атолемъ, Кэтнессомъ, Маршалемъ, архіепископомъ Сентъ-Андрейскимъ, лордами Юмомъ и Йестеромъ,—она окончательно сбросила маску. 16 марта она издала прокламацію противъ бунтовщиковъ, которые осмѣлились обогрѣть кровью дворецъ ея и задержать ее тамъ въ плѣну. Продолжая съ ловкостію раздроблять силы своихъ враговъ, она помирилась съ Мюррэмъ, Арджилемъ, Гленкэрномъ и Ротзомъ, на условіи, чтобы они не соединялись съ убійцами Ричіо. Послѣднихъ она преслѣдовала съ неумолимымъ мщеніемъ. Мортонъ, Рутвенъ, Линдсэй, Джорджъ Дугласъ, Андре Каръ Фодонсайлъ и шестьдесятъ пять другихъ лордовъ и дворянъ были преданы суду, за участіе въ этомъ злодѣяніи. Королева съ войскомъ пошла на Эдинбургъ, гдѣ оставались еще заговорщики; но при ея приближеніи, они бѣжали оттуда въ Англію. Марія Стюартъ снова вступила въ городъ, гдѣ ее оскорбили и подвергли заключенію; но теперь она вошла въ него пылая жаждою мщенія и имѣла возможность удовлетворить ей.

Она запретила графу Левноксу являться ко двору. Летингтонъ, лишившійся должности государственнаго секретаря получилъ приказаніе удалиться въ Ивернессъ. Іосифъ Ричіо былъ сдѣланъ собственнымъ секретаремъ королевы на мѣсто брата своего Давида, тѣло котораго предано землѣ съ большими почестями. Такъ какъ главные виновники убійства бѣжали изъ государства, то Марія приказала схватить и предать смертной казни нѣкоторыхъ второстепенныхъ сообщниковъ, которые стерегли входы во дворецъ, во время совершенія убійства, и надѣялись ускользнуть отъ наказанія, по своей незначительности. Подъ вліяніемъ пламеннаго гнѣва своего, она приказала бросить въ тюрьму лэрда Дрэмленгрика и сына его, старшину въ Гленконденъ, которые не были въ Эдинбургѣ при убійствѣ Ричіо, но отказались пристать къ союзу, образовавшемуся для преслѣдованія и наказанія тѣхъ, кто содѣйствовалъ преступленію.

Дарнлей, съ своей стороны долженъ былъ отречься отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Въ публичномъ объявленіи, выставленномъ 20 марта въ Эдинбургѣ, онъ возставалъ противъ клеветливой молвы, посредствомъ которой осмѣливались, говорилъ онъ, *приписывать ему варварское убійство, совершонное въ присутствіи королевы и преступный арестъ благороднѣйшей особы ея величества.* Онъ прибавлялъ въ заключеніе: «Его милость, съ цѣлю отстранить дурное мнѣніе, которое могутъ возымѣть добрые подданные, вслѣдствіе ложныхъ извѣтовъ и возмутительныхъ слуховъ, объявилъ ея величеству, королевѣ, въ присутствіи лордовъ тайнаго совѣта, ручаясь честью, вѣрностію и словомъ своимъ, что онъ ничего не зналъ объ этой вѣроломной измѣнѣ, и нимало въ ней не участвовалъ ни совѣтомъ, ни приказаніемъ, ни одобреніемъ.» Онъ сознавался, однакожь, что безъ вѣдома королевы постоянно старался о возвращеніи изъ Англіи графовъ Мюррэя, Гленкэрна, Ротза и другихъ изгнанныхъ, которыми она была оскорблена.

Но это заширательство не возвратило ему расположенія королевы, которой онъ выдалъ даже секретаря — Летингтона, клерка юстиціи Беллендена и клерка регистратуры Макгилла, какъ людей, принимавшихъ участіе въ заговорѣ. Оно принесло ему только безчестіе, и окончательно лишило сочувствія его единомышленниковъ; они пришли въ негодованіе отъ подобной низости. Призвать ихъ къ участію въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ, склонить ихъ къ составленію заговора для возвеличенія его собственной власти, и потомъ оставить и предать ихъ мщенію королевы,—это казалось заговорщикамъ самою подлою измѣной. Итакъ, въ наказаніе за его предательство они доставили Маріи Стюартъ двѣ подписанныя имъ бумаги (bonds), въ которыхъ предполагалось отдать ему брачную корону и убить Риччіо. Прежде королева могла подумать, что онъ поступилъ въ этомъ случаѣ необдуманно подъ вліяніемъ ревности. Теперь же, когда она узнала на сколько онъ былъ замѣшанъ въ заговорѣ, то окончательно лишила его своего довѣрія и утратила къ нему всякое расположеніе. Онъ казался ей неблагодарнымъ мужемъ, коварнымъ заговорщикомъ и низкимъ лжецомъ.

Съ этого времени она выказывала къ нему неодолимое отвращеніе. Еще до своего возвращенія въ Единбургъ, она обнаружила истинныя чувства свои въ отношеніи къ нему, не смотря на то, что для нея было выгодно притворяться еще нѣсколько времени. Она высказалась предъ Джеймсомъ Мельвилемъ, временно занимавшимъ должность государственнаго секретаря вмѣсто Летингтона. «Королева, говоритъ Мельвиль въ своихъ запискахъ, жаловалась мнѣ на неблагодарность и неблагодарность короля; я старался всѣми средствами оправдать его, приписывая его проступки молодости и дурнымъ совѣтамъ Дугласа и другихъ лицъ. Я убѣждалъ ее заглушить въ себѣ всякое семя вражды и вспомнить, что она сама избрала его въ мужа, противъ желанія своихъ подданныхъ. Но я постоянно замѣчалъ, что ея сердце наполнено мщеніемъ, и что ей очень нравилось, когда совѣтывали ей помириться.» Ненависть Маріи къ Дарнлею возрастала вмѣстѣ съ ея презрѣніемъ къ нему. Она еще болѣе отдалила его отъ участія въ дѣлахъ, которыя вела сама при помощи графовъ Ботвелла, Гэнтли, Атоли и католическаго епископа Росскаго, облеченныхъ полною ея довѣренностію, между тѣмъ какъ Дарнлей былъ удаленъ отъ двора. Мельвиль, съ горестію и страхомъ замѣчавшій усиленіе ея антипатіи, напрасно старался склонить ее къ примиренію съ мужемъ. Онъ достигъ только того, что чрезвычайно надоѣлъ королевѣ, которая назвала его льстецомъ и обманщикомъ, когда онъ подарилъ покинутому королю испанскую собаку, и запретила ему послѣ того имѣть съ нимъ всякія сношенія. «Этотъ государь, прибавляетъ Мельвиль, былъ всегда одинъ, и считалось преступленіемъ находиться съ нимъ вмѣстѣ.»

Однако же Маріа Стюартъ не предпринимала больше ничего противъ Дарнлея до тѣхъ поръ, пока ея возрастающее отвращеніе къ мужу не усилилось новою любовью. Приближался конецъ ея беременности. Сдѣлавшись недовѣрчивою, вслѣдствіе частыхъ заговоровъ,

нѣвшихъ цѣлью, то овладѣть ея особою, какъ въ Кинросскомъ про- ходѣ, то лишить ее власти, какъ въ Голирудѣ, она рѣшилась пре- вести послѣднее время, передъ родами, въ крѣпкомъ замкѣ Единбургѣ гдѣ могла считать себя въ совершенной безопасности. Здѣсь, 19 июля въ десятомъ часу утра у нея родился сынъ, который, черезъ тринад- цать мѣсяцевъ послѣ того, послужилъ для шотландскаго дворянства средствомъ свергнуть ее съ престола, и потомъ, процарствовавъ тридцать пять лѣтъ въ Шотландіи, подъ именемъ Іакова VI, долженъ былъ наследовать престолъ Елизаветы, подъ именемъ Іакова I. Когда онъ родился, Мельвилъ тотчасъ же былъ отправленъ къ королеви английской, чтобы извѣстить ее объ этомъ событіи, важномъ для обонхъ государствъ, и просить ее о томъ, чтобы она была восприе- мницею наследника Шотландіи. Елизавета была въ Гринвичѣ, гдѣ давала балъ своимъ придворнымъ, когда государственный секретарь, Сесиль, въ сопровожденіи посланника Маріи Стюартъ, явился къ ней. Сесиль подошелъ къ ней во время танцевъ и на ухо сообщилъ ей о рожденіи принца Шотландіи. Эта новость мгновенно опечалила ко- ролеву. Прекративъ танцы, она въ изнеможеніи бросилась въ кресла и сказала окружающимъ ее дамамъ: «Королева шотландская родила сына, а я останусь всегда бесплоднымъ деревомъ.»

Елизавета съ чрезвычайнымъ жаромъ увлекалась своими страсти- ми, но въ то же время обладала необыкновеннымъ искусствомъ управлять ими, и притворяться. На аудіенціи, данной Мельвилу на другой день, она приняла его съ яснымъ лицомъ и казалась доволь- ною событіемъ, которое огорчало ее, давая ей наследника, хотя она вовсе не желала этого. Она благодарила его за доставленіе такой радостной новости, и съ притворнымъ удовольствіемъ согласилась быть восприемницею новорожденнаго принца. Вслѣдъ затѣмъ ею былъ отправленъ сэръ Генрихъ Кильгру, чтобы отъ ея имени поздравить королеву шотландскую, увѣрить ее въ своей дружбѣ и одобритъ поведеніе Маріи въ отношеніи къ убійцамъ Риччю, которыхъ она тѣмъ не менѣе приняла въ своемъ государствѣ.

Рожденіе наследника Шотландіи возобновило вопросъ о наследова- нии въ Англіи. Мельвилъ получилъ приказъ снова переговорить объ этомъ съ Елизаветою. Марія Стюартъ искусно примирилась и при- близила къ себѣ Мюррея, Аражия, Летингтона, Ботвеля, Гэнтли. Атоля и епископа Росскаго, надѣясь, что вліяніе однихъ на партію протестантскую, а другихъ на партію католическую въ Англіи зна- чительно поможетъ ей достигнуть цѣли, къ которой она пламенно стремилась въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но въ то же время, какъ она старалась примирить главнѣйшихъ вельможъ королевства между собою и оказывала особенную благосклонность къ лордамъ Врэнстону, Ормистону, Гаттону, Кальдеру, представителямъ пресвитеріанской партіи, крайніе католики мѣшали ея планамъ, напоминая при этомъ случаѣ права ея на корону Елизаветы. Шотландецъ Патрикъ Адам- сонъ издалъ въ Парижѣ латинскую книгу, въ которой Марію Стю- артъ называлъ королевою английскою, а ея сына наследникомъ Шотландіи, Англіи и Ирландіи.

Дипломатическія настоянія Мельвила не привели ни къ какому рѣшительному результату. Елизавета, по обычаю своему, умѣла, ни въ чемъ не отказывая, ничего не обѣщать; но англійскій парламентъ не медленно занялся этимъ важнымъ вопросомъ, разрѣшить который общины хотѣли въ интересахъ протестанства, слѣдовательно во вредъ Маріи Стюартъ. Не смотря на отвращеніе Елизаветы, несогласившейся назначить наслѣдника, изъ боязни ослабить этимъ свою власть, обѣ палаты, въ общемъ засѣданіи 2 октября, занялись вопросомъ о престолонаслѣдіи, думая окончить его покойно, избравъ преемника на основаніи законовъ. Разсужденія объ этомъ зашли весьма далеко, и раздраженная королева англійская, чтобы положить имъ конецъ, приказала членамъ парламента явиться къ ней. Наложивъ передъ ними свою эгонистическую но предусмотрительную политику въ высшей степени повелительнымъ тономъ, она напомнила, что многіе изъ нихъ предлагали ей, въ царствованіе королевы, ея сестры, свою помощь, еслибы она захотѣла овладѣть короною; и прибавила, что и при ней, вѣроятно, не будетъ недостатка въ людяхъ, которые захотятъ нарушить общее спокойствіе подобными же интригами, въ случаѣ, еслибы заранѣе былъ назначенъ ея наслѣдникъ. «Я — ваша законная королева, сказала она въ заключеніе, и хотя вы противорѣчите моей волѣ въ этомъ дѣлѣ, но я не позволю, чтобы оно подвинулось дальше».

Это повелѣніе остановило палату лордовъ, но не то было съ палатою общинъ, въ которой продолжались начатія пренія. Елизавета казалась очень недовольною, и жаловалась на депутатовъ, слишкомъ любившихъ свободу и забывавшихъ объ уваженіи къ своей государынѣ. Она послала имъ приказъ прекратить всякія совѣщанія по этому предмету, угрожая что сочтетъ ихъ неповиновеніемъ королевской власти. На этотъ разъ нижняя палата подчинилась, хотя въ подобномъ приказѣ она видѣла посягательство на свободу своихъ преній. Елизавета, несогласившаяся на выборъ наслѣдника протестантскаго, употреблала такія же старанія, чтобы отклонить выборъ наслѣдницы-католички. Она выразила Маріи Стюартъ свое крайнее неудовольствіе на дерзость Патрика Адамсона, и требовала, чтобы та публичнымъ актомъ отрелася отъ книги, въ которой были «выражены, говорила она, мнѣнія, такія неприличныя для васъ, оскорбительныя для меня и безразсудныя сами по себѣ». Она прибавляла, что этой книги совершенно достаточно для того, чтобы обвинить королеву шотландскую *въ неблагодарности къ той, которая постоянно старалась защищать ее противъ ея перичателей*. «Вы знаете, государыня, продолжала она, какъ сильно оскорбляютъ мою честь, если говорятъ, что Англія имѣетъ другую королеву, кромѣ меня».

Не смотря на пламенное желаніе Маріи Стюартъ, вопросъ объ англійскомъ наслѣдствѣ оставался попрежнему нерѣшеннымъ. Она удержала свои права, но не добилась признанія ихъ. Она скоро повредила этимъ правамъ сама, и, кромѣ того, подверглась опасности потерять даже шотландскую корону. Послѣ рожденія наслѣдника, неудовольствія

между нею и мужемъ увеличились. Около того же времени ея сердцемъ овладѣла гибельная страсть, предметомъ которой былъ графъ Ботвелъ, самый предприимчивый и самый опасный человекъ въ Шотландіи. Джемсъ Гепбёрнъ, четвертый графъ Ботвелъ, имѣлъ тогда около тридцати лѣтъ отъ роду. Онъ наследовалъ своему отцу въ 1551 г., обладалъ большими помѣстьями, и занималъ важныя государственныя должности. Женившись незадолго передъ тѣмъ на Аннѣ Гордонъ, онъ сдѣлался зятемъ графа Гэнтли, и соединилъ одну изъ самыхъ могущественныхъ семействъ на югѣ съ сильнѣйшею семействомъ сѣвера. Это былъ человекъ храбрый, а еще болѣе дерзкій, съ безграничнымъ честолюбіемъ, которое не останавливалось ни передъ какими препятствіями и сомнѣніями. Не скрывая своихъ намѣреній такъ же какъ и пороковъ, онъ старался сначала приобрести любовь королевы, а потомъ жениться на ней. Хотя онъ былъ некрасивъ, но его мужественная наружность, любовь къ удовольствіямъ, смѣлая рѣшительность характера, видъ рыцарской преданности, изящныя и непринужденныя манеры, приобретенныя имъ на материкѣ, подъ которыми онъ скрывалъ дикія и пламенныя страсти своего отечества, увлекли воображеніе королевы, и доставили Ботвелю большую власть надъ нею. Сначала Марія Стюартъ искала въ Ботвелѣ полезнаго и преданнаго слугу, но скоро нашла въ немъ любовника и господина.

Влагосклонность королевы къ нему, быстро возраставшая, къ концу лѣта 1566 г. дошла уже до того, что бросалась въ глаза всѣмъ. Онъ господствовалъ при шотландскомъ дворѣ и неограниченно управлялъ волею королевы. Приобретенная имъ власть и короткость, установившаяся между нимъ, Гэнтли, Атолемъ, Мюррэмъ, Арджилемъ и Летингтономъ, возбуждали сильныя опасенія въ молодомъ королѣ, котораго Марія Стюартъ избѣгала и ненавидѣла все больше и больше. Видя, что королева окружаетъ себя людьми, которыхъ онъ считалъ своими старинными или новыми непріятелями, Дарнлей чувствовалъ, что его не только оскорбляютъ, но и угрожаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ его безопасности. Онъ обратился къ католической партіи, въ надеждѣ найти въ ней поддержку; написалъ тайно къ папѣ, сообщая ему, что королева охладѣла къ религіи, и, подъ вліяніемъ преждевременнаго страха, подозрѣвалъ примирившихся лордовъ въ злоумышленіи на его жизнь. Онъ думалъ даже удалиться на материкъ. Съ этою цѣлію онъ приготовилъ корабль для своего отъѣзда во Францію; и когда, въ послѣднихъ числахъ сентября, его отецъ пріѣхалъ повидаться съ нимъ въ Стёрлингъ, онъ открылъ ему свои намѣренія. Графъ Ленноксъ немедленно предупредилъ Марію Стюартъ, находившуюся тогда въ Эдинбургѣ, объ этомъ намѣреніи, говоря, что не въ его власти было — измѣнить рѣшимость Дарнлея.

29 сентября, въ самый день полученія письма отъ графа Леннокса, когда королева думала, что Дарнлей уже далеко отъ Шотландіи, онъ явился въ Голирудъ. Слабый король составлялъ планы, но не исполнялъ ихъ: сперва угрожая отъѣздомъ, онъ прибылъ теперь искать примиренія. Но сцена, происшедшая между нимъ и королевой, вовсе не помогла сбдженію ихъ. Марія немедленно собрала членовъ своего

совѣта, и приказала просить дю Крока, французскаго посланника, присоединиться къ нимъ. Въ ихъ присутствіи происходило ея объясненіе съ Дарлемъ. Она смѣло спросила у него, почему онъ хотѣлъ оставить Шотландію, и какой поводъ подала она ему для этого. Дарлей, пріѣхавшій съ намѣреніемъ открыть ей свое сердце, и вовсе неожиданный допроса, смутился и не отвѣчалъ ни слова. Онъ, разумѣется, вовсе не думалъ входить въ объясненіе своихъ неудовольствій, потому что съ этимъ вмѣстѣ ему пришлось бы обвинять самого себя. Члены совѣта обратились къ нему съ тѣмъ же вопросомъ, но онъ опять не далъ никакого отвѣта. Тогда дю Крокъ сказалъ ему, что его отъѣздъ близко касается чести королевы и его собственной; что отвѣтственность въ этомъ поступкѣ падетъ на королеву, если она подала ему достаточный поводъ къ отъѣзду, и на него — если онъ рѣшается уѣхать безъ причины. По этому французскій посланникъ убѣдительно упрашивалъ его объясниться. Принуждаемый такимъ образомъ, Дарлей окончилъ признаніемъ, что королева не подала ему ни какого повода къ замышляемому имъ поступку. Этого только и хотѣла Марія Стюартъ. Она вынудила у своего мужа объясненіе, которое ее оправдывало и освобождало отъ всякихъ упрековъ, — все равно вздумаетъ ли онъ уѣхать, или остаться. Поэтому она сказала, что она *удовлетворена*.

Послѣ этого свиданія, которое вовсе не соответствовало ожиданіямъ Дарлея, и при которомъ съ обѣихъ сторонъ не было ни малѣйшей искренности, — потому что король не хотѣлъ открыть причинъ своего неудовольствія, а королева не была расположена уничтожить, — ихъ отношенія между двумя супругами сдѣлались хуже чѣмъ когда нибудь. Печальный и неосторожный молодой человекъ, — неумѣвшій ни переносить своей участи, ни отказаться отъ нея, потерявшій привязанность королевы, воспламенившій ея ненависть, заслужившій презрѣніе своими грубыми наклонностями безъ способностей притязаніями и высокомеріемъ безъ энергіи, предприимчивостью безъ способностей, ненавистнымъ участіемъ въ убійствѣ Риччіо и низкимъ предательствомъ относительно людей, которыхъ побудилъ къ его совершенію, — холодно разстался съ Марією, и уѣхалъ въ Стёрлингъ, сказавъ, что онъ не скоро увидится съ нею. Оттуда онъ написалъ къ ней, что причины, по которымъ онъ хотѣлъ оставить Шотландію были слишкомъ дѣйствительны, и что онѣ основывались на ея недоброжеланіи къ нему а также на томъ, что она лишила его всякой власти, и что она презираетъ и удаляетъ отъ себя дворянъ, которые терпятъ къ ней уваженіе, видя его въ такомъ пренебреженіи. Онъ не упоминалъ въ письмѣ объ опасеніяхъ за свою жизнь. Итакъ онъ продолжалъ свои приготовленія къ отъѣзду, которымъ угрожалъ востоянно, и на который, къ несчастію своему и королевы, не могъ рѣшиться.

Не думая противиться его удаленію, Марія Стюартъ въ это время, даже не пригласивъ его соупутствовать себѣ, отправилась на юго-восточную границу своего королевства, гдѣ происходили тогда смуты

между непокорными пограничными жителями (borderers). Мощественная фамилия Лидздельскаго округа—Армстронги, Эллиоты и Джонстоны вели тамъ междуусобную войну. Королева, 6 октября, послала сюда графа Ботвеля въ качествѣ своего намѣстника, чтобы прекратить смуты и восстановить спокойствіе. 8-го числа того же мѣсяца, она сама послѣдовала за нимъ, и прибыла въ Джедбургъ, чтобы открыть тамъ засѣданія уголовного суда и такимъ образомъ соединить военныя операціи съ дѣломъ правосудія. Въ тотъ же день Ботвель, едва только успѣвшій прибыть на мѣсто, смѣло напалъ на знаменитаго пограничника, Джона Эллиота-Парка и сразился съ нимъ одинъ на одинъ. Эллиотъ, защищаясь, тяжело ранилъ его двуручнымъ мечемъ. Ботвель былъ перенесенъ въ сосѣдній замокъ — Эрмитажъ. Полученная имъ рана еще болѣе обнаружила чувства Маріи Стюартъ къ нему. «Получивъ извѣстіе объ этомъ, говоритъ Крофордъ, королева была встревожена до глубины души и не успокоилась до тѣхъ поръ, пока не увидѣла лорда Ботвеля.»

Задержанная въ Джедбургѣ до 15 октября дѣлами, по которымъ прибыла туда, королева, сейчасъ же по окончаніи ихъ, верхомъ отправилась въ замокъ, гдѣ находился ея раненый намѣстникъ и любимецъ. Ее сопровождали Мюррэй и нѣсколько другихъ вельможъ. Хотя отъ Джедбурга до Эрмитажа было восемнадцать миль, однакожъ она съѣздила туда и обратно въ одинъ день. Проведя около часу съ Ботвелемъ, она, немедленно по возвращеніи въ Джедбургъ, употребила часть ночи на то, чтобы писать къ нему. Усталость, заботы, и, — прибавляетъ Крофордъ, — тоска, по графу Ботвелю, повергли ее на слѣдующій день, 16 октября, въ опасную болѣзнь. Она чрезвычайно ослабѣла и находилась нѣсколько часовъ почти при смерти. Затѣмъ ее схватила сильнѣйшая лихорадка; и она пролежала нѣсколько дней въ совершенномъ безпамятствѣ. Когда она оправилась нѣсколько отъ этого положенія, которое казалось безнадежнымъ, то, думая, что ея часъ наступилъ, просила находившихся при ней лордовъ молиться за нее; поручила сына своего попеченіямъ англійской королевы; и приказала извѣстить своего мужа, о важности своей болѣзни. Выздоровливающій Ботвель поспѣшилъ къ ней, вмѣстѣ съ прочими членами ея тайнаго совѣта, и многими изъ значительнѣйшихъ лордовъ государства. Дарней засталъ Ботвеля, потому что пріѣхалъ въ Джедбургъ только 28 октября, черезъ два дня послѣ счастливаго перелома болѣзни, устранившаго всякую опасность въ положеніи королевы. Видя, что ей лучше, онъ провелъ въ Джедбургѣ только одну ночь и немедленно возвратился въ Глазго. Это позднее церемонное посѣщеніе, не выражавшее ни искренности, ни участія, не могло восстановить добраго согласія между королевою и ея мужемъ.

Выздоровленіе Маріи Стюартъ шло медленно, и она не могла выѣхать изъ Джедбурга въ Кельсо раньше 8 ноября. Она отправилась въ Дэнбаръ моремъ вдоль берега, съ частыми роздыхами. Отсюда она поѣхала въ Крэгмиларъ, замокъ, расположенный въ разстояніи одной мили отъ Единбурга; 20 ноября она прибыла сюда и провела здѣсь дѣя недѣли. Она была печальна, озабочена, подавлена тѣжес-

тѣмъ противоположныхъ чувствъ и ощущеній, которые возмущали ее. У нея сдѣлалось колотье въ правомъ боку и раздраженіе печени. «Королева чувствуетъ себя нехорошо, писалъ французскій посланникъ дю-Крокъ къ архіепископу Глазгоскому; мнѣ кажется, что главнѣйшая причина ея болѣзни заключается въ глубокой скорби, которая не оставляетъ ее. Она постоянно повторяетъ слѣдующія слова: «я хотѣла бы умереть». Ея чувства были слишкомъ явны, чтобы къ не замѣтить, и проницательный Летингтонъ удачно выразилъ истинную причину ея горя, сказавъ: «ея сердце разрывается при мысли, что король долженъ оставаться ея мужемъ, и что она не видитъ никакого средства избавиться отъ него».

Между приближенными Маріи Стюартъ, разгадавшими ея тайныя думы, стали зарождаться гибельные замыслы. Члены совѣта королевы, связанные узамъ родства или дружбы съ Муртономъ, Лидсэемъ, Рутвеномъ и другими убійцами Риччіо, вздумали,—если вѣрить рассказу составленному подъ вліяніемъ пристрастія къ Маріи Стюартъ и въ ея интересахъ,—исходатайствовать прощеніе своимъ друзьямъ, угождая настоящимъ страстямъ королевы, которыя ослабляли силу ея прежнихъ удовольствій. Коварный Летингтонъ составилъ планъ столько же искусный, сколько безирравственный. Съ свойственнымъ ему безстыдствомъ, не останавливаясь ни предъ чѣмъ, стремись къ различнымъ цѣлямъ, сообразно времени и обстоятельствамъ,—сегодня съ Дарнлеемъ противъ Риччіо, завтра съ Вотвелемъ противъ Дарнлея,—онъ хотѣлъ купить возвращеніе изгнанниковъ цѣною развода и, въ случаѣ нужды, убійства. Онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи Вотвелю, который принялъ его со всѣмъ увлеченіемъ своего пламеннаго честолюбія, а также Арджилу и Гэнтли, тоже согласившимся на него. По словамъ друзей королевы, они сообщили о немъ и Муррею, который выслушалъ его безъ возраженія. Согласившись такимъ образомъ между собою, новые заговорщики отправились къ Маріи Стюартъ.

Летингтонъ сталъ говорить отъ нея имени. Онъ напоминалъ королеву тяжкія и невыносимыя оскорбленія, полученные ею отъ мужа, указывалъ на его неблагодарность къ ней, и на его проступки, число которыхъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Потомъ онъ прибавилъ, что если ея величеству угодно будетъ простить графа Муртона и лордовъ Рутвена и Лидсэя, то они, при помощи остальнаго дворянства, найдутъ средства доставить ей разводъ съ мужемъ, такъ, чтобы между ними не было ничего общаго. Это предложеніе не удивило ее. Она согласилась съ условіемъ, чтобы во первыхъ, разводъ былъ произведенъ законнымъ порядкомъ, и во вторыхъ, чтобы онъ не сдѣлалъ какого нибудь вреда правамъ ея сына. Но испросить этотъ разводъ, было не легко, потому что для этого слѣдовало сослаться или на близость родства, по поводу которой папа далъ уже свое разрѣшеніе; или начать съ Дарнлеемъ процессъ за нарушеніе супружеской вѣрности; или же преслѣдовать его судомъ, какъ виновнаго въ измѣнѣ.

Эти затрудненія не могли укрыться отъ Маріи, которой пред-

стояло или прибѣгнуть къ продолжительнымъ переговорамъ, результаты которыхъ были неизвѣстны, или подвергнуться скадальнъ неприятнаго судебного разбирательства. Ее стали тревожить сомнѣнія, и, подъ вліаніемъ тоски, она изъявила намѣреніе удалиться во Францію, и оставить въ Шотландіи Дарилея, который, какъ она говорила, еще, можетъ быть, исправится. Но Летингтонъ отвѣчалъ ей, что лорды ея королевства не потерпятъ этого, и осмѣлился самъ въ неясныхъ выраженіяхъ сдѣлать ей страшное предложеніе: «государыня, сказалъ онъ ей, не безпокойтесь ни о чемъ; вы видите прелѣ собою представителей высшаго сословія и главнѣйшихъ членовъ совѣта вашего величества, которыя найдутъ средства освободить васъ отъ Дарилея безъ всякаго вреда для вашего сына; и хотя присутствующій здѣсь милордъ Мюррэй такой же строгій протестантъ, какъ ваше величество — строгая католичка, однако же я увѣренъ, что онъ станетъ смотрѣть на все сквозь пальцы, будетъ видѣть наши дѣйствія — и не скажетъ ни слова». Королева поняла всю важность этого намѣка, и возразила, что не желаетъ дозволить какому нибудь предпріятію, могущаго запятнать ея честь. Но она не была возмущена этою мыслью, и ограничилась замѣчаніемъ, что лучше было бы оставаться въ настоящемъ положеніи и ожидать помощи отъ Бога. Летингтонъ не обратилъ вниманія на это слабое сопротивленіе, и прибавилъ: «государыня, предоставьте это дѣло намъ: ваше величество увидите, что послѣдствія его будутъ хороши; и что всѣ наши дѣйствія будутъ одобрены парламентомъ».

Таково было это необыкновенное совѣщаніе. Вслѣдъ за нимъ члены союза, цѣлю котораго было убійство, составили обязательство (bond), которымъ исполнѣ опредѣлялось значеніе ихъ послѣднихъ переговоровъ съ королевой. Они соглашались въ этомъ актѣ убить короля, какъ молодого сумасброда и тирана, врага дворянства, и человѣка, державшаго себя въ высшей степени невыносимо въ отношеніи къ королевѣ. Они обязывались считать это убійство государственною мѣрою. Сэръ Джемсъ Бальфёръ, преданный партизанъ Ботвелля, составилъ этотъ bond, который виѣстъ съ намъ подписали Гэнтли, Арджиль и Летингтонъ, и который затѣмъ данъ былъ въ руки Ботвелля.

Меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ былъ задуманъ этотъ умыселъ на жизнь Дарилея, въ замкѣ Стёрлингѣ совершалось крещеніе его сына. Королева Англіи, бывшая восприемницей новорожденнаго, поручила графинѣ Арджиль представлять ее лицо. и отправила къ ней съ торжественнымъ посольствомъ графа Ветфорта съ золотою купелью, въ которой должно было совершиться таинство. Оно происходило 17 декабря съ большимъ великолѣпіемъ: со стороны короля французскаго, на немъ присутствовали графъ де Вріенъ и посланникъ дю Крокъ. Хотя крещеніе совершено было архіепископомъ Сентъ-Андрейскимъ по обряду католической церкви, но распорядился имъ протестантъ Ботвель. Дарилей, тоже находившійся въ это время въ Стёрлингѣ, не присутствовалъ на церемоніи. Разлюбоваанный и недовольный, онъ хотѣлъ ухватить за два два прелѣ

тѣмъ; но остался, запершись у себя во все время крестинъ и послѣдовавшихъ за нимъ празднествъ. Онъ хотѣлъ видѣться съ французскимъ посланникомъ, но тотъ отказался пріѣхать къ нему, потому что Дарилей былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ королевой. Дю Крокъ приказалъ даже сказать ему, что будетъ принужденъ уйти изъ собственнаго дома, еслибы Дарилей вздумалъ самъ пріѣхать къ нему.

Униженіе не могло быть сильнѣе: короля—презирали среди двorca, отку — не было мѣсто при крещеніи его собственнаго сына. Это положеніе, невыносимое для Дарилея, было тягостно и для королевы. Преодоливъ не надолго свою печаль, чтобы присутствовать на всѣхъ этихъ праздникахъ, гдѣ она по прежнему была мила и любезна, Марія снова предалась своему горю; къ ней опять возвратились ея задумчивость и уныніе. Дю Крокъ, котораго она призвала къ себѣ, засталъ ее въ слезахъ на постели, въ припадкѣ мучительной боли въ боку. Онъ не видѣлъ ничего добраго въ отношеніяхъ между королемъ и королевой, которыя становились враждебнѣе съ каждымъ днемъ. Не задолго передъ тѣмъ онъ писалъ къ архіепископу гласго-скому: «я не имѣю притязанія отгадывать впередъ, чѣмъ все это кончится, но убѣжденъ, что дѣла не могутъ долго оставаться въ настоящемъ положеніи, безъ дурныхъ послѣдствій».

Дѣйствительно, эти послѣдствія приближались съ ужасающею быстротою. По настояніямъ Летингтона и Вотвеля, Марія Стюартъ рѣшилась забыть свою ненависть къ убійцамъ Риччіо, и позволила Мортону, Рутвену, Линдсаю и семидесяти шести другимъ изгнанникамъ возвратиться въ отечество. Только Джорджъ Дугласъ и Андрей Карръ Фодонсайдъ были изъяты изъ общей амнистіи, такъ какъ первый былъ обвиненъ въ нанесеніи удара Риччіо въ присутствіи королевы, а второй—въ томъ, что направилъ пистолетъ въ ея собственную грудь. Дарилей ужаснулся, узнавъ о скоромъ возвращеніи главнѣйшихъ изъ прежнихъ своихъ преверженцевъ, сдѣлавшихся теперь, по его собственной винѣ, его непримиримыми врагами. Онъ предугадывалъ, что ему грозитъ большая опасность, и, снова оставивъ дворъ, удалился въ Глазго къ отцу своему, графу Ленноксу. Не успѣвъ пріѣхать туда, онъ сильно заболѣлъ. Народная молва, не обманываясь насчетъ опасностей, какимъ онъ подвергался, но ошибаясь въ причинѣ его болѣзни, приписывала ее отравленію. У него была оспа, обнаружившаяся большою сыпью.

Между тѣмъ заговоръ противъ его жизни безостановочно подвигался впередъ. Вотвель безпрерывно пріобрѣталъ новыхъ соучастниковъ. Къ нему присоединились лордъ Кэтинессъ, архіепископъ Сентъ-Андре и лордъ Ормистонъ; а когда, между 10 и 15 января 1567 года, возвратился въ Шотландію Мортонъ,—Вотвель вздумалъ привлечь на свою сторону этого могущественнаго и рѣшительнаго человека. Онъ отправился, чтобы повидаться съ Мортонемъ, въ Уиттингамъ, къ близкому родственнику его, Арчбальду Дугласу. Здѣсь Вотвель открылъ ему задуманное дѣло, и побуждалъ его присоединиться къ заговору, говоря, что королева согласна на него.

Мортонъ не былъ ни удивленъ, ни скандализированъ этия предположеніемъ; ему были известны непостоянство, своекорыстіе и жестокость шотландскихъ лордовъ, да онъ и самъ, былъ не чуждъ этихъ недостаткахъ. Но изгнаніе, изъ котораго онъ только что возвратился, научило его осторожности, и онъ отвѣчалъ, что не станетъ вмѣшиваться въ это предпріятіе, пока ему не представятъ доказательствъ, что королева вполне одобряетъ его. Ботвель, вмѣстѣ съ Летингтономъ, видѣлся съ Мортономъ еще разъ, но, не добившись отъ него ничего кромѣ этого условнаго согласія, возвратился въ Эдинбургъ, чтобы просить у королевы письменнаго дозволенія. Она отказала въ немъ; и Летингтонъ извѣстилъ Мартона чрезъ Арчибалда Дугласа, что королева не хочетъ слышать объ этомъ предметѣ. Трудно рѣшить, зашолъ ли Ботвель слишкомъ далеко, употребивши во зло имя Маріи, или же Марія единственно только изъ благоразумія не хотѣла обнаружить своего участія въ этомъ дѣлѣ.

Какъ бы то ни было, но королева постоянно сохраняла свою недобрѣчивость и вражду къ Дарнлею, и обвиняла его въ злоумышленіи противъ нея. Вслѣдствіе клеветы, приписываемой Уильяму Гизту и Уильяму Уалькару, служителямъ архіепископа гласгоскаго, — клеветы, отъ которой они отказались, на допросѣ и на очной ставкѣ, — короля обвиняли въ намѣреніи овладѣть маленькимъ принцемъ, своимъ сыномъ, короновать его, и управлять государствомъ отъ его имени. Воясь этого воображаемаго заговора, королева, 14 января 1567 г., перевезла наследника престола изъ Стерлинга въ Эдинбургъ, какъ бы съ дѣлюю защитить его отъ похищенія. Несчастный и слабохарактерный молодой человекъ, которому приписывали это намѣреніе, не имѣлъ ни необходимой для того власти, ни приверженцевъ, ни рѣшимости. Онъ жилъ въ уединеніи и ничтожествѣ овальнаго, и съ 5 января, былъ прикованъ къ одру болѣзною, подвергавшею опасности даже жизнь его. Однако же Марія обвиняла его въ заговорѣ, и, упоминая въ своемъ письмѣ отъ 20 января, къ архіепископу гласгоскому о мнимыхъ намѣреніяхъ Дарнлея, она прибавила: «его поведеніе и благодарность къ намъ хорошо извѣстны и Богу людямъ. Самые равнодушные изъ нашихъ подданныхъ видятъ это, и въ глубинѣ души своей — мы не сомнѣваемся въ томъ — осуждаютъ такіа намѣренія. Мы знаемъ, что онъ непрерывно и дѣятельно занимается разборомъ нашихъ поступковъ, которые, при помощи Божіей, никогда никому не принесутъ зла и не навлекутъ на насъ никакого безчестія. Однакоже онъ, его отецъ и ихъ приверженцы своими выраженіями доказываютъ намъ, что они рѣшились бы противостать нашей власти, если бы обладали силою, равную ихъ умысламъ. Но Богъ ограничиваетъ ихъ могущество, и отнимаетъ у нихъ средства къ исполненію ихъ намѣреній».

На другой день послѣ того, какъ она выражалась о Дарнлѣ съ такою жесткою подозрительностью, она отправилась въ Глазго, чтобы расточать передъ человекомъ, на котораго смотрѣла такъ неблагоприятно, и котораго презирала всегда, доказательства своей нѣжной привязанности. Это неожиданное посѣщеніе удивило выздора-

аливавшего Дарлея. Онъ зналъ, что Марія отзывалась недавно объ немъ очень рѣзко, и притомъ до него дошли стороною кое-какіе слухи о крэгмларскомъ заговорѣ. Онъ вовсе не скрывалъ этого отъ королевы, и сказалъ ей, что узналъ отъ лэрда Минто объ ея отказѣ подписать актъ, представленный ей и заключавшій въ себѣ предположеніе схватить его, и, въ случаѣ сопротивленія, убить. Онъ прибавилъ, что не повѣритъ, чтобы она, существо, столь къ нему, близкое, можетъ сдѣлать хотя бы малѣйшее зло его особѣ. Потому онъ хвастливо замѣтилъ ей, что еслибы кто нибудь другой рѣшился убить его, то онъ дорого продалъ бы свою жизнь, лишь бы только на него не напали во время сна. Марія въ свою очередь говорила ему про его намѣреніе удалиться на материкъ, и про обвиненіе, введеное на него Гигэтомъ и Уалькаромъ. Онъ отвѣчалъ ей, что первое не было серьезнымъ, и отвергалъ съ негодованіемъ второе. Упрекнувъ его за боязливость и подозрительность, и показавъ ему больше ласки и меньше отвращенія противъ обыкновеннаго, Марія безъ труда овладѣла имъ снова. Въ глубинѣ сердца Дарлей всегда страстно любилъ ее, и причиной его удаленія отъ двора были столько же мученія ревности, сколько и оскорбленное самолюбіе. Онъ обнаружилъ передъ нею глубокое раскаяніе, приписавъ свои ошибки молодости и неопытности, и обѣщалъ не впадать въ нихъ болѣе. Онъ выразилъ ей, какое удовольствіе онъ испытываетъ, видя ее около себя, и умолялъ не покидать его снова. Когда она предложила перенести его на носилкахъ въ Крэгмларъ, какъ только онъ достаточно поправится для этого, — онъ обѣщалъ сдѣлать все, что ей угодно, если только она снова согласится жить съ нимъ въ супружескомъ согласіи. Она обѣщала это, и пожавъ ему руку, сказала ему, что подождетъ до окончательнаго выздоровленія. Она требовала, чтобы онъ сохранялъ въ тайнѣ это примиреніе, чтобы не возбуждать подозрѣніе въ нѣкоторыхъ лордахъ.

Такая переměна въ словахъ и обращеніи Маріи Стюартъ была чрезвычайно странна. Искрененъ ли былъ этотъ неожиданный переходъ отъ отвращенія къ трогательному участію, отъ ненависти къ доброму согласію? Не возможно вѣрить этому, если принять въ расчетъ, что смерть Дарлея, послѣдовавшая чрезвычайно трагически, спустя нѣсколько дней, не причинила ей никакой печали, не оставила въ ней ни малѣйшаго сожалѣнія, не внушила ей чувства мести, не заставила принять никакихъ судебныхъ мѣръ; если обратить вниманіе на то, что въ то самое время, какъ она, повидимому, помирилась съ мужемъ, ея преступная связь съ Ботвелемъ продолжалась, и что вскорѣ послѣ того она сдѣлалась женою этого отважнаго убійцы ея мужа. Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить это примиреніе? Нужно ли думать, что, — ослѣпленная страстью, подчинившаяся звѣрскимъ и честолюбивымъ намѣреніямъ своего любовника, Марія Стюартъ отправилась въ Гласго съ цѣлью коварно ослѣпить довѣренностью Дарлея, выказавъ ему лицемѣрное участіе, привлечь его потомъ въ Эдинбургъ и здѣсь предать въ руки его

враговъ? Подобное вѣроломство кажется невѣроятнымъ, и однако же какъ нравственные улики, такъ и письменныя свидѣтельства одинаково обвиняютъ въ этомъ случаѣ Марію Стюартъ.

Ботвелъ помѣстилъ при ней въ качествѣ камеръ-лакея одного француза, по имени Николая Юбера, который долго служилъ у него, и котораго обыкновенно называли *Парисомъ*, (Paris) по мѣсту его рожденія, Парижу. Этотъ Парисъ, бывший однимъ изъ агентовъ, употребленныхъ прежнимъ его господиномъ при исполненіи заговора противъ жизни короля, сопутствовалъ королевѣ изъ Единбурга въ Гласго, во время ея поѣздки къ Дарнлею. На другой день по своемъ пріѣздѣ, она отослала его назадъ къ Ботвелю съ письмомъ, которое свидѣтельствуетъ о любви ея къ этому лорду и объ участіи, какое принимала она въ его преступныхъ замыслахъ. «Легко можно судить о томъ, писала она къ нему, каково было мое положеніе, по выѣздѣ изъ мѣста, въ которомъ я оставила мое сердце. Описавъ ему свое путешествіе въ Гласго, и рассказавъ про боязливую и недовѣрчивость и пламенные изліянія Дарнлея въ томъ видѣ, какъ все это изложено Томасомъ Крофордомъ, дворяниномъ, служившимъ у графа Леннокса, которому Дарнлей сообщилъ о своемъ разговорѣ съ королевою, она писала ему: «я никогда не видала, чтобы онъ велъ себя лучше и говорилъ съ большею кротостью. Если бы я не знала изъ опыта, что его сердце мягко, какъ воскъ, и еслибы мое не было твердо какъ алмазь, то очень можетъ быть, я сжалась бы надъ нимъ. Во всякомъ случаѣ не бойтесь ничего». Тѣмъ не менѣе совѣсть ея была возмущена вѣроломствомъ, до котораго довела ее страсть, и которое она называла своимъ *ненавистнымъ разговоромъ*. Вы принуждаете меня до такой степени притворяться, прибавляла она, что я прихожу въ ужасъ: мало того что вы заставляете меня играть роль предательницы; не забудьте, что если бы не желаніе угодить вамъ, то я скорѣе рѣшилась бы на смерть, чѣмъ на подобныя поступки; потому что отъ нихъ сердце мое обливается кровью. Однимъ словомъ, онъ хочетъ ѣхать со мною не иначе, какъ съ условіемъ раздѣлять со мною по прежнему столъ и ложе, и не разставаться со мною такъ часто; если я соглашусь на это, онъ сдѣлаетъ все, что мнѣ угодно и послѣдуетъ за мною» Порабощенная силою любви своей, она говоритъ Ботвелю, что будетъ повиноваться ему во всемъ, и умоляла его *не думать о ней дурно*: «потому что, продолжаетъ она, вы сами причиною этого; я никогда бы не рѣшилась на такой поступокъ изъ личнаго мщенія». Она вовсе не скрываетъ предположенной ею цѣли, которая была достигнута черезъ два мѣсяца послѣ убійства Дарнлея, разводомъ Ботвеля съ леди Гордонъ и ея собственнымъ бракомъ съ Ботвелемъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, Марія Стюартъ не боялась пожертвовать своею честію, обременить свою совѣсть, подвергнуть опасности свою особу, забыть свое высокое положеніе, и, заглушивъ въ себѣ голосъ состраданія, пожертвовать человѣкомъ, составлявшимъ для нея препятствіе. «Да проститъ мнѣ Богъ», говорила она, терзаемая утраченными совѣстн.

Отдав это письмо Вотвелю, Парисъ долженъ былъ въ тоже время вручить ему кошелекъ съ тремя или четырьмястами эку, и запястья, недавно купленные для него Марію. Королева приказала также Парису освѣдомиться у Летингтона и Вотвеля, куда, въ случаѣ вѣзды короля, слѣдовало помѣстить его въ Крэгмиларъ или въ Кёркъ-оф-Фильдъ (*полевая церковь*), чтобы онъ могъ дышать свѣжимъ воздухомъ, потому что неудобно было помѣстить его аббатствѣ Голирудъ, гдѣ наследникъ престола могъ замышлять его болѣзнь. Относительно этаго-то предмета Марія писала къ Вотвелю: «извѣстите меня о вашемъ выборѣ насчетъ извѣстнаго вамъ обстоятельства, чтобы мы понимали одинъ другого, и чтобы все было сдѣлано по вашему желанію». Парисъ исполнилъ это порученіе. Онъ увидѣлся съ Вотвелемъ и Летингтономъ, которые оба были того мнѣнія, что удобнѣе помѣстить короля въ Кёркъ-оф-Фильдъ. Тамъ называлось обширное поле, находившееся у самыхъ воротъ Эдинбурга, не далеко отъ стариннаго монастыря доминиканцевъ, которыхъ называли здѣсь черными монахами (*black friars*). Воздухъ здѣсь былъ прекрасный; поле было покрыто садами и домиками, между которыми герцогъ Шательро имѣлъ одну довольно большую и красивую дачу, а Робертъ Бальфёръ, креатура Вотвеля и родственникъ Джемса, составитель акта (*bond*) объ убійствѣ — другую. Послѣдняя называлась домою *пребендарія*. Хотя этотъ домъ былъ меньше дачи герцога, но онъ стоялъ уединеннѣе, и заговорщики сочли его болѣе удобныиъ для своего замысла. Парисъ два раза видѣлся съ Джемсомъ Бальфёромъ и Вотвелемъ, который, отпуская его, сказалъ: «возвратись къ королевѣ и, испроси у нея покорно милости ко мнѣ; передай ей, что все идетъ хорошо, потому-что господинъ Джонъ Бальфёръ и я не спали цѣлую ночь, приводя все въ порядокъ, и приготовили помѣщеніе; передай королевѣ вотъ этотъ алмазь, и скажи ей, что если была бы возможность, то я послалъ бы ей мое сердце».

Дарнлей скоро въ состояніи былъ отправиться въ носилкахъ. Королева, которой онъ надѣдалъ своими его нѣжностями, и которая не могла видѣть его, не почувствовавъ колотья въ боку, извѣстила Вотвеля о своемъ скоромъ отъѣздѣ. «Исполняя сдѣланное мнѣ порученіе, писала она къ нему, я въ понедѣльникъ везу съ собою мужа». Первоначальное предположеніе отвезти его въ Крэгмиларъ было оставлено, потому что король показывалъ чрезвычайное отвращеніе къ этому мѣсту; но онъ согласился помѣститься въ Кёркъ-оф-Фильдъ, и провести тамъ время своего выздоровленія. Однакоже, не смотря на внимательную предупредительность Маріи и на его любовь къ ней, Дарнлея не покидали прежнія опасенія. Моя душа наполнена подозрѣніями, говорилъ онъ Томасу Крофору; Богъ будетъ судьей между нею и мной. Я могу положитьсь только на ея обѣщаніе, но я отдался въ ея власть и послѣдую за ней повсюду, хотя бы она вела меня на смерть». Въ такомъ расположеніи духа онъ оставилъ Глазго и отправился въ Кёркъ-оф-Фильдъ. Вотвель выѣхалъ встрѣтить Марію и Дарнлея. 31 января

молодой король, еще не совсѣмъ оправившійся, и опечаленный своими опасеніями, прибылъ въ роковое жилище, гдѣ его ожидала смерть.

Этотъ домъ бывшаго каноника полевой церкви былъ неудобенъ для приема короля съ королевой. Маленькій, тѣсный, запущенный, онъ состоялъ изъ подвального этажа, гдѣ находились кладовая и одна комнатка, и изъ перваго этажа, въ которомъ не было ничего, кромѣ галлерей надъ кладовою, и еще одной комнаты, соотвѣтствовавшей комнатѣ подвального этажа. Поэтому Нельсонъ, слуга Дарнлея, прибывши въ Кёркъ-оф-Филдъ, хотѣлъ приготовить домъ герцога Шательро, какъ единственный, удобный для помѣщенія своего господина. Но королева не позволила ему этого, и сама привезла Дарнлея въ домъ Вальфѣра, куда была перенесена необходимая мебель, и который очевидно избрала Ботвель, чтобы здѣсь удобнѣе совершить задуманное убійство. Дарнлей былъ помѣщенъ въ первомъ этажѣ, а трое его служителей—Тэйлоръ, Нельсонъ и Эдуардъ Симонсъ—въ галлерей, служившей въ тоже время гардеробною и кабинетомъ. Изъ кладовой подвального этажа сдѣлали кухню, а королева приказала поставить свою кровать въ комнатѣ, находившейся подъ спальнею короля. Она велѣла также возстановить заложенную дверь изъ подвального въ первый этажъ. Устроившись такимъ образомъ, хотя и очень неудобно, возлѣ Дарнлея, она провела нѣсколько ночей подъ одною съ нимъ кровлею. Ея заботы, попеченія и совершенно новыя выраженія нѣжности могли вполне успокоить его.

Между тѣмъ какъ Марія Стюартъ, повиднмому, возвратилась къ своей прежней привязанности къ Дарнлею, Ботвель заботился о приготовленіяхъ къ убійству. Кромѣ знатныхъ соучастниковъ, прибрѣтенныхъ имъ въ Крэгмиларѣ, и послѣ того, онъ, чтобы обезпечить себѣ безнаказанность своего замысла, прискалъ теперь второстепенныхъ помощниковъ, которые могли бы взяться за его выполненіе. Его лакей Дальглишъ, портной Уильсонъ, привратникъ Паури, лэрдъ Джемсъ Ормистонъ, его братъ Робертъ и особенно два головорѣза Гэй Талло и Гепбёрнъ Болтонъ, храбрость и преданность которыхъ Ботвель испыталъ во время войны на границѣ, выслушали его и безъ малѣйшаго колебанія сдѣлались его орудіями. Онъ заказалъ поддѣльные ключи, съ помощью которыхъ можно было безпрепятственно входить въ домъ Вальфѣра, и послалъ въ Дэйбаръ за боченкомъ пороха, который нужно было поставить подъ комнатою короля, чтобы разрушить домъ посредствомъ взрыва.

Соучастіе француза Париса, котораго онъ помѣстилъ при Маріи Стюартъ, было ему необходимо, чтобы удостовѣриться хорошо ли подошли фальшивые ключи къ настоящимъ, и чтобы поставить порохъ въ той самой комнатѣ, которая находилась надъ спальнею короля, и была занята королевою. Но когда онъ открылъ свое намѣреніе Парису, въ среду, 5 февраля, то увидѣлъ, что французъ не рѣшается содѣйствовать ему, и боится погубить себя. Въ признаніи послѣдняго передъ судомъ, когда онъ былъ схваченъ черезъ два года послѣ убійства и повѣшенъ за участіе въ немъ, онъ передалъ

ылъ съ поразительнымъ простосердечіемъ свой разговоръ съ Ботвелемъ въ эту ужасную минуту: «когда я его выслушала, говорилъ онъ, *мое сердце перевернулось, я не отвѣчала ни слова, и опустила глаза*». Ботвель, чтобы извлечь его изъ этого смущенія, нетерпѣливо спросилъ у него, о чемъ онъ думаетъ. «Господинъ, отвѣчалъ тотъ, я думаю, что вы говорите мнѣ о важномъ дѣлѣ. — Что же ты думаешь о немъ? — Я думаю о немъ... вы извините меня, если я вамъ скажу это по своему слабому разумѣнію. — Что же ты хочешь сказать? Вѣрно проповѣдь?—Нѣтъ, господинъ, вы услышите что.— Ну, хорошо, говори!» Парисъ сталъ напоминать ему волненія и несчастія его жизни, и старался отвлечь отъ этого убійства, выставляя ему на видъ его настоящее спокойствіе, и говоря, что такимъ образомъ онъ потеряетъ необыкновенную милость королевы, которою онъ теперь пользуется. Въ заключеніе онъ сказалъ ему: «Итакъ, господинъ, если вы рѣшитесь на это дѣло, то наживете себѣ такое большое безпокойство, какого вы никогда не имѣли, потому что всякій будетъ громко кричать противъ васъ;—вотъ увидите! — Ну, перебилъ Ботвель, кончилъ ли ты?— Извините меня, господинъ, если я, съ позволенія вашего, говорилъ вамъ по своему бѣдному разумѣнію. — Глупецъ! неужели же ты думаешь, что я дѣлаю это одинъ, самъ собою?—Господинъ, я не знаю какъ вы это дѣлаете, но очень хорошо знаю, что это будетъ самая большая изъ всѣхъ неприятностей, какія съ вами случались.—Какимъ же образомъ? Вѣдь мнѣ помогаетъ Летингтонъ, который считается у насъ самымъ умнымъ человѣкомъ, и который задумалъ все это; со мной за одно также г. Аражиль, мой братъ—г. Гэнтли, господа Мортонъ, Рутвенъ и Ливасей. А ужъ эти трое не покинутъ меня никогда, потому что я хлопоталъ объ ихъ помилованіи. Къ тому же я имѣю письменное согласіе всѣхъ, кого я называлъ тебѣ, и мы уговорились съ ними, когда были въ послѣднее время въ Крэгмиларѣ; но вѣдь ты — животное и глупецъ, и не заслуживаешь, чтобы съ тобой говорили толкомъ. — Парисъ кончилъ согласіемъ на желаніе Ботвеля, которому былъ обязанъ благодарностію, и, можетъ быть, сдѣлалъ это скорѣе, чѣмъ показывалъ при сдѣствіи. Онъ взялъ ключи дома, которые Ботвель сличилъ со сдѣланными вновь, и обѣщалъ ввести, за нѣсколько часовъ до убійства, въ комнату королевы Гей Талло, Генберна, Болтова и лэрда Ормистона, чтобы поставить тамъ порохъ, пока королева будетъ съ Даришемъ. Ботвель запретилъ Парису ставить кровать королевы прямо подъ кроватью короля, потому что на этомъ мѣстѣ онъ хотѣлъ поставить порохъ. Парисъ ничего этого не сдѣлалъ, и Марія Стюартъ, войдя вечеромъ въ свою комнату, сама приказала передвинуть свою кровать.

Ночь въ воскресенье, 9 февраля была избрана для выполненія ужаснаго злодѣянія. Поведеніе Маріи Стюартъ, предъ временемъ совершенія убійства, слишкомъ явно подтверждаетъ обвиненія, заключающіеся въ показаніяхъ свидѣтелей, въ признаніяхъ дѣйствующихъ лицъ этой драмы и въ ея собственныхъ письмахъ. По словамъ Нельсона, она приказала вынести новую бархатную постель, нахо-

дившуюся въ комнатѣ короля и замѣнить ее старою. По показаніи Париса, было вынесено также изъ ея собственной комнаты богатое одѣяло на куньемъ мѣху, котораго она, безъ сомнѣнія, не хотѣла оставлять тамъ передъ взрывомъ. Въ воскресенье она провела вечеръ съ королемъ, увѣряя его, что останется ночевать въ домѣ Вальеёра. Пока она дружески разговаривала съ нимъ въ первомъ этажѣ, внизу дѣлались приготовленія къ убійству. Наканунъ вечеромъ Гепбёрнъ принесъ ящикъ съ порохомъ въ нижнюю комнату помѣщенія, которое занималъ Ботвель въ аббатствѣ Голирудъ. Здѣсь же, въ воскресенье, передъ сумерками, Ботвель собралъ большую часть своихъ соумышленниковъ и распредѣлялъ между ними роли, которыя они должны были играть въ ночной трагедіи. Около десяти часовъ вечера, Уильсонъ, Паури и Дальглишъ перенесли чрезъ сады къ оконечности монастыря черныхъ монаховъ (Black-Friars) мѣшки съ порохомъ, куда за ними пришли Гэй Талло Гепбёрнъ и Ормистонъ. Последніе пронесли ихъ въ домъ Вальеёра при помощи ждавшаго тамъ Париса. Когда порохъ былъ ссыпанъ въ кучу на полу подъ тѣмъ мѣстомъ, которое занимала кровать короля, — Ормистонъ вышелъ, а Гэй Талло и Гепбёрнъ остались съ поддѣльными ключами въ комнатѣ королевы. Когда все было готово, Парисъ поднялся въ королевскую спальню, и королева вспомнила тогда, что она обѣщала присутствовать на праздникѣ съ переодѣваемымъ данномъ въ этотъ день во дворцѣ Голирудъ, по поводу свадьбы ея служителя Бастіана съ Маргаритою Карвудъ, одною изъ служанокъ находившеюся при ея особѣ, и которую она очень любила. Потомъ она простилась съ королемъ и вышла въ сопровожденіи своей свиты въ которой находился и Ботвель. При свѣтѣ факеловъ она отправилась въ Голирудъ. Дарней съ печалью и невольнымъ страхомъ смотрѣлъ на ея удаленіе. Этотъ несчастный, предъугадывая нѣсколько смертельную опасность, грозившую ему, искалъ утѣшенія въ библіи, сталъ читать псаломъ LXXV, слова котораго подходили подъ его положеніе. Скоро послѣ того онъ заснулъ, положивъ недалеко отъ себя въ своей комнатѣ молодого пажа Тэйлора.

Ботвель, побывши нѣсколько времени на балѣ, удалился, когда пробилъ полночь. Онъ снялъ съ себя свой богатый костюмъ изъ чернаго бархата, шитый серебромъ и подбитый атласомъ, и надѣлъ платье изъ простой матеріи темнаго цвѣта, на полотняной подкладкѣ. Послѣ этого онъ отправился, въ сопровожденіи Дальглиша, Париса, Уильсона и Паури. Желая пройти незамѣченнымъ, онъ спустился по лѣстницѣ Голируда въ садъ королевы и пошелъ къ южнымъ воротамъ. Видя эту толпу тамъ, гдѣ никто не ходилъ въ такое время, двое часовыхъ окликнули ихъ: «Кто идетъ?». — *Друзья*, отвѣчалъ Паури. — *Чьи друзья?* возразилъ одинъ изъ часовыхъ. *Друзьями лорда Ботвелла*, продолжалъ Паури. Пройдя чрезъ Канонгэтъ (ворота каноника), заговорщики нашли запертою дверь Нитер-бау, черезъ которую должны были проходить, и Уильсонъ разбудилъ здѣсь сторожа, по имени Джона Галлоуэй, приказавъ ему отворить *друзьями лорда Ботвелла*. Галлоуэй, удивленный, спросилъ, что заставило ихъ

встать въ такую пору съ постели? Вотвель предполагалъ захватить съ собою, мимоходомъ, лэрда Ормистова; но послѣдній, хотя и помогалъ черетаскивать порохъ, боясь, чтобы это происшествіе не довело его до казни, — что и случилось дѣйствительно чрезъ нѣсколько лѣтъ, — легъ спать, и не вышелъ на стукъ. Продолжая свой путь, Вотвель дошелъ до Блэкъ-Фрейерской стрѣлки около полевой церкви, оставилъ здѣсь Паури, Уильсона, Дальглиша, и, въ сопровожденіи Париса, пошелъ къ саду Бальфѣра, чтобы соединиться съ Гепбѣрномъ и Талло.

Всѣ обстоятельства заставляютъ думать, что именно въ это время двое убійць, спрятавшихся въ домъ, совершили свои злодѣяніе. Съ помощію поддѣльныхъ ключей, они пробрались къ комнатѣ короля. Услыхавъ шумъ, Дарилей набросилъ на себя шубу, и соскочилъ съ кровати, чтобы спастись бѣгствомъ; но убійцы схватили его и задушили. Такимъ же образомъ былъ убитъ и молодой его пажъ. Потомъ они перенесли трупы въ маленькій фруктовый садъ, находившійся по сосѣдству, гдѣ они и были найдены на слѣдующее утро въ цѣлости и безъ малѣйшаго слѣда обжога; король былъ въ одной только рубашкѣ, а шуба лежала возлѣ него. Окончивъ это преступное дѣло, Гепбѣрнъ зажегъ фитиль, проведенный въ кучу пороха, чтобы, взорвавшись домъ, вѣрнѣе скрыть слѣды убійства. Вотвель, Гепбѣрнъ, Гэй Талло и другіе злодѣи отошли тогда на нѣкоторое разстояніе, дожидаясь взрыва, происшедшаго только минутъ черезъ пятнадцать, въ третьемъ часу ночи, съ страшнымъ трескомъ. Тогда они всѣ бросились бѣгомъ въ Единбургъ; и Вотвель, который не могъ, съ своею раненою рукою, пролѣзть въ отверстіе, находившееся въ городской стѣнѣ, принужденъ былъ съ большею частію своихъ товарищей опять пройти чрезъ ворота Нитеръ-бау, и снова разбудить Джона Галлоуэя. По возвращеніи въ Голирудъ его опять окликнули часовые; войдя къ себѣ, Вотвель спросилъ воды, чтобы утишить свое волненіе, и бросился въ постель.

Онъ пролежалъ не болѣе получаса, какъ одинъ изъ дворцовыхъ чиновниковъ, Джорджъ Гаккетъ, сильно постучалъ у его дверей и требовалъ, чтобы его впустили. Когда дверь была отворена, онъ вбѣжалъ въ страшной тревогѣ и не могъ выговорить ни слова. Вотвель, съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ, спросилъ у него, что случилось. «Домъ короля, отвѣчалъ Джорджъ Гаккетъ, взорвало на воздухъ, и король убитъ». Услышавъ эту вѣсть, Вотвель выказалъ сильное негодованіе и вскричалъ: «*фи! измѣна!*» Онъ всталъ, одѣлся, поговорилъ съ графомъ Гэнтля, который пришелъ къ нему, и они оба отправились къ королевѣ.

Слѣдѣя Вотвель, въ сопровожденіи отряда солдатъ, отправился немедленно на мѣсто преступленія. Жители Единбурга, пробужденные взрывомъ, собрались тамъ уже съ самой зарей. Они разсѣялись вокругъ разрушеннаго дома, подъ обломками котораго найденъ былъ еще живой Нельсонъ, и по саду, гдѣ лежали трупы короля и его пажа Таллора. Вотвель, разтолкавъ удивленную и объятую ужасомъ толпу, и приказавъ перенести тѣла жертвъ своихъ въ сосѣдній домъ,

не позволяя никому приближаться къ нимъ и разсматривать ихъ. Но уже всѣ замѣтили, что на тѣлѣ короля не было видимыхъ ранъ, что онъ не былъ ни обожженъ порохомя, ни убитъ паденіемъ; что шуба, лежавшая возлѣ него, тоже нигдѣ не была прожжена, и что оба трупа не могли быть выброшены взрывомъ на такое значительное расстояние отъ взлетѣвшаго на воздухъ дома, не получивъ при этомъ никакого поврежденія. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, Дарнлей былъ почти тайно погребенъ въ голирудской капеллѣ.

Какъ же вела себя Марія Стюартъ, когда она узнала эту ужасную новость, наполнившую Единбургъ негодованіемъ и подозрѣніями? Она, казалось, была поражена ею и впала въ безмолвное уныніе. Она вовсе не обнаруживала въ этотъ разъ той дѣятельности, того гнѣва, той рѣшимости и смѣлости, которыя выказала послѣ убійства Риччіо. Запершись въ своихъ комнатахъ, она даже съ самыми вѣрными изъ своихъ служителей сносилась не иначе, какъ черезъ Ботвеля. Одинъ только убійца Дарнлей имѣлъ доступъ къ ней. Если бы даже изъ признаній, находящихся въ собственныхъ письмахъ королевы, и изъ показаній, сдѣланныхъ второстепенными актерами этой кровавой драмы, передъ судомъ и на эшафотѣ, не видно было участія ея въ ней, то уже одно поведеніе ея до убійства могло бы служить доказательствомъ этого участія. Путешествіе въ Глазго, предпринятое въ минуту величайшаго недовѣрія и вражды противъ Дарнлея; выраженія нѣжности и надежды на сближеніе, которыя она употребляла, чтобы взять его съ собою въ Единбургъ; выборъ дома, принадлежавшаго Бальфёру, годившагося только для замышляемаго преступленія, и гдѣ она соглашалась поселиться вмѣстѣ съ мужемъ, чтобы онъ не отказался жить тамъ; старанія, какія она употребляла наканунѣ убійства, чтобы выбрать оттуда самыя драгоценныя вещи; переноска пороху и выпускъ двухъ главнѣйшихъ злодѣевъ въ ея собственную комнату, гдѣ недѣля было ни высыпать порохъ, ни спрятать убійцъ безъ ея вѣдома, потому что она могла сойти туда и открыть все; наковецъ ея удаленіе изъ дома Бальфёра, гдѣ она должна была провести ночь, за нѣсколько часовъ до того, какъ убитъ Дарнлей и взорванъ домъ;—все это слишкомъ ясно доказываетъ, что она знала всѣ подробности заговора.

Но если событія, предшествовавшія преступленію обвиняютъ Марію Стюартъ, то что же нужно думать о послѣдовавшихъ? Ея поведеніе, какъ женщины и королевы, дѣлаетъ ее тѣмъ болѣе преступною, что она, не думая отмстить за мужа, которому расточала недавнія, хотя и лицемѣрныя ласки, награждаетъ убійцу, и черезъ два мѣсяца выходитъ за него замужъ. Съ этого времени предъ нами раскрывается печальная картина ея заблужденій и бѣдствій. Какъ бы пораженная горемъ, Марія Стюартъ предоставила своему тайному совѣту,—который весь почти состоялъ изъ соучастниковъ убійства, а секретаремъ и руководителемъ котораго былъ Летингтонъ, одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ его,—увѣдомить объ этомъ несчастіи французскій дворъ. Дешёша совѣта на имя Катерины Медичи,

была доверена Кларно, который въ то же время долженъ былъ доставить письмо королевы архіепископу Глазгоскому. Въ этомъ письмѣ, написанномъ на третій день по смерти короля, Марія Стюартъ залуется своему посланнику при дворѣ Карла IX на «страшное происшествіе, ужаснѣе Шотландію,» и говоритъ, «что она не вѣрить чтобы въ какой нибудь другой странѣ могло случиться подобное злодѣйство.» Она утверждаетъ дальше, что только благодаря счастливому случаю она не сдѣлалась жертвою покушенія, направленнаго столько же противъ ея особы, сколько и противъ короля. «Я не знаю, продолжаетъ она, виновниковъ преступленія; но вполнѣ полагаюсь на заботливость и поспѣшность моего совѣта въ розысканіи ихъ, и надѣюсь опредѣлить имъ такое наказаніе, которое послужитъ урокомъ для будущихъ поколѣній.» Позаботившись такимъ образомъ обезпечить себѣ расположеніе французскаго двора, она рѣшилась наконецъ въ среду, 12 февраля, издать прокламацію, въ которой обѣщала двѣ тысячи шотландскихъ ливровъ тому, кто доставитъ ей хотя нѣкоторыя свѣдѣнія объ убійцахъ. Голосъ народный отозвался немедленно: на воротахъ Тольбута, или городской тюрьмы, появилась аѣиша, называвшая Ботвелъ, Джемса Бальфѣра и другаго довереннаго Ботвелъ, по имени Давида Чэмберса, убійцами короля. Чьи-то голоса, въ тишинѣ наступившей ночи называли на улицахъ Эдинбурга тѣже имена. Другая аѣиша, обвиняла также служителей королевы Фрэнсиса, Бастиана, Джона Бордосскаго и Юсефа Риччіо, брата Давидова. Королева не предпринимала вовсе преслѣдованія противъ второстепенныхъ заговорщиковъ, а главнымъ изъ нихъ держала около себя.

Не думая дѣйствовать, она оставила Эдинбургъ и удалилась въ замокъ лорда Ситона. Ботвелъ послѣдовалъ туда же за нею, и поселился тамъ подъ охраненіемъ капитана Куллона, одного изъ самыхъ преданныхъ своихъ приверженцевъ и вмѣстѣ съ Гэнтли, Арджилемъ, Летингтономъ и архіепископомъ Сентъ-Андрейскимъ, своими помощниками въ убійствѣ Дарнлея. Не думала ли она проводить тамъ время въ траурѣ и скорби?—Нѣтъ. Вотъ что рассказываетъ объ ея пребываніи въ Ситонѣ М. Фрззеръ Тайтлеръ, мнѣнія котораго, въ нѣкоторомъ родѣ наследственныя, очень благопріятны для Маріи, и который принадлежитъ къ самымъ новѣйшимъ и во многихъ отношеніяхъ лучшимъ историкамъ Шотландіи: «Съ удивленіемъ увидали, что спустя двѣ недѣли послѣ смерти ея мужа, когда все государство и столица еще не опомнились отъ послѣднихъ происшествій, которыя ложились пятномъ на характеръ народа, дворъ въ Ситонѣ былъ занятъ только одними удовольствіями. Марія и Ботвелъ забавлялись стрѣльбою въ цѣль на пари съ Гэнтли и Ситономъ, и однажды принудили этихъ лордовъ проигранную партію заплатить обѣдомъ въ Трэментѣ.»

Среди этихъ-то развлеченій застали Марію Стюартъ обвинительными подозрѣніями народа и горькія жалобы Ленноска. Въ Эдинбургѣ, который былъ приведенъ въ волненіе толпою, вышедшею изъ дворца Голирудъ, въ роковую ночь, съ 9 на 10-е февраля, ходили вѣрные слухи

на счетъ руководителя и неопредѣленные—на счетъ его соучастниковъ въ злодѣяніи. На общественномъ рынкѣ появилось объявленіе, въ которомъ говорили, что слесарь, дѣлавшій фальшивые ключи къ королевской комнатѣ, объявитъ о себѣ, если ему обезпечатъ необходимую безопасность. Кромѣ того, были прибиты двѣ новыхъ афиши, изъ которыхъ на одной были изображены начальныя буквы имени королевы, М. S., и подъ ними рука, держащая мечъ, а на другой—начальныя буквы имени Ботвелля, съ колотушкою, представлявшею орудіе убійства. Весь городъ былъ въ самомъ необыкновенномъ волненіи. Протестантскіе пасторы проповѣдывали съ мрачнымъ увлеченіемъ; среди эпитимій и молитвъ они зывали къ Богу, чтобы онъ открылъ и отмстилъ.

На королеву падали всеобщія подозрѣнія, и мысль объ ея соучастіи распространялась все больше и больше. Раздраженный Ботвелль думалъ запугать общественное мнѣніе. Онъ прибылъ въ Единбургъ въ сопровожденіи пятидесяти вооруженныхъ челоуѣкъ, и объявилъ во всеуслышаніе, что если узнаетъ, кто писалъ эти афиши, то вымоетъ руки свои въ крови виновныхъ. Однакоже, тревожимый подозрѣніями и исполненный гнѣва, онъ, говоря съ людьми, въ которыхъ не совѣмъ былъ увѣренъ, не спускалъ обыкновенно взгляда съ своего собесѣдника, и всегда держалъ руку на рукояти кинжала.

Несчастный отецъ убитаго короля, видя недѣятельность Маріи Стюартъ, понуждалъ ее въ самыхъ убѣдительныхъ выраженіяхъ сдѣлать распоряженіе о слѣдствіи. «Природа и долгъ, писалъ онъ ей 20 февраля, принуждаютъ меня умолять ваше величество именемъ Бога, ради вашей чести и ради чести вашего государства,—о созваніи всего дворянства и сословія Шотландіи и о повѣленіи заняться изслѣдованіемъ совершеннаго злодѣяства. Я не сомнѣваюсь, что, по милости всемогущаго Бога, Духъ святой низойдетъ въ сердце вашего величества и въ сердца вѣрныхъ подданныхъ вашихъ, чтобы открыть кровавыхъ и преступныхъ виновниковъ этой смерти. Я не считаю нужнымъ напоминать вашему величеству, что дѣло близко касается особы вашей, и прошу извинить мою докучливость, ибо я—отецъ пострадавшаго.»

На другой день Марія отвѣчала графу Ленноксу съ большимъ участіемъ, но весьма уклончиво. Она писала, что еще до полученія его письма уже былъ созванъ парламентъ, который не замедлитъ предпринять изслѣдованіе преступнаго убійства короля, ея мужа. Но парламентъ долженъ былъ собраться на пасху, а до того времени, Іосифъ Ричіо, Вастіанъ и Фрэнсисъ, итальянецъ, занимавшій должность дворецкаго королевы, на которыхъ падали обвиненія, выраженные въ афишахъ, уже оставили Шотландію, а Паури и Уильсонъ были посланы Ботвеллемъ въ замокъ Эрмитажъ близъ англійской границы. Графъ Ленноксъ, угадавшій причину этой продолжительной недѣятельности, 26 февраля возобновилъ свои настоянія, представляя королевѣ, что тутъ дѣло шло не о созваніи парламента, по поводу обыкновеннаго вопроса, но о преступленіи такой важности, что оно требовало примѣрнаго наказанія.

немедленнаго преслѣдованія; онъ заклиналъ ее задержать подозрительныхъ лицъ, обвиняемыхъ аѣишами. Королева отвѣчала ему на это, что аѣиши противорѣчили другъ другу, и что она не находитъ достопочныхъ основаній для преслѣдованія. Она прибавила въ заключеніе, что если онъ укажетъ лицъ, которыхъ считаетъ нужнымъ предать въ руки правосудія, то они будутъ подвергнуты слѣдствію, по законамъ государства, и наказанію, соответствующему важности преступленія и степени ихъ виновности въ немъ.

Между тѣмъ какъ Ленноксъ убѣдительно спрашивалъ ея правосудія, Елизавета рѣзко давала Маріи замѣтить ея собственную виновность. Она послала къ ней сэра Генриха Кильгру съ письмомъ, въ которомъ излила всю свою ненависть къ ней въ сильныхъ упрекахъ, худо скрытыхъ подъ видомъ лицемѣрнаго участія. «Государыня, писала она къ ней, мои уши до такой степени оглушены, мой разумъ такъ помраченъ, и мое сердце такъ утрачено ужасною гнетью о гнусномъ умерщвленіи покойнаго супруга вашего и моего кузена, что я даже почти не въ силахъ писать; и сколько моя родственная привязанность заставляетъ меня сожалѣть о смерти челоуѣка, такъ близкаго ко мнѣ по крови, столько же побуждаетъ не скрывать предъ вами своихъ мыслей, и смѣло сказать вамъ, что я еще болѣе сожалѣю о васъ, чѣмъ о немъ. О, государыня! Я не исполнила бы долга вѣрной сестры и преданнаго друга, еслибы заботилась болѣе о томъ, чтобы угодить вашему слуху нежели о томъ, чтобы сохранить вашу честь; поэтому я не утаю отъ васъ мнѣнія весьма многихъ, которые говорятъ, что вы смотрите сквозь пальцы на это преступленіе, и что не хотите трогать людей, доставившихъ вамъ это удовольствіе, какъ будто бы злодѣяніе было совершено убійцами съ увѣренностію въ безнаказанности. Что касается до меня, то прошу васъ повѣрить мнѣ, что за всѣ сокровища міра, я не захочу допустить подобную мысль въ свое сердце.» Она побуждала ее въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ не оставлять подобнаго преступленія безъ наказанія. «Прошу васъ, продолжала она, совѣтую вамъ, умоляю васъ—принять все это какъ можно ближе къ сердцу; не опасайтесь оскорбить самыхъ близкихъ людей къ вамъ и не позволяйте никакимъ убѣжденіямъ остановить васъ въ совершеніи наказанія, которое должно показать міру, что вы—благородная государыня и были вѣрною женою.» То же писалъ къ ней изъ Франціи, гдѣ также считали ее виновною, ея посланникъ, архіепископъ Глазгоскій. Онъ съ благородною честностію извѣщалъ ее о строгомъ сужденіи иностранныхъ государствъ по поводу послѣдняго происшествія; говорилъ, что состояніе ея королевства считается весьма жалкимъ, а поведение шотландскаго дворянства и собственное—постыднымъ. «Даже на васъ, писалъ онъ ей, возводить страшную клевету, называя васъ главною виновницею всего и руководительницею этого дѣла.» Онъ заклиналъ ее примѣрно отмстить и прибавлялъ: «Если вы не приступите теперь же къ этому, то лучше будетъ для васъ потерять и жизнь, и все.»

Прошло болѣе мѣсяца послѣ убійства Дарнлея, а Маріи еще не

сдѣлала ничего, что требовалось законами королевства и могло бы доказать ея невинность. Напротивъ того, она ни на минуту не ралучалась съ Вотвелемъ. Не думая арестовать его, какъ требовалось въ третьемъ письмѣ своемъ графъ Ленноксъ, она осыпала его и выми милостями. Она назначила его комендантомъ Эдинбургской крепости,—должность, которая принадлежала прежде графу Маръ, дядкѣ наслѣдника. Кроме того она пожаловала ему замокъ Блекнесс-Инчъ и начальство надъ Лейтомъ. Однакоже смѣлая и почти оскорбительныя наставленія Елизаветы, сильное неудовольствіе французскихъ родственниковъ Маріи Стюартъ, энергическія просьбы архіепископа Глазгоского и возобновившіяся настоянія графа Леннокса побудили ее выйти изъ этого опаснаго и унижительнаго положенія. Она хотѣла покрыть себя личною правосудіемъ и поставить своего любимца подъ защиту судебного оправданія. 28 марта въ советѣ подъ ея личнымъ предсѣдательствомъ, гдѣ присутствовали Вотвелъ Гэнтли, Араджилъ, Кэтнессъ, епископы: Росскій и Галлоузійскій, предложено было приступить къ изслѣдованію обвиненія. По не имѣя возможности откладывать процессъ долѣе, она стала торопить ихъ. Графъ Ленноксъ получилъ приказъ явиться 12 апрѣля въ Эдинбургъ, чтобы доказывать предъ судомъ свои обвиненія противъ Вотвела.

Одинъ только общій голосъ народа обвинялъ этого могущественнаго преступника. Никто не рѣшился говорить и никого ни принуждали къ этому. Слѣсарь, дѣлавшій фальшивые ключи къ королевской комнатѣ не получилъ охранной грамоты, которой требовалось чтобы сдѣлать открытіе. «Какимъ же образомъ, писалъ графъ Ленноксъ къ королеви, можно узнать истину, когда отнимаютъ всѣкую смѣлость у людей, которые могли бы сказать ее, и, напротивъ ободряютъ тѣхъ, на которыхъ могло бы пасть обвиненіе, оставляя ихъ свободными, всеспыльными при дѣлѣ и могущественными даже при ея царственной особѣ?» Онъ просилъ, поэтому, арестовать обвиняемыхъ, сообразно законамъ страны, и назначить отсрочку, которая позволила бы собрать доказательства ихъ преступленія. Далѣе онъ прибавлялъ, что, безъ соблюденія этихъ условій, процессъ не только не можетъ быть законнымъ, но даже будетъ невозможенъ. Въ заветѣ съ своей стороны, просила Марію Стюартъ дать отду и друзьямъ убитаго короля необходимое время для уясненія виновности убійцы. Она предупредила, что отказъ въ этомъ *значительно усиливаетъ подозрѣнія противъ нея самой*. просила ее дать людямъ возможность узнать о ея невинности въ такомъ ужасномъ преступленіи, говоря, что въ противномъ случаѣ, она оттолкнетъ отъ себя государей, и унизитъ себя во мнѣніи народовъ, «а я пожелаю бы вамъ писала она съ своей неумолимою рѣзкостью, быть лучше погребенною съ честью, нежели влѣчить позорную жизнь..... Молю Господа чтобы онъ вразумилъ васъ на поступокъ, который можетъ возвратить вамъ честь и успокоить друзей вашихъ.»

Маріа Стюартъ не слушала ни справедливыхъ требованій Леннокса ни дальновидныхъ совѣтовъ Елизаветы. Она хотѣла, чтобы все приходило по желанію Вотвела и его друзей. Въ назначенный день

12 апрѣля, уголовный судъ былъ открытъ въ зданіи Тольбута, гдѣ засѣдали благородные судьи, товарищи Ботвеля, избранные изъ среды его единомышленниковъ. Трибуналь, находившійся подъ предсѣдательствомъ наследственнаго лорда *верховнаго судьи*, графа Арджилла, одного изъ соучастниковъ убійства, былъ охраняемъ двумястами мушкетеровъ; а въ тоже время четыре тысячи вооруженныхъ людей занимали площади и улицы Единбурга. Офицеры были привлечены на сторону Ботвеля то ласками, то страхомъ. Свидѣтелей не было. Обвинитель, графъ Ленноксъ, прибывшій въ сопровожденіи вооруженныхъ друзей и кліентовъ, получилъ приказъ войти въ Единбургъ, имѣя при себѣ не болѣе шести человекъ, и вслѣдствіе этого удалился. Обвиненный, графъ Ботвель, предсталъ предъ лицомъ правосудія съ смѣлымъ и открытымъ видомъ. Верхомъ на любимой лошади короля, окруженный стражею, онъ отправился въ Тольбургъ, сопровождаемый толпою дворянъ, выказывавшихъ передъ нимъ низкое раболѣпство. Проѣзжая передъ королевою, которая, вмѣстѣ съ леди Летингтонъ, сидѣла у окна во дворцѣ Голмурдъ, онъ повернулся къ ней, и она привѣтливымъ знакомъ простилась съ нимъ. Марія Стюартъ открыто выразила свое участіе къ нему, пославъ ему письмо, когда онъ еще находился предъ судилищемъ, — не изъ какихъ нибудь опасеній, но просто отъ нетерпѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ ей не нужно было страшиться за исходъ этого шутовскаго слѣдствія. Засѣданія суда не отличались ни продолжительностію, ни неопредѣленностію. Когда былъ прочитанъ актъ, обвинявшій Ботвеля, но не приводившій доказательствъ вины, — графъ Ленноксъ былъ вызванъ, чтобы поддерживать обвиненіе. Одинъ изъ его служителей, Робертъ Кюннингъ вышелъ вмѣсто него, изложилъ причины, воспрепятствовавшія графу, господину его, явиться лично, и объявилъ, что имѣетъ порученіе обвинить вторично графа Ботвеля въ убійствѣ и проситъ отсрочки для предъявленія доказательствъ. Получивъ отказъ на свою просьбу, Кюннингъ протестовалъ противъ всякаго рѣшенія, которымъ будутъ оправданы «лица, признанныя всѣми, говорилъ онъ, — такъ же, какъ утверждаетъ милордъ, мой господинъ, убійцами короля.» Коронные адвокаты молчали, что возбуждало сильное неудовольствіе въ народѣ, и Ботвель, сказавшій рѣчь въ защиту своей «невинности» былъ оправданъ единогласно, за отсутствіемъ всякихъ доказательствъ. Тогда этотъ отважный смѣльчакъ сдѣлалъ своимъ обвинителямъ публичный вызовъ на поединокъ, обѣщая оружіемъ защищать свою невинность противъ каждого, кто отважится запятнать ее.

Послѣ такого скандальнаго оправданія, въ которомъ всѣ были зараженѣ увѣрены, Марія Стюартъ прибавила новыя милости къ тѣмъ, которыми еще такъ недавно осыпала Ботвеля; она пожаловала ему похѣстье в крѣпость Дэнбаръ, и расширила его власть въ качествѣ генералъ-адмирала. Никто изъ лордовъ не имѣлъ ни возможности, ни охоты противостоятъ ему съ этого времени. Ленноксъ бѣжалъ въ Англію. Мюррей, бывшій сильнѣйшимъ вельможей Шотландіи, удалился отъ двора еще до умерщвленія короля, и покинулъ государство за три

дня до засѣданія въ Тольбутъ; онъ уѣхалъ во Францію. Теперь ужь ничто не стѣсняло болѣе королеву и ея торжествующаго любимица. На другой же день, послѣ засѣданія уголовного суда, собрался парламентъ, куда явилась и Марія Стюартъ, предшествуемая Ботвелемъ, которому она предоставила честь нести передъ собою корону и мечи. Всѣ три сословія Шотландіи одобрили рѣшеніе суда, и наложили запрещеніе на аѣиши, появившіяся въ Эдинбургѣ. За такое потворство всѣмъ была сдѣлана приличная награда. Пятеро присяжныхъ получили подтвержденіе милостей, оказанныхъ имъ отъ двора. Гэнтли согласившійся на разводъ сестры своей съ Ботвелемъ, былъ введенъ во владѣніе всѣми своими помѣстьями, давно уже взятыми въ казну и еще до сихъ поръ не возвращенными. Католичка Марія, ослѣвленная своею страстью къ протестанту Ботвелю, рѣшилась на то, чего никакъ не хотѣла прежде: она уничтожила законы противъ протестантской партіи, и назначила опредѣленное содержаніе недостаточнымъ пасторомъ. Она думала привлечь къ себѣ такимъ образомъ дворянство, осыпая его наградами, и упрочить за собою сочувствіе пресвитеріанской церкви.

По пресвитеріанская церковь не щадя ея въ своихъ суровыхъ сужденіяхъ, и народъ, видя какъ она, съ каждымъ днемъ, все больше и больше унижаетъ себя своими отношеніями къ Ботвелю, постепенно подвергалъ ее равному съ нимъ порицанію. Подозрѣнія въ ея виновности распространились между самыми низшими классами жителей, и однажды, когда она проѣзжала мимо городского рынка, торговки, сидѣвшія тамъ, встали со словами: «Да благословитъ Богъ ваше величество, если вы невинны въ смерти короля.» Къ несчастію для Маріи, голосъ общественнаго мнѣнія не остановилъ ея страсти.

Ботвелья не удовлетворяла одна только безнаказанность. Благоклонность, хотя и слишкомъ необыкновенная для подданнаго, и непостоянное могущество любовника не могли удовлетворить его. Рѣшаясь на убійство короля, онъ рассчитывалъ на нѣчто болѣе. Его цѣлью было—жениться на королевѣ, и потомъ овладѣть престоломъ, къ чему такъ безплодно и нерѣшительно стремился честолюбивый но несчастный Дарлей. Два препятствія представлялись ему въ этихъ предположеніяхъ: его недавній бракъ съ леди Гордонъ и существованіе наследника престола. Нужно было, чтобы разводомъ съ леди Гордонъ—одолѣть первое изъ этихъ препятствій, а женившись на королевѣ и овладѣвъ ея сыномъ—уничтожить второе. Народный инстинктъ нисколько не ошибался въ этомъ случаѣ. Онъ угадывалъ, что Ботвель, для обезпеченія послѣдствій своего перваго злодѣянія, не задумается передъ другими. «Бракъ королевы съ Ботвелемъ и смерть принца писалъ Друри къ Сесию, — вотъ чѣмъ заняты здѣсь всѣ въ настоящее время.»

Не одинъ только посланникъ королевы Елизаветы, конечно хорошо знавшій обо всемъ, говорилъ это; вотъ слова одного изъ преданныхъ слугъ Маріи Стюартъ: «Немедленно разнесся слухъ, говорятъ Джемсъ Мельвиль, что королева выходитъ замужъ за графа Ботвелья...

Эта новость встревожила всѣхъ, кто дорожить честию королевы и жизнью молодого принца, который подвергнется большимъ опасностямъ, попавши въ руки убійцы своего отца.» Никто не осмѣливался подать королеви благой совѣтъ; всѣ боялись ярости и мстительности Ботвеля. Наконецъ лордъ Геррисъ, бывший смѣлѣе другихъ дворянъ, нарочито прибывшій для этого въ Единбургъ, бросился къ ногамъ Марш Стюартъ, и умолялъ ее не выходить замужъ за человѣка, на котораго вся страна смотритъ какъ на убійцу ея мужа; не наносить этимъ безчестія себѣ; не подвергать опасности жизнь своего сына, и не губить себя самою. Королева казалась удивленною, и отвѣчала ему, съ своимъ обыкновеннымъ притворствомъ, что вовсе не понимаетъ этихъ слуховъ, потому что не чувствуетъ никакого влеченія къ Ботвелю. Давъ ей этотъ спасительный но бесполезный совѣтъ, Геррисъ, съ величайшею поспѣшностію возвратился на запасныхъ лошадахъ, заранѣе заготовленныхъ имъ на дорогѣ, чтобы избавиться отъ преслѣдованія Ботвеля.

Мельвиль, рѣшившійся съ такою же искренностію сдѣлать подобное предостереженіе, былъ очень дурно принятъ королевою, которая извѣстила объ этомъ Ботвеля. Благоразумный Летингтонъ побранилъ Мельвиля за такую опасную смѣлость. «Какъ только Ботвель узнаетъ объ этомъ,—сказалъ онъ ему,—онъ прикажетъ убить нисъ. Уѣзжайте какъ какъ можно скорѣе.—«Однако же нельзя не полагать о томъ отвѣчалъ ему Мельвиль, что всѣ видятъ королеву въ двухъ шагахъ отъ погибели, и никто не рѣшается предостеречь ее.»

— «Вы поступили, возразилъ Летингтонъ, какъ человѣкъ честный, но неблагоразумный.» Онъ не ошибался въ опасности, грозившей Мельвилю. Ботвель дѣйствительно хотѣлъ убить его, и Мельвиль былъ принужденъ скрываться до тѣхъ поръ, пока королеви удалось усноить Ботвеля.

Необузданная дерзость Ботвеля выразилась въ самомъ необычайномъ поступкѣ. Онъ хотѣлъ удостовѣриться въ согласіи аристократіи на свой бракъ съ королевою. Вечеромъ 19 апрѣля, въ день закрытія засѣданій парламента, имъ были приглашены на ужинъ въ таверну Анслей, находившуюся по сосѣдству, графы Мортонъ, Арджилъ Гэнтл, Кассиллсъ, Гленкарнъ, Ротъ, Сэтерлендъ, Эрроль, Катнессъ, Эглитонъ, а также лорды: Бойдъ, Ситонъ, Сэнклеръ, Семплъ, Олифантъ, Огилви, Россъ-Гэкэтъ, Карлиль, Юмъ, Иннермитъ и другіе; таверну онъ немедленно приказалъ окружить двумястами мушкетеровъ. Сидя за столомъ, онъ сообщилъ своимъ собесѣдникамъ, что королева согласна выйти за него замужъ, и предъявилъ, какъ подтверждаютъ свидѣтели этой странной сцены, ея собственноручное письмо, которымъ она поручила ему предложить это дѣло на разсмотрѣніе дворянства. Среди наступившей затѣмъ суматохи графъ Эглитонъ скрылся, другіе же, съ постыдною трусостию, письменно подтверждали, что они убѣждены въ невинности Ботвеля; обязались защищать его противу всякой клеветы и называли «этого благороднаго и могущественнаго лорда» приличнымъ супругомъ для королевы, продолжительное вдовство которой, говорили они, можетъ по-

вредить интересамъ государства. Они согласились поддерживать своего жизнію и имуществомъ притязанія Ботвеля, съ условіемъ, что если они не исполнятъ этого, то онъ имѣеть право считать ихъ безчестными и неблагородными измѣнниками. Епископы Сентъ-Андре, Эбердина, Дамблена, Бречина, Росса и Оркадскихъ острововъ подписали bond о бракѣ. Этотъ актъ покрылъ стыдомъ шотландское дворянство, принявшее его и допустившее такимъ образомъ паденіе Маріи Стюартъ, увеличивъ ея рѣшимость на позорный бракъ съ Ботвелемъ.

Она была увлечена имъ сильнѣе прежняго, хотя требовательность этого наглаго властолюбца дѣлалась иногда даже оскорбительною для нея. Казалось, онъ не вѣрилъ ея любви и вѣрности; свою недовѣрчивость онъ обнаруживалъ съ оскорбительною грубостью; онъ удалилъ отъ нея леди Рирзъ, которая считалась любимицею ея, и на ея мѣсто назначилъ сестру свою леди Кольдингемъ. Несчастливая королева принуждена была писать къ нему по этому случаю со всею слабостью и униженіемъ, до какихъ можетъ дойти страсть: «Я согласна взять ту, которая вамъ понравится. Я умоляю васъ только, чтобы эта другая не отняла бы вашей любви у меня и не разуверила бы васъ въ моей преданности къ вамъ. Вы не довѣряете мнѣ, а мнѣ бы хотѣлось объяснить вамъ свою невинность и удалить отъ васъ даже возможность къ сомнѣнію! О, жизнь моя, не откажите мнѣ въ этомъ и не требуйте отъ меня новыхъ доказательствъ моего повинненія, вѣрности, преданности, и добровольнаго подчиненія.» Ботвель располагалъ при дворѣ всѣми должностями и даже жизнію всѣхъ. Единственный человѣкъ, который могъ бы до нѣкоторой степени противиться ему, Мюррэй, удалился, не дожидаясь новаго замужства сестры своей, которое онъ предвидѣлъ и помѣшать которому не могъ.

Этотъ бракъ былъ предположенъ въ контрактѣ, подписаннымъ собственною рукою Маріи Стюартъ, 5 апрѣля, за 7 дней до судебного рѣшенія, оправдавшаго Ботвеля; такое безразсудство превосходитъ всякое вѣроятіе. Все было приготовлено съ самою таинственною поспѣшностію. Но ни Ботвель не могъ открыто просить руки ея, ни королева не могла согласиться охотно на эту просьбу послѣ слишкомъ еще недавней смерти Дарнлея, убитаго первымъ за два съ половиною мѣсяца передъ тѣмъ, вслѣдствіе чего Марія еще долго должна была носить трауръ. Что же они дѣлали? они придумали похищеніе, которое нѣкоторымъ образомъ заставило бы Марію Стюартъ согласиться на бракъ по необходимости, и оправдало бы отступление отъ обязанностей королевы насиліемъ, сдѣланнымъ женщиной. Даже и здѣсь она была, къ несчастію, соучастницею Ботвеля, какъ это слишкомъ ясно видно изъ различныхъ доказательствъ. Она условилась съ нимъ, что онъ будетъ находиться на ея пути съ отрядомъ вооруженныхъ людей, болѣе многочисленнымъ, нежели ея собственная свита, въ то время, какъ она поѣдетъ на свиданіе съ сыномъ, въ замокъ Стёрлингъ, и что здѣсь онъ овладѣетъ ею и сдѣлается господиномъ ея воли. Ботвель удалился, чтобы приготовить все нужное для похищенія. Во время его отсутствія Марія Стюартъ послала

ему письма, въ которыхъ выражала свою тоску и ревность, твердую рѣшимость свою и нетерпѣніе, по поводу препятствій со стороны самыхъ соучастниковъ Ботвелля. Гэнтли былъ посвященъ въ тайну. Онъ старался удержать королеву, которая черезъ это потеряла къ нему всякое довѣріе. «Онъ доказывалъ мнѣ, писала она Ботвеллю, что это предпріятіе безразсудно, и что я, для сохраненія своей чести, не должна ни выходить за васъ, потому что вы женаты; ни бѣжать съ вами, потому что даже люди его не потерпятъ, чтобы ихъ господа поступали противъ обязанности своей. Я отвѣчала ему, что зашла уже слишкомъ далеко, и что если вы сами не захотите отказаться отъ всего, то никакія убѣжденія, ни даже самая смерть, не заставятъ меня нарушить обѣщанія.»

Въ другомъ письмѣ она сама объясняетъ роль, которая должна достаться на ея долю въ похищеніи. «Что касается до моей личности,— писала она,— я знаю какъ поступать въ этомъ случаѣ, потому что воию все, о чемъ мы условились. Мнѣ кажется, что ваша продолжительная служба, равно какъ дружество и благосклонность, оказываемы вамъ знатнѣйшими вельможами, даютъ вамъ полное право на прощеніе, тѣмъ болѣе, что этимъ вы нисколько не нарушаете обязанностей подданнаго, такъ какъ вы рѣшаетесь на этотъ поступокъ не изъ желанія сдѣлать мнѣ насиліе или держать меня въ заключеніи, но съ цѣлью только скрѣпить наше сближеніе; по этому ничьи противорѣчія и убѣжденія не заставятъ меня отказаться отъ сочувствія надеждамъ вашимъ на то, чего вы можете ожидать какъ награды за службу вашу; короче въ этомъ поступкѣ я вижу.... не больше какъ возможность принести мнѣ покорнѣйшую просьбу, усиливъ ее, однако, настойчивостью.» Когда наступило время выполненія этого предпріятія, представились затрудненія со стороны спутниковъ. Графъ Стерлендъ объявилъ, что скорѣе согласится умереть, чѣмъ позволить отнять у себя королеву, находящуюся подъ его охраненіемъ. Графъ Гэнтли, сильно опечаленный, и опасавшійся борьбы, боялся обвиненія въ неблагодарности къ королевѣ, и сомнѣнія въ своей вѣрности. «Я хотѣла извѣстить васъ, писала Марія къ Ботвеллю, что онъ боится обвиненія въ измѣнѣ и поэтому, не желая возбуждать въ васъ недобвѣрія къ нему, я прошу, чтобы вы были осторожнѣе, и значительно увеличили ваши силы; вчера съ нами было триста всадниковъ его и Левингстона (Ливингстона). Ради Бога постарайтесь, чтобы съ вами было какъ можно больше, потому что лучше слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало; въ этомъ заключается главная причина моей заботы.»

Ботвелль дѣйствительно постарался увеличить свой отрядъ. Марія Стюартъ отправилась въ понедѣльникъ, 21 апрѣля, какъ и было условлено, на свиданіе съ сыномъ своимъ въ замокъ Стёрлингъ; она могла войти въ комнаты приаца въ сопровожденіи двухъ только женщинъ своихъ. Графъ Маръ, подозрѣвавшій что-то дурное, не допустилъ никого больше изъ ея свиты. Въ четвергъ 24, выѣхавъ изъ Стёрлинга обратно въ Единбургъ, она встрѣтила въ шести миляхъ отъ этого города, близъ Альмондъ-Бриджа, Ботвелля съ восемьюстами всадниковъ. Онъ взялъ подъ уздцы лошадь королевы, овладѣвъ ея

свободою, не встрѣтивъ сопротивленія, и отвезъ ее въ замокъ Дэнбаръ, гдѣ все было приготовлено къ ея приему. Его люди арестовали Гэнт-ли, Летингтона и Мельвиля. Капитанъ Блекетеръ сказалъ послѣдному, чтобы успокоить его, что все дѣлается съ согласія королевы. Марія Стюартъ провела нѣсколько времени подъ одною кровлею съ Ботвелемъ и совершенно подъ его властью. Но похищеніе было только предлюдіею брака. Ботвелъ хлопоталъ о своемъ разводѣ съ Анною Гордонъ у архіепископа Сентъ Андре, — который, въ возмездіе за свою снисходительность, получилъ возстановленіе консисторіальныхъ правъ своихъ, — и въ комиссаріатѣ или пресвитеріанскомъ церковномъ судѣ. Скоро послѣдовало согласіе какъ старой такъ и новой державы; и разводъ католички Анны Гордонъ съ протестантомъ Ботвелемъ былъ произнесенъ 3 мая. Въ этотъ же день Марія Стюартъ возвратилась изъ Дэнбара въ Единбургъ. При вѣздѣ въ городъ Ботвелъ почтительно взялъ вноходца королевы за узду, а его солдаты побросали на землю свои копья, какъ будто для доказательства, что Марія Стюартъ была совершенно свободна, что Ботвелъ былъ только покорнымъ и безоружнымъ слугою ея. Королева, съ своей стороны, объявила Ботвелю прощеніе и свое намѣреніе выйти за него замужъ.

Хотя этого слѣдовало ожидать, но тѣмъ не менѣе возбуждено было общественное негодованіе. Протестантская церковь получила приказъ совершить брачное оглашеніе, но отказалась исполнить его. За отсутствіемъ Нокса, оставившаго Шотландію послѣ убійства Риччио, Крэгъ, одинъ изъ главнѣйшихъ пресвитеріанскихъ пасторовъ, объявилъ, что считаетъ королеву плѣнницею и что, кромѣ того, не получивъ письменнаго повелѣнія, не можетъ приступить къ оглашенію. Тогда къ нему явился клеркъ юстиціи съ письмомъ королевы, въ которомъ заключалось требуемое повелѣніе и опровергались слухи о ея плѣнѣ. Крэгъ все такъ не уступалъ. Онъ потребовалъ дозволенія видѣть вступающихъ въ бракъ, въ собраніи членовъ тайнаго совѣта. Здѣсь онъ съ благороднымъ жаромъ упрекалъ Ботвеля въ преступленія, которыя приписывали ему и обвинялъ его въ убійствѣ, похищеніи и нарушеніи брачнаго долга. Послѣ этого онъ обнародовалъ наконецъ оглашеніе, не имѣя возможности сопротивляться долѣе полученному приказанію, и сказалъ съ каедрой, обращаясь къ собравшейся протестантской конгрегаціи: «Призываю небо и землю во свидѣтели, что я проклинаю и презираю этотъ позорный и ужасный въ глазахъ свѣта бракъ, и убѣждаю всѣхъ вѣрующихъ возсылатъ къ Богу теплыя молитвы о томъ, чтобы союзъ этотъ, противный всякому смыслу и совѣсти, не состоялся, для блага этого несчастнаго государства.»

Ослѣпленная Марія ни сколько не была вразумлена грознымъ проблискомъ общественнаго неодобренія; она пренебрегала всѣмъ, чтобы только удовлетворить своей страсти и поставить любимца своего на равную съ нею высоту. 12 мая она явилась въ единбургское верховное судищще и объявила передъ властями и дворянствомъ страны, нарочно для того собранными, что она свободна, и простила Ботвеля, — приидмаа во вниманіе его послѣдующее поведеніе, —

его преступокъ въ отношеніи къ ней; и что кромя того она предполагаетъ возвести его на еще высшія ступени. Дѣйствительно, въ тотъ же самый день, онъ былъ сдѣланъ герцогомъ Оркнейскимъ и Шетландскимъ, и она сама возложила на его голову герцогскую корону. Черезъ день она подписала свой брачный контрактъ съ этимъ *благороднымъ и могущественнымъ княземъ*, чтобы выйти изъ своего *одинакаго вдовства и увеличить потомство свое*. Наконецъ 15 мая, къ 4 часа утра, бракъ былъ совершенъ по обряду католическому и протестантскому епископомъ Оркнейскимъ и Крэггомъ во дворцѣ Ге-ллуруль.

Не многіе изъ шетландскихъ бароновъ присутствовали на возмутительной церемоніи брака, совершившагося черезъ три мѣсяца послѣ умерщвленія короля, между его овдовѣвшей женою и убійцей. Народъ принялъ это извѣстіе съ угрожающею тишиною, въ которой выражалось его мрачное неодобреніе. На слѣдующее утро нашли прибитою къ воротамъ дворца слѣдующую надпись:

Malum malum majore perbere vulgus ait *.

(Худо жениться въ мѣсяцъ маѣ говоритъ народъ).

Это зловѣщее предсказаніе, относившееся къ браку, осужденному цѣлымъ народомъ, не замедлило исполниться.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Марія Стюартъ скоро пришлось раскаяться. Въ самый день брака, между нею и Ботвелемъ происходили уже сильныя непріятности. Французскій посланникъ дю Крокъ, не хотѣвшій присутствовать на свадьбѣ, писалъ Катеринѣ Медичи и Карлу IX: «Вами величества прекрасно сдѣлаете, не признавъ этого брака, потому что онъ очень несчастливъ, и уже возбуждаетъ сомнѣніе. Въ четвергъ, 15 мая, ея величество прислала за мною, и когда я замѣтилъ странность обращенія между нею и мужемъ, то, какъ бы желая оправдаться въ этомъ, она сказала мнѣ, что причина ея видимой печали заключается въ томъ, что она не намѣрена уже больше веселиться и дала себѣ слово въ этомъ, ибо желаетъ одной только смерти. Вчера (16), запершись въ кабинетъ вдвоемъ съ графомъ Ботвелемъ, она кричала, прося дать ей ложъ, чтобы зарѣзаться. Находившіеся въ сосѣдней комнатѣ придворные слышали это. Они полагаютъ, что если Богъ не поможетъ ей, то она окончательно придетъ въ отчаяніе.» Мельвилъ въ своихъ мемуарахъ также подтверждаетъ достовѣрность этого быстрого и тяжелаго разлада, который огорчалъ королеву, но не излечилъ ее отъ страсти. «Съ этой государыней обращались уже до такой степени дурно, говоритъ Мельвилъ, что однажды я, вмѣстѣ съ Артуромъ Эрскиномъ слышалъ, какъ она просила кинжалъ, чтобы убить себя, угрожая броситься въ окно, если ей не дадутъ его.»

Ботвелъ высказывалъ въ отношеніи къ ней самыя оскорбительныя подозрѣнія, и унижалъ ее своею грубою требовательностію. Въ своей ревности, можетъ быть дѣйствительною, а можетъ и притворною,

* Овидій, кн. V.

онъ не терпѣлъ никого изъ бывшихъ приближенныхъ королевы, не смотря ни на какое лицо. Опасаясь, безъ сомнѣнія, разочаровать ее такъ же скоро, какъ Дарилей, онъ терзалъ ея сердце, чтобы не потерять его, и отнялъ у нея спокойствіе, чтобы сохранить ея постоянство. «Со второго дня, послѣ свадьбы, — писалъ опять дю Крокъ къ Катеринѣ Медичи, — она постоянно плачетъ и жалуется; Ботвель не позволяетъ ей никого видѣть, и другимъ запрещаетъ смотрѣть на нее, а ему хорошо извѣстно, что она любитъ удовольствія и свѣтскія увеселенія.»

Марія, оскорбляемая Ботвелемъ, но любившая его, рѣшилась хлопотать передъ иностранными дворами о признаніи его мужемъ своимъ. Она послала епископа Дэмбленскаго во Францію и ко двору папы, съ довольно искусными оправданіями своего новаго замужства. Этотъ бракъ, говорила она, сдѣлался необходимымъ, вслѣдствіе циссарменнаго и, такъ сказать, единодушнаго желанія шотландскаго дворянства; она старалась оправдаться указывая на особенныя достоинства и замѣчательныя заслуги Ботвеля, какъ на причину своего согласія. Прочитавъ настоятельную просьбу смѣльѣйшихъ вельможъ своего королевства и выслушавъ объясненія Ботвеля, она простила ему насиліе, къ которому онъ прибѣгнулъ, побуждаемый любовью и необходимостью. Епископъ Дэмбленскій долженъ былъ прибавить, что мятежное непостоянство этого безпокойнаго народа, не хотѣвшаго ни подчиниться власти женщины, ни допустить, чтобы она избрала себѣ мужа между иностранными государями, принудило ее выйти за одного изъ собственныхъ подданныхъ; но изъ среды послѣднихъ она не могла выбрать никого, кто бы сравнялся съ графомъ Ботвелемъ славою своего имени, своими личными заслугами, мудростью и храбростью; по этому она охотно согласилась на единодушное желаніе трехъ сословій. — Въ Англію она послала Роберта Мельвила съ подобными же инструкціями. Въ случаѣ же, если бы королева Елизавета нашла страннымъ, что она вышла за мужа за челоуѣка, котораго подозреваютъ въ убійствѣ ея мужа, и у котораго еще жива первая жена, Мельвилъ долженъ былъ напомнить ей, что графъ Ботвель, оправданный судомъ по закону стрavy, предлагалъ, кромѣ того, защищать свою невинность по обычаю всѣхъ благородныхъ людей, и что законный разводъ доставилъ ему полную свободу. Марія Стюартъ прѣсила французскій и англійскій дворы извинить ее въ ея согласіи на такой послѣдній бракъ, и оказывать ея мужу такую же дружбу, какую они выказывали къ ней; потому что сдѣланнаго уже нельзя замѣнить.

Ботвель, съ своей стороны, отправилъ къ Карлу IX короткое и почтительное письмо, между тѣмъ какъ Елизаветѣ онъ предлагалъ свои услуги тономъ, не липоннымъ ловкости и достоинства. Онъ осверивалъ не благопріятное мнѣніе, которое эта королева, казалось, имѣла о немъ, въ и заключеніе говорилъ: «Люди болѣе значительнаго происхожденія могутъ имѣть больше правъ на то высокое возомненіе, до котораго я достигъ, но никто не можетъ быть болѣе преданъ вашему величеству, въ чемъ вы можете удостовѣриться при каждомъ случаѣ, въ которомъ я могу быть вамъ полезнымъ.» По еще не об-

ранился съ просьбою о поддержкѣ къ сильнѣйшимъ государямъ, наиболее заинтересованнымъ шотландскими дѣлами, онъ захватилъ въ свои руки всѣ дѣла королевства, и упрочилъ за собою полное распоряженіе властью, составивъ тайный совѣтъ изъ своихъ друзей и приверженцевъ. Онъ ввелъ въ него архіепископа Сентъ-Андре, лордовъ: Олфанта, Бойда, Герриса, и Флеминга, епископовъ: Галлоузійскаго и Роскаго, которые заняли здѣсь мѣста наряду съ графами Гэнтли и Крофордомъ. Онъ назначилъ ракетмейстеромъ (секретарь у принятія прошеній) Генбэрна, бывшаго священникомъ въ приходѣ Ольдгемстокъ, и устроившаго его разводъ съ лэди Гордонъ.

Въ то время какъ Марія и Вотвелъ старались упрочить этими предосторожностями свое положеніе, для нихъ приготовлялись тяжелыя испытанія и ужасное наказаніе. Противъ Вотвеля и, слѣдовательно, противъ Маріи Стюартъ возникъ грозный заговоръ. До настоящаго времени предполагали, что этотъ заговоръ образовался послѣ брака; между тѣмъ, какъ видно изъ драгоцѣнной переписки, которая открыта недавно въ государственномъ архивѣ (State paper office) Англіи, — онъ предшествовалъ ему. Неопосредственно послѣ знаменитаго ужина въ тавернѣ Анслей, знатнѣйшіе лорды, которыхъ Вотвелъ заставилъ подписать свой проэктъ, собрались тайно, чтобы воспротивиться ему въ этомъ. Арджиль, Атоль, Мортонъ и лэрдъ Кёркальди Грэнджъ опасались, чтобы королева, подъ вліяніемъ своей страсти, не имѣла силъ управлять поступками своими, не отдала своего сына Вотвелю, который постарается избавиться отъ него, такъ же, какъ избавился отъ ея мужа. Лэрдъ Грэнджъ, отъ имени своихъ товарищей, просилъ Кызвету о помощи противъ Вотвеля, котораго могущество сдѣлается непреодолимымъ, если ему удастся усилить свою личную дерзость королевскою властью. 20 апрѣля онъ писалъ въ этомъ смыслѣ къ графу Бедфорду, и говорилъ ему, что королева такъ безумно любитъ Вотвеля, что однажды, въ присутствіи многихъ особъ, она сказала: «Я не колеблясь откажусь отъ Франціи, отъ Англіи, отъ своего собственнаго государства, и въ одной только бѣлой юбкѣ послѣдую за Вотвелемъ на край свѣта, лишь бы не разставаться съ нимъ.»

Спустя два дня послѣ похищенія Маріи Стюартъ лэрдъ Грэнджъ снова писалъ къ Бедфорду: «Эта королева не прекратитъ своихъ безрассудствъ до тѣхъ поръ, пока не оттолкнетъ отъ себя всѣхъ честныхъ людей въ государствѣ. Предлагая Вотвелю овладѣть насильно своею особою, она имѣла намѣреніе ускорить бракъ, обѣщанный ему еще раньше, чѣмъ было условлено убійство ея мужа. Многіе готовы отплатить за это убійство, но они опасаются вашей государыни; я самъ до такой степени имѣю склонность къ этому мщенію, что необходимо долженъ или приступить къ нему, или покинуть страну... Пріику вашу милость сообщить мнѣ намѣренія вашей государыни, потому что если мы захотимъ искать помощи во Франціи, — наша просьба будетъ принята.» Наконецъ 8 мая онъ писалъ еще съ большею опредѣленностію и настойчивостію Бедфорду, извѣщая его, что большая часть членовъ высшаго сословія, которые, опасаясь за свою жизнь, подписали въ послѣднихъ засѣданіяхъ парламента постановленія оди-

нашево противорѣчащія ихъ совѣсти и чести, собрались въ Стёрлингѣ, и образовали здѣсь союзъ (bond). «Условія, заключенныя ими, прибавилъ онъ, состоятъ въ томъ, чтобы, во-первыхъ, освободить королеву изъ рукъ Вотвеля, который овладѣлъ крѣпостями, арсеналами и главнымъ начальствомъ надъ арміею; за тѣмъ охранять какъ можно вѣрнѣе безопасность наследника, овладѣвъ, для этого, его особою, и наконецъ преслѣдовать убійцу короля. Чтобы достигнуть этой тройственной цѣли, они поклялись не щадить ни жизни, ни имущества. Они предложили мнѣ написать вашей милости просьбу къ вашей государынѣ о помощи, необходимой для преслѣдованія этого преступнаго убійцы, который въ послѣднюю поѣздку королевы въ Стёрлингъ, подговаривалъ нѣсколькихъ людей отравить принца. Этотъ тиранъ и варваръ не ограничился убійствомъ отца и хочетъ убить теперь еще сына, изъ страха получить когда нибудь должное наказаніе. Лорды, собравшіеся въ Стёрлингъ,—суть: графы Арджилъ, Мортонъ, Атоль и Маръ.» Онъ увѣрялъ, кромѣ того, что графы Гленкэрнъ, Кассилсъ, Эглинтонъ, Монтрозъ, Кэтнессъ, лорды Очальтри, Рутвенъ, Дрэммондъ, Глэмсъ, Иннермиръ, Линдсей и Юмъ присоединятся къ нимъ, и что союзники отправились набирать войска въ своихъ округахъ.

Доказательствомъ того, какъ сильно было распространено чувство, соединявшее ихъ противъ Вотвеля, можетъ служить слѣдующее обстоятельство: Робертъ Мельвилъ, человекъ, облеченный особенною довѣренностію Маріи Стюартъ, черезъ нѣсколько времени послѣ посольства своего къ Елизаветѣ, присталъ къ союзу. Въ письмѣ, написанномъ имъ около этого времени къ Сесилю, онъ, подобно лорду Гранджу, просилъ помощи Англіи, чтобы освободить королеву и наказати убійцъ короля, и точно такъ же, какъ Гранджъ, объявилъ, что если Англія откажетъ въ своей помощи, то Франція готова подать свою. Дѣйствительно, французскій дворъ, вида, что Марія Стюартъ увеличиваетъ беспорядки, унижающіе ее, и безпрестанно шледеетъ въ ошибки, которыя могутъ привести ее къ гибели, хотѣлъ отказаться лучше отъ королевы, чѣмъ отъ королевства, опасаясь, чтобы Шотландія не подпала подъ власть англичанъ. Карлъ IX послалъ Вальруа къ дю-Кроку съ тайными инструкціями, изъ которыхъ мы приведемъ слѣдующее любопытное мѣсто: «Упомянутый господинъ де Вальруа скажетъ, что его величество открылъ ему свои мнѣнія, о жалкомъ положеніи дѣлъ королевы шотландской, основанныя на донесеніяхъ упомянутаго господина дю Крока и на другихъ необыкновенныхъ извѣстіяхъ; узнавъ также, что предпріятію упомянутыхъ вельможъ, скрытно помогаютъ и благоприятствуютъ англичане... участіе которыхъ можетъ только погубить ихъ, король хочетъ, чтобы сказанный господинъ дю Крокъ не упускалъ изъ виду, что главнѣйшая цѣль и нацѣленіе его величества заключается въ томъ, чтобы сохранить преданность къ себѣ королевства шотландскаго, не позволяя ему, подъ предлогомъ совершающихся тамъ сумасбродствъ, возстать и признати надъ собою покровительство другаго какаго нибудь государства, что неизбежно случится, если уве-

игутые вельможи, потерявъ надежду на помощь короля, обратятся за таковою къ вышесказаннымъ англичанамъ.» Вѣроятно сообразуясь съ этой политикой французскаго двора, лордъ Крокъ, предложилъ союзнымъ лордамъ помощь деньгами и войскомъ.

Но союзники предпочитали помощь Елизаветы, которая колебалась, будучи поставлена между интересами своей двуличной политики и своими теоріями о неприкосновенности королевскаго достоинства. Она опасалась, что, съ одной стороны, ея отказъ принудитъ шотландскихъ лордовъ прибѣгнуть къ союзу съ Франціей, а съ другой—не рѣшась покровительствовать всегда опасному возстанію народовъ противъ государей. Письма лорда Грэнджа приводили ее въ раздраженіе, и она говорила, что подданный ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права разглашать слабости и ошибки своего государя. Она объявила, что коронованіе наслѣднзго принца при жизни его матери не будетъ признано ни ею, ни другими государями. Однако же она прибавила дальше, что не желаетъ допустить Ботвелля до передачи принца французамъ, и что согласна подать помощь союзнымъ лордамъ, если они отдадутъ наслѣдника въ ея руки. Но ея поступки рѣдко были въ согласіи съ словами, и она не замедлила поддержать союзниковъ, хотя они не исполнили еще ея требованія. Искусный и твердый политикъ Сесиль, взялся уговорить ее, чтобы она пожертвовала наконецъ своими убѣжденіями — интересамъ, и общалъ медленно, но вѣрно, привести ее къ такому образу дѣйствій, который вовсе не нравился ей, но могъ сильно послужить въ ея пользу. Робертъ Мельвиль, отвращенный къ ней Марією Стюартъ послѣ замужства послѣдней, и проявлявшій изъ ненависти къ Ботвеллю сторону противной партіи, до была, черезъ нѣсколько времени, не смотря на предразсудки и надменность Елизаветы, ея согласія помогать союзнымъ лордамъ *«въ ихъ благородномъ предпріятіи»*.

Союзъ дворянства распространялся съ каждымъ днемъ. Летингтонъ, подвергшійся подозрѣніямъ Ботвелля, который хотѣлъ убить его въ комнатѣ королевы, бѣжалъ къ своему другу, графу Атолю, съ намѣреніемъ присоединиться къ союзу. Марія Стюартъ не со всѣхъ не знала о намѣреніяхъ враговъ своихъ, потому что всѣ они удалились отъ двора; но она, повидимому, не боялась ихъ, и отзывалась о предводителяхъ новаго союза съ сильнымъ презрѣніемъ. Изображая надъ ними свое ядовитое остроуміе и дѣлая намеки, то на ихъ характеръ, то на ихъ положеніе, она говорила, что «Атоль человекъ слабый; что она знаетъ средства зажать ротъ Арджилю, и что Мортонъ, только что снявшій сапоги свои и еще не успѣвшій обтереть съ нихъ пыль, будетъ отосланъ ею туда, откуда недавно возвратился.» Но скоро она узнала, что они гораздо сильнѣе, чѣмъ казалось ей прежде. Ботвелль, готовый обнаружить намѣренія, которыхъ ожидалъ отъ него, повелительно потребовалъ къ себѣ наслѣднзго принца. Графъ Маръ, которому съ угрозою приказали его выдать, отгадалъ, что согласится на это не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы колодой принцъ былъ помѣщенъ въ замкъ Эдинбурга, подъ призоромъ безупречнаго гувернёра, на котораго можно было бы по-

ложиться. Но вмѣсто того, чтобы стараться овладѣть сыномъ Дарр-лея, Ботвелъ принужденъ былъ защищать самого себя.

Королева оставила Эдинбургъ, народонаселеніе котораго было не очень расположено къ ней, и удалилась въ укрѣпленный замокъ Бортункъ, мѣстопробываніе лорда Крукстона, находившійся въ двухъ миляхъ отъ столицы королевства. Она предписала собрать феодальную армію для похода противъ *пограничниковъ*, возмущавшихъ безпрестанно провинцію Лидисдэль. Никто не отвѣчалъ на призывъ, и Ботвелъ, назначенный предводителемъ экспедиціи, нѣсколько разстроенный, возвратился къ королевѣ въ Бортункъ. Союзные лорды воспользовались этимъ случаемъ, и не только выказали свое неповиновеніе, но даже явно начали возстаніе. Графы: Мортонъ, Маръ, Гленкэрнъ, Монтрозъ, лорды: Юмъ, Лидсэй, Рутвенъ, Сэнкуаръ, Семплъ, Керкалди-Гранджъ, Тулларбардинъ, Лочливнъ собрали двѣ тысячи всадниковъ, и отправились къ замку Бортункъ. Лордъ Юмъ первый прибылъ туда съ восьмьюстами человекъ, 10 іюня; онъ надѣялся захватить здѣсь Ботвеля, но тотъ бѣжалъ, узнавъ о его приближеніи. Королева, переодевая мужчиною, въ этотъ же вечеръ выѣхала изъ замка, и, догнавъ верхомъ Ботвеля, ожидавшаго ее въ нѣкоторомъ разстояніи, отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ Дэнбаръ, куда и прибыла въ три часа утра.

Союзники, испытавъ неудачу въ своемъ предпріятіи противъ Бортунка, отправились по дорогѣ къ Эдинбургу. Усиленные толпами, которыя присоединились къ ихъ маленькому отряду, они вступили, 11, въ столицу королевства, въ числѣ около трехъ тысячъ человекъ. Здѣсь жители приняли ихъ сторону. Графъ Гэнтли, лордъ Клавдій Гамильтонъ, архіепископъ Сентъ-Андре, аббатъ Кильвеннингъ и епископъ Росскій, занимавшіе городъ, бѣжали въ замокъ, порученный Ботвелемъ охраненію Джемса Бальфѣра, который начиналъ уже колебаться, и не велѣлъ своей артиллеріи стрѣлять въ союзниковъ. Последніе, черезъ часъ по вступленіи въ Эдинбургъ обнародовали слѣдующую прокламацію: «Такъ какъ ея королевское величество задержана въ плѣну, и въ настоящее время некому управлять государствомъ и преслѣдовать убійцъ ея мужа,—мы, принадлежащіе къ членамъ дворянства и совѣта, повелѣваемъ всѣмъ подданнымъ вообще и гражданамъ Эдинбурга въ особенности, помогать дворянству и совѣту въ освобожденіи королевы, охраненіи принца и преслѣдованіи убійцъ короля. Мы повелѣваемъ также *лордамъ сессіи* и всѣмъ прочимъ судьямъ, держать засѣданія и судить по законамъ королевства, не обращая вниманія на смуты, которыя могутъ возникнуть при совершеніи этого. Всѣ, кого замѣтятъ въ поступкахъ, противныхъ этимъ приказаніямъ, будутъ сочтены потворщиками упомянутаго убійства, и наказаны какъ измѣнники.» На другой день, по присоединеніи къ нимъ Атоля и Летнигтона, они отдали приказъ приготовиться къ тремъ часамъ въ походъ противъ графа Ботвеля, «который, говорили они, убивъ короля, овладѣвъ королевою и принудивъ ее къ безчестному браку, собираетъ теперь силы для того, чтобы забавиться отъ юнаго принца убійствомъ.»

Датчанъ дѣйствительно не терять времени. Едва только королева прибыла въ Данбаръ, какъ объявила союзнымъ лордамъ изменники, и маршевала подъ свое знамя всѣхъ оставшихся у нея приверженцевъ. Собравъ въ теченіе двухъ дней двѣ тысячи пять сотъ чело-вѣкъ, Марія Стюартъ и Ботвелъ выступили противъ союзниковъ, боясь, что послѣдніе сдѣлаются сильнѣе, если имъ дать только для того время. Въ субботу, 14 іюня, они выѣхали изъ Данбара, и по-ехали въ Ситонъ; между тѣмъ какъ войска ихъ провели ночь въ городѣ Престонъ. На другой день они снова отправились въ походъ, и когда дошли до Гледсмуръ,—королева приказала прочесть передъ своею маленькою арміею прокламацію, въ которой, опровергая обви-ненія союзниковъ, она говорила: «что небольшое число заговорщи-ковъ обнаружали злобу, которую они питали противъ нея и герцога Оркнейскаго, ея мужа, и не успѣвъ овладѣть ихъ особами въ Бортуикъ, хотятъ теперь увѣрить народъ, что они ищутъ мести за смерть короля, ея прежняго мужа, желаютъ выручить ее изъ плѣна и по-мѣшать герцогу овладѣть ея сыномъ. Но это, прибавляла она, недо-стойныя выдумки. Она болѣе, чѣмъ кто нибудь имѣла причинъ истить за смерть короля, и сдѣлала бы это, если бы могла уз-нать виновниковъ ея. Герцогъ, ея настоящій супругъ, ничего не упустилъ изъ виду, чтобы доказать свою невинность; судъ оправ-далъ его; парламентъ утвердилъ оправданіе; самые предводители это-го возмущенія письменно признали его невинность, и онъ предло-жилъ съ оружіемъ въ рукахъ доказывать ее. Что же касается до ея небывалаго плѣна, то онъ предъ лицомъ всѣхъ подданныхъ ея опровергается торжественнымъ бракомъ, въ который она вступила по согласію и даже по приглашенію самыхъ возмутителей, которые, изъ желанія прикрыть свою измѣну, представляютъ себя защитниками принца, сына ея, ребенка, въ вѣрному ихъ же охраненію; въ самомъ же дѣлѣ они хотятъ только уничтожить ее и ея потомство, чтобы управлять всѣмъ въ государствѣ, по своему желанію и безъ всякаго контроля.» Чтобы поощрить вѣрность своихъ войскъ и увеличить ихъ число, она обѣщала раздѣлять между ними земли и владѣнія бунтов-щиковъ, соотвѣтственно храбрости и заслугамъ каждаго воина. Вер-хотъ, предшествуемая знаменемъ Шотландіи, въ короткомъ крас-номъ плащѣ, королева, къ которой присоединились лорды Ситонъ, Вестеръ и Бортуикъ, повела свою армію къ холму Карберри-Гилль, находящемуся въ шести миляхъ на западъ отъ Эдинбурга, гдѣ и расположилась лагеремъ.

Союзные лорды, узнавъ, въ субботу около полуночи, о ея походѣ, въ воскресенье, въ третьемъ часу утра, выступили изъ Эдинбурга, и отправились къ ней на встрѣчу. Въмѣсто шотландскаго льва на ихъ знамени изображено было убійство Дарнаелъ. Рядомъ съ трупомъ ко-роля, лежащимъ подъ деревомъ, былъ представленъ его маленькій сынъ, стонущій на колѣняхъ и восклицавшій: *о Боже, будь моимъ судьею и мстителемъ!* Видъ этого зловѣщаго знамени растрогалъ жителей Эдинбурга, и въ высшей степени воспламенилъ воиновъ союзной арміи. Оба войска сошлись довольно рано: армія лордовъ, расположилась на

веръношности Мэссольбурга, въ разстояніи полунини отъ шотландской. Обѣ онѣ занимали довольно сильныя позиціи, раздѣлялись между собою маленькимъ ручьемъ, и были почти равны числомъ, но различны по своему составу и по духу, оживлявшему ихъ. На сторонѣ королевы почти совсѣмъ не было дворянства, его мѣсто занимали ненадежныя слуги и солдаты, напуганные общимъ оужденіемъ дѣла, за которое они стояли; на сторонѣ же противника — самые сильнѣйшіе вельможи королевства; войска, одушевленные пламеннымъ фанатизмомъ, и надеждою низвергнуть честолюбца и назначить убійцу.

Въ то время, какъ обѣ арміи находились въ виду другъ друга, французскій посланникъ, дю-Крокъ, прибылъ предложить посредничество отъ имени своего государя. Онъ отправился прежде въ лагерь союзниковъ; на его примирительныя предложенія лорды отвѣчали, что во избѣжаніе пролитія крови они готовы, если королева оставитъ несчастнаго, который овладѣлъ ею, признать ее, служить ей и остаться самыми вѣрными ея подданными; и что если Ботвелъ хочетъ выступить на середину между обѣими арміями, то и въ ихъ рядахъ найдется кто нибудь, который ему докажетъ, что онъ дѣйствительно убійца покойнаго короля; если же онъ захочетъ вызвать дюкхъ, четверыхъ, десять, двѣнадцать, то найдется и столько. Дю-Крокъ изложилъ имъ, что съ неудовольствіемъ берется передать оба эти предложенія; во-первыхъ потому, что королева по его мнѣнію не согласится оставить Ботвела, и во-вторыхъ потому, что она ни въ какомъ случаѣ не дозволитъ этого необыкновеннаго поединка. Но лорды съ твердостью возразили ему, что имъ не остается ничего больше дѣлать, и что они охотнѣе согласятся быть живо потребными, чѣмъ оставить нераскрытою тайну смерти короля.

Тогда французскій посланникъ, удаляясь отъ нихъ почти безъ всякой надежды, отправился подъ небольшимъ прикрытіемъ къ аванпостамъ королевской арміи, и явился къ Маріи Стюартъ. Онъ нашелъ ее на небольшомъ курганѣ, очень одушевленную и исполненную рѣшительности. Поцѣловавъ ей руку, онъ передалъ ей слова мира, и сталъ говорить въ пользу людей, которые хотя и находились противъ нея, однако же были ея подданными и еще теперь выказывали себя самыми покорными, самыми преданными слугами ея. Прервавъ его на этихъ словахъ, она съ живостію отвѣчала: «они худо доказываютъ это, вооружаясь противъ того, что утвердили прежде своею полнатою, и обвиняя теперь человѣка, котораго прежде сами оправдали и за котораго меня выдали замужъ.» Однако же она прибавила, что если они возвратятся къ своему долгу и попросятъ у нея пощады, то она готова открыть имъ свои объятія. Въ эту минуту подошелъ Ботвелъ: «Не на меня ли они злятся?»—спросилъ онъ дю-Крока громкимъ голосомъ, такъ, что войска могли его слышать. — Я сейчас только говорилъ съ ними, отвѣчалъ дю-Крокъ, также громко, и онъ увѣрилъ меня, что всегда останутся самыми покорными подданными и слугами королевы, и, прибавилъ онъ тихо, если вамъ угодно это знать, вашими смертельными врагами. — Что же и сдѣлать имъ, возразилъ Бот-

вѣдъ, тѣмъ же тономъ и съ прежнею увѣренностію, какъ бы для того, что передать ее людямъ, которые могли его слышать, и обладали ею далеко не въ равной съ нимъ степеніи. — Я никогда не сдѣлалъ неудовольствія ни одному изъ нихъ; напротивъ, я во всемъ совѣтовался съ ними. Они ноступаютъ такъ изъ зависти къ моему величію. Но fortuna свободна въ распредѣленіи даровъ своихъ, и между ними каждый желалъ бы занять мое мѣсто. — Онъ съ своей стороны предложилъ поединокъ, чтобы избѣжать пролитія крови, не смотря на то, что онъ мужъ королевы; при этомъ онъ требовалъ только, чтобы противникъ его былъ человекъ равнаго съ нимъ происхожденія. Но королева воспротивилась этому, говоря, что не можетъ допустить поединка, и что считаетъ его дѣломъ своимъ.

Въ продолженіе этого разговора союзная армія тронулась, и перешла ручей, отдѣлявшій ее отъ арміи королевской. Вотвелъ оставил дю-Крока, чтобы занять мѣсто въ главѣ своихъ; и дю-Крокъ, протискиваясь съ королевою, возвратился къ союзникамъ, чтобы сдѣлать еще послѣднюю попытку. Онъ предложилъ Мортону и Гленкэрну прощеніе ихъ государыни, съ условіемъ, чтобы они возвратились къ своему долгу. «Мы пришли сюда не затѣмъ, отвѣчалъ Гленкэрнъ, чтобы вымаливать себѣ прощеніе, но скорѣе за тѣмъ, чтобы дать его людямъ совершившимъ преступленіе. Мы вооружились, прибавилъ Мортонъ, не противъ королевы, но противъ герцога Оркейскаго, убійцы ея супруга. Пусть онъ будетъ выданъ намъ, или пусть ея величество удалитъ его отъ себя, — мы станемъ повиноваться ей». За тѣмъ они надели свои шлемы, не желая больше слушать дю-Крока, который отаривался обратно въ Единбургъ.

Обѣ арміи спѣшилися передъ битвою, и оставили лошадей въ сторону, по обычаю края. По мѣрѣ приближенія союзниковъ, среди королевскихъ войскъ усилялись крики, требовавшіе, чтобы приказано было средство къ избѣжанію битвы. Герцогъ былъ удивленъ этимъ, а королева встревожена. Скоро послышались требованія, чтобы герцогъ прекончилъ споръ одинъ - на - одинъ съ какимъ нибудь бойцомъ изъ среды союзниковъ. Вотвелъ согласился на это безъ малѣйшаго колебанія; и даже королева, видя, что войска робѣютъ, казалось не намѣрена была долѣе сопротивляться этому. Лэрль Туллибардинъ принялъ вызовъ отъ имени лордовъ; но онъ былъ отвергнутъ Марією Стюартъ, какъ, человекъ, недостаточно знатный. Вотвелъ избралъ тогда Мортонъ, который приготовился сразиться съ нимъ пѣшіи и на шагахъ; между тѣмъ безстрашный Линдсэй оспаривалъ эту честь, на которую онъ предъявлялъ свой права, какъ слуга умерщвленнаго короля. Мортонъ, уступивъ ему мѣсто, вооружилъ его знаменитою шпагою, которую прославилъ дѣдъ его Арчибальдъ Bell-the-cate *; и Линдсэй, ставъ на колѣни, въ присутствіи всего войска, молилъ Бога укрѣпить его руку, и громко произнесъ: «да сохранитъ Его милосердіе невиннаго

* *Принадлежитъ кельтскъ колокольчикъ, прозвище, данное Арчибальду, графу Ангуса, при Яковѣ III.*

и да поразитъ Всѣ правосудіе порочнаго убійцу, проливающаго кровь короля».

Но Ботвелъ не успѣлъ еще выпросить у Маріи Стюартъ, — которая боялась подвергнуть его этому сомнительному испытанію, — позволенія вступить въ борьбу съ своимъ фанатическимъ противникомъ изъ среды союзниковъ, какъ въ рядахъ королевской арміи уже началось разстройство. Въ продолженіе всѣхъ этихъ переговоровъ отряды перемѣшались, и солдаты королевы стали дезертировать. Лэрдъ Гранджъ, съ искусствомъ воспользовавшійся безпорядкомъ, происшедшимъ въ рядахъ непріятелей, обогнулъ возвышенность Карбери и съ сильнымъ отрядомъ войскъ появился на восточной сторонѣ, съ цѣлю отрѣзать герцогу отступление въ Дэнбаръ. Замѣтивъ это, почти вся королевская армія разсѣялась, и вокругъ королевы и Ботвеля осталось только около шестидесяти человѣкъ дворянъ и гвардейскіе стрѣлки.

Въ этой крайности королева, не имѣя возможности сразиться, и потерявъ даже надежду спастись бѣгствомъ, рѣшилась спасти, по крайней мѣрѣ, любимаго человѣка. Она послала лэрда Ормистова за лэрдомъ Гранджемъ. Сэръ Уильямъ Каркэльдъ подѣхалъ къ ней и сказалъ, что вельможи возвратятъ ей свое повиновеніе, если человѣкъ, находящійся около нея и виновный въ умерщвленіи короля, будетъ удаленъ, и если она согласится послѣдовать за ними въ Эдинбургъ. Тогда королева обѣщала оставить герцога и отдаться во власть лордовъ, если они поклянутся снова въ своей вѣрности къ ней. Предложеніе было торжественно принято союзниками. Послѣ этого Марія имѣла на возвышенности Карбери особое свиданіе съ Ботвелемъ, на которомъ упросила его удалиться. Что же говорили они въ это послѣднее свиданіе? Видно было, что они говорили съ большимъ волненіемъ, и потомъ расстались въ *сильной скорби и гореваніи*. «Подъ-конецъ, говоритъ одинъ свидѣтель сцены, герцогъ спросилъ у королевы, будетъ ли она сохранять вѣрность, въ которой клялась ему. Она его увѣрила въ этомъ. Потомъ онъ пожалъ ей руку на прощанье и удалился верхомъ, сопровождаемый человѣками двѣнадцатю всадниковъ и друзей своихъ; всѣ они галопомъ отправились по дорогѣ къ Дэнбару.» Ботвелъ расстался съ Марією Стюартъ навсегда.

Послѣ этой жертвы, которую Марія не считала до такой степени тяжелою, она съ печальнымъ, но увѣреннымъ видомъ подѣхала къ лэрду Гранджу, и сказала ему, что отдается въ его руки, на заранее назначенныхъ и принятыхъ условіяхъ. Послѣ того она протянула ему руку, которую онъ поцѣловалъ почтительно, и, взявъ подъ уздцы ея лошадь, повелъ ее въ ряды союзниковъ; послѣдніе оказали ей большее уваженіе и покорность. «Милорды, сказала она имъ, я прихожу къ вамъ вовсе не изъ страха за свою жизнь, но потому что не могу видѣть пролитія христіанской крови, и особенно крови моихъ собственныхъ подданныхъ. Отнынѣ я намѣрена руководиться вашими совѣтами, надѣясь, что вы будете поступать со мною съ тѣмъ уваженіемъ, которымъ обязаны мнѣ, какъ вашей закон-

ней королевы и новоподданницы.» Она появилась сначала между ними как истинная королева и дворяне приняли ее, стоя на когѣ, вѣдь. «Государыня, сказалъ Мортонъ, здѣсь то мѣсто, на которомъ должны находиться ваше величество, и здѣсь мы готовы защищать васъ и повиноваться вамъ съ тою же вѣрностію, какою отличалось дворянство этой страны въ отношеніи къ вашимъ предкамъ». Лорды, для которыхъ могущество Ботвелля значило больше, нежели его преступленіе, были, удовлетворены его паденіемъ и обнаруживали въ отношеніи къ королевы чувства, вполне согласныя съ своими обѣщаніями и ея надеждами. Солдаты, которыхъ удовлетворить было не такъ легко, въ порывѣ своего грубаго самозванства и неудовольствія, исполненнаго ненависти, встрѣтили королеву ругательствами; но лэрдъ Гранджъ съ обнаженною шпагою бросился къ нимъ и заставилъ ихъ замолчать.

Однакоже расположеніе лордовъ измѣнилось довольно скоро, и чрезъ нѣсколько времени ихъ поступки уже нисколько не соотвѣтствовали словамъ ихъ. Между тѣмъ какъ Джемсъ Бальфёръ, креатура и соучастникъ Ботвелля, оставаясь нейтральнымъ во время борьбы, объявилъ себя на сторонѣ побѣдившихъ союзниковъ, послѣ совѣщанія съ Лейтингтономъ въ Единбургскомъ замкѣ, которое продолжалось три часа, Гамилтъоны, оставшіеся вѣрными Ботвеллю и королевы, собрали войска. Предводительствуя довольно значительными силами, они дошли до Линдсгау. Марія Стюартъ, думая, что она можетъ дѣйствовать по своей воли, которую все еще считала всесильною, потребовала, чтобы ей дозволили переговорить съ ними. Лорды отказали ей въ этомъ, боясь доставить ей средства снова начать войну и возвратитъ Ботвелля. Этотъ отказъ показалъ ей все неблагоуразуміе принятаго ею рѣшенія, и она осыпала лордовъ упреками въ вѣроломствѣ, въ томъ, что они измѣняютъ своимъ обѣщаніямъ и вступаютъ съ нею не какъ съ королевою, а какъ съ плѣнницею. Умекшись своимъ гнѣвомъ, она подозвала Линдсэя, и спросила у него руку. Линдсэй подалъ. «Рукою, которая теперь находится въ вашей, сказала она, я сниму вашу голову за это». Эта неблагоуразумная угроза, которую она повторила графамъ Мортону и Атолю, сказавъ, что прикажетъ повѣсить ихъ, еще болѣе отяготила ея печальное положеніе.

Съ этой минуты она сдѣлалась уже дѣйствительною плѣнницею лордовъ, которые привезли ее въ Единбургъ. Предшествуемая знаменемъ, изображавшимъ умерщвленіе короля, она вѣхала въ столицу въ десять часовъ вечера, и собравшіеся жители встрѣчали и провожали ее проклятіями. Ее помѣстили у городского старшины, не допустивъ къ ней даже прислужницъ ея. Она не хотѣла принимать никакой пищи, хотя не ѣла цѣлые сутки. Она была въ отчаяніи. Въ эту самую ночь, она открыла окно своей комнаты и стала призывать къ себѣ на помощь. На другой день утромъ съ варварскою жестокостію съ улицы подвѣли наравнѣ съ окномъ знамя, изображавшее печальное лицо ея мертваго мужа и фигуру сына, который проситъ о милости. При этомъ зрѣлищѣ, растерявшаяся, вѣдъ

себя, она бросилась къ окну, не одѣтая, съ распушонными волосами, какъ безумная, испуская крики и умоляя народъ именемъ Божиимъ вырвать ее изъ рукъ мучителей, которые угнетаютъ ее. «Никто, говорятъ свидѣтели этой раздирающей сцены, не могъ смотрѣть на нее безъ состраданія.»

Лорды, боясь народнаго непостоянства и волненій, отправились къ огорченной Маріи Стюартъ; чтобы успокоить ее, они подали ей надежду, что она будетъ выпущена на свободу и помѣщена въ своемъ дворцѣ Голирудъ. Но ихъ намѣренія были не таковы. Непреодолимая привязанность къ Ботвелю, котораго она не забывала вовсе, внушила лордамъ живѣйшія опасенія. Если вѣрить Мельвилю, они имѣли въ своихъ рукахъ письмо, написанное ею къ Ботвелю, въ которомъ она называла его: *мое милое сердце*; это письмо она вручила одному изъ приставленныхъ къ ней стражей, и обѣщала наградить его деньгами, если онъ доставитъ его въ Данбаръ. Она писала въ этомъ письмѣ, что никогда не оставитъ Ботвеля; что принуждена теперь только на время разлучиться съ нимъ, для того чтобы защитить его отъ опасностей, которыя ему грозили; она просила его утѣшиться и быть осторожнымъ. Тѣ же чувства къ Ботвелю она выразила съ самымъ пламеннымъ увлеченіемъ, говоря въ тотъ же день съ Летингтономъ. Она съ горечью упрекала лордовъ за то, что они разлучили ее съ мужемъ, съ которымъ она была бы счастлива, если бы могла *жить и умереть вмѣстѣ*; она просила при этомъ, *чтобы ихъ обоихъ посадили на корабль и пустили бы на произволъ судьбы*. Такая упорная страсть Маріи Стюартъ къ Ботвелю, увѣренность союзниковъ въ томъ, что она захочетъ опять соединиться съ нимъ и возобновить войну, какъ только получитъ свободу; и ея угрозы по восстановленіи своей власти *перевѣшивать и распять союзныхъ лордовъ*, заставили послѣднихъ забыть о состраданіи, и окончательно сдѣлали ея положеніе безнадежнымъ. Они рѣшились заключить и низложить ее.

Въ восемь часовъ вечера изъ дома градоначальника ее перевели во дворецъ Голирудъ. Она шла пѣшкомъ между Атолемъ и Мортонномъ, въ сопровожденіи Фрейлинъ Семплъ и Ситонъ, подъ конвоемъ изъ трехъ сотъ стрѣлковъ. Послѣ этого собрался совѣтъ, и лорды рѣшились прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Имъ составленъ былъ объяснительный актъ, въ которомъ они изложили все, происшедшее послѣ позорнаго и ужаснаго умерщвленія короля и послѣ безправственнаго и постыднаго замужства королевы съ графомъ Ботвелемъ, который былъ *главнымъ убійцею*; тутъ была указана необходимость, заставившая дворянство поднять оружіе во имя мести за это преступленіе, въ защиту жизни наследнаго принца и для избѣжанія собственной гибели и совершеннаго разрушенія государства; были упомянуты также и добровольная сдача королевы подъ Карберри-Гилемъ, и бѣгство Ботвеля, не принявшаго вызова. Далѣе въ этомъ актѣ говорилось: «Показавъ ея величеству ея собственное положеніе, жалкое состояніе государства и опасность, въ которой находился драгоценный принцъ, сынъ ея; испросивъ у нея согласіе и приказаніе

повелевъ убійца, — ны встрѣтили въ ней упорное сопротивленіе въ этомъ отношеніи, изъ котораго и явствуетъ, что она поддерживается сказаннаго Ботвеля и соучастниковъ его злодѣшій, и что если ея величество сохранитъ въ своихъ рукахъ правленіе государствомъ, то снова отдастся своей неприличной страсти, которая приведетъ ее къ окончательному разстройству и гибели всего королевства. Въ слѣдствіе этого, по зрѣломъ размышленіи и съ общаго согласія, мы нашли приличнымъ и необходимымъ воспретить ея величеству всякія сношенія со сказаннымъ графомъ Ботвелемъ, и удалить ее отъ всѣхъ, кто можетъ имѣть таковыя съ нимъ, безъ чего онъ можетъ найти средства избѣгнуть заслуженнаго наказанія. Находя замокъ Лочливъ самымъ приличнымъ и самымъ удобнымъ жилищемъ для ея величества, мы предписываемъ и повелѣваемъ, дабы Патрикъ лордъ Линдсей-Вагиръ, Уильямъ лордъ Рутвенъ и Уильямъ Дугласъ Лочливъ, проводили туда особу ея величества, заключили ее тамъ и охраняли въ безопасности, не дозволяя ей никуда выходить и не допуская имѣть сношенія съ кѣмъ бы то ни было, или пересылать извѣщенія или приказанія къ кому бы то ни было, иначе, кромѣ только въ ихъ присутствіи, или черезъ нихъ и черезъ членовъ Эдинбургскаго совѣта. Они отвѣчаютъ передъ Богомъ. Этотъ актъ они имѣютъ считать своимъ увольномочіемъ.»

Во исполненіе этого указа, который подписали, Атоль, Гленкарнъ, Мортонъ, Маръ, Грегемъ, Сенкуаръ, Спирайль и Очильтри, несчастная Марія, въ ночь на 17 іюня, была исторгнута изъ дворца своихъ предковъ, и на скверной лошаденкѣ подъ присмотромъ суровыхъ Линдсея и Рутвена, отвезена въ замокъ Лочливъ. Этотъ замокъ, по своему неприступному и совершенно уединенному мѣстоположенію, соотвѣтствовалъ дѣламъ союзниковъ. Онъ находился среди озера, обнижавшаго его со всѣхъ сторонъ на полмили въ окружности. Онъ принадлежалъ Уильяму Дугласу, брату Мюррѣя по матери. Пѣнная королева была помѣщена здѣсь подъ надзоромъ женщины чрезвычайно ненавидѣвшей ее; это была Маргарита Эркинъ, мать Уильяма Дугласа, нѣкогда любовница короля Іакова V. Когда-то красавица, теперь старуха, но по прежнему высококобреная и гордая, — младшая Лочливна имѣла отъ отца Маріи Стюартъ сына, который, по ея мнѣнію, былъ законнымъ наследникомъ шотландскаго престола. Она была дочь лорда Эркина, но при существовавшемъ въ то время разращеніи нравовъ въ Шотландіи, считала себя законною женою короля и вслѣдствіе этого смотрѣла на Марію Лотарингскую какъ на свою соперницу, отнявшую у нея сердце Іакова V, а на Марію Стюартъ — какъ на причину, по которой Мюррѣй былъ лишенъ принадлежавшаго ему сана и наследства. Съ воспоминаніями оскорбленной гордости и обманутаго честолюбія она соединяла въ себѣ еще увлеченія фанатической набожности. Она была ревностной пресвитеріанкой. Ея дочь будемъ звать за лордомъ Линдсеємъ, а сынъ Уильямъ былъ ближайшимъ наследникомъ графа Мортонна. Ея характеръ, вѣрованія, родство, ненависть, дѣлали изъ нея самую благонадежную охранительницу пѣнной королевы.

Заточеніе королевы собственными подданными базисъ пренебреженіемъ необыкновенныя, даже въ этотъ вѣкъ междуусобныхъ войнъ и религіозныхъ переворотовъ. Восстаніе противъ власти, рѣдко доходило до такой степени, чтобы подвергать заточенію лица, считавшееся священнымъ хранителямъ ея. Однакоже, не смотря на свою чудовищность, этотъ дерзкій поступокъ не встрѣтилъ въ Шотландіи ни сильнаго порицанія, ни серьезнаго сопротивленія. Странное, безразсудное, предосудительное поведеніе Маріи Стюартъ отняло у нея всѣхъ приверженцевъ. Смерть Дарналя и бракъ съ Ботвелемъ, погубили ея доброе имя; безграничная привязанность ея къ этому убійцѣ и ссыльному, уничтожила всякую возможность примиренія между нею и союзными лордами. Угнетаемая своими торжествующими противниками, она не получала дѣйствительной помощи отъ утраченныхъ приверженцевъ своихъ. Хотя послѣдніе и собрались въ Дамбартонъ какъ бы для выкупа ея, съ цѣлю къ ея освобожденію, однакоже не только не предприняли ничего, въ ея пользу, но даже и сами, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, готовы были измѣнить ей. И такъ она была покинута всими въ странѣ государствъ; но получила ли она какую нибудь помощь, по крайней мѣрѣ отъ иностранныхъ государей?

Въ ея лицѣ, какъ въ лицѣ королевы, были оскорблены всѣ государи. Подданные, подвергающіе заключенію свою государыню служили страшнымъ примѣромъ для коронованныхъ особъ. Это совѣщали во многихъ кабинетахъ, но большая часть изъ нихъ не обращала вниманія на эти отдаленныя событія, отвлекаясь отъ нихъ своими частными, болѣе близкими интересами. Филиппъ II не находился еще съ Марією Стюартъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ, которыя сдѣлали изъ этой преслѣдуемой и сверженной съ трона королевы религіозную кліентку его короны и союзницу его политическихъ видовъ; къ тому же въ это время онъ старался подавить начинавшееся возстаніе Нидерландовъ, куда онъ отправилъ герцога Альбу съ сильнымъ войскомъ, что стоило ему значительныхъ издержекъ. Катерина Медичи и ея сынъ Карлъ IX были снова заняты междуусобіями во Франціи. Они не могли подать помощь Маріи Стюартъ, еслибы даже и хотѣли этого. Но они вовсе не были расположены къ тому, потому что хотя и сочувствовали ея несчастіямъ, но это сочувствіе было парализовано ея безразсудствами и заблужденіями. Оставалась Елизавета, Гордая мнѣнія этой государыни о неприкосновенности королевской особы должны были возбудить въ ней сильное негодованіе противъ дерзости союзныхъ лордовъ, бывшей по ея понятіямъ, совершеннымъ святотатствомъ. Но съ другой стороны ея жестокость и недоувѣрчивость къ королевѣ, възымавшей притязаніе на ея престолъ и пользовавшейся сочувствіемъ ея подданныхъ католическаго исповѣданія, препятствовали ей возстановить за тронъ несчастную, паденію которой она сама прежде способствовала. Поэтому она колебалась между своими убѣжденіями и своею враждою, и то говорила съ величіемъ королевы, то поступала какъ непризнанная соперница.

Она отослала обратно въ Шотландію Роберта Мельвила, бывшаго при ней уполномоченнымъ Маріи Стюартъ и въ тоже время тайнымъ конферансье возмущившихся лордовъ. Мельвилъ согласился содѣйствовать друличной политикѣ Елизаветы, и она поручила ему передать Лочливской влѣнницѣ свое дружеское письмо, наполненное утѣшеніями, и въ тоже время увѣрить въ своемъ сочувствіи возставшихъ лордовъ. Онъ прибылъ въ Единбургъ 29 іюня, черезъ двѣнадцать дней по заключеніи Маріи Стюартъ, положеніе которой, сдѣлалось еще опаснѣе, вслѣдствіе недавняго открытія. 20 іюня, Джорджъ Дальглишъ, камердинеръ Ботвеля, былъ задержанъ со шкатулкой, которую хотѣлъ, безъ сомнѣнія, доставить въ Дэнбаръ; въ ней содержались письма, заключавшія страстные признанія и въ тоже время сильно обвинявшія Марію Стюартъ. Эта шкатулка, серебряная съ золотыми никрустаціями, украшенная вензелемъ Франциска II, была подарена этимъ государемъ Маріи, которая въ свою очередь, подарила ее Ботвелю. Послѣдній держалъ въ ней собственноручныя письма, которыя посылала ему королева до и послѣ убійства короля, ее страстные посланія къ нему въ стихахъ и брачный контрактъ, утвержденный ею подписью гораздо раньше похищенія, устроеннаго имъ при Альмондъ-Бриджѣ. Ботвель, безъ сомнѣнія, сохранялъ эти документы какъ залогъ, обезпечивавшій ему постоянство королевы. Онъ оставилъ эту таинственную шкатулку въ Единбургскомъ замкѣ на сохраненіе двоимъ своимъ соучастникамъ, Джорджу Дальглишу и Джону Бальфору. Случайно ли, или вслѣдствіе извѣстныхъ презрѣннаго Бальфора, перешедшаго, подобно многимъ другимъ, на сторону союзниковъ, подъ предлогомъ наказанія за преступленіе, въ которомъ они сами участвовали, Дальглишъ былъ схваченъ вмѣстѣ съ бумагами, которыя несъ. Паури, привратникъ Ботвеля, подвергся той же участи. На допросахъ 23 и 26 іюня они открыли передъ судомъ весь ходъ заговора противъ жизни короля. Показанія этихъ двухъ слушателей Ботвеля дали возможность еще съ большею увѣренностію преслѣдовать этого важнаго преступника, и лорды тайнаго совѣта приказали схватить его въ Дэнбарѣ и привести въ Единбургъ, чтобы здѣсь наказать, какъ убійцу короля. Въ тоже время какъ признаніе Дальглиша и Паури уничтожили всякое сомнѣніе въ виновности Ботвеля, бумаги, найденныя въ серебряной шкатулкѣ, послужили противъ королевы страшнымъ оружіемъ для людей, желавшихъ обвинить и погубить ее. Таково было положеніе дѣлъ, когда Робертъ Мельвилъ снова появился среди союзниковъ.

Мельвилъ, передавшій Елизаветѣ намѣреніе лордовъ тайнаго совѣта, сообщилъ послѣднимъ, что королева англійская одобряетъ и поддерживаетъ ихъ «въ этомъ благородномъ предпріятіи». Послѣ того онъ отправился въ Лочливнъ. 1 іюля онъ вручилъ Маріи Стюартъ письмо Елизаветы, въ присутствіи Лидса и Рутвуда. Считая его все еще вѣрнымъ и преданнымъ слугою своимъ, Маріа Стюартъ горько жаловалась, что ей не позволяютъ переговаривать съ нимъ наединѣ. За порученіемъ сдѣланнымъ Мельвилу почти непосредственно слѣдовало новое посольство Елиза-

веты, илѣвшее совсѣмъ другую цѣль. Она поручила Николаю Трокмортону хлопотать объ освобожденіи Маріи Стюартъ и объ условномъ возстановленіи ея власти. Она поняла, безъ сомнѣнія, что зашла уже слишкомъ далеко, и поступаетъ столько же противъ убѣжденій своихъ, сколько и во вредъ своимъ интересамъ. Въ сущности чего ей было нужно? Чтобы Шотландія оставалась въ настоящихъ безпокойствахъ и безсиліи. Ей не нужно было ни полного возстановленія власти королевы, ни совершеннаго торжества лордовъ, управлявшихъ государствомъ отъ имени принца, находящагося еще въ дѣтствѣ. Въ первомъ случаѣ королева могла возобновить свои притязанія на наследство, во второмъ лорды могли обходиться безъ ея помощи. Что же она сдѣлала? Она предположила противопоставить королеву лордамъ, чтобы при ихъ постоянной борьбѣ сдѣлать необходимымъ свое вмѣшательство въ шотландскія дѣла, и чтобы съ помощью ихъ обоюдной слабости обезопасить себя на англійскомъ престолѣ.

Трокмортонъ получилъ приказъ осуждать Марію Стюартъ за ея замужество, а лордовъ за ихъ возмущеніе. Въ основаніе ихъ примиренія, онъ долженъ былъ предложить: разводъ королевы съ Вотвелемъ, ея освобожденіе и возстановленіе ея власти; преслѣдованіе Вотвела и его соучастниковъ; порученіе замковъ Данбара и Дамбартона вельможамъ партіи, противной Вотвелю; созваніе парламента, который долженъ былъ назначить пограничныхъ начальниковъ и губернаторовъ Единбурга, Стёрлинга, Инчкита и другихъ важнѣйшихъ мѣстъ государства; учрежденіе верховнаго совѣта, въ которомъ должны были присутствовать постоянно не менѣе пяти или шести членовъ, безъ совѣта или согласія которыхъ королева не должна была совершать никакихъ актовъ и не дѣлать никакихъ назначеній; наконецъ объявленіе общаго мира въ королевствѣ. Это былъ проэктъ раздѣленія власти между королевой и аристократіею. Елизавета упрочила бы такимъ образомъ раздѣленіе Шотландіи, и ея помощи искали бы попеременно то королева, имѣя въ виду ея мнѣнія о неприкосновенности королевской особы, то аристократія во имя ея политическихъ интересовъ.

Но одержавшіе побѣду лорды не расположены были соглашаться съ ея предположеніями. Посланникъ Трокмортонъ убѣдился въ этомъ немедленно по прибытіи въ Шотландію. Онъ имѣлъ по этому поводу въ замкѣ Фестъ-Кэстль свиданіе съ Летингтономъ, котораго сопровождали Джемсъ Мельвилъ и лордъ Юмъ, выѣхавшіе строемъ къ нему на встрѣчу. Шотландскій секретарь объяснилъ ему положеніе и намѣренія союзниковъ. Онъ жаловался на политическое непостоянство англійской королевы, говоря, что она «составляетъ ихъ въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ», и хочетъ погубить ихъ, требуя освобожденія Маріи Стюартъ. Выѣхавъ въ Единбургъ 12 іюля, въ сопровожденіи этихъ трехъ вельможъ и многочисленной свиты, Трокмортонъ нашолъ столицу королевства въ сильномъ броженіи, которое еще болѣе увеличилось чрезъ нѣсколько дней, когда собрался духовный совѣтъ протестантской церкви.

Ноксъ снова явился здѣсь. Убѣжавъ въ Англію послѣ убійства Ричію, онъ возвратился въ отечество, какъ только узналъ, что королева попала въ плѣнъ. Онъ предложилъ союзнымъ лордамъ поддержку пресвитеріанской партіи, если они признаютъ государственными законами постановленія парламента 1560 г., испривѣзанныя Марією Стюартъ. Его предложеніе было принято, и союзники рѣшились сокрушить послѣдніе оскѣтки католичества, возстановить церковныя имущество въ пользу новаго духовенства, которому поручить университеты, коллегіи и другія школы для воспитанія юношества, куда допускать неначе, какъ по удостовѣреніи въ способность и благочестіи, поступающаго, дать наслѣдному принцу воспитаніе въ духѣ протестантской религіи, подвергнуть преслѣдованію и наказанію убійцъ короля, и отнынѣ требовать отъ королей въ присягѣ, которую они даютъ при своемъ коронованіи, обѣщанія *поддерживать истинную религію, исповѣдываемую шотландскою церковью, и противиться всему, что не согласно съ нею.* На этомъ условіи возникъ самый тѣсный союзъ между представителями дворянства и начальниками церкви. Ноксъ съ суровою энергіей возсталъ противъ плѣнной королевы. Евангельская проповѣдь обратилась въ обвиненія, въ которыхъ Марія Стюартъ всенародно была объявлена виновною въ нарушеніи супружеской вѣрности и въ убійствѣ, и достойною самаго строгаго наказанія. Пресвитеріанскіе пасторы говорили противъ нея, въ своихъ сильныхъ проповѣдяхъ. Народъ, убѣжденный имъ, съ фанатическою жестокостію возставалъ противъ королевы. Къ строгимъ моралістамъ присоединились смѣлые публицисты, въ родѣ Бучанана, которые, опираясь на примѣры наслій, употребленныхъ противъ вѣкоторыхъ прежнихъ государей страны, считали возмущеніе подданныхъ поступкомъ, допускаемымъ законами Шотландіи. Вообще же они составляли партію мрачныхъ и дерзкихъ резонёровъ, презирающихъ поведеніе королевы, ненавидѣвшихъ ея исповѣданіе, не признававшихъ ея власти и громко требовавшихъ ея осужденія, низложенія и даже смерти. Соборъ пресвитеріанской церкви сдѣлался органомъ этихъ желаній, и провозглашалъ ихъ въ своихъ молитвахъ.

Къ счастью королевы не всѣ союзные лорды раздѣляли эти ужасныя убѣжденія. Самые умѣренныя изъ нихъ хотѣли только ея развода съ Вотвелемъ, и возстановленія ея власти. Таковы были желанія Летингтона и Мельвилей. Другіе, не столько снисходительные, такъ графы Атоль и Мортонъ, соглашались выпустить ее на свободу, но возвращая однакоже власти и заставить ее, отказавшись отъ короны въ пользу своего сына, удалиться во Францію. Наконецъ находились между ними и такіе, требованія которыхъ были гораздо строже: они вставали на томъ, чтобы предать Марію Стюартъ суду за убійство, открыто низложить ее и задержать въ вѣчномъ заточеніи. Рѣшено было попытаться сначала уговорить ее на разводъ съ Вотвелемъ; это могло смягчить лордовъ тайнаго совѣта, успокоить ихъ въ этомъ отношеніи.

Робертъ Мельвилъ два раза, 8 и 15 июля, ѣздилъ въ Дочландъ,

чтобы склонить ее на это. Ему было позволено говорить съ нею безъ свидѣтелей. Съ живѣйшимъ сочувствіемъ убѣждалъ онъ ее, для собственной же пользы, безопасности и чести, оставить Ботвелла и согласиться на преслѣдованіе, которому его хотятъ подвергнуть. Не она упорно отказывалась отъ этого, Она отвѣчала Мельвилю, что скорѣе откажется отъ престола, чѣмъ отъ Ботвелла; что чувствуетъ себя беременною и ни за что не согласится на разводъ, сдѣлающій незаконнымъ ребенка, котораго она должна произвести на свѣтъ. Не смотря на явное желаніе французскаго двора, новый посланникъ котораго, Вильруа, не былъ допущенъ къ ней; не смотря на спасительные совѣты Трокмортона, которому также не позволили видѣться съ нею; не смотря на возобновленныя убѣжденія Мельвиля, — Марія Стюартъ оставалась непоколебимою въ своей привязанности къ Ботвеллю; но она, казалось, была расположена ввѣрить управленіе королевствомъ брату своему Мюррэю, или совѣту, составленному изъ главнѣйшихъ лордовъ. Въ этомъ смыслѣ писала она къ предводителямъ союзниковъ, прося о своемъ перемѣщеніи въ Стерлингъ, гдѣ она могла, по крайней мѣрѣ, видѣть своего сына; она умоляла ихъ при этомъ, — если они уже не хотятъ повиноваться ей, какъ королевѣ, — не забывать, что она — мать ихъ принца и дочь ихъ короля. Она писала въ то же время къ Ботвеллю, и просила Мельвиля доставить ей письмо. Но Мельвиль не согласился, и она съ досадою бросила его въ огонь.

Упорство королевы, не хотѣвшей отдѣлать свою участь отъ участи Ботвелла, вооружило и привело въ раздраженіе всѣхъ вообще членовъ тайнаго совѣта. Они рѣшились, низложивъ ее, отнять у нея возможность вредить имъ въ послѣдствіи. Это низложеніе было ими приготовлено въ формѣ добровольнаго отреченія, уничтожавшаго власть Маріи Стюартъ, но не унижавшаго ее титула. Составлены были три акта, которые она должна была подписать. Первый заключалъ отреченіе отъ управленія королевствомъ; въ немъ говорилось, что она утомлена властью и отказывается отъ нея, какъ отъ бремени, котораго не имѣетъ ни силъ, ни желанія переносить долѣе; въ томъ же актѣ она должна была изъявить согласіе на коронованіе сына своего. Вторымъ и третьимъ актами регенство на время малолѣтства новаго короля передавалось въ руки Мюррэя, а за его отсутствіемъ для управленія государствомъ назначались: герцогъ Шателро, графы: Ленноксъ, Арджиль, Мортонъ, Атоль, Гленкирнъ, и Маръ, которые замѣняли также Мюррэя, если бы онъ отказался отъ управленія. Въ случаѣ же несогласія Маріи Стюартъ подписать эти акты, лорды рѣшились преслѣдовать ее: во первыхъ, за нарушеніе законовъ государства; во вторыхъ, за *невоздержанность* въ отношеніи къ Ботвеллю и другимъ; и въ третьихъ, за участіе въ умерщвленіи короля, ея супруга, доказанное, говорили они, *ея собственноручными письмами и другими свидѣтельствами.*

Утромъ 25 іюля суровый Линдсей и вкрадчивый Робертъ Мельвиль выѣхали изъ Эдинбурга и отправились въ Дочлинъ: первый везъ акты, долженствовашіе вѣнчать имя королевской подишя; второму

поручено было предупредить королеву об опасностях, которыхъ она подвергнется, если не подпишетъ этихъ актовъ. Мельвилъ прежде шёлъся съ королевой. Онъ передалъ ей все. Слѣдствіями ея отказа въ этотъ случай онъ представлялъ: огласку процесса, которая будетъ хуже отрѣченія, непримиримую ненависть къ ней лордовъ, ожидающее ее безславіе, потерю престола и даже возможность подвергнуть опасности свою жизнь. Мельвилъ не забылъ внушить при этомъ Маріи Стюартъ, что все, подписанное ею въ заточеніи, не будетъ имѣть никакой силы. Но при всемъ этомъ ему не удалось убѣдить ее. Пльнная королева находила, что для нея будетъ слишкомъ невыносимо и унижительно подписать собственный приговоръ и лишиться себя власти. Она сказала Мельвилу, что охотнѣе согласится отказаться отъ жизни, чѣмъ отъ престола. Однакоже грозившая ей опасность сильно потрясла ея душу, прошедшую по всемъ степенямъ благородной смѣлости и боязливаго унынія. Она еще колебалась, не рѣшалась ни подчиниться, ни сопротивляться, когда вошелъ Линдсей, съ тремя актами тайнаго совѣта. Молча онъ положилъ ихъ передъ королевой для подписи. Марія Стюартъ, какъ бы испуганная его присутствіемъ, взяла перо и, со слезами на глазахъ, не произнося ни слова, дрожащею рукою, подписала на нихъ свое имя. Линдсей велѣлъ королевской подлинси приказатъ приложить государственную печать; Томасъ Синклеръ исполнилъ это, но утверждалъ, что подпись королевы не имѣетъ значенія, потому что вынуждена у нея въ плѣну.

Послѣ этого насильственнаго отреченія королевы, лорды поспѣшили короновать ея сына. Они созвали въ Стёрлингъ къ 20 іюля всѣхъ, кому нужно было присутствовать при этой церемоніи и принести новому королю присягу въ вѣрности. Джемсъ Мельвилъ былъ посланъ къ Гамльтонамъ и католическимъ лордамъ, чтобы пригласить ихъ къ участію въ торжествѣ. Послѣдніе составляли довольно сильную партію. Собравшись въ Дэмбартонъ, они объявили, что желаютъ освободить королеву, и съ этою цѣлью составили bond, на которомъ подписались: архіепископъ Сентъ-Андре, графъ Арджиль, графъ Гентли, лордъ Арбротъ, епископы Галлоуэйскій и Росскій, аббатъ Кильвиннингскій, лорды Флемингъ, Герриэзъ, Скёрлингъ и У. Гамльтонъ Сэнчеръ. Однакоже за этимъ объявленіемъ не послѣдовало никакихъ мѣръ; они не предпринимали ничего для освобожденія плѣнницы и равнодушно смотрѣли на ея паденіе. Они не согласились присутствовать при коронаціи принца, хотя и говорили что не противятся ему, а только требуютъ, чтобы герцогу Шателро были оставлены права ближайшаго наследника престола. Посланникъ Елизаветы также отказался пріѣхать въ Стёрлингъ. Ему не удалось видѣть королеву и онъ не успѣлъ спасти ея власть ни благоразумными совѣтами, переданными ей самей, ни угрожающими предложеніями, которыя онъ дѣлалъ лордамъ тайнаго совѣта. Предвидя гнѣвъ своей государыни, когда она узнаетъ о такомъ пренебреженіи къ своему вліянію и о такомъ опасномъ насильіи, сдѣланномъ королевскому достоинству, онъ считалъ за лучшее держаться въ сторонѣ и ожидать ея приказаній.

Елизавета не заставляла его долго ждать. Въ письмѣ къ своему посланнику отъ 27 июля она съ крайней горячностью и энергіей вставала противъ проекта, принятаго лордами, хотѣвшими низложить королеву и короновать наследнаго принца Шотландіи. Она говорила, что ни законъ божескій, ни права человѣческія не позволяютъ имъ становиться такимъ образомъ повелителями, судьями и мстителями своей законной государыни. «Гдѣ они нашли въ священномъ писаніи, прибавляла она,—текстъ, позволяющій подданнымъ низложить своего государя? Не тамъ ли, напротивъ того, находятся слова апостола Павла, который въ своемъ посланіи къ римлянамъ повелѣваетъ *поклоняться высшимъ властямъ, носящимъ мечъ*? Въ какой христіанской монархіи видѣли они писанный законъ, въ силу котораго подданные могли бы захватить въ свою власть особу своего государя, подвергнуть ее заключенію, привлечь ее къ суду? Мы увѣрены, что подобный порядокъ не можетъ существовать въ дѣлахъ государственныхъ. Не имѣя права ссылаться ни на священное писаніе, ни на законъ, они тщетно указываютъ на нѣкоторые примѣры, упоминаемые въ ихъ матежныхъ балладахъ; на эти примѣры можно смотрѣть не иначе какъ въ истинно противозаконные поступки бунтовщиковъ, что и доказывается самыми послѣдствіями ихъ, если понять основательно эти исторіи. Передайте это лордамъ, которые считаютъ свои дѣйствія сообразными съ религіей и правосудіемъ. Что же касается тѣхъ, которые держатъ себя въ сторонѣ изъ страха за свою собственную безопасность, постарайтесь указать имъ, пока они еще не зашли слишкомъ далеко, какія неприятели ожидаютъ ихъ, если они примутъ участіе въ подобныхъ беззаконныхъ поступкахъ. Мы въ равной съ ними степени презираемъ убійцъ короля, нашего кузена; и бракъ королевы сестры нашей, съ Вотвелемъ огорчилъ насъ сильнѣе, чѣмъ кого нибудь изъ нихъ. Но мы не можемъ одобрять и переносить настоящаго поведенія лордовъ въ отношеніи къ шотландской королеви. По волѣ Божьей они—ее подданные, а она—ихъ повелительница; и они не могутъ принуждать ее къ отвѣтамъ на свои обвиненія, потому что голова никогда не подчиняется ногамъ,—это не въ порядкѣ вещей.» Елизавета поручила Трокмортону объявить лордамъ совѣта, что она рѣшилась, если они пойдутъ дальше, отомстить за королеву Шотландіи, въ примѣръ мотмству; и что, безъ сомнѣнія, всѣ христіанскіе государя согласятся съ нею во мѣривіяхъ и въ поступкахъ.

Но эти доводы и угрозы не убѣдили и не испугали шотландскихъ лордовъ. Они смѣло оканчивали свое предпріятіе, и въ назначенный для коронованія день прибыли въ Стёрлингъ со многими денутатами отъ сословіи. Церемонія была совершена съ особеннымъ великолѣпіемъ въ городскомъ соборѣ. Атоль несъ въ церковь корону, Мортонъ—скипетръ, Гленкэрнъ—мечъ, а Маръ—ребенка, котораго дѣлали королею. Когда были прочитаны акты отреченія королевы и Линдзэй съ Рутвеномъ подтвердили, что это отреченіе было добровольное,—Мортонъ произнесъ надъ евангеліемъ присягу, отъ имени новаго короля Іакова VI. Потомъ епископъ Оркнейскій возложилъ на него корону, лорды поклонились ему въ вѣрности, дотрѣгиваясь рука-

ни до его головы, и Ноксъ въ проповѣди своей предсказалъ его бурное царствованіе. Этотъ переворотъ, совершенный дворянствомъ и давшій ему возможность долго управлять государствомъ, подъ именемъ тринадцатилѣтняго короля, возбудилъ сочувствіе народа, который выжидалъ свою радость пальбою, танцами и иллюминаціями. Революція не встрѣтила сопротивленія нигдѣ въ цѣломъ государствѣ и предводители союзниковъ продолжали управлять имъ до самаго возвращенія Мюррэя, которому было послано донесеніе о его избраніи въ регенты Шотландіи.

Мюррэй, удалившійся во Францію за четыре мѣсяца передъ тѣмъ, получивъ здѣсь одно-за-другимъ извѣстія о мнимомъ похищеніи Маріи Стюартъ, ея позорномъ замужствѣ, неожиданномъ пораженіи и тягостномъ плѣнѣ, которые были скорыми послѣдствіями ея заблужденій и несчастій. Въ немъ пробудилось сожалѣніе къ ней и заговорило не совѣтъ еще забытое чувство вѣрности. Поэтому, не смотря на заботливость, съ какою писали къ нему союзные лорды, стараясь привлечь его на свою сторону, онъ не одобрялъ ихъ насильственныхъ поступковъ и отправилъ къ нимъ Эльфинстона, съ жалобой на заточеніе королевы. Скоро послѣ того, узнавъ о низложденіи своей сестры, коронованіи племянника и о собственномъ возвышеніи въ достоинство регента, онъ выѣхалъ въ Шотландію, еще питая благорасположеніе къ плѣнной королевѣ. Однакоже онъ не хотѣлъ быть обязаннымъ французскому двору, который предложилъ ему свои услуги и далъ, въ качествѣ компаньона и почти что надзирателя, де Ланьероля, посланнаго Карломъ IX къ лордамъ тайнаго совѣта, съ цѣлью дѣйствовать въ пользу Маріи Стюартъ и поддерживать союзъ между обѣими странами. За дорогу чувства Мюррэя измѣнились. Онъ встрѣтилъ Эльфинстона, возвращавшагося изъ Шотландіи, гдѣ предводители союза, желая оправдать свои дѣйствія, успѣли доказать ему виновность королевы, представивъ бумаги, найденныя въ серебряной шкатулкѣ. Эльфинстонъ донесъ Мюррэю, что видѣлъ собственноручное, длинное письмо королевы къ Ботвелю, заключавшее доказательство ея участія въ убійствѣ своего мужа.

По прѣздѣ въ Лондонъ, можетъ быть изъ честолюбія, а можетъ и въ слѣдствіе болѣе точныхъ свѣдѣній о положеніи шотландскихъ дѣлъ, Мюррэй уже не съ прежнимъ жаромъ думалъ объ освобожденіи сестры своей. Елизавета, принимавшая на этотъ разъ участіе въ положеніи Маріи Стюартъ, была не слишкомъ любезна съ нимъ. Раздраженная оскорбленіемъ, нанесеннымъ верховной власти въ Шотландіи, эта гордая королева сообщила ему свое рѣшительное намѣреніе возстановить Марію Стюартъ на тронѣ и наказать непокорныхъ вельможъ, низложившихъ ее. Этотъ тонъ превосходства, соединеннаго съ угрозою, укололъ самолюбіе Мюррэя, и при этомъ свиданіи высокохвѣріе англійской королевы принесло также мало пользы, какъ и при цѣлоствѣ Трокмортона къ шотландскимъ лордамъ. Не улучшая такимъ образомъ положенія несчастной плѣнницы, Елизавета только увеличивала грозившія ей опасности; сама судьба, казалось, назначила ее вредить Маріи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она

хотѣла принести ей пользу. Въ самомъ дѣлѣ, лорды, лишившіе Марію Стюартъ престола не совсѣмъ еще отказались отъ желанія судить ее. Партія Гамильтоновъ, съ чудовищнымъ предательствомъ и глупо-неправильнымъ расчетомъ, предполагала отдать ее на смерть, для общаго примиренія. Избавляясь отъ королевы, которая, вступивъ въ новый бракъ, могла имѣть еще наследниковъ, Гамильтоны надѣялись достигнуть престола, потому что тогда единственнымъ препятствіемъ для нихъ оставался бы одинъ только слабый ребенокъ. Архіепископъ Сентъ-Андре, аббатъ Кильвиннингскій и графъ Гэнгли предложили союзнымъ лордамъ примиреніе на этомъ условіи. Контролеръ Д. Мюррэй Туллибардинъ и секретарь Летингтонъ одинъ за другимъ разоблачили предъ Трокмортономъ эти ужасные переговоры. Летингтонъ сказалъ посланнику Елизаветы, когда тотъ сообщилъ ему грозныя намѣренія своей государыни: «Милордъ посланникъ, увѣряю васъ, что если вы съ лордами будете говорить въ такихъ же выраженіяхъ, какія употребляете предо мною, то цѣлый свѣтъ не въ состояніи будетъ спасти жизнь королевы даже на три дня.»

Такова была очевидность опасности, которой подвергалась Марія Стюартъ въ то время, какъ Мюррэй, выѣхавшій изъ Лондона въ сильномъ неудовольствіи на Елизавету, прибылъ 11 августа въ Шотландію. Его возвращеніе и образъ дѣйствій были теперь предметомъ всеобщаго вниманія. Союзные лорды отправили, на встрѣчу къ нему, въ Бервикъ клерка регистратуры Д. Макгилла и Джемса Мельвала. Первый былъ представителемъ партіи крайняго увлеченія, и долженъ былъ просить Мюррэя отъ имени Мортона, Линдсея, Рутвена и пресвитеріанъ оставаться невозможнымъ въ отношеніи къ королеви, не считаясь ея несчастіями. Второй, подъ влияніемъ болѣе умѣренныхъ чувствъ Атола, Мара, Летингтона, Туллибардина и Грондла, приступившихъ къ союзу съ цѣлью низвернуть Ботвелля и спасти наследнаго принца, имѣлъ порученіе посовѣтовать ему отъ ихъ имени, чтобы онъ не вдавался въ крайности и, удерживая королеву въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока ей можно будетъ безопасно возвратитъ свободу, поступалъ съ нею почтительно и кротко. Мюррэй выслушалъ ихъ, не высказываясь. Казалось даже, что онъ не имѣетъ никакого желанія быть регентомъ. Въ такомъ расположеніи духа онъ прѣхалъ на границу Шотландіи, гдѣ его встрѣтили четыреста дворянъ. Онъ въѣхалъ въ Эдинбургъ, окруженный цвѣтомъ аристократіи, и былъ встрѣченъ выраженіями радости и восторга гражданъ. Здѣсь онъ пробылъ два дня, какъ бы въ нерѣшимости, расспрашивая всѣхъ, разбирая обвиненія, взводимыя на королеву и убѣдившись, что строгость общественныхъ сужденій была все еще опасна для Маріи Стюартъ. Еще не принявъ предложеннаго ему титула, онъ просилъ дозволенія видѣть ее, чтобы удостовѣриться, какъ говорили, въ томъ, что ея отреченіе отъ престола не было вынуждено силою, потому что въ противномъ случаѣ значеніе регентской власти уничтожалось. Не смотря на опасенія, возбуждаемыя этимъ свиданіемъ, отъ котораго зависѣлъ отвѣтъ Мюррэя, лорды принуждены были согласиться на него. Утромъ, 15 августа, онъ от-

правился въ Лочливнѣ, вмѣстѣ съ Муртономъ, Атолемъ и Лидсэмъ.

Руководимый въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ благоразуміемъ онъ хотѣлъ, чтобы власть, предлагаемая ему союзниками, была отдана ему и самую королевою, которую эти союзники лишили престола. Онъ не принималъ никакого участія въ послѣднихъ событіяхъ и надѣялся, если она передастъ ему власть, управлять Шотландіей такъ же спокойно и мирно, какъ удалось ему достигнуть регентства. Съ безпопозданною ловкостью онъ счумѣлъ достигнуть своей цѣли. Марія Стюартъ, увидя, что онъ вошелъ въ ея тюрьму, подумала, что онъ является туда, какъ ея другъ и покровитель. Растроганная она, проливая слезы, начала рассказывать ему про несправедливости, какія дѣлали въ отношеніи къ ней. Муррэй слушалъ ее молча, не выражая сожалѣнія и не утѣшая ее. Умоляющая Марія, обратясь къ Атолу и Муртону, сказала имъ: «Милорды, вы испытали мою строгость, но видѣли также, что она окончилась; позвольте же мнѣ надѣяться, что мой примѣръ научилъ и васъ быть снисходительными.» Но тутъ она встрѣтила такую же неразговорчивость и безучастіе. Встревоженная посѣщеніемъ, которое, повидимому, подтверждало мрачныя слухи, ходившіе на ея счетъ, она, передъ ужиномъ, отозвала своего брата въ сторону съ безпокойствомъ стала спрашивать его о намѣреніяхъ лордовъ, желая въ то же время узнать и его собственныя. Муррэй держалъ себя осторожно и оставался непроницаемъ. Ужинъ прошолъ очень печально. Когда онъ окончился, Марія снова захотѣла побесѣдовать съ братомъ. Всѣ разошлись и они пробыли вдвоемъ до часу по полуночи. При этомъ вторичномъ разговорѣ Муррэй оставилъ свою расчитанную скрытность. Съ леденящимъ равнодушіемъ и неумолимою строгостью онъ открылъ королевѣ свои мысли о ея дурномъ управленіи; безжалостно припомнилъ онъ ей безпорядки, происшедшіе черезъ это, и одно за другимъ перебралъ всѣ ея дѣйствія, которыя, говорилъ онъ, заначали ея совѣсть, запятнали ея честь и подвергли ее столькимъ опасностямъ. Несчастная королева въ смущеніи слушала эти страшныя обвиненія. Она окончательно потеряла бодрость. «Она, говоритъ Трокмортонъ, описавшій эту грустную сцену,—то плакала горько, то откровенно сознавалась въ своихъ ошибкахъ, то старалась оправдаться и ослабить обвиненія, взводимыя на нее.» Пробудивъ въ душѣ сестры своей эти тягостныя воспоминанія, Муррэй оставилъ ее въ мучительной тоскѣ и боязни, и удалился. Она думала, что ея судьба уже рѣшена. Муррэй сказалъ, что для нея остается теперь одна только надежда—на милосердіе Возже. Въ такомъ состояніи провела она остальное время ночи.

На слѣдующее утро она опять призвала своего брата. Муррэй снова явился около нея. Заставъ ее, безъ сомнѣнія въ такомъ расположеніи духа, въ какомъ желалъ найти, онъ самъ взмѣнилъ свои чувства и тонъ. Онъ началъ утѣшать ее и увѣрялъ, что хочетъ спасти ея жизнь, а если возможно, то сохранить и честь. «Но, прибавилъ онъ это замисить не отъ одного меня: другіе лорды тоже заинтересова-

ны въ этомъ дѣлѣ. Это зависитъ также и отъ васъ, и я долженъ вамъ сказать, что вы броситесь въ бездну случайностей и подвергнете опасности вашу жизнь, если захотите возмутить спокойствіе вашего государства и царствованіе вашего сына; если вы будете стараться выйти оттуда, гдѣ находитесь и воспользоваться свободой, которой въ настоящее время вамъ не слѣдуетъ даже желать; если станете возбуждать вашихъ подданныхъ къ неповиновенію, если вы войдете въ согласіе съ королевою англійскою или съ королемъ Франціи, чтобы вовлечь государство во внѣшнюю войну съ кѣмъ нибудь изъ нихъ, или при ихъ помощи возбудить войну междоусобную; и если вы будете упорствовать въ своей безразсудной любви къ графу Вотвелю.

При этихъ словахъ, Марія, въ которой еще не изгладились тревожныя впечатлѣнія ночи, почувствовала внезапную радость. Она бросилась въ объятія своего брата, и выразила большое удовольствіе, по поводу его обѣщаній защищать ея жизнь и надеждъ на сохраненіе ея чести, которыя онъ поселялъ въ ея сердцахъ. Для вѣрнѣйшаго достиженія этого желаемого результата она умоляла его не отказываться отъ регентства. «Черезъ это, говорила она, мой сынъ будетъ спасенъ, мое государство будетъ въ хорошихъ рукахъ, а я въ безопасности.» Мюррэй все еще не соглашался. Онъ выставлялъ причины, въ искренности которыхъ можно сомнѣваться. Постоянно увлекаемая непреодолимыми порывами, Марія, еще съ большею настойчивостью стала просить, чтобы онъ уступилъ просьбамъ и интересамъ сестры. Она убѣждала его захватить въ свои руки всѣ крѣпости государства, взять подъ свое сохраненіе всѣ драгоценности, которыя ей принадлежали и предложила утвердить его регентство своимъ письменнымъ согласіемъ и авторитетомъ своего имени. Мюррэй уступилъ. Онъ, казалось, неохотно принималъ то, чего, безъ сомнѣнія, пламенно желалъ. Простившись съ сестрою, онъ просилъ лордовъ Линдсэя, Рутвена и Лочливна оказывать ей всевозможное вниманіе и вѣжливую предупредительность, и оставилъ царственную внучку, которая, залпывая слезами съ чувствомъ поцѣловала его и поручила ему благословить принца, ея сына.

Въ этомъ, какъ и во многихъ случаяхъ, Марія Стюартъ повиновалась одному только впечатлѣнію минуты, часто овладѣвавшему ею и отнимавшему у нея всякую предусмотрительность. Въ Лочливнѣ она осталась тою же, какою была въ Кёркь-офъ-Фильдѣ, Альмонтъ-Бриджѣ, Карберри-Гиллѣ и какою черезъ нѣсколько времени оказалась въ Карлайлѣ; вездѣ она увлекалась или необузданными страстями, или обманчивыми идеями. Подписавъ недавно, подъ вліяніемъ ужаса, свое низложеніе, она теперь изъявила на него согласіе вслѣдствіе нечеловѣчности. Холодный и коварный Мюррэй, замѣнивъ надеждою страхъ, возмущавшій ея сердце, достигъ этого согласія, въ которомъ ей скоро пришлось раскаяться.

Обезпечивъ себя съ этой стороны, онъ отправился въ Стерлингъ, къ королю-ребенку, отъ имени котораго онъ долженъ былъ управлять, и 19 августа возвратился въ Эдинбургъ. Черезъ три дня по-

съ того онъ былъ объявленъ регентомъ въ палатѣ совѣта, помышавшейся въ званіи Тольбута. Положивъ руку на евангеліе, какъ истинный пресвитеріанинъ, онъ произнесъ слѣдующую клятву поддерживать права и привилегіи государства: «Я, Джемсъ, графъ Мюррей, лордъ Альберниэтъ, обещаю чистосердечію, предъ лицемъ всадѣющаго моего Господа, съ этого дня и во всю жизнь мою, служить Предвѣчному моему Богу всеми силами моими, соблюдаюся во всемъ съ Его волею, выраженною Его пресвитымъ словомъ, и отыраною для насъ въ книгахъ Новаго и Вѣтхаго Завѣта; клянусь на основаніи тогоже слова, поддерживать истинную религію Іисуса Христа проповѣдываніемъ и совершеніемъ таинствъ оя въ томъ видѣ, какъ они недавно установлены въ этомъ королевствѣ, и уничтожать всими силами ложную религію; клянусь вести народъ, ввѣренный моимъ попеченіямъ на время малолѣтства короля, моего повелителя, путями угодными Богу, соблюдать законы и постановленія этого государства, не забывая никогда словъ Предвѣчнаго моего Бога и доставить церкви господней и всему христіанскому народу истинный и совершенный мѣръ во все слѣдующія времена. Я буду сохранять ненарушимо, не уступая и не отчуждая, права и доходы государства. Я буду преслѣдовать и искоренять злоупотребленія во всехъ сословіяхъ и званіяхъ. Я приведу въ порядокъ отправленіе суда и буду наблюдать, чтобы правосудіе воздавалось каждому безъ исключенія, дабы Господь и Отець милосердія былъ милосердъ къ миѣ. Я буду заботиться объ изгнаніи изъ государства всехъ еретиковъ и враговъ слова Божія и каждого, кто содѣршитъ противъ его церкви. Во всемъ этомъ, отъ чистаго сердца, даю торжественную клятву.» По произнесеніи этой присяги былъ пропѣтъ псаломъ: «Сколько милостейъ Богъ Израилевъ къ имѣющимъ чистое сердце, и Мюррей былъ провозглашонъ регентомъ на площадяхъ и перекресткахъ, при громкихъ народныхъ кликахъ.

Революція, лишившая Марію Стюартъ власти и установившая новое правительство, совершилась. Большая часть католическаго дворянства изъявила покорность ей: графы Ротсъ, Крофордъ, мастера Ментитъ и Эрроль, лорды Дрэммондъ, Огильви, Олифантъ, Сомервилъ, Бортункъ и Иестеръ увѣрили регента въ своемъ повиновеніи и преданности. Лорды Флемингъ, Бойдъ и Ливингстонъ не замедлили послѣдовать ихъ примѣру. Гамильтоны, не взирая на подстрекательство Елизаветы, не выказали также ни малѣйшаго сопротивленія. Мюррей же встрѣчалъ болѣе препятствій ни внѣ, ни внутри государства. Французскій дворъ, слишкомъ занятый собственными затрудненіями и охлажденный ошибками Маріи Стюартъ не хотѣлъ разрыва съ правительствомъ лордовъ, опасаясь оттолкнуть Шотландію окончательно на сторону Англіи. Поэтому Лимьероль, какъ бы отказываясь отъ королевы, объявилъ союзникамъ, что онъ посланъ не для того, чтобы вредить имъ, и что Франція находитъ въ союзѣ не съ государемъ въ частности, а съ правительствомъ, существующимъ въ Шотландіи. Онъ выѣхалъ, не жалуюсь даже на то, что ему не позво-

ди посѣтить королеву и не допустили его къ сношеніямъ съ Гамцъ-тонами.

Что касается Елизаветы, то, хотя она была очень недовольна перемѣнами, которые произведены были лордами и приняты Мюррэмъ, на зло ея предложеніямъ, однакоже не находила ни средствъ, ни поводовъ къ возстановленію Маріи Стюартъ на престолѣ и къ низверженію регента. Лорды поняли это очень хорошо. Они вовсе не испугались ея гнѣва, и англійскій посланникъ, Трокмортоуъ, послѣ провозглашенія новаго регентства, оставляя Шотландію, изъ послѣдняго разговора своего съ Летингтономъ и Мюррэмъ убѣдился въ ихъ рѣшимости и совершенной готовности къ борьбѣ. «Если ваша государыня желаетъ войны, сказалъ ему Летингтонъ, мы скорѣе рѣшимся испытать счастья, чѣмъ дать свободу нашей королевы, которая расположена теперь защищать Ботвелля, подвергая опасности жизнь своего сына, погубить государство и разорить дворянъ... Мы знаемъ эту войну. Вы разорите наши границы, мы разоримъ ваши. Если вы вздумаете сдѣлать серьезное нападеніе—мы не побоямся и этого, потому что увѣрены въ помощи Франціи». Желая показать, что его оскорбляетъ повелительный тонъ, принятый Елизаветою, въ отношеніи къ союзникамъ, онъ сказалъ Трокмортоу въ заключеніе: «На такія странныя выраженія достаточно будетъ отвѣчать, что мы поданные другаго государя и не считаемъ ея величество своею королевою». Отвѣтъ Мюррэя былъ короче, но въ такомъ же рѣшительномъ тонѣ. Онъ возразилъ посланнику Елизаветы, который старался отдѣлать его интересы отъ дѣла лордовъ, напоминая, что онъ совершенно непричастенъ ни къ чему: «Если я не принималъ участія въ прежнихъ дѣйствіяхъ этихъ лордовъ, то долженъ одобрять ихъ теперь; а такъ какъ и моя государыня, и они возложили на меня бремя регентства, отъ котораго я охотно желалъ бы избавиться, то я рѣшился поддерживать ихъ дѣло: и приведу въ повиновеніе королю всѣхъ или пожертвую жизнью». И онъ съ твердостью выполнилъ намѣреніе, о которомъ говорилъ такъ гордо. Какъ ученикъ Нокса, воспитанный на чтеніи библіи, онъ хотѣлъ принять за образецъ для себя древнихъ вождей народа Израильскаго.

Лэрдъ Туллибардинъ и лэрдъ Грэнджъ были посланы тайнымъ совѣтомъ преслѣдовать Ботвелля, изгнаннаго прокламаціей 26 іюня и удалившагося изъ Дэнбара на Оркады. Мюррэй захватилъ въ свои руки почти всѣ укрѣпленныя мѣста королевства. Бальфёръ уступилъ ему Эдинбургскій замокъ. Но этотъ помилованный соучастникъ Ботвелля не выпускалъ крѣпости изъ рукъ до тѣхъ поръ, пока не получилъ въ вознагражденіе пять тысячъ фунтовъ серебра, ежегодный пенсіонъ своему сыну, приорство Питтенунъ, и удостовѣреніе въ своей собственной безнаказанности. Мюррэй, овладѣвшій скоро Дэнбаромъ, Инчъ-Китомъ и многими другими крѣпостями, назначилъ начальникомъ Эдинбургскаго замка лэрда Керкальди Грэнджа находившагося въ то время въ погонѣ за Ботвеллемъ. Храбрый Керкальди поклялся схватить этого общественнаго врага, и былъ уже близокъ къ своей цѣли. Изъ трехъ или четырехъ кораблей, снаря-

женныхъ Вотвелемъ, съ которыми онъ старался удерживаться между архиепископами Оркадскимъ и Шетландскимъ, два попали во власть лорда Гранджа и онъ хотѣлъ уже взять на бордажъ третій, на которомъ находился самъ Вотвелъ, когда его корабль, слишкомъ большой для плаванія въ тѣсныхъ и неглубокихъ проливахъ между островами, съѣлъ на песчаную мель. Вотвелю удалось спастись по покинутой мѣста, гдѣ уже не находилъ болѣе безопасности, онъ выѣхалъ въ Сѣверное море и былъ отброшенъ бурей къ берегамъ Норвегii. Здѣсь онъ подвергся осмотру датскаго военнаго короля и за невѣстнiемъ бумагъ былъ задержанъ, какъ пиратъ, и отвeденъ въ Дамію, король которой, Фридрихъ II, не согласился отдать его Мюррью и Елизаветѣ, а заключилъ въ крѣпость Мальмoe. Вотвелъ оставался здѣсь до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1576 г. Пѣвнъ послужилъ для него очищеніемъ за грѣхи, и онъ девять лѣтъ провелъ между сражомъ возвращенія правительствамъ Англiи и Шотландiи, которыя постоянно требовали этого, и отчаяніемъ вѣчнаго одиночества.

Многіе изъ его второстепенныхъ соучастниковъ были въ это время подвергнуты наказанію. Кромѣ Дальглиша и Паури, схватили еще двухъ главныхъ исполнителей убійства въ Керкъ-офъ-Фильдѣ Гэя Талло и Генберна Болтона. Они признали себя виновными и были приговорены къ смертной казни. На эшафотѣ они сознавались, что заслужили смерть и Генбернъ Волтонъ сказалъ: «Пусть никто не рѣшается на преступленіе по наущенію людей сильныхъ или по совѣту своихъ господъ, надѣясь, что будетъ спасенъ ими: ибо въ ночь, когда дѣло было сдѣлано, я думалъ, что если о немъ и узнаютъ когда нибудь, то никто не сочтетъ его дурнымъ, такъ много рукъ ему помогало и даже королева знала о немъ.»

Эти руки были слишкомъ могущественны и ихъ пощадилъ. Bond, подписанный имъ и свидѣтельствовавшій противъ нихъ, былъ отданъ Вотвелемъ въ распоряженіе Бальфера и къ этому времени сожженъ. Ни подписавшіеся на немъ Летингтонъ, Гэнтли, Арджилъ, Дж. Вальфёръ, ни архіепископъ Сентъ-Андре, согласившіеся на такое страшное злодѣяніе, ни Мортонъ, которой зналъ о немъ, если и не принималъ участія, не были подвергнуты преслѣдованію этого пристрастнаго правосудія, не умолимаго, то бездѣтельнаго, смотря по значительности и положенію виновныхъ. Регентъ не рѣшался подвергать ихъ наказанію. Они возвысили его, они же могли и легко низвергнуть, еслибъ захотѣли соединиться противъ него. Онъ даже оказывалъ благоволеніе многимъ лицамъ, заслуживавшимъ наказанія. Арджилъ оставался верховнымъ судьей, Гэнтли по прежнему былъ членомъ тайнаго совѣта, Летингтонъ былъ сдѣланъ шерифомъ въ Лотіанъ, а Мортону было обѣщано званіе адмирала Шотландiи, вмѣсто Вотвеля.

Въ этой странѣ насилій, измѣнъ, непостоянства и политическихъ волненій, регентъ хотѣлъ строго соблюдать, по крайней мѣрѣ, обыкновенные законы и смѣло поддерживать общественную безопасность. «Онъ рѣшился, говоритъ Мельвилъ, цкоренить воровъ»

возстановить спокойствіе на границахъ. Не меньше заботился онъ и о приведеніи въ порядокъ системы внутреннего суда.» Созванный имъ 15 декабря парламентъ отличался чрезвычайною многочисленностью. Въ немъ присутствовали четыре епископа, четырнадцать аббатовъ, двѣнадцать графовъ, шестнадцать лордовъ и старшая сыновей лордовъ и двадцать семь депутатовъ отъ шестечекъ. Этотъ парламентъ потребовалъ во первыхъ религіознаго единства, утвердиль исповѣданіе вѣры, составленное въ 1560 г. и окончательное уничтоженіе католичества: во вторыхъ—возвращенія свѣтскими лицами третьей части церковныхъ имѣній, которыми они завладѣли и которыя должны были поступить въ пользу пасторовъ и школъ протестантскаго исповѣданія; кроме того онъ призналъ законнымъ возведеніе молодого короля на шотландскій престолъ, утвердиль назначеніе регента и началъ жаркія пренія о томъ, какъ поступить съ королевою, которую одни хотѣли непременно предать суду, а другіе — только задержать въ заключеніи. Умѣренные одержалъ верхъ. Но, для оправданія союзныхъ лордовъ въ томъ, что они подняли оружіе, заточили и низложили свою государыню, парламентъ издалъ актъ, котораго выраженія тяжело обвиняли Марію Стюартъ. Въ немъ было сказано, что «королева заслужила вродѣ всѣхъ непріятности, какія случились съ нею и какія еще могутъ случиться, потому что она была соучастницей, какъ намѣренія, такъ и самого убійства короля, своего супруга, что столько же доказывается ея собственноручною перепискою съ Джеймсомъ, графомъ Ботвелемъ, сколько и безнравственнымъ и постыднымъ бракомъ, заключеннымъ ею съ этимъ главнымъ виновникомъ сказаннаго убійства, немедленно по совершеніи оного.»

Это строгое объявленіе, хотя и не имѣвшее характера судебного приговора, но соответствовавшее ему по смыслу, еще болѣе увеличило тягость заключенія Маріи Стюартъ, нѣсколько ослабленную во просьбѣ Мюррея. За нею стали наблюдать какъ можно строже, опасаясь, чтобы она не вздумала обратиться къ иностраннымъ государямъ съ просьбою о помощи, или чтобы не устроила, при пособіи оставшихся еще у нея въ Шотландіи друзей, своего бѣгства. Она могла писать только во время бѣды и сна своихъ стражей, дочери которыхъ даже спали возлѣ нея. Но всѣ эти предосторожности оказывались неудовлетворительными. Въ красота, прелести и несчастіи оказывали могущественное вліяніе на всѣхъ, кто только приближался къ ней. Одинъ изъ сыновей Маргариты Эсквинъ, Джорджъ Дугласъ, единоутробный братъ регента, позволилъ себѣ увлечься ея красотою и тронуться ея скорбью. Плѣвленный скоро очаровательной плѣницей, которая вовсе не разрушала его надеждъ, онъ рѣшился освободить ее. Въ первый разъ, обманувъ бдительность своей матери, онъ доставилъ Маріи Стюартъ случай выйти изъ замка въ одеждѣ прачки, приписавшей ему бѣлье въ Лохлянъ. Узнанная, передѣтая такимъ образомъ прошла неузнанною. Она ѣхала въ лодку, которая должна была перевезти ее на другой берегъ, гдѣ ее ожидали Джорджъ Дугласъ, одинъ изъ Семпловъ и одинъ изъ Батеновъ. Она считала

себя спасенною. Но среди переѣзда одявъ лодочникъ, принимая ее за ту, къѣмъ она казалась, подбѣлъ къ ней и, въ видѣ шутки, хотѣлъ поднять ее воаль; Марія быстро подняла руку, чтобы не показать своего лица, и лодочникъ замѣтивъ эту прекрасную, бѣлую руку, сейчасъ же догадался, что онъ везетъ королеву. Открытая такимъ образомъ, Марія не потеряла присутствія духа; она приказала гребцамъ, подь страхомъ смерти, высадить ее на другой берегъ, но они, боясь строгости лорда Лочливна больше, чѣмъ угрозъ королевы, лишенной власти, отвезли ее обратно въ крѣпость.

Послѣ этой неудачной попытки, 25 марта, Джорджъ Дугласъ бѣжалъ изъ замка, но не удался изъ окрестностей озера. Плѣнница, почти что отчаявшаяся въ своемъ освобожденіи, которое было уже такъ близко, провела конецъ марта и весь апрѣль въ тоскѣ и неволѣ, сдѣлавшейся еще болѣе невыносимою. Она вездѣ искала поддержки и писала къ Катеринѣ Медичи: «Я съ большимъ трудомъ нашла чело-вѣка, который взялся доставить вамъ извѣстіе о моемъ бѣдствіи и просьбу о сожалѣніи ко-мнѣ.» Перваго мая она писала къ Виззаветъ, умоляя ее о помощи, и увѣряя, что если та спасетъ ее, то никогда въ цѣломъ свѣтѣ не найдетъ болѣе преданной родственницы. «Вы можете также принять въ соображеніе, прибавляла она, важность нанесеннаго мнѣ оскорбленія.» Она молила Бога сохранить эту королеву отъ всякаго несчастія и послать ей самой терпѣніе, въ которомъ она имѣла такую нужду. Въ тотъ же день она заклпнала Катерину Медичи и Карла IX помочъ ей, говоря: «Если вы не извлечете меня (отсюда) силою, то самой мнѣ уже не выйти.»

Но, между тѣмъ какъ она считала свое заточеніе безконечнымъ, минута освобожденія приближалась. Джорджъ Дугласъ, рѣшившійся служить ей съ преданностью столько же изобрѣтательною сколько страстиною, не переставалъ пріискивать средства къ возвращенію ей свободы. Оставаясь очень близко отъ Лочливна, онъ завелъ сношенія съ пажомъ своей матери, котораго звали маленькимъ Дугласомъ. При помощи этого шестнадцатилѣтняго пажа ему удалось устроить бѣгство королевы, которую извѣщенные изъ Ситоны и Гамльтоны, готовы были принять по выходѣ ея изъ замка. Воскресенье, 2 мая, было днемъ, избраннымъ для этого вторичнаго бѣгства, задуманнаго лучше, чѣмъ первое, и увѣнчавшагося большимъ успѣхомъ. Лгтели Лочливна, кромѣ королевы, обѣдали и ужинали обыкновенно всѣ вмѣстѣ. Въ это время ворота замка были заперты и ключи отъ нихъ лежали на столѣ, подлѣ владѣльца. За ужиномъ, маленькій Дугласъ, поставивъ передъ лордомъ блюдо, ловко утащилъ ключи, которые закрылъ прежде салфеткой. Не медля ни минуты, онъ возбуждалъ извѣстить и взять съ собою королеву, послѣдовавшую за нимъ въ одеждѣ одной изъ своихъ прислужницъ. Она безпрепятственно вышла изъ замка, и молодой пажъ заперъ за собою ворота, чтобы помѣшать всякому преслѣдованію. Когда королева сѣла вмѣстѣ съ нимъ въ маленькій челнокъ, онъ успѣшно отчалилъ ея и, усердно гребя веслами, успѣлъ счастливо высадить ее на противоположный берегъ озера, гдѣ ихъ ожидалъ Джорджъ Дугласъ. Черезъ двѣ

сколько минутъ къ нимъ присоединился лордъ Ситонъ, находившійся съ своими людьми въ сосѣдней деревнѣ. Обладая уже свободой и надѣясь скоро возвратить свою власть, Марія легко и весело вскочила на лошадь, и поскакала по направленію на западъ. Она остановилась только въ Ниддари, мѣстопробываніи Ситоновъ, находившемся въ западной части провинціи Лотіанъ. Отдохнувъ здѣсь три часа, она продолжала путь до крѣпкаго замка Гамильтонъ, гдѣ ее приняли архіепископъ Сентъ-Андре и лордъ Клавдій, выѣхавшій къ ней на встрѣчу съ пятьюдесятью всадниками.

Достигнувъ этого безопаснаго мѣста она сдѣлала воззваніе ко всѣмъ своимъ приверженцамъ. Въ то же время она послала Гепбурна Риккартона, слугу Вотвеля, въ Дэнбаръ, чтобы обезпечить за собою этотъ важный городъ, и приказала ему послѣ того отправиться въ Данію и извѣстить своего господина, что она снова свободна и, вѣроятно, скоро будетъ по прежнему могущественна. Въ то же время, какъ ея первыя мысли обращались къ человѣку, съ которымъ ее разлучили бѣдствія, но котораго она все еще любила, Марія Стюартъ послала во Францію брата архіепископа Глазгоскаго, Джона Витона, чтобы пріобрѣсти себѣ помощь въ борьбѣ, которая должна была немедленно начаться, но слишкомъ скоро и неожиданно для нея кончилась.

Извѣстіе объ ея освобожденіи быстро распространилось и было радостно принято. Всѣ, кто прежде поддерживалъ ее, кого состраданіе къ ея бѣдствіямъ заставляло забывать о ея прежнихъ заблужденіяхъ, кто былъ недоволенъ строгимъ и высококомѣрнымъ управленіемъ Мюррэй, всѣ собрались вокругъ нея. Большая часть дворянства приняла ея сторону. Въ короткое время восемь графовъ, девять епископовъ, восемнадцать лордовъ, двѣнадцать аббатовъ и пріоровъ и около ста бароновъ составили союзъ для ея возстановленія на престолѣ. Вспомнивъ о своемъ отреченіи она объявила его недѣйствительнымъ, потому что оно было вынуждено у нея насильно, и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожила всѣ дѣйствія, совершенныя Мюррэемъ во время регентства, какъ носившія печать измѣны. Графы Арджиль, Кассилсъ, Эглинтонъ, Ротсъ, лорды—Сомервилъ, Йестеръ, Ливингстонъ, Герригъ, Флемингъ и Вортункъ со своими вассалами присоединились къ Гамильтонамъ и Ситонамъ, и королева скоро увидѣла себя во главѣ шеститысячной арміи, рѣшившейся защищать ея особу и возстановить ея власть. Французскій посланникъ Вилье-де-Вомонъ, отправленный недавно Карломъ IX въ Шотландію, явился къ ней, признавая ее истинной государыней страны. Королева Елизавета, послала съ своей стороны доктора Лайтона поздравить ее съ освобожденіемъ и предложить ей, что королева англійская приметъ ея подданныхъ къ повиновенію, если Марія Стюартъ предоставитъ свои дѣла ея заботамъ и если не будетъ искать помощи другихъ иностранныхъ государей.

Марія не была ослѣплена этимъ возвратомъ счастья. Она предвчитала примиреніе съ противниками борьбѣ съ ними, понимая очень хорошо, что торжество оружія не только сомнительно, но даже по-

зеть быть еще опасно. Побѣжденная она снова попадетъ въ руки грознаго регента, побѣдившая она останется въ зависимости отъ Гамилтоновъ, которые питали надежду женить на ней одного изъ членовъ своей фамилии и управлять отъ ея имени. Поэтому она хотѣла лучше, если бы представилась возможность, примирить партіи, и при ихъ взаимной враждѣ не подчиняться ни одной изъ нихъ. Она предложила Мюррзю заключить миръ; переговоры объ этомъ велъ французскій посланникъ и два Мельвиля Робертъ и Джемсъ, изъ которыхъ первый присоединился къ королеви, а второй остался на сторонѣ регента.

Мюррзи былъ въ Гласто, одинъ, не имѣя съ собою никого, кромѣ слугъ своихъ; онъ открылъ здѣсь засѣданія суда, когда его сестра, бывавъ въ Лочливна, прибыла въ замокъ Гамилтонъ, находившійся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ этого города. Каждый на его мѣстѣ покинулъ бы открытый, беззащитный городъ, боясь нападенія непріятели, обладавшаго превосходными силами. Ему и совѣтовали это. Но онъ вовсе не былъ намѣренъ поступить такъ; онъ понималъ, что его бѣгство изъ Гласто будетъ признакомъ боязни и послужитъ поводомъ для всеобщаго возстанія противъ его власти. Поэтому онъ остался здѣсь съ высокоумною твердостью. Онъ просилъ отсрочки, чтобы подумать о предложеніяхъ, сдѣланныхъ Маріею Стюартъ, и въ виду выиграть только время для сбора войскъ, и потомъ вступить въ битву, которая должна будетъ рѣшить дѣло между нимъ и его сестрою, между лордами короля и лордами королевы. Онъ выказалъ при этомъ изрядную и характеръ геніальнаго человѣка. Со всевозможной поспѣшностью созвалъ онъ своихъ друзей подъ знамя молодого короля. Его рѣшительность предала смѣлости тѣмъ, у кого она не достало бы, въ случаѣ его бездѣйствія и колебанія; большая часть прежнихъ союзныхъ бароновъ, а также и солдаты пресвитеріанскихъ городовъ быстро собрались вокругъ него. Дэнбаръ остался вѣренъ ему; Эдинбургъ выслалъ къ нему четыреста стрѣлковъ; Гласто вооружился за его дѣло. Графъ Маръ прислалъ въ его лагерь шесть пушекъ изъ Стерлинга; храбрый Александръ Юмъ привелъ шестьсотъ копейниковъ изъ провинціи Мерси; энергическій Мортонъ, пикій Гленкэрнъ, лонкій Керкалди прибыли къ нему съ своими вассалами, и, черезъ десять дней послѣ бѣгства королевы изъ Лочливна, Мюррзи предводительствовалъ четырьмя тысячами человѣкъ, хорошо дисциплинированныхъ и храбрыхъ. Онъ предположилъ немедленно атаковать армію королевы, пока къ ней еще не привели подкрѣпленій графъ Гэнтия и лордъ Огилви, собравшіе войска въ сѣверныхъ областяхъ.

Какъ для него было выгодно вступить въ битву, такъ для королевы было выгодно уклониться отъ нея. Для Маріи Стюартъ выиграть время значило — выиграть дѣло. Изъ недовѣрчивости ли, или же изъ предусмотрительности она хотѣла удалиться въ неприступную горасть Дэмбартона, гдѣ губернаторомъ былъ лордъ Флемингъ, одинъ изъ самыхъ неизмѣнныхъ ея приверженцевъ. Но Гамилтоны, видя превосходство своихъ силъ хотѣли сразаться. Они рассчитывали побѣдить и однимъ ударомъ сокрушить регента, стариннаго врага своей фамилии и овладѣть королевою. Чтобы согласить оба эти противоположныя намѣренія, рѣшено было отступить къ Дэмбартону и не уклоняться отъ битвы, если непріятель будетъ искать ее во время марша. Это было худо всего. Сразаться приходилось на походѣ; что всегда очень опасно, потому что не позволено выбирать ни времени, ни позиціи. Марія Стюартъ горькимъ опытомъ убѣдилась въ

этомъ, 13 мая, спустя одиннадцать дней, послѣ того, какъ ей удалось освободиться изъ Лочлывна.

Ея армія была расположена на лѣвомъ берегу Клейда и, чтобы понаести въ Дамбартонъ, должна была обойти Гласто съ южной стороны. Регентъ, желая преградить ей дорогу, перевелъ свои войска на тотъ же берегъ и, занявъ очень выгодную позицію, сталъ ожидать войска королевы. По совѣту опытнаго лорда Грэнджа, онъ расположилъ свои главныя силы на возвышенности Лангсайдъ и занялъ стрѣлками десятилю, по которому надлежало бы проходить непріятельской арміи, для достиженія этой возвышенности. Эта мѣстность, изрѣзанная плетнями, усѣянная пашнями и домами, не позволяла пустить въ дѣйствіе кавалерію королевы, значительно превосходившую числомъ кавалерію регента, и должна была неизбежно разстроитъ ея пѣхоту. Дѣйствительно, когда Гамилтоны, предводительствуя своимъ авангардомъ, въ двѣ тысячи человекъ, вступили въ этотъ трудный проходъ, огонь, открытый стрѣлками, привелъ въ безпорядокъ ихъ ряды. Они бросились брать высоту приступомъ но достигли туда уже утомленные крутымъ подъемомъ и разстроенные выстрѣлами, которые были направлены имъ во флангъ. Здѣсь ихъ храбро встрѣтили свѣжія силы регента. Началась рукопашная сватка, и копейщики съ обѣихъ сторонъ дрались съ особенною неустрашимостью. Но черезъ три четверти часа ловкіе маневры лорда Грэнджа, являвшася съ подергиваніями на всѣхъ слабыхъ пунктахъ, хладнокровіе Мортонъ, храбрость Юма и рѣшительное движеніе Мюррея, который повелъ центръ своихъ войскъ противъ дрогнувшей уже арміи королевы, довершили ея пораженіе. Она оставила на полѣ Лангсайдской битвы около трехсотъ труповъ, — регентъ запретилъ убивать послѣ побѣды, — потеряла плѣнными нѣсколькихъ важнѣйшихъ предводителей своихъ и всѣ ея пушки достались побѣдителю.

Счастье еще разъ измѣнило Маріи Стюартъ. Злополучная королева, находящаяся на сосѣдней возвышенности, съ чрезвычайной тоской слѣдила за ходомъ битвы, отъ которой зависѣла ея участь. Она видѣла маршъ, атаку, разстройство и пораженіе своихъ войскъ. Въ ея глазахъ пали и ея послѣднія надежды и ея послѣдніе защитники. Послѣ Карберри-Гилла у нея оставалась еще нетронутая партія Гамилтоновъ, послѣ Лангсайда — не оставалось никого. Было одно только спасеніе — бѣство; и она рѣшилась на него съ глубокимъ отчаяніемъ. Быстро спустившись съ холма, на которомъ она была печальной свидѣтельницей этой невозвратной потери, она сѣла на лошада и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ служителей своихъ, отправилась въ Дамфризъ, на югъ Шотландіи, сдѣлавъ шестнадцать миль безъ отдыха. Прибывъ въ аббатство Дэндринонтъ, близъ Сольвейскаго залива, она могла или отправиться моремъ во Францію, или бѣжать въ Англію. Первое было вѣриѣе, второе легче. Полагаясь на участіе, которое оказывала ей Елизавета, во время ея плѣна, разсчитывая на дружбу, которую эта королева предлагала ей послѣ ея бѣгства, она рѣшилась отдаться подл ея покровительство. Лордъ Геррисъ, соврѣмъшавшій ее, писалъ отъ ея имени къ мастеру Лоутеру, англійскому губернатору Карлайла, прося у него убѣжища. Не ожидая его отвѣта, не требуя отъ Елизаветы никакихъ обязательствъ въ отношеніи къ себѣ, неосторожная эмигрантка съ плачевной поспѣшностью перешла, 16 мая, въ рыбацкой лодкѣ черезъ Сольвейскій заливъ и вышла на берега Кэмберленда. Чтобы счастіемъ отъ Мюррея она очутилась во власти Елизаветы. Она считала Англію своимъ безопаснымъ убѣжищемъ, но ей суждено было найти здѣсь тюрьму.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

выходить каждый мѣсяцъ въ числѣ до 30 листовъ, съ приложеніями въ каждой книжкѣ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

Безъ доставки
15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою или доставкой
16 руб. 50 коп. сер.

Подписка продолжается и принимается отъ жителей столицъ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ:

Въ конторѣ журнала «Библиотека для Чтенія» при книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Гостиного Двора, въ домѣ Армянской церкви.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ журнала «Библиотека для Чтенія» при книжномъ магазинѣ С. П. Лоскутова, на Кольской улицѣ, въ домѣ Знаменскаго монастыря.

Подписывающіеся теперь, получаютъ журналъ первой книжки.

Изъ иногороднихъ подписчики присылаютъ свои требованія и деньги, адресуя такъ: **въ С. Петербургъ, контору журнала «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.»**

Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку журнала, если подписка сдѣлана въ вышесказанныхъ мѣстахъ.

Печатать дозволяется. С. Петербургъ. 6 июля 1864 года.

Цензоры:

Г. Веселаго.

К. Оберинъ.

Digitized by Google

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

ДВАДЦАТЬ-ОСЬМОЙ ГОДЪ.

І Ю Н Ъ.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ УЧЕБНОМЪ ЗАВѢДѢНІИ ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАНЫ.

1881

СОДЕРЖАНІЕ ІЮНЬСКОЙ КНИЖКИ.

- Х СТОРОННИКИ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ. Историческій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ. (Статья вторая). М. Се-невскаго.
- Х БѢДНЫЕ ДВОРЯНЕ. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть чет-вертая, послѣдняя. А. Потѣхина.
- Х КОЛДУНЫ И ЗАГОВОРЩИКИ.—ФАРМАЗОНЫ. Сказанія Ураль-скихъ казаковъ. И. Желѣзнова.
- УКОРЪ. Стих. Е. Зарина.
- Х ПЕПИНЪЕРКА. А. Стеняччи.
- ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ЧУДЕСНАГО. А. П-аго.
- ДУША РАСТЕНІЯ. (Статья вторая, послѣдняя). А. Беспо-вица.
- ОДНА ИЗЪ КАСТЪ. М. Шотровскаго.
- НОВЫЯ КНИГИ. Стихотворенія А. С. Хомякова. Первый вино-куръ, древнее сказаніе.
- ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. Briefwechsel und Gespräche Alexander von Humboldt's mit einem jungen Freunde. (Переписка и бесѣды Александра фонъ Гумбольдта съ однимъ молодымъ дру-гомъ отъ 1847 года до 1856 года.) Berlin. 1861.—L'église et l'état au dix-neuvième siècle, par le duo de Valmy. (Церковь и государство въ XIX вѣкѣ, соч. герцога де-Вальми.) Paris. 1861.—Uliana Bartoszewicza historia literatury polskiéj. (Исторія поль-ской литературы, соч. Юліана Бартошевича.) Warszawa. 1861.—I sette soldati, canto di A. Aleardi. (Семь солдатъ, соч. ма А. Алеарди.) Firenze. 1861.—Die deutsche literatur der gegenwart, von Robert Prutz. (Современная нѣмецкая литерату-ра, соч. Роберта Прутца.) Leipzig. 1860.
- ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ИСКУССТВА. Сочиненіе Ѳ. Буслаева. (Статья третья.)

ПОЛИТИКА:

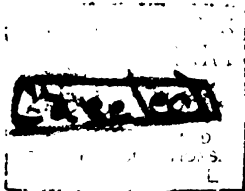
Событія въ Сѣверной Америкѣ.

Придунайскія княжества.

Присоединеніе Санъ-Домингской республики къ испанской им-періи.

Графъ Кавуръ.

* Въ майской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія» къ статьѣ подъ этимъ заглавіемъ было прибавлено: окончаніе. То была ошибка.

СТОРОННИКИ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЦЕРКЪ ПО Вновь ОТКРЫТЫМЪ МАТЕРІАЛАМЪ).

1705—1724.

II.

ОПАМЯТОВАВШІЙСЯ ПСАЛОМЩИКЪ.

29-го іюня 1720 года ⁹⁴ знакомый уже намъ Семень Игнатьевъ зашелъ къ свойственнику своему, помѣстныхъ дѣлъ судѣ, Тимоѣю Петровичу Панову. ⁹⁵ Угостился ли Семень виномъ пинственнымъ, либо просто въ припадкѣ откровенности и юношеской болтливости (ему было 17 лѣтъ),—изъ чего бы то ни было, но только онъ повѣдалъ Панову наединѣ, подъ секретомъ, дѣло страшное, противное: «о томъ, какъ дядя его Яковъ Игнатьевъ, за годъ до розыска (т. е. въ 1717 году) призвалъ его къ себѣ въ палату и вручилъ, въ тайное храненіе, большой холщевой мѣшокъ съ письмами царевича; мѣшокъ былъ запечатанъ печатью дяди и вложенъ въ кулекъ».

Судья помѣстныхъ дѣлъ тотчасъ сообразилъ, что за утаеніе такого вѣдми противнаго дѣла грозятъ всѣ тяжкія, взялъ съ собой родственника, и на другой же день, 30-го іюня, въ 5-мъ часу пополудни, представилъ на потѣшный дворъ къ дьяку Тимоѣю Осиповичу Палехицу, завѣдывавшему дѣлами московской тайной канцеляріи. Тимоѣей Осиповичъ производилъ второй суздальскій розыскъ (1720—1722 г.) по дѣламъ о *выльздахъ* царицы Авдотьи Лопухиной, и какъ нельзя лучше зналъ, какое громадное значеніе въ глазахъ его начальниковъ и государя имѣетъ каждое вновь открытое обстоятельство относительно покойнаго царевича и его сторонниковъ. Теперь ему предстояла честь передонести въ петербургское тайное судилище не о пустой болтовнѣ, а о находкѣ капитальной—о цѣломъ мѣшкѣ

собственноручныхъ писемъ Алексѣя, которыя, вѣроятно, повлекутъ къ аресту, допросу и пыткамъ многихъ лицъ... Можно представить себѣ, какою энергіею восполнился московскій сыщикъ и *розыскатель*, при мысли объ этаконъ перспективѣ, и съ какимъ пыломъ устремился онъ къ изслѣдованію по новому доносу. Всѣ остальные дѣла были оставлены; Палехинъ отобралъ отъ Панова записку о всемъ имъ сказанномъ, и *въ 6 часу* послалъ съ арестованнымъ Семеномъ опытнаго, средней статьи подъячаго Григорья Павлова и урядника Халезова съ двумя солдатами.

По указанію Семена, въ домѣ его, гдѣ жила съ нимъ мать, трепетавшая за своего сына, совершонъ былъ обыскъ; изъ подполья вынули завѣтный мѣшокъ въ кулекѣ. По тщательномъ осмотрѣ, печать на мѣшкѣ оказалась цѣла, но мѣшокъ прогнѣлъ и изъ дыръ выглядывали письма; изъ дому забраны были всѣ бумаги, какія только отыскались. Палехинъ не рѣшился на разборку таинственнаго мѣшка, тщательно завернулъ въ кулекъ и запечаталъ двумя печатами; ⁹⁶ въ собственныхъ же бумагахъ псаломщика «важности» никакой не нашолъ, почему и возвратилъ ихъ назадъ.

За обыскомъ послѣдовали допросы. Палехинъ допросилъ Семена наединѣ, тайно, «съ ясностью». Псаломщикъ разсказалъ о свойствѣ съ казеннымъ духовникомъ, передалъ подробности извѣстной уже намъ сцены передачи ему кулекъ съ письмами, разсказалъ, какъ онъ спряталъ ихъ сначала въ углу за кирпичами, а года полтора спустя, переложилъ въ подполье, гдѣ они и лежали по нынѣшнее число.

— А тѣхъ писемъ, говорилъ Семенъ, я не видалъ; какія они, о чемъ и прямо ли царевичевы, того не зналъ. По сіе же время о нихъ не объявлялъ нигдѣ, за простотою своею и за малолѣтствомъ. А какъ нынѣ пришелъ въ возрастъ, опамятовался, и чтобъ письма тѣ не пропали, объявилъ о нихъ Панову: спрашивалъ его, что съ оными мнѣ чинить и гдѣ ихъ объявить?... О нихъ же я никому до Панова не сказывалъ. И въ той винѣ, что нигдѣ не объявлялъ до сихъ поръ, воленъ великій государь.

Опамятовавшагося псаломщика судья посадилъ подъ крѣпкій караулъ, съ приказомъ никого къ нему не допускать, а письма велѣно хранить «въ великомъ присмотрѣ».

1-го іюля курьеръ скакалъ въ Петербургъ съ палехинскіимъ «всепокорственнымъ» донесеніемъ къ «благородному господину, господину бригадиру и отъ гвардіи майору, милостивому государю», Андрею Ивановичу Ушакову. Изложивъ дѣло, Тимофѣй Осиповичъ спрашивалъ повелительнаго указа: что чинить? «Ибо хотя я и нѣкогда указъ о разборѣ писемъ, рапортовалъ дьякъ, точію въ овалъныхъ домѣхъ, а не таковыя; и того ради, безъ указу смотрѣть въ нихъ опасенъ».

Вотъ какой страхъ нагоняла единая тѣнь царевича, его злополучныя пидулки!..

Вслѣдствіе всепокорственнаго посланія, 18 іюля 1720 г. прискакалъ въ Москву гонецъ тайной канцеляріи, гвардіи капитанъ Лебяжья-Шей. Ему сданъ былъ арестантъ съ конвойнымъ солдатомъ, кулекъ съ письмами; для лучшаго сбереженія грамотокъ, книжокъ уложили въ ящикъ подъ замокъ; затѣмъ Лебяжья-Шей получилъ прогонныхъ денегъ 4 р. 26 ал. и 1 деньгу, новый самый обстоятельный рапортъ дьяка, извѣтъ Панова и показанія арестанта. Въ тотъ же день Лебяжья-Шей скакалъ назадъ, по назначенію.

Письма привезены. По разборкѣ ихъ оказалось, что Яковъ Игнатьевъ имѣлъ громадную корреспонденцію; съ нимъ сносились всѣ почти члены царевичева собора: Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ, Иванъ Афанасьевъ Большой, Андрей Федоровичъ Нарышкинъ, Федоръ Борисовичъ Еварлаковъ, Никифоръ Кондратьевичъ Вяземскій, Иванъ Ивановичъ Нарышкинъ, епископъ Досифей и многія другія лица. Всѣ они сообщали отцу Якову все, что касалось до царевича: извѣщали о его здоровьи, о выѣздахъ и пріѣздахъ, о отцовскихъ порученіяхъ; затѣмъ извѣщали самое глубокое уваженіе къ главѣ собора «пречестному отцу батюшкѣ Іакову Игнатьевичу», просили у него благословенія, обращались съ просьбой, какъ къ общему своему радѣтелю о разныхъ домовыхъ распорядкахъ и проч. Великій канцлеръ Григорій Ивановичъ Головкинъ также писалъ къ отцу Якову съ большимъ уваженіемъ и называлъ его не иначе, какъ «пречестный господинъ, во святомъ душѣ отцомъ». Головкинъ, а также смоленскій губернаторъ Петръ Салтыковъ были посредниками въ заграничной корреспонденціи царевича съ его духовникомъ. Тщательный пересмотръ этихъ писемъ какъ нельзя лучше показалъ намъ, какимъ большимъ значеніемъ и почетомъ пользовался отецъ Яковъ въ кругу его знакомыхъ и пріятелей. Судьи однако нашли въ нихъ немногія грамотки «противную содержанія». Съ этихъ немногихъ противныхъ грамотокъ не замедлили снять ⁹⁷ обстоятельную копию ⁹⁸. Отъ юнаго псаломщика тайный трибуналъ не могъ получить никакихъ объясненій на непонятныя для нихъ мѣста изъ писемъ. Надо было искать людей болѣе свѣдущихъ и болѣе близкихъ къ казенному духовнику.

Письма указали на зятя покойнаго, подьячаго Петра Анфимова. Его отыскали въ Москвѣ, и 12 августа 1720 года представили предъ инквизиторами.

Изъ пидулокъ сдѣлана была выписка большею частью тѣхъ строкъ, гдѣ говорилось о Анфимовѣ, либо такихъ, которыя особенно интересовали судей.

— Вѣдалъ ли ты, спрашивали инквизиторы, особливую склон-

ность царевича Алексѣя Петровича къ тестю твоему, къ разстригѣ Якову Игнатьеву? Зналъ ли также о томъ, что ему приказано было отъ царевича его домовное все управлять?—

«О семь, отвѣчалъ Анфимовъ, я вѣдалъ.»

— Такжежъ зналъ ли ты о бывшей у нихъ перепискѣ о домовныхъ дѣлахъ? Видалъ ли у тестя царевичевы письма, читалъ ли отвѣты тестевы; не писывалъ ли самъ, по его приказу?—

«О письменной пересылкѣ ихъ вѣдалъ, письма видалъ, а самъ не писалъ.»

— Когда ты о той корреспонденціи вѣдалъ, какихъ годовъ видалъ письма, о какихъ важныхъ дѣлахъ они были, скажи именно?—

«Видѣлъ грамотки царевича неважныя, писанныя изъ Саксоніи, а о важныхъ дѣлахъ не видалъ.»

— *Особливо* знаешь ли о чемъ были письма царевича къ твоему тестю 1715, 1716 и 1717 годовъ, и гдѣ они нынѣ спрятаны?—

«Въ 1715 году я былъ въ Алаторской вотчинѣ царевича, а въ 1716—1717 годахъ въ Москвѣ, но видѣлъ ли, нѣтъ ли письма царевича за эти годы—не помню.»

— У царевича написаны разныя званія: кого онъ ими называлъ?—

«*Адомъ* называлъ царевичъ Андрея Фѣдорова сына Нарышкина; *Захлюстою*—ключаря Ивана Афанасьева; *Акулишей*—жену Степана Цымбальщика, дочь Вологодскаго архіепископа Юсѣя Акулину Родіонову; *Грачемъ*—попа Алексѣя; *Леонидомъ*—московскаго попа Леонтія Григорьева изъ Бронной слободы; *Варсонофией*—быть можетъ, прозывалъ царевичъ Василису Козинскую, которая пострижена и наречена въ монашествѣ Варсонофией, а другой Варсонофійи не знаю; *Голубчикомъ*—называлъ архіерея Крутицкаго, бывшаго потомъ Бѣлгородскимъ архіереемъ, Иларіона; *Василисой Евфимовой*—называлъ Алексѣй ту же Козинскую; *Тимофья Тезиковъ* есть Волдимерскій ящикъ.»

«А кого называлъ царевичъ, продолжалъ Анфимовъ: *сатаню, жибандю, засылкой* или *засылкой, благодѣтелемъ, отцомъ Іудю, бритымъ, Петромъ Излой, отцомъ Коровай, хитрой, Пузосемъ, Кулейномъ и Трифаномъ*—тѣхъ либо не знаю, либо не упомяну.»

— Назови всѣхъ остальныхъ, кто были въ дружествѣ съ царевичемъ и съ тестемъ твоимъ, либо кто бывалъ въ гостяхъ въ ихъ *собственной* компании.—

«Дайте время, отвѣчалъ подъячій, чернилъ и бумага: кого вспомню, напишу.»

Бумага и чернилъ доставили въ тотъ же день съ караульнымъ офицеромъ.

«Къ распросу моему противъ пунктовъ, писалъ допрашиваемый въ объявленіи, я нынѣ вспомнилъ, что видѣлъ при объ-

дхъ царевича Алексѣя Петровича слѣдующихъ лицъ: Андрея Федоровича, Василія Григорьевича, Ивана Ивановича, Михайла Григорьевича *Нарышкиныхъ*; Никиту Савича и Ивана Никитича *Хитрыхъ*; Василія Ивановича и Андрея Михайловича *Кольчевыхъ*; Никифора, Петра, Льва, Сергѣя *Вяземскихъ*; ключаря Ивана *Афонасьева*, попа Алексѣя *Грача*, Илью *Протопопова*, Федора Борисова *Еварлакова*, князя Андрея *Вяземскаго* и разстригу Якова *Ипатьева*, — всего 18 человекъ.»

За подачей письменнаго объявленія допросы продолжались по прежнему:

— Въ письмѣ царевича написано, спрашивали судьи, что на тебя доносилъ здѣсь въ Петербургѣ князь Ф. Ю. Ромодановскій; и ты про что сказывалъ и просилъ освѣдомиться; а царевичъ, по твоему прошенію, писалъ о томъ твоему тестю, чтобъ узналъ про слова Федора Юрьевича Лопухинъ. Навѣдался ли онъ и какое то было дѣло?—

«Былъ на меня сердить князь Федоръ Юрьевичъ; и, охраняя отъ него, царевичъ взялъ меня къ себѣ, о чемъ я его просилъ. А о чемъ говорилъ на меня князь Федоръ Юрьевичъ государю, того не знаю; освѣдомляться о тѣхъ словахъ я никого не просилъ; провѣдалъ ли Лопухинъ—не знаю.»

— Праздникъ св. Евстафія какинъ обыкновеніемъ и въ какую мѣру праздновали? Кто на томъ праздникѣ бывалъ въ компаніи царевича?—

«День св. мученика Евстафія царевичъ всегда праздновалъ; во имя его построены имъ придѣлъ въ Никольской церкви, что у Боровицкихъ воротъ. А въ какую мѣру то празднованіе чинилось—не знаю, и кто бывали въ компаніи—не помню.»

— Царевичъ писалъ къ твоему тестю о продажѣ своихъ вещей и о высылкѣ ему векселей. Въ какую то мѣру чинено? на сколько продано? и нѣтъ ли у кого тѣхъ денегъ, положенныхъ въ сохраненіи?—

«О запродаанныхъ вещахъ и полученныхъ за нихъ деньгахъ ничего не знаю; а помню, что векселей тысячъ на шесть взято было у Строганова и отправлено тестемъ къ царевичу.»

— Что за дѣло имѣлъ до тебя въ 1710 году князь Федоръ Юрьевичъ, отъ котораго ты просилъ защиты у царевича, а онъ писалъ, чтобы ты управлялъ то, о чемъ онъ тебѣ будто бы писалъ?—

«Да хотѣлъ меня взять къ себѣ Ромодановскій по прежнему къ подъячіе, и я этого не хотѣлъ. Письма же отъ царевича ни о какомъ дѣлѣ не получалъ.»

— Про какихъ это: Кулейна, Трифона и Дементія пишетъ царевичъ, чтобъ съ ними расплатиться?—

«О семъ подлинно не знаю, а Дементій было прозвище Афонасьева, купчины царевича; Трифонъ же—рыбникъ, живетъ

въ Москвѣ, въ Алексѣевскомъ: онъ ставилъ рыбу; можетъ быть, о нихъ писано.»

— Кто такіе были у тестя твоего два архіерея еродниками, и какъ доводился ему бывшій ростовскій епископъ, разстрига Демида?—

«Разстрига Демида былъ великій другъ моему тестю; въ дѣтствѣ хаживали они вмѣстѣ по монастырямъ и называли другъ друга братьями. Первымъ же свойственникомъ былъ Вологодскій архіепископъ Юсифъ.»

— Былъ ли друженъ Яковъ Игнатьевъ съ Александромъ Книжникомъ?—

«Они были знакомы, и Книжникъ ѣзжалъ къ моему тестю, а для чего—не вѣдаю.»

Въ дальнѣйшихъ допросахъ судьи приводили разныя мѣста изъ писемъ царевича; такъ напр. они требовали объясненій: о какихъ это вѣстяхъ спрашивалъ царевичъ, о чемъ поручалъ онъ распросить у своихъ посланныхъ; про какихъ «старыхъ и новыхъ» членовъ компаніи писалъ онъ; что за грядущія скорби ждалъ на духовника своего; для чего воспрещалъ ему ѣхать въ Володимеръ; съ какими врагами боролся разстрига Яковъ; кто этотъ Засыпка, о которомъ такъ часто упоминается въ письмахъ; кого причислялъ царевичъ къ добрымъ людямъ, кого къ недобрымъ; о какой росписи брачной спрашивалъ онъ у московскихъ поповъ мнѣнія; что за дѣла были тайныя у царевича съ тестемъ; что за шпатулка Алексѣя Петровича была у него въ сохраненіи? Обо всемъ этомъ спрашивали отвѣтовъ самыхъ точныхъ и подробныхъ; но допрашиваемый коротко и прямо отвѣчалъ, что онъ «ничего не знаетъ, не вѣдаетъ и не помнитъ».

При послѣднихъ отвѣтахъ, дѣло привычное и обыкновенное—допрашиваемаго на виску, подъ кнутъ, кнутъ де. оживить фантазію, разбудить память, вызоветъ откровенность... Но на этотъ разъ, вопреки обычаю, Анфимова не потянули къ истязанію: его сдали подъ крѣпкій караулъ, и, семь мѣсяцевъ спустя, участь его была рѣшена. 17 марта 1721 года, по опредѣленію инквизиціоннаго трибунала, Петра Анфимова съ женою и съ дѣтьми опредѣлено послать въ Сибирь за карауломъ, съ тѣмъ, чтобы тамъ опредѣлить его въ службу, въ какой быть достойнъ, по губернаторскому разсмотрѣнію. Судьи не нашли нужнымъ подыскивать причину ссылки: Анфимовъ и его семейство отправлялись въ дальнюю страну Сибирскую, какъ видно, только потому, что здѣсь имъ быть «неприлично»; подъ такимъ безцеремоннымъ предлогомъ ссылалось много изъ сторонниковъ и подручниковъ злополучнаго царевича. ¹¹

Съ овамятованнымъ псаломщикомъ поступлено было строже: въ тотъ же день, какъ рѣшена участь Анфимова, состоялся и его приговоръ. «Семену Иванову за то, что онъ вралъ у своего дяди, бывшаго протеста Якова Игнатьева, письма царевича, дер-

жалъ ихъ у себя и потомъ, какъ взяли его дядю по розыскному дѣлу, и въ то время нигдѣ онъ о нихъ не объявлялъ многое время, довелось бы ему учинить наказаніе кнутомъ, но ради того, что онъ во время розыска былъ малолѣтенъ, вѣсто кнута, бить его батоги нещадно и, сославъ въ Сибирь, написать въ службу, куда будетъ приличенъ». Экзекуція исполнена на другой же день, 18 марта 1721 года, а недѣли двѣ спустя, оба свойственника отправлены на двухъ подводахъ, въ сопровожденіи конвойныхъ, въ Москву, для дальнѣйшаго слѣдованія въ Сибирь, по назначенію. На ссылкѣ Анфимова и Семена Игнатьева дѣло не остановилось; къ нему привлекли изъ Москвы престарѣлаго ключаря Ивана *Афонасьева*, изъ Углича Алексѣя Ивановича *Нарышкина*, изъ отдаленнаго Архангельска Никифора Кондратьевича *Васелкаю*, изъ какой то деревушки капитана, находившагося въ отпуску, Василя Васильевича *Дудова*; наконецъ, подпольный же кулекъ съ письмами привелъ подъ кнутъ и къ ссылкѣ въ каторжную работу, съ вырваніемъ ноздрей, крестьянина Козму *Любимова*...

Вослѣдствіи мы познакоимся съ этими сторонниками царевича, а теперь остановимся, послушаемъ и посмотримъ на слѣдующую характеристичную сцену. Въ ней являются дѣйствующими лицами сторонники царевича изъ самаго низшаго класса современнаго общества: они посвоему заявляютъ сочувствіе и любовь къ Алексѣю Петровичу.

III.

Королекъ. 100

«Ой, Васильюшка: за такія те слова языкъ вытянутъ!»

(Марья Кузнецова. 29 іюня 1721 г.).

«Марья... пляши!» убѣждалъ столяръ свѣтлѣйшаго князя Меншикова Василій Королекъ солдатку Марью, свою любовницу, пришедшую къ нему въ чуланъ, скоротать Петровъ день 1721 г.

— Гдѣ-жъ тутъ плясать? отвѣчала Марья: плясать здѣсь опасно, услышатъ солдаты.

«А хотя кто и услышитъ, ободрятъ Королекъ, что за бѣда? и честнѣй тебя плясывали! И царца, будучи еще въ дѣвцахъ, плясывала...»

Не смотря однако на столь сильный авторитетъ, солдатка Марья не пошла плясать; да сердечный дружокъ ее пересталъ и пресить: у него разчесался языкъ и смерть захотѣлось въ уединенномъ чуланчикѣ отвести душу въ бесѣдѣ съ подругой о предметахъ «противныхъ», важныхъ, о которыхъ такъ строго на-строго запрещалось говорить.

«Быть было царицею свѣтлѣйшей княгинѣ (Меньшиковой), говорилъ Королекъ, а не ей — царицѣ. Вѣдь отъ нея и царевичъ померъ! Какъ бы была первая царица, мать царевичева, такъ бы не такъ съ нимъ, царевичемъ, было».

— Охъ, Васильюшка! пугливо замѣтила солдатка: за такія слова вытянуть те языкъ!—

«Что-жь, развѣ ты доносчица?» спокойно возразилъ Королекъ.

Эта интимная бесѣда происходила въ чуланѣ княжескаго столѣя, въ домѣ свѣтлѣйшаго, въ Петербургѣ. Подобный разговоръ былъ явленіемъ въ то время довольно обыкновеннымъ: событія придворныя были такъ своеобразны, интересны, многія даже страшны, что не говорить о нихъ было трудно. И вотъ, за таинственными бесѣдами царскихъ сподручниковъ, начинали толковать многочисленныя ихъ челядинцы, и среди этихъ то дворниковъ каждаго сановника скорѣе всего рождались тѣ новости, тѣ странныя заключенія и толкованія, которыя быстро расходились въ народѣ и приводили въ застѣнокъ, подѣкнутъ и клещи болѣе неосторожныхъ говорунуновъ. Нечего и говорить, что дѣла тайной канцеляріи сохранили самую ничтожную часть того общественнаго, народнаго говора о дѣлахъ государственныхъ и придворныхъ, который возникалъ при каждомъ событіи, мало-мальски выходявшемъ изъ уровня обыденной жизни. Какъ ни старательно пыталъ, ссымалъ и казнилъ Толстой съ товарищи, зажать всѣмъ рты было дѣломъ невозможнымъ, — тѣмъ болѣе невозможнымъ, что источники народныхъ толковъ скрывались подлѣ нихъ, въ ихъ же домахъ, какъ я уже сказалъ, среди довѣренныхъ слугъ и служанокъ («пенцовъ Петра Великаго»).

Такъ и въ настоящемъ случаѣ: Василій Королекъ говорилъ не наобумъ, не свою выдумку; итѣ, онъ говорилъ то, что слышалъ, чуть не въ самой спальнѣ свѣтлѣйшаго князя, отъ лица приближеннаго къ женѣ и своячницѣ князя. То была нянька княжескихъ дѣтей, Варвара Григорьевна Кулбасова, старушка «весьма престарѣлыхъ лѣтъ». Она жила воспоминаніями о милой для нея старинѣ, о времени царя Алексѣя Михайловича, и съ понятнымъ неудовольствіемъ смотрѣла на то, что ежедневно дѣлалось вокругъ нея; скорбѣла о прошедшемъ, сожалѣла о настоящемъ. Изъ всѣхъ челядинцевъ своего господина старушка особенно любила Василю Королекъ за его набожность, строгое соблюденіе всѣхъ постовъ, вообще, какъ она выражалась, за святость его жизни; старушка любила его какъ сына; съ нимъ Варвара охотно вступала въ самыя таинственныя бесѣды, ему передавала тѣ новости, которыя слышала въ комнатахъ княгини и сестры ея, Варвары Михайловны; подобная передача, разумѣется, производилась не безъ собственныхъ добавленій...

8 февраля 1718 года въ Петербургъ прискакали изъ Москвы два курьера, съ высочайшимъ повелѣніемъ—немедленно арестовать, между прочими лицами, Александра Кикина, царевича Сибирскаго и другихъ сторонниковъ злополучнаго Алексѣя. Александръ Кикинъ уже получилъ отъ брата своей жены, царскаго деньщика Багановскаго, предувѣдомленіе о грозившей опасности. Кикинъ пришолъ въ полночь къ брату своему Ивану и спрашивалъ, что дѣлать? Въ то самое время явились солдаты, схватили его и привели къ князю Меншикову... Князь, послѣ допроса подъ пыткой въ казематѣ Петропавловской крѣпости, выправилъ его 13 февраля съ остальными арестантами, скованными, въ первопрестольную столицу, для дальнѣйшихъ истязаній.

— Васильюшко, слышалъ ты, говорила няня Варвара, встрѣтивши Королька въ сѣняхъ княжескаго дома, на переходахъ: въ сегодняшнюю ночь забрали господъ къ Москвѣ; Кикина, да царевича Сибирскаго, да и другихъ господъ много забрали. Богъ знаетъ, что тамъ съ ними сдѣлается! —

Въ концѣ марта мѣсяца пришла въ Петербургъ вѣсть о страшныхъ казняхъ, постигшихъ главныхъ совѣтниковъ и друзей наследника престола. Старушка не удержалась, чтобъ не потолковать объ этомъ событіи съ Королькомъ. Она встрѣтила его въ передней, предъ дѣтской комнатою.

— Вотъ Васильюшко, — говорила няня въ таинственной бесѣдѣ, введишь, — вершили (т. е. казнили) Александра Васильевича Кикина, а другихъ, Богъ знаетъ, (кажись) больше въ ссылку сылать (будутъ); про иныхъ еще не знаю, кого вершили...

При этихъ словахъ старушка зарыдала.

«Ну, что ты, Варвара Григорьевна, затѣяла плакать, утѣшалъ Королькъ, обрящи Богъ виноватаго, а оправдай Богъ праваго.»

— Куда ты, Васильюшко, не милостивъ! я тебя почитаю святымъ, что ты постникъ, богомолецъ, а ты такъ говоришь и не сожалѣешь! —

«Да чего ихъ жалѣть? буди воля Господня! они-ль не помилованы или не пожалованы были отъ Бога и царя?»

— Однакожь, Васильюшко, жаль ихъ, добрые люди были. Царь Алексѣй Михайловичъ за вины ссылалъ въ ссылку, а *онъ* государь смертию казнить. —

«Онъ батюшка милосердъ, молвилъ осторожный Королькъ, по винѣ наказанье чинить.»

— А вотъ присяга, что присягаютъ нынѣ царевичу Петру Петровичу, не состоится, утверждала Варвара, не состоится; еще въ Божьей руцѣ, что сдѣлается... Государь вѣдь сказывалъ свѣтлѣйшему князю: Даниловичъ! покуль я живъ, потуль и ты; а безъ меня не дадутъ тебѣ много жить...

Въ іюнѣ мѣсяцѣ Королькъ зашолъ къ словоохотливой названной

матушкѣ своей. Варвара была сильно взволнована; она тревожно ходила взадъ и впередъ по дѣтской комнатѣ.

— Охъ, Васильюшко,—заговорила старушка, многозначительно разводя руками,—худо въ царскомъ домѣ трясется! —

«Что трясется?»

— Все мятется, все мятется, очень худо дѣется: куда старую царицу дѣли—не знаемъ, не вѣдаемъ; сожгли штоль ея?—вѣдь вотъ конюшенный дворъ теперь горѣлъ и туда никого не пускали... Чаю, ужъ вѣстимо великому князю (Петру Алексѣевичу), что батюшки его не стало: охъ, быть было царицею свѣтлѣйшей княгинѣ, да поспѣшила Екатерина Алексѣевна! По ея наговору и царевичъ умеръ; жаловалась она на царевича и билъ его государь по ея жалобѣ, для того, что она государыня царевичу не прямая мать... вотъ вѣдь она-жь царица государю говорила: «какъ царевичъ сядетъ на царство, онъ возьметъ свою мать, а въ то время мнѣ отъ твоего сына житья не будетъ!» —

Старушка зарыдала: — кто это царевича на такія(?) злы дѣла научилъ?... а какъ умеръ, государыня по смерти его царевича плакала... Подчасъ будто и (впрямь) жалѣеть, да все не какъ родная мать... А Богъ ее государыню—царицу поискалъ что государь взялъ за себя: вѣдь она не великаго была роду.. Было слово: что быть было царицею свѣтлѣйшей княгинѣ; свѣтлѣйшаго князя государь жалуетъ и бережетъ, а другіе его и любятъ; пока его императорское величество здравствуетъ, и тѣхъ поръ и его живутъ; не дадутъ также жить и государыни царицѣ; чаю, ужъ многіе и нынѣ сказываютъ великому князю продолжала Варвара, что государь царевича билъ кнутомъ.. Богъ знаетъ, отчего царевичъ умеръ: отъ того-ль бою и нѣтъ?...

Словоохотливая старушка почувствовала наконецъ, что слишкомъ много дала воли языку, и, потрепавъ Королька по плечу, просила его «никому не сказывать ея словъ».

Въ это время пришла дѣвочка и позвала няню во внутренніи комнаты.

Но бесѣды старушки съ названнымъ ея сыномъ, бесѣды «трясеніяхъ и смущеніяхъ въ государевомъ домѣ» возобновлялись нѣсколько разъ; говорили они наединѣ, съ опаскою, не стѣсняясь однако мѣстомъ; такъ однажды Варвара Григорьевна вылилась съ своими сѣтованіями въ разговорѣ съ Королькомъ предъ спальнею княгини Варвары Михайловны.

Вообще нянюшка княжескихъ дѣтей была крайне неосторожна: прося Королька хранить ея рѣчи въ тайнѣ, она сама проговаривалась предъ другими людьми своего господина: предъ гробникомъ Григоріемъ Конищевымъ и предъ княжескимъ ключникомъ, Евсѣемъ Тимофеевымъ.

— Слышалъ я, рассказывалъ Конищевъ Корольку, будто въ прошломъ 1720 году, лѣтомъ, хотѣли приставленные къ великому князю слать его къ Цесарю; и то пристерегъ свѣтлѣйшій князь, прибѣжалъ онъ ночью изъ Ораниенбаума (Ораніенбаумъ), и до того не допустилъ.—

«Кто тебѣ сказывалъ все это?»

— Слышалъ отъ старухи Варвары, отвѣчалъ гребецъ, много, впрочемъ, и слушать нечего, она вретъ, запирается (завирается?)...

Но ни гребецъ, ни княжескій клоушникъ *не перенесли*, не выгнали старуху; можетъ быть, они и сдѣлали бы доносъ, если бы смерть не скосила ихъ одинъ за другимъ (въ 1719 и 1721 годахъ). Судьба судила Василю Корольку быть невольнымъ допонникомъ на старушку, слѣпо его любившую и довѣрливую ему... Набожный, постникъ, человекъ «святой», столяръ Королекъ былъ однако не безъ слабостей, сердце его питало нѣжную любовь къ солдатской жонкѣ Марьѣ Обросимовнѣ Кузнецовой. Любовники часто сходились въ чуланѣ,—въ квартирѣ столара.

Здѣсь мы ихъ и нашли 29 іюня 1721 года, въ день тезоименитства великаго князя, въ честь котораго Королекъ, какъ кажется, осушилъ не одинъ стаканчикъ вина. Вино ли, или любовь, чтобы то не было, но только Королекъ, какъ мы слышали, забылъ просьбу Варвары и разболтался не въ добрый часъ.

Часъ былъ крайне недобрый. Кузнецова вскорѣ проворовалась, пошла въ полицію, въ пытку, и не стеря розыска, желая освободиться и отъ пытки, и отъ наказанія, изрекла, что она знаетъ за собой: «слово и дѣло»!

«Въ канцеляріи полиціимейстерскихъ дѣлъ, писалъ бригадиръ Девіеръ къ Ш. А. Толстому въ Москву 12 декабря 1721 г., по розыскному дѣлу, приличная къ воровству женка отставнаго солдата Василя Кузнецова, Марья Обросимова при допросѣ объявила словесно, что она знаетъ о нѣкоторыхъ словахъ, касающихся къ чести ея величества, всемилостивѣйшей государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, къ которымъ словамъ прилична дому свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича Меншикова столара Василя Королька»...

Опытный полиціимейстеръ Девіеръ не рѣшился учинить о тѣхъ словахъ допросъ, а препроводилъ и извѣтчину, и столара въ Петербургскую тайную канцелярію.

Главные ея члены находились въ это время вмѣстѣ съ дворомъ въ Москвѣ; на отношеніи Девіера Толстой положилъ резолюцію: «принять сихъ людей секретарю Тонильскому, и, не спрашивая, велѣть держать за крѣпкимъ карауломъ, чтобы ни съ кѣмъ отнюдь ничего не разговаривали: а что съ ними впредь учинитъ, о томъ узнавъ придется изъ Москвы». Угазъ не замед-

лилъ, и въ силу его арестанты были вытребованы въ бѣлокаменную. ¹⁰¹ Съ Марьи Кузнецовой снятъ былъ немедленно допросъ.

Извѣтчица покаялась въ связи съ Королькомъ и рассказала извѣстную уже намъ бесѣду 29 іюня. Въ отвѣтъ на ея показанія столяръ явилъ искренность необыкновенную, онъ не заперся: принесъ вину свою и сослался на покойниковъ, на княжескаго ключника и гребца, отъ которыхъ слышалъ тѣ толки. Жалѣя и любя Варвару Кулбасову, Королекъ первоначально старался ее не замѣшивать въ дѣло, но оно приняло грозный для него оборотъ и столяръ не устоялъ въ своемъ намѣреніи.

Любовница его, въ слѣдствіе ли испуга или полиціимейстерскихъ еще розысковъ, сильно занемогла и на исповѣди добавила, новыя (уже приведенныя нами) подробности своего разговора.

Королекъ и тутъ не заперся, но продолжалъ ссылаться на покойныхъ слугъ князя, какъ на единственныхъ людей, толковавшихъ съ нимъ о убіеніи кнутаомъ царевича, о наговорахъ на него государыни и проч. Тогда любопытные инквизиторы отправились съ нимъ въ застѣнокъ... разъ... другой... оба раза обычные кнутъ... виска... и оба раза тоже сознаніе и ссылка на тѣ же лица.

Обѣ пытки были жестоки. Королекъ, готовясь къ смерти, исповѣдался и повѣдалъ отцу духовному рассказы Варвары. Можетъ быть и тутъ столяръ не имѣлъ въ виду предать ее въ руки застѣночныхъ судей и палачей, въ надеждѣ, что священникъ не выдастъ сказаннаго на духу. Утаить же что нибудь на исповѣди—Королекъ, какъ постникъ и человекъ религіозный, считалъ грѣхомъ смертнымъ... Точно также считалъ грѣхомъ и священникъ скромничать предъ Скорняковымъ—Писаревымъ съ товарищи: исповѣдь Королька была передана, записана и предъявлена на его подтвержденіе. Такимъ образомъ столяръ былъ вынужденъ обвинить Варвару Кулбасову; «и по тѣмъ ея слова», добавилъ Василій, я и говорилъ женкѣ Марьѣ вышенисанныя рѣчи. А государыню императрицу я не обзывалъ и Марьѣ о томъ не сказывалъ; она въ томъ сказала на меня напрасно, я же сознавался, убоясь пытки; на ключника и гребца показалъ самую истину, понеже и съ ними тѣ слова говорилъ; старуху же Варвару закрывалъ, изъ жалости къ ней.

Зато сама Варвара, ¹⁰² страшась лютой казни, рѣшительно заперлась во всемъ; какъ кажется, она была въ надеждѣ, что ея господа вліяньемъ на судей спасутъ ее отъ истязаній розыскъ и поэтому сильно уперлась на томъ, что ничего подобнаго словамъ Королька не говаривала; а были ли у нея съ нимъ другіе разговоры—того она не помнитъ. Королекъ какъ нельзя болѣе обстоятельно напомнилъ Кулбасовой всѣ подробности ея разсужденій, но та настойчиво ихъ отрицала... Королекъ между тѣмъ

продолжалъ вспоминать остальные ея рѣчи, говоренныя въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ, но всегда съ нимъ, наединѣ и обвиненія на старушку дѣлались все длиннѣе и длиннѣе. ¹⁰³ «А больше того, заключилъ свой разсказъ Королекъ, у меня съ ней никакихъ словъ не было; показалъ я самую истину, какъ являться мнѣ предъ Богомъ; а въ первыхъ показаніяхъ ее укрывъ, вонже она мнѣ вѣсто матери была.»

Любопытно, что перенесши двѣ пытки, очень хорошо понимая, что ему не миновать приговора строгаго, Королекъ льстилъ себя надеждою смгчить его сколько нибудь, и теперь запирался отъ нѣкоторыхъ показаній на него Кузнецовой; такъ напримѣръ, онъ стоялъ на томъ, что не слыхалъ ни отъ кого, и никому не передавалъ, что де и нынѣ многіе великому князю сказываютъ; по государственному де наговору, государь забилъ царевича до смерти изъ своихъ рукъ кнутомъ...

Этимъ отреченіемъ онъ немогъ однако спастись отъ дальнѣйшихъ истязаній: выдавши Варвару *послѣ* первыхъ двухъ розысковъ, Королекъ, по правиламъ тогдашняго судопроизводства, долженъ былъ закрѣпить справедливость новыхъ показаній новыми пытками.

8 и 15 іюня онъ мужественно вынесъ третью, за тѣмъ четвертую виску; отвѣтъ былъ прежній: я во всемъ показалъ самую истину. Теперь, для полнѣйшаго дознанія готовы были веревка и кнутъ для вельми престарѣлой Варвары. Все еще надѣясь спастись отъ истязаній, — если ужъ не ходатайствомъ княгини, то въ уваженіе своихъ 70-ти лѣтъ, — старушка продолжала зашпираться... ее повлекли въ застѣнокъ.

Здѣсь 15 іюня она присутствовала при розыскѣ ея любимца; теперь (6 іюля) предъ ея же очами Королька вновь вздернули на дыбу: висѣлъ онъ на дыбѣ *мною* и спина его, тщательно обжигаемая пылавшими вѣниками, долго курилась невыносимымъ жаромъ.

Истязуемый съ *пятой* пытки остался при прежнихъ рѣчахъ.

Тогда, вздернутая на виску, заговорила старушка: «слова тѣ быть было царицею свѣтлѣйшей княгинѣ я говорила; а отъ кого я то слышала не упомню; кромѣ же тѣхъ словъ ничего иного съ Королькомъ не говорила; да и то говорила-ль, нѣтъ-ли того суще не упомню.»

Глава тайной канцеляріи Толстой былъ въ это время съ государемъ въ персидскомъ походѣ, и Ушаковъ обстоятельно извѣщалъ его о новостяхъ по своему вѣдомству. Такъ и теперь онъ не замедлилъ отрапортовать его превосходительству Петру Андреевичу «для извѣстія и для донесенія о важности дѣла государю: столяромъ Васильемъ Королькомъ въ переменныхъ его рѣчахъ, послѣ первыхъ двухъ розысковъ розыскивано трижды, и огнемъ жженъ; а съ розысковъ говорить по прежнему, что

слышалъ тѣ непристойныя слова отъ Варвары Кулбасовой... А она Варвара на очной ставкѣ, въ застѣнкѣ запрадалась, что она такихъ словъ никогда не говаривала, чего ради ею Варварою я уже и розыскивалъ; а съ розыску говорить тоже, только малое нѣчто пополнила... А эта старуха, заключалъ письмо Ушаковъ, весьма въ престарѣлыхъ лѣтахъ, и въ здоровьѣ слаба, и я опасуюсь, ежели ею розыскивать, чтобъ безвременно не умерла.» ¹⁰⁴

Это вниманіе къ Кулбасовой проистекало, какъ кажется, только изъ того, что старушка была одною изъ довѣреннѣйшихъ служанокъ княгини Меншиковой; Андрей Ивановичъ, какъ человѣкъ политичный и придворный, хотѣлъ угодить сильному человѣку и былъ вообще несравненно снисходительнѣе къ старушкѣ, нежели къ другимъ лицамъ, замѣшаннымъ въ подобныхъ же случаяхъ. Такъ напр. онъ не томилъ Варвару заключеніемъ въ мрачномъ и смрадномъ подвалѣ тайной канцеляріи, а оставилъ на дому княжескомъ, подъ прѣсмотромъ того же дома слуги; предосторожность смѣшная: престарѣлая женщина была не въ состояніи никуда бѣжать ¹⁰⁵

Извѣтчица Марья Кузнецова не достигла своей цѣли: она не получила свободы, не спаслась и отъ полиціи-мейстерской канцеляріи; еще при отправленіи ея въ тайную, полиціи-мейстеръ Деверъ просилъ, лишь только де женка Кузнецова подлежать будетъ свободѣ, по «слову и дѣлу», прислать бы ее по прежнему въ полицію, для розыску въ воровствѣ.—Кузнецова высидѣла въ тайной канцеляріи четырнадцать мѣсяцевъ и отправлена въ Петербургъ, къ Деверу, ¹⁰⁶ «для дальнѣйшаго сидѣнія и розысканія.» Она получила свободу въ послѣдствіи, по другому доносу.

Старуха Варвара, по имянному указу Петра, отпущена на волю изъ-подъ домашняго ареста; по справкѣ оказалось, что Меншиковъ, не дожидаясь указа, уже освободилъ ее и безъ всякаго позволенія увезъ съ собой въ Петербургъ, въ февралѣ 1723 года. Нечего и говорить, что инквизиторы, вообще ревнивые къ своей власти, въ этомъ случаѣ не посмѣли сдѣлать вельможному князю ни малѣйшаго замѣчанія. ¹⁰⁷

Дѣло было кончено: Королекъ оказывался преступникомъ государственнымъ, наитягчайшимъ... Онъ оскорблялъ своимъ розсказнями честь госудырыни, оскорблялъ государя, осуждалъ его дѣйствія... Мы видѣли какъ жестоко карались тѣ несчастные, которые рѣшались сказать два-три слова непристойныхъ о высокихъ персонахъ; слова эти срывались у болтуновъ болшею частію въ пьяномъ видѣ, на обумъ, безсвязно — и между тѣмъ вырываніе ноздрей, нещадное побіеніе кнутомъ и ссылка въ каторжную работу были почти обыкновеннѣе наказаніемъ сихъ важныхъ злодѣевъ государственныхъ. Если такъ поступали съ весьма шумными болтунами, то какъ же

должны были наказать Королька, который говорил цѣлыя рѣчи «къ поношенію чести ихъ императорскихъ величествъ,» Королька, который не потрудился даже сослаться на пьянство (не извѣстно былъ ли онъ пьянъ во время бесѣды съ Марьей), наконецъ Королька, который на двухъ сряду попыткахъ укрыль главную виновницу его толковъ? Казалось, — по существу дѣла и обычному вершенію дѣлъ тайнымъ судилищемъ, — топоръ долженъ бы былъ отхватить главу набожнаго Королька. Къ плахѣ вела и выписка изъ военнаго артикула, ауратно подведенная къ завершенію дѣла:

На этотъ разъ, однако, грозное значеніе артикула было оставлено судьями безъ приложенія къ практикѣ: Королекъ былъ слуга сѣлѣйшаго князя Меншикова; каран жестоко Королька, нужно было наказать и главную виновницу его толковъ, Варвару, а это не могло быть угодно ни Меншикову, ни его семейству; оно, какъ мы видимъ, до такой степени отличало старушку отъ другихъ служанокъ, что не бросило ее изможденную въ Москвѣ, а повезло съ собой въ Петербургъ. Разумѣется обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ молчатъ бумаги тайнаго судилища, но все это неизменно имѣлось въ виду судьями, неизменно отражалось на ихъ приговорѣ. Кулбасова заперлась почти во всемъ; но ее заирательство, по духу тогдашняго вершенія дѣлъ, не должно бы было имѣть ни малѣйшаго значенія: Королекъ закрѣпилъ истину показаній рядомъ пытокъ, копченіемъ на огнѣ, слѣдовательно старуха должна была подвергнуться казни.

«Василія Королька, гласилъ приговоръ, за важныя, неврстойныя разговоры про ся величество государыню императрицу Екатерину Алексѣевну, послать въ ссылку въ дальніе сибирскіе города и проицтаніе ему имѣть отъ своихъ трудовъ. А вдовѣ Варшарѣ Кулбасовой, за непристойныя слова, по 20 артикулу, хотя было и довелось учинить наказаніе, однакожь того ей не чисть, а замѣнить бывшимъ надъ ней розыскомъ. Освободивъ изъ за поручительства съ запискою, сказать ей указъ, подъ лишеніемъ живота, о чемъ она спрашивана, чтобъ о томъ разговоръ отнюдь ни съ кѣмъ и никогда не имѣла. 108»

10 января 1724 года, т. е. два года спустя послѣ начала дѣла, Королекъ былъ высланъ въ Сибирь на поселеніе. 109

Слѣдствіе и осужденіе по дѣлу Королька для насъ интересны потому, что показываютъ въ какой степени руководствовались тогдашніе судьи законами при изрѣченіи приговоровъ. Большею частію, — а это мы можемъ подтвердить многими примѣрами, — приговоры составлялись, смягчались и измѣнялись по произволу судей, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, тѣхъ или другихъ связей и отношеній подсудимыхъ къ лицамъ сильнѣйшимъ. Въ этомъ отношеніи и въ вѣкъ Петра, въ вѣкъ монарха превозносимаго за правдолюбіе и строгое соблюденіе законовъ,

лицепріятіе и неправда находили себѣ уголокъ... Тайныя судилища при тайномъ вершеніи дѣлъ тайно обдѣльвали много дѣлишекъ, такимъ образомъ, что законъ обходился весьма искусно.

Но въ настоящемъ эпизодѣ мы хотимъ обратить вниманіе не столько на странное вершеніе, сколько на сущность разсказовъ Варвары Кулбасовой и Василья Королька. По нашему мнѣнію, они имѣютъ бѣльшее значеніе, нежели другіе слухи и толки того времени. Наряду съ баснями о сожженіи царицы Авдотьи Лопухиной, съ толками о замыслѣ укрыть сына злополучнаго царевича въ Австрію, ¹¹⁰ наконецъ на ряду съ непонятными предположеніями: «быть царицею свѣтлѣйшей княгинѣ Меньшиковой» попадаютъ здѣсь рѣчи въ высшей степени знаменательныя.

Въ нѣкоторыхъ разсказахъ иноземцевъ о смерти царевича встрѣчаются болѣе или менѣе пространныя разсужденія о участіи въ этомъ дѣлѣ Екатерины. Изъ отечественныхъ писателей М. П. Погодинъ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи: «Судь надъ царевичемъ Алексѣемъ» прекрасно изобразилъ, какъ постепенно охлаждала Екатерина любовь Петра къ Алексѣю, какъ исподоволь раздувала въ немъ возникшее нерасположеніе въ злобу и ненависть; все это для того, чтобъ по смерти государя очистить дорогу къ престолу своему сыну, и тѣмъ упрочить собственное могущество.

Но въ этомъ случаѣ разсказъ г. Погодина основывается почти на однихъ только предположеніяхъ; въ подлинныхъ бумагахъ едвали когда нибудь отыщется документъ *прямо и ясно* указывающій на замыселъ и хитрыя козни мачихи несчастнаго царевича; женщина безграмотная, она не могла оставить по себѣ какихъ либо записокъ и писемъ, въ которыхъ подвліяніемъ минуты и текущихъ событій проскользнули бы слова, бросающія настоящей свѣтъ на все дѣло; да если бы и существовали записки Екатерины, то и тогда едвали бы мы что нибудь имѣли для разрѣшенія этого вопроса. Петровское время было слишкомъ грозно для того, чтобы дозволить его главнымъ дѣтелямъ поступать опрометчиво; тѣмъ болѣе не способна была на опрометчивость Екатерина, ловко примѣнявшаяся къ характеру супруга въ теченіе столь многихъ лѣтъ.

«*Вѣрно* у Петра, говоритъ г. Погодинъ, давно уже возникла мысль отрѣшиться отъ наслѣдства Алексея, рожденнаго отъ противной матери, не раздѣлявшаго его образъ мыслей, не одобрявшаго его нововведеній, приверженнаго къ ненавистной старинѣ, склоннаго къ его противникамъ. *Вѣрно* онъ возымѣлъ желаніе предоставить престолъ дѣтямъ отъ любезной своей Екатерины. Екатерина, равно какъ и Меньшиковъ, коихъ судьба подверглась бы ежеминутной опасности въ случаѣ смерти царя, старались *разумѣется*, всѣми силами питать эту мысль, пользуясь неосто-

режкими выходками царевича. Они переносили Петру всё его слова, толковали всякое движеніе въ кривую сторону, раздражали Петра болѣе и болѣе. И вотъ, лукавая совѣсть человѣческая, вѣстѣ съ сильнымъ умомъ, начала подбирать достаточныя причины, убѣждать въ необходимости дѣйствія, оправдывать всякія мѣры; она пугала прошедшимъ, искажала настоящее, украшала будущее — и Петръ рѣшился! Онъ рѣшился, и ужь, разумеется, ничто не могло мѣшать ему при его желѣзной волѣ, предъ которою пало столько препятствій. Погибель несчастнаго царевича была опредѣлена. Въ средствахъ нечего было ожидать строгой разборчивости: Петръ въ такихъ случаяхъ, ничего не шадя, кромѣ своей цѣли, лишь бы скорѣе и вѣрнѣе кончено было дѣло.»

И все это разсужденіе, съ справедливостью котораго мы соглашаемся, все таки же основано на *впрямьностяхъ* и *догадкахъ*. Мы не слышимъ царственныхъ переговоровъ; не слышимъ, какъ Катерина перестолковываетъ Петру каждое дѣйствіе нелюбезнаго сына, какъ раздражаетъ его болѣе и болѣе... Петръ, Екатерина, Меншиковъ, судьи царевича молчатъ объ этомъ; молчатъ и самъ царевичъ: при допросахъ, подѣ страхомъ пытки, онъ ни единого словомъ либо намекомъ не обвинилъ матицу, ни ея сподручника Меншикова. И такъ гдѣ же *прямыя*, болѣе или менѣе современныя подтвержденія *предположенію*, что Екатерина вознигнула кровавую усобицу отца съ сыномъ?

Подтвержденіе мы находимъ въ толкахъ и пересудахъ знающихъ уже намъ слугъ князя Меншикова. Эти толки и рассказы ходили между ними съ первыхъ же дней слѣдственнаго дѣла царевича, съ февраля 1718 по конецъ 1721 года, т. е. по то время, какъ Марья Обросимовна Кузнецова выдала своего любовника.

Намъ скажутъ: можно ли придавать столь важное значеніе словамъ слугъ и служанки? Мы думаемъ, что можно, ибо это были люди *близкіе* къ своимъ знаменитымъ господамъ и нѣтъ сомнѣнія, что въ основаніи ихъ разказовъ было слышанное и выслушанное во внутреннихъ апартаментахъ. Иначе откуда такая послѣдовательность, точность и опредѣлительность въ нѣкоторыхъ изъ извѣстій, сообщенныхъ Кулбасовою Корольку не только въ разные мѣсяцы, но и въ разные годы?.. Въ ея рѣчи мы какъ бы слышите слова, прямо выхваченныя изъ устъ государыни царицы: «какъ царевичъ де сядетъ на царство, онъ возметъ свою мать, а въ то время мнѣ отъ твоего сына житья не будетъ» и проч. А это пророчество Петра, высказанное Меншикову: «Даниловичъ! нукуда я живъ, потолокъ и ты, а безъ меня не дадутъ тебѣ много жить.» Слова эти дышутъ такимъ значеніемъ характера и положенія князя среди остальныхъ сановни-

ковъ, что цѣтъ возможности допустить, будто все это не болѣе какъ выдумка престарѣлой няни.

Но можетъ быть она ничего и не говорила, можетъ быть все это извелъ на нее Королекъ: вѣдь старуха ни въ чемъ, или почти что ни въ чемъ не созналась?

Что Королекъ не всклепалъ на нее напрасно, это видно изъ всего слѣдствія, изъ того наконецъ, что онъ только на исповѣди, послѣ двухъ уже истязаній, какъ-бы невольно приличилъ къ дѣлу старуху; въ этомъ приличеніи онъ не могъ видѣть собственного спасенія отъ приговора, слѣдственно ему нечего было лгать; а затѣмъ смотрите, какъ ясно и обстоятельно передаетъ онъ всѣ подробности своихъ бесѣдъ съ Варварой!— Но она запрашиваетъ? И не мудрено: кромѣ чувства самосохраненія, ее могла побуждать къ молчанію мысль, что съ сознашемъ придется назвать и тѣхъ лицъ, отъ которыхъ она слышала свои новости и — кто знаетъ?— быть можетъ, пришлось бы обратиться до княгини Марьи Михайловны Меншиковой, до ея сестры Варвары Михайловны, до нѣкоторыхъ изъ ея именитыхъ друзей и знакомыхъ посѣтителей и посетительницъ... Съ первой же пытки старуха нарушила молчаніе. При новомъ истязаніи, еслибы чья-то предусмотрительная рука и спасла ее, она повѣдала бы и больше...

ПРИМѢЧАНІЯ.

⁹⁴ Любопытно, что іюнь былъ самымъ зловѣщимъ мѣсяцемъ и Алексѣя и его сторонниковъ: въ іюнь 1718 г. произведены были смятыя лютыя пытки, заѣченъ царевичъ; въ іюнь 1719 г. выгнаны на свѣтъ Вожій изъ сундучковъ кормилицы грамотки царевича, и дѣлавшія его сторонниками довольно много хлопотъ; новые страданія причинила имъ болтливость Семена Игнатьева въ іюнь 1720 года.

⁹⁵ Пановъ былъ женатъ на дочери Якова Игнатьева.

⁹⁶ Всѣ подробности заимствуемъ изъ подлинныхъ документовъ Д. Т. К. картонъ XXVII л. 8.

⁹⁷ Приводимъ краткій обзоръ письмамъ разныхъ лицъ къ Якову Игнатьеву, сохранившимся въ госуд. архивѣ и пересмотрѣннымъ мною. Отъ канцлера Головкина—7 п. Гаврила Ивановичъ поздравилъ отца Якова съ разными праздниками, извиняется, что не взялъ благословенія предъ отъѣздомъ въ Смоленскъ, извиняется, что не часъ пишетъ (1708 г.) «за всегдашними недосугами и трудами», желаетъ «душевнаго спасенія и тѣснаго здравія», извѣщаетъ о пересылкѣ писемъ царевича и проч. Петръ Салтыковъ въ самомъ почтительномъ письмѣ (22 окт. 1710 г.) извѣщаетъ о пересылкѣ грамотокъ царевича къ «иречестному отцу»; о томъ же царевичѣ по часту доноситъ по своей должности, къ святыхъ радѣтелей Иванъ Афанасьевъ камердинеръ Алексѣя. Въ числѣ девяти посланій Афанасьева упрямѣе его записка книгамъ, отравленнымъ къ царевичу съ попомъ Ливеріемъ въ 1717 году: «а — Библия, а — Брауншвейцкой вѣры, г свѣтъ свѣта, а — досточоя, а — Зерцало Польская; а — сиротини

ца, а—вѣща; а—кружка серопетинно; при тѣхъ книгахъ отца Слонскаго подписаны и костюправовы подписаны-жь». Камердинеръ извѣщалъ такимъ образомъ о. Якова о всемъ, что касалось царевича даже до мелочи; не менѣе акуратнѣе былъ Федоръ *Еварлаковъ*: находясь почти постоянно при царевичѣ, онъ не оставлялъ пречестнаго отца извѣстїями о здоровьи его духовнаго сына, писалъ также о крощпринцессѣ, просилъ о порядкѣ собственныхъ домашнихъ дѣлъ; въ архивѣ уцѣлѣло его 8 писемъ съ 1707 по 1712 г.; чаще другіе-жь свѣсались съ о. Яковомъ Петръ *Анфимовъ* (42 п.) Алексѣй *Нарышкинъ*, (39 п.) и въ особенности Никифоръ *Вяземскій* (63 п.) всѣ ихъ грамотки содержанія общаго: краткія извѣстїя о здравїи и благополучности царевича, просьбы приглядѣть за ихъ домашними дѣлами, верелыя поклоны роднымъ и проч.; почти такого же содержанія письма Гаврилы *Лопухина*, (1 п.) Василия *Нарышкина* (5 п.) Андрея *Нарышкина* (2 п.) Ивана *Нарышкина* (1 п.), Варвары *Головиной* (1 п.) Луды *Топильскаго*, племянника о. Якова (3 п.) мѣкоторыя изъ нихъ просятъ ходатайства о царевичѣ по разнымъ дѣламъ, большею частью о поставленїи какого либо духовнаго лица; спрашиваютъ совѣтовъ по своимъ дѣламъ, такъ напр. «нѣтъ-ли противнаго, спрашиваютъ Гаврила Лопухинъ, что я часто людей ставлю родственниковъ своихъ, и о господинѣ Вольшскомъ не предпомянуть ли» (?) Какой-то *Исаакъ митрополитъ* убедительно проситъ хлопотать чрезъ царевича о свободѣ его изъ Кирилова монастыря, и бьетъ челомъ малелькою взяткою: книгами, чашечкою и оловяннымъ желозомъ. «Пресловущаго и великаго царствующаго града Москвы обитающему, честному и избранному у престола Господня служителю, а моему милостивѣйшему господину священноіерею Іакову Игнатъевичу, желаю тебѣ врученную паству въ святости управляти и жителство со всеми своими любящими во благополучной радости провождати! такъ-же дланнымъ пристуомъ начинается посланіе архимандрита Сильвестра (кажется изъ Троицко-Сергіевской Лавры) къ отцу Якову: «При семъ же господине, продолжаетъ Сильвестръ, опасно имамы рещи о нашей общей радости. Апостолъ святый глаголетъ: съ радующїяся радоватися подобаетъ. Во истину и азъ, грѣшнѣйшїй, съ вами купно радуясь о дршпештїи во отечество свое милостивѣйшаго государя нашего царевича и великаго князя Алексѣя Петровича; аще же азъ нѣмѣ святолѣпнѣйшаго лица его видѣти и не сподобился, токмо воспоминаю Христово слово: блаженїи не видѣвшїи и вѣровавшїи, и я убогїй при помощи Божїей несумнѣнно уповаю, а царевича государя въ предъидушее время со усердіемъ моимъ радостно душою видѣти желаю»... Далѣе такимъ же витіеватымъ слогомъ Сильвестръ проситъ кланяться царевичу и умоляетъ посѣтить его св. обитель; отъ знаменитаго *Досіея* мы нашли только одну довольно безграмотную записку къ отцу Якову. Изъ нея видна короткость отношенїй двухъ прїятелей: «Свѣтъ мой и государь батюшко. пишеть Досіеѣй, пожалуй, посѣти, ей ей скорбної инїе нападетъ; о свѣтъ нашемъ не печалься (не о царцѣ ли здѣсь разумѣется?) Господь его (?) сохранитъ. Прошу у тебя милости: покаместа я съѣзжу въ Суздаль, ссуди меня 20 рублей на нужду надобно; я тебѣ самъ скажу; пожалуй, заутра токо мочно съ кѣмъ прислать: ей ей, мой батько, нимало прїѣдучи изъ Суздаля, не задержу» и проч. Вообще корреспонденція отца Якова была громадная; къ нему обращались лица различныхъ сословїй съ просьбами, поздравленїями, благодарностями и проч. Таковы письма къ нему попа Терентїя *Карпова-Постельникова*, чернеца новгородскаго *Феодосїа*, Василя *Дружинина*, стряпчачаго Тимофѣя *Румянцова*, попа *Хрисанфова*, іерея *Максимо-*

ва, Дьякова, Антима, князя Ивана Ухтомскаго, протопопа Алексѣя Васильева (прозваніемъ Грачъ) князя Алексѣя Черкаскаго Мануйлова, ключаря Афанасьева, пѣвчаго Ярославцова и друг. Всѣ ихъ грамотки уцѣлѣли въ подпольѣ Семена Игнатьева, въ завѣтномъ мѣшочкѣ «святыхъ-радѣтелей».

⁹⁸ Эта копія хранится въ госуд. архивѣ при Мин. Иностран. Дѣлъ.

⁹⁹ Такъ сосланы 7 октября 1718 г. служители царевича: Мееръ, Носовъ, Ѳедоровъ и Судаковъ *Устряловъ* т. VI стр. 237.

¹⁰⁰ Вер. дѣла Р. Д. Т. К. карт. XXII д. 30, 35 и 47. Разъ навсегда скажемъ, что приводя слова тѣхъ или другихъ лицъ въ нашихъ историческихъ разсказахъ, мы точно слѣдуемъ подлиннымъ документамъ.

¹⁰¹ Письмо Скорнякова Писарева въ С.п.б. 28 декабря 1721 г. Отвѣтъ секретаря петербургской тайной канцеляріи Топильскаго 9 января 1722 г.

¹⁰² Показ. 27 января, 3 февраля.

¹⁰³ Показ. Королька 7 мая 1722.

¹⁰⁴ Письмо А. И. Ушакова изъ Москвы 2 августа 1722 г.

¹⁰⁵ Указъ о содержаніи Кулбасовой 30 Апрѣля 1723 г.

¹⁰⁶ Постановленіе тайной канцеляріи 11 марта 1723 г. Кузнецовой выданы были по 4 кормовыхъ денегъ на мѣсяцъ и прогоны. Отправлена она при письмѣ Казаринова (секретарь Московской тайной канцеляріи) 3 мая 1723 г.

¹⁰⁷ Письмо Казаринова объ отъѣздѣ Кулбасовой 17 мая 1723 г.

¹⁰⁸ Приговоръ 27 ноября 1723 г. за подписаніемъ Толстаго и Ушакова.

¹⁰⁹ Секретарь московской тайной Канцеляріи, извѣщая объ этомъ Ушакова, просилъ повелительнаго ордера: «о колодникахъ, по другимъ дѣламъ, понеже кормовыя деньги тратить де имъ напрасно; къ тому же непрестанное мнѣ отъ нихъ слезное стужаніе.»

¹¹⁰ Слухи эти нашли себѣ откликъ въ Ярославской губерніи; здѣсь бродили они среди простого народа. Смотр. разсказъ: «цесарскіе корабли» въ статьѣ: «Слово и дѣло!» журналъ *Свѣточъ* 1861 г. кн. III.

¹¹¹ Говоримъ *почти*, такъ какъ есть свидѣтельство графа Шенборна о жалобѣхъ царевича на его мать. «Она и Меньшиковъ, — говорилъ Алексѣй въ Вѣнѣ, заливаясь слезами, — постоянно вооружали противъ меня отца; оба они исполнены злости, не знаютъ ни Бога, ни совѣсти.»

Михаилъ Семевскій.

Апрѣль 1861 г.
С.-Петербургъ.

БѢДНЫЕ ДВОРЯНЕ.

ЧАСТЬ IV.

I.

Съ мучительной тоскою случайно и некстати разхрабрившейся грусости ожидалъ Никеша послѣдствій ссоры своей съ дядей!.. Не мало его также беспокоила мысль и о томъ: какъ онъ будетъ оправдываться предъ своими благодѣтелями, что не только не выучился грамотѣ, но даже и бѣжалъ тайкомъ отъ своего учителя, какъ глупый и лѣнивый мальчишка убѣгаетъ отъ мастера, къ которому его отдали въ ученье. Какъ шальной юдилъ Никеша, думая свою горькую думу, и работа не только не спорилась, но даже валилась изъ его рукъ. Вся семья его была не въ лучшемъ расположеніи духа. Всѣ ходили какъ пришибенные, всѣ точно ждали какой-то бѣды. Прасковья Федоровна пробовала было успокоивать зятя, облагоднадеживая его защитой и покровительствомъ благодѣтелей, но Никеша, въ отвѣтъ на ся успокоительныя рѣчи, или молчалъ или бранился, такъ что наконецъ и разсудительная Прасковья Федоровна задумалась и припечалилась. Наталья Никитишна пыталась было забѣгать къ грозному братцу, въ надеждѣ умилостивить его смиреніемъ, повинной головой и слезами, но Харлампій Никитичъ такъ пугнулъ и обругалъ ее, что бѣдная старуха послѣ того и встрѣтиться съ нимъ боялась.

Харлампій Никитичъ послѣ описанной перепалки въ Никешинской избѣ отправился прямо къ брату—грозный, гнѣвный, съ проклятіями и угрозами. Онъ разсказалъ тамъ, что приколотилъ непослушнаго Никешку за непочтеніе, и что не только жить у него, но и видѣть его не хочетъ, что поселяется у брата, и все свое добро предоставляетъ Ивану. Александръ Никитичъ молчалъ, слушая брата; онъ уже успѣлъ составить о немъ несовсѣмъ выгодное мнѣніе и не ожидалъ большой радости отъ его сожителства; за то Иванъ торжествовалъ, сплетничалъ на брата и старался раздуть негодованіе дяди. Скоро они очень подружились другъ съ другомъ. Харлампій Никитичъ понималъ, что Иванъ готовъ быть его покорнымъ слугою, а Иванъ сообразилъ, что съ дядей ему будетъ гораздо веселѣе и привольнѣе жить. Ссылаясь на Харлампія Никитича, онъ то и дѣло оставлялъ работу. Онъ служилъ у дяди на посылакахъ, добывалъ для него водки, и нерѣдко напивался вмѣстѣ съ нимъ. На покупку вина, въ видахъ полученія дядею пенсіона, онъ занялъ у стройковскихъ мужиковъ денегъ. Часто между пьяными дядей и племянникомъ происходили такіе разговоры:

— Ванюшка, а Ванюшка...

— Чего, дяденька?

— Надо Никешку отдуть...

— Надо, дяденька...

— Я его отдую, шельму... До смерти забью ракалію... Онъ мнѣ неуваженіе... Онъ не знаетъ... Поручикъ Остапковъ... У-у... ракалія... У меня характеръ такой... Мнѣ повинуйся... У меня въ полку... стой смирно... Меня всѣ боялись... Я и тебя избью, шельма, коли не будешь слушаться... Я тебя...

— Какъ можно, дяденька, не слушаться... Я, кажется, не Никешка... Всегда стараюсь васъ уважить... во всемъ...

— Ты чувствуешь... Я тебя за это награжу... Цѣлуй ручку...

Иванъ цѣловалъ.

— Ну... вотъ такъ... Ты долженъ понимать... я васъ всѣхъ превознесъ... Поручикъ Остапковъ... А вы всѣ мужики... Что вы знаете... Я васъ могу... Вы всѣ на моемъ хлѣбѣ выросли... на мой счетъ живете... Ты чувствуешь это, али нѣтъ?...

— Какъ можно не чувствовать, дяденька... Чувствую...

— Ну, выпей... Тебѣ я все предоставлю... А Никешка не чувствуетъ... Ну, хорошо...

— Онъ всегда былъ озорникъ, и жена его озорница... А свекровь-то такая... упаси Боже... Халдей-старуха...

— Ну, я ихъ всѣхъ... Ты мнѣ только его поймай и поддержи... Я его изъ своихъ рукъ... У меня будетъ понимать... я выучу...

— Да ужь и надо поучить... Больно ужь они зазнались со своими господами...

— Вотъ я самъ поѣду ко всѣмъ... Я ихъ всѣхъ отъ него разговарю... чтобы и не знали его... потому онъ... Ванюшка, хочешь въ военную службу?..

— Да, вѣдь, какъ бы, дяденька, не хотѣть; да, вѣдь, въ офицеры-то не попадешь...

— А ты старайся... Ну, становись во фрунтъ... Я тебя буду учить... Ну, стой... Руки по швамъ... Брюхо подобрать... Ну, въ три пріема... Ра-а-зъ, два-а... Носокъ не поднимаи къ верху... Вытягивай... Ну... Ра-а-зъ,.. два-а... три-и...

Харлампій Никитичъ часто забавлялся такимъ образомъ, обучая Ивана маршировкѣ и военнымъ пріемамъ, сиди гдѣнибудь въ тиши за сараемъ, между тѣмъ какъ работа въ полѣ стояла, и съ нею управлялась одна жена Ивана, лѣнивая, вздорная и сварливая баба, которую, впрочемъ, кулаки мужа усмиряли съ большимъ успѣхомъ.

Иногда Харлампій Никитичъ въ халатѣ и съ трубкою въ рукахъ выходилъ въ поле посмотреть, какъ Иванъ работалъ съ женою. Здѣсь, разваливъ на снопахъ, онъ подзывалъ къ себѣ племянника, приказывалъ ему бросить работу и, какъ говорятъ, пересыпалъ изъ пустаго въ порожнее, покрикивая и понукая работать его жену. При встрѣчѣ съ Никаноромъ или кѣмъ либо изъ его семьи онъ обыкновенно ругался, кричалъ и грозилъ зубукомъ.

Такъ проходили дни. Александръ Никитичъ покушался было не разъ заговаривать о поѣздкѣ въ городъ за пенсіономъ, но Харлампій Никитичъ все еще не могъ отдохнуть и оправиться съ дороги. Однажды, порядкомъ подкутивши, онъ сталъ требовать, чтобы Иванъ добылъ еще водки. Но занятыя деньги всѣ вышли, а больше никто уже не вѣрилъ и въ долгъ не давалъ.

— Что, дяденька, дѣлать-то... Не добылъ денегъ-то... Нигдѣ... Никто не даетъ, говорилъ Иванъ, возвратившись послѣ неудачныхъ поисковъ.

— Достань, шельма, Ванюшка... закричалъ Харлампій Никитичъ,

тичь... Не раздражай меня... Пить хочу... Ты меня знаешь..
Достань гдѣ хочешь...

— Да не знаю гдѣ достать-то, дяденька...

— Гдѣ хочешь достань... Заложь что-нибудь...

— Развѣ хлѣбъ на-корню продать...

— Хлѣбъ продай...

— Да, вѣдь, дешево дадутъ... убыточно очень...

— Тебѣ для дяди жалко... Ты мнѣ грубить... забыви?..

— Да нѣту, дяденька, не то... Я продамъ сейчасъ... А вотъ что я думаю: за что же Никешка всѣмъ добромъ будетъ владѣть... Теперь онъ твою часть долженъ тебѣ отдать... у него, почитай, цѣлая половина земли: онъ тебѣ непочтеніе сдѣлалъ, кормить тебя не захотѣлъ... За что же онъ будетъ твой хлѣбъ ѣсть?.. Должно теперь намъ у него этотъ хлѣбъ взять...

— Апробую... Цѣлуй руку... Все возьмемъ... только, чтобы сейчасъ водка была... Живо... Минуты не могу ждать... Требуется...

— Такъ я сейчасъ свою нежатую полосу продамъ... и волки предоставлю... А ты ужь смотри, завтра же съ нихъ свою часть стребуй...

— Ну, живо... На-лѣво кругомъ... Скорымъ шагомъ... Маршъ...

Къ полному удовольствію Харлампія Никитича, Иванъ скоро принесъ вина.

На другой день, чуть свѣтъ, Иванъ принялся возить на свое гумно съ полосы брата сжатую рожь... Въ то время, какъ онъ накладывалъ третью или четвертую телѣгу, его примѣтила Наталья Никитишна, которая, устряпавшись, шла въ яровое поле, помогать своимъ, которые жали ячень, отъ жаровъ начинавшій сильно ломаться и сыпаться.

— Что ты обезпамятѣлъ, что ли: чужой-то хлѣбъ возишь... Это, вѣдь, чай наша полоса-то...

— Не ваша, а дядснькина... За вами еще никто се не закрѣпилъ, отвѣчалъ Иванъ, хладнокровно продолжая дѣло.

— Да что ты, разбойникъ, въ умѣ ли?.. чай, нашъ хлѣбъ-то тутъ посѣянъ... Мы его и жали...

— Можетъ, дяденька сѣмяна-то вамъ отдасть... Не мое дѣло... Велѣлъ возить—и вожу... Мой, говорить, это хлѣбъ... Перевези его къ себѣ на гумно... Я и вожу... Наталья Никитишна совершенно вдругъ упала духомъ: не знала что говорить, что дѣлать, слезы подступили у нея къ горлу, дыханіе перехватило... Нѣсколько минутъ она стояла молча, и точно безумная смотрѣ-

и, какъ Матрена, жена Ивана, подавала снопы, а онъ уклады-
валъ ихъ на телѣгу,.. Господи, что же это?.. Ужь хлѣбъ от-
нимають... смутно думала она. Какъ, ея кровавый потъ... пло-
ды ея трудовъ, ея больной спины... хлѣбъ, о которомъ она
воплаась, на который надѣялась... и тотъ отнимають,—мель-
кло въ тоскующей душѣ Натальи Никитишны.

— Батюшки... родимые... грабятъ! закричала она отчаяннымъ
голосомъ, и, вопя и рыдая, бросилась бѣжать къ Никанору, ко-
торый жилъ вмѣстѣ съ женою.

— Батюшки... Никешинька... хлѣбъ берутъ... хлѣба насъ
лшаютъ... съ голоду помремъ, кричала она еще издали, за-
вылавшись и едва переводя духъ...

— Что такое? Что такое?.. съ безпокойствомъ спрашивали
Никеша и Катерина, оставляя серпы.

— Иванка хлѣбъ нашъ къ себѣ возитъ... Подите... Бѣгите...
Вонъ онъ стоитъ на переднихъ полосахъ...

И Наталья Никитишна съ воплями упала на землю.

Никеша и Катерина бросились бѣжать по указанію тетки.
Они застали Ивана, выводящаго лошадь съ телѣгою, нагруженной
снопами. Матрена шла сзади.

Никеша, взволнованный, раздраженный, въ бѣшенствѣ бросился
за брата и схватилъ его за воротъ. Катерина также бесознатель-
но схватилась за узду лошади и повисла на ней. Но Иванъ
былъ гораздо сильнѣе брата: однимъ толчкомъ онъ отдернулъ
его отъ себя и сшибъ съ ногъ. На Катерину напала Матрена:
и во одно мгновеніе кички полетѣли съ ихъ головъ и невѣстки
щипались другъ дружку въ волосы. Иванъ на-силу рознялъ
ихъ и растолкнулъ въ разныя стороны.

— Не дамъ моего хлѣба, не дамъ... кричалъ Никеша, вска-
кивая на ноги, и схватился за телѣгу. Его примѣру послѣдовала
и Катерина, забывшая о кичкѣ и обнаженныхъ волосахъ.

— Пожалуй, не давай... И безъ даванья возьмемъ... отвѣчалъ
Иванъ, трогая лошадь, которая двинулась и повезла телѣгу,
таща и уцѣпившихся за нее Никешу съ Катериной.

— Да что-жь ты, разбоемъ хочешь что ли взять?.. Я, вѣдь,
въ деревню побѣгу: народъ собью... Помочи стану просить,
говорилъ Никеша, опомнившись и видя, что ему не одолѣтъ ни
Ивана, ни его лошади.

— Бѣги... свое беремъ, не нужно... Дяденька приказалъ:

онъ въ своей землѣ властенъ... А ты рукавъ води не давай: еще коротки, не доросли... отвѣчалъ Иванъ.

— Батюшка, Никаноръ Александрычъ, я побѣгу... закричу мужичковъ... попрошу помочи... Батюшки, денной грабежъ... кричала Катерина. Никаноръ Александрычъ, ты иди за нимъ, а я въ деревню побѣгу, мужичковъ сбивать. И Катерина, позабывши стыдъ явиться передъ народъ съ обнаженной головой и растрепанными волосами, побѣжала въ деревенское поле. Но мужички ее слушали, окружа цѣлой толпой: иные покачивали головами, другіе посмѣивались, но никто не изъявилъ согласія вмѣшаться въ чужую, да еще семейную ссору; и только одна сердобольная баба подала Катеринѣ платокъ, со словами: да накройся, matka, простоволосая совсѣмъ.

Между тѣмъ Никеша, перебраниваясь съ братомъ, дошелъ вслѣдъ за нимъ до его гумна; тамъ опять изъявилъ было намѣреніе помѣшать ему сваливать рожь, но Иванъ только съ угрозой посмотрѣлъ на него да примолвилъ: не связывайся лучше... видѣлъ давеча...

Никеша согласился, что дѣйствительно ему связываться съ братомъ не по силамъ, пошелъ было объясняться съ отцомъ, но тотъ и говорить съ нимъ не захотѣлъ, а Харлампій Никитичъ изъявилъ желаніе побить еще непокорнаго Никешку.

— Такъ, что же это такое? Что же это... Живымъ помирать, что ли... Живымъ въ гробъ ложиться... говорилъ Никеша. Я коли къ предводителю пойду... Жаловаться буду... Это жить нельзя.

— Поди куда хочешь... Поди... Жалуйся!

— Жаловаться?.. Ты еще жаловаться?.. закричалъ Харлампій Никитичъ, вооружаясь чубукомъ. Ты мнѣ грубиянить... Жалуйся же, а я тебя изувѣчу...

Никеша долженъ былъ убѣжать отъ вооруженнаго дяденьки. На дорогѣ къ дому, онъ встрѣтился съ возвращающейся изъ деревни Катериной.

— Что, батюшка? спросила она его уныло.

— Къ предводителю надобно ѣхать... Жалобу провѣстать... Защиты просить... Что будешь дѣлать... Это жить нельзя!

— Поѣзжай, батюшка, поѣзжай!

— Ну что, родимые, что? спрашивала Наталья Никитишна, охая и стона, насилу дотащившаяся изъ поля домой, гдѣ послѣ воплей и слезъ она вдругъ почувствовала себя нездоровой,

точно какъ бы кто ее избилъ, или будто упала она съ большой высоты и разбилась.

— Ну что, родимые, отдали ли, разбойники?

— Нѣтъ, не отдають, да и насъ-то избилъ... Къ предводителю сейчасъ поѣду.

— Охъ, поѣзжай, батюшка, поѣзжай... Охъ, моченьки моей нѣтъ... Всю утробушку, ровно верхъ дномъ поворотило... Охъ, слухи моей не стало... тошнехонько... Эки времена пришли... Поѣзжай, батюшка, поѣзжай, радѣльщикъ... неужто своей родимый хлѣбецъ уступать?.. Неужто ихъ своей кровью кормить... Охъ, батюшки мои... свѣты... О-охъ... Чувствуя себя совершенно больною, Наталья Никитишна, по обычаю всего русскаго жда, залѣзла на горячую печь, не смотря на то, что въ воздухѣ стоялъ жаръ страшный.

Никита впророчно собрался въ дорогу и отправился въ путь. Но прежде, чѣмъ ѣхать къ предводителю, онъ подумалъ сначала переговорить и попросить совѣта и защиты у своего ближайшаго благодѣтеля, Палёнова. Останкову давно бы слѣдовало ѣхать у него, чтобы узнать о сынѣ, но онъ боялся ѣхать, не зная, какъ объяснить свое бѣгство отъ Карѣева, и потому откладывалъ поѣздки день за днемъ. Теперь онъ надумалъ оправдаться во всемъ неожиданнымъ прїѣздомъ и послѣдовавшими за нимъ притѣсненіями дяди. Къ тому же онъ не зналъ гдѣ въ настоящее время Рыбинскій: въ усадьбѣ своей, или въ городѣ; по его мнѣнію Палёновъ это долженъ былъ знать вѣрнѣе.

Изъ избы Александра Никитича увидѣли какъ вотрусилъ Никита на своей буркѣ.

— Видно къ предводителю жаловаться поѣхалъ, замѣтилъ Иванъ, только что прїѣхавшій съ поля обѣдать.

— Жаловаться.. отозвался Харлампій Никитичъ... А пускай его, посмотримъ... Я еще и самъ съ предводителемъ-то поговорю... Что мнѣ?.. Я самъ дворянинъ и офицеръ... Что онъ мнѣ можетъ сдѣлать?.. Да кто у васъ предводитель?

— Помѣщикъ одинъ тутъ богатый... Рыбинскій прозычется.

— Да не изъ военныхъ ли онъ?

— Не знаю я его... Кто его знаетъ... отвѣчалъ Александръ Никитичъ.

— Стало быть изъ военныхъ, замѣтилъ Иванъ. Сказываютъ, знаютъ очень ужъ много, такіе шеры сводить, что шашать...

Это пѣсельники у него... Цыганъ держить... А въ картежь, сказываютъ, дуется... бѣда: по пятидесяти да по сту тысячъ за разъ проигрываетъ.

— Ну такъ изъ военныхъ... подтвердилъ Харлампій Никитичъ... А коли онъ изъ военныхъ и этакого духа человѣкъ... любить разгуляться... Это намъ съ руки... Значить, нашего сорта человѣкъ... Я могу съ нимъ подружиться... Коли онъ военный... онъ сейчасъ долженъ понять, что я за человѣкъ... потому мы, военные... другъ друга знаемъ... Что мнѣ можетъ Никешка сдѣлать... Я его уничтожу, шельму... Я его заставлю покориться!

— Да и на кого онъ жаловаться-то поѣхалъ съ дуру?.. На отца да на дядю роднаго... А развѣ кто можетъ родительскую волю снять съ сына?.. И развѣ не родителю показано и дать сыну и отнять что ему будетъ угодно, какъ Богъ на душу положитъ?

— Ванюшка!.. молодець!.. Подай водки... Поднесу тебѣ, шельма... Хорошо говоришь... умно... Подай водки!

Иванъ тотчасъ же исполнилъ приказаніе. Александръ Никитичъ не отказался также выпить.

— Испортили Никанора эти бабы, особливо эта халуйка окаянная... свекровь его... Втравила его въ господскую компанію; выучила тамъ тарелки лизать, да попрошайничать... Такую за-неберію въ голову парню вбила... Всякое почтеніе къ отцу потерялъ.

— Оттаскать ее нужно... за косы... отсыпать ей, шельмѣ, штукъ сотню... Будетъ умнѣе...

— Ужъ куда ее бить, старую чертовку... Еле бродить... Отъ одного пинька издохнетъ... Злобы-то въ ней больно много, окаянной... Да какую важность соблюдаетъ,.. Поди-ка... Точно дворянка.

— Самъ виноватъ... Осрамилъ ты мою фамилію, что женилъ Никешку на холопкѣ... Какъ я теперича могу это переносить... Поручикъ Осташковъ, спросятъ вдругъ, а на комъ женать твой племянникъ?.. Что я теперь долженъ отвѣчать?.. Стыдъ принимаю изъ-за васъ... Мужики!..

— Ну, братъ, пожилъ бы ты на моемъ мѣстѣ... Какъ другой разъ нечего съ семьей-то перекусить... Тутъ позабудешь и о дворянствѣ... Вѣдь, думали, богата, жидовка...

— Да опять развѣ ты, тятенька, женилъ Никанора?.. Это все

тетенька Наталья... Ей очень хотѣлось отдѣлаться съ ними отъ васъ: вотъ она все это и смастерила... А ты тутъ ни при чемъ... Твоей воли Никаноръ-отъ мало и спрашивалъ.

— И то правда... Ослабъ я... Старъ сталъ... Изъ рукъ всѣ выбились...

— Ослабъ!.. Эхъ, меня не было... Я бы васъ всѣхъ... Въ бараний бы рогъ согнулъ... Всѣхъ бы выправилъ... Стой прямо... Ходи по стрункѣ... Глади въ оба... Ванюшка... оказывай почтеніе... Цѣлуй у отца ручку... Вотъ такъ... Кланяйся въ ноги, каналья... Вотъ такъ... Теперь у меня цѣлуй ручку... Ну... Теперь въ ноги кланяйся... Вотъ какъ ихъ надо учить... Смотри какъ онъ у меня фрунтъ дѣлаетъ... Ну, Ванюшка... Руки по швамъ... Смирно!.. Вотъ... А ты что?.. Эхъ!.. Ты у меня Ванюшку въ военную службу отдай... Непремѣнно... Слышишь... Ты видишь меня?.. Можешь понять?.. Ну, и онъ такой же будетъ...

— А тетенька-то съ кѣмъ же останется, дяденька, какъ меня...

— Молчать... Ты со мной можешь разговаривать?.. Можешь, али нѣтъ? Говори.

— Какъ можно, дяденька... Никакъ нѣтъ...

— Ну, значитъ, и молчать... Ты знаешь меня, али нѣтъ?.. Отвѣчай...

— Какъ не знать.

— Ну, и молчать... Разговаривай, когда прикажутъ.

Весь этотъ день Харлампій Никитичъ пропьянствовалъ; но вѣкъ, выспавшись послѣ обѣда, отправился доваживать къ себѣ на гумно братнину рожь. А на другой день утромъ онъ охлысталъ часть ея, и собранныя зерна тотчасъ же продалъ. Злоудавствуя брату, онъ былъ очень дѣятеленъ и заботливъ, противъ обыкновенія.

II.

Между тѣмъ Никеша погонялъ своего бурка; но чѣмъ ближе онъ подъѣзжалъ къ усадьбѣ Палёнова, тѣмъ тяжеле и тоскливѣе становилось у него на сердцѣ; онъ боялся и грозной встрѣчи съ благодѣтелемъ, который, вѣроятно, сердится на него за неуспѣшное ученье, и въ то же время безпокоился о томъ, что дѣлается дома. У заботливаго Николая Андрееча рожь была уже

убрана съ поля и сложена въ многочисленныя скирды. Ц видѣ ихъ еще пуше заняло и заболѣло сердце у Осташкова.

— Эка хлѣба-то что... Эка сколько!.. Миѣ хоть бы половину такъ на всю бы жизнь богать... Какое половину, — хоть бы четверть... Да какая тебѣ четверть, — десятой бы доли было довольно... думалъ Никеша, подъѣзжая къ усадьбѣ, и стараясь постронными мыслями утишить тревогу сердечную. Эка сколько... добродѣтель, видно, Богъ посылаетъ... Что не оставляетъ насъ бѣдныхъ, несчастныхъ... утѣшалъ онъ себя... Вѣдь, онъ добрый... Крикливъ, да отходчивъ... Покричать, поругать... и ничего, и обласкаетъ человѣка... Онъ ничего... Онъ добрый баринъ!

Въ это время въ сторонѣ за крестьянскими овинами Осташковъ замѣтилъ нѣсколько человѣкъ мужиковъ и между ними узналъ Аристарха Николаича. Они о чемъ-то горячо и съ жестиами разговаривали. Никеша остановилъ лошадь, слезъ съ седла и пошелъ къ этой группѣ, чтобы разспросить земскаго расположенія духа Палѣнова и узнать о сынѣ. Слова разговаривающихъ не доходили до его слуха, потому что они видо сдерживали голоса, хотя говорили съ горячностью и сильно размахивали руками. Дѣло было въ томъ, что Аристархъ Николаичъ случайно выслѣдилъ и накрылъ трехъ барщинныхъ мужиковъ, укравшихъ рожь съ барской риги, во время молотбы. Аристархъ Николаичъ очень радъ былъ этому случаю, выгодно для него во всякомъ отношеніи: донесъ ли бы онъ брину о своемъ открытіи, или, если бы рѣшился съ мужиками на сдѣлку; вслѣдствіе этого онъ сильно ораторствовалъ и дѣлился надъ ними.

— Какъ же это вы, мошенники, рѣшились посягнуть на такой воступокъ? говорилъ Аристархъ Николаичъ, вытравивъ виски. Вѣдь, хлѣбъ — Божіе дарованіе и похищеніе его равно всякаго предмета къ удрученію человѣческой совѣсти приводитъ...

— Говорятъ тебѣ, Старей Николаичъ, не гни воровства, а зло только сдѣлали... отвѣчалъ молодой парень, коренастый широкоплечій съ добродушнымъ и открытымъ лицомъ. Я тебѣ все дѣло говорю, какъ есть, на душѣ...

— Да ты не тыкайся... Я тебѣ не тыкалъ, значить, я мнѣ теперь однимъ своимъ словомъ предъ бариномъ тебя окончатъ и къ большому оскорбленію произвести...

— Да ужъ я скорбь-то получилъ, Старей Николаичъ... Я ужъ за то шелъ... Я ужъ такъ и ребятамъ сказалъ: ну ужъ, я говорю, ребята, примаю на себя... пусть его надо мной потѣшатся.. а вы въ это время съ ворохомъ-то и управляйтесь... Вѣдь, я тебѣ... я вамъ, Старей Николаичъ, вѣдь, ужъ по всей совѣсти докладываю.

— Да какъ же вы могли... какъ вы рѣшились посягнуть на такое, можно сказать, посягательство... это оттого, что вы пьяницы, мерзавцы, воспитанія и чувствій не имѣете... При такомъ строжайшемъ баринѣ вы осмѣлились на денное воровство.

— Горе взяло, Старей Николаичъ...

— Что ты мнѣ распространяешься: какое горе... просто мошенничество... воровство...

— Нѣтъ, погоди, Старей Николаичъ... Я тебѣ..

— Да ты не тькайся... обращенія не забывай!

— Ну, не осуди... прости на томъ... Какъ же, Старей Николаичъ: ходитъ кажинную минуту, во всемъ досматриваетъ, шумитъ, кричитъ по-пусту, ворами да пьяницами ни за-что обзываетъ... Ну, горе и взяло... Что же, я говорю, ребята, что онъ задармо срамится, хоть бы и баринъ.. когда мы ни въ чемъ не причинны... Что онъ ходитъ, да досматриваетъ, ровно бурястръ какой... Развѣ это барское дѣло... Давай, ребята, шутку спутимъ надъ нимъ: изъ подъ носу украдемъ... Вотъ сказалъ... Не лгу... Я говорю: я его на себя чѣмъ ни-на-есть наведу... Онъ напустится.. Я резоны стану говорить... Онъ разъярится, примется меня тормошить... Этимъ дѣломъ займется... а вы тѣмъ временемъ свое дѣло мастачь... Сколько Богъ подастъ... Вотъ, всю правду говорю... съ мѣста не сойти... Ну, я скорбь изъ-за того принялъ: потаскалъ онъ меня шибко... А я думаю себѣ: да ну бей, изъ рожи-то не что сдѣлаешь... А ужъ по крайности шутку спутимъ... Самъ смотрѣлъ—да не досмотрѣлъ... Тутъ былъ—да украли.. А рожа ничего, рожа заживетъ... Что бита, что не бита... все одна.. Изъ нея не шубу шить... А ужъ по крайности на... Вотъ... Всю то есть тебѣ душу открылъ.

— Ахъ вы мошенники, мошенники... Что-жъ я долженъ теперь дѣлать?.. Совѣсть моя не позволяетъ мнѣ это дѣло въ скрытн оставить... А скажу, такъ вѣдь онъ васъ...

— Да что тебѣ, Старей Николаичъ, сказывать-то? отозвался

высокій худошавый парень съ плутоватыми, мрачно смотрящими изъ-подлобья глазами. Какъ бы ты къ этому дѣлу былъ приставленъ... ну, пушай такъ... А то тебѣ что?.. Видѣлъ да не видѣлъ... Что тебѣ насъ подводить?..

Аристархъ Николаичъ присанился и съ достоинствомъ подвигъ виски.

— Ахъ ты олухъ, олухъ... Мерзавецъ ты этакой... Потерянный ты человекъ...

— Что, мерзавецъ... Что, потерянный... бормоталъ худошавый парень, смотря въ сторону и почесывая затылокъ... Право... Вѣрно говорю...

— Вѣрно!.. Ты мнѣ это говоришь... Какія же твои понятія?.. Развѣ я не приставленъ отъ своего господина блюсти его добро... Развѣ я не долженъ денно и ночью стараться для его благополучія... Коли я рабъ его... и взысканъ, и почтенъ отъ него...

— Да что взысканъ да почтенъ... Развѣ не бьетъ тебя?... Вѣдь, таскаетъ же, чай... А мы много ли взяли-то, много ли у него убыло?... Тутъ четверти нѣтъ...

— Молчи ужъ, невѣжа... А говорить, такъ говори деликатнѣй... Оболтусъ... А вотъ коли такъ ты говоришь, такъ неси те за мной рожь, я васъ съ полицнымъ представлю... Невѣжъ этикіе... неси за мной, коли такъ...

— Такъ что, неси, ребята!... что коли онъ и въ самъ-дѣлѣ... Ну, пушай постегаетъ... А мы, покрайности, ему всю правду откроемъ... Пушай знаетъ...

— Нѣтъ, зачѣмъ стегать... отозвался, неволью поживившійся маленькій щедушный мужиченка, тутъ же стоявшій. Что ужъ путнаго: начать стегать... Нѣтъ ужъ вы, Старей Николаичъ батюшка, поддержи за собой... прости насъ... Рожь-то ужъ пожалуй, возьми себѣ, а насъ ослободи... Мы тебѣ вотъ какъ...

Мужиченка поклонился до самой земли, и примолвилъ, обращаясь къ прочимъ:—ну, что, ребята, поклонися ему... ну, что пути, и самъ-дѣлѣ, вѣдь, больно выстегаютъ...

— Выстегаютъ!... замѣтилъ Аристархъ Николаичъ съ достоинствомъ. Почему знать, можетъ который и подъ красную шапку угодить... Нашъ этимъ не больно любить шутить... Онъ правду да честность соблюдаетъ... А станетъ онъ переноситъ отъ васъ этакой развратъ... онъ найдетъ вамъ мѣсто... Вы подумайте: на что вы посягнули?... На воровство... и барина, своего господина, на посмѣяніе...

Этотъ резонъ, какъ видно, сильно подѣйствовалъ и на остальныхъ двонхъ ребятъ. Они струсили, смекнули что дѣло въ самомъ дѣлѣ можетъ быть плохо, и, почесывая затылки, стали просить Аристарха Николаича взять рожь себѣ и не говорить бабину.

Въ это время къ разговаривающимъ подошелъ Осташковъ. Неожиданность его появленія нѣсколько смутила Аристарха Николаича.

— Что это вы, батюшка, Старей Николаичъ, подѣлываете? спросилъ Осташковъ, раскланиваясь съ земскимъ.

— А вотъ порядки разбираю... на счетъ хозяйственныхъ распоряженій... А вы къ намъ?...

— Да, Старей Николаичъ... что мой-то баловень?...

— Да особенной прилежности къ изученію науки не имѣтъ...

А впрочемъ старательностію мою къ чтенію наклеивается...

— Неужто?... Неужто ужъ въ книжку разбираетъ?...

— Не все въ точности... но понятіе показываетъ...

— Ахъ, благодѣтель...

— Старательности моей было много, потому какъ предъ вами, а наипаче того предъ господиномъ своимъ способы свои вамъ показать... Ну, вы ступайте теперь... тамъ у меня въ конторѣ съ птенцомъ своимъ повидаетесь... А я сейчасъ...

— А что Николай Андренчъ, какъ?

— На счетъ чего?

— Такъ, въ здоровьѣ своемъ... На меня не гнѣвны?

— Не слыхалъ... теперь отдохасть... Подите, подождите меня... я въ минуточку...

— Иду, благодѣтель, иду... Буду дожидаться...

— Тамъ подождите...

Аристархъ Николаичъ выждалъ когда Осташковъ отошелъ на приличное разстояніе, и продолжалъ переговоры съ мужиками. Эти переговоры кончились тѣмъ, что мужики господскую рожь отнесли къ себѣ, а Аристархъ Николаичъ положилъ въ свой кошелекъ нѣсколько серебряныхъ монетъ, какъ штрафъ съ виновныхъ, и далъ обѣщаніе оставить ихъ вину за собою, не доводя до господскаго свѣдѣнія.

— Только изъ челоуѣколюбія дѣлаю... потому жалко челоуѣчества... заключилъ онъ, получивъ деньги и уходя отъ мужиковъ.

— Погоди, дьяволъ, намнемъ мы тебѣ бока... попадешься

когда нибудь съ бабами... дѣвочкинъ оказанный... назаные вѣски... дьяволъ!... говорили между собою молодые ребята, проводжая его сердитыми взглядами, между тѣмъ какъ щедушный мужиченка шелъ велѣдъ за нимъ и кланялся, упрасивая, чтобы онъ не покривилъ душой и не выдалъ ихъ...

— Ну что тутъ: выстегаютъ... твердилъ онъ, поѣживаясь.

Осташковъ не нашолъ въ конторѣ своего сына. На большомъ столѣ, загроможденномъ счетными книгами и тетрадами Аристарха Николаича, лежала азбука и рядомъ съ нею аспидная доска, исписанная какими-то каракульками; въ углу стояла кромтка, на которую кинуть былъ войлокъ, старенькое ваточное одеяло и грязная подушка; надъ нею на стѣнѣ висѣлъ новый, свѣтлый впрочемъ изъ стараго матеріала, сюртучекъ Николинъ... но его самого не было. Осташковъ подошелъ къ столу, взглянулъ на аспидную доску, съ улыбкою полюбовался на изображенныя на ней каракульки, въ которыхъ сердце ему помогло отгадать чистописаніе сына, взявъ въ руки азбуку, перелистывалъ въ ней нѣсколько листовъ, взглянулъ на обертку съ одной стороны и съ другою, и бережно положилъ на прежнее мѣсто. Подошелъ Осташковъ къ постели сына, понюпалъ рукою постель, повравилъ подушку—и ее также понюпалъ; снялъ съ гвоздя новый сюртучекъ, посмотрѣлъ на него съ лица, посмотрѣлъ съ изнанки, и опять повѣсилъ на прежнее мѣсто.

— Куда убѣжалъ, шельмецъ... думалъ Осташковъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. Вотъ баловень: учитель ушолъ—и онъ убѣжалъ... Нѣтъ, видно, страха нѣтъ; видно, не очень въ строгости содержать... Дай Богъ здоровья Аристарху Николаичу.. А все бы надо поспѣвать, чтобы больше страха имѣлъ... лучше не такъ балуется... Ну-ка, пострѣленокъ, ужъ и читаетъ... а!.. А я-то?... Ну, память лучше, память молодая... гдѣ же мнѣ з маленькимъ поспѣть... года мои ушли для того...

Пришолъ Аристархъ Николаичъ.

— Нѣтъ, баловня-то... мало, видно, стегаетъ батюшка, Аристархъ Николаичъ... Видно, страху мало имѣеть... дружески говорилъ Осташковъ.

— Идравственность не внушена съ измалѣтства, это отъ востовѣчалъ земскій. Отъ меня онъ имѣеть внушенія достаточныя. Но страху ему не внушено, и что значить скромность и послушаніе къ ученію... Къ развратности имѣеть наклонности болдія: какъ чуть не досмотришь... и убѣжать сейчасъ... нѣтъ

того, чтобы собственную свою пользительность понизить, что значитъ ученье...

— Молодъ еще, батюшка, глупъ...

— Нѣтъ, ужъ это ваше воспитаніе было такое не на благородную позицію... Развращенность въ немъ вижу большую на счетъ манеръ, разговора, въ бережливости своего костюма, а также на счетъ чистоты рукъ... Съ дѣтства ему этого не внушено, а онъ, чтобы перенимать—понятія имѣетъ малыя, а мои мущенія забываетъ... и черезъ это самое теряетъ и во мнѣніи... Теперь вонъ господа также требуютъ его къ чаю и къ обѣду... и барыня въ обиду себѣ принимаетъ, что съ господскими дѣтьми онъ садится наряду и въ развращенномъ видѣ... также и насчетъ обращенія: не можетъ деликатность въ разговорахъ показать... и этакія слова, которыя самыя въ господскомъ обыкновеніи необыкновенныя, позволяетъ себѣ въ присутствіи произносить... что же можетъ быть изъ этого для господскихъ дѣтей пріятнаго?... Вотъ и обѣгаютъ... такъ, что барыня даже всякое обращеніе своимъ господскимъ дѣтямъ съ нихъ запретила... Ну, а изо-всего этого и для меня неприятность... потому какъ будто мало моего внушенія... неприятно!...

Аристархъ Николаичъ, съ выраженіемъ глубочайшаго неудовольствія на лицѣ, потрясъ головой и поправилъ виски. Осташковъ уныло опустилъ глаза въ землю.

— И сколько я для него своего безпокойства потерялъ, такъ это можно сказать, что не то, что за цѣлковый какой-нибудь...

— Аристархъ Николаичъ, Аристархъ Николаичъ, скорѣе, къ барину... перебилъ его вбѣжавшій комнатный мальчишка. Да скорѣе идите... гнѣвается...

— На кого?... торопливо поднимаясь и поправляя виски, спросилъ земскій.

— Да и на васъ... Вашего-то барченка садовникъ въ ранжерѣ поймалъ... фрукты тамъ воровалъ... Къ барину его привелъ.

Аристархъ Николаичъ, суетливо одергивая и застегивая сюртукъ, съ упрекомъ взглянулъ на Осташкова. Тотъ поблѣднѣлъ, и поджавшись съ мѣста, стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Пойдите и вы вмѣстѣ... сказалъ Аристархъ Николаичъ, сдѣлавшій было нѣсколько шаговъ къ дверямъ, и вдругъ сообразившій, что, если теперь явится Осташковъ, такъ, можетъ быть,

весь гнѣвъ господина и обрушится на отца, а личность его, воспитателя, можетъ быть останется въ сторонѣ.

— Пойдемте же... повторилъ онъ настоятельно.

— Да ужь идти ли мнѣ теперь, Старей Николаичъ, робко спросилъ Осташковъ: не лучше ли послѣ, обождавши?..

— Чего же тутъ ждать? пойдите... Все равно... узнаете же что вы здѣсь... Послѣ еще хуже, пожалуй, разгнѣвается...

— Ахъ, Боже мой!... произнесъ Осташковъ съ глубокимъ, прерывистымъ вздохомъ. Ахъ, Боже ты мой истинный... что ты будешь дѣлать!... повторялъ онъ, вздыхая и неровнымъ шагомъ слѣдуя за Аристархомъ Николаичемъ.

Не въ первый уже разъ Николинъ, пользуясь отсутствіемъ своего наставника, совершалъ похождение въ господскій садъ, куда привлекали его и красная смородина, и вкусная малина, и соблазнительные румяные яблоки, но прежнія похождения его кончались благополучно. Хотя онъ и похищалъ тамъ тайкомъ эти привлекательныя для его желудка вещи, хотя онъ пробирался въ садъ и изъ сада, какъ дикая кошка, озираясь и дрожа при каждомъ шагѣ,—но ему никогда не приходило въ голову что онъ занимается воровствомъ. Пользуясь дома полной свободой, разгуливая по лугамъ и по сосѣднимъ чужимъ лѣсамъ, онъ свободно, вмѣстѣ съ деревенскими ребятами, собиралъ и ѣлъ землянику, малину и всякую другую ягоду, также свободно заблзалъ онъ въ крестьянскихъ огородахъ на черемуху и рябину обивая съ нихъ иногда еще вовсе зеленыя ягоды. Случалось что какая нибудь сердитая старуха, оставшаяся дома за старостью и хворостью, въ то время какъ весь народъ изъ деревни уйдетъ на работу, въ поле, бывало, запримѣтя ребятшекъ въ огородѣ, вдругъ ни съ того ни съ сего ополчится на нихъ возьметъ въ руки ухватъ или кочергу и какъ воробьевъ разгоняетъ ребятшекъ изъ огорода; и какъ воробьи разсыплются они съ крикомъ и смѣхомъ, прыгивая и поддразнивая старуху и ждутъ только той минуты, какъ уйдетъ старая изъ огорода чтобы снова напасть на него уже на зло ей, старой каргѣ, и вновь разсыпаться съ тѣмъ же смѣхомъ и гамомъ при новомъ ея появленіи. Бывало, и пожалуется старуха домашнимъ, когда они воротятся съ работы, что надсадили ребятки, совсѣмъ огородъ разворили, повадились за черемухой, ровно воробьи, пострѣлята... пра, ровно воробьи... разѣ четыре шугала... а они опять а они опять... Таки разбойники... и только улыбаются бывал

домашніе, слушая брюзжаніе старухи... И никто не скажетъ ребятишкамъ, что это не хорошо, что это-де воровство называется, когда безъ позволенія и противъ воли хозяина берутъ у него что нибудь... И какъ, бывало, старуха ни шугай воробьевъ-ребятишекъ, а ужь они обобьютъ ягоды еще въ прозелень... Другое дѣло что на грядкахъ посажено: тамъ огурцы, морковь, рѣпа, то овощъ, то воровать не велятъ, то узнаютъ, что воровали, такъ пожалуй и батька вихоръ натрясетъ, и мамка лутошкой вздуетъ, а сердитой сосѣдкѣ попадешься въ руки,—такъ, пожалуй, и крапивы отвѣдаешь: какова она, матушка, хорошо ли гусается.. То другое дѣло, то трогать не показано, то батька съ мамкой сажали; а это—ягода, Божья тварь, не сажено, не сѣяно, сама растетъ... И Николинцкѣ даже въ голову никогда не приходило, что онъ занимается воровствомъ, тайкомъ пробрался въ садъ и потихоньку поѣдая тамъ ягоды и яблоки; а крадя онъ туда, воровски западая въ кустахъ и спѣшно набивая ротъ всѣмъ, что попадалось подъ руку, потому, что ему не вѣстно было вообще никуда выходить изъ конторы. По мнѣнію Аристарха Николаича, ему слѣдовало цѣлый день сидѣть за книгой или за чистописаніемъ, кромѣ тѣхъ часовъ, которые онъ проводилъ въ господскомъ домѣ. Николинка совершенно былъ лишонъ свободы и всякаго развлеченія; а эти часы, когда его звали въ комнаты и, сажая гдѣ нибудь въ углу, подальше отъ господскихъ дѣтей, давали чашку чая, или, за общимъ столомъ, сумрачный лакей сердито ставилъ передъ нимъ тарелку съ кушаньемъ, и когда онъ видѣлъ передъ собою грозный образъ Николая Андреевича, къ которому Николинка чувствовалъ панпаческій страхъ,—эти часы были чистой мукой для ребенка, и онъ тоскливо ждалъ той минуты, когда ему прикажутъ идти на свое мѣсто, въ контору, гдѣ Аристархъ Николаичъ тотчасъ же сажалъ его за книгу. Мудрено ли, что Николинка изловчился самъ себя освободить на нѣсколько часовъ въ сутки и выучился искусно скрывать свои похождения. И въ этотъ злополучный день онъ благополучно пробрался въ садъ и счастливо, ни кѣмъ не замѣченный наѣлся ягодъ до того, что даже зубы одрблил; но полнаго счастья, какъ извѣстно, въ жизни не бываетъ, и горе постигаетъ насъ именно въ ту минуту, когда мы меньше всего его ожидаемъ. Любопытство погубило Николинку. Нѣсколько разъ онъ видалъ снаружи оранжерею и теплицу въ саду, но не бывалъ внутри; сильно захотѣлось ему поглядѣть,

что такое за этии стеклами. Оглядѣлся, прислушался—все тихо въ саду. Пошолъ, прокрался до дверей, опять прислушался опять все тихо, толкнулъ дверь—отворилась, вошелъ, осмотрѣлся—и глаза разбѣжались... Такихъ яблоковъ онъ и не выдывалъ... Невольно потянулась рука, сорвала персикъ, въ ротъ—ахъ, хорошо, вкусно... Другой, третій... во всѣ карманы въ штукѣ... Будеть, пора и на мѣсто... Только бы къ дверямъ, двери на-стежъ и входитъ садовникъ... Николинъка обмеръ, задрожалъ, да дѣваться некуда... попался бѣдняжка!.. На бѣду, садовникъ былъ въ ссорѣ съ Аристархомъ Николаичемъ, и притомъ человѣкъ характера зложелательнаго... Пускай бы ужъ вихоръ надралъ, ну, лутошкой бы отстегалъ, пускай бы хоть съ кранивой познакомилъ, да только бы никому не сказывалъ—все бы легче было... Анъ нѣтъ, прямо повелъ съ полчинымъ къ Николаю Андречу... Николинъка было и верещать, и въ ноги кланяться, и изъ рукъ вырваться хотѣлъ, что бы убѣжать, да спрятаться куда нибудь—ничто не помогло: безжалостный садовникъ, да и сильный такой, взялъ за руку такъ крѣпко, что ни за-что не вырвешься, прямо привелъ его къ Николаю Андречу и рассказалъ все, какъ было.

— Вотъ извольте говорить, что персиковъ мало: видно, ужъ они не въ первый разъ... А усмотришь ли всякую минуту... одинъ, а садъ-то у насъ, слава Богу, не малъ... заключилъ садовникъ.

Николай Андречъ, какъ и слѣдовало ожидать, мгновенно вскипятился.

— Какъ, воровать... Я тебя пою, кормлю, одѣваю, учу... ты у меня воровать... Дворянинъ... воровать... это хуже всего на свѣтѣ... Для дворянина воровство хуже убійства... кричалъ онъ, теребя за волосы и давая щелчки бѣдному, до безумія оробѣвшему Николинъкѣ. Позвать ко мнѣ Аристарха...

— А ты чего смотрѣлъ? накинулся онъ и на садовника, и дорогѣ посылая ему внушительный жестъ рукою.

— Да я вотъ-съ его и поймалъ... отвѣчалъ садовникъ, унываясь... Гдѣ, мнѣ за нимъ смотрѣть... у него есть свой смотритель... Аристархъ...

— А отчего у тебя оранжерей не заперта?... Послать Аристарха... я тебя, мерзавецъ, мальчишка... я тебѣ дамъ воровать... Отчего у тебя оранжерей была не заперта?... Значить у тебѣ всѣ воруютъ... Не даромъ фруктовъ мало...

— Да, помашуйте, только что отошелъ на минуту... только обернулся... а онъ и... Всякую минуту не назанираешься... Отъ вора и замкомъ не убережешься...

— Молчать... Ты радъ этому случаю... Что жъ Аристархъ... Позвать его сюда... ты радъ теперь свалить съ себя... самъ больше всѣхъ варуешь... я тебѣ дамъ, скверный мальчишка... я тебя выучу воровать... Николинъка весь съежился и трясся, какъ въ лихорадкѣ, тоскливо и жалобно озираясь.

Въ дверяхъ показался Осташковъ, сзади его умильно выглядывалъ Аристархъ, трепетной рукой управляя виски.

— А—а... кстати... Входи-ка, входи... полюбуйся... въ воровствѣ пойманъ сынокъ-то... въ воровствѣ... Пойми ты это: дворянинъ уличенъ въ воровствѣ... чему вы его учили, что вы ему внушали?... Воровать у того, кто его кормитъ, воровать у своего благодѣтеля...

— Батюшка .. не училъ... пуще всего не училъ... пуще всего я этого онасаюсь... Я его разказню за это, по ключкамъ шпорву... лепеталъ Осташковъ, съ грознымъ жестомъ подходя къ сыну...

Николинъка при видѣ отца, сдѣлавшій было радостное движеніе, теперь опять оторопѣлъ и завизжалъ.

— Пожалуйста, только не при мнѣ... Можешь послѣ... гдѣ тебѣ угодно, только не при мнѣ... не безпокой меня... я в то измученъ, изтерзанъ... это адъ, а не жизнь... А вотъ кого надо было учить... кричалъ Палѣновъ, налетая на Аристарха. Вотъ эти виски поганые, виски... Тебѣ порученъ ребенокъ, такъ ты долженъ смотрѣть за нимъ... смотрѣть... учить его... внушать ему... внушать... шельма...

Аристархъ, послѣ каждаго господскаго слова и слѣдовавшаго за нимъ жеста, только поправлялъ виски.

— Да ты не поправляй виски-то... послѣ поправишь... Ты бы дѣломъ-то занимался, а не виски поправлялъ... Послѣ поправишь... послѣ... Вонъ!.. закричалъ наконецъ Палѣновъ, выбившись изъ силъ и бросаясь въ кресло. Она меня просто уничтожать... Вонъ всѣ!..

Аристархъ выскользнулъ первый, за нимъ садовникъ. Осташковъ повлекъ за собою Николинъку.

— Осташковъ, крикнулъ вдругъ Палѣновъ, когда остался одинъ въ кабинетѣ.

Осташковъ воротился.

— Не смѣй сѣчь сына... Онъ уже наказанъ довольно однимъ стыдомъ и страхомъ...

— Какъ можно, батюшка, Николай Андреичъ, да я его, кажется, запорю за это... что онъ могъ сдѣлать...

— Тебѣ говорятъ: не смѣй сѣчь... Я не хочу... Ты не уличай, а слушай, что тебѣ говорятъ... Въ дѣтяхъ бываетъ болѣзнь воровства... Тутъ надобно дѣйствовать внушеніями, нравственнымъ вліяніемъ, а не розгами... Теперь оставь его безъ вниманія... покажи видъ, что ты на него сердишься... не ласкай его... А ужю я его позову и сдѣлаю ему наставленіе... онъ, кажется, боится меня и уважаетъ... На него мои слова подѣйствуютъ лучше твоихъ розогъ... Дай же мнѣ только успокоиться... Садись...

— Ахъ, батюшка, благодѣтель вы мой... мнѣ васъ-то жалко... Измучили мы васъ совсѣмъ...

— Ничто столько, Осташковъ, не мучитъ человѣка образованнаго, какъ окружающее невѣжество... Это нашъ бичъ... наше несчастіе... Образованія, образованія... просвѣщенія... вотъ чего намъ нужно... Ну, что твое ученье... Ужъ не выучился ли?..

— Полноте-ка, благодѣтель... Пришлось бросить...

— Какъ бросить?

— Да такъ... У меня въ дому несчастіе!

— Какое несчастіе?

— Да пригнали ко мнѣ домашніе... къ Аркадію Степанычу, ночью... Я такъ и уѣхалъ, даже и не простившись съ ними, поблагодаривши за хлѣбъ-соль и за все ученье... Такая бѣда надо мной стряслася, что не знаю, чтó и дѣлать... Вотъ пріѣхалъ вашего совѣта да неоставленья просить... Не покиньте несчастныхъ, заступитесь...

Осташковъ бросился въ ноги Палѣнову.

— Ахъ, братецъ, я тебѣ говорилъ, чтобы этого не дѣлать... Не забывай, что ты дворянинъ...

— Батюшка, да какой я дворянинъ... Приходится съ голоду помирать...

Никеша рассказалъ всю исторію встрѣчи, ссоры съ дядей и ея послѣдствія.

— Такъ вотъ ужъ до чего я дожилъ, благодѣтель: трудовой хлѣбъ отнимають отецъ съ дяденькой... Научите вы меня, наставте на разумъ: что мнѣ дѣлать?... Помогите въ моей бѣдѣ... кончилъ Никеша.

Палёновъ принялъ живѣйшее участіе въ его разсказѣ. Послѣ вышкешъ гнѣва и притомъ вполне удовлетвореннаго, обыкновенно онъ дѣлался очень великодушенъ и чувствителенъ.

— Да это просто денной грабежъ! сказалъ онъ. Ты долженъ сейчасъ же ѣхать къ предводителю и просить его защиты. Онъ долженъ, онъ обязанъ вступить за тебя... Это вопиющее дѣло... Неужели этотъ мерзавецъ, Рыбинскій, не приметъ въ тебѣ участія?... Но этого онъ не смѣетъ сдѣлать... Я тебѣ дамъ письмо къ нему, въ которомъ подробно объясню все твое положеніе и настоятельно буду требовать, чтобы онъ защитилъ тебя... Иначе я къ губернатору буду писать, всю губернію на ноги поставлю... до министра доведу это дѣло... погоди, я сейчасъ же напишу къ нему официальное письмо, какъ дворянинъ, а не какъ знакомый... Я такъ напишу, что онъ не посмѣетъ не вступить за тебя...

И Палёновъ тотчасъ принялся за сочиненіе письма. Черезъ полчаса оно было готово.

— Осташковъ, слушай, что я написалъ.

Палёновъ сталъ читать:

Милостивый государь,
Павель Петровичъ,

Препровождаю подъ покровительство дарованной вамъ законной власти и поручаю вашимъ предводительскимъ обязанностямъ одного изъ нашихъ собратьевъ дворянъ, бѣднаго, но честнаго человѣка, обиженнаго и притѣсненнаго деспотическими дѣйствіями его же родственниковъ. Я принялъ на себя трудъ изложить вамъ письменно его жалобу, во первыхъ, по его безграмотности, во вторыхъ, какъ дворянинъ, не безызвѣстный во вѣренномъ вамъ уѣздѣ, пользующійся нѣкоторою довѣренностію и уваженіемъ въ кругу своихъ собратій и, вслѣдствіе того, считающій своею священною обязанностію вступаться за своихъ меньшихъ братій, униженныхъ и притѣсненныхъ.

— Ну, далѣе я излагаю подробно всѣ обстоятельства: какъ пришелъ дядя, какъ онъ пьянствуетъ, буянитъ и какъ у тебя отняли хлѣбъ... Вотъ потомъ заключеніе...

Палёновъ продолжалъ читать: Изложивши предъ вами всѣ обстоятельства сего дѣла, я надѣюсь и увѣренъ, что ваше сердце *иконецъ*... (Осташковъ, замѣть это слово: я нарочно его вставляю для намёка на его равнодушіе къ дворянскимъ дѣламъ!) то ваше сердце наконецъ тронется сожалѣніемъ и вы, вспомня

возложенныя на васъ дворянствомъ обязанности, удѣлите нѣсколько изъ множества свободныхъ минутъ... (Понимашь?) нѣсколко минутъ, чтобы защитить несчастнаго. Впрочемъ, считаю долгомъ предупредить васъ, что я во всякомъ случаѣ принимаю на себя защиту правъ дворянина Никифора Осташкова, буду его адвокатомъ (или по-русски: стряпчимъ), и если вамъ не угодно будетъ защитить его, то я обращусь съ просьбою къ нему къ высшимъ властямъ, которыя, надѣюсь, не откажутся вникнуть въ мои представленія, такъ какъ личность моя довольно извѣстна и репутація моя пользуется заслуженнымъ кредитомъ.

— И больше ничего... Тутъ подпись... Вотъ, возьми же это письмо и сейчасъ поѣзжай къ нему: онъ долженъ быть теперь въ городѣ... Слѣдовательно, тебѣ нечего и заѣзжать къ нему въ усадьбу. Что онъ тебѣ скажетъ, тотчасъ же пріѣзжай и слыши мнѣ... Письмо написано не дурно и довольно внушительно... Посмотримъ, какъ онъ не вступится за тебя... Посмотримъ... От него во всякомъ случаѣ заѣзжай ко мнѣ сказать... Дорогой а городу тебѣ придется покормить лошадь... Я пракажу тебѣ выдать мѣру овса на дорогу... Собрайся же... съ Богомъ...

Осташкову не совѣмъ нравился тонъ письма Палѣнова. Въ отношенія его къ предводителю, онъ не ожидалъ, чтобы это письмо могло принести пользу, но отказаться отъ него не смѣя и съ благодарностью принялъ его и простился съ благодушемъ. Передъ отъѣздомъ онъ зашелъ къ Аристарху Николаичу

Николинька, всхлипывая и во временахъ вздрагивая всѣмъ теломъ, сидѣлъ надъ азбукой и плаксивымъ голосомъ читалъ склады; въ углу на кровати его лежалъ Аристархъ Николаичъ, съ злобнымъ и недовольнымъ лицомъ, изрѣдка покрививъ на ученика. Робко вошелъ Осташковъ въ контору и конфузливо взглянулъ на Аристарха Николаича.

— Что, каковы пріятности долженъ я принимать изъ-за шего?...

— Ужь не говорите, батюшка, Аристархъ Николаичъ... Кажется, мнѣ на васъ и глаза-то поднять совѣсть зазреть... Этакая каналья... погубить онъ меня... Совѣмъ зарѣзалъ... Этакъ бестія... Воровать вздумалъ... Что вздумалъ... Воровать!..

Осташковъ подошелъ къ сыну и схватилъ его за волосы.

— Развѣ я тебѣ это дѣлать приказывалъ?... Приказывалъ

тебѣ что-ли воровать?.. Было тебѣ отъ меня это позволеніе?.. а?..

Николинъка визжалъ.

— Молчи... пострѣлъ этакой... убью...

— Ужь вы оставьте его... Не дѣлайте ему отвлеченія отъ занятій... Ужь я его подвергъ достаточному внушенію... Будетъ помнить... Надо было прежде внушать...

— И я, Аристархъ Николаичъ, своимъ дѣтямъ не потатчикъ... Я ему этого не внушалъ... Ужь что воровство... На что этого хуже... Да я бы его давеча, кажется, изорвалъ, кабы не остановилъ меня Николай Андренчъ... Ему не заблагоразсудилось... и приказалъ трогать... Я ужь, говорить, его довольно поучилъ... А какое довольно... Ужо, говорить, еще внушенія поговорю... Да что ему говорить... Его драть надо, мерзавца... Моли Бога за Николая Андренча, что онъ мнѣ помѣшалъ... я бы ужь надъ тобой потѣшился...

— Чтожъ ему, завидно стало, что не велѣлъ сѣчь-то?... Все бы одному драться... а люди не смѣй... Нѣтъ, это много будетъ, что изъ за него несприятности получай, а его пальцемъ не тронь... Нѣтъ, я ему памяти приложилъ довольно... Миѣ, пожалуйста, тамъ запрещай...

— И покоряѣйше благодарю, батюшка, Аристархъ Николаичъ... Не жалѣйте его... Я ему не потатчикъ... И хорошенько его, чтобы помнить... А я его и знать не хочу, и вѣдать не хочу... Вотъ сейчасъ уѣду... Прощайте, Аристархъ Николаичъ...

— Вы куда же?..

— Да въ городъ... къ предводителю нужно...

— Я васъ выйду проводить...

Выйдя въ сѣни и притворивъ дверь въ контору, Аристархъ Николаичъ остановилъ Осташкова.

— Что же, неужели я долженъ изъ всего этого однѣ несприятности получать?.. говорилъ онъ. Теперь вы видѣли, что я, можно сказать, терзанія принималъ изъ-за вашего сына, опять же сколько трудовъ къ обученію его положилъ и даже достигъ шлодовъ... И что же изъ всего этого, какая мнѣ отъ васъ благодарность?..

— Батюшка, Аристархъ Николаичъ, вижу я, и все это чувствую... Да какія у меня дѣла-то въ дому надѣлались... совсѣмъ въ раззоренье пришолъ... Затѣмъ и къ предводителю ѣду...

— Опять же все это до моей комплекціи не касается... А вы

мнѣ непременно предоставьте пять рублей серебра... И то только ради вашей бѣдности...

— Пять рублей!... Да теперь хоть голову сними, Старей Николаичъ... Во всемъ домѣ копѣйки нѣтъ... Обождите...

— Я обожду... Но вы этотъ пунктъ имѣйте въ своемъ воображеніи... А то переносить побои и разныя неприятности изъ за чужаго ребенка... и даромъ... это оскорбительно... хотя я дворовый человѣкъ.. и, можно сказать, крѣпостной, но ичѣ свое самолюбіе и даже честь...

— Пообождите, благодѣтель... только бы деньжонки случились... Я тоже совѣсть имѣю... Что въ силахъ... такъ неужелужь... Не за чужаго...

— То-то... вы этотъ сюжетъ не забывайте...

— Какъ можно забыть, Старей Николаичъ... Можно ли только это подумать... Только бы вотъ деньжонки навернулись. Прощайте пока, благодѣтель... Пора ѣхать-то мнѣ...

— Вы бы мнѣ теперь сколько нибудь... сколько можете...

— Ни копѣйки нѣтъ... Вѣришь истинному Богу, Старей Николаичъ... ни копѣйки нѣтъ за душой...

Осташковъ спѣшилъ поскорѣе уйти отъ земскаго; а Аристархъ Николаичъ, проводивъ его самымъ недружелюбнымъ взглядомъ плюнулъ вслѣдъ ему, поправилъ виски и, войдя снова въ комнату, началъ вымѣщать досаду на бѣдномъ Николинкѣ.

III.

На другой день рано утромъ Осташковъ пріѣхалъ въ городъ. Въ домѣ лѣсничаго господина еще спали. Осташковъ знакомый уже ему путемъ пробрался въ дѣвичью. Тамъ онъ засталъ Марю за вѣчной ея работой: мытьемъ и глаженьемъ.

— Здравствуйте, Марья Алексѣвна...

— Здравствуйте... Что вамъ надо?... Отъ кого вы?

— Не узнали, Марья Алексѣвна... Я Осташковъ... Сашенинъ отецъ...

— А-а... не признала и есть... Что вы... по-что?... Али да ку-то провѣдать?...

— Да, Марья Алексѣвна... И на дочку-то поглядѣть... Чѣ она, какъ поживаетъ?

— У-у, надоѣла... Баловень такая, не приведи Господи. Точно на ней на огнѣ все горитъ... Не поспѣваешь мыть ушивать... Ну ее... Шаловлива больно...

— Такъ вы бы, матушка, ее останавливали... Не давали шить-то... А когда и за ухо, коли не слушается...

— Ну, ужъ куда тебѣ тутъ за ухо... Сама барыня балуетъ... Остановы ни въ чемъ нѣтъ... Что хочетъ дѣвчонка дѣлаетъ... Иногда къ мѣсту не посадить... А когда надоѣстъ, толкнешь, или вернешь,—такъ побѣжить, накалуется: Маша, говоритъ, пришла... Барыня гнѣвается... Шить, нечего, надоѣла... надоѣла...

— Неприятно мнѣ это слышать... Что же, неужели и ученя никакого нѣтъ?

— Да учить ее барыня когда, это на языкѣ говорить... ну, учитель поряженъ, въ книжку учить... Да мало... Что это за ученя... Востра больно... Ее бы надо хорошенько присадить... А то что: часа въ сутки не посидить за ученьемъ-то... А тутъ и мѣста не знаетъ... Нѣтъ, кабы моя воля была, такъ я бы ее за нолку присадила... Пускай бы къ шитью привыкала... Все бы лучше не баловалась...

— А спать еще она?... или ужъ проснулась?...

— Проснулась... Вотъ сейчасъ послала Уляшку одѣвать ее...

— Нельзя ли мнѣ какъ ее поглядѣть?...

— Отчего нельзя... можно... Она, вѣдь, въ особой комнатѣ спитъ... Пойдемте, я проведу, пока господа-то не встали... Вы съ ней и посидите... Да поговорите ей, чтобы не больно баловалась-то...

— Какъ не поговорить, Марья Алексѣвна, поговорю... Да не лучше ли сюда позвать. Какъ бы не прогнѣвались Юлія Васильевна, что я въ тѣ комнаты пойду...

— Да чтой-то... ничего... Чай, вѣдь, отецъ... не чужой кто...

— А Афанасія Ивановна спать еще?...

— Спать еще... Пойдемте...

— Пойдемте... Да вы мнѣ повѣстите, какъ кто изъ господъ проснется...

— Хорошо... Я-то забуду, пожалуй... Вы Уляшкѣ накажите... Она лучше скажетъ...

У Осташкова радостно сдѣлалось на сердцѣ, когда онъ, вслѣдъ за Машей, вошелъ въ свѣтлую, чистую комнатку, которую занимала его Саша, и услышалъ ея звонкій и веселый голосокъ. Она лежала на чистой, мягкой постелькѣ, за кисейнымъ занавѣсомъ, и что-то весело болтала съ Уляшкой, которая сидѣла у нея въ ногахъ.

— Вотъ Сашенькѣ видно что хорошо житье... мелькнуло въ головѣ у Осташкова. Слава Богу!..

— Чтой-то это за проказъ... И сама, сударыня, валяешься, и дѣвчонку до сей поры безъ дѣла держишь... говорила Маша, подходя къ постели.—А ты и рада, обратилась она къ Уляшкѣ, рада здѣсь головѣсничать съ ней... А вотъ какъ почну таскать, какъ почну... пострѣлъ этакой...

— Да что тебѣ за дѣло... отозвалась Саша капризнымъ голосомъ. Еще не смѣешь драться... Еще тебѣ мамаша не приказываетъ драться-то... Еще не смѣешь...

— А тебѣ вотъ не приказываетъ маменька съ Уляшкой-то яшаться.. Ты, говорить, барышня, а она дѣвчонка горничная... А ты все съ ней, да съ ней... безстыдница... И очень сѣбя ее пегнать отсюда...

— Да еще не смѣешь, не смѣешь... поддразнивала Сашенька. Еще какъ ты смѣешь мнѣ ты говорить... Еще я вотъ мамашѣ скажу... Она не приказываетъ тебѣ такъ говорить мнѣ... Я барышня, а ты дѣвка...

— Поди ты... какая стала бой... съ улыбкою думалъ Осташковъ, котораго за занавѣсомъ не было видно Сашенькѣ.

— Ну, а коли ты барышня, такъ по-барски бы и вела себя... А нечего тебѣ съ дѣвчонкой горничной болтаться... Вотъ погоди-ка, отецъ пріѣхалъ... Онъ тебя сократить... озорнищу этакую...

Осташковъ заглянулъ въ кроватку дочери. Сашенька радостно вскрикнула, вскочила на ноги и бросилась на шею къ отцу. Осташковъ въ душѣ былъ такъ доволенъ и такъ счастливъ всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ, что не только не въ силахъ былъ говорить строго и внушительно съ дочерью, но чуть не плакалъ отъ радости, смотря на веселое, розовое личико Сашеньки, которой, по его мнѣнію, такъ хорошо и привольно было жить у своей благодѣтельницы. Онъ безмолвно и ласково отвѣчалъ на поцѣлуи дочери.

— Ну, видно и вы баловники порядочные... сердито проговорила Маша, смотря на эту сцену.—Чѣмъ бы хорошенько помуштровать дочку... А онъ, ну-ка ты поди, и растаялъ... Будетъ ли этакъ путь... Известно, избалуется совсѣмъ... Ну, коли мнѣ, какъ хотите: и то дѣло... наплевать, не моя дочь... А ты поди... Дѣло, чай, есть... Что стала?.. Рада... обратилась она къ Уляшкѣ.

— Такъ какъ же, Марья Алексѣвна, умываться еще надо барышнѣ, возразила Уляша.

— Умываться... Такъ что же ты не подавала?.. Подавай сейчасъ... Вьюла поганая... Да у меня скорѣй приходится... Смотри, тобы мнѣ опять за тобой не бѣгать... Смотри...

И Маша, погрозивъ пальцемъ Уляшкѣ и ударивъ ее слегка по лбу на память, вышла изъ комнаты. Уляшка сдѣлала ей взглядъ гримасу.

— Ты зачѣмъ же, Сашенька, такъ дѣлаешь... замѣтилъ наконецъ Осташковъ, собравшись съ духомъ и желая придать лицу строгое выраженіе. Зачѣмъ не слушаться Марьи Алексѣвны, когда она тебя дѣлу учить?.. Это не хорошо...

— Ну, вотъ, есть кого слушать... вмѣшалась Уляшка.

— Да, вѣдь, она, тятя, дура... И мамаша говоритъ, что она дура... Она, вѣдь, ничего не смѣетъ мнѣ сдѣлать: а мамаша не приказываетъ меня трогать... Она, вѣдь, съ поваромъ гуляетъ... Мнѣ Уляша сказывала: она знаетъ... А какія мнѣ мамаша платья напяла... чудесныя!... А какія она мнѣ конюшеты даетъ... сладкія!...

— Тебѣ значить, здѣсь хорошо... И объ насъ позабыла, вѣдь...

— Мнѣ только мамки, да бабки жалко... А мамаша мнѣ еще платья хочетъ сплести... хороше... Вотъ вы не умѣли меня убавить, а мамаша умѣетъ... Она говоритъ, что вы все равно, что мужики... ничего не понимаете... ничего не умѣете дѣлать... А я, посмотри, какъ я умѣю нисенъ дѣлать... Посмотри... Саша соскочила съ колѣней отца на полъ и сдѣлала передъ нимъ реверансъ.

— Хорошо?... Мамаша говоритъ, что я хорошо нисенъ сплещу, что я буду хорошенькая и ловкая, что за мной будутъ уваживать, когда больная буду... Она меня всему выучитъ, а вы ничего не знаете... Мамаша мнѣ всего даетъ, всего... а вы ничего не давали... Я теперь стала барышня... а тогда, дома, была уличная дѣвчонка... Показать тебѣ какія у меня платья есть?... показать?... Уляша, принеси поди мои платья, всѣ принеси...

— Полноте, барышня... умывайтесь, да одѣвайтесь, а то, вѣдь, мнѣ послѣ изъ-за васъ достанется отъ зелья-то... Мамаша, пожалуй, скоро встанутъ...

— Умывайся, Сашенька, умывайся... да одѣвайся поскорѣ... подтвердилъ Осташковъ.

Сашенька послушалась и стала, съ помощію Уляши, совершать свой туалетъ, шая, рѣзвясь, прыгая и заливаясь веселымъ смѣхомъ. Осташковъ захлебывался отъ удовольствія, смотря на дочь, но безпрестанно останавливалъ ее, боясь, чтобы она своимъ смѣхомъ не разбудила Юлію Васильевну.

Но вскорѣ опять явилась Маша съ платьями для Сашеньки, прогнала Уляшку и стала оканчивать туалетъ счастливой дочери Осташкова. Когда она окончательно припомаженная, приглаженная, въ чистыхъ панталонахъ, въ коротенькомъ платьицѣ съ открытой шеей и голыми руками, подошла къ отцу и церемонно присѣла передъ нимъ, Никеша просто глазамъ своимъ не вѣрилъ.

— Встрѣтсья гдѣ на улицѣ—не узналъ бы, ни за что бы, кажется, не узналъ. . думалъ онъ про себя. И какъ это она такъ скоро набралась и переняла все это?... Впрямь, стала настоящая барышня...

— Что, тятя, нарядна ли? спрашивала Сашенька.

— Ужъ очень нарядна... должна благодарить и почитать свою благодѣтельницу... отвѣчалъ Осташковъ. Только вотъ мнѣ непріятно, что ты Марья-то Алексѣвны не слушаешь... да шалишь... Не шали, матушка, Сашенька, не шали и слушайся, когда тебя останавливаютъ добрые люди, да на путь наводятъ... Ну, иначе, я, Марья Алексѣвна, пойду, понавѣдуюсь, не проснулся ли Павелъ Петровичъ. . А коли не всталъ, такъ я татѣ около кабинета—то и подожду.

— Пожалуй, подите... А ты не изволь ходить, сударыня, въ тѣ комнаты... сиди здѣсь... неравно еще какъ маменьку разбудишь... сказала Маша.

— Да, да, Сашенька, не ходи... подтвердилъ Осташковъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ былъ допущенъ къ Рыбинскому.

— А—а, Осташковъ... Что давно не видно?... Какими судьбами?... А я слышалъ, что тебя въ ученье отдали... Стало быть неправда... Или ужъ курсъ кончилъ?..

— Нѣтъ, правда, батюшка, Павелъ Петровичъ, точно учился... только Богъ не привелъ выучиться...

— Что такъ?..

— Да помилуйте, батюшка благодѣтель до ученья ли не

было... Что у меня въ дому-то дѣлается... Вотъ пришоль
вашей защиты просить... Окажите ваше милосердіе... защитите
вещастныхъ...

Осташковъ прослезился.

— Что такое, братецъ?... Что такое?...

Осташковъ разсказалъ. Рыбинскій слушалъ разсказъ, улы-
баясь.

— Однако этотъ дяденька твой, должно быть, изъ храбрыхъ
военныхъ... должно быть человекъ интересный... Надобно съ
нимъ познакомиться... Я этакихъ артистовъ люблю... Такъ съ
утра до вечера петь... безъ просыпа...

— Да ужъ рѣдко развѣ когда трезвый-то бываетъ... Все
больше хмѣльной... И такой на всѣхъ на насъ страхъ напу-
сть... Бабы-то боятся и изъ избы-то выдти...

Рыбинскій захохоталъ.

— Молодецъ... Вотъ артистъ...

— Чему же онъ смѣется-то?... подумалъ Осташковъ. Неужто
это онъ и въ самомъ дѣлѣ не возьметъ мою руку, не вступи-
тъ за меня?..

— Вотъ, батюшка, Павелъ Петровичъ, еще къ вамъ о моемъ
дѣлѣ Николай Андреечъ Палѣновъ письмецо прописалъ... ска-
залъ Осташковъ, подавая письмо. Не оставьте вы меня... Будь-
те отцы родные... Къ вамъ однимъ только моя и надежда...

— Что-то пишетъ сей мудрый мужъ... проговорилъ Рыбин-
скій, распечатывая письмо.

Читая, онъ то улыбался, то хмурился. Осташковъ съ зами-
раніемъ сердца жадно слѣдилъ за нимъ глазами.

— Мг... дуракъ... сказалъ онъ, окончивъ чтеніе и бросая
письмо съ презрѣніемъ.

— Ступай вонъ... обратился онъ вдругъ къ Осташкову.

Тотъ поблѣднѣлъ.

— Ступай вонъ... повторилъ Рыбинскій... Тебѣ отъ меня
ничего ждать... Пусть тебя защищаетъ твой Палѣновъ... А мнѣ
некогда, да я и не хочу вмѣшиваться въ ваши дурачкія се-
мейныя дразги...

— Батюшка... батюшка... лепеталъ Осташковъ.

— Ну, что, матушка... Ты поѣхалъ просить защиты сначала
къ нему... Онъ пишетъ, что взялъ тебя подъ свое покровитель-
ство... Ну, пусть и покровительствуетъ...

— Я не просилъ, батюшка, писать... Они сами... Я заѣхалъ только посоветоваться .. такъ... на-счетъ васъ .. узнать...

— Ну, пошелъ же совѣтуйся... Я ужь по тому одному ничего для тебя не сдѣлаю, что этотъ дуракъ... принимаетъ въ тебѣ участіе... На зло ему ничего не сдѣлаю... Такъ ему и скажи... Онъ думалъ меня заставить что нибудь сдѣлать, угрожая своими связями... Ну такъ вотъ скажи ему какъ я его боюсь... Нарочно, нарочно... только потому, что онъ пишетъ, ничего не хочу для тебя сдѣлать. . Да и какъ ты смѣлъ явиться ко мнѣ съ письмомъ отъ него... а?...

— Батюшка... Павелъ Петровичъ... благодѣтель... я... я думалъ, что...

— Пошелъ вонъ... Уродъ этакой... Дуракъ..., закричалъ Рыбинскій такъ грозно, что Осташковъ уже не смѣлъ болѣе возражать и пошелъ къ дверямъ...

— Да не смѣть меня больше и беспокоить объ этомъ дѣлѣ... Слышишь... Не смѣй на глаза показываться... говорилъ Рыбинскій вслѣдъ ему. Пусть этотъ дуракъ видитъ, что значать для меня его слова... Пугать вздумалъ!... а?... Дерзости писать!...

Осташковъ постоялъ нѣсколько минутъ за дверями кабинета въ печальномъ раздумьи и нерѣшительности. Наконецъ онъ осмѣлился, опять пріотворилъ двери и тихо проскользнулъ въ кабинетъ. Рыбинскій перечитывалъ письмо Палѣнова: на лицѣ его изображалось сильнѣйшее раздраженіе и негодованіе.

— Я тебѣ сказалъ или нѣтъ? спросилъ онъ съ досадою, увидя Осташкова.

Тотъ сталъ на колѣни.

— Послушай, я своими словами шутить не люблю... Ступай вонъ... И если ты меня будешь еще беспокоить... Если ты мнѣ еще разъ покажешься на глаза... я... я тебя прямо приколочу.

— Батюшка... хотъ побейте, да...

— Вонъ! закричалъ Рыбинскій, и на этотъ разъ уже такъ внушительно, что Осташковъ, какъ испуганный заяцъ, въ одинъ скачокъ очутился за дверями.

— Какъ мнѣ быть? Что мнѣ дѣлать?... думалъ Осташковъ, стоя опять въ нерѣшимости за дверями кабинета. Вдругъ эти двери отворились и Рыбинскій позвалъ Осташкова. Надежда осянула его душу.

— Подожди... Я тебѣ сейчасъ дамъ письмо къ Палёнову, которое ты свезешь къ нему... сказалъ Рыбинскій, и, не прибавивъ больше ни слова, сѣлъ писать.

Милостивый государь, писалъ онъ. Ваше неумѣстное вниманіе въ семейныя дразги вашего меньшаго брата (какъ вы его называете), дворянина Осташкова, и послѣдовавшее затѣмъ еще болѣе неумѣстное письмо по этому поводу ко мнѣ, не заслуживали бы по настоящему ни вниманія, ни отвѣта. И если беру трудъ отвѣчать вамъ, то единственно только для того, чтобы письменно объяснить вамъ, что подобное письмо можно бы съчесть дерзостью, если бы оно было написано кѣмънибудь другимъ, а не вами, и что я нисколько не намѣренъ беспокоить себя разборомъ тѣхъ дразгъ, которыя васъ такъ интересуютъ. И потому предоставляю вамъ полную свободу быть защитникомъ правъ вашего угнетеннаго брата и обращаться съ вашими представленіями къ тѣмъ лицамъ, у которыхъ вы пользуетесь кредитомъ; а меня прошу на будущее время отъ нихъ избавить.»

— Вотъ возьми это письмо и сейчасъ же отправляйся съ нимъ къ Палёнову, говорилъ Рыбинскій, отдавая Осташкову письмо.

— Батюшка... благодѣтель... простите вы меня! нылъ Осташковъ жалобнымъ голосомъ.

— Я въ этомъ письмѣ дѣлаю распоряженіе по твоему дѣлу... Не смѣй же мнѣ надоѣдать больше... Ну, отправляйся сейчасъ... Тебѣ здѣсь дѣлать больше нечего... Сейчасъ же поѣзжай, чтобы я тебя не видѣлъ...

Осташковъ не зналъ, что думать, хотѣлъ изловить и поцѣловать ручку Рыбинскаго, но тотъ не далъ и показалъ на дверь. Никеша вышелъ, не успѣвъ даже зайти къ Сашенькѣ, и отправился въ обратный путь.

Сашенька, увидя по утру свою новую мамашу, рассказала ей, что у нея былъ ея тятя. Юлія Васильевна захотѣла видѣть его, но Осташкова уже не было: онъ уѣхалъ. Удивленная этимъ быстрымъ отъѣздомъ, она сообщила о немъ Рыбинскому, въ присутствіи Саши, и тотъ рассказалъ ей всю исторію своего свиданія съ нимъ и прочиталъ письмо Палёнова. Рыбинскій очень комично передразнивалъ Осташкова, и Юлія Васильевна весело смѣялась надъ нимъ; вмѣстѣ съ нею смѣялась надъ отцомъ и Сашенька.

— Какой тятяка смѣшной! говорила она.

— И ты бы, дурочка, была такая же смѣшная, еслибы жила съ нимъ, а не у меня, отвѣчала Юлія Васильевна.

А между тѣмъ бѣдный Остапковъ тащился на своемъ усталомъ буркѣ, который такъ же, какъ и хозяинъ уныло опустил голову бѣжалъ и не могъ понять, зачѣмъ его гоняютъ взадъ да впередъ почти безъ отдыха.

IV.

Когда Остапковъ, пріѣхавъ къ Палёнову, рассказалъ ему подробно о своемъ свиданіи съ предводителемъ, и когда Николай Андреичъ прочиталъ привезенный ему отвѣтъ на его посланіе, бѣшенство овладѣло его душою.

— Я ему докажу... Я ему покажу!.. кричалъ Палёновъ, вѣстово теребя свой собственный хохоль на головѣ, за невѣстиемъ подъ руками чужаго. Онъ бѣгалъ по комнатѣ, пиналъ ногами мебель, бросалъ на полъ смятое въ комокъ письмо предводителя, топталъ его ногами, потомъ снова поднималъ, перечитывалъ, опять мялъ и бросалъ на полъ.

— Я ему покажу себя... Онъ меня узнаетъ... продолжалъ Палёновъ въ азартѣ. Я къ губернатору напишу... къ министру напишу... Я поставлю на своемъ... Я его выучу... Я это письмо буду вездѣ читать... На всю губернію его ославлю... Я его въ подлинникъ къ министру представляю...

И онъ снова поднималъ и разглядывалъ роковое письмо.

— Какъ... Онъ рѣшается оскорбить дворянина... такого дворянина, какъ я... Онъ думаетъ, что это ему такъ пройдетъ... что я не съумѣю вступить за себя... Нѣтъ, онъ увидитъ... онъ узнаетъ меня... Я на выборахъ осрамлю его... Я выведу на свѣжую воду всѣ его гадости...

— Что же мнѣ теперь съ своимъ-то горемъ дѣлать, батюшка, Николай Андреичъ?.. Вѣдь, приходится съ голода помирать... осмѣлился наконецъ проговорить Остапковъ, улучивъ минутку, когда Палёновъ уюмкъ, и отъ усталости бросился на диванъ.— Не оставьте, благодѣтель, помогите... Теперь на васъ оныхъ надежда... Безъ васъ придется пропадать...

Никеша со слезами поклонился въ ноги Палёнову.

— Не кланяйся, братецъ, не кланяйся, Остапковъ... Не терзай меня...

— На кого же мнѣ, батюшка, теперь надѣяться... Къ кому при-

слоняться... Въ комъ защиты искать?.. Предводитель отъ меня отказывается... значить, ужъ я долженъ живъ умирать... Значить, провадать мнѣ приходится... Кто за меня теперь вступится?.. Кто защититъ меня съ малыми дѣтьми?..

— Я тебя защищу. . На меня одного надѣйся... Вели лошадей закладывать: я сейчасъ вмѣстѣ съ тобой поѣду къ тебѣ и вострашаю твоихъ... Они должны меня послушаться...

— Ахъ, батюшка, благодѣтель... не оставьте... Велики ваши милости... Велико ваше для меня безпокойство...

— Ничего... ничего... поѣдемъ... Вели закладывать... Я покажу этому подлецу, что я и безъ него могу сдѣлать что захочу... А потомъ я приѣду въ губернской городъ.. Непремѣнно губернатору покажу его письмо .. и расскажу какъ онъ исполняетъ свои обязанности... Вели же закладывать лошадей... Скажи, чтобы четверню въ коляску...

— Батюшка... Николай Андреичъ... осмѣлюсь я только доложить... Моя-то лошаденка очень пристала... не побѣжить за шашками...

— Да ты и не бери свою... Оставь здѣсь, пусть отдохнетъ... поѣдемъ со мной... А потомъ воротимся, тебѣ надобно будетъ опять ѣхать въ городъ... Я хочу твоего сына отдать въ уѣздное училище, такъ тебѣ нужно будетъ приискать ему въ городѣ квартиру... За содержаніе я заплачу...

— Ахъ, батюшка...

— Ну, ну, не благодаря... Послѣ... Я не Рыбинскій... Если я дѣлаю добро, такъ для добра, а не изъ самолюбія... Поди же, скажи тамъ... Да пошли ко мнѣ Абрама...

Съ чувствомъ гордости и самодовольствія подѣзжалъ Никеша къ своей усадьбѣ, въ коляскѣ четверней, сидя рядомъ съ такимъ важнымъ барининомъ. Онъ былъ увѣренъ, что одно появленіе такого значительнаго лица произведетъ уже сильное вліяніе и даже наведетъ страхъ на его отца, дядю и брата, а его вмѣшательство въ ихъ дѣло заставитъ ихъ смириться и уступить. Лестно ему было также показаться на такой высотѣ предъ стройковскими мужиками, которые, по случаю праздничнаго дня, всѣ были дома и видѣли путешествіе Никеша, кланялись проѣзжающему четверней серьезному и важному барину, а Осташковъ, принявъ эти поклоны отчасти и на свой счетъ, съ достоинствомъ отвѣчалъ на нихъ. Изъ избы Александра Никитича также увидѣли этотъ торжественный поѣздъ.

— Видно, предводитель съ нимъ самъ прѣхалъ, сказалъ Александръ Никитичъ. Имъ ты, разбойникъ, какъ за него вступаются... Подлизена этакой!.. Да мнѣ что... хоть распредводитель будь... Я въ своемъ добрѣ хозяинъ... Мнѣ никто не судья...

— Такъ... люблю!.. подтвердилъ Харлампій Никитичъ. Что тебѣ о насатся... Держись за меня: я самъ съ нимъ поговорю... Я и полковому командиру не уступалъ... А у насъ за это строго взыскивается... ты не знаешь... Коли онъ имѣетъ власть насъ судить... пускай еще онъ съ Никешки взыщеть... за непочтеніе къ родителю... Ты на его пожалуйся... И я тебя поддержку... Вотъ чѣмъ вздумалъ пугать... Что мнѣ предводитель!.. Меня предводитель еще долженъ почестъ... потому я служилъ моему государю... получалъ раны... и заслужилъ... ты, Ванюшка, испугался что ли?

— Чего мнѣ, дяденька, изъ-за васъ съ батюшкой бояться... Ничего я не боюсь... Чтó онъ можетъ мнѣ сдѣлать, хоть бы и предводитель?

— Молодецъ... Люблю... Ничего не бойся, Ванюшка... и будешь военный человекъ... Мы и смерть видали, да не боялись... А испугаемся мы предводителя!.. Давай мнѣ, Ванюшка, сюртукъ; я пойду съ нимъ познакомлюсь... Я могу съ нимъ познакомиться и поговорить... Чтóжъ?.. могу... Погоди, Никешка, я тебя передъ нимъ отдѣлаю... Давай сюртукъ...

Харлампій Никитичъ успѣшно одѣлся и отправился въ избу Никешки. Онъ вошелъ въ нес, никѣмъ незамѣченный, въ ту самую минуту, когда Палёновъ только что отдалъ приказаніе сопровождавшему его слугѣ позвать къ себѣ всѣхъ Осташковыхъ.

Катерина въ это время хлопотала съ самоваромъ, а больная Наталья Никитишна, съ усиленіемъ слѣзши съ полатей, чтобы принести жалобу Палёнову, съ позволенія его присѣла въ уголкѣ на лавку.

— Это кто такой? спросилъ Палёновъ, увидя входящаго поручика.

— Это дяденька-съ... вполголоса отвѣчалъ стоявшій около него Никеша.

— Господинъ предводитель, имѣю честь себя представить... Поручикъ Осташковъ, говорилъ Харлампій Никитичъ, расширяясь. Позвольте познакомиться... Очень пріятно... Я слышанъ, вы изъ военныхъ... Я тоже... одного поля ягода... Не-

звольте познакомиться... И Харлампій Никитичъ протянулъ Палёнову руку.

— Я не предводитель... Я здѣшній помѣщикъ извѣстный протемъ всей губерніи и другъ съ губернаторомъ... Я Николай Андреевичъ Палёновъ... отвѣчалъ онъ, не подавая руки поручику.

— Очень пріятно... Позвольте съ вами познакомиться и представить себя... Я поручикъ Осташковъ, дядя вотъ этого разбойника, Никешки... Его надо поучить... что жъ вы? Вашу руку... я желаю съ вами познакомиться...

— Вы должны были сначала узнать желаю ли я съ вами знакомиться... отвѣчалъ Палёновъ, начиная горячиться и обиженный смѣлостью поручика, протягивавшаго ему руку. Я пріѣхалъ сюда вовсе не для того, чтобы заводить знакомство съ пьяницами и буйнами, такими, какъ вы...

— Какъ вы смѣете такъ говорить!.. я офицеръ... поручикъ... Служилъ моему государю... Я больной человекъ... Я раненъ... Я могу знакомство вести со всякимъ... Вы какой имѣете чинъ?.. Я сяду...

— Я знакомлюсь, мой любезный, только съ людьми порядочными, а вы пріѣхали сюда и только пьянствуете, буйните, и ссорите вашихъ родныхъ... Я вамъ говорю, что я извѣстенъ во всей губерніи и въ Петербургѣ знакомъ съ самыми важными вельможами... Здѣшній губернаторъ со мною друженъ и считаетъ за честь все для меня сдѣлать... Совѣтую вамъ быть со мной вѣжливѣе и вести себя помирнѣе... Я съую управиться съ вами... Такимъ буйнымъ людямъ вы знаете гдѣ мѣсто... Я пріѣхалъ сюда не знакомиться съ вами, а предостеречь васъ и вразумить, чтобы вы жили смирнѣе, поменьше пьянствовали и не обижали вашихъ бѣдныхъ родныхъ... Слышите вы?.. Уймись, а то будетъ плохо... Мнѣ стоитъ только сказать два слова губернатору, и васъ ушлютъ отсюда, какъ человека безпокойнаго...

— Я въ своемъ имѣніи... Какое вы имѣете право мнѣ говорить?... Я ничего не боюсь... Кто вы такой?.. Какой вашъ чинъ?.. Покажите мнѣ бумагу... Я могу прочитать?.. Гдѣ вашъ ордеръ?.. Покажите мнѣ его... А то я нигуда не поѣду... Я тебя знать не хочу...

— Я тебѣ говорю, пьяница, говори со мной вѣжливѣе... закричалъ Палёновъ.

— Какъ ты можешь кричать?.. Я офицеръ... Покажи ордеръ... Кто меня можетъ взять?.. Я нигуда не поѣду? Я въ своемъ имѣніи... Ты мой не начальникъ... Убирайся къ чорту... Ступай вонъ...

Палёновъ вспыхнулъ и начиналъ терять благоразуміе; но въ эту минуту вошли Александръ Никитичъ съ сыномъ: вниманіе Палёнова, сосредоточенное до сихъ поръ на одномъ противникѣ, было развлечено.

— Я съ тобой, грубиянъ, послѣ раздѣлаюсь... проговорилъ онъ, стиснувъ зубы, и обратился къ Александру Никитичу.

— И для такого пьяницы, для такого негодяя, котораго вотъ непременно ушлютъ отъ васъ куда нибудь, потому что я непременно попрошу объ этомъ губернатора, для этого человѣка, хоть онъ и братъ твой, ты, старикъ, гонишь и притѣсняешь сына, смирнаго и добраго человѣка, который у всѣхъ у насъ, на хорошемъ счету... Какъ тебѣ не стыдно! И слушаешь ты еще другаго негодяя, твоего младшаго сына, который, видно, пойдетъ по стопамъ своего дядюшки...

— Младшій-то сынъ, сударь, мой кормилецъ и помлецъ, отвѣчалъ Александръ Никитичъ. Онъ меня слушаетъ, а не я его... Я ничего худаго отъ него не видалъ... А Никанора никто не притѣсняетъ и не гонитъ... Онъ отдѣленный сынъ, живетъ своимъ домомъ, своей семьей... что хочетъ дѣлаетъ, ни въ чемъ меня не спрашиваетъ... Чѣмъ же я его притѣсняю?

— Его бить надобно, учить... вмѣшался Харлампій Никитичъ. А Ванюшка у меня молодецъ... Я его въ обиду не дамъ... Ванюшка, принеси водки...

— Скажи, старикъ, этому скоту, чтобы онъ ушелъ отсюда, а то я его велю вытолкать...

— Меня вытолкать?.. Нѣтъ, руки коротки... Я въ своемъ имѣніи... Тебя я велю вытолкать... Ванюшка, вытолкай его...

— Эй, люди, закричалъ взбѣсившійся Палёновъ. Люди!..

Кучеръ и лакей, сидѣвшіе въ сѣняхъ, вбѣжали.

— Выведите отсюда этого пьяницу...

— Не смѣй... Ванюшка, ко мнѣ... Не смѣй меня трогать... Ванюшка, не выдавай...

— Вытолкайте же его... закричалъ Палёновъ на людей, которые стояли въ нерѣшимости. А, скоты!..

Николай Андреичъ схватилъ поручика за воротъ, приподнял его съ лавки, на которой онъ сидѣлъ, и кинулъ въ руки спо-

имъ слугамъ. Тѣ повлекли поручика вонъ, не смотря на его сопротивленіе, крики и ругательства.

— Какъ же ты, старикъ, говоришь, что не притѣсняешь его... продолжалъ Палѣновъ, переведа духъ. Развѣ это не притѣсненіе, что ты отнялъ у него рожь, которая имъ была посѣяна и имъ же сжата...

— Да, вѣдь, это, сударь, мое отцовское дѣло: воленъ дать сыну, воленъ и взять... Пока живъ, земля-то моя.

— Да, вѣдь, ты самъ говоришь, что отдѣлилъ его?

— Да, не захотѣлъ со мною жить, такъ и живетъ своимъ домошъ... Вотъ и весь дѣлежъ... А землю я ему въ корень не отдавалъ. Не была мнѣ нужна, такъ владѣлъ... А стала нужна, опять за себя возьму...

— Да ты не имѣешь права этого сдѣлать...

— Отчего такъ?.. Гдѣ это писано?.. Я ему на землю бумага не давалъ... Не бумагой, вѣдь, она за нимъ приписана...

— Да я тебѣ говорю, что ты не имѣешь права взять у него его хлѣбъ... Слышишь: я тебѣ это говорю... Ты долженъ хлѣбъ возратить ему... И ты его отдашь!

— Нѣтъ, сударь, не отдамъ...

— Какъ не отдашь... Почему?

— А потому что не отдамъ... Не желаю... не заслужилъ... не стоить... Потому и не отдамъ.

— А если я тебѣ говорю, что ты долженъ отдать... Если я тебѣ приказываю?

— Да имѣете ли еще вы право приказывать-то... Я думалъ, вы предводитель, а, вѣдь, люди-то говорятъ, что вы не предводитель...

— Что жъ пзъ этого?.. Не сегодня, завтра и я буду предводителемъ... Меня дворяне давно объ этомъ просятъ, да я самъ не хочу... Я тебѣ говорю, старикъ, послушайся: отдай хлѣбъ, не бери землю у Никанора, а то хуже будетъ...

— Да что же худаго-то, сударь, будетъ?.. Худому-то быть не чему...

— Такъ ты не отдашь хлѣба?.. грозно закричалъ Палѣновъ, выходя изъ себя.

— Не отдамъ... отвѣчалъ упрямый старикъ, смотря прямо въ глаза Палѣнову?

— Не отдашь?

— Не отдамъ... За непочтеніе, да за то, вотъ, что онъ ѣз-

днѣ да славить обо мнѣ, да чужихъ людей съ отцомъ зоветь судить... Ни за что не отдамъ...

— Эй, старикъ, ты со мной не шути... Судомъ заставить отдать, да еще велятъ за убытки заплатить, которые ты ему надѣлалъ...

— Отца-то заставить сыну платить?.. Пущай заставляютъ, коли кто такую власть имѣеть...

— Батюшка, отдай, смилуйся: я тебѣ въ ножки поклонюсь... сказалъ Никеша, выступая передъ отцомъ и кланяясь въ ноги.

— Нѣтъ, сынокъ, поздно... Ты на меня жаловаться ходишь... Чужимъ судомъ хотѣлъ съ меня взять... Ну такъ и бери судомъ...

— Что жъ ты, старый чортъ, и въ самомъ дѣлѣ, власти что ли надъ собой не признаешь?.. Что жъ ты думаешь тебя заставить что ли нельзя... Чего тебѣ еще?.. Сынъ тебѣ кланяется, просить... Чего жъ тебѣ еще хочется?.. Чтобы бороду я тебѣ вытаскалъ, что ли?..

— Нѣтъ, еще это нигдѣ не показано, чтобы у меня бороду таскать... Да что вы за судья и въ самъ дѣлѣ такой?.. Кто васъ надо мной поставилъ?.. Что мнѣ, что ты богатъ, а я бѣденъ... Я тебя не знаю, да и знать-то не хочу... коли ты къ бородѣ моей полѣзь... Вотъ что...

Александръ Никитичъ повернулся и пошелъ къ дверямъ. Палѣновъ совсѣмъ забылся отъ бѣшенства и бросился было на старика, но Иванъ загородилъ его собою и взглянулъ на грознаго судію такъ смѣло и выразительно, что тотъ въ минуту опомнился и остановилъ поднятую руку.

— Я вамъ дамъ... Вы меня вспомните... кричалъ имъ вслѣдъ сконфуженный Палѣновъ.

— Ладно... насмѣшливо проговорилъ Александръ Никитичъ, затворяя за собою дверь.

Палѣновъ сѣлъ на лавку и отдувался отъ поныховъ и волненія.

— Вотъ, батюшка, Николай Андреевъ, изволите видѣть каковы мои родители... Какъ мнѣ съ ними жить... жалобно говорилъ Никеша.

— Охъ, батюшки мои... Охъ, согрѣшили... Ой, спинушка... Ой, сердечушко... О-охъ... стонала Наталья Никитишна, увидѣвшая неудачу и залѣзая опять на ночь.

— Только васъ-то я, батюшка, напрасно обезпокою... Вы-то для меня такую себѣ муку только прняли...

— Это зѣври какіе-то, а не люди!.. говорилъ Палёновъ. На нихъ нужно палку, а не слова... Этакое невѣжество, этакая грубость...

— Ахъ, батюшка, Николай Андрейчъ, то ли бы вы еще у васъ увидѣли... То ли еще бываетъ... Жить, вѣдь, нельзя, благодѣтель... Что они меня, ужъ теперь совсѣмъ съѣдятъ... и по-давно... Живой въ гробъ ложись... Ахъ, ты Боже мой!..

— Ничего, Остапковъ, не бойся... Я ужъ коли сказалъ тебѣ, то защищу, такъ надѣйся на меня... Я ихъ проучу... Я покажу имъ съ кѣмъ они имѣютъ дѣло...

— Не оставьте, благодѣтель...

Никеша утиралъ слезы.

— Батюшка, не оставь... Совсѣмъ заѣли... присоединилась Катерина, тоже со слезами, кланяясь въ ноги Палёнову.

— Ужь не бойтесь, не оставлю... Нарочно, самъ лично поѣду къ губернатору...

— Благодѣтели вы наши!.. сказали въ одинъ голосъ Никеша и Катерина, куксясь, всхлипывая и цѣлуя руки Палёнова.

— Молитесь Богу, друзья мои, чтобы я... не отказался на будущіе выборы быть здѣшнимъ предводителемъ... Тогда будете покойны и счастливы... Несчастный всегда найдетъ во мнѣ защитника... говорилъ тронутый Палёновъ.

— Дай тебѣ, Господи, много лѣтъ здравія и всего, что твоя душа желаетъ за твои добродѣтели... проговорила Наталья Никитишна, слѣзая съ печи со стономъ и кряхтѣньемъ и также поклонилась въ ноги Палёнову. Не оставь насъ сиротъ...

Наталья Никитишна, захворавши вдругъ послѣ описанной исторіи съ отнятымъ хлѣбомъ, въ нѣсколько дней осунулась и захвѣла страшнымъ образомъ. До сихъ поръ бодрая и здоровая старуха, она казалась теперь совсѣмъ больной и разрушающейся.

— Полно, полно, старушка, полѣзай себѣ на печь... Богъ дастъ, все поправится... успокоивалъ се, окончательно размягчившійся Палёновъ. Еще кланяться вздумала: смотри-ка-какая ты хвора, еле на ногахъ держишься...

— Эхъ, родимый, укатали бурку крутыя горки... Недавно, вѣдь, я этакая-то стала... Они же, изверги, видно меня испортили... Вдругъ ничто приспичило... На полѣ сысталось... Съ Ванюшкина, видно, глаза... Либо ужъ напустили что нибудь на меня съ вѣтра... Охъ силушки моей нѣтъ... Попортили, злодѣи!..

— Полно, старушка, этого не бывает: не говори вадору...

— Думается, кормилецъ, думается, родимый... Вѣдь, съ этого самаго случая, какъ изъ-за хлѣбца съ Ванюшкой на полѣ поругалась... Съ того самаго раза ровно что въ меня вступило... Ну, поеть въ утробушкѣ... Нѣтъ моей силушки, да и ва, поди...

— Да, батюшка, съ того самаго раза, какъ съ поля пришла въ тѣ поры, такъ въ себѣ и почувствовала... Да вотъ все хуже да хуже... подтвердила Катерина.

— Что же вы .. чайкомъ-то дорогаго гостя не подчуете... Охъ! замѣтила Наталья Никитишна... Охъ... А я, батюшка, опять на печь... Ужъ не обезсудь... Въ теплѣ-то лежу, такъ ровно полегче... А ужъ ноженьки не держатъ... Нѣтъ, не держатъ... Особливо, какъ что... раздумуюсь про горестъ свою, али перемогусь... такъ и хуже... Охъ, ужъ не взыщи...

— Поди, поди, старушка, ложись.

Наталья Никитишна опять загѣзла на печь.

Никеша съ Катериной начали угощать дорогаго гостя чаемъ, рассказывая о своихъ нуждахъ и жалуясь на свою горькую долю, прося защиты и помощи. Палѣновъ общалъ и то и другое.

Когда онъ опять вмѣстѣ съ Никешей отправился въ обратный путь, Харлампій Никитичъ, уже совершенно пьяный, сидѣвшій у избы брата вмѣстѣ съ Иваномъ, проводилъ ихъ хохотомъ и ругательствами. Палѣновъ, въ отвѣтъ на это, выразительно погрозилъ ему пальцемъ, а Харлампій Никитичъ съ своей стороны показалъ ему чубукъ.

V.

Дня черезъ три послѣ описанныхъ происшествій Палѣновъ рекомендовалъ Осташкова и Николиньку смотрителю уѣзднаго училища своего городка. Смотритель, маленькій кругленькій теловѣкъ, съ гладко прилизанными волосами, съ рабеки угодливымъ, подленькимъ выраженіемъ лица, но лукавыми и злыми зелеными глазками и краснымъ утинымъ носомъ, видимо считалъ за особенную честь посѣщеніе такого богатаго помѣщика, какъ Палѣновъ, но старался сохранить достоинство и независимость главы мѣстныхъ педагоговъ, особенно предъ лицомъ будущаго свое воспитанника. Вслѣдствіе этого, раболѣпно и съ подобострастною улыбкою выслушивая слова Палѣнова, важно раз-

всплывающаго на диванѣ, онъ мгновенно измѣнилъ выраженіе лица и внушительно хмурилъ брови при взглядѣ на Осташкова и его сына, стоявшихъ передъ нимъ. Ни въ одномъ изъ нашихъ сословіи, и до очень ближайшаго къ намъ времени, не было такъ развито чиновничество со всѣмъ своимъ мелкимъ чванствомъ, самоуничженіемъ и деспотизмомъ, какъ въ ученой братіи низшихъ и даже среднихъ учебныхъ заведеній. Ни одинъ губернаторъ на послѣдняго приказнаго земскаго суда, ни одинъ баринъ на своего лакея не смотрѣли съ такимъ презрѣніемъ, съ такимъ сознаніемъ безответственной власти, какъ наставники на своихъ учениковъ; ни одинъ правитель канцеляріи, ни одинъ полковой командиръ не требовали такой субординаціи, не старались такъ запугать своихъ подчиненныхъ и не наслаждались столько страхомъ, внушаемымъ ихъ личностью въ подчиненныхъ, какъ смотрителя, инспектора и директора въ воспитанникахъ вѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній. И, можетъ быть, нигдѣ во всемъ русскомъ царствѣ не заботились столько развить идеи самоуничженія, рабской безответной покорности и подлаго шпіонства, нигдѣ не чувствовался такой деспотизмъ власти, какъ въ этихъ рассадникахъ общественнаго образованія, какъ любили называть учебныя заведенія наши педагоги...

— Я васъ прошу обратить особенное вниманіе на этого ребенка, говорилъ Палёновъ, указывая на Николинку. Отецъ его, правда, очень бѣдный дворянинъ, не имѣющій ни одной души... но онъ все-таки дворянинъ...

Смотритель съ презрѣніемъ взглянулъ на Осташкова и, закрывшись отъ Палёнова рукою, понюхалъ табуку.

— И я вамъ скажу еще болѣе: онъ дворянинъ весьма древняго и, вѣроятно, княжескаго рода... Слѣдовательно ваше училище должно считать за особенную честь принять въ свои нѣдра этого мальчика... Вѣдь, у васъ большею частію все просто-народье...

— Конечно, наше училище общенародное называется, отвѣчалъ смотритель съ грустною, и въ тоже время любезною улыбкою, слѣдственно мы обязаны принимать и всякую чернь... Но мы стараемся облагородить свое заведеніе доброй нравственностью и поведеніемъ своихъ учениковъ, негодяевъ исключаемъ... И я, даже, стараюсь такъ, чтобы въ моемъ училищѣ было какъ можно меньше чернаго народа... даже если который мальчишка невзвратно и непрялично одѣтъ, такъ я не допускаю его въ

классы, пона не поправится... И могу сказать... благодаря Бога, у меня въ училищѣ есть дѣти даже изъ здѣшнихъ благородныхъ домовъ: вотъ дѣти здѣшняго стряпчаго, также секретаря изъ уѣзднаго суда, а оня люди благородные, даже нѣютъ свои деревни... И я могу сказать, что у меня учении всѣ больше изъ купечества... А этихъ, шушперу, которые изъ мѣщанишекъ, я всячески стараюсь искоренять, и держу изъ нихъ развѣ только такихъ мальчиковъ, которые отличаются добропорядочною нравственностію... и тихостію... Я вамъ долженъ сказать, что я, слава Богу, успѣлъ поставить свое училище на хорошую ногу... У меня даже нѣтъ ни одного учителя, который бы очень зашибался, и ужь у меня, избави Богъ... въ нетрезвомъ видѣ въ классъ не придуть!.. У меня даже учителя всегда въ виц-мундирахъ посѣщаютъ классы...

— Ну-съ это прекрасно... Порядокъ и дисциплина вездѣ нужны... Хотя, конечно, свѣтъ образованія долженъ вездѣ распространяться, и слѣдуетъ стараться, чтобы онъ проникалъ во всѣ слои общества...

— Этого нельзя-съ... Нельзя этого допустить, чтобы вскїи лѣзъ въ уѣздное училище... Тогда только заурядишь училище, а пользы не будетъ-съ, будетъ одно безобразіе... И опять надобно помнить, что не всякому нужно равное образованіе... Для дворянина нужно больше образованія, для купца поменьше, а для мѣщанина и еще поменьше... Этого не надобно упускать изъ вида. Напримѣръ, для чего мѣщанину или дворовому человеку науки?.. Что онъ съ ними будетъ дѣлать?.. Ему достаточно выучиться читать, писать, да закону Божію... Вотъ съ него и довольно... А для этого приходское училище есть... А зачѣмъ же я уѣздное-то буду запускать этихъ народомъ?.. Развѣ только для того, чтобы благородные люди дѣтей своихъ гнушались отдавать?.. Повѣрьте: я это изъ опыта говорю-съ... Нельзя-съ...

— Однако, позвольте: почему вы знаете, что и изъ этихъ сословій не можетъ выйти людей ученыхъ, людей замѣчательныхъ? Наша благословенная Россія очень богата талантами: они кроются во всѣхъ слояхъ общества... Да вотъ вамъ историческій примѣръ: Ломоносовъ... Изъ крестьянъ, сынъ рыбака...

— Такъ, вѣдь, такіе люди рождаются вѣками... Этикие гении нигдѣ не пропадутъ, они выбьются отовсюду... Позвольте мнѣ спросить: много ли Ломоносовыхъ-то?.. Да если нѣтъ товеръ

этого правила держаться и всякій народъ безъ разбора пускать въ уѣздное училище, ихъ столько налѣзетъ, что учителю некогда будетъ и уроковъ спрашивать... Помилуйте... Да и порядка никакого не добьетесь... Никакой чистоты нельзя будетъ соблюсти... Нынче же первое отъ начальства требуется, чтобы порядокъ и чистота была въ казенномъ заведеніи... А теперь извольте сообразить: если я напущу къ себѣ триста человѣкъ всякаго-то сброда... да они, помилуйте, на ножищахъ одного сора натащутъ столько, что не выметешь... а въ грязные дни грязью такъ полъ натопчутъ, что и не промоешь... Здѣсь же у насъ въ городѣ тротуаровъ нѣтъ, улицы грязныя... А у меня всего одинъ сторожъ при училищѣ полагается... Чтожь онъ можетъ сдѣлать? Да эти мальчишки такой народъ, что они одной недѣлей всѣ лавки, всѣ парты изрѣжутъ и переломають, всѣ стѣны такъ засалятъ, что на одни починки, да на подкраску всей расходной суммы не достанетъ, что на училище отпускается... Нѣтъ, помилуйте, этого нельзя... Конечно всѣ эти разсужденія очень прекрасны... Но надо все это изъ практики узнать сначала... Для чего же я стану-съ заведеніе-то свое ронять?.. Изъ-за сволочи, изъ-за черни, которая никогда ничему даже и научиться не можетъ... А если и выучатся чему, такъ все бросятъ и позабудутъ послѣ... Нѣтъ-съ а я свое училище облагородить стараюсь... Вотъ-съ я не могъ ожидать той чести, что вы пожалуете, не приготавливаясь... а неугодно ли обзавѣтъ училище на-счетъ порядка и чистоты... а также на-счетъ ученья... Ни шуму, ни крику большаго въ классѣ не изволите услышать... Всѣ ученики приучены такъ: какъ войду я, или учитель, или кто изъ посѣтителей, сейчасъ всѣ встаютъ въ струнку, рѣшительно какъ солдаты... Въ одеждѣ — пристойность: не только дяръ, заплаты или разныхъ рукавовъ на сюртукѣ не увидите... Ну, ужъ въ приходскомъ этого достигнуть нельзя... потому тамъ все простонародье... Нѣтъ, я за свое училище покоенъ... Не угодно ли обзрѣтъ?.. Удостоите...

— Хорошо... съ удовольствіемъ... Такъ вы этого молодца ужъ завербуйте къ себѣ и не забудьте, что я васъ прошу обратить на него особенное вниманіе...

— А онъ подготовленъ-съ?.. То есть можетъ читать и писать?.. Вѣдь, у насъ въ уѣздномъ училищѣ уже науки начинаютъ преподавать даже съ перваго класса...

— Да, онъ можетъ читать, хотя конечно не бойко, начинать и писать... Да я вамъ скажу: и это удивительно... Видъ, онъ, учился не больше пяти недѣль... Правда, его училъ очень талантливый мальиш, мой конторщикъ, и руководствуясь особенной системой, которую я самъ изобрѣлъ и которую не душно бы примѣнить во всѣхъ приходскихъ училищахъ... Впрочемъ объ этомъ я буду писать къ министру, съ которымъ я въ очень хорошихъ отношеніяхъ...

Смотритель подобострастно улыбнулся и одернулъ на себя виц-мундиръ.

— Это дѣйствительно: рѣдкость большая, чтобы въ такое короткое время... подтвердилъ онъ.

— Ну-съ, такъ я надѣюсь, что онъ будетъ принятъ?.. спросилъ Палѣновъ, вставая.

— Помилуйте, непременно... За особенное удовольствіе...

— Если онъ немного не бойко читаетъ и плохо еще писать, такъ вы прикажите тамъ вашимъ учителямъ, чтобы они особенно имъ занялись... Видите ли: я отдаю его къ вамъ въ училище только на годъ... чтобы приготовить его для поступления въ гимназію... Вы такъ его и готовляйте...

— Очень хорошо-съ... А въ училище не угодно зайти?..

— Пойдемте, пойдемте...

— А вы подождите меня здѣсь... обратился смотритель къ Осташкову, уходя. Съ важностію прошелъ Палѣновъ по училищу, внушительно поговорилъ съ учителями, далъ нѣсколько совѣтовъ о способѣ преподаванія, замѣтилъ необходимость дать увѣзднымъ училищамъ направленіе болѣе практическое, реальное, о чемъ обѣщалъ при свиданіи поговорить съ министромъ, также посоветовалъ измѣнить устройство классныхъ столовъ, зашелъ въ бібліотеку, гдѣ стоялъ никогда не отпиравшійся шкалъ съ книгами, которыхъ никто не читалъ, похвалилъ порядокъ и чистоту, и, прощаясь съ смотрителемъ, сказалъ, что онъ отправляется въ губернской городъ и тамъ, при встрѣчѣ съ директоромъ, почтеть обязанностью отозваться объ училищѣ съ самой выгодной стороны, при чемъ смотритель какъ-то совершенно развѣлъ и, униженно раскланиваясь, даже помогъ Палѣнову надѣть шинель, несмотря на то, что ее подавалъ сторожъ. Вернулся смотритель домой къ Осташкову уже совсѣмъ другимъ человекомъ: подобострастіе и униженіе исчезли съ его лица; на немъ выражались взаимно того важность, недоброжелатель-

ство и какая-то язвительность во взглядѣ его злыхъ кошачьихъ глазокъ, за что ученики называли его обыкновенно эхидной.

— Ну... Такъ какъ же вы... дворянинъ, а крестьянъ не видите?.. спросилъ онъ Осташкова.

— Что дѣлать, батюшка... Прадѣды наши всѣ свои души повстеряли...

— Какъ же?.. Чѣмъ же вы существуете?

— Да чѣмъ?.. Землю имѣю; обрабатываю... А больше того благодѣтели не оставляютъ... Вонъ Николай Андреичъ, дай Богъ морозья, первый благодѣтель... а также и другіе прочіе изъ господства...

— Ми... А въ службѣ не были?..

— Нѣтъ, батюшка, Богъ не привелъ... потому родители мнѣ грамоты не дали... темнымъ человѣкомъ оставили... Вотъ ужъ дѣти, Богъ дастъ, въ службу пойдутъ... за меня... коли науку приучутъ... Вотъ не оставьте, батюшка, этого... Желаю наследовать его наукой...

— Коли не будетъ шалить, да будетъ начальство почитать и слушаться, такъ, можетъ быть, и выучится... Ну-ка ты, иди сюда ко мнѣ... Давай-ка мы тебя проэкзаменуемъ... На-ка, прочитай вотъ это...

Николинька едва могъ складывать слова.

— Худо... замѣтилъ смотритель. Не достаточно...

— А ну-ка въ чистописаніи... Напиши: благочиніе... благо-ч-ніе...

Но Николинька совершенно сталъ въ тупикъ... Онъ у Аристарха Николаича выводилъ только буквы и то плохо, до мудрости писанія цѣлыхъ изрѣченій онъ еще не дошелъ...

— Что же ты?.. говорилъ смотритель.

— Пиши... понукалъ Осташковъ.

Но Николинька былъ нѣ въ сильномъ затрудненіи и печально вертелъ въ пальцахъ карандашъ, не зная какъ приступить къ дѣлу.

— Очень худо... замѣтилъ смотритель.

— Что же ты не пишешь?.. Али опять упрямитесь? Пиши, говорятъ... наставлялъ Осташковъ. Вѣдь, писалъ, батюшка, самъ шдѣлъ... Видно, сробѣлъ что ли...

— Да нѣтъ, онъ и въ чтеніи весьма слабъ... По настоящему, его слѣдовало помѣстить въ приходское училище, но по просьбѣ Николая Андреевича, я его допущу и въ уѣздное... Но только

ради его просьбы... Вы такъ и передайте, что только для него это дѣлаю... А мальчикъ слабъ, очень слабъ... Ты смотри, Ты у меня учиться... Не шалить, слушаться... А то смотри... Я шалуновъ не люблю... И наказываю больно...

— Хорошенько его, батюшка, коли станетъ шалить... Не жалуйте...

— Не безпокойтесь... Мы шалуновъ исправляемъ... Ну, такъ съ завтрашняго дня въ классъ... Да гдѣ онъ будетъ жить, такъ накажите хозяину, или тамъ хозяйкѣ что-ли, чтобы за него надвирали, и въ развращенномъ видѣ... тамъ изорваннаго, или невычищеннаго въ классы не отпускали... Я безобразія не люблю... Притомъ онъ изъ дворянъ будетъ числиться... Такъ чтобы по-дворянски себя и велъ... Смотри... берегись... заковыль смотритель внушительнымъ голосомъ и погрозилъ Николаикѣ пальцемъ.

— Какъ можно... Долженъ стараться... остерегать себя во всемъ... Вотъ еще не знаю, батюшка, куда мнѣ его пристроить-то... Куда бы нибудь, къ какому хорошему человѣчку... На квартиру-то... Не изволите ли знать?..

— Ну, ужъ я этого не знаю... Гдѣ-жь мнѣ этимъ заниматься... Поищите... Въ городѣ есть дома... Мѣщанка, можетъ быть, какая, возьметъ, или приказный... Развѣ мое дѣло квартиры разводить, или указывать мальчикамъ... Глупо это и даже невѣжливо безпокойть этимъ смотрителя... Ступайте и кланяйтесь отъ меня Николаю Андреевичу... А завтра его въ классы...

Осташковъ извинился, что обезпокоилъ, и отправился вмѣстѣ съ сыномъ на квартиру Палёнова.

Кратчайшая дорога ему лежала по главной улицѣ городка, гдѣ стоялъ домъ, занимаемый лѣсничимъ, но Осташковъ слѣлалъ нарочно обходъ, чтобы не пройти мимо этого дома: онъ боялся, чтобы его не увидѣли и не позвали къ Юліи Васильевнѣ: въ присутствіи Николая Андреевича онъ не смѣлъ и вспомнить о лѣсничихѣ и Рыбинскомъ, и отоскилъ свиданіе съ дочерью до его отъѣзда изъ города.

Палёновъ въ тотъ же день собирался ѣхать въ губернскаіи городъ, чтобы объясниться, какъ онъ говорилъ съ губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ о поступкѣ Рыбинскаго, и просить ихъ вмѣшательства въ пользу Осташкова. Передъ отъѣздомъ онъ далъ Никешѣ три рубля серебромъ и объявилъ, что

каждый мѣсяцъ онъ будетъ отпускать такую же сумму на содержаніе Николинки.

— А къ Рыбинскому ты не смѣи являться до моего возвращенія, приказалъ онъ, уѣзжая. Можетъ быть, этотъ мерзавецъ узнаетъ, что я поѣхалъ объясняться съ губернаторомъ, струсить и, чтобы предупредить меня, сдѣлаетъ какое нибудь распоряженіе въ твою пользу. Ты не смѣи являться къ нему ни въ какомъ случаѣ, хотя бы онъ даже вызывалъ тебя... Слышишь?.. я тебѣ приказываю...

— Слушаю, батюшка, Николай Андреечъ...

— Нѣтъ, надобно поубавить съ него спѣси... Ба, да что же я думаю! вскричалъ вдругъ Палёновъ, ударивъ себя по лбу.— Всею душею тебѣ ѣхать со мною: ты самъ лично объяснишь все губернатору, и губернскому предводителю... Собирайся, поѣдь...

Осташковъ перевагужался.

— Какъ я буду жаловаться на своего предводителя... мелькнуло у него въ головѣ.— Да онъ меня съ лица земли сотретъ...

Палёновъ замѣтилъ его смущеніе и воспымалъ было гнѣвомъ.

— Ты чтожь?... Ты боишься?... Ты не надѣешься что ли на меня?... Мало я для тебя дѣлалъ?... Ты юлишь?... Ты продать меня хочешь?...

— Да нѣтъ, батюшка, нѣтъ-съ... благодѣтель, нѣтъ-съ... Я не про то-съ, не на-счетъ того... Я вотъ про сынишку... Еще къ мѣсту-то онъ не пристроенъ... Куда мнѣ его-то дѣть...

— Ну, онъ здѣсь пока останется... Я скажу хозяину, чтобы онъ его кормилъ, пока до моего возвращенія... А тутъ ты приѣдешь и найдешь ему постоянную квартиру...

Осташкову нечего было возражать. Хозяинъ постоялаго двора былъ позванъ и изъявилъ согласіе продержатъ Николинку нѣсколько дней, замѣтивши, что ему все единственно кого ни кормить... Ямщиковъ кормить же... И мальчика можно.. Покой ему въ въ избѣ за перегородкой дастъ... Будетъ и тепло, и хорошо...

Такимъ образомъ, нечаянно, негаданно, Осташковъ съ стѣпеннымъ сердцемъ отправился въ губернской городъ, а Николинка помѣстился у хозяина постоялаго двора, у печки, за перегородкой.

VI.

Осташковъ первый разъ въ жизни вѣзжалъ въ губернской городъ. Съ удивленіемъ и любопытствомъ, какъ малый ребенокъ,

смотрѣлъ онъ на все, что мелькало передъ его глазами и на каменную заставу при вѣздѣ въ городъ съ пестрыми шлагбаумомъ и съ золотыми орлами на столбахъ, и на рядъ большихъ каменныхъ домовъ, вдругъ смѣнившихся знакомыя лачужки и непрерывно потянувшихся съ обѣихъ сторонъ улицы, и на большія пестрыя вывѣски надъ магазинами, и на блестящія главы церквей, и на нарядныхъ барынь и офицеровъ въ раззолоченныхъ каскахъ, попадавшихся на встрѣчу... Все поражаю и удивляло его: и непривычное для его глазъ движеніе, и еще болѣе непривычный шумъ отъ экипажей, проѣзжавшихъ по мостовой. Всѣ, кто ни встрѣчался Никешѣ, казались ему такими богатыми, довольными и счастливыми.

— Вотъ, видно, гдѣ житье-то, вѣчная масляница!... подумалъ про себя Никеша.

На другой день утромъ Палѣновъ, принарадившись, какъ слѣдуетъ, поѣхалъ къ губернатору, приказавши и Никешѣ сопровождать себя.

— Я тебя беру на всякій случай... сказалъ онъ ему.—Меня губернаторъ, вѣроятно, приметъ въ кабинетѣ, а ты останешься въ пріемной. Смотри же: если тебя позовутъ, и губернаторъ станетъ что нибудь спрашивать объ Рыбинскомъ, отвѣчай откровенно и всю правду: говори все, что знаешь про него, ничего не скрывай... Отъ этого зависитъ все твое счастье...

— Слушаю, батюшка... робко отвѣчалъ Никеша, и при этомъ вспомнилъ назиданіе другаго благодѣтеля, Карѣева: что бы для тебя человекъ ни сдѣлалъ, какъ бы ты ни былъ ему обязанъ, но коли онъ подлець, то такъ и говори про него, что онъ подлець... Ничего не скрывай: это обязанность честнаго человека...

Со страхомъ и трепетомъ прошолъ Никеша мимо солдата у подъезда, мимо жандарма въ антрѣ и поднялся вслѣдъ за Палѣновымъ по великолѣпной лѣстницѣ, остерегаясь ступить на разостланный, по срединѣ ея, коверъ. Еще съ большимъ уваженіемъ и довѣріемъ смотрѣлъ онъ на Палѣнова, такъ спокойно и самоувѣренно шедшаго впереди его. Въ пріемной комнатѣ Палѣновъ обратился къ какому-то офицеру съ серебряными шнурми на груди, котораго Осташковъ готовъ былъ принять за самого губернатора, и просилъ доложить о себѣ генералу. Офицеръ тотчасъ же отправился исполнять требованіе Палѣнова, а онъ, слѣ-

дагъ знакъ Остапкову, чтобы тотъ остался въ этой комнатѣ, пошолъ вслѣдъ за офицеромъ, какъ человекъ, который знаетъ, то его не заставить дожидаться.

— Нѣтъ, видно надо Николая Андренча крѣпче держаться... Онъ, видно, сильный человекъ, подумалъ Никеша, провожая его глазами.

Палѣновъ дѣйствительно былъ тотчасъ же допущенъ къ генералу.

Губернаторъ, человекъ среднихъ лѣтъ, полный, коренастый, со строгимъ и нѣсколько мрачнымъ выраженіемъ глазъ, съ коротко остриженными волосами, съ постоянно нахмуреннымъ челекомъ и щетинистыми черными усами на лицѣ красно-кирпичнаго вѣта, въ сюртукѣ на распашку, но съ эполетами, встрѣтилъ Палѣнова привѣтливо, какъ знакомаго, но впрочемъ съ достоинствомъ. Чрезвычайно красивымъ и совершенно воинственнымъ жестомъ руки онъ указалъ ему кресло.

— Давно васъ не видать... сказалъ губернаторъ, опускаясь въ кресла передъ огромнымъ письменнымъ столомъ и протирая ладони рукъ, нѣсколько приподнятыхъ кверху. — Какъ поживаете?

— По немножку, ваше превосходительство.

— Вы теперь изъ деревни?

— Да, я прямо изъ деревни, ваше превосходительство.

— Сентябрь мѣсяцъ на дворѣ, а какая славная погода стоитъ... Каковы дороги?

— Дороги хороши, ваше превосходительство.

— А что, каковы нынче хлѣба?... хороши?

— Хлѣба нынче хороши... нельзя жаловаться...

— Въ деревнѣ лѣтомъ рай, замѣтилъ губернаторъ глубокомысленно.— Вы счастливы, господа помѣщики, что проводите это время въ деревнѣ, вдали отъ всѣхъ этихъ дрягъ... пыли... А вотъ наше положеніе... Генералъ положилъ руку на кипу бумагъ, завернутыхъ въ сѣрую папку, съ надписью: къ докладу.— Не разгибая спины работашь... Генералъ потянулся, выгибая уставшую отъ работы спину и вытягивая руки.

— Напрасно вы изволите называть, ваше превосходительство, деревенскую жизнь раемъ... Повѣрьте, и у насъ не избѣжишь тѣхъ же дрягъ и неприятностей, что и въ городѣ... Гдѣ есть человекъ, тамъ есть и человѣческая глупость, и недоброжела-

тельство, и желаніе обидѣть слабого... Вотъ я и изъ деревни, а пріѣхалъ беспокоить ваше превосходительство...

— А-а... вы по дѣлу... проговорилъ генералъ, и лицо его приняло еще болѣе строгое выраженіе.

— И по дѣлу очень серьезному, ваше превосходительство... касающемуся интересовъ всего дворянства нашего уѣзда, по дѣлу, которое...

— Извините: вы какого уѣзда?...

— Вышнерѣченскаго, ваше превосходительство... Я былъ однажды осчастливленъ посѣщеніемъ вашего превосходительства во время вашего проѣзда для ревизіи по губерніи.

— Какъ же, я очень помню... Но забылъ только немножко уѣздъ, въ которомъ вы живете.

— Это тотъ самый уѣздъ, ваше превосходительство, который имѣлъ несчастіе выбрать въ предводители дворянства... осмѣлюсь выразиться предъ вами прямо: негодя и человѣка безнравственнаго, Рыбинскаго...

— Ахъ, Рыбинскій... безпокойный человѣкъ, это правда... И знаете: онъ, мнѣ кажется, немножко фатъ и либераль...

— Этого мало еще сказать про него, ваше превосходительство... Онъ не уважаетъ ни властей, ни законовъ нравственности, ни даже общественнаго приличія... Онъ...

— Но послушайте... Я слышалъ, онъ нынче лѣтомъ давалъ, говорятъ, великолѣпный праздникъ у себя въ деревнѣ... И онъ мѣтитъ, говорятъ, въ губернскіе...

— Не знаю, ваше превосходительство... Но я увѣренъ... по крайней мѣрѣ я надѣюсь, что наша губернія не осрамится такимъ выборомъ... Ужъ одинъ этотъ праздникъ, о которомъ вы изводили упомянуть, показалъ всѣмъ, что это за человѣкъ... Онъ скандализировалъ все общество, показавши передъ всѣми публично свои отношенія къ женѣ нашего лѣсничаго... *Entre nous soit dit*, ваше превосходительство...

— *Sans doute*... А чтожь, развѣ хорошенькая?..

— Она недурна... Но согласитесь, ваше превосходительство... каково же было положеніе дамъ, которыя имѣли неосторожность, или... ужъ я не знаю, какъ это назвать... пріѣхать къ нему, какъ къ холостому человѣку... Притомъ, его образъ жизни... если вы позволите сообщить вашему превосходительству... Само собою разумѣется, я не хочу сплетничать... но если общественная нравственность...

— Говорите, говорите... Губернаторъ долженъ все знать... Честный гражданинъ обязанъ откровенно высказывать ему все, что знает... для пользы общей... Тѣмъ болѣе, что этотъ Рыбинскій мнѣ самому надобѣлъ... Онъ безпокойный человѣкъ... Я забывалъ это нѣсколько разъ изъ переписки съ нимъ по нѣкоторымъ дѣламъ.

— Очень радъ, ваше превосходительство, что вы изволите знать объ этомъ человѣкѣ здравое и совершенно справедливое мнѣнiе... Но вы не изволите знать того, что знаемъ мы, его сосѣди, къ несчастiю, и о чемъ всѣ мы молчимъ, по нашей врожденной безвѣчности, хотя и возмущаемся... Я могу вамъ сообщить объ этомъ человѣкѣ страшныя, возмутительныя вещи...

Цѣлкомъ началъ что-то рассказывать губернатору на ухо.

— И все это подѣ видомъ любви къ гнѣию... заключилъ онъ вдругъ.

— Но, вѣдь, это... послушайте... Вѣдь, это дѣло такое, что если я велю произвести секретное дознанiе и если эти слухи оправдаются... вѣдь, я могу его далеко упечь... Вѣдь, это можно вышiе въ опеку отдать...

— Что это не одинъ только слухъ, ваше превосходительство, въ доказательство этого я могу вамъ представить даже свидѣтеля, одного бѣднаго дворянина, Осташкова, который въ настоящее время здѣсь, въ вашей прiемной, который тоже страдаетъ черезъ Рыбинскаго, и по дѣлу котораго я и прiѣхалъ просить ваше превосходительство... Этотъ дворянинъ живалъ у Рыбинскаго по нѣсколько дней и онъ можетъ рассказать вамъ обо всемъ, какъ очевидецъ.

— Но вы увѣрены, что онъ не совретъ? Вѣдь, все-таки это дѣло щекотливое... Какъ бы то ни было: онъ предводитель...

— Въ этомъ-то я совершенно увѣренъ, ваше превосходительство... Спорѣ онъ не посмѣетъ всего сказать, потому что запуганъ имъ, какъ бѣдный человѣкъ... Да, можетъ быть, онъ даже и не понимаетъ настоящаго смысла всего этого... Но вы извольте спросить его такъ стороной, не прямо, поверхностно: есть ли у него пѣвчiе, какъ они живутъ, что дѣлаютъ... Вотъ въ этомъ родѣ..

— Мг... проморгалъ генералъ задумчиво. — Впрочемъ мы это увидимъ; я поговорю съ правителемъ. Я полагаю, мнѣ неприлично входить въ личныя разспросы... А въ чемъ же его собственная просьба на Рыбинскаго?..

Палёновъ разсказалъ.

— Ну, такъ что же: пусть онъ подастъ мнѣ прошеніе, объяснивъ, что вотъ онъ обращался къ уѣздному предводителю, но тотъ не только не сдѣлалъ никакого распоряженія, но даже отказался войти въ разсмотрѣніе его жалобы...

— Онъ, ваше превосходительство, человѣкъ безграмотный... Но, если позволите, я вамъ подамъ докладную записку, съ поясненіемъ всего дѣла, тѣмъ болѣе, что я самъ лично оскорбленъ дерзкимъ письмомъ Рыбинскаго, которое онъ прислалъ въ отвѣтъ на мое письмо къ нему по этому дѣлу.

— Чтожъ, и прекрасно... Впрочемъ позвольте: что же мы будемъ дѣлать съ этой запиской? Вѣдь, я полагаю, мнѣ нельзя будетъ назначить по ней произвести слѣдствіе о поступкахъ предводителя Рыбинскаго?... Докладная записка... Это какъ-то не формально... Нѣтъ, ужъ пусть лучше онъ подастъ прошеніе... Ну, за него можетъ кто нибудь подписаться по его безграмотности...

— Очень хорошо, ваше превосходительство.—А сверхъ того, я буду имѣть честь представить вамъ докладную записку съ приложеніемъ его письма, которое будетъ служить документомъ его прямого отказа отъ исполненія его обязанностей и дерзкаго обращенія съ дворянами...

— Хорошо... Это будетъ сильнѣе и формальнѣе... Въ этой запискѣ вы помѣстите и то, что мнѣ разсказывали...

— А вамъ не угодно будетъ разспросить этого дворянина?

— Да это завтра, когда онъ мнѣ подастъ прошеніе... А сегодня, признаюсь, я немного усталъ... Да и нужно еще ѣхать...

Палёновъ поднялся съ мѣста.

— Извините, что такъ долго беспокоилъ, ваше превосходительство... Сдѣлайте милость: войдите въ положеніе этого несчастнаго... Если вы не защитите его, онъ, по милости нашего мудраго предводителя, долженъ умереть съ голода...

— Хорошо... Это все завтра разсмотримъ и подумаемъ, что можно для него сдѣлать... Я очень радъ поучить этого господина... Онъ мнѣ надоѣлъ...

Палёновъ сталъ раскланиваться.

— Прощайте... До свиданія... сказалъ губернаторъ, подавая руку.

Палёновъ вышелъ отъ него съ сіяющимъ лицомъ.

— Ну, Осташковъ, сказалъ онъ, выходя изъ губернаторскаго

дома и садясь въ экипажъ. — Губернаторъ далъ мнѣ честное слово все для тебя сдѣлать и уничтожить Рыбинскаго. Онъ даже благодарилъ меня, что я принялъ въ тебѣ участіе, какъ въ бѣдномъ дворянинѣ... Да онъ знаетъ, что я лично извѣстенъ министру и что мнѣ стоитъ только написать къ нему, такъ и онъ самъ...

Палёновъ многозначительно умолкъ и черезъ нѣсколько мгновеній примолвилъ съ достоинствомъ:—они знаютъ меня!... Тотчасъ по прїѣздѣ на квартиру, Палёновъ занялся сочиненіемъ прошенія отъ Осташкова и докладной записки. Затѣмъ онъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ и вездѣ кстати и не кстати рассказывалъ исторію Осташкова, описывалъ свое о немъ попеченіе и бранилъ Рыбинскаго. Губернскаго предводителя не было въ городѣ, о чемъ широчемъ Палёновъ не сожалѣлъ, потому что не ожидалъ отъ него особеннаго участія и энергіи. Губернскій предводитель былъ богатый и лѣнливый старикъ, смиренный и добрый баринъ по природѣ, врагъ всякаго рода ссоръ и непріязненныхъ столкновеній. Хотя Палёновъ и зналъ, что онъ не любилъ Рыбинскаго, но былъ увѣренъ, что онъ не только не принялъ бы живаго участія въ намѣреніяхъ Палёнова, но сталъ бы даже отговаривать его отъ всякаго рѣшительнаго дѣйствія и, пожалуй бы, даже помѣшалъ ему.

На слѣдующій день Палёновъ опять былъ въ кабинетѣ губернатора съ докладной запиской, а Осташковъ въ пріемной съ прошеніемъ въ рукахъ.

Прочитавши записку и переговоривши съ Палёновымъ, губернаторъ приказалъ позвать въ одно и то же время Осташкова и правителя канцеляріи. Ни живъ, ни мертвъ предсталъ Осташковъ предъ лицо такого великаго человѣка, какимъ былъ въ его юнатіяхъ губернаторъ.

— Подайте свою просьбу его превосходительству, сказалъ Палёновъ.

Дрожащею рукою подалъ Осташковъ губернатору сочиненіе Палёнова.

— Ты жалуешься на предводителя Рыбинскаго?.. спросилъ губернаторъ какимъ-то особеннымъ голосомъ, совершенно не тѣмъ, какой ему былъ данъ отъ природы.—Онъ тебя обидѣлъ?..

— Никакъ нѣтъ-съ... пролепеталъ Никеша.

— Какъ нѣтъ?.. какъ нѣтъ?.. заговорилъ Палёновъ.—Что ты, Осташковъ... Онъ не хотѣлъ обратить вниманія на твою прось-

бу, онъ тебя прогналъ отъ себя съ крикомъ и угрозами, онъ чуть не прибилъ тебя... Ты самъ пишешь это въ просьбѣ... Какъ же не обидѣлъ?..

— Точно такъ... Ужъ очень мнѣ это обидно... постараюсь подтвердить Осташковъ,

— Il est sot... замѣтилъ губернаторъ, обращаясь къ Палёнову.

— Non... Mais en voyant votre excellence il tremble... ощутилъ Палёновъ.

— А ты, братецъ, не бойся... Говори со мной откровенно, — сказалъ генералъ милостиво и мягкимъ голосомъ. — Я поставленъ защищать обиженныхъ и наказывать только виновныхъ, следовательно тебѣ нечего меня бояться... Ты бывалъ у Рыбинскаго въ домѣ?

— Бывалъ-съ...

— Весело онъ живетъ?

— Весело-съ...

— Что же у него, музыканты есть, пѣсенники?

— Есть-съ...

— И пѣсенницы?

— Точно такъ-съ...

— И живутъ тутъ у него въ домѣ?

— Точно такъ-съ...

— Что же эти пѣсенницы все изъ его горничныхъ?

— Точно, что изъ горничныхъ. А те цыганки...

— Ну, а много ли у него этихъ горничныхъ-то?

— Да довольно-съ. Дѣвухекъ восемь-съ...

— Скажи, пожалуйста... Какое у него веселье въ самомъ дѣлѣ... Этакъ веселится—и меня никогда не позоветъ въ гости... пошутить генералъ и самъ залился веселымъ смѣхомъ. — Ну, хорошо, братецъ, ступай... Я напишу Рыбинскому, чтобы онъ тебя не обижалъ... И хлѣбъ твой велю тебѣ отдать... Ступай съ Богомъ.

— Не оставьте, батюшка, ваше превосходительство... сказалъ Осташковъ, прослезившись, и поклонился въ ноги.

— Хорошо, хорошо... Все сдѣлаю, что можно... Ступай...

Палёновъ далъ знакъ Осташкову, чтобы онъ вышелъ.

— Вотъ по этому прошенію и по этой докладной запискѣ сейчасъ же сдѣлать распоряженіе о назначеніи ефандыа о поступкахъ уѣзнаго предводителя Рыбинскаго... сказалъ губер-

второй, обращаясь къ правителю, который явился почти въ одно время и стоялъ въ ожиданіи приказаній.

— Сначала надобно объясненія потребовать, ваше превосходительство, замѣтилъ правитель.

— Я вамъ говорю: слѣдствіе назначить... Что тутъ рассуждать, когда я вамъ говорю опредѣленно... отвѣтилъ генераль, шловольный, что ему возразилъ подчиненный, да еще въ присутствіи посторонняго лица.— Командировать старшаго чиновника Курбатова.

Правитель канцеляріи покорно преклонилъ голову и, молча, вышелъ.

— Ну-съ, мы теперь за этого господина примемся и воздать ему не дадимъ... сказалъ генераль.

— И вы сдѣлаете, ваше превосходительство, великое благо-дѣніе для цѣлаго уѣзда... Всѣ благомыслящіе и честные люди будутъ вамъ благодарны...

Паліновъ сталъ откланиваться.

— Прощайте, почтеннѣйшій Николай Андреевъ... Очень вамъ благодаренъ, что вы были со мною откровенны.

— Я, ваше превосходительство, исполнилъ только долгъ честнаго человѣка и гражданина.

— Каковъ у васъ исправникъ?..

— Про него я ничего не могу сказать, кромѣ хорошаго...

— Говорятъ, не чистъ на руку...

— Ничего не могу вамъ сказать, ваше превосходительство... Можетъ быть и есть, но онъ человѣкъ бѣдный и смиренный...

— Все же не слѣдуетъ очень лапу запускать... Вы мнѣ, пожалуйста, если что услышите, просто напишите, безъ церемоній, прямо... Я намѣренъ все это искоренить... Я хочу, чтобы моя губернія была образцомъ...

— И будетъ, ваше превосходительство, при нашемъ мудромъ взглядѣ на вещи... Я считаю для себя за особенную честь довѣріе вашего превосходительства, и будьте увѣрены, что, если узнаю что нибудь такое, клонящееся ко вреду общественному, поставлю долгомъ довести до вашего свѣденія со всюю откровенностью благороднаго человѣка...

— Пожалуйста... Прощайте... Намъ такихъ благомыслящихъ людей нужно, какъ вы... Будьте здоровы...

Паліновъ вышелъ на этотъ разъ отъ губернатора уже не только съ сіяющимъ лицомъ, но съ такой неприступной гордо-

стью во взорѣ, съ такимъ сознаниемъ своей силы и вліянія, что Осташковъ не осмѣлился съ нимъ заговорить, а Палѣновъ, молча, утѣшаясь самонаслажденіемъ, перебиралъ въ умѣ своихъ враговъ, которыхъ онъ могъ бы уничтожить однимъ шчеркомъ своего краснорѣчиваго пера.

Стоялъ ясный сентябрьскій день. Все общество того города, въ которомъ жила Юлія Васильевна Кострицкая, прогуливалось по городскому бульвару. Бульваромъ называлось небольшое пространство, огороженное деревянной рѣшоткой и усаженное аллеями тощихъ липъ и березокъ. По главной, т. е. самой широкой дорожкѣ, въ половину поросшей травой и засыпанной опадающимъ съ деревьевъ листомъ, прогуливались группами тѣ, которые носили въ городкѣ названіе дамъ и кавалеровъ, по боковымъ, меньшимъ, купечество и отчасти мѣщанство. Юлія Васильевна съ Сашенькой также гуляли на бульварѣ и, разумеется, по главной аллеѣ. Сашенька нарядно одѣтая, въ шляпкѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ, шла нѣсколько впереди своей мамы, которую сопровождало нѣсколько кавалеровъ и дамъ. Саша считала этой чопорной прогулкой, гдѣ ей не съ кѣмъ было поболтать, нельзя было свободно побѣгать, потому что приказано было идти впереди, но далеко не убѣгать и не отставать, вообще вести себя хорошенько, какъ прилично благовоспитанной и нарядно одѣтой барышнѣ, которую мамаша взяла съ собою на показъ для того, чтобы ею всѣ любовались, а не осуждали, чтобы всякой съ чувствомъ удивленія могъ говорить Юлія Васильевнѣ: это удивительно, какъ вы скоро ее выправили... Просто подумать нельзя, что мѣсяць назадъ привезена изъ деревни и взята изъ такого семейства!... А Юлія Васильевна съ приличной скромностью могла бы отвѣтить то, что она постоянно отвѣчала въ подобныхъ случаяхъ: «нѣтъ, вы бы посмотрѣли какъ только ее привезли ко мнѣ... Это было ужасъ взглянуть... Какъ держалась, какъ была одѣта... Вы себѣ представить не можете... И такая сальная, грязная дѣвочка, что до нея дотронуться было страшно!» Отъ скуки Сашенька поглядывала по сторонамъ на гуляющій *народъ*. Вдругъ она весело вскрикнула и забывши свою степенность, которую до сихъ поръ сохраняла, бросилась прямо между деревьями въ боковую аллею и повисла на шеѣ у какого-то мальчика, не слушая голоса Юліи Васильевны, которая съ недоумѣніемъ кричала ей:

— Саша, Саша, что ты, съ ума сошла!..

Этотъ мальчикъ былъ Николинъка. Оставшись одинъ, безъ всякаго надзора, онъ пользовался полною свободою и цѣлый день бродилъ по городу. Любопытство увлекло его и на бульваръ, гдѣ онъ, впрочемъ, по робости, не осмѣлился идти по той дорогѣ, гдѣ гуляли господа, а пробирался съ толпой менѣе наряднаго люда, по боковымъ аллеямъ. Онъ давно уже замѣтилъ сестру и узналъ ее, не смотря на перемену наряда, но стоялъ въ недоумѣніи за деревомъ и посматривалъ на нарядную Сашеньку, не рѣшаясь подойти къ ней и заговорить, въ присутствіи господъ, съ которыми она гуляла. Послѣ перваго взрыва радости Саша услышала наконецъ сердитый голосъ Юліи Васильевны, которая должна была остановиться среди прогулки и служила предметомъ общаго любопытства.

— Поди сюда... строго сказала Юлія Васильевна, когда Саша наконецъ оглянулась на нее.

— Мамаша, это Николинъка..., говорила Саша, идя къ Юліи Васильевнѣ и таща за собою брата, который не шолъ и упирался...

— Да поди же сюда... Оставь этого мальчика... Какой Николинъка?...

— Братецъ Николинъка... отвѣчала Саша не отпуская руку брата.

— Какой братецъ... Да поди же ты сюда ко мнѣ... Ахъ, какъ ты дурная дѣвочка, непослушная... Я тебя любить не буду...

Сашенька послушалась, бросила руку брата и подошла къ мамашѣ.

— Это братецъ Николинъка... оправдывалась она.

— Да кто бы ни былъ, какъ же можно, не спросясь, броситься бѣжать, по травѣ, прямо безъ дороги... Развѣ это можно!.. Развѣ это прилично?... Ты должна была сначала сказать мнѣ, спроситься... Я бы его подозвала къ себѣ... Мальчикъ, поди сюда...

Но Николинъка дичился, не рѣшался подойти и прятался за дерево.

Эта сцена привлекла общее вниманіе, какъ нарушеніе заведеннаго порядка прогулки изъ одного конца аллеи къ другому и обратно съ приличнымъ развлеченіемъ приятными разговорами...

Нѣкоторые знакомыя дамы подошли къ Юліи Васильевнѣ, другія смотрѣли издали; на боковой дорожкѣ около Николинъ-

ни тоже остановилась толпа простонародья, съ улыбкой и участіемъ слѣди за сценой оригинальной встрѣчи брата съ сестрой. Вдругъ изъ этой послѣдней толпы выскочила худая, блѣдная, но красивая женщина, перебѣжала газонъ, раздѣляющій двѣ аллеи, и встала передъ Юліей Васильевной.

— А меня ты узнала ли? я кто? спросила она ее, злобно сверкая впадинами, окруженными черной тѣнью глазами.

Юлія Васильевна взглянула, невольно вскрикнула и отшатнулась отъ нея къ стоявшимъ сзади дамамъ и кавалерамъ.

— А, узнала Парашку... Узнала разлучница... Вотъ я опять пришла... Много ли завезли... Насильно замужь хотѣли выдать... Нѣтъ, за тысячу верстъ пришла... Убѣжала... мирскимъ подааньемъ питалась, а тебя нашла...

Юлія Васильевна, опомнившись отъ перваго испуга и недоумѣнія, хотѣла уйти... Оторопѣвшіе, удивленные зрители не знали что дѣлать, и стояли въ недоумѣніи, но съ любопытствомъ...

— Врешь, не уйдешь... Теперь не уйдешь... вскричала Параша, хватая ее за бурнусъ.

— Защитите... Боже мой!.. Сумашедшая!.. закричала въ свою очередь Юлія Васильевна.

Одинъ изъ кавалеровъ бросился на Парашу, стараясь вырвать изъ ея рукъ бурнусъ Юліи Васильевны.

— Сумашедшая... Нѣтъ, не сумашедшая... Она барина у меня отняла, Павла Петровича... Онъ меня любилъ, а теперь онъ любить... Они меня въ деревню заслали... Я дѣтей бросала, чтобы се... говорила Параша, стараясь освободиться изъ рукъ кавалера, и какъ бы желая оправдаться въ глазахъ зрителей... Но тотъ же кавалеръ, наконецъ побѣдившій ее и спасшій Юлію Васильевну, не далъ ей кончить и сильнымъ толчкомъ уронилъ на землю...

— Держите ее, мерзавку... Не отпускайте... обратился онъ къ простонародью, и самъ бросился успокоить Юлію Васильевну. Народъ тотчасъ же окружилъ Парашу.

Этотъ господинъ былъ засѣдатель уѣзднаго суда, молодой человекъ, изъ очень глухихъ, но очень неравнодушенькъ къ крошечнымъ, давно уже простиравшій виды на сердце Юліи Васильевны. Онъ былъ несказанно радъ, что имѣлъ случай показать такой геройскій духъ предъ своею возлюбленною и летѣлъ къ ней, чтобы сказать, что она внѣ опасности, и заслу-

ливъ улыбку благодарности; но, къ сожалѣнію, лишонъ былъ и этого удовольствія. Предметъ его обожанія находился въ обморокѣ: дѣйствительно или притворно—исторія умалчиваетъ — но Юлія Васильевна, тотчасъ по освобожденіи бурнуса изъ рукъ Параша, сдѣлавши нѣсколько быстрыхъ шаговъ до ближайшей лавки, вдругъ лишилась чувствъ. Засѣдатель нашелъ около нея только двухъ суетящихся дамъ и перепуганную, плачущую Санту.

Прочія все удалялись поспѣшнымъ шагомъ домой, инныя съ видомъ негодованія, покачивая головами, инныя съ двусмысленной улыбкой и даже смѣхомъ, но все съ тайнымъ удовольствіемъ. Двѣ дамы, не замѣнявшія Кострицной и оставшіяся при ней, были—жена письмоводителя предводительскаго, котораго Рыбинскій, изъ личнаго самолюбія, старался возвысить въ общественномъ мнѣніи и сблизить съ обществомъ и одна очень воля и очень добродушная вдова, помѣщица, безвыѣздно, ради скуки, какъ она говорила, проживавшая въ городѣ.

— Что, дурно? заботливо спросилъ засѣдатель.

— Очень дурно-съ... Совѣтъ безъ памяти, отвѣчала письмоводительша.

— Ахъ, Боже мой... Что же дѣлать... За спиртомъ равнѣ сбѣгать въ аптеку...

— Ничего, пройдетъ .. отвѣчала вдова. Она испугалась, бѣдненькая.

— Да, скажите, какая сумашедшая... Если бы не я, Богъ знаетъ что бы было... Ахъ, бѣдная Юлія Васильевна... Нѣтъ, я сбѣгаю... Велю хотъ чтобъ лошади пріѣхали за ними...

— Да вотъ погодите... Приходить въ себя... зашѣтели дамы въ одинъ голосъ.

Юлія Васильевна открыла глаза.

— Какъ вы себя чувствуете? съ участіемъ спросилъ засѣдатель.

— Мнѣ дурно... Что это такое со мной?.. Я ничего не помню... пролепетала Юлія Васильевна.— Душенька, проводи мене домой... сказала она, обращаясь къ письмоводительшѣ.

— Пойдемте... Пойдемте... И я васъ провожу... сказала вдова.

— Мерсі, бедисюр мерсі... томно сказала Юлія Васильевна, пожимая руку послѣдней.

— Позвольте и мнѣ вамъ сопутствовать?... спросилъ засѣдатель.

— Мерсі... отвѣтила Юлія Васильевна и ему, кидая на него благодарный взглядъ.

— О помилуйте... проговорилъ восхищенный этотъ взглядомъ засѣдатель... Позвольте предложить вамъ руку... Вамъ можетъ быть трудно идти... Вы такъ испуганы...

— Я, право, хорошенько не могу сообразить, что со мной было... говорила Юлія Васильевна, опираясь на руку молодаго челоуѣка. — Какая-то незнакомая женщина... сумашедшая, должно быть...

— Конечно, сумашедшая... подтвердилъ засѣдатель... Я на-силу могъ сладить съ ней и оттащить отъ васъ... А я доволь-но силенъ: пять пудовъ одной рукой поднимаю...

— Точно сумашедшая-съ, виѣшалась письмоводительша... Мнѣ мужъ сказывалъ даже, что у Павла Петровича была такая сумашедшая женщина... Представится ей что нибудь и гово-рить сама не знаетъ какія слова...

Письмоводительша надѣлась этой хитрой выдумкой угодить Юліи Васильевнѣ, но той было непріятно, что она упоминаетъ Павла Петровича и тѣмъ будто растолковывала весь смыслъ происшествія.

— Гдѣ же теперь эта женщина? спросила она.

— А я ее сиибѣ съ ногъ и велѣлъ народу присмотрѣть за ней... Потомъ мы ее посадимъ въ полицію и разспросивши от-правимъ въ сумашедшій домъ.

— Что же вы будете разспрашивать сумашедшую... Она са-ма не знаетъ что говорить...

— Полноте-ка, что вы... замѣтила вдова... Какъ вы будете распорядиться крѣпостной дѣвкой безъ помѣщика... Отправьте-ка ее лучше къ Павлу Петровичу; онъ лучше самъ знаетъ какъ распорядиться...

— Разумѣется, всего лучше... подтвердила Юлія Васильевна.

— Впрочемъ, я не знаю... Это не мое дѣло... Моя часть су-дебная... Это ужъ какъ хочетъ городничій съ исправникомъ. Я считаю себя счастливымъ только тѣмъ однимъ, что успѣлъ избавить васъ отъ непріятности...

Юлія Васильевна, молча поблагодарила засѣдателя взгля-домъ, который захогъ въ немъ всю кровь, и онъ со вздохомъ слегка прижалъ ея ручку къ своему боку.

— Вы бы шли и сказали вашему мужу, обратилась Юлія Васильевна къ женѣ письмоводителя, — чтобы онъ сейчасъ взялъ и

отправилъ эту женщину къ Павлу Петровичу... Да подъ при-
смотромъ, чтобы она какъ не убѣжала.. А то она, пожалуй,
арѣжетъ кого нибудь...

— Слушаю-съ... Такъ я сейчасъ пойду, скажу ему...

— Да, подите... И вы бы, Иванъ Николаичъ, потрудились—
сказали тамъ, чтобы ее сейчасъ же отправили къ письмоводи-
телю Павла Петровича, а онъ ужъ ее перешлетъ къ нему... А
то я, право, боюсь... бросилась на меня, можетъ броситься и
на другаго...

— Да, это справедливо... Я сію минуту...

— Вотъ я уже и у дома.. Очень вамъ благодарна...

Юлія Васильевна протянула руку засѣдателю. Онъ и пись-
моводительша поспѣшно отправились исполнять приказаніе Ка-
стрицкой.

— Я къ вамъ завтра непременно пріѣду, добрая Настасья
Львовна, обратилась она къ послѣдней провожатой, остановясь
у воротъ своей квартиры.—А сегодня ужъ не зову васъ къ се-
бѣ... Право, такъ перепугана... Страшно нездоровится... Сей-
часъ лягу въ постель...

— Ну, подите, подите... Богъ съ вами... Ну, какъ не раз-
строиться... Долго ли и захворать... Порядочный испугъ... До
свиданія. Такъ завтра жду...

— Непременно...

И пріятельницы разстались.

Входя по лѣстницѣ, Юлія Васильевна строго запретила Са-
шенькѣ рассказывать кому нибудь въ домѣ о томъ, что случи-
лось. До сихъ поръ Кастрицкая умѣла притворяться и скрывать
все, что было у нея на душѣ; но придя въ свою комнату и
оставшись одна, она вдругъ зарыдала и бросилась въ постель.

Не раскаяніе, но стыдъ, досада, боязнь толковъ и пересу-
довъ терзали ее душу. Но слезами не поможешь: она начала
думать, что ей дѣлать и ничего не придумала. Она рѣшилась
написать обо всемъ къ Рыбинскому и послать это письмо съ
Афанасьею Ивановной.

Письмо было въ минуту написано. Она просила въ немъ на-
учить ее, какъ держать себя передъ обществомъ, что дѣлать,
что говорить, если узнаетъ объ этой исторіи мужъ, или пре-
дупредить его и рассказать самой, назвавши Парашу сумашед-
шей... «Всего лучше, писала она въ заключеніе, пріѣзжай самъ:
твое присутствіе закроетъ всѣмъ ротъ, при тебѣ не осмѣлятся

говорить и мужу... Своимъ прїѣздомъ ты успокоишь меня... совсѣмъ убита, растеряна... Мнѣ совѣстно глядѣть на людей.. Вотъ до чего довела меня твоя любовь... Вотъ что значить любить человѣка, который не тебѣ одной принадлежалъ вся жизнь... Ахъ, Paul, ужасно положеніе женщины, публично опозоренной, оскорбленной... и кѣмъ же?... тою, которая нѣ когда была предметомъ обожанія любимаго человѣка... И кто же это, кто моя соперница?... Чье мѣсто я смѣнила въ твоемъ сердцѣ?... Мѣсто твоей рабы, твоей дворовой дѣвки... О, Бож мой!... стыжусь сама себя... стыдилась бы и твоей любви, если бы не любила тебя такъ сильно... Смотри, Paul, только твое постоянство, твоя вѣчная любовь ко мнѣ, могутъ заставить меня забыть всѣ эти страданія и утѣшать меня въ нихъ.. Женщина обезславленная можетъ быть счастлива только любовью того, кто ее обезславилъ... На тебѣ, Paul, лежатъ те перь великая обязанность: пожертвовать всею твоею жизнью для женщины, которая по твоей милости потеряла свое доброе имя... И если мы когда нибудь разстанемся съ мужемъ, я навсегда принадлежу тебѣ... Прїѣзжай же скорѣе... Спасай, успокоивай свою Julie.»

Написавши письмо, Юлія Васильевна, отдала его Афанасю Ивановнѣ, велѣла нанять потихоньку лошадей и ѣхать скорѣе въ усадьбу Павла Петровича, гдѣ онъ былъ въ то время и самъ

— Скажи ему, чтобы онъ тотчасъ же мнѣ отвѣтилъ, и тотчасъ же возвращайся домой... Мнѣ нужно, чтобы ты въ ночь съѣздила туда и назадъ...

— Да что такое, барыня... Вы мнѣ только скажите: что слѣдилось-то, а ужъ я слетаю... Ничего, что ночку не посплю... Вы только расскажите мнѣ.

Афанасья Ивановна любила и умѣла служить влюбленнымъ, но требовала полной откровенности съ собою. Всякой таинственности со стороны людей, которыхъ оберегала, она не могла переносить и оскорблялась.

Юліѣ Васильевнѣ было некогда, да и не хотѣлось рассказывать о томъ униженіи, которое она перенесла отъ такой же горничной, какъ сама ея повѣренная, и потому она хотѣла отдѣлаться отъ Афанасьи Ивановны, ссылаясь на недостатокъ времени.

— Да ужъ вы на-счетъ этого-то не безпокойтесь... Ужъ одной минутой слетаю... А вотъ это выходитъ, барыня, что

вы отъ меня скрываетесь... Это ужь не хорошо... Все равно все подноготную знаю да, кажись, не выдала васъ... Мнѣ ужь это очень обидно... Ужь этакъ-то и ѣхать скоро, скакать-то сломя голову, въ ночную пору, не захочется... Богъ съ вами... А, можетъ быть, еще я вамъ что и хорошенькое присовѣтовала-бы... Какъ знать... Можетъ быть, еще и не одинъ разъ пригожусь...

Юлія Ивановна принуждена была рассказать о своей несчастной прогулкѣ и о нападеніи Параша.

— Вѣдь, вотъ поди жь ты... замѣтила Афанасья Ивановна, по окончаніи разсказа барыни.— Вѣдь, бывають же и изъ нашей сестры этакія неотвязчивыя... а?... Поди ты, даромъ, что не господская рожка... А по мнѣ что бы, кажись... Погуляла да и отстала... Свѣтъ-то не клиномъ сошелся... Не онъ одинъ на свѣтѣ... Развѣ только, что жизни-то прежней жалко ѣтало лишиться... Ужь очень ей вольготно было жить-то; кажется, ни того онъ такъ не любилъ, какъ ее... Мг... Поди жь ты... Ну, конечно, вамъ эта исторія непріятна... опять же при публикѣ... Да, пускай самъ, какъ знаетъ, разсудить... А вашего-то при этомъ не было?... Ивана-то Михайловича?...

— Нѣтъ... Я и боюсь, что онъ узнаетъ...

— Ну, такъ я вотъ что вамъ, барыня, какой совѣтъ дамъ... Вы теперь ложитесь въ постель, и если самъ пріѣдетъ, притворитесь, что почиваете... Такъ и пролежите до завтра, чтобы съ нимъ у васъ никакого разговора не было... А я къ утру-то предьявлюсь съ отвѣтомъ... Ужь будьте на этотъ счетъ покойны... Ужь надо какъ ни какъ дѣло поправлять... Ну, прощайте же, барыня... Къ утру меня дожидайтесь...

Юлія Васильевна нашла совѣтъ Афанасья Ивановны благоразумный, легла въ постель и не приказала будить себя, если уснетъ, а Ивану Михайловичу, если пріѣдетъ домой вечеромъ, велѣла сказать, что нездорова.

VIII.

Упавши на землю, Параша тотчасъ было вскочила и хотѣла снова напасть на свою жертву, но окружающая толпа остановила ее. Параша, сообразивши что ея покушеніе было бы бесполезно, сѣла на траву на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла.

→ Опитъ ушла, опять увернулась, говорила она съ бѣшен-

ствомъ, грозя рукою въ ту сторону, гдѣ была Юлія Васильевна.—Опять тебѣ у меня отняли изъ рукъ... И меня же за тебѣ прибили... Да ничего, все равно... Теперь всѣ узнали... И мужъ твой узнать... Осрамила... осрамила зѣблю... Теперь мужъ-то тебѣ задастъ... Не будешь больше съ нимъ любиться, разлучница... Что?... Попалась ты мнѣ...

Параша дико хохотала. Ея хохоть, ея несвязныя рѣчи, ея полусумашедшій отъ бѣшенства и внутреннихъ страданій взоръ, ея блѣдность и худоба—все заставляло окружающихъ считать ее за сумашедшую. Всѣ, стоя вокругъ, смотрѣли на нее молча, съ состраданіемъ и отчасти со страхомъ. Параша наконецъ заѣтилась, что она была предметомъ общаго любопытства.

— Что вы смотрите на меня, добрые люди... заговорила она, обращаясь къ народу и вдругъ зарыдала.—Посмотрите на меня, пожалѣйте меня... Вотъ что грѣхи-то съ людьми дѣлаютъ... Вотъ до чего грѣхи-то доводятъ... Вотъ теперь ужь куда меня дѣлаютъ, куда зашлютъ... Въ Сибирь, чай... И дѣтокъ я своихъ не увижу... Во грѣхъ я ихъ народила... За грѣхи свои ихъ потеряла... Сама бросила... Охъ, сама бросила... За тысячу верстъ пришла... Хотѣла се злодѣйку погубить... Не этакъ бы я се... Потѣшилась бы я надъ ней... Ядомъ бы отравила, али ножомъ хотѣла пырнуть... Да вотъ увидѣла здѣсь... сердце мое не вытерпѣло, не выждало времечка... Охъ тяжело мнѣ, тошно мнѣ... Что же вы меня никто не пожалѣете, люди добрые?.. Вѣдь, я жалостная, горькая... На роду мнѣ одно горе написано... Охъ, неволей, ребячей глупостью взялъ онъ меня отъ отца съ матерью, да и приворожилъ къ себѣ... Приворожилъ, да и бросилъ... вонъ ту полюбилъ, разлучницу... А я, вѣдь, лучше ся была... я, вѣдь, хорошая была, румяная, кровь съ молокомъ... Отъ нея я извелась, злодѣйка... черезъ нее этакая стала... Теперь негодна стала... Замужъ меня, замужъ выдать хотѣлъ, за старого... А имъ бы смѣяться надо мной да тѣпиться... Вотъ же потѣшься теперь, варварка... Охъ, батюшки мои, тошно хонько мнѣ... Куда я угодила... Дѣтушки мои милыя, родимыя... крохотки мои... На кого я васъ покинула?.. изведетесь вы съ голода и холода, по чужимъ людямъ-мыкаюсь... Проклянете вы меня, добромъ не помянете... Охъ, сердце ты мое, окаянное... Охъ, жизнь ты моя, горькая, распроклятая...

Параша припала къ землѣ и рыдала со стономъ. Нѣкто-

рые въ зрителей прослезѣлись, и молча переглядывались между собой...

— Вы бы, тетенька, прошеніе подали къ начальству, коли имъ обижаютъ... замѣтилъ одинъ мѣщанинъ. Можетъ бы начальство и вступилось бы за васъ...

Параша ничего не отвѣчала на этомъ совѣтъ: она даже и не слыхала его... Она дошла до того состоянія, когда человѣкъ весь сосредоточенъ въ самомъ себѣ, на своихъ внутреннихъ ощущеніяхъ; невольно говорить о нихъ, невольно высказываетъ все, что лежитъ на душѣ, но не видитъ, и не сознаетъ ничего окружающаго.

— Къ начальству? отозвался вмѣсто Параша другой мѣщанинъ. Къ какому начальству она бросится? Баринъ-то у нея сакъ начальство... предводитель!

— Такъ что... развѣ надъ предводителемъ и нѣтъ никого большаго... кто нибудь да есть же... Губернаторъ, чай, больше его...

— Больше?... Такъ что, что больше? Онъ ему не подвластенъ...

— Нѣтъ, подвластенъ...

— Нѣтъ, не подвластенъ...

— Не спорь, не спорь... подвластенъ, вмѣшался старикъ мѣщанинъ; — губернаторъ... какъ можно... Ему вся губернія подмадна... Да это дѣло-то не такое... не до него касающее... Это надо къ архіерею подавать... Вотъ что... Потому это дѣло какое... совѣстно... И опять же тутъ грѣхъ... грѣховный сообразнъ... Значить, любовное сожительство, безъ закона... Вотъ то, мои любезные... И выходить: надо къ архіерею...

— Ну такъ что... Къ архіерею, такъ къ архіерею...

Но въ это время явился засѣдатель въ сопровожденіи какого-то отставнаго драбанта, вооруженнаго палочкой, который нолъ въ городѣ названіе десятскаго съѣзжей.

— Вотъ возьми ее... приказалъ засѣдатель.

Параша и не замѣтила ихъ прихода.

— Вставай-ка ты... пойдешь... сказалъ ей десятскій, трогая ея своею палочкой.

Параша подняла голову и бессмысленно посмотрѣла на него.

— Ну что выпучила бельма-то? Вставай! повторилъ десятскій. — Эка неделикатная какал... Видишь: господа дожидаются...

— Ну, возьми же ее... подними... приказалъ засѣдатель.

— Эка почтительная какая... Еще подъ ручку ее принявъ... пошутилъ десятскій, грубой рукой своей приподнимая Парашу. Подхватите, братцы, подъ другую-то... обратился онъ къ окружающимъ. Этакъ честно будетъ.

— Ну, вотъ и поидемъ, ровно, на гулянкѣ кавалеръ съ дамой... Ножку, сударыня, не зашибите... продолжалъ шутить десятскій, крѣпко подхватывая Парашу подъ руку и приготовляясь вести ее.

— Отведи же къ предводительскому письмоводителю, да дай съ рукъ на руки... Пожалуй и записку возьми въ полученіи... говорилъ засѣдатель.

— Слушаю, ваше благородіе.

— Да смотри: не вырвалась бы...

— Зачѣмъ, ваше благородіе, вырваться... Мы подушевно поидемъ... во всей любви...

Толпа нѣкоторое время съ любопытствомъ провожала Парашу съ десятскимъ, который продолжалъ издѣваться на ее счетъ, возбуждая смѣхъ даже въ тѣхъ самыхъ, которые за минуту жалѣли о бѣдной плачущей женщинѣ. Параша шла за десятскимъ молча и какъ будто безсознательно.

У самыхъ воротъ ивартіры письмоводителя она, впрочемъ, спросила десятскаго:

— Куда же меня отправятъ?

— А вотъ узнаешь, отвѣчалъ десятскій съ привычною полицейской таинственностью.

Параша знала письмоводителя. Въ былое время, до знакомства Рыбинскаго съ лѣсничихой, онъ даже заискивалъ ся расположенія: бывая въ усадьбѣ предводителя, всегда заходилъ къ ней, свидѣтельствовалъ ей свое уваженіе и убѣдительно просилъ осчастливить его домъ своимъ посѣщеніемъ, если Парасковѣ Игнатьевнѣ какъ нибудь случится быть въ городѣ. По этому Параша тотчасъ узнала письмоводителя, какъ только десятскій привелъ ее къ нему. Письмоводитель напротивъ, смущенный невѣдѣніемъ о дальнѣйшихъ судьбахъ Парашы, затруднялся какъ держать себя съ нею, и считалъ благоразумнымъ на всякой случай отдѣлываться молчаніемъ.

— Куда же вы меня теперь отправите, Иванъ Кондратьичъ?... спросила Параша у письмоводителя.

— Въ усадьбу... лаконически отвѣчалъ письмоводитель.

— Къ барину?...

— Да...

— А оттуда куда?... Тамъ что со мной сдѣлаютъ?...

— Ужь этого я не знаю... это какъ будетъ угодно Павлу Петровичу...

Параша уныло опустила голову.

— Вотъ вы меня въ гости-то звали къ себѣ, Иванъ Кондратьичъ, сказала она черезъ нѣсколько времени съ горькой улыбкой.—Вотъ я и попала къ вамъ въ гости... Вотъ какая гостья... не нарядная...

Параша залилась слезами. Письмоводитель притворился какъ будто и не слышалъ ея словъ. Онъ торопился отправить Парашу, чтобы скорѣе выйти изъ затруднительнаго положенія. Впрочемъ, желая выказать какъ можно больше усердія къ начальнику, и опасаясь, чтобы Параша не бѣжала съ дороги, онъ рѣшился самъ проводить ее. Скоро кибитка парой стояла у воротъ и онъ предложилъ Парашѣ ѣхать. Та повиновалась безпрекословно. Дорогою письмоводитель упорно молчалъ и былъ искренно радъ, что Параша съ своей стороны тоже не прерывала молчанія.

Рыбинскій еще не спалъ, и былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа, когда ему доложили о пріѣздѣ письмоводителя. Нѣсколько часовъ назадъ онъ получилъ изъ губернскаго города письмо съ нарочнымъ отъ одного благопріятеля, губернаторскаго чиновника, который увѣдомлялъ его, что губернаторъ назначилъ надъ нимъ слѣдствіе по жалобѣ Осташкова и по доносу Палѣнова, слѣдствіе о противозаконныхъ будто бы его дѣйствіяхъ и предосудительномъ вообще поведеніи. Рыбинскій былъ взбѣшонъ и разъяренъ, какъ левъ. Самолюбіе его и гордость были оскорблены.

— Какъ, надо мною слѣдствіе, надъ предводителемъ дворянства... И не потребовавши даже объясненія... думалъ онъ, скорыми шагами ходя по комнатѣ.—Посмотримъ... увидимъ... кто посмѣетъ пріѣхать съ дозоромъ въ мой домъ...

Благоразуміе совѣтовало ему принять нѣкоторыя мѣры предосторожности, но самолюбіе подстрекало не уступать и вступить въ открытый бой.

Въ эти минуты раздумья и недоумѣнія засталъ его письмоводитель.

Иванъ Кондратьичъ былъ одною изъ тѣхъ ничтожныхъ и къ тому еще загнанныхъ и придавленныхъ натурокъ, которыя не

имѣютъ никакой личности, а будучи въ кожѣ чиновника, существуютъ дыханіемъ своего начальника, чувствуютъ его чувствами и мыслятъ его разумомъ. Изъ семинаристовъ, выросшіи подъ строгой ферулой отца и воспитавшіися подъ гнетомъ семинарскаго деспотизма, онъ сохранилъ въ себѣ лишь одну самобытную способность къ мелкому плутовству, а за тѣмъ мыслить, и чувствовалъ, и дѣйствовалъ такъ или иначе, всегда по приказанію начальства. Такихъ подчиненныхъ любятъ вообще начальники съ характеромъ настойчивымъ, упрямымъ и самовластнымъ. Рыбинскій тоже любилъ своего письмоводителя, какъ мастеръ любитъ хорошо смазанную, исправно дѣйствующую машину, или кучеръ хорошо выѣзженную, поводливую лошадь. Рыбинскій не помнилъ ни одной мысли, ни одного мнѣнія, высказаннаго письмоводителемъ, но онъ не помнилъ и ни одного своего приказанія, не исполненнаго съ буквальною точностью ни одного движенія со стороны письмоводителя, которое не служило бы строжайшимъ исполненіемъ его собственнаго приказанія. Поэтому несожиданный пріѣздъ письмоводителя въ такое позднее время и безъ призыва очень удивилъ Рыбинскаго. Онъ не могъ себѣ объяснить этого иначе, какъ тѣмъ, что письмоводитель получилъ какія нибудь свѣдѣнія изъ губернскаго города, и поспѣшилъ сообщить ихъ ему. Онъ не хотѣлъ показать передъ нимъ, что эти извѣстія сколько нибудь его тревожатъ, и потому встрѣтилъ письмоводителя съ веселымъ и покойнымъ лицомъ.

— Ну что вы, Иванъ Кондратьичъ, я думаю, перепугались совсѣмъ... Думаете, что и Богъ вѣсть какая бѣда грозитъ мнѣ... сказалъ онъ при входѣ письмоводителя.

— Нѣтъ-съ... я не то, чтобы... А такъ какъ жена моя, по приказанію отъ Юліи Васильевны... Юлія Васильевна изволила приказать... Такъ я самъ лично поѣхалъ, чтобы въ сохранности представить...

— Такъ, видно, ужъ и Юлія получила какія нибудь извѣстія... подумалъ Рыбинскій...

— Напрасно... это все пустяки... сказалъ онъ. Они увидятъ какъ я ихъ всѣхъ отдѣлаю... Ну, показывайте, что у васъ тамъ такое.

— Прикажете сюда привести?... я тамъ ихъ оставилъ подъ присмотромъ въ прихожей... до вашего приказанія... Я сейчасъ приведу-съ...

— Кого приведу?... что вы тутъ говорите?... Совсѣмъ спутался человекъ со страха...

Рыбинскій усмѣхнулся.

— Никакъ нѣтъ-съ... Парасковья-съ... Парасковья Игнатьев...

— Что такое Парасковья... Да что вы... что съ вами?... какая Парасковья?... Развѣ и она жаловалась?

Рыбинскій немного поблѣднѣлъ.

— Да говорите мнѣ толкомъ, прикрикнулъ онъ на письмоводителя.

Тотъ совсѣмъ оторопѣлъ.

— Парасковья-съ... въ городѣ... на бульварѣ-съ... Юлію Васильевну-съ... даже и обидѣла... и такія слова говорила на вашъ счетъ-съ... Онѣ и приказали ее представить къ вамъ-съ... для огласки-съ... чтобы не въ полицію-съ... какъ вы изволите приказать... Я и привезъ ее... для побѣга-съ... чтобы не могла бѣжать-съ...

Рыбинскій все-таки не понималъ хорошенько въ чемъ дѣло, но смутно чувствовалъ, что случилось что-то не совсѣмъ пріятное... Онъ заставилъ письмоводителя опять пересказать подробно всѣ обстоятельства дѣла...

— Ахъ, дьяволъ дѣвка!.. вскричалъ онъ, выслушавъ письмоводителя и понявъ наконецъ всю неловкость, все безобразіе случившагося... Гдѣ же она... здѣсь?...

— Здѣсь-съ...

— Приведите ее ко мнѣ...

Письмоводитель вышелъ. Рыбинскій въ волненіи и бѣшенствѣ ходилъ по комнатѣ, посылая проклятія Парашѣ.

Между тѣмъ вѣсть о пріѣздѣ Параша мгновенно распространилась среди дворни и прихожая наполнилась лакеями и горничными. Параша сидѣла въ уголкѣ, опутивъ голову, ни на кого не смотрѣла, ничего не отвѣчала ни на вопросы, ни на насмѣшки. Вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, выслушала она приказаніе идти къ барину, и молча пошла вслѣдъ за письмоводителемъ.

Рыбинскій, стиснувъ зубы и нахмуривъ брови, мрачно взглянулъ на свою прежнюю любовницу. Онъ едва овладѣлъ собою, чтобы не кинуться на нее. Ея худоба, страдальческое выраженіе лица, впалые, покраснѣвшіе отъ слезъ глаза не произвели за него никакого впечатлѣнія и нисколько не тронули его

сердца. Онъ видѣлъ передъ собой не любящую женщину, но злѣйшаго, хотя и презрѣннаго врага.

— Какъ ты попала въ городъ? спросилъ Рыбинскій, съ трудомъ выговаривая слова отъ душившейся его злобы.

— Я убѣжала...

— Ты замужемъ, или нѣтъ?

— Нѣтъ... я убѣжала до свадьбы...

— Мерзавцы!... вырвалось изъ устъ Рыбинскаго. Это привѣтствіе было послано туда, далеко, за тысячу верстъ, къ востамъ той деревни, гдѣ не умѣли присмотрѣть за Парашей и дали ей убѣжать.

— Ты зачѣмъ же убѣжала?... зачѣмъ пришла въ городъ?...

Параша подняла свои усталые глаза на Рыбинскаго и она вдругъ занесрилась такой любовью и вмѣстѣ такой ненавистью, что Рыбинскій на одно мгновеніе долженъ былъ опустить свои. Но онъ тотчасъ же овладѣлъ собою и смотрѣлъ на Парашу презрительно и злобно.

— Я тебя спрашиваю: зачѣмъ ты убѣжала изъ деревни и пришла въ городъ?... повторилъ онъ.

— Я дѣтей тамъ бросила... вашихъ дѣтей... сказала она медленно и твердо, продолжая смотрѣть на Рыбинскаго тѣмъ же взглядомъ.

Въ другое время онъ давно бы уже бросился на Парашу, но теперь, при настоящихъ обстоятельствахъ, при неблагоприятныхъ слухахъ изъ губернскаго города, онъ боялся дать себѣ волю и употреблялъ всѣ усилія, чтобы овладѣть собою.

— Моихъ дѣтей... проговорилъ онъ съ улыбкой... Но я тебя не объ этомъ спрашиваю... Я тебя спрашиваю...

— Вы меня спрашиваете: зачѣмъ я изъ деревни убѣжала, зачѣмъ я замужь не пошла за немилаго, зачѣмъ я дѣтей бросила?... А вы зачѣмъ разлюбили меня?... зачѣмъ съ разлучницей связались?... Миѣ бы пропадать, а ей бы тѣшиться да смѣяться надо мной?... Погубить я ее, баринъ, хотѣла... Вотъ зачѣмъ я шла... да Богъ не привелъ... сердце не выждало... Да все равно... И то хорошо: ужъ теперь весь городъ знаетъ про вашу любовь... Не любиться вамъ больше по прежнему...

Глаза Парашы блестяи не добрымъ огонькомъ. Она захохотала. Рыбинскій невольно вздрогнулъ и заскрежеталъ зубами.

— Вѣдьма этакая... чего ты добиваешься отъ меня?... Неужто ты думаешь, что тебя любить можно?...

— Гдѣ ужь меня теперъ любить!... я стара, не хороша стала... Павелъ Петровичъ... любили... да еще какъ... лучше меня не было...

Параша вдругъ зарыдала.

— Ахъ, не въ добрый часъ вы меня взяли изъ окотной, Павелъ Петровичъ... не въ добрый, въ нездоровій часъ... Только бѣду вы нажили на свою и на мою голову... А какъ любила-то я васъ!...

— Молчать, дьяволъ... Еще разнѣжничалась... что, мнѣ ложить, что ли, себя для твоей любви, когда я тебя безъ отвращенія видѣть не могу, ты мнѣ противна стала... Понимаешь ли ты къ чему ты себя привела?.. Вѣдь, тебя слѣдуетъ въ Сибирь сослать...

— Куда угодно... мнѣ все равно... Дѣтей только жалко...

— Жалко тебѣ, вѣдьма... Ихъ у тебя никто не отнималъ... сама бросаешь... Нѣтъ, ты думала бороться со мной!.. Вотъ я тебѣ покажу себя... я тебя образумлю... я тебя заставляю слушаться... Неотвязная любовь... дьяволъ этакой!..

Рыбинскій кликнулъ письмоводителя и приказалъ запереть Парашу въ одну пустую комнату, пока онъ сдѣлаетъ о ней распоряженіе. Затѣмъ онъ сталъ обдумывать: какъ поступить съ нею. Онъ былъ въ большомъ недоумѣніи и не зналъ на что рѣшиться... Въ городѣ уже, вѣроятно, всѣ знаютъ и толкуютъ о всей этой исторіи. Если дѣйствительно наряжено слѣдствіе, это послѣднее обстоятельство всего больше можетъ повредить ему. Надобно непремѣнно скрыть концы. Рыбинскій думалъ, ломалъ голову и не разъ посылалъ проклятій не только Парашѣ, но и Юліи Васильевнѣ, и всему женскому полу...

Среди этихъ размышленій къ нему явилась Афанасья съ письмомъ Кастрицкой.

— Вотъ еще расчетъ на вѣчную вѣрность, на рабскую неизмѣнность чувствъ, думалъ онъ, читая письмо Юліи Васильевны. Вѣдь, это удивительно... эти женщины!.. Самой опротивъ мужъ черезъ годъ послѣ свадьбы, а отъ меня ожидаетъ вѣной любви... А какая къ чорту любовь... просто скуки ради... Нѣтъ никто поинтереснѣе меня, вотъ и я хороша до времени... Нѣтъ, чортъ васъ дерит!.. Съ этой любовью оскандализируешься такъ, что сдѣлаешься посмишницемъ всей губерніи...

Рыбинскій опять сталъ перечитывать письмо Юліи Васильевны. «Я старалась всѣмъ вынуть, что она сумашедшая: можетъ

быть, этимъ удастся оправдаться и объяснить дѣло» читалъ Рыбинскій.

— Ну это, по крайней мѣрѣ, умно... думалъ онъ. Хорошо бы ее и въ сумашедшій домъ посадить, да теперь опасно: пожалуй, придерутся... И вдругъ свѣтлая мысль осянула его голову. Онъ приказалъ опять позвать къ себѣ Парану и остался съ нею наединѣ.

— Послушай, Парасковья, сказалъ онъ ей. Ты любишь своихъ дѣтей... тебѣ жалко ихъ?...

— Что вы спрашиваете, Павелъ Петровичъ: развѣ я не мать?.. Мнѣ нельзя сказать, что они не мои дѣти... какъ вы говорите.

— А вотъ къ чему я говорю... я тебя не люблю и любить не могу... Но дѣтей мнѣ твоихъ жалко... они пропадутъ, погибнутъ безъ тебя... По настоящему, за твою вину тебя слѣдовало бы сослать на поселеніе... Но я не хочу губить тебя и особенно твоихъ дѣтей... Если ты любишь ихъ, ты должна ѣхать сейчасъ же опять въ деревню и выйти тамъ замужъ... Если же ты не согласна, то я тебя посажу въ сумашедшій домъ, потому что ты сумашедшая: бѣгаешь отъ дѣтей, бросаешься на женщинъ... врешь сама не знаешь что, чему нѣтъ никакихъ доказательствъ... Выбирай же любое: или замужъ, или въ сумашедшій домъ?

— Мнѣ теперь все равно... куда угодно... Только дѣтей отдайте...

— Тебѣ и отдадутъ дѣтей, если ты выйдешь за-мужъ... А сумашедшей не позволятъ держать при себѣ дѣтей... Ты пойми... Я могу все съ тобой сдѣлать... Но я не хочу тебя губить... для дѣтей... Ты уже отомстила мнѣ за себя... побереги же дѣтей...

— Отпустите меня къ дѣтямъ...

— И ты не убѣжишь опять?

— Нѣтъ...

— И будешь жить съ мужемъ?

— Буду...

Съ этимъ словомъ Параша громко зарыдала, бросилась къ ногамъ Рыбинскаго и прильнула къ нимъ, покрывая поцѣлуями. Что-то такое особенное, не бывалое: не то раскаяніе, не то состраданіе прокралось въ сердце Рыбинскаго.

— Ну, перестань... Дѣло кончено... Любви не воротить... Я самъ, можетъ быть, уѣду отсюда въ Петербургъ... А я тебѣ

вотъ что скажу... Если ты выйдешь замужъ и проживешь съ мужемъ годъ хорошо и какъ слѣдуетъ женѣ... не станешь дурчиться и выбросишь все изъ головы, даю тебѣ честное, благородное слово, что я тебя выпущу на волю со всѣмъ семействомъ... Ну, поди же съ Богомъ... Ну, ну, прощай...

Усталая, изтерзанная разнообразными впечатлѣніями дня, потрясенная наконецъ мыслію о вѣчной разлукѣ съ Рыбинскимъ и о возможности свиданія съ дѣтьми, Параша не могла встать съ пола: она почти лишилась чувствъ и по приказанію Рыбинскаго была выведена подъ руки изъ его кабинета.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого, Параша, по прежнему, шла въ дальнюю деревню Рыбинскаго. Сопровождавшимъ ее было послано строжайшее предписаніе, немедленно выдать Парашу замужъ за хорошаго жениха и по ея выбору. Вмѣстѣ съ тѣмъ Рыбинскій строго наказывалъ наблюдать за нею и не спускать съ глазъ, а въ случаѣ, если она опять скроется, немедленно увѣдомить его съ нарочнымъ. Въ тоже время приказано было обходиться съ Парашей какъ можно ласковѣе и снисходительнѣе.

Успокоившись на-счетъ Парашин, Рыбинскій написалъ нѣсколько строкъ Юліи Васильевнѣ, въ которыхъ совѣтовалъ ей быть покойной, и рассказать мужу, что ее напугала какая-то сумасшедшая, которая оказалась принадлежащею Рыбинскому; на дѣлѣ онъ общалъ и самъ пріѣхать въ городъ.

Ивану Кондратьевичу онъ объявилъ въ короткихъ словахъ, что противъ него составляется заговоръ, въ которомъ принимаетъ участіе самъ губернаторъ, что, вѣроятно, будетъ присланъ чиновникъ для слѣдствія, или секретнаго дознанія; но что все это чистѣйшій вздоръ, не стояющій того, чтобъ на него обращать вниманіе, что онъ разобьетъ и сконфузитъ всѣхъ своихъ враговъ. Ивана Кондратьича онъ предупреждалъ, что на всѣ вопросы, съ которыми будетъ, можетъ быть, обращаться къ нему чиновникъ, онъ долженъ отзываться невѣднѣемъ.

— Вы отвѣчайте имъ всѣмъ только одно, что вы ничего не знаете, и посылайте ко мнѣ... Пусть меня спрашиваютъ... А я знаю ужъ, что мнѣ ндоабно будетъ писать... Я имъ покажу, что значить задѣвать меня... Пусть потребуютъ... Это не слыханное дѣло: назначать слѣдствіе надъ дворяниномъ, предводителемъ, но жалобъ какого нибудь дурака и по доносу извѣстнаго враля, не потребовавши даже предварительно объясненія.. Я ихъ на этой штуцѣ веиваю... Я все дворянство подниму на ноги... Пред-

водитель не простой дворянинъ... Да я и того не позволю оскорбить, если онъ моего уѣзда... Ну, поѣзжайте же домой... На Прасковью находятъ припадки сумашествія... Вы такъ и въ городѣ говорите объ этомъ.

— Это вчера моя жена первая-съ Юлію Васильевну надоумила... Такъ ей вдругъ въ голову пришло сказать... Съ ея словъ ужъ и Юлія Васильевна стали такъ говорить.

— Что жь... Это совершенно справедливо... Я въ этомъ сегодня окончательно убѣдился... Еще не была ли она сверхъ этого и пьяна?

— Очень можетъ статься-съ!

— Очень можетъ быть... Да, вы свезите кстати вотъ эту записку къ Кастрицкому и отдайте ему ее завтра, утромъ, пораньше.

Рыбинскій писалъ къ лѣсничему: «Любезный другъ, Иванъ Михайлычъ. Вчера мой письмоводитель прислалъ ко мнѣ мою дѣвку, которая, въ пьяномъ видѣ или въ припадкѣ помѣшательства, которое на нее иногда находятъ, говорятъ, напугала до обморока добрейшую Юлію Васильевну. Извинись, пожалуйста, перель нею за меня, хотя я впрочемъ нисколько не виноватъ во всей этой нещадности, и усюкой ее. Я хотѣлъ было отправить эту женщину въ сумашедшій домъ, но изъ состраданія къ ея дѣтямъ, которыя бы остались безъ надзора, отправилъ ее къ нимъ въ дальнюю мою деревню подъ надзоръ старосты. Притомъ эти припадки случаются съ нею рѣдко и вслѣдствіе продолжительнаго пьянства, которому она подвержена. Я бы и самъ прѣталъ усюкоить Юлію Васильевну, но въ настоящее время никакъ не могу: пропасть дѣла и предстоятъ необходимые разѣзды. Итакъ до свиданія. Твой Рыбинскій.

P.S. Вѣроятно, эта исторія сильно взволнуетъ глупыя головы нашихъ уѣздныхъ кумушекъ и возбудитъ сплетни, а потому, при случаѣ, объясни въ чемъ дѣло и достовѣрность своихъ словъ можешь засвидѣтельствовать какъ, документомъ, даже этимъ самымъ письмомъ моимъ.

Рыбинскій зналъ Ивана Михайлыча и былъ увѣренъ, что послѣ этого письма, онъ не захочетъ слушать никакихъ намековъ и рассказовъ о происшествіи на бульварѣ, а въ случаѣ надобности даже грудью отстоитъ предъ клеветниками безукоризненность отношеній Рыбинскаго къ его женѣ.

— Да, вотъ еще что: вызовите ко мнѣ Остапкова, одна, что-

бы явился непременно завтра, да напишите вызовъ заднимъ числомъ, дня четыре назадъ. Напишите, чтобъ онъ явился ко мнѣ для объясненія по жалобѣ на него сына его, Никанора Осташкова. Пошлите же сію минуту, чтобы завтра утромъ онъ былъ здѣсь... Ну, теперь все.

Распорядившись такимъ образомъ и почти совершенно успешный, Рыбинскій легъ спать и проспалъ на другой день долго. Когда онъ проснулся, ему доложили, что его ожидаютъ двое Осташковыхъ; отецъ и дядя Никеша. Харлампій Никитичъ самъ изъявилъ желаніе сопровождать брата, чтобы защитить его, въ случаѣ надобности, передъ предводителемъ, а кстати представиться ему и пожаловаться на оскорбленіе, нанесенное ему Палёвовымъ. Рыбинскій тотчасъ же велѣлъ ихъ позвать къ себѣ. Александръ Никитичъ думалъ, что предводитель на него накивется, будетъ бранить и требовать, чтобы онъ возвратилъ сыну хлѣбъ; но вышло совсѣмъ напротивъ: Рыбинскій прінялъ его очень ласково и покровительственно.

— Но я, вѣдь, вызывалъ только тебя, старикъ, спросилъ онъ: зачѣмъ же ты привелъ брата?

— Я самъ пожелалъ: такъ какъ я отставной офицеръ, и здѣшній дворянинъ... и по своей болѣзни не имѣлъ еще возможности явиться, то почелъ долгомъ представиться... Честь мнѣю рекомендоваться, отставной поручикъ, Харлампій Осташковъ, здѣшняго уѣзда потомственный дворянинъ... Харлампій Никитичъ расшаркался. Онъ не былъ еще вполнѣ пьянъ и вслѣдствіе того могъ выразиться довольно ясно.

— Очень пріятно познакомиться, отвѣчалъ Рыбинскій съ улыбкою.— Вы, значить, пріѣхали сюда совсѣмъ, чтобы поселиться на родинѣ?..

— Точно такъ-съ... По своей болѣзни... И желаю служить по выборамъ... Окажите ваше милостивое содѣйствіе... Никешка негодяй, и онъ могъ мени оклеветать предъ вами, но я не такой... Служилъ честно и во всей справедливости... Не оставьте... такъ какъ ваше покровительство и рекомендація много могутъ значить между дворянами...

— Ну, объ этомъ мы послѣ поговоримъ... отвѣчалъ Рыбинскій, смѣясь въ душѣ надъ поручикомъ,— а вотъ сначала: что ты мнѣ скажешь, старикъ, по жалобѣ твоего сына: онъ мнѣ жаловался, что ты отнялъ у него его хлѣбъ, который онъ по-

сидѣлъ?

— Точно-съ, отвѣчалъ Александръ Никитичъ. Да, вѣдь земля вся моя, и вотъ братцова, покаместъ мы живы... А Никаноръ, вѣдь, еще не отдѣленъ бумагой... Онъ только теткиной долей можетъ владѣть... Какъ же онъ безъ спроса, силой взялъ, да засѣялъ нашу землю?.. Опять же вотъ братецъ пришолъ, а онъ, Никаноръ, не только чтобы принять дядю, но даже его выгналъ изъ дома и чуть не прибилъ... Кормить его отказался... А чѣмъ же я его буду кормить?.. Вотъ я и взялъ хлѣбъ, что онъ безъ спроса посѣялъ на братцовой землѣ... Разсудите великодушно, ваше превосходительство...

— Если все это такъ, то ты, по моему мнѣнію, совершенно правъ; а виноватъ кругомъ Никаноръ... Если бы онъ хотѣлъ отдѣлиться, то долженъ былъ просить объ этомъ законнымъ порядкомъ: тогда бы ему и выдѣлили узаконенную часть изъ всей родовой земли... А это, значить, онъ самоуправствовалъ, па- сильно присвоилъ... Каковъ однако!.. Я никакъ не ожидалъ, что онъ такой буянъ...

— Буянъ-съ, подтвердилъ Харлампій Никитичъ, большой буянъ... А все оттого, что не знаетъ дисциплины, не ученъ... Его бы въ военную службу, подъ ружье... Тамъ бы выдержали...

— А больше оттого, прибавилъ Александръ Никитичъ, что его вотъ господа побаловываютъ, принимаютъ, да жалуютъ: вотъ онъ и забралъ себѣ въ голову, что онъ все можетъ дѣлать... И отца ни во что не ставитъ, и знать не хочетъ... Сами изволи- те разсудить, ваше превосходительство: неужто бы я захотѣлъ обидѣть, кабы видѣлъ отъ него почтеніе, кабы онъ былъ сынъ почтительный... А то онъ вотъ обнадѣялся,—и знать меня не хочетъ... Чуть что вздумаетъ:—я, говорить, на тебя жаловаться пойду къ предводителю... Ну, поди, я говорю: я ни въ чемъ не виноватъ, такъ и господинъ предводитель не захочетъ даромъ обидѣть меня, бѣднаго человѣка... Вотъ и въ этомъ дѣлѣ... Видно, васъ-то не получилъ что ли дома въ тѣ поры, али ужъ такъ, что, молъ, къ вамъ надумалъ послѣ идти, нажаловался господину Палёнову... Ну, пріѣхали они, покричали тамъ на меня... Да что же?.. Коли я ни въ чемъ не виноватъ, такъ что же можетъ мнѣ господинъ Палёновъ сдѣлать, хоть они и богатые люди, а я бѣдный человѣкъ... Коли я правъ, такъ долженъ въ своемъ стоять... Ну, покричали, пострадали, да вѣдь, что же они могли со мной сдѣлать?.. Опять же, вѣдь, и господинъ Па-

дѣловъ, хоть и богатый дворянинъ, да, вѣдь, не предводители же они: власти надо мной не имѣютъ...

— Такъ ужь Палѣновъ и къ вамъ прїѣзжалъ?

— Какъ же-съ... прїѣзжали...

— И говоришь: кричалъ на тебя, страдалъ?

— Какъ же... И, Господи, какія были и угрозы, и крики... Въ Сибирь даже что-ли стращали сослать насъ съ братцемъ...

А брата такъ даже обидѣли... побили.

— Какъ побили?

— Да-съ... обиженъ... Прошу защиты... Жалобу приношу... отозвался Харлампій Никитичъ.

— Какъ?.. Развѣ можно бить дворянина, и къ тому еще за-служеннаго офицера... Чтожь вы до сихъ поръ не пожалова-лись ни?.. Что вы не подали прошенія?.. Подайте прошеніе... Я готовъ вступить за васъ... Это моя обязанность... Я не позволю такого самоуправства въ моемъ уѣздѣ...

— Позвольте къ вамъ прибѣгнуть .. Вы благородный чело-вѣкъ... понимаете обиды.

— Подайте, подайте прошеніе... Какъ это можно позволить... И что это похоже!

— Не оставьте... какъ благородный чело-вѣкъ...

— Извольте, извольте... Я готовъ сдѣлать для васъ все, что могу... что отъ меня зависитъ... Я даже представлю вашу прось-бу губернатору... Сейчасъ же, по возвращеніи домой, напишите и подайте мнѣ.

— Благодарю васъ... Позвольте узнать: вы, вѣрно, служили въ военной службѣ.

— Служилъ... А что?..

— Сейчасъ можно видѣть по манерамъ военнаго чело-вѣка... и по благородству чувствъ вашихъ.

— Это, мой любезный, ничего не значить... Палѣновъ тоже служилъ въ военной службѣ... Ну, а ты, старикъ, по моему мнѣнію, совершенно правъ... и я ни къ чему принуждать тебя не могу... Вижу, что твой Никаноръ большой негодяй и со-жалю, что напрасно потревожилъ тебя... А чтобы въ другой разъ сынъ твой не смѣлъ привозить разбирать ваши семейныя дѣла какихъ нибудь господъ, подобныхъ Палѣнову, такъ въ про-шеніи поясните и это, что Палѣновъ взялъ на себя право вмѣ-шиваться въ пустое дѣло, кричалъ на васъ и угрожалъ ссы-лать въ Сибирь, если вы не исполните его приказаній... Это все

не худо поставить на видь... Пусть онъ объяснитъ: какое онъ имѣлъ право принимать на себя не принадлежащую ему власть... За это, вѣдь, строго взыскивается... Ну, прощайте... Мнѣ больше нечего съ вами дѣлать... Завтра, если меня не будетъ дома, прошеніе можете оставить человѣку...

— И насчетъ должности позволите надѣяться?... спросилъ Харлампій Никитичъ.

— Ахъ, какъ же, помилуйте... Почту за особенное удовольствіе рекомендовать васъ дворянству на выборахъ... отвѣчалъ Рыбинскій, съ худо скрытой насмѣлкой. — Вамъ въ какую должность угодно балотироваться?...

— Желаю, если можно, въ исправники, или въ непремѣнные засѣдатели...

— А ну, что же... Очень пріятно... Вы, военный человѣкъ... вѣроятно, очень распорядительны, слѣдовательно, можете быть отличнымъ исправникомъ... Непремѣнно, непремѣнно... Почту за особенное удовольствіе рекомендовать васъ...

Харлампій Никитичъ выпшелъ отъ предводителя съ торжествующимъ видомъ. Александръ Никитичъ былъ также неожиданно успокоенъ хорошимъ оборотомъ дѣла. Рыбинскій съ своей стороны былъ тоже радъ новому оружію въ своихъ рукахъ противъ Палѣнова. Онъ теперь былъ совершенно увѣренъ въ побѣдѣ надъ нимъ.

IX.

Рыбинскій теперь задумалъ приготовить и возбудить общественное мнѣніе дворянъ противъ Палѣнова и противъ распоряженій губернатора, какъ бы посягающихъ на достоинство дворянскаго представителя. Съ этой цѣлю онъ въ тотъ же день поѣхалъ сдѣлать визиты нѣкоторымъ дворянамъ, своимъ сторонникамъ. Всѣ, кому онъ ни рассказывалъ о поступкѣ Палѣнова, возмущались противъ него, а еще болѣе противъ распоряженій губернатора и выражали готовность защищать, если потребуется, своего предводителя. Рыбинскій, впрочемъ, никого не просилъ объ этой защитѣ и держалъ себя, по прежнему, съ достоинствомъ, а представлялъ все это, какъ обстоятельство немножко забавное, немножко возмутительное; онъ просилъ только обратить вниманіе, какъ онъ скомфузитъ своихъ враговъ и разобьетъ всѣ ихъ замысли.

Между прочимъ онъ надумалъ зайти къ Карѣеву, который считался въ уѣздѣ за очень умнаго человека и котораго, владѣніе этого Рыбинскому хотѣлось привлечь на свою сторону. Онъ жстагъ у него Тарханова, который уже началъ приводить въ дѣйствіе свое весьма выгодное коммерческое предриятіе: что-то такое покупалъ, что-то продавалъ, что-то строилъ и безпрестанно бралъ у Карѣева деньги, обольщалъ огромными барышами въ будущемъ. Всеотрицающій, но тѣмъ не менѣе суетный и мелочно-самолюбивый Аркадій Николаичъ, внутренно былъ очень доволенъ прїѣздомъ предводителя, который до сихъ поръ еще не бывалъ у него, хотя наружно, разумѣется, старался сохранить совершеное спокойствіе и даже равнодушіе къ такой неожиданной чести. Поговоривши о томъ о семъ, отчасти и поспоривши, Рыбинскій вдругъ спросилъ Карѣева:

— Скажите, пожалуйста: вы здѣсь единственный человѣкъ развитый и современный... какъ вы понимаете Палѣнова?.. Вы въ нему, кажется, очень близки и коротко съ нимъ знакомы... Я здѣсь слышу о немъ весьма различныя мнѣнія; но большинство считаетъ его человѣкомъ большаго ума и громадной учености... какъ вы?

— Вы хотите моего откровеннаго мнѣнія?

— Разумѣется.

— По моему, это пошлѣйшій дуракъ, набравшійся книжныхъ фразъ, которыхъ онъ не въ силахъ пережевать, и представляющій ихъ на показъ кстати и некстати... Я не могу себѣ представить человѣка смѣшнѣе того, который въ состояніи со вниманіемъ слушать болтовню Палѣнова... къ этому можетъ быть способенъ развѣ какой нибудь идіотъ, Осташковъ... Вотъ въ его глазахъ, я полагаю, Палѣновъ просто мудрецъ.

— Не даромъ они такъ сошлись, сказалъ Рыбинскій со смѣхомъ.—Я самъ признаюсь никогда не былъ о Палѣновѣ высокаго мнѣнія, но я никакъ не ожидалъ, что онъ такой мелкій и пустой человѣкъ, какъ это недавно обнаружилось... Конечно, объ этомъ не стоило бы и говорить, еслибъ это не было кстати... Представьте, онъ занимается писаніемъ доносовъ... этимъ благороднымъ путемъ онъ надѣется заслужить расположеніе и милости предрекающихъ властей... И на кого, какъ вы думаете, пишетъ онъ доносы и кому ихъ подастъ?.. Видъ, этому повѣрять трудно; на меня, своего предводителя, онъ пишетъ доносы губернатору,

— Ахъ скотина!.. сказалъ Тархановъ.

— Дуракъ!.. промзнесъ Карѣвъ.

— Но вы понимаете всю гадость и низость этого поступка... Вѣдь, этимъ онъ унижаетъ все дворянское сословіе... Вѣдь, онъ поднимаетъ руку на интересы, на достоинство того сословія, къ которому самъ принадлежитъ.

— Ну, это-то, по моему мнѣнію, еще бѣда не большая, еслибы онъ только унижалъ свое сословіе... Это пожалуй, было бы даже недурно...

— Какъ, что вы такое говорите? спросилъ съ удивленіемъ Рыбинскій.

— Я высказываю только свое искреннее убѣжденіе, съ которыми вы, конечно, не согласитесь... Я нисколько не симпатизирую никакимъ сословнымъ преимуществамъ и бываю всегда очень доволенъ, когда ихъ нѣсколько унижаютъ... Но тутъ, въ поступкѣ Палѣнова, есть кое-кто похуже униженія своего сословія... Это униженіе своего личного человѣческаго достоинства. Вотъ что меня возмущаетъ...

— Но послушайте: вѣдь, вы дворянинъ?

— Дворянинъ...

— Вы пользуетесь своими правами?

— Пользуюсь... по необходимости...

— Какъ по необходимости?... Значить, вы ими не дорожите.

— Нисколько...

— Значить, вы съ радостью бы отъ нихъ отказались?

— Съ величайшей...

— Я васъ не понимаю... И сами добровольно согласились бы отказаться отъ своей независимости, добровольно подчинились бы притѣсненіямъ полиціи и прочихъ властей...

— Совсѣмъ нѣтъ... Этому притѣсненію никто не долженъ подвергаться...

— Не долженъ... Не спорю... Но если это такъ существуетъ, если это такъ дѣлается... Зачѣмъ же вы-то, человѣкъ, принадлежащій къ такому сословію, которое нѣсколько освобождено отъ этого гнета, сами добровольно будете подставлять водѣ него спину?..

— Потому, что я хочу жить одною жизнью со всѣмъ народомъ, я хочу повиноваться одинакимъ съ нимъ правамъ, чувствовать горе, если онъ его чувствуетъ и радоваться, если онъ будетъ радоваться... потому наконецъ, что наши льготы, наши

привилегіи ничѣмъ не заслужены, не приобрѣтены моимъ личнымъ трудомъ, моими личными заслугами, и вслѣдствіе этого тяготятъ меня...

— Слѣдовательно, вы должны сочувствовать Палёнову, который своимъ доносомъ тоже посягаетъ на дворянскія привилегіи и желаетъ подвергнуть представителя своего сословія губернаторскому преслѣдованію...

— Нѣтъ, напротивъ, я презираю Палёнова, какъ донощика, потому что доносъ всегда гадокъ на кого бы и кому бы онъ былъ поданъ.

— Ну, я не стану спорить съ вами о вашихъ убѣжденіяхъ... Наука увлекла васъ впередъ меня... Я доволенъ уже тѣмъ, что вы называете настоящимъ именемъ поступокъ Палёнова и имѣете на него очень вѣрное мнѣніе... Признаюсь, я удивлялся, когда слышалъ отъ кого-то, что вы въ большой пріязни съ этимъ бесодномъ... и даже считаете его достойнымъ быть предводителемъ дворянства...

— Это чистѣйшій вздоръ... Правда, я сходилъ съ нимъ, но для того, чтобы наблюдать и изучать его, какъ замѣчательное нравственное уродство... Но скажите, пожалуйста, въ чемъ же состоитъ его доносъ на васъ?..

— О, это-то всего интереснѣе... Онъ жалуется губернатору на мою безнравственность... на мои неопозволительныя отношенія къ женщинамъ.

Рыбинскій засмѣялся.

— Ахъ, какая скотина.. какой обскурантъ... Это удивительно, что здѣсь за народъ! воскликнулъ Карѣвъ, пожимая плечами.

— А нашъ губернаторъ, по этому доносу, разумѣется, ничѣмъ не доказанному, говорятъ, назначилъ надо мною слѣдствіе...

— Удивительно, удивительно. Этакое уродство... Этакая тугоухость... говорилъ Карѣвъ съ негодованіемъ.

— Эге, голубчикъ, думалъ въ это время Тархановъ, такъ вотъ въ чемъ дѣло... Ты струсилъ, ты бовишься... Недаромъ ты началъ ѣздить по дворянамъ и заискивать... И въ споры не вступаешь... И-соглашаешься... И не важничаешь... Стараешься поддѣлаться... Видно, и въ насъ нужда пришла.

— Да, я согласенъ съ Аркадіемъ Степанычемъ, сказалъ онъ вслухъ, что мы только чванимся, важничаемъ, а дѣла не дѣлаемъ... и даже гнушаемся дѣломъ... Вотъ писать доносы, такъ это ничего, это не унижительное занятіе, а предложилъ я этому

скважинѣ, Палёнову, участвовать въ нашемъ коммерческомъ предпріятіи, такъ, представьте, что отвѣтъ: по моему мнѣнію говорить, дворянину унизительно заниматься торговлей... Мр.. скотина...

— Что это за коммерческое предпріятіе? спросилъ Рыбинскій

— А вотъ мы предприняли съ Аркадіемъ Степанычемъ... одно дѣльное... чрезвычайно выгодная исторія... только не станете у насъ средствъ завести его въ широкихъ размѣрахъ... чтобы вдругъ все дѣло забрать въ ланы... И по неволѣ идемъ потихоньку шагъ за шагомъ... а барыши впереди... А барыши будутъ, вамъ скажу: по крайней мѣрѣ 200 на 100... Вотъ не хотите ли вступить въ коммерцію?.. Ваше участіе могло бы двинуть дѣло впередъ... А дѣло честное и вѣрное...

— Вы, вѣдь, Тархановъ, фантазёръ... Вы большой мастеръ высчитывать барыши на бумагѣ... да на дѣлѣ-то, говорить, и такъ выходитъ... отвѣтилъ Рыбинскій съ улыбкой.

Тархановъ обидѣлся.

— Я полагаю, сказалъ онъ, Аркадій Степанычъ, человекъ и безголовый, образованъ не меньше насъ съ вами и счетъ знаетъ... однако и онъ согласился, что дѣло вѣрное и пустить въ него свои деньги... Нѣтъ, вы ужъ лучше признайтесь, что не далеко ушли въ этомъ отъ Палёнова: тоже чванитесь своимъ барствомъ и стыдитесь участвовать въ благородномъ коммерческомъ предпріятіи... Вы баре... Вамъ бы получать денежки даромъ, сидя покойно на печкѣ, не рискнувши ни копейкой своей... Вы все ждете, чтобы вамъ принесли, да поклонились: осязательный, моля, батюшка... Вотъ денежки принесъ, такъ приходи... Нѣтъ ли свободнаго мѣста въ кошелькѣ?

Рыбинскій морщился.

— Я въ первый разъ еще слышу, чтобы меня ставили на одну доску съ Палёновымъ... проговорилъ онъ сухо и съ видомъ не удовольствіемъ.

— Да я и не ставлю васъ на одну доску... А какъ же, развѣ это не барское чванство своего рода: не знаете даже въ чемъ дѣло, а ужъ говорите о немъ свысока, важничаете...

— Нѣтъ, дѣло действительно хорошо рассчитанное и должно принести большія выгоды, вмѣшалея Карѣевъ, чтобы нѣсколько смягчить непріязненное расположеніе своихъ гостей.

— Чтожъ, если вы нуждаетесь въ деньгахъ, Аркадій Степанычъ, такъ я вамъ могу служить.

— Да мы не займы у васъ просимъ, а предлагаемъ вамъ, какъ благородному человѣку, участвовать въ нашемъ дѣлѣ, чтобы отчасти капиталомъ, отчасти своимъ кредитомъ, расширить наше предпріятіе... А занять - то подъ проценты и на вексель мы вездѣ можемъ и безъ васъ...

— Какъ же вамъ не стыдно, Тархановъ... Кто жь вамъ говоритъ про проценты и векселя... я просто предлагаю Аркадію Степанычу деньги, въ случаѣ надобности... какъ это водится между благородными людьми...

— Очень вамъ благодаренъ.. Вы очень любезны... сказалъ Карѣевъ.

— Подумайте, стоитъ ли объ этомъ говорить...

— Нѣтъ, а вы вотъ что лучше... Денегъ намъ вашихъ не нужно... А тутъ есть не далеко ваша дѣсная пустошь, которая никакой пользы вамъ не приноситъ... Продайте намъ ее по дешевѣ, а денегъ подождите... Вотъ это будетъ благородно съ вашей стороны...

— Объ этомъ нужно поговорить съ прикащикомъ... Я, признаюсь, не имѣю даже понятія объ этой пустоши... Но, впрочемъ, я не отказываюсь и отъ продажи...

— Ну, вотъ за это спасибо!.. А денегъ-то вы намъ дадите, въ случаѣ надобности... Ужъ коли сами обѣщали, такъ дадите...

— Полноте, Дмитрій Ивановичъ, замѣтилъ Карѣевъ. Ужъ вы слишкомъ безцеремонно рассчитываете на любезность Павла Петровича...

— Э, полноте... Вы не знаете этого человѣка, а я знаю... Онъ, благороднѣйшее существо... Ужъ коли захочетъ быть другимъ, такъ будетъ... На него тогда опирайся, какъ на каменную стѣну,

— А вы что за существо, Тархановъ: то сравниваете меня съ Палёновымъ, то называете благороднѣйшимъ существомъ...

— Ну, ну, не сердитесь... Я пошутить только хотѣлъ, поддразнить васъ... Развѣ я васъ не знаю... Слава Богу, сколько нѣтъ знакомы, Но я представляю себѣ положеніе Палёнова, когда онъ, косясь всѣхъ своихъ происковъ противъ васъ, останется въ дуракахъ!

— И конечно останется, подтвердилъ съ увѣренностью Рыбинскій.

— Вотъ будетъ рваться-то и бѣситься!.. Просто съ ума сойдетъ,

— Однако послушайте, господа, сказалъ Карѣевъ. Ему надъ дать хорошій урокъ, на выборахъ, чтобы онъ зналъ, что до ношкнн иетерннны въ порядочныхъ обществахъ.

— По моему завать его въ гости, да выпороть хорошенъны своинъ сѹдомъ: больше онъ ничего не стоить, замѣтилъ Тархановъ. Да такъ выпороть, чтобы и самъ въкъ помнилъ, да дѣтямъ заказалъ доносы писать...

Всѣ усмѣхнулись.

— Ну, ужъ это слишкомъ, сказалъ Карѣевъ.

— Да что же съ нимъ?.. разговаривать что ли?..

— Ну, полноте, господа, возразилъ Рыбинскій, онъ будетъ наказанъ уже тѣмъ, что останется въ дуракахъ, во вторыхъ тѣмъ, что имъ будетъ гнушаться все порядочное общество.. Пусть онъ наслаждается драгоцѣнной пріязнью губернатора.. А ужъ какъ онъ къ нему ни поддѣлывайся, губернаторъ и можетъ же заставить выбрать его въ предводителя... А, видъ это цѣль всей его жизни...

— Неужели онъ мѣтитъ въ предводителя?..

— Какъ же... Въ этомъ всѣ его мечты...

— Черныками его!.. черныками, голубчика... вскричалъ Тархановъ. Просить, кланяться, чтобы удостоилъ принять на себѣ это званіе... а потомъ на вороныхъ и прокатить... Вотъ это будетъ потѣха...

Рыбинскій молча и скромно улыбался.

— Однако, господа, прощайте, сказалъ онъ. Мнѣ еще надобно въ городъ ѣхать отгрызаться отъ этой стан, которую напустилъ на меня Палѣновъ... Мнѣ, ей-богу, эта исторія доставляетъ истинное удовольствіе, и я отчасти благодаренъ Палѣнову... По крайней мѣрѣ нѣсколько оживилъ нашу монотонную жизнь: есть о чемъ говорить, есть съ чѣмъ бороться... А то просто тоска начинала одолѣвать...

— Ну вотъ теперь наше дѣло пойдетъ, лишь бы только онъ сдержалъ свое слово, сказалъ Тархановъ, оставшись наединѣ съ Карѣевымъ. А струсилъ, голубчикъ, видимо струсилъ... Видно, Палѣновъ таки ловко его задѣлъ... Ну, да ничего... Я отчасти даже благодаренъ Палѣнову за это... Потихише будетъ, очень ужъ важничать началъ. Не подступайся... Чортъ не братъ...

— Полноте, Дмитрій Ивановичъ, какъ вамъ не стыдно оправдывать Палѣнова, замѣтилъ Карѣевъ. По моему, Рыбинскій очень неглупый и порядочный человекъ... Правда, онъ немножко от-

сталый, и баринъ въ душѣ, но все-таки онъ недосыгаемо выше всей прочей здѣшной сволочи.

— Да я не оправдываю Палѣнова... Разумѣется, это гнусно... Я говорю только къ тому, что у Рыбинскаго была замашка поиничнчать своимъ предводительствомъ...

— Вы сами виноваты, господа... Вы сами дѣлаете изъ этого званія Богъ знаетъ что... Сами балуете человѣка: по неволѣ онъ икничается... А вотъ посмотрите: пріѣхалъ онъ къ человѣку независимаго образа мыслей, какъ я... онъ совсѣмъ другой... И гнѣтъ той важности, которую онъ напускаетъ передъ дру-ми... Видитъ, что тутъ ничѣмъ не удивить, что тутъ ува-ивать въ немъ только человѣка, а не предводителя, вотъ онъ сейчасъ и становится просто человѣкомъ... Незавитость здѣш-наго общества балуетъ людей... Нѣтъ, онъ еще порядочный чело-вѣкъ... Онъ сейчасъ видитъ гдѣ какъ надо держать себя... Я мало зналъ его...

— Да, разумѣется... Я противъ него ничего не скажу... Онъ славный мальчикъ, — сказалъ Тархановъ, а самъ про себя подумалъ: дуракъ ты, дуракъ! онъ и знать-то тебя не хотѣлъ до сихъ поръ, пока ему не понадобилось доброе мнѣніе дворянъ... Очень ему нужно, что ты человѣкъ независимаго образа мыслей! Ты говорить умѣешь, хоть и вздоръ говоришь, задоръ въ тебѣ есть, да лишній шаръ въ твоихъ рукахъ: вотъ ты и сталъ ему душенью... Однако надо къ нему съѣздить и совершить купчую дескорѣ, ковать желѣзо пока горячо... А пустошь великолѣп-ная... Купивши ее, тотчасъ же можно продать купцамъ, а деньги въ оборотъ...

— Вы думаете онъ дорожить, что ли, предводительствомъ, продолжалъ Карѣвъ. Ему нужна только широкая, независимая жизнь... Я знаю эти натуры... А ему еще даютъ и власть и почетъ... Отчего же не взять, коли даютъ?.. А и потеряетъ—возвѣрте, жалѣтъ не станеть... Посмотрите: онъ ни къ кому не поддѣльвается, ни за кѣмъ не ухаживаетъ; онъ всегда въ оппозиціи и со всѣми губернскими властями въ ссорѣ... Это мнѣ чрезвычайно нравится въ немъ, и все это говорить въ его пользу... И его непременно надо бы выбрать губернскимъ предводителемъ вамъ, господа дворяне, которые такъ дорожите своими сословными преимуществами... Онъ былъ бы отличный вамъ защитникъ... Ужъ онъ не далъ бы дворянъ въ обиду... Никому бы не уступилъ... Будьте увѣрены...

— Разумѣется, разумѣется,.. — соглашался Тархановъ, думая совсѣмъ о другомъ.

X.

Между тѣмъ уѣздный городокъ былъ въ сильномъ смятеніи. Во всѣхъ домахъ дамы только и говорили, что о происшествіи на бульварѣ: обсуждали его со всѣхъ сторонъ, опѣивали всю безнравственность наведенія лѣнченки, признавались другъ другу, что связь ея съ предводителемъ давно была каждой извѣстна, сожалѣлись о томъ, какъ держать себя съ нею; и рѣшили, что теперь, когда все дѣло обнаружилось, совсѣстно быть даме знакомою съ такою женщиною, что у нихъ есть доверіе, которыя отъ сближенія съ такою особою могутъ заразиться и потерять нравственность, что ея надобно стараться избѣгать. Никто не хотѣлъ вѣрить, что Параша сумасшедшая: всѣ были увѣрены въ противномъ, каждая видѣла ее своими глазами; опознали даже тѣя дамы, которыя имѣли случай поговорить съ нею и убѣдились, что въ ней нѣтъ даже и признаковъ помѣшательства; что она несчастная, превратная женщина, но очень хорошо и благоразумно разсуждаетъ; что она не была шара, какъ утверждаютъ ослупа Иванъ Михайлычъ, который не видитъ, что дѣлается у него подъ носомъ, или, можетъ быть, нарочно видеть не хочетъ изъ своихъ собственныхъ выгодъ, потому что Рыбницкій постоянно ему проигрываетъ въ карты; да вѣдь закону наконецъ извѣстно, что лѣнчикъ данъ всю провизію получать изъ деревни предводителя. Что Параша не была дьяволомъ въ этомъ тоже нѣтъ никакого сомнѣнія. Она даже никогда не вникала въ ротъ на брала. Что она сумасшедшая, что она была пьяна — это чистѣйшій вздоръ, выдумка!.. Да и во всякомъ случаѣ эта выдумка ни къ чему послужить не можетъ: она не можетъ быть ни реваншемъ, ни оправданіемъ. Ну, предположимъ даже, разсуждали дамы, предположимъ, что эта несчастная, превратная дѣвка действительно сумасшедшая, или пьяная; ну, что изъ этого? Все-таки она говорила слова, которыя что нибудь да значатъ,.. Отчего же она не бросилась ни на мужа, ни на вѣсь, а прямо на нее, отчего же она въ сумасшествіи или въ пьяномъ видѣ не говорила чего нибудь другаго, а именно указывала на связь лѣнчички съ предводителемъ? Ахъ, Боже мой, да кому же законно это не извѣстно, кто же изъ насъ этого не знаетъ? рѣшили дамы. Но такой фронтъ, такой

публицистскій скандалъ... Вѣдь, она бить ее хотѣла, вѣдь, еслибы не отпалъ ее Иванъ Николаичъ, она непремѣнно бы ее убила, можетъ быть, даже до смерти бы убила... да и непремѣнно бы убила... и по дѣломъ!.. Но только какъ же быть знакомой съ подобной женщиной... Можно ли ее послѣ всего этого принимать къ себѣ!..

Сначала мужское поколѣнiе городка отдѣлывалось молчанiемъ, или выражалось неовредѣнно и смутно относительно этого затруднительнаго обстоятельства; а мужа, нѣкоторымъ образомъ зависящiе отъ предводителя, даже заступались за Юлію Васильевну, говорили, что надо ли что случается въ жизни; что, по происшествiю на бульварѣ, ничего рѣшительнаго нельзя сказать объ отношенiяхъ Юліи Васильевны къ Рыбинскому; что сумасшедшей женщинѣ мало ли что можетъ прийти въ голову; что Юлія Васильевна, дама добрая, веселая и любезная, у которой такъ вѣроятно бывать и проводить время, что наконецъ, еслибы и дѣйствительно что и было между ею и предводителемъ, такъ кому какое дѣло, кто кому судья?.. не осуждай, да не судить будешь... И изъ всего этого выводили такое заключенiе, что лучше это дѣло забыть, или оставить такъ, какъ будто его вовсе не было, не огорчать понапрасну Юлію Васильевну и не прерывать съ нею прiятнаго знакомства. Но на третiй день послѣ событiя на бульварѣ, прiѣхалъ изъ губернскаго города Паленовъ. Узнавъ о случившемся, онъ явился въ неопишанное восхищенiе и тутъ же объявилъ, что Рыбинскiй пропасть, что надъ нимъ наряжается слѣдствiе, и сегодня же или завтра прiѣдетъ чиновникъ отъ губернатора, для производства слѣдствiя, и что это бульварное происшествiе тоже будетъ сообщено губернатору, присоединится къ слѣдствiю, какъ существенное доказательство противъ Рыбинскаго, и окончателно погубитъ его. Какъ только это извѣстiе дошло до слуха мужей, защитниковъ Юліи Васильевны, въ ту же минуту образъ мыслей ихъ измѣнился: она слѣдалась въ ихъ глазахъ преступной, погибшей женщиной, не заслуживающей никакого уваженiя, знакомства съ которой даже постыдно для ихъ женъ; — и послѣднимъ даже было торжественное приказанiе держать себя подалыше отъ нея, или разрѣшенiе дѣлать съ преступницей, что сами знаютъ... Въ этотъ же день опять стояла ясная погода; опять, по обычаю, было гулянье на бульварѣ; Юлія Васильевна, усвоившая вѣсть о Рыбинскаго, и брами, цоторыи онъ принялъ относительно

Параши, наконецъ тѣмъ, что мужъ ея не обратилъ особеннаго вниманія на происшествіе, рѣшилась также отправиться на бульваръ,—отчасти для того, чтобы показать передъ публикой, что она нисколько не сконфужена, отчасти для того, чтобы посмотреть какое впечатлѣніе произведетъ на общество этотъ несчастный случай. Правда, съ нѣкоторою внутреннею робостію, но съ лицомъ совершенно веселымъ и спокойнымъ, вступила она на бульваръ въ сопровожденіи Сашеньки... Но увы! она никакъ не ожидала того приѣма, который ей сдѣлаютъ... Дамы отъ нея торжественно отворачивались, не отвѣчали на ея поклонны, или, небрежно кивая головой, смотрѣли на нее съ высокоумѣннымъ презрѣніемъ. Добродушной вдовы на бѣду не было на бульварѣ, а Юлія Васильевна не взяла предосторожности пригласить ее съ собою.

Какъ ни была бойка и самоувѣренна лѣсничиха, не такое, публично выраженное, общее пренебреженіе ее озадачило и уничтожило. Едва удерживая слезы, которыя душили ее, она только ради приличія прошла раза два аллею одна одинешенька, стараясь придавать лицу презрительную мину при встрѣтѣ съ дамами, но не въ силахъ была долго выносить этой неравной борьбы—и отправилась домой.

На улицѣ она встрѣтила засѣдателя, своего поклонника, который тоже отправлялся на гулянье. Онъ подошелъ къ ней.

— Вы слышали? спросилъ онъ таинственно съ какимъ-то озабоченнымъ и даже нѣсколько глубокомысленнымъ выраженіемъ лица.

— Что такое?

— Очень большая неприятность для Павла Петровича...

— Да что же такое?

— Надъ нимъ наряжено секретное слѣдствіе о его противозаконныхъ дѣйствіяхъ и безнравственномъ поведеніи.

Юлія Васильевна вспыхнула, потомъ поблѣднѣла.

— Какое же это безнравственное поведеніе... Что это значить?.. Въ чемъ же его обвиняютъ?.. Что онъ такое сдѣлалъ?.. спрашивала она, едва переводя духъ.

— Какъ мнѣ вамъ это объяснить... Это довольно затруднительно высказать предъ дамою... потому о такихъ предметахъ въ данскомъ обществѣ говорить не принято... даже невозможно... но только очень, очень можетъ быть неприятно для Павла Петровича, если все это будетъ открыто...

— Да что же такое?.. Скажите мнѣ, пожалуйста, прямо... Не стѣсняйтесь... Я не дѣвушка...

— Вотъ видите: будто бы онъ... Но нѣтъ, не могу, рѣшительно не могу... Я никогда съ дамами не говорилъ о такихъ вещахъ... а тѣмъ болѣе съ вами... Можетъ быть, вы узнаете современемъ все, но только не отъ меня... А я вамъ только одно скажу, что вы жестоко ошибались въ этомъ человѣкѣ... Онъ не заслуживалъ...

Засѣдатель не договорилъ.

— Чего? спросила Юлія Васильевна и краска досады покрыла ее лицо.

— Вы сами знаете... сказалъ со вздохомъ и съ упрекомъ въ голосѣ засѣдатель.

— Я васъ не понимаю... проговорила Юлія Васильевна и въ голосѣ ее звучала досада.

— Понимаете, Юлія Васильевна... произнесъ засѣдатель опять со вздохомъ и потрясая головою.

— Пожалуйста, не говорите со мною загадками; говорите прямо, чтобы и я могла прямо отвѣчать вамъ.

— Я вамъ только одно скажу, Юлія Васильевна, что вы отвергали людей вамъ искренно преданныхъ... и, можетъ быть, даже такихъ, которые жизни своей не пожалѣли бы для васъ... чему уже и были доказательства... еще очень недавно и не далеко отсюда, на бульварѣ... и предпочитали этимъ людямъ человѣка... безнравственнаго, дурнаго, о которомъ наконецъ узнало даже правительство... и назначаетъ надъ нимъ слѣдствіе... Вотъ я вамъ довольно прямо сказалъ... Неужели вы и теперь не понимаете?..

— Я понимаю только одно, что вы говорите что-то такое, оскорбительное для меня... на что я вамъ не давала никакого повода и чего никому не позволю... Прошу васъ: оставьте меня...

— Я, оскорбительное... Я... вамъ... лепеталъ озадаченный засѣдатель. Я всегда... Я никогда, Юлія Васильевна... кромѣ благоговѣнія... кромѣ восторга...

— Я вамъ повторяю: оставьте меня съ вашимъ благоговѣніемъ и восторгомъ... Я не нуждаюсь въ нихъ...

— Но вы забываете, Юлія Васильевна... чѣмъ вы мнѣ обязаны... Безъ меня... васъ можетъ быть... Никто не хотѣлъ вступиться за васъ... Одинъ я...

— Какъ вамъ не стыдно хвалиться передъ женщиною пустою услугой, которую вы ей оказали... которую вы обязаны были оказать, если вы порядочный человекъ... Но порядочный человекъ никогда не станеть напоминать объ этомъ женщинамъ... Я вамъ благодарна за услугу, которую вы мнѣ сдѣлали... Чего-жъ вы еще хотите отъ меня?..

— Если бы вы понимали меня, Юлія Васильевна... Если бы вы знали, что я чувствую... вы не говорили бы такъ... вы пожалѣли бы этого человекъ, который... который...

— Который, случайно оказавъ женщинамъ ничтожную услугу, считаетъ себя вправѣ говорить ей оскорбительныя вещи и ожидать отъ нея какого-то особеннаго вниманія, котораго она никому не оказываетъ, кромѣ своего мужа... Стыдитесь... Вы мнѣ смѣшны... Вотъ мой домъ... Прощайте...

И Юлія Васильевна отвернулась отъ застѣателя и быстро вошла въ ворота, оставивъ у нихъ своего поклонника, прежде нежели онъ успѣлъ снять шляпу, чтобы поклониться.

— Ахъ, ты, чортъ тебя возьми... проговорилъ застѣатель, поправляя шляпу и съ остервенѣніемъ потрясая тросточкой, которою былъ вооруженъ. Погоди жъ ты... Будеть и на нашей улицѣ праздникъ...

И онъ отправился на бульваръ сплетничать на-счетъ вреднаго своего поклоненія.

Юлія Васильевна, придя домой, плакала до истерики. Она посылала даже проклетія Рыбинскому за то, что онъ не ѣдетъ утѣшить ее и успокоить. На слѣдующій день Рыбинскій явился. Юлія Васильевна была несказанно обрадована его прїездомъ, но ей все какъ-то не удавалось остаться съ нимъ на-единѣ. Рыбинскій какъ будто умышленно избѣгалъ этого. Въ присутствіи мужа онъ очень много извинялся предъ Юліей Васильевной за Парашу и выразилъ надежду, что она не обращаетъ на это вниманія и что это обстоятельство не такъ испугало ее, чтобы встревожить ее драгоцѣнное здоровье. Юлія Васильевна пристально вглядывалась въ лицо Рыбинскаго, чтобы прочесть на немъ что нибудь, ловила его взгляды, чтобы узнать хоть изъ какъ что лежало у него на душѣ, но лицо Павла Петровича было совершенно весело и покойно, а въ глазахъ его Юлія Васильевна не могла изловить никакого особеннаго выраженія, какъ будто Рыбинскому нечего было сказать ей, нечѣмъ подѣлиться.

— А что это, дружище, на тебя за напасть? спросилъ Ка-

стрижкѣ въ присутствіи жены. Слышалъ ли ты? Здѣсь съ часа на часъ ждутъ слѣдственной комиссіи надъ тобою... Вчера и на меня здѣшніе скоты смотрѣли какъ-то особенно, точно я соучастникъ въ твоихъ преступленіяхъ... Зная наши дружескія отношенія, не хотѣли сказать мнѣ въ чемъ дѣло, но видимо всё ждутъ тебѣ какой-то бѣды... Слышалъ ты что или нѣтъ? .

— Давно знаю, и смѣюсь надъ всѣмъ этимъ... Здѣшняя сволочь воображаетъ, что коли губернаторъ прогнѣвался на кого, такъ и пропалъ тотъ человекъ... А вотъ я посмотрю, что-то они тогда заговорятъ, когда я разобью всё эти козни, да еще потребую отъ губернатора удовольствіи: какъ онъ смѣлъ оскорбить предводителя дворянства: назначилъ надъ нимъ слѣдствіе, не имѣя достаточныхъ доказательствъ кромѣ жалобы дурака Осташкова и доноса какого нибудь подлеса Палёнова.

— Какъ, развѣ Осташковъ на тебя жаловался?

— Какъ же...

— Ахъ, мерзавецъ... Да за что же?

— Чортъ его знаетъ... Не знаю хорошенько... что я не исполнилъ что ли его просьбы и приколотилъ его... какъ онъ приходилъ просить... Помнишь?

— Ахъ, каналья этакой... Да, вѣдь, это было у меня въ домѣ, слѣдовательно я свидѣтель... Ха, ха, ха!.. Каковъ!.. Что Юлія Васильевна, что благодѣтели... Отогрѣли змѣю на сердцѣ...

— Ну, да что, объ этомъ не стоитъ говорить... Это его подбилъ Палёновъ... Но вотъ что всего интереснѣе — это доносъ Палёнова...

— Да въ чемъ же онъ, въ чемъ состоитъ?

— Пойдемъ въ кабинетъ: я тебѣ расскажу... При Юліи Васильевнѣ неловко: въ такихъ преступленіяхъ онъ меня обвинять... И вѣдь, что всего забавнѣе: они покрываютъ это, вѣроятно, тайной, а меня давно обо всемъ уведомили...

Рыбинскій вышелъ подъ руку съ Кастрицинимъ, а Юлія Васильевна опять осталась въ невѣдніи и безпокойствѣ... Ее мучило любопытство и почему-то ревность. Съ досады она готова была заплакать. Въ это время къ ней приближалась Сашенька, веселая и счастливая, какъ всегда. Юлія Васильевна съ досадою оттолкнула ее отъ себя.

— Поди прочь, сказала она ей: твой отецъ мерзавецъ, ябедникъ... Онъ написалъ жалобу на своего благодѣтеля, на Павла Петровича. Поди вонъ отсюда... Не надоѣдай мнѣ.

Удивленная и испуганная Сашенька вышла изъ гостиной тихими шагами. Въ умѣ ея, какъ будто вѣзались слова, что отецъ ея мерзавецъ, лбедникъ. Она побѣжала рассказывать объ этомъ Уляшкѣ, которая помогла ей уразумѣть эти слова.

Цѣлый день Юлія Васильевна искала случая остаться на-единѣ съ Рыбинскимъ, но случай, какъ на зло, не представлялся. На другой день, однако, она уловила удобную минуту, когда мужъ ушелъ куда-то и вошла въ кабинетъ къ Рыбинскому. Онъ что-то писалъ.

— Послушай, Paul, сказала она съ упрекомъ, садясь возлѣ него. Ты нынче просто бѣгаешь отъ меня...

— Съ чего это ты взяла, Юлія: ты видишь какъ я занятъ...

— Но, мнѣ кажется, прежде всѣхъ занятій тебѣ слѣдовало бы успокоить меня... Ты знаешь, что я вынесла въ эти дни по твоей милости... Ты долженъ бы былъ бросить всѣ твои дѣла и подумать прежде всего обо мнѣ...

— Ну, извините, Юлія Васильевна, вы меня должны знать... Вамъ должно быть извѣстно, что я не способенъ на такое самоотверженіе, чтобы бросать всѣ свои дѣла при подобныхъ обстоятельствахъ, когда на картѣ поставлена моя честь и мое самолюбіе... Я не мальчикъ, а сорокалѣтній мушкетер... И я никакъ не ожидалъ, чтобы вы стали требовать отъ меня подобныхъ пожертвованій... Я слыхалъ, что любящія женщины не способны на такія эгоистическія требованія...

— Paul, я вижу, ты начинаешь охладѣвать ко мнѣ... Я тебѣ начинаю такъ же надоѣдать, какъ Парашка...

— Если женщина упорно держится за какую нибудь фантазію, такъ эта фантазія наконецъ начинаетъ казаться ей дѣйствительностью... Это вещь извѣстная... Ты постоянно думаешь только о томъ, что я долженъ охладѣть къ тебѣ, и вотъ уже тебѣ начинаетъ казаться, что я охладѣлъ въ самомъ дѣлѣ... Но это скучно, Юлія... Я тебѣ говорилъ нѣсколько разъ, что живу только для настоящей минуты, въ будущее никогда не заглядываю и никогда не ручаюсь за него... Повѣрь мнѣ, что если я къ тебѣ охладѣю, такъ ты не въ силахъ будешь удержать меня никакими упреками... Независимость для меня дороже всего...

— Но ты подумалъ ли когда нибудь о томъ, что будетъ со мною, если ты разлюбишь меня...

— Не думалъ и не хочу думать...

— Я умру, либо сойду съ ума... сказала Юлія Васильевна сентиментально.

— Ахъ, Юлія, признаюсь тебѣ откровенно: вотъ подобными фразами ты можешь охладить меня. Я люблю жизнь, веселье, радость въ лицѣ женщины... Сентиментальность и нытье не въ моемъ вкусѣ: онѣ мнѣ противны.

— Но ты забываешь, Paul, что я по твоей милости оскандализирована предъ цѣлымъ обществомъ: отъ меня всѣ отворачиваются, мнѣ не кланяются.. меня оскорбляютъ публично по твоей милости...

— погоди вотъ немножко: дай мнѣ только побѣдить моихъ враговъ—и, повѣрь—къ тебѣ возвратятся и уваженіе, и вниманіе общества... Я знаю этотъ мірокъ.

— Ну, а если этого не случится?.. Каково будетъ мое положеніе?.. Ты только подумай объ этомъ...

— Но послушай, Юлія... Чего же ты наконецъ хочешь отъ меня?

— Побольше любви и вниманія... Дай мнѣ наконецъ увѣренность, что я не игрушка твоя на одну минуту, что ты никогда меня не бросишь...

— Никогда!.. каково слово!.. И это говоритъ женщина, которая была влюблена въ своего мужа, а потомъ возненавидѣла его... Вѣдь, ты тоже давала ему клятвы въ *вѣчной* любви... А велика ли была эта вѣчность?..

— Но онъ никогда такъ не страдалъ за меня, какъ я за тебя; я никогда не чувствовала такой обязанности постоянно любить его, какъ долженъ ты чувствовать теперь, послѣ всего что случилось... Наконецъ я не знала, что онъ сдѣлается такимъ пьяницей и такъ охладѣетъ ко мнѣ...

— Ну, почему же ты знаешь, что я не утрачу нѣкогда всѣхъ своихъ достоинствъ въ твоихъ глазахъ?.. Вотъ тебѣ начинаетъ представляться, что я охлаждаюсь въ чувствахъ къ тебѣ... Слово-то, вѣдь, какое выдумали: насылу выговоришь!.. Ну, слѣдовательно и ты должна охладѣть...

— Ты шутишь, ты смѣешься надо мной, Paul...

Юлія Васильевна заплакала.

— Bravo, ужъ и слезы на сцену... Нѣтъ, Юлія Васильевна, вожакуйста... Мы начинаемъ вести себя, какъ мальчишки. Кончите это, если не хотите сами испортить нашихъ отношеній...

— Ну, ну... Изволь, я успокою тебя: не стану ни плакать,

ни говорить тебѣ о томъ, что чувствую, что меня мучить, только не переставай любить меня... Юлія Васильевна обвила руками его шею.

— Ну вотъ такъ лучше, только дай мнѣ время... Нужно писать, да того и смотри—кто нибудь войдетъ...

— Что же ты мнѣ не расскажешь, въ чемъ состоитъ доносъ на тебя?..

— Э, мой ангелъ, это мерзость, о которой не стоитъ говорить... И слуха твоего сквернить не хочу...

— Ты опять что-то скрываешь отъ меня... Тебѣ совѣстно мнѣ признаться... Вѣрно, есть въ этомъ доносѣ правда?

Рыбинскій нахмурился. Эта продолжительная бесѣда на одну и ту же тему надоѣла ему; привязчивость Юліи Васильевны дѣлалась ему противна, но онъ сдержалъ себя, чтобы не сказать чего нибудь слишкомъ грубаго.

— Правда или нѣтъ — это все равно, сказалъ онъ довольно сухо, только совѣстится и скрывать мнѣ нечего, потому что это извѣстно всему городу; и если тебя мучить любовиство, то ты можешь узнать все отъ перваго встрѣчнаго... Но я тебѣ повторяю, что не хочу оскорблять твоего слуха, передавая тебѣ мерзости, въ которыхъ меня обвиняютъ... Ну, однако поди, пожалуста, Юлія... Мнѣ некогда... Да и право, мужъ войдетъ... Нехорошо...

— Ну, ну, уйду... Только не сердись и поцѣлуй меня...

Никогда Юлія Васильевна не была такъ противна Рыбинскому, какъ въ эту минуту, и никогда онъ не цѣловалъ ее такъ холодно, какъ въ этотъ разъ.

— Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ противно, думалъ онъ, провожая глазами Юлію Васильевну: эта исторія становится серьезна и скучна... Женщинѣ благо начать, а тамъ ея упрекамъ, ея требованіямъ и конца не будетъ... Нѣтъ, видно надобно какъ нибудь кончить... Она начинаетъ играть въ очень опасную игру... Пожалуй, затянешься такъ, что послѣ и выхода не будетъ... А Юлія Васильевна въ то же время думала: нѣтъ, нѣтъ, онъ сталъ не тотъ, онъ видимо отдѣляется фразами, отшучивается... Онъ намѣренъ бросить меня... Я ему надоѣла... Надобно наблюдать за нимъ и не выпускать изъ рукъ...

XI.

Грозные слѣдователи пріѣхали и слѣдствіе надъ Рыбинскимъ началось. Хотя слѣдствіе это производилось по секрету и слѣдователи всѣ свои дѣйствія покрывали непроницаемой тайной, но въ городѣ все было извѣстно еще до ихъ пріѣзда, а таинственностью своихъ дѣйствій слѣдователи утѣшали только сами себя, потому что каждый ихъ шагъ, каждая строка, выходящая изъ подъ ихъ, покрытаго мракомъ, пера, въ ту же минуту становилась общимъ достояніемъ. Этому много способствовалъ самъ Рыбинскій, нарочно оглашавшій все, что слѣдователи особенно желали бы скрыть. И напрасно ретивые слѣдователи, воодушевленные лично имъ высказаннымъ желаніемъ губернатора, старались отыскать обстоятельства, которыя могли бы обвинить Рыбинскаго: онъ вездѣ выходилъ чистъ и правъ. Самъ онъ давалъ на всѣ запросы слѣдователей письменныя объясненія очень ловкія, опредѣленныя, написанныя тономъ умѣреннымъ, скромнымъ, но съ достоинствомъ. На запросъ относительно побоевъ, будто бы нанесенныхъ Рыбинскимъ Осташкову, онъ отвѣчалъ въ проноіи, что хотя губернатору должно быть извѣстно, что подобныя жалобы не имѣютъ никакого значенія и силы, если не подтверждены свидѣтельствомъ постороннихъ лицъ, которыхъ Осташковъ не указываетъ, и хотя его превосходительству не слѣдовало бы даже принимать подобной бездоказательной просьбы, а не только назначать по ней слѣдствіе; и хотя отвѣтъ обвиняемаго подобнымъ образомъ можетъ быть опредѣленъ заранѣе, но онъ считаетъ себя обязаннымъ отвѣчать, что онъ никогда не билъ Осташкова и въ то же время заявить, что онъ оскорбленъ довѣріемъ, которое его превосходительству угодно было дать такой бездоказательной клеветѣ, и полагаетъ, что и все дворянство уѣзда, удостоившее его избранія въ свои предводители, сочтетъ себя оскорбленнымъ въ его лицѣ. На запросъ о жалобѣ Осташкова, что онъ не захотѣлъ принять участія въ притѣсненіяхъ, нанесенныхъ ему его отцомъ и дядей, Рыбинскій отвѣчалъ, что онъ не хотѣлъ только допустить вмѣшательства въ это дѣло Палѣнова, который безъ всякаго права и безъ всякаго основанія осмѣлился обратиться къ нему, предводителю, съ письмомъ, наполненнымъ неумѣстными и оскорбительными

выраженіями, а что онъ не оставилъ просьбы Осташкова безъ вниманія—и это гг. слѣдователи могутъ видѣть изъ того, что на другой же день былъ посланъ вызовъ къ отцу Осташкова, по которому онъ и явился: выслушавши же его объявленія Рыбинскій нашолъ, что, въ предѣлахъ данной ему власти, онъ не могъ взять на себя права рѣшить это дѣло, требующее судебного разбирательства, хотя и считаетъ отца Осташкова совершенно правымъ, а жалобы на него сына неосновательными. При этомъ, какъ доказательство вздорнаго характера Палёнова, Рыбинскій представилъ прошеніе на него, поданное къ нему Александромъ Никитичемъ. Разпросы и розыски слѣдователей по указаніямъ Палёнова также ни къ чему не повели. Никто не могъ запретить Рыбинскому держать у себя хоръ пѣвчихъ, а на безправственность его отношеній къ своимъ горничнымъ никакихъ уликъ не оказалось. Когда было получено отъ губернатора предписаніе присоединить къ слѣдствію свѣдѣнія, полученныя губернаторомъ о Парашѣ, всѣ полагали, что предъзѣтый обстоятельствомъ Рыбинскій наконецъ станетъ въ тупикъ и запутается; но онъ объяснилъ, что Параша, вслѣдствіе дурнаго своего поведенія, и склонности къ пьянству, доводившему ее до припадковъ бѣшенства, была отправлена имъ, для исправленія, въ дальнюю вотчину, подъ надзоромъ старосты, вмѣстѣ съ незаконно-прижитыми дѣтьми, что она бѣжала оттуда и въ пьяномъ видѣ поймана здѣсь въ городѣ и привезена была къ нему, что вслѣдствіе изъявленнаго ею раскаянія и желанія выйти замужъ за одного изъ крестьянъ той вотчины, она вновь отправлена имъ туда, и что если раскаяніе ея было искренно и она не измѣнила своему намѣренію, то, вѣроятно, въ скоромъ времени, а можетъ быть уже и теперь, вышла замужъ, согласно собственному своему выбору и желанію. Давши это объясненіе Рыбинскій въ то же время послалъ нарочнаго въ ту губернію, гдѣ находилось имѣніе, куда отправлена была Параша; этому нарочному была вручена довольно значительная сумма денегъ, часть которой онъ долженъ былъ отдать Парашѣ, какъ приданое на ея свадьбу, а остальное употребить по усмотрѣнію, въ случаѣ, если, по требованію слѣдователей, Параша будетъ подвергнута допросу и будетъ давать неблагопріятныя для Рыбинскаго показанія.

По итѣрѣ того, какъ слѣдствіе шло такъ благопріятно для Рыбинскаго, лица городскихъ чиновниковъ, при встрѣчѣ съ нимъ

распѣтали, улыбки ихъ дѣлались 'умильнѣе и поклоны почтительнѣе; а дворяне — благопріатели Рыбинскаго — приходили въ большее и большее негодованіе противъ губернатора и Палѣнова. Карѣевъ разъѣзжалъ по уѣзду и возмущалъ дворянъ: онъ предлагалъ послать губернскому предводителю письмо за общимъ подписомъ, съ требованіемъ вступить за честь напрасно оскорбляемаго, всѣмъ уважаемаго предводителя и довести объ этомъ до свѣдѣнія министра. Письмо это было дѣйствительно написано и послано. Къ этому времени возвратились въ губернской городъ и слѣдователи, съ печальными лицами и съ полнѣйшимъ неуспѣхомъ. Оставалась одна надежда — на показаніе Параша; но когда оно пришло, губернаторъ съ досадою увидѣлъ, что въ немъ нѣтъ ничего, что могло бы служить къ обвиненію Рыбинскаго. Губернскій предводитель сначала не рѣшался исполнить требованіе дворянъ и ограничился только тѣмъ, что заявлялъ его сконфуженному губернатору. Но, по окончаніи слѣдствія, торжествующій Рыбинскій самъ явился къ нему, объявилъ, что онъ посылаетъ жалобу министру на незаконность и оскорбительность дѣйствій губернатора, и требовалъ, чтобы онъ съ своей стороны сдѣлалъ то же, такъ какъ вызываемъ быть къ этому общимъ голосомъ дворянъ. Нерѣшительный и миролюбивый старикъ долженъ былъ уступить и согласиться. Черезъ нѣсколько времени по городу разнесся слухъ, что губернаторъ получалъ изъ Петербурга запросъ по дѣлу Рыбинскаго, а вслѣдъ за тѣмъ строжайшее замѣчаніе за неосмотрительность и незаконность дѣйствій. Рыбинскій сдѣлался героемъ всего губернскаго общества, которое было вообще недовольно губернаторомъ. Къ величайшему неудовольствію послѣдняго, Рыбинскій взялъ отпускъ и нарочно поселился въ губернскомъ городѣ, гдѣ безпрестанно давалъ обѣды и балы, не приглашая на нихъ губернатора и охотно рассказывая при всякомъ случаѣ о его неудачномъ нападеніи. Палѣновъ былъ совершенно уничтоженъ и упалъ духомъ. Онъ замѣчалъ, что большинство дворянъ его оставило, или смѣется надъ нимъ почти въ глаза. Даже партія его единомышленниковъ разстроилась: даже маленькій генералъ замѣтилъ ему, что онъ увлекся; что если бы онъ держалъ Осташкова на приличной отъ себя дистанціи, дѣлалъ бы ему благодѣянія, но не позволялъ бы ему забываться и не принималъ участія во всѣхъ дрязгахъ его жизни, то ничего бы этого не случилось,

— Помилюйте, наше ли съ вами дѣло возиться съ этими народамъ... Всякій долженъ знать свое мѣсто... Ну, нуждается человекъ — дать ему денегъ и то немного... А потомъ ступай вонъ... Вѣдь, вотъ я самъ тоже благодѣтельствовалъ ему, но дальше и ничего... Увлеклись, увлеклись, батюшка... увлеклись до униженія... заключидь генералъ съ важностію.

Палѣновъ чувствовалъ, что даже его собственная партія не считаетъ его болѣе способнымъ быть предводителемъ. Онъ упалъ духомъ до такой степени, что даже не рѣшился ѣхать на выборы, а когда узналъ, что Рыбинскій большимъ числомъ голосовъ избранъ въ губернскіе предводители, даже сдѣлался боленъ отъ бѣшенства, и, выздоровѣвши, объявилъ женѣ, что не можетъ болѣе жить здѣсь и предложилъ переѣхать въ Москву, или Петербургъ. Жена съ радостью согласилась, и черезъ мѣсяцъ послѣ того усадьба Палѣнова опустѣла.

ХІІ.

Никеша, обрадованный сначала приказаніемъ губернатора возвратить отнятый у него хлѣбъ, что полиція тотчасъ и объявила Александру Никитичу, первое время по возвращеніи изъ города съ торжествомъ посматривалъ на домашнихъ и съ важностію рассказывалъ давно всѣмъ извѣстную исторію о его свиданіи съ губернаторомъ. Александръ Никитичъ обѣщалъ исполнить губернаторское приказаніе, возвратить хлѣбъ взятый у Никеша, но объявилъ, что до своей смерти онъ не дастъ Никешѣ земли и что никто его къ этому принудить не можетъ. Никеша храбрился передъ отцомъ и дядей, и семейная вражда возрастала. Прасковья Ѳедоровна торжествовала и безпрестанно твердила Никешѣ:

— А что, Никаноръ Александровичъ, говорила ли я тебѣ, что только держись за господъ—и не будешь оставленъ... А скажи-ка: кто тебя въ эту компанію ввелъ... Не холопка ли свекровь... То-то, мой милый дружокъ, вотъ до чего дошолъ: съ губернаторомъ удостоился говорить, въ комнатахъ у него, въ самомъ кабинетѣ былъ...

Но не смотря на это торжество, въ душѣ Никеша не было покойно. Со страхомъ и трепетомъ думалъ онъ о томъ, что

осмѣлился подать жалобу на такого человѣка, какъ Рыбинскій. Онъ не смѣлъ даже объ этомъ сказать и своимъ домашнимъ и внутренно сѣтовалъ на Палёнова, что онъ ввелъ его въ этокое дѣло.

— Ну, тягались бы между собой, думалъ онъ, а меня-то зачѣмъ въ отвѣтъ поставили... Ужъ Павелъ Петровичъ дойдетъ меня, ужъ я знаю, что дойдетъ... Опять же онъ и благодѣтель мой: Сашеньку взялъ на воспитаніе... Ай, не хорошо дѣло... Никеша боялся даже ѣздить и къ дворянамъ; опасаясь встрѣтиться тамъ съ Рыбинскимъ. Навѣщалъ только одного Палёнова; но каждый разъ замѣчалъ, что Николай Андреичъ становится все мрачнѣе, и съ нимъ какъ будто не такой какъ прежде. Живя въ своихъ Охлопкахъ и никуда не показываясь, онъ не зналъ, что дѣлается въ городѣ и не подозрѣвалъ о слѣдствіи, которое производилось надъ Рыбинскимъ.

Между тѣмъ наставала зима. Никеша зналъ, что приближаются выборы и отправился къ Палёнову напомнить объ его обѣщаніи—попросить о помѣщеніи сына въ гимназію на дворянскій счетъ. Онъ засталъ Палёнова раздраженнымъ до высочайшей степени. Никеша робко поклонился. Палёновъ не обращалъ на него вниманія.

— На выборы не изволите ли собираться? осмѣлился онъ спросить послѣ продолжительнаго молчанія.

— Убирайся, братецъ ты... Не ходи ко мнѣ, не показывай своей рожи, которая только раздражаетъ меня...

— Батюшка, благодѣтель... Простите вы меня: въ чемъ я провинился передъ вами?..

— Пошолъ вонъ, говорятъ тебѣ... закричалъ на него Палёновъ. Я изъ за-тебя, скота, сдѣлался общимъ посмѣшищемъ: мнѣ показаться никуда нельзя по твоей милости... И вздумалъ въ самомъ дѣлѣ принимать участіе въ такихъ скотахъ... На выборы ѣхать... На выборы... Пошолъ вонъ... Не надоѣдай.

Никеша печальный вышелъ и сталъ разспрашивать дворню о причинѣ барскаго гнѣва. Абрамъ Григорьичъ, страдавшій больше всѣхъ отъ этого гнѣва, только ругнулся вмѣсто всякаго отвѣта на вопросъ Никешы. Архистархъ Николаичъ, какъ секретарь своего господина, знавшій въ чемъ дѣло, объяснилъ ему, что Николай Андреичъ вздумалъ было сверзять Рыбинскаго, да смла не взяла, значить комплекціи своей не выдержалъ — и остался

при одномъ стыдѣ... Дворянство все за Рыбинскаго стало, а не за нашего. Вотъ и буйствуютъ...

Никеша, совершенно обезкураженный, воротился домой. Черезъ нѣсколько времени онъ опять пріѣхалъ было къ Палёнову, но его даже и не допустили къ нему, а потомъ онъ узналъ, что Палёновъ уѣхалъ въ Москву, а Рыбинскій выбранъ губернскимъ предводителемъ.

Никеша сунулся было къ нѣкоторымъ прежнимъ своимъ благодѣтелямъ, но всѣ его встрѣчали бранью, укорами и насмѣшками, никто не хотѣлъ слушать его оправданій; о милостяхъ и неоставленіяхъ нечего было и говорить. Пріунылъ бѣдный Осташковъ. Нужда его стала сильно допекать, а на бѣду и Наталья Никитишна все хирѣла съ той самой поры, какъ ее огорчило похищеніе хлѣба.

Никеша подумалъ дѣйствовать черезъ Юлію Васильевну, чтобы она вымолила ему прощеніе у Рыбинскаго. Къ тому же и дѣтокъ надо было провѣдать: надо было пристроить какънибудь Николиньку, который, съ отъѣздомъ Палёнова, остался безъ покровителя, и за квартиру его не было плачено мѣсяца за два. Но въ городѣ Никешу встрѣтило новое неожиданное горе. Съ отъѣзда въ губернской городъ Рыбинскій вдругъ прекратилъ всѣ сношенія съ Кастрицкой: онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы оборвать связь, которая начала тяготить его. Какъ ни ухищрялась Юлія Васильевна, какія ни принимала мѣры, чтобы опять сблизиться съ Рыбинскимъ, ничто не удавалось. Ни письма, ни личный пріѣздъ въ губернской городъ, ничто не помогло. Съ отчаяніемъ увидѣла Юлія Васильевна, что она оставлена. И снова нужда поселилась въ ея роскошную квартиру и снова начались ссоры и взаимные упреки между ею и мужемъ. Сашенька уже становилась въ тягость. Ею не только не занимались, она была въ загонѣ, и проводила все время въ дѣвчей съ Уляшкой, обносилась, оборвалась, не смѣла входить къ постоянно сердитой мамашѣ, часто даже обѣдала въ дѣвчей и не разъ получала тукманки отъ Маши. Уляшка объяснила ей, что вся эта перемѣна произошла отъ того, что пока барыня любила съ Павломъ Петровичемъ, такъ всего у нихъ было много, была она и весела, и добра; а теперь разлюбилъ ее Павелъ Петровичъ — и ничего у нея не стало, и сама сдѣлалась такая неселая, да сердитая.

Юлія Васильевна не захотѣла и видѣть Осташкова, а его позвалъ къ себѣ Иванъ Михайлычъ и, пьяный, грубо объявилъ ему, чтобы онъ бралъ дочь назадъ, что онъ ужъ хотѣлъ было отослать ему ее, да кстати самъ пріѣхалъ, что она надоѣла ему и женѣ, и они не могутъ больше ее воспитывать.

Залился было Никеша слезами, упалъ на колѣни, хотѣлъ просить, но Иванъ Михайлычъ вытолкалъ его вонъ, повторивши, чтобы онъ увезъ дочь и погрозивъ ему въ противномъ случаѣ просто вытолкнуть ее на морозъ. Саша обрадовалась отцу и бросилась къ нему на шею, но онъ сурово оттолкнулъ ее отъ себя и съ грустью замѣтилъ, что Сашенька не была уже нарядная барышня, какъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Онъ послалъ дочь къ Юліи Васильевнѣ проститься, надѣясь, что авось либо она скажится надъ ребенкомъ. Юлія Васильевна допустила къ себѣ названную дочку, обняла ее, поплакала надъ ея головою, вспомя, что она была свидѣтельницею ея счастливыхъ дней, но когда Саша тоже заплакала, велѣла ей уйти и собираться вѣтъ съ отцомъ. Осташкова видѣть не согласилась, но велѣла Машѣ отдать Сашенькѣ всѣ ея платья, и прибавила ей еще два своихъ старыхъ теплыхъ капота.

Николиньку Осташковъ нашолъ не въ училищѣ, а на базарѣ, торгующаго калачами. Мѣщанка калачница, къ которой онъ отланъ былъ на квартиру, цѣлыхъ два мѣсяца не получая за него никакой платы, сначала не знала что съ нимъ дѣлать, а наконецъ надумала употреблять его для собственныхъ послугъ. Цѣлый мѣсяцъ уже онъ не ходилъ въ училище: хозяйка нашла, что ему нечего попусту шлаться туда, коли и денегъ за него не платять, видно не по его рыму наука; а смотритель училища, который сначала былъ очень внимателенъ къ нему, со времени паденія Палѣнова счелъ себя освобожденнымъ отъ обязанности заботиться о Николинькѣ. Толкнулся было Никеша къ смотрителю съ жалобой на хозяйку, но онъ съ важностію объявилъ, что это не его дѣло, а что онъ съ своей стороны даже не хочетъ и имѣть въ училищѣ такого мальчика, за котораго не платять деньги на квартирѣ, и который, будучи благороднаго происхожденія, торговалъ на базарѣ калачами.

— Онъ у меня сидѣлъ на одной лавкѣ съ благородными дѣтьми, которыя видять у себя дома одни хорошіе примѣры...

сказалъ онъ. Какъ же я пуцую къ нимъ мальчишку, который шляется по базарамъ, насмотрѣлся и наслушался тамъ Богъ знаетъ чего... У меня благородныя дѣти отдѣлемы отъ прочихъ, они составляютъ свою компанію, вашъ былъ съ ними, и теперь общество его можетъ быть для нихъ заразительно... Да и опять же я вижу — вамъ нечѣмъ его содержать... Нѣтъ, извольте, извольте его взять отъ меня... Я его исключаю изъ числа.

Усадивши ребятишекъ въ сани и оплакивая свою горькую долю, потащился Никеша домой. Смирно сидѣли дѣти въ санихъ, прижавшись другъ къ другу, радуясь свиданію послѣ долгой разлуки, довольные, что возвращаются домой, и молча поглядывали другъ на друга, не смѣя говорить, чтобы не рассердить мрачнаго и унылаго отца, который изрѣдка обращался къ нимъ съ бранью, какъ будто они были въ чемъ виноваты.

— Вотъ опять нахлѣбники, опять васъ корми, ворчалъ Никеша, сердито взглядывая на дѣтей.

Неожиданное возвращеніе дѣтей обрадовало въ первую минуту мать и бабушекъ, но Никеша крупнымъ словомъ оборвалъ эту радость и горькія слезы смѣнили ее, когда Никеша объяснилъ причину возвращенія.

— Что я теперь буду дѣлать... Куда я дѣнусь... Чѣмъ мнѣ кормить этукую ораву?.. говорилъ Никеша въ мрачномъ отчаяніи.—Благодѣтелей я потерялъ, землю у меня отняли... Что мнѣ дѣлать теперь?.. Куда голову приклонить?.. Съ голоду помремъ теперь... И вся семья, молча, уныло, притаивъ дыханіе, слушала эти страшныя слова. Скоро другая семья Осташковыхъ узнала о бѣдахъ, постигшихъ Никешу; но ничье сердце не тронулось его несчастіемъ. И въ той избѣ было не радостнѣй... Иванъ спился съ кругу, въ компаніи Харлампія Никитича, и началъ воровать отъ отца, закладывать одѣжу... Харлампій Никитичъ, правда, умъ не буйствовалъ по прежнему... Александръ Никитичъ узналъ нанонечъ, что пенсіонъ брата такъ ничтоженъ, что его, пожалуй, не станетъ ему и на водку, и подъ часъ огрызался на брата... Надежда получить должность кончилась тѣмъ, что Рыбинскій выгналъ отъ себя Харлампія Никитича, когда онъ вновь явился къ нему пьяный, съ просьбой объ опредѣленіи... Онъ былъ уже въ то время губернскимъ предводителемъ, и пріѣзжалъ на недѣлю въ свою усадьбу.

— Пьяницамъ у меня нѣтъ мѣста, сказалъ онъ. Подите вонъ... Какъ вы не умѣли понять, что я шутилъ, общая рекомендовать васъ дворянамъ...

Послѣ этого случая и Иванъ потерялъ къ дядѣ всякое уваженіе, такъ что иногда даже, подъ пьяную руку, колачивалъ его.

Несчастіе Никеша не только не трогало, но даже утѣшало его родныхъ.

— Пускай помирится, говорилъ Александръ Никитичъ. Больно ужъ зазнался... За непочтеніе къ отцу Богъ наказываетъ... Пускай-ка попробуетъ съ холопками-то своими, каково своей спиной хлѣбъ зарабатывать...

— Да что ему, батюшка, тужить-то: у него свекровь богата... Прокормить... поддерживалъ его Иванъ. А встрѣчаясь съ братомъ, иногда даже поддразнивалъ его: что каковъ господскій-то хлѣбъ?.. Теперь у кого на хлѣбахъ?.. Свекровь, холопка, что ли кормить?.. Никеша обыкновенно ничего не отвѣчалъ и проходилъ молча, отворачиваясь отъ брата. Иванъ провожалъ его нахальнымъ смѣхомъ.

Правду, видно, говоритъ пословица, что бѣда бѣду родить. Всѣ несчастія Никеша окончательно сломали послѣднюю его надежду, его неутомимую работницу, Наталью Никитишну: она потеряла всякую силу, стала неспособна ни на какую работу, сохла и чахла. Вмѣсто прежней неутомимой, заботливой, всегда веселой работницы, лежала на печи сухая, сгорбленная старушонка, и только кашлемъ, оханьемъ да стономъ напоминала о своемъ существованіи, которое становилось въ тягость и ей самой и окружающимъ...

Прасковья Федоровна также измѣнилась: куда дѣвался умъ и разсудительность... Она уже не только не смѣла наставлять Никешу на-разумъ, но боялась его... Отдавала послѣднія крохи, чтобы поддержать семью, но этихъ крохъ у ней у самой уже было немного, и едва ставало на собственное пропитанье...

Никеша не сдѣлался ретивымъ и заботливымъ человекомъ, послѣ всѣхъ передрагъ, которыя послала ему судьба: онъ не исправилъ его отъ лѣни и бездѣйствія, къ которымъ приучила его жизнь съ благодѣтелями. Онъ не терялъ надежды вновь приобрести расположеніе старыхъ или найти новыхъ милостивцевъ,

и то и дѣло шляется то въ ту, то въ другую господскую усадьбу, прося подаянія... А между тѣмъ нищета наложила свою тяжолую руку на его несчастную семью...

АЛЕКСѢЙ ПОТЪХИНЪ.

СКАЗАНІЯ УРАЛЬСКІХЪ КАЗАКОВЪ.

Х.

Колдуны и заговорщики.

— Да что объ этомъ толковать, — сказалъ собесѣдникъ мой послѣ того, какъ кончилъ разсказъ объ опивицахъ. — Толкуй, не толкуй, а дѣлю извѣстное, да переизвѣстное, что окаянныя уловляютъ человѣческія души. А есть такіе, братецъ мой, молодцы, заговорилъ старикъ, кои сами, своей доброй волей, закабаливаютъ душу свою дьяволамъ.

— Кто же это? спросилъ я.

— Будто не знаешь? — сказалъ старикъ. — Всѣ колдуны и колдуныи, всѣ воржецы и ворожейки, всѣ, значить, люди съ *прибылю*. Примѣрно, въ сей жизни воржець чертями повелѣваетъ, какъ халуями, что прикажетъ, то и дѣлаютъ; а въ будущей жизни, то-ись, на томъ свѣтѣ, черти воржецомъ повелѣваютъ, какъ халуемъ, помыкаютъ имъ, какъ вздумается. Таковъ, значить, порядокъ заведенъ, — безъ этого, значить, ни одинъ дьяволъ не пойдетъ въ услуженіе человѣку.

— Вотъ что для меня диво, говорилъ старикъ далѣе: какъ человѣкъ изъ мірскихъ, изъ тлѣнныхъ выгодъ соглашается закабалить душу свою чорту на вѣчныя, безконечныя времена. Не диво, еслибъ только мужики это дѣлали, потому что люди они обиженные судьбой, въ дерюгѣ да въ лаптяхъ ходятъ... Нѣтъ! И изъ нашего брата бывали и бывають такіе молодцы и молодцыи, кои съ дьяволомъ якшаются. — Что касается насчетъ много прочаго — нельзя хвалиться; а что касается насчетъ пищи и одежды, слава Богу, супротивъ мужицкой, жисть наша не въ

примѣръ лучше. А все-таки и изъ нашей братьи, скажу тебѣ, были и бываютъ такіе доки, что съ нечистой силой знаютъ. А изъ-за чего? спрашиваю. Изъ-за того, батинька, чтобы гордость свою потѣшить, чтобы, знаешь, въ чести быть и поклонны принимать. О, гордость, гордость! Ты много добрыхъ людей погубила!

— Недалеко ходить за примѣромъ, продолжалъ раскащикъ, въ К—вѣ и теперь живетъ старикъ С...въ: не хорошъ человекъ! Когда-то я знакомъ съ нимъ былъ, да раззнакомился: не хорошъ человекъ!—еще разъ замѣтилъ старикъ и презрительно покачалъ головой.—Онъ когда-то по свальбамъ ходилъ дружкой. Теперь не ходитъ: старость одолѣла. А все-таки кормовъ своихъ не роняетъ, гордость свою спотѣшаетъ. И теперь ни одна свадьба въ томъ форпостѣ, гдѣ живетъ, или по близности, не обойдется, чтобы не пришли къ нему на поклонъ и не сдѣлали честь. Нельзя обойтись, боязно, какъ бы худа какого иль-бо насмѣшки какой надъ молодыми не сдѣлалъ... бывали приѣзды. А наследовалъ онъ это художество, люди говорятъ, отъ г—вскаго старика Кораблева. Тотъ давно ужъ умеръ.

— Между разными штуками, С... въ ружья умѣетъ заговаривать, продолжалъ раскащикъ. Годовъ тридцать тому назадъ, разъ трафилось мнѣ ѣхать съ нимъ въ однѣхъ саняхъ. Дѣло было въ ростополь, только что стала появляться птица. Ёдемъ мы луговой дорогой и встрѣчаемъ стаю дикихъ гусей; сидятъ въ сторонѣ на лужицѣ, близехонько: непуганые, значить. Со мной было ружье. Схватилъ я ружье, прицѣлился и... чикъ! Опять взвелъ курокъ, и опять: чикъ! Опять взвелъ, и опять: чикъ! — Что за безлядь? думаю. — Ружье у меня было славное, снасть исправная, огненная, осѣчки никогда не давала. Смотрю на С...ва, а тотъ, шельмецъ, смѣется. Тутъ я и вспомнилъ, что люди про него говорили; а говорили, что онъ съ прибыльшой и что умѣетъ ружья заговаривать; да я, признаться, мало этому вѣрилъ—молодъ былъ; думалъ: гдѣ-жь С...ву научиться? въ Расен иль-бо въ другияхъ странахъ не бывалъ.—Смотрю я на С...ва, хочу его спросить, а онъ, не говоря ни слова, взявъ изъ рукъ у меня ружье, повернулъ въ своихъ рукахъ разъ-два, поненталь что-то, дунулъ и отдалъ мнѣ назадъ, сказалъ: — «Теперь иди!» Я прицѣлился и—пафъ! Трехъ гусей срѣзалъ.

— Мнѣ довольно только услышать ружейный выстрѣлъ, говоритъ мнѣ С...въ, когда мы поѣхали съ нимъ дальше, — и я,

говорить, съумѣю сдѣлать, что хозяинъ ружья придетъ ко мнѣ съ поклоненіемъ.

— Я, признаться, не очень повѣрилъ этому, то-есть, чтобъ можно заочно заговаривать ружья; слушаю С...ва и думаю: «хвалишься, подлець!» А онъ узналъ мои мысли и промолчалъ. Хорошо. Приѣхали въ нашу форпостъ, я остался дома, а С...въ нашолъ попутчиковъ и поѣхалъ къ себѣ на форпостъ.— Недѣли черезъ три, когда сошолъ снѣгъ, я поѣхалъ въ степь подъ сайгаковъ. Нашолъ сайгаковъ, поползъ, подползъ; хватъ за ружье— ахъ, съ позволенія сказать: дыра въ сорти: снасти у ружья нѣтъ! Поползъ назадъ, нашолъ снасть, привинтилъ крѣпко-накрѣпко— шурупы были исправные. Опять ползу, опять подползъ къ звѣрю, хочу стрѣлать— а снасти опять нѣтъ! Опять назадъ за снастью, опять привинтилъ, пробую рукой: крѣпко, не отдерешь. Опять ползу, а самъ на снасть смотрю: тутъ. Но какъ-то засмотрѣлся на сайгаковъ, отвелъ на минуту глаза отъ снасти, потомъ взглянулъ— а ее опять нѣтъ! Тутъ и вспомнилъ похвальбу С...ва, и прямо со стени драга въ К—въ. Подъѣзжаю къ дому С...ва. С...въ сидитъ на завалинѣ и вяжетъ узлы на пряжѣ.

— Дядя Сидоръ! говорю ему, не слѣзая съ лошади.— Не ты ли вопутилъ? Пожалуйста, говорю, оставь шутки...

— Гдѣ-съ-та намъ!.. говорить С...въ, а самъ ухмыляется.— Мы, подлецы, только хвалимся...

— Это, сударь мой, онъ мнѣ колетъ глаза тѣмъ, что я про него въ умѣ своемъ подумалъ, замѣтилъ расказчикъ.— Каковъ молодецъ, а? Воржець, какъ есть воржець! Однако, продолжалъ расказчикъ, поломался, поломался и сдался. Взялъ изъ рукъ у меня ружье, повернулъ раза два въ своихъ рукахъ, пощелгалъ и дунулъ, отдалъ мнѣ назадъ и сказалъ:— «Ступай— поѣзжай! все будетъ въ порядкѣ.»

— И впрямь стало такъ, сказалъ старикъ: и снасть держалась, и осѣтки не было.— Однако съ той поры, прибавилъ мой собесѣдникъ, я сталъ обѣгать С...ва и дондѣсь обѣгаю, шутъ съ нимъ.

— А разъ родителю моему трапилось встрѣтиться съ однимъ воржецомъ, продолжалъ расказчикъ.— Тотъ былъ не изъ нашихъ, а изъ иногороднихъ, мельникомъ на чьей-то мельницѣ жалъ, выше Уральска, на р. Чаганѣ. Родитель мой въ ту пору былъ въ подвасткахъ у настуховъ войскового конскаго табуна,

и часто наѣзжалъ на мельницу. У мельника было ружье отменно хорошее, цѣльное, не то турка, не то винтовка, родитель запомовалъ. Бывало, какъ ни пойдетъ мельникъ на охоту, на сайгаковъ-ли, на тудаковъ ли, все равно, такъ цѣлый везъ и набысть; ни разу, бывало, не дастъ промаха ни по звѣрю, ни по птицѣ, а билъ, сударь мой, издалика, чуть глазъ бралъ. Родитель мой позарился на это ружье и присталъ къ мельнику: «продай» да «продай!» Мельникъ сначала отпѣкивался, а напоследокъ, чтобы, видно, отвязаться отъ родителя, и говоритъ ему:

— Пожалуй, продамъ, но только съ уговоромъ, чтобы ты взялъ *все, что при ружьѣ есть*; а безъ этого, говорить, и продать не могу ни за какія деньги. Согласенъ? спрашиваетъ мельникъ моего родителя.

— Родитель обрадовался,—думаетъ: чтожъ при ружьѣ? Знаю, порховница, дробинца и прочее такое. Хорошо. Сталъ торговать. Но мельникъ говорить:

— Ступай сначала на охоту, попробуй на звѣрѣ или-бо на птицѣ, а потомъ ужъ, есть-когда ружье понравится, будешь торговаться.

— Хорошо. Взялъ родитель мой у мельника ружье и пошелъ въ степь;—увидаль сайгака, подползъ къ нему и прицѣлился. Родитель цѣлитъ и чудо видитъ: какой-то безобразный мужикъ держитъ сайгака за рога и подставляетъ его бокомъ подъ ружье! Родитель опустилъ ружье, взглянулъ просто на сайгака, обоими, значить, глазами: мужика нѣтъ, сайгакъ одинъ. Родитель опять прицѣлился—и опять видитъ ту же оказію: безобразный мужикъ держитъ сайгака за рога и подворачиваетъ его подъ выстрѣлъ!.. Это былъ шишига! пояснилъ разскащикъ. Это-то и *есть то самое, что при ружьѣ*.—Родитель мой, знамо дѣло, перепугался, перекрестился и въ ту-жъ минуту побѣжалъ на мельницу и бросилъ мельнику ружье. Мельникъ смѣется и спрашиваетъ родителя:

— Ну, что? Согласенъ купить съ тѣмъ, что при ружьѣ есть?

— Родитель, знамо дѣло, покачалъ головой: не хочу-де! а потомъ, немного погодя, вышелъ изъ избы, сѣлъ на лошада и ускакалъ въ табунъ. Съ той поры родитель ни ногой на мельницу, сказалъ старикъ; а потомъ, немного спустя, заговорилъ:

— А то еще я самъ видѣлъ одного старика, изъ нашихъ казаковъ, и тотъ разсказалъ мнѣ диковинную вещь про себя. Съ

ннѣ была вотъ какая исторія.—Во младости своей онъ несчастливъ былъ въ багреньи, во всю жизнь ни разу, что называется, не обрыбился, и не зналъ, не понималъ, какъ ловятъ багоромъ бѣлугъ, осетровъ и прочее. Сначала люди, кое-кто изъ сусѣдей, принимали его въ артель, потому, думали, что «не всѣде ловцы, а есть и богомольцы», а напоследокъ, какъ ледащаго баграчей, совсѣмъ забраковали и не стали принимать въ артель. Казакъ и самъ не сталъ напрашиваться — совѣстно было ни брать задаромъ—и совсѣмъ пересталъ ѣздить на багренье, и все багрейское заведение бросилъ, а завелъ у себя въ домѣ постоянный дворъ.—Разъ передъ багреньемъ сталъ къ нему на фатеру пріѣзжій купецъ, что пріѣхалъ рыбу закупать. Извѣстно, въ городѣ нашемъ въ то время бываетъ шумъ, гамъ, бѣготня, суета; а нашъ казакъ и усомъ не ведеть, сидитъ себѣ дома, сложа руки. Купецъ и спрашиваетъ его:

— Чтожь ты-то, хозяинъ, не собираешься на багренье? али нездоровъ?

— Нѣтъ, говоритъ казакъ, здоровъ-то я здоровъ, благодареніе Господу-Богу; да удачи въ ловлѣ мнѣ нѣтъ; я, говоритъ, и заведеніе баграчейское бросилъ.

— Гмъ! сказалъ купецъ.—А хочешь, говоритъ купецъ казакъ, — хочешь, я сдѣлаю тебѣ, что ты будешь первый ловець, первый баграчей въ войскѣ?

— Какъ не хотѣть! говоритъ казакъ.—Только можно ли?

— Коли говорю, стало быть можно, говоритъ купецъ.—Ступай на базаръ, говоритъ купецъ казакъ, купи багоръ, пряжи, навязъ и два-три багровища. Я, говоритъ, началю тебѣ багорчикъ, и ты будешь въ добычѣ.

Казакъ сходилъ на базаръ и купилъ багоръ, пряжи, навязъ и два багровища. Купецъ началъ багоръ, отдалъ казакъ и сказалъ:

— Поѣзжай на багренье, и будешь въ заловѣ. Только слушай, казачокъ, говоритъ купецъ, когда вернешься съ багренья, багоръ не расчаливай, а храни его въ такомъ видѣ до будущаго багренья. И послѣ будущаго багренья не расчаливай. Одно слово, говоритъ купецъ, держи его въ такомъ видѣ какъ отъ меня получишь — и всегда будешь въ заловѣ.

Хорошо. Казакъ отправился на багренье и точно наловилъ рыбы бездну. На другой годъ поѣхалъ и наловилъ еще больше, на третій,—еще больше, и все однимъ багорчикомъ, все тѣмъ

же, что купецъ началъ. Вошолъ казакъ въ славу, какъ первѣйшій баграчей. Тогда ужь неточію свой братъ, казаки, а и чиновники, въ перебой другъ передъ дружкой, стали присуглашать его къ себѣ въ артель. Казакъ зазнался, въ артель ни къ кому не ходитъ и къ себѣ не принимаетъ, а ѣздитъ на багреньи одинъ съ работникомъ. Ладно. Прошло сколько-то лѣтъ обнаковеннымъ порядкомъ; у казака все одинъ и тотъ же багорчикъ; казакъ пуще глазу бережетъ его, чтобы не испортился. Разъ, на одномъ багреньи, стоитъ казакъ у проруби и таскаетъ что ни лучшихъ, отборныхъ осетровъ, кругомъ обклатся ими. Подходить къ казаку какой-то купецъ и говорить:

— Что, казачокъ, рыбку, знать, ловишь?

— Рыбку! говоритъ казакъ.

— Осетриковъ? говоритъ купецъ.

— Осетриковъ! говоритъ казакъ.

— Проздравляю! говоритъ купецъ.

— Покорнѣйше благодаримъ! говоритъ казакъ.

— Продай! говоритъ купецъ.

— Изволь! говоритъ казакъ. Съ нашимъ большимъ удовольствіемъ.

— Почему за штуку? спрашиваетъ купецъ.

— По семидесяти-по-пяти рублей! говоритъ казакъ.

— Не мало-ли, казачокъ? говоритъ купецъ, а самъ смѣется. — Ты взглядишь-ка хорошенько въ своихъ осетриковъ, говоритъ купецъ: вѣдь гостинишные!..

Казакъ взглянулъ на осетровъ и ужасился! Замѣстъ осетровъ лежатъ на льду, внизъ брюхомъ, *музыка*, сударь мой, въ синихъ чапанахъ и красныхъ подпояскахъ.

— Пошли по своимъ мѣстамъ! цыкнулъ купецъ на мужиковъ.

И тѣ нехотя — нехотя поползли къ проруби и нырнули въ воду. Казакъ отъ ужаса и руки опустилъ, и багорчикъ выронилъ, и пошолъ багорчикъ подъ ледъ.

— Понимаешь-ли, въ чемъ дѣло? спрашиваетъ купецъ казака.

Казаку гдѣ понимать, казакъ только головой качаетъ и руками разводитъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ, говоритъ купецъ. — Вижу, багорчикъ началъ тебѣ такой же дока, каковъ, къ примѣру, и я. На этотъ багорчикъ настоящая рыба не шла, а шли, съ позволенія сказать, шниги въ видѣ осетриковъ. Ты видѣлъ, каковы эти осетки — нарѣднѣе, въ синихъ чапанахъ и въ красныхъ под-

пояскахъ. — Тебѣ, конечно, нипочемъ, говоритъ купецъ; взялъ денежки—да и къ сторонѣ. А каково было купцамъ, кои твоихъ осетриковъ покупали, а? спрашиваетъ купецъ. — Чай, не одинъ купецъ раззорился, покупаячи твоихъ осетриковъ, говоритъ купецъ. — Къ примѣру, осетриковъ твоихъ купятъ, сложатъ въ воза и повезутъ въ Русь, а осетрики, одинъ по одному, всѣ въ дорогѣ повылѣзаютъ изъ возовъ и уйдутъ во-свояси, чтобы на другое время опять идти къ тебѣ на багорчикъ: купцамъ же отъ этого подвоха, понимаешь, великій раззоръ. Въ прошломъ году, говоритъ купецъ, у моего прикащика цѣлый обозъ разбѣжался твоихъ осетриковъ; не точію до Москвы, а и до Сызрани ни одного не довели. Я догадался, въ чемъ дѣло, и вотъ нарочно прѣхалъ къ вамъ на багренье, чтобы пугнуть твоихъ осетриковъ, и чтобы они не вязывались не въ свое дѣло. Впередъ, говоритъ купецъ казаку, такимъ промысломъ не занимайся и чужимъ, навороженнымъ багорчикомъ не багръ, а багръ своимъ, простымъ. Хоша барыша будетъ и мало, по крайности грѣха на душу не примешь, никого, значить, въ убытокъ не введешь. — Прощай, почтенный! сказалъ купецъ казаку и отошолъ прочь.

— Вотъ, видишь ли, какіе есть на вольномъ свѣтѣ дошлые люди—чертями, словно халуями, повелѣваютъ! замѣтилъ разскащикъ; а потомъ, немного погодя, прибавилъ:

— Только изъ нихъ всякіе есть: иные употребляютъ чертей на дѣла вредныя людямъ, а иные на дѣла полезныя. Къ примѣру, я тебѣ напередъ сказывалъ про Ермака Тимоѣевича, что онъ въ такихъ случаяхъ, когда не доставало у него войска, выставлялъ противъ непріятеля шишиговъ. Какъ бы не погрѣшнить, а я, признаться, хвалю Ермака за это,—молодецъ! Вѣдь, какъ ни разсуждай, а все-таки онъ дѣлалъ на пользу Руси. И между нашими казаками въ старину бывали такіе воины, кои въ страженіяхъ подпускали чортиковъ. Къ примѣру, у насъ есть *Разбойная Старица*: Отчего она такъ названа—знаешь ли? Гдѣ тебѣ знать, а мы знаемъ. Разбойной она названа, сударь мой, оттого, что тутъ казаки наши киргизовъ *разбили*, а разбили казаки киргизовъ вотъ по какому побыту. Слушай-ка!

И старикъ началъ:

— Въ-старину, когда по Янку не были еще построены наши форпосты, часто орда перелазила черезъ Янкъ и ходила на Волгу грабить русскихъ. Разъ киргизы, большимъ собраньемъ, человекъ тысячи въ полторы, перелѣзли черезъ Янкъ и пошли

къ Волгѣ. Въ городѣ нашемъ узнали объ этомъ и выслали супротивъ орды команду казаковъ, человекъ съ двѣсти. Походнымъ атаманомъ былъ какой-то Желѣзновъ, може, родичъ твой, замѣтилъ разскащикъ. Команда наша опоздала. Орда шла уже съ Волги и переправлялась за Яикъ. Казаки застали на переправѣ только хвостикъ киргизовъ, и кой-кого изъ непріятелей убили, кой-кого въ полонъ взяли, а главная сила бусурмановъ была уже за Яикомъ, на той, значить, сторонѣ. Казаки погорячились, хотѣли броситься за Яикъ, чтобы хорошенько пощипать киргизовъ и отучить ихъ отъ такихъ пакостей: но атаманъ удержалъ.

— Стой здѣсь, ребята! говоритъ атаманъ. Непрѣтель самъ къ намъ вернется. Только бейте хорошенько!

И точь-въ-точь случилось такъ, какъ атаманъ сказалъ.—Киргизы покружились, покружились на томъ берегу, поаллакали, поаллакали, и, словно бараны, бросились въ Яикъ и поплыли на этотъ берегъ. Казаки только принимаютъ ихъ на этомъ берегу и колотятъ, кто чѣмъ: кто колетъ пикой, кто рубитъ топоромъ, кто лупитъ дубиной,—почти всѣхъ поколотили; самая малость осталась въ-живѣ; казаки взяли ихъ въ полонъ и повели въ городъ. Казаки дивуются и спрашиваютъ плѣнниковъ, зачѣмъ они вернулись назадъ и сами дались имъ въ руки.

— Зачѣмъ? говорятъ плѣнники. Крайность заставила! Вся на этой сторонѣ, видимъ, горсточка, а на той сторонѣ—сила несмѣтная! Вся степь покрыта казачьими полками и съ пушками! Мы по неволѣ и бросились на сю сторону.

— А на той сторонѣ ни души не было русской; замѣтилъ разскащикъ.—Чтожь та за сила несмѣтная, коя испугала киргизовъ? Знамо, какая: атаманъ, между нами будь сказано, былъ съ прибылью и выставилъ, значить, супротивъ киргизовъ своихъ подчиненныхъ, то-исъ, шишиговъ! Молодецъ! Нельзя же похвалить, заключилъ старикъ.

— А вотъ еще насчетъ заговоровъ расскажу тебѣ, сказалъ, не много погодя, мой собесѣдникъ.—Давеча я рассказывалъ тебѣ про старика С....ва, что ружья заговариваетъ. Этакихъ людей, каковъ, къ-примѣру, нашъ С....въ, не мало на вольномъ свѣтѣ,— а есть, сударь мой, и такіе, кои себя заговариваютъ отъ ружей, отъ сабель и ото всякаго оружья.—Говорятъ, что есть такіа секретныя молитвы, кои спасаютъ человека отъ пугъ и отъ прочаго; примѣрно, Богородицынъ Сонъ и прочее такое.

Молитвы молитвами—противъ этого ничего нельзя сказать; однако и отъ дьявола бываетъ — и противъ этого ничего нельзя сказать. Къ-пришѣру, башкирину или бокиргизинину—гдѣ знать христіанскія молитвы,—а бывали случаи, что и басурианы, насчетъ этой статьи, пускали нашему брату пыль въ глаза.

— Въ старые годы, когда башкирцы вольничали и часто подъ нашъ городъ подступали, было страженіе у нашихъ казаковъ съ башкирцами на *Горкахъ*, выше Уральска, гдѣ *Семнычевъ Ерикъ*. Въ этомъ страженіи одинъ башкирецъ много пакостилъ казакамъ; подбѣжить къ нашимъ вплоть—и пустить стрѣлу; убить хоша и не убьетъ, а когонибудь безпрестанно ранить. Наши бьютъ въ башкирца изъ ружей—и не убьютъ. Сначала думали, что на башкирцѣ панцырь, а какъ взглянулись хорошенько, увидѣли, что панцыря нѣтъ; даже грудь у разбойника открыта, обросла волосами. Наши видятъ, какъ пули ударяютъ въ грудь башкирца—и отскакиваютъ, словно горохъ отъ стѣны; а башкирецъ только зубы скалитъ и ругается. Тогда одинъ казакъ догадался, снялъ съ шеи у себя крестъ, снялъ его въ зубахъ и запустилъ въ ружье, замѣстъ пули; дождался, какъ башкирецъ налетѣлъ на него, и—выстрѣлилъ: башкирецъ съ копытъ долой! куда и заговоръ пошолъ. Значить, сила нечистая супротивъ силы Божеской стоять не можетъ.

— Ато еще разъ на Каспикомъ морѣ случилась диковинная вещь, продолжалъ разсказчикъ. Я отъ астраханскаго рыбопромышленника слышалъ. Взяли трухменцы въ полонъ судно съ астраханскими ловцами. На суднѣ только и были три человѣка: одинъ русскій и два калмычина. Трухменцевъ было человѣкъ пятнадцать. Заполонивши судно, трухменцы оставались еще въ морѣ, выжидали, значить, еще добычи. Лодочку свою разбойники привязали къ судну, а сами все забрались на судно. Сначала строгій караулъ держали надъ русскимъ и надъ калмыками, связанными ихъ содержали, а напоследокъ освободили;—думали, видно—что-де трое могутъ сдѣлать супротивъ пятнадцати человѣкъ. Ладно. Въ одинъ жаркій день, трухменцы все забрались въ трюмъ, а на палубѣ оставили только двоихъ караульщиковъ, смотрѣть за судномъ и наблюдать за плѣнниками. Плѣнники давно сговорились какъ бы избавиться отъ разбойниковъ;—добыли и топоръ. Этотъ случай показался имъ самымъ удобнымъ, и они рѣшились приступить къ дѣлу. Топоръ взялъ русскій, и легъ на палубѣ у трюма, будто спитъ; а калмыки подѣли

къ караульщикамъ, одинъ на носу, а другой на кормѣ. Слово за слово, калмыки и разговорились съ караульными трухменцами; тѣ зазѣвались, — калмыки и швырнули ихъ за бортъ. Одинъ калмычниниъ ловко швырнулъ трухменца, и слѣда не оставилъ; а другой не спопашелся и самъ съ трухменцемъ полетѣлъ за бортъ. Стали калмычниниъ и трухменецъ въ водѣ барахтаться; другой калмычниниъ сталъ помочь подавать товарищу, бросилъ ему веревку съ палубы. Сдѣлался шумъ, крикъ. Въ трюмѣ трухменцы услыхали, и бросились—было вонъ; но русскій показалъ топоръ, — трухменцы назадъ. Не много погода, одинъ изъ трухменцевъ, мущина толстый, мужественный, прямо полѣзъ по лѣстницѣ изъ трюма; но русскій хватъ трухменца по головѣ топоромъ, разсѣкъ черепъ до половины. Трухменецъ полетѣлъ внизъ, но тотчасъ же оправился и опять полѣзъ; а у самого, у бестія, ни кровинки изъ головы—вотъ что дивно!—Русскій еще разъ огрѣлъ трухменца топоромъ, разсѣкъ голову до челюстей, и раздвоилась голова словно арбузъ, — а крови опять-таки нѣтъ, — хоть-бы одна капелька, — вотъ оно чудо-то! Русскій въ третій разъ ударилъ: голова у трухменца совсѣмъ раздвоилась, одна половина повисла на плечо, а другая на другое, — а крови—таки нѣтъ, хоть-бы одна капелька, — вотъ оно чудо-то, такъ чудо! А трухменецъ все лѣзетъ вонъ, одной рукой по лѣстницѣ цѣпляется, а другой сжимаетъ разрубленную голову. Одно слово — чудо! Русскій обробѣлъ, хотѣлъ-было съ отчаянія броситься за бортъ, да калмычниниъ выручилъ; человекъ, видно, былъ тоже дошлый. Самъ держитъ товарища на веревкѣ, а самъ кричитъ русскому: «Руби своя рука! руби своя нога! руби чево нибудь своя! пушай скорѣй своя кровь!» Русскій догадался, и въ мигъ отсѣкъ на рукѣ своей кончикъ мизинца. Знаю, у русскаго тотчасъ изъ руки брызнула кровь. Въ этотъ же мигъ и у трухменца хлынула изъ башки кровь. Трухменецъ полетѣлъ въ трюмъ и околѣлъ!

— Вотъ какіе дошлые люди бываютъ на вольномъ свѣтѣ, а все отъ дьявола!—сказалъ старикъ; а потомъ, немного погода, прибавилъ:

— Забылъ я сказать тебѣ о воржецахъ еще вотъ что. Есть-когда воржець передъ смертію сдаетъ свое художество другому-кому желающему, то тѣло его лежитъ въ землѣ спокойно и гниетъ; а есть-когда не сдаетъ, то тѣло его не гниетъ, и въ тѣло его вселяется дьяволъ и является людямъ и страшаетъ,

Такія оказіи бывали въ нашихъ мѣстахъ не рѣдко. Одно, бывало, спасеніе отъ такихъ воржецовъ — основый колъ. А осина, извѣстно, какое древо: на немъ хриstopродавецъ—Иуда удавился. Разроютъ, бывало, могилу баловника—воржеца, и пригвоздятъ его основнымъ коломъ,—ну, и шабашъ! всякія шалости прекратятся. Расскажу я тебѣ одну такую исторію, — очень забавная. Слушай-ка!

И съ этимъ словомъ старикъ началъ:

— Былъ-жилъ межъ нашими казаками одинъ забуддыга, то-есть, пьяница отъ всего свѣта. Какъ его имя и какъ прозывается—не знаю, да, вѣроятно, и въ ту пору, когда онъ жилъ, врядъ ли кто изъ нашихъ зналъ,—никому не нужно. Всѣмъ издана онъ былъ извѣстенъ подъ однимъ прозваньемъ: *Логиничъ*. Сказано, пьяница былъ горькій, да еще съ придурцой, а можетъ, и не былъ съ придурцой,—можетъ, только прикидывался такимъ. Ни къ работѣ, ни къ службѣ не былъ срушень. Войсковая канцелярія, матушка, билась, билась съ нимъ и—отступилась: исключила его, значить, изъ казачихъ списковъ, какъ негодного. Такъ онъ и шатался изъ мѣста въ мѣсто, гдѣ день, гдѣ ночь,—нигдѣ, значить, не имѣлъ постоянного пристанища. Бывало, сказываютъ старики, во время какого нибудь рыболовства, таскается Логиничъ по обозамъ и потѣкаетъ народъ разными штуками. Приѣрно, поднесутъ ему стаканъ вина, а на закуску подадутъ сырую рыбу, и скажутъ: «Закуси, Логиничъ!»—Логиничъ и примется уписывать сырую рыбу, словно голодная собака. Или ничего не дадутъ на закуску, и скажутъ: «Извини, Логиничъ; закусить-то нечѣмъ!» — Какъ нечѣмъ? — скажетъ Логиничъ.—А это-то что?—И съ этимъ словомъ примется грызть стаканъ, какъ сухарь. Такой-то былъ забавникъ этотъ Логиничъ. Однимъ только нехорошъ: съ нечистой силой знался: При жизни его никто этого художества за нимъ не зналъ, — не выказывалъ, значить; а послѣ смерти оказалъ, грѣховодникъ.

— На плавнѣ ли, у севрюгъ ли, шатался Логиничъ, по обозовенію, по обозамъ, и вдругъ пропалъ. Одни говорили, что онъ утонулъ, другіе — что его киргизы взяли въ полонъ, а ные говорили, что его какіе-то обозники нашли мертвымъ близъ Бударинскаго форноста, и тутъ же, гдѣ нашли, закопали будто въ землю. Потолковали, потолковали, да и забыли,—кому какая нужда! Вдругъ Логиничъ обозначился, и сталъ дурить, подлецъ! Разъ изъ бударинской команды были казаки въ

секретъ (*); двое лежали въ лоцинѣ, а третій былъ на часахъ, — немного поодаль отъ товарищей сидѣлъ подъ кустомъ. Этакъ около полуночи часовой видитъ вершника на бѣлой лошади и въ бѣлой одеждѣ. Вершникъ ѣдетъ мимо секрета тихохонько, безперечь останавливается, озирается, будто высматриваетъ чего-то, — одно слово, представляется разбойникомъ-киргизомъ. По одѣяню, часовой не разберетъ хорошенько — казакъ ли это или киргизъ; и потому взялъ да и окликнулъ: «Кто ѣдетъ?»

— Логинычъ! закричалъ вершникъ и захохоталъ во все горло, и ускакалъ.

— Казаки со страха и секретъ бросили, ускакали на форпостъ. Сначала имъ не повѣрили, думали, что они спали и имъ соннымъ пригрезилось. Но на слѣдующую ночь вся команда увѣрилась, что то была истинная правда. Съ вечера сошлись къ крѣпости казаки, толковали о томъ, о семъ, и, знамо дѣло, и о Логинычѣ не забыли; трунять надъ тѣми, кто въ прошлую ночь былъ въ секретѣ; не замѣтили, какъ и время прошло, была ужъ наисходѣ двѣнадцатая склянка, — значить, полночь. Вдругъ часовой, что стоялъ на вышкѣ, подалъ знакъ, что на третнемъ пикетѣ маякъ горитъ; значить — тревога, значить — гдѣ нибудь киргизы нападеніе сдѣлали на линію. Команда встревожилась и сѣла на конь. Хотѣли и при крѣпости зажечь маякъ, да начальникъ не велѣлъ; сначала приказалъ увѣриться, точно-ли маякъ горитъ, — не варить-ли кто кашу въ степи; начальникъ, изволишь ли видѣть, опасался, какъ бы не сдѣлать напрасную тревогу. Хорошо. Тоѣ жъ минутой команда поскакала на низъ къ пикету, — пикетъ былъ не далеко, всего версты за три. Но лишь только команда выѣхала въ поле, на встрѣчу ей скачутъ пикетные казаки.

— Куда вы? спрашиваютъ форпостные казаки пикетныхъ.

— Къ вамъ на форпостъ! отвѣчаютъ пикетные казаки.

— Зачѣмъ? спрашиваютъ ихъ.

— У васъ, при крѣпости, маякъ горитъ!

— А у васъ? спрашиваютъ ихъ.

— У насъ нѣтъ!

— Форпостные казаки оглянулись назадъ, и видятъ: маякъ при крѣпости горитъ! Смотрятъ на пикетъ — пикетный маякъ не горитъ! Тоѣ-жъ минутой казаки вернулись на форпостъ, приска-

* Пикетъ, выставляемый на ночь въ мѣстѣ глухомъ, скрытномъ, иначе: *секретномъ*, *Аст.*

калн: маякъ цѣлехонекъ, не горить! Оказія. Столпились казаки у крѣпостныхъ воротъ, не знаютъ, что дѣлать. Вдругъ видятъ: отъ верхняго выѣзда скачетъ вершникъ на бѣлой лошади и въ бѣлой одеждѣ, а за нимъ, не много одалъ, скачетъ цѣлая свита на такихъ же лошадяхъ и въ такомъ же одѣяньи. Передній вершникъ прямо держитъ на крѣпость. Команда думаетъ, не киргизы ли ужь бьютъ на ихъ форпостъ; приготовилась отпоръ дати. Часовой съ вышки окликнулъ: «Кто ѣдетъ?»

— Логинычъ! закричалъ вершникъ и захохоталъ, — поворотилъ коня влѣво и прямо юркнулъ въ *Бударинъ Ерикъ*. Свита его за нимъ же.

— Тутъ уже вся команда повѣрила, что Логинычъ взаправду дурить. Съ тѣхъ поръ и сталъ Логинычъ выдѣлывать разныя штуки, спокою не давалъ бударинскимъ казакамъ. И только, сударь мой, ихъ однихъ тревожилъ, а другихъ по сосѣдству никого не беспокоилъ. Полагали, что это оттого, что около-де Бударина зарытъ Логинычъ. А иные говорили, что это будто-бы оттого, что когда-то, когда Логинычъ былъ живъ, бударинскіе ребята сильно поколотили его за что-то; вотъ за это-то самое, будто бы, Логинычъ и мстилъ бударинскимъ казакамъ. Оттого-ли, не оттого-ли, все единственно, а только плохо приходилось бударинскимъ казакамъ, смаялись они, и жалобу приносили атаману, просили, чтобы позволилъ имъ перенести форпостъ на другое мѣсто; но атаманъ не вѣрилъ. Однако вскорѣ и онъ увѣрился.

— Разъ ждали атамана на низъ. Въ полночь слышутъ: колокольчикъ звенить. «Бѣжить! бѣжить!» кричитъ часовой съ вышки. Команда припаслась, стала во фрунтъ у крѣпости. Начальникъ тутъ же; ждетъ, чтобы съ липортомъ къ атаману подойти. А колокольчикъ все ближе и ближе, — ужь въ улицѣ, — вотъ и повозка катитъ, тройкой; кони всѣ бѣлые; и впереди, и сзади, и по бокамъ конвойные, на бѣлыхъ же коняхъ. Но никому не въ дагадъ эти бѣлые кони; у всѣхъ на умѣ атаманъ. Повозка подкатываетъ къ крѣпости. Часовой окликаетъ: «Кто ѣдетъ?»

— Логинычъ! кричатъ изъ повозки и хохочутъ. И въ тотъ же мигъ повозка взяла влѣво, и прямо въ *Бударинъ Ерикъ*!

— Команда хорошенько еще не опомнилась отъ этой штуки, какъ опять послышался колокольчикъ, — ближе и ближе; вотъ и повозка катитъ, прямо къ крѣпости. Начальникъ при-

казалъ часовому молчать. Повозка подкатилась къ воротамъ и остановилась. Вышелъ настоящій атаманъ и вскинулся на начальника, — бранить.

— Что-жь часовой-то молчить, не окликаеть? говоритъ атаманъ. А въ военный артикулъ забыли?

— Такъ и такъ! оправдывается начальникъ... Логинычъ, дурить, совсѣмъ съ пахвей насъ сбиль. Сію минуту, говоритъ начальникъ, только въ ерикъ провалился.

— Что за оказія! говоритъ атаманъ. Неужто правда?

— Точно такъ! говоритъ начальникъ. Извольте спросить команду: никого пьяныхъ нѣтъ, — всѣ терезвы.

Ладно. Атаманъ успокоился, и говоритъ:

— Объ этомъ мы завтра потолкуемъ. А теперь вотъ что: слѣдомъ за мной бѣжитъ чиновникъ, изъ Оренбурга, левизоръ отъ губернатора. Хорошенько окликнуть его, какъ можно громче! приказываетъ атаманъ.

— Слушаю! говоритъ часовой съ вышки.

— И точно, минуту спустя, послышался колокольчикъ, — ближе и ближе; катить и повозка, тройкой, кони бѣлые... Казаки догадываются, что за птица летитъ, — но молчатъ, только шушукуются межъ себя да тихонько посмѣиваются. Повозка къ крѣпости. Атаманъ у воротъ. Часовой окликаеть: «Кто ѣдетъ?»

— Логинычъ! кричатъ изъ повозки и хохочуть. И, по обновенію, прямо въ ерикъ.

— Тутъ ужъ и атаманъ повѣрилъ, и велѣлъ было осиновою козь припасти, чтобы заутро резолюцію учинить Логинычу. Но на бѣду никто не зналъ, гдѣ Логинычъ зарытъ. Послѣ того, на другой же день, атаманъ вытребовалъ изъ Уральска благочиннаго со всѣмъ духовенствомъ и приказалъ отслужить молебствіе, обойти крестнымъ ходомъ вокругъ Бударина и предать Логиныча анаемѣ, а на обонхъ выѣздахъ поставить по кресту. Какъ это сдѣлали, такъ словно рукой сняло: Логинычъ пересталъ дурить! аключилъ расказащикъ.

— Однако и изъ такихъ-то воржесцовъ всякіе бываютъ, сказалъ старикъ, спустя нѣкоторое время: одни, вотъ какъ Логинычъ, только дурятъ, пугаютъ и насмѣхаются, а вреда настоящаго отъ нихъ нѣтъ, покрайности къ людямъ не прикасаются, а только однимъ привидѣніемъ представляются; другіе же, сударь мой, ужасный вредъ дѣлають.

— Былъ такой случай у илецкихъ казаковъ, и не очень давно,

лѣтъ десять тому. Бѣдиль я тогда въ Илецкій городокъ съ рыбой, и слышалъ тамъ отъ одного старика вотъ какую исторію. Слушай-ка!

И старикъ началъ:

— Поѣхали однажды илецкіе казаки рыбачить на озера и старыцы, пониже Илецкаго городка. Вырыли гдѣ-то на берегу, въ яру, землянку, и въ ней устроили станъ. Передъ какимъ-то праздникомъ, передъ Рождествомъ ли, передъ Богоявленьемъ-ли — запятовалъ, вся артель уѣхала въ дома; на стану, въ землянкѣ, остался одинъ старикъ съ собакой — тотъ самый старикъ, пояснилъ расказчикъ, который рассказывалъ мнѣ эту исторію. Хорошо. Настала ночь, старикъ сварилъ себѣ ушницы, поужиналъ и улегся спать. Вдругъ, среди ночи, собака залаяла и на кого-то осканилась. Старикъ проснулся, всталъ, вздулъ огонь, осмотрѣлся и увидалъ ужасти: изъ одной стѣны торчатъ человѣчьи ноги въ лаптяхъ! Ноги шевелятся и мало по малу выдвигаются наружу; напоследокъ всѣ вышли, — показались туловище! Старикъ видитъ, что дѣло плохо, схватилъ въ охапку свою одежку, и драла вонъ изъ землянки; а собака осталась въ землянкѣ. Отбѣжалъ старикъ нѣсколько сажень отъ землянки, остановился и сталъ обуваться и одѣваться; одѣвается а самъ прислушивается, — слышитъ: собака спѣпилась съ привидѣніемъ, ильбо съ мертвецомъ что ли, не умѣю какъ сказать; идетъ, слышно, между собакой и между мертвецомъ драка отчаянная; собака, слышно, грызется, какъ собака, а мертвецъ, слышно, реветъ не-то человѣчьимъ, не-то медвѣжьимъ голосомъ, только страшно какъ-то. Напоследокъ собака ввизгнула и затихла. Слышно стало, что-то чмокаетъ, якобы звѣрь какой поѣдаетъ что нибудь. Напоследокъ и чмоканье затихло. Тѣмъ временемъ старичокъ обулся и одѣлся, и, знамо дѣло, безъ оглядки побѣжалъ въ городокъ; — прибѣжалъ и рассказалъ артельщикамъ. Тѣ, на другой же день, освидѣтельствовали землянку и нашли все въ цѣлости, только все было переверочено, перебутырено; а собаки нѣтъ. Отъ собаки остались только кой-какія кости да ключья шерсти! Значитъ, мертвецъ растерзалъ собаку и пожралъ! — А стѣна, сударь мой, цѣла, и признака нѣтъ, чтобы сквозь нее кто лѣзъ. Не убѣги старичокъ въ время, запитилъ расказчикъ, — Богъ знаетъ что-бы съ нимъ случилось, — може тоже бы, что и съ собакой. Это самое привидѣніе ильбо этотъ самый мертвецъ, что собаку пожралъ, былъ какой-ни-

будь злокозненный воржецъ, пояснѣлъ раскащикъ. Земля, зная, не принимаетъ его, и онъ, съ досады, въ извѣстные дни и часы, встаетъ и грызетъ тѣхъ, кто попадется въ руки. Конечно, добавилъ раскащикъ, собаку растерзалъ онъ не потому, чтобъ она нужна была ему, а всеконечно по тому самому, что она упредила хозяина и способствовала ему убѣжать.

XI.

ФАРМАЗОНЫ.

— Если пересказывать тебѣ всѣ такія исторіи, что случились въ нашемъ быту, то, полагаю, въ цѣлую жизнь не перескажешь, а на базарѣ, полагаю, и бумаги не хватитъ, чтобы все записать, сказалъ собесѣдникъ мой послѣ того, какъ кончилъ рассказъ о мертвецѣ, пожравшемъ собаку. А есть люди, прибавилъ онъ, кои не вѣрятъ, что есть проклятые, что есть шутки, что есть черти.

— Какіе жъ это люди? спросилъ я.

— Да все вашъ братъ, чиновники, и всѣ странніе господа, отвѣчалъ старикъ. Не разъ доводилось мнѣ разговаривать съ господами, вотъ какъ съ тобой. Чтожъ? Слушать — слушаютъ, съ любопытствомъ слушаютъ, — грѣхъ наврасно сказать, — а волъ конецъ, какъ дослушаютъ, и отольютъ такую пудю. «Сказки! скажутъ. Ничего такого нѣтъ, и быть не можетъ!» Нипто-могъ! смежешь, бывало, на это. Все сказки! Фармазоны, вонъ, и въ Бога не вѣрятъ. Вольному воля, спасенному рай...

— Что за-люди, эти фармазоны? — спросилъ я.

— Люди, какъ и всѣ люди, отвѣчалъ старикъ. Только на одномъ конькѣ съ сатаной сидятъ. Пожалуй, я и про нихъ тебѣ расскажу. Слушай-ка!

И старикъ началъ:

— Примѣрно, есть на свѣтѣ малаканы, хлысты и разная нечисть. Ну, и фармазоны тожъ. Только фармазоны немного покуже выдутъ малакановъ. Малаканъ, къ-примѣру, такъ-ли, сѣтъ-ли въ Бога вѣрить, — малаканъ, къ-примѣру, и обратиться можетъ на путь истинный, есть-коли захочетъ: — преграды на въ чемъ не встрѣтитъ; а отъ фармазона этого недождешься, фармазонъ не можетъ обратиться на путь истинный, хоша бы и желалъ — вотъ что сиверно! Фармазоны, видишь-ли, не праз-

наютъ ни Бога, ни Его силу небесную, а признаютъ сатану и силу его нечистую. Кто въ общество фармазоновъ запишется, тотъ и душой и тѣломъ пропадаетъ! Хоша бы кто и восхотѣлъ отъ ихъ общества отшатиться—не можетъ: фармазоны тому человѣку въ единъ мигъ прекращаютъ жизнь, хоша бы человѣкъ этотъ находился отъ нихъ на краю свѣта,—вездѣ, значить, достанутъ. У нихъ, видишь-ли, имѣются патреты со всякаго, кто въ ихъ общество записанъ. По этимъ самымъ патретамъ фармазоны и узнаютъ, кто станетъ измѣнять. Патреты, видвшъ-ли, обнаковенные, расписанные разными красками,— и какъ который человѣкъ станетъ отпадать, то краски на патретѣ и начинаютъ литься, литься, и совсѣмъ сливаются, есть-коли только фармазоны не доглядятъ. Но этого, говорятъ, мало бываетъ, чтобы фармазоны не доглядѣли: зорки, бестн!.. Чуть только задумаетъ человѣкъ отстать отъ нихъ — сейчасъ замѣтятъ; а какъ только замѣтятъ, то и шабашъ! возьмутъ въ руки пистолеть и выстрѣлятъ въ патретъ; и человѣкъ, чей патретъ, въ тотъ же мигъ умретъ, гдѣ-бы ни былъ, хоша-бы за миллионъ тысячъ верстъ,—все-единственно! Вотъ они каковы, эти фармазоны,—одно слово: нечестивцы!..

Ложь-ли, правда-ли, продолжалъ раскащикъ, говорили про одного изъ нашихъ уральскихъ чиновниковъ, что пошолъ въ фармазоны, и они будто-бы угомонили его. Тому будетъ годовъ двадцать пять, какъ случилась эта исторія. Въ Питерѣ-ли, въ Москвѣ-ли, на цыцарской-ли границѣ—навѣрное не знаю, какъ сказать, запамятовалъ — былъ этотъ чиновникъ на службѣ съ полкомъ, и гдѣ-то тамъ и съякшался съ фармазонами, и записался въ ихъ нечестивое общество. Изъ дома на службу пошолъ онъ человѣкомъ, а со службы воротился другимъ: и бороду сбрилъ, и крестъ и поясъ бросилъ, и табачище сталъ тянуть— и въ ротъ и въ носъ, Господи прости—и скоромное въ посты, и зайчину сталъ жрать, — одно слово: офармазонился! Д—овъ прозывался, М....И....чь,—и чинъ большой имѣлъ, кажись полковничій, и человѣкъ былъ уже немолодой, лѣтъ подъ пятьдесятъ. Чай, и ты знаешь, семья Д—ва изъ всѣхъ нашихъ дворянскихъ семей, самая благочестивая, богобоязная, крѣпко держится за старую вѣру. Каково жъ было роднымъ видѣть, что одинъ изъ ихъ рода совратился съ пути истиннаго? Очень, очень больно, прискорбно! У чиновника жива была и матушка, старушка,—старицей была, игуменьей въ Бородинскомъ Скиту. Вотъ

она-то вкупѣ съ снохой, то-ись, съ супругой чиновника, и принялись за отпадшаго, и стали урезонивать его, чтобы спокаялся и обратился на путь истинный; однако не урезонили, не могли; чиновникъ боекъ былъ, и родительницу и жену закидалъ словами;—тѣ, обѣ, не знали супротивъ него что и говорить. Пытались призывать уставщиковъ изъ Сергіевскаго Скита и съ Иргизу, людей опытныхъ, начитанныхъ, но и тѣ ничего не подѣляли; чиновникъ и ихъ закидалъ словами, и поставилъ въ тупикъ. Уставщики отказались. Тогда мать и жена нарочно написали изъ *Стародубіи* какого-то архимандрита, человѣка очень-очень сильнаго въ *писаніи*, и искуснаго въ словесахъ. Ну, этотъ одолѣлъ: прижалъ чиновника словно ужа вилами, довелъ, значитъ, чиновника до того, что тотъ повинился.

— Хорошо. Выслушавъ повинную, архимандритъ—такъ люди говорили, а вѣрнаго не знаю, — оговаривался старикъ, — архимандритъ совѣтовалъ чиновнику съѣздить въ то мѣсто, гдѣ главный заводъ фармазоновъ, и велѣлъ ему какъ ни-на-есть, а безпремѣнно выкрасть свой патреть. — А безъ того—говорилъ архимандритъ—и повинная не въ повинную. — Чиновникъ согласенъ былъ ѣхать, и отпускной билетъ отъ атамана получилъ, — да мать съ женой не пустили, — боялись, значитъ, чтобы онъ совсѣмъ тамъ не сгинулъ.

— Хорошо. Остался чиновникъ дома, отпустилъ бородушку, надѣлъ крестъ и поясъ, бросилъ трубки и табакерки, и повелъ жизнь благочестивую, какую велъ и прежде, до фармазонства, но не долго прожилъ. — Черезъ какіе нибудь мѣсяца два былъ онъ на пашнѣ, ходилъ по бакчѣ, увидалъ рѣдечку и наклонился—хотѣлъ, значитъ, сорвать, — наклонился и упалъ! Подошли къ нему, а онъ мертвый! Только и было его житья. — А отчего случилась такая оказія? Да оттого, говорили люди, что фармазоны прострѣлили патреть его. Вотъ какіе они, эти фармазоны, — одно слово: нечестивцы! Попасть въ ихъ общество—все единственно, что попасть къ чертягъ, — нѣтъ возврата! сказалъ разскащикъ, — а потомъ немного погода прибавилъ:

— Однако этимъ дѣломъ не завершилось: фармазоны и послѣ смерти-то надругались надъ бѣднымъ чиновникомъ, и сдѣлали остуду семьѣ его. Умеръ онъ, извѣстно, подъ осень; сгорнили его въ лѣсу, поблизъ хутора, на семейномъ, значитъ, кладбищѣ. Хорошо. На масляницу, на прощенный, значитъ, день, супруга чиновника, по христіанскому обычаю, поѣхала къ нему

на могилу проститься. Подѣхала къ кладбищу, выдѣла изъ савей и подошла къ могилѣ;—подошла и вскрикнула не своимъ голосомъ, и упала, голубушка, безъ чувствъ навзничь. Кучеръ и служанка подбѣжали къ барынѣ и сами еле удержались на ногахъ, и чуть-чуть не лишились языка. Оказалось, сударь мой, чужо изъ чудесъ! Могила разрыта, гробъ раскрытъ, а покойникъ вытащенъ изъ гроба и приставленъ къ стѣнѣ, лицомъ прямо къ той сторонѣ, откуда дорожка, и откуда должна была барыня подойти!..

Грѣшили, сударь мой, на крестьянъ, продолжалъ старикъ, будто бы они это сдѣлали, чтобъ напугать барыню — строга, говорятъ, была она для нихъ — чтобъ она бросила хутора и перѣехала въ городъ. Но это пустыки, сударь мой,—этому вѣрить нельзя. Тутъ не крестьяне виноваты, а нечестивцы фармазоны; они, значить, хотѣли отместить семейнымъ чиновника, что тѣ отвлекли его отъ ихъ общества. Опять надо взять и то въ расчетъ, сказалъ старикъ: еслибъ крестьяне надругательство это сдѣлали, то какая жь имъ польза изъ того? Ну, хорошо, барыня бросила бы хутора. Да рази крестьянамъ легче бь было оттого? Хуже, батенька! Барыня стала бы послѣ того тѣснить ихъ больше прежняго. Нѣтъ, пустыки, пустыки! Крестьяне тутъ не виноваты. Это дѣло фармазоновъ.—Да вотъ что я забылъ тебѣ сказать, прибавилъ раскащикъ.—Когда покойника снова зарывали, замѣтили: пятки у него вырѣзаны!.. Ну, скажи на милость, на что это крестьянамъ спонадобилось? Выходить, это штуки фармазоновъ. Вотъ каковы они, эти фармазоны, — одно слово: народъ отпадшій, нечестивый! заключилъ старикъ.

Иосафъ Желѣзновъ.

УРОКЪ.

Плясали вамъ и вы намъ не играли.

Исаи.

Плясали мы—и вы намъ не играли;
Мы плакали—вы къ намъ не сострадали;
Не потому, чтобъ васъ не трогалъ стонъ,
Но былъ глубокъ вашъ непробудный сонъ.

Смѣялись мы и громогласно пѣли,
Мы хохотомъ васъ разбудить хотѣли;
Но дикій смѣхъ вы слышали во снѣ,
Какъ бы лежа въ гробу, на самомъ днѣ.

Мы взяли громъ—и глухо сотрясали,
Вершины горъ заоблачныхъ трещали;
Но самый громъ, не разбудивши васъ,
Среди могилъ бездѣйственно погасъ.

Проснетесь ли, безчувственные братья?
Дадите ли отъ злобы и проклятья,
Окаменѣть васъ любящимъ сердцамъ?..
Позоръ, позоръ—живущимъ мертвецамъ!

Е. Заринъ.

ПЕПИШЬЕРКА.

Еще за недѣлю до выпуска моего изъ пансіона, начальница наша мнѣ объявила, что я должна непременно остаться пепишьеркой. Я не вѣрила ушамъ своимъ. Я была поражена этимъ извѣстіемъ. Сердце мое сильно сжалось... Я не могла помириться съ мыслью, что, не бывъ шесть лѣтъ въ кругу семьи, я опять не буду столько же лѣтъ, а, можетъ быть, и жизнь моя окончится въ этомъ же самомъ заведеніи, въ которомъ я училась, шалила, рѣзвилась и плакала...

За нѣсколько дней до выпуска было приказаніе отъ начальницы, чтобы выпускному классу ввечеру чай не наливать вмѣстѣ съ прочими классами, и чтобы въ 5 часовъ выпускной классъ являлся къ начальницѣ пить чай.

— Вѣдь это вамъ, mesdames, честь дѣлаетъ, толковала намъ классная дама, фаворитка татап: татап васъ приглашаетъ къ себѣ пить чай. У насъ по 12 лѣтъ бывали воспитанницы, востарше васъ гораздо, да и то ни разу чай не пили; а вы здѣсь всего какихъ нибудь шесть лѣтъ, да вотъ и прошу покорно!... извольте пожаловать на чай къ начальницѣ!...

— А въ самомъ дѣлѣ, mesdames,—начали дѣвицы между собой,—это хорошо татап сдѣлала, что къ себѣ пригласила на чай.

— Ай, ай, ай, звонять, звонять!... Скорѣй, mesdames, душечки, шерочки, по парамъ становитесь, а ты, mon ange Nadine, поскорѣ сходи съ класной лѣстницы, а то я не увижу М-г Перепелкина. Онъ такой сегодня милка... сапоги у него такіе асенькіе... говорила одна изъ воспитанницъ своимъ подругамъ.

— Eh bien, mesdemoiselles, vous n'irez pas prendre le thé, si vous continuez de crier, послышался голосъ классной дамы.

— Voilà encore! татап насъ пригласила къ себѣ на чай, а

она говорить: «vous n'irez pas prendre le thé» проворчала сама дерзкая воспитанница.

— Mais qui parle de vous, mesdames? Comment vous permettez vous de parler en allant deux-à-deux? Dites moi, je vous en prie..

Когда маленькіе классы сходили съ лѣстницы вмѣстѣ съ нами и разлучались у параднаго крыльца, то постоянно провожали насъ слѣдующими словами: «счастливыя вы, mesdames, идете къ Матап чай пить! Вы тамъ, можетъ быть, по двѣ чашки будетъ пить... Принесите-ка намъ отъ матап булочки, или сухарика Вошолъ выпускной классъ къ матап и оглушилась гостинна крикомъ.

— Замолчите! Какъ можно такъ кричать въ гостинной матап? Что вы! сказала классная дама.

— Ну такъ мы уйдемъ въ залу, если въ *гостинной* нельзя слова сказать, вскрикнули на это дѣвцы.

— Вы какъ я, вижу, mesdames, сегодня чаю не выпьете, возразила она въ свою очередь и ушла въ спальню к матап.

— Да, можетъ быть, насъ сюда за тѣмъ и привели, чтобъ мы сегодня чай не пили. Вы знаете, mesdames, въ буфетѣ сегодня для насъ порцій не достало, насъ сюда и препроводили пить чай, а здѣсь, пожалуй, милая mademoiselle Дынина скажетъ: «оставайтесь-ка лучше, *дѣти*, безъ чаю за шумъ!»

— M-lle Nazagoff! Что вы тутъ проповѣдуете? проговорил м-lle Дынина, сквозь цери.

Въ кабинетѣ начальницы мы принялись распорядиться, какъ въ своихъ пюпитрахъ. Кто началъ на столѣ разсматривать разные бумаги, кто—разсматриваетъ портреты матап, ея мужа, дочери. Кто—разсматривалъ журналъ модъ, кто—рылся въ «Русскомъ Вѣстникѣ.» Одна спрашиваетъ — «Обломова», другая кричитъ—«Узкій путь,»—третья — «Вороново Крыло.» Здѣсь «*выпускной классъ*» раздѣлился на нѣсколько партій. Въ одной партіи—дѣвицъ 10; въ другой—5; въ третьей — 7, и т. Однѣ дѣвцы ходятъ рука объ руку и строятъ въ головѣ «воздушныя замки». Другія вышли въ приемную, и разсуждаютъ: кому то изъ нихъ какую награду дадутъ на выпускѣ? Какая-то дѣвица, да кажется м-lle Николаева, сидѣвшая на полу около шкафа, и до сихъ поръ не проронившая ни слова,—отозвалась: «а мнѣ дадутъ на выпускѣ *шишь*, да четверть фунта *миндалю*.» Всѣ расхохотались... Тутъ же у окна сидѣла

три дѣвцы и горячо спорили: «сколько кому лѣтъ?» Если говорили, что вотъ такой-то дѣвцѣ двадцать-лѣтъ, она, услышавши это, подходила и оспаривала, что ей вовсе не *двадцать*, а только 17...

— А вотъ тебѣ... тебѣ-то сколько? продолжала двадцати-лѣтши дѣвица, ты-то—такъ настоящая старуха! Посмотри-ка, сколько у тебя морщинъ на лбу! Ха, ха, ха! а другимъ лѣта считаетъ.

— Да отстань, ради Бога, какъ смола пристала... Allons, vous en d'ici mesdames... оставимъ ее. Такъ говорила воспитанница, считающая лѣта своимъ подругамъ.—Allons, allons... отбѣжали тѣ. Вошла начальница, высокая, полная дама, всегда въ чопорномъ чепцѣ, папильоткахъ и шелковомъ платьѣ.

— Bonjour, маман... Votre santé... раздалось со всѣхъ сторонъ, и всѣ бросились къ ея рукѣ.

— Bonjour, дѣти, bonjour, отвѣчала она.

— Maman, nous ne sommes déjà plus дѣти. Nous sommes mesdemoiselles... mesdames... et après la sortie de la pension, chacune de nous sera madame.

— Слишкомъ скоро захотѣли замужъ.

— Maman, c'est Catherine Nazaroff, qui a dit qu'elle voudrait être madame, mais nous ne voulons pas... закричали дѣвцы.

— Ахъ, Marie, да куда вы... Что вы толкаете? Посмотрите, вы мнѣ сборки у платья оторвали. Извольте зашить мнѣ платье, иначе я на васъ пожалуюсь,—говорила между тѣмъ Саша своей подругѣ Мари.

— Merci! а помнишь, какъ ты мнѣ сама передникъ порвала? Тебѣ ничего не говорила.

— Asseyez vous, mesdames, говорила маман, усаживаясь на лаванъ... Нѣкоторыя дѣвцы садятся въ креслахъ, а другія на полу у ногъ ея...

— Ну, mesdemoiselles, vous devez vous tenir à présent comme il faut... Et vous, m-lle Nicolaeff! Comment n'avez vous pas honte, de tenir toujours les doigts dans la bouche!...

Нѣсколько минутъ продолжается молчаніе.

— Maman, racontez nous quelque chose! просятъ дѣвцы... Начинаются разные рассказы... Помню, какъ маманъ рассказывала про *что-то* и сказала: что если лошадь упадетъ, то нужно взять ее за хвостъ и она встанетъ, потому что вся сила лошади заключается въ хвосту.

Приносятъ чай. Каждая дѣвица протягиваетъ руку къ подносу за чашкой чаю. Пьютъ.

— Ахъ, ма сѣге, какъ я еще хочу чаю! Дай мнѣ твою порцію, а я тебѣ сочиненіе къ экзамену напишу. Поминишь тебѣ инспекторъ велѣлъ приготовить?

— Ну хорошо... Только подожди, я пойду попрошу Марфу, чтобъ она мнѣ еще чашечку намила; она мнѣ нальетъ.

Посидѣли мы у татапа и распрощались. Каждая дѣвица, по очереди, подходила къ рукѣ начальницы и желала ей «спокойной ночи.» Матапа, въ свою очередь, давала наставленія: «смотрите же, mesdames, будьте тихи въ дортуарахъ; не кричите! Не забывайте, что около васъ спитъ м-ле Дынниа. Conduisez-vous a présent, comme les grandes...

— Bien, matapa! Nous serons bien sages.

Весь классъ отправлялся навѣрхъ. За нимъ, въ свой день дежурства, постоянно шла классная дама, м-ле Дынниа и безпрестанно покрикивала: «Я васъ, mesdames!.. я васъ!..

— Да что мы дѣлаемъ, въ самомъ дѣлѣ? Какъ на приготовишекъ кричить, феу... *voilà encore!*

— Eh bien, mesdemoiselles, je vous mettrai toutes à genoux... Вы рѣшительно не хотите меня слушать,—не переставала кричать м-ле Дынниа, поминутно останавливая весь классъ; и чѣмъ больше она унимала, тѣмъ больше мы шумѣли и фыркали.

— Да спрячьте, наконецъ, вашъ смѣхъ въ карманъ!—сказала м-ле Дынниа,—иначе вы здѣсь ночевать будете.

— Я бы спрятала, да у меня карманъ разорванъ, все равно не удержится,—прошебетала какая-то дѣвица...

— А я бы положила, отозвалась другая, да у меня макаронъ въ карманѣ. Я несу ихъ положить подъ подушку Пашеньки, она ихъ очень, очень любитъ.

— Гдѣ же ты ихъ взяла, ма сѣге, вѣдь мы сегодня не ужинали?

— Гдѣ взяла? Марфа принесла для себя цѣлую тарелку изъ буфета; ну я у нея и попросила.

— Зачѣмъ ты у нея просишь? Ты знаешь, душечка, что она все рѣшительно пересказываетъ татапа?

— А мнѣ что за дѣло? Пусть говоритъ.

— Ахъ, Боже! Да что же ты серднишься? Вѣдь я тебѣ говорю, какъ своему другу...

— Да. Знаю, знаю... нечего сказать, другъ! Вы только тогда со мной другъ, когда у меня есть конфекты... Вы сегодня

или ихъ, да миѣ не давали; вы сегодняшній весь вечеръ провели съ Перышкиной и вли съ нею все...

— Антонова! Подите вонъ изъ парь. Я вамъ за поведеніе оставлю, сказала м-лле Дыннина спорящей дѣвицѣ.

— Mademoiselle!.. je... je... je vous assure... que... je n'ai...

— Et vous ditez encore que vous n'avez pas parlé?—перебила ее м-лле Дыннина, и хотѣла свести ее внизъ къ шаман, но вспомнивъ, что та уѣхала въ театръ, оставила ее въ покоѣ.

Всѣ уже спать... Рѣдко какая дѣвица повернется съ боку на бокъ. Одна я не сплю... О чемъ же я думаю? Я думаю о своемъ «будущемъ.» Что будетъ со мною, если я останусь пепиньеркой?... Что меня ожидаетъ впереди? Что меня ожидаетъ дома и что здѣсь?.. Что со мной будетъ, если я буду подъ начальствомъ м-лле Дынниной, которая вчера готова была растерзать меня, какъ коршунъ свою добычу. Господи! что съ ней сдѣлалось, когда она услышала, что я остаюсь пепиньеркой! Неужели я, такое ничтожное существо, могу чѣмъ нибудь вредить ей? За что же она такъ напала на меня и упрекала: «Вы думаете остаться пепиньеркой? Что это вы, та chége!... ха, ха, ха! не смѣшите!.. Этого никогда быть не можетъ... Васъ не оставятъ, потому что вы только въ шуты ходите. Вамъ гдѣ нибудь въ станица или хуторѣ жить, а не тамъ, гдѣ *порядочные люди* живутъ»...

— М-лле Дыннина! Я вовсе не хочу оставаться, но миѣ шаман сказала, что я непременно должна остаться, что Александръ Григорьевичъ, который воспитываетъ меня на свой счетъ, желаетъ, чтобы я безъ всякихъ отговорокъ осталась пепиньеркой. Чѣмъ же я тутъ виновата?

— А-а-а! Такъ вотъ какъ! Кто же вамъ сказалъ, mademoiselle la répinière, что Александръ Григорьевичъ желаетъ, чтобы вы остались?

— Онъ миѣ самъ сказалъ...

— Ахъ, да вы не смѣшите, а скажите, кто вамъ изъявилъ это желаніе? спросила она съ самой извительной насмѣшкой.

— Онъ.... самъ.... я васъ не смѣшу, m-elle.

У меня блеснули слезы въ глазахъ. Я готова была рыдать, какъ дѣтя.... Вотъ пытка! Несчастная я!... Несчастная!...

— Я настою на томъ, чтобы васъ не было, а если останетесь, то вы будете *моя* пепиньерка.... Вы не уйдете изъ моихъ

рукъ.... Я буду слѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ, сказала она и ушла къ татамъ.

— Дай Богъ, чтобъ настояла. Да нѣтъ, невозможно. Начальница-то бы согласилась, да вотъ Александръ-то Григорьевичъ... Что ему такъ хочется меня оставить? У меня же есть мать: неужели она откажется отъ своей дочери? Неужели она не подѣлится со мной своимъ достоинствомъ? Неужели она не вырветъ меня изъ того мѣста, гдѣ мнѣ нехорошо... мало того, — мучительно!... Больше всѣхъ, разумеется, я терпѣла и буду терпѣть муки отъ *m-elle* Дыниной.... Это такая грубая и безжалостная женщина! Я буду плакать отъ нея.... плакать, и плакать.... получу чахотку и отправлюсь *пенильберать* на тотъ свѣтъ. Сегодня утромъ мнѣ сказалъ инспекторъ, что начальница меня не хотѣла было оставить, по просьбѣ *m-elle* Дыниной; но Александръ Григорьевичъ настоялъ.... и что уже дѣло рѣшено. У прочихъ *пенильберокъ* спрашивали согласія, а у меня нѣтъ. Какъ мнѣ будетъ жить съ *m-elle* Дыниной? Она исполняетъ разомъ нѣсколько должностей: и за себя дежуритъ, и за другую классную даму, и еще кой-какія должности исполняетъ, и за каждую изъ нихъ получаетъ отдѣльное жалованье. Другимъ класснымъ дамамъ этого не позволялось. Только одна изъ нихъ, за невѣжество танцмейстера и по просьбѣ начальницы, занималась танцами съ выпускнымъ классомъ. Но если бы и танцы предложили *m-elle* Дыниной, то она бы, не смотря на свои 47 лѣтъ, и идѣясь на свою необыкновенную ловкость, непременно бы пустилась съ дѣвцами выдѣлывать различныя *па*. На счетъ кушанья она тоже считала себя вправѣ быть разборчивой. Разъ какъ то въ постъ случилось, что не было скоромнаго масла, и ей подали алады на постномъ маслѣ, какъ и всѣмъ прочимъ смертнымъ. Буфетчица, лѣтъ уже 50 старуха, принесла ей сама алады. *M-elle* Дынина взяла тарелку, поднесла ее, какъ нельзя ближе, къ своему носу; прежде правой ноздрей понюхала, а потомъ лѣвой, и, разнюхавъ наконецъ (у нея дурной былъ органъ обонянія), бросила эту тарелку въ лицо буфетчицы. Одна изъ аладьевъ попала въ лицо несчастной, а остальные полетѣли на полъ, вмѣстѣ съ тарелкой. Другой разъ подали супъ изъ рыбы, а не изъ мяса; такъ она позвала къ себѣ эконома и предложила помыть ему голову этимъ супомъ... тотъ черезъ нее долженъ былъ оставить пансіонъ. Любила она также заниматься сплетеньками, маленькими, малень-

книги, — такъ съ наперсточекъ, не больше; собереть за день, да и отнесеть ихъ къ начальницѣ. Ни одна классная дама съ ней дружно не жила. Бывало, помню, боялись слова при ней сказать. А дѣвицы!... дѣвицы ничего лишняго въ пюпитрѣ не держали; бѣда! Куда все полетить! Разъ она открыла мой пюпитръ, а у меня въ корзиночкѣ лежалъ купидончикъ. Она его какъ схватила, да какъ бросить за окно, такъ у меня сердце и забилось.... А вотъ фавориткѣ своей, такъ она все позволяла держать въ пюпитрѣ. Потому что та была страшная богачка и общала ее, послѣ выпуска, взять къ себѣ въ деревню, вмѣсто матери, ибо она была сирота. Кромѣ отца у нея *никого* не было. Вотъ *m-elle* Дынина оттого то и превозносила свою фаворитку Соничку. Передъ выпускомъ, когда дѣвицы готовили подарки (начальницѣ, учителямъ, класснымъ дамамъ), то *m-elle* Дынина сказала своей фавориткѣ: «*Sophie!* Скажите всему вашему классу, если онъ мнѣ *что* хочетъ подарить, такъ пусть подарить мнѣ бархату на салопъ, а ты, *Sophie*, надѣюсь, купишь мнѣ ихъ.» Но дѣвицы не исполнили ея просьбы, даже не обратили на нее и вниманія; вмѣсто бархату купили въ 50 р. сер. серьги и послали ей. Она было не хотѣла ихъ брать, однако взяла. Фаворитка ее надула во всемъ.... Но Богъ съ ней, оставлю ее....

Наканунѣ выпуска принесли платья дѣвицамъ. Позвали всѣхъ примѣрять. Господи! Сколько шуму, крику, беспорядку! Та кричитъ: «мнѣ примѣряйте платье!» Другая кричитъ: «нѣтъ, мнѣ!» Третья говоритъ, что ей очень слабо платье, и неловко сидитъ... Четвертая ищетъ свой пумерь и кричитъ, и шумить, и... и сама не знаетъ, что дѣлать! «Вы мнѣ голову закружили! вотъ брошу и уйду!» говорила растерявшаяся модистка. Сколько ни кричала *m-elle* Дынина на *бунтующій народъ*, однако не могла перекричать....

Последнюю ночь въ пансіонѣ всѣ дѣвицы, исключая одной, сговорились не спать, — и не спали. Вотъ бы когда подслушать ихъ разговоръ! Одна изъ нихъ говорила: «милая моя подушечка! прощай! Ахъ, сколько моихъ мечтаній въ тебѣ останется!... Знаю, ты ни кому ничего не передашь... взрѣте друга подушки не можетъ быть.... все тутъ умираетъ»...

— *Mesdames!* говорила другая дѣвица. Кто послѣ выпуска будетъ носить корсетъ? Вотъ я ужъ ни за что... такъ болятъ бока отъ этаго противнаго корсета... и кто ихъ выдумалъ? То ли

дѣло безъ корсета, медапочки, особенно какъ наѣшься много, много... такъ хорошо... я въ корсетѣ всегда не доѣдаю и бываю голодна....

— А я непременно буду носить.... *absolument*....

— Какъ можно безъ корсета! Настоящая кормилица.

— Да замолчите, пожалуйста, вы ни кому спать не даете съ своими корсетами.

— Ты то что расходилась? напали на нее всѣ почти дѣвицы. Вотъ еще новости! Слышите, тихенькая-то наша отозвалась? Ха! ха! Смѣшно... Вотъ новая принцесса проявилась.

— Ты бы ужъ лучше такъ сказала: «*mesdames*, прошу васъ м-о-л-ч-ать; я сп-ать же-л-л-а-ю!» Ха, ха, ха! Уморительная! Если мы тебѣ мѣшаемъ, такъ ты закутай голову въ одѣяло, да и спи! сказала ей одна дѣвица.

— Ахъ, милая, да оставь ее въ покоѣ, перебила другая. *Mesdames*, какъ вы думаете, кому завтра дадутъ первую награду, кому вторую?

— Осипова! Осипова получить первую! Еще бы! любимица шапан, да и не получила бы.... странно! воскликнуло нѣсколько голосовъ. Ну, а вторую?... Вторую получить Назарова, а третью Николаева.... Впрочемъ, нельзя вѣрно располагать. Завтра видно будетъ.

— Богъ знаетъ, о чемъ толкуютъ! О наградахъ! О пуотикахъ.... Я вотъ объ нихъ такъ и думать забыла! Я вотъ думаю все, какъ я буду разставаться съ Степановымъ. Кто то его послѣ меня обожать будетъ? Кто то ему папиросы будетъ покупать? говорила одна изъ отличныхъ ученицъ.

— Да! *mesdames*, какъ мы будемъ, въ самомъ дѣлѣ, прощаться съ своими обожателями?

— А пепиньерка наша, кажется, спать?

— Нѣтъ, *mesdames*, я не сплю, я все слышу. Мнѣ не съ кѣмъ прощаться.... Завтра я не буду танцовать.... заберусь куда нибудь въ уголь и буду плакать.

— А мы знаемъ отчего ты не будешь танцовать, оттого, что не будетъ *monsieur* Разумова... а если бы онъ былъ, онъ тебя непременно пригласилъ бы танцовать....

— Да, *mesdames*, какъ жаль, что онъ уѣхалъ! Такой былъ душка очаровательный этотъ Разумовъ!... Я не могу забыть его лекцій! Какъ онъ увлекательно читалъ намъ словесность.... Не такъ какъ Степановъ исторію....

— Да, да, ахъ, я не могу вспомнить безъ смѣху какъ Степановъ говорилъ: «*Demoiselles!* Горю, горю... горю...» вмѣсто говорю; ха, ха, ха!... Охъ, умру отъ смѣха.

— Ха, ха, ха! Вотъ умора... А помните-ли, какъ я за его классомъ у доски стояла, за то, что сказала: «*mesdames! воды, воды! Степановъ горитъ!... горитъ!*»!... Онъ тогда насъ всѣхъ назвалъ *мальчушками*... противный!

— Да, да, осмѣлился насъ назвать такимъ именемъ... Уже видно, что Степановъ!

— Тсъ-съ! О! ужь 4 часа. Нужно бы намъ хоть немного уснуть; а то завтра какъ бы намъ дурно не было.... Во первыхъ, мы будемъ всѣ въ корсетахъ, во вторыхъ, будемъ долго въ церкви, а въ третьихъ, обѣдъ не скоро, пока окончится вся церемонія!... Да! надо бы уснуть.... усну-ка я. И до самаго свѣту длились подобнаго рода разговоры.

Насталъ наконецъ давно ожидаемый день! Всѣ дѣвицы одѣлись въ бѣлыя платья и отправились, прямо изъ дортуара, въ церковь. Мы сами пѣли, и пѣли не совсѣмъ-то хорошо. Но въ этомъ случаѣ мы нисколько не виноваты, ибо предупредили начальницу, что будемъ плакать въ церкви, то не лучше ли насъ избавить на этотъ день отъ пѣнія. Но намъ приказали—и мы пѣли.... Слезы и пѣніе!... Изъ церкви пошли въ актовую залу, которая очень невелика, такъ что посѣтителей и половины не помѣстилось въ ней,—и они должны были находиться въ другой комнатѣ, гдѣ приготовлялся обѣдъ. Посреди залы стоялъ длинный столъ, на которомъ лежали награды. Начальникъ губерніи, Никифоръ Тимофеевичъ Лимонниковъ, началъ раздавать награды, а начальница сидѣла и плакала. Каждая дѣвица, принявъ награду, цѣловала руку начальницы, а начальника въ плечо. Въ число наградъ попала также книга «*Повѣстей и разсказовъ*». И что же! Эта самая книга досталась мечтавшей о второй наградѣ.

Она пришла съ этой ничтожной книгой, гдѣ также находился и «*Коть въ сапогахъ*», на свое мѣсто и начала плакать: «Я ее брошу.... дали какую книжонку, хоть бы французскую, а то «*Кота въ сапогахъ*!» Какъ будто я приготовишка! Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ не обидно 18-и или 19-и лѣтней дѣвицѣ получить такую награду? Да это именно только для приготовишекъ годится—«*Коть въ сапогахъ*!» Дѣвица эта была достойна гораздо лучшей награды. Она отличилась на экзаменѣ. Въ продол-

женіе шести лѣтъ училась превосходно!... тогда какъ нынѣшняя первая—потому только и первая, что дочь одного полковника, очень близкаго татапа челоуѣка. На нее-же, разумѣется, было возложено прочесть «*прощальную рѣчь*». Почти всѣ плакали, особенно начальница. Передъ концомъ рѣчи, Осипова зарыдала и еуда можно было слышать ея послѣднее прощаніе съ дѣвками! Пошли обѣдать.... Скоро опять заговорили о раздачѣ наградъ, объ аттестатахъ, о танцахъ, объ обожателяхъ. Всѣ мы думали, что послѣ бала сейчасъ же и домой, и тутъ заранѣе давали клятвы не забывать другъ друга и быть въ частой перепискѣ. Но все это только на словахъ.... Но вотъ и балъ.. Первая летитъ мазурку съ какимъ то незнакомцемъ.... За ней пронеслись вторая и третья; остальные всѣ сидѣли по мѣстамъ.... но подѣ конецъ и онѣ пустились. Я вовсе не хотѣла танцовать... мнѣ очень, очень было скучно... потому скучно, что не было Разумова.... Вотъ челоуѣкъ, который причиною моей тоски.... Со дня его отъѣзда изъ нашей губерни я ни на что не обращала вниманія.... все для меня измѣнилось.... все мнѣ опротивѣло; я готова была летѣть за три девять земель отъ пансіона, чтобы мнѣ *ничего* не напоминало *о немъ!*... Пусть лучше все *прошедшее*, мое милое и никогда невозвратимое прошедше, пусть оно гибнетъ! Пусть разнесется вѣтромъ.... Я забилаь, во время танцевъ, въ уголь и тамъ долго сидѣла, никѣмъ незамѣчаемая, чему очень была рада. Я сидѣла и мечтала о немъ.... о миломъ Разумовѣ.... слѣдила за каждымъ мужчиной, желая найти хоть малѣйшее сходство *съ нимъ*, но нѣтъ.... не нашла... мечтанія мои нарушилъ какой-то незнакомый мужчина, который, должно быть, меня замѣтилъ, да и я его тоже видѣла, какъ онъ сидѣлъ мнѣ *vis-à-vis*. Онъ подошелъ и пригласилъ меня танцовать польку; я пошла. Сажая на стулъ, онъ сказалъ: «позвольте надѣяться — на 3-ю кадрили».

— Извольте, отвѣчала я довольно сухо. Я хотѣла было отказатьь, да какъ то неловко стало.... за кадрилию онъ ко мнѣ приставалъ съ вопросами: отъ чего вы такіа скучныя? О чемъ вы скучаете? Вѣрно вамъ жаль разставаться съ пансіономъ? Вы остаетесь, я слышалъ, пепиньеркой....

— Да, меня оставляютъ, отвѣчала я.

Послѣднюю кадрили я танцевала съ учителемъ Степановымъ... Онъ началъ со мной разговоръ въ такомъ родѣ:

— Вы сегодня довольно скучны, *m-elle*. Что это значит? Вы остаетесь въ пансіонѣ пепиньеркой? Я очень радъ; отлично дѣлаете, что остаетесь. Надѣюсь, что мы съ вами будемъ видаться....

— Нѣтъ, я не *остаюсь*, а меня оставляютъ.... Я говорила, что не хочу,... но чтоже?....

Послѣ всѣхъ танцевъ заиграли *polonaise* и пошли ужинать. За ужиномъ начальница сказала: «Господа родители, прошу завтра въ 9 часовъ пріѣхать за дѣтьми»... — Вотъ тебѣ и разъ!... начали дѣвочки, а мы-то дуры вчера всю ночь не спали, думали, что послѣдняя ночь въ пансіонѣ: вотъ тебѣ и послѣдняя!...

Наконецъ наступилъ и другой день разставанья! Пошли въ церковь. Батюшка сказалъ проповѣдь; отслужилъ намъ молебенъ и пожелалъ всякаго благополучія въ мирѣ... Когда изъ церкви вошли къ татап, то комнаты гостинная и пріемная были наполнены плачущими родителями. Начальникъ губерніи, обращаясь къ родителямъ, сказалъ: «Что вы плачете? Намъ надо плакать, что мы лишаемся такихъ милыхъ дѣтей!» Матап прежде повела насъ къ себѣ въ спальню, благословляла образочками и каждой отдѣльно давала наставленія. Только начальница и дѣвочки появились у двери гостиной, такъ и нахлынула толпа... Давать другъ друга, какъ будто за просфорой лѣзутъ!

— Господа! пожалуйте такъ не.... не позволяйте себѣ... всѣ получите изъ рукъ на руки, говорила начальница.

Подошла и моя мамаша.

— Нѣтъ, вы увѣжайте! ваша дочь остается пепиньеркой, сказала татап.

— Отчего же другія пепиньерки ѣдутъ домой, а моей дочери нельзя? Я не поѣду безъ нея.

— Александру Григорьевичу не угодно, чтобы она увѣжала... Онъ не велѣлъ ее пускать.

— Ну, такъ я ее и совсѣмъ не оставлю. Никто не можетъ *отнять* дитя у матери, говорила со слезами мамаша.

— Не безпокойтесь! подошелъ и сказалъ мамашѣ Александръ Григорьевичъ. Вы можете взять вашу дочь. Вы вечеромъ пріѣжайте къ намъ, а теперь она поѣдетъ съ моею женою. Только съ тѣмъ, чтобы черезъ 10 дней вы ее опять *доставили* сюда; знаете.... вѣдь она пепиньерка... такъ смотрите.

Я сама не знаю, что я чувствовала!... Шестъ лѣтъ я не

была дома и теперь не пускаютъ. Тогда какъ должно пустить, — когда выпустить!... Съ бѣдной дѣвушкой, видно, все можно сдѣлать... Богатый привыкъ покрикивать на бѣднаго... Разъ, помню, случилось во время Христова Рождества... пріѣхали родные къ своимъ дѣтямъ: одни — генераль съ генеральшею, у которой брилліанты впились въ ея жирные пальцы, а другіе—бѣдненькій чиновничекъ съ женою. Вышла начальница въ приемную, раскланялась съ генеральшею, а той и головой не кивнула.—«Что, можетъ быть, вы хотите взять свою дочку? Возьмите, только въ 8 часовъ привезите»....

— Да позвольте уже эти три дня пробыть ей у насъ... пожалуйста .. ужъ вы будьте покойны за нашу дочь... Черезъ три дня я самъ ее привезу,—прибавилъ генераль.

— Берите, берите, только же смотрите, привезите поскорѣе, а то... знаете, все какъ-то неловко.

Подошолъ и небогатый чиновничекъ попросить свою дочь, хоть на два только часочка. Господи ты мой Боже! Такой тутъ содомъ поднялся! «Что это, въ самомъ дѣлѣ, всѣхъ, что ли, я должна распустить? Ни, ни, ни.»

— Пожалуйста, сдѣлайте милость! просилъ и кланялся чиновникъ.

— Нѣтъ и нѣтъ: ваша дочь не стоитъ того, отвѣчала шатап и ушла къ себѣ въ комнаты.

Вечеромъ пріѣхала моя мамаша къ Александру Григорьевичу, но онъ сказалъ, что мы собрались въ театръ.

— Что нравится вамъ эта пьеса? сказалъ Степановъ, придя къ намъ въ ложу.

— Очень, отвѣчала я, не зная даже, *что играютъ*.

— Кто же вамъ изъ актеровъ лучше нравится?

— Всѣ.

— А преимущественно кто?

— Никто.

— Вы сегодня больны, что ли?

— Больна.

— Что же у васъ болитъ?

— Уши.

— Ха, ха, ха! Должно быть вамъ противно меня слушать?

— Да.

— Ну такъ прощайте! Вы сегодня не любезны...

— Прощайте!

- Дайте мнѣ вашу ручку!
- Извольте.
- Вы когда же уѣзжаете домой?
- Завтра; а что вамъ угодно?
- Ничего; я такъ спрашиваю... а скоро вы пріѣдете?
- А когда пріѣду, такъ вы и увидите.
- Да какъ же я васъ увижу? Какимъ манеромъ?
- Точно такимъ, какимъ теперь видите...
- Что же, въ театрѣ, что ли? Такъ я близорукъ.
- Очки надѣньте... но вотъ начинаютъ... идите...

Наконецъ я дома. Можетъ быть, вы хотите узнать мои чувства, когда я подѣзжала домой? Сказать вамъ откровенно, у меня ихъ никакихъ не было... На третій же день, послѣ нашего пріѣзда къ намъ, пріѣхалъ одинъ чиновникъ *предложеніе* мнѣ дѣлать. Я спала послѣ обѣда. Меня разбудили. Я одѣлась и вышла къ нему. Онъ мнѣ сейчасъ началъ говорить, что онъ меня очень любитъ, что у него много денегъ, такъ что если я за него выйду, такъ онъ всевозможныя прихоти мои будетъ исполнять... «буду вамъ игрушки покупать!» заключилъ онъ.

— Помилуйте! я не дитя, чтобы мнѣ игрушки покупать... ха, ха, ха! Вотъ еще! что вы!

— Да видите-ли, я... я вижу, что у васъ на столикѣ столько вещицъ... Ну я... и подумалъ: должно быть, вы ихъ любите!

— Да! Я люблю. Это мнѣ въ пансіонѣ дѣвицы надарили... А вы неужели бы не нашли ничего другаго, нѣсколько получше игрушекъ, подарить?

— Ахъ, что вы!... что вы!... Я могу... Я наконецъ могу... все подарить. Если угодно, я вамъ привезу вексель на десять тысячъ сер. Я его забылъ теперь...

— Ахъ, нѣтъ, не надо... Я къ деньгамъ не пристрастна. Вы не думайте, пожалуйста, чтобы я польстилась на деньги и вышла бы... т. е. не о васъ, а вообще я говорю...

— Ахъ, что вы!... Я знаю, что вы благородная дѣвица... Я вполне сознаю, что... вы одна изъ благороднѣйшихъ... Вы теперь мое счастье... Признаться вамъ, такъ я ту жену не люблю, царство ей небесное, такая была...

— А вы развѣ вдовецъ? спросила я его.

— Да... но вы не беспокойтесь... я ту жену... т. е. при-

знаться вамъ... покойную жену... я ее не любилъ... и признаться вамъ, такъ я съ ней плохо жилъ!

Подали кофе.

— Что же вы не берете? спросила я своего милаго женна.

— Признаться вамъ, я его не употребляю... онъ скверно дѣствуетъ на мой... желудокъ... но ужъ подай! Эй ты! голубушка! подай—ка мнѣ кофею—то... крикнулъ онъ дѣвушкѣ, которая уходила съ подносомъ. Для васъ я готовъ десять чашекъ выпить...

— Я васъ не принуждаю, если вы не можете...

Онъ взялъ чашку. Руки его тряслись, какъ въ лихорадкѣ.

— Такъ какъ же, позвольте надѣяться на ваше согласіе? сказалъ онъ, вставая.... Я надѣюсь, что я... человекъ хорошій! изъ себя не то, чтобы уродъ какой былъ... Состояніе у меня хорошее.. только признаться вамъ.... вотъ одно, что у меня своего дѣла нѣтъ; я квартирою пользуюсь.... Да еще мебели никакой нѣтъ, но это все пустяки... Это я могу все достать... Экипажечъ... лошадочку купимъ и... будемъ кататься... Эхъ—ты—ну!

— А! у васъ и люди свои есть! Значить, кучера не надо будетъ нанимать? спросила я съ насмѣшкой.

— Нѣ-ѣ-ѣтъ. Кучера мы наймемъ... Да вамъ объ этомъ нечего и беспокоиться... У меня, признаться, есть и хуторъ, но народъ тамъ все какой-то дикій. Я было взялъ кухарку себѣ изъ хутора, да что же?... Знаете, все нужно ихъ образовывать... такъ я думаю, ужъ лучше нанять... Не томите же мое сердце, закончилъ онъ и такъ поднялъ глаза къ небу, что я испугалась...

— Нѣтъ, я не намѣрена выходить замужъ... Этотъ годъ я не выйду.

— Отъ чего-же?

— Отъ того, что не выйду.

Онъ пожалъ плечами.

Тѣмъ разговоръ мой съ этимъ господиномъ и кончился. Дома я пробыла двѣ недѣли. Не хотѣлось мнѣ ѣхать опять въ институтъ. Но что же дѣлать! мамаша мнѣ сказала: «побудь недѣлю, другую; если трудно будетъ, то я тебя непременно возьму.» Приѣхала я прямо къ Александру Григорьевичу. У него я прожила еще недѣлю; теперь мнѣ гораздо веселѣй было у него... по вечерамъ ходили гулять, а если дома были, то собиралась молодежь, играли въ карты: я выучилась играть въ судьбу.

Въ пансіонъ я приѣхала въ 8 часовъ вечера. Всѣ ужинали.

Я прошла туда же къ Горкиной, которая меня очень любила. Она меня приняла очень ласково. Приказала, чтобы всѣ мои вещи внесли въ ея комнату.

— Мы въ одномъ классѣ будемъ съ вами дежурить, начала она. М-лле Дынина теперь будетъ свободна. Она сказала, какъ вы прійдете, такъ она и оставитъ дежурить... вы будете въ приготовительномъ классѣ дежурить одна, пока не прійдетъ еще пепиньерка.

— Мнѣ же, мнѣ будутъ платить жалованье за это? спросила я.

— Нѣтъ, теперь пока еще не будутъ. Каникулы вы такъ про-дежурите. А вотъ, когда прійдетъ Дынина, тогда ужъ должны вамъ назначить небольшое жалованье. Ахъ, та сѣге, мнѣ васъ жаль... Зачѣмъ вы такъ рано прійхали?... а вотъ и м-лле Дынина! Bonsoir chère.

— А! вы, прійхали... отлично сдѣлали, а то я уже хотѣла просить начальницу, чтобы она вамъ написала... сказала она мнѣ.

— Мнѣ очень не хотѣлось сюда пріѣзжать...

— Отчего же! Вы теперь моя пепиньерка... Mais allons dans ma chambre... сказала она и, взявъ меня за руку, потащила въ свою комнату.

— Ну, садитесь вотъ здѣсь! Мнѣ нужно серьезно съ вами поговорить. Вотъ видите ли: во первыхъ, вы не хорошо сдѣлали, что велѣли внести ваши вещи въ комнату м-ше Горкиной. Вѣдь вы знали, что вы моя пепиньерка?... знали?

— Знала.

— Такъ какъ же вы смѣли поселиться у Горкиной? Вы должны ко мнѣ перебраться. Вы у маман были?

— Нѣтъ, не была. Я сейчасъ иду къ ней.

Маман меня встрѣтила довольно ласково. Я у нея долго сидѣла и плакала. И отчего мнѣ такъ грустно теперь? Не понимаю. Отчего мнѣ пансионъ... Маман... пепиньерка... м-лле Дынина—кажутся такими страшными? Неужели должность пепиньерки такъ тягостна? Маман мнѣ позволила бывать у м-ше Горкиной, и ночевать у ней.

— Ты теперь будешь одна дежурить цѣлый мѣсяцъ, говорила она. А потомъ, когда ученье начнется, то день ты, а день м-ше Горкина.

— А м-лле Дынина, маман?

— М-лле Дынина уѣзжаетъ на три мѣсяца. Ей отпускъ дали; а потомъ, конечно, какъ она прійдетъ, такъ ты будешь съ ней...

Я пришла къ м-ше Горкиной со слезами. Она меня уговаривала, чтобы я не плакала.

— Вы скажите, говорила она мнѣ, что вамъ трудно, что вы не можете столько заниматься; или просите, что бы я вамъ такое же жалованье положили за этотъ мѣсяць, какъ и всѣмъ класснымъ дамамъ. Вѣдь вы будете этотъ мѣсяць одна дежурить каждый день. За что же вамъ такъ изнурять себя? Когда вы начинаете дежурить?

— Завтра.

Я легла спать на диванѣ, и все думала, какъ я буду дежурить и что меня ожидаетъ?

Вдругъ входитъ со свѣчей м-ше Дынина.

— Вы зачѣмъ здѣсь спите, м-ше la réprimée?

— Мнѣ мамап позволила здѣсь пока быть, вмѣстѣ съ м-ше Горкиной.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, вмѣшалась м-ше Горкина, что она тамъ будетъ спать теперь одна во всемъ дортуарѣ? Пусть здѣсь, у меня.

— Нѣтъ, пусть идетъ туда, гдѣ ей должно спать; потому что дѣти тамъ шумятъ и не даютъ мнѣ покоя, сказала Дынина.

— Какія же дѣти? Тамъ только двѣ дѣвочки. Какой же онѣ могутъ шумъ составить?

— Идите, м-ше la réprimée; иначе вы завтра получите выговоръ отъ начальницы, сказала она и ушла.

Я встала и пошла въ приготовительный классъ... Кроватку мнѣ дали такую же, какъ и приготоишкамъ: ни ширмы, ни столика, ничего нѣтъ; поставили какую-то табуретку, на которую я должна была класть все свое дезабилье... хорошо, что свои подушки были, а то просто бѣда! Что я испытывала это время — сама не знаю... какое то неизъяснимое чувство грусти и оскорбленія разрывало мое сердце: дѣвица 19 лѣтъ должна раздѣваться и одѣваться вмѣстѣ съ 9 и 8-лѣтними дѣвочками! Ширмою даже не отдѣлили кроватку пепиньерки отъ кроватей приготоишекъ! Поутру м-ше Дынина присылаетъ мнѣ дѣвушку сказать, «что я худо гляжу за классомъ, что онъ шумитъ.» Видно Дыниной во снѣ снится, поумала я, —какой же крикъ, шумъ, когда только 3 дѣвицы?! Нячего еще не видя, она стала уже нападать. На пятый день моего дежурства, кромѣ моего приготоительнаго класса, который уже состоялъ изъ 15 дѣвочекъ, классныя дамы прочихъ трехъ клас

согь поручили мнѣ, чтобы я взяла всѣ четыре класса и съ ними шла въ садъ гулять. замѣтите, что самый старшій классъ состоялъ изъ 50 дѣвицъ, да еще одинъ изъ 30; вотъ 80 дѣвицъ, да монхъ приготоуишекъ 15—всѣхъ 95! Ну мнѣ ли съ ними справиться! Но я повиновалась, пошла въ садъ: дѣвицъ въ саду и половины не было: кто наверху остался, кто пошелъ въ лазаретъ навѣстить своихъ подругъ, кто отправился въ дортуаръ, кто къ закройщицѣ. Пошла я на верхъ розыскать ихъ; прихожу—и встрѣчаю цѣлый полкъ...

— Что вы, mesdemoiselles, тутъ дѣлаете? Вамъ вѣрно въ саду быть; отчего же вы не слушаетесь? сказала я довольно серьезно.

— Вотъ еще! Мы здѣсь хотимъ быть... Вамъ то что за дѣлю? Вы свой классъ смотрите, а у насъ свои классныя дамы.

— Да мнѣ приказано, что бы я и за вами смотрѣла. Идите сейчасъ всѣ въ садъ!

— Фу! «Voilà encore!» Не пойдемъ... Вотъ еще! Есть кого слушать! Такая же, какъ и мы... Давно сама соскочила со скамейки, говорили третъеклассныя грубиянки.

Я начала плакать, пошла къ madame Горкиной и попросила ее за меня дежурить... М-ше Горкина не отказалась. Эта такая добрая и милая дама, которая только желаетъ угодить всякому. Я къ ней очень, очень привязалась и сердцемъ, и душою. Завтра я пойду къ тапап и все расскажу о дѣвицахъ... Впрочемъ онѣ не виноваты. А гдѣ же классныя дамы? Классныя дамы всѣ теперь въ театрѣ, кромѣ m-ше Горкиной, которой, изволите видѣть, всегда мѣста недостаетъ. Онѣ теперь въ ложахъ наводятъ лорнетки на своихъ боговъ... да! лорнируйте! наслаждайтесь удовольствіемъ; теперь есть пепиньерка: она за всѣхъ будетъ дежурить; пусть отдувается одна за четырехъ, а вы спѣшите въ театръ; ложи у васъ готовы. Вамъ Осиповъ откупилъ ложи (всѣмъ нашимъ класснымъ дамамъ) на шесть лѣтъ, ну и старайтесь доказать ему свою признанность. На другой день, послѣ сцены съ дѣвицами, я пошла внизъ къ тапап и сказала, что я больше не намѣрена дежурить. Она меня уговаривала; общала наказать тѣхъ дѣвицъ, которыя нагубили мнѣ. Я согласилась дежурить, но только съ тѣмъ, чтобы классныя дамы въ другой разъ не поступали такъ со мной. Онѣ рады, что попалась пепиньерка. Нѣтъ, панншучка я сегодня письмо мамашѣ, думала я, возвращаясь отъ начальницъ; что въ самомъ дѣлѣ? дежурь, дежурь, мучься, мучься изъ

какихъ нибудь 7 р. въ мѣсяцъ... Я совѣмъ здоровье свое потеряла, развѣ у меня такой цвѣтъ лица былъ? Совѣмъ ни въ что не пох... Я не успѣла договорить, какъ вдругъ отворилась дверь, и вошла дѣвушка начальницы.

— Пожалуйста внизъ. Васъ просятъ папаша Павловыхъ, сказала она.

— Какихъ это Павловыхъ? которые въ моемъ классѣ?

— Да-съ. Вотъ что сейчасъ пошли внизъ.

— Зачѣмъ же это? думала я. Вхожу въ приемную. Павловъ мнѣ откланялся *très joliment* и началъ:

— Мнѣ нужно съ вами поговорить.

— Извольте. О чемъ вамъ угодно? сказала я серьезно.

— Да вотъ видите ли, у меня, кромѣ этихъ двухъ дочерей, есть еще маленькая, которая вовсе ничего не знаетъ... Объ ней то бы я и хотѣлъ съ вами поговорить.

— Что же, вы ее хотите отдать въ пансіонъ, что ли? Въ приготовительный классъ поступаютъ такія, что и совѣмъ ничего не знаютъ.

— Нѣтъ, я ее не хочу отдавать сюда, но хочу, чтобы вы ее учили. Вѣдь вы здѣсь пепиньеркой?

— Да, я пепиньерка.

— Много вы жалованья получаете?

— Ахъ, это еще не извѣстно... Право не могу вамъ сказать, сколько будутъ давать.

— Я вамъ столько дамъ въ годъ жалованья, сколько вы пожелаете. Я вамъ буду доставлять удовольствія разныя... Оставьте вы пансіонъ.

— Нѣтъ... я... я не могу такъ скоро... Мнѣ никакой надобности, или лучше, крайности нѣтъ идти въ гувернантки. А позвольте узнать, у васъ есть жена?

— Нѣтъ! У меня нѣтъ женщ... да и будетъ ли когда такая, какую я желаю?... Скажите, пожалуйста, у васъ есть мамаша, папаша?

— Есть одна только мамаша...

— А сколько вамъ лѣтъ?

— 18 лѣтъ.

— Значить, вы сирота?

— Сирота.

— У васъ есть еще сестры, братья?

— Нѣтъ никого... только я одна. Но до свиданья. Я не могу больше съ вами быть. Я дежурная.

— Но дайте же мнѣ окончательное слово...

— Нѣтъ, я такъ скоро не могу рѣшиться... Вы поѣзжайте къ Александру Григорьевичу. Вотъ онъ теперь у шапан,—вы его знаете?

— Знаю, я съ нимъ знакомъ... Ну и что же?

— Поѣзжайте вы къ нему и скажите, что вы приглашаете меня гувернанткой, и скажите, что я вамъ сказала: «я не могу располагать сама собой, безъ его воли, хоть онъ и оставилъ меня здѣсь насильно пепиньеркой, хоть и черезъ него я пью очень горькую чашу, которую не знаю достанетъ ли у меня силъ и допить. Скажите ему. Онъ меня насильно оставилъ пепиньеркой... Я не хотѣла быть... Больше я не могла говорить и ушла. Я теперь въ самомъ критическомъ положеніи! Меня притѣсняють со всѣхъ сторонъ!.. На меня напали всѣ классныя дамы за то; что какъ смѣла я сказать начальницѣ на ихъ классѣ!... Вѣдь это ужасно! Дынина велѣла перенести въ свою комнату всѣ мои вещи и не велѣла ходить къ м-ше Горкиной. Я не послушала ее. Мнѣ не захотѣлось идти объѣзжать внизъ, вмѣстѣ съ дѣвцами, и я попросила м-ше Горкину, чтобы мою порцію принесли вмѣстѣ съ ея, потому что свободныя классныя дамы объѣдаютъ въ своихъ комнатахъ. Дынина, узнавши о моемъ приказаніи, не велѣла давать казенныхъ тарелокъ на верхъ. Такъ я и просидѣла на пищѣ св. Антонія. Не хочется мнѣ гувернантки имя носить! Напишу-ка прежде мамашѣ; если она меня не возьметъ и скажетъ, чтобы я еще въ пансіонѣ побывала, тогда я объявлю свое желаніе Павлову... пусть... Что то скажетъ ему Александръ Григорьевичъ... А вѣдь онъ дастъ мнѣ рублей четыреста сер. въ годъ. Куплю тогда себѣ браслетъ, серьги бриллантовые, платьевъ нашью... А какія у меня будутъ платья? Все шолковыя... два сошью бархатныхъ и пріѣду въ пансіонъ... пусть тогда посмотрятъ... Пусть-ка Дынина взглянетъ на меня! Я приду на верхъ и всѣ классныя дамы бросаются ко мнѣ, но я прищурю глаза, потомъ взгляну въ лорнетку и скажу: «а-а-а! Эт-о-о вы!... Я васъ не узна-а-ла!» Отвернусь и уйду. Пусть тогда знаютъ пепиньерку!.. Все это я думала, лежа на своей жолтенькой кроваткѣ. Дѣвцы спали. Дынина пріѣхала изъ театра въ 12 часовъ ночи, и прямо пришла въ дортуаръ, посмотрѣть тутъ ли я сплю или

у т-ше Горкиной. О смѣхъ! О, злость. На другой день я не успѣла еще одѣться, какъ приходитъ дѣвушка и зоветъ меня къ татап. Я думала, что это опять Павловъ, но нѣтъ; я ошиблась. Являюсь въ кабинетъ татап и встрѣчаю Александра Григорьевича.

— А—а! Здравствуйте! началъ онъ.

— Здравствуйте... Вы меня звали?

— Да. Пойдемте въ корридоръ!

Мы пошли. Онъ взялъ меня за руку и сталъ ходить.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, что это у васъ за новости? Отчего вы не хотите дежурить?

— Оттого, что я оставляю пансіонъ.

— Но кто жь это вамъ позволилъ?

— Сама себѣ позволяю... Я не могу, я нехочу... ни за что теперь не останусь... Какъ вамъ будетъ угодно.

— Да позвольте! Такъ нельзя... вы теперь не можете оставить... вы утверждены уже пепиньеркой.

— Нѣтъ, я не могу... я ни за что не пойду дежурить. Приѣхала другая пепиньерка, вотъ пусть татап прикажетъ ей дежурить.

— А вы давно перестали дежурить?

— Я другой день не дежурю.

— Кто же васъ больше всѣхъ тутъ обижаетъ?

— Всѣ классныя дамы, а преимущественно Дынина.

— Она завтра уѣзжаетъ въ Г...нъ. Вы отъ нея избавитесь и будете опять дежурить... Вамъ Павловъ голову вскружилъ... Я знаю это и оказалъ ему, что бы онъ не надѣялся.

— Я не хочу быть и гувернанткой, не хочу и пепиньеркой, — вотъ и все. Я не буду дежурить—и дѣло съ концемъ.

Онъ бросилъ мою руку.

— Я вамъ желаю добра, а вы топчите подъ ноги мое желаніе, сказалъ онъ съ досадою и ушелъ. Я пошла къ себѣ въ комнату, и думала: «что то будетъ? Отчего Павловъ не ѣдетъ?» Написала письмо мамашѣ и послала. Черезъ день Дынина уѣхала. Другая пепиньерка тоже взбунтовалась. Ее беретъ замужняя сестра къ себѣ въ Можайскъ. Но вотъ я опять съ Павловымъ въ приемной.

Онъ приѣхалъ въ 8 часовъ вечера. Я уже была раздѣта, когда за мной пришла Варвара.

— Кто приѣхалъ? спросила я не безъ волненія.

— Павловъ. Онъ убѣдительно просилъ васъ придти; *зотъ*, говорить, на одну минуточку.

Я поправила волосы и надѣла зеленое платье, которое очень ко мнѣ шло. Когда я вошла къ нему, онъ сидѣлъ на диванѣ съ закинутой головой... волосы его были завиты. Онъ—брюнетъ, довольно красивъ, часто поднимаетъ глаза къ небу, что къ нему очень идетъ.

— Наконецъ-то! Мое почтеніе! Что это васъ такъ долго не было? Я ужь отчаялся васъ видѣть.

— Ахъ, извините меня задержала *м-ше* Горкина.

— Вы, кажется, ее очень любите?

— А вы почему знаете?

— Такъ... Я предчувствую ее счастье!

— Какое же здѣсь счастье вы находите?

— Какъ какое? Такое, что она любима вами.

— Ну что же, вы были у Александра Григорьевича?

— Былъ, какъ же. Онъ сказалъ, что вы должны остаться пепиньеркой. Не понимаю, что за охота ему васъ удерживать? Странный человѣкъ!

— Да нѣтъ, я не останусь, я даже перестала дѣжурить. Я написала письмо мамашѣ, чтобы она пріѣхала и взяла меня...

— А потомъ что?

— А потомъ Богъ знаетъ что.

— А я знаю что.

— Можетъ быть вы и знаете... не спорю.

— А потомъ, вы выйдете замужъ. Съ мамашей вамъ вѣкъ не сидѣть... Я бы вамъ совѣтывалъ теперь выходить замужъ... пока вы молоды!.. цвѣтете... Что вамъ? Сердцемъ чужимъ *ми-кмо* не можетъ располагать... О, сердце, сердце! Многое ты значишь!...

Онъ вздохнулъ... Мнѣ хотѣлось уйти; я поняла его намѣрѣніе.

— Что же вы хотѣли мнѣ сказать? Начинайте!

— А то, что я хотѣлъ бы просить вашей руки, но чувствую себя недостойнымъ ея...

— Что вы!...

— Да! Я прошу вашей руки и жду отъ васъ рѣшительнаго отвѣта!... Говорите: *да* или *нѣтъ*?

— Позвольте, я должна поговорить...

— Съ кѣмъ вы будете говорить?

— Съ моиѣ чувствами. Завтра я дамъ вамъ рѣшительный отвѣтъ. Я ни съ кѣмъ не буду совѣтоваться, кромѣ моиѣ чувствъ...

— Позвольте! Пожертвуйте еще минуту для меня... Я вамъ скажу о своемъ состояніи. Я имѣю большую деревню, слѣдовательно—я помѣщикъ! У меня дѣти... Но вы о нихъ не беспокойтесь. Эѣи двѣ дѣвочки здѣсь въ пансіонѣ, а третья, маленькая, дома. У меня за ними есть кому смотрѣть. Вы вообразите, что ихъ у меня нѣтъ....

— Какъ же это вы такъ говорите? Напротивъ, мнѣ кажется, что вамъ нужно имѣть хорошую жену, а дѣтамъ вашимъ— добрую и заботливую мать!

— Да... оно такъ... но вы для меня... въ эту золотую минуту дороже моиѣ дѣтей.

— Ахъ, оставьте... Что вы говорите... Я дороже вамъ дѣтей вашихъ! Это сумасшествіе! Знаете, что для человѣка бываютъ такіа обманчиваа минутки, когда ему все кажется не такъ, какъ есть.

— Нѣтъ... Я васъ люблю... Я съ перваго раза хотѣлъ просить у васъ руки. Можетъ ли быть что нибудь пріятнѣе для меня сегодняшняго вечера! Говорите мнѣ да или нѣтъ... Теперь мнѣ одно остается, услышать отъ васъ— жизнь или смерть!..

— Завтра вы услышите одно изъ двухъ... но теперь нѣтъ...

— Прощайте! Завтра видно будетъ.

— Но сегодня—то скажите хоть что нибудь...

— Сегодня, я вамъ говорю, что ничего не могу сказать. Я не отказываю и слова не даю... Завтра!

Я пришла прямо въ комнату ма-ше Горкиной, которая закидала меня вопросами.

— А поздравляю васъ! говорила она! Я вѣдь все знаю... За васъ Павловъ сватается... вѣдь да! говорите, да! Вѣдь я знаю.

— Отъ кого вы все знаете? Странно! Мы только вдвоемъ сидѣли... Онъ вовсе не сватается, а приглашаетъ меня гувернанткой...

— Да! Гувернанткой! Хороша гувернантка! Если вы не соглашаетесь къ нему *гувернанткой*, такъ пусть меня пригласить. Я бы съ удовольствіемъ согласилась... ха, ха, ха, гувернантка! Каково!

— Bonsoir, madame, je veux dormir...

— Да! Долгі! Знаю, мечтать идете. Нарочно вранду по-смотреть... говорила Горкина.

Я пришла въ отведенную для пепиньерокъ комнату, въ ту самую, гдѣ жила Дѣнина. Она уѣхала въ какой то городъ вставить себѣ зубы... Я пришла, раздѣлась и легла.

Въ этой комнатѣ ночевала дѣвушка.

— Чья это кровать еще, спросила я?

— Это Куропаткиной, отвѣчала дѣвушка.

— Развѣ она пріѣхала?

— Пріѣхали.

— Гдѣ же она?

— У мамы.

Я залилась смѣхомъ. Куропаткина тоже пепиньерка. Она была дома и вотъ только теперь пріѣхала. Лежу я и думаю: кто же это разсказалъ про маминъ разговоръ Горкиной? А! Знаю... Это несносная Варвара... сплетница первая! Теперь всѣ узнаютъ; татап непременно узнаетъ... Вотъ, скажетъ, замужъ захотѣла! Оттого то она и не хочетъ быть пепиньеркой... А! Куропаткина! Здравствуй, моя милая! Ну что, совсѣмъ пріѣхала?

— Да. А ты, я слышала, не хочешь быть?

— Нѣтъ, не хочу... я на дняхъ уѣду.

— Да ты же вѣдь замужъ выходишь?

— За кого? Кто это тебѣ сказалъ? Какія глупости! Что за сплетни!...

— За Павлова. Ты думаешь, что я не знаю.

— Да кто тебѣ сказалъ!

— Матап мнѣ сказала, что тебѣ Павловъ дѣлалъ сегодня предложеніе.

— Не вѣрь, милая; все это вздоръ! А вотъ разскажи, какъ ты дома провела время. Весело ли тебѣ было?

— Да, мнѣ очень весело было. Я все въ деревнѣ жила... Ахъ, какъ хорошо въ деревнѣ жить!.. Я вставала рано и ходила гулять въ садъ; воздухъ такой чистый, кругомъ зелень...

— Ну, познакомились съ кѣмъ? спросила я ее, не понимая сама о чемъ... Я была очень разсѣянна... и рада, рада была, когда мы пожелали другъ другу «доброй ночи.» Я притворилась, что я спала, когда услышала: «ты спишь? Адель! Да ты спишь, что ли?» Я слышала, но не хотѣла отвѣчать, не хотѣла прерывать свои разовья и черныя мечты... Мнѣ было сладко думать о немъ, и въ тоже время—противно!.. Я не знала сама, что я

чувствовала, что со мною дѣлалось и на что рѣшиться, Онъ мнѣ понравился и не понравился... То мнѣ пріятно о немъ думать, то противно... Нѣтъ, сердце мое не къ нему лежитъ... Оно *другое* мнѣ вѣщаетъ. И вотъ я представляю, что я невѣста Павлова... я начинаю плакать, плакать и плакать... и тутъ же лаю сама себя утѣщать, и говорю: «нѣтъ, нѣтъ, я невѣста не его, а... другаго... *другой!* Кто же это *другой?* Къ свѣту я рѣшила себѣ отказать Павлову. Скажу ему такъ: «благодарю васъ за предложеніе, но я не могу»....

Утромъ пришла ко мнѣ татап и начала спрашивать о случившемся...

Я ей все сказала, да она и безъ того все знала.

— Ну что же, ты намѣрена выйти за него? спросила она меня и, не дождавись моего отвѣта, сказала: «Какого же тебѣ еще нужно?»

— Нѣтъ, татап, я за него не пойду.

— Отчего же? Развѣ ты не хочешь быть *комльщицей?*

— Не хочу...

Я заплакала; мнѣ хотѣлось домой, домой... Вечеромъ я пошла съ Куропаткиной въ садъ гулять. Явился и Павловъ: онъ подошелъ и взялъ меня за руку.

— Оставьте насъ на минуту вдвоемъ, сказалъ онъ Куропаткиной, и пошелъ со мной въ другую аллею.

— Ну, теперь вы мнѣ все должны сказать! Не бойтесь, говорите...

— Я... г-нъ Павловъ, не могу за вами быть.... Я не буду васъ любить...

— Я къ этому былъ приготовленъ... Благодарю за благородный отказъ... Знать, мнѣ не жениться... Чтобы забыть васъ, я прежде долженъ забыть, что я существую на свѣтѣ... Мы съ полчаса ходили по аллеѣ и молчали.

— Ну, сказалъ онъ, позвольте пожать вамъ, послѣдній разъ, руку вашу... Дай Богъ вамъ всего хорошаго... счастья желаю вамъ въ жизни, и прошу васъ помнить преданнаго вамъ человѣка... Желаю вамъ *никогда* меня не встрѣчать... Прощайте! Онъ поцѣловалъ мою руку и такъ хорошо посмотрѣлъ на меня своими черными глазами, что если бы еще немного, то я бы вся отдалась ему... Онъ на другой же день уѣхалъ изъ губерніи; а черезъ недѣлю, какъ Александръ Григорьевичъ ни наставлялъ, ни сердился, и я вышла изъ пепиньерокъ. Тутъ, Богъ знаетъ, многое открылось, изъ чего и онъ-то благодѣтельствовалъ. У насъ въ губерніи большая часть такихъ благодѣтелей. Грустно и больно даже вспомнить что происходило. Жалованья мнѣ вы дали, стыдно сказать, за три недѣли моего дежурства сорокъ копѣекъ серебромъ!

А. СТЕПНЯЧКА.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ЧУДЕСНАГО.

I.

Въ прошломъ году вышло въ Парижѣ довольно интересное сочиненіе *Луи Фигье*: «*Histoire du merveilleux dans les temps modernes*». Фигье давно уже извѣстенъ какъ писатель, старающійся распространять здравыя, естественно-научныя понятія въ кругу читателей мало-знакомыхъ какъ съ естественными науками вообще, такъ и съ тѣми результатами, къ которымъ приводитъ современное безпристрастно-спокойное изученіе природы. Наша русская читающая публика тоже отчасти знакома съ этимъ ученымъ, такъ-какъ его «*L'année scientifique et industrielle*» — издаваемый ежегодно — постоянно переводится и у насъ. Но теперь мы хотимъ познакомить ее съ Фигье еще болѣе, изложивъ въ нѣсколькихъ статьяхъ содержаніе его послѣдняго сочиненія, заглавіе котораго выписано выше.... Историко-критическій очеркъ особенно-рѣзко выдающихся, странныхъ, повидимому непонятныхъ явленій, приписываемыхъ дѣйствию сверхъестественныхъ силъ, — а между тѣмъ вполне объяснимыхъ просто и естественно, — долженъ быть не бесполезенъ для людей, которые вѣрятъ еще въ домовыхъ, лѣпныхъ, колдуновъ, ворожеекъ, убогихъ, странниковъ и тому подобныхъ господъ, — для людей, которыхъ у насъ на Руси должно считать милліонами, такъ-какъ суевѣріе и мистицизмъ у насъ еще слишкомъ распространены....

Конечно, доказывать серьезнымъ образомъ всю несовременность подобныхъ вѣрованій, говорить докторальнымъ тономъ, что все это плодъ разстроенаго человѣческаго воображенія —

въ настоящее время, — при тѣхъ громадныхъ уснѣхахъ, которые сдѣлали естественныя науки и основанная на нихъ положительная философія, — крайне смѣшно... Но опять: смѣшно для кого?...

Поводомъ къ написанію «Исторіи чудеснаго» для Фигье послужила манія вертящихся и говорящихъ столовъ, занесенная въ Европу изъ Америки въ 1854 году.... Люди серьезные, старающіеся отдавать себѣ отчетъ во всемъ, и притомъ ищущіе объясненія всевозможныхъ явленій въ причинахъ простыхъ и естественныхъ, были поражены этимъ внезапнымъ порывомъ страсти къ чудесному, — страсти, обуявшей въ то время почти всю Европу. Имъ казалось совершенно непонятнымъ, какъ могла возникнуть вѣра въ чудодѣйственность американскихъ фокусовъ въ XIX столѣтіи, въ этотъ вѣкъ положительной философіи, въ вѣкъ замѣчательнаго научнаго движенія, направляющаго все къ полезному и реальному.... Но въ этомъ, — какъ намъ кажется, — нѣтъ ничего удивительнаго и поражаться тутъ рѣшительно не чѣмъ. Вѣра въ говорящіе столы (въ столы, которые даже узнаютъ прошедшее, предсказываютъ будущее, отгадываютъ сокровенныя мысли людей и дѣлаютъ разные тому подобныя чудеса, приводящія въ изумленіе простыхъ смертныхъ) нисколько не принадлежитъ исключительно нашему вѣку, потому что составляетъ одинъ изъ видовъ, одну изъ формъ *эвры* въ чудеснаго вообще, — а эта вѣра была всегда и всюду, и необходимо свойственна человѣческому духу, на известной степени его развитія. Человѣкъ, не далеко ушедшій въ своемъ развитіи и мало знакомый съ законами природы, обыкновенно готовъ признать надъ собою тысячи невидимыхъ силъ, дѣйствующихъ въ недоступной для него сферѣ.... И эта навная готовность существовала во всѣ періоды человѣческой исторіи, принимая лишь, — смотря по времени, мѣсту и народнымъ нравамъ, — тотъ или другой оттѣнокъ. Гаданіе (съ его всевозможными вариантами), вѣра въ оракуловъ, вѣщунновъ, сивилль — вотъ форма, въ которой проявлялась вѣра въ чудесное въ древности и проявляется еще до сихъ поръ, безъ существеннаго измѣненія, у всѣхъ восточныхъ народовъ. Въ средніе вѣка, — съ возникновеніемъ новой религіи, — чудесное находитъ пріютъ въ лонѣ католической церкви: является вѣра въ дьявольскія навожденія, въ колдунновъ и вѣдьмъ. Нѣсколько вѣковъ сряду пылаютъ костры и раздаются стоны несчастныхъ жертвъ католи-

ческаго суевѣрія, обвиненныхъ въ сношеніи съ демонами, или съ колдунами—ихъ сообщниками; церковь кладетъ свою санкцію на безумный мистицизмъ.... Но вотъ погасли костры; XVII вѣкъ приблизился къ концу своему; возникла новая философія—кроткая и свѣтлая; состарѣлся дьяволъ, и обвинения въ колдовствѣ утратили свою силу и стали анахронизмомъ: а вѣра въ чудесное все-таки продолжаетъ преспокойно господствовать среди людей и нисколько не утрачиваетъ своихъ прежнихъ правъ: появились различныя чудеса; родилась вѣра въ волшебный жезлъ, открывающій тайны видимаго и невидимаго міра; въ естественныхъ наукахъ—съ легкой руки Парацельса — стали допускать вмѣшательство сверхъестественныхъ силъ въ дѣла природы.... Наступилъ наконецъ и XVIII вѣкъ; явилась философія Декарта; здравый смыслъ и здравый взглядъ на вещи пріобрѣли мало-по-малу право гражданства; дѣятельность энциклопедистовъ, способствовавшая къ этому, слишкомъ извѣстна, чтобы здѣсь говорить о ней. Но вѣра въ чудесное и тутъ выдержала напоръ новыхъ идей. Въ католической церкви чудеса не прерывались,—а въ заключеніе спектакля, въ концѣ XVIII столѣтія, появился Месмеръ и взбаламутилъ всю Европу своими фантастическими штуками... Но кончился и XVIII вѣкъ; наступило наше столѣтіе; месмеризмъ утратилъ кредитъ въ публикѣ, — но это еще ничего не означало: ему готовился наслѣдникъ—*искусственный сомнамбулизмъ*, открытый маркизомъ Пюйзегюромъ и пріобрѣтшій вдругъ огромное множество прозелитовъ... Наконецъ въ наше время появились вертящіеся столы, которые послужили поводомъ къ созданію такихъ гипотезъ, отъ которыхъ у простаго смертнаго умъ за разумъ зайдетъ....

Послѣ всего этого невольно придешь къ тому грустному заключенію, что человѣку не живется безъ суевѣрія, что безъ химеръ ему и жизнь не въ жизнь, что быть обманутымъ, по своему крайнему легкомыслію,—для него величайшее наслажденіе. И Фигье дѣйствительно приходитъ къ такому заключенію, и пророчитъ людямъ въ будущемъ многое множество новыхъ видовъ суевѣрія... Но намъ какъ-то тяжело согласиться въ этомъ случаѣ съ нашимъ добрымъ авторомъ; намъ какъ-то не вѣрится, чтобъ любовь къ чудесному составляла дѣйствительно одно изъ свойствъ человѣческой природы. Словомъ, мы думаемъ, что Фигье въ этомъ отношеніи ошибся,—и ошибся именно потому, что не достаточно-просто взглянулъ на чудесное.

Мы думаемъ, что все исходить изъ природы, что все вращается въ природѣ, что все есть природа. Мы думаемъ, что и человекъ, со всѣми своими особенностями, со всей своей цивилизаціей, со всѣми своими тенденціями (даже ультра- и супра-натуралистическими) есть та же природа, есть одна изъ частей того цѣлаго, которое обозначается этимъ многообъемлющимъ именемъ. А потому и для человекъ, — какъ и для всего остального въ природѣ, — нѣтъ никакой возможности выйти изъ-подъ ея законовъ, уклониться отъ нихъ, хотя на одну юту; ибо и уклоняясь отъ законовъ природы, человекъ все-таки подчиняется имъ: вѣдь патологія есть та же физиологія, съ тою лишь разницею, что съ переменною данныхъ нормальныхъ и ненормальныхъ, измѣняется и результатъ ихъ взаимнаго дѣйствія — измѣняется картина жизненныхъ явленій, — законъ же правящій послѣдними, остается все тотъ же. На этомъ основаніи самая страшная, повидимому, уклоненія отъ законовъ природы суть въ сущности ихъ подтвержденія. И мы думаемъ, что такой взглядъ на человекъ — самый естественный и можетъ принести людямъ только величайшую пользу, — такъ что всѣ усилія современной науки (принимая это слово въ его обширнѣйшемъ смыслѣ) должны — по нашему мнѣнію — клониться ко тому, чтобъ излечить человекъ отъ той неосновательной мысли, будто бы онъ нѣчто особенное отъ природы, нѣчто внѣ ея сущее, а поэтому и находится къ ней въ антагонистическомъ отношеніи... Смотри люди на себя проще, не создавай они для своей жизни особыхъ, отличныхъ отъ естественныхъ, законовъ — они давно бы давно дошли до осуществленія многихъ своихъ рациональныхъ стремленій, которыя между тѣмъ остаются только стремленіями, а если и осуществляются, то какъ-то патологически мучительно, да и то не надолго... Пока естественные законы, съ своею математическою строгостью и положительностію не проникнутъ глубже въ тѣ сферы, гдѣ человекъ думаетъ видѣть сверхъестественное — до тѣхъ поръ нельзя ждать весьма и весьма многого. До тѣхъ поръ слова: разумность и рациональность, право и справедливость, порядокъ и благоустройство, свобода, счастье, равенство и миръ — будутъ лишь пустыми словами. Мы думаемъ, что изучать законы природы, доискиваться ихъ — необходимѣйшая задача человекъ, сознававшего свою роль въ вселенной, опредѣлившаго свое назначеніе въ цѣпи другихъ живыхъ существъ. Идти противъ законовъ природы — безуміе.

ство, достойное заключенія въ домъ умалишенныхъ ; игнорировать ихъ — пошлѣйшая пошлость, достойная всякаго осмѣянiя. Игнорируя законы природы, человѣкъ доказываетъ не свое величiе, а всю мелочность своего узкаго самолюбiя, всю ничтожность своего пониманiя вещей, которое тотчасъ же бываетъ наказано самымъ позорнымъ образомъ. Не знать еще можно; но знать и не исполнять—это уже нелѣпо-глупо.

Чудесное, сверхъестественное, обыкновенно выдѣляютъ изъ природы, ставятъ внѣ ея, *сверхъ* нея,—откуда и самое названiе. Но такое выдѣленiе доказываетъ только всю поверхностность обыкновеннаго, вульгарнаго человѣческаго мышленiя, не развитаго наукой и не воспитавшагося въ правилахъ строгой логической дисциплины. Понятiе о «сверхъестественномъ»—какъ понятiе—есть результатъ *человѣческой* мышленiя, есть продуктъ *человѣческой* мысли, и если и имѣетъ како-нибудь реальное значенiе, то не само по себѣ, — какъ выраженiе чего-нибудь объективно существующаго,—а только по отношенiю къ человѣку, который, со всѣмъ своимъ процессомъ мышленiя и его продуктами, есть все-таки *часть природы*. Но кромѣ того сверхъестественное не только не существуетъ *сверхъ* природы, сверхъ естественнаго, а напротивъ: оно возникло изъ естественнаго и только ему одному обязано своимъ происхожденiемъ. *Оно есть результатъ наблюденiя природы человекомъ*. По закону своего мышленiя (которое, разумѣется, обуславливается особой организацiей мозга), человѣкъ во всемъ и всюду отыскиваетъ *причину*, ко всему и всюду обращается съ вопросомъ: *почему и отчего?* Такъ есть теперь, такъ было прежде, такъ было и въ первые моменты исторической жизни человѣка... Но тогда человѣкъ не могъ не быть особенно пораженъ нѣкоторыми явленiями природы, которыя и до сихъ поръ еще пугаютъ, или приводятъ въ изумленiе людей неразвитыхъ и незнакомыхъ съ физикой и метеорологiей, — напримѣръ, нѣкоторыми метеорическими явленiями, или периодическимъ замиранiемъ и оживленiемъ природы (временами года) и т. п. Но гдѣ же было тогда найти ему, не знакомому съ законами природы, со свойствами вещества, причину всѣхъ этихъ явленiй? Гдѣ было найти ему отвѣтъ на вопросы: почему и отчего? Объ электричествѣ человѣкъ въ то время еще ничего не зналъ; о влiянiи на нашу планету направленiя солнечнаго луча — тоже самое. Понятно, что, при такихъ обстоятельствахъ, человѣку ничего не оста-

валось болѣе, какъ вообразить себѣ, что каждое подобное явленіе природы производится такимъ же существомъ, какъ онъ самъ, только несравненно высшимъ и притомъ невидимымъ, т. е. *духомъ*. И вотъ начало извѣстныхъ, глубоко вкоренившихся въ умъ человѣческой понятій,—понятій, которыя, съ развитіемъ человѣчества, подвергались многообразнымъ видоизмѣненіямъ (оставаясь въ сущности одними и тѣми же) и долго будутъ еще подвергаться имъ, пока не исчезнутъ совершенно, замѣнясь реальными причинами явленій, открытыми наукой....

Смотря съ вышеприведенной точки зрѣнія на чудесное, сверхъестественное, мы, конечно, не найдемъ въ немъ никакой существенной, философской разницы съ тѣмъ, что въ естественныхъ наукахъ называется причинами явленій, т. е. съ *естественными силами*. Вся особенность лишь въ томъ, что человѣкъ неразвитый, необразованный, отвлеченное понятіе о силѣ (о причинѣ явленій) антропоморфируетъ (или зооморфируетъ), т. е. отливаетъ его въ человѣческую или животную форму, или, наконецъ, въ совершенно безформенную форму, въ форму *духа*—которая однакоже можетъ принимать всевозможныя формы. Человѣкъ необразованный—какъ извѣстно—мало способенъ къ составленію чисто-отвлеченныхъ понятій: его непосредственному сознанію необходимъ пластицизмъ, необходима образность.

Кромѣ того: сверхъестественное есть буквально то же естественное, только по незнанію принимаемое за сверхъестественное. Человѣкъ знакомъ, на примѣръ, съ извѣстными явленіями природы, съ извѣстными сторонами ея, и считаетъ ихъ вполнѣ естественными; но вотъ онъ подмѣчаетъ новыя явленія, новыя стороны въ жизни природы—и относитъ ихъ уже къ сверхъестественному, потому что для его пониманія они дѣйствительно находятся *сверхъ* того естества и его явленій, которыя ему были до сихъ поръ извѣстны.... Притомъ поддерживать въ людяхъ вѣру въ сверхъестественное составляетъ существенный интересъ для нѣкоторыхъ классовъ: на этомъ зиждется ихъ авторитетъ. Познакомъ древніе египетскіе и греческіе жрецы массу своего народа съ тѣми естественными законами, которые имъ были извѣстны,—они непремѣнно утратили бы свое вліяніе на умы. То же самое можно сказать и относительно католическаго средне-вѣковаго духовенства.

«Всѣ вообще чудесныя явленія (говоритъ одинъ нѣмецкій писатель, въ книгѣ, надѣлавшей большаго шума въ Германіи), въ

особенности же ясновидѣніе, приводятся обыкновенно, какъ доказательство существованія сверхъестественныхъ силъ. Нѣкоторые же заходятъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что видятъ въ этихъ явленіяхъ переходъ изъ міра вещественнаго въ міръ духовный и думаютъ узнать, съ ихъ помощью, о трансцендентальномъ существованіи, о законахъ духа и т. п. Между тѣмъ для науки, основанной на фактахъ, всѣ эти явленія не больше, какъ игра воображенія, которою человѣкъ питаетъ свою любовь къ чудесному. Склонность къ чудесному была не разъ поводомъ къ многимъ нелѣпымъ заключеніямъ... Иной разъ кажется, что наука и образованность нанесли этой склонности окончательный ударъ; а между тѣмъ выходитъ наоборотъ: изгнанная въ одномъ мѣстѣ, она является въ другомъ... только лишь въ иномъ видѣ. Въ прежнія времена склонность къ чудесному проявлялась въ формѣ бѣснованія, колдовства, вампиризма; въ настоящее время она проявляется въ видѣ вертящихся столовъ, психографіи, сомнамбулизма и т. п. Люди образованные обыкновенно думаютъ, что въра въ чудесное свойственна только необразованнымъ классамъ народа; между тѣмъ сколько, такъ называемыхъ, образованныхъ людей, которые ни за что не сядутъ за столъ *тринадцатымъ*, которые считаютъ понедѣльникъ *тяжолымъ днемъ*, или встрѣчу съ нѣкоторыми животными — *дурнымъ предзнаменованіемъ!*.. А какимъ довѣріемъ пользуются почти у всѣхъ магнитизеры и ясновидящіе!.. Къ явленіямъ, такъ называемой, ночной жизни души принадлежатъ: животный магнитизмъ, предвидѣніе беременныхъ, ясновидѣніе, сонъ, лунатизмъ, предчувствія, явленія привидѣній и т. п.

Предвидѣніе беременныхъ не имѣетъ никакого значенія для высшаго естествоиспытателя и относится лучшими представителями науки къ области сказокъ.

Магнитическій сонъ, — производимый извѣстными манипуляціями магнитизера надъ магнитизируемымъ, или являющійся самъ собою (и тогда называемый идіосомнамбулизмомъ), — приводитъ человѣка — какъ рассказываютъ — въ восторженное состояніе, переходящее у иныхъ привилегированныхъ особъ (особенно у женщинъ) въ совершенное ясновидѣніе. И въ такомъ экзальтированномъ состояніи у иныхъ, говорятъ, обнаруживаются необыкновенныя способности: напримѣръ, способность говорить на разныхъ языкахъ, и притомъ о такихъ предметахъ,

о которыхъ магнитизируемыя не имѣютъ никакого понятія. Говорятъ, будто бы и самая наружность намагнитизированнаго измѣняется,—будто бы все существо его получаетъ особенный отпечатокъ, свидѣтельствующій о непосредственномъ соприкосновеніи усыпленнаго съ неземною жизнію, — намагнитизированный принимаетъ торжественный тонъ и голосъ его становится звучнѣе. Если же продлить магнитическій сонъ, то наступаетъ настоящее ясновидѣніе: человѣкъ приобретаетъ способность читать закрытыя письма, опредѣлять время на часахъ, не видя ихъ, узнавать чужія мысли, предсказывать будущее и т. п. Говорятъ, что ясновидящіе сообщали иногда свѣдѣнія о небесахъ, о состояніи человѣка послѣ смерти, объ адѣ, раѣ и т. п. Замѣчательно только, что при этомъ всегда сообщаемыя свѣдѣнія совпадали съ личными вѣрованіями ясновидящаго... Ясновидѣніе принадлежитъ новѣйшему времени только по своей формѣ, а вовсе не по сущности: въ древней Греціи была тоже ясновидящая, только въ иномъ видѣ. Это — Пифія. Были, наконецъ, ясновидящіе и въ среднихъ вѣкахъ. Интересный примѣръ того представляетъ исторія «восторженныхъ» въ Лангедокѣ.

«Наука уже давно дошла до убѣжденія, что всѣ ясновидѣнія основаны на обманѣ: ясновидѣніе, т. е. познаніе чего-нибудь не естественнымъ путемъ, не путемъ внѣшнихъ чувствъ—само по себѣ не возможно. Нельзя видѣть безъ глазъ, слышать безъ ушей: это — законъ природы, которымъ полагается предѣлъ чувствамъ, — предѣлъ, за который они не могутъ переступать. Никто не въ состояніи читать запечатаннаго письма, или, находясь въ Европѣ, видѣть—что дѣлается въ Америкѣ; никто не въ состояніи прозрѣвать въ будущее, узнавать мысли другого, видѣть съ закрытыми глазами: эти истины основываются на неопровержимыхъ законахъ природы, о которыхъ однихъ только можно сказать, что они не допускаютъ исключеній. Все, что мы знаемъ, знаемъ только по впечатлѣніямъ, при томъ такъ, что извѣстный родъ знанія принадлежитъ извѣстному органу; съ уничтоженіемъ же дѣятельности органа исчезаетъ и возможность приобретать соответствующія знанія. Сверхъчувственныхъ и сверхъестественныхъ предметовъ и способностей — нѣтъ и никогда нигдѣ не бывало, да и не можетъ быть: иначе нарушилась бы непреложность законовъ природы. Какъ камень падаетъ только по направленію къ центру земли, такъ и че-

люди пріобрѣтаютъ знанія только съ помощью своихъ чувствъ. И подобное нарушеніе законовъ природы никогда не было замѣчено умными и свободными отъ предразсудковъ людьми. Духи, привидѣнія и тому подобныя чудеса являются только дѣлами да необразованнымъ, суевѣрнымъ людямъ: одушевленныхъ столовъ и призраковъ — въ дѣйствительности никогда не было. Естественныя испытатели, наученные опытомъ и наблюденіями, нисколько не сомнѣваются въ этихъ истинахъ: постоянное изученіе природы и ея законовъ доказываетъ имъ невозможность подобныхъ исключеній. Но большинство людей думаетъ иначе, — и исцѣлить его отъ этого заблужденія можетъ только образованіе.

«Все, что мы сказали, подтверждается фактами и свидѣтельствомъ людей просвѣщенныхъ. Парижская академія давно уже приняла на себя трудъ изслѣдовать ясновидѣніе научнымъ образомъ, — и оказалось, что оно основано на обманѣ. Въ 1837 году, академія назначила премію въ 3,000 франковъ тому, кто прочтетъ, въ ея полномъ засѣданіи, письмо, спрятанное подъ доску, — но прочесть никто не могъ.... Известно, что парижскій ясновидящій Алексисъ, затемняющій людямъ головы и просвѣщающій ихъ кошелки, имѣетъ во всѣхъ отеляхъ агентовъ, когорые извѣщаютъ его о пріѣзжающихъ и обо всемъ, что до нихъ касается.... Пишущій эти строки самъ имѣлъ случай видѣть одну ясновидящую, о которой рассказывались удивительныя вещи; но при мнѣ ясновидѣніе ея было до такой степени неудачно, что все, что ни говорила она, или оказывалось совершенно ложнымъ, или было облечено въ такія фразы, изъ которыхъ рѣшительно ничего нельзя было понять. Къ довершенію всего, ясновидящая постоянно произносила самыя смѣшныя оправданія въ своихъ ошибкахъ. За тѣмъ, когда ей не повезло, она обратилась къ какой-то «небесной экзальтаціи», въ продолженіе которой разговаривала съ своимъ ангеломъ-хранителемъ, декламировала стихи религіознаго содержанія и т. п. Разъ она какъ-то забыла продолженіе строфы, и, чтобы припомнить, начала декламировать снова. Дѣйствительно, способности у ней были хороши, но разговоръ — совершенно обыкновенный, а выраженія даже простоваты. Впрочемъ, многіе остались въ полномъ убѣжденіи, что она не обманщица.

«Въ лѣтописяхъ судебной медицины отмѣчено много случаевъ, когда эти мнимо-ясновидящія были преслѣдуемы судебнымъ

порядкомъ за разнаго рода обману, недозволенное составленіе лекарствъ и т. п. Луиза Браунъ, извѣстная дѣвушка въ Берлинѣ, привлекавшая въ 1849 году тысячи народа, осуждена судомъ присяжныхъ, въ 1853 году, за обманъ. Докторъ Витке (изъ Эрфурта) рассказываетъ исторію одной ясновидящей, которая за обманъ и шарлатанство была приговорена судомъ, съ согласія медицинскаго коллегіума, къ заключенію на одинъ годъ въ смиренномъ домѣ. Но верховный судъ уничтожилъ этотъ приговоръ, потому что не былъ твердо убѣжденъ, что эта женщина дѣйствительно обманщица. Разумѣется, это еще больше подвинуло развитіе ея ремесла, — такъ что названная госпожа составила въ послѣдствіи хорошее состояніе, и самъ докторъ Витке согласился прикрыть ея обманъ своимъ одобреніемъ. Эта необразованная крестьянка пыталась говорить на иностранныхъ языкахъ, выражаться высокимъ слогомъ, произносить проповѣди и т. д., — чѣмъ и удавалось ей обольщать нѣкоторые умы; но при болѣе внимательномъ изслѣдованіи—все это оказывалось чистѣйшимъ обманомъ. По этому, нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобныхъ сверхъестественныхъ способностей нѣтъ и никогда не бывало, и что мнѣніе—будто бы душа, переходить въ подобномъ состояніи изъ мозга въ симпатическіе нервы—не больше, какъ фраза.... Гиршель говоритъ, что для нѣмца существуетъ все сверхъестественное, — что онъ не затруднится для всего придумать теорію.

«Вѣра въ привидѣнія тоже основана на обманѣ и незнаніи. Преданія о нихъ такъ же стары, какъ и исторія. Доказывать ихъ естественную невозможность — значить оскорблять читателя.

«Лунатизмъ (настоящій сомнамбулизмъ), къ сожалѣнію, недостаточно еще объясненъ, хотя по свойству своему и представляетъ занимательное явленіе. Но хожденіе лунатиковъ по карнизамъ, разговариваніе на незнакомыхъ языкахъ, и вообще исполненіе такихъ вещей, которыя во время бодрствованія выступаютъ изъ сферы возможнаго — не болѣе, какъ сказка».

Мы нарочно сдѣлали эту выписку. Въ ней много истиннаго, но въ тоже время есть и нѣчто преувеличенное. Голое отрицаніе — вѣдь это не научный приемъ: наука не въ правѣ отрицать фактовъ, — она должна только давать имъ разумное объясненіе, если они, по своей натурѣ, выступаютъ изъ сферы общезвѣстнаго. И Фигье поступаетъ въ этомъ случаѣ гораздо раціональнѣе. Онъ говоритъ, что всѣ, писавшіе до сихъ поръ о разныхъ

видахъ чудснаго, раздѣляются обыкновенно на два противоположные лагеря: на скептиковъ и слѣпо-вѣрующихъ. Одни заранее отрицають всевозможные факты, нисколько не заботясь дать имъ хотя какое нибудь объясненіе; другіе, напротивъ, съ величайшею готовностью допускають каждый, самый нелѣпый, фактъ, по то же не стараются объяснить его, а остаются при одной безусловной вѣрѣ. Такъ, напримѣръ, всѣ медики, писавшіе о животномъ магнитизмѣ, видятъ въ немъ только англарство, обманъ, заранее сдѣланное соглашеніе; писатели же въ родѣ Мирвиля-де-Муссо и тому подобныхъ господъ—не смущаются, напротивъ, никакой нелѣпостью и безусловно вѣрять во все, что только касается до сферы чудснаго и сверхъестественнаго. Фигье, конечно, избѣгаетъ этихъ двухъ крайностей и старается, — какъ говорить онъ, — ввести въ дѣло, насколько возможно, правила *методы Декарта*. Для этого избранные имъ факты проявленія чудснаго онъ изучаетъ по оригинальнымъ источникамъ, и избѣгаетъ при этомъ всякаго рода критическихъ сочиненій, въ которыхъ данные факты объяснены въ томъ или другомъ *исключительномъ* смыслѣ. Безпристрастность историка — вотъ достоинство, на которое особенно претендуетъ Фигье; и — нужно отдать ему должную справедливость — онъ вполне его достигаетъ. Возстановить добросовѣстно историческій фактъ — вѣдь это, какъ хотите, дѣло не шуточное: обстоятельства иногда до такой степени запутываютъ самый простой случай, придаютъ ему иногда такой странный колоритъ, что онъ, не смотря на всю свою первоначальную простоту и удобопонятность, впоследствии дѣйствительно представляется тѣмъ-то чудснымъ и сверхъестественнымъ. Это увидимъ мы, напримѣръ, изъ исторіи *Людскихъ демоновъ*. Распутать подобную путаницу — значитъ сдѣлать половину дѣла: тогда фактъ самый странный, выступающій, по видимому, совершенно изъ сферы возможнаго, покажется совершенно обыкновеннымъ, и при томъ исторически-необходимымъ, — а слѣдственно и *естественно-законнымъ*. Но историческій анализъ факта еще не рѣшаетъ вопроса вполне: остается физиологическая сторона явленій, которая тоже требуетъ своего научнаго объясненія. Пренебрегать этими объясненіями, отрицая самый фактъ — значитъ не уважать науки и не считать ее достаточно сильной для рѣшенія подобныхъ вопросовъ. Вѣдь простой, естественный фактъ до тѣхъ поръ будетъ казаться въ глазахъ профановъ дѣломъ

чудеснымъ и сверхъестественнымъ, пока наука не дастъ на него своего простого, естественнаго объясненія. Убѣдиться а priori въ невозможности сверхъестественныхъ явленій—можетъ только человѣкъ достаточно развитый; массу же убѣждать въ этомъ слѣдуетъ а posteriori: указывая ей на естественныя причины явленій, которыя она считаетъ за сверхъестественныя.

На первый разъ мы постараемся ознакомить читателей съ однимъ только происшествіемъ, разсказаннымъ въ исторіи чудеснаго «съ *Люденскими демонами*. Предупреждаемъ, что разсказъ нашъ не принадлежитъ къ категоріи забавныхъ: грубѣйшій мистицизмъ, отсутствіе всякаго правосудія, даже всякаго человѣческаго смысла—вотъ характеристическія особенности той печальной повѣсти, къ которой мы приступаемъ.

Въ XVII столѣтіи, во Франціи, въ небольшомъ городкѣ Люденѣ, принадлежавшемъ къ епархіи Пуатье, былъ маленькій женскій монастырь св. Урсулы. Настоятельницей въ этомъ монастырѣ была Жанна-де-Бельфиль, родомъ изъ дома барона де-Коза, изъ Сентонжа. Въ числѣ монахинь и простыхъ сестеръ находились Клара де-Сазили (родственница кардинала Ришелье), де-Ламоттъ (дочь маркиза де-Барасе) и д. Эскубло (изъ дома де-Сурди). Не смотря на свое аристократическое происхожденіе, урсулиники жили очень бѣдно: все ихъ состояніе заключалось въ хорошемъ воспитаніи, полученномъ дома. Исполняя съ одной стороны предписанія монастырскаго устава, а съ другой—покоряясь необходимости доставать себѣ какія-нибудь средства къ жизни, онѣ занимались воспитаніемъ молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ однѣ жили вмѣстѣ съ ними, какъ пансіонерки, а другія приходили только учиться. Такъ продолжалось лѣтъ шесть со времени основанія монастыря.

Вдругъ весною 1632 года, въ городѣ распространился слухъ, что въ монастырѣ урсулинокъ происходятъ необычайно-странныя вещи: говорили, что монахини вскакиваютъ ночью съ кроватей, бѣгаютъ по корридорамъ, лазаютъ по крышамъ, откуда пробираются въ комнаты сестеръ и пансіонерокъ. Монахини тоже начали жаловаться, что ночью ихъ беспокоятъ разныя привидѣнія, изъ которыхъ одно даже позволило себѣ завести нескромный разговоръ съ одной изъ молоденькихъ сестеръ. Другія сестры утверждали, что ихъ кто-то бьетъ въ темнотѣ, и указывали на остававшіеся послѣ побоевъ знаки.

Монахини приписали всѣ эти ужасныя вещи воротничемусу

съ того свѣта пріору Муссо, ихъ прежнему исповѣднику, и сообщили обо всемъ случившемся Миньону, канонику соборной церкви св. Креста въ Люденѣ, занявшему при монастырѣ мѣсто Муссо. Миньонъ счелъ все это дѣломъ весьма важнымъ и сталъ строго допрашивать монахинь. Призраки между тѣмъ продолжали все больше и больше осажать урсудинокъ, такъ что Миньонъ, — пропитанный насквозь мистицизмомъ, — рѣшился наконецъ признать во всемъ этомъ *дьявольское навожде-деміе*, и отправился въ сосѣдній городокъ Шинонъ, къ священнику Пьеру Барре — такому же мистикъ, какъ самъ, чтобъ попросить его приступить къ заклинаніямъ. Барре не заставилъ долго упрашивать себя: ему всюду чудились дьяволы, и онъ очень радъ былъ каждому случаю показать власть свою надъ ними. Собравши своихъ прихожанъ, Барре въ торжественной процессіи вошелъ въ Люденъ. За тѣмъ, съ помощью нѣсколькихъ кармелитскихъ монаховъ, названные два священника принялись за дѣло и въ продолженіе десяти или двѣнадцати дней секретно заклинали монахинь. Но такъ какъ торжественный входъ Барре въ Люденъ надѣлалъ въ городѣ большого шума, то заклинанія урсудинокъ не могли долго оставаться тайной, и заклинатели принуждены были пригласить въ монастырь городскія власти, дабы тѣ видѣли, что монахини дѣйствительно одержимы злыми духами, и были бы свидѣтелями тѣхъ чудесъ, которыя можно объяснить только дѣйствіемъ сверхъестественной силы. Приглашая городскія власти, заклинатели прибавили, что одна изъ бѣснующихся отвѣчаетъ по латини на всѣ вопросы, дѣлаемые ей на этомъ языкѣ, хотя никогда не училась ему.... Такимъ образомъ, въ монастырь отправились: барон Вильгельмъ де-Серизе-де-ля-Героньеръ и гражданскій судья Луи-Шове. Барре встрѣтилъ ихъ въ монастырской пріемной слѣдующими словами: «вотъ уже дней восемь или десять, какъ наши монахини одержимы призраками и страшными видѣніями. Изъ настоятельницы и двухъ сестеръ, съ помощью моей, каноника Миньона и нѣсколькихъ кармелитскихъ монаховъ, демонъ былъ уже изгнанъ. Но вчерашней ночью съ ней и съ одною изъ бѣлицъ начались снова припадки. Допрашиваемые въ первые дни, демоны оставались безмолвными, но наконецъ заговорили, объявивъ, что порча произошла вслѣдствіе двухъ *договоровъ* (pacts), изъ которыхъ знакомъ одного служили три шипа, а другаго — розы. Демонъ вселив-

шійся въ настоятельницу, называется *Астаротомъ* и говоритъ, что онъ врагъ Бога; демонъ бѣлички носитъ имя *Сабулона*.»

Затѣмъ Барре объявилъ, что въ настоящую минуту бѣснующіяся отдыхаютъ, и попросилъ судей отложить свое посѣщеніе до другого времени. Судьи хотѣли уже удалиться, но тутъ явилась одна изъ сестеръ и сказала, что признаки дьявольскаго навожденія снова показались у одержимыхъ. Вслѣдствіе этого судьи и священники отправились на верхъ, въ одну изъ спаленъ, въ которой стояло семь кроватей. На одной изъ нихъ лежала бѣличка, на другой—настоятельница. Около бѣснующихся стояли кармелитскіе монахи, урсулиники, Матуринъ-Руссо, священникъ и каноникъ церкви св. Креста, и Манури, люденскій хирургъ.

Лишь только Жанна-де-Бельфиль увидѣла вошедшихъ судей, съ ней сдѣлались страшныя конвульсіи. Она начала метаться по кровати, ломала руки, испускала жалостные крики, и вся пересыбалась. Миньонъ приступилъ къ заклинаніямъ. Вотъ его первый публичный разговоръ съ демономъ.

— «Propter quam causam ingressus es in corpus hujus virginis? (по какой причинѣ вошелъ въ тѣло этой дѣвицы?)»

— Causa animositatis (по злобѣ), отвѣчала Жанна-де-Бельфиль, все въ такихъ же конвульсіяхъ.

— Per quod pactum? (по какому договору?)

— Per flores (цвѣтами).

— Quales? (какими?)

— Rosas (розами).

— Quis misit? (кто послалъ?)

— Urbanus (Урбенъ).

— Dic cognomen (скажи его фамилію).

— Grandier (Грандье).

— Dic qualitatem (скажи его званіе).

— Sacerdos (священникъ).

— Sacerdos ecclesiae? (какой церкви).

— Sancti Petri (Святаго Петра).

— Quae persona attulit flores? (какая особа принесла цвѣты?)

— Diabolica (дьявольская).

Послѣ этого допроса демонъ, казалось, оставилъ Жанну-де-Бельфиль на нѣсколько времени въ покоѣ; съ ней только продолжались по временамъ конвульсіи. Судьи между тѣмъ отошли къ окну и стали совѣщаться. Къ нимъ подошелъ Миньонъ и

сдѣлалъ замѣчаніе, что настоящій случай представляетъ удивительное сходство съ дѣломъ священника Гофриди, сожженного въ Э. Это замѣчаніе, — какъ будто указывавшее судьямъ на иѣры, какія они должны предпринять относительно Урбена-Грандье, — нѣсколько шокировало ихъ. Де-ля-Героньеръ ничего не отвѣчалъ; а Шове ограничился слѣдующимъ возраженіемъ:

— Хорошо было бы заставить настоятельницу поразсказать подробнѣе о *причинѣ злобы*, вслѣдствіе которой она испорчена.

— Я не имѣю права обращаться къ бѣснующимся съ нескромными вопросами, отвѣчалъ Миньонъ...

Вотъ начало ужасной драмы, которая должна была разыгратъ въ послѣдствіи. Урбенъ-Грандье, котораго настоятельница обвинила въ своей порчѣ, былъ лицо не вымышленное, не призракъ въ родѣ умершаго Муссо, заподозрѣннаго сначала монахинями въ нарушеніи ихъ монастырскаго спокойствія. Грандье дѣйствительно существовалъ и былъ священникомъ церкви св. Петра въ Люденѣ... Но будемъ продолжать нашу исторію.

Заинтересованные монастырскими происшествіями, — которыя стали уже серьезно занимать люденскихъ жителей, — и узнавъ, что заклинанія продолжаются, балы и гражданскій судья на другой день слова отправились къ урсулинкамъ. При встрѣчѣ съ Миньономъ, они замѣтили ему, что такъ-какъ происшествія въ монастырѣ представляютъ нѣкоторую важность, то необходимо, чтобъ судей призывали всякій разъ, какъ будутъ происходить заклинанія, и что при томъ не мѣшало бы пригласить и другихъ заклинателей, по судейскому выбору. Миньонъ отвѣчалъ на это ловко и уклончиво, сказавъ, что какъ онъ, такъ и настоятельница всегда будутъ очень рады видѣть судей, присутствующихъ при заклинаніяхъ. Что же касается до постороннихъ заклинателей, то онъ счелъ за лучшее объ этомъ умолчать...

Тутъ къ разговаривавшимъ подошелъ Барре, и такъ-какъ въ этотъ день заклинать предстояло ему, то онъ и поспѣшилъ поскорѣй сообщить о тѣхъ удивительныхъ открытіяхъ, какія удалось ему сдѣлать. До сихъ поръ всѣ думали, что въ Жаннѣ-де-Бельфиль сидитъ только одинъ Астаротъ, а на дѣлѣ-то вышло, что въ ней сидѣло семь духовъ, которыхъ Барре тутъ же и назвалъ по именамъ. Сверхъ того, сей почтенный старецъ сдѣлалъ еще другое дѣло: разъяснилъ наконецъ исторію *договора*. Оказалось, что Урбенъ Грандье передалъ *договоръ*, — въ видѣ букета розъ, нѣкому Жану Пивару, колдуну низшаго разряда, а тотъ вру-

члѣ его какой-то молодой дѣвушкѣ, которая бросила букетъ въ монастырскій садъ.

Удивленные такимъ разсказомъ, де-ля-Героньеръ и Шове попросили позволенія тотчасъ же осмотрѣть бѣснующихся. Ихъ ввели въ небольшую комнату, которая вся уже была наполнена любопытными посѣтителеми. Но съ урсулинками въ это время ничего особеннаго не происходило; онѣ даже пѣли, когда Мишь-онъ началъ служить обѣдню.

13 октября, въ четыре часа послѣ обѣда, судьи опять отправились въ монастырь, съ цѣлью, во что бы то ни стало, разъяснить для себя это крайне запутанное дѣло. Дьяволъ на этотъ разъ имъ поблагоприятствовалъ: съ настоятельницей были страшныя конвульсіи; пѣна била у нея изо рта. Барре приступилъ къ заклинаніямъ и потребовалъ, чтобъ демонъ объявилъ накопецъ, когда онъ выйдетъ изъ тѣла бѣснующейся.

— *Cras mane* (завтра утромъ), отвѣчалъ демонъ, устами настоятельницы.

Затѣмъ заклинатель спросилъ у демона — почему онъ не хочетъ выйти сейчасъ? Въ отвѣтъ послышались лишь безсвязные слова: сначала *pacum* (договоръ), потомъ *sacerdos* (священникъ), наконецъ, — не то *finis* (конецъ), не то *finit* (кончается). Вообще дьяволъ, говоря сквозь зубы настоятельницы, произносилъ весьма невнятно. Послѣ же этого онъ совершенно замолчалъ, такъ что ни молитвы, ни заклинанія — ничто не помогало. Черезъ нѣсколько времени конвульсіи съ настоятельницей прекратились, она, какъ будто бы ни въ чемъ не бывала, и вскрикнула съ улыбкою, обращаясь къ Барре: «Теперь во мнѣ нѣтъ больше сатаны!» Затѣмъ, слегка закусивъ, она разсказала, какимъ образомъ получила заколдованный *договоръ* въ видѣ трехъ шиповъ. Было десять часовъ вечера; она лежала въ постели; нѣсколько монахинь находились въ ея комнатѣ. Вдругъ она почувствовала, что кто-то взялъ ее за руку, положилъ въ нее три шипа и зажалъ ее. И все это произошло такъ, что никто не видѣлъ...

Пока Жанна-де-Бельфиль разсказывала о своей порчѣ, начались конвульсіи съ бѣличкой; присутствующіе ужъ было обратились къ ней, какъ вдругъ совершилось необычайное происшествіе: по камину кралась кошка!... Въ умахъ нѣкоторыхъ зрителей при этомъ возникъ весьма логическій вопросъ: не дьяволъ ли это, покинувшій тѣло настоятельницы? Несчастную

кошку схватили, положили на кровать, — и Барре торжественно приступилъ къ заклинаніямъ. Долго мучился суевѣрный старикъ, но толку не добился: въ результатѣ оказалось, что это былъ не демонъ, не колдунъ, а просто-на-просто монастырскій котъ, который, бывъ тоже вѣроятно порядочнымъ мистикомъ, пришло подивиться на свершающіяся въ очію чудеса.

Такого фiasco Барре никакъ не ожидалъ, а потому сконфузился и сталъ просить публику не расходиться до тѣхъ поръ, пока онъ не сожжетъ букета розъ — этого виновника всѣхъ бѣдствій цѣломудренныхъ урсулинокъ... Послали въ садъ за цвѣтами, и Барре торжественно бросилъ ихъ въ огонь. Мистикъ Барре и тутъ рассчитывалъ на чудо, — но чуда опять не совершилось: розы сгорѣли самымъ спокойнымъ образомъ.

Послѣ этой второй неудачи Барре оставалось только поклясться, что завтрашній день онъ уже непременно заставитъ демона выйти изъ тѣла настоятельницы, или по-крайней-мѣрѣ принудить его говорить яснѣе. Барре произносилъ все это съ такою самоувѣренностью, что зрители невольно поддались его вліянію и разошлись въ полномъ убѣжденіи, что завтрашній день увидать дѣйствительно нѣчто чудесное....

Обвиненный урсулинками Урбенъ Грандье сначала не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на монастырскія происшествія, но послѣ сожженія розъ, онъ не могъ уже оставаться совершенно равнодушнымъ и обратился къ судьямъ съ просьбой отдѣлать урсулинокъ и допрашивать каждую порознь, поручивъ при томъ дѣлать заклинанія людямъ испытанной честности и совершенно безпристрастнымъ. Де-ля-Героньеръ, бывший по убѣжденію совершенно на сторонѣ Грандье и нисколько не вѣрившій въ порчу монахинь, отвѣчалъ однако, что Барре производитъ заклинанія по порученію епископа пуатьескаго, къ епархіи котораго принадлежалъ и самъ Грандье, — слѣдственно устранить его безъ разрѣшенія епископа нѣтъ возможности. Такимъ образомъ, Грандье предстояло обратиться къ суду духовному. Въ то время со дня на день ждали пріѣзда епископа въ Люденъ, но нетерпѣніе Грандье было такъ велико, что онъ не дождался его пріѣзда и самъ отправился къ нему въ Диссе. Прелать въ это время былъ боленъ, а потому Грандье удалось переговорить только съ его экономомъ, который, отъ имени епископа, посоветовалъ ему обратиться къ королевскимъ судьямъ. Грандье, такимъ образомъ, снова долженъ былъ отнестись къ балли, но

тотъ рѣшительно ничего не могъ сдѣлать: власть его была совершенно парализована упорною настойчивостью монахинь и заклинателей, которые всѣ твердили, что Грандье виновникъ порчи урсулинокъ.

Послѣдній между тѣмъ не унывалъ и въ ноябрѣ мѣсяцѣ еще разъ обратился письменно къ балли съ просьбой разобщить монахинь. Балли сообщил содержаніе его просьбы всѣмъ королевскимъ судьямъ своего округа, которые большинствомъ головъ рѣшили: «отдѣлить настоятельницу отъ бѣлочки и представить къ каждой изъ нихъ особую монахиню; поручить ихъ наблюденію заклинателей испытанной честности, а также врачамъ и другимъ людямъ по судейскому выбору; наконецъ, запретить всякому приближаться къ нимъ безъ особаго на то позволенія.»

Когда это рѣшеніе суда было сообщено настоятельницѣ, она отказалась на отрѣзъ отъ его исполненія, объявивъ, что оно противорѣчитъ уставу ихъ монастыря, и можетъ быть исполнено только съ разрѣшенія епископа. Послѣ такой оппозиціи балли не оставалось ничего болѣе, какъ предложить обѣимъ партіямъ начать дѣло судебнымъ порядкомъ. Но Грандье жаловаться было не кому: гражданскій судъ отсылалъ его къ суду духовному, духовный—къ гражданскому. Что же касается до урсулинокъ и заклинателей, то ихъ положеніе было такъ хорошо, что заводить процессъ имъ совершенно не слѣдовало: на ихъ сторонѣ были и мистическое духовенство и мистическая публика.

Такимъ образомъ, относительно дѣла урсулинокъ все оставалось по прежнему: монахини не были раздѣлены, заклинатели не были перемѣнены. Балли однако не отчаявался и, не смотря на то, что присутствіе его въ монастырѣ становилось уже неприятымъ, все больше и больше учащалъ свои туда визиты: ему хотѣлось составить побольше протоколовъ, дабы впоследствии воспользоваться ими для открытія истины.

На другой день послѣ того, какъ отвергнуто было рѣшеніе королевскихъ судей, балли торжественно отправился въ монастырь присутствовать при заклинаніяхъ, и взялъ съ собой четырехъ медиковъ. Заклинанія на этотъ разъ происходили въ церкви; настоятельница лежала на хорахъ на маленькой кровати. Когда Барре началъ служить обѣдню, съ ней сдѣлались ужасныя конвульсіи. По окончаніи службы, Барре подошелъ причастить ее, и, держа въ рукахъ святые дары, обратился къ ней съ слѣдующими словами:

— Adora Deum tuum, creatorem tuum (чти твоего Бога, твоего создателя.)

Настоятельница отвѣчала:

— Adoro te (чту тебя).

Нѣсколько удивленный такимъ отвѣтомъ, заклинатель спросилъ:

— Quem adoras? (кого чтишь?)

— Iesus Christus (Иисусъ Христосъ), отвѣчала она, дѣлая грамматическую ошибку.

При этомъ одинъ изъ присутствующихъ замѣтилъ громко: «Однако дьяволъ-то говорить не совсѣмъ правильно!»

Заклинатель, немного сконфуженный, повторилъ опять тотъ же вопросъ, перефразировавъ его только такъ, чтобы отвѣтъ былъ въ именительномъ падежѣ.

— Quis es quem adoras? (Кто тотъ, котораго ты чтишь?)

— Iesu Christe! (Иисусе Христе!)

«Ну ужь это плохая латынь!» послышалось со стороны нѣсколькихъ присутствующихъ.

Барре между тѣмъ сталъ доказывать, что отвѣтъ сдѣланъ былъ такъ: Adoro te, Iesu Christe (я чту тебя, Иисусе Христе).

Затѣмъ онъ приступилъ къ допросу: сколько демоновъ вселилось въ тѣло настоятельницы?

Та отвѣчала: «sex» (шесть) и назвала одного изъ нихъ, Асмодея. Когда же балли попросилъ настоятельницу повторить по-гречески все сказанное ею по-латыни, то она, не смотря на всѣ усилія со стороны Барре, не смотря на всѣ его заклинанія и молитвы, оставалась совершенно безмолвной и вскорѣ потомъ пришла въ свое нормальное состояніе.

Черезъ нѣсколько времени стали допрашивать бѣличку; но ей сдѣланъ былъ одинъ только вопросъ, на который она отвѣчала тоже съ грамматической ошибкой.

На этотъ разъ появилась еще новая бѣснующаяся, произнесшая два раза съ ужаснымъ смѣхомъ имя Урбена Грандые и сказавшая, наконецъ, обращаясь къ присутствующимъ: «Всѣ вы пустяками занимаетесь.» Такъ какъ она безъ умолку хохотала, то Барре не рѣшился причастить ее.

Затѣмъ въ тотъ же день произведено было вторичное заклинаніе. Теперь балли уже потребовалъ непремѣннымъ образомъ, чтобы настоятельница была отдѣлена отъ бѣлички, и самъ хотѣлъ предлагать вопросы бѣснующимся. Балли сопровождали

судьи и многіе изъ городскихъ жителей. Заклинанія начались съ настоятельницы. Ей предложенъ былъ прежде всего слѣдующій вопросъ: испорчена ли она *ex pacto magi aut ex pura voluntate Dei* (т. е. по договору колдуна или по чистой волѣ Бога).

— *Non est voluntas Dei* (это не воля Бога,) отвѣчала настоятельница.

До заклинаній было положено, чтобы вопросы предлагалъ одинъ только балъи, но Барре не утерпѣлъ и все таки вѣшался, спросивъ: «Кто этотъ колдунъ?»

— *Urbanus*, отвѣчала бѣснующаяся.

— *Est ne Urbanus papa?* (не папа ли это Урбанъ?), продолжалъ заклинатель.

Бѣснующаяся отвѣчала: Грандье.

Отвѣтъ этотъ произвелъ замѣтное впечатлѣніе на присутствующихъ, такъ что балъи счелъ за лучшее приняться снова за свою роль и предложилъ слѣдующій вопросъ:

— *Cujus est ille magus?* (изъ какого мѣста этотъ колдунъ?)

(Нужно замѣтить, что Урбанъ Грандье былъ родомъ изъ Мана (*Mans*)).

— *Senonensis*, (Манянинъ) отвѣчала настоятельница.

— *Cujus diocesis?* (какой епархіи?)

— *Pictaviensis* (пуатьесской).

До сихъ поръ отвѣты были логичны и дѣлались на правильномъ латинскомъ языкѣ. Но когда балъи потребовалъ, чтобы Жанна де Бельфиль повторила по-латыни все, что она въ это время говорила по-французски, она вдругъ замолкла, и конвульсіи съ ней вдругъ прекратились *. Барре, взбѣшенный этимъ не во время наступившимъ покоемъ, закричалъ: «Я хочу, чтобы ты была мучима въ славу Божию и отдала бы свое тѣло на истерзаніе дьяволу, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ отдалъ свое евреямъ!»

Отъ такихъ словъ съ настоятельницей, разумѣется, снова на-

* Балъи сдѣлалъ это съ цѣлью сколько нибудь помочь бѣдному Грандье. Такъ какъ, по мнѣнію католиковъ, дьяволъ отличнѣйшій лингвистъ и, вселившись въ тѣло какого нибудь смертнаго, можетъ превосходно говорить на всевозможныхъ языкахъ, то человѣкъ, считаемый за одержимаго бѣсомъ и между тѣмъ неговорящій на иностранныхъ языкахъ, тѣмъ самымъ уже доказываетъ, что онъ не одержимъ бѣсомъ.

чались конвульси́и. Балли хотѣлъ было воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы продолжать свои разспросы, но заклинатель предупредилъ его, спросивъ у демона:

— *Quare ingressus es in corpus hujus puellae?* (почему вошелъ въ тѣло этой дѣвicy?)

Настоятельница отвѣчала:

— *Propter praesentiam tuam* (отъ твоего присутствiя).

Наконецъ балли предложилъ, какъ послѣднее средство, чтобы демона спросилъ ктонибудь изъ присутствующихъ, и если три или четыре отвѣта будутъ правильны, то онъ соглашается принять въ настоящемъ случаѣ дѣйствительное навожденiе дьявола и готовъ удостовѣрить это своею подписью. Заклинатели согласились; но тутъ конвульси́и съ настоятельницей опять прекратились. Такъ какъ ждать появленiя новаго припадка было уже поздно, то присутствующiе разошлись.

На другой день въ церкви урсулинокъ собралось еще болѣе многочисленное общество. Хоры на этотъ разъ завѣшены были занавѣсью, которую при началѣ обѣдни отдернули, и зрителямъ представилась настоятельница, лежащая на кровати, а въ некоторомъ отдаленiи отъ нея балли съ судьями, гражданскаго и духовнаго вѣдомствъ. Пока Барре служилъ обѣдню, Жанна де Бельвиль металась въ конвульси́яхъ, произнося постоянно: «Грандье, Грандье, скверный священникъ!»

До заклинанiй, Барре и его сотоварищи по ремеслу сочли за нужное нѣсколько очистить себя отъ подозрѣнiй, которыя начали уже зарождаться въ публикѣ относительно чистоты ихъ дѣйствiй. По окончанiи обѣдни, Барре вышелъ съ дароносицей въ рукахъ и объявилъ торжественно, что «дѣйствiя его въ дѣлѣ урсулинокъ всегда были чисты и непорочны, безпристрастны и незлонамѣренны.» Возложивъ дароносицу на голову, онъ молилъ Бога наказать его, если онъ поступилъ недобросовѣстно. За тѣмъ выступилъ кармелитскiй прiоръ и, возложивъ точно также дароносицу на голову, молилъ Господа ниспослать на него и на всѣхъ его монаховъ, присутствующихъ и отсутствующихъ, проклетiе Даэана и Авирона, если онъ умышленно согрѣшилъ въ дѣлѣ урсулинокъ.

Послѣ этого было приступлено къ заклинанiямъ. На этотъ разъ конвульси́и съ настоятельницей были гораздо сильнѣе, чѣмъ когда либо прежде. Послѣ причастiя, которое едва удалось Барре дать ей, заклинанiя начались обычнымъ вопросомъ:

— Per quod pactum ingressus es in corpus hujus puellae? (по какому договору вошелъ въ тѣло этой дѣвицы?)

— Aqua (водою), отвѣчалъ демонъ языкомъ настоятельницы.

Въ числѣ присутствующихъ на этотъ разъ находился одинъ весьма образованный шотландецъ, директоръ реформатской коллегіи въ Люденѣ. Онъ попросилъ заставить демона произнести слово aqua (вода) на шотландскомъ языкѣ. Барре тотчасъ же это исполнилъ, но демонъ отвѣчалъ весьма уклончиво, сказавъ:

— Nimia curiositas (вы слишкомъ любопытны). Потомъ настоятельница добавила, дѣлая при этомъ грамматическую ошибку:

— Deus non volo (Богъ не хочу), вмѣсто: Deus non vult (Богъ этого не хочетъ).

Барре, не зная, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое поставила его плохая латынь настоятельницы, сказалъ, что предложенный вопросъ совершенно не идетъ къ дѣлу. На это гражданскій судья отвѣчалъ, что напротивъ: сдѣланный вопросъ вполне уместенъ, и сослался на требникъ. «У васъ въ рукахъ требникъ, сказалъ онъ Барре, и вы изъ него должны знать, что способность говорить на иностранныхъ языкахъ и отгадывать вещи, происходящія вдали — составляютъ два признака дьявольскаго навожденія.»

— Дьяволъ весьма хорошо знаетъ шотландскій языкъ, возразилъ заклинатель, чтобъ какъ нибудь выпутаться изъ затрудненія: но въ эту минуту онъ не хочетъ говорить на немъ. Что же касается до способности знать скрытыя вещи, то онъ ею точно также владѣетъ: если хотите, я прикажу ему рассказать ваши грѣхи, и онъ тотчасъ назоветъ ихъ.

— Я этого нисколько не боюсь, смѣясь отвѣчалъ гражданскій судья...

Все это происходило утромъ, 15 ноября. Въ тотъ же день, часа въ три, балли и гражданскій судья снова отправились въ монастырь. Новыя конвульсіи, новыя заклинанія. Демонъ опять повторилъ все, что онъ сказалъ относительно Урбена Грандье и относительно стороны, изъ которой тотъ былъ родомъ, но никакъ не могъ сказать, кто былъ епископомъ въ Манъ, когда родился Урбенъ Грандье, или кто былъ имъ *, когда тотъ принималъ посвященіе. Вопросы эти были предложены балли; ко-

* Предполагается, что Грандье, какъ человѣкъ знающійся съ дьяволами, не могъ въ собственномъ своемъ тѣлѣ принимать таинства посвященія.

гда же Барре сталъ предлагать свои, то настоятельница отвѣчала весьма категорически.

— *Quis attulit aquam rasti?* (Кто принесъ договорную воду?) спросилъ, напимѣръ, заклинатель.

— *Magus* (колдунъ), отвѣчала настоятельница.

— *Quâ horâ?* (въ которомъ часу?)

— *Septimâ* (въ седьмомъ).

— *An matutinâ?* (утромъ?)

— *Sero* (вечеромъ).

— *Quomodo intravit?* (какъ онъ вошелъ?)

— *Ianuâ* (въ дверь).

— *Quis vidit?* (кто его видѣлъ?)

— *Tres* (трое).

Барре самъ подтвердилъ это показаніе, рассказавъ, что ужина въ воскресенье съ настоятельницей (когда та уже была освобождена отъ своего второго навожденія), онъ увидѣлъ — около семи часовъ вечера — на рукахъ у нея нѣсколько капель воды. Въ комнатѣ въ это время находились еще Миньонъ и одна изъ монахинь, но никто не зналъ, какимъ образомъ пала эта вода на руки Жанны де Бельфиль. Когда послѣдняя умыла ихъ святою водою и стала затѣмъ читать молитвы, то у нея два раза кто-то вырвалъ молитвенникъ изъ рукъ и бросилъ его на полъ, и наконецъ самой ей далъ оплеуху. Миньонъ точно также подтвердилъ эти слова.

Послѣднее заклинаніе произвело весьма сильное впечатлѣніе на люденскихъ жителей: всюду о томъ только и толковали, что священникъ Урбенъ Грандье испортилъ урсулинскихъ монахинь. Такое настроеніе умовъ, разумѣется, не могло быть пріятно послѣднему, и онъ снова обратился къ бабь съ просьбою, говоря, что съ урсулинками онъ никогда не имѣлъ никакихъ сношеній, даже не видѣлъ ихъ никогда, что эти женщины дѣйствуютъ по наущенію, обвиняя его въ своей мнимой порчѣ, и что самое вѣрное средство убѣдиться въ обманѣ — это раздѣлить ихъ, поручивъ каждую наблюдению особыхъ священниковъ и врачей по выбору правительства. Наконецъ, Урбенъ Грандье требовалъ, чтобы просьба его исполнена была немедленно, не смотря ни на какія возраженія противной стороны, потому что для него это дѣло весьма важно.

Бабь положилъ резолюцію: исполнить просьбу Грандье въ тотъ же день. Но эта резолюція осталась только резолюціей:

при всемъ своемъ искреннемъ желаніи, балли ничего не могъ сдѣлать, и тѣмъ доказалъ только, что правосудіе бессильно въ дѣлѣ, въ которое замѣшался грубый мистицизмъ.

Такъ какъ происшествія въ монастырѣ между прочимъ представляли явленія, непосредственно подлежащія медицинскому изслѣдованію, то балли поручилъ нѣсколькимъ врачамъ присутствовать при заклинаніяхъ и потомъ донести ему обо всемъ, что будетъ ими замѣчено. Врачи были только одинъ разъ въ монастырѣ и донесли, что замѣтили у настоятельницы конвульсивныя движенія, присовокупивъ при этомъ, что для того, чтобы произнести вѣрное сужденіе относительно *причины* этихъ движеній (которая можетъ быть и естественная и *сверхестественная* *), имъ нужно изслѣдовать ихъ подробнѣе. А потому было бы весьма хорошо, еслибъ правительство уполномочило ихъ провести съ бѣснующимися нѣсколько дней и ночей *сряду* и позволило бы имъ пользоваться монахинь въ присутствіи всего монастыря и назначенныхъ для того особыхъ лицъ. Сверхъ того, врачи требовали, чтобы пища и лекарства урсулиники получали только черезъ нихъ, а равно, чтобы къ монахинямъ никто не прикасался и никто не говорилъ бы съ ними шопотомъ... Разумѣется, эти весьма благоразумныя требованія не были исполнены, встрѣтивъ сильную оппозицію со стороны самихъ урсулинокъ и заклинателей.

Черезъ нѣсколько времени балли опять отправился въ монастырь. Дѣло, по обыкновенію, началось съ обѣдни. Въ числѣ присутствующихъ на этотъ разъ было нѣсколько гугенотовъ. Барре спросилъ у настоятельницы о числѣ ихъ. Та отвѣчала: двое, между тѣмъ какъ ихъ было девять. Чтобы замѣть какъ нибудь эту ошибку, заклинатель предложилъ бѣснующейся другой вопросъ: знаетъ ли она по латыни? На это та отвѣчала отрицательно... Балли между тѣмъ хотѣлъ сыграть штуку съ дьяволомъ, и когда настоятельница еще разъ назвала Урбену Грандые, какъ колдуна, вселившаго въ ея тѣло демона, онъ спросилъ у нея: гдѣ теперь Грандые? Настоятельница отвѣчала: «Въ залѣ люденскаго замка». Нѣсколько человекъ отправились тотчасъ же въ замокъ, но Грандые тамъ не было: онъ находился въ это время въ одномъ домѣ на площади св. Креста,

* Хороши и врачн-то были въ то время! Впрочемъ, ихъ мнѣнъ нельзя: духъ вѣка отражается во всемъ: тогдашній мистицизмъ долженъ былъ проникать всюду—даже въ науку.

и балли это очень хорошо зналъ. Эта вторая неудача еще больше разсердила и монахинь и заклинателей и еще болѣе вооружила ихъ противъ балли, который такъ часто озадачивалъ ихъ своими неожиданными вопросами... Кончилось тѣмъ, что бѣснующіяся объявили торжественно, во время припадка, что онѣ не хотятъ, чтобъ ихъ заклинали при де-ля Героньерѣ... Когда объ этомъ узналъ Грандье, онъ снова сталъ просить о секвестраціи монахинь, и снова его просьба осталась безъ исполненія.

Здравый смыслъ, чувство правды и приличія наконецъ заговорили въ жителяхъ Людена. Гнусны имъ стали интриги заклинателей и ихъ партизановъ, и они рѣшились обратиться въ одно и тоже время къ генераль-прокурору и къ епископу пуатьесскому, прося ихъ положить конецъ тѣмъ скандалѣзнымъ происшествіямъ, которыхъ мѣстомъ сдѣлался теперь монастырь урсулинокъ.

Генераль прокуроръ отказался отъ вмѣшательства въ это дѣло, говоря, что оно подлежитъ вѣдомству суда духовнаго. Епископъ, съ своей стороны, вовсе ничего не отвѣчалъ, такъ что бѣдные люденцы очутились въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ находился и Грандье: ни гражданскій, ни духовный судъ не принималъ ихъ жалобы. Барре между тѣмъ все больше и больше упрочивалъ свою власть. Неудачные отвѣты настоятельницы, — въ особенности на вопросы, предложенные балли, — въ последнее время нѣсколько поколебали репутацію шинонскаго заклинателя, такъ что, для восстановленія своего авторитета, онъ потѣхалъ въ Пуатье просить у епископа вторичнаго уполномоченія производить заклинанія надъ урсулинками. Епископъ не только не отказалъ, но назначилъ съ своей стороны еще двухъ заклинателей, которые бы чередовались съ Барре и Миньомъ. Такимъ образомъ, *дьявольское навожденіе* люденскихъ монахинь признано было, — какъ *неподлежащій* сомнѣнію фактъ и епископомъ пуатьесскимъ... А вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и послѣдняя надежда люденцевъ — избавиться отъ возраставшаго съ каждымъ днемъ въ ихъ городѣ скандала!...

Шумъ о происшествіяхъ въ монастырѣ урсулинокъ достигъ наконецъ Парижа. Заинтересованная имъ, королева Анна Австрійская послала въ Люденъ аббата Мареско, одного изъ своихъ омонье, чтобы разузнать обо всемъ, подробно. Перваго октября 1632 года происходило, такимъ образомъ, заклинаніе

въ присутствіи королевскаго депутата, подъ управленіемъ двухъ декановъ, назначенныхъ епископомъ въ помощники Барре. На этомъ заклинаніи гражданская власть балль пришла въ послѣднее и весьма неудачное столкновенье съ духовной властью шионскаго священника. Дѣло кончилось тѣмъ, что Барре наотрѣзъ объявилъ, что нисколько не считаетъ себя обязаннымъ исполнять какое бы то ни было предписаніе свѣтскаго правительства.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, какъ вдругъ въ сенжуенское аббатство пріѣзжаетъ бордосскій архіепископъ, де-Сурди, и посылаетъ въ Люденъ своего врача, съ приказаніемъ серьезно изслѣдовать состояніе урсулинокъ. Посланный врачъ однако ничего не нашолъ въ нихъ особеннаго, потому что демоны, съ пріѣздомъ архіепископа, мгновенно покинули монастырь, покрывъ такимъ образомъ стыдомъ и заклинателя и монахинь. Миньонъ былъ смѣненъ. Назначены новые заклинатели, но демоны не возвращались. Грандье торжествовалъ, балль тоже отъ души радовался счастливому окончанію нелѣпой исторіи, затѣянной монахинями, которыя однѣ только пострадали въ городѣ всѣ отзывались объ нихъ съ презрѣніемъ и взяли отъ нихъ дѣтей, которыя были у нихъ на воспитаніи... Такъ было кончилась исторія люденскихъ демоновъ, но вотъ затѣялся одинъ случай,—и все опять мгновенно измѣнилось. Произошло это слѣдующимъ образомъ.

Чтобъ окончить дѣло, начатое взятіемъ Ларошели, Людовикъ XIII рѣшился скрыть всѣ замки и крѣпости внутри королевства, большая часть которыхъ оставлены были по Нантскому эдикту за протестантами. Въ это число вошелъ и замокъ въ Люденъ. Скрыть послѣдній поручено было члену королевскаго совѣта, Лобардемону... Все это, казалось бы, не имѣло никакого отношенія къ дѣлу урсулинокъ, а между тѣмъ вышло наперекъ. Лобардемонъ оказался въ нѣкоторой степени родственникомъ Жанны-де-Бельфиль—главной виновницы всѣхъ этихъ нестыко-грязныхъ происшествій,—а другая монахиня, де-Сазилль, была родственницей кардинала Ришельё, который вывелъ въ люди Лобардемона и за котораго послѣдній готовъ былъ утопиться. По одному этому уже, на сторонѣ монахинь, Миньонъ и другихъ заклинателей сдѣлался значительный перевѣсъ,—и бѣдному Грандье опять пришлось плохо. Но прибавьте сюда еще слѣдующее: Грандье имѣлъ неосторожность посориться

въ Риншель, когда тотъ былъ прирочитъ въ Куссе; а Риншель, какъ извѣстно, не любилъ прощать нанесенныя ему оскорбленія, и рано или поздно жестоко мстилъ за нихъ. Значитъ стоило только Лобардемону напомнить кардиналу о Грандьѣ, — и гибель послѣдняго была уже неминуема. Къ этому присоединился, между прочимъ, еще одинъ случай.

Когда Риншель былъ уже государственнымъ секретаремъ и кардиналомъ, на него появилась бѣдная сатира, подъ заглавиемъ: «La cordozière de la reine mère», въ которой раскрывалось много скандальныхъ подробностей его частной и общественной жизни. Авторомъ этой сатиры была нѣкто Гаммонъ, простая канцленица въ Люденъ, удостоившаяся, за умъ свой, дружбы королевы-матери, бывшей тогда предметомъ глубокой ненависти кардинала. Такъ какъ Гаммонъ считалась въ числѣ прихожанъ у Грандьѣ, то враги послѣдняго, — которыхъ, нужно сказать по правдѣ, у него было весьма много, — сказали Лобардемону, будто бы между Грандьѣ и Гаммонъ существовала переписка, въ которой тотъ сообщалъ своей прихожанкѣ тѣ скандальныя подробности жизни кардинала, которыя описаны въ названной выше брошюрѣ... Этого было достаточно, чтобъ окончательно вооружить Лобардемона противъ Грандьѣ. И вотъ въ монастырѣ снова появились одержимыя бѣсомъ (на этотъ разъ къ двумъ старымъ прибавилось пять новыхъ), снова началось заклинаніе, своимъ обочнымъ порядкомъ, и снова колдуномъ, испортившимъ цѣломудренныхъ урсулинокъ, оказывался бѣдняга Грандьѣ, которому уже не сдобровать теперь!..

Съѣздивъ на нѣсколько времени въ Парижъ, Лобардемонъ 6 декабря 1633 года, снова воротился въ Люденъ, но уже съ новымъ порученіемъ: *произвести следствие надъ священникомъ Урбеномъ Грандьѣ, обвиненномъ въ колдовствѣ и сношеніи съ дьяволомъ*. Вслѣдствіе этого, несчастнаго Грандьѣ схватили и посадили въ замокъ Анжье; а черезъ нѣсколько времени Лобардемонъ осмотрѣлъ всѣ его книги и бумаги, между которыми однако не нашлось ничего, что относилось бы до магіи и чародѣйства... Между тѣмъ заклинанія продолжались, и всѣ показанія монахинь строго записывались, какъ свидѣтельства, подлежащія сомнѣнію. Кроме того, отъ духовенства разошло было, такъ называемое, *уверительное посланіе* (monitoire), въ которомъ предписывалось всякому, знающему что-либо про Грандьѣ, немедленно доносить объ этомъ, подѣ страхомъ — въ

случаѣ послушанія—жесточайшаго наказанія. Обвиненій противъ бѣднаго священника скопилось множество, и при томъ самыхъ скандальныхъ. И на это были свои причины, въ которыхъ уже монастырскія происшествія нѣсколько не виноваты. Нужно замѣтить, что Грандье всегда былъ необыкновенно гордъ, самолюбивъ и заносчивъ. Это давно уже поставило его въ непріязненныя отношенія ко многимъ изъ товарищей. При томъ онъ былъ весьма уменъ, прекрасно образованъ и красавецъ собой. Не будучи слишкомъ строгой нравственности, онъ постоянно имѣлъ множество интригъ въ городѣ, такъ что отцы и мужья весьма и весьма не любили его,—и имѣли на то полное право. Такимъ образомъ, въ Люденѣ мало было людей, которые бы искренно приняли сторону Грандье и стали бы его отстаивать. Одна только его мать вступилась за него и представила Лобардемону апелляціонную жалобу въ парламентъ, которую членъ государственнаго совѣта тутъ же разорвалъ, какъ посягательство на власть, данную ему отъ короля... Такой дерзкій поступокъ однако жъ нѣсколько смутилъ Лобардемона, не смотря на все его самоуправство и высокомеріе. Положимъ, онъ былъ любимцемъ Ришелье, положимъ, въ то время Ришелье во Франціи значилъ все,—но вѣдь и парламентъ тоже что нибудь да значилъ!.. Это заставило члена государственнаго совѣта опять съѣздить въ Парижъ,—запасть въ власть. И дѣйствительно: 31 марта Лобардемонъ получилъ изъ государственнаго совѣта слѣдующій указъ: «Не смотря на апелляцію, поданную въ парижскій парламентъ и сдѣланная вслѣдствіе того распоряженія,—которая его величество уничтожаетъ,—повелѣвается господину Лобардемону продолжать начатый имъ судъ надъ Грандье, не обращая вниманія на всевозможныя сопротивленія, апелляціи или отводы, бывшіе или имѣющіе быть. Съ этою цѣлю король, запрещая парламенту и всѣмъ судьямъ вмѣшиваться въ названный процессъ, поручаетъ снова производство его,—на сколько будетъ нужно,—господину Лобардемоню. Недовольныя партіи за жалобу подвергаются пенѣ въ пять сотъ ливровъ.»

Вооруженный такимъ указомъ, Лобардемонъ могъ, конечно, дѣлать все, что хотѣлъ,—и вотъ онъ приступилъ къ исполненію даннаго порученія.

Изъ замка Анжье-Грандье перевели въ особую тюрьму, въ которую на этотъ разъ превращенъ былъ домъ Миньона. Въ

темной залѣ, безъ огня, лежа на голой соломѣ, Грандье ждалъ минуты суда.

Монахинь между тѣмъ раздѣлили на три группы, изъ которыхъ для каждой отведена была особая комната. Но это раздѣленіе было только кажущееся; въ сущности же урсулиники оставались при тѣхъ же самыхъ условіяхъ и среди тѣхъ же самыхъ людей, которые ихъ окружали и прежде. Для присутствія при заклинаніяхъ назначено было нѣсколько врачей, но всѣ они, за исключеніемъ Даниэля Рожера, до такой степени были ничтожны, по своимъ знаніямъ, или пристрастны, по своимъ личнымъ отношеніямъ къ Грандье, что на ихъ мѣніе никакъ нельзя было полагаться. Къ членамъ комиссіи принадлежали также: аптекарь Адамъ, одинъ изъ родственниковъ Миньона, умышленно дававшій больнымъ монахинямъ *stocus metallogum* (средство возбуждающее) вмѣсто *stocus martis* (средства успокоивающаго) — и хирургъ * Маннури, выказавшійся впоследствии чистѣйшимъ палачемъ. Заклинатели тоже назначены были новые; изъ нихъ, по своему фапатизму, въ особенности замѣчательнъ Лактансъ. Содержаніе заклинателей и урсулинокъ Ришельё принялъ на свой счетъ... Онъ вѣдь тоже вѣрилъ, — или по крайней мѣрѣ показывалъ, что вѣритъ, — и въ магію и въ колдовство. Будучи Люсонскимъ епископомъ, онъ написалъ даже нѣчто въ родѣ посланія къ своей паствѣ, въ которомъ говоритъ, что «магія есть искусство производить различныя дѣйствія силою дьявола; колдовство же есть искусство вредить людямъ помощью дьявола. Между магіей и колдовствомъ только то различіе, что магія главною цѣлью имѣетъ хвастовство, колдовство же вредъ»... Впрочемъ, врядъ ли Ришельё искренно вѣрилъ подобнымъ нелѣпостямъ: онъ былъ слишкомъ уменъ для этого. Но, какъ человѣкъ властолюбивый, онъ поддерживалъ вѣру въ подобныя абсурды, потому что она служила ему превосходнѣйшимъ оружіемъ для уничтоженія всякаго, кто, хотя сколько нибудь, мѣшалъ его видамъ...

Въ послѣднее время бѣснующіяся стали появляться не только въ монастырѣ, но и въ самомъ городѣ, среди свѣтскихъ женщинъ и дѣвушекъ. Ихъ тоже подвергали заклинаніямъ, которыя теперь производились уже разомъ въ четырехъ церквахъ. При этомъ заклинатели часто выходили за предѣлы своихъ правъ и

* Нужно замѣтить, что *врачъ* и *хирургъ* тогда составляли два совершенно отдѣльныхъ лица. То былъ еще довольно варварскій вѣкъ хирургіи.

предлагали больнымъ такіе вопросы, которые страшно скандализировали ихъ семейства. Дѣло вслѣдствіе этого дошло наконецъ до того, что нѣкоторые изъ люденскихъ жителей, потерявъ всякое терпѣніе, собрались вмѣстѣ и рѣшились обратиться съ просьбой къ королю, чтобъ тотъ освободилъ ихъ отъ страны, которому они ежедневно подвергаются. Но эта просьба, конечно, не дошла до короля: Лобардемонъ уничтожилъ ее, запретивъ въ то же время люденцамъ составлять собранія, подъ страхомъ вени въ двадцать тысячъ ливровъ.

Сначала заклинанія урсулинокъ не представляли ничего особеннаго; но вотъ вдругъ, во время припадка 26 апрѣля, Жаннѣ де-Бельфиль пришло въ голову сказать, что у Урбена Грандье есть на тѣлѣ дьявольскіе знаки, — и что оно въ этихъ мѣстахъ совершенно нечувствительно. Назначили Маннури осмотрѣть заключеннаго, — и вотъ его способъ изслѣдованія: чтобъ достигнуть болѣе вѣрныхъ и положительныхъ результатовъ и не скомпрометировать дьявола, Маннури, когда хотѣлъ показать, что тѣло нечувствительно — только слегка прикасался тупымъ концомъ зонда къ кожѣ Грандье; въ противномъ же случаѣ вонзалъ его до самыхъ костей, и тѣмъ, конечно, вызывалъ страшную боль и крикъ со стороны несчастнаго страдальца.

Ватѣмъ опять наступилъ рядъ заклинаній, на которыхъ Лактансъ и другіе господа уже окончательно и крайне безсовѣстно мистифировали публику. Перечислять всѣ глупости, какія позволяли себѣ въ это время заклинатели — совершенно не стоитъ, тѣмъ болѣе, что статья наша и такъ уже, вѣроятно, наскучила читателямъ. Какъ хотите, а въ настоящее, до крайности скептическое время какъ-то тяжело читать подобныя вещи, хотя бы это было и историческое происшествіе, неподлежащее ни малѣйшему сомнѣнію, — тяжело читать потому, что мистицизмъ и суевѣріе какъ-то вообще не свойственны духу нашего времени, — тому *кльчтд*, которое не замѣтно проникаетъ всюду и всему сообщаетъ свой особый колоритъ. Въ настоящее время самая рѣчь, самый разговоръ о чудесномъ, мистическомъ, сверхъ-естественномъ — уже анахронизмъ, какъ анахронизмъ и самая статья наша: до такой степени въ нашъ вѣкъ подобныя понятія стали дикіи и нелѣпы съ научной точки зрѣнія... Да, но только съ научной точки зрѣнія — не иначе. А много ли, — не только у насъ, но и въ образованнѣйшихъ странахъ Европы и Америки, — много ли вообще людей, которыхъ бы можно бы-

ле съ полнымъ правомъ назвать истинными жрецами науки, которые бы вносили въ сферу своихъ изслѣдованій умъ вполне логическій, строго-безпристрастный, чуждый предрасудковъ и истари унаслѣдованныхъ понятій, принятыхъ безъ всякой поѣрки и анализа? Мало, очень мало, — и въ этомъ мы убѣждаемся на каждомъ шагу, въ особенности — же читая нныхъ французскихъ авторовъ. Да—нечего сказать — логикой французы похвалиться не могутъ! Впрочемъ, и не одни французы: есть и нѣмцы, которые тоже иногда выкидываютъ ннне логическіе salto-mortale, что удивляешься, какъ это у нихъ голова держится на плечахъ... Итакъ, если и между людьми науки мало безупречно-свѣтлыхъ и твердыхъ головъ, то чего же требовать отъ простыхъ смертныхъ, которые до науки коснуцца только слегка, а часто и вовсе не касались, потому что то, что имъ выдавали за науку, въ различныхъ, для просвѣщенія ума человѣческаго устроенныхъ, заведеніяхъ, было вовсе не наука, а просто дребедень, пустословіе. До истинной науки имъ приходилось въ послѣдствіи добираться самимъ; хорошо, въ комъ не остылъ жаръ, не пропала энергія, — тотъ добрался до чего-нибудь и что-нибудь вынесъ себѣ для жизни, для настоящей потребности: какую нибудь идею, какой нибудь взглядъ, убѣжденіе. Большинству же и этого не достается: оно должно довольствоваться тѣмъ, что вдолбили ему въ голову разные наставники изъ разныхъ руководствъ и учебниковъ. Вотъ вѣдь общая картина нашего образованія. Чего же тутъ требовать, чего желать, на что надѣяться? Не мѣшало бы позаботиться и о большей стройности, гармоніи, цѣлостности нашего образованія, — это статья тоже весьма важная и безъ нея никакъ нельзя обойтись. А то у насъ весьма часто встрѣчаются такіе случаи: сталкиваетесь вы, напримѣръ, съ человекомъ, разговариваете, — сначала, разумѣется, о пустякахъ, потомъ рѣчь мало по малу переходитъ къ предметамъ болѣе серьезнымъ, — по всему видно, что это человекъ современный, образованный: взгляды его такъ свѣжи, сужденія такъ логичны. Вы отъ души радуетесь, что судьба послала вамъ такого собесѣдника и сами начинаете говорить уже съ болѣшимъ увлеченіемъ, съ болѣшимъ жаромъ. Умъ собесѣдника подталкиваетъ васъ, — и вы чувствуете, что говорите хорошо, краснорѣчиво, умно. Наслажденіе полное. Все идетъ, какъ по маслу. Но вдругъ... о удача! случайно какъ-то разговоръ выступилъ, напримѣръ,

изъ области литературы въ область естествознанія, — и ваше очарованіе мгновенно исчезло, ваша иллюзія вся рассыпалась въ прахъ: изъ умнаго вашъ собесѣдникъ вдругъ превратился въ полоумнаго, изъ образованнаго — въ обскуранта, изъ современнаго — въ страшнѣйшій анахронизмъ, наводящій тоску и уныніе на душу. Отчего вдругъ такое превращеніе, такой неожиданный метаморфозъ? Дѣло очень просто: относительно литературы, или чего либо иного, собесѣдникъ вашъ усвоилъ себѣ современныя понятія, а относительно естествознанія — нѣтъ, потому что не занимается имъ, да и вообще игнорируетъ его. Все это весьма понятно, но не понятно вотъ это: какъ въ здоровой человѣческой головѣ могутъ въ одно и тоже время укладываться понятія, которыя не только не имѣютъ ничего общаго другъ съ другомъ, но даже совершенно уничтожаютъ одно другое. Такой дисгармоніи мы никакъ не въ состояніи объяснить и только заявляемъ ее какъ курьезный психическій фактъ, наводящій впрочемъ на весьма грустныя размышленія... Стройность, цѣлостность образованія — вотъ что намъ нужно, и безъ чего человѣку никакъ нельзя обойтись, не рискуя попасть въ число сумасшедшихъ, т. е. сначала все говорить, говорить, а потомъ вдругъ и занести дичь... Вѣдь докторъ Круповъ высказалъ вовсе не парадоксъ, сказавъ, что всѣ люди сумасшедшіе: оно — если подумать хорошенько — дѣйствительно такъ, потому что всякая односторонность есть уже сумасшествіе, а у насъ почти только и есть — что односторонніе люди: и въ наукѣ, и въ литературѣ, и въ искусствѣ — вездѣ. При такихъ условіяхъ, конечно, далеко не уйдешь... Одна наука помогаетъ другой, одно знаніе дополняетъ другое. Эта истина уже давно признана и давно приноситъ свои благодѣтельные плоды. Почему же отдѣльные-то люди не хотятъ примѣнить ее къ себѣ, почему же они-то боятся разнообразить свои знанія?.. Не будь этого, вѣдь намъ никакъ бы не пришло въ голову писать о людскихъ демонахъ, а теперь это нужно, — а что это нужно, на это у насъ есть положительные факты. Напримѣръ, Москва, какъ извѣстно читателю, городъ обширный, — следовательно, по числу жителей заслуживающій вниманія. А Москва торжественно вѣритъ — въ большинство своихъ членовъ — въ святость, напримѣръ, одного сумасшедшаго, содержащагося въ Преображенской больницѣ (такъ называемаго Ивана Яковлевича) и ходитъ къ нему — какъ греки къ Дельфійскому прорицалцу —

узнавать судьбу свою... Какъ же тутъ не писать о люденскихъ дэмонахъ?.. Но, положимъ, Москва—городъ искони отличавшійся своимъ особеннымъ взглядомъ на вещи. Объ ней не будемъ говорить... Но вотъ нѣкто г. Прижовъ помѣщаетъ въ газетѣ «Наше Время» статейку о томъ же злополучномъ Иванѣ Яковлевичѣ. Въ статейкѣ нѣтъ ничего особеннаго; сказано только, что напрасно, молъ, почтенные москвичи принимаютъ сумасшедшаго за святаго,—что это, молъ, нисколько не рационально и т. д. Обижаться, значить, тутъ никому рѣшительно не тѣмъ, — а какой-то другой авторъ обидѣлся и печатно сталъ отстаивать святость Ивана Яковлевича... Какъ же тутъ—повторяемъ — не писать о люденскихъ дэмонахъ? Такъ будемъ же продолжать нашу исторію: она, какъ оказывается, далеко не такой страшный анахронизмъ, какъ показалась съ перваго раза...

Когда Лактансъ довелъ заклинанія уже до смѣшнаго и когда они невольны стали терять кредитъ въ публикѣ, — въ Люденѣ является самъ пуатьесскій епископъ, де-ла-Рошпозе, съ цѣлюю — не изслѣдовать дѣйствительно ли одержимы дьяволомъ урсулиники, а *убѣдить въ этомъ* людей сомнѣвающихся и *открыть въ Люденѣ мужскія и женскія школы магии*... Нечего сказать, цѣль разумная!.. Впрочемъ, г. де-ла-Рошпозе, какъ видно, былъ не столько довѣрчивый мистикъ, сколько чело-вѣкъ слишкомъ угодливый: ему хотѣлось выслужиться передъ Ришельё. Прїѣздъ епископа нисколько не расположилъ, однако, люденцевъ въ пользу заклинателей: реноме послѣднихъ уже окончательно упало, — что, впрочемъ, ни мало не помѣшало исторіи несчастнаго Урбена Грандые дойти до своего фатальнаго конца. Принявъ дьявольское навожденіе урсулинокъ какъ фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію, епископъ де-ла-Рошпозе тѣмъ устранилъ всякую необходимость дальнѣйшаго суда надъ Грандые. Дѣло, значить, совершенно ясно и не требуетъ ни малѣйшаго доказательства: Грандые колдунъ, — Грандые испортилъ урсулинокъ, — Грандые кругомъ виноватъ. Слѣдовательно; и толковать больше не о чемъ.

23 Іюня 1634 года происходило заклинаніе урсулинокъ въ присутствіи епископа. Заклинать поручено было самому Грандые. Это страшно взволновало бѣснующихся, которыя на этотъ разъ дошли до высшей степени изступленія. Грандые между тѣмъ велъ себя весьма спокойно и объявилъ только епископу, что онъ совершенно не вѣритъ въ дьявольское навожденіе мона-

хинь.... За тѣмъ послѣдовали опять цовыя заклинанія и одѣть новыя обвиненія Грандье.... Наконецъ урсулиники замѣтили, что дѣло скверно и можетъ имѣть весьма плачевный конецъ. Имъ стало совѣстно. Многія изъ нихъ начали самымъ чистосердечнымъ образомъ отречься отъ того, что говорили во время припадковъ, утверждая, что все это чистѣйшая ложь. Но и для Лобардемона, и для епископа, это ровно ничего не значило: имъ нужно было обвинить Грандье, и для нихъ имѣли значеніе только тѣ показанія, которыя прямо клонились къ его гибели.

Наконецъ судъ состоялся. Урбенъ Грандье обвиненъ въ чародѣйствѣ, и приговоренъ къ сожженію. Казнь совершилась 19 августа 1634 года.

Такъ кончилась печальная исторія люденскихъ демоновъ. Фитье говоритъ еще о послѣдующихъ за тѣмъ событіяхъ, но мы оставимъ ихъ въ покоѣ: пора кончить, — статья наша и такъ ужъ вышла велика.

Теперь—необходимыя объясненія.

Съ перваго раза читателю непремѣнно покажется, что вся рассказанная нами исторія люденскихъ демоновъ есть не что иное, какъ исторія чистѣйшаго обмана, гдѣ главную роль играютъ монахини обители св. Урсулы. Но это совершенно несправедливо. Во-первыхъ, всѣ монахини и бѣлички, имена которыхъ встрѣчаются въ нашемъ разсказѣ, были женщины весьма образованныя и принадлежали къ лучшимъ аристократическимъ семействамъ Франціи. Это одно уже удаляетъ всякую мысль объ умыленномъ обманѣ.... Въ томъ-то и весь трагизмъ этой исторіи, что здѣсь никто никого ни обманывалъ, а почти всѣ вѣрили чистосердечно, хотя предметъ вѣры—была страшнѣйшая ложь, которую когда-либо придумывалъ человѣкъ, для обвиненія своихъ собратій.

Если разсматривать дѣло урсулинокъ съ безпристрастно-научной точки зрѣнія, оно представится намъ въ слѣдующемъ видѣ. Читатели помнятъ, что исторія люденскихъ демоновъ началась съ призраковъ и видѣній, которыя стали осаждать монахинь; потомъ къ этимъ видѣніямъ присоединились конвульсія, потеря сознанія и бредъ (или тѣ разговоры съ заклинаніями, которые приведены нами выше). Сумму всѣхъ этихъ болѣзненныхъ явленій современная медицина обозначаетъ однимъ общимъ именемъ—*конвульсивной истерики*. Болѣзнь эта весьма свойственна женщинамъ,—въ особенности же значительно от-

ступившимъ въ своемъ образѣ жизни отъ простыхъ естественныхъ законовъ. Монастырское уединеніе въ пору цвѣтущей молодости,—когда и душа и тѣло просятъ жизни и наслажденій,—постъ и строгое воздержаніе, при постоянномъ давленіи въ себѣ всякихъ побужденій, противныхъ строгому монастырскому уставу — все это значительно располагаетъ вообще къ развитію нервныхъ болѣзней съ галлюцинаціями, иллюзіями и тому подобными явленіями возбужденнаго состоянія мозга. Въ частности же это весьма располагаетъ къ развитію конвульсивной истерики, которою заболѣли урсулинскія монахини.

Отъ чего именно произошла болѣзнь послѣднихъ — мы не знаемъ,—но она произошла и послужила причиной той грустной исторіи, которая нами рассказана. Случись подобная вещь въ наше время,—монахинь, разумѣется, стали бы лечить,—и тѣмъ бы кончилось дѣло. Но тогда было не то; тогда нервныя болѣзни еще не считались болѣзнями, а представляли сверхъестественныя явленія, источникомъ которыхъ полагалась нечистая сила.... Впрочемъ, примѣръ подобныхъ мистическихъ воззрѣній на извѣстные патологическіе процессы можно встрѣтити и въ настоящее время: наши *кликунши* и такъ называемыя *испорченныя* суть тѣже урсулинки, только въ другой формѣ.... Если такъ, то весьма понятно, почему къ больнымъ монахинямъ, вместо врача, призванъ былъ священникъ Барре, — а вместо леченія—надъ ними стали производиться заклинанія съ цѣлю изгнать изъ нихъ нечистаго духа. Что дѣлать! таково ужъ было тогдашній вѣкъ: сердиться на духъ времени нельзя. Скаверно, когда въ XIX вѣкѣ повторяются вещи свойственныя XVI,—это ужъ дѣйствительно скверно, какъ анахронизмъ, противъ котораго слѣдуетъ вооружаться.

«Все это такъ, скажутъ читатели.—Но почему же Жаннѣ де Бельфилъ пришло въ голову обвинить въ своей порчѣ именно Урбена Грандье, а не кого-нибудь другаго?»

На это, дѣйствительно, трудно дать положительный отвѣтъ, но вотъ предположеніе, которое дѣлаетъ Фигье. Вспомните, что Грандье былъ красавецъ, вспомните, что у него въ городѣ было множество интригъ. Это не могло не дойти до монахинь и не заинтересовать ихъ среди ихъ монастырскаго уединенія.... Не разъ, конечно, являлся передъ ними въ заманчивыхъ грезахъ красавецъ-священникъ и не разъ, конечно, смущалъ оныя,—совершенно для него невѣдомо,—ихъ, отрекшіяся отъ земной любви, сердца. Все это весьма вѣроятно, въ особенности же вѣроятно потому, что ходилъ слухъ, будто бы Урбена Грандье сдѣлають духовникомъ въ монастырѣ св. Урсуды.... Если же монахини были заинтересованы Урбеномъ Грандье, то нѣтъ ничего удивительнаго, что Жанна де Бельфилъ, при первомъ допросѣ, назвала его своимъ кодуномъ, возмутившимъ ея

отшельническое спокойствіе. Вѣдь монахины тоже глубоко вѣрили въ дьявольскія навожденія, какъ вѣрили въ нихъ и заклинатели. Обмана тутъ не было ни съ той, ни съ другой стороны, наущенія—тоже: всюду былъ одинъ только мрачный, дикій мистицизмъ, отъ котораго человѣчество тогда еще не успѣло освободиться....

Выше мы сказали, что противъ Грандье было страшно озлоблено духовенство. Это фактъ тоже огромной важности, — но однако люденская исторія возникла не изъ одного озлобленія. Миньонъ дѣйствительно былъ врагъ Грандье, у него съ нимъ еще прежде были непріятности, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что не Миньонъ выдумалъ, что Грандье колдунъ; Миньонъ только воспользовался этимъ открытіемъ, которому онъ, по своему мистицизму, вполне чистосердечно вѣрилъ, — и довелъ его до необходимыхъ послѣдствій: до обвиненія и казни Грандье...

Что касается до латинскихъ отвѣтовъ Жанны де Бельфиль во время припадковъ, — то они не представляютъ ничего особеннаго. Они были почти буквальнымъ повтореніемъ одного и того же, потому что и вопросы-то постоянно предлагались одни и тѣ же. Небольшое знаніе латинскаго языка дало настоятельница возможность отвѣчать по-латыни, потому что, разумѣется, нельзя предположить, чтобы, не имѣя никакого понятія объ этомъ языкѣ, она приобрѣтала способность говорить на немъ во время своихъ истерическихъ припадковъ. Такое предположеніе также не современно, какъ и вѣра въ дьявольскія навожденія.

Послѣ всего этого читателю, кажется, не должно оставаться ничего непонятнымъ—или превратно понятымъ—въ исторіи люденскихъ демоновъ. Потомъ—интриги Лобардемона; епископа деля-Рошпозе, вмѣшательство Ришельё,—все это ясное для и не можетъ никого привести въ затрудненіе... Значитъ, мы свое дѣло кончили, рассказавъ читателямъ одинъ изъ безобразнѣйшихъ фактовъ человѣческаго суевѣрія... Но за нами остается еще одинъ отвѣтъ: зачѣмъ мы рассказали эту исторію? Неужели въ самомъ дѣлѣ для того только, чтобъ познакомить читателей съ Фигье, до котораго имъ въ сущности нѣтъ никакого дѣла? Повторяемъ: вовсе не для того. Но вѣдь, какъ хотите, «Исторія чудеснаго» — не безполезна вещь, — а для насъ даже *весьма и весьма*. Чтожь дѣлать, что въ нашемъ сознаніи зажегались еще понятія, которымъ давнымъ давно уже слѣдовало бы тлѣть въ могилѣ! Ихъ нужно выкинуть, — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... «Но развѣ мы вѣримъ въ дьявольскія навожденія?» скажутъ намъ нѣкоторые. — Въ дьявольскія навожденія мы, положимъ, не вѣримъ (а впрочемъ Богъ знаетъ!) — но за то мы вѣримъ въ такіе предметы, которые весьма близки къ дьявольскимъ навожденіямъ, какъ напр. въ *вертяціеся столы и животный магнетизмъ*, исторію которыхъ мы изложимъ читателямъ въ двухъ слѣдующихъ статьяхъ.

А. ИИ — ИИ.

ДУША РАСТЕНІЯ.

II.

Факты, которые мы замѣтили въ жизни прозябаемыхъ, видахъ склоняющимися или подымающими свои стволы, открывающими или закрывающими свои листья и цвѣты, — составляютъ совокупность дѣйствій очевидно самопроизвольныхъ, которыя, впрочемъ, всѣ находятся въ зависимости отъ вліяній, оказываемыхъ на растенія внѣшними агентами — землею и солнцемъ. Описанныя явленія показываютъ намъ, какъ атмосферическія перемѣны волнуютъ и тревожатъ эти созданія, которыя мы считали неподвижными и безчувственными, и въ особенности — до какой степени чувствительны растенія къ вліяніямъ космическимъ — къ возвращенію зимы и весны, дня и ночи. Теперь мы посмотримъ, какъ они борются со всякими враждебными вліяніями, возмущающими мирную ихъ жизнь. Здѣсь мы замѣтимъ въ нихъ чувствительность, выказывающуюся въ внезапныхъ движеніяхъ, болѣе или менѣе отчетливыхъ, смотря по ощущенію, которое они испытываютъ.

Прикоснувшись кончикомъ булавки къ плодopроизводительнымъ тычинкамъ барбариса, мы увидимъ, что онѣ колеблются и, такъ сказать, дрыгаютъ на стебелькѣ, а потомъ, черезъ нѣсколько времени, приходятъ опять въ нормальное положеніе. Стволикъ аврана, гребенника и биньоніи (индѣйскаго жасмина) раздѣляется у своей оконечности на два большіе, почти равные язычка, которые образуютъ отверстіе въ видѣ рта, съ широко-раскрытыми губами. Если бородкою пера мы пощекочемъ пестикъ этихъ расте-

ній или опустимъ на нихъ каплю воды,—они быстро сдвинутъ края своего устья, а потомъ, черезъ нѣсколько мгновений, раздвинутъ ихъ снова.

Мы не можемъ поименовать здѣсь всѣ растенія, которыя даютъ своимъ цвѣточнымъ органамъ движенія, подобныя только приведеннымъ нами. Мы замѣтимъ только, что они принадлежатъ къ очень различнымъ семействамъ, потому что между кактусами, соснами, васильковыми и бобовыми растеніями тоже есть виды, одаренные крайнею чувствительностью. Но хотя очень многія прозябаемыя, разныхъ родовъ и видовъ, представляютъ такія движенія,—ни въ какихъ существахъ растительнаго царства мы не встрѣчаемъ столь замѣтныхъ слѣдовъ чувствительности, какъ въ мимозахъ—недотрогахъ въ собственномъ смыслѣ.

Если мы возьмемъ вѣтку стыдливой мимозы (стыдливая недотрога), или произведемъ въ ней даже легкое сотрясеніе, она тотчасъ подыметъ свои листики, приложитъ ихъ одинъ къ другому верхнею ихъ стороною, потомъ, посредствомъ обратнаго движенія, наклонитъ и опуститъ ихъ къ своимъ стебелькамъ. Если сотрясеніе было довольно сильно, то мимоза, закрывъ листья, въ тоже самое время наклоняетъ свои вѣтви. Въ этотъ моментъ растеніе, съ своими наклоненными листьями, которыя кажутся увядшими, представляетъ точно такой же видъ, какъ во время своего сна. Однакоже оставшись ненадолго въ этомъ состояніи оцѣпененія, мимоза, какъ будто, возвращается къ жизни; она опять раскрываетъ свои листья, выпрямляетъ ихъ и даетъ своимъ вѣткамъ ихъ нормальное положеніе. Въ странахъ Америки, гдѣ это прозябаемое растеніе на волѣ, оно представляетъ истинно необыкновенныя явленія чувствительности.

Во время своего путешествія въ Бразиліи Марціусъ видѣлъ недотроги, которыя закрывали свои листья когда лошадь проходила въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи. Мы сами не одинъ разъ имѣли случай удостовѣриться, что эти растенія,—которыя въ тропической Америкѣ живутъ обществами,—поспѣшно закрываютъ свои листья при приближеніи человѣка, какъ будто устроенныя легкимъ колебаніемъ, которое причиняютъ имъ его шаги. Гораздо болѣе,—когда лучи солнца прямо падаютъ на значительную группу этихъ растеній, что часто случается въ тропическихъ странахъ, то среди этой группы замѣчается сильное одушевленіе: нѣкоторые листья свертываются и наклоняются, между тѣмъ какъ другіе, которые были уже въ наклонномъ положеніи, поднимаютъ

и выпрямляются. Такія движенія придають этимъ обществамъ прозябаемыхъ какой-то странный и фантастическій видъ, восминаніе о которомъ съ трудомъ изглаживается изъ ума каждаго, кто былъ ихъ свидѣтелемъ.

Впрочемъ тотъ же феноменъ мы можемъ наблюдать и въ нашихъ климатахъ, если лѣтомъ мы подвергнемъ чувствительное растеніе дѣйствию прямыхъ лучей солнца. Мы увидимъ тогда, по тамъ и сямъ, отъ времени до времени, нѣкоторые листочки изгибаются, потомъ поднимаются, и снова принимаютъ свое обыкновенное положеніе.

Не было теоріи, которая бы, при изложеніи этихъ замѣчательныхъ феноменовъ, не объясняла ихъ чисто физическими причинами. Хотя большая часть этихъ гипотезъ, перѣдко противорѣчащихъ одна другой, основывается на наблюденіяхъ совершенно специальныхъ и имѣющихъ высокое ученое достоинство, но должно сознаться, что ни одна изъ нихъ не сумѣла открыть первоначальное происхожденіе этихъ странныхъ движеній, которыя, по видимому, не подходятъ ни подъ какіе физическіе или механическіе законы, и существованіе которыхъ признается, повѣтому, физиологомъ, но причина, вѣроятно истинная, не поддается его изслѣдованіямъ. Такимъ образомъ не днвъ знаменитый ботаникъ, волею — неволею, долженъ былъ пригласиться, что эти моментальныя движенія объясняются естественно и какъ бы сами собою, когда мы припишемъ ихъ просто иа-просто чувствительности существъ, которыя ихъ обнаруживаютъ. Марціусъ въ особенности останавливается на этихъ фактахъ, которые всегда поражали людей, изучавшихъ жизнь растеній безъ всякаго предубѣжденія относительно ихъ мнимой неодушевленности. Фехнеръ по этому поводу приводитъ историческій анекдотъ, что когда галлы проникли въ Римъ и увидѣли сенаторовъ, сидѣвшихъ неподвижно на своихъ стульяхъ, то считали ихъ существами неодушевленными, пока не замѣтилъ, какъ одинъ изъ варваровъ схватилъ Папірія за бороду и какъ раздраженный сенаторъ его за это ударилъ. Тутъ галлы уже сомнѣвались болѣе, что и другіе старики — тоже существа живыя и одушевленныя. Такимъ же образомъ, считая главнымъ показателемъ неодушевленности и безчувственности растеній ту безстрастность, съ которою они переносятъ отъ насъ оскорбленія, мы должны бы признаться въ своемъ глубокомъ заблуж-

деніи, когда мы вдругъ замѣчаемъ энергическое противодѣйствіе какого нибудь изъ этихъ существъ малѣйшему насилію.

Аналогія, замѣчаемая съ перваго же взгляда, между движеніями чувствительныхъ растений и движеніями животныхъ, когда они раздражены, гораздо болѣе значительна, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Какъ у животныхъ съ уничтоженіемъ причины ихъ раздраженія успокаиваются ихъ напряженные органы, такимъ же точно образомъ мы видѣли, что *авранъ* снова расширяетъ губы своего устья, *барбарисъ* возвращаетъ своимъ пестикамъ ихъ нормальное положеніе, а чувствительная *мимоза* расширяетъ свои сжатые органы, какъ только прекращается дѣйствіе раздражающей причины. Мало того — нѣкоторые факты, которые мы имѣли случай наблюдать въ чувствительныхъ мимозахъ, заставляютъ насъ думать, что прозябаемая могутъ испытывать болѣзненные ощущенія, не представляющія существенной разницы съ тѣми, которыя мы приписываемъ животнымъ. Напримѣръ, съ помощью какого нибудь очень остраго инструмента, можно сдѣлать на вѣтви недотроги легкую рану съ такою осторожностью, что въ растеніи не должно бы произойти ни малѣйшаго колебанія. Однакоже при этомъ мы увидимъ, что оно мгновенно опуститъ всѣ свои листики и даже согнетъ всѣ свои вѣтки. Должно замѣтить, что движенія индивида бываютъ болѣе или менѣе явственны, смотря по важности раны, — мы хотѣли сказать — по той боли, которая ему нанесена надрѣзомъ. *Мимоза*, повидимому, страдаетъ столько же, какъ и другія организованныя существа, когда ее приводятъ въ соприкосновеніе съ острыми кислотами, или крѣпкими щелочными растворами, какъ показали прекрасные опыты, сдѣланные въ послѣднее время въ Германіи Мейеромъ и Рунге. Одной капли этихъ жидкостей, опущенной со всевозможною легкостью на листъ мимозы, достаточно для того, чтобы произвести въ ней феноменъ чувствительности. Такъ какъ движенія прозябаемаго при этомъ бываютъ тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ болѣе химическіе агенты заключаютъ въ себѣ ѣдкости, и такъ какъ ткани чаще всего остаются при этомъ не поврежденными дѣйствіемъ ѣдкаго вещества, — то мы вправѣ считать наблюдаемые въ мимозѣ феномены внѣшними признаками болѣзненного ощущенія, которое она испытываетъ. Наркотическія вещества ослабляютъ чувствительность этого растенія, также какъ и нашу, и Дассенъ замѣтилъ, что они расширяютъ всѣ его органы, между тѣмъ какъ ѣдкія веще-

ства быстро сжимаютъ ихъ: именно это же дѣйствіе они производятъ и на наши члены.

Остановимъ на минуту наше вниманіе еще на одномъ обстоятельстве въ жизни этихъ прозябаемыхъ, которое трудно приписать какойнибудь чисто физической причинѣ. Мы хотимъ говорить о способностяхъ чувствительной мимозы привыкать мало-по-малу къ дѣйствию раздражающей причины совершенно такъ же, какъ привыкаютъ къ нему люди и животные. Если быстро отворить дверь оранжереи, такъ чтобы на находящуюся тамъ чувствительную мимозу вдругъ пахнуло холоднымъ воздухомъ, то она тотчасъ же свернетъ и закроетъ свои листочки, а большіе листья опустятъ, какъ будто-бы подъ дѣйствіемъ сильнаго удара; потомъ черезъ нѣсколько мгновений, не смотря на отворенную дверь, она медленно выпрямляетъ свои листы, и развертываетъ листочки, какъ будто начиная привыкать къ впечатлѣнію холода. Дефонтевъ сдѣлалъ опытъ, который потомъ часто повторялся, и всегда съ тѣмъ же результатомъ. Помѣстивъ мимозу въ каретѣ, онъ увидѣлъ, какъ и слѣдовало ожидать, что она быстро свернула всѣ свои листья, какъ только почувствовала тряску, происходящую отъ движенія колесъ. Скоро однако же онъ замѣтилъ необыкновенный фактъ: не смотря на непрерывное движеніе кареты, растеніе, оправившись отъ своего перваго страха, мало по малу вновь открыло всѣ свои листья и держало ихъ развернутыми во все время ѣзды. Но когда, послѣ нѣкоторой остановки, карета двинулась опять, то чувствительная мимоза снова закрыла листья, и не развертывала ихъ до тѣхъ поръ, пока снова не привыкла къ движенію экипажа.

Впрочемъ эта способность привыкать, примѣняться къ новымъ обстоятельствамъ, въ которыя поставляютъ ихъ судьба, принадлежитъ вообще всѣмъ прозябаемымъ. Мы уже признали въ нихъ эту способность, когда замѣтили, что растенія измѣняютъ способъ возрастанія, когда ихъ пересаживаютъ съ почвы влажной на сухую, изъ климата жаркаго въ умѣренный. Болѣе или менѣе они страдаютъ отъ этого, но въ большей части случаевъ привыкаютъ наконецъ къ новымъ, дѣйствующимъ на нихъ, вліяніямъ.

Одно изъ прозябаемыхъ самыхъ интересныхъ и наиболѣе достойныхъ нашего вниманія есть *дионея мухоловка* (*dionea muscipula*), маленькое растеніе, живущее въ болотистыхъ мѣстахъ сѣверной Америки. Ея листья, собранные въ видѣ розетокъ во-

кругъ ея цвѣтоноснаго стебля, стелются по землѣ. Они оканчиваются чѣмъ-то въ родѣ прибавленія, имѣющаго красноватый цвѣтъ, разщепленнаго у конца на двѣ большія лопасти и соединяющагося съ остальною частію листа только жилками ткани. Края этихъ двухъ лопастей снабжены волосками и ихъ поверхность, утыканная маленькими острыми колючками, постоянно покрыта липкою жидкостью, которая привлекаетъ насѣкомыхъ, въ особенности мухъ.

Когда какое нибудь изъ этихъ маленькихъ существъ садится на листкѣ діонеи, то растеніе тотчасъ же закрываетъ свой листокъ и удерживаетъ тамъ насѣкомое, какъ въ темницѣ. Чѣмъ болѣе муха бьется, тѣмъ сильнѣе растеніе сжимаетъ свой листъ; но какъ только муха остается неподвижною, оно расправляетъ свой сжатый органъ и плѣнница вновь получаетъ свободу, если, впрочемъ, она не задохнулась въ своей тѣсной тюрьмѣ или не получила смертельной раны отъ покрывающихъ листъ колючекъ. Замѣтивъ, что муха совершенно разлагается въ матеріи, истекающей изъ растенія, Куртисъ полагаетъ, что насѣкомое, нанитавшись этою жидкостью, въ свою очередь способствуетъ питанію прозябаемаго. Какъ объяснить этотъ фактъ? Вотъ существо, которое привлекаетъ свою добычу вытекающимъ изъ него сокомъ, удерживаетъ ее, питается ею. Не видно ли въ этомъ осязательныхъ признаковъ одушевленности? Можно ли предположить, что существо, производящее такіа дѣйствія, нисколько не ощущаетъ и не сознаетъ ихъ?

Это послѣднее размышленіе даетъ намъ чувствовать, что прежде, чѣмъ мы станемъ продолжать свой путь среди растительнаго царства, мы настоятельно должны устранить одно возраженіе, которое возстаетъ передъ нами, какъ препятствіе, дѣлающееся все болѣе и болѣе стѣснительнымъ, по мѣрѣ того какъ мы приближаемся къ концу нашихъ изслѣдованій. Мы говоримъ о рѣшительномъ отсутствіи въ растеніяхъ всякой нервной системы. Этотъ важный фактъ, который, повидимому, показываетъ невозможность существованія души въ растеніяхъ, есть въ тоже время, — спѣшимъ прибавить это, — единственное дѣйствительно-серьезное возраженіе, которое можно противопоставить людямъ, считающимъ ихъ существами одушевленными. И такъ мы находимъ нужнымъ резюмировать и объяснить этотъ вопросъ о нервахъ, предоставляя нашимъ читателямъ трудъ дать ему развитіе, на которое онъ способенъ, но въ которое сами мы не можемъ здѣсь вдаваться.

Почему принято общимъ правиломъ, что тамъ, гдѣ не существуетъ нервовъ не можетъ существовать и ощущеній? Это допускается на томъ основаніи, что, —какъ показали наблюденія,— во первыхъ, съ разрушеніемъ мозга въ человѣкѣ или въ животномъ всякое проявленіе души прекращается въ тотъ же моментъ, а во вторыхъ, что если отнять только одинъ нервъ, то чувствительность исчезаетъ единственно въ этомъ мѣстѣ. Эти наблюденія естественно привели къ заключенію, что нервный снарядъ есть орудіе, необходимое для всякаго одушевленнаго существа и что растенія, не обладая нервами, по этому самому суть существа неодушевленные, неспособныя чувствовать.

Съ перваго взгляда ничто не можетъ быть основательнѣе и сильнѣе этого вывода; однако же нѣсколькихъ наблюденій, мы думаемъ, будетъ достаточно для показанія, что онъ не совсѣмъ убѣдительнъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не очевидно ли, что вопросъ—обладаетъ или нѣтъ какое нибудь существо способностью чувствовать—долженъ рѣшаться не отсутствіемъ или присутствіемъ нервовъ, а скорѣе наглядными фактами существованія такой способности, или совокупностью явленій, изъ которыхъ слагается вся жизнь даннаго существа? Напр., если бы мы замѣтили, что такое-то созданіе сжимается или расширяется при малѣйшемъ соприкосновеніи съ постороннимъ тѣломъ; что оно отыскиваетъ себѣ пищу, что оно избѣгаетъ или ищетъ свѣта, что оно заботится о своихъ дѣтихъ,—то мы были бы совершенно вправѣ предположить, что оно при этихъ различныхъ дѣйствіяхъ испытываетъ различныя ощущенія, даже и въ томъ случаѣ, когда бы такое существо было лишено всякаго нервного снаряда. Теперь, если при нашемъ, настоящемъ, изученіи жизни растеній, мы замѣтили въ нихъ такіе факты, при отсутствіи у нихъ нервовъ, то мы волей-неволей должны будемъ допустить существованіе твореній, одаренныхъ чувствами, хотя и лишенныхъ нервного снаряда.

Сверхъ того, не одинъ наблюдатель думалъ, что волокнистое вещество—или точнѣе—спиральные фибры и сосуды имѣютъ въ организмѣ прозябаемыхъ то же назначеніе, какъ нервы въ организмѣ животныхъ. «Спиральные фибры, говоритъ Окенъ, въ прозябаемыхъ суть то же, что нервы у животныхъ. Мы совершенно вправѣ называть ихъ нервами растенія, и я очень доволенъ тѣмъ, что первый отдаю имъ справедливость.»

Гѣте равнымъ образомъ думалъ, что спиральные фибры рас-

тенія играютъ роль, подобную той, которую отправляютъ нервы въ животномъ организмѣ.

Марціусъ думаетъ, что клѣтчатая ткань растенія, проникаясь во всѣхъ направленіяхъ невѣсомыми магнетическими и электрическими агентами, находится въ непрерывномъ состояніи напряженія, полярности и раздражительности, подобномъ состоянію нашего нервнаго снаряда, взятаго въ своей совокупности. Кромѣ того, по довольно значительно распространенному между фязіологами мнѣнію, нервная система вовсе не есть непосредственный проводникъ души. Въ нервахъ, говорятъ они, есть особенное невѣсомое вещество, посредствомъ котораго душа сноится съ внѣшнимъ міромъ. Каждому новому впечатлѣнію и чувству соотвѣтствуетъ измѣненіе и колебаніе этого вещества.

Когда Марціусъ издавалъ въ свѣтъ свой замѣчательный трудъ о душѣ растенія—самое странное, самое таинственное изъ невѣсомыхъ веществъ было еще неизвѣстно. Одъ не былъ еще открытъ Рейхенбахомъ. Мы думаемъ, что знаменитый мюнхенскій ботаникъ призналъ бы истиннаго проводника растительной души въ этомъ агентѣ, который, по всей вѣроятности, есть также агентъ, движущійся въ нашихъ нервахъ и передающій во внѣшній міръ ощущенія нашей души. Но что такое одъ? Это—жидкость, матерія—невѣсмая, какъ свѣтъ, какъ теплота, какъ электричество. Гдѣ онъ находится? Вездѣ—на землѣ и на небесныхъ свѣтилахъ. Вмѣстѣ съ лучами солнца, со свѣтомъ луны и звѣздъ онъ сходитъ на нашу планету и проникаетъ въ самое ея лоно, между тѣмъ какъ въ то же самое время пылающій очагъ земли испускаетъ изъ себя другой потокъ ода, который, истекая въ противоположномъ направленіи, проникаетъ тонкую кору, на которой волнуется наше брешное существованіе, и восходитъ къ небу, предварительно проникнувъ и напитавъ своею эфирною сущностію созданія, живущія въ воздухѣ и въ водахъ. На этомъ—то взаимномъ обмѣнѣ одическихъ силъ между нашею планетою и небесными тѣлами основывается жизнь земли и всѣхъ ея дѣтей. Проходя чрезъ органическія тѣла, одъ поляризируется, какъ электричество, въ два противоположные и явственные полюса. Одинъ изъ этихъ полюсовъ, при прикосновеніи, производитъ ощущеніе прохлады и сіяетъ въ темнотѣ прекраснымъ голубымъ свѣтомъ, напротивъ того, другой испускаетъ легкую теплоту и желто-красноватые отблески. Хотя одъ распространенъ въ мірѣ болѣе всѣхъ другихъ невѣсомыхъ, хотя онъ обнимаетъ наши тѣла и

выходить изъ нихъ—то въ видѣ свѣтлаго пара, то въ видѣ сверкающаго луча,—тѣмъ не менѣе онъ открывається только впечатлительнымъ натурамъ. Рейхенбахъ называетъ людей, которые видятъ или чувствуютъ одъ въ его различныхъ проявленіяхъ *чуткими*. Превосходные и очень многочисленные опыты, сдѣланные этимъ знаменитымъ ученымъ, показываютъ, что одъ есть невѣсомая сущность, которое глубоко дѣйствуетъ на нашъ умъ и оказываетъ рѣшительное вліяніе на наши душевныя наклонности. Отъ него-то истекають всѣ эти непонятные и чудесные феномены животнаго магнетизма; посредствомъ него происходитъ гипнотизмъ или нервическій сонъ, который въ послѣднее время въ особенности обратилъ на себя вниманіе физиологовъ.

Не знаменателенъ ли фактъ, что это вещество, почти психическаго свойства, находится, какъ бы въ накопленіи, въ существахъ растительнаго царства и обнаруживается тамъ съ силою, если не бѣльшею, то по крайней мѣрѣ равною той, съ которой оно проявляется въ существахъ царства животнаго? Одъ поддерживаетъ весь организмъ прозябаемаго въ этомъ состояніи непрерывнаго напряженія и полярности, которое такъ сильно поражало Марціуса; подъ вліяніемъ одической полярности растеніе направляетъ свой корень въ глубину земли и свой стволъ къ небу. Одъ исходитъ изъ листьевъ и вѣтвей растенія въ видѣ прозрачнаго пара и совершенно охватываетъ его большимъ блистающимъ ореоломъ, сквозь который можно различить даже цвѣтъ его цвѣтовъ. Для имѣющихъ способность видѣть одъ, самыя темныя ночи исполнены блестящихъ испареній и изумительныхъ чудесъ. Лѣсъ испускаетъ изъ себя цвѣтной и прозрачный паръ, который подымается къ небу и простирается надъ деревьями слегка колеблющимся покровомъ. Всякая былинка на лугу, каждое садовое растеніице имѣетъ свой маленькій ореолъ *.

Такимъ образомъ объясняется фактъ, который всегда привлекалъ вниманіе ботанистовъ. — Однажды ночью дочь Линнея видѣла, что цвѣтокъ *красоли* (*troaeolum*) сіяетъ яркимъ блескомъ. Когда этотъ фактъ дошелъ до свѣдѣнія ботанистовъ, то произвелъ между ними живой споръ: одни приписывали его оптическому обману; другіе, напротивъ, опираясь на аналогическіе факты, старались доказать его дѣйствительность, и утверждали, что нѣкоторые цвѣты сіяютъ особеннымъ, имъ свойственнымъ, цвѣтомъ.

* См. Reichenbach. Die Pflanzenwelt in ihren Beziehungen zur Sensitivität und zum Ode. Eine physiologische Skizze.

Фактъ, о которомъ мы упоминали, былъ дѣйствителенъ, и дочь великаго натуралиста видѣла не что иное, какъ одическій свѣтъ. Одическая же сущность открылась Эндлихеру, одному изъ знаменитѣйшихъ ботанистовъ нашего времени, когда, присутствуя при одномъ опытѣ Рейхенбаха, онъ, къ своему великому удивленію, замѣтилъ, что всѣ находившіяся въ комнатѣ растенія изливаютъ свѣтъ. Этотъ свѣтъ былъ на столько силенъ, что Эндлихеръ могъ среди совершенной темноты распознавать виды, къ которымъ принадлежало каждое изъ этихъ существъ, и отличать краски цвѣтка, который постоянно былъ окруженъ ореоломъ, еще болѣе свѣтлымъ, чѣмъ остальная часть прозябаемаго. Съ этого времени Эндлихеръ пересталъ сомнѣваться въ присутствіи ода въ растеніяхъ.

Если одъ есть сущность посредствующая между душами и внѣшнимъ міромъ; если, какъ думаетъ Рейхенбахъ, это есть жидкость, посредствомъ которой движенія физическаго міра проникаютъ въ наши души; короче, если одъ есть проводникъ нашихъ ощущеній, то въ одическихъ феноменахъ, замѣчаемыхъ въ растеніи, позволительно видѣть важные слѣды чувствительности, которою одарена душа его. Рейхенбахъ утверждаетъ существованіе этой души; онъ называетъ ее духомъ въ организмахъ. По его мнѣнію, это есть неосязаемая, невидимая, индивидуальная сила, которая, будучи различна въ каждомъ растеніи, подчиняетъ своей могущественной дѣятельности всѣ вѣсомыя вещества, вовлекаемая ею въ кругъ ея существованія.

Мы, какъ и большая часть людей, размышлявшихъ объ этомъ предметѣ, думаемъ, что въ самомъ дѣлѣ существуетъ невѣсомая матерія, которая соединяетъ души между собою и приводитъ ихъ въ соотношеніе со всѣми живыми силами природы. Мы склоняемся къ мысли, что этотъ таинственный агентъ есть, можетъ быть, одъ, и что нервы имѣютъ такое важное значеніе въ животномъ организмѣ единственно потому, что тамъ скопляется и поляризуется эта невѣсомая жидкость. Ничѣмъ не доказывается, что бы она не могла произвести такіе же самые феномены поляризаціи въ тканяхъ растенія. Напротивъ, очень сложная полярность ода въ прозябаемыхъ, энергія, которую онъ обнаруживаетъ въ нихъ, заставляютъ насъ предполагать, что онъ играетъ здѣсь ту же роль, какую и въ животномъ организмѣ, передавая душѣ растенія разнообразныя впечатлѣнія внѣшняго міра.

Какъ бы то ни было, мы, вмѣстѣ съ Фехнеромъ, думаемъ, что даже рѣшительное отсутствіе нервовъ въ растительномъ организмѣ вовсе не есть убѣдительное доказательство неодушевленности растенія, тѣмъ болѣе, что существуетъ множество животныхъ, которыя не имѣютъ нервовъ. Фактъ, который я сейчасъ приведу, сдѣлаетъ мою мысль болѣе ясною и въ тоже время докажетъ возможность—явственно выразаться одушевленной жизни, при полномъ отсутствіи первичныхъ снарядовъ.

Гидры суть свободные полипы, т. е. полипы безъ полипники. Онѣ живутъ въ прѣсныхъ водахъ и хотя очень невелики, но ихъ весьма хорошо можно видѣть простымъ глазомъ. Никакой микрографъ не могъ открыть нервной системы въ этихъ существахъ. Въ нихъ не видно даже специальныхъ органовъ, ни для воспроизведенія, ни для другихъ животныхъ отправленій. Однакоже онѣ одарены способностью передвиженія и могутъ сжиматься и вытягиваться до изумительной степени. Если сосудъ, въ которомъ ихъ держать, защищенъ отъ всякаго колебанія, то ихъ руки и щупальцы бывають вытянуты во всю ихъ длину; но если къ нимъ прикоснуться чѣмъ нибудь заостреннымъ, то онѣ тотчасъ прячуть свои щупальцы и сжимають все свое тѣло. Если часть сосуда озарена свѣтомъ, то онѣ передвигаются туда, гдѣ этотъ свѣтъ сильнѣе. Онѣ имѣютъ плотодлине инстинкты, никогда не питаются растеніями и яростно дерутся за добычу. Несмотря на свою большую обжорливость, онѣ никогда не стануть ѣсть животнаго, принадлежащаго къ ихъ собственному виду.

Итакъ вотъ созданія, которыя, будучи лишены нервовъ и органовъ чувствъ, тѣмъ не менѣе ищутъ свѣта, показываютъ разборчивость въ пищѣ и обнаруживаютъ большую чувствительность. Зачѣмъ же мы будемъ отказывать въ способности чувствовать великолѣпному дубу нащихъ лѣсовъ, котораго силъ и энергій мы удивляемся, когда онъ посылаетъ свои могучіе корни за пищею; ему, который направляетъ свой стволъ, свои вѣтви и листья къ свѣту; ему, наконецъ, который воспроизводитъ себя и борется съ стихіями среди своей непрестающей и вѣковой дѣятельности? Не странно ли думать, что всѣ стремленія этого дуба къ благоденствію предпринимаются только для нашего поученія и назиданія, единственно для насъ, равнодушныхъ и эфемерныхъ зрителей этого? Нѣтъ. Мы, напротивъ, думаемъ, что это существо само прежде всѣхъ другихъ будетъ

испытывать различныя ощущенія, смотря по успѣшности или неуспѣшности усилій, отъ которыхъ зависитъ его благосостояніе. Можетъ быть, намъ возразятъ, что различныя части, составляющія растеніе, повидимому, живутъ каждая почти независимою жизнію, что корень и стволъ стремятся къ особымъ цѣлямъ, такъ что прозябаемое есть не болѣе, какъ сцѣпленіе частей, не подчиненныхъ одной общей силѣ, индивидуальной душѣ.

Это возраженіе уничтожается само собою, когда мы видимъ, что въ растеніяхъ, на-ряду съ большою свободою эволюцій, на которыя мы указывали, господствуетъ принципъ единства, служащій основаніемъ прекраснаго распорядка, которому мы удивляемся въ нихъ,—принципъ, который заставляетъ всѣ части прозябаемаго споспѣшествовать къ благоденствію индивида, такъ же какъ и къ сохраненію рода. Эта гармоническая сила, этотъ принципъ единства, есть душа растенія. Впрочемъ краснорѣчіе фактовъ всего убѣдительнѣй, и потому мы ограничимся приведеніемъ нѣкоторыхъ разительныхъ примѣровъ, чтобы окончательно утвердить какъ чувствительность, такъ и единство растенія.

Отрубивъ вѣтку дерева, мы вскорѣ увидимъ въ немъ реакцію противъ этаго изувѣченія: оно займется производствомъ другой вѣтви въ другомъ мѣстѣ. Если мы отнимемъ у дерева только нѣкоторые изъ его корней, то оно можетъ отъ этого погибнуть, можетъ и успѣть въ своихъ усиліяхъ къ производству новыхъ корней. Лишивъ растеніе всѣхъ его листьевъ, мы чаще всего видимъ, что оно сохнетъ и умираетъ. Очевидно, что если растеніе можетъ даже умереть, когда у него отнимаютъ всѣ его листья, то оно можетъ также испытывать легкое ощущеніе, когда съ него срываютъ только нѣкоторые изъ нихъ. Можетъ быть, читатель имѣлъ случай замѣтить средство, которое употребляютъ садовники для того, чтобы зимою добыть виноградъ отъ какой нибудь лозы, растущей на открытомъ воздухѣ, не перенося всего дерева въ оранжерею. Они проводятъ во внутренность оранжереи только одну вѣтвь растенія,—и эта вѣтвь вскорѣ покрывается листьями и производитъ прекрасныя кисти винограда, между тѣмъ какъ части дерева, пребывающія на открытомъ воздухѣ, остаются совершенно обнаженными. Чѣмъ объяснить этотъ фактъ, если не тѣмъ, что все растеніе, до самыхъ корней своихъ, чувствуя дѣйствіе, производимое теплотою на одну изъ его вѣтвей, отвѣчаетъ на него, посылая по направленію къ этой вѣтви сокъ, почерпаемый имъ изъ почвы посредствомъ корней? Если мы

оставимъ у яблони всѣ ея вѣтви и плоды, то она будетъ приносить яблоки очень малаго объема, но если мы позаботимся обрѣзать вѣтви дерева и заранѣе пожертвовать половиною яблокъ,— оно не останется нечувствительнымъ ко всѣмъ этимъ попеченіямъ и заплатитъ за нихъ тѣмъ, что принесетъ прекрасные плоды. Стволъ, къ которому привили черенокъ, принимаетъ характеръ вида, къ которому принадлежитъ прививокъ. Если, на примѣръ, привить абрикосовый черенокъ къ стволу сливы, то мало по малу слива измѣнитъ свое свойство и приметъ видъ абрикоса. Если съ какой нибудь вѣтви или со ствола дерева снять кружокъ коры, то мы увидимъ, что растеніе произведетъ по-сверхъ этого круга цвѣты и плоды въ бѣльшемъ изобиліи, чѣмъ гдѣ нибудь. Созрѣваніе плодовъ будетъ здѣсь рановременнѣе, древесинныя волокна будутъ сжатѣе, паденіе листьевъ произойдетъ скорѣе, нежели въ тѣхъ частяхъ растенія, которыя находятся подъ кругомъ. Этотъ фактъ доказываетъ, что легкое измѣненіе на поверхности растенія производитъ дѣйствіе на весь его организмъ.

Я могъ бы привести многіе другіе подобныя факты, но въ этомъ нѣтъ нужды, потому что и замѣченныхъ уже нами достаточно для доказательства — какъ чувствительны прозябаемая къ надлѣйшимъ измѣненіямъ, которымъ подвергаются ихъ. Можетъ быть эти факты дадутъ также понять, что все садоводство основывается, съ одной стороны, на способности растенія испытывать различныя ощущенія, смотря по различнымъ способамъ нашего обращенія съ ними, а съ другой стороны—на способности разнообразнаго противодѣйствія всѣмъ этимъ многочисленнымъ возбужденіямъ.

Хотя факты, которые мы представляли до сихъ поръ, намъ кажутся достаточными для того, чтобы пролить нѣкоторый свѣтъ на душу растенія, но ни одинъ изъ нихъ не обнаруживаетъ существованія этой души съ такою очевидностью, какъ феномены, на которые мы теперь намѣрены обратить все вниманіе нашихъ читателей. Всѣ эти инстинктивныя и самопроизвольныя дѣйствія, до сихъ поръ замѣченныя нами въ растеніи, имѣютъ единственною своею цѣлью сохраненіе недѣлимаго. Теперь мы рассмотримъ способности, которыя обнаруживаетъ душа растенія въ то время, когда, вступая въ другой, высшій, фазисъ дѣятельности, она руководитъ отправлениями, служащими къ сохраненію вида. Въ эту эпоху своей жизни растеніе подвергается преобразова-

нію во всѣхъ своихъ частяхъ. Новое желаніе, новое стремленіе, еще для него невѣдомое, вдругъ возстаетъ въ его душѣ и возбуждаетъ его мирное существованіе: это — половой инстинктъ, это — пробуждающаяся въ немъ любовь, которая, дѣйствуя на душу растенія, какъ на душу людей, воспаляетъ всѣ способности этого существа. Подъ ея вліяніемъ душа растенія производитъ прежде всего самое лучшее изъ своихъ созданій — цвѣтокъ. Изъ вышеприведенныхъ нами фактовъ многіе показали намъ въ растеніяхъ инстинктъ, въ силу котораго они различаютъ и предчувствуютъ что можетъ быть для нихъ вреднымъ или полезнымъ; и мы замѣтили, что въ продолженіе первыхъ фазисовъ своего существованія они поступаютъ единственно по внушеніямъ этого инстинкта. Но, вступая въ тотъ періодъ своего бытія, который исключительно занимаетъ насъ въ настоящую минуту, этотъ первый инстинктъ подчиняется болѣе возвышенному и преобразующему его стремленію. Въ это время растеніе находится подъ вліяніемъ истинной страсти, которая направляетъ всѣ организующія силы его души къ одной цѣли — къ произведенію цвѣточныхъ органовъ. Въ этомъ жаркомъ стремленіи къ отдаленной цѣли есть что-то идеальное, потому что наслажденіе, которое будетъ наградою за трудъ, еще не существуетъ въ настоящемъ: оно сдѣлается истиннымъ и дѣйствительнымъ только въ невѣрномъ будущемъ. Въ эту эпоху различныя части, составляющія организмъ прозябаемыхъ, находятся въ состояніи симпатическаго напряженія, заставляющаго всѣхъ ихъ совокупно стремиться къ осуществленію высшаго акта, совершеніе котораго составляетъ цѣль всѣхъ усилій растительной души. И все-таки, несмотря на сильную, господствующую въ ней, страсть, эта душа дѣйствуетъ здѣсь съ замѣтительною разборчивостью, и не пренебрегаетъ ничѣмъ, что самымъ вѣрнымъ образомъ можетъ привести ее къ желаемой цѣли. Растеніе прежде всего начинаетъ умѣрять и останавливать свою природную склонность разрастаться и производить одну вѣтвь за другою. Оно сосредоточивается, готовится, потомъ вдругъ оставляетъ свои прежнія занятія; и вотъ оно дѣлаетъ оконечности вѣтвей вмѣстительнымъ, преобразуетъ листья — одни въ чашечки, другіе — въ окрашенные лепестки, нѣкоторые — въ тычипки и пестики.

Замѣтимъ хорошенько всю страстность инстинкта, открывающаяся въ этотъ моментъ въ растеніи. Чтобы достигнуть акта оплодо-

творенія, оно вдругъ останавливаетъ врожденную склонность къ возрастанію; оно преобразуетъ всю свою часть, находящуюся въ воздухѣ, превращаетъ тысячи зеленыхъ листьевъ въ половые органы, посредствомъ которыхъ оно удовлетворить наконецъ бурно, господствующему въ немъ, инстинкту. Можно постепенно слѣдить за непрерывными превращеніями, которымъ растеніе подвергаетъ свои листья, для образованія изъ нихъ пестиковъ и тычинокъ; въ плодотворной пыли его можно замѣтить маленькія тѣла, одаренныя движеніемъ; можно видѣть, какъ они входятъ въ маточникъ и проникаютъ въ яичникъ, чтобы оживить тамъ зародышъ; но отъ увеличительнаго стекла и отъ микроскопа ускользаетъ первоначальная причина этихъ метаморфозъ и движеній—пламенная, энергическая, изумительная страсть души растенія.

Мы помнимъ, съ какою удивительною быстротою американская агава преобразуетъ свои листья въ органы, чтобы успокоить желанія, которыя вдругъ начинаютъ ее волновать. Читатель видѣлъ, что она умираетъ, истощенная силою своихъ страстей. Приведемъ еще одинъ фактъ, который, по нашему мнѣнію, показываетъ, и очень явственно, энергію внутренняго движенія, происходящаго въ растеніи, и горячность инстинктовъ, его волнующихъ и господствующихъ надъ его душою въ этомъ фазисъ его жизни. Подобно тому, какъ чрезмѣрное возбужденіе и пламенные чувствованія, испытываемыя другими созданіями, въ извѣстныхъ эпохи ихъ жизни, выражаются вѣншимъ образомъ посредствомъ почти лихорадочныхъ симптомовъ, посредствомъ необыкновеннаго жару,—такимъ же точно образомъ мы замѣчаемъ въ прозябаемыхъ, въ минуту ихъ оплодотворенія, развитіе теплотвора, не менѣе замѣчательное. Въ цвѣтахъ растенія—*Colocasia odora* замѣчена такая значительная теплота, что поддерживающій ихъ вѣнчикъ въ минуту оплодотворенія достигаетъ сорока трехъ градусовъ по стоградуснику, между тѣмъ какъ окружающій ихъ воздухъ не превышаетъ двадцати градусовъ. Этотъ фактъ гѣмъ значительнѣе, что въ существахъ животнаго царства мы видимъ совершенно такой же странный феноменъ, отъ разъясненія котораго мы удержимся.

Столь очевидное возвышеніе температуры было до послѣдняго времени замѣчаемо только въ прозябаемыхъ изъ семейства *Клеветидныхъ* (*Oroideae*), и Распайль, котораго превосходныя физиологическія изысканія выше всякой похвалы, утверждалъ да-

же, что такая возвышенная температура происходит от лучей, которые цветочный чехол отражает и сосредоточивает на содержащихся въ немъ цвѣтахъ. Но недавно опыты Демана, изъ Гамбурга, показали, съ одной стороны, что этотъ феноменъ случается несравненно чаще, чѣмъ думали, а съ другой, что сильная теплота, замѣчаемая въ вѣничкѣ *колокази*, падаетъ прямо на половые органы. Деманъ доказалъ довольно значительное усиленіе теплоты въ органахъ кувшинчика (*пурфоса*) въ то самое время, когда огромные цвѣты королевской викторіи (*victoria regia*) распускались въ ботаническомъ саду, находящемся подъ его управленіемъ. Замѣтимъ прежде всего, что эти цвѣты вовсе не имѣютъ чехла, который бы ихъ прикрывалъ, и могъ бы сосредоточить на нихъ теплоту. Однакоже названный сейчасъ ботанистъ, продержавъ нѣкоторое время шаръ термометра въ самой серединѣ свода, который образуютъ, сходясь одна къ другой, большія и безчисленныя пыльныя головки тычинокъ этого растенія, съ первыхъ же минутъ замѣтилъ, что изъ тычинокъ выходитъ теплота въ двадцать два градуса по Реомюру, между тѣмъ какъ температура оранжерей едва доходила до семнадцати. Должно замѣтить, что другія части цвѣта и даже вмѣстѣ имѣли одинаковую съ воздухомъ температуру.

Не будемъ упускать изъ вида, что вѣшнія движенія, которыя мы замѣчаемъ въ прозябаемыхъ, и которыя относятся къ оплодотворенію, суть только отблески болѣе сильнаго движенія —внутренняго. Когда моментъ оплодотворенія уже близокъ, растеніе, посредствомъ какого-то неуловимаго дѣйствія, выпускаетъ въ свои сѣменники цвѣточное сѣмя, эту плодотворную пыль, легкую, неосязаемую и однакоже состоящую изъ маленькихъ зернышекъ, очень явственныхъ, покрытыхъ двумя тонкими плевами, изъ которыхъ вѣшняя разрывается, какъ скоро зернышко плодотворной пыли достигаетъ отверстія пестика. Тогда сквозь прозрачныя перегородки второй оболочки можно видѣть плодотворную жидкость, называемую *fovilla*, а въ ней — безконечно малыя крупинки, которыя плаваютъ въ жидкости, волнуются во всѣхъ направленіяхъ и, повидимому, одарены способностью гнстинктивныхъ движеній. Эти маленькія крупинки, почти невещественныя, въ своей суетливости представляются намъ символами безпокойной работы, которая происходитъ въ душѣ растенія, и въ которой онѣ, повидимому, принимаютъ

участіе. По наиболѣе распространенному мнѣнію, онѣ проникаютъ въ ячичникъ пестика, чтобы оживить тамъ сѣмя и превратить его въ зародышъ. Можетъ быть также,—и этого мнѣнія въ настоящее время держатся многіе нѣмецкіе физиологи,—зернушки, движущіяся въ плодотворной жидкости, суть настоящіе зародыши, которые входятъ въ пестикъ и проникаютъ въ ячичникъ, уже совсѣмъ сформированные, чтобы получить тамъ полное развитіе. *

По мѣрѣ того какъ приближается моментъ оплодотворенія, растенія обнаруживаютъ способности, которыхъ не было замѣтно въ нихъ прежде и которыхъ мы тоже не найдемъ, когда они достигнутъ этого счастья, къ которому такъ сильно стремились. Мы видимъ, такимъ образомъ, что волненіе органовъ составляетъ, въ эту эпоху, общее явленіе, не только въ растеніяхъ высшаго разряда, но и во всей этой огромной группѣ прозябаемыхъ, въ которыхъ не замѣтно специальныхъ органовъ, явственно обозначенныхъ; — даже въ тайнобрачныхъ (*cryptogames*), грибахъ, лишаяхъ, поросляхъ, насъ страннымъ образомъ поражаютъ движенія оживленныхъ зародышей. Въ послѣднемъ отношеніи поросли представляютъ необыкновенные феномены. Это суть растенія, которыя живутъ въ глубинѣ или на поверхности прѣсной или соленой воды и которыя, по большей части, воспроизводятся посредствомъ свободныхъ и подвижныхъ зародышей. Эти зародыши называются *зооспорами* (животнокрупники), а растенія, которыя производятъ ихъ,—животностѣнными (*zoospermées*), по причинѣ сходства этихъ крошечныхъ тѣлъ съ сперматозоорами, этими странными мельчайшими животными, которыя находятся въ сѣмени существъ животнаго царства. Нѣкоторые изъ наблюдателей приняли даже, безъ всякаго ограниченія, мнѣніе, что эти тѣльца, одаренныя большою подвижностью, въ нѣкоторыхъ поросляхъ суть настоящія сперматозооры.

* Читателямъ, можетъ быть, не безызвѣстно, что Шлейденъ ввелъ въ науку новую теорію оплодотворенія, которая, не опровергая различія половъ въ растительномъ мѣрѣ, тѣмъ не менѣе глубоко измѣняетъ смыслъ отправленій, обыкновенно приписываемыхъ органамъ растеній. По теоріи Шлейдена зародышъ производитъ тычинка, и онъ совершенно готовый выходитъ изъ сѣменниковъ. Положенный въ отверстие пестика, онъ проникаетъ въ ячичникъ, гдѣ зрѣетъ и развивается. Такимъ образомъ пестикъ дѣлается органомъ носенія плода.

Эта теорія, встрѣтившая сильное сопротивленіе во Франціи, была очень благосклонно принята нѣмецкими физиологами.

Когда у животноственныхъ появляется инстинктъ расклевыванія, то они подвергаются глубокому измѣненію, вслѣдствіе котораго въ привилегированныхъ клѣточкахъ образуются крошечныя тѣла, чрезвычайно подвижныя и имѣющія что-то въ родѣ носа или клюва. Движенія зооспоровъ начинаются внутри клѣточекъ или ячеекъ. Эти крупинки, по наблюденіямъ ботаниста Агарда, постоянно держатся клювомъ впередъ и употребляютъ его какъ стѣноломъ, посредствомъ котораго они ударяютъ, все въ одной точкѣ, въ перегородку клѣточки и потомъ выходятъ въ отверстіе, которое имъ удалось пробить въ ней. Но такъ какъ клювъ зооспора есть тѣло очень слабое, то, не смотря на авторитетъ знаменитаго шведскаго ботаника, позволительно думать, что зооспоры выходятъ изъ своихъ клѣточекъ черезъ отверстія, устроенныя для нихъ самимъ растеніемъ; это болѣе согласно съ инстинктомъ предусмотрительности, которую мы имѣли случай замѣтить въ недѣлимыхъ растительнаго царства. Какъ бы то ни было, крупинка, вышедши изъ клѣточки, посредствомъ быстрого круговращательнаго движенія, подымается сперва на поверхность воды, потомъ предается быстрымъ движеніямъ, которыя постоянно направлены къ свѣту и которыя Унгеръ, Эдликеръ, Агардъ и многіе другіе наблюдатели считаютъ движеніями произвольными и инстинктивными. Мы думаемъ, что каждый, кто могъ наблюдать эти феномены, будетъ расположенъ принять такое мнѣніе. Движенія этихъ существъ иногда продолжаются много часовъ и оканчиваются не прежде, какъ когда зооспоры, прицѣпясь къ какому нибудь постороннему тѣлу, начинаютъ пускать ростки и развиваться въ глубинѣ или на поверхности водъ, чтобы сдѣлаться потомъ существами, совершенно подобными тому, отъ котораго они родились. На концѣ своихъ носиковъ зооспоры имѣютъ подвижныя волоски, употребляемые ими въ качествѣ настоящихъ органовъ передвиженія—какъ для того, чтобы подаваться впередъ, такъ и для избѣжанія препятствій, попадающихъ во время ихъ быстрыхъ эволюцій, которыхъ самопроизвольный характеръ удивляетъ наблюдателя и представляетъ одно изъ самыхъ интересныхъ явленій, какія только можетъ онъ видѣть. Вотъ что Унгеръ,—ботаникъ, которому наука обязана такими прекрасными наблюденіями по анатоміи и физиологіи растеній,—говоритъ о вошерин, маленькой поросли, покрывающей поверхность камней, лежащихъ подъ струями проточной воды: «Зооспоры выскакиваютъ изъ клѣточки по

своей собственной воли (eigenmächtig), движутся во всѣхъ направ-
леніяхъ на поверхности воды, тщательно избѣгаютъ столкновенія
одинъ съ другимъ и всякихъ препятствій и проникаютъ сквозь
запутанную сѣть водорослей, никогда не натываясь на нее; они
отдыхаютъ или продолжаютъ забавляться такимъ образомъ, по
своей волѣ, до тѣхъ поръ, пока, прицѣпясь къ какому нибудь
постороннему тѣлу, начинаютъ превращаться въ поросли.*

Протоккокусы (protococcus) суть маленькія поросли, которыя
живутъ въ снѣгу или въ водѣ и окрашиваютъ ихъ краснымъ
или зеленымъ цвѣтомъ. Эренбергъ причислялъ ихъ къ расте-
ніямъ; но другіе наблюдатели, пораженные странными движе-
ніями этихъ маленькихъ созданий, относили ихъ къ животному
царству. Наконецъ прекрасныя изысканія Флотова привели къ
наиболѣе вѣрному и въ тоже время самому неожиданному рѣ-
шенію задачи: одно и тоже существо поочередно бываетъ расте-
ніемъ и животнымъ. Флотовъ замѣтилъ, — и это фактъ непо-
дежащій сомнѣнію, — какъ одинъ *protococcus pluvialis*, превра-
тился въ маленькое животное, называемое *наливочнымъ чер-
векомъ* (*astasia*), и какъ потомки этого животнаго сдѣлались опять
порослями изъ породы протоккокусовъ. «Я не могу отказаться
отъ мысли, говоритъ Флотовъ, что маленькое животное, родив-
шееся отъ этой поросли, было не что иное, какъ высшая сте-
пень ея развитія.»

Въ другой группѣ порослей можно наблюдать актъ настоя-
щаго спариванья. Два волокна медленно приближаются другъ къ
другу и наконецъ соединяются посредствомъ трубочки, которую
одно изъ нихъ подвигаетъ на встрѣчу другому. Черезъ эту тру-
бочку переходятъ изъ одного волокна въ другое всѣ сѣмена,
такъ что, — и это очень достойно замѣчанія, — одинъ изъ ор-
гановъ всегда остается дающимъ, а другой всегда принимаю-
щимъ.

Знаменитый Унгеръ по поводу подобныхъ фактовъ воскли-
цаетъ: «Да, я вижу въ этомъ истинно великое чудо; и одна-
коже природа позволила намъ свободно приподнимать покровъ
тайны, которую каждый день она совершаетъ миллионы разъ.
Актъ рожденія всегда имѣетъ въ себѣ нѣчто таинственное
и торжественное, но здѣсь онъ дѣлается непосредственнымъ
чудомъ.»

Въ самомъ дѣлѣ, въ эпоху распложенія животно-сѣменныхъ

* Unger, Die Pflanze im Moment der Thierwerdung, Вѣна, 1843 г.

растений, въ нихъ открывається много другихъ замѣчательныхъ феноменовъ, обнаруживающихъ съ одной стороны странныя движенія и разборчивость, которою эти существа одарены отъ природы, а съ другой—чрезвычайную горячность, которою они бывають одушевлены въ ту минуту, когда совершають актъ оплодотворенія.

Но мы спѣшимъ опять обратить вниманіе нашихъ читателей на тѣ семейства прозябаемыхъ, которыя имъ болѣе извѣстны и въ которыхъ они легко признають одушевленное свойство движеній, замѣчаемыхъ, въ моментъ оплодотворенія, какъ въ цвѣточныхъ органахъ, такъ и въ цѣломъ растеніи. Мы напомнимъ прежде всего о замѣчательной предусмотрительности, открытой уже нами во многихъ растеніяхъ, которыя, чтобы укрыть плодотворную пыль и зародыши, закрываютъ въячки своихъ цвѣтовъ передъ сномъ, — сжимають ихъ передъ наступленіемъ бури. *Cactus ornithia*, лилія св. Іакова (*amaryllis formosissima*), восточный спорышь, крапива, персидскій вѣнчикъ, лютиковыя растенія (*gaultheriaceae*), стѣнница, все большое семейство крапивныхъ (*urticées*), и значительное число другихъ растеній — до оплодотворенія сгибають свои тычинковыя стебельки къ основанію цвѣтка, такъ что пыльныя головки, которыми они оканчиваються, опускаются ниже отверстія пестиковъ. Но въ тотъ самый моментъ, когда должно начаться оплодотвореніе, тычинки вдругъ выпрямляються и ударяють въ отверстіе, чтобы войти въ него и всыпать туда сімянную пыль. По совершеніи этой тайны, они удаляються отъ своихъ пестиковъ, отклоняються въ сторону и распускаються вновь. Красоля (*sariscine*) сначала выпрямляетъ одну изъ своихъ восьми тычинокъ, высыпаетъ изъ нея плодотворную пыль на отверстіе, потомъ сгибаетъ ее и возвращаетъ къ прежнему мѣсту. Вскорѣ потомъ подымается другая и въ свою очередь вспыскиваетъ пестикъ, послѣ чего уступаетъ мѣсто третьей. Такимъ образомъ всѣ тычинки поочередно приближаются къ пестику, чтобы всыпать туда свою плодотворную пыль. Такъ же поступаютъ лилія прекрасная (*lilium superbum*), рута, лилія св. Іакова и многія другія растенія. Когда болотный бѣлзоръ (*parnassia palustris*) хочетъ совершить актъ оплодотворенія, то посредствомъ очень быстрога по правильнаго движенія направляетъ свои тычинки къ пестику; по окончаніи этого акта, растеніе медленно, какъ будто съ сожалѣніемъ, опять удаляетъ ихъ.

Напротивъ того другія растенія, какъ наприм., чернушка, кавалерниковыя, роза, сообщаютъ подобныя движенія не тычинкамъ, а пестикамъ. Въ ту минуту, когда этотъ органъ готовится принять плодотворныя зерна изъ тычинокъ, отверстія пестиковъ открываются; потомъ, получивъ зерна, возвращаются въ прежнее положеніе. Въ нѣкоторыхъ растеніяхъ, напр., въ проскурникѣ, мы видимъ, что тычинка и пестикъ взаимно приближаются одинъ къ другому. До соединенія они нѣкоторое время движутся, какъ будто ища другъ друга.

Слѣдующій фактъ сообщенъ намъ многими наблюдателями, и мы могли убѣдиться, что онъ очень извѣстенъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тропической Америки. Хотя о немъ упоминаютъ многіе писатели и мы считаемъ его дѣйствительнымъ, тѣмъ не менѣе мы приводимъ его съ нѣкоторою нерѣшимостью, не имѣвши успѣха—увѣриться въ немъ своими собственными наблюденіями. Американскій скрипунъ есть одно изъ очень красивыхъ деревъ, на которомъ мужскіе и женскіе цвѣты растутъ отдѣльно, но всегда на одномъ и томъ же суку. Такъ какъ плодотворная пыль тычинокъ здѣсь не сыплется въ пестикъ, то скрипунъ брачутся чрезъ непосредственное соприкосновеніе цвѣтовъ мужскихъ съ женскими. Когда скрипунъ готовится совершить высшій актъ своей жизни, онъ, говорятъ, приближаетъ вѣтки съ цвѣтами мужскаго пола къ вѣткамъ, на которыхъ пребываютъ въ одиночествѣ цвѣточныя самки и такимъ образомъ, подъ вліяніемъ страстнаго инстинкта, который овладѣваетъ имъ, распоряжается всѣми своими вѣтвями. Говорятъ даже, что актъ оплодотворенія совершается съ легкимъ шумомъ, похожимъ на трескъ электрической искры.

Есть растенія, которыя вмѣсто того, чтобы подвигать свои тычинки и пестики, для приведенія ихъ въ соприкосновеніе между собою, опрокидываютъ весь цвѣтокъ. Въ этомъ положеніи, тычинки, будучи короче пестика, находятся поверхъ его, такъ что плодотворная пыль не можетъ упасть, не встрѣтивъ его отверстія. Но здѣсь по истинѣ замѣчательно то, что эти растенія позволяютъ своимъ листьямъ висѣть на стеблѣ только до и во время оплодотворенія: едва актъ совершился—они тотчасъ поднимаютъ ихъ и затѣмъ держатъ въ прямомъ положеніи на своихъ стебляхъ; такъ дѣлаютъ маки, колокольчики, императорскія короны и дру-

гія прозябаемыя.. Агавы и всѣ алоэ, которыхъ пестики гораздо длиннѣе тычинокъ, держать свои цвѣты сперва прямо; въ минуту оплодотворенія опрокидываютъ ихъ, а потомъ, когда оно совершилось, выпрямляютъ ихъ снова.

Но ничто не показываетъ присутствія удивительнаго инстинкта въ растеніяхъ съ такою ясностью, какъ средства, которыя употребляютъ, для оплодотворенія, тѣ изъ нихъ, которыя живутъ въ условіяхъ, мало благоприятствующихъ къ совершенію этого акта.

Сумчатки суть растенія, распространенныя въ прѣсныхъ водахъ почти всѣхъ странъ и довольно обыкновенныя въ окрестностяхъ Парижа. Онѣ то свободно плаваютъ подъ водою, то удерживаются въ глубинѣ болотъ довольно крѣпкими корнями. Подъ своими нижними листьями они имѣютъ маленькія круглыя и подвижныя сумки, обыкновенно наполненныя веществомъ, которое нѣсколько тяжелѣе воды и потому удерживаютъ растеніе въ глубинѣ ея. Но въ ту минуту, когда въ прозябаемомъ пробуждается инстинктъ производительности, оно медленно подымается изъ глубины водъ и выплываетъ на поверхность, чтобы провести здѣсь все время своей любви. По окончаніи цвѣтенія, прозябаемое опять становится болѣе тяжелымъ и удаляется въ глубину воды, чтобы дать зрѣлость своимъ зернамъ и посвятить ихъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы они могли начать свое индивидуальное существованіе, укрываясь изъ всякой опасности.

Валиснерія открываетъ намъ существованіе своей души актами еще болѣе замѣчательными. Она издавна знаменита, по причинѣ удивительныхъ феноменовъ, которыми сопровождается ея оплодотвореніе. Эти существа живутъ, чрезвычайно многочисленными обществами, въ глубинѣ рѣкъ, въ капалахъ южной Франціи и особенно въ Ронѣ. Это суть растенія двудомныя (*dioiques*), т. е. такія, у которыхъ цвѣты съ пестиками и цвѣты съ тычинками всегда находятся на различныхъ индивидахъ. Когда самецъ начинаетъ чувствовать половой инстинктъ, то всѣ цвѣты его выходятъ изъ чехла, который содержитъ ихъ въ большомъ количествѣ. Гёте утверждаетъ что онъ видѣлъ, какъ эти цвѣты быстрымъ порывомъ отдѣлялись отъ своего стебля. Они плаваютъ на поверхности воды и блещутъ на солнцѣ подобно серебрянымъ пластинкамъ. Въ тотъ же самый моментъ самка, движимая тѣмъ же инстинктомъ, растагиваетъ свой

цвѣтоносный стебель, который она до этихъ поръ держала надъ водою свернутымъ въ видѣ спирали. По мѣрѣ того какъ извивы спирали раздвигаются, она подымаетъ свой одинокій цвѣтокъ къ поверхности воды и открываетъ его въ тотъ самый мигъ, какъ только ея достигаетъ. Тогда, по выраженію Паоло Барбieri, мы видимъ, что цвѣты самца находятся какъ будто въ волненіи и направляются къ цвѣту самки, чтобы покрыть ее жизненною пылью. Оплодотворившись, самка опять закрываетъ свой цвѣтокъ, сжимаетъ спирали своего стебля и опускается въ глубину водъ, чтобы сложить тамъ свое потомство.

Очень часто случается, что природа поставляетъ непреодолимые препятствія къ непосредственному соединенію двухъ половъ, — или тѣмъ, что мужскіе и женскіе индивиды находятся въ слишкомъ большомъ разстояніи одни отъ другихъ, или тѣмъ, что самое устройство и положеніе цвѣточныхъ органовъ дѣлаетъ прямое оплодотвореніе невозможнымъ, или, по крайней мѣрѣ, очень затруднительнымъ. И вотъ тутъ-то между прозябаемымъ и животными устанавливаются странныя отношенія, которыхъ психическій характеръ намъ хотѣлось бы явственно представить нашимъ читателямъ. Въ такихъ случаяхъ растеніе, по видимому, взыываетъ къ себѣ на помощь существа другаго царства, чтобы они снабдили его средствами передвиженія, въ которыхъ отказала ему природа. Не имѣя возможности ни кричать, ни дѣлать жесты, растеніе прибѣгаетъ къ сигналамъ, очень понятнымъ для маленькихъ существъ, которыя суетятся вокругъ него, и къ которымъ оно обращается. Съ приближеніемъ минуты оплодотворенія, прозябаемое отдѣляетъ въ своемъ вѣнчикѣ сахаристую жидкость, которую оно сосредоточиваетъ въ маленькихъ резервуарахъ. Эти резервуарчики съ медомъ мы видимъ въ вѣнчикѣ многихъ цвѣтовъ, напримѣръ въ вѣнчикѣ фіалки. По изготовленіи нектара, прозябаемое совершенно раскрываетъ свой вѣнчикъ, блистающій яркими красками. Это первый сигналъ, поражающій зрѣніе насѣкомыхъ. Они стекаются, проникаютъ въ вѣнчикъ, и начинаютъ искать медовыхъ сосудовъ, которые чаще всего находятся въ самыхъ углубленныхъ частяхъ цвѣтка, такъ что насѣкомыя не могутъ туда проникнуть, не задрѣвъ за пыльные головки тычинокъ (антеры) и за отверстіе пестика. Хотя медовые сосуды большею частію бываютъ прикрыты отъ дождя волосками или маленькими чешуйками, но для

насъкомыхъ доступъ къ нимъ свободенъ. Кто не видалъ, съ какою стремительностью пчела врывается въ вѣнчикъ цвѣтка? Она вернется тамъ съ какимъ-то бѣшенствомъ. Животворная пыль сѣмянниковъ пристаётъ къ ея мохнатуму тѣлу, чтобы потомъ упасть съ нея и проникнуть въ пестикъ, когда пчела, упершись грудью въ отверстіе его, высасываетъ нектаръ изъ глубины вѣнчика. Можетъ случиться, что насѣкомое, привлеченное блескомъ или благоуханіемъ цвѣтка, войдя въ него, не вдругъ найдетъ медовые сосудцы, скрытые въ глубинѣ вѣнчика. Но растеніе какъ будто предвидѣло этотъ случай, и, чтобы помочь своему гостю, позаботилось намѣтить на внутреннихъ перегородкахъ своего вѣнчика линіи или точки, которыя называются *нектаростигматами* (nectarostigmates) и ведутъ къ резервуарчикамъ, гдѣ находится медъ. Число этихъ мѣтокъ, которыхъ цвѣтъ составляетъ контрастъ съ цвѣтомъ вѣнчика, всегда одинаковъ съ числомъ медовыхъ сосудцевъ. Такимъ образомъ они служатъ настоящими путями, которые проводятъ насѣкомыхъ къ самому дну вѣнчика, съ тѣмъ, чтобы послѣднія, ходя взадъ и впередъ подъ пестикомъ и тычинками, переносили плодотворную пыль тычинокъ въ отверстія пестиковъ *.

Цвѣтокъ лютиковыхъ растеній, напр., широко раскрытый, представляетъ очень легкій доступъ насѣкомымъ; но медовыя желѣзки ихъ находятся въ глубинѣ вѣнчика, тамъ, гдѣ тычинки, наклоненныя къ основанію цвѣтка, упираются своими пыльными головками въ лепестки. Эти цвѣты часто посѣщаются маленькими насѣкомыми—антофагами и омалидами, крошечными бабочками, каковы напр., блестящія адели, и эофоры съ золотыми крыльшками. Вполнѣ предавшись отыскиванію медовыхъ сосудцевъ, они ходятъ взадъ и впередъ, приподнимая и встряхивая безпрестанно сѣмянники, и такимъ образомъ приводятъ плодотворную тычинковую пыль въ соприкосновеніе съ пестиками, находящимися въ серединѣ цвѣтка. Всѣ эти маленькія существа остаются въ цвѣткѣ даже тогда, когда онъ закрывается; и если приоткрыть цвѣтокъ во время сна растенія, то можно видѣть ихъ покоющимися на тычинкахъ и даже на отверстіи пестика. Они находятся тамъ въ такомъ большомъ числѣ, что наполняютъ весь цвѣтокъ **.

* Conrad Sprengel. Das entdeckte Geheimniss der Natur, im Bau und in der Befruchtung der Blumen.

** Reichenbach. Über die Erhaltung der Welt.

Вслученный и трубчатый цвѣтокъ змѣйнаго корня (*aristolochia*) весь покрытъ маленькими волосками, наклоненными ко дну вѣнчика. Какъ только цвѣтокъ начинаетъ распускаться, маленькія бабочки входятъ туда и ищутъ тамъ нектара; но такъ какъ наклоненные волоски мешаютъ имъ выйти оттуда назадъ, то онѣ бьются въ вѣнчикѣ до тѣхъ поръ, пока не снимутъ всю плодотворную пыль тычинокъ и не перенесутъ ее на пестики. Когда оплодотвореніе такимъ образомъ совершилось, волоски опускаются и пльницы выходятъ.

Фиалки, ломонось, проскурнякъ, бузина и многія другія растенія оплодотворяются такимъ образомъ, съ помощью насѣкомыхъ; но отношенія, устанавливающіяся между прозябаемыми и насѣкомыми приобрѣтаютъ всю свою важность преимущественно въ томъ классѣ растеній, гдѣ индивиды съ цвѣтами мужскими и индивиды съ цвѣтами женскими отдѣлены одни отъ другихъ. Тутъ мы постоянно видимъ, какъ насѣкомыя, обсыпанные пылью мужскихъ цвѣтовъ, входятъ въ женскіе цвѣты, приносятъ имъ живительное сѣмя и такимъ образомъ способствуютъ къ сохраненію рода.

Въ Европѣ мы никогда не видали, чтобы растенія, въ періодѣ своей любви, пользовались, для своего оплодотворенія, помощью другихъ какихънибудь существъ, кромѣ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ, бабочекъ и пчелъ. Но въ тропическихъ странахъ намъ случалось много разъ удостовѣриться, что колибри тоже помогаютъ этому акту въ растительномъ царствѣ и что посредствомъ нихъ производятся постоянныя спомешія въ томъ классѣ прозябаемыхъ, которыхъ мужскіе и женскіе цвѣты живутъ отдѣльно. Мы видѣли, что колибри, для своей добычи, безспорно предпочитаютъ двудомныя (*dioïques*) и однодомныя (*monoïques*) растенія, каковы молочайныя (*euphorbiaceae*) и дынеплодники (*carica papaya*). Птица-муха опускаетъ свой тонкій язычекъ въ глубину вѣнчика и высасываетъ оттуда медъ. Порхая надъ цвѣткомъ, она часто и съ необыкновенною горячностью ударяется головою въ перегородки вѣнчика и по временамъ вся совершенно исчезаетъ въ цвѣткѣ. Маленькій блестящій хохолокъ, украшающій ея головку, покрывается пылью мужскихъ цвѣтовъ. Она съ непостижимою быстротою перелетаетъ отъ самцовъ къ самкамъ, приноситъ послѣднимъ живительную пыль и такимъ образомъ помогаетъ ихъ оплодотворенію.

Есть растенія, которыя привлекають насѣкомыхъ не только яркостью, но и въ особенности, формою своихъ цвѣтовъ. Такъ намъ случилось замѣтить, что ятрышниковыя (orchideae) растенія даютъ своимъ вѣтчикамъ форму совершенно подобную формѣ насѣкомыхъ, которыя посѣщаютъ ихъ.

Видя, что прозябаемая, въ періодъ своего цвѣтенія, сочащимся изъ нихъ медомъ, запахомъ, блескомъ, и формою своихъ вѣтчиковъ, привлекають къ себѣ насѣкомыхъ, которыя способствуютъ акту ихъ оплодотворенія, мы заключили, что эти факты суть феномены инстинктивные и одушевленные и что это сношеніе, столь странное и столь близкое, съ существами животнаго царства должно расширить кругъ ощущеній, въ которымъ способна душа прозябаемаго. Поэтому намъ кажется ребячествомъ—думать, будто бы растеніе даетъ яркость и благоуханіе своему цвѣтку единственно для удовольствія нашихъ чувствъ; что оно производитъ свой медъ безъ всякой пользы для самого себя, а единственно для того, чтобы его высасывало насѣкомое. Напротивъ того, намъ кажется совершенно разумнымъ предположить, что въ то самое время какъ насѣкомое наслаждается счастьемъ въ цвѣткѣ прозябаемаго, это послѣдне испытываетъ ощущенія, которыя сопровождаютъ актъ, совершающійся въ немъ вслѣдствіе присутствія насѣкомаго.

Въ самомъ дѣлѣ, эти существа созданы для того, чтобы жить во взаимныхъ сношеніяхъ. Всѣ мы, живущіе и движущіеся на этой планетѣ,—люди мы, растенія или животныя,—всѣ мы существуемъ одни для другихъ и находимся въ безпрестанномъ обмѣнѣ силъ и услугъ. Если весь растительный міръ испаряетъ изъ себя кислородъ, которымъ дышутъ существа животнаго царства, то эти послѣднія, въ свою очередь, выдыхаютъ угольную кислоту, которую вдыхаютъ растенія, чтобы напитаться углекислымъ газомъ. Если растенія даютъ людямъ ихъ ежедневный хлѣбъ а животнымъ кормъ, то мы, послѣ своей смерти, отдаемъ имъ все свое тѣло.

Какой центральный дѣятель устанавливаетъ этотъ дивный порядокъ, въ которомъ мы можемъ замѣтить только незначительную часть, но котораго совокупность остается неуловимою для человеческого сознанія? Что это ея существо, изъ котораго истекаетъ это всеобщее движеніе, и которое сознаетъ его, чувствуетъ въ себѣ пре-

леть инстинктовъ, жечаній, страданій и радостей всѣхъ земныхъ существъ? Не есть ли это мать, которую мы всѣ любимъ, которую мы такъ хорошо знаемъ, и въ лонѣ которой люди, растения и жидкотныя рождаются, живутъ, исчезаютъ и воскресаютъ?

За стремительностью и горячностью, которую мы видѣли въ прозябаемыхъ въ эпоху ихъ оплодотворенія, слѣдуетъ спокойствіе, необходимое для здороваго ношенія плода. Пламенная любовь прекращается; мѣсто ея заступаютъ предусмотрительность и заботы о потомствѣ.

Послѣ оплодотворенія, прозябаемая, повидимому, въ самомъ дѣлѣ удворяютъ старанія и предосторожности, внѣ и внутри, для сохраненія плода, который долженъ продлить существованіе ихъ рода. Они помѣщаютъ его сперва въ плаценту (placenta), * какъ бы въ самое нѣжное гнѣздо, обкладываютъ его мякотью, шелухою, плевою, капсулами. «Ни одна мать не обращала болѣе заботливаго вниманія на колыбель своего ребенка», говоритъ Бернарденъ до Сень-Піеръ. Нельзя не признать въ этомъ дѣйствія той врожденной любви, которую имѣютъ всѣ родители къ своимъ дѣтямъ.

Мы уже видѣли, что валлиснерія и сумчатка, оплодотворившись, удаляются въ глубину водъ, чтобы дать созрѣть своимъ зернамъ и посѣять ихъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы они могли безопасно начать свое индивидуальное существованіе.

Victoria regia открываетъ свои великолѣпные цвѣты на поверхности воды и оплодотвореніе совершается въ воздухѣ. Наблюдатель съ невыразимымъ восторгомъ слѣдитъ тогда за прекрестаннымъ движеніемъ, за таинственною работою, происходящею въ вѣнчикѣ. Это растеніе, дивное съ самыхъ первыхъ фазисовъ своего существованія, еще чудеснѣе послѣ оплодотворенія и до время ношенія плода. Едва сдѣлавшись плодоносящимъ, оно, съ дѣливой нѣгой, прикрываетъ своими широкими лепестками брачное ложе, гдѣ совершилась тайна гименей и, повинувшись чудесному инстинкту, опускается въ воду, чтобы дать своимъ сѣменамъ зрѣлость, и потомъ посѣять ихъ.

Сколько заботъ и предосторожностей выказываютъ растенія относительно зародыша, который они носятъ въ груди своей,

* Часть растенія или плода, къ которой прикрѣплены сѣмена.

столько же предусмотрительности обнаруживают они, когда разлучаются съ нимъ, предоставляя ему жить своею отдѣльною жизнію. Они снабжаютъ свои зерна хохолками, перышками, крылышками, чтобы ихъ относило вдаль и чтобы имъ не было недостатка въ просторѣ. Такъ дѣлаютъ ромашка, цикорій, волчець, кедръ, клены и другіе роды растений.

Предусмотрительность куръ и другихъ животныхъ, которыя, воспитавъ своихъ дѣтей, разсеваютъ ихъ для отыскиванія пищи, не удивительнѣе той, которую показываютъ некоторые растенія, какъ напр. лѣсной бальзаминъ (не-тронь меня), который, по созрѣніи своихъ зеренъ, съ силою выталкиваетъ ихъ изъ влагалищъ и такимъ образомъ разсеиваетъ на довольно далекое разстояніе.

Американскій скрипунъ дѣйствуетъ точно такъ же; онъ съ трескомъ разбиваетъ свою скорлупу и далеко разбрасываетъ свои многочисленныя зерна.

Но если молодое растеніе можетъ благоденствовать только на какой нибудь совершенно особой почвѣ, — и, слѣдовательно, подвергается опасности, какъ скоро начнетъ свое существованіе вдали отъ своей матери, — то послѣдняя оставляетъ его только тогда, когда снабдить необходимыми средствами, для прочнаго утвержденія въ почвѣ.

Въ этомъ отношеніи корнепустовыя растенія (rhizophorae) представляютъ намъ замѣчательныя феномены. Древокорникъ (manglier), напр., есть невысокое дерево, которое живетъ въ устьяхъ рѣкъ по побережью тропическихъ морей, тамъ, гдѣ почва то затопляется, то обнажается, приливомъ и отливомъ океана. Чтобы юное растеніе могло утвердиться на единственной пригодной для него землѣ, его мать не оставляетъ своего дѣтища, пока оно не выростетъ достаточно и не пріобрѣтетъ силы настолько, чтобы противостоять движенію воды. Она даетъ ему сперва развиться на ней и пустить корень. Корень этотъ появляется на верхушкѣ около плодика, вздувается у своей оконечности и направляется къ землѣ. Продержавъ на себѣ такимъ образомъ свое дѣтище въ продолженіе цѣлаго года, растеніе наконецъ рывается отдѣлится отъ него: оно сбрасываетъ его въ мѣгдѣ онъ тотчасъ же утверждается, посредствомъ своего, совершенно сформировавшагося, корня. Часто бываетъ даже, что рас-

теміе—мать разлучается съ своимъ плодомъ не прежде, какъ когда его корешокъ достигнетъ земли и хорошо утвердится въ ней.

Мы дошли теперь до послѣдняго предѣла производительности растеній. Многія изъ нихъ умираютъ, какъ только обезпечатъ существованіе своего потомства; другія, напротивъ, создавъ подобное себѣ существо, отдыхаютъ въ теченіе извѣстнаго періода времени, болѣе или менѣе продолжительнаго, смотря по странѣ, гдѣ они обитаютъ, и вполне начинаютъ жить жизнью эгоистовъ: ихъ единственною работою становится доставать себѣ пищу, грѣться на солнцѣ, и спать нормальнымъ сномъ. Довольно заботиться о потомствѣ, довольно остерегаться и налагать на себя лишенія. Но вдругъ любовь пробуждается въ нихъ снова, и эти души, которыя, казалось, утопали въ эгоизмъ, опять начинаютъ проявлять ту же заботливость, ту же преданность, ту же дивныя истинкы, которыя мы сейчасъ въ нихъ наблюдали. Таково зрѣлище, которое созерцаемъ мы въ мірѣ прозябаемомъ, таковъ кругъ, въ которомъ вращается существованіе растеній, живущихъ многіе годы. — Самая долговѣчность растеній есть фактъ очень достойный того, чтобы, прежде чѣмъ кончить, мы на минуту остановили на немъ свое вниманіе:

Замѣтимъ прежде всего въ высшей степени знаменательную сторону занимающаго насъ психологическаго вопроса, именно: самое продолжительное индивидуальное существованіе, а слѣдовательно самая продолжительная дѣятельность и наиболѣе многократное повтореніе любви встрѣчается въ царствѣ прозябаемомъ. Читателю извѣстно, что на земномъ шарѣ существуютъ растенія, живущія уже цѣлыя тысячи лѣтъ. Большому каштановому дереву, растущему на Этвѣ и называющемуся *castagno dei cento cavalli*, насчитываютъ десять вѣковъ, и болѣе чѣмъ въ двадцать вѣковъ определяютъ возрастъ баобабовъ (*adansonia digitata*) Зеленаго мыса. Въ Калифорніи, въ тридцати лѣтъ отъ города Сакраменто, въ глубинѣ одной долины, есть сотня гигантскихъ деревьевъ, принадлежащихъ къ роду *taxodium*. Хотя они имѣютъ некоторое сходство съ кедрами, но тѣмъ не менѣе они суть единственные представители своего вида. Одно изъ этихъ деревьевъ, называемое *отцомъ лѣса*, имѣло болѣе 420 футовъ вышины. Даже теперь, несмотря на то, что оно взуродовано людьми, можно, по

концентрическимъ кругамъ его ствола, приписать ему болѣе тридцати вѣковъ существованія. Эти деревья, которыя все достигаютъ изумительной высоты, повидному обладаютъ еще силою и здоровьемъ молодаго возраста. Это очень ясно доказывается ихъ сопротивленіемъ безчисленнымъ обидамъ со стороны людей. Существо этого рода, известное подъ именемъ *мастерульса*, имѣетъ болѣе трехъ сотъ тридцати футовъ высоты. Я знаю, что въ 1854 г. съ него сняли кожу до вышины ста двадцати футовъ, и меня увѣряютъ, что, не смотря на это, дерево и теперь пользуется отличнымъ здоровьемъ и повидному хочетъ даже загладить сдѣланное ему поврежденіе.

Надо видѣть эти группы гигантовъ, чтобы понять чувство почтительности и уваженія, которое способенъ испытывать человекъ, когда онъ вдругъ очутится въ присутствіи существъ, которыхъ дѣятельность принадлежитъ, правда, къ чуждой для него сферѣ, но предъ которыми пробуждается въ немъ сознаніе скоротечности его собственной жизни, и внушаетъ ему спасительныя размышленія.

Дгасаена дгасо на Тенерифѣ имѣетъ, вѣроятно, болѣе пятидесяти вѣковъ существованія, такъ что оно почти современно творенію міра, по Моисею.

Все эти старцы въ теченіе своей долгой жизни никогда не уставали производить постоянно новые отпрыски, обозначать каждый новый годъ новымъ кругомъ, предаваться любви въ теченіе многихъ вѣковъ, всегда съ однимъ и тѣмъ же увлеченіемъ и расточать своему потомству всегда одинаковыя заботы и преданность. Непрестанно разрастаясь въ пространство, они болѣе и болѣе распространяли свои сношенія съ атмосферическими элементами, между тѣмъ какъ все далѣе и далѣе проникая своими страшными корнями въ глубины почвы, они умножали свои связи съ минеральными силами земли:

При видѣ этихъ почтенныхъ существъ мы почти готовы думать, вмѣстѣ съ де-Кандолемъ, что растенія, созданія болѣе привилегированныя чѣмъ мы, были первоначально назначены жить въ этомъ мірѣ вѣчною жизнью, тогда какъ мы — люди должны подвергаться превращенію, котораго фазисы скрываются отъ нашихъ взоровъ за непроницаемымъ покровомъ смерти.

Мы сильно увѣждены, что столь продолжительное и дѣятельное

существованіе не можетъ пройти такъ, чтобы существо, которому оно дано, не сознавало его и не чувствовало какимъ нибудь образомъ страданій и радостей, благосостоянія или горя, которыя Богъ, вѣроятно, соединилъ съ ихъ жизнью такъ же, какъ и съ жизнью другихъ созданій.

Бросимъ, въ заключеніе, бѣглый взглядъ на пройденный нами путь, чтобы однимъ общимъ взоромъ объять разсѣянные основаны, которые мы наблюдали и которые мы теперь соединимъ, съ цѣлю—сдѣлать изъ нихъ нѣкоторые выводы относительно души растенія.

Прозыбаемыя представились нашему вниманію какъ существа, которыхъ форма и привычки совершенно отличны отъ нашихъ. При первомъ взглядѣ они показались намъ бездѣйственными, неподвижными; но по мѣрѣ того какъ мы изучали ихъ, мы видали, что индивидуальность каждаго растенія явственно отдѣлялась отъ индивидуальности другихъ созданій. Мы удостовѣрились, что растенія питаются, плодятся, сообщаютъ всѣмъ своимъ органамъ замѣчательныя движенія, — словомъ, что они живутъ, какъ и другія одушевленные существа.

Но сознаютъ ли растенія свое существованіе? Имѣютъ ли они душу? Какимъ образомъ одушевленные силы отличаются въ нихъ отъ другихъ силъ природы? Мы не знаемъ, дано ли человѣческой душѣ найти истинное рѣшеніе этихъ задачъ, но искать его и приближаться къ нему все болѣе и болѣе, это, по нашему мнѣнію, есть трудъ, достойный ея усилій.

За всѣмъ тѣмъ немногихъ словъ достаточно для уясненія этихъ вопросовъ, по отношенію къ душамъ растительнаго царства, которыя трепещутъ и дѣйствуютъ на землѣ въ одно время съ душами людей и животныхъ.

Души суть силы, которыхъ дѣйствіе на внѣшній міръ бываетъ, то очень обширно, то очень ограничено. Во всѣхъ одушевленныхъ силахъ мы замѣчаемъ известную склонность къ полярности, или лучше, известный дуализмъ, въ силу котораго онѣ одарены двумя, очень различными, родами дѣятельности. Одно изъ этихъ обнаруженій направлено къ внѣшнему міру и относится къ дѣйствию, которое каждая душа производитъ на другія силы природы, а также къ вліяніямъ, которыя сама она получаетъ оттуда въ свою очередь. Это внѣшнее обнаруженіе со-

ставляетъ сторону физическую; здѣсь тѣло дѣлаетъ душу растенія чувствительною относительно другихъ существъ и открываетъ этимъ послѣднимъ ся существованіе. Другой родъ дѣятельности есть совершенно внутренней: это актъ, посредствомъ котораго душа открывается себя самой. Очевидно, что эта внутренняя работа можетъ быть схвачена во всемъ ея объемъ только самою тою душой, въ которой она происходитъ, и что другія души могутъ понять ее только по наведенію. Сказать правду, мы не знаемъ какъ и въ какой степени всякая другая душа, кромѣ нашей, пріобрѣтаетъ сознаніе своего собственнаго существованія. Внутренняя дѣятельность даже самой дружеской намъ души остается для насъ тайной, которая насъ привлекаетъ и которую мы любимъ изслѣдывать. Мы судимъ по вѣдшимъ проявленіямъ, которыя мы знаемъ, о внутренней работѣ, которой не видимъ.

Всякое существо, которое чувствуетъ себя дѣйствующимъ изъ и внутри посредствомъ свойственнаго ему побужденія, есть, по этой самой причинѣ, существо одушевленное, какова бы ни была его вѣдняя форма. И такъ свобода, сознаніе собственной дѣятельности и чувствительность составляютъ три существенныя качества, отличающія души отъ всѣхъ вѣднихъ силъ, которыя дѣйствуютъ на нихъ, и на которыя они въ свою очередь тоже непременно воздѣйствуютъ.

Видѣли ль мы въ жизни растеній феномены, открывающіе въ нихъ существованіе трехъ принадлежностей, которыя, по нашему мнѣнію, характеризуютъ одушевленную силу? Кажется, видѣли.

Мы сперва доказали большую свободу дѣйствій въ томъ способѣ, посредствомъ котораго растенія производятъ и располагаютъ по своей волѣ вѣтви, листья и всѣ свои различныя органы. Потомъ, показавъ, что для существъ растительнаго царства расти—значитъ дѣйствовать, мы видѣли, что прозябаемыя одного и того же вида различіемъ своего возрастанія обнаруживаютъ разнообразіе и очень обширную свободу. Замѣтивъ, наконецъ, что растенія одного и того же вида, живя на одной и той же почвѣ, тѣмъ не менше дѣйствуютъ различно,—мы заключили, что эти существа пользуются свободою совершенно индивидуальною, какъ это свойственно одушевленнымъ силамъ.

Многіе изъ фактовъ, приведенныхъ нами въ этомъ этюдѣ, показываютъ, до какой степени вѣроятно, что растеніе сознаетъ свое существованіе и свою дѣятельность. Но актъ, посредствомъ котораго душа открывается себѣ самой, есть проявленіе чисто внутреннее, и потому, какъ выше уже было замѣчено, мы можемъ судить о немъ единственно по внѣшнимъ проявленіямъ этой души. Чѣмъ энергичнѣе будутъ инстинкты, которые обнаруживаетъ данное существо во-внѣ, и въ особенности, чѣмъ могущественнѣе и обширнѣе будетъ его дѣятельность, тѣмъ, по нашему мнѣнію, будетъ яснѣе и энергичнѣе внутреннее сознаніе его о своемъ существованіи и о своей дѣятельности.

Но многочисленные факты показали намъ всю энергію стремленій прозябаемаго, какъ въ томъ случаѣ, когда мы видѣли, что оно, жаждая свѣта, ищетъ лучей солнечныхъ и направляется къ нимъ, или въ томъ, когда мы замѣтили, что оно пропускаетъ свои корни сквозь скалу, чтобы достигнуть хорошей земли; такъ, наконецъ, и въ томъ, когда мы наблюдали, какъ оно волнуется подъ вліяніемъ своей любовной страсти.

Бездѣйствіе, обыкновенно приписываемое растеніямъ, преобразовалось въ нашихъ глазахъ въ изумительную дѣятельность, которая отчасти будетъ служить намъ теперь нормою для опредѣленія энергіи, съ какою растеніе чувствуетъ, живетъ и дѣйствуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, при нѣсколькo внимательномъ изслѣдованіи, мы замѣчаемъ въ немъ силу, которая безпрестанно двигаетъ бездѣйственную матерію, чтобы смѣсить ее и преобразовать. Оно перетираетъ ее, формируетъ, окрашиваетъ и видоизмѣняетъ. Аристотель, кажется, первый указалъ на эту удивительную дѣятельность и былъ пораженъ наклономъ растительныхъ душъ давать матеріи форму. Поэтому онъ училъ, что душа растеній есть душа пластическая, *ψυχή δρεπτική*. Стагирить * имѣлъ основаніе называть такимъ образомъ эту энергическую душу, которая ищетъ минераловъ въ недрахъ земли, беретъ у атмосферы ея углеродъ, мѣшаетъ и преобразовываетъ эти вещества, чтобы составить свое граціозное тѣло, которое оно непрестанно льетъ и разрисовываетъ гармоническими красками. Проводитъ цѣлую жизнь въ живописи и скульптурѣ — жребій, о которомъ мечтало много людей. Слѣдовательно участь растеній не такъ-

* Названіе, данное Аристотелю по мѣсту его рожденія въ *Стагирь*.

то жалка, если только они имѣютъ сознаніе своей дѣятельности. Одно, и последнее, размышленіе покажетъ намъ, что иначе быть не можетъ. Въ то время, какъ душа прозябаемаго бываетъ занята такимъ преобразованиемъ и оживленіемъ матеріи, она находится въ энергической борьбѣ съ стихіями, въ непрестанномъ столкновеніи съ другими силами природы, которыя дѣйствуютъ на нее и стремятся уничтожить ея произведеніе. Изъ этой борьбы, изъ этой битвы, изъ этого столкновенія съ враждебными силами, безъ сомнѣнія, должно произойти въ растительной душѣ сознаніе своей собственной дѣятельности; мы думаемъ также, что чувство своей индивидуальности будетъ тѣмъ явственнѣе, чѣмъ борьба будетъ энергичнѣе, такимъ же точно образомъ, какъ наше сознаніе о своемъ существованіи бываетъ тѣмъ живѣе, чѣмъ ожесточеннѣе наша битва съ жизнью.

Такое множество фактовъ заставило насъ предполагать, что растеніе сознаетъ само-себя; другіе столь же очевидные факты показали, въ свою очередь, чувствительность прозябаемыхъ. Мы удостоверились въ ней съ той минуты, когда замѣтили въ растеніяхъ реакцію противъ малѣйшаго насилія, которому подвергается какая нибудь часть ихъ тѣла; мы удостоверились въ ней, когда увидѣли, что они сжимаются или расширяются подъ вліяніемъ возбуждающихъ причинъ; въ особенности же мы замѣтили въ нихъ наиболее очевидные признаки чувствительности въ періодъ ихъ оплодотворенія.

Въ это время душа растенія, такъ сказать, выходитъ наружу, дѣлается какъ-бы видимою и производитъ на нашу собственную душу непреодолимое очарованіе, которое каждый изъ насъ испытываетъ весною, въ моментъ цвѣтенія прозябаемыхъ. Благоуханіе, которымъ они дышутъ, ослѣпительныя краски, которыми они блистаютъ, и эта общая картина—граціозная и великолѣпная, яркая и гармоническая,—все это имѣетъ для насъ глубокое значеніе: это—прославленіе Гименя, это—видимое, осязаемое выраженіе счастья, которое наполняетъ въ эту минуту души прозябаемыхъ. Такимъ образомъ, будучи далеки отъ мысли, будто бы растенія не способны испытывать ощущенія, мы видимъ въ нихъ самыя чувственныя существа, какія только земля создавала. Въ какомъ другомъ царствѣ найдемъ мы столь необъятную силу страстности? Одного взгляда на тысячи органовъ яблони или ли-

ны достаточно, чтобы уразумѣть нашу мысль и составить себѣ понятіе, хотя бы и смутное, о странныхъ и энергическихъ ощущеніяхъ, которыя могутъ испытывать эти существа.

Наконецъ, мы видѣли, что вслѣдъ за оплодотвореніемъ двятельности прозябаемаго, принявъ характеръ болѣе возвышенный, обнаруживаетъ въ себѣ нѣчто идеальное, приближающее его нѣкоторымъ образомъ къ тому, что мы наиболѣе любимъ въ двятельности души человѣческой. Эти существа жертвуютъ своими эгонистическими инстинктами для заботъ, которыхъ отъ нихъ требуетъ ихъ потомство, и такимъ образомъ выказываютъ любовь къ подобнымъ имъ созданіямъ.

Люди и животныя бродятъ въ пространствѣ туда и сюда, никогда не оставаясь на одномъ мѣствѣ столько времени, чтобы испытать всю сумму ощущеній, которыя могутъ возникнуть на одномъ и томъ же ограниченномъ пространствѣ. Напротивъ того, для растенія малѣйшее событіе въ томъ мѣствѣ, гдѣ оно проводитъ всю свою жизнь, становится причиною новаго ощущенія. Капля падающаго дождя, или блистающей росы, дыханіе переувлажняваго вѣтра, порхающая птица, пронизывающій лучъ, — все это не проходитъ даромъ; здѣсь есть душа, которая открывается для ихъ вліяній и испытываетъ отъ нихъ различныя ощущенія.

Я думаю, что прозябаемое любитъ тотъ маленькій уголокъ земли, гдѣ оно родилось и гдѣ происходятъ столь многочисленные событія.

Удѣлъ людей и животныхъ составляютъ впечатлѣнія сложныя, разнообразныя и скоропреходящія; удѣлъ прозябаемаго — ощущенія спокойныя, мирныя и глубокія.

Вопросъ о душахъ не слишкомъ можетъ занимать современныхъ людей, которыхъ мы видимъ всецѣло преданными умозрѣніямъ совсѣмъ другого рода. Между ними есть такіе, которые, въ видѣ вечерней забавы, вопрошаютъ души умершихъ, или вызываютъ въ зеркала своихъ великоколѣпныхъ комнатъ знакомыхъ покойниковъ; другіе, — и это самый многочисленный классъ, — видятъ привидѣнія, блуждающія во мракѣ ночей; но многіе ли согласятся открыть глаза, чтобы при полномъ солнечномъ свѣтѣ видѣть мирныя души, которыя, облекшись въ свою прекрасную зеленую одежду, цвѣтутъ, издаютъ ароматическій запахъ и осыпаютъ насъ благодѣяніями?

Какъ бы то ни было, но намъ пріятно думать, что этотъ этюдъ, можетъ быть, сдѣлаетъ менѣе остраннымъ въ глазахъ читателя мысль — считать одушевленными эти безобидныя созданія, которыя прикрываютъ тѣню наши жилища, украшаютъ землю, даютъ прелесть нашему существованію и образуютъ изъ себя огромныя и молчаливыя общества, среди которыхъ люди и животныя ведутъ свою неугомонную жизнь.

ОДНА ИЗЪ ЧАСТЪ.

По поводу разказа «На ночлегъ и въ пути.»

«И что слезъ дьется за этими запорами невидимыхъ и неслышимыхъ! И что... за этими замками разврату темнаго, да пьянства! И все шито, до крыто, никто ничего не знаетъ, видитъ только одинъ Богъ!»

Кулигина въ драмъ «Гроза.»

Контъ, (Comte) въ вступительной лекціи въ свою «положительную философію,» между прочимъ говоритъ, что, изучая цѣлое развитіе человѣческаго ума въ различныхъ сферахъ его дѣятельности,—съ перваго самаго простаго полета его до нашего времени,—можно извлечь одинъ основной законъ, которому нашъ умъ подчиняется въ своей работѣ, вслѣдствіе неизмѣнной необходимости, ясной при внимательномъ разсмотрѣніи прошедшаго. Въ силу этого закона, каждое изъ нашихъ главныхъ понятій, каждая вѣтвь нашихъ познаній проходитъ черезъ три различныхъ теоретическія состоянія, характеръ которыхъ существенно различенъ и даже радикально противоположенъ, а именно: *теологическое* (мистическое) или вымышленное, *метафизическое* или отвлеченное и *научное* или положительное.

Признавая вѣрность этого закона, мы, къ сожалѣнію, придемъ къ выводу, не слишкомъ пріятному для людей, самообольщающихся своею положительностію. Большая часть взглядовъ на общественныя отношенія находится на первой степени развитія, сохраняясь подъ эгидою народнаго почтенія. Даже въ литературѣ, между такъ называемыми авторитетами, представителями

какой нибудь отрасли современной науки,—встрѣчаются люди съ взглядами теологическими. Этой участи подвергаются преимущественно отвлеченныя понятія: о нравственномъ, духовномъ и т. д. Такъ напр. по мнѣнію П. Г. Рѣдкина «воспитаніе непременно должно быть христіанское. Сущность же христіанскаго воспитанія состоитъ въ томъ, что оно постоянно обращаетъ вниманіе на истинное отношеніе человѣка къ Богу, какъ своему первообразу»... что «оно признаетъ грѣховность человѣческаго рода, чувственность его первой природы и необходимость спасенія, возрожденія (sic!), превращенія его животной природы въ духовную» (Воспитаніе 1857 г.). Это говоритъ болѣе или менѣе извѣстный почтенный профессоръ-юристъ и это же самое на тысячу ладовъ можно услышать отъ всякаго старообрядца. Но дѣлая подобное сопоставленіе мы отнюдь не хотимъ уронить авторитетъ г. ученаго, не хотимъ заподозрить его учености,—до познаній другихъ намъ нѣтъ никакого дѣла, намъ важенъ духъ, направленіе дѣятельности, а направленіе, какъ извѣстно, нисколько не зависить отъ массы приобрѣтенныхъ фактическихъ знаній. Идея, руководствующая человѣка въ его дѣйствіяхъ, приобрѣтается въ жизни, вырабатывается при стеченіи извѣстныхъ обстоятельствъ. Мысль, разъ запавшая въ головѣ, до тѣхъ поръ считается нами непреложно вѣрною, пока опытъ не укажетъ на ея отвлеченность и неудобоприимность, или ложность. Если же обстоятельства частной жизни человѣка, и даже цѣлой касты, не опровергли какого нибудь мнѣнія, то оно свято переходитъ въ поколѣнія, передается со всѣми своими отбѣнками, для назиданія и поученія.

Но это не мѣшаетъ мнѣнію быть ложнымъ и нелзымъ въ данное время и, обратно, высоко чтимымъ и уважаемымъ въ прошедшемъ. Если согласиться, что убіеніе царевича Алексѣя Петровича было со стороны Петра I *жертвою* для блага государства, а не вытекало, не гармонировалось съ политикою болѣе личныхъ расчетовъ; если представить въ доказательство этого мнѣнія различные факты, въ родѣ писемъ, замѣтокъ и т. п., гдѣ бы ярко обрисовались душевная борьба и страданія отца-жертвователя, — то, безъ сомнѣнія, всякій бы удивлялся твердости характера и неуклонному служенію нашего перваго императора разъ сознанный идеѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, сочувствуя и разбирая факты, всякій перегоревалъ бы его горемъ. Но если-бы нашлись другія свидѣтельства, если-бы видно было, что Петръ

зналъ и хорошо понималъ, что онъ дѣлаетъ и кого угощаетъ подъ видомъ попеченій о благѣ государства,—мы бы сказали совершенно другое. Такъ одинъ и тотъ же поступокъ многими оправдывается или осуждается стеченіемъ разнородныхъ обстоятельствъ. Тоже самое представляетъ намъ отдѣльное понятіе, отдѣльная наука, или метода воззрѣній въ своемъ историческомъ ходѣ. Въ давно прошедшемъ извѣстное мнѣніе могло быть передовымъ, но въ данное время оно можетъ сдѣлаться уже отсталымъ, отжившимъ или, лучше, пережившимъ свою эпоху. Цѣль науки (въ положительномъ смыслѣ) обобщать всѣ встрѣчающіеся факты. Изученіе, чѣмъ болѣе продолжается, тѣмъ болѣе совершенствуется. Новая эпоха не только можетъ выставить болѣе извѣстныхъ ей, ею открытыхъ и въ ней зародившихся фактовъ противу старой, но она въ состояніи обобщить ихъ и подвести подъ меньшее число категорій. Поэтому научныя изслѣдованія стараго времени, часто заключенныя въ одно цѣлое по теоріи вѣроятности, нерѣдко уничтожаются и классификуются совершенно по новому способу.

Все нами сказанное какъ нельзя лучше относится къ частѣ старообрядцевъ въ понимаемомъ нами смыслѣ. Книга, заглавіе которой мы означили въ началѣ этой статьи, по словамъ издателя, «содержитъ нѣсколько фактовъ изъ прошлаго одного изъ главныхъ притоновъ темнаго царства...» «Драма г. Островскаго «Гроза»,—говорится тамъ-же,—несмотря на всѣ разнорѣчивые отзывы о ней, смѣло и ярко освѣтила много изъ основъ, много изъ самыхъ глубокихъ, изъ самыхъ грязныхъ угловъ той сферы, которую такъ удачно назвалъ г. Н. Л.—богъ *темнымъ* царствомъ. Она для него была истинною грозой: громъ ея въ своихъ раскатахъ затронулъ, и въ рядѣ живыхъ картинъ вывелъ наружу самыя сокровенныя основы... Не ограничиваясь семействомъ, *въ лицѣ* *Феклуши* (читатель, вѣроятно, помнитъ *фанатичную ханжу*, Феклушу, распространяющую, подъ видомъ истины, различныя слухи о нелѣпныхъ видѣніяхъ и чудесахъ), онъ тронулъ, хотя впрочемъ и слегка (но за то художественно-мѣтко!), сводъ тѣхъ темныхъ, странныхъ вѣрованій, которыя приняты тамъ за *основанія религіозности* и особенно распространены въ отдѣльномъ, еще многочиленномъ классѣ, извѣстномъ у насъ подъ именемъ *старообрядцевъ*, которыми, по большей части, населено темное царство...» Всякій знаетъ причину отдѣленія людей, счита-

емыхъ нами старообрядцами (жизнь которыхъ, по отношенію къ нашему времени, сдѣлалась недѣлюю) отъ общихъ интересовъ. Это та каста, которой казалось, что современная имъ тогдашняя жизнь была исчерпана и безнравственна; понятія ея были теологическія; цѣль жизни—любовь и служеніе Промыслу. Это та каста, которая начала искать спасенія внѣ общественныхъ интересовъ. Міръ *органическо-физическій* — *тѣло* — постоянно враждовалъ съ ея стараніями достигъ идеала человека. Потребности организма казались для нея грѣховными, а окружающее ее общество утопало въ этомъ грѣховномъ, не уничтожало проявленій своей природы;—это, наконецъ, та каста, которая, проведши всю свою жизнь въ праздныхъ мечтаніяхъ, достигъ своему тщеславію, указывая на пороки другихъ, и тѣмъ какъ бы мститъ обществу за то, что собственная глупость лишила ее радостей жизни; * а такъ какъ жизнь, проповѣдываемая кастою, не вытекала изъ природы не гармонировалась съ нею; то она не могла согласиться на прозябаніе въ искусственной средѣ. Они захотѣли дѣйствовать примѣромъ: и вотъ началось отдѣленіе, пренебреженіе къ общей жизни. Учредились искусственныя атмосферы, и люди называемые нами—«старообрядцами» (тогда для многихъ замѣчательные люди, достойные подражанія) составили отдѣльный міръ, отдѣльное общество, съ отдѣльными законами и обыкновеніями. Но ихъ не постигла участь сенъ-симонистовъ, они, напротивъ, сдѣлались непомерно сильными.

Понятно, поэтому, какъ мы обрадовались случаю передать факты изъ жизни этой касты, освѣтить болѣе или менѣе ярко, хотя одну сторону изъ этого замкнутаго, мрачнаго міра, указать, по возможности, изъ чего выходятъ и на чемъ держатся основы ихъ жизни. Спѣшимъ познакомить, на сколько можемъ ясно, съ этою средою; посмотримъ на представленіе этой религіозности, сдѣлавшей людей, ей преданныхъ, «стѣннымъ царствомъ.» Передъ нами двѣ личности — старикъ, вышедшій изъ старообрядческой касты, и молодой старообрядецъ, пламенно желающій оставить среду, враждебную всякому свободному размыну мыслей, всякому проявленію природы.

Старикъ еще бодрый, крѣпкій, сильный; ему лѣтъ за пятьдесятъ.

* Мы будемъ впередъ называть касту—удачнымъ терминомъ «стѣнное царство.»

Онъ высокаго роста; лицо его открытое, свѣтлое, съ крупными великорусскими чертами, съ окладистою, почти уже сѣдою бородой, съ глубокими продольными чертами около носа; смотритъ онъ покойно и свѣтло, хотя по линіямъ морщинъ, по выраженію нѣсколько грустному, даже порой будто суровому, и особенно по задумчивымъ глазамъ, видно, что пережито имъ не мало и что старость едва-ли не лучшее его время. Онъ былъ одѣтъ въ темную люстриновую поддѣвку, мѣстами уже потертую и кое-гдѣ засаленную, смахивающую на монашескій подрясникъ; сверху на немъ нѣсколько распахнувшаяся спереди чуйка, толстаго, синяго сукна. Онъ идетъ по кievскому тракту. По всему видно, что это не странникъ, «которыхъ, по миѣнію автора, вообще привыкли видѣть въ лохмотьяхъ, въ заплатахъ, съ идиотическими лицами, слывущихъ въ народѣ за вѣщихъ и, вообще, за всякаго сорта «людей Божіихъ,» которыми такъ еще обильна русская земля; для этого—онъ былъ слишкомъ благообразенъ, и, несмотря на лапти, съ перваго взгляда его можно было принять за одного изъ ищущихъ спасенія купцовъ московскихъ; но это былъ не купецъ, а только прикащикъ богатаго купца. Старикъ идетъ бодро, увѣренно: видно, что онъ не промышляетъ христовымъ именемъ.

Почти въ это же время по той же дорогѣ пробирался другой странникъ, другого вида: человекъ еще нестарый, лѣтъ тридцати двухъ, съ длинными, свѣтлорусыми волосами, лежащими почти на плечахъ, спутанными, скомканными, въ грязной съ пятнами плюсовой шапкѣ, какаго-то особеннаго покрою, немного похожей на камлавку; въ темномъ, изъ толстаго сукна, балахонѣ, подпоясанномъ узенькимъ ремнемъ... Лицо—худое, истомленное, съ рѣзкими чертами, съ выдавшимися скулами, съ жиденькой, рѣдкой бородкой. Синій серпянный мѣшокъ былъ переброшенъ за одно плечо; въ рукахъ была сучковатая палка. Между тѣмъ—какъ старикъ идетъ бодро, этотъ странникъ пробирается съ бѣззвѣстностью, оглядывается во всѣ стороны, точно боится самой дороги,—боится опасности и сторожить ее, чтобы быть въ силахъ ее во время отразить. Время отъ времени онъ останавливается, прислушивается. Звенитъ колокольчикъ, залаетъ вдали собака—онъ припадетъ къ землѣ, или ляжетъ въ канаву и не перемѣняетъ своего положенія, не увѣрившись, что колокольчикъ уже звенитъ далеко,

и собаки лаять не на него, а такъ, по привычкѣ лаять подь ночь. Раздастся сзади его шорохъ, почувдятся ему шаги или идущая тѣнь — и онъ рысью бѣжитъ по полю, пугаясь самой тѣни. По всему замѣтно, что внутри его, на душѣ, царствовала мучительная тревога. Старикъ входитъ въ избу прямо, безъ обиняковъ, какъ путникъ на обыкновенный ночлегъ; а онъ видитъ избу, и обходитъ ее кругомъ, выглядываетъ; и не войдетъ прямо, а сперва высмотритъ, гдѣ заднее крыльцо, выходящее въ поле.

Когда странникъ подошелъ къ крыльцу одной изъ крайнихъ избъ, на этомъ крыльцѣ подь навѣсомъ была послана постель. Старикъ стоялъ, обратясь къ востоку, и молился, широко кладя кресты. Фонарь съ салною свѣчею освѣщаль окрестность. Странникъ тихо попросилъ ночлега. Помолвившись, старикъ началъ съ нимъ разговаривать. Начались отрывочные вопросы и отвѣты. Каждый изъ нихъ точно боялся высказаться. Но, какъ говорятъ, «рыбакъ рыбака видитъ издалека.» «Да что-то лицо-то твое мнѣ будто знакомо, говоритъ старикъ... Кажись видалъ я тебя въ Москвѣ?» «Да ты не жилъ-ли на Рогожскомъ?» повторилъ старикъ.—«Жилъ, жилъ, какъ не жить... то есть... какъ-то...» и радостно и робко отвѣчалъ странникъ.

«Такъ чай, помнишь отца Пахомія?» спрашиваетъ старикъ.—«Отецъ Пахомій! почти совсѣмъ уже смѣло вскрикнулъ тотъ... Да, неужто это ты, отецъ Пахомій? прибавилъ онъ какъ-то сомнительно.—«Да... только ужъ не отецъ, а просто Пахомъ Иванычъ»...—«Великій ревнитель старообрядчества! увѣренность продолжалъ странникъ. «Да неужто это ты, отецъ Пахомій?» и нота голоса замираетъ: великій блюститель старообрядчества, отецъ Пахомій, нынѣ просто Пахомъ Иванычъ и въ красной мужицкой рубахѣ, и съ сумкою, изъ которой виднѣются пирогъ и рыба,—все это должно произвести на странника сильное впечатлѣніе. «Богъ съ нимъ съ этимъ старообрядчествомъ, одно заблужденіе»... говоритъ отецъ Пахомій (мы такъ будемъ называть впредь старика)—Заблужденіе? Чтò ты, отецъ Пахомій... ты такой ревнитель былъ... — *«Мнози имуть ревность не по разуму!»*—Не по разуму? то есть—какъ это, отецъ Пахомій, не по разуму?—«Въ заблужденіи состоятъ, слѣпота омрачаетъ, не отъ сердца идетъ вѣрованіе...» — Да... а... а?—начально повторилъ странникъ. Изъ этихъ немногихъ словъ мн

видимъ отца Пахомія вполне. Его положительность для насъ очевидна. Слова для него весьма важны, онъ говоритъ законически, его сужденія не отвлеченныя, не метафизическія, онъ добыты имъ изъ жизни. Поэтому его выраженіе: «Богъ съ нимъ съ этимъ старообрядчествомъ, одно заблужденіе!» заставляетъ ждать фактовъ оригинальныхъ: не могъ же онъ, старикъ, великій блюститель старообрядческаго ученія, бросить его, очертя голову, и такъ рѣзко безошадно называть его «заблужденіемъ». Совершенною противоположностью ему представляетъ его случайный товарищъ по ночлегу. Мы видѣли, какъ онъ шолъ, мы видѣли, какъ онъ искалъ задняго крыльца, какъ онъ боялся всего, даже отца Пахомія, хотя чуялъ, что въ этой личности онъ встрѣчаетъ «своего». Отецъ Пахомій предлагаетъ ему закусить и переночевать вмѣстѣ, онъ знакомъ съ хозяиномъ избы, а потому странникъ можетъ быть спокоенъ. Посмотрите какою тирадой отвѣчаетъ онъ на это предложеніе. «Да нечего грѣха таить, отецъ Пахомій, оживленно и съ какимъ-то подергиваніемъ отвѣчалъ странникъ (стр. 15—16):—нынче мнѣ выдался черныи денекъ: кромѣ сухого хлѣба ничего не ѣлъ.... Боюсь пристать-то въ иномъ мѣстѣ.... вида-то у меня нѣтъ, на кого нападешь, ну, и сана-то, тоже Богъ въсть мы какого, не божии работники и не царевы слуги, такъ и боюсь.... боюсь!!..» Что-же это за человѣкъ: вида нѣтъ, сана тоже нѣтъ? Странно. Росъ онъ въ кастѣ одиночкой, никакому мастерству не учился. Считался подкидышемъ, ни отца, ни матери не знаетъ, родился въ кельѣ, былъ потомъ и «отцомъ», а зовутъ его Василиемъ. Жизнь *вс* скля не была ему по-сердцу: лежать на боку, ничего не дѣлать, прихожанъ обирать — все это ему казалось и тяжело, и грѣшно. «И какъ подумаешь, говоритъ онъ, сколько мнѣ подобныхъ на матушкѣ Руси странниковъ бездомныхъ, заблудшихся, не учившихся ничему, ни ремеслу, ни работѣ никакой, облѣившихся—тоскливо мнѣ станеть и за себя и за нихъ» Природа требовала жизни, а онъ прозябалъ,—безсознательно для него голосъ ея побуждалъ его искать лучшаго. А тутъ присоединились къ этому разнородныя злоупотребленія и стѣсненія, — онъ отправился искать этого лучшаго. Былъ онъ въ различныхъ монастыряхъ какъ дома, такъ и за границей, былъ въ Молдавіи, въ Австріи, и вынесъ одно впечатлѣніе, что ничего лучшаго его каста дать не можетъ, что гдѣ развѣ еще похуже.... «беззаконій, да непотребностей побольше, особенно

въ скитахъ, не дай Господи, не переносимо для совѣстнаго челоуѣка, *плотская жизнь хуже мірской....* И вотъ теперь, сошедши съ отцомъ Пахоміемъ, болѣе ясно понявшимъ нелѣпность касты и оставившимъ ее, онъ проситъ научить его, какъ найти успокоеніе своей совѣсти. «Ужь и не знаю что дѣлать, отецъ Пахомій, говоритъ онъ (стр. 22—23). Микаюся я по святу, словно окаинный; совѣсть пойдомъ ѣсть моя кажинный день; стыдно людямъ въ глаза взглянуть, *что такъ задаромъ, то есть, живешь на святъ....* известно тебѣ, что я и учился таки потихоньку и читывалъ кое-что. Къ монашеству не чувствую я особаго влеченія, не въ силахъ вынести его.... великъ этотъ подвигъ для меня.... *а міра боюсь!...*» Последніа слова, какъ нельзя лучше, характеризуютъ странника или что-тоже самое, отца Василиа. «Не бойся міра! отвѣчаетъ на это отецъ Пахомій: *Въ міръ хорошему челоуѣку мною дѣла. И я де такъ поре мучился, пока такъ былъ, безъ дѣла. Міру нужды люди!*» А выбратъся изъ касты отцу Пахомію стоило не малыхъ хлопотъ. Каста, какъ мы видѣли, или правильнѣй, слышали отъ отца Василиа, не даетъ выходящимъ изъ нея ни вида, ни сана; прибавимъ къ этому, не возвращаетъ имущества и ставитъ въ слишкомъ невыгодное положеніе, нисколько не обезпеченное, и въ которомъ возможна напасть всякаго почитателя кастовыхъ правилъ. Понятно, поэтому, сколько хлопотъ стоитъ ея оставленіе. По большей части случай играетъ здѣсь главную роль. Такъ Пахому Иванычу помогъ одинъ купецъ, у котораго онъ теперь прикащикомъ. Однако вліаніе современныхъ возрѣвій народа, природное влеченіе жить, а не прозябать могутъ заставить челоуѣка пренебречь этими стѣсненіями и рѣшиться оставить касту «яко нагъ, яко благъ, яко вѣтъ ничего», какъ это сдѣлалъ отецъ Василій. Мы съ намѣреніемъ остановились такъ долго на разговорѣ и не переходили къ фактамъ кастовой жизни, чтобы дать возможность читателю понять самую описываемую касту, ея духъ и стремленія. Намъ кажется, что только теперь можно взглянуть правильно на выставленные случаи.

Описываемая каста имѣетъ своихъ епископовъ, *черныхъ* поповъ, *ямыхъ* поповъ, божьихъ людей (послушниковъ) почитателей, матерей, скиты, монастыри, церкви, часовни и т. д., Отличительная ея черта—по словамъ отца Василиа—бездѣліе пренебреженіе къ труду, ремесламъ, наукамъ, книгамъ.... въ

ной нужно читать *помисельку*, учиться *скрамло*, уважать старших *раболжно*, нужно притворствоваться, да юродствовать и жить себѣ, промышляя христовымъ именемъ, что, по словамъ того-же отца Василия, «тяжело, пока еще сказываются въ тебѣ силы». Но каста именно требуетъ пренебреженія природы, умерщвленія плоти; она именно требуетъ борьбы и заглушенія внутреннего голоса, того, что отецъ Василій называетъ «сказываніемъ силъ».

Начнемъ съ *епископовъ*. Они, какъ видно изъ разсказа, люди далеко не достойные. И по правиламъ касты, ихъ выборъ рѣдко справедливъ,—обыкновенно ихъ поставляютъ за деньги, а потому многіе старообрядцы считаютъ ихъ не блюстителями ученія, не образцами тепличной, подвиженской жизни, а откупщиками и взяточниками. Но будь въ нихъ всё достоинства по кастовымъ взглядамъ—они, по нашему, являются фокусомъ ложной жизни, болѣе яркими точками яркой нечѣпости. Искать между ними человѣка — напрасно. Миръ нравственный и духовный для нихъ обрядъ. Ни одно живое прогрессивное слово не долетаетъ до ихъ запертой накрѣпко студіи; а если влится незванно мысль, противорѣчащая ихъ обыкновеніямъ, они отъ нея отмаливаются, какъ отъ навожденія лукаваго. Сдѣланные представителями касты, они стоятъ за нерушимость обычаевъ, потому что вслѣдъ за колебаніемъ заповѣданнаго, поколеблется ихъ авторитетъ. Люди другихъ исповѣданій, или даже просто другихъ взглядовъ—имъ враги, еретики; противъ нихъ они готовы враждовать, подличать,—но не любить, не наставлять, не соглашаться съ ихъ жгучей правдой. Не такъ давно, а можетъ быть и теперь еще, одинъ изъ епископовъ «темнаго царства» вооружился, или можетъ быть вооружается, противъ другой секты, копая ей страшную яму.

Живутъ епископы «темнаго царства» пышно, беззаботно; имѣютъ огромныя угодья, усадьбы, копятъ деньги и присвоили себѣ исключительное право, предъ другими членами касты, отказывать свое имѣніе своимъ родственникамъ и знакомымъ по завѣщанію. Слѣдуетъ замѣтить, что епископъ въ своей епарціи, гдѣ *все одни* его читатели, и епископъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ есть читатели, но есть и еретики, — два лица совершенно розныя. Дома онъ несется на лихихъ коняхъ, въ отличнѣйшемъ экипажѣ; впереди ѣдетъ вѣстовой, расчищая дорогу; сзади него стоятъ нѣсколько гайдуковъ; прохожіе боязливо перебѣгаютъ

дорогу, опасаясь попасть под неразбирающее колесо, и переломать себѣ ребра, а пожалуй и пожертвовать жизнью, — а онъ сидитъ себѣ важно и самодовольно поглядываетъ вкругомъ, какъ бы говоря: «Смотрите, смотрите! любуйся, «темное царство» своимъ епископомъ!» а вкругомъ съ головъ шапки слетаютъ, и кланяются въ поясъ прихожане; только ребята иногда зазываютъ, да тутъ глядишь, какой нибудь усердный старообрядецъ дастъ имъ по шеѣ, приговаривая: «али ты не видишь, что преосвященный ѣдетъ!» И растянувшійся ребенокъ ошѣинитъ, давися отъ слезъ, запомнить лицо ѣдущаго, за котораго такъ больно ему досталось. Въ чужой сторонкѣ онъ ѣдетъ тихо, точно говорить «полно, полно, не смотрите—вѣдь я старообрядецъ!» И шапки не спадаютъ съ головъ, а какой нибудь чужакъ-прохожій наведетъ ринсе-пезъ, съ намѣреніемъ узнать, какова это птица—старообрядческій епископъ?.. Сообразно этому, содержится его жилище—дома пышно убранный палацъ, съ рѣдкостями запада, съ тканями востока, весь въ позолотѣ, арабескахъ и картинахъ, — между чужими — нѣсколько комнатъ, далеко не такъ изящныхъ.—У него существуютъ пріемные дни: для дамъ и людей высшаго званія, а равно людей нужныхъ, или вліятельныхъ—отъ двухъ часовъ по полудни до двухъ же часовъ по полудни, а для просителей, подчиненныхъ и прочихъ смертныхъ—отъ двѣнадцати до двухъ пополудни въ одинъ изъ семи дней недѣли. Но если въ этотъ назначенный срокъ старообрядческій епископъ занятъ съ кѣмъ нибудь бесѣдой, то пріемъ, разумѣется, отменяется до слѣдующей недѣли, что особенно выгодно просителю: ему предоставляется возможность обстоятельнѣе обдумать просимое, чтобы, когда придется говорить съ его преосвященствомъ, не повторять напрасно одно и то же и, вообще, по возможности съумѣть выразиться лаконически. «Разъ,—говорилъ мнѣ знакомый, лицо зачѣмъ то нужное одному старообрядческому епископу,—былъ я у его преосвященства по дѣламъ. Доложили, что пришелъ проситель.—«Некогда! говорить епископъ, видишь—занятъ!» Но моими молитвами впустили старика—священника. Дверь только-что отворилась, какъ что-то бухнуло на землю. Я оглянулся — проситель лежалъ на полу; волосы закрывали совершенно его лицо. Самъ онъ трясся. — «Что? проговорилъ грозно епископъ. «Ваше пре... пре... преодобіе!—началь, грюсясь, попъ. — Мое преосвященство, дуракъ! — «Ваше преосвященство»... — «Ну?» «Я пришелъ къ вамъ... голосъ обор-

вался. «Ваше преосвященство... ваше преосвященство...» твердилъ не поднимаясь старикъ. — «Что, ты пьянъ?!» У просителя точно лопнуло что-то въ горлѣ. — «Эй!!» «и повели раба божія изъ епископскихъ палатъ.» Мы передали фактъ, ничего не преувеличивъ. Можетъ быть иному покажется онъ невѣроятнымъ. Мы подкрѣпимъ его еще фактами; посмотримъ, кто иногда попадаетъ во-епископа. Былъ на Руси попъ Егоръ. Жилъ этотъ попъ Егоръ, по большей части, въ кельѣ у матери Полухеръи и началъ пить запоемъ. Попечители видятъ, что дѣло плохо, порекомендовали его Степану Трифонову, который только тѣмъ и занимался, что съ бѣглыми попами по Россіи развѣзжалъ. Поѣхалъ Степанъ съ Егоромъ, провѣдалъ, что у него деньги есть — и спроводилъ Егора въ прорубь, а самъ уѣхалъ въ Бѣлыя Криницы, попиравалъ на добытыя деньги... и воротился въ Россію.... епископомъ Софровіемъ.... «Епископы, говоритъ отецъ Пахомій (стр. 68), самые зловредные люди, такой повсюду отъ нихъ соблазнъ, который можетъ поровняться развѣ только съ тѣмъ временемъ, когда Аввакумъ протопопъ, да Никита овященикъ на Руси матушкѣ впервые расколъ заводили»....

О *черныхъ попахъ* можно сказать только то, что это самые фанатичные члены касты. Они никуда не выходятъ изъ отведенныхъ имъ студій, живутъ пустынно, одиноко, никого не видятъ, ни съ кѣмъ не говорятъ и только замалчиваютъ грѣхи другихъ. Они вообще между прихожанами слывятся за святыхъ, а потому скиты стараются одинъ передъ другимъ показать ихъ по своимъ вѣдомостямъ большее количество. Чѣмъ больше въ монастырѣ «черныхъ» поповъ, тѣмъ болѣе богомольцевъ, а съ ними—болѣе золота и серебра.

Кромѣ этихъ поповъ — невидимокъ у старообрядцевъ есть еще попы *явные*. На послѣднихъ держится вся каста. Они исполняютъ всѣ требы и, такъ сказать, служатъ связью съ одной стороны прихожанъ съ хранимымъ старообрядческимъ ученіемъ, — съ другой—связью богатыхъ мірянъ-старообрядцевъ съ епископами и попечителями. Получая сами значительную сумму за требы, они большую часть ея принуждены бывають отнести къ «начальству». Такъ напр. отбывая и получая обратно метрическія книги, *явные* попы обязаны, въ силу обычая, представлять при этомъ всѣмъ извѣстные, по выраженію Гоголя, документы за подписью: Хованскаго.

Св. Крещеніе младенцевъ описываемую кастою совершается по большей части заразъ надъ нѣсколькими новорожденными. Каста, вообще, не торопится совершать требы, и держится пословицы «гуртомъ дешевле» (конечно, по отношенію къ времени, а не къ получаемымъ за потребу деньгамъ). Бываетъ такъ, что въ сутки крестятъ младенцевъ *по тридцати, по сорока, а, другой разъ, и по ятидесяти*. Происходитъ это обыкновенно такимъ образомъ: перенишутъ младенцевъ и кумовъ на записку, потомъ загонять всѣхъ въ придѣлъ, гдѣ поставлены купели съ водою по числу подлежащихъ крещенію, и дьячекъ, или кто другой, положить начало и начнетъ каждаго младенца окунать. А священника весьма часто и видомъ не видать, и слухомъ не слышать.... Онъ явится къ такъ называемому *молчленію крещенія*: поставятъ среди церкви купель, поютъ, читаютъ, какъ слѣдуетъ; потомъ поставятъ каждаго младенца по колѣни въ воду, поддерживаютъ, а священникъ накладываетъ въ это время на младенца руку. Такимъ крещеніемъ остаются всѣ довольны: «*батюшка, молъ самъ крестилъ!*»

«Разъ мнѣ вотъ что пришлось слышать (говоритъ отецъ Пахомій). Сижу я, этакъ, въ часовнѣ, что-то дѣлаю, кой-чѣмъ занимался тоже,—правду надо сказать, иной разъ, для сладкаго куска,—входитъ попъ; только что я всталъ было, да поклонился, а за нимъ шастъ—женщина—бабка повивальная, какъ оказалось. Входитъ—и бухъ ему въ ноги. «*Ватюшка, говоритъ, прости ты меня неразумную, Христа ради, прости ты меня злополучную!*» Говоритъ это, а у самой что-то въ рукахъ, будто свертокъ какой.—Что, молъ, такое? Спрашиваетъ ея попъ.—«Такъ и такъ говоритъ, принимала я.... у кого она принимала-то? дай Богъ память.... у какого-то московскаго купца, еще на Крутицахъ живетъ... забылъ.... ну, да все равно.... принимала я, говоритъ, у жены его законной, младенецъ—то слабый, да хилый такой родился, я упрашивала самого-то *погрузить*, а онъ не согласился, велѣлъ мнѣ безотмѣнно его на кладбище везти.... я возьми да и повези, да вотъ грѣхъ-то какой случился.... показываетъ ему свертокъ-то.... младенецъ-то возьми да и умри.... Что мнѣ дѣлать-то, что дѣлать-то теперь, батюшка? Забѣсть онъ теперь меня, *что не крещеному дала умереть.*»—Открылъ съ одной стороны платокъ Ивась Матвѣичъ, (попъ) глянуло оттуда маленькое блѣдное личико. Улыбнулся.... «Дура ты, говоритъ, дура, ну, что ты ко мнѣ мертвое тѣло принесла, да совѣта спрашиваешь? ну, что мнѣ съ нимъ дѣлать? *Не разъ я вамъ говорилъ, какъ то есть въ такихъ случаяхъ поступать, взяла бы газъ по дорогѣ изъ канавки, аль изъ каменныхъ песочку, ну и посыпала-бы... все едино и будетъ тебѣ истинное крещеніе.*» (стр. 30, 31.)

Не лучше бываетъ съ *исповѣдью*. Народа набѣется видимо

невидимо. Выйдетъ дьячекъ; залѣзетъ въ алтарь, сядетъ тамъ на стулъ, а въ дверяхъ поставитъ столикъ. Народъ лѣзетъ къ нему съ просьбой о запискѣ. Кто вертитъ передъ его носомъ четвертакомъ, а кто и рублемъ. Потомъ поставятъ напой, выйдетъ опять дьячекъ и начнетъ грѣхи перебирать, прочтетъ правило, велитъ за собой повторять:—идетъ исповѣдь; а тамъ выйдетъ священникъ, прочтетъ отпускъ, и дѣлу конецъ.... После исповѣди надо брать записки отъ священника, для причастья: *дѣло законное*.... надо знать, кто былъ на исповѣди.—Разъ входитъ отецъ Пахомій въ маленькую часовню, а часовня биткомъ набита, человѣкъ пятьсотъ было. Исповѣдь кончилась. Вышелъ дьячекъ. Началась раздача записокъ. Дьячекъ не всѣмъ ихъ раздаетъ, а по выбору, кто больше дастъ,—другимъ просто отказываетъ: «куда, молю, тебѣ причащаться, табакъ, чай, куришь, съ дѣвками цѣлуешься». Далъ тѣмъ, кто побогаче, а другихъ обдѣляетъ, а у него рвутъ записки; зашумѣли. Онъ пятился, пятился, да и улѣзнулъ на хоры. Смѣется оттуда: «что, молю, взяли?» и началъ сбрасывать записки — началъ забавляться. А внизу чуть не до драки дошло, одинъ у другого отнимаютъ, ругаются, но жаловаться не могутъ: у дьячка всегда найдется отговорка: «не исповѣдывались, молю!»

Свадебъ поодиначкѣ въ глуши не вѣнчаютъ, а пригоняютъ къ разу. Былъ крайній день передъ постомъ. И вотъ пріѣхало въ церковь *двадцать свадебъ*. Народу набралось гибель; любопытно было посмотреть, какъ будутъ вмѣстѣ двадцать свадебъ вѣнчаться. Десять было изъ Москвы, десять деревенскихъ, а назначилъ имъ повѣ съѣзжаться ровно въ двѣнадцать часовъ: всѣ, само собой разумѣется, спѣшили. Ровно въ двѣнадцать часовъ часовня полна была ждущими брака и смотрѣльщиками—дѣло любопытное—двадцать свадебъ! Ждутъ попа часъ, ждутъ его два, и вечеръ на дворѣ—нѣтъ попа. Изнемогли всѣ. Отправились искать попа самые богатые; кое какъ добились до священника,—добились, да такъ и ахнули: лежитъ онъ, какъ спопъ, мертвецки—размертвецки пьянъ, и какъ они къ нему не приставали, какъ не умасливали его—*«не могу!»*, едва выговариваетъ. Люди-то все были молодые, терпѣть имъ не въ мочь; въ прибавокъ понимаютъ, что *вѣнчаніе наше одна проформа, только бы было*. Окружили его, нѣкоторые на колѣни стали, давай его молить, да умаливать.—«Батюшка, будь отецъ родной—обвѣчай, *никакихъ денегъ не можешь взять*, сдѣлай божескую милость!»—«Не могу, да не мо-

гу!»—«Не погуби душъ нашихъ, только къ грѣху приведешь.... Ну, хоть *какъ нибудь*!»! Водой начали его отливать. Наконецъ часамъ къ десяти ввели пьянаго попа въ часовню, началось вѣнчаніе. Не кончилъ евангелія, да и кричить:—«Пойте, моля, пойте»,—и головой трясеть. Поютъ, хохочутъ. А когда пришло время вѣнцы надѣвать, онъ подошелъ къ одному богатому купцу, который надъ невѣстой вѣнецъ долженъ былъ держать, и кричить на него: «Не трошь Грибзгалинъ, у тебя руки не чисты, не трошь!» А потомъ надѣваетъ на другихъ вѣнцы и говоритъ вмѣсто молитвъ: «и ты, Грибзгалинъ, и ты, Грибзгалинъ, и ты, и ты,» и т. д.

Приведенные нами факты довольно ярко очерчиваютъ своевольіе касты. Существуетъ треба *исправленія* больныхъ. Вотъ какіе бываютъ случаи. Приходятъ просить священника исправить больную, хоть послѣ часовъ.

— Кто такая? спрашиваетъ попь: упираетъ на фамилію-то, «неслыхалъ что-то», говорить.

— Такъ и такъ! объясняютъ.... купчиха.

— Богата? моля.

— Богата!

— А есть карета?

— Есть, батюшка!

— Ну хорошо, говорить, ступайте, послѣ часовъ *можно* *свѣдую*....

Въ другой разъ привозятъ мужчину, почти мертваго. Сложили въ чуланъ. Явился попь исповѣдывать. Остались они *глаза на глаза*. Не успѣлъ привезшій купецъ пройти по кладбищу, вдругъ къ нему, запыхавшись бѣжить дячекъ.

— Пожалуйте, моля къ батюшкѣ, говорить купцу-то.

— Я даже подивился, говорить отецъ Пахомій, что такъ скоро.

— Господи, ужъ не преставился-ли? пробормоталъ купецъ.

Спѣшитъ къ чулану. А попь обращается къ нему и говорить.

— Слушай! Вотъ твой больной обѣщаль мнѣ сто рублей: Выздоровѣтъ—буду молиться о здравіи; а придетъ часъ воли Божіей—за упокой души его буду молиться. Будь при семъ свидѣтелемъ и представь мнѣ деньги....

— Слушаю, батюшка, проговорилъ, кланаясь, купецъ.

Тѣмъ и окончилась исповѣдь» (стр. 35).

Изъ сказаннаго нами видно, что главная основа касты—ре-

литія. Но тѣмъ страннѣе и неопытнѣе становится пренебреженіе поповъ къ завѣщаннымъ обрядамъ, пренебреженіе, доходшее почти до отрицанія. Чтобы понять причины, почему эта каста еще держится и имѣетъ силу и вліяніе на прихожанъ, мы должны обратиться къ разсмотрѣнію среды и окружающихъ обстоятельствъ, въ которыхъ она находитъ постоянно поддержку. Приведенный случай вѣнчанія показываетъ намъ, что между мірянами есть взглядъ, совершенно противоположный смыслу ченія касты. Молодежь проситъ на колѣняхъ пьянаго попа не потому, чтобы она считала необходимымъ совершеніе обряда, нѣтъ, она знаетъ, что это дѣлается для проформы, что ждать благословенія Всевышняго въ будущей супружеской жизни за обзвѣденіе кругомъ наоя и остроты пьянаго попа—нелѣзно, (*) а потому проситъ повѣнчать «какъ нибудь». Но съ другой стороны, она знаетъ, что безъ совершенія обряда, ей не позволятъ жить съ любимой дѣвушкой, что всякій честный отецъ (старообрядецъ) не пуститъ свою дочь въ сожителство, не связавъ ее на вѣки узами брака; она знаетъ, наконецъ, что жизнь безъ этого хожденія вокругъ наоя будетъ невыносимой пыткой и рядомъ оскорбленій отъ (старообрядческаго) общественного мнѣнія, и женихи, и ихъ родные на колѣняхъ просятъ попа повѣнчать, «хоть какъ нибудь». Обрядъ для нихъ является вещью нужною только, какъ «дѣло законное, безъ котораго и шагу не сдѣлаешь». Если бы изъ этихъ только лицъ состояли старообрядческіе міряне, то, безъ сомнѣнія, кастѣ не существовать. Но между ними есть другая сторона, которой подчиняется молодежь, въ душѣ сознавая и насильхаясь надъ ея мнѣніями. Въ просьбѣ повивальной бабкѣ къ Ивану Матвѣичу научить ее что дѣлать съ умершимъ безъ св. крещенія младенцемъ проглядываетъ взглядъ этого втораго сорта людей. Младенецъ родился хленькій, слабенькій; отецъ видитъ это, онъ можетъ предполагать и даже предполагаетъ, что ребенку не долго жить,

(*) Подобное стараніе избѣжать совершенія религіознаго обряда мы находимъ еще ранѣе XVI ст. напр. въ Водской пятинѣ (нынѣшней Петерб. губ.) между сельскими жителями; тамъ, прежде священниковъ, обыкновенно призывали къ себѣ чудскихъ колдуновъ *арбуевъ*: рождался ли младенецъ — прежде позовутъ арбуя, тотъ наречетъ новорожденному имя, а потомъ уже родители зовутъ христіанскихъ духовныхъ; убѣгали христіанскаго брака, не постылись, хоронили мертвыхъ на курганахъ и т. п. Но подобные люди принуждались боярами и духовными къ совершенію обрядовъ по-христіански.

оттого и торопятъ бабу въхать его крестить. *Торопятъ*, но самъ не рѣшается, не смотря на просьбы бабуки, «погрузить» свое дитя—это «не *ею* дѣло». Бабука везетъ младенца въ церковь. На дорогѣ «случается грѣхъ» — ребенокъ умираетъ. Что же ее ожидаетъ? Она сама знаетъ: «заѣсть онъ теперь меня, что *дала* ребенку не крещенымъ умереть!» Бабука говоритъ, что это грѣхъ, купецъ скажетъ тоже самое, и преслѣдовать ее онъ будетъ не за то, что она дала умереть—онъ понимаетъ ея безсиліе въ отстраненіи смерти ребенка, не за то, что она дала умереть дитяти *не крещенымъ*, онъ ее заѣстъ за грѣхъ, между тѣмъ, какъ самъ всему виною. Погруженіе свое онъ отличаетъ отъ погруженія попа, онъ хочетъ лучшаго, совершеннѣйшаго. И смерть неокрещенаго младенца равно сильна для обоихъ прикосновенныхъ къ дѣлу: одинъ не утѣшится никогда; смерть грѣховная сына не дастъ ему покоя,—другая, гонимая за эту смерть, будетъ мучиться нравственно за причастность свою къ столь важному грѣху. Здѣсь—то разыграется драма: священникъ приложитъ свое стараніе, начнетъ увѣрять обоихъ въ нелюбови къ нимъ Бога за ихъ скупость, за ихъ намыя приношенія во славу св. угодниковъ, за несоблюденіе обычаевъ и т. д. и т. д. Этотъ-то послѣдній разрядъ людей собственно поддерживаетъ описываемую касту.

Смерть некрещенаго ребенка для прихожанъ — по мнѣнію бабуки—грѣхъ, но почему?... о, этотъ вопросъ излишенъ. Ея единомышленники не задаютъ себѣ подобнаго вопроса: грѣхъ, чтожъ тутъ толковать еще? сказано—грѣхъ! По ихъ понятіямъ просыпать соль за столомъ, поймать руками мышъ, погладить дѣвушкѣ на мужчину и т. п. все это грѣхъ. Настоящее и будущее у нихъ объясняется бывшимъ предзнаменованіемъ, обыкновенно обыденнымъ случаемъ. Они чувтъ въ природѣ жизнь, но не знаютъ въ чемъ состоитъ эта жизнь. Она является имъ пророчествомъ. Сонъ служитъ откровеніемъ вѣры божіей. Оттого-то у нихъ имѣютъ такое важное значеніе сны. Какойнибудь купчикъ приснится чтонибудь такое, что она не надѣялась видѣть во снѣ. Сейчасъ за попомъ. «Господи помилуй! бѣда!» и весь домъ, все зависящее отъ нея принимаетъ грустный отпечатокъ. Пріѣхалъ попъ. «Батюшка, вотъ я сегодня за грѣхи свои видѣла во снѣ... положимъ... двухъ крысъ, да такія большія, никогда такыхъ не видала въ жизни... вранья, поноухали и ушли...» Тоже самое говоритъ Свѣозникъ-Духа-

новскій, но онъ и не вспомнилъ бы о своемъ снѣ, еслибы не слышно съ извѣщеніемъ о назначеніи къ нему ревизора-инкогнито. Его воображеніе не заносится далеко впередъ, двѣ ли крысы, три-ли коровы приснились ему, они для него осмыслены тогда, когда что нибудь случится. Взялъ бы онъ удачную необыкновенную взятку—эту взятку напрозорчили бы тѣ же крысы, теперь предвѣстники бѣды. Здѣсь же всякій сонъ предметъ для толковъ и изслѣдованій. И попъ, какъ древній жрецъ, начинаетъ проповѣдывать въ свою пользу и видѣть во всемъ внушеніе Господа обратиться на путь истинный. «Да я, батюшка, и грѣха-то не помню за собой!» говоритъ купчиха, увѣренная, впрочемъ, что сны не даромъ снятся. «Забыли, матушка, забыли говоритъ попъ. Ну вотъ, наприимѣръ, у васъ, матушка, косыночка больно хороша—наряжаться грѣхъ,—вѣдь вы знаете? А можетъ быть одѣвали что на изнанку? не годится обезображивать себя, потому что хоть мы и грѣшники, а все сотворены по образу и по подобію Божію; а не уважая свое тѣло, мы не уважаемъ самаго Господа!» и т. д. грѣхъ неперемѣнно находится. Уѣхалъ проповѣдникъ съ щедрымъ подаркомъ и съ порученіемъ замолить прегрѣшенія купчихи, а она сама отправляется надзирать за благочиніемъ въ домъ. Понятно, поэтому, какое сильное вліяніе имѣетъ старообрядческій попъ на своихъ прихожанъ—купчихъ, не занятыхъ никакимъ серьезнымъ дѣломъ и отъ бездѣлья слѣдящихъ за тѣмъ, чтобы сидѣлецъ изъ лавки, проходя мимо церкви, снималъ шапку и крестился, и дѣвка—горничная не бѣгала по часу въ лавку, ходила скромно, на улицѣ не отвѣчала на вопросы прохожихъ мужчинъ и т. д. Священникъ здѣсь главный распорядитель, что свяжетъ онъ, то свяжется, что развяжетъ онъ—то развяжется. А между тѣмъ, вліяніи своими наставленіями на купчиху, онъ вліяетъ и на сидѣльцевъ, и на «дѣвокъ», и на нянь, и, вообще, на цѣлый рой живущихъ хлѣбомъ купчихи. Тоже самое случается съ купцами, съ маленькими измѣненіями.

Но вліять на одно купечество (и то не на все) не можетъ быть пріятно для старообрядческихъ священниковъ. Крокъ купцовъ въ ихъ приходѣ большая часть мѣщане, крестьяне, цѣховые,—вообще, классъ, извѣстный подъ именемъ простонародья. Съ этимъ сословіемъ церемониться много нечего. Отсюда достается не рублями, а копѣйками, а потому слишкомъ заботиться нестоитъ, но и оставлять въ покоѣ про-

стонародѣ тоже не годится. На этомъ основаніи священники, для того, чтобъ распространить свое могущество, не только въ одномъ своемъ приходѣ, но и далѣе, въ деревняхъ, *благословляютъ* простыхъ иноковъ исповѣдывать и приобщать св. тайнамъ, а по деревнямъ нерѣдко случается, что и простые міряне-старики причащаются. «*Ботюшка такой-то благословилъ!*» Это самое святое правило. Иноки, отправленные по деревнямъ для сбора подаяній, при всякой возможности стараются услужить ихъ благословившему. Они сочиняютъ цѣлыя легенды о святости своего протектора. Въ свою очередь, священникъ, поддерживая черезъ подобныя личности проповѣдуемое ученіе, старается благословлять людей, могущихъ ему пригодиться и болѣе или менѣе извѣстныхъ мастерствомъ рассказывать и сочинять. А потому и нешудрено, что выбранные учють ловко пользоваться обстоятельствами и въ данную минуту кстати рассказать небывалый случай про покровительствующаго имъ попа. Заговорятъ, на примѣръ, про жестокое обращеніе какого нибудь помѣщика съ его крестьянами—подобный иннокъ сейчасъ начнетъ сочинять небывалую исторію, въ которой повѣявится прямымъ угодникомъ: «разъ вотъ былъ случай, такъ случай, всему міру на удивленіе, злымъ людемъ въ поученіе. Ъдетъ крестьянинъ и плачетъ, словно рѣка льется. Въ городъ, знать, онъ ѣздилъ, — баринъ посылалъ закупать разной суеты, да деньги-то и обронилъ. Мужичекъ старенькій, хиленькій, кляченка худенькая, лохмотья на сермягѣ—жалость, да и только! А денегъ-то онъ потерялъ семьдесятъ пять рублей!» — Эка! семьдесятъ пять рублей! замѣчаютъ слушатели. «Тутъ проходилъ попь N. ну, что-же блаженная душа, позвалъ его къ себѣ, накормилъ, напоилъ и денегъ далъ!» — Семьдесятъ-то пять рублей? — «Ну, да! Самъ голодалъ два дня. Скудныя приношенія-то были, за то отъ него три дня исходили благоуханія, и такія чудныя, такія...» и т. д. Удивляются слушатели и даютъ зарокъ ходить къ попу N., а не къ другому какому. Къ этимъ извѣстіямъ прибавляются рассказы о видѣніяхъ, чудесахъ, явленныхъ образахъ, и всякій только крестится и прокликаетъ другія касты и религіи. Старообрядчество или вѣрнѣй, *каме* «темное царство» сильнѣе и сильнѣе пускаетъ свои корни. Народъ валитъ въ церковь къ прославленному попу, и бывають случаи, особенно послѣ общей исповѣди, что попу «всѣ въ рѣки-денги суютъ, чуть не двѣ драки»... А у явленныхъ обра-

мъ, не потушая, тещлятся лампады и сгорають въ сутки десяти сотенъ свѣчь. При этомъ попечители получаютъ дохода отъ свѣчнаго сбора каждый годъ копѣйки четыре лишніе, и это, нужно сознаться, зависитъ не столько отъ жадности поповъ, сколько отъ боязни представить въ будущій годъ свѣчнаго собору меньше, что по правиламъ касты не дозволяется: хоть копѣйкой, а должно быть каждый годъ въ приходѣ больше прошлагодняго. Это фактъ очень любопытный.

Что же при этомъ положеніи касты можетъ сдѣлать здравомыслящая молодежь? Люди, просвѣщенные святомъ евангеліемъ, не разъ пытались какъ нибудь ввести у себя новыхъ настырей. Да, поди-ка, попъ изъ собственныхъ рукъ такъ отдубаситъ такого начетчика, и такъ *поставитъ всѣхъ противъ сею, что счастье, если не убьютъ, наслу ноги уцѣсетъ*. И люди, просвѣщенные святомъ евангеліемъ и чтеніемъ книгъ, должны неминуемо повиноваться волѣ священника. Не только онъ, но сами попечители не могутъ совладѣть съ иными помами. Напримѣръ, при исправленіи больныхъ, кастовые священники брали такъ дорого за это безпокойство, что небогатому больному и думать было нечего о причащеніи, такъ и умирали безъ покаянія. «Менше *ялтидесяти* рублей бывало и не сули, а на кого сердце какое имѣлъ, такъ *сто* рублей—менше и не заикайся, да еще карету пришли.» Странникъ удивленъ.—Фу, ты, Господи, до чего дошло! говорить онъ, чего-жь попечители-то смотрѣли?—«Гмъ, попечители! отвѣчаетъ отецъ Пахомій, *что тутъ могутъ попечители сдѣлать противъ такой силы?*»

Зная эти преимущества, старообрядческіе попы нажимали на молодежь. Имъ хотѣлось приучить ихъ къ мысли, что, если не хороши священники, то это, видно, *должно быть Богу такъ угодно!* И брали съ нихъ больше, и притѣсняли. Дьячекъ, раздавая записки о бытіи на исповѣди, обходилъ молодежь, при причащеніи съ нея брали въ три-дорога. «Грабежъ, сущій грабежъ былъ. По тысячѣ рублей серебромъ съ кого побогаче брали, да принеси ты ему кулекъ винъ дорогихъ, да чаю, да сахару, просто какъ бы за незаконную сдѣлку какую въ судѣ иномъ. Другому иной разъ молодчику, который о свадьбѣ-то просятъ придетъ, священникъ смѣется, скажетъ бывало, оскаливъ зубы: «больно ты сладкій кусокъ ѣсть собрался, я твою суженую-то знаю, меньше тысячи не возьму, не грѣхъ, говорить, за такое, те есть, удовольствіе зацѣпить. Любовницамъ и больше ца-

тите, а это по крайней мѣрѣ жена будетъ.» Такъ вотъ сидитъ, ухмыляется, да торгуется. И спосили все это и по тысячи платил.» Логика старообрядческаго попа яона. Онъ хорошо понимаетъ, что толку отъ совершенія имъ обряда вѣнчанія никакого не будетъ, но это *дѣло законное*, безъ котораго обойтись прихожанамъ нельзя. По этому на свои труды онъ смотритъ не какъ на отправление обязанности, а какъ на удовлетвореніе необходимости. Необходимость-же является не для него, а для жениха. Свою услугу священникъ оцѣниваетъ по отношенію къ случаямъ обыденной жизни: любовникамъ платитъ дорого, отчего-же ему за свадьбу не взять порядочную сумму? вѣдь онъ даетъ и утверждаетъ за женихомъ женщину не на срокъ, а на вѣки! И онъ считаетъ себя въ правѣ торговаться, а прихожане *должны* ему повиноваться.

Такимъ образомъ люди здравомыслящіе, понимая недействительность *устарѣвшихъ* обрядовъ и видя въ тоже время необходимость имъ подчиняться, должны постоянно раздражаться своеволіемъ священниковъ. Ни усовѣстить, ни смѣнить поповъ имъ не удается: остается одинъ исходъ—*заставить* ихъ подчиниться своимъ требованіямъ. Но и это не можетъ итти успѣха: народъ постоятъ за сохранность обрядовъ. Безнадежность положенія тутъ такова, что заставляетъ иногда рѣшаться на убійство ненавистнаго священника. Такъ одинъ иррянщикъ, — кто говоритъ изъ изувѣрства, а кто изъ за-денегъ, — руку поднялъ на своего попа. Забрался онъ къ нему въ келью, входитъ съ пистолетомъ, наставляетъ ему прямо предъ глазами... «Деньги, говорить, что у насъ пажиль, такой ты, сякой ты—хриstopродавецъ, деньги, дескать, или вотъ сейчасъ же и смерть твоя...» Блѣдный такой, испуганный поднялся предъ нимъ священникъ. «Какія у меня деньги, откуда у меня деньги?» лепечетъ, руками машетъ. «Что ты, что ты, опомнись.» Крикнулъ помощь... И чудо, говорятъ, случилось въ ту пору... нестой-вый-то спустилъ замокъ: щелкнуло—осѣчка... Онъ другой разъ — опять осѣчка... У изувѣра-то, за поясомъ былъ ножъ; видитъ дѣло плохо—ударилъ себя въ грудь, и повалился какъ снопъ.

Мы уже имѣли случай сказать, что каста вышла подъ влияніемъ общественныхъ порядковъ. Большая часть ея членовъ происходитъ изъ сословія вполне ото всѣхъ зависимаго; тамъ-же, гдѣ зависимость не вытекаетъ изъ правихъ

общественныхъ нуждъ, гдѣ она скорѣе дѣло прихоти, воли известнаго кружка или лица, состояніе искусственное, а не естественное, — тамъ зачастую случается всякая неправда, всякое притѣсненіе. Необразованное сословіе, находясь въ положеніи вещи, не надѣется найти нигдѣ защиты и правосудія. Вездѣ бѣда, вездѣ убытокъ. Кастовая замкнутая жизнь представляется для многихъ успокоеніемъ и убѣжищемъ отъ несправедливостей, и, не смотря на ея ложность и противо-естественность, множество угнетенныхъ стараются спастись за ея стѣнами. Но ютъ является надежда на лучшую жизнь, разносится слухъ объ измѣненіи быта крестьянъ, много обстоятельствъ, изгнанныхъ изъ общей жизни цѣлыя толпы работающаго народа, сами собою уничтожатся съ осуществленіемъ ожидаемыхъ реформъ. * Отшельническое прозябаніе, являвшееся для многихъ способомъ существовать безъ несправедливыхъ притѣсненій, начинаетъ казаться неразумностью. Люди, болѣе или менѣе просвѣщенные, возстаютъ на бездѣліе и лѣнь касты. Появляются новыя взгляды, изъ самой касты слышатся голоса, которые съ отцомъ Василиемъ повторяютъ: «мыкаюсь я по свѣту, словно океанный, совѣсть повѣдомъ ѣсть меня кажинный день, *стыдно людямъ въ глаза взглянуть, что такъ задаромъ, то есть, живешь на свѣтъ...*» (стр. 22) «И какъ подумаешь, сколько мнѣ подобныхъ на нашей матушкѣ-Руси странниковъ бездомныхъ, заблудшихся, не учившихся ничему, ни рукомеслу, ни работѣ никакой, облѣбившихся—тоскливо мнѣ станеть, и за себя, и за нихъ...» (стр. 24). «Къ монашеству не чувствую я особаго влеченія, не въ силахъ вынести его... великъ этотъ подвигъ для меня... *а міра боюсь!*» (стр. 23). Ясно становится, что новая звѣздочка заблестѣла надъ кастою. «Не бойся міра!» говоритъ отецъ Пахомій, человекъ той же касты. «Въ міръ хорошему человеку много дѣла. Велика отвѣтственность предъ Богомъ слушателей его — и монашествующей братіи, велика, не всякому подь силу. *И я до тѣхъ поръ мучился, пока такъ былъ безвѣдла. Міру нужны люди;* не въ однихъ монастырскихъ стѣнахъ спасеніе: и въ міру можно быть хорошимъ и Богу пріятнымъ человекомъ» (стр. 23) «Не многіе вѣдь кончаютъ тѣмъ, чѣмъ начали: и монахи въ острогъ попадаютъ!» (стр. 25). Да, новая звѣз-

* Эти реформы совершились. Статья эта написана въ декабрѣ, но обстоятельства заставили автора не выпускать ее до сихъ поръ.

Ред.

дочки всходить надъ *есероссійскими*, и «темное царство» считается постыднымъ лѣзться, когда все привольное начинаетъ работать на пользу общую, на пользу свою. «*Вмѣстѣ*, говорить еще Нахомъ Иванычъ, *я теперь съ родными братьями, и до послѣднихъ силъ, готовъ съ ними и горе мыкать, и радость дѣлать*».

Богъ въ помощь не остающимся дармоѣдами при общемъ движеніи, хотя каста еще долго будетъ жить, до тѣхъ поръ, пока свѣтъ знанія и науки не укоренитъ въ массѣ людей сознанія ея негѣдности. И сколько лѣтъ пройдетъ до того времени!

Мы говорили вамъ, читатель, достаточно по поводу книги «*На ночлегъ и въ пути*». Удовольствуйтесь, если можете нашей статьей и не интересуйтесь самымъ рассказомъ. Авторъ этого разказа «*слышалъ грустный звонъ, да не знаетъ, гдѣ онъ*»

И. Шотровскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Стихотворенія А. С. Хомякова. Москва, 1861.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ было предложено всѣмъ другимъ журналамъ — отозваться о стихотвореніяхъ покойнаго Хомякова съ похвалою. Такое приглашеніе было мотивировано, по видимому, тѣмъ обстоятельствомъ, что Хомяковъ уже умеръ.

Потомъ — въ предисловіи къ настоящему изданію стихотвореній Хомякова есть такія строки: «Мы обращаемъ особенное вниманіе читателей на цифры годовъ, выставленныя подъ стихотвореніями, расположенными, по возможности, въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ: съ помощью ихъ читателю легко прослѣдить не только постепенную выработку внѣшней формы, но и внутренній строй и ходъ основной мысли, постепенно овла- дѣвающей содержаніемъ всей поэзіи нашего покойнаго мыслителя и поэта.»

Смерть человѣка, и въ особенности если онъ былъ общественнымъ дѣятелемъ, обязываетъ ли тѣхъ, которые остались въ живыхъ, говорить о немъ другое, чѣмъ они думаютъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ быть сомнителенъ: иначе, нѣ — для чего было бы писать и исторію; слѣдовало бы только думать, что всѣ жившіе до насъ — были прекрасные люди, всѣ совершенныя ими дѣла — тоже прекрасныя дѣла. Обязывать человѣка къ извѣстному поведенію въ отношеніи другихъ людей, безъ различія живыхъ отъ умершихъ, можетъ одна только совѣсть; и въ этомъ отношеніи она столько же, напримѣръ, обязываетъ — не

говорить о великомъ патриотѣ, что онъ измѣнникъ, сколько не говорить о злодѣѣ, что онъ благодѣтель челоуѣчества. Тотъ предразсудокъ, что съ памятыю людей умершихъ слѣдуетъ обходиться иначе, чѣмъ съ людьми живыми, существуетъ съ незапамятныхъ временъ. За двѣ тысячи лѣтъ до насъ на свѣтѣ была уже пословица: *de mortuis aut bene, aut nihil*. * Мы не намѣрены съ легкостію отзываться о томъ, чему столько народовъ въ продолженіи столькихъ вѣковъ придавали смыслъ и цѣну, — хотя къ великому ущербу истины; тѣмъ не менѣе вѣрованіе, будто бы челоуѣка умершаго можетъ радовать или печалить похвальный или не похвальный отзывъ о немъ, есть все таки заблужденіе. Давность времени — здѣсь, какъ и въ другихъ безчисленныхъ случаяхъ, служитъ скорѣе къ подрыву такого вѣрованія, чѣмъ къ его неопровержимости. И это очень просто: люди, которые старше насъ, въ сущности моложе насъ; а чѣмъ глубже ихъ древность, тѣмъ наивнѣе ихъ относительная юность. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, если такіе младенцы, какими были древніе, о многихъ вещахъ имѣли младенческія понятія. Странно то, что мы продолжаемъ очень во многомъ держаться этихъ понятій именно по причинѣ ихъ младенческаго свойства, которому мы придаемъ значеніе древности. Если Шутархъ вѣрилъ, будто разгнѣванная тѣнь Клеоники приходила съ того свѣта мучить Павзанія, то это еще не причина, чтобы просвѣщенный рецензентъ, слова котораго мы выписали, допускалъ возможность раздражить или оскорбить тѣнь того, кто въ сущности даже и не тѣнь, а просто одно имя. Все должно дѣлаться въ интересѣ живыхъ; и если правда, высказанная о покойникѣ, можетъ быть въ какой нибудь мѣрѣ поучительна для тѣхъ, которые еще живутъ, то она должна быть высказана, какъ бы ни была горька она и какъ бы ни была свѣжа могила покойника. Мы понимаемъ всю необходимость самаго обильнаго снисхожденія къ нашимъ ближнимъ во время ихъ жизни; мы съ величайшею готовностію признаемъ, что пощадить живаго челоуѣка отъ излишняго огорченія и въ особенности быть причиною его удовольствія — должно почитаться долгомъ каждаго; но мертвому, какъ это достовѣрно извѣстно, мы столько же лишены возможности оказать какое нибудь добро, какъ и зло. Все это мы говоримъ вообще: собственно о покойномъ Хомяковѣ мы не можемъ сказать ни одной такой правды, которая бы горька

* О мертвыхъ слѣдуетъ говорить или хорошо, или никакъ.

была для его памяти, или особенно поучительна для его согражданъ; мы говоримъ для того, чтобы придти къ слѣдующему предположенному нами заключенію: «такимъ образомъ, на приглашеніе—отзываться съ похвалою о стихотвореніяхъ покойнаго Хомякова можно не обращать никакого вниманія.»

Гораздо болѣе значительности и смысла въ другомъ приглашеніи: обратить вниманіе на цифры годовъ, выставленныя подъ стихотвореніями, съ помощію которыхъ *будто бы* легко прослѣдить и постепенную внѣшнюю выработку формы и внутренней ходъ основной мысли, *будто бы* постепенно овладѣвающей содержаніемъ всей поэзіи «покойнаго мыслителя и поэта.» И мы обращаемъ вниманіе на это обстоятельство.

Подъ первыми стихами покойнаго Хомякова въ настоящемъ изданіи стоитъ 1826-ой годъ, подъ послѣдними 1859-ый. Периодъ поэтической дѣятельности покойнаго Хомякова обнимаетъ, поэтому, 34 года. Во всѣхъ случаяхъ, когда мысль управляетъ дѣятельностію такого продолжительнаго времени, она получаетъ полную возможность—возникнуть, достигнуть роскошнаго развитія и принести плодъ. Примѣнимъ такую возможность развитія для мысли Хомякова къ ея развитію. Выписываемъ самое первое стихотвореніе покойнаго поэта-мыслителя: «Заря».

Въ воздушныхъ высотахъ, межъ ночью и днемъ,
Тебя поставилъ Богъ, какъ вѣчную границу,
Тебя облекъ онъ пурпурнымъ огнемъ,
Тебѣ онъ далъ въ спутницы денницу.

Когда ты въ небѣ голубомъ
Сіяешь, тихо догарая,
Я мыслю на тебя взирая:
Заря, тебѣ подобны мы:
Смѣшенье пламени и хлада,
Смѣшеніе небесъ и ада,
Сліяніе лучей и тьмы.

Намъ нѣтъ нужды говорить, что это не очень дурное стихотвореніе если и заключаетъ въ себѣ какую нибудь мысль, то мысль эта не изъ разряда тѣхъ, которыя чрезъ усиленную мозговую дѣятельность могутъ получать органическое развитіе и за которыя люди, преданные умственнымъ занятіямъ, получаютъ названіе мыслителей. Стихотвореніе такъ себѣ,—ни худо, ни хорошо; оно могло, пожалуй, принадлежать и мыслителю, и мыслитель этотъ могъ быть, пожалуй, и поэтъ, но чтобы въ самомъ этомъ стихотвореніи были доказательства того или другого,

и въ особенности, чтобы въ немъ были признаки мыслительной дѣятельности съ опредѣленнымъ характеромъ и въ какомъ нибудь данномъ направленіи, этого, конечно, никто не скажетъ. Но намъ говорятъ, что эти посредственные стихи и не точныя образы выработаются въ прекрасныя и строго опредѣленныя, и эта туманная мысль просвѣтлѣетъ, какъ солнце, и, какъ она сдѣлается плодотворной. Мы вѣримъ, и рядомъ то посредственнѣе, то совершенно плохихъ стихотвореній, доходимъ до середины книги и дѣятельности покойнаго мыслителя-поэта. Эта середина относится какъ разъ къ 1841-му году и должна остановить насъ именно потому, что на этомъ мѣстѣ покойный поэтъ-мыслитель совершилъ ровно полпути. На этомъ полпути мы встрѣчаемъ стихотвореніе—«*Nachtstück*», которое мы и выпишемъ, испестривъ его курсивами, и напередъ замѣтимъ, что въ курсивныхъ строчкахъ, въ которыхъ есть смыслъ, значить, — нѣтъ метра.

*Вчерашняя ночь была такъ свѣтла;
Вчерашняя ночь въ звезды зажгла
Такъ ясно,*

*Что, глядя на холмы и дремлющій лѣсъ,
На воды, блестяція блескомъ небесъ,
Я думалъ: о, жить въ этомъ мірѣ чудесъ*

Прекрасно!

*Прекрасны и волны и даль степей,
Прекрасна въ одеждѣ зеленыхъ вѣтвей
Дубрава;*

*Прекрасна любовь съ вѣчно-свѣжимъ вѣнкомъ,
И дружбы звѣзда съ невоиннымъ лучомъ,
И пльсень восторгъ съ озареннымъ челомъ
И слава!*

*Взглянулъ я на небо, — тамъ твердь ясна;
Высоко, высоко восходитъ она *
Надъ бездною;*

*Тамъ звѣзды живыя катятся въ огнѣ...
И дѣтское чувство проснулось во мнѣ,
И думалъ я: лучше намъ въ той вышине
Надъземной!*

Бенедиктовъ.

Нужно имѣть слишкомъ большую проникательность, чтобы открыть въ этомъ стихотвореніи успѣхи мысли; но что касается до внѣшней формы, то въ этомъ стихотвореніи она несравненно хуже, чѣмъ въ предыдущемъ: въ этомъ послѣднемъ отно-

* Далеко, далеко—не знаю куда...

наши шестнадцать лѣтъ прошли для покойнаго поэта-мыслителя не только безъ пользы, но и съ великимъ ущербомъ. Стихи здѣсь положительно плохи, а образы составлены просто-напросто посредствомъ набора словъ, а не изъ живыхъ впечатлѣній, данныхъ природою. Воображеніе упорно и рѣшительно отказывается представить такую картинную мѣстность, гдѣ на которую вы видѣли бы *передъ* собою—холмы, *дремлющій* лѣсъ, море, или по крайней мѣрѣ очень широкую рѣку *съ волнами*, лав степей и зеленую дуброву, и чтобы надъ этою мѣстностію въ одно и тоже время было и тихо и дулъ вѣтеръ, то есть, чтобы и *лѣсъ дремалъ* и по водѣ ходили *волны*. То, что было когда-то Хеминговичъ и написало эти стихи, потеряло теперь всякую возможность чувствовать неудовольствіе отъ канихъ бы то ни было отзывать, и потому мы смѣло можемъ сказать, надѣясь не оскорбить нашимъ отзывать ни чьего самолюбія, что *наше* рѣже случалось встрѣчать болѣе блестящій образецъ поэтическаго безсилія, чѣмъ какой представляютъ приведенные нами стихи. Беремъ стихотвореніе изъ самаго конца дѣятельности покойнаго поэта-мыслителя.

Подвигъ есть и въ сраженьи, *
Батюшковъ.

Подвигъ есть и въ борьбѣ, —
Высшій подвигъ въ терпѣньи,
Любви и молебъ.

Если сердце заняло
Передъ злобой людскою,
Иль насилье схватило
Тебя жѣзвою стальной,
Если скорби земныя
Жаломъ въ душу впилсь.
Съ вѣрой бодрой и смѣлой
Ты за подвигъ берись:
Есть у подвига крылья,
И вздетишь ты на нихъ
Безъ труда, безъ усилія,
Выше мраковъ земныхъ,
Выше крыши темницы,
Выше злобы слѣпой,
Выше воплей и криковъ
Гордой черни людскою!

Само по себѣ стихотвореніе это безсильно до крайности и ниже всякой критики. Мы живо представляемъ себѣ новаго Ика-

* Есть упоминіе и въ дѣкостн лѣсовъ.

ра, желающаго летѣть на солнцѣ не восковыми, а деревянными крыльями. Стихотворцу хочется размахнуться и... нѣ чѣмъ.

Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на нихъ
Выше крыши темницы...

Экая высота! — А ужь какая эта темница и зачѣмъ она попалъ сюда, и сколь нужно быть самонадѣяннымъ, чтобы находить причинную связь между немъ и насильемъ, которое охватываетъ *стальной цѣпью*, — объ этомъ мы говорить не будемъ. Но относительно мысли мы все таки замѣчаемъ наконецъ прогрессъ... Стихотвореніе хочетъ сказать: «величайшій, возможный на землѣ подвигъ есть — молитва». О достоинствѣ этой мысли читатель можетъ слышать отъ людей болѣе достойныхъ, чѣмъ мы, отъ людей призванныхъ и помазанныхъ говорить объ этомъ. Для насъ довольно замѣтить, что мысль эта такъ не принадлежитъ Хомякову, какъ и всякому другому, кому вздумается повторить ее. Но вотъ что значить исправлять жреческія обязанности безъ помазанія, писать стихи безъ внутренней необходимости и призванія къ этому дѣлу: — можно подумать, что стихотвореніе написано не только не поэтомъ, т. е. человѣкомъ сколько-нибудь изящнаго настроенія чувствъ и мыслей, а напротивъ, человѣкомъ рѣдко встрѣчаемой черствости, какимъ Хомяковъ, мы полагаемъ, никогда не былъ. Приведеннымъ стихотвореніемъ онъ, по всей вѣроятности, самъ оклеветалъ свою добрую, по общему отзывамъ, душу. Молитвенное настроеніе понятно всякому: несомнѣстимость его съ презрительными помыслами «о чернѣ людской», или лучше сказать, все нечестіе такой совмѣстности было указано самимъ Христомъ въ божественной притчѣ о мытарѣ и фарисеѣ. — Рѣшительно не понимаемъ — гдѣ въ этомъ стихотворцѣ — поэтъ, и гдѣ въ этомъ поэтѣ — мыслитель?

Намъ совѣтуютъ еще (*въ томъ же предисловіи къ настоящему изданію*) обратить вниманіе на соотношеніе между событіями иного года и самыми стихотвореніями, въ томъ году написанными». Послѣдуемъ и этому совѣту. Вотъ стихотвореніе: «*Просьба*». Подъ нимъ стоитъ 1831-ый годъ, — слишкомъ извѣстный своими событіями, чтобы напоминать объ нихъ, въ особенности — въ настоящее время. Между стихотвореніемъ и событіями года дѣйствительно есть соотношеніе. Но какого же свойства это соотношеніе? —

О смальтесь надо мною! о дайте волю мнѣ!
 Изъ края дальняго волшебный зовъ несется,
 И кровь моя кипитъ, и сердце бурно рвется
 Въ тотъ дальній край къ войнѣ, къ войнѣ!
 Вы видите стремятся ополченья
И взоры ихъ блестятъ надеждою побѣды.
 Туда, туда въ кровавыя сраженья
 Я полечу за ними въ слѣдъ.

Я не рожденъ быть утлою ладьею,
 Забытой въ пристани, не знающей морей,
 И праздною истлѣвать кормою,
 Добычей гнили и червей.

*Но я хочу летать надъ бурными волнами
 Могущимъ кораблемъ съ дружиной боевой;
 Подъ солнцемъ тропика, межъ сѣверными льдами,
 Бороться съ бездною и съ дикою грозой;
 Челомъ возвышеннымъ * встрѣчать ударъ судьбины,
 Бродить по области и смерти и чудесъ,
 И жадно пить восторгъ и изъ сѣдой пучины
 Крыломъ поэзіи вноситься до небес!*

О, вотъ онъ, вотъ удѣлъ, давно желанный мною!
Отдайте жь мнѣ коня, булатъ отдайте мой!

Въ тотъ дальній край я полечу стрѣлою
 И ринуся въ кровавый бой.

Мы выписали эти стихи на половину съ жалостію къ ихъ пузырьному фразёрству, на половину съ омерзѣніемъ къ ихъ неблагородному пылу. Явись они теперь, ихъ стали бы разсматривать—насколько они приносятъ позора ихъ автору, а какъ написанные двадцать лѣтъ назадъ—ихъ можно приписывать только крайнему безсилію сообразительности и полнѣйшему отсутствію эстетическаго чувства, которое ось своего рода *совѣсть* и упорно противится всему злему и безобразному. Достоинно всякаго замѣчанія, что стихи эти принадлежатъ русскому поэту-мыслителю—панслависту, который нѣсколько времени стоялъ впереди цѣлаго кружка почтенныхъ людей, которыхъ будто бы велъ за собою... Куда?—на это непременно отвѣтятъ вамъ, какъ ужъ и отвѣчали нѣсколько разъ:

Спросите у Россіи!

Но Россія, какъ само собою разумѣется, только изумится такому вопросу. Теперь рождается недоумѣніе болѣе серьезное: гдѣ же у этого мыслителя логика общей его дѣятельности?

* Куда—какъ похвально выражаться такимъ образомъ о самомъ себѣ! Но самовосхваленіе доходитъ у Хомякова и не до такого еще безобразія.

Замѣчательно еще, что Хомякову приписываютъ почему-то выработанность стиха. Этого вовсе нѣтъ. Какъ бы легко и смотрѣли на такъ называемую легкость стиха, мы всегда будемъ встрѣчать ее только у людей съ нѣкоторымъ дѣйствительнымъ поэтическимъ дарованіемъ. Тяжелыя усѣченныя прилагательныя и такія сокращенія словъ, какъ *слава*, *бревн*, *полмз* и проч., такія слова, какъ *дланя*, *перси*, *лоно* и проч., у Хомякова падаются чуть не въ каждомъ стихотвореніи; неправильности ударенія тоже не рѣдкость, но встрѣчается и совершенно отсутствіе метра. При нѣкоторой строгости взгляда въ настоящее изданіи можно указать только на два стихотворенія, написанныя почти вполнѣ хорошими стихами: это «*вѣра чтеніи псалма*» и довольно извѣстное проклятіе Англіи:

Но за то, что ты лукава,
 Но за то, что ты горда,
 Что тебѣ земная слава
 Выше Божьяго суда,
 Но за то, что церковь Божью
 Святотатственной рукой
 Приковала ты къ подножью
 Власти суетной земной и проч.

Намъ остается сослаться на авторитетъ общаго убѣжденія Хомякова вообще такъ же мало признаютъ и признавали поэтомъ какъ, напримѣръ, Карамзина. Это никогда не бываетъ даромъ. Мы слышали, будто обращаться къ общественному мнѣнію значитъ пользоваться худшимъ изъ орудій для достиженія своихъ цѣлей—орудіемъ лести. Это было бы справедливо, если бы мы предложили, въ дѣлѣ естествознанія, вмѣсто Кювье и Жоффруа Сентъ-Илера, призвали на помощь общественный смыслъ. Въ дѣлахъ такого рода одна человѣческая душа иногда стоитъ цѣлаго міра. Но въ дѣлѣ вкуса нашъ приемъ намъ кажется совершенно основательнымъ: вамъ никогда и никого не удастся убѣдить, что такой-то маэстро—отличный пѣвецъ, если всѣмъ, кто его слушаетъ, будетъ казаться, что онъ только хрипитъ и забываетъ.

Первый винокуръ, древнее сказаніе. Спб. 1861 г.

Въ нашемъ обществѣ, говѣрятъ, могутъ уживаться самыя всякія противорѣчія; нерѣдко какой нибудь специалистъ врываетъ въ чужую область: изъ хорошаго фотографа-разскащика дѣлается, напр., сухимъ, безжизненнымъ моралистомъ и насилуетъ имъ прекрасный талантъ, чтобы только не отстать отъ другихъ цивилизаторовъ, задавшихъ мыслью во что бы ни стало бучать всѣхъ и вся, а въ сущности только способныхъ проэкровать. Мы говоримъ это о неизвѣстномъ авторѣ «Перваго Шокура». Авторъ пустился въ аллегорію, взялъ началомъ все порочнаго темныя силы, чертей, и отъ этого его сказаніе спадаетъ не болѣе, какъ сказкой, безъ всякаго благотворнаго вліянія на народную жизнь.

Судите сами, что можетъ быть рациональнаго и жизненнаго въ разсказѣ, содержаніе котораго мы приводимъ здѣсь. Видите ли, «былъ на землѣ непочатой край, и нечистая сила рыскала сивозла промежъ людей, стараясь устроить различныя пакости и худыя дѣла; а самъ по себѣ человекъ грѣшить никакъ не догадывался. Въ оное древнее время чортъ былъ работящъ, мусень и заботливъ, а человекъ былъ добръ и безтолковъ на свой грѣхъ». Въ это-то время откомандированъ былъ по дѣламъ своей службы изъ ада на землю одинъ чертенокъ для поведенія межъ людей разныхъ ссоръ и бѣдъ. По молодости лѣтъ не зналъ, что дѣлать и счелъ за лучшее украсть у бѣднаго мужика послѣднюю краюшку чернаго хлѣба. День кончился. Чертенокъ летитъ въ адъ. «Взлетѣлъ чертенокъ на семь орлиныхъ полетовъ къверху, перекувырнулся семь разъ въ воздухѣ оттуда, какъ стрѣла, свиснулъ въ пропасть рогами сивозла: загудѣла земля, пыль поднялась вихремъ, а на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ провалился чортъ, брызнулъ странный ключъ свѣтъ.» А въ главномъ углу прѣисподней въ синемъ полымѣ, въ черныхъ клубахъ дыма, на каменномъ престолѣ сидѣлъ сатана. «Усы, оубы, падалицы и щерцы извивались и кишили у подножія». Сатана принималъ доклады чертей. Наконецъ явился и чертенокъ, укравшій послѣднюю краюшку у мужика, доложилъ о своемъ подвигѣ. «Ахъ ты недоносокъ вѣдьмыной! слѣпой щенокъ бѣшеной собаки!» зарычалъ сатана, да какъ схватилъ его за хвостъ, да какъ врутнеть надъ головой

словно кнутомъ, да со всего размаху какъ треснетъ объ каменную стѣну ада—разсѣлась стѣна, ёкнулъ бѣсъ и ушолъ къ нее совсѣмъ на тридцать косыхъ сажень. Чертенка вытащили, семь ночей складывали его вѣдьмы, плевали, клеили, смазывали, вспрыскивали. Кое-какъ ожилъ чортъ и полетѣлъ на землю служить батракомъ у обокраденнаго мужика. А мужику между тѣмъ не было чѣмъ прокормить семью, и онъ съ радостію принялъ дароваго батрака, срокомъ на три года. Годъ за годомъ мужикъ богатѣлъ: у всѣхъ голодъ, у него отличный сборъ. Наступилъ конецъ третьему году и чертенокъ надоумливаетъ своего хозяина, вмѣсто того, чтобы варить изъ ячменя пиво, курить изъ жита (ржи) «веселое пойло». Батракъ устроилъ у мужика заводъ. Появились чаны, ушаты, лопаты, мѣдныя трубы, желѣзные кубы. Пошла работа. Ну, и выкурили водочку. Поглядѣлъ мужикъ—чиста какъ стекло, попробовалъ—такъ и запекла. «Загорѣлась глотка» кричитъ мужикъ.—«Ну, такъ пусть будетъ *зорька*; молвилъ чертенокъ-батракъ:—Хватимъ-ка еще по чаркѣ; свыкнется—слюбится.» Хватили, закашлялись, крикнули. «Ничего», говоритъ мужикъ. «А ну по другой.» Хватили по другой и только крикнули. «Хорошо», кричитъ мужикъ. Выпили по третьей, и по мнѣнію мужика оказалось, что лучше быть не надо. «Съ той поры, прибавляетъ авторъ: съ легкой чортовой руки, по всей землѣ, то тамъ, то сямъ, то винокурня выстроится, то кабачокъ выростетъ, какъ грибы поганые и дождикъ. Ходятъ люди, кто съ носомъ разбитымъ, кто съ енаремъ подъ глазомъ, а кто спился, опился, легъ и лопнулъ, какъ жаба подъ колесомъ. Толстѣютъ откупщики кабацкіе, палаты понастроили, носы позадирали; а ничего не знаютъ не вѣдаютъ, что въ адѣ пренсподнемъ лежитъ бѣлъ-горючъ камень, а на немъ уже когтемъ чертовскимъ отмѣчено: «мой!». Это все первый винокуръ своимъ душамъ счетъ ведетъ. А у всѣхъ бѣдныхъ людей горбушка хлѣба таки украдена.»

«А у всѣхъ бѣдныхъ людей горбушка хлѣба таки украдена,» говоритъ читатель и. невольно впадаетъ въ элегическое настроеніе. Намъ и самимъ грустно отъ этихъ словъ. А все-таки страшные мы люди! Отдѣльный фактъ, отдѣльное явленіе поражаетъ насъ сильно; но какъ скоро кончится самое явленіе—мы забываемъ о вызванномъ имъ чувствѣ. «Народъ»—какое громкое слово! А чѣмъ въ самомъ дѣлѣ является передъ нами этотъ народъ? Какія близкія связи существуютъ между нами и людьми,

у которых украдена горбушка хлѣба? Въ жизни, въ отдѣльных столкновенияхъ нашихъ съ личностями отдѣльнаго порядка, мы всегда готовы осудить встрѣченнаго человѣка. Передъ нами только и являются: то Иванъ, укравшій серебро, то Гаврило, засаженный за буйство, то Пахомъ, достойный позорнаго наказанія. Подъ сѣрой шинелью солдата мы не отыщемъ никакихъ угнѣтительныхъ чертъ, а между тѣмъ кстати и не кстати выражаемъ свою симпатію къ общей пользѣ народа, произносимъ собирательное слово «народъ» съ какимъ-то увлеченіемъ, за которымъ, однакожь, не видно истинной любви. Да и на дѣлѣ мы не всегда истинные друзья народа. Мы выбираемъ различные факты народнаго невѣжества, рассказываемъ анекдоты, взятые изъ народной жизни и, на основаніи немногихъ данныхъ, сомнѣваемся въ способности народа уступить свѣту цивилизаціи. Для насъ народное сознаніе кажется какимъ-то дикимъ вертепомъ, гдѣ только грозящая десница проходитъ съ успѣхомъ, а живое, любящее слово останется гласомъ въ пустынѣ. Нѣтъ нужды говорить, какъ дико въ свою очередь такіа понятія о народѣ. Мы желаемъ только сказать, что плодомъ подобныхъ умозаключеній является у насъ разрозненность и разношерстность средствъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Всякій изъ насъ чувствуетъ необходимость вѣсти въ народный кругозоръ новыя, болѣе свѣтлыя воззрѣнія; всякій изъ насъ видитъ необходимость разрушить старое, и, для такого дѣла, каждый почти сосредоточивается на одной какой нибудь сторонѣ темной жизни народа, за которой не видитъ или не хочетъ признать другой, быть можетъ болѣе важной, стороны. Отъ этого и выходитъ наше дѣло похожимъ на тотъ возъ, который двигали шука, ракъ и лебедь въ крыловской баснѣ. Недостатокъ единства въ направленіи и средствахъ препятствуютъ полному успѣху. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть страннѣе: одни издають бесѣды, толкуютъ въ нихъ о звѣздахъ, планетахъ, ясномъ солнышкѣ, прибавляютъ къ своимъ разсужденіямъ чертѣжъ съ буквами, кругами, воображаемыми линиями — и все это только для того, чтобы народъ отказался отъ разныхъ предразсудковъ; а между тѣмъ, по отсутствію въ такихъ бесѣдахъ практическаго интереса и фактическихъ доказательствъ, доступныхъ мысли народной, сами эти бесѣды не достигаютъ своей цѣли. Уничтожая прежніе предразсудки, онѣ въ свою очередь требуютъ и для себя той же слѣпой вѣры — и очевидно остаются для народа не болѣе, какъ іероглифами. Несмотря на это,

многіе признають полезность подобныхъ изданій. Необходимость знанія законовъ природы является для такихъ господъ достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ полезности этого метода просвѣщенія народа. Но цѣль вѣдь не оправдывается средствами. Другіе, напротивъ, взяли въ образецъ себя Богемію, гдѣ народъ къ образованію старались приохотить изданіемъ національнымъ пѣсенъ, легендъ и историческихъ разсказовъ прошедшей жизни. Между прошедшимъ Богеміи и нашимъ прошедшимъ нѣтъ никакой параллели. Тамъ когда-то была жизнь—и слѣды ея остались: у насъ же она шла совершенно другимъ путемъ и имѣла другой смыслъ. Нашъ народъ, по замѣчанію изучавшихъ его, уже оставляетъ древнія пѣсни. Изрѣдка только возвращается къ нимъ—да и то къ очень немногимъ. Для него гаснетъ ужь предковская идея и онъ ждетъ новыхъ мотивовъ отъ своей жизни. А пока еще эта жизнь можетъ только выражаться въ прорвавшемся чувствѣ челоѣка, забывающаго на минуту окружающій его анализъ... Стало бытъ не исторіи о княгинѣ Ольгѣ, не сказанія о Владимірѣ Красномъ солнышкѣ, богатыряхъ и басурманахъ и всяческихъ герояхъ нужны народу, а мотивы болѣе близкіе его жизни. Третьи, наконецъ, находятъ полезнымъ, въ видахъ распространенія образованія, издавать различныя басни и сказки, внося въ нихъ правоучительный элементъ. Къ этой-то школѣ и надо причислить неизвѣстнаго автора «Перваго винокура.» Странно было бы отдавать преимущество исключительно тому или другому методу. Всѣ они слишкомъ односторонни, а потому и ложны. Мы уже сказали, почему несостоятельны первые два метода. Третій методъ, повидимому, практичнѣе, но и онъ въ результатахъ далеко не можетъ быть благотворенъ. Относясь болѣе или менѣе къ обыденной жизни, вооружаясь противъ общихъ пороковъ, его пропаганда далеко не жизненна, по крайней мѣрѣ не имѣетъ за собой того неотразимаго вліянія, которое бы давало готовность противостать дурнымъ инстинктамъ; ее будутъ слушать, будутъ соглашаться, но чтобъ она породила крѣпкое сознательное убѣжденіе—предполагать очень трудно.

Вообще, по нашему мнѣнію, не такъ надо относиться къ народному сознанію. Такими путями нельзя дойти до хорошихъ результатовъ. Это не болѣе, какъ тѣ же рутинныя схоластическіе приемы, которые скользя и до сихъ поръ скользятъ по сознанію, не западая въ душу и не принося положительнаго пло-

да. Народу нужна, покрайней мѣрѣ на первый разъ, болѣе здоровая пища, болѣе близкая къ сердцу пропаганда. Его нужно выводить изъ тьмы на свѣтъ, а не заставлять смотрѣть на мѣръ изъ слуховаго окна. Простолудинъ слишкомъ практиченъ: его взглядъ попреимуществу ищетъ положительнаго капитала, а не отвлеченной, абстрактной эрудици, съ которой ему тяжело носиться—да и не справиться... Онъ любитъ книгу — это фактъ. Онъ читаетъ ее даже для одного процесса чтенія; но какъ только книга выходитъ своимъ содержаніемъ изъ его житейскаго кругозора, онъ не станетъ долго заниматься ею. Ему дорога минута дня, и онъ пожертвуетъ ею охотно только тогда, когда видитъ, что знаніе у него въ рукахъ. Вообще, онъ какъ будто инстинктивно чувствуетъ, гдѣ свѣтитъ для него лучъ, и никогда не рѣшится бросить дѣло, чтобы идти смотрѣть, какъ славны бубны за горами. Поэтому, честь и любовь къ нему требуютъ не злоупотреблять его временемъ и умомъ. Грѣшно будетъ съ нашей стороны предлагать ему такія знанія, которыя для него, въ данную минуту, недействительны, а тѣмъ болѣе заставлять его вѣрить такимъ вещамъ, которыя давно уже потеряли свой смыслъ и принадлежатъ къ легендарной эпохѣ. Скажите, зачѣмъ набивать ему голову всяческими сказками и сказаніями, когда ихъ у него и безъ того куча? Вотъ, напримеръ, брошюра «Первый винокуръ». Содержаніе ея такъ наивно и такъ пусто,—чтобы не сказать болѣе,—что даже не вѣрится, какъ авторъ ея рѣшился такъ недобросовѣстно играть народнымъ смысломъ. Посмотрите, что авторъ передаетъ въ ней на роду,—чушь, чепуху, дикую фантазію!.. и передаетъ докторальнымъ тономъ, тономъ историка, котораго слова—правда, взятая изъ историческихъ актовъ. Неужели эта безтолковая легенда можетъ имѣть какое либо разумное вліяніе на народную мысль? Неужели она дастъ ей положительную пищу, которая такъ нужна народу? Не знаемъ, какъ думаетъ объ этомъ авторъ. Но если даже авторъ имѣлъ въ виду своимъ разсказомъ отвратить простолудина отъ пьянства, какъ отъ дѣла «нечистой силы», то и въ этомъ случаѣ онъ не правъ. Рычагомъ всякаго постояннаго сознательнаго противодѣйствія дурной привычкѣ можетъ быть только сознательное убѣжденіе, а ничего подобнаго не въ состояніи развить разсказъ «Первый винокуръ». Допустимъ, что простолудинъ, прочитавши разсказъ, вполне согласится, что пить вино гадко, убыточно, даже богопротивно. «Но мало

ли что, подумаетъ онъ, гадко и грѣшно: всякій человекъ грѣшенъ — одинъ Богъ безъ грѣха. Отчего же не потѣшить свою немощную плоть?» И въ подобныхъ воззрѣніяхъ его не опровергнуть никакіе «Первые винокуры». Онъ бы не удивился, если бы кто нибудь началъ проповѣдывать о вредѣ употребленія горячихъ напитковъ; но мы не думаемъ, чтобы подобная проповѣдь могла перетянуть простолудина на новую дорогу. Самое положеніе низшаго класса, перѣдко ослабѣвающаго подъ тяжестью продолжительнаго труда и обязаннаго продолжать работу, заставляетъ, такъ сказать, занять у будущаго новыя силы для дальнѣйшихъ трудовъ. А по мнѣнію Либиха—«водка, дѣйствуя на нервы, позволяетъ рабочему, въ ущербъ своему здоровью, возстановить недостающія силы и сегодня потратить тѣ силы, которыя, по естественному теченію природы, должны были бы потратиться на слѣдующій день. Это вексель, взятый на будущее здоровье», заключаетъ Либихъ. Но, вызванное сперва нуждою, потребление горячихъ напитковъ доходитъ до того, что въ Англіи вообще рабочіе истрачиваютъ пятую часть своей заработной платы на покупку крѣпкихъ напитковъ. Мы не знаемъ отношенія заработной платы русскаго рабочаго къ суммѣ, затрачиваемой имъ въ пользу откупа. Не думаемъ, однако, чтобы пропорція вышла менѣе англійской. А пятая часть дохода, брошенная безъ всякой выгоды, не можетъ не отозваться гибельно на житьѣ-бытьѣ англичанина, не можетъ не разстроить и состоянія русскаго. Какъ бы то ни было, примѣровъ вреда пьянства передъ нами слишкомъ много. Возвышеніе откупной суммы почти неестественно—а на глазахъ всѣхъ лучше и лучше выдвигаются палаты откупщиковъ, когда-то не имѣвшихъ ничего. Вотъ почему разъясненіе народу вреда неумѣреннаго пьянства мы считаемъ дѣломъ вполне разумнымъ и умѣстнымъ. Но что же можетъ разъяснить народу «Первый винокуръ»? Неужели и самъ авторъ осудилъ пьянство только какъ порожденіе нечистой силы? Странно, что авторъ не признаетъ за народомъ способности осудить пьянство на основаніи совершенно другихъ фактовъ! Мы даже не ссылаемся на методъ Ауэрбарха (напр. «Громовой слесарь»); мы думаемъ, что простой, безыскусственный рассказъ цѣловальника («Хорошее житье»—Успенскаго), исполненный циническаго довольства грабежомъ и всякими темными кабацкими дѣлами,—что простой образъ запившаго садовника («Гулянье»—его же)—могутъ за-

ставить глубже почувствовать отвращеніе къ этой пагубной страсти. Но не можетъ быть, чтобы авторъ вооружился противъ пьянства на основаніи какихъ нибудь отвлеченныхъ соображеній. Онъ, вѣроятно, знаетъ, что начавшій неумѣренно пить, не можетъ больше прожить, если онъ механическій работникъ—18 л.,—купецъ, лавочникъ или торговецъ—17 л.,—ученый и вообще занятый умственной работой—15 л., а женщины даже—14 л., (исключенія рѣдки); вѣроятно онъ также знаетъ и другія отношенія смертности между чрезмерно употреблявшими крѣкіе напитки и людьми, ведущими болѣе или менѣе нормальную жизнь, хотя бы на основаніи фактовъ, цитированныхъ г. Эгелемъ въ его статистическомъ сборникѣ. Отчего же онъ не говоритъ о дѣлѣ прямо, безъ подходовъ, безъ пустыхъ аллегорій? Неужели можно думать, что народъ не сознаетъ убѣдительности положительныхъ выводовъ? Какъ видно, авторъ допускаетъ слишкомъ большое влияніе суевѣрія на умъ простолюдина. А другими изданіями (напр. Сказка о купцѣ Остолопѣ и работникѣ Балдѣ), напротивъ, стараются уничтожать въ народѣ суевѣріе: тамъ чертъ является не господиномъ надъ людьми, а работъ, подвластнымъ Балдѣ; тамъ идея безъ всякихъ фигуръ говоритъ сама за себя. Думать же дѣйствовать на народъ комизмомъ, ироніей, а тѣмъ болѣе юморомъ—разительная ошибка, даже и при бѣгломъ взглядѣ на предметъ. Какъ комизмъ, такъ юморъ и иронія не такъ сильны для простолюдина, какъ для болѣе или менѣе образованнаго человѣка. Низшій классъ поражается только сильными, ужасными образами. Но неужели этимъ орудіемъ можно дѣйствовать на человѣка? Вообще мы думаемъ, что прежде чѣмъ начать писать для народа, нужно откинуть предзанятія воззрѣнія, нужно смотрѣть на своихъ читателей, какъ на способныхъ понять всякое благородное стремленіе; а знаніе народа не позволить удалиться въ сферу заоблачныхъ мечтаній и слѣдаться чуждымъ и непонятнымъ народному духу. Если книга является для насъ проводникомъ какой нибудь живой идеи, если мы сами ищемъ въ ней разрѣшенія интересующихъ насъ вопросовъ,—то мы должны понимать, что и народъ имѣетъ право ждать отъ насъ книгъ, въ которыхъ бы онъ находилъ разумные отвѣты на вопросы его быта. Если мы заботимся о приобрѣтеніи даже прямо и не нужныхъ знаній—на это у насъ есть время; простолюдинъ же не можетъ такъ располагать собою: у него времени слишкомъ мало, и потому несправедливо—навя-

зывать ему лишніа для него свѣдѣнія. Онъ нуждается пока въ самомъ существенномъ и необходимомъ.

Вообще намъ остается повторить, что наши заботы объ изданіи книгъ для народа какъ-то плохо достигаютъ успѣха. Есть ли это результатъ нашей индивидуальной неспособности дѣлать дѣло, или же своего рода фатумъ—во всякомъ случаѣ—это фактъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ возможенъ успѣхъ, если мы станемъ снабжать простолюдина разсказами о чертяхъ и вѣдьмахъ, приписывая имъ причины общественныхъ явленій? Гдѣ ужь быть добру тамъ, гдѣ приглашаютъ народъ вѣрить въ темныя силы демонологіи во свѣми ея атрибутами—ужами, ящерицами, лягушками, падалицами и остальною преисподнею свитою!

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

BRIEFWECHSEL UND GESPRÄCHE ALEXANDER VON HUMBOLDT'S MIT EINEM JUNGEREN FREIENDE. (Переписка и бесѣды Александра фонъ Гумбольдта съ однимъ молодымъ другомъ отъ 1847 года до 1856 года.)
BERLIN. 1861.

Есть ли какое нибудь дѣло русской публикѣ до переписки и бесѣдъ Гумбольдта съ его молодымъ другомъ?—Есть или нѣтъ—это зависитъ отъ степени интереса, который могутъ представить самыя письма и бесѣды Гумбольдта. Если они сколько-нибудь похожи на всѣмъ извѣстныя письма нашего знаменитаго соотечественника, Карамзина, то, разумѣется, до нихъ не будетъ никому никакого дѣла; напротивъ, если эти письма и бесѣды, по содержанію своему, касаются тѣхъ самыхъ предметовъ, на которыхъ великій ученый съ такимъ успѣхомъ и энергіей упражнялъ свою мыслительную силу въ своихъ обнародованныхъ сочиненіяхъ, то они достойны вниманія всѣхъ людей. Переписка Гумбольдта съ Фарнгагеномъ, извѣстная отчасти и русской публикѣ и еще не такъ давно изданная дѣвицею Ассингъ, ясно обнаружила—чего стоятъ, въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ людей, откровенныя признанія, мысли, взгляды, надежды и сомнѣнія такого человѣка, какъ Гумбольдтъ. Книга, поставленная нами въ заглавіи, не имѣетъ такой значительности, но вниманія она все таки достойна гораздо болѣе, чѣмъ многое множество другихъ книгъ, нами прочитанныхъ и читаемыхъ. Фарнгагенъ, какъ извѣстно, былъ старымъ другомъ Гумбольдта: одинаковость

возвръннй на ту соціальную среду, въ которой они жили, одни и тѣже политическія симпатіи и антипатіи, тотъ же разочарованный либерализмъ, доходившій почти до ненависти и презрѣнія къ человѣческому племени, тотъ же ѣдкій и сатирической юморъ, наконецъ самая продолжительность короткихъ отношеній,—всѣ эти обстоятельства давали Гумбольдту поводъ и время высказаться о такомъ множествѣ предметовъ, какого въ новыхъ его бесѣдахъ мы не встрѣчаемъ, и высказаться такимъ образомъ, какъ не высказываются предъ молодыми друзьями. Новый корреспондентъ и собесѣдникъ Гумбольдта — боннскій студентъ; доступъ къ великому ученому онъ получилъ вслѣдствіе старинныхъ семейныхъ связей; чести бесѣдовать съ Гумбольдтомъ онъ удостоивается только изрѣдка, по временамъ, при чемъ никогда не забываетъ того почтительнаго разстоянія, въ которомъ естественно долженъ былъ находиться предъ авторитетомъ Гумбольдта; подобныя бесѣды онъ считаетъ за событія своей жизни и каждый разъ заноситъ ихъ на бумагу: изъ этого и изъ значительнаго количества писемъ составилаь книга. «Что особенно побуждало меня записывать, — говоритъ молодой человѣкъ, — такъ это громадное и живое впечатлѣніе, которое я выносилъ всякій разъ изъ моихъ личныхъ сношеній съ Гумбольдтомъ. Я желалъ также сохранить въ оригинальной рельефности все то, что могъ удержать въ памяти—отъ обилія высоко-разумныхъ словъ, благородныхъ мыслей, внезапныхъ замѣчаній этого единственнаго человѣка, котораго я имѣлъ счастье слышать изустно, и не хотѣлъ допустить, чтобы все это обратилось въ одни только смутныя воспоминанія и общія представленія.» Мы съ своей стороны обязаны позаботиться о томъ же самомъ, и потому, дорожа всякою характеричною подробностію, прослѣдимъ разговоры Гумбольдта по порядку, встрѣчаемому въ книгѣ.—Письма не представляютъ особеннаго интереса: извѣстно, что Гумбольдтъ, по своимъ громаднымъ связямъ съ людьми всевозможныхъ профессій, обязанъ былъ писать ихъ по 3000 въ годъ; стало быть понятно, почему большая часть этихъ писемъ не могла быть ничѣмъ другимъ, какъ простыми записками въ нѣсколько строкъ.

Намъ слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельстве: нашъ авторъ скрываетъ свое имя, вѣроятно—изъ скромности. Тѣмъ не менѣе книга его представляетъ столько внутреннихъ доказательствъ правдивости и искренности, что въ подлинности

всего того, что въ ней разказывается, не имѣется никакого сомнѣнія.

«Осенью 1848 года, говоритъ авторъ, я возвратился изъ боннскаго университета, чтобы провести вакаціи у моего дѣдушки, епископа (*протестантскаго*), который въ то время, на закатѣ своей тревожной жизни, жилъ уединенно въ своемъ имѣніи, близъ Потсдама. То было время величайшаго политическаго броженія Германіи. Я долженъ сказать, что дѣдушка мой, подѣ влияніемъ послѣднихъ впечатлѣній, былъ окончательно закаленъ въ энергіи патриотическихъ чувствъ. Наши бесѣды переходили отъ политики къ цивилизаціи, но чаще всего мы измѣряли очевидные успѣхи цивилизаціи съ начала текущаго столѣтія. При одномъ изъ такихъ случаевъ мнѣ довелось упомянуть о боннскомъ академическомъ обществѣ, основанномъ моими друзьями, которое имѣло своею цѣлю чтеніе и объясненіе *Космоса* сообщая, и потому получило названіе *Космическаго кружка*. Космосъ былъ тогда еще во всей своей новизнѣ и имя Гумбольдта, болѣе чѣмъ когда нибудь, переходило изъ устъ въ уста. Личныя отношенія моего дѣдушки къ этому могущественному уму усугубляли интересъ разговора. Моимъ распросамъ не было конца, такъ что дѣдушка кончилъ тѣмъ, что рѣшился представить меня Гумбольдту.»

Первое свиданіе произошло 4 декабря 1848 года: «Гумбольдтъ былъ тогда въ потсдамскомъ королевскомъ замкѣ. Я встрѣченъ былъ человѣкомъ, который ожидалъ меня во внутреннемъ дворѣ; взбѣжать по лѣстницѣ для меня было дѣломъ одной минуты; двери отворились, затворились, и я очутился въ кабинетѣ Гумбольдта. То была большая тѣнистая комната, въ которую веселый свѣтъ проникалъ сквозь широкое венеціанское окно. Простая и только самая необходимая мебель, нѣсколько портретовъ по стѣнамъ въ стилѣ Возрожденія, большіе и маленькіе столы и столики, заваленные книгами, портфѣйли, бумаги: все, даже на первый взглядъ, обозначало комнату ученаго. Гумбольдтъ сидѣлъ за своимъ бюро около окна и писалъ. Я часто слышалъ о его небольшомъ ростѣ, тѣмъ не менѣе я воображалъ, что онъ выше; напротивъ, величавое выраженіе генія въ чертахъ его лица превзошло мои ожиданія. По своему всегдашнему обыкновенію принимать новыя лица, онъ былъ во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ. Онъ дружжелюбно протянулъ мнѣ руку, заставилъ ме-

ня съѣсть и тотчасъ завязалъ разговоръ: «Вы внукъ епископа ***? Вы изучали исторію въ боннскомъ университетѣ?» И вотъ я сразу пускаюсь разказывать, какіе я слушалъ курсы и у какихъ профессоровъ, какое участіе принималъ въ университетской жизни. Я, конечно, упомянулъ о *Космическомъ кружкѣ* и о томъ чувствѣ уваженія, которое внушило первую мысль о немъ. Гумбольдтъ время отъ времени прерывалъ меня то вопросомъ, то замѣчаніемъ. Онъ выразилъ свое мнѣніе о боннскихъ профессорахъ и въ особенности отдавалъ справедливость заслугамъ Велькера. * Гораздо менѣе онъ оказался расположеннымъ къ Дальману, ** и именно къ его политическимъ воззрѣніямъ. «Его политическая система,—говорилъ онъ,—которая обнаруживаетъ претензію предложить конституцію, обтесанную по образцу англійской, уже по одному этому—вещь совершенно несостоятельная; потому что дѣлать себѣ идеалъ изъ конституціи какого бы то ни было народа — значитъ не признавать неизбѣжныхъ особенностей, вытекающихъ изъ историческихъ судебъ народа, и отвергать, въ нѣкоторомъ родѣ, право, свойственное всякой народности, развиваться по своимъ собственнымъ законамъ. Англійская конституція,—какъ бы ни были драгоценны элементы свободы, въ ней заключающіяся,—тѣмъ не менѣе есть продуктъ совершенно островитянскій и океанической, и не можетъ быть просто на-просто предложена для подражанія государствамъ континентальнымъ, которыя—происхожденія вулканическаго. Что касается собственно Германіи, то она, по огромному числу своихъ умственныхъ центровъ и по отсутствію въ ней политической столицы, кажется, наиболѣе проникнута, чѣмъ какая либо другая германическая нація, антироманскимъ принципомъ децентрализаціи, въ чемъ она похожа на античную Грецію и вѣнѣшнюю Италію. Задача, которую предстоитъ ей рѣшить, состоитъ, очевидно, въ томъ, чтобы слить эти два элемента—политики и разума, безъ ущерба обоимъ, а не въ томъ, чтобы пренебрегать политикой какъ это она дѣлала доселѣ, подъ вліяніемъ своихъ, стремленій къ универсальному развитію.»

«Гумбольдтъ перешолъ къ другимъ предметамъ. Рѣчь его текла съ легкостію и изяществомъ, и мысль безъ затрудненія находила выраженіе — сильное, ясное и мѣткое. Закрывъ глаза, можно было подумать, что слушаешь тридцатилѣтняго человѣка;

* Знаменитый филологъ и мнѣологъ.

** Извѣстный историкъ.

но даже и не прибѣгая къ этому и просто смотря на его сѣдые волосы и его способъ держаться—немного сгорбившись, который показывалъ приближеніе восьмидесятаго года, я ни разу не вспомнилъ, что вижу передъ собой преклоннаго старика. Можно было сказать, что онъ не только проникъ въ тайны природы, но что онъ открылъ также секретъ юности. Когда я всталъ, чтобы проститься, то не могъ не выразить удовольствія касательно этой юношеской крѣпости, присоединивъ къ этому желаніе, чтобы она продлилась еще на долгія времена. «Да,—отвѣчалъ онъ,—если чего слѣдуетъ держаться, такъ это молодости; мы всѣ стремимся къ тому, чтобы никогда не стариться; въ 50-мъ году мнѣ будетъ восемьдесятъ лѣтъ: я сохраняю мой постъ около короля; по крайней мѣрѣ, я сохранилъ привычку трудиться до двухъ и до трехъ часовъ утра, нисколько не терпя отъ этого. Политическія движенія тоже не отвратили меня отъ моихъ занятій; большая часть людей перепугалась того, что случилось: только не я. Я давно предвидѣлъ, что это должно случиться; я желалъ только, чтобы оно произошло другимъ способомъ; дѣлать уступки слѣдовало начать назадъ тому семь—восемь лѣтъ; сверху, слѣдовало подчиниться движенію времени, вмѣсто того, чтобы противиться ему, что окончилось разрывомъ всѣхъ возможныхъ шлюзовъ. Но наперекоръ всему меня не покидаетъ увѣренность въ добръ: современемъ все устоится.» Я замѣтилъ, что люди были бы совершенно равнодушны къ своимъ лѣтамъ, если бы умѣли, подобно ему, сохранить эту молодость и эту свободу ума. «Да, да,—возразилъ онъ съ живостію,—я чрезвычайно доволенъ, что вижу еще — эти времена.»

Послѣ этого перваго свиданія дѣдъ нашего студента получилъ отъ Гумбольдта записку такого содержанія: «молодое поколѣніе выступаетъ на сцену въ эпоху, которая чревата грозною будущностію. Теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, наряду съ развитіемъ мыслительной способности, слѣдуетъ заботиться обо всемъ, что только даетъ силу душѣ и крѣпость характеру. Исторія научаетъ, что въ неизбѣжномъ и таинственномъ развитіи человѣчества никогда не должно отчаиваться за настоящее.»

Слѣдующее свиданіе боннскій студентъ имѣлъ съ Гумбольдтомъ уже по смерти своего дѣда, въ слѣдующемъ году, въ Берлинѣ. Оно происходило тѣмъ же порядкомъ, т. е. отъ занятій молодого человѣка Гумбольдтъ снова перешолъ къ политикѣ: Гумбольдтъ за весьма многія вещи упрекалъ Ранке, особенно

за его политическія тенденціи. Безъ сомнѣнія, — говорилъ онъ, — нѣтъ ничего болѣе желательнаго для народовъ, какъ спокойное органическое развитіе; но эти полуфилософскія, полуартистическія построенія, которыя съ такою легкостію выдаютъ настоящее за рациональный продуктъ историческаго развитія, нужно принимать съ большою осторожностью. Я не нахожу у Ранке ни глубины, ни свободы чувства — этого необходимаго условія свободнаго и глубокаго историческаго воззрѣнія. Вспомните только его поверхностный очеркъ Лютера въ *Исторіи Реформаціи*. А насколько еще ниже и этого можно поставить его *Исторію Пруссіи*, гдѣ онъ старается смягчить жестокости Фридриха-Вильгельма 1-го, государя, который въ такой высокой степени олицетворялъ въ себѣ весь ужасъ деспотизма! То, что онъ говоритъ о Фридрихѣ Великомъ, слишкомъ обыкновенно, въ особенности глава — о друзьяхъ этого короля. Что у Ранке вышло лучше всего, такъ это именно то, что онъ самъ менѣе всего цѣнитъ, — то есть, *Исторія южной Европы* и *Исторія Сербіи*. Кромѣ всего, — продолжалъ Гумбольдтъ, возвращаясь опять къ Лютеру, — очень стоитъ посмотрѣть, насколько ослабѣваетъ преобразовательная энергія Лютера при самомъ началѣ крестьянской войны. Есть его письма къ начальствамъ нѣмецкихъ городовъ, въ которыхъ онъ заклинаетъ ихъ — вѣшать, разстрѣливать и истреблять крестьянъ всѣми возможными способами. Къ несчастію, подобныя совѣты въ подобныхъ обстоятельствахъ — явленіе довольно общее.

«Заговоривъ потомъ о моемъ дѣдушкѣ, Гумбольдтъ высказалъ: «могъ ли такой человѣкъ стоять на сторонѣ, противной свободному человѣческому развитію? Какъ ни была высока общественная ступень, которую онъ занималъ, онъ всегда оставался человѣкомъ, и въ этомъ качествѣ не могъ почитать для себя посторонними интересы своего народа и человѣчества. Я, точно такъ же, никогда не переставалъ интересоваться событіями моего времени, особенно усиліями въ пользу германскаго единства, хотя оно пока еще представляетъ трудности, почти непобѣдимыя. 48-ой годъ былъ годомъ революціи, 49-ый — реакціи. Тѣмъ не менѣе мы все-таки подвинулись. По крайней мѣрѣ, въ Пруссіи открыто выражаютъ убѣжденіе, что старыя времена прошли. какъ даже самъ Радовитцъ * принужденъ былъ выразиться, сказавши въ своей замѣчательной рѣчи, что «нужно будетъ по-

* Министръ и главный совѣтникъ прусскаго короля въ 1849 г.

крыть голову стыдомъ, если сеймъ возстановится.» Что касается до Австріи—это другое дѣло. Она всегда будетъ стоять во главѣ мрачной партіи, которая въ исторіи работаетъ бокъ-о-бокъ съ партією свободы.»

«Онъ умолкъ. Я не могъ не высказать, какъ я почиталъ себя счастливымъ — слышать такія слова изъ такихъ устъ. Онъ прервалъ меня съ живостію: «Но развѣ вы сомнѣвались когда-нибудь въ моихъ чувствахъ? Я опредѣлилъ мои стремленія съ 1789 года, и это, мнѣ кажется, довольно ясно читается во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ.»

Бесѣда продолжалась: «Мнѣ кажется,—спросилъ онъ меня,— вы имѣете брата?»—Я рассказалъ ему объ его арестѣ, судѣ и заключеніи.— «Это возмутительно,—воскликнулъ Гумбольдтъ,— впрочемъ, — прибавилъ онъ улыбаясь, — ампистія мнѣ кажется неизбѣжной. Нѣтъ сомнѣнія, что Ганноверъ—дурная мѣстность для движеній такого рода. Если бы я попался въ когти Эрнесту Августу, онъ бы меня тотчасъ повѣсилъ, не сталъ бы откладывать и до завтра. Я таки частенько шолъ ему поперекъ, и здѣсь, и въ Потсдамѣ, и онъ знаетъ что приглашеніе сюда трехъ профессоровъ изъ Геттингена устроено, главнымъ образомъ, при моемъ содѣйствіи. Онъ никогда не могъ забыть этого. Одинъ разъ онъ даже напрямки разговорился со мною: «Ну, — Гумбольдтъ, вы все еще республиканецъ, и живете въ Sans-Souci? Вы слишкомъ много цѣны придаете профессорамъ. Этого народу всегда можно достать за наличныя деньги, какъ нѣмецкихъ ремесленниковъ, или какъ то, что по французски называютъ *des p...* Да, ихъ всегда можно достать за наличныя деньги.»—Гумбольдтъ въ то же время старался подражать голосомъ ганноверскому королю, что его самого заставляло отъ души смѣяться; потомъ онъ продолжалъ: «Но я сказалъ ему на это: вы ошибаетесь; вы слишкомъ много побились съ вашими деньгами, и однако ничего за нихъ не достали. Съ тѣхъ поръ онъ меня возненавидѣлъ и, конечно, повѣсилъ бы съ удовольствіемъ.»

Въ слѣдующую за тѣмъ бесѣду молодой другъ Гумбольдта вздумалъ развивать предъ нимъ свои философскія воззрѣнія. Къ великому моему удивленію,—говоритъ молодой человекъ,—онъ наположительнѣйшимъ образомъ отклонилъ отъ себя всякую компетентность въ философіи. — «Я никогда,—говорилъ онъ,— не обращалъ довольно вниманія на эти вещи. Единственная философія, въ которой я немного смыслу, это философія Канта.

Что до остального, то я имѣю кое-какую отрывочную начитанность, но я никогда не имѣлъ досуга поразмыслить объ этихъ матеріяхъ, чтобы имѣть объ нихъ основательное знаніе. Вы могли замѣтить это по Космосу, изъ котораго я строго исключилъ всякіе спекулятивные вопросы.»

«Я хорошо зналъ омерзѣніе Гумбольдта къ извѣстной философіи, но я былъ удивленъ непріязненностью, которую, какъ мнѣ казалось, онъ обнаруживалъ вообще къ философамъ. Я высказалъ ему, что меня именно Космосъ и обратилъ къ философскимъ занятіямъ, заставивъ меня размышлять о природѣ духа и міра.»

«Безъ сомнѣнія,—возразилъ Гумбольдтъ, — Космосъ касается-таки многихъ вещей, но вѣдь часто также случалось, что книга открывала пробужденному разумѣнію такіе пути, о которыхъ самъ авторъ никогда и недумалъ. Но,—добавилъ онъ, — не смущайтесь, разговаривайте, если вамъ угодно.»

«Я началъ излагать свои идеи; Гумбольдтъ время отъ времени вставлялъ свои замѣчанія, которыя главнымъ образомъ касались — специфическаго состоянія тѣлъ, вѣчности вселенной, жизненной силы и различія между матеріей органической и неограниченной. По его мнѣнію, все, что ни существуетъ въ мірѣ, искони существовало въ сѣмени; все, что ни происходитъ въ природѣ, отъ всей вѣчности заключалось въ общемъ планѣ. «Или лучше,—прибавилъ онъ, продолжая самого себя,—можетъ быть не въ общемъ планѣ, потому что такой способъ говорить—вовсе нефилософскій и кажется означающимъ, будто Богъ, отдѣльный отъ міра, обдумывалъ міръ, прежде чѣмъ сотворить его. Но продолжительность вселенной не можетъ быть иначе понимаема, какъ безъ конца и начала. Темная сторона матеріи,—это специфическое состояніе тѣлъ. Какъ объяснить бытіе различныхъ сущностей (*субстанцій*), какъ напр., различныхъ видовъ земли, металловъ и проч.? золото не превращается въ серебро, ни серебро въ золото. Пока мы имѣемъ подъ руками тѣла сложныя, мы дѣйствуемъ на нихъ посредствомъ химическаго анализа; но въ концѣ всякаго анализа оказывается простое, первичное, специфическое. И ужь тутъ тайна. Я вѣрилъ когда-то въ жизненную силу, особливую въ каждомъ тѣлѣ, но я давно отсталъ отъ этой идеи. Я считаю такъ же ложнымъ то мнѣніе, которое даетъ органическому міру гораздо позднѣйшее происхожденіе, чѣмъ неорганическому, и которое на послѣдней ступ-

неи дѣльной серіи ставить совершеннѣйшее органическое созданіе. Эта серія имѣетъ перерывы, и притомъ весьма поразительные. Я называю тѣлами неорганическими тѣ, которыхъ части соединены между собою по законамъ химическаго сродства, а органическими тѣ, которыхъ части, бывъ отдѣлены отъ цѣлаго, измѣняютъ свое строеніе, хотя свойство среды остается тоже самое. Такимъ образомъ таинственный законъ управляетъ всѣми частями организма, который существуетъ по-стольку, по-скольку всѣ его части вдругъ и взаимно содѣйствуютъ цѣлому, какъ средству и какъ цѣли. Что касается до того, насколько подобныя опредѣленія помогаютъ рѣшенію задачи—это другое дѣло». Вслѣдъ за тѣмъ онъ перешолъ къ философіи: «Любознательные умы, подобные вашему, не понимаютъ, какъ я могъ прожить восемьдесятъ лѣтъ, не познакомившись съ философіей. Я тоже самое имѣлъ случай высказать внуку Гёте, человѣку, сказать мимоходомъ, одаренному гораздо лучше, чѣмъ какъ объ этомъ вообще думаютъ: онъ боится только литературной публичности, по причинѣ великаго имени, которое носить. Я знаю, что у васъ нѣтъ намѣренія забить мнѣ въ голову философскую систему. Но въ эти послѣдніе годы я сдѣлалъ удивительныя наблюденія. Вслѣдъ за появленіемъ моего Космоса ко мнѣ изъ всѣхъ странъ начали сыпаться увѣсистыя манускрипты—объ образованіи звѣздъ, о планетныхъ переворотахъ, о синтезѣ вселенной. Всякій хотѣлъ показать, что у него свой Космосъ въ брюхѣ, но я могу сказать по истинѣ, что изъ всего этого я извлекъ очень мало пользы.»

«На мои учащенные извиненія, что я завелъ рѣчь о философіи, онъ мнѣ отвѣчалъ: «Когда вы еще придете ко мнѣ, я буду имѣть удовольствіе бесѣдовать съ вами объ исторіи. У меня есть историческія произведенія, которыя могутъ вамъ пригодиться. Знаете ли вы *Пролегомены* Готфрида Мюллера?» На мой отрицательный отвѣтъ—онъ повелъ меня въ свою библіотеку, отыскалъ *Пролегомены* и нѣсколько другихъ произведеній, и предложилъ всю библіотеку моему распоряженію.

Въ слѣдующій разъ разговоръ былъ, дѣйствительно, объ исторіи; Гумбольдтъ началъ опроверженіемъ гипотезы извѣстнаго филолога Росса, который полагалъ, что Греція въ древности была занята саметико—ассирійскими племенами: «Россъ,—говорилъ онъ,—одинъ изъ лучшихъ нашихъ еллиновъ; онъ даже и въ этомъ случаѣ высказалъ смѣлую мысль, но я боюсь, что она

несколько не правдоподобна. Въ самомъ дѣлѣ, онъ утверждаетъ, будто гиксы, наводнившіе Египеть, были семитическимъ племенемъ, которое оттуда разсѣялось по сѣверному прибрежью Африки, по островамъ Средиземнаго моря, и ужь отсюда перешло въ Грецію. Въ подтвержденіе этой гипотезы приводятъ, на примѣръ, колонну, найденную на островѣ Лесбосѣ, правда, довольно напоминающую ассирійское искусство и покрытую финикійскими надписями; правда и то, что между ассирійцами и финиکیанами разстояніе не слишкомъ большое. Но, съ другой стороны, греки съ самыхъ древнѣйшихъ временъ имѣли склонность чуждаться сколько возможно всѣхъ вообще варваровъ. Духъ еллинскій, который нашолъ для себя выраженіе въ языкѣ, рѣшительно не показываетъ близкаго сродства съ духомъ семитическихъ народовъ. Греки народъ антропоморфическій, который стремился—облагородить всю жизнь очеловѣченіемъ ея, и вовлечь все въ кругъ прекраснаго. Семиты, напротивъ того, народъ болѣе мрачнаго характера; они напоминаютъ мексиканцевъ, со всѣмъ ихъ свирѣпымъ варварствомъ. Припомните до какой глубочайшей древности греки отодвигали даже пеласгическія времена. Они говорятъ о пеласагахъ почти такъ же, какъ профессоры лейпцигскаго университета о померанійцахъ, а между тѣмъ они не смотрѣли на нихъ какъ на иноземныхъ варваровъ. Сочиненіе Росса во всякомъ случаѣ, однако, достойно вниманія.

«Я выразилъ мое удивленіе къ тому, что Гумбольдтъ, при всѣхъ своихъ открытіяхъ, находилъ еще время читать обо всемъ, по всѣмъ областямъ знанія. «Это очень просто; — отвѣчалъ онъ,—я всегда чужимъ произведеніямъ придавалъ болѣе значенія, чѣмъ своимъ собственнымъ, и такъ какъ здоровье мое позволяетъ мнѣ заниматься ночью, то я и управляюсь съ этимъ дѣломъ. Но я обладаю еще начитанностію, которой вы, можетъ быть, не подозреваете. Моя служба при королѣ обязываетъ меня слѣдить за жалкою политикою дня; потому что нѣтъ никакой возможности работать надъ тѣмъ, чего не прочитаешь самъ, и вы никогда порядкомъ не узнаете даже самаго дѣла, если будете прибѣгать къ посредникамъ. Такимъ образомъ я прошедшую ночь провелъ въ чтеніи новой брошюры о федеративномъ порядкѣ *. Это совершенно особаго рода чтеніе.»

Не смотря на явно высказанную нетерпимость къ философіи,

* Дѣло касается федеративнаго порядка, которымъ Пруссія, послѣ 48-го года, хотѣла замѣнить Германскій Союзъ.

Гумбольдтъ въ одну изъ послѣдующихъ бесѣдъ, самъ завелъ философскій разговоръ, хотя лишь для того, чтобы еще болѣе подтвердить свое прежнее сужденіе.

«Вы все еще продолжаете слушать Мишле? *—спросилъ онъ меня.—Я сказалъ, что дѣйствительно слушалъ лекціи логики у этого профессора и энциклопедію философскихъ наукъ, при чемъ сообщилъ ему нѣсколько подробностей о дѣятельности чистой мысли, которыя, казалось, забавляли его. «Вы знаете,—сказалъ онъ, улыбаясь,—что, не смотря на свое званіе берлинца, — я не нахожу никакого вкуса въ этой философіи фокусъ-покусовъ, которая провозглашаетъ различіе и абсолютное тождество между бытіемъ и ничтожествомъ.» И разговоръ перешолъ къ естественнымъ наукамъ.

Мы могли уже замѣтить пристрастіе Гумбольдта къ историческимъ трудомъ. Однажды рѣчь зашла объ историкахъ французской революціи. «Было бы не умѣстно, — сказалъ онъ, — слишкомъ захваливать моего друга Тьера съ точки зрѣнія безпристрастности историческаго суда. Онъ пишетъ, безъ сомнѣнія, съ полнымъ знаніемъ дѣла и показываетъ все искусство практическаго дипломата; но національный французскій отпечатокъ немного чересчуръ замѣтенъ въ его сочиненіяхъ, и я у него нахожу также извѣстный гальскій догматизмъ въ идеяхъ.» Что касается до Ламартина, то онъ упрекалъ его за идеализацію Робеспьера. «Я не зналъ Робеспьера лично,—говорилъ онъ, — но я слышалъ отъ нѣкоторыхъ друзей моихъ, которые съ нимъ жили и были красными изъ красныхъ, что это былъ характеръ причудливый, упрямый, меланхолическій, но въ меланхоліи котораго ничего не представляется вашему чувству.»

Въ другой разъ рѣчь зашла о Нибурѣ, котораго курсъ греческой исторіи Гумбольдтъ подарилъ своему юному другу. «Нибуръ, говорилъ онъ при этомъ случаѣ,—имѣлъ одинъ огромный недостатокъ, котораго не заставятъ забыть его блистательныя способности и который поражаетъ и отвращаетъ отъ него читателя. Я зналъ его очень коротко, и мое сужденіе столько же основывается на этомъ личномъ знакомствѣ, сколько и на его трудахъ. Онъ никогда не возвышался до истинно-свободнаго и цѣлостнаго историческаго воззрѣнія; идея общей человѣческой свободы никогда не восходила на его горизонтъ; онъ

* Профессоръ философіи въ Берлинскомъ университетѣ, ученикъ Гегеля.

не выглядѣлъ въ исторіи стремленія человѣческаго рода къ свободѣ; онъ свободолюбивъ и либераленъ лишь какъ римлянинъ, какъ трибунъ; какъ только онъ подходитъ къ новой, и въ особенности къ современной, жизни, онъ слабѣетъ въ умѣ, пуфлет-ея. Отъ этого въ его характерѣ замѣчалась какая-то горечь, неуживчивость, которая никогда не давала ему выйти изъ разлада съ самимъ собою; въ средѣ нашего времени онъ находился не въ своей тарелкѣ, между противорѣчащими притязаніями — свободы и легитимизма. Вы знаете, что настоящею причиною его смерти было огорченіе, которое ему причинила іюльская революція. Въ этомъ отношеніи онъ всегда напоминаетъ мнѣ барона Штейна. Штейнъ приобрѣлъ славу рѣшительнаго либерала, и въ самомъ дѣлѣ, онъ уничтожилъ рабство и испортилъ корпорации; а между тѣмъ какъ баронъ нассаусскій, онъ упорно поддерживалъ всѣ феодальныя права, и въ заключеніе всего умеръ съ мыслию, что ему, можетъ быть, придется просить прощенья у Бога за уничтоженіе корпораций. У меня есть прощенье его писемъ, въ которыхъ очень ясно выражается такая неопредѣленность взглядовъ. Это вовсе не либерализмъ, какъ я его понимаю. Вы найдете ту же самую непослѣдовательность у Нибура, — даже въ подробностяхъ, какъ на примѣръ, въ его *Римской исторіи*, по поводу этрусковъ; воззрѣнія тутъ такого колебательнаго свойства, что наконецъ теряешь всякую возможность разобрать ихъ».

«Бесѣда, — продолжаетъ рассказчикъ, — незамѣтно перешла къ искусству древнихъ народовъ, нѣкоторыя проявленія котораго Гумбольдтъ охарактеризовалъ живыми и отчетливыми чертами. У ассирійцевъ, — по его мнѣнію, — преобладалъ характеръ орнаментальный, между тѣмъ какъ искусство Египтянъ гораздо пластичнѣе, съ существенными признаками характера монументальнаго, даже въ человѣческихъ фигурахъ: «Ихъ произведенія, — говорилъ онъ, — это фигуры, которыя выступаютъ передъ вами на горизонтѣ и въ которыхъ вы видите только ихъ громадныя контуры». Онъ указалъ, какъ на единственное исключеніе въ исторіи цивилизаціи, на совершенное отсутствіе эстетическаго чувства у евреевъ, не смотря на то, что они нѣсколько вѣковъ прожили съ египтянами, гдѣ не пренебрегали искусствомъ: «Въ искусствѣ еврей отомли, кажется, ниже самихъ финикійцевъ, которые, между тѣмъ, главнѣйшимъ занятіемъ своимъ почитали торговлю. Этотъ важный пробѣлъ хотятъ объяснить монумент-

этическимъ характеромъ еврейской религіи и страшными прещеніями жрецовъ противъ пластическихъ искусствъ. Но эти объясненія представляются недостаточными, если разсудить, что монотеистическая идея лежала такъ же въ основаніи политеизма нееврейскихъ народовъ, и если принять въ расчетъ тѣсную связь, которую мы повсюду замѣчаемъ между начатками искусства и религіозныхъ понятій. Конечный анализъ показываетъ, что религію известнаго народа нельзя отдѣлить отъ органическаго типа, на которомъ созидается его исторія».

Мы приведемъ въ этомъ мѣстѣ другую мысль Гумбольдта, изъ другой его бесѣды, касательно сущности религіи: «Я сейчасъ перелистывалъ книгу Фанни Льюолдъ объ Англии; эта дама хорошо подмѣтила нѣкоторыя стороны англійской жизни; у нея есть умъ и образованіе; но я натолкнулся въ ея книгѣ на одну мысль, которая показалась мнѣ странною, почти необъяснимою. Можетъ быть идея, о которой я хочу сказать, не болѣе, какъ одна изъ тѣхъ причудъ, которыя иногда возникаютъ у женщинъ, чтобъ тотчасъ дать мѣсто другимъ фантазіямъ. Она развиваетъ мнѣніе, будто настоятъ надобность улучшить христіанство. Я долженъ сознаться, что ничего не понимаю въ этихъ преобразовательныхъ проэктахъ. Политика задаетъ намъ, кромѣ того, столько дѣла, что мы сдѣлали бы нехудо, если бы избавили себя отъ заботъ такого рода. Впрочемъ вы, можете быть, въ состояніи предложить рѣшеніе на это?» Я возвратилъ, что и самъ останавливался на этомъ мѣстѣ книги, но что мнѣ показалось, будто авторъ говоритъ о распространеніи и проведеніи въ практическую жизнь идей, составляющихъ результаты новѣйшей науки.—

«Гумбольдтъ замолчалъ; я воспользовался случаемъ, чтобъ узнать его мнѣніе касательно гипотезы о туманныхъ пятнахъ, вышешной мнѣ чтеніемъ известной главы въ третьемъ томѣ Космоса. Я спросилъ у него, не можетъ ли теорія образованія нашей солнечной системы почитаться примѣнимою къ постепенному образованію небесныхъ тѣлъ въ этихъ отдаленныхъ пространствахъ; Гумбольдтъ отвергнулъ это: «Видсолнечное пространство,—сказалъ онъ,—до сихъ поръ не представляетъ пока феноменовъ, аналогичныхъ съ нашею солнечною системою; это—особенность нашей системы, что матерія въ ней концентрировалась въ туманныя кольца, въ серединѣ которыхъ образовалось потомъ твердое ядро, которое пошло наконецъ на образованіе

земель и лунъ. Въ солнечной системѣ до сихъ поръ ничего подобнаго не замѣчено. Гипотеза о незамѣтномъ переходѣ туманныхъ пятенъ въ небесныя тѣла, повидимому, говоритъ кое-что смыслу. Но я убежденъ, что всѣ эти пятна окажутся купами звѣздъ. На такое заключеніе даютъ, по крайней мѣрѣ, право замѣчательные результаты, которыми мы одолжены огромнымъ телескопамъ лорда Росса».

Вѣрный своей удивительной подчиненности результатамъ эмпирическаго изслѣдованія и своей привычки соображать съ ними свои общія воззрѣнія, Гумбольдтъ отказывался даже допустить, какъ аксіому, безконечность пространства. По этому поводу онъ говорилъ: «Область изслѣдованія расширяется по мѣрѣ усовершенствованія инструментовъ. Мы приходимъ въ состояніе все болѣе и болѣе проникать въ глубины пространства, и наука достигаетъ такимъ образомъ прогрессивныхъ успѣховъ; и нѣтъ сомнѣнія, что гораздо сообразнѣе съ нашими поватіями представлять этотъ прогрессъ не имѣющимъ никакихъ предѣловъ; и мы на самомъ дѣлѣ держимся такого воззрѣнія, потому что мы философствуемъ при посредствѣ человѣческихъ мозговъ. Но вы знаете, что Аристотель сомнѣвался въ безконечности пространства». Гумбольдтъ отвергалъ также мнѣніе о центральной точкѣ во вселенной, мнѣніе, которое подновлено было Медлеромъ. «Эта центральная точка, о которой столько говорили, ничто иное, какъ астрономическая шутка».

Въ нашей книгѣ есть также любопытныя мнѣнія Гумбольдта о вещахъ и людяхъ настоящаго времени. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Онъ очень строгъ былъ къ Гейне, котораго узналъ въ Парижѣ: «Его личность, говорилъ онъ, имѣла въ себѣ что-то не очень симпатичное. Что до его сочиненій, то блескъ его слога никогда не заставитъ васъ забыть отрывочность его мышленія; о нравственности тутъ не должно быть рѣчи, но вы никогда не доберетесь до послѣдняго слова его мысли».

Сужденіе Гумбольдта о Пьемонтѣ достойно замѣчанія по времени, въ которое оно было высказано (1851). «Пьемонтъ служитъ театромъ жизни и духа Італіи. Тутъ то же самое положеніе, какъ въ Германіи во времена Лютера. На почвѣ католицизма борются за свободу религіозную и политическую, и можно ожидать великихъ переворотовъ, если правительство устоитъ на пути либеральныхъ реформъ». Подобно всѣмъ нѣмцамъ,

Гумбольдтъ никогда не переставалъ удивляться Италіи вообще. «Какое дивное могущество произошло отсюда! Дантъ, Микель-Анджело, первые историки, первыя понятія о политической свободѣ, первыя основанія по всѣмъ отраслямъ естествовѣденія — анатоміи, ботаники, физики, всѣ, наконецъ, искусства — живопись, скульптура, музыка. Ни одинъ изъ новыхъ народовъ не обнаружилъ такой блистательной силы творчества. И ко всему этому, послѣ столькихъ униженій и такого гнета, сохранить еще столько благородства и гордости въ характерѣ! Объ Англіи Гумбольдтъ говорилъ: «Англійская свобода тоже, что хорошіе зубы. Объ нихъ не говоришь, когда ихъ имѣешь, а просто пользуешься ими, какъ естественными орудіями обыденной жизни. Въ Германіи философствуютъ о свободѣ, значить, что зубы болятъ. Участіе, которое въ Англіи принимаютъ женщины въ политической, умственной и соціальной жизни, сохраняетъ имъ ихъ свѣжесть до старости. Посмотрите на этихъ сестрствованныхъ и преждевременно одряхлѣвшихъ женщинъ, которыхъ вы такъ часто встрѣчаете въ Германіи, между тѣмъ какъ для дамъ французскихъ или англійскихъ, живущихъ въ гостинныхъ и въ обществѣ, настоящая молодость начинается только въ зрѣлыхъ лѣтахъ». Въ другомъ мѣстѣ, сравнивая Германію и Англію, Гумбольдтъ высказалъ: «Средства воспитанія, которыми мы располагаемъ, превосходны; но безъ нагляднаго знанія цивилизаціи и дѣлъ другихъ народовъ, безъ свободнаго обращенія въ иностранныхъ средахъ, у насъ всегда оказывается пробѣлъ въ воспитаніи отдѣльныхъ личностей; въ особенности по причинѣ отсутствія широкой общественной жизни. Въ Англіи, напротивъ, самая большая доля воспитанія дается общественною жизнію».

Прежде, чѣмъ кончить, мы должны еще указать на воззрѣнія Гумбольдта касательно изученія *Востока*, изученія, столь обильнаго за эти послѣдніе годы результатами и еще болѣе — общими: «Мы должны ожидать отъ *Востока* великаго возрожденія, которое для нашихъ понятій объ исторіи и развитіи человѣческаго рода будетъ тѣмъ же, чѣмъ было греко-римское *возрожденіе* пятнадцатаго вѣка. Открытія, сдѣланныя въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ въ Египтѣ, въ Ассиріи, въ Индіи, — одно только начало; а между тѣмъ они уже представили драгоценные матеріалы для исторической критики, расширили изученіе сравнительной философіи, этого вѣрнѣйшаго и часто единствен-

наго источника къ познанію первоначальной исторіи человѣчества. Но историческое небо *Востока* представляет, если я могу такъ выразиться, еще болѣе туманныхъ пятенъ, чѣмъ звѣздъ, и тутъ потребны орудія болѣе энергическія, чѣмъ какія употреблялись доселѣ, чтобы наполнить пространство этихъ историческихъ фелгій свѣтомъ и ясно очерченными фигурами. Очень многого можно ожидать отъ мирныхъ, ученыхъ экспедицій. Но и онѣ не принесутъ всѣхъ своихъ плодовъ, пока не будутъ опираться на полныя и прочныя коммерческія сношенія. Тутъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, ученые задачи оказываются въ тѣснѣйшей связи съ рѣшеніемъ вопросовъ коммерческихъ и политическихъ.

Вдѣсь все, что въ бесѣдахъ Гумбольдта съ его молодымъ другомъ мы могли слышать отъ него, чтобы предложить вниманію читателя. Два качества, характеризующія Гумбольдта, здѣсь особенно выступаютъ наружу: это его доброта и универсальность. Его собесѣдникъ обнаруживаетъ съ каждымъ разомъ все болѣе возрастающее удивленіе, что онъ во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія какъ у себя дома. Кажется, будто его сочиненія представляютъ только одну изъ сторонъ его генія и что еслибы онъ захотѣлъ, то такъ же могъ бы прославиться въ наукахъ историческихъ, какъ прославился въ естественныхъ. И потому, трудно представить что-нибудь любезнѣе того вида, какой представляетъ откровенность и безцеремонность столь прославленнаго и столь изящнаго генія въ отношеніи къ молодому человѣку, и трудно представить болѣе счастливую удачу для молодого разумнаго, какъ возможность бесѣдовать заочно, по домашнему, съ такимъ громаднымъ умомъ, который не знаетъ счета своимъ богатствамъ.

Намъ не вѣтъ нужды говорить, что извѣстный либераломъ Гумбольдта и то живѣйшее участіе, которое онъ принималъ въ движеніяхъ своей страны и своей родины, теперь получаютъ еще новое блистательное подтвержденіе.

L'ÉGLISE ET L'ÉTAT AU DIX-NEUVIÈME SIÈCLE, PAR LE DUC DE WALDE,
(ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО ВЪ XIX ВѢКѢ, СОЧ. ГЕРЦОГА ДЕ-ВАЛЬДА)
PARIS. 1861.

Подъ этимъ громкимъ заглавіемъ герцогъ де-Вальда издалъ краткій очеркъ отношеній церкви къ государству въ Франціи, съ прибавленіемъ своихъ мыслей о необходимости искомыхъ измѣненій во французскомъ законодательствѣ, по этому предмету.

ту. Сочиненіе это написано въ виду послѣдняго фазиса унитарныхъ стремленій Италіи и столкновеній, въ которыхъ борьба тѣхъ же двухъ идей, хотя при совсѣмъ иныхъ условіяхъ, отразилась во Франціи. Отсюда значительная часть положеній автора имѣетъ только временное значеніе; въ этомъ смыслѣ сочиненіе г. де-Вальми можно бы отнести къ литературѣ политическихъ брошюръ, которыхъ стало появляться во Франціи такъ много, вслѣдствіе нынѣшняго положенія журналистики и вслѣдствіе примѣровъ данныхъ выше. Но съ другой стороны, подлежащая книга, уже по самому объему выходящая изъ категоріи брошюръ, представляетъ нѣсколько положеній общихъ, которыя имѣютъ и безотносительно значеніе и, сверхъ того, она содержитъ краткій, но ясный взглядъ на происхожденіе и сущность такъ называемыхъ *свободъ* галликенской церкви, о которыхъ не многіе имѣютъ вѣрное понятіе. Въ этомъ отношеніи, книгу г. де-Вальми можно считать приобрѣтѣніемъ для французской литературы; мы же съ своей стороны находимъ въ ней поводъ познакомить нашихъ читателей съ сущностью вопроса, около котораго вращается теперь вся полигика возрождающейся, или уже возродившейся Италіи.

Начало отдѣленія идеи церкви отъ идеи государства авторъ видитъ въ одномъ изъ коренныхъ догматовъ христіанства: въ ученіи о свободной волѣ человека, прямо противоположномъ языческому вѣрованію въ непреложность рока. Какъ послѣдствіе ученія о свободной волѣ должна была явиться вѣротерпимость, которая, въ свою очередь, необходимо должна была вести къ раздѣленію властей свѣтской и духовной, смѣшивающихся одна съ другою подъ вліяніемъ начала нетерпимости. Въ моментъ появленія христіанской религіи въ римскомъ мірѣ, объ власти, духовная и свѣтская, были совершенно смѣшаны въ особѣ цезаря. Отдѣлать эти части одну отъ другой, установить взаимную независимость государства и церкви, свѣтскаго главы и первосвященника, воздать «цесарюво цесареви, а Божіе Богови»—таково было, говоритъ г. де-Вальми, направленіе христіанства. Послѣ трехвѣковой, геройской борьбы самоотверженія, основаннаго на вѣрѣ, съ преслѣдованіями, исходившими отъ смѣшанной языческой духовно-свѣтской власти, начала христіанской религіи восторжествовали. Но въ смыслѣ отдѣленія церкви отъ государства торжество это не было окончательнымъ: едва оно успѣло установиться, едва лишь удалось исповѣдникамъ христіанскаго ученія осуществить въ римской имперіи свободу вѣроисповѣданія, какъ

все зданіе рушилось отъ напора варваровъ, и объ власти, толь-
во что примирившіяся, были подавлены нашествіемъ новыхъ
язычниковъ. Христіанская вѣра восторжествовала опять; языч-
ники обратились, но политическое направленіе, сопровож-
давшее распространеніе христіанства въ древнемъ римскомъ
мірѣ, подъ вліяніемъ новаго язычества измѣнилось. Явились
опять смѣшеніе властей, нетерпимость и религіозныя пресѣдо-
ванія. Такимъ образомъ въ развитіи христіанской цивилизаціи
послѣдовалъ перерывъ. Во Франціи, при Меровингахъ, духовенство
пріобрѣло огромныя свѣтскія владѣнія и богатства, значительно
усиливавшія его средства къ подчиненію себѣ свѣтской власти.
Григорій Турскій въ хроникѣ своей приводитъ такія слова Хиль-
перика, преемника Клотаря I-го: «царствуютъ нынѣ епископы; къ
епископамъ большихъ городовъ перешло наше достоинство.» Обла-
дая обширными землями и, въ качествѣ защитниковъ городовъ, об-
леченные свѣтскою властью, епископы дѣйствительно имѣли въ сво-
ихъ рукахъ управленіе краемъ въ шестомъ и седьмомъ вѣкахъ.
Такъ какъ смѣшеніе обѣихъ властей установилось, какъ фактъ,
то понятно, что, начиная съ этой эпохи, оно переходитъ въ прин-
ципъ, въ ученіе, и проводится во всѣхъ средневѣковыхъ учрежде-
ніяхъ, тѣмъ легче, что превосходство нравственности и образова-
ности въ то время было также на сторонѣ духовенства. вмѣстѣ съ
тѣмъ, въ нѣдрахъ духовенства мало по малу увеличивается власть
папъ, которые вслѣдъ за тѣмъ, при первыхъ Карловингахъ, сдѣ-
лались и свѣтскими государями. Не ранѣе, какъ около начал
тринадцатаго столѣтія, проявляется значительная реакція противъ
злоупотребленій, происшедшихъ изъ смѣшенія духовной власти
со свѣтскою. Короли, при помощи своихъ вассаловъ, юрискон-
сультовъ и университетовъ, ограничили успѣхи духовенства въ при-
своеніи имъ свѣтскаго преобладанія. Въ 1268 году явилась праг-
матическая санкція Людовика С., которую многіе писатели счита-
ютъ основаніемъ привилегій галликанской церкви. Но актъ этотъ
содержитъ только постановленія подтверждающія разныя преимуще-
ства, которыми пользовались церкви и монастыри по принадле-
жавшимъ имъ имѣніямъ, и заключаетъ въ себѣ мѣры противъ са-
мовѣи, по отношенію же къ римскому двору освобождаетъ доходы
французскаго духовенства отъ разныхъ податей, наложенныхъ па-
пами. Привилегіи эти не имѣютъ ничего общаго съ собственно
такъ называемыми *привилегіями галликанской церкви*, которыя
кдуются къ эманципаціи французской народнои церкви отъ вав-

ской власти и даже подчиняютъ послѣднюю соборамъ. Въ настоящее время, когда между французскимъ духовенствомъ и правительствомъ возгорѣлась, по поводу итальянскихъ событій, борьба, въ которой ссылки на привилегіи галликанской церкви, на ея независимость отъ папской власти, являются безпрестанно повтораемымъ аргументомъ, интересно прослѣдить съ авторомъ книги, о которой мы отдаемъ отчетъ нашимъ читателямъ, въ чемъ именно заключаются и на чемъ основываются эти преимущества. Въ этомъ отношеніи трудъ г. де-Вальми тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ прибавленіяхъ къ нему помѣщены подлинные акты. Показавъ, что на прагматической санкціи Людовика Св. не могутъ опираться защитники галликанскихъ свободъ въ томъ смыслѣ, какой приданъ былъ этимъ привилегіямъ съ теченіемъ времени, авторъ переходитъ къ послѣдующимъ актамъ. Прагматическая санкція Карла VII, изданная въ Буржѣ, 1438 года, подтверждаетъ первую, развиваетъ ея постановленія относительно ограниченія финансовыхъ попытокъ римскихъ первосвященниковъ и, переходя въ область духовнаго, принимаетъ опредѣленіе констанцскаго собора, который призналъ за соборами власть независимую отъ папской. Но папа протестовалъ противъ узаконеній констанцскаго собора, и прагматическая санкція Карла VII, какъ исходящая отъ свѣтской власти, не можетъ, по мнѣнію г. де-Вальми, имѣть силы въ вопросѣ чисто духовномъ и показываетъ только пагубное смѣшеніе обѣихъ идей, государства и церкви, въ то время. Между тѣмъ власть напѣ въ католическомъ мірѣ постоянно возрастала, а приобрѣтеніе ими независимыхъ владѣній обезпечило первосвященниковъ отъ гоненій и принужденій со стороны свѣтскихъ государей. Но ставъ сами свѣтскими владѣтелями, папы поставили себя въ необходимость постоянного противорѣчія самимъ себѣ. Въ то самое время, когда, слѣдуя своему духовному призванію, они проповѣдывали единство католической церкви, свободу воли и равенство передъ закономъ Божиимъ, они должны были вести войны, прибѣгать ко всѣмъ ухищреніямъ политики, разъединять христіанскихъ государей, наконецъ участвовать въ общемъ порабоженіи, явившемся въ формѣ феодальнаго права и въ установленіи новой Феократіи, въ видѣ обязательнаго государственнаго вѣроисповѣданія. Смѣшеніе властей достигло до высшей степени, когда папы стали утверждать, что всѣ монархи должны повиноваться имъ въ дѣлахъ какъ духовныхъ, такъ и

свѣтскихъ. Григорій VII возмалъ это притязаніе въ догматъ и считалъ отступниками вѣры отрицавшими такое толкованіе. Иннокентій III установилъ инквизицію, и поочередно отлучалъ отъ церкви почти всѣхъ католическихъ государей. Такимъ образомъ папа возбудилъ противъ себя тотъ оппозиціонный духъ, который пережилъ вызвавшія его причины. Постоянно стараясь смягчить справедливые обвиненія противъ всей папской политики, духъ которой существенно не измѣнился и теперь, папа арторъ слагаетъ часть вины на средневѣковыя понятія, въ которыхъ гражданское и духовное совершенно смѣшались, и напоминаетъ благія стороны вліянія папъ въ средніе вѣка.

Однимъ изъ послѣдствій умственного движенія, называемаго подъ именемъ «возрожденія», былъ шагъ къ раздѣленію правъ духовной и свѣтской власти, совершившійся заключеніемъ между Францискомъ I и Людовикомъ X конкордата 1516 года, по которому инсигниатура епископовъ раздѣлена на казенную и гражданскую; такъ какъ епископамъ, сверхъ духовной власти, была присвоена власть феодальная, то папѣ предоставлено было удѣлить первую, пожалованіемъ избранному лицу короля; королю же должно было принадлежать сообщеніе послѣдней, врученіемъ папѣ. За этимъ парамъ шагомъ послѣдовалъ второй. Въ 1682 году, по приказанію Людовика XIV, французское духовенство, руководимое Боссуэтомъ, издало декларацію, первый пунктъ которой устанавливалъ принципъ совершеннаго отдѣленія власти свѣтской отъ власти духовной. Въ послѣдующихъ пунктахъ вѣтверждаются постановленія констанцкаго собора, въ томъ смыслѣ, что рѣшеніе папы не должно считаться непогрѣдимымъ декретомъ, оно не утверждаетъ согласіемъ церкви, а также всѣ обычаи и обычай французской церкви. Въ деклараціи этой обнаружилось, какъ стремленіе королевской власти, такъ и элементъ современной ренессансидеи, возбужденной работами вароленовской школы, умерщвленіемъ Генриха III и Генриха IV и наконецъ проклятіемъ, которое Иннокентій X, незадолго до изданія самой деклараціи, нарекъ протѣзъ германскихъ государей, приобретенныхъ по вестфальскому трактату владѣніямъ католической церкви. Папа не призналъ законности деклараціи 1682 года и отругнулъ всѣ ея пункты. Съ этого времени начинается провозглашеніе «универсальности», въ смыслѣ приверженности римскаго вѣдѣнія къ неизмѣнимости народной религіозной свободы. 7-го августа 1774 года первый пунктъ деклараціи, утверждающій незаконность про-

ить ее положеній съ католической точки зрѣнія. Извѣстно, что Боссуэтъ самъ въ послѣдствіи отрекся отъ положеній этого акта. Вместе съ тѣмъ нашъ авторъ однако замѣчаетъ, что папа юредизъ своему дѣлу тѣмъ, что не призналъ перваго пункта деклараціи.

Истиннѣйшія отношенія между властями духовною и свѣтскою во Франціи основаны на конкордатѣ, заключенномъ въ 1801 году, и на такъ называемыхъ органическихъ статьяхъ, утвержденныхъ клятвою за тѣмъ законодательнымъ вернусомъ, по предложенію конкордатовъ. По мнѣнію г. де-Вальми, первый консулъ не могъ заключить конкордата въ томъ видѣ, который придалъ бы этому акту значеніе окончательнаго разрѣшенія вопроса. Самое возстановленіе религіи встрѣчало столь сильную оппозицію, что ничего было и думать о полной эманципаціи духовенства, которая необходима для совершеннаго раздѣленія властей. Чтобы сдѣлать возстановленіе католической религіи возможнымъ, необходимо было подчинить отчасти духовную власть свѣтской и такимъ образомъ, держать смѣшенію обѣихъ. Для успокоенія же умовъ насчетъ признанія папской власти, нужно было подтвердить вольности галликацкой церкви. По конкордату католическая религія признана религіею большинства (*grande majorité*) французской націи; установлено свободное исповѣданіе католицизма и отправленіе его богослуженія, согласное съ зависящими отъ правительства полицейскими установленіями; свѣтская инвентура епископовъ (т. е. избраніе ихъ) предоставлена правительству; за первымъ консуломъ признаны, по отношенію къ папѣ, всѣ тѣ права и преимущества, которыми пользовалось прежнее правительство. Но отношенія, установленныя конкордатомъ, были значительно измѣнены тѣми дополненіями, которыя появились въ органическихъ статьяхъ. По первой и третьей изъ этихъ статей никакой актъ римскаго двора, и даже соборовъ, не можетъ быть ни обнародованъ, ни приводимъ въ исполненіе во Франціи, безъ дозволенія ея правительства, точно такъ же, какъ безъ его согласія (ст. 4) никакой соборъ въ самой Франціи не можетъ имѣть вѣста. Нунціи, легаты, амбасадеры и комиссары папскіе (ст. 2) не могутъ безъ разрѣшенія правительства исполнять никакой должности, касающейся дѣлъ галликацкой церкви. Въ случаѣ злоупотребленій со стороны духовныхъ лицъ, дѣйствія ихъ подлежатъ суду общаго ресударственнаго совѣта (ст. 6); въ числѣ такихъ злоупотребленій находятся нарушенія французскихъ каноничес-

кихъ постановленій, свободъ и обычаевъ галликанской церкви. Архіепископамъ дозволяется (ст. 12) прибавлять къ своему имени названія «гражданинъ» или «господинъ», но всякіе другіе титулы воспрещаются. Никакой церковный обрядъ не можетъ быть совершаемъ внѣ зданій, посвященныхъ католическому богослуженію, въ тѣхъ городахъ, гдѣ находятся храмы разныхъ вѣроисповѣданій (ст. 45), жалованья полагается: архіепископу — 15000 фр., епископу 10,000 фр., священникамъ перваго класса по 1,600 фр., втораго по 1,000 фр. (ст. 64, 65 и 66). Первые статьи прямо подчиняютъ церковь государству, послѣднія обращаютъ духовенство въ сословіе государственныхъ чиновниковъ.

Немедленно по изданіи органическихъ статей, папа протестовалъ. Г. де-Вальми замѣчаетъ, что хотя изданіе этихъ постановленій было необходимо для примѣненія положеній конкордата, но правительство поступило незаконно, не согласившись предварительно, насчетъ ихъ, съ тою властью, съ которой былъ заключенъ конкордатъ. Затѣмъ, отрицая законность органическихъ статей и рациональность существующихъ нынѣ во Франціи отношеній между духовною и свѣтскою властями, авторъ требуетъ ихъ отміны и предоставленія папамъ полной власти въ дѣлахъ духовныхъ, а духовенству духовнаго преподаванія, но съ тѣмъ, чтобы общее образованіе, даже приготавливающихся къ духовному званію, было отдано въ руки гражданскихъ наставниковъ, т. е., чтобы воспитаніе самого духовенства было *секуляризовано*; сверхъ того, чтобы государство было совершенно независимо отъ церкви, а церковь отъ государства; чтобы производство жалованья духовнымъ лицамъ было отмінено. Что касается до свѣтской власти папъ, то г. де-Вальми осуждая ее, предлагаетъ рѣшеніе не новое, а именно нейтрализованіе той части Рима, которая лежитъ на правомъ берегу Тибра, съ тѣмъ, чтобы папа имѣлъ тамъ свою независимую столицу. При этомъ авторъ совѣтуетъ Пію IX выйти изъ пассивнаго положенія; «non possumus», говоритъ онъ, не есть отвѣтъ, приличный государю, «non possumus» есть протестъ мученика вѣры; это такое оружіе, котораго свѣтскій государь въ лицѣ папы не имѣетъ права себѣ присвоивать. Если канонъ не рѣшается взять на себя всей отвѣтственности, пусть созываетъ соборъ, который бы уничтожилъ недоразумѣніе и недоувѣріе, существующія между либерализмомъ и служителями религіи.

Мы не будемъ разсуждать о томъ, практичны ли предлага-

ня г. де-Вальми мѣры; вся послѣдняя часть его труда имѣетъ характеръ политической статьи, все назначеніе которой состоитъ въ томъ, чтобы подвинуть данный вопросъ по желаемому направлению, не придавая высказанному въ ней рѣшенію характера окончательнаго приговора. Странно, что такое простое дѣло рѣшается нѣсколькими вѣками, вызвало громаднѣйшую литературу, и все еще остается нерѣшоннымъ. Слѣдуетъ, однакоже, принимать во вниманіе, что почти во всѣхъ западныхъ государствахъ снѣженіе обѣихъ властей состоитъ собственно въ нѣкоторомъ подчиненіи церкви государству, а не въ подчиненіи свѣтскихъ учреждений и законовъ духовной власти. О невыгодахъ этого послѣдняго положенія, такъ ясно обнаруживающихся въ гражданскомъ устройствѣ нынѣшней папской области, г. де-Вальми не говоритъ почти ничего; вообще объ этомъ предметѣ намъ рѣдко случается прочесть что нибудь у новыхъ писателей, такъ какъ для нихъ это вопросъ уже рѣшенный, котораго имъ не для чего возбуждать. О важности этого вопроса мы еще менѣе имѣемъ поводъ распространяться, скажемъ только, что отъ способа рѣшенія его зависитъ дѣйствительное осуществленіе вѣропримости. Инквизиція, религіозныя войны, событія въ родѣ иреломеевской ночи—вотъ крайности рѣшенія вопроса по одному способу, передъ которыми кажутся очень блѣдными всѣ крайности противоположнаго рѣшенія.

UJANA BARTOSZEWICZA HISTORIA LITERATURY POLSKIEJ. ИСТОРИЯ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, СОЧ. ЮЛИАНА БАРТОШЕВИЧА.) WARSZAWA. 1861.

По исторіи польской литературы есть довольно много сочиненій. Упомянемъ о главнѣйшихъ.

Въ 1814 году вышла въ Варшавѣ и Вильнѣ «Исторія польской литературы», представленная въ спискѣ напечатанныхъ сочиненій Бентковскаго, въ 2 томахъ. Сочиненіе это имѣетъ библиографическій характеръ и въ отношеніи библиографіи имѣетъ большую цѣну. Оно очень рѣдко.

Въ 1838 году вышелъ «Очеркъ исторіи польской письменности» Лукашевича; послѣднее изданіе въ Познани 1859 года. Это послѣднее изданіе можно считать совсѣмъ новымъ сочиненіемъ въ сравненіи съ первыми двумя, 1836 и 1838 годовъ. Сочиненіе это отличается полнотою.

Мицкевичъ въ лекціяхъ своихъ въ французскомъ коллегіумѣ славянскихъ литературахъ (1841—1844) представилъ блестя-

щую и глубокую оцѣнку нѣсколькихъ періодовъ польской литературы и увлекательно охарактеризовалъ нѣкоторыхъ писателей; но лекціи эти, помѣщенные въ шестомъ, седьмомъ и осьмомъ томахъ изданія, вышедшаго въ Варшавѣ въ 1858 году, не представляютъ полной картины польской литературы.

Г. Уохеръ издалъ въ Вильнѣ (1840—1858) одну часть своей «Библиографическо-исторической картины литературы и науки въ Польшѣ»; въ 3 томахъ,—полное и вѣрное библиографическое сочиненіе.

«Исторія литературы польской» Вишневекаго, стала выходить въ Краковѣ съ 1840 года. Въ первыхъ шести томахъ исторія не была еще доведена до Сигизмунда-Августа. Впоследствии пріятель автора, Жебравскій, издалъ послѣдніе три тома. Всего вышло десять томовъ. Это огромное сочиненіе представляетъ скорѣе опытъ исторіи цивилизаціи въ Польшѣ, чѣмъ исторію литературы. Авторъ не довелъ его и до половины своего плана. Во всякомъ случаѣ, оно чрезвычайно важно и показываетъ огромную ученость автора.

Г. Вуйцицкій издалъ въ Варшавѣ въ 1845 и 1848 годахъ «Исторію польской литературы въ очеркахъ». Она печатается теперь вторымъ изданіемъ и интересна, какъ въ библиографическомъ отношеніи, такъ и потому, что заключаетъ въ себѣ хрестоматію. Но по самому расположенію статей, она несовсѣмъ удобна для систематическаго обозрѣнія, хотя отдѣльныя статьи прекрасно обработаны.

Въ 1849 году молодой талантливый писатель Майоркевичъ началъ печатаніе своего сочиненія «Польская литература и историческомъ развитіи». Къ несчастію большая часть рукописи погибла, такъ что авторъ, лежавшій въ то время на смертномъ одрѣ, долженъ былъ диктовать третій и послѣдній отдѣлъ изъ памяти, съ поспѣшностью, внушаемою близостью смерти. Отсюда неоконченность и рѣзкость нѣкоторыхъ взглядовъ. Новѣйшее изданіе вышло въ Варшавѣ, въ 1850 году.

Г. Мацѣйковскій издалъ въ Варшавѣ въ 1848 «Исторію польской литературы до конца 17 вѣка», отличающуюся ученою критикою и глубокимъ изученіемъ источниковъ,—3 части.

Исторія нѣсколькихъ отдѣловъ польской литературы заключается въ трудахъ г. Мехержинскаго (между прочими «Исторія краснорѣчія въ Польшѣ» и Исторія политическаго краснорѣчія въ Польшѣ» чрезвычайно интересны).

Въ 1852 году вышли въ Вильнѣ первое два тома «Исторіи литературы въ Польшѣ отъ самыхъ первыхъ до нашихъ временъ», известнаго и любимаго поляками поэта Кодратовича. Сочиненіе это, еще неоконченное, не только имѣетъ критическое достоинство, но и написано обще-занимательно.

Преправленное руководство издавъ въ 1855 году г. Лышковскій подъ названіемъ: «Краткія свѣдѣнія объ исторіи польской письменности».

Сочиненіе объ исторіи польской литературы г. Бартошевича, известнаго своими многочисленными и важными историческими трудами, ожидалось съ нетерпѣніемъ. Мы знаемъ, что все число экземпляровъ этой книги, полученныхъ здѣшнимъ книгопродавцемъ Вольфомъ, распродано было въ самое короткое время. Трудъ г. Бартошевича не обманулъ нашихъ ожиданій. Простое, общепонятное и вмѣстѣ серьезное изложеніе предмета, въ сужденіяхъ прямота и нѣкоторая строгость, рациональность, расположеніе предметовъ и объясненіе ихъ съ исторической точки зрѣнія,—вотъ, по нашему мнѣнію, достоинства, по которымъ исторія польской литературы г. Бартошевича займетъ видное мѣсто между однородными съ нею книгами. Автору предстояло преодолѣть двѣ, быть можетъ, самыя большія трудности: во-первыхъ, представить въ одномъ томѣ по возможности полное изложеніе столь обширнаго предмета; во-вторыхъ, въ сужденіи о современникахъ быть безпристрастнымъ. Въ отношеніи перваго условія, по нашему мнѣнію, г. Бартошевичъ вѣрнѣе бы достигъ своей цѣли, пропустивъ множество второстепенныхъ именъ, затрудняющихъ память, при неизбѣжномъ отсутствіи болѣе ясной характеристики, и употребивъ все мѣсто ими занятое на еще болѣе рельефное описаніе главныхъ фактовъ и личностей. Въ одномъ томѣ, посвященномъ такому обширному предмету, всякая строка дорога. Въ отношеніи втораго условія мы не можемъ не замѣтить, что сужденія автора нельзя признать вполне справедливыми, а раздаваемые имъ эпитеты какъ будто не соображены одинъ съ другимъ. Распределеніе эпитетовъ такъ несообразно, что иногда кажется, будто оно зависѣло просто отъ случая. Такъ напримѣръ, при именахъ четверостепенныхъ писателей стоятъ такія громкія прилагательныя, которыя были бы уместны и которыхъ, однако, не оказывается и сокращенія при упоминаніи о писателяхъ самыхъ важныхъ, большое значеніе которыхъ, какъ видно изъ общаго изложенія, признаетъ и самъ авторъ, А между тѣмъ въ

книгъ популярной, предназначенной для юношества, такая несообразность негодится, потому что можетъ дать неприготовленнымъ читателямъ фальшивыя понятія объ относительномъ достоинствѣ писателей. Сверхъ того, самый судъ, повторяемъ, не всегда справедливъ; въ особенности о живыхъ писателяхъ: безцвѣтность отзывомъ о Красинскомъ, Кондратовичѣ, Полѣ, Грѣзѣ и даже о Мальчевскомъ невольно заставляетъ припомнить ту истину, что исторіи о современникахъ писать нельзя.

I SETTE SOLDATI, CANTO DI A. ALEARDI. Семь солдатъ, поэма А. Алеарди). FIRENZE, 1861.

Алеарди—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ поэтовъ Италіи. Характеръ итальянцевъ трудно допускаетъ абстрактность въ поэзіи, раздвоеніе ея съ жизнью. Если взглядъ итальянскихъ поэтовъ на жизнь не всегда практиченъ, и если краски, въ которыя они облачаютъ свои образы, часто слишкомъ ярки, ложно-эффектны, то, по крайней мѣрѣ, образы эти, равно какъ и предметы вдохновенія, взяты непосредственно изъ жизни. А такъ какъ вся жизнь Италіи въ текущемъ столѣтіи проникла мыслью народной независимости, то понятно, что всѣ поэты этого времени, какъ люди, которые, по организаціи своей, еще менѣе прочихъ своихъ соотечественниковъ могли оставаться чуждыми этому плодотворному возрожденію жизни, должны были сдѣлаться его представителями. Въ этомъ смыслѣ, то есть по чувствамъ, ихъ одушевляющимъ, и по предметамъ, ими избираемымъ, всѣ почти безъ исключенія итальянскіе поэты этого періода, начиная съ Альфьери и Уго-Фосколо могутъ назваться народными. Большая часть изъ нихъ приняла участіе въ общемъ народномъ движеніи не только словомъ, но и дѣломъ. Тутъ ужь далеко было до абстракціи. Для примѣра укажемъ на разницу впечатлѣній, которое производятъ въ наше время два поэтическія творенія, совершенно сходныя по характеру: «Werther's Leiden» и «Ultime lettere di Jacopo Ortis.» Ортисъ—подражаніе Вертеру. Не смотря на эту подчиненность основной мысли, Ортисъ и теперь еще при чтеніи производитъ впечатлѣніе; Фосколо согрѣлъ свое произведеніе огнемъ патріотизма и придалъ такому образомъ своему герою несравненно болѣе величія и истинны. Ортисъ—изгнанникъ, котораго жизнь отравлена неисцѣлимостью бѣдствій отечества, котораго убиваетъ безвыходность положенія горячо любимой имъ страны. Онъ добровольно умираетъ, когда

любимая имъ женщина отдается другому, когда любовь его къ ней дѣлается столь же безвыходною, безцѣльною страстью, какъ любовь его къ отечеству. Такой характеръ совершенно понятенъ и теперь; типъ этотъ характеризуетъ все умственное положеніе Италіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія и потому остается истиннымъ и симпатичнымъ, между тѣмъ какъ Вертеръ, несмотря на всю глубину мысли Гете, теперь уже утратилъ свою цѣну, и чтеніе его только раздражаетъ нервы, подобно сей поэзіи «растерзанности», ставившей идеаль челоуѣка выше жизни и представлявшей ее какъ начало прямо непріязненное ощущенію «избранныхъ душъ.»

Но возвратимся къ Алеарди. Онъ—ломбардецъ и потому долженъ былъ ограничивать выборъ своихъ предметовъ исторіею, природою Италіи, любовью, однимъ словомъ—«дозволеннымъ» горизонтомъ. При всемъ томъ у него безпрестанно проглядывало общее національное чувство, которое выражалось тоскою, и скорбью при видѣ развалинъ, представляемыхъ настоящимъ, при воспоминаніи о славѣ прошедшаго, при зрѣлищѣ того пренебреженія даже къ матеріальнымъ улучшеніямъ, которое было слѣдствіемъ общаго застоя. Эти чувства высказаны возмозъ съ необыкновенною простотою и благородствомъ въ возмозъ его *Monte Cirullo*. Алеарди испыталъ и на самомъ себѣ всю пріятность тогдашняго положенія вещей; онъ подвергался заключенію по какому-то подозрѣнію австрійской полиціи.

Главные достоинства его—простота выраженія и обиліе мыслей; эти качества имѣютъ цѣну во всякой литературѣ, а тѣмъ болѣе въ современной италіанской, гдѣ, вопервыхъ, изысканность формы часто принимается публикою въ извиненіе за отсутствіе или посредственность мысли, а во-вторыхъ сама мысль иногда доходить до крайнихъ предѣловъ искусственности. Преобладающій оттѣнокъ мысли Алеарди — меланхолія, живая грусть.

По освобожденіи его родины, Алеарди открывается болѣе обширный горизонтъ и вотъ онъ написалъ стихотвореніе, внушенное войною за независимость. Но и тутъ онъ не освобождается отъ глубоко-запавшаго въ душу его чувства. Не триумфальную пѣсню мщенія и народной гордости внушаетъ ему поода Италіи; нѣтъ, при мысли о столькихъ жертвахъ со славою павшихъ за свободу отечества, ему приходится на умъ участь тѣхъ пассивныхъ жертвъ, которые пали, сражаясь противъ Италіи, по

командъ, данной имъ на языкъ чужомъ для большей части ихъ. Таковы семеро австрійскихъ солдатъ, которыхъ труппы поэтъ видитъ на полѣ битвы съ итальянцами. Одинъ изъ нихъ—чехъ; руки его все еще судорожно сжимаютъ музыкальный инструментъ, которымъ онъ добывалъ себѣ нѣкогда хлѣбъ и на которомъ потомъ, надѣвъ бѣлую солдатскую шинель, затрубилъ маршъ къ бою. «Кого изъ предковъ твоихъ оскорбили мы?» спрашиваетъ поэтъ. Возлѣ лежитъ кроатъ, котораго будетъ напрасно ждать любящая землячка: онъ пораженъ пулею въ сердце и поэтъ не ощущаетъ ненависти при видѣ участи этого слѣпого орудія чужеземныхъ притѣснителей. Тутъ палъ венгръ—одинъ изъ волонтеровъ собственной своей народной войны—сосланный, въ наказаніе, солдатомъ, въ итальянскую армію; здѣсь пораженъ румынъ, бывший полковымъ священникомъ; онъ когда-то служилъ Австріи противъ венгровъ, своихъ непріятелей, лишился при этомъ отца и родныхъ, и не дождался осуществленія своихъ надеждъ, въ награду усердія, и потому обратился къ Богу и умеръ, исполняя долгъ утѣшителя страждущихъ. Наконецъ, поэтъ находитъ труппы двухъ сыновъ Верхней и Нижней Австріи — и эти пали жертвами чуждой имъ политики.

Стихотвореніе это какъ нельзя болѣе запечатлѣно главными чертами поэтическаго характера Алеарди: простотою и благородствомъ мысли, оттѣненной тихой грустью.

DIE DEUTSCHE LITERATUR DER GEGENWART, VON ROBERT PRUTZ (СОВРЕМЕННАЯ НѢМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА, СОЧ. РОБЕРТА ПРУЦА) LEIPZIG 1860.

Сочиненіе это представляетъ довольно полную картину собственно такъ называемой «изящной» литературы Германіи съ 1848 до 1858 года. Авторъ, извѣстный многими критическими сочиненіями и разборами, помѣщенными въ его литературно-критическомъ Museum, который выходитъ въ Штутгартѣ, пользуется въ Германіи значительнымъ авторитетомъ. Предлежащій трудъ его заключаетъ въ себѣ характеристику политической поэзіи Германіи принадлежащей къ эпохѣ 1848 года, повѣствовательной поэзіи, самыхъ новѣйшихъ поэтическихъ опытовъ школы «юной Германіи», новѣйшаго романа, сельской новѣсти, поэтическихъ произведеній женщины, наконецъ нынѣшней драмы. Ко второму тому приложена хронологическая таблица боль-

летристических произведений съ 1848 до 1858 года, включительно.

Отличительными чертами этого сочиненія должно признать зрѣлость, обдуманность и, какъ выражаются нѣмцы, «трезвость» (Nüchternheit) воззрѣнія. Авторъ не имѣлъ намѣренія написать исторію избраннаго имъ періода, но однакожь, — говоритъ самъ, что хотѣлъ представить пригособительный трудъ для исторіи. И дѣйствительно, сочиненіе его, по своему характеру и тону изложенія, хотя и выходитъ изъ ряда, такъ сказать поврежденныхъ критикъ, которыя почти на столько же отличаются отъ исторіи литературы, какъ политическія статьи журналовъ отъ политической исторіи, однакожь все еще нѣсколько отзывается полемикою; авторъ въ немъ все еще является болѣе адвокатомъ, чѣмъ судьей, и не смотря на окончательность созрѣвшаго въ умѣ его приговора, допускаетъ необходимость новаго изслѣдованія, анализа, для утвержденія справедливости его суда. Понятно, сколько отъ этого выигрываетъ книга г. Прутца въ отношеніи обще-занимательности и легкости чтенія. Къ этому надо прибавить искусство характеристическихъ сближеній и мѣткость выраженія, которыми обладаетъ авторъ въ значительной степени.

Обнаруживая тѣсную связь литературы съ жизнью народа, авторъ мимоходомъ характеризуетъ движеніе 1848 года и его послѣдствія, и объясняетъ безцвѣтность нынѣшняго литературнаго періода неопредѣленностью политическаго положенія Германіи. Онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ повторяетъ мысль, что новая цвѣтущая и класическая эпоха германской литературы настанетъ не прежде, какъ когда германская нація придетъ къ цѣлости самосознанія и выступитъ сама на сцену. Литературу настоящаго онъ сравниваетъ съ полемъ послѣ жатвы, когда хлѣбъ убранъ и когда до новой весны приходится довольствоваться тѣмъ, что собрано, а между тѣмъ, какъ бы въ доказательство того, что весна дѣйствительно настанетъ, на полѣ тамъ и сямъ выросло нѣсколько зеленыхъ колосьевъ. Съ этими-то утѣшительными колосьями и васильками, которые украшаютъ осиротѣвшее поле и явились предвозвѣстниками будущей весны, хотя сами и послужатъ, быть можетъ, только для удобренія почвы къ новому посѣву, — авторъ и сравниваетъ новѣйшіе плоды нѣмецкой поэтической литературы; такимъ образомъ объясняется взятый имъ изъ стихотворенія Фрейлиграта эпиграфъ:

Ob aus verlorren Aehren,
 Ob aus verwehter Streu
 Nicht etwa noch mit Ehren
 Ein Strausz zu binden sei?
 Ob nicht aus Korn und Mohn
 Noch eine bunte Krone,
 Werth dasz man ihrer schone,
 Sich sammeln lasse still und treu? *

Руководимый этой мыслью, нашъ критикъ съ участіемъ прослѣдилъ новѣйшія явленія нѣмецкой литературы и, для оцѣнки ихъ, избралъ ту точку зрѣнія, которая наиболее соотвѣтствуетъ неопредѣленности, временности нынѣшняго ея положенія, а именно сталъ на срединѣ всѣхъ литературныхъ партій, не поддаваясь исключительно ни одной изъ нихъ. Независимость эта, однако, не доходитъ до индифферентизма; напротивъ, повторимъ, что въ анализѣ его постоянно видны какъ то участіе, о которомъ мы сейчасъ говорили, такъ и та трезвость воззрѣнія и строгость національнаго самопознанія, которыя въ литературѣ народа доказываютъ высокую степень развитія, а у критика обличаютъ полное владѣніе своимъ предметомъ. Г. Прутцъ не льститъ своимъ соотечественникамъ; какъ образецъ, приводимъ слѣдующія, характеристическія мѣста (ч. 1. стр. 84, 215—217). «Въ нѣмецкой публикѣ есть порядочная доза филистерства, нельзя въ томъ не признаться; публикою овладѣла нынче настоящая манія скромности; съ кокетливымъ смиреніемъ хвастаемся мы тѣмъ, что вкусъ нашъ опять безъ претензій, что намъ нужно такъ мало: немножко весны, немножко любви, немножко набожности; что все такъ тихо обстоитъ на нашемъ парнасѣ, на томъ самомъ парнасѣ, который такъ недавно еще оглашался звукомъ оружія и воинственными кликами. Ничего подобнаго нынѣ не допускается и это не только полицейскимъ распоряженіемъ, но и требованіемъ самой публики; теперь все должно быть маленькимъ, нѣжнымъ, миленькимъ, страсти запрещено говорить, а тѣмъ болѣе вскрикивать, и дозволяется только шептать; горестъ не смѣтъ плакать, и можетъ только умолять о тихомъ состраданіи, даже самъ богъ любви, тотъ божокъ, котораго господство въ нашей

* Изъ растерянныхъ колосевъ, изъ разнесенной вѣтромъ соломы, нельзя-ли еще съ честью связать букета? Нельзя-ли встипи, съ любовью, собрать васильки и макъ въ разноцвѣтный вѣнокъ, достойный пощады?

литературѣ такъ совершенно возстановилось и которому такъ счастливо удалось обратить въ бѣгство буйнаго бога войны,— можетъ являться не иначе, какъ во фракѣ или, еще лучше, въ подрасникѣ.

И этотъ шагъ назадъ очень понятенъ. Элементъ, который нынѣ, облекшись въ знаки реакціи, господствуетъ надъ нашей литературой и устанавливаетъ нашъ вкусъ, есть то же сытое, захоточное филистерство, которое опять забрало все въ свои руки или которому, по крайней мѣрѣ, льстятъ люди, управляющіе на самомъ дѣлѣ,—льстятъ увѣреніемъ, что все, что происходитъ, происходитъ ради его выгодъ. Та же тучная улыбка, съ которою дѣлается признаніе; — что мы дескать смирились въ политическихъ вещахъ, политика, конечно, — вполне достопочтенный предметъ, но что тутъ примѣшивается много и абстрактнаго идеализма, и что главное для пракческаго чело-вѣка все таки честно проложить самому себѣ дорогу въ свѣтъ и прокормить себя съ семействомъ; та же тучная улыбка съ ироническимъ подмигиваньемъ повторяется и тогда, когда эти добродушные господа соглашаются съ вами, что дѣйствительно нельзя сказать, чтобы нынѣшніе поэтики были одарены великимъ или глубокимъ духомъ. Но, прибавляютъ они, великіе гении не подходили бы къ такимъ маленькимъ людямъ, какъ мы; все должно быть разсчитано по росту, и маленькимъ чело-вѣчкамъ нужны, какъ въ сказкѣ, и домики и стулики, и кровати маленькіе. А что поютъ они, вмѣсто отечества и другихъ подобныхъ вещей,—вино, любовь и юность, въ особенности юность, такъ это и имъ надо зачестъ въ заслугу. Кто жилъ для лучшихъ своего времени, тотъ будетъ жить для всѣхъ временъ, сказалъ какой-то поэтъ; мы же, во всякомъ случаѣ, представляемъ собою лучшихъ нашего времени, потому что кромѣ насъ собственно никого нѣтъ. Къ тому же подати и постоянныя деньги платимъ мы исправно, мы побѣдили въ себѣ всякую оппозиціонную похоть, и уважаемъ всякое существующее могущество, въ особенности же то, которое само уважаетъ наши карманы; отчего же и поэтамъ не уважать насъ и не воспѣвать именно только то, что намъ нравится, а именно: вино и женщинъ, цвѣты и птицъ, юность и любовь и всякое блаженство?»

Нечего сказать, утѣшительная картина! Читая эту характеристичную, скрѣпленную авторитетомъ г. Прутца и повторяемую имъ

нѣсколько разъ, съ замѣтнымъ удареніемъ, нельзя не вспомнить съ невольною улыбкой недовѣрія о той прекрасной вестѣ, которой пришествія ожидаетъ авторъ.

Однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ очерковъ, помѣщенныхъ въ предлагающей книгѣ, нельзя не признать характеристику таланта и произведеній Густава Фрейтага, автора извѣстнаго романа: *Soll und Haben*, надѣлавшаго столько шуму при своемъ появленіи въ свѣтъ, въ 1855 году и представляющаго поэзію дѣятельности купеческой конторы.

Въ статьѣ о романѣ авторъ указываетъ на ту огромную разницу, какая существуетъ въ Германіи между литературною оцѣнкой бельетристическихъ сочиненій и тою оцѣнкой, которая выражается цензурою, распроданныхъ экземпляровъ. Ученныя сочиненія имѣютъ свой опредѣленный кругъ читателей и всегда расходятся; что касается до поэтической литературы и легкаго чтенія то, по словамъ г. Прутца, нигдѣ нѣтъ столько «незвѣстныхъ боговъ», какъ въ Германіи. Безчисленное множество такихъ произведеній выходитъ ежегодно и почти никто ихъ не покупаетъ. Фактъ этотъ зависитъ отъ многихъ причинъ. Главная изъ нихъ—распространеніе кабинетовъ для чтенія и конкуренція переводныхъ романовъ. Г. Прутицъ горько жалуется на экономію своихъ соотечественниковъ въ отношеніи покупки книгъ. «Тамъ, говоритъ онъ, гдѣ самая знатная дама не считаетъ ниже своего достоинства достать новую интересную книгу не изъ книжнаго магазина, а изъ кабинета для чтенія; гдѣ у самыхъ богатыхъ людей занесены въ бюджетъ расходовъ лошади и театры, концерты,—картины, разныя модныя игрушки и даже внутренняя миссія, и обращеніе сенегальскихъ негровъ, и на книги, на книги нѣмецкія, по бюджету ничего не полагается, тамъ нечего и ожидать процвѣтанія бельетристики, тамъ хозяинъ кабинета для чтенія становится царемъ литературы, и чужеземный, но дешевый продуктъ долженъ вытѣснить отечественный, но дорогой. «Что нѣмецкія книги дорога, это признаетъ авторъ; но онъ замѣчаетъ, что дороговизна ихъ не есть искусственная, потому что конкуренція тутъ открыто широкое поле. Что же касается до значительнаго удешевленія нѣмецкихъ книгъ въ изданіяхъ, которыя бы рассчитывали на массу читателей, то къ этому авторъ находитъ препятствіе въ непопулярномъ духѣ нѣмецкихъ бельетристовъ, которые какъ бы считаютъ униженіемъ писать такъ, чтобы нравиться толпѣ. Они предоставляютъ это подвѣнни-

нать литературнаго ремесла. Нельзя не усомниться. О важности кабинетовъ для чтенія въ Германіи и о поглощеніи ими всѣхъ хотниковъ до легкаго чтенія авторъ говоритъ еще и въ другомъ мѣстѣ. Намъ помнится, что Риль въ извѣстномъ сочиненіи своемъ *die bürgerliche Gesellschaft*, говоря объ аристократіи и объ обязанности ея поощрять искусства, дѣлаетъ мужской части ея тотъ же упрекъ, который г. Прутцъ обращаетъ здѣсь къ знатнымъ дамамъ. Нашъ авторъ приводитъ впрочемъ и другую причину преимущественнаго успѣха иностранныхъ романовъ въ Германіи; онъ признается, что они интереснѣе туземныхъ и замѣчаетъ при этомъ, что покуда нѣмецкіе романисты не будутъ уметь воспроизводить германскую жизнь такъ же удачно, какъ это дѣлаютъ англичане и французы, относительно своей народной жизни до тѣхъ поръ нельзя всю вину неуспѣха сваливать на публику.

Вобщемъ новое сочиненіе г. Прутца очень полезно по собраннмъ въ немъ фактамъ и заслуживаетъ довѣрія по безпристрастію автора; замѣтимъ однако о двухъ національныхъ недостаткахъ, отъ которыхъ автору не удалось избавиться; первый чисто-литературный: при группированіи фактовъ и общемъ ихъ обзорѣи напрасно г. Прутцъ старается объяснять все до подробностей и во всемъ находить рациональную связь; отсюда объясненія его заключаютъ частенько повторенія и касаются вещей, не требующихъ объясненія, а сверхъ того нѣкоторыя толкованія слишкомъ хитры; второй недостатокъ не только литературный, но и политическій. Достаточно будетъ, для указанія на него привести нѣсколько словъ автора. Говоря о Морицѣ Гартманѣ, поэтѣ, основаніемъ извѣстности котораго послужило изданное имъ въ 1845 году собраніе стихотвореній подъ названіемъ: *Kelch und Schwert* (чаша и мечъ), прославляющее прошедшее Чехіи и оплакивающее нынѣшній упадокъ и униженіе ея народа подъ австрійскомъ владычествомъ, г. Прутцъ замѣчаетъ:..... «при всемъ удивленіи къ нѣсколькимъ отдѣльнымъ, прекраснымъ и глубоко прочувствованнымъ мѣстамъ, цѣлое произвело на насъ нѣсколько непріятное впечатлѣніе; именно, мы не могли хорошенько понять, какъ поэтъ германской крови, германскаго происхожденія, слагающій стихи на нѣмецкомъ языкѣ, пришелъ къ мысли славить угнетенную, замѣтьте угнетенную нѣмцами, національность чеховъ, и питать упавшій ихъ духъ надеждами, которыя, если бы онѣ могли осуществиться, повели бы за со-

бою такія же пораженія для земляковъ самаго поэта, для нѣмцевъ. Но вѣдь тогда—продолжаетъ Прутцъ въ видѣ снисхожденія — еще было скрыто отъ взоровъ большинства то грозное значеніе, которое приняла впоследствии борьба національностей, которую вначалѣ съ такою шалостью подстрекали, и потому молодой алчущій предмета (Stoffhungriger) поэтъ могъ забыть, что Богемія уже нѣсколько вѣковъ составляетъ столь законное завоеваніе нѣмцевъ, какое только можетъ быть произведено не одною силою оружія, но и гораздо вышею силою *духа* и образованія; онъ могъ за недостаткомъ иныхъ, болѣе достойныхъ предметовъ, немножко пококетничать страданьями чуждаго ему народа и сплестъ для него вѣнокъ изъ лавровъ, состоящихъ изъ стыда отечества самого поэта.»

Что это говоритъ г. Прутцъ, котораго нельзя не считать представителемъ образованной части Германіи, — это удивительно; но что строки эти написалъ тотъ же г. Прутцъ, который ожидаетъ наступающей для Германіи весны, долженствующей обновить и ея литературу — это поучительно. Курьёзно прибавленіе его: «что дѣлать, нѣмецъ ужь издавна имѣетъ этотъ космополитическій типъ — заботаться болѣе о чьей бы то ни было бѣдѣ, чѣмъ о своей пользѣ.» Будто-бы?

Въ заключеніе замѣтимъ, что весь свѣтъ не можетъ не желать для Германіи развитія на рациональныхъ и твердыхъ началахъ; хотя бы даже изъ за одной германской науки и литературы, имѣющихъ то же неоспоримое значеніе въ общемъ прогрессѣ. Германія имѣетъ то же желаніе, но въ ней болѣе, чѣмъ гдѣ либо, отъ идеи до факта далеко; и нельзя не признаться, что фактами нѣмцы еще не достаточно заявили возможность осуществленія той мечты, которой исполненіе на дѣлѣ столь необходимо, чтобы предупредить дальнѣйшій ходъ признаваемого самими нѣмцами измельченія ихъ національнаго характера.

А. П.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ИСКУССТВА. СОЧИНЕНІЕ Ф. БУСЛАЕВА. С. ПЕТЕРБУРГЪ. 1861.

Въ предыдущей статьѣ своей мы имѣли намѣреніе познакомить читателя съ общими воззрѣніями г. Буслаева на самородную эпическую поэзію и для того выписали изъ книги его нѣкоторыя, особенно замѣчательныя на нашъ взглядъ, мѣста, въ которыхъ объясняются происхождение и отличительныя свойства первобытной народной поэзіи и ея многообразныя отношенія къ языку, мифологіи, народному быту и т. д. Эти общія воззрѣнія, добытыя г. Буслаевымъ чрезъ внимательное изученіе эпическихъ произведеній разныхъ народовъ и провѣренныя глубокими изслѣдованіями ученыхъ западной Европы, въ особенности знаменитаго Я. Гримма, содержатъ въ себѣ множество руководительныхъ мыслей для того, кто хотѣлъ бы проникнуть въ темную и столь мало еще извѣданную область русской поэтической старины, дабы озарить ее свѣтомъ разумнаго сознанія.

Теперь отъ общихъ соображеній о самородномъ эпосѣ, лежащихъ въ основаніи ученыхъ изслѣдованій г. Буслаева, обратимся къ вопросамъ, касающимся собственно нашей народной словесности, и остановимся съ вниманіемъ на важнѣйшихъ выводахъ почтеннаго профессора въ этой сферѣ его любознательныхъ изысканій. Здѣсь намъ предстоитъ весьма не легкій трудъ послѣдовать за нимъ чрезъ разнообразныя его разсужденія и установить порядокъ и послѣдовательность въ ихъ разсмотрѣніи. Мы выше замѣтили уже, что не имѣемъ намѣренія и, можно прибавить, нужды разбирать

перознь каждую статью г. Буслаева: ибо въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы говорить по нѣскольку разъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ; гораздо удобнѣе, намъ кажется, расположить разборъ свой по предметамъ, которыхъ г. Буслаевъ въ своихъ изслѣдованіяхъ коснулся, начиная съ вопроса о происхожденіи русской народной поэзіи.

Спросить: когда впервые возникла русская народная поэзія,— значить тоже самое, что спросить: когда произошолъ русскій языкъ или даже самый народъ русскій; ибо эти событія, то есть, происхожденіе народа, его языка и его поэзіи, не только современны, но въ нѣкоторомъ смыслѣ тождественны. Явленіе въ мірѣ новаго народа обнаруживается не инымъ чѣмъ, какъ выдѣленіемъ его изъ своего племени, съ которымъ долготѣ онъ жилъ совокупною, нераздѣльною жизнію, не столько посредствомъ переселенія его изъ прежней родины, сколько посредствомъ созданія особыхъ формъ въ языкѣ, особыхъ мнелогическихъ представленій въ области вѣрованія и новыхъ поэтическихъ произведеній: ибо этими проявленіями духовной дѣятельности народа, а не географическими границами и условіями, опредѣляется его самостоятельный внутренній образъ, обыкновенно именуемый народностію. Но какъ новыя формы языка создаются въ народѣ на основаніи общаго всему племени лексическаго содержанія; какъ новыя представленія народа о мірѣ и челоуѣкѣ возникаютъ на почвѣ уже прежде бывшихъ общихъ всему племени мифическихъ преданій: такъ и новыя поэтическія произведенія, коими народъ оглашаетъ начало своего новаго, радостно сознаваемого или, лучше, ощущаемаго имъ бытія, творятся на основаніи общихъ всему племени или колѣну поэтическихъ мотивовъ или темъ. Такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи поэзіи какого-либо народа, равно какъ и о происхожденіи его языка, обращается въ вопросъ о родствѣ его поэзіи и языка съ поэзіею и языками другихъ народовъ одного съ нимъ колѣна; слѣдовательно и вопросъ о началѣ собственно русской народной поэзіи рѣшается изслѣдованіемъ отношеній ея къ народной поэзіи сперва ближайшихъ къ намъ по происхожденію народовъ славянскихъ, а затѣмъ и другихъ народовъ индоевропейской семьи, связанныхъ между собою родственными узамъ слова и общихъ первоначальныхъ преданій.

«Сравнительно-историческое изученіе языковъ индо-европейскихъ, говоритъ г. Буслаевъ, убѣждаетъ насъ съ математиче-

ую точностію, что всѣ народы, на этихъ языкахъ говорящіе, то есть племена арійскія—индусы и персы; племена ерикійскія—греки и римляне; племена кельтскія, нѣмецкія, литовскія и славянскія, первоначально имѣли *общія основы народности*—въ языкѣ и миѳологіи, въ связи съ важнѣйшими условіями народнаго быта. Ни одинъ изъ языковъ этихъ народовъ не былъ прототипомъ для другихъ, ни одна изъ миѳологій этихъ народовъ не была источникомъ для прочихъ. Всѣ эти народы, содержащее отъ *первобытной старины* въ языкѣ и миѳологіи, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ и *позднѣйшее подновленіе* того и другаго. Это позднѣйшее подновленіе въ каждомъ народѣ совершалось по мѣрѣ обособленія его, то есть, по мѣрѣ развитія самостоятельной, отдѣльной національности каждаго. Чѣмъ развитее какая національность, тѣмъ далѣе уклонилась отъ общаго индо-европейскаго сродства въ миѳологіи и языкѣ, и тѣмъ лучше выработала то и другое въ словесныхъ произведеніяхъ. Это обособленіе каждаго изъ индо-европейскихъ народовъ, это индивидуальное, національное выдѣленіе народа изъ общаго племеннаго сродства, есть первый шагъ на пути духовнаго развитія народа, заявляющаго свои права на историческое бытіе. Народы, наиболѣе способные къ историческому прогрессу, каковы греки въ древнемъ мірѣ и нѣмцы въ новомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ (суть) такіе народы, которые богаче и разнообразнѣе прочихъ европейскихъ развили свою національность въ миѳологіи и народномъ эпосѣ, какъ основѣ дальнѣйшаго процвѣтанія литературы».

«Такимъ образомъ народность не только не противорѣчитъ общечеловѣческому совершенствованію или прогрессу, но, возводя къ нему, составляетъ его необходимое явленіе».

«Какъ бы народъ ни развивался въ своей національности, быстро или медленно, во всякомъ случаѣ представляетъ онъ въ своей духовной жизни двоякаго рода элементы. Во первыхъ, элементы, общіе съ прочими родственными народами, то есть, первобытное общее достояніе индо-европейское, въ языкѣ, народномъ бытѣ и миѳологіи. Такъ, на примѣръ, сродство въ мѣстоименіяхъ, числительныхъ именахъ, въ такъ называемыхъ неправильныхъ спряженіяхъ, во многихъ корняхъ словъ, и особенно означающихъ бытъ пастушескій, земледѣльческій и семейный; относительно миѳологіи, сродство въ поклоненіи небу, землѣ, водѣ, грому, какъ силѣ и благотворной, и разрушающей, и

т. п. Во вторыхъ, элементы особенные, исключительные, которыми каждый народъ выдѣляется изъ общей родственной массы. Эти исключительныя, національныя отличія, впоследствии особенно развивающіяся исторически, своими началами восходятъ ко временамъ незапамятнымъ и уже присущи народу при самомъ вступленіи его на историческое поприще. Безъ сомнѣнія, искони составляли они необходимый моментъ въ самомъ сродствѣ народовъ индо-европейскихъ, точно такъ, какъ каждое племя развѣтвляется на свои областныя видоизмѣненія, какъ на примѣръ, племена славянскія съ мѣстными говорами.

«Изъ сказаннаго явствуетъ, что всякій народъ, то есть, масса людей, соединенныхъ между собою какими-либо общими, нравственными и физическими узами, опредѣляетъ свою национальность всѣмъ тѣмъ, что въ теченіе незапамятныхъ лѣтъ накопилось въ его духовной жизни, въ его бытѣ, нравахъ и обычаяхъ; что вошло въ основу его нравственнаго бытія, какъ жизнь, пережитая имъ въ теченіе вѣковъ, какъ *прошедшее*, на которомъ твердо полагается настоящій порядокъ вещей и все будущее развитіе народа. Отсюда ясно, что весь запасъ нравственныхъ идей представляется народу въ его раннюю эпоху бытія, какъ *священное преданіе*, какъ великая *родная старина*, какъ святой завѣтъ предковъ потомкамъ».

«И такъ всякій историческій народъ, при первомъ вступленіи своемъ на историческое поприще, имѣетъ свою родную старину, завѣщанную ему отъ предковъ и полубоговъ, и почитаетъ ея тою священною областью, изъ которой идетъ все великое и прекрасное, всякая правда и истина».*

Когда славянское племя выдѣлилось изъ семьи народовъ индо-европейскихъ, исторія того не запомнить. Есть преданіе, сохраненное нашимъ Несторомъ, о томъ, что славяне первоначально *слили* на Дунаѣ; а потомъ, по нашествіи на нихъ волховъ, разошлись по разнымъ мѣстамъ, отъ которыхъ и получили свои особливныя названія: «отъ тѣхъ Словенъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ *сѣдше* на которомъ мѣстѣ; яко пришедше *сѣдоша* на рѣцѣ именовъ Моравы, и прозвашася Моравы, а друзіи Чеси нарекошася; а се ти же Словени, Хрватѣ Бѣлѣи, и Сербь, и Хорутане», и т. п. Въ такомъ разселенномъ и разрозненномъ состояніи уже застаесть славянъ исторія: кочевое состояніе ихъ кончилось; о немъ только упоминаесть лѣто-

* Т. I, стр. 355.

писецъ, какъ о случайномъ, происшедшемъ отъ вражескаго на-
бѣга, преже котораго они уже *сли* суть по Дунаеву, гдѣсть
нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Эти выраженія Нестора: гдѣ
сѣдше на которомъ мѣстѣ; яко пришедше *сѣдоша*, и т. п., по
справедливому замѣчанію * г. Буслаева, одни были бы доста-
точнымъ свидѣтельствомъ, если бы и не было иныхъ, болѣе яс-
ныхъ, доказательствъ, что славяне, при самомъ вступленіи сво-
емъ на историческое поприще, жили осѣдло, какъ народъ, зна-
комый съ искусствомъ земледѣлія и слѣдовательно съ семей-
ными учрежденіями и обычаями.

Это обстоятельство, не подлежащее сомнѣнію, можетъ намъ
помочь и въ опредѣленіи той степени, на которой въ эту эпоху
стояло духовное развитіе славянскаго племени: ибо существуетъ
весьма правильное соотвѣтствіе между формами быта народа и
состояніемъ его сознанія, котораго полнѣйшимъ выраженіемъ въ
первобытныя времена служитъ мифологія.

«Мифологія, говоритъ г. Буслаевъ; какъ выраженіе высшихъ
духовныхъ стремленій народа, подобно поэзіи, праву, филосо-
фій, подвержена условіямъ народнаго быта и согласуется съ
степенью народнаго образованія. Народный бытъ возводитъ мифологію въ высшій идеальный міръ, она стремится дать священ-
ное оправданіе существующему порядку вещей и въ области вѣ-
рованія дать окончательное рѣшеніе тѣмъ случайностямъ и без-
связнымъ явленіямъ, которыя предлагаетъ дѣйствительность».

«Мифологія славянская соотвѣтствуетъ *земледѣльческому* бы-
ту славянскихъ племенъ, уже получившихъ *осѣдлость* и семей-
ныя учрежденія в обычан. Для опредѣленія этого момента въ
развитіи мифологіи и соотвѣтственнаго ей быта народнаго необ-
ходимо объяснить себѣ слѣдующій вопросъ: на какой ступени
мифологическаго развитія стоитъ бытъ земледѣльческій и осѣд-
лый, семейный?»

«Историческое изученіе мифологическаго развитія положитель-
но опредѣляетъ то мѣсто, какое занимаетъ бытъ земледѣльче-

* Г. Буслаевъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что самыя вы-
раженія летописца: *сѣдше*, *сли* суть и т. п. свидѣствуютъ о
осѣдлости, слѣдовательно и о земледѣльческомъ бытѣ славянъ того
племени; но не можемъ понять, почему ему показалось замѣчатель-
нымъ свидѣтельство Нестора о томъ, что славяне шли по рѣкамъ и
по рѣкамъ же разсѣялись. Чего же естественнѣе, какъ поселиться по
рѣкѣ или близь озера? Кто же выбираетъ для своего поселенія без-
водное мѣсто?

скій и осѣдлый въ исторіи доисторической формации народности: этотъ быть стоитъ на срединѣ доисторическаго развитія. Ему предшествуетъ быть кочевой, быть кочующихъ массъ, которыя, не зная роднаго очага и не привыкнуши къ домашней тѣсной обстановкѣ жизни, обращаютъ свои вѣрующіе взоры къ вѣчно склоняющемуся надъ нихъ неугомоннымъ странствованіемъ своду небесному, къ вѣчнымъ свѣтлдамъ, и только къ тѣмъ элементамъ, какъ на примѣръ, огонь, свѣтъ, которые являются неизмѣнными спутниками ихъ вѣчнаго движенія. Это быть сначала звѣролововъ и рыболововъ, потомъ вастуховъ: естественны выходъ изъ него—осѣдлость и земледѣліе. Но и быть земледѣльческой есть только ступень для дальнѣйшаго развитія—общественнаго и гражданскаго, промышленнаго и воинскаго, опредѣляемаго историческимъ движеніемъ и столкновеніемъ племенъ съ другими народами. Племена славянскія остановились въ эпоху доисторическаго развитія своей мифологіи на ступени земледѣлія и осѣдлости; племена нѣмецкія — тоже въ эпоху доисторическую—вслѣдствіе своего великаго историческаго значенія, пошли далѣе по пути развитія, и это дальнѣйшее мифологическое развитіе уже выразили въ пѣсняхъ Древней Эдды».

«Племена нѣмецкія въ своей доисторической жизни прошли объ высшія ступени развитія, изъ которыхъ первая выразилась поклоненіемъ Тору (Тунаръ-Donner), и вторая, высшая—поклоненіемъ Одину, Водану (или Гводану). Торъ—божество грома какъ силы сокрушительной для враговъ мирной жизни, для страшныхъ воликановъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ силы плодотворной, способствующей произрастанію земныхъ плодовъ. Потомъ Торъ — покровитель земледѣлія и семейнаго, осѣдлаго быта. *Одинъ* представляетъ высшее умственное и духовное развитіе нѣмецкихъ племенъ, силою оружія и историческимъ значеніемъ снискавшихъ господство надъ прочими народностями».

«Племена славянскія въ своемъ мифологическомъ развитіи остановились на первой ступени, опредѣляемой господствомъ Тора и мирныхъ Вановъ—потому ли, что тому способствовали условія самой природы и климата средней Европы, или потому, что племена нѣмецкія быстро опередили ихъ замѣчательною, энергическою дѣятельностію въ историческихъ переворотахъ, отдѣлившихъ міръ древній отъ новаго».

«Нѣмецкому Тору вполне соответствуетъ нашъ *Перунъ*, божество грома, покровитель земледѣлія и семейной осѣдлости».

Славяне, въ своемъ доисторическомъ развитіи, независимо отъ столкновения съ другими племенами, по преимуществу развили именно поклоненіе этому божеству; и христіанство достигло славянъ (за исключеніемъ немногихъ) именно въ этотъ моментъ ихъ мнѳологическаго развитія» *.

Нѣтъ сомнѣнія, что почитанію Перуна у славянъ предшествовало поклоненіе другимъ божествамъ; соответствующимъ другой, ранней формѣ быта, что культъ Перуна былъ новою, дальнѣйшею ступенію мнѳологическаго развитія въ славянскомъ племени. Мы не имѣемъ тому свидѣтельствъ, ясныхъ и обстоятельныхъ въ такой степени, чтобы съ точностію опредѣлить всѣ переходы славянской мнѳологіи изъ одного періода въ другой; намъ почти вовсе неизвѣстны существо и подробности языческаго богопочитанія славянъ; но то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что прежде своего Перуна они обожали другія какія-то созданія своего вымысла. Объ этомъ сохранилось совершенно ясное и въ высшей степени замѣчательное свидѣтельство въ Пандисевожъ сборникѣ XIV вѣка, изъ библіотеки Кирилло Бѣлозерскаго монастыря **. Въ этомъ сборникѣ, въ числѣ другихъ статей, находится слово св. Григорія, *изобрѣжено въ толчьхъ о томъ, како первое поази суще, язъци кланялися идоломъ и требы имъ клали, то и нынѣ творяшъ*. Оттуда же изыкоша Елени класти требы Артемиду и Артемидѣ, рѣкше Роду и Рожаницѣ. Тацѣи же Игуптяне. Также и до Словѣнъ дойде се слово. И ти начаша требы класти Роду и Рожаницамъ, преже Перуна, бога ихъ. А преже того клали требу Упиремъ и Берсгнямъ. По святѣмъ крещеніи Перуна отринуша, а по Христа Бога яшася, но и нонѣ по украинамъ молятся ему проклятому богу Перуну, и Хорсу, и Мокоши, и Вилу, и то творять отай. Сего не могутъ ся лишити, проклятаго ставленья вторыя трапезы, нареченныя Роду и Рожаницамъ» ***.

И такъ прежде Перуна, громовержца и покровителя земледѣія, славяне боготворили и служили Роду и Рожаницамъ, о

* Т. I, стр. 358—360.

** Въ настоящее время богатая библіотека Кириллова Бѣлозерскаго монастыря вмѣстѣ съ библіотекою Новгородскаго Софійскаго собора передана во владѣніе с. петербургской духовной академіи. Нельзя не пожелаемъ, чтобы просвѣщенное начальство сокровища любознательности ученыхъ, посвящающихъ труды свои изученію нашей родной древности.

*** Т. I, стр. 363.

которыхъ дошло до нихъ слово отъ эллиновъ и египтянъ, по предположенію сборника. Весьма вѣроятно, что это поклоненіе было сохранено славянами отъ общаго наслѣдія индо-европейской мифологіи; такое предположеніе заключаетъ въ себѣ конечно болѣе правдоподобія, нежели мысль о прямомъ вліяніи эллинской и египетской мифологіи на славянскую. Но еще прежде Рода и Рожаницъ, по свидѣтельству Пансіева сборника, славяне клали требы какимъ-то Упирямъ и Бергинямъ.

Основываясь на этомъ очевидномъ свидѣтельствѣ о преемственной смѣнѣ у славянъ одного языческаго богопочтенія другимъ, г. Буславъ дѣлаетъ весьма правдоподобное предположеніе, что поклоненію Волосу или Велесу (скотьему богу) * и Перуну поколѣній пастушескихъ и земледѣльческихъ предшествовало обожаніе стихій, и въ особенности неба и свѣтила, согласное съ древнѣйшимъ, еще не установившимся и не окрѣпшимъ бытомъ племенъ. Этотъ древнѣйшій періодъ мифологическаго развитія славянъ оставилъ по себѣ память въ поклоненіи *Сварогу* (небу) и сыну его, *Сварожичу*, иначе называемому *Дажь-богу* (солнцу или огню).

Этимъ мифическимъ представленіямъ славянъ соотвѣтствовали, безъ сомнѣнія, ихъ древній мифологическій эпосъ, въ которомъ выразилось ихъ первоначальное поэтическое представленіе міра. Надобно полагать, что этотъ эпосъ никогда небылъ собранъ въ одно цѣлое, но существовалъ въ многоразличныхъ вѣтвяхъ или эпизодахъ; въ противномъ случаѣ ему было бы невозможно такъ рѣшительно исчезнуть изъ памяти народной, которая хранитъ же до сихъ поръ историческія и бытовые пѣсни временъ весьма отдаленныхъ и содержанія отчасти мифологическаго. Быть можетъ и то, что ранняя встрѣча славянъ на Западѣ съ народами.

* Поклоненіе Волосу или Велесу (скотьему богу) могло предшествовать культу Перуна, ибо пастушескій бытъ предшествуетъ земледѣльческому; но такъ какъ паства составляетъ необходимую принадлежность и быта земледѣльческаго, то явленіе Перуна въ области славянской мифологіи не упразднило поклоненія Велесу и Волосу. Велесъ уцѣлѣлъ надолго въ баснословіи славянскомъ и послѣ того, какъ память о Перунѣ погибла съ шумомъ. По созвучію этого имени съ именемъ св. Власія, народъ русской перенесъ на сего послѣдняго свою вѣру въ защиту стадъ отъ всякаго зла. Эта вѣра и донынѣ не покидаетъ нашего престонародья; въ дѣтствѣ намъ случалось слышать довольно много народныхъ разсказовъ, весьма смѣшныхъ, основанныхъ на этомъ суевѣрномъ мотивѣ. Замѣчательно, что вѣщій Боянъ въ *Словѣ о Полку Игоревѣ* называется внукомъ Велеса.

достигшими значительной степени общественнаго и государственнаго развитія, а на Востокъ съ христіанствомъ и началами древней классической образованности, помѣшала полнѣйшему раскрытію и совокупленію въ одну стройную, художественную систему первобытныхъ славянскихъ мифическихъ представленій; какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что славянская мифологія, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не развилась до такой полной системы, какую въ древности успѣли выработать греки, а въ новомъ мірѣ скандинавы и финны.

Въ этой скудости мифологическаго эпоса можетъ утѣшиться наше народное или племенное самолюбіе весьма богатымъ развитіемъ эпоса героическаго и историческаго, который составляетъ гордость народной поэзіи славянъ восточныхъ, русскихъ, болгаръ и преимущественно сербовъ. Какъ бы ни былъ богатъ мифологическій эпосъ въ народѣ, это мифологическое богатство не можетъ быть признано вѣрнымъ речательствомъ за высокое значеніе этого народа на сценѣ исторіи; точно такъ, какъ и необыкновенныя свойства языка какого-либо народа не есть еще непремѣнный залогъ сего историческаго значенія, хотя сами по себѣ и доказываютъ присутствіе въ народѣ художественныхъ даровъ. Мифологическій эпосъ финновъ, извѣстный подъ именемъ Калевалы, можетъ спорить обиліемъ своего баснословнаго содержанія съ какимъ угодно; литовскій языкъ, какъ говорятъ, сохраняетъ въ себѣ древнѣйшія и любопытнѣйшія формы: тѣмъ не менѣе ни финны, ни литовцы доселѣ не заняли и, можно съ увѣренностію положить, никогда не займутъ между историческими народами виднаго мѣста. Иное дѣло богатое развитіе эпоса историческаго, которое возможно только въ народѣ; глубоко сочувствующемъ историческимъ событіямъ своего отечества: только тотъ народъ, говоритъ г. Буслаевъ, имѣетъ свой историческій народный эпосъ, который призванъ къ исторической жизни *.

Но если мифологическій эпосъ славянъ не успѣлъ развиться до полнаго выраженія славянской мифологической системы; тѣмъ не менѣе слѣды ихъ первоначальнаго мифическаго одушевленія и творчества остались даже до нашихъ дней въ примѣтахъ, заговорахъ, загадкахъ и въ особенности въ народной эпической поэзіи.

«Въ быту земледѣльческомъ и семейномъ, говоритъ г. Буслаевъ,

* Т. I. стр. 367.

должно искать древнѣйшихъ слѣдовъ народной поэзіи славянской, въ ея связи съ мѣломъ и обрядами. И дѣйствительно этотъ бытъ пустилъ такіе глубокіе корни въ народной словесности и такъ широко въ ней выразился, что и доселѣ бытовья пѣсни *земледѣльческія* и *семейныя* составляютъ самый существенный и самый многочисленный отдѣлъ какъ русской, такъ и вообще славянской поэзіи. Въ этихъ пѣсняхъ сохранились слѣды древнѣйшихъ обрядныхъ вѣснопѣній о земледѣліи и скотоводствѣ, а также и о бытѣ семейномъ, преимущественно въ пѣсняхъ свадебныхъ, въ которыхъ и доселѣ множество намековъ на древнѣйшіе, дохристіанскіе обычаи и обряды. Пѣсни земледѣльческія и пастушья пріурочиваются къ извѣстнымъ годовщинамъ, къ извѣстнымъ временамъ года, и соответствуютъ тѣмъ сельскимъ и полевымъ работамъ, которыми въ ту пору народъ занимается, а именно: *посѣвъ*, *сѣнокосъ*, *жатва*, — или же соответствуютъ самымъ явленіямъ природы, подъ вліяніемъ которыхъ протекаетъ ширная жизнь селянина: тепло и холодъ, ушаніе солнечной силы зимою и возрожденіе ея въ серединѣ лѣта и т. д. *.

Весьма замѣчательно, что, въ соотвѣтствіе съ земледѣльческимъ характеромъ древняго славянскаго быта, и въ героической или богатырской поэзіи русскаго народа самые могучіе, возвышенныя и наиболѣе любимыя народомъ образы взяты творческой фантазіей изъ быта земледѣльческаго или сельскаго. Извѣстно, что самый могучій и самый любимый народный богатырь изъ богатырей Владимірова пѣкла есть Илья Муромецъ, богатырь-крестьянинъ, который получилъ впервые движеніе, когда его отецъ съ матерью пошли на покосъ, убирать сѣно; и первый подвигъ необычайной силы его выразился въ крестьянской работѣ **. Но еще для насъ замѣчательнѣе въ настоящемъ случаѣ образъ ратая въ исторической пѣснѣ, Вольга Святославговичъ, помѣщенной въ превосходномъ сборникѣ П. Н. Рыбнинова, только что вышедшемъ и еще не пріобрѣтшемъ общей извѣстности. Читатели наши конечно не посѣтуютъ на насъ за желаніе познакомить ихъ съ этимъ въ высшей степени замѣчательнымъ образомъ.

Богатырь Вольга Святославговичъ, племянникъ ласковаго князя Владиміра, получивъ отъ дядюшки три города со крестьянами.

* Т. I, стр. 361.

** Пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ. Вып. I.

Со своею дружинишкою хораброю
 Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
 Выѣхалъ въ раздольище чисто поле,
 Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сошка у ратая поскрипываетъ,
 Омѣшники по камышкамъ почеркиваютъ.
 Ъхалъ Вольга до ратая,
 День съ утра онъ до вечера,
 Со своею дружинишкою хораброю,
 А не могъ онъ до ратая доѣхать.
 Ъхалъ Вольга оцѣ другой день,
 Другой день съ утра до вечера,
 А не могъ онъ до ратая доѣхать;
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сошка у ратая поскрипываетъ,
 Омѣшники по камышкамъ почеркиваютъ.
 Ъхалъ Вольга оцѣ третій день,
 Третій день съ утра до набѣдья,
 Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Съ края въ край бороздки пометываетъ;
 Въ край онъ уѣдетъ, другаго не впадетъ;
 Каменья, коренья вывертываетъ,
 А великіе-то всѣ каменья въ борозду валить;
 Кобылка у ратая соловая,
 Сошка у ратая кленовая,
 Гужики у ратая шелковые,
 Говорить Вольга таковы слова:
 «Божья ти помощь, оратаюшко!
 Орать да пахать, да крестьянствовать,
 Съ края въ край бороздки пометывать,
 Каменья, коренья вывертывать!»
 Говорилъ оратай таковы слова:
 Подитко, Вольга Святославговичъ,
 Со своею съ дружинишкою хораброю,
 Мнѣ-ка надобна Божья помощь крестьянствовать!
 Далекое-ль Вольга ѣдешь, куда путь держишь,
 Со своею со дружинишкою хораброю?

Узнавъ что Вольга Святославговичъ ѣдетъ въ города за получкою, ратай согласился ѣхать съ нимъ въ товарищахъ; выврягнуши изъ сохи свою соловую кобылку, онъ бросилъ сошку въ борозды и говорить:

«Ай же, Вольга Святославговичъ,
 Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ; *

* Мы измѣнили противъ изданія знаки. По нашему мнѣнію, стихи

И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,

А гля-ради мужика деревенщины

относятся къ послѣдующимъ, а не къ предыдущимъ стихамъ. Ратаюшка показываетъ видъ, будто онъ боится оставить такъ свою соху въ бороздѣ, чтобы ея не воспользовался какой-нибудь мужикъ-деревенщина, и потому говорить, что гля-ради мужика-деревенщины

Какъ бы сошка съ земельки повыдернута? и т. д.

И не гля-ради прохожаго, пробѣжаго,
 А гля-ради мужика-деревенщины,
 Какъ бы сошка съ земельки повидернута,
 Изъ омѣшниковъ земелька повытряхнута,
 И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ?»
 Молодой Вольга Святославговичъ
 Посылаетъ онъ со дружинишки хорабрыя
 Пять молодцевъ могучихъ,
 Чтобъ сошку съ земельки повидернули,
 Изъ омѣшниковъ земельку повытряхнули,
 Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
 Эта дружинишка хорабрая,
 Пять молодцевъ могучихъ,
 Приѣхали къ сошкѣ кленовыя:
 Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
 А не могутъ сошки съ земельки повидернуть,
 Бросить сошки за ракитовъ кустъ.

Затѣмъ посылалъ Вольга Святославговичъ, вмѣсто пяти, десять человекъ изъ своей дружины, удачи было также мало; посылалъ онъ и всю дружинишку хорабрую, и вся дружина не могла сладить съ сохой. Тогда

Подѣхалъ оратай-оратаюшка
 На своей кобылкѣ соловенькой
 Къ этой къ сошкѣ кленовой:
 Враль-то онъ сошку одной рукой,
 Сошку съ земельки повидернулъ,
 Изъ омѣшниковъ земельку повытряхнулъ,
 Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

Поѣхалъ ратай съ Вольгой Святославговичемъ и съ его дружинишкой хораброю:

Оратая кобылка-то рысью идетъ,
 А Волгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
 У оратая кобылка-то грудью пошла,
 А Волгинъ-отъ конь остается.
 Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
 Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
 Постой-ка, ты, ратай-ратаюшка!

Какъ бы переходя отъ одного изумленья къ другому, Вольга Святославговичъ наконецъ спрашиваетъ:

«Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
 Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
 Какъ звеличаютъ по отечеству?»
 Говорилъ оратай такovy слова:
 «Ай же, Вольга Святославговичъ,
 А я ржи напашу, да въ скирды сложу,
 Во скирды складу, домой выволочу,
 Домой выволочу, да дома вымолочу,
 Драни надеру, да и пива наварю,
 Пива наварю, да и мужичковъ напою.
 Станутъ мужички меня покликивати:
 «Молодой Микулушка Селяниновичъ!» *

* Пѣсни собр. П. Н. Рыбниковымъ, стр. 18 — 22.

Не имѣемъ намѣренія входить въ подробныя пренія съ почтеннѣйшѣмъ издателемъ сборника г. Рыбникова о лицѣ Вольги Святославговича, потому что этотъ споръ отвлекъ бы насъ далеко въ сторону; но не можемъ не замѣтить ему мимоходомъ, что доказательства его могли бы быть убѣдительнѣе. Дѣло возможное, что Вольга Святославговичъ есть древній Олегъ Вѣщій; нужды нѣтъ, что онъ является въ пѣсняхъ племянникомъ ласковаго князя Владимира—смѣшеніе эпохъ въ историческихъ народныхъ пѣсняхъ дѣло самое обыкновенное; и то не препятствіе, что онъ по отчеству Святославговичъ — имена также не рѣдко подвергаются измѣненіямъ и взаимно смѣшиваются; форма Вольга тоже представляетъ весьма возможное измѣненіе имени Олегъ, какъ г. Безсоновъ и показалъ, и т. д. Но это только возможность, а не безспорная правда; мнѣнія противныя, по которымъ Вольга Святославговичъ или, по инымъ разнорѣчіямъ, Волхъ Всеславьевичъ, прежними изслѣдователями нашей народной словесности сопоставлялся съ извѣстнѣмъ образомъ вѣщаго Всеслава, въ Словѣ о полку Игоревѣ, который, подобно Волху, обертывается сѣрымъ волкомъ, горностаемъ, гнѣдымъ туромъ и другими животными, г. Безсоновымъ не опровергнуты съ достаточною силою. Нельзя согласиться съ тѣми оборотами, которые онъ употребилъ для объясненія отечественнаго имени Вольга или Волха: отъ чего несчастный братъ Владимира, Олегъ Святославовичъ, могъ дать половину своего имени и долю красокъ Олегу Вѣщему?» Неужели отъ того, что ловъ или охота подала поводъ къ убійству Святослава Ольговича и въ тоже время входить въ содержаніе исторической пѣсни о Вольгѣ Святославговичѣ? и что общаго между тѣмъ обстоятельствомъ, что Олега Святославича спихнули съ моста, и тѣмъ, что

Ты мужики Гуршевскіе,
 Ты мужики Орѣховскіе,
 Они были, злодѣи, догадливы;
 Посылали свою силушку великую,
 Поддѣлали мосточки поддѣльные;
 Они * также были молодцы догадливы,
 Посылали свою силушку великую
 На ты на мосточки на калиновые.
 Пошла тая силушка великая
 На ты на мосточки на калиновы,
 Мосточки всѣ подломалися,
 Тая сила вся въ рѣченькѣ подвалилася,
 Начала силушка тонуть да гинуть.
 Тутъ-то Микулушка Селяниновичъ,

* Вольга Святославговичъ и Микула Селяниновичъ.

Тутъ-то Вольга Святославговичъ
 Приправилъ своихъ добрыхъ коней
 За тую за рѣченьку за Волхову,
 Какъ начали они мужиковъ чевствовать,
 Чевствовать мужиковъ, жаловать,
 Оплетѣти онѣ нахлыстывать,

Нахлыстали мужиковъ они до любви .

Большая разница въ положеніи несчастнаго князя, котораго умертвили, спихнувъ съ моста, и богатыря, который нахлысталъ мужиковъ до любви; и совершенно непонятно, какъ и чѣмъ одно событіе могло бы напомнить собою другое. Между ними ровно ничего нѣтъ сходнаго, такъ что народная поэзія никакъ не могла смѣшать ихъ: и почему г. Безсонову кажется, что Гуршевецъ, и даже, какъ онъ по своимъ причинамъ пашеть, Гурчевецъ есть тоже, что Вручевецъ? Да и зачѣмъ же производное Вручевецъ, когда въ лѣтописи стоитъ Вручій (иначе Овручь): «и попребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручего, и есть могила его и до сего дне у Вручено?» * Тутъ кстати, намъ кажется, сказать словами пѣсни:

Они также были молодцы догадливы.

Для сходства между Олегомъ Вѣщимъ и Вольгою г. Безсоновъ проводитъ параллель между историческимъ походомъ Олега подъ Византію и сказочнымъ походомъ Вольги Святославговича на Турецъ-землю; онъ говоритъ:

«Но всего больше славенъ Олегъ походомъ подъ Византію: за то его (по лѣтописному сказанью) и прозвали Вѣщимъ, тамъ-то были его корабли на колесахъ. Въ пѣсняхъ всю силу оборотня, всю, стало быть, хитрость-мудрость приложилъ Олегъ въ походѣ на Турецъ-землю, на Турецъ-Салтана, смѣнившихъ Византію съ ея императорами». **

Между походомъ Олега на Византію и походомъ Вольги Святославговича на турецъ-землю нѣтъ рѣшительно ни одной общей черты. Это правда, что Турецкіе султаны владѣютъ тѣми самыми мѣстами, которыя прежде принадлежали византійскимъ императорамъ; но неужели на такомъ основаніи можно рѣшаться на заключеніе о тожествѣ древняго князя съ героемъ пѣсни? Для, намъ кажется, необходимо найти какое-нибудь болѣе существенное отношеніе или сходство между дѣйствіями древняго

* Собр. П. Н. Рыбник. стр. 24.

** Собр. П. Н. Рыбник. Замятка. Стр. XIX.

князя и подвигами сказочнаго богатыря. Такія быстрыя сближенія очень легки—ихъ можно дѣлать сколько угодно, *дѣ любви*, но цѣна имъ самая не высокая.

Прежнимъ изслѣдователямъ русской народной поэзіи г. Безсоновъ ставитъ въ вину и то, что они сносили имя Волха съ нарицательнымъ волхвъ: такое сближеніе ему представляется совершенно неправильнымъ.

«Самое имя *Волха*, говоритъ онъ, способствовало (ошибкѣ): его отождествляли съ *Волховомъ* и *Волховомъ*, забывая, что языковѣду это немножко стыдно. Церковно-славянское *вѣлхвъ* въ русскомъ языкѣ, по его законамъ, могло явиться не иначе, какъ въ формѣ *Волховъ* (такъ и было съ названіемъ рѣки), и многоесли при портѣ въ формѣ волхвъ, но никоимъ образомъ не Волхъ». *

Но какъ же быть, если русскій языкъ имѣетъ именно эту форму *волхъ*, въ значеніи волхва, знахаря, врача?

Пошелъ дохтуровъ добывать,
Волхи-те спрашивать.

Или русскій языкъ поступилъ здѣсь не сообразно съ своими законами? Однако слова: *волшебство*, *волшебникъ*, и т. п. происходятъ именно отъ формы *волхъ* (черезъ посредство слова *волмьба*), а не отъ волховъ или волхвъ, и происходятъ совершенно законнымъ способомъ. Оказывается, что для языковѣда нѣтъ никакого стыда сблизить имя Волха съ словомъ волхвъ или Волховъ.

Но какъ ни мало убѣдительности въ доказательствахъ почтеннаго издателя сборника, все таки самая мысль его о томъ, что Вольга Святославовичъ есть Олегъ Вѣщій, заслуживаетъ вниманія и можетъ быть современемъ будетъ удовлетворительнѣе доказана. Во всякомъ случаѣ пѣсня о Вольгѣ Святославовичѣ, кто бы онъ ни былъ, нашъ ли древній воинственный князь, или сильный могучъ богатырь, или поленица удалая, какъ говорится обыкновенно въ древнихъ пѣсняхъ, эта пѣсня имѣетъ, по нашему мнѣнію, то весьма важное значеніе, что въ ней художественно изображена встрѣча дружины, въ лицѣ Вольги Святославовича, съ землею, съ народомъ, которыхъ представителемъ является: ратай-ратаюшка, Микула *Селяниновичъ*: она стоитъ на рубежѣ доисторической жизни нашего народа, изображеннаго въ безмѣрно могучемъ образѣ Микулы Селяниновича, и новаго періода государственной или исторической жизни русскаго

* Тамъ же стр. XVIII.

народа, которая начинается появленіемъ на Руси князей-правителей съ ихъ дружинами хоробрými. Извѣстно, что большая часть нашихъ историческихъ пѣсень воспѣваетъ подвиги богатырей времени или, вѣрнѣе, цикла Владимірова, какъ-то: Добрыни Никитича, Алеша Поповича и другихъ, въ особенности же Ильи Муромца. Но этому циклу богатырей Владиміровыхъ очевидно предшествовалъ въ народной поэзіи рядъ другихъ древнѣйшихъ богатырей, несравненно сильнѣйшихъ, которыхъ издатели сборника г. Рыбникова наименовали въ своемъ изданіи старшими, сообразуясь съ замѣчаніемъ покойнаго К. С. Аксакова. Эти старшіе богатыри, одаренные громадною, нечеловѣческою силою, носятъ на себѣ печать титанической, стихійной силы, которая съ человѣческою не можетъ быть и соизмѣрима; это именно тѣ богатыри, съ которыми калики перехожіе, сообщившіе Ильѣ Муромцу движеніе и силу, воспретили ему входить въ бой:

Будешь ты, Илья, великъ богатырь,
И смерть тобѣ на бою не писана:
Бейся, ратися со всякимъ богатыремъ
И со всею паленицею удаюю:
А столько (только) не выходи драться
Съ Святогоромъ богатыремъ:
Его и земля на себѣ черезъ силу носить;
Но ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
Его любятъ матушка сыра земля;
Не ходи оцѣ на Вольгу Святославговича:
Онъ не силою возьметъ,
Такъ хитростью—мудростью*.

Все это богатыри предшествующей, древней эпохи; громадность ихъ вида и силы далеко превышаетъ размѣры человѣческіе, хотя бы и богатырскіе, и потому нарушаетъ то необыкновенное художественное впечатлѣніе, которое производитъ на насъ явленіе силы, хотя и чрезвычайной, но введенной въ извѣстную мѣру, какова сила Ильи Муромца, Добрыни Никитича и т. д. Эти древніе или, если слѣдовать К. С. Аксакову, старшіе богатыри, еще не отдѣлены отъ силъ природы и заключаютъ въ себѣ нѣчто стихійное. Таковъ, на примѣръ, Святогоръ. Когда онъ подъѣзжалъ къ шатру, въ которомъ заснулъ своимъ богатырскимъ трехдневнымъ сномъ Илья Муромецъ:

Услыхалъ его (Илья) добрый конь
Великій шумъ съ поды сиверныя сторонушки:
Мать сыра земля колыбается,
Темны лѣсушки патаются,

* Сборн. Рыб. стр. 35.

Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются.
 Бьетъ добрый конь копытомъ о сыру землю,
 Не можетъ разбудить Илью Муромца.
 Прозычилъ конь языкомъ человѣческимъ:
 «Ай же ты, Илья Муромецъ!
 «Спишь себѣ прохлаждаешься,
 «Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
 «Ѣдетъ къ шатру Святогоръ богатырь;
 «Ты спущай меня во чисто поле,
 «А самъ полѣзай на сырой дубъ».
 Воставалъ Илья на скоры ноги,
 Спускалъ коня во чисто поле,
 А самъ высталъ на сырой дубъ.
 Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
 Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
 На плечахъ везетъ хрустагный ларець и т. д. *

Въ другой пѣснѣ говорится, что Святогора бременила его собственная чрезмѣрная сила:

И ѣдетъ (Святогоръ) по чисту полю;
 Не съ кѣмъ Святогору силой помѣраться,
 А сила-то по жмолочкамъ
 Такъ живчикомъ и переливается:
 Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжкаго бремени. **

Не имѣя между людьми соперниковъ, Святогоръ задумалъ найти тягу земли и поднять ее; но этотъ подвигъ, чисто титанической, былъ выше силъ самого Святогора. Нашедши тягу земли въ видѣ малой перемѣтной сумочки, онъ пробуетъ ее сперва погонялкою, но она не скрянется; потомъ двинетъ перстомъ, она не сворохнется; хватить съ коня рукою,—не подыметса. Изумленный небывалымъ дивомъ,

Слезаетъ Святогоръ съ добра коня,
 Ухватилъ онъ сумочку обѣими руками,
 Поднялъ сумочку по выше колѣнъ:
 И по колѣна Святогоръ въ землю угрызъ,
 А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
 Гдѣ Святогоръ угрызъ, тутъ и встать не могъ,
 Тутъ ему было и конченіе. ***

Но еще замѣчательнѣе описаніе смерти Святогора въ осьмой былинѣ сборника, озаглавленной: Святогоръ съ Ильєю Муромцемъ.

Къ разряду этихъ же титановъ или гигантовъ принадлежитъ и тотъ безыменный богатырь, о которомъ передаетъ К. С. Аксаковъ занимательный рассказъ, слышанный имъ въ дѣтствѣ:

Илья Муромецъ, послѣ многихъ совершенныхъ имъ богатырскихъ подвиговъ, не найдя себѣ равнаго силою, слышалъ, что

* Сбор. Рыбн. стр. 87.

** Тамъ же стр. 32.

*** Тамъ же.

есть одинъ богатырь силы непомѣрной, котораго и земля не держитъ и который на всей землѣ нашель одну только, могущую выдержать гору, и лежалъ на ней. Пошелъ онъ искать этого богатыря и нашель гору, а на ней лежитъ огромный богатырь, самъ какъ гора. Илья наноситъ ему ударъ. «Никакъ я зацѣпился за сучекъ,» говоритъ богатырь. Илья, напрягши всю свою силу, повторяетъ ударъ. «Вѣрно я за камушекъ задѣлъ,» говоритъ богатырь. Оборотись, онъ увидѣлъ Илью Муромца и сказалъ ему: «А, это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми, и будь между нами силенъ, а со мной нечего тебѣ мѣрять силу. Видишь, какой я уродъ, меня и земля не держитъ; нашель себѣ гору и лежу на ней.» *

Выше мы имѣли случай познакомить читателя съ ратаемъ Микулою Селяниновичемъ, который, хотя и не имѣетъ въ себѣ такой превосходящей всякіе предѣлы силы, какую мы видѣли въ Святогорѣ, но также далеко превосходитъ силою богатырей послѣдующей эпохи. У него тоже есть особая таинственная связь съ землею, почему калшки и предостерегаютъ Илью Муромца, чтобы онъ не бѣгся и не ратился съ Микулою Селяниновичемъ и съ его родомъ:

Его любить матушка сыра земля.

Эта естественная связь ратая, въ которомъ олицетворенъ цѣлый земледѣльческій народъ, съ землею; эта взаимная любовь матушки сырой земли и Микулы Селяниновича, вмѣстѣ съ другими соображеніями, даетъ намъ право отнести этого богатыря къ циклу богатырей древнѣйшей эпохи, въ которую герои, при очертаніяхъ человѣческаго образа, еще носили на себѣ печать силы міровой, стихійной, эпохи космогонической. Правда, что въ Микулѣ Селяниновичѣ замѣтно болѣе чисто человѣческихъ чертъ, нежели въ Святогорѣ богатырѣ или въ томъ чудовищѣ, о которомъ передалъ свои дѣтскія воспоминанія К. С. Аксаковъ. Но что и онъ принадлежитъ къ эпохѣ, предшествовавшей сказочной порѣ князя Владиміра, доказывается кромѣ другаго тѣмъ, что его дочери, Василиса и Настасья (о судьбѣ третьей его дочери Марьи пѣсни ничего не говорятъ), вышли замужъ за богатырей, Ставра и Добрыню, принадлежащихъ уже къ циклу Владимірову; и дѣти его знаменитой соловой кобылки, «Обиеси голова», перешли къ богатырямъ Владиміровымъ, Ильѣ Муромцу, Добрынѣ Никитичу, Дюку Степановичу и Чурилѣ Пленковичу.

* Пѣсни, собран. П. В. Кирѣев. вып. 1. Прилож. стр. XXX.

Самсонъ богатырь съ своими семью власами ангельскими на-
поминаетъ, безъ сомнѣнiя, вѣтхозавѣтнаго Самсона и въ народ-
ной поэзiи явился, вѣроятно, позднѣйшею вставкой, когда на-
роду, по принятiи христіанства и усвоенiи библейскихъ сказа-
ній, сдѣлалась извѣстна таинственная сила власовъ Самсона.
Впрочемъ Самсонъ богатырь, какъ и нѣкоторые другіе старшіе
богатыри, не дали народному воображенію пищи для созданiя
особыхъ былинъ; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ мы не знаемъ
ни одной исторической пѣсни, которой геросемъ былъ бы Сам-
сонъ богатырь.

Запрещеніе, сказанное Ильѣ Муромцу каликами переходящій,
тобы онъ не бѣлся, не ратился съ Вольгой Святославовичемъ,
ставить и этого богатыря въ рядъ древнѣйшихъ геросовъ народ-
наго эпоса, въ сверстники Святогора, Самсона и Микулы. Из-
датели сборника П. Н. Рыбникова такъ и взглянули на него и
отвели ему мѣсто между богатырями старшими. Но замѣчаніе
каликъ, что

Онъ не силою возьметъ,
Такъ хитростью — мудростью —

придастъ ему особый характеръ богатыря — вѣдуна, волшеб-
ника, какимъ онъ и представляется въ первой былинѣ сборника
П. Н. Рыбникова и въ исторической пѣснѣ, сборника Кириши
Давыдова.

Кромѣ указанныхъ богатырей древнѣйшей эпохи, весьма осно-
вательно отнесены къ ней издателями сборника П. Н. Рыбни-
кова и нѣкоторые другіе, Полканъ, Колыванъ и Сухманъ Оди-
хмантьевичъ. О первыхъ двухъ только упоминается въ историче-
скихъ пѣсняхъ, воспѣвающихъ подвиги Ильи Муромца, а о Сух-
манѣ Одихмантьевичѣ, благодаря г. Рыбникову, мы имѣемъ осо-
бую и очень трогательную былинку*.

«Онъ носить на себѣ, говорить г. Безсоновъ, явные слѣды
происхожденiя миѣческаго, доисторическаго. Какъ всѣ богаты-
ри, онъ затянута творчествомъ въ эпоху Владиміра, но на са-
мый первый уже взглядъ далеко отстоитъ отъ нея: онъ чув-
ствуетъ себя чужимъ на пиру Владиміра, онъ не пользуется его
расположеніемъ; онъ беретъ за трудные подвиги, но не вы-
полняетъ ихъ для Владиміра; ему не довѣряютъ, князь посы-
лаетъ за нимъ подглядывать богатырей младшихъ, сверстниковъ
эпохи, даже сажаетъ его въ подземелье, и когда воротилъ ему
жизнь, Сухманъ не принимаетъ ее, какъ даръ:

* Стр. 26.

«Не умѣлъ меня солнышко жаловать,
 Не умѣлъ меня солнышко жаловать
 А теперь не видать меня во ясные очи!»
 Выдергивалъ листочки маковые
 Съ тихихъ ранъ со кровавыхъхъ.
 Самъ Сухмантій приговаривалъ:
 «Потѣки Сухманъ рѣка
 Отъ моя крови горючія,
 Отъ горючія крови напрасныя».

Мы почли свою обязанностію остановиться съ усиленнымъ вниманіемъ на этихъ прекрасныхъ открытіяхъ г. Рыбникова, которыми такъ ясно обозначается древнѣйшая эпоха нашего народнаго эпоса и переходъ его отъ содержанія космогоническаго къ полуисторическому или богатырскому, переходъ, о которомъ ученые изслѣдователи остроумно догадывались а priori, по предполагаемой аналогіи между развитіемъ эпоса нашего и иныхъ родственныхъ намъ народовъ, и на основаніи нѣкоторыхъ отрывочныхъ свидѣтельствъ. Г. Буслаевъ, посвятившій весьма много любопытныхъ статей изслѣдованію мифологической стороны нашей народной поэзіи, не оставилъ безъ вниманія и этого вопроса о смѣнѣ мифологическаго эпоса историческимъ или богатырскимъ; но, къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду тѣхъ данныхъ, съ которыми насъ познакомило прекрасное изданіе г. Рыбникова. Впрочемъ въ своей книгѣ онъ напечаталъ очень любопытный памятникъ древне-русской письменности, имѣющей прямое отношеніе къ вопросу. Мы говоримъ о Повѣсти града Іерусалима, извлеченной имъ изъ сборника первой четверти XVIII вѣка, которой важное значеніе заключается въ томъ, что она предлагаетъ намъ первообразъ извѣстнаго народнаго стиха о Голубиной Книгѣ. Извѣстно, что стихъ о Голубиной Книгѣ состоитъ въ томъ, что князь Владиміръ предлагаетъ царю Давиду Іессевичу различные вопросы, касающіеся преимущественно космогоніи, и получаетъ на нихъ отвѣты. Повѣсть града Іерусалима представляетъ тоже самое содержаніе, что и стихъ о Голубиной Книгѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что на мѣсто князя Владиміра она выводитъ какое-то иное лице, Волота Волотовича, и при немъ того же Давида Іессевича, но уже не одного, а въ обществѣ еще двухъ царей, Моисея Моисеевича и Елисея Елиссевича. Этотъ Волотъ, котораго имя какъ въ древнемъ, такъ и въ нынѣшнемъ областномъ русскомъ языкѣ обозначаетъ великана, по мнѣнію г. Буслаева, есть лицо чисто мифическое, новый герой русскаго мифологическаго эпоса.

«Онъ является здѣсь, говоритъ г. Буслаевъ, первообразомъ или предшественникомъ героя историческому, Владиміру Красному Солнышку: замѣчательный фактъ въ исторіи русской народной поэзіи, подтверждающій ту правдоподобную догадку, что именемъ князя Владиміра во многихъ богатырскихъ пѣсняхъ была замѣнена и подновлена какая нибудь древнѣйшая героическая, мифическая личность. По крайней мѣрѣ въ стихѣ о Голубиной Книгѣ Владиміру предшествовалъ *Волотъ*. Каково бы ни было мѣологическое и историческое отношеніе Волота къ Велетамъ, Вильцамъ или Волчкамъ, и къ сѣвернымъ Вилькинамъ, прославляемымъ въ *Вилькина сагъ*, но во всякомъ случаѣ слово *Волотъ*, и въ древнемъ, и въ народномъ русскомъ языкѣ, означаетъ великана; слѣдовательно, уже по самому значенію своему, Волотъ принимался народомъ въ смыслѣ героя, полубога, существа сверхъ-естественнаго, какими обыкновенно въ мифологіи разубются великаны *.

Въ заключеніе нашихъ разсужденій о характерѣ этихъ старинныхъ богатырей, принадлежащихъ эпохѣ доисторической, не лишнимъ считаемъ замѣтить, что одни изъ нихъ заключаютъ въ себѣ болѣе стихійныхъ космогоническихъ свойствъ, какъ напримѣръ Святогоръ или богатырь изъ разсказа Аксакова; другіе же ближе подходятъ къ человѣческому образу и отличаются отъ богатырей позднѣйшей, исторической эпохи необыкновенными размѣрами силы, какъ напримѣръ, Микула Селяниновичъ.

Между ними можно, намъ кажется, установить различіе, подобное тому, которое существуетъ, напримѣръ, между титанами греческой мифологіи, къ которымъ приближаются отчасти наши богатыри—стихи, и между героями древнѣйшей эпохи греческой жизни, передъ которыми герои Иліады представляются уже поколѣніемъ слабѣйшимъ. Когда старецъ Несторъ упоминаетъ о подвигахъ древняго Тезея и другихъ его сверстниковъ, онъ говоритъ, что ему уже не видать такихъ героевъ и такихъ дѣлъ, которыхъ онъ былъ очевидцемъ во дни своей первой юности; что съ тѣми людьми, которыхъ онъ измлада зналъ, никто изъ людей, современниковъ его старости, не могъ бы состязаться въ силѣ. Это было тоже поколѣніе старшихъ богатырей (героевъ), какое видимъ и въ нашемъ эпосѣ, предшествующее тѣмъ героямъ, которыхъ сила, при всей ея необычайности, введена уже въ человѣческіе размѣры, и которыхъ дѣйствія воспѣты въ

* Т. I, стр. 456.

наилучшихъ художественныхъ произведеніяхъ народнаго творчества; между тѣмъ какъ эти старшіе, безжѣрные герои или богатыри, по большей части только припоминаются въ пѣсняхъ позднѣйшаго періода какъ бы для оттъненія героев позднѣйшихъ: такъ поэзія, какъ и всякое искусство, любитъ мѣру.

На смѣну этимъ старшимъ богатырямъ эпохи незапамятной и по преимуществу миѳической, являются въ народномъ поэтическомъ представленіи богатыри новой исторической или, вѣрнѣе, полунсторической, богатырской породы, которые еще не тужды связи съ древнѣйшею миѳической эпохой, но съ другой стороны являются уже въ чисто человѣческихъ очертаніяхъ и болъшею частію въ противоборствѣ съ темными стихійными силами чисто миѳологической поры.

Это богатыри Владимірова цикла, между которыми первое принадлежитъ крестьянскому сыну Ильѣ Муромцу, справедливо названному въ разсужденіи Аксакова величайшею, первою *человѣческою* силою. Богатыри Владимірова цикла взяты народною фантазіею изъ дѣйствительной жизни, хотя и претворены ою сообразно съ художественными цѣлями. Въ сказочномъ Владимірѣ никто конечно не узнаетъ равноапостольнаго просвѣтителя русской земли, хотя въ немъ сохранена эта подлинная, отиѣченная и Несторомъ, черта его характера: это любовь его къ дружинѣ, которую онъ жаловалъ и ежедневно угощалъ, и что и придано ему въ пѣсняхъ прозваніе *ласковѣй*. Въ Ильѣ Муромцѣ, героѣ пѣсенъ, никто также не подумаетъ видѣти угодника Божія, почивающаго въ кіевскихъ пещерахъ но эта нравственная чистота и возвышенность его характера, это глубокое спокойствіе и миролюбіе, при такой всеобѣдательной силѣ, есть, по всему вѣроятію, сохраненный поэзіею отблескъ тѣхъ высокихъ добродѣтелей, той святости, которою отличался дѣйствительный, угодившій Богу Илья.

Г. Буслаевъ приписываетъ эти высокія черты Ильи Муромца другому источнику, но едва ли можно съ нимъ въ этомъ согласиться.

«Величавая личность Ильи Муромца, говоритъ онъ, въ основныхъ своихъ очертаніяхъ можетъ-быть напоминала идеальныя типы подубоговъ, сокрушителей всего зловреднаго на землѣ; можетъ-быть она была снимкомъ съ миѳическаго идеала какого-нибудь Перуна, этого громовержца Тора славянской миѳологии. Но въ эпоху историческую, когда сложился цикл Влади-

міровъ, Илья Муромецъ сталъ могущественнѣмъ, представителемъ силъ простаго народа и защитникомъ его интересовъ предъ исключительнымъ господствомъ дружины». *

Догадка рѣшительно ни на чемъ не основанная. Ни въ одномъ вариантѣ пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на его мнѣшеское происхожденіе; всѣ пѣсни согласно указываютъ на мѣсто его рожденія, на званіе и иногда имена его родителей; и ни съ какимъ Перуномъ или Торомъ, или съ другимъ божествомъ ни одна пѣсня не связывала Ильи Муромца. Силу и движеніе получилъ онъ отъ каликъ переходящихъ, которые въ нѣкоторыхъ вариантахъ называются самъ Исусъ Христосъ, два авостла; это герой не только исторической, но даже христіанской эпохи; родители его, отпуская на подвиги, кладутъ ему заповѣдь великую

Но проливать крови христіанскія.

Эта величавость и глубокое спокойствіе, столь поразительныя въ характерѣ Ильи Муромца, объясняются и безъ Перуна, изъ естественныхъ причинъ: всякая дѣйствительно великая сила, нравственная и физическая, бываетъ величава и спокойна. По прекрасному замѣчанію г. Берга, которое онъ сдѣлалъ по поводу тогоже Ильи Муромца, самый сильный морозъ бываетъ безъ вѣтра. Всѣ сношенія Ильи съ лицами мнѣшескаго міра враждебныя: онъ убилъ Соловья Разбойника и Бабу Гарыцинку, также Идолицу Нечестиваго; ни откуда не видать, чтобы съ этимъ міромъ онъ имѣлъ какія-либо родственныя, генерическія связи. Нѣкоторое исключеніе изъ сказаннаго нами можетъ представить отношеніе его къ богатырю Святогору, выраженное въ прекрасной былинѣ изъ сборника Т. П. Рыбникова **.

Выучилъ Святогоръ Илью
 Всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскимъ,
 И поѣхали они къ Сивернымъ горамъ,
 И наѣхали путемъ дорогой на великій гробъ,
 На томъ гробу подпись подписана:
 «Кому суждено въ гробу лежать,
 «Готъ въ него и ляжетъ».
 Легъ Илья Муромецъ:
 Для него домовище и велико, и широко.
 Ложился Святогоръ богатырь:
 Гробъ пришелся по немъ.
 Говоритъ богатырь таковы слова:
 «Гробъ точно про меня дѣланъ;

* Т. 1. стр. 417.

** Стр. 33.

«Возьмѣтко крышку, Илья,
«Закрой меня».

Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:

— Не возьму я крышки, большій братъ,

— И не закрою тебя:

— Шутить ты шуточку не малую,

— Самъ себя хоронить собрался.

Взялъ богатырь крышку и самъ закрыть ею гробъ;

Да какъ захотѣлъ поднять ю,

Никакъ не можетъ;

Бился онъ и сился поднять

И проговорилъ онъ Ильѣ Муромцу:

«Ай меньшій братъ!

«Видно судьбина поискала меня,

«Не могу поднять крышки,

«Попробуй-ко приподнять ю».

Попробовалъ Илья Муромецъ приподнять крышку, да гдѣ ему! Говоритъ Святогоръ богатырь: «Возьми мой мечъ кладенецъ и ударь поперекъ крышки». Ильѣ Муромцу не подъ силу и волнять Святогорова меча-кладенца. Зоветь его Святогоръ-богатырь: «Наклонись ко гробу, ко маленькой щелочкѣ, я дохну на тебя духомъ богатырскимъ». Какъ наклонился Илья и дохнулъ на него Святогоръ-богатырь своимъ духомъ богатырскимъ: почувялъ Илья, что силы въ немъ прибавилось втрое, поднялъ онъ мечъ-кладенецъ и ударилъ поперекъ крышки. Отъ того удара великаго посыпались искры, а гдѣ ударилъ мечъ-кладенецъ, на томъ мѣстѣ выросла полоса желѣзная. Зоветь его Святогоръ-богатырь: «Душно мнѣ, меньшій братъ, попробуй още ударить мечемъ вдоль крышки». Ударилъ Илья Муромецъ вдоль крышки, — и тутъ выросла желѣзная полоса. Опять проговорилъ Святогоръ-богатырь: «задыхаюсь я, меньшій братецъ, наклонись-ка ко щелочкѣ: я дохну още на тебя и передамъ тебѣ всю силушку великую». Отвѣчаетъ Илья Муромецъ: — Будетъ съ меня силы, большій братецъ; не то земля на собѣ носить не станетъ. — Промолвилъ тутъ Святогоръ-богатырь: «хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ, что не послушалъ моего послѣдняго наказа: я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты легъ бы мертвъ подлѣ меня. А теперь прощай, владѣй своимъ мечемъ-кладенцомъ, а добра коня моего богатырскаго привяжи къ моему гробу: никто кромѣ меня не совладѣетъ съ этимъ конемъ». Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ. Простился Илья Муромецъ съ Святогоромъ, привязалъ его добра коня ко тому ко гробу, опоясалъ святогоровъ мечъ-кладенецъ и поѣхалъ въ раздольище чисто поле.

Вообще должно замѣтить, что пѣсни богатырскія сохранили въ себѣ менѣе слѣдовъ древняго мифологическаго эпоса, нежели пѣсни *бытовья*, обрядовья, какъ напримѣръ, — свабедныя, хоро-водныя, подблюдныя и т. п. Историческій элементъ въ нихъ возобладалъ надъ мифическимъ; и хотя мы не можемъ повто-рять съ г. Буслаевымъ, чтобы богатырскія пѣсни *потерли* отъ внесенія въ нихъ историческаго элемента, — напротивъ мы, согласно съ другимъ замѣчаніемъ г. Буслаева, находимъ въ этомъ существенное достоинство древняго народнаго творчества, которое не могло ограничиться одною темною областію мифовъ, но съ живымъ участіемъ отнеслось и къ историческимъ событіямъ народной жизни и облекло эти событія въ художественныя формы: тѣмъ не менѣе самое замѣчаніе о малой связи бо-гатырскихъ пѣсенъ съ мифологическимъ эпосомъ остается вполнѣ справедливо.

Въ изслѣдованіяхъ г. Буслаева историческимъ пѣснямъ удѣлено менѣе мѣста, чѣмъ поэзіи періода мифологическаго; онъ пред-лагаетъ свои разсужденія о нихъ въ двухъ статьяхъ перваго тома: Русскій народный эпосъ и Русская поэзія XVII вѣка. Мы не можемъ поставить этого въ упрекъ почтенному автору, какъ сдѣлали нѣкоторые критики; всякій воленъ избирать себѣ пред-меты для изслѣдованія, и въ настоящемъ случаѣ предпочтеніе древнѣйшей эпохѣ народнаго творчества оказано г. Буслаевымъ не по какому либо пренебреженію къ исторической пѣснѣ. На-противъ г. Буслаевъ выразилъ къ ней полное свое сочувствіе, достойное подражанія.

«Историческая пѣсня или былина, говоритъ онъ, заслужи-ваетъ особеннаго вниманія между прочими видами русской на-родной поэзіи. Она свидѣтельствуетъ намъ, что народъ прини-малъ живѣйшее участіе въ историческихъ судьбахъ Руси, умѣлъ по своему очень вѣрно понимать ихъ и давать имъ мѣткую ха-рактеристику въ своихъ пѣсняхъ. Современники воспѣвали гром-кія имена и великія событія своего времени и передавали ихъ юному, нарождавшемуся поколѣнію, которое, свято сохраняя за-вѣщанную отъ отцовъ старину, прилагало къ ней былины сво-его времени, какъ авторъ. «Слова о Полку Игоревѣ» прилагалъ *былины сею времени* къ замышленію Боянову, и потомъ береж-но передавало оно накопленное имъ поэтическое сокровище по-томству. Какъ бы ни совершалась эта завѣтная передача исто-рическихъ былинъ, но пѣсни о Владимірѣ, о татарахъ, литвѣ,

объ Иванѣ Грозномъ и о другія историческія предметахъ, доселѣ живутъ въ устахъ народа. Ясно, что одно поколѣніе органически роднилось съ другимъ, будучи связываемо историческимъ преданіемъ. Какъ грамотные люди читали о роднѣ старшіхъ въ лѣтописяхъ, хронографахъ, житіяхъ святыхъ; такъ съ не меньшею для себя пользою простой народъ питался доселѣ не перестаетъ питаться національными силами историческихъ преданій въ своихъ историческихъ былинахъ. Этотъ фактъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. И если русскій безграмотный людъ не учится исторіи своей родной земли и школьнымъ учебникамъ, если не понимаетъ ни хронологической ни прагматической связи между важнѣйшими событіями родной старины, то все же онъ цѣнитъ къ нимъ поэтическое и нравственное сочувствіе, вспоминая о нихъ въ своихъ былинахъ. Не буду здѣсь касаться вопроса о томъ, что больше можетъ роднитъ простой народъ съ его стариною—это ли нравственное поэтическое сочувствіе, или школьный учебникъ; но не могу умолчать о томъ, что съ точки зрѣнія собственно литературной, былина несравненно выше всевозможныхъ историческихъ руководствъ или учебниковъ, и для народа—въ его неразвитомъ, безсознательномъ, поэтическомъ періодѣ развитія—служатъ онѣ единственнымъ и самымъ популярнымъ средствомъ къ поддержанію и укрѣпленію національныхъ силъ, развитыхъ въ народѣ его исторіею.» *

Русская историческая поэзія имѣетъ свои періоды, которые, не смотря на одинаковость эпическихъ приемовъ и языка въ пѣсняхъ древнѣйшаго и позднѣйшихъ періодовъ, могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга довольно явственною чертою. Такъ пѣсни періода или цикла Владимірова не трудно отличить отъ пѣсенъ періода московскихъ царей: таковы пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, Михаилѣ Федоровичѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ; пѣсни временъ Петра I и послѣдующихъ имѣютъ также свой особый характеръ; издатели пѣсенъ, собранныхъ Ц. Н. Рыбниковымъ, принимаютъ еще особый періодъ богатырскихъ пѣсенъ, предшествующихъ циклу Владимірову. Но «замѣчательно, говорятъ знаменитый собиратель памятниковъ народной поэзіи и лучший знатокъ и цѣнитель ея, П. В. Кирѣевскій, — что первыя полунитическія времена русской исторіи уцѣлѣли въ народныхъ пѣсняхъ свѣжѣе, нежели дослѣдующія; между тѣмъ какъ пѣсенъ о тѣхъ событіяхъ, которыя такъ глубоко потрясли Россію во

* Т. 1 стр. 420.

времена татаръ и самозванцевъ — осталось мало. Можетъ быть это потому, что, переходя изъ усть въ уста, древнее преданіе, по мѣрѣ своей отдаленности, богаче украшается радужными цвѣтами поэзіи; а можетъ быть потому, что и народъ, какъ отгнанный человѣкъ, въ счастливыя эпохи внутренней тишины — во тишины разумѣется, основанной не на усыпленіи, а на зжидательной сосредоточенности его духовныхъ стремленій — быметъ доступнѣе для впечатлѣній глубокихъ и прочныхъ, нежели въ эпохи бурныхъ торжествъ или ожесточенной борьбы.*

Дѣйствительно, нельзя и сравнить количества пѣсенъ времени Владимірова, которыя сохранились во множествѣ самыхъ разнообразныхъ вариантовъ, съ числомъ пѣсенъ позднѣйшаго періода, къ которому относятся пѣсни о Иванѣ Грозномъ, Алексѣ Милославчѣ и т. д. По этой ли причинѣ, которую предполагаетъ Н. В. Кирѣвскій, или по какимъ другимъ, только фактъ несомнѣненъ. Конечно въ пѣсняхъ Владимірова цикла воспѣваются событія разныхъ эпохъ; татарскіе погромы и литовскіе набѣги отражаются въ пѣсняхъ богатырями Владиміровыми, Ильєю Муромцемъ, Добрынею Никитичемъ, Васильемъ Пьяницею, и т. д. Лятва въ представленіи народа также смѣшивается нерѣдко съ татарами.

Въ противоположность мнѣнію П. В. Кирѣвскаго г. Буславъ признаетъ въ былинахъ, воспѣвающихъ битвы русскихъ богатырей съ татарами, какое-то явное отличіе отъ остальныхъ пѣсенъ, выражающееся въ нѣкоторыхъ лирическихъ порывахъ, столь мало свойственныхъ вообще эпической поэзіи.

«Русская былина, говоритъ онъ, вѣрная историческому развитію самой жизни, явственно отмѣчаетъ въ своей формации періодъ татарскій, когда съ особенною энергіею совершился въ народной фантазіи переходъ отъ мифовъ древнѣйшаго періода къ явусу собственно историческому, именно тотъ рѣшительный исходъ изъ сомкнутаго круга собственно мифологическаго творчества, который замѣчается въ народахъ вслѣдствіе историческихъ переворотовъ, особенно потрясающихъ народное чувство и сильно дѣйствующихъ на воображеніе. Такія событія, какъ завоеваніе Испаніи маврами, какъ паденіе царства сербскаго, какъ погромы татарщины въ древней Руси — вызываютъ чувство и воображеніе къ дѣйствительности и даютъ новое направленіе поэтической дѣятельности. Эпическій спокойный тонъ разсказа уже

* Моск. Сбор. 1852 г.

нарушается лирическими порывами, въ которыхъ чувствуются горячіе слѣды текущихъ историческихъ событій».

«Древне-русская пѣсня о *Каликѣ царѣ*, хотя совершенно въ прежнемъ тонѣ эпической старины воспѣваетъ князя Владимира и его богатырей, дерущихся съ татарами; но элементъ новый уже внесень въ нес, въ прекрасномъ лирическомъ воззваніи, которое составляетъ лучшее въ ней мѣсто.

За чѣмъ мать сыра земля не погнется?

За чѣмъ не разступится?

Отъ пару было отъ ковиного,

А и мѣсяць, солнце померкнуло,

Не видать луча свѣта бѣлаго;

А отъ духу татарскаго

Не можно крещенымъ намъ живымъ быти.

Кромѣ хронологическаго дѣленія русскихъ историческихъ пѣсенъ на различные періоды, замѣчается между ними весьма ясное и важное различіе топографическое, по областямъ. Рядомъ по времени съ пѣснями Владимірова цикла, воспѣвающими событія южнорусской, кievской стороны, мы видимъ рядъ пѣсенъ новгородскихъ съ совершенно отличными чертами тамошнихъ богатырей и совершенно особеннаго содержанія. Взаимное отношеніе пѣсенъ этихъ различныхъ мѣстностей еще никѣмъ изъ ученыхъ не опредѣлено, хотя важность предмета того заслуживала бы.

«Правда, говоритъ г. Буслаевъ, въ исторіи литературы замѣчено отличіе древнихъ пѣсенъ южно-русскихъ или кievскихъ, сосредоточенныхъ на циклѣ Владиміровомъ, отъ пѣсенъ сѣверныхъ или новгородскихъ, къ которымъ относятся пѣсни о Садкѣ богатомъ гостѣ, о Васильѣ Буслаевѣ: но показано ли ихъ взаимное отношеніе? Уяснены ли тѣ основные пункты, на которыхъ тѣ и другія сходятся, указывая тѣмъ самымъ на древнѣйшіе поэтическіе источники первобытнаго русскаго эпоса? Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые мифологическіе мотивы въ пѣсняхъ о Садкѣ, составляютъ достояніе того до-владиміровскаго эпоса, о которомъ упомянуто выше. Отношенія Садки къ *Морскому царю* составляютъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для исторіи русскаго мифологическаго эпоса: но этимъ отношеніямъ позднѣйшая новгородская жизнь дала свойственное ей, *юстинское приращеніе*». *

Изъ позднѣйшихъ историческихъ пѣсенъ періода московскихъ царей особенно замѣчательны пѣсни о Иванѣ Грозномъ, котора-

* Т. 1 стр. 419.

го свирѣпый, но картинный образъ, привлекалъ вниманіе народныхъ поэтовъ, поражая ихъ воображеніе рѣзкимъ контрастомъ своихъ свойствъ. Въ собраніи П. Н. Рыбникова есть прекрасные варианты извѣстной пѣсни, напечатанной Калайдовичемъ въ сборникѣ Кирила Данилова, въ которой поется, какъ царскій шуринокъ Никита Романовичъ спастъ отъ казни своего племянника, молодого царевича Ѳсдора Ивановича. Не менѣе любопытенъ вариантъ пѣсни о свадьбѣ Грознаго, выписанный сполна у г. Буслаева.

Приутихло—приуныло море синее,
 Глядючись смотрючись со черныхъ кораблей,
 И со тѣхъ со марсовъ корабельныхъ,
 И со тѣхъ со трубочекъ подзорныхъ,
 И на тѣ на круты красны бережки.
 Приутихли, приуныли круты красны бережки,
 Глядючись, смотрючись съ черныхъ кораблей,
 И со тѣхъ марсовъ корабельныхъ,
 И со тѣхъ трубочекъ подзорныхъ,
 И на тѣ на горы на высокія,
 И на тѣ на поля на зеленыя.
 Приутихли, приуныли поля зеленыя,¹
 Глядючись, смотрючись на государевъ дворъ.
 Преставляется царица благовѣрная,
 Молодая Софья, дочь Романовна:
 Въ головахъ сидятъ два царевича,
 Въ ногахъ сидятъ млада двѣ царевны,
 Супротивъ стоптъ самъ грозенъ царь,
 Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ;
 Говоритъ царица таковы рѣчи:
 «Ужь ты слушай, царь, послушай-ко,
 «Что я тебѣ, царица, повею скажу:
 «Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
 «До своихъ до младыхъ двухъ царевичевъ;
 «Когда будутъ они во полномъ умѣ
 «И во твердомъ будутъ разумѣ,
 «Тогда будетъ оборона отъ новыхъ земель.
 «Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
 «Когда будутъ дѣвицы въ полномъ умѣ
 «Во полномъ умѣ, въ твердомъ разумѣ,
 «Ты тогда отдавай дѣвицъ за мужъ.
 «Еще слушай, царь, ты послушай-ко,
 «Что я тебѣ, царица, повею скажу:
 «Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
 «До своихъ князей, до своихъ думныхъ бояръ
 «И до того ты до дялюшки любимаго,
 «И до своего ты до крестнаго батюшки,
 «До того Богдана Сирскаго:
 «И тутъ твоя дума крѣпкая!
 «Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
 «Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
 «До своихъ солдатушекъ служащихъ:
 «И тутъ твоя сила вѣрная!
 «Еще слушай, царь, ты послушай-ко,
 «Что я тебѣ, царица, повею скажу,

«Принакажу и повыскажу:
 «Когда я, царица, представляюся,
 «Не женись ты, царь, въ проклятой Литвѣ,
 «На той ли Марьѣ Темрюковнѣ;
 «А женись ты, царь, въ каменной Москвѣ,
 «На той Супавѣ татарскіе:
 «Хоша есть у ней много приданова,
 «Шановой и улановой
 «И злыхъ поганыхъ татаровой,
 «Есть у ней брателко родимое,
 «Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ».
 И тутъ царица престанилась;
 Тутъ царицѣ славу поюгъ.
 Прошло всемени три мѣсяца,
 Похотѣлъ суларь грозенъ царь,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 И покаился онъ въ ту ли матушку прокляту Литву,
 Покаитлся и женитлся
 На той на Марьѣ на Темрюковнѣ *.

Любопытны разсужденія г. Бусласва о томъ, почѣму народныя поэты избрали Грознаго царя предметомъ своихъ пѣснопѣній преимущественно предъ другими замѣчательными дѣятелями нашей исторіи. «Народная пѣсня, говоритъ онъ, описываетъ Ивана Грознаго жестокимъ: «не будь ты яръ—будь ты милостивъ»—не одинъ разъ говоритъ ему умирающая супруга, умоляя его смягчиться сердцемъ. Въ пѣснѣ о убіеніи царевича онъ безчинствуетъ въ своей ярости, казнь не только бояръ, но и поповъ. Ни коимъ образомъ нельзя допустить, чтобъ народная былина избрала своимъ героемъ Грознаго царя ради его жестокости. Можетъ-быть демократическія его убѣжденія и замашки нравились простонароднымъ пѣвцамъ и забавляли слушателей; но этимъ однимъ не снискалъ бы онъ себѣ такого почетнаго мѣста между героями народнаго эпоса. Дѣйствительно, историческая былина отмѣтила болѣе существенное въ дѣятельности этого царя: «Взялъ онъ царство Казанское, такъ повѣствуетъ она, выводилъ онъ измѣну изъ Кіева, вывелъ измѣну изъ Новгорода, взялъ Рязань, взялъ и Астрахань, только не вывелъ измѣны въ каменной Москвѣ». Сверхъ того, нѣтъ сомнѣнія, что этотъ замѣчательный человѣкъ древней Руси не мало обязанъ въ своей популярности (своею популярностію?) искреннимъ благочестіемъ (искреннему благочестію?), о которомъ любопытныя данныя предлагаются во многихъ житіяхъ русскихъ святыхъ; и вообще надобно замѣтить, что съ именемъ Грознаго

* Т. 1. стр. 428.

царя русским былина соединяетъ понятіе о средоточіи православія и національности въ Москвѣ» *.

Намъ кажется, что вѣтъ нужды и объяснять, почему въ народной поэзіи встрѣчается о Иванѣ Грозномъ болѣе былинъ, чѣмъ о другихъ государяхъ: это такой поразительный образъ, мимо котораго поэтъ не можетъ пройти безъ вниманія. Поэтъ не имѣетъ нужды собственно въ нравственныхъ достоинствахъ лица, чтобы взять его въ свои герои; извѣстно, что люди идеально нравственные, безпорочные, признаются эстетикою неспособными быть героями поэтического произведенія, кромѣ другихъ причинъ, по немногосложности и однообразію ихъ характера. Но люди страстные, пылкіе, съ сильной, но возмущенной душой, съ рѣзкими и разнообразными чертами, составляютъ истинную добычу поэзіи, предлагая поэту возможность изобразить ихъ въ различныхъ драматическихъ состояніяхъ. «Поэзія живетъ контрастами» — замѣтилъ Жуковский; а какое историческое лицо изъ древней Руси можетъ подать поводъ къ изображеніямъ столь разнообразнымъ, какъ Иванъ Грозный. Впрочемъ въ замѣчаніяхъ г. Буслаева, выписанныхъ нами, мы не находимъ ничего ошибочнаго; странною показалась намъ только слѣдующая замѣтка:

«Изъ всѣхъ московскихъ царей Иванъ Грозный пользуется особымъ авторитетомъ въ народныхъ пѣсняхъ. Поэтому надобно вмѣнить въ немалую заслугу позднѣйшимъ историкамъ русскимъ, оцѣнившимъ по достоинству этого царя, что они сошлись въ своихъ ученыхъ выводахъ съ бессознательными убѣжденіями простаго народа, воспитанными безыскусственною поэзіею» **.

Иное отношеніе къ историческимъ лицамъ воззніи и иное исторіи: когда народная пѣсня поетъ о какомъ-либо лицѣ, она не имѣетъ въ виду ни цѣнить его, ни оправдывать; ея задача живое и художественное изображеніе. Онъ не рѣдко беретъ въ герои не только людей, мучимыхъ страстями — каковъ былъ Иванъ Грозный, но даже чистыхъ преступниковъ; она поетъ и про Стеньку Разина, потому что Стенька Разинъ годное для поэзіи лицо. Но если бы историкъ какой-либо новой школы сталъ оцѣнивать по достоинству знаменитаго разбойника и представлялъ его, напримѣръ, жертвою какихъ-либо несчастныхъ условій древней русской жизни: то врядъ ли такой исторической приѣмъ цѣнить лица можно было бы вмѣнить ему въ заслугу.

* Т. 1. стр. 430.

** Тамъ же.

Новѣйшіе историки, которымъ г. Буслаевъ приписываетъ честь новаго и вѣрнѣйшаго взгляда на характеръ Грознаго, простираютъ свои увлеченія въ этомъ случаѣ до того, что въ ихъ представленіи этотъ жестокой, хотя и весьма картинный, деспотъ, губитель безчисленнаго множества невинныхъ жертвъ, является чуть не мученикомъ. Народная поэзія не осталась равнодушною и къ временамъ смутнымъ; къ этому періоду относятся пѣсни о Гришкѣ Разстригѣ и Скопинѣ Шуйскомъ. Въ собраніи г. Рыбникова есть прекрасный вариантъ пѣсни о Разстригѣ и очень замѣчательная, доселѣ неизвѣстная пѣсня о Скопинѣ, въ которой Микита Романовичъ, подобно героямъ древнихъ мифическихъ пѣсенъ обертывается горностаемъ и волкомъ:

Сидѣлъ Микита на рѣзвые ноги,
Паль-то Микита о кирпичень мость,
Обвернулся тонкімъ бѣлымъ горностаемъ.
И бѣжалъ-то онъ по славной каменной Москвѣ,
Забѣгалъ онъ въ магазинъ въ оружейные,—
Отъ оружія онъ замочки прочь выщалквалъ,—
Обвернулся Микита сѣрымъ волкомъ;
Бѣжалъ онъ на конюшни лошадиныя,
У коней всѣ глоточки по выторкалъ.
Тутъ Микитушка Романовичъ
Обвернулся тонкімъ бѣлымъ горностаемъ
И бѣжалъ онъ тонкімъ бѣлымъ горностаемъ
По матушкѣ по главной каменной Москвы:
Прибѣжалъ въ свои палаты бѣлокаменные,
Паль Микита о кирпичень мость,
Обвернулся Микита добрымъ молодцемъ. *

Но эта пѣсня, которая носить въ сборникѣ г. Рыбникова заглавіе князь Скопинъ, какъ кажется, недокончена; и въ ней, сколько ея напечатано, болѣе говорится о Микитѣ Романовичѣ, нежели о Скопинѣ. Иное дѣло вариантъ пѣсни о Скопинѣ, встрѣчающійся въ числѣ тѣхъ шести пѣсенъ, которыя въ 1619 г. были записаны для оксфордскаго бакалавра Ричарда Джемса и нѣсколько лѣтъ тому напечатаны въ извѣстіяхъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ. Эти пѣсни, кромѣ пѣсни о Скопинѣ, относятся уже къ послѣдующему времени, хотя находятся съ смутною порою въ прямой связи.

Въ качествѣ священника при посольствѣ Джемса прибылъ въ Москву 19 января 1619 года и выѣхалъ 20 августа къ Архангельску, дабы отправиться обратно въ Англію. Но кораблекрушеніе заставило его воротиться съ пути и провести зиму въ

* Стр. 409.

Холмогорахъ, откуда уже въ 1620 году, по веснѣ, поѣхалъ онъ въ свое отечество.

Стихотворенія записанныя для Ричарда Джемса, относятся: 1) къ послѣдовавшей въ Москвѣ въ 1610 году скоропостижной смерти князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго; 2) ко вѣзду патріарха Филарета Никитича въ Москву, къ событію, котораго самъ Джемсъ былъ очевидцемъ; 3 и 4) къ участи царевны Ксеніи Борисовны Годуновой, въ царствованіе Лжедмитрія постриженной въ инокини, подъ именемъ Ольги, и въ 1622 году скончавшейся; 5) къ вешней или вешней службѣ, и 6) къ набѣгу крымскихъ татаръ. *

Пѣсня о Скопинѣ-Шуйскомъ, о которой мы начали говорить, совершенно того же содержанія, какъ и напечатанная въ сочиненіи Кирши Данилова, но превосходитъ тотъ вариантъ необыкновенною художественностію, не смотря на свой краткій объемъ.

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося:

Въ полуночи у насъ въ колоколъ звонили.

А расплачутся гости Москвичи:

А теперя наши головы загибли,

Что не стало у насъ воеводы,

Васильевича князя Михаила.

А сѣзжались князи, бояре супротиво къ нимъ,

Мьстиславкой князь, Воротынской,

И между собою они слово говорили.

А говорили слово, усмѣхнувся:

Высоко соколъ поднялся,

И о сыру матеру землю ушибся.

А расплачутца Свѣцкие Немцы,

Что не стало у насъ воеводы,

Васильевича князя Михаила,

Побѣжали Немцы въ Новъ городъ.

И въ Нове городе заперлися,

И многой миръ-народъ погубили,

И въ латынскую землю превратили **

Пѣсня о вѣздѣ патріарха (тогда еще митрополита) Филарета Никитича въ Москву дошла до насъ, какъ и выше выписанная, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ была сочинена: ибо вѣздъ былъ 22 іюня 1619 г., а въ августъ того же года Ричардъ Джемсъ оставилъ Москву. «Въ самомъ складѣ ея, замѣчаетъ г. Буслевъ, замѣтно еще не слившееся сочетаніе историческаго разсказа съ эпическими приѣмами,» Вотъ она:

«Зрадовалося царство Московское и вся земля Святोरусская; умолилъ государь православной царь князь великій Михайло

* Бусл. т 1. стр. 470.

** Т. 1 стр. 523.

Федоровичъ. А что скажутъ, въѣхалъ батюшка государь Филаретъ Микитичъ, изъ невѣрной земли изъ Литовской. Съ собою онъ вывезъ много князей, бояръ; еще онъ вывезъ государева боярина Михаила Борисовича Шеина. Съезжались многіе князь бояря и многіе власти ко сильному царству Московскому. Хотятъ встрѣчать Филарета Микитича. Изъ славнаго града каменной Москвы не красное солнце катилось, пошелъ государь православной царь, встрѣчати своего батюшка, государя Филарета Микитича. За государемъ пошелъ его дядошка Иванъ Микитичъ бояринъ. Дай Спири, здоровъ былъ государь мой батюшка, а батюшка государь Филаретъ Микитичъ. А какъ будутъ онъ въ каменной Москвѣ, не пошли онъ въ хоромы царскіе, а пошли онъ къ Пречистой соборной, а вѣти честиныхъ молебнѣвъ. Благословлялъ своего чада милаго: и дай Господи, здоровъ былъ православной царь князь великій Михаилъ Федоровичъ а ему здержати царство Московское и вся земля Святорусская.» *

Очень трогательны пѣсни о Ксеніи Годуновой, какъ трогательна была и самая судьба этой несчастной царевны. Въ хронографѣ Кубасова мы читаемъ такую характеристику бѣдливой Ксеніи:

«Царевна Ксенія, дочь царя Бориса, была дѣвица замѣчательнаго разума и красоты необыкновенной, бѣла и румяна лицомъ, съ большими черными глазами, блиставшими свѣтомъ, особенно когда въ жалости обливались они слезами; брови имѣла союзыма; тѣломъ полна и будто облита молочною бѣлизною; возрастомъ была ни высока ни низка; косы имѣла черныя; большія, какъ трубы, лежали они по плечамъ; во истину во всѣхъ женахъ была благочиннѣйшая и писанію книжному искусна; отличалась благорѣчіемъ; и во всѣхъ дѣлахъ была совершенна.» **

Такая прекрасная душой и тѣломъ царевна, искупительная жертва за грѣхъ отца, не могла не привлечь къ себѣ особеннаго народнаго сочувствія, не говоря уже о томъ, что такой разительный переворотъ судьбы, и безъ достоинствъ лица, судьбою постигнутого, всегда производитъ глубокое впечатлѣніе и способенъ возбудить къ дѣятельности народное творчество. Выпишемъ одну изъ пѣсенокъ, оплакивающихъ горе царевны:

Сплачется мала птичка
Бѣлая пелопелка,
Охте мнѣ молоды горевати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати,

* Т. 1 стр. 518.

** Т. 1 стр. 525.

Мое глѣздышио разорити,
 Мой милыи дѣти побати,
 Меня пелепелку поймати.
 Сплачетца на Москвѣ царевна:
 Охте мнѣ молоды горевати,
 Что едетъ къ Москвѣ пзмѣнникъ,
 Ино Гриша Отрепьевъ растрига,
 Что хочеть меня полонити,
 А полонивъ меня хочеть постритчи,
 Чернеческой чинъ наложити.
 Ино мнѣ постритчися не хочеть,
 Чернеческаго чину не здоржати;
 Отворити будетъ темна келья,
 На добрыхъ молодцовъ посмотрити.
 Ино, охъ милыи наши переходы,
 А кому будетъ по васъ да ходити,
 Послѣ царскаго нашего житья
 И послѣ Бориса Годунова?
 Ахъ милыи наши теремы,
 А кому будетъ въ васъ да сѣдети,
 Послѣ царьскаго нашего житья
 И послѣ Бориса Годунова?

Разнообразныя событія славнаго царствованія царя Алексѣя Михайловича и привлекательный характеръ его не могли не подѣйствовать на воображеніе народныхъ пѣвцовъ и не оставить слѣда въ нашей безыскусственной поэзіи. Не можемъ понять, почему г. Буславъ приписываетъ позднѣйшей исторической критикѣ ту заслугу, будто высокое значеніе царя Алексѣя Михайловича по достоинству оцѣнено только ею; намъ кажется, не было и въ прежней критикѣ о царѣ этомъ мнѣнія противнаго. И къ чему оправдывать поэтическую дѣятельность народа позднѣйшею историко-критическою школою? Народная фантазія не можетъ быть тутъ ни въ чемъ виновата: она даромъ, безъ причины не выберетъ героя, потому что собственно она и не выбираетъ, не доискивается, какое бы лицо было позанимательнѣе, а, поражаясь характеромъ лица или событія, тотъ часъ, по горячимъ слѣдамъ впечатлѣнія, творитъ пѣсню. Замѣтимъ кстати, что сочувствіе къ Алексѣю Михайловичу народной пѣсни (позднѣйшей исторической критики весьма отличнаго (однотѣ другаго) свойства: черты этого царя, вдохновлявшія народныхъ пѣвцовъ, врядъ ли были бы по-сердцу новѣйшимъ историкамъ, и на оборотъ.

Занимающимся русской народной поэзіею конечно извѣстны тѣ пѣсни о Алексѣѣ Михайловичѣ и о его эпохѣ, которыя начатаны въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ Кириши Данилова; но въ собраніи г. Якушкина, которому г. Буславъ по-

святить особую статью, (*) помещена въ первый разъ весьма замѣчательная пѣсня объ осадѣ Соловецкаго монастыря.

На Москвѣ было на базарѣ
Собирались бояре;
Выбирали бояре
Изъ бояръ воеводу,
Выбирали Ивана Петрова,
Изъ того ли изъ роду Салтыкова,
Передъ царскія очи становили.
Какъ возговорить православный царь,
Алексѣй-то Михайловичъ,
Его царское величество:
«Охъ ты гой еси большой бояринъ,
Ты любимый мой воеводушка!
Ты ступай—ко ко морю ко синему,
Ко тому острову ко большому,
Къ тому къ монастырю ко честному,
Къ Соловецкому;
Ты порушь вѣру старую, правую,
Постановь вѣру новую, неправую».
Какъ возговорить большой бояринъ,
Любимый царскій воеводушка:
«Охъ ты гой еси, православный царь,
Алексѣй Михайловичъ,
Твое царское величество!
Нельзя объ томъ и подумать,
Нельзя объ томъ и помыслити:
Какъ нарушить вѣру старую, правую,
Какъ поставить вѣру новую, неправую.»
Царь разолился,
Царь распалился;
Воевода прогрѣшился.
Какъ возговорить большой бояринъ,
Любимый царскій воеводушка:
«Охъ ты гой еси, православный царь,
Алексѣй Михайловичъ,
Твое царское величество!
Ужь и дай мнѣ силу не малую,
Не малую, не великую:
Сорокъ полковъ, да все тысячныхъ,
Сорокъ пушекъ да все мѣдныхъ,
Зелья пороху, сколько надобно.»
Какъ и было въ самый ли Петровъ-то день,
Какъ на синемъ было морюшкѣ,
На большомъ было на островѣ,
Во честномъ монастырѣ было—
Отошла честна заутрени,
Пономарь звонилъ къ обѣденкѣ,
Честны старцы пѣли молебны;
Какъ бѣжить пономарь,
Неразумный звонарь:
«Охъ вы гой еси, честны старцы!
Какъ идетъ сила не малая, не великая,
Сорокъ полковъ, да все тысячныхъ,

(*) Русскій народный знось.

Сорокъ пушекъ, да все мѣднѣныхъ,
 Зелья пороху, сколько надобно,
 Да все войско православное,
 Не то идутъ они ратиться,
 Не то идутъ они молиться.»
 — «Охъ ты глупой звонарь,
 Неразумный пономарь,
 Да то войско православное,
 Не идетъ оно ратиться,
 Идетъ оно молиться.»
 На ту пору пушкарѣ были догадливы:
 Брали ядрушко каленое,
 Забывали во пушечку мѣднѣную,
 Пошли во тотъ во честной монастырь,
 Въ Соловецкой.

Такое важное событіе, какъ расколъ, не могло не отразиться, хотя отчасти, въ народной поэзіи, и выписанная нами пѣсня принадлежитъ явно къ числу раскольничьихъ. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, согласно съ обычаемъ народной поэзіи, приказываетъ восводѣ нарушить вѣру старую, правую и постановить новую, неправую. Можно, кажется, безъ ошибки предположить, что эта пѣсня, при всѣхъ ея литературныхъ достоинствахъ, потому именно и скрывалась доселѣ отъ взоровъ любителей народной словесности, что принадлежитъ не цѣлому народу, а только той его части, которая, отторгшись отъ церковнаго общенія, отдѣлилась отъ народа и замкнулась въ особое общество, съ своими понятіями, съ своей письменностью и съ своей поэзіей.

«Само собою разумѣется, говоритъ г. Буслаевъ, что пѣвецъ «этой былины и его слушатели, точно такъ же, какъ и соловецкіе старцы-раскольники временъ Алексѣя Михайловича, имѣли «самое глубокое понятіе о старой, правой вѣрѣ, ограничивая ее «старопечатанными книгами и бессмысленно противопоставляя ее «какой-то вѣрѣ новой и неправой.»

«Въ этомъ тупомъ понятіи, конечно, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда «истиннаго христіанскаго просвѣщенія. Но все же, съ точки зрѣнія хотя бы языческаго поклоненія старопечатной буквѣ, народная поэзія вѣрна своимъ религіознымъ началамъ, сколько «ислочны и ограниченны они ни были, согласно двоевѣрнымъ, «полуязыческимъ убѣжденіямъ народной словесности. Потому «народная былина имѣла достаточныя основанія встрѣтить «пріемъ православное войско, шедшее на осаду Соловецкаго монастыря:

Охъ ты глухой зоварь,
 Неразумной пономарь.
 Да то войско православное:
 Не идетъ оно ратиться,
 Идетъ оно молиться!

«И все таки, не смотря на то, догадливые пушкарн забивали каленое ядрушко въ мѣдную пушечку и палили въ тотъ во «честной монастырь, въ Соловецкій.» *

Въ обзорѣни нашей народной поэзіи мы достигли наконецъ эпохи Петра, которая раздѣлила всю историческую жизнь нашего народа на два рѣзко противоположные одинъ другому періоды.

«Царствованіе Петрово, говорить П. В. Кирѣевскій, можно «назвать границею настоящихъ народныхъ историческихъ пѣсень, «которые послѣ Петра, продолжали возникать только среди Волжскаго и Донскаго казачества. Правда, что поются въ народѣ «пѣсни о семилѣтней войнѣ, о турецкихъ и шведскихъ войнахъ «Екатерины, о войнѣ 1812 года, и многія другія; но эти пѣсни «разительно отличаются ото всѣхъ настоящихъ народныхъ пѣсень: онѣ лишены всякаго поэтическаго достоинства и заслуживаютъ вниманія только, какъ любопытные памятники времени.» **

Остановимся нѣсколько на мнѣніи г. Буслаева объ отношеніи нашей народной пѣсни къ Петру.

«Отдѣливъ отъ себя языческую примѣсь, говорить онъ, и заимствовавъ отъ старины только силу и свѣжесть, народная поэзія, не вдаваясь въ расколъ и старовѣрство, оказала живое сочувствіе къ преобразованіямъ Петра Великаго, воспѣвъ его во «многихъ пѣсняхъ, изъ которыхъ особенно замѣчательна (пѣсня) «на его рожденіе:

Когда свѣтелъ, ралошень во Москвѣ
 Благовѣрный царь, Алексѣй Михайловичъ,
 Народилъ Богъ ему сына, царевича Петра Алексѣевича,
 Перваго Императора по землѣ.
 Всѣ-то рускіе какъ плотники мастера
 Во всю ноченьку не спали, колыбель-люльку дѣлали
 Они младому царевичу;
 А и нянюшки, мамушки, сѣвныя красныя дѣвушки
 Во всю ноченьку не спали, пирничку вышивали,
 По бѣдому рытому бархату онѣ краснымъ золотомъ;
 Тюрмы съ покаанными онѣ всѣ растворяли—

* Т. I. стр. 433.

** Моск. Сбор. 1852.

У царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости,
 А князи собиралися, бояре съѣзжались и дворяне сходилися,
 А все народъ Божій на пиру пьютъ. Ѣдятъ, проослаждаются;
 Во весельи, въ радости не видали, какъ дни проиди,
 Для младаго царевича, Петра Алексѣевича,
 Перваго Императора. *

Г. Буслевъ самъ говоритъ, и совершенно справедливо, что эта пѣсня на рожденіе Петра замѣчательнѣе другихъ пѣсней, о Петрѣ поющихъ; послѣдующія событія изъ жизни перваго императора уже не внушали народу такихъ прекрасныхъ пѣсней, какъ эта. И вообще ихъ весьма немного сравнительно съ важностію событій времени Петровыхъ; и если бы въ народныхъ пѣвцахъ было дѣйствительное сочувствіе къ этимъ событіямъ, то мы могли бы имѣть новый, обширнѣйшій циклъ народныхъ историческихъ пѣснопѣній, средоточіемъ которыхъ былъ бы Петръ, какъ въ древнемъ циклѣ былъ ласковый князь Владиміръ. То небольшое количество пѣсней, которое мы имѣемъ о Петрѣ, при ихъ сомнительномъ поэтическомъ достоинствѣ, не даетъ никакого права заключать, что народная пѣсня оказала живое сочувствіе къ преобразованіямъ Петра Великаго, какъ утверждаетъ г. Буслевъ. Въ какой же пѣснѣ почтенный ученый усмотрѣлъ сочувствіе собственно къ преобразованіямъ Петра? Мы по крайней мѣрѣ не знаемъ ни одной такой; напротивъ, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ видимъ прямое сочувствіе къ тѣмъ, которые противились его нововведеніямъ: напримѣръ, въ пѣсни о казни боярина, котораго отецъ съ матерью уговариваютъ принести царю повинную голову и который, не смотря на родительскія слезы и мольбы, остается непреклоненъ, неужели пѣвецъ съ своимъ сочувствіемъ на стороне Петра, а не опальнаго боярина? А эта пѣсня прямо переноситъ мысль нашу къ кровавымъ сценамъ лобнаго мѣста, къ мукамъ Глѣбова, Кикина и другихъ товарищей ихъ казни.

Положительно можно сказать, что народная поэзія и не могла сочувствовать преобразованіямъ Петра Великаго: ибо они совершались вовсе не въ томъ направленіи и духѣ, которымъ могло бы дать сочувственный отзывъ эпическое творчество народа. Припомнимъ, что нашъ народный эпосъ находился въ прямомъ соотвѣтствіи съ древнимъ русскимъ бытомъ: его поэтическая обрядность и величественная, но неподвижная и однообразная красота отвѣчала образу древней русской общественной и частной жизни и находилась съ нимъ въ тѣснѣйшемъ и весьма естествен-

номъ союзѣ, какъ весьма основательно указано и даже довольно подробно развито въ изслѣдованіяхъ г. Буслаева. Что поэзія есть точное выраженіе жизни—это такой *locus communis*, который становится совѣстно повторять. Но мы знаемъ, что этой-то именно эпической обрядности нашей древней жизни объявлялъ войну на смерть Преобразователь и все, что носило на себѣ печать древнихъ, изстари установившихся обычаевъ и нравовъ, было ему противно и подвергалось его гоненію, часто свирѣпому и неумолимому. Пѣсня народная была одною изъ самыхъ существенныхъ и характеристическихъ принадлежностей старины; Петръ Великій былъ врагъ этой старины, слѣдовательно и пѣсни. А сердце сердцу вѣсть подаетъ: пѣсня, вмѣстѣ со всю старинною преслѣдуемая во имя преобразованій, не могла сочувственно откликаться на эти преобразования. Пѣсня народная слишкомъ честна и свободна, чтобы такъ легко измѣнить свой тонъ: отъ строгихъ и величественныхъ пріемовъ, съ которыми она свыкалась, ей было невозможно перейти внезапно къ такому новому ладу, который гармонировалъ бы съ пирами Нѣмецкой слободы и съ нравами ассамблеи. Напрасно г. Буслаевъ выразился такъ, что народная пѣсня, *не вдаваясь въ расколъ и старовѣрство*, оказала сочувствіе преобразованіямъ Петра; такой способъ выраженія можетъ повести къ ложному заключенію, будто бы не сочувствовать преобразованіямъ Петра великаго, значитъ непременно вдаваться въ расколъ и старовѣрство. Многое въ этихъ преобразованіяхъ, въ особенности же насильственный способъ, которымъ они совершались, подвергалось строгому осужденію такихъ лицъ, которыя весьма далеки отъ раскольниковскаго или старовѣрскаго образа мыслей. Въ современномъ Петру духовенствѣ, которое мудрено упрекнуть въ раскольниковскомъ направленіи, не всѣ были одарены такою гибкостью совѣсти, какъ Феофанъ Прокоповичъ; извѣстно, что Стефанъ Яворскій и знаменитый Іовъ Новгородскій питали самое живое участіе къ несчастному царевичу Алексѣю Петровичу, котораго стремленія были не въ ладу съ намѣреніями отца. Карамзинъ не былъ старовѣромъ, однако онъ съ ужасомъ и отвращеніемъ говорить о страшныхъ тайнахъ Преображенскаго, коими сопровождалось преобразование Россіи; Пушкинъ, принявшись за исторію Петра Великаго, бросилъ перо: ибо страшное количество крови, пролитой въ это царствованіе, приводило его въ содраганіе; и въ наши дни просвѣщеннѣйшіе дѣятели современной литературы,

напримѣръ, Карѣвскій и другіе, люди, исполненные челоѣколюбія и духа свободы, развѣ не выражали осужденія противъ многихъ сторонъ преобразованія Петрова? Не назоветъ ли г. Буслаевъ и ихъ старовѣрами? Такъ и народную пѣсню не справедливо подвергать такой невыгодной дилеммѣ: или выражать ей сочувствіе къ преобразованію, или быть раскольниковъ и старовѣркой. Въ такомъ выборѣ нѣтъ никакой необходимости: мы полагаемъ, что она въ одно и тоже время могла не обнаруживать къ преобразованіямъ Петра особаго сочувствія и остаться совершенно чуждою узкому и исключительному направленію старовѣровъ. Пѣсня безпристрастна и свободна; она есть плодъ искренне прочувствованнаго впечатлѣнія; ее нельзя заказать, какъ риторическое похвальное слово.

Мы долго не знали многихъ ужасающихъ подробностей царствованія Петрова, заслоненныхъ отъ насъ тайною, и потому съ одностороннимъ удивленіемъ къ гению преслѣдовали всякое свободное сужденіе о лицѣ и дѣйствіяхъ Петра, когда случилось, что такое сужденіе появлялось въ нашей литературѣ. Наконецъ мы всѣ имѣли возможность прочесть страшныя подробности дѣла Алексѣя Петровича; и хотя нашлись люди, которые хотѣли было приписать эпохѣ, что принадлежитъ лицу, однако общій голосъ осудилъ такую подъяческую, недостойную литературы, уловку; и отвѣтственность предъ судомъ исторіи, послѣ столь долгихъ лѣтъ безнаказанности, наконецъ пала на долю виновнаго.

Представимъ же себѣ, что ужасы, открытые намъ такъ поздно, были извѣстны народу въ самую минуту ихъ совершенія; въ Мартышкиномъ кабацкѣ хозяева и гости разсуждали о томъ, что дѣялось за твердыми и наглухо затворенными дверями крѣпостной темницы. Какое впечатлѣніе производили на народъ эти событія? Въ какомъ бы тонѣ запѣлъ онъ о нихъ, если бы сложили пѣсню? Кому изъ двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ потрясающей трагедіи эта предполагаемая пѣсня оказала бы свое сочувствіе: замученному въ застѣнкѣ сыну, или отцу, который на другой день послѣ казни *веселился довольно* на нетрезвомъ раздникѣ?

Иванъ Грозный тоже убилъ своего сына, но убилъ въ припадкѣ бѣшенства, которымъ быть одержимъ; и, убивши сына, не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, духа веселиться на другой день, и ерзался раскаянемъ безсильнымъ, но дѣйствительнымъ. Онъ не адумывалъ казни сына издалека, не соображалъ ея орока съ адеждою имѣть наслѣдника отъ новой царицы. Въ Грозномъ, какъ мы уже замѣчали, страсти были пылки, неустержимы; въ стрѣхъ мы видимъ какой-то страшный холодъ даже въ самыхъ, видимо, странныхъ и необузданныхъ движеніяхъ души. Это

былъ человекъ разсудка, герой утилитарный: риторика въ лицѣ Теофана и Ломоносова можетъ слетать ему хвалу, но поэзія избѣгаетъ такихъ героевъ.

Петръ Великій рѣшительно не поэтическое лицо: ни одному поэту не внушилъ онъ вдохновеннаго произведенія; ибо это былъ типъ дѣловаго, рабочаго, неутомимаго и изобрѣтательнаго человека, всецѣло преданнаго практической сторонѣ жизни. Это образцовое лицо для похвальнаго слова, которое не погрѣшить противъ своего назначенія, если подробно исчислить замѣчательныя дѣянія восхваляемаго лица; и такое разнообразіе дѣятельности, какое видимъ въ Петрѣ, весьма способно для панегирика. Но то, что годно и удобно для похвальнаго слова, можетъ не имѣть никакого значенія для поэтическаго замысла: поэтическое произведеніе, не можетъ, не нарушая законовъ своей природы, заняться исчисленіемъ дѣйствій, какъ бы они ни были важны для государственной или общественной жизни. Улучшеніе народа или путей сообщенія; учрежденія флота и новой арміи, — это дѣла, о которыхъ будетъ говорить исторія, можетъ съ выгодною для себя упомянуть и панегирикъ; но въ поэзіи имъ мѣста нѣтъ. Поэзія имѣетъ дѣло съ человекомъ, съ его душою: ей нужны, какъ мы уже говорили выше, крупныя и разнообразныя черты, живые контрасты. Петръ, коего дѣйствія были такъ разнообразны, самъ, какъ человекъ, какъ характеръ, неизмовѣрно однообразенъ: поэзіи нечего съ нимъ дѣлать. И замѣчательно, что въ народѣ сохранилось о немъ довольно сатирическихъ замѣтокъ—касающихся его новой столицы, втораго брака, возвышенія князя Меншикова и т. п.

Вотъ что почли мы необходимымъ замѣтить о отношеніи нашей народной поэзіи къ Петру и его преобразованіямъ. Она не могла къ нимъ отнестись сочувственно; случайно сложившіяся, немногочисленныя пѣсни о дѣлахъ петровской эпохи, изъ коихъ ни одна не относится собственно къ преобразованію, никакъ образъ не могутъ служить доказательствомъ сочувствія къ нему народной поэзіи. *Suum cuique*: Петръ навсегда остается великимъ историческимъ дѣятелемъ; отечество наше, столь многимъ ему обязанное, никогда не забудетъ его неутомимыхъ трудовъ, днн пользы и силы государства подъятыхъ; но для поэзіи вообще онъ не существуетъ, а для народной пѣсни подавно; ибо онъ гналъ всѣ тѣ стихи нашей народности, которыми жила наша пѣсня.

Переходимъ теперь къ другому отдѣлу древней изустной словесности, къ духовнымъ стихамъ.

ПОЛИТИКА.

I. Событія въ Сѣверной Америкѣ.

Хотя, при открывшейся нынѣ войнѣ между сѣверными и южными штатами, отвѣтственность за нее, съ политической точки зрѣнія, и остается, какъ будто, за вашингтонскимъ правительствомъ, которое, не истощивъ всѣхъ кроткихъ дипломатическихъ мѣръ, и не прибѣгая къ посредничествамъ, уступкамъ и дипломатическимъ переговорамъ, хочеть смирить оружіемъ отпавшія отъ его власти области; но въ нравственномъ отношеніи наступающей стороною должны быть признаны южные штаты. Правительство Линкольна, стремясь прекратить въ Сѣверной Америкѣ постыдное рабство и употребляя для этой цѣли оружіе противъ его упорныхъ защитниковъ, ведетъ, въ сущности, войну во имя свободы и цивилизаціи, и поэтому оно не можетъ не вызывать къ себѣ уваженія со стороны всѣхъ тѣхъ, кто сочувствуетъ развитію государственнаго быта на основаніи двухъ этихъ благодѣтельныхъ принциповъ. Напротивъ того, воинственный настрой южныхъ штатовъ долженъ вызвать въ образованномъ мірѣ общее сожалѣніе объ употребленіи человѣческихъ чувствъ и силъ на защиту постыднаго учрежденія изъ одной только корыстной цѣли и притомъ для пользы одной преобладающей касты. Очевидно, что при этихъ условіяхъ нравственный перевѣсъ останется всегда за вашингтонскимъ правительствомъ; это важное обстоятельство должно служить ему не малымъ ободреніемъ и не малой поддержкой для того, чтобъ оно твердо и настойчиво шло къ своей цѣли.—къ приведенію въ покорность сепаратистовъ, — конечно не съ тѣмъ, чтобы восторжествовать надъ ними,

какъ надъ мятежниками, но для того, чтобы, воспользовавшись ихъ покорностію, уничтожить разомъ невольничество, существующее въ южныхъ штатахъ и породившее настоящую вражду въ средѣ о.породной федераціи, развивавшейся съ такимъ быстрымъ, съ такимъ изумительнымъ успѣхомъ. На покореніе невольничьихъ штатовъ свободными надобно смотрѣть не какъ на цѣль, а только какъ на средство для дальнѣйшаго развитія республиканскихъ принциповъ въ Сѣверной Америкѣ.

Отдавая однако должное сѣвернымъ штатамъ за настоящій ихъ рѣшительный образъ дѣйствій, нельзя оправдывать безусловно союзное правительство прежнихъ лѣтъ, какъ оно оправдываетъ себя, заявляя, что южные штаты поднялись безъ всякой побудительной причины, безъ всякаго вызова со стороны центральной власти, но единственно изъ одного только пустаго опасенія и напраснаго страха за потерю живой собственности—негровъ. Такого рода оправданія, союзное правительство съ своей стороны поддерживаетъ, между прочимъ, и указаніемъ на то, что оно не принимало ни разу никакой законодательной мѣры, которая оправдывала бы опасенія юга и прямо клонилось бы къ уничтоженію тамъ невольничества. Но эта-то самая уловчивость союзнаго правительства, эта-то боязнь съ его стороны, что его причтутъ главнымъ двигателемъ вопроса объ уничтоженіи рабства, и составляетъ собственно вину Буханана и его министровъ, тогда какъ инициатива ихъ въ дѣлѣ освобожденія, а не вынужденное въ немъ только участіе, совершенно бы оправдывало послѣдствія тѣхъ военныхъ мѣръ, къ которымъ нынѣ обратился президентъ Линкольнъ, вслѣдствіе непокорности юга. Главная вина союзнаго правительства прежнихъ лѣтъ заключается въ томъ, что оно, хоти и осуждало постоянно невольничество, но не предпринимало, однако, никогда противъ него рѣшительныхъ мѣръ. Оно какъ будто колебалось въ этомъ отношеніи между свободой и рабствомъ, то покровительствуя депотическимъ правамъ плантаторовъ, то колебля эти права какими-нибудь полумѣрами, и такимъ двойственнымъ образомъ дѣйствіи оно позволяло существовать, укрѣпляться и распространяться на себя такому неестественному учрежденію, каково рабство негровъ, являющееся темнымъ пятномъ среди республики, основанной на общемъ равенствѣ и на одинаковыхъ гражданскихъ правахъ.

Нельзя не сказать, что вообще, въ продолженіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, вся внутренняя система дѣйствій сѣвероамериканскаго правительства почти исключительно клонилась къ тому, чтобы допускать, подъ рукою, распространеніе невольничества. Безъ этого административнаго потворства невольничества не сроднилось бы съ хозяйственнымъ и промышленнымъ бытомъ южныхъ штатовъ до такой степени, что оно сдѣлалось для нихъ причиною сепаратистскаго движенія. Твердыя, хотя бы и не-

доволь принимаемая мѣры успѣли бы ослабить господствующій тѣмъ духъ невольничества и подготовить постепенно плантаторовъ къ мысли о переходѣ отъ обязательнаго труда къ наемному. Къ сожалѣнію, правительство Буханана дѣйствовало, какъ мы сказали, совершенно въ иномъ духѣ и теперь сѣверные штаты искупаютъ ошибку, а также вялость и нерѣшительность своихъ прежнихъ правителей, которые въ пользу невольничества нерѣдко жертвовали даже основными республиканскими принципами щекотливыми федеративными отношеніями штатовъ одного къ другому и, наконецъ, многими важными политическими интересами.

Если мы немного вернемся къ прошедшему сѣверо-американскихъ штатовъ, то увидимъ ошибки, сдѣланныя союзнымъ правительствомъ и подготовившія нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Сѣверной Америкѣ. Мы увидимъ, что оно въ пользу невольничества вообще и преимущественно въ пользу разроздавшагося невольничества въ южныхъ штатахъ, ободрило экспедицію противъ Кубы, что оно вело войну съ Мексикой, оспаривало у английскихъ крейсеровъ право, представленное имъ трактатами, осматривать суда, шедшія подъ американскимъ флагомъ, заподозрѣнныя въ торговлѣ неграми, и наконецъ, что оно поощрило экспедиціи флибустьеровъ въ центральную Америку. Всѣ эти дѣйствія вашингтонскаго правительства усыпляли заботливость плантаторовъ о будущей судьбѣ ихъ обширныхъ и цѣпныхъ хозяйствъ; имъ казалось, что они еще долго, если не всегда, будутъ пользоваться своими нечеловѣческими правами надъ работниками-неграми, и потому правительство Линкольна, не успѣвшее еще принять противъ невольничества рѣшительныхъ мѣръ, но только выразившее, въ своихъ воззрѣніяхъ на государственный бытъ штатовъ, попытку остановить распространеніе рабства, показалось югу страшнымъ призракомъ. Южные плантаторы увидѣли, со стороны центральной власти, не только опасность, но уже и нарушеніе тѣхъ правъ, какими они пользовались, благодаря прежнему послабленію со стороны того же правительства. Тогда-то владѣльцы южныхъ хлопчатобумажныхъ плантацій и ихъ корыстные приверженцы рѣшились предупредить опасность, грозящую имъ хозяйственно-коммерческому быту, и избавиться отъ невыгоднаго для нихъ переворота, и тогда-то плантаторы, какъ личности преобладающія въ южныхъ штатахъ, объявили объ отпадѣніи отъ общей системы Союза. Дѣлая это, они имѣли въ виду сохранить невольничество въ той полосѣ Сѣверо-Американской федераціи, гдѣ оно, по видимому, составляетъ основное условіе политико-экономическаго быта.

Такой оборотъ дѣлъ заставлялъ союзное правительство, въ лицѣ президента Линкольна, принять съ своей стороны рѣшительныя мѣры; и тогда возникъ не совѣтъ ясный съ перваго раза вопросъ, кто именно стоитъ за самобытность Сѣверо-Американ-

скихъ штатовъ: съверь ли, угрожающій югу оружіемъ, или югъ, стремящійся, по его толкованію, выйти изъ подъ отягчительной для него зависимости отъ вашингтонскаго кабинета, и отыскивающій для себя государственную свободу отъ своихъ съверныхъ порабитителей. После всего того, что мы сказали прежде, подобный вопросъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія разрѣшается весьма просто въ пользу либеральнаго съвера, хотя, конечно, противная сторона и можетъ возразить: но развѣ не стѣсняется свобода человѣческаго общества, если постороннее вліяніе не позволяетъ ему устроить свой бытъ на тѣхъ началахъ, которыя оно признаетъ для себя самыми удобными и самыми выгодными? Въ общей формулѣ подобное замѣчаніе будетъ справедливо, но въ примѣненіи къ южнымъ штатамъ оно ошибочно. Въ поясненіе этого скажемъ, что тамъ только извѣстная доля общества, усиленная въ былую пору злоупотребленіемъ человѣческихъ правъ, силится создать теперь такой государственный порядокъ, среди котораго будутъ существовать только господа и рабы, привилегированные и угнетенные, зажиточныя владѣльцы плантацій и изнуренные труженники. Если бы южные штаты отдѣлились отъ съверныхъ вслѣдствіе разногласія во взглядахъ на какое нибудь политическое или торговое, а не общечеловѣческое, дѣло, то вопросъ объ отыскиваніи первыми независимости отъ послѣднихъ принялъ бы тогда совершенно другой характеръ; онъ явился бы вопросомъ международной политики, въ области которой существуетъ еще такъ много разнообразныхъ толкованій и діалектическихъ уловокъ. Тогда не безъ нѣкотораго основанія можно бы было приписать вашингтонскому правительству и завоевательныя и властолюбивыя стремленія. Но теперь исходная точка дѣла придастъ ему совершенно другое значеніе.

Впрочемъ и теперь къ основному общечеловѣческому вопросу, возникшему изъ отношеній новыхъ штатовъ къ съвернымъ, по поводу невольничества, присоединился еще вопросъ политическій. Касаясь этого вопроса, южные штаты заявляли, что они вовсе не думаютъ нападать на Вашингтонъ, т. е. что они не считаютъ союзное правительство такимъ врагомъ, противъ котораго имъ слѣдуетъ выступать въ поле; но что они требуютъ для себя только самоуправленія, что имъ, вслѣдствіе этого, нѣтъ никакой заботы мѣшаться въ дѣла Союза, лишь бы только ихъ самихъ оставили въ покоѣ и дали бы имъ возможность жить и устроиваться и управляться такъ, какъ имъ самимъ заблагорассудится, а не слѣдуя общей политической программѣ, принятой для всей съверо-американской федераціи.

Но и такая политическая уклончивость сепаратистовъ не избавила ихъ отъ рѣшенія дѣла оружіемъ со стороны Вашингтонскаго правительства.

Слѣдя за ходомъ настоящихъ событій въ Сѣверной Америкѣ, мы не будемъ останавливаться на подробныхъ описаціяхъ тѣхъ битвъ, которыя, по всей вѣроятности, будутъ происходить между войсками сѣверныхъ и южныхъ штатовъ; мы будемъ стараться указывать только на общій ходъ дѣлъ, безъ описательныхъ подробностей, и упоминать о вліяніи сраженій на постепенное рѣшеніе вопроса, а также и о тѣхъ окончательныхъ результатахъ, къ которымъ поведетъ побѣда или пораженіе, испытанныя той или другою стороною.

Но прежде чѣмъ намъ придется дѣлать подобныя замѣтки, мы укажемъ на тѣ средства, которыми въ настоящую пору обладаютъ обѣ воюющія стороны. Мы уже имѣли случай говорить прежде о превосходствѣ сѣверной половины штатовъ, сравнительно съ южной, не только въ отношеніи территоріальномъ и въ отношеніи массы населенія, но и въ отношеніи къ устройству сухопутныхъ и морскихъ силъ. Теперь же, въ добавокъ къ этому, нужно сказать нѣсколько словъ о финансовыхъ средствахъ обѣихъ партій. Въ этомъ отношеніи хлопокъ имѣетъ громадную важность; онъ является самымъ главнымъ двигателемъ во всѣхъ виновственныхъ предпріятіяхъ южныхъ штатовъ, которые, вслѣдствіе этого, и составили слѣдующую программу своихъ финансовыхъ операцій.

Правительство южныхъ штатовъ намѣрено скупить по средней цѣнѣ у частныхъ людей весь принадлежащій имъ сборъ хлопчатой бумаги и заплатить продавцамъ хлопка не звонкою монетою, но особыми билетами, выпущенными съ имени монтгомерійскаго правительства собственно съ этою цѣлью. Въ обезпеченіе же этихъ билетовъ будутъ предоставлены доходы, доставляемые тѣми пошлинами, которыя взимаются съ южныхъ штатовъ за отпускъ оттуда хлопчатой бумаги. Скупивъ такой финансовой операціей огромный запасъ хлопка, такъ необходимаго и для Франціи и для Англіи, правительство монтгомерійскихъ штатовъ располагаетъ дѣйствовать этой покупкой какъ орудіемъ самымъ удобнымъ и для политическихъ сдѣл къ и для веденія войны. По мнѣнію этихъ штатовъ, не лишенному основанія, хлопчатая бумага нужна имъ въ такой же мѣрѣ для утвержденія ихъ государственной независимости, въ какой она нужна всѣмъ образованнымъ народамъ для прикрѣпленія пуговицы. Завладѣвъ же такимъ необходимымъ для каждаго сокровищемъ, само правительство южныхъ штатовъ не пошлетъ рѣшительно ни одного толка хлопчатой бумаги къ своимъ соперникамъ—сѣвернымъ штатамъ, а вывозъ туда хлопчатой бумаги частными лицами оно объявитъ государственной измѣной, тяжкимъ преступленіемъ, за которое, какъ и слѣдуетъ, будетъ назначено жестокое уголовное наказаніе, какъ то: конфискація имущества, огромныя денежныя пени и даже, въ извѣстныхъ случаяхъ, смертная казнь.

Такимъ образомъ югъ, захвативъ исключительно въ свои руки торговлю хлопкомъ, надѣется раззорить въ концѣ сѣверные штаты и въ тоже время уступчивой продажей хлопка Франціи и Англіи снискать расположеніе этихъ двухъ первенствующихъ морскихъ державъ. Кроме того, продажей хлопка иностранцамъ монтгомерійское правительство разсчитываетъ добывать звонкую монету, а на нее вести войну. Соображая примѣнимость этого проекта къ настоящему ходу торговли хлопчатой бумагой, политико-экономисты южныхъ штатовъ находятъ, что югъ, ввернувъ свой неестественный союзъ съ сѣверомъ, сбережетъ ежегодно для себя 10,000,000 фунтовъ стерлинговъ, такъ какъ обыкновенный сборъ хлопчатой бумаги оцѣнивается въ 200,000,000 долларовъ, а между тѣмъ изъ этого общаго количества сѣверъ, подъ видомъ расходовъ на общія издержки союза, взымалъ ежегодно въ свою пользу по разнымъ причинамъ до 10,000,000 долларовъ.

Политико-экономисты южныхъ штатовъ увлекаютъ тамошнихъ жителей въ ихъ патриотическихъ стремленіяхъ указаніемъ и на то еще обстоятельство, что южные штаты, по ихъ отдѣленіи отъ общей федераціи, не будутъ имѣть надобности въ такомъ высокомъ тарифѣ, какъ тарифъ Соединенныхъ штатовъ, которымъ нужны были особые, и при томъ весьма значительные доходы, для расходовъ на содержаніе союзнаго правительства. Югъ же, самъ по себѣ, предполагаетъ взимать только 12½ тарифныхъ процентовъ, а между тѣмъ этотъ сборъ доставитъ казнѣ его 25,000,000 долларовъ въ годъ. Сѣверные же штаты взимаютъ 30 процентовъ, а между тѣмъ жители юга брали у нихъ на 70,000,000 долларовъ разныхъ мануфактурныхъ издѣлій, платя, разумѣется, общую тарифную пошлину въ 30 процентовъ, т. е. семнадцатью съ половиною процентами болѣе, чѣмъ будутъ платить теперь. Основываясь на всѣхъ этихъ цифрахъ, въ южныхъ штатахъ приходятъ къ тому убѣжденію, что населеніе юга платило сѣверу, за союзъ съ нимъ, 47,000,000 долларовъ. Цифра слишкомъ значительная для того, чтобы не возбудить самыхъ сильныхъ патриотическихъ чувствъ среди коммерческо-промышленнаго населенія южныхъ штатовъ.

Такія соображенія вызвали тамъ нѣкоторыя особенныя жертвованія въ пользу войны за независимость. Такъ южные плантаторы условились между собою оставлять у себя для собственнаго употребленія и на сѣмена только половину хлопкового сбора, а остальное съ большой уступкой продавать правительству. Билеты же, которые будетъ выдавать оно, къ замѣнѣ хлопчато-бумажныхъ тюковъ, принимать во всѣхъ невольничьихъ штатахъ по ихъ нарицательной цѣнѣ; билеты этого рода будутъ имѣть обязательный курсъ и будутъ доставлять своимъ владельцамъ 10 процентовъ.

Подобные примѣры патриотическихъ подвиговъ, высказанные мужчинами, увлекли на югъ и прекрасный полъ. Тамошнія женщины дѣлають теперь патроны, шьють сумки и мундиры, и даже вообще онѣ увлекаются воинственнымъ настроенъ въ защиту рабства гораздо болѣе, нежели мужчины.

Приведенныя нами финансовыя расчеты сепаратистовъ, повиданому, весьма вѣрны въ теоріи, но едва ли они окажутся такими въ приложеніи къ практикѣ. Такъ думать надобно во первыхъ потому, что, для подобныхъ политико-воинственныхъ оборотовъ хлопчатой бумагой, южнымъ штатамъ необходимы будутъ невольники; но развѣ Англія и Франція допустятъ торговлю ими, или развѣ сѣверо-американскіе крейсера не будутъ препятствовать подвозу негровъ въ южные штаты?—безъ чего, однако, тамошнія плантаціи не будутъ находиться на такой степени процвѣтанія, чтобъ онѣ могли поддерживать собою громадныя расчеты юга и покрывать всѣ издержки на военныя надобности. Во вторыхъ, безъ всякаго сомнѣнія вашингтонское правительство обратится къ репрессаліямъ и, по всей вѣроятности, предприметъ такія мѣры и по торговлѣ, и по мореплаванію, и по мануфактурной производительности своихъ штатовъ, которыя будутъ уничтожать или, по крайней мѣрѣ, весьма значительно ослаблять теоретическіе расчеты сепаратистовъ, основанные на удобномъ и выгодномъ сбытѣ хлопка. Въ третьихъ, война неизбежно произведетъ не только общій переворотъ въ хозяйственной системѣ южныхъ штатовъ, но и очень легко можетъ породить возстаніе невольниковъ,—и тогда хлопчато-бумажныя плантаціи уже не будутъ такими источниками мѣстнаго богатства, какими онѣ были прежде, а вслѣдствіе этого всѣ прежде-составленные расчеты окажутся невѣрными, преувеличенными.

Что же касается правительства Линкольна въ настоящее время, то оно, готовя сильныя вооруженія противъ юга, и даже, какъ сообщали нѣкоторыя газеты, формируя двухсотъ-тысячную армию, не составляетъ однако подобныхъ, столь сложныхъ финансовыхъ проектовъ. Казна сѣвера гораздо богаче казны юга, и кромѣ того добровольныя пожертвованія на войну со стороны жителей сѣверныхъ штатовъ представляютъ весьма значительную цифру: уже къ 22-му мая н. с. добровольныя пожертвованія, сдѣланныя на сѣверѣ, представляли въ общей сложности 31,105,000 долларовъ, а между тѣмъ въ сумму этихъ пожертвованій не входили еще пожертвованія, дѣлаемыя въ Калифорніи, Орегонѣ и Миннезотѣ. Самое значительное пожертвованіе принадлежитъ штату Нью-Йорка, представившему 29,155,000 франковъ.

Воинственная дѣятельность кипитъ въ сѣверныхъ штатахъ не менѣе, чѣмъ въ южныхъ. Запасы огнестрѣльнаго и холоднаго

оружія поспѣшно и въ огромномъ количествѣ заготавливаются на всѣхъ заводахъ республики; многочисленные заказы такого же рода сдѣланы и въ Европѣ: одни оружейные заводы, находящіеся въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, взялись приготовить для вашигтонскаго правительства около 250,000 ружей.

Кампанія начата сѣвѣрною арміею довольно удачно. Президентъ Линкольнъ осмотрѣлъ самъ переправу чрезъ рѣку Потомакъ и армія двинулась въ походъ подъ его главнымъ распоряженіемъ; проводивъ же ее за Потомакъ, президентъ возвратился въ Вашингтонъ. Между тѣмъ, за нѣсколько дней до выступленія главной арміи въ походъ изъ столицы Союза въ Виргинію, генералъ Ботлеръ занялъ безъ боя Балтимору и пошелъ далѣе на фортъ Монроэ, которымъ онъ точно также овладѣлъ безъ сопротивленія со стороны сепаратистовъ.

Третій корпусъ федеральной арміи, вступивши въ Виргинію, не пошелъ прямо на фортъ Гарперсъ-Ферри, занятый непріятелемъ, но рѣшился прежде всего отрѣзать его отъ сообщенія съ Ричмондомъ и держать его въ блокадѣ, поджидая усиленія сѣверныхъ войскъ, такъ какъ этотъ фортъ, по своему положенію и по своимъ сильнымъ укрѣпленіямъ, требовалъ, по крайней мѣрѣ, пятидесятитысячной арміи. Впрочемъ монтгомерійцы не воспользовались удобствомъ занятаго ими пункта и, по извѣстіямъ отъ 15-го (3-го) іюня, они поспѣшно очистили Гарперсъ-Ферри. Уходя оттуда, они хотѣли удержать дальнѣйшее движеніе непріятелей, и, съ этою цѣлью, пытались сжечь мосты, но безъ успѣха. Имъ удалось только поджечь федеральное имущество. Слѣдомъ за тѣмъ они покинули всю свою операціонную лѣнію на Потомакѣ и стали сосредоточивать свои силы въ нижнихъ частяхъ этой рѣки.

Мы остановимся до слѣдующихъ статей на этомъ положеніи военныхъ событій въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ и перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ, посредствомъ которыхъ лучше всего можно познаться съ главными условіями борьбы, возникшей между штатами.

Первый шагъ къ отдѣленію отъ общей системы сѣверо-американскаго союза сдѣлала, какъ это было уже сказано, Южная Каролина; 20-го декабря 1860 года было провозглашено ея отпаденіе; послѣ этого, отъ сѣверныхъ штатовъ отпали: 9-го января 1861 года Миссиссиппи, 11-го того же мѣсяца—Алабама и Флорида, 19-го января—Георгія, 26-го—Луизиана, 1-го февраля—Техасъ, 17-го апрѣля—Виргинія, 6-го мая—Арканзасъ, 26-го мая—Сѣверная Каролина и Теннесси, такъ что въ настоящее время отдѣлилось уже одиннадцать штатовъ. За тѣмъ въ составъ Союза остается еще девятнадцать штатовъ. Кромѣ того объявили себя нейтральными четыре штата: Делаваръ, Кентукки, Мерилендъ и Миссури, Губернаторъ втораго изъ этихъ штатовъ

надалъ прокламацію, въ которой онъ объявилъ, что онъ съ оди-
наковой энергіей отразитъ и сѣверную и южную армію, если
которая либо изъ нихъ попытается вступить на территорію
Кентукки.

Полагая, что въ случаѣ надобности все взрослое и здоровое
населеніе можетъ взяться за оружіе, недавно обнаруженный
въ Нью-Йоркѣ офиціальныи документъ распределяетъ въ общей
сложности военныя силы Сѣверо-Американскихъ штатовъ слѣ-
дующимъ образомъ: войска сѣверныхъ штатовъ полагаются въ
числѣ 3,778,000 человекъ, южныхъ—въ числѣ 1,116,000 че-
ловѣкъ и нейтральныхъ въ числѣ 539,000 человекъ. Впрочемъ,
такой расчетъ не совѣтъ вѣрнѣе, потому что какъ бы ни былъ
великъ патриотизмъ и какъ бы ни велика была опасность, гро-
зящая той или другой сторонѣ, но все-таки никакъ нельзя ду-
мать, чтобъ всѣ безъ исключенія взрослые и здоровые мужчины
валялись разомъ за оружіе. Подобная воинственная поголовщина
возможна только въ дикихъ ордахъ, но не въ цивилизованномъ
обществѣ, такъ какъ послѣднее во всякомъ случаѣ требуетъ на
свои насущныя потребности не однихъ только ярыхъ оловчен-
цевъ, но и гражданскихъ дѣятелей, которымъ необходимо оста-
ваться при внутреннемъ управленіи страной. Поголовное во-
оруженіе какой нибудь страны ничего болѣе, какъ только утѣ-
шительная фикція, всегда далекая отъ своего осуществленія на
дѣлѣ. Обыкновенно ею забавляются трусливые воители, которые,
подобно дѣтямъ, страшатъ своихъ враговъ пустыми призраками.

Что же касается состава отдѣлившихся штатовъ, то о нихъ
можно сдѣлать слѣдующія общія замѣчанія:

Южная Каролина имѣетъ до 200 англійскихъ миль въ длину
и до 125 въ ширину; поверхность ея простирается до 28,000
квадратныхъ англійскихъ миль съ 715,317 человеками населенія,
въ числѣ которыхъ находится половина негровъ.

Поверхность штата Миссиссиппи имѣетъ до 47,151 квадрат-
ной англ. мили; число жителей этого штата простирается до
886,658 человекъ. Алабама, при 50,672 квадратныхъ англ. ми-
ляхъ пространства, имѣетъ 955,914 жителей; Флорида, при
59,268 квадратныхъ миляхъ пространства, населена 145,000.
Ея значительная площадь, при слабомъ населеніи, дѣлаетъ Фло-
риду въ ряду прочихъ южныхъ штатовъ весьма незначительною
областью; она обязана выставить только 6,000 солдатъ.

Штатъ Георгія представляетъ въ этомъ отношеніи противо-
положность съ Флоридой, имѣя 1,089,897 жителей, изъ кото-
рыхъ 78,000 обязаны военной службой.

О прочихъ штатахъ можно сказать слѣдующее:

Луизиана важна по своему географическому положенію, такъ
какъ черезъ этотъ штатъ по Миссиссиппи обьиваются почти всѣ
товары, идущіе изъ внутреннихъ торговыхъ пунктовъ. Въ этомъ

же штатъ находится Новый-Орлеанъ, городъ самый важный во своей торговлѣ среди всѣхъ городовъ южныхъ штатовъ. Кромя того, Луизиана на пространствѣ 41,346 квадратныхъ миль имѣетъ 666,430 жителей, изъ которыхъ 75,000 обязаны военной службой.

Техасъ представляетъ ту исключительную особенность среди другихъ отпавшихъ штатовъ, что отдѣлившись, среди общаго порыва юга, отъ сѣвернаго союза, онъ желаетъ опять прикнудить къ послѣднему. Техасъ опасается, что по своему географическому положенію онъ недостаточно будетъ защищенъ военными силами южной федераціи отъ набѣговъ индѣйцевъ — команчскаго племени. Штатъ этотъ, при огромномъ пространствѣ своей территоріи, заключающей 325,000 квадратныхъ англ. миль, имѣетъ только 605,955 человекъ, въ томъ числѣ 84,000 обязанныхъ военною службою.

Самый значительный изъ отпавшихъ штатовъ — Виргинія. Она, при поверхности въ 61,352 англ. квадратныхъ мили, имѣетъ населеніе, включая сюда впрочемъ и невольниковъ, до 1,593,199 человекъ; изъ этого числа 221,000 бѣлыхъ обязаны служить въ военной службѣ. Въ стратегическомъ отношеніи штатъ этотъ важнѣе тѣмъ, что онъ граничитъ съ Пенсильваніей, и что на границахъ Виргиніи по берегу рѣки Потомака, вашингтонское правительство занимаетъ многія важныя позиціи, какъ-то: Норфолькъ, Гарперсъ-Ферри, Ричмондъ, и нѣкоторые другіе города. Такъ что въ настоящее время собственно въ Виргиніи сосредоточенъ весь интересъ начавшейся борьбы между сѣверными и южными штатами. Впрочемъ западная часть этого штата, состоящая изъ двадцати пяти графствъ, при 200,000 жителей, осталась вѣрна сѣверному правительству.

Штатъ Арканзасъ важнѣе въ томъ отношеніи, что въ предѣлахъ его территоріи въ настоящее время правительство монтанерійской республики укрѣпляетъ нѣсколько весьма важныхъ позицій на берегахъ Миссиссиппи. Штатъ этотъ, при 54,000 квадратныхъ англ. миль пространства, имѣетъ только 440,795 жителей, изъ которыхъ онъ обязанъ выставить 65,000 солдатъ.

Наконецъ остальные два штата: Сѣверная Каролина и Тенесси имѣютъ: первая 45,000 квадратныхъ миль пространства и 1,008,342 жителя, изъ которыхъ 132,000 слѣдуетъ идти въ войско; второй же — 44,000 квадратныхъ миль и 1,146,690 жителей, въ томъ числѣ 167,000 обязанныхъ военною службою.

II. Придунайскія княжества.

Со времени соединенія Молдавіи и Валахіи подъ властью одного господара, князя Ивана-Александра Куцы, въ Придунай-

скихъ княжествахъ началось развитіе новаго политическаго быта на конституціонныхъ началахъ. Само собою разумѣется, что такая важная государственная перемѣна, какая произошла тамъ вслѣдствіе парижскаго трактата 1858 года, не могла обойтись безъ нѣкоторыхъ тревогъ, волненій и разногласій, тѣмъ болѣе, что многія внѣшнія обстоятельства, а также и вассальныя, хотя и слабыя отношенія обоихъ государствъ къ Портѣ, затруднили и затрудняютъ еще и теперь естественный ходъ дѣлъ, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ молдавско-валахскаго правительства.

Послѣ соединенія государствъ подъ личною временною властью одного и того же князя, въ Молдавіи и Валахіи стала слышнѣе, чѣмъ когда нибудь прежде, господствовать мысль о сляніи навсегда обоихъ Придунайскихъ княжествъ въ одну конституціонную державу. Европейскіе кабинеты, а въ числѣ ихъ, главнымъ образомъ, и тюльрійскій, старались осуществить этого рода стремленія румынскаго народа. Соглашеніе кабинетовъ на признаніе князя Куцы господаремъ въ обоихъ княжествахъ было весьма важнымъ шагомъ на этомъ пути.

Мы не будемъ слѣдить здѣсь за постепеннымъ ходомъ національнаго вопроса въ Молдавіи и Валахіи; скажемъ только, что тамъ, кромѣ идеи объ образованіи особаго, независимаго румынскаго государства на Дунаѣ, носятя еще мысль о возможности соединенія румынской націи съ Италіей или Франціей, на основаніи романскаго происхожденія молдаванъ и валаховъ. Нѣкоторые румынскіе публицисты, а въ числѣ ихъ гг. Россетъ и Братъяно, издатели газеты «Румынъ», мечтаютъ даже посредствомъ такого слянія румынской народности съ Франціей или Италіей соединить разрозненныя части востока, такъ что Придунайскія княжества сдѣлаются центромъ великой румынской имперіи, которая должна явиться, какъ запоздалая наследница древней римской имперіи. Такимъ образомъ здѣсь дѣло идетъ уже не объ одной только самостоятельности румынской націи, но и объ ея преобладаніи въ Европѣ. Двигателями этихъ, такъ далеко стремящихся, мечтаній составляются въ разныхъ мѣстахъ Молдавіи и Валахіи комитеты, для возстановленія славы и могущества румынскаго имени, какъ выражаются органы этой партіи. Впрочемъ въ члены этихъ излишне-патріотическихъ комитетовъ принимаютъ очень охотно всѣхъ желающихъ, безъ строгаго разбора ихъ національности. Такъ въ эти комитеты вступило много эвиротцевъ, вессалійцевъ и македонянъ, хотя всѣ эти лица никакъ не могутъ похвалиться чистокровностью своего римскаго происхожденія.

Но если въ Молдавіи и въ Валахіи есть подобнаго рода утописты-мечтатели, то рядомъ съ ними дѣйствуютъ тамъ и такіе разсудительные люди, которые, не придавая политической про-

граммъ Придунайскихъ княжествъ таковой огромной и, скажутъ истати, разумѣется не исполнимой задачи, ведутъ дѣло въ предѣлахъ возможнаго, а именно—они хлопочуть только о соединеніи Молдавіи и Валахіи, съ тѣмъ, чтобы соединенными силами обогъ княжествъ поддержать возникающую политическую самостоятельность румынской націи тамъ, гдѣ она существуетъ дѣйствительно, безъ фантастическаго ея распространенія на сосѣднія греческія и славянскія области.

Не смотря однако на духъ партій, господствующихъ въ Яссахъ и Букарестѣ, не смотря на шаткость неупрочившагося еще окончательно правительства князя Куды, а также и на кѣсь новыхъ конституціонныхъ идей съ старыми привычками самовластія, Придунайскія княжества счастливы теперь, по крайней мѣрѣ, уже тѣмъ, что они, благодаря совокупному покровительству великихъ европейскихъ державъ, и преимущественно Франціи, приобрѣли настолько политической самостоятельности, что могутъ идти прогрессивно сами по себѣ, если только не увлекутся духомъ крайнихъ партій.

Важность перерожденія въ политическомъ быту княжествъ оцѣнится еще болѣе, если взглянуть на недавнюю судьбу ихъ, сказаніе о которой живетъ не только въ молдавскихъ и валахскихъ бытописаніяхъ, но и въ свѣжихъ еще народныхъ преданіяхъ. Не для многихъ европейскихъ національностей политическія обстоятельства были такъ неблагопріятны, какъ для румынской. Лишь только началась развиваться среди румыновъ общественная жизнь, они подпали подъ жестокое иго турковъ.

Впрочемъ изъ всѣхъ золъ и несчастій, испытанныхъ румынами во все время ихъ политическаго существованія, ни одно не было для нихъ такъ тяжело и такъ бѣдственно, какъ правленіе князей-фанаріотовъ, начавшееся съ Николая Маврокордато, въ 1716 году, и кончившееся внезапною смертью ненавистнаго Михаила Сутцо, въ 1821 году. Всѣ лѣтописцы и народныя преданія справедливо заклеили позоромъ эту вѣковую эпоху господства князей-грабителей, доведшихъ Молдавію и Валахію до политическаго ничтожества и до совершеннаго нравственнаго уничтоженія. На отдачу румынскихъ княжествъ въ распоряженіе фанаріотовъ Порта смотрѣла не только какъ на финансовую мѣру, обезпечивавшую ея доходы съ княжествъ, но и какъ на политическую мѣру, посредствомъ которой ей всего легче было подавлять всякое проявленіе румынской народности. Правда, что въ княжествахъ и при фанаріотахъ собирались народные представители, но они собирались въ ту пору для одной только формы, съ единственною цѣлью, чтобъ именовъ ихъ еще болѣе угнетать и грабить несчастную страну. Въ сущности же все дѣлалось по волѣ господаря-фанаріота, которому Порта предоставляла отъ себя право жизни и смерти надъ отданными во

вѣсть его жителями. Фанаріотъ могъ распоряжаться въ своихъ владѣніяхъ безнаказанно: въ эту эпоху кровь румыновъ лилась ручьями, прѣступокъ самый легкій наказывался какъ тяжолое преступленіе, повсюду деспотизмъ замѣнялъ и положительный законъ и юридическіе обычай.

Поэтому, въ какомъ бы затруднительномъ положеніи ни находились нынѣ, на первый разъ по своему перерожденіи, Придунайскія княжества, вслѣдствіе возникающей тамъ внутренней неурядицы и неблагопріятнаго на нихъ вліянія виѣшней политики, — все же они положили для себя основу новаго, лучшаго политическаго быта избраніемъ господаря изъ туземцевъ, введеніемъ конституціонныхъ учрежденій и нѣкоторыми внутренними преобразованіями.

Весьма важнымъ вопросомъ въ числѣ преобразованій былъ вопросъ о монастыряхъ. Молдавская палата нарядила особую комиссію для разбора фактовъ, относящихся къ этому важному вопросу, а также для разсмотрѣнія противозаконныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ князя Куцы противъ первенствующаго лица румынской церкви, противъ главы тамошняго духовенства, митрополита Софронія. Однако прогрессивныя мѣры правительства встрѣтили въ этомъ случаѣ сильную оппозицію, и министерство, дѣйствовавшее рѣшительно противъ монастырей и духовенства, подверглось обвиненію за недостатокъ въ содѣйствіи со стороны правительства къ поддержанію каноническихъ правилъ церкви. Въ заключеніе комиссія, разсматривавшая распри министерства съ митрополитомъ, поставила неприкосновенность личности послѣдняго на ряду съ неприкосновенностью самаго господаря, на томъ основаніи, что митрополитъ, точно такъ же какъ и господарь, облеченъ своимъ высокимъ саномъ по желанію румынскаго народа, въ томъ же самомъ порядкѣ и при тѣхъ же условіяхъ. вмѣстѣ съ этимъ комиссія объявила, что митрополитъ Софроній можетъ быть обвиняемъ только тогда, когда онъ сопротивляется такимъ распоряженіямъ правительства, которыя будутъ признаны законными въ общемъ народномъ собраніи, а не изданы министерствомъ или отъ имени господаря.

Такое оправданіе комиссіей митрополита, оказавшаго, по мнѣнію министерства, неуваженіе къ правительству и послушаніе законамъ, повлекло за собою паденіе министерства. Мы нарочно остановились на этихъ событіяхъ, чтобъ показать, до какой степени еще силенъ въ Придунайскихъ княжествахъ духъ клерикальной и, конечно, отсталой партіи. Это обстоятельство, обнаруживающее стремленіе извѣстныхъ и притомъ вліятельныхъ лицъ поставить на одинъ уровень и духовную и свѣтскую власть въ княжествахъ, показываетъ, что тамъ кроется огромный поводъ для безпрестанныхъ разладовъ между той и другой властью и что разлады подобнаго рода будутъ долгое еще время

оставаться одной изъ главныхъ причинъ замедленія для окончательнаго внутренняго устройства государствъ.

Что же касается вопроса о монастыряхъ, который, въ последнее время, не только возбуждиль живой интересъ въ публицистикѣ многихъ христіанскихъ державъ, но даже обратилъ на себя особенное вниманіе со стороны правительства иновѣрной Турціи, болѣею частью весьма равнодушной къ вопросамъ подобнаго рода, то вопросъ этотъ не такъ сложенъ, чтобъ онъ самъ по себѣ, безъ примѣси личныхъ раздраженій и постороннихъ происковъ, могъ породить продолжительныя недоразумѣнія и слишкомъ опасныя столкновения между представителями свѣтской и духовной власти.

Все, что могутъ сказать самые фанатическіе приверженцы монастырскихъ правъ по владѣнію имуществами, должно заключаться только въ воспоминаніяхъ о томъ, что, въ извѣстныхъ случаяхъ, церковь или, лучше сказать, вѣра, — но собственно никакъ не монастыри сами по себѣ, — поддерживала мужество румынскаго народа, и что, въ благодарность за это, слѣдуетъ оставить за монастырями имущества, завѣщанныя имъ благочестивыми предками румынскаго народа. Но, конечно, на такіе нелогическіе доводы могутъ поддаться только такіе люди, которые хотятъ предоставить все одному прошедшему, забывая и о настоящемъ и о будущемъ. Мысль о подобномъ правѣ монастырей на имущества высказала румынская газета «Зритель», подкрѣпляя свои защитительные доводы въ пользу монастырей нападками на румынскихъ прогрессистовъ, которые, по словамъ ея, почерпнули элементы цивилизаціи во время ихъ броженія и не усвоили себѣ тѣхъ высокихъ убѣжденій, какія руководятъ народами на пути ко благу и къ истинѣ. «Зритель» добавлялъ къ тому, что прогрессисты начали преобразование княжествъ съ ниспроверженія вѣры праотцевъ, посягнувъ святотатственно на достояніе церкви.

Въ дополненіе къ этимъ церковнымъ вопросамъ, волнующимъ умы молдаванъ и валаховъ, надобно прибавить, что, съ другой стороны, и распоряженія министерства касательно принятія мѣръ для подавленія неудовольствій, возникающихъ въ разныхъ пунктахъ княжествъ, вызываютъ тоже неудовольствіе къ правительству князя Куды и препятствуютъ спокойному и ровному ходу многихъ внутреннихъ преобразованій.

Впрочемъ, чтобы точнѣе, въ общемъ очеркѣ, познакомить нашихъ читателей съ современнымъ положеніемъ Придунайскихъ княжествъ, мы воспользуемся нотой, адресованной княземъ Кудой къ его агенту въ Константинополь.

Нота эта начинается замѣчаніемъ князя о настроеніи умовъ, бывшемъ въ Молдавіи и Валахіи въ моментъ избранія настоящаго государя, когда жители княжествъ, возбужденные успѣ-

хоть національнаго дѣла, стали оказывать особенное нерасположеніе какъ противъ Турціи, такъ и вообще противъ всякаго иноземнаго вліянія. Однако задушевнымъ убѣжденіемъ новаго правителя Придунайскихъ княжествъ, по его собственному сознанию, было то, что истинные интересы княжествъ должны побудить Молдавію и Валахію остаться на сторонѣ Порты, а между тѣмъ противники такого мнѣнія убѣждали князя Куцу, на первой же порѣ его правленія, пуститься въ рискованныя предпріятія и постараться извлечь выгоду изъ тогдашнихъ европейскихъ complicationъ, для преобразования судьбы румынскаго народа. Но князь, какъ выражается онъ самъ, счелъ неблагоприятно воспользоваться затрудненіями, среди которыхъ находилась Европа, и тѣмъ самымъ увеличить ея политическія заботы.

Переходя за тѣмъ къ внутреннему устройству страны, государь въ нотѣ своей замѣчаетъ, что не вполне удовлетворенныя стремленія княжествъ произвели тамъ броженіе умовъ и вызвали противодѣйствія старыхъ партій, враждебныхъ соединенію румынской народности. Къ внутреннимъ замѣшательствамъ прибавились недовѣрчивость и неискренность дѣйствій Англіи и Турціи; и то и другое чувство выразилось особенно по поводу задержанія на Дунаѣ судовъ, шедшихъ съ оружіемъ подъ сардинскімъ флагомъ. «Чѣмъ болѣе, писалъ князь Куца, я вмѣшиваю мою личную отвѣтственность въ дѣйствія, не всегда пріятныя странѣ, но которыми я стараюсь привлечь къ ней благорасположеніе Турціи и покровительствующихъ ей державъ, тѣмъ болѣе я замѣчаю, что подозрѣнія возрождаются въ нихъ». Этими замѣтками, какъ кажется, достаточно очерчивается затруднительное положеніе Придунайскихъ княжествъ и ихъ правителя въ новой формѣ политическаго устройства Молдавіи и Валахіи.

Несмотря, однако, на всѣ препятствія, въ половинѣ мая валахское собраніе, подобно молдавскому, рѣшительно объявило себя въ пользу соединенія обѣихъ палатъ. Фактъ этотъ былъ принятъ какъ окончательное соединеніе обѣихъ княжествъ, о чемъ и объявилъ государь депутаціи, поднесшей ему адресъ. Но объявленіе было однако опровергнуто вслѣдъ за тѣмъ извѣстіемъ, что хотя Порта, какъ верховная держава, и имѣла бы право по своему усмотрѣнію допустить окончательное соединеніе государствъ, но что дипломатическія приличія не позволяютъ ей сдѣлать это, безъ предварительнаго совѣта съ правительствомъ, принимавшими наиболѣе участія въ теперешнемъ устройствѣ княжествъ. Съ этою цѣлью оттоманское правительство представило циркуляръ, въ которомъ изложило свои виды относительно тѣхъ условій, на которыхъ оно съ своей стороны готово согласиться на соединеніе Молдавіи и Валахіи, впрочемъ до тѣхъ только поръ, пока будетъ продолжаться исключительное правленіе князя Куцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Порта пригласила покровитель-

ствующія державы войти съ нею въ сношенія, для опредѣленія составленныхъ ею условій. Нѣкоторыя газеты сообщаютъ, что слѣдствіемъ окончательнаго соединенія Придунайскихъ княжествъ будутъ нѣкоторыя перемѣны въ ихъ внутренней организаціи. Впрочемъ главный вопросъ по этому дѣлу заключается теперь еще только въ томъ, гдѣ соберутся конференціи по молдавско-валлахскимъ дѣламъ: въ Парижѣ или въ Константинополѣ? Франція предлагаетъ свою столицу, Англія и Турція указываютъ на Константинополь.

Въ добавокъ ко всемъ этимъ извѣстіямъ, газета «Pau» сообщаетъ нѣкоторыя особенныя новости, относясь къ Придунайскимъ княжествъ, а именно будто бы князь Купа, недовольный тѣмъ, что ему удалось достигнуть соединенія обомъ княжествъ подъ своимъ правленіемъ, хочетъ свергнуть съ Придунайскихъ княжествъ ту зависимость отъ Турціи, въ которую они воставлены договорами первенствующихъ европейскихъ кабинетовъ. Впрочемъ едва ли удастся государю достигнуть этой цѣли, несмотря на сочувствіе ей со стороны румынскаго народа. Это сомнительно еще по многимъ вышнимъ обстоятельствамъ и въ особенности по той причинѣ, что, какъ носятъ слухи, на конференціяхъ будетъ предложенъ одною изъ инокровительствующихъ державъ вопросъ о назначеніи государемъ Молдавіи и Валахіи кого-либо изъ членовъ владѣтельныхъ европейскихъ домовъ; безъ всякаго впрочемъ сомнѣнія, вопросъ о выборѣ другаго государя, въ замѣнъ князя Купы, произведетъ новыя замѣшательства и разногласія въ европейской дипломатіи, а вѣсть съ тѣмъ влѣдѣйствуетъ весьма неблагопріятно на страну, стремящуюся прежде всего къ поддержанію своей народности и къ отстраненію вышшняго вліянія на ея внутренній бытъ.

III. Присоединеніе Санъ-Домингской республики къ испанской монархіи.

Событіе, на которое мы обращаемъ теперь вниманіе нашихъ читателей, не принадлежитъ къ числу тѣхъ, вліяніе которыхъ отзывается и долго и замѣтно какъ въ исторіи, такъ и въ современной политикѣ. Тѣмъ не менѣе однако присоединеніе санъ-домингской республики къ испанской монархіи — важно въ двухъ отношеніяхъ, во первыхъ, въ отношеніи къ самой Испаніи, гдѣ оно пробудило въ народѣ его древнюю кастильскую гордость, и готовность къ предпріятіямъ для славы и могущества родины и во вторыхъ, въ отношеніи самой идеи этого событія, а именно: здѣсь важенъ тотъ фактъ, что республиканцы добровольно уничтожаютъ существовавшую у нихъ форму правленія и изъявляютъ желаніе сдѣлаться подданными той монархіи, отъ которой

они прежде отложились. Добавимъ къ этому еще и то, что событие, о которомъ идетъ рѣчь, представляетъ важность и въ дипломатическихъ отношеніяхъ между Англійей и Испаніей, отношеніяхъ уже и безъ того довольно щекотливыхъ и натянутыхъ, со времени войны Испаніи съ Марокко. Англія, вѣчно тревожимая близкими призраками, тамъ гдѣ дѣло касается ея торговли, признаетъ за Испаніей возможность сдѣлаться, при благоприятныхъ обстоятельствахъ для послѣдней, сильною морской державой, какой была нѣкогда монархія Изабеллы и Фердинанда Католика, а между тѣмъ удачная война Испаніи съ Марокко, а вслѣдъ за тѣмъ расширение ея за-атлантическихъ владѣній, указываютъ на то, что въ настоящее время обстоятельства благоприятствуютъ Испаніи и что, слѣдовательно, опасенія, тревожащія Англію, не напрасны: они какъ будто начинаютъ уже осуществляться. По всѣмъ этимъ причинамъ, присоединеніе Санъ-Домингской республики, при суетливыхъ проискахъ лондонской дипломатіи, можетъ болѣе или менѣе отозваться и въ дѣлахъ европейской политики и обратить на себя вниманіе главныхъ европейскихъ кабинетовъ.

Послѣднее замѣчаніе оправдывается отчасти и тѣмъ, что англійскія газеты, а въ числѣ ихъ и главный рычагъ англійской политики—«Times» заговорили очень серьезно о присоединеніи Санъ-Доминго къ владѣніямъ испанской монархіи. Американскіе журналы въ свою очередь придали тоже весьма большое значеніе этому событію. «Times» первый сообщилъ, что 16 марта н. ст. нѣсколько эмигрантовъ санъ-домингской республики, испанскаго происхожденія, отправившись съ острова Кубы, высадились во владѣніяхъ республики, водрузили тамъ испанское знамя и провозгласили королеву Изабеллу повелительницею республики. Въ то же время англійскія и американскія газеты сообщали, что, вслѣдствіе этого событія, испанское правительство успѣшило отправить къ берегамъ санъ-домингской республики значительное число военныхъ судовъ съ десантнымъ отрядомъ. Всѣ эти факты «Times» истолковывалъ съ неудовольствіемъ, скрытымъ весьма-плохо.

«Вотъ плоды того бѣдственнаго положенія, восклицалъ «Times», въ которомъ находится теперь великая американская республика! Давно ли сѣверные американцы грозили испанцамъ отнять у нихъ Кубу, а между тѣмъ теперь Испанія, не заботясь вовсе о Соединенныхъ Штатахъ, предпринимаетъ присоединенія и завосванія.» Затронувъ въ своихъ столбцахъ вопросъ объ этомъ предметѣ, «Times» съ чрезвычайною заботливостію допытывался о томъ, что сдѣлаетъ испанское правительство со своимъ новымъ пріобрѣтеніемъ, будетъ ли оно считать его колоніей или провинціей и какимъ образомъ подъ однимъ и тѣмъ же испанскимъ законами будутъ существовать рядомъ и Санъ-Доминго

и Куба, тогда какъ на первомъ изъ нихъ уничтожено рабство негровъ, а на другомъ оно еще процвѣтаетъ весьма-благополучно. Какъ и надобно было ожидать, вопросы «Times» а вскорѣ перешли въ англійскій парламентъ

Лордъ Джонъ Россель, спрошенный о сантъ-домингскихъ событіяхъ, отвѣчалъ на первый разъ, что они ему самому известны только изъ журналовъ. Впрочемъ—добавилъ онъ, съ полною увѣренностію,—сомнительно, чтобы испанское правительство съ своей стороны согласилось на подобное присоединеніе. Слѣдствіемъ однако нѣсколько времени, оказалось, что въ настоящемъ случаѣ англійскій министръ не былъ слишкомъ прозорливъ, хотя и дѣйствительно на первый разъ испанское правительство колебалось утвердить это присоединеніе и, въ подражаніе Франціи, обратилось къ тому способу выраженія народной воли, который былъ съ такимъ успѣхомъ употребленъ императоромъ Наполеономъ III, въ дѣлѣ о присоединеніи къ французской имперіи Савойи и Ниццы, а именно къ поголовному вотированію.

Въ свою очередь испанское правительство представило присоединеніе Сантъ-Доминго къ монархіи королевы Изабеллы въ слѣдующемъ видѣ.

«28-го марта, сообщала полуофіціальная мадридская газета «Correspondencia», населеніе важнѣйшихъ пунктовъ республики Сантъ-Доминго до самой границы Гаити объявило себя въ пользу Испаніи. Пуэрто-Плата было послѣднее мѣсто, въ которомъ было провозглашено присоединеніе къ Испаніи и была признана верховная власть королевы Изабеллы. Не смотря однако на такое промедленіе, присоединеніе къ Испаніи было провозглашено тамошнимъ населеніемъ съ особеннымъ восторгомъ.

Испанскія войска, которыя прибыли на Сантъ-Доминго 6 числа, ограничились поддержаніемъ порядка и дѣйствовали не иначе, какъ только по приказанію президента республики, генерала Сантана.

Немедленно, послѣ того какъ генераль Сerrано получилъ извѣстіе о происшедшихъ на Сантъ-Доминго демонстраціяхъ въ пользу Испаніи, онъ посѣшилъ отправить въ Саманскую бухту фрегатъ «Блаука» съ ротой артиллеріи и другими войсками.

Однако манифестация совершилась безъ всякаго противодѣйствія; утвердительно можно сказать, что не только начальство, но и всѣ почетные жители единогласно, съ чувствомъ радости, провозгласили своей государыней королеву Изабеллу II и возвращеніе свое къ матери-отчизнѣ.

Другіе главные города Санто-Доминго объявили себя за Испанію прежде столицы.

Упомянутая газета приводитъ въ подлинникѣ актъ соединенія, подписанный Педро Сантана, Антонио Альфаномъ, де Кастро и Фернадецомъ. Въ этомъ актѣ объявляется, что нижеподписавшіе-

са сами отъ себя, равно какъ и отъ имени тѣхъ, кто ихъ уполномочилъ, торжественно объявляютъ, что они добровольно и овозглашаютъ своей государыней донну Изабеллу II и передаютъ въ ея руки ту верховную власть, которая была вручена имъ республикой. Далѣе они, отъ имени города, объявляютъ объ его желаніи, чтобъ территорій республики былъ присоединенъ къ кастильской коронѣ, и что онъ принадлежитъ ей теперь въ силу договора, состоявшагося 18 февраля 1833 года, которымъ ея католическое величество признала санъ-домингскую республику самостоятельнымъ государствомъ, такъ что она нынѣ уже добровольно, сама по себѣ, признаетъ снова надъ собою власть королевы испанской.

За тѣмъ прежній президентъ республики генераль Сантана былъ переименованъ испанскимъ правительствомъ въ генераль-губернаторы и поздравилъ королеву съ новыми ея владѣніями.

Такое объясненіе всего дѣла отдавало, повидимому, отъ испанскаго правительства подозрѣнія въ разныхъ проискахъ касательно завладѣнія республикой Санъ-Доминго и обращеніемъ ея въ провинцію королевства испанскаго. Кромѣ того, мадридскій кабинетъ въ своемъ циркулярѣ, разосланномъ его агентамъ при разныхъ дворахъ, объявлялъ, что онъ былъ совершенно чужды тѣмъ событіямъ, которыя совершались на Санъ-Доминго, но что тѣмъ не менѣе онъ съ своей стороны считалъ неумѣстнымъ и недостойнымъ испанской націи отвергнуть отъ себя тѣхъ чадъ, которыя захотѣли присоединиться снова къ своей родинѣ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакого повода сомнѣваться въ искренности этого желанія.

Такимъ образомъ объясняетъ испанское правительство свои усилія въ Санъ-Доминго, а между тѣмъ нельзя не сказать, что Испанія, подъ шумъ и говоръ Европы, бывшей въ ожиданіи самыхъ тревожныхъ событій, выискиваетъ удобныя минуты, и пользуется благоприятными обстоятельствами, чтобъ съ помощію ихъ приобрѣсти себѣ новыя владѣнія въ Африкѣ и за океаномъ. Въ настоящее время Испанія повела дѣло о приобрѣтеніи Санъ-Доминго такъ ловко, что его просмотрѣла сама Англія.

Европейская политика, за исключеніемъ англійской, не подняла особеннаго шума по случаю присоединенія Санъ-Доминго къ Испаніи, такъ какъ даже и Франція, интересы которой въ настоящемъ случаѣ всего ближе сталкиваются съ образомъ дѣйствій испанскаго правительства, согласилась и изнать дѣйствительнымъ переворотъ, происшедшій на Санъ-Доминго. Не смотря однако на эти благоприятныя въ Испаніи обстоятельства, ея возстановленному господству на Санъ-Доминго угрожаетъ мѣстный врагъ, а именно Гаитская республика. Гаитяне, вмѣстѣ съ санъ-домингскими эмигрантами, собираются напасть на новыя испанскія владѣнія и возбудить тамъ междоусобную войну. Во

главѣ этого предпріятія находится Кибралъ, одинъ изъ числа десяти генераловъ, изгнанныхъ президентомъ Сантана; впрочемъ Испанія уже успѣла увеличить на Санъ-Доминго свои военныя силы до такой степени, что она съ большою легкостью можетъ отразить тамъ всѣ враждебныя попытки. Не смотря однако на это, президентъ Гаитской республики издалъ формальный протестъ, въ которомъ онъ объявляетъ, что Испанія не имѣла никакого права вмѣшиваться въ дѣла санъ-домингской республики. Въ своемъ протестѣ г. Жезфаръ опирается на то, что сосѣднія республики обязаны взаимно оберегать свои республиканскіе принципы и на основаніи договоровъ защищать одна другую отъ посторонняго вмѣшательства. Вмѣстѣ съ этимъ г. Жезфаръ послалъ санъ-домингамъ адресъ, въ которомъ онъ указывалъ имъ на предательство генерала Сантана, обманувшаго, своей сдѣлкой съ Испаніей, и довѣріе своихъ собственныхъ согражданъ и надежды сосѣдей—республиканцевъ.

Между тѣмъ глава испанскаго министерства О'Доннель представилъ королевѣ докладъ о присоединеніи Санъ-Доминго. Нависанный высокопарнымъ слогомъ, докладъ этотъ гласитъ, что Санъ-Доминго былъ первымъ изъ острововъ, открытыхъ великимъ Колумбомъ, и что онъ былъ предметомъ любви великой королевы, которая, если такъ выразиться, предъугадала существованіе новаго свѣта. Далѣе министръ рассказываетъ о томъ, какъ этотъ островъ разорвалъ, въ дни нечестія, свой союзъ съ метрополіей, вслѣдствіе обмановъ, интригъ и происковъ; какъ онъ сдѣлался потомъ игрушкой между честолюбивыми искателями власти; какъ онъ, вслѣдствіе этого, потерялъ свои жизненныя силы и какъ онъ, наконецъ, единодушнымъ возгласомъ всего своего народонаселенія тронулъ материнское сердце ея величества. При этомъ О'Доннель замѣчаетъ, что Испанія, какъ обширная держава, хотя не имѣетъ вовсе надобности въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ, для того чтобы занять видное мѣсто въ ряду первенствующихъ державъ, — но что единодушное желаніе санъ-домингцевъ должно было наконецъ склонить милосердную королеву и т. д. Вслѣдствіе этого напыщеннаго доклада, королева подписала декретъ о включеніи территоріи санъ-домингской республики въ число испанскихъ владѣній.

Весьма важнымъ обстоятельствомъ являлся при этомъ вопросъ о невольничествѣ негровъ, не существующемъ на Санъ-Доминго, и между тѣмъ, какъ мы замѣтили, процвѣтающемъ еще въ сосѣднихъ испанскихъ владѣніяхъ на островѣ Кубѣ. Испанское правительство рѣшило это дѣло тѣмъ, что никакія причины не препятствуютъ бывшей санъ-домингской республикѣ, по притѣру баскскихъ провинцій испанскаго королевства, управляться особыми законами, отличительнымъ отъ законовъ, постановленнымъ для другихъ антильскихъ владѣній Испаніи. Въ добавокъ къ

этому испанское правительство объявило, что оно никогда и ни въ какомъ случаѣ не воспользуется послѣдними событіями въ Санъ-Доминго для введенія тамъ невольничества или торга неграми, такъ какъ подобныя учрежденія противны заключеннымъ трактатамъ и принципамъ цивилизаціи; къ этому оно присовокупляло, что если невольничество и существовать еще на Кубѣ и Порто-Рико, то единственно потому только, что существованіе этой язвы необходимо тамъ для воздѣлыванія земли, между тѣмъ какъ этого вовсе не нужно въ восточной части Санъ-Доминго, по причинѣ плодородія тамошней почвы.

О такомъ постановленіи касательно невольничества мадридскій кабинетъ сообщилъ лондонскому, и 21-го (9-го) іюня лордъ Джонъ Россель, спрошенный объ этомъ въ засѣданіи нижней палаты, прочиталъ въ отвѣтъ извлеченіе изъ депешъ, полученныхъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Этимъ самымъ устранены на первой разѣ тѣ притязанія, которыя могъ объявить сень-джемскій кабинетъ, пользуясь неопредѣленностью рѣшенія вопроса о невольничествѣ, и тѣмъ самымъ онъ лишился благожелательнаго случая, прикрывая настоящее свое неудовольствіе по поводу распространенія испанскихъ владѣній за океаномъ, вмѣшаться въ это дѣло. Впрочемъ опасенія Англіи по причинѣ успѣховъ Испаніи въ Америкѣ увеличиваются еще болѣе при мысли, что примѣру Санъ-Доминго могутъ легко послѣдовать и другія, бывшія некогда испанскими, владѣнія, а въ числѣ ихъ и Мексика, находящаяся относительно своего политическаго быта въ положеніи весьма сходномъ съ положеніемъ санъ-домингской республики.

Для объясненія же истинныхъ причинъ присоединенія Санъ-Доминго къ испанской коронѣ надобно замѣтить слѣдующее.

Въ 1848 году президентъ Сантана былъ лишонъ тамъ власти своимъ противникомъ Хименесомъ, который успѣлъ легко исполнить это, такъ какъ Сантана былъ не любимъ за безпорядочность своего управленія, соединенную съ самоуправствомъ и жестокостями. Въ 1849 году власть президента санъ-домингской республики принялъ Баэцъ, котораго однако въ 1853 году успѣлъ изгнать Сантана. Достигнувъ вторично президенства и видя шаткость своего положенія, Сантана замыслилъ передать республику Соединеннымъ Штатамъ. Но испанская политика пошла дѣло такъ, что Сантана былъ лишонъ въ 1856 году президентскаго званія и президентомъ сдѣлался снова Баэцъ, а Сантана былъ приговоренъ къ смерти и только великодушіе Баэца, передавшаго его тайкомъ на французскую эскадру, спасло Сантана отъ казни. Неблагодарный Сантана успѣлъ однако поссорить Баэца съ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, подъ предлогомъ оскорбленія на Санъ-Доминго союзнаго флага и Баэцъ, видя опасность, угрожающую республикѣ со стороны штатовъ, отказался отъ званія президента, и тогда мѣсто его заступилъ

пиль Сантана, который захотѣлъ теперь обезпечить себя окончательно при помощи Испаніи и, пользуясь смутами, происшедшими въ Соединенныхъ Штатахъ, устроилъ дѣло такъ, что санъ-домингская республика, въ виду испанскихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, прекратила свое существованіе.

Бывшая республика, составлявшая нѣкогда часть испанскихъ владѣній и достигнувшая самостоятельности въ 1844 году, занимаетъ на восточной части острова Санъ-Доминго 810 квадратныхъ миль и 200,000 жителей, состоящихъ преимущественно изъ мулатовъ и бѣлыхъ, и исповѣдующихъ католическую вѣру. Важность этой части острова Санъ-Доминго видна между прочимъ уже и изъ того, что при прежнемъ правительствѣ двѣнадцать европейскихъ державъ имѣли своихъ консуловъ. Обстоятельство весьма немаловажное въ расчетахъ лондонскаго кабинета.

IV. Графъ Кавуръ.

Скажемъ откровенно, что странно и напрасно было бы обсуживать въ настоящую пору во всей полнотѣ министерскую дѣятельность а также личныя достоинства и недостатки графа Кавура, потому что не только для насъ, русскихъ, но и вообще для всей европейской публицистики не доступна еще большая часть этой дипломатической переписки, въ которой высказывался образъ дѣйствій и мыслей покойнаго министра. Безъ сомнѣнія, только обнародованіе всѣхъ дипломатическихъ документовъ, вышедшихъ въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ изъ подъ пера покойнаго графа, и только безпристрастныя, хотя бы самыя мелкія подробности объ его отношеніяхъ и даже бесѣдахъ съ другими политическими дѣятелями, могутъ съ должною точностью опредѣлить въ какой мѣрѣ были самостоятельны политическія дѣйствія Кавура, и указать на то, какіе пути употреблялъ онъ для достиженія своихъ государственныхъ цѣлей; какія препятствія, незамѣтныя для людей постороннихъ, встрѣчалъ онъ при своей обширной дѣятельности; какими способами онъ отклонялъ, замедлялъ и ослаблялъ эти препятствія; а также до какой степени онъ предугадывалъ ходъ тѣхъ событій, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависло или исполненіе или замедленіе его плановъ. По нашему убѣжденію, только подробности такого рода, собранныя въ большомъ запасѣ могутъ опредѣлить все значеніе и все участіе Кавура, какъ въ дѣлахъ внѣшней политики, такъ и во внутреннемъ устройствѣ Пьемонта; безъ нихъ же разсужденія о графѣ Кавурѣ будутъ только блѣдными не оконченными очерками, какимы признаемъ мы и сдѣланный теперь нами біографическій очеркъ Кавура.

Въ настоящее время намъ остается только примкнуть къ общему хору хвалений и сожалѣній о графѣ Кавурѣ, и указать на то, что общественное мнѣніе а также и органы различныхъ партій считаютъ его главнымъ виновникомъ двухъ историческихъ событій, совершившихся на нашихъ глазахъ, а именно—обращенія Пьемонта изъ незначительнаго государства въ одно изъ первостепенныхъ европейскихъ государствъ и соединенія почти всей Италіи въ одну конституціонную монархію подъ властію Виктора-Эммануила. Эти два важныхъ факта, общій голосъ признаетъ дѣломъ Кавура и очень многіе приписываютъ ему даже инициативу этихъ событій, хотя противъ послѣдняго мнѣнія и надобно замѣтить, что мысль о настоящемъ значеніи Пьемонта въ Италіи, и единствѣ послѣдней страны была данута самимъ Викторомъ-Эммануиломъ еще до того времени, когда графъ Кавуръ сдѣлался его первенствующимъ министромъ, какъ бы то впрочемъ ни было, но заслуги Кавура какъ патриота-итальянца передъ его родиною велики и несомнѣнны, а притомъ едва ли кто нибудь изъ частныхъ людей, быть можетъ за исключеніемъ только проницательнаго Талеярана, имѣлъ въ текущемъ столѣтіи такое огромное значеніе въ ряду политическихъ дѣятелей, какое имѣлъ графъ Кавуръ.

Чтобъ показать до какой степени еще не полны даже общія біографическія свѣдѣнія о графѣ Кавурѣ, укажемъ только на тѣ разногласія, которыя встрѣчаются въ журналистикѣ, когда рѣчь идетъ объ его происхожденіи. Конечно, фактъ этотъ самъ по себѣ уничтоженъ, но онъ важенъ для опредѣленія личности Кавура, во всей полнотѣ, такъ какъ обстоятельства рожденія должны имѣть значительное вліяніе на развитіе ума и сердца, а воспоминанія дѣтства могутъ всегда болѣе или менѣе отзываться въ каждомъ человѣкѣ и въ зрѣлую пору его жизни. При томъ замѣтку о происхожденіи Кавура вносятъ всѣ составители статей о покойномъ графѣ, а между тѣмъ и въ этомъ, повидимому совершенно положительномъ, извѣстіи встрѣчаются, какъ мы сказали, разногласія. Одни говорятъ, что отецъ Кавура былъ разжившійся хлѣбный торговецъ, возведенный въ дворянское достоинство королемъ Карломъ-Альбертомъ; другіе причисляютъ покойнаго министра къ роду Кавуровъ, уже угасшему и составлявшему одну изъ боковыхъ линій савойскаго дома; третьи, наконецъ, признаютъ за Кавуромъ нѣмецкое происхожденіе, сообщая, что предокъ его, нѣмецкій рыцарь Бензе, поселился въ Италіи и былъ родоначальникомъ передѣланной на итальянской манерѣ фамиліи Бензо. Родовой гербъ графа Кавура съ нѣмецкимъ девизомъ подтверждаетъ это сказаніе. Впослѣдствіи члены фамиліи Бензо занимали въ Пьемонтѣ вычальные должности, а одинъ изъ нихъ приобрѣлъ помѣстье Кавуръ и потомки его по этому владѣнію стали писаться Бензо-ди-Кавуръ. Съ 1849 года

фамилія Бензо-ди-Кавуровъ носить титулъ маркизовъ; она была постоянно въ родственныхъ связяхъ съ самыми древними и громкими именами Италіи; но въ жилахъ Кавура, по матери его текла уже и республиканская кровь. Мать его, урожденная Селонъ, была гражданкою швейцарской республики. Что же касается отца Кавура, маркиза Микеля Кавура, то онъ былъ отъявленный обскурантъ и клерикаль, и одинъ изъ главныхъ приверженцевъ австрійскаго господства въ Италіи. Маркизь, слѣдуя старинному примѣру итальянскихъ дворянъ, велъ обширную торговлю хлѣбомъ и пускался въ разныя коммерческія предпріятія. Этимъ самымъ онъ увеличилъ свое родовое состояніе до такой степени, что второй сынъ его, графъ Камилла, получилъ въ наслѣдство 20,000,000 франковъ. Всѣ эти обстоятельства указываютъ на то, что покойный министръ принадлежалъ къ шьмонтской аристократіи и по своему происхожденію и во наслѣдственному богатству. Между тѣмъ эти самыя условия рожденія обрекали Камилла Кавура или къ придворной жизни, или къ военной карьерѣ, если бы свѣтлый взглядъ молодого графа не руководилъ его въ выборѣ дѣятельности болѣе полезной и болѣе серьезной нежели та, которая предстояла ему на дорогѣ, уже проложенной для него предками.

Правда, что Кавуръ, родившійся 10 августа 1810 года, все-таки отвѣдалъ быть, не пришедшійся ему по вкусу: онъ былъ сперва въ парижскомъ военномъ училищѣ, потомъ пажемъ при королѣ сардинскомъ Карлѣ Феликсѣ; но король замѣтилъ, что изъ Кавура никогда не сдѣлается хорошей придворный, а потому уволилъ его отъ должности пажа и отправилъ его обратно въ училище. Выйдя изъ училища, графъ Кавуръ не щеголялъ военнымъ мундиромъ на улицахъ Турина, онъ не маршировалъ на тамошнихъ вахтъ-парадахъ и не тратилъ пороха на шумныхъ маневрахъ. Уступивъ волѣ отца касательно военной карьеры, въ то время исключительно избираемой шьмонтскимъ дворянствомъ, Кавуръ выбралъ для себя положительныя занятія по инженерной части, и, въ чинѣ инженернаго поручика, онъ въ 1831 году былъ командированъ въ Геную, для надзора за въ-которыми фортификаціонными работами. Событія, происшедшія около этого времени во Франціи, дали Кавуру поводъ высказать свои политическія мнѣнія и, въ наказаніе за эту неумѣстность и либеральность вообще, Кавура отправили въ фортъ Бардъ, для исполненія гарнизонной службы. Тогда онъ вышелъ въ отставку и отправился путешествовать.

Посмотрѣвъ Францію, онъ пріѣхалъ въ Англію. Послѣ сию-властнаго въ ту пору Шьмонта, свободнымъ, представительнымъ учрежденіемъ Англіи вѣнчилъ Кавура. Избѣгая свѣтскихъ размеченій, онъ старался сблизиться съ такими людьми, которыми могли познакомить его и съ формами и съ духомъ англійскихъ

конституціонныхъ учрежденій. Онъ почувствовалъ сиватию ко всему тому, что онъ видѣлъ и что слышалъ въ Англии, и что такъ рѣже противорѣчало съ тогдашнимъ явнымъ неустроеннымъ бытомъ его родины. На первый разъ Кавуръ уже слишкомъ и даже, какъ сообщаютъ нѣкоторыя газеты, почти до сибзнаго поддакъ обаянію великобританскаго государственнаго устройства, основаннаго на духѣ родовой аристократіи. Къ чести Кавура надобно однако сказать, что онъ впоследствии освободился отъ этой односторонности, и въ его воззрѣніяхъ и въ образѣ дѣйствій все рѣже и рѣже проглядывали замашки и убѣжденія англійскаго аристократа.

Находясь за границей Кавуръ напечаталъ во французскихъ журналахъ, издаваемыхъ въ Женевѣ, нѣсколько статей, затрогивавшихъ весьма важные вопросы того времени. Въ статьяхъ его проглядывали свѣтлыя мысли и большая начитанность. Въ Лондонѣ же онъ, по собственнымъ его разсказамъ, передѣлывалъ для себя рѣчи первѣйшихъ тогдашнихъ ораторовъ и воображалъ какъ бы заговорилъ онъ на ихъ мѣстѣ у себя на родинѣ, если бы такъ существовали палаты. Во всемъ что ни висалъ въ это время графъ Кавуръ онъ явился еще и поборникамъ прогресса какъ въ области политической, такъ и въ области государственнаго хозяйства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и противникомъ революцій и враговъ всякихъ крутыхъ и насильственныхъ переворотовъ. Сколько можно судить по всѣмъ послѣдующимъ, извѣстнымъ уже, дѣйствіямъ Кавура, а также и по высказаннымъ имъ мыслямъ и въ палатахъ и въ дипломатической перепискѣ, онъ оставался всегда вѣренъ этому взгляду на государственныя преобразованія и улучшенія.

Замѣчательнѣйшими статьями, написанными Кавуромъ во время его пребыванія за границей, были: «О нынѣшнемъ состояніи Ирландіи и объ ея будущности» и о «Коммунистическихъ идеяхъ, а также о средствахъ противодѣйствовать ихъ развитію.» Въ первой изъ этихъ статей Кавуръ является послѣдователемъ знаменитаго статистика Мальтуса и приверженцемъ дѣйствій англійскаго правительства относительно Ирландіи. Во второй статьѣ, на первомъ планѣ виденъ искусно сдѣланный очеркъ Пизта, соединенный съ защитою общихъ экономическихъ, болѣе или менѣе утвердившихся уже въ то время, идей, противъ крайностей, проповѣдываемыхъ теоретиками коммунизма. Справедливость однако требуетъ замѣтить, что при всей глубокости идей и при всей вѣрности взгляда, сочиненія Кавура написаны довольно сухо и отрывисто; въ нихъ вовсе не замѣтно живой итальянской игривости слога, отъ нихъ вѣетъ важностью и строгою логичностью англійскаго политико-эконома.

Съ большимъ запасомъ прантическихъ свѣдѣній возвратился Кавуръ на родину и занялся устройствомъ дѣтскихъ пріютовъ

въ Туринѣ. Тогдашнее сардинское правительство, отличавшееся подозрительностію, неблагопріятно посматривало на молодого общественнаго дѣятеля, считая его пропитаннымъ на сквозь разрушительными идеями, господствовавшими и тогда во Франціи и приверженнымъ къ тѣмъ формамъ государственнаго быта, къ которымъ онъ имѣлъ случай присмотрѣться въ Англіи. Дѣло кончилось тѣмъ, что осторожный президентъ вѣдомства вриетовъ попросилъ Кавура, для блага общества, которое онъ можетъ собою компрометировать, выйти изъ его состава. Кавуръ, разумѣется, согласился. Это происходило въ 1840 году.

Въ 1842 году, Кавуръ сдѣлался членомъ правленія агрономическаго общества и въ этомъ званіи содѣйствовалъ весьма многими улучшеніяхъ по части сельскаго хозяйства.

Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ. Карлъ Альбертъ началъ уже реформы въ своемъ государствѣ по законодательной и административной части, но хотѣлъ, чтобы инициатива всѣхъ преобразованій и улучшеній шла исключительно отъ одного его. Вообще онъ былъ либераломъ тамъ, гдѣ могъ выставить себя какъ единственнаго дѣятеля. Изъ ревности къ самовластию, онъ не хотѣлъ допускать въ кругъ своей дѣятельности ни посторонняго вліянія, ни посторонняго участія. Правда, что онъ очень охотно готовъ былъ обуздать и прекратить всякое самовластіе и всякое злоупотребленіе, съ тѣмъ однако условіемъ, что бы ему самому оставаться въ томъ самомъ же положеніи. Очень повѣрно, что люди образованные понимали эту систему дѣйствій, а въ числѣ ихъ былъ и графъ Кавуръ, отдалявшійся отъ правительства Карла Альберта.

Въ 1847 году Кавуръ, соединившись съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей, Бальбо, Гальваньо Санта-Роза сталъ издавать новый журналъ, подъ названіемъ «Risorgimento». Программой этого журнала была—независимость Италіи, союзъ между ея государствами и народами и преобразованія къ лучшему по всѣмъ частямъ государственнаго устройства. Кавуръ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по изданію этого журнала а вѣдѣтъ съ тѣмъ и однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и честныхъ мыслителей того времени, передававшихъ публикѣ свои взгляды и убѣжденія.

Но однимъ изъ гражданскихъ подвиговъ Кавура было участіе его въ цѣли генуэзской депутаціи, явившейся къ Карлу-Альберту съ просьбой объ изгнаніи іезуитовъ и объ учрежденіи національной гвардіи. Въ кругу своихъ собратій по журналистикѣ, толковавшихъ на счетъ содѣйствія этой просьбѣ, Кавуръ предложилъ просить у короля конституціи. Многие изъ друзей Кавура отвергли эту мысль, а потому прошеніе объ этомъ на имя короля подписали только Кавуръ, Броссеріо, д'Агеліо, Дурандо и Санта-Роза. Прошеніе это пошло однако въ руки короля. Вскорѣ къ этому прошенію присоединились свѣрши

единодушныя требованія муниципалитетовъ, а вотомъ требованіямъ муниципалитетовъ стали вторить крики народа на городской площади королевской столицы. Карлъ-Альбертъ счелъ за лучшее согласиться и съ просьбой, и съ требованіями, и съ криками, и провозгласить, въ видѣ конституціи, «*Statuto fondamentale*». Такимъ образомъ первый шагъ къ введенію въ Пьемонтѣ конституціи, утвердившей и расширившей могущество этой небольшой страны, — принадлежитъ Кавуру.

Въ теченіе трехъ лѣтъ Кавуръ былъ редакторомъ основаннаго имъ журнала, и, владея огромными матеріальными средствами, успѣлъ поставить свое изданіе на первую ступень между всѣми итальянскими газетами. Въ званіи редактора Кавуръ постоянно и усердно служилъ перомъ своей родинѣ и общему итальянскому дѣлу. Въ особенности же онъ обратилъ вниманіе публики и на себя и на свою газету предложеніемъ образовать сардинскій сенатъ изъ членовъ по избранію.

Конечно, блестящая политическая дѣятельность Кавура въ послѣдніе годы его жизни заставляетъ какъ будто меркнуть его прежнюю дѣятельность въ званіи редактора и публициста, тѣмъ не менѣе однако и этотъ, довольно-скромный, періодъ жизни Кавура долженъ составить однѣ изъ лучшихъ страницъ его біографіи.

Событія 1848 года придали Кавуру новое, болѣе важное значеніе. Онъ былъ избранъ въ число представителей Турина, и среди революціонныхъ порывовъ, послѣ неудачъ итальянцевъ при Кустоцѣ, старался проповѣдывать съ своимъ журналѣмъ умѣренность въ политическихъ движеніяхъ.

«Люди, готовые на самыя энергическія мѣры, писалъ онъ 16 ноября 1848 года, люди, передъ которыми мы ничего болѣе какъ только «умѣренные», достойные сожалѣнія, — не новое явленіе въ исторіи; каждая бурная эпоха имѣла своихъ дѣятелей подобнаго рода и они-то всегда портили самыя лучшія начинанія...

Поднимасть теперь голову несправедливая и невѣжественная партія, она твердо вѣритъ въ успѣхъ революціоннаго дѣла, она увѣрена въ своемъ торжествѣ... Но что жъ выйдетъ изъ всего этого?... Въ Парижѣ — осадное положеніе, въ Пьемонтѣ — медленные и сомнительные переговоры, въ Неаполѣ — дружба съ республиканскимъ посломъ и господство Бурбоновъ Подождемъ еще немного — и мы увидимъ, каковъ исходъ всѣхъ революціонныхъ мѣръ Людовика-Наполеона на тронѣ». Эти слова, написанныя о нынѣшнемъ императорѣ французовъ, достаточно показываютъ политическое провидѣніе Ковура.

Засѣдая впослѣдствіи въ палатѣ, въ званіи депутата отъ Турина, Кавуръ своими словами, отличавшимися не столько кри-

спорѣніемъ, сколько силою убѣжденія, умнраля извѣстныя стремленія двухъ крайнихъ партій—противоконституціонной и революціонной. Отставая отъ первой непосредственностью конституціонныхъ формъ и принциповъ, онъ сдерживалъ слишкомъ широкія увлеченія послѣдней и терпѣливо выносила крики, свисты и журнальныя нападенія съ обѣихъ сторонъ. Эта самостоятельность, это равнодушное противодѣйствіе крайнихъ партій доставили ему мало-по-малу особенное уваженіе. Делкою обстановкою фразъ, удачнымъ сочетаніемъ идей и мѣткостью драматическихъ возраженій онъ привлекалъ въ палатѣ въ свои рѣчи общее вниманіе, и въ этомъ отношеніи извѣстность его росла съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

Въ 1850 году, послѣ Новарскаго пораженія и вообще послѣ неудачной компаніи Карла Альберта противъ австрійцевъ, Кавуръ былъ сдѣланъ преемникомъ Санта-Розы по министерству торговли и земледѣлія. Говорятъ, что когда въ первый разъ министры заговорили королю о назначеніи Кавура на мѣсто Санта-Розы, то Викторъ, согласившись на это, добавилъ: «но развѣ вы господа не видите, что онъ скоро отстранитъ васъ всѣхъ и сдѣлаетъ васъ людьми не нужными?»

Кавуръ былъ министромъ торговли и земледѣлія весьма не долго, но и въ короткій срокъ своего управленія этимъ министерствомъ онъ успѣлъ сдѣлать много полезнаго, приступивъ къ разнымъ полезнымъ реформамъ по своему вѣдомству. Кавуръ оставилъ министерскій постъ, разоидясь съ главою тогдашняго министерства, маркизомъ д'Азеліо, по вопросу о монастыряхъ и монастырскихъ имуществахъ. Оставивъ службу, Кавуръ уѣхалъ во Францію. Поѣздка эта была для него весьма важнымъ дѣломъ, потому что въ бытность свою въ Парижѣ, онъ, какъ говорятъ, успѣлъ вступить въ переговоры и согласиться относительно дальнѣйшихъ политическихъ дѣйствій туринскаго кабинета съ тогдашнимъ президентомъ республики, будущимъ императоромъ, и въ бесѣдахъ съ нимъ рѣшилъ въ общемъ открытыя планы касательно политическаго устройства Италіи.

По возвратѣ Кавура въ Туринъ, общественное мнѣніе уважало на него королю Виктору-Эммануилу какъ на человѣка вполне способнаго справиться съ труднымъ ходомъ тогдашнихъ дѣлъ и 30-го октября 1852 года король поручилъ Кавуру составить новое министерство, не стѣсняясь никакими условіями. Самъ Кавуръ принялъ предсѣдательство въ совѣтѣ министровъ и возложилъ на себя въ управленіе министерство финансовъ. По послѣднему вѣдомству онъ ввелъ общій административный порядокъ и привелъ, сколько это было возможно сдѣлать, разстроенныя сардинскіе финансы въ лучшее положеніе, сравнительно съ прежними. Что же касается заслугъ Кавура соотвѣственно къ парламенту, то онѣ главнымъ образомъ состояли въ эту пору

томъ, что онъ сблизилъ тамъ, на многихъ высказанныхъ имъ идеяхъ, обѣ крайнія партіи и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинилъ ихъ своему обязательному влиянію. Въ это же время органи, основанный Кавуромъ, измѣнилъ программу его министерства; министерство Кавура имѣло цѣлью: безусловное разьединеніе свѣтской власти отъ духовной, введеніе гражданскаго брака, неприкосновенность свободы печати, свободу обученія и распространеніе въ народѣ грамотности средствами правительства. Въ добавокъ къ этому, министерская программа графа Кавура объявляла самую широкую свободу торговли и измѣненіе въ тарифѣ, а также возстановленіе равновѣсія въ государственномъ бюджетѣ, экономію въ издержкахъ по внутренней администраціи, реформы въ системѣ налоговъ, пересмотръ гражданскаго и уголовного законодательства, развитіе общихъ учреждений, постройку шоссе, желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ.

Какъ ни широка была эта программа, рѣшавшая за развитіе либеральныхъ началъ въ Пьемонтѣ и за его прогрессъ въ матеріальномъ отношеніи, однако она была приведена въ исполненіе графомъ Кавуромъ въ большей своей части, и при томъ въ немногіе годы его правительственной дѣятельности.

Но, говоря, по возможности, на основаніи известныхъ данныхъ, о заслугахъ Кавура, какъ государственнаго деятеля, нельзя не вывести изъ многого, написаннаго о немъ его друзьями и его врагами, что онъ былъ чрезвычайно ревнивъ къ своей власти и не терпѣлъ соперниковъ въ кругу своей политической и административной дѣятельности. Онъ чувствовалъ свое превосходство надъ той средой, которая его окружала, хотѣлъ первенствовать надъ ней, и потому, какъ выразился «Times», его министерство состояло собственно изъ него одного, все же прочіе были только необходимой обстановкой. Министръ-президентъ и думалъ и дѣйствовалъ за всѣхъ своихъ со товарищей. При томъ онъ не отказывался даже и явно сосредоточивать по возможности всю власть исключительно въ своихъ рукахъ. Доказательствомъ тому служить, что онъ въ одно и тоже время былъ министромъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и президентомъ совѣта.

Восточная война доставила Кавуру случай вѣшать Пьемонтъ, при невровительствѣ Людовика-Наполеона, въ дѣла общей европейской политики. Еслѣдствіе послыки сардинской арміи подъ Севастополь, представитель королевства сардинскаго, противъ общаго ожиданія, получилъ право голоса на парижскомъ конгрессѣ и 8-го апрѣля 1856 года Кавуръ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Вилларина, могъ поднять въ столицѣ Франціи итальянскій вопросъ и объяснить представителямъ главныхъ европейскихъ державъ бѣдственное положеніе разрозненной Италіи и ея непріязненные отношенія къ господствующей тамъ Австріи.

Въ 1859 году, послѣ того какъ Сардинія, благодаря дѣятельности Кавура, заключила съ Франціей оборонительный трактатъ, произошолъ разрывъ съ Австріей, окончившійся, какъ извѣстно, пораженіемъ послѣдней подъ Сольферино. Виллафранкскій миръ, наступившій такъ неожиданно, произвелъ недоразумѣнія между королемъ и его первымъ министромъ; недоразумѣнія эти отразились всего болѣе на главномъ дѣятелѣ — Кавурѣ, который былъ посредникомъ между королемъ и императоромъ. Слишкомъ щекотливое положеніе Кавура въ отношеніи его къ тону и другому заставило его выйти въ отставку. Для Кавура были въ эту пору самыя трудныя минуты: для короля онъ долженъ былъ приготовить королевство изъ всей Италіи, въ то же время для Наполеона онъ долженъ былъ не только отказаться отъ этой идеи, но и сдѣлать еще уступки самыхъ коренныхъ владѣній королевства сардинскаго — Савойи и Ниццы. Кавуръ, въ откровенной бесѣдѣ, сознавалъ всю горечь этой уступки, но не могъ противостоятъ требованію союзника и уступилъ крайности, навлекши на себя общій ропотъ въ Италіи.

Но первые порывы неудовольствія прошли — и Кавуръ сталъ снова во главѣ сардинскаго правительства.

Исторія впоследствии, быть можетъ, раскроетъ вполне, кто, усердно служа дѣлу единства Италіи, успѣлъ отстранить невозможное, весьма могучее кандидатство на престолы Этрурии и Обѣихъ Сицилій, кто довелъ до совершенной ясности въ сознаніи европейскихъ кабинетовъ вопросъ о неумѣстности свѣтской власти римскихъ папъ и о невозможности австрійскаго господства въ Италіи безъ новыхъ политическихъ бурь и страшныхъ потрясеній. Замѣчаніе одной изъ газетъ, что Кавуръ передъ смертію хотѣлъ передать Виктору-Эммануилу нѣсколько самыхъ важныхъ государственныхъ бумагъ, неизвѣстныхъ даже самому королю, достаточно показывается, какъ мы далеки еще отъ возможности обсудить вполне, и при томъ безпристрастно, всѣ дѣяствія Кавура, какъ одного изъ главныхъ двигателей итальянскаго возрожденія. Можно только сказать, основываясь на извѣстныхъ фактахъ, что Италія потеряла весьма много со смертію Кавура уже и въ томъ отношеніи, что она лишилась такого человѣка, который въ настоящую эпоху разгара личныхъ страстей и политическихъ тревогъ, умѣлъ господствовать надъ крайними партіями.

29 го мая н. ст. утромъ, Кавуръ, какъ рассказываютъ, почувчалъ во время своего засѣданія въ парламентѣ самыя тревожныя вѣсти изъ Парижа, касательно загадочнаго хода римскихъ дѣлъ подъ вліяніемъ французской политики. Присутствующіе заключили объ этомъ потому, что по полученіи депеши, спокойное и веселое до того времени лицо министра-президента, вдругъ стало грустно и тревожно. Неболѣе часу пробылъ онъ послѣ

этого въ засѣданіи. Онъ вышелъ изъ парламента съ озабоченнымъ видомъ, жалуясь на головную боль и отправился прямо въ свою виллу Лери. Весь этотъ день онъ былъ чрезвычайно сумраченъ, а вечеромъ пошелъ гулять, не разбирая дороги по травѣ, покрытой росой. Ночью его сталъ душить хриплый кашель, а кровь вслѣдствіе постоянного напряженія вринула къ головѣ, въ которой онъ сталъ чувствовать нестерпимую боль. На другой день отвезли его въ Туринъ. Послѣ нѣсколькихъ кровопусканій, весьма обыкновенныхъ въ Италіи, состояніе его замѣтно улучшилось и газеты, сообщая объ его нездоровьѣ, прибавляли, что положеніе больнаго не угрожаетъ ему опасностью. Пользуясь облегченіемъ, Кавуръ сталъ принимать около своей постели своихъ друзей и разныхъ должностныхъ лицъ, такъ что въ комнатѣ больнаго открылись какъ будто министерскія засѣданія. Разговоры и пренія сильно подѣйствовали на слы больнаго, уже и безъ того ослабленныя значительными кровопусканіями.

Еще до болѣзни Кавура, его домашній докторъ Рибери говорилъ его брату Густаву Кавуру, что если первый министръ будетъ заниматься дѣлами съ прежнимъ усердіемъ и прежней усидчивостью, то онъ преждевременно убьетъ себя, но Кавуръ не слушалъ совѣтовъ: онъ не хотѣлъ провести въ удаленіи отъ дѣлъ не только нѣсколько мѣсяцевъ, но даже и нѣсколько часовъ. 1-го іюня ему сдѣлалось хуже.

Лудовикъ-Наполеонъ, узнавъ о серьезной болѣзни Кавура, воспѣшилъ отправить къ нему своего придворнаго доктора Колино и потомъ пять разъ освѣдомлялся по телеграфу о положеніи больнаго. Колино пріѣхалъ въ Туринъ, но уже поздно. 4-го іюня болѣзнь усилилась еще болѣе, Кавуръ сталъ забываться и бредить. Молва объ опасности на счетъ его жизни быстро разнеслась по Турину, и толпы народа стали собираться передъ домою министра для того, чтобъ узнавать объ его здоровьѣ. Король въ свою очередь постоянно освѣдомлялся о ходѣ болѣзни и самъ посѣщалъ больнаго, который въ бреду говорилъ о Римѣ, Неаполѣ, Наполеонѣ, Гарибальди и счастливой будущности Италіи.

Между тѣмъ жившіе вмѣстѣ съ Кавуромъ его племянница графиня Альфieri и братъ Густавъ Кавуръ позаботились объ исповѣди и причащеніи умирающаго. Объ исполненіи этого христіанскаго долга газеты сообщаютъ разнорѣчивыя свѣдѣнія. Между тѣмъ обращеніе Кавура къ предсмертному утѣшенію церкви важно въ политическомъ отношеніи, такъ какъ онъ былъ отлученъ папою отъ церкви. По однимъ свѣдѣніямъ обрядъ исповѣди и причащенія былъ исполненъ надъ Кавуромъ уже въ то время, когда въ немъ угасало сознаніе, по другимъ же свѣдѣніямъ, Кавуръ былъ въ полномъ сознаніи при приходѣ къ его

постели духовника и кромѣ того онъ послѣ причастіа, обратился къ Фарини, сидѣвшему у него въ изголовьи, проговорилъ: «скажите всѣмъ и напечатйте въ газетахъ, что я умеръ христіаниномъ.»

Если это послѣднее извѣстіе справедливо, то смерть Кавура, какъ покаившагося католика, должна до нѣкоторой степени мирить папскій дворъ съ его политикой, вызвавшей нерасное отлученіе...

Всю ночь съ 5-го на 6-е число толпа народа стояла вокругъ дома умирающаго въ тревожномъ ожиданіи. Больной лежалъ въ это время безъ движенія, произнося изрѣдка нѣсколько безсвязныхъ словъ, а 6-го іюля утромъ, въ семь часовъ безъ пяти минутъ, Кавура не стало, и Викторъ-Эммануэль присутствовавшій при его кончинѣ закрылъ глаза покойнику.

ВМѢСТО ФЕЛЬЕТОНА.

ОТЖИВАЮЩИЕ.

(СОВЕРШЕННО БЕЗХАРАКТЕРНЫЙ ОЧЕРКЪ.)

Герой извѣстенъ и не новъ предметъ;
Тѣмъ лучше, устарѣло все, что ново.

Лермонтовъ.

Учась подчиненныхъ людей никогда еще не завистѣла отъ человека такой добрейшей, благороднѣйшей души, какая обитала въ ошарѣвшихъ до безобразія тѣлѣсахъ, отца и благодѣтеля управляемыхъ имъ гражданъ Филимона Филимоныча. Во всю жизнь онъ не обидѣлъ курицы и самъ отчасти походилъ на курицу. Подчиненные прозвали его *мякимъ*, имѣя при этомъ въ виду его удивительную толщину. Марѣя Потапова, его супруга, справедливо говаривала, что у него костей нѣтъ. Въ доказательство этого она, безъ церемоніи, при чужихъ, тыкала пальцемъ въ его голову, повторяя нѣсколько разъ: «смотрите, вѣдь у него голова совсѣмъ не такъ устроена, какъ у другихъ людей: у другихъ есть кости, черепъ, а у него этого ровно ничего нѣтъ!..» и дѣйствительно, голова Филимона Филимоныча была не похожа на головы остальныхъ смертныхъ: палецъ углублялся въ нее, не встрѣчая сопротивленія отъ кости, какъ въ легонько надутый мячикъ... «Какая ты рѣзвушка, Марѣ-уточка! восклицалъ добрый отецъ гражданъ: — что значитъ молодость!»—Хотя Марѣя Потаповнѣ было 45 лѣтъ съ хвостомъ, но Филимонъ Филимонычъ, какъ 60-ти-лѣтній

старичокъ все еще считалъ ее молоденькою. Натѣшившись до-сыта, при гостяхъ, супруга говорила: «поди, голубеночекъ, усни! Теперь хорошо бай-бай.» И Филимонъ Филимонычъ покорно отпра-влялся на постель, чтобъ вздремнуть на «часочекъ», хотъ этотъ часочекъ состоялъ изъ пяти нашихъ часовъ, то есть, отъ 2-хъ до 7-ми послѣ обѣда. Марѳа Потаповна не даромъ укладывала мужа спать: въ это время она отправлялась черезъ заднее крыльцо въ узенькую калитку, въ которую входили раз-ныхъ видовъ бородки: бородки лопатой, бородки клиномъ, боро-дки вѣникомъ. Каждая изъ нихъ несла по доброму кулечку, или мѣшку. Это были прикащики, «молодцы» изъ лавокъ, по-гребковъ. Каждый несъ что нибудь необходимое для хозяйства: головки три сахару, пуда на два вѣсу, цибикъ хорошенькаго чайку «съ цвѣткомъ». Марѳа Потаповна была женщина благоче-тивная: постилась въ среду и пятницу, и поэтому строго наказала купцамъ, кромѣ обыкновеннаго сахару, сколько слѣдовало по положенію носить еще и п-стный сахаръ. Принимая отъ при-кащиковъ-сидѣльцевъ чай, сахаръ, ромъ, вина, кофе, мясо отъ мясниковъ, Марѳа Потаповна приказывала все это класть тутъ же на вѣсы и строго распекала, если оказывался недовѣсокъ, хотъ на ползолотника. «Смотри, Савельичъ, говорила она: Бога ты не боишься! Другой разъ не приносишь, что слѣдуетъ по положенію! Я скажу мужу, такъ онъ и лавку велитъ запеча-тать... А намеднись я вонюхала у васъ говядину, была съ душ-комъ... Законъ не велитъ продавать тухлаго, подѣ законъ по-падешь, тогда и сотенной не отвертишься... Въ писаніи сказа-но: ближняго не обидь, а что слѣдуетъ дать, то дай.» Откуда она выкопала такое изрѣченіе неизвестно, только ей всю жизнь казалось, что такъ говоритъ писаніе. Мясникъ-прикащикъ, по-лучивъ справедливый выговоръ, только поглаживалъ бородку, да приговаривалъ: «ублагодворимъ, мать родная, ублагодворимъ! Только въ обиду не дай, кормилца!». Снесши, что слѣдуетъ по положенію, мясники продавали горожанамъ синее мясо коровъ самой почтенной старости... Особенно страдали тѣ бѣдняки, которые брали въ долгъ, на книжку. Время было тогда холер-ное и многіе, съѣвши тухлый кусокъ мяса, или нѣсколько не совсѣмъ свѣжихъ яицъ, чувствовали боль въ животѣ, потомъ судороги и рвоту, потомъ отправлялись на тотъ свѣтъ...

— Что ты сдѣлалъ, разбойникъ, съ моимъ Савельичемъ? го-ворила, рыдая и ломая руки бѣдная женщина:—какъ онъ поѣлъ твоей проклятой говядины, такъ съ нимъ и судороги и рвота сдѣлались.

— Говядина у насъ самая лучшая-съ, первѣющій, можно ска-зать, сортъ, отвѣчалъ лавочникъ.

— Да я по начальству пойду! тебя въ Сибирь сошлютъ, кошен-

ника! продолжала отчаянная жена умирающаго мужа:—ты людей моришь!

Лавочникъ только посмѣивался, да гладилъ бородку, зная, что, ублаготворивши кого слѣдуетъ, можно околѣвшую собаку продать за телятину и все съ рукъ сойдетъ. Такимъ образомъ, люди умирали отъ дурной пищи, а лавочники отпускали себѣ брюхо, да наживали каменные дома. Отростивши брюхо въ три обхвата этотъ же бородачъ суетъ рыло во 2-ю гильдію, чтобъ кормить тухлымъ мясомъ не сотни, а тысячи людей.

Всего этого не вѣдалъ ни сномъ, ни духомъ добрѣйшій Филимонъ Филимонычъ, потому что проспалъ полжизни, задавая храпака 12 часовъ въ сутки.

Благочестивая Марѳа Потаповна воспользовалась этой слабостію мужа и обложила всѣхъ купцовъ данью. Не понимая, сколько зла посѣяла ся жадность къ даровому, она считала себя истинной христіанкой.

— Я не какая нибудь, говорила она какой нибудь изъ сосѣдокъ, зашедшихъ къ ней почесать язычекъ:—я попу-то не суну за исповѣдь какой нибудь полтинничикъ, а всегда рупь... На блюдо меньше гривенника никогда не положу!.. А ужъ за то и отецъ Іоаннъ, славный священникъ: ужъ онъ на исповѣди гоняетъ, гоняетъ, наставленіе такое даетъ, ажъ въ слезы вгонить... Да развѣ за тѣмъ мы живемъ, чтобъ грѣшнить, говорить: да развѣ ты не знаешь, чему Евангеліе учить, и пойдеть и пойдеть... Говѣйте всегда Матрена Лукинишна у отца Іоанна, славный священникъ! Разчувствовавшаяся и разопрѣвшая отъ кофе Матрена Лукинишна отвѣчаетъ: «теперь все буду говѣть у отца Іоанна, отличный священникъ, настоящій, можно сказать, пастыръ...» Марѳа Потаповна слыла у всѣхъ горожанъ дѣйствительно благочестивой женщиной: она два раза въ годъ подымала въ свой домъ образъ Цѣлительницы; сдѣлала въ соборъ вкладъ на вѣчное поминованіе родителей и сродственниковъ; поминанье ся было полнѣе всѣхъ числомъ усопшихъ; переплетъ былъ изъ малиноваго бархата. Ни въ одномъ домѣ не было столько образовъ, сколько въ ея. Передъ каждымъ теплилась неугасимая лампада. А ужъ какъ она сердилась, если кто бралъ изъ лампадки огня для обыкновенной житейской потребности. Работникъ Иванъ, чтобъ затопить печку, вздумалъ зажечь лучинку изъ лампадки. Она его такъ отхлопала по щекамъ, что у него дня три горѣли щечи, какъ макотъ цвѣтъ. Во всякое свободное время Марѳа Потаповна была занята какимъ нибудь благочестивымъ дѣломъ: или вышивала шелками коврикъ къ образу Николая Чудотворца, или дѣлала пышныя ленты на вѣпчикъ Цѣлительницы, или что нибудь подобное. Нерѣдко Авдотья Ильинишна, или Матрена

Лукинишна приходили къ Мароѣ Потаповнѣ тоже съ какой нибудь благочестивой работой.

— Чтò вы работаете теперь, Матрена Потаповна?

— Вышиваю покровъ на площаницу, Авдотья Ильинишна, а вы чтò подѣлываете?

— Хочу выпить по канѣ поддонникъ къ подсвѣчнику Сергѣя Преподобнаго.

— Доброе дѣло, доброе дѣло! говорила, вздыхая, Авдотья Ильинишна. — То-то мы люди стараго покроя, такъ и думаетъ только о божественномъ, а чтò дѣлають нынѣшнія шляюхи-барыни? По тятрамъ, да по *пикамъ* развѣзають, ручки до локотковъ обнажаютъ и какъ прелестницы въ юношахъ кровь воспаляютъ...

— Охохохъ, и не говорите! Пришли наши послѣднія времена!

— А вы, слышали, что въ 67-мъ году будетъ свѣтопреставленіе? Въ Пчелкѣ ужь объявлено...

Пока разговаривали благочестивыя женщины, Филимонъ Филимоновичъ отхватывалъ концертъ на всѣ лады: то пыхѣлъ, какъ кузнечный мѣхъ, то издавалъ свистъ, какъ паровая машина, то ревѣлъ, какъ фаготъ, наконецъ, издавъ продолжительный храпъ, открывалъ глаза и смотрѣлъ на часы. «Какъ, не уже ли ужь 7 часовъ? спрашивалъ онъ самъ себя: — я кажется, легъ только на полчасака...» Такъ онъ удивлялся каждый день, 15 лѣтъ сряду, тому, что ложился на полчасака, много на часокъ, а спалъ 5, 6 и даже семь часовъ. Умывшись, онъ ѣздилъ къ женѣ и гостѣмъ.

— Что, у насъ есть козе, Марфуточка?

— Какъ не быть? Развѣ мы нищіе какіе нибудь?

— Не то, мы что-то давно не покупали...

— Ужь это мое дѣло: ваше дѣло только покушать, да чокнуть, а мое дѣло припасти, да сготовить...

— Умница ты у меня, голубеночекъ!.. говорилъ отецъ Францанъ, глядя по шейкѣ свою супругу. Погладивши ее и шею задними лопатками, онъ, стоя сзади, вдругъ закрывалъ ей глаза своими руками.

— Угадай, кто сзади тебя, сабакончикъ?

— Какой ты глупенькой!.. Хоть бы подкрался, да чокнулъ; а то стоимъ, закрываетъ глаза, да самъ же и спрашиваетъ...

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ я не догадался!

— Секретарь приходилъ.

— Ну, что жъ, ты подписала бумаги?..

— Подписала... Были и важныя.

— Ну, что жъ, ты прочла?

— Нѣтъ. Секретарь говоритъ, что ужь *варно*, что ужь онъ за тебя и подмахнулъ.

— И хорошо, голубеночекъ!..

— Не хочешь ли, покушать?

— Очень бы не испало!.. Поѣсть бы хорошенько и бай-бай...

— Кто спитъ, тотъ не грѣшить, замѣчала Авдотья Ильинишна.

И справедливо замѣчала. Филимонъ Филимонычъ былъ человѣкъ вполне безгрѣшный во всемъ томъ, что дѣлалось подъ его начальствомъ. Взяткокъ онъ не бралъ даже въ картахъ, потому что ни во что не игралъ, кромѣ какъ въ короли, дураки и сивныя. Онъ часто удивлялся, отчего денегъ выходитъ мало, а дощъ, какъ полная чаша: всего вдоволь. Когда онъ обращался къ женѣ съ вопросами такого рода, она отвѣчала: «За то, что мы радѣемъ къ храму Божію, Богъ невидимо посылаетъ намъ свое благословеніе...»

Филимонъ Филимонычъ, какъ истинно-вѣрующій, повѣрилъ въ этомъ на-слово Марѣѣ Потаповнѣ и совершенно усвоился. Между тѣмъ невидимо посылались купцами разные продукты и тѣмъ дальше, тѣмъ Марѣя Потаповна становилась требовательнѣй. Благочестивыя Матрена Ильинишна и Авдотья Лукинишна, заидя втайнѣ богатству и довольству Марѣи Потаповны, стали судачить по городу, что Филимонъ Филимонычъ собираетъ съ купцовъ золотую щетинку, а тѣ деруть съ покупателей послѣднюю рубашку.

— Ни на что не похоже, мать моя, щebetала Авдотья Лукинишна; Виссаріонъ Виссаріонычъ, мошенникъ былъ, царство ему небесное, а ужъ такъ не грабилъ, какъ Филимонъ Филимонычъ. Не въ осужденіе говорю; судить ближняго грѣхъ, а Марѣя Потаповна первая плутовка въ мірѣ... Акромя, что мужъ деньги съ купцовъ лупить, ей и чай, и кохей, и всякій, что ни на есть продуктъ несутъ, прости мое великое прегрѣшеніе, а ужъ правду скажу: этакой скавалыги, какъ она, и свѣтъ не производилъ: именно, ужъ утроба ненасытная!.. Вчера, дай Богъ ей доброе здоровье, пригласила на чашечку кофейку, да вмѣсто сливокъ-то, околѣй она, молока налила!—Такъ говорила Авдотья Лукинишна купцу Михрюткину, сидя за огромнымъ самоваромъ. Купецъ Михрюткинъ, пропустивъ 40-ю чашечку, опрокинулъ ее на блюдце доньшкомъ къ верху, положилъ на него недопитый кусочекъ сахару и отвѣчалъ:

— Оно хопа всякой свой обрядъ долѣбнъ знать и несть въ двадцатые праздники, что слѣдуетъ по положенію, но ужъ супружница Филимона Филимоныча больно одолѣвать... Мы сами знаемъ, что на то-де и начальство, чтобъ его укомментировать, почему же не ублаготворить, такъ Богъ повелѣлъ... Но чтобъ можно сказать, послѣдню поддѣвку тащить, это ужъ больно забирательно... Вѣдь это уже значить законъ ломать; ну, ломать, такъ ломать! Во всемъ купецкимъ обществомъ пойдомъ, тыкать не помядемъ, а уважемъ ему, какая должна быть пове-

денція; супротивъ губернатора пойдѣмъ, будемъ челою бить пятью сотнями,—а укажемъ ему, какая должна быть поведенція!..

Подзадоривши хорошенько купца Михрюткина, Авдотья Лукнишна полетѣла трубить про Филимона Филимоныча къ купцамъ Лобазникову, Моклакову и прочимъ. Какъ въ это время ожидали въ губернію прїѣзда одного высшаго сановника, то городскіе купцы составили бумагу слѣдующаго содержанія: «Высокородному сѣинксъ-губернатору отъ всего купецкаго рода прошенство. Хотя довѣдомо намъ, что начальство надо ублаготворить подарками, на то-де оно и уставлено, но прїобыкшіи къ хищенію градоправитель, прїемля мзду превыше всякаго содраганства, преисполнилъ мѣру нашей многомилостивости и долготерпѣвства. Посему мы всѣмъ купецкимъ обществомъ обращаемся къ твоему высокоородію, какъ сѣинксу-губернатору. Защити, отецъ!» Нависавши такую ахиню *собля*, всѣмъ купецкимъ обществомъ, они обратились за совѣтомъ къ какому-то стрекулисту, который готовъ былъ настроичить каждому самое казусное *прошенство* за косушку водки. Такіе стрекулисты водятся повсюду. Они большею частію уволены въ отставку съ «волчьимъ билетомъ», то есть уволены такъ, чтобъ «впредь никуда не принимать».

Когда приглашенный для совѣта *строчила*, которому, между прочимъ, строжайше воспрещено было подавать отъ своего имени какія бы то ни было жалобы и просьбы, прочелъ *прошенство* и дошолъ до *содраганства*, то не могъ удержаться отъ смѣху. Купцамъ самимъ стало совѣстно, что они ужъ что-то очень глупо написали; между ними возникло *сумленство*, подавать ли жалобу, или нѣтъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше погодимъ! сказалъ купецъ Маклаковъ: мы люди темные, какъ начнемъ съ судами возиться, такъ насъ затаскають по судамъ.

— И то правда, возразилъ Мякинниковъ.

Тамимъ образомъ гроза, скопившаяся было надъ головою кроткаго Филимона Филимоныча, по милости сребролюбивой Марѣы Потаповны, пронеслась мимо. Объ этомъ узналъ прежде прочихъ отецъ Іоаннъ, тотъ самый, что умѣлъ своихъ прихожанъ приводить на путь истиннаго покаянія. Онъ лучше всѣхъ зналъ мысли и дѣла зажиточныхъ гражданъ, которые любили ходить къ нему на исповѣдь. Откупщикъ Разбавляевъ любилъ послѣ сытнаго обѣда пофилософствовать, и въ кругу друзей своихъ, т. е. подрядчика на отопленіе и освѣщеніе присутственныхъ мѣстъ, городскаго архитектора и смотрителя какихъ-то магазиновъ часто говаривалъ: «мы до того гадки, что, послѣ смерти нашей, черти схватятъ душу въ раскаленные до-красна когти, да и воткнуть въ самое пекло... Гори дескать за то, что водку водой разбавлялъ!.. Только на отца Іоанна вся надежда, онъ,

хоть разъ въ годъ на исповѣди даетъ такой нагоняй, что даже слезой прошибетъ...»

— Ооохохохъ! говорилъ подрядчикъ на дрова и свѣчи: — хорошо, еслибъ душа-то сгорѣла поскорѣй, какъ сухое березовое колѣно, а то если будетъ такъ тлѣть и шипѣть, какъ тѣ дрова, что я поставилъ на казну прошлой осенью?..

— Человѣкъ, яко трава, добавилъ городской архитекторъ: — придется смертный часъ и скудельная хранина, человѣкъ, разрушится отъ дуновенія вѣтра, какъ тѣ казармы, которыя вывелъ я три года назадъ.

Дѣло было такъ: нужно было устроить лѣтнія казармы для гарнизонной команды. Казармы выстроили, деньги съ казны были отличныя, потому что лица, утверждающія цѣны на материалы, свидѣтельствующія прочность и удобства помѣщенія, друзья и пріятели. Былъ однажды сильный вѣтеръ, и казармы, стоящія казнѣ до 20 тысячъ, сдуло вѣтромъ... Какъ помочь горю? Всѣ вѣдь подъ судъ! Вотъ и сдѣлали донесеніе: «тамъ-то и тамъ-то, во столько-то часовъ и 7³/₄ минутъ пополудни, на горизонтѣ появились черныя облака, предвѣщающія страшную грозу. Черезъ полчаса воздухъ сдѣлался удушливъ, небо покрылось густыми тучами, сдѣлалась всеобщая тьма. Граждане бросились къ иконамъ молиться, ожидая свѣтопреставленія. Наконецъ, молнія начала бороздить небо по всѣмъ направленіямъ, раздались оглушительные перебаты грома и поднялся такой вѣтеръ, который вырывалъ съ корнемъ самыя толстыя деревья... Гроза, и вѣтеръ бушевали во всю ночь до 5³/₄ часовъ слѣдующаго утра, причемъ, снесло множество крышъ, сорвало нѣсколько крестовъ, разбило въ дребезги нѣсколько стоящихъ на рѣкѣ барокъ и снесло только—что выстроенныя казармы. Къ счастью, личное присутствіе начальника команды, его неустрашимость и распорядительность въ критическую минуту спасли команду: она была выведена изъ казармъ и только придавленъ потолочными балками отлучившійся куда-то рядовой команды Рохлинъ и одна баба отставная унтеръ-офицерша Всенелегкова, известная своимъ нетрезвымъ поведеніемъ... Убытокъ, понесенный при этомъ казною, состоялъ, по точной оцѣнкѣ, изъ 47,329 руб. серебромъ. Материалу, годнаго для возстановленія зданія, осталось на сумму 3 руб. 17¹/₂ копѣекъ серебромъ... Остальное все погорѣло отъ случившагося въ то время пожара, происшедшаго отъ молніи. Къ счастью, распорядительность брантмейстера пожарной команды была изумительна: онъ отстоялъ прилегающія къ казармамъ зданія, такъ что сгорѣли только ихъ развалины.»

Не смотря на это «къ счастью», казна все-таки потерпѣла убытку 47,325 р. 82¹/₂ коп. Такъ какъ я нисколько не обязывался передъ читателемъ излагать систематически исторію выве-

денныхъ мною лицъ, то могу, сколько угодно увлекаться отступленіями.

Импровизированная буря и остроумно придуманный вождь напомнили мнѣ два происшествія, случившіяся, одно на Кавказѣ, другое внутри Россіи. Все это произошло очень давно и въ настоящее время, разумѣется, ничего подобнаго случиться не можетъ. На правомъ крылѣ Кавказа была какая-то забытая на топографическихъ картахъ крѣпостца, выстроенная подъ самымъ носомъ немирныхъ черкесовъ. Подлѣ этой крѣпости селились мирные, — народъ голый, продажный, готовый, лезъ-за лишняго абаза (20 к.) передаться на сторону русскихъ, или горцевъ, смотря по тому, кто больше дастъ. Командиръ этой крѣпостцы, капитанъ N., имѣлъ въ распоряженіи 150 паръ воловъ. Стычки съ горцами были частыя, слѣдить начальству за расходами на ремонтъ войскъ по дальности разстоянія, при трудности проѣзда по горамъ, вблизи непріятеля, не было никакой возможности. Это поддало мысль смышленному капитану *сочинять* вылазки.

Бывало, подкупить мирныхъ черкесовъ, дать каждому по абазу, чтобъ они сдѣлали притворное нападеніе и стрѣляли во верхъ головъ, и дѣло въ шляпѣ.

Подкупленные мирные, получивши деньги, дѣйствительно нападаютъ, происходитъ комедія сраженія, гдѣ никого не убиваютъ, но гдѣ пороху и пуль тратится много.

Вотъ сраженіе кончается и капитанъ доноситъ начальству: что дескать такъ я такъ — горцы бросились на мирные аулы и стали угонять скотъ. Завязалось сраженіе и, не смотря на превосходныя силы непріятеля, онъ былъ отгѣсненъ, при чемъ *у насъ было уведено 150 паръ воловъ*, и проч., и проч.

Повторяемъ, что въ наше время, при полныхъ успѣхахъ русскаго оружія, при болѣе отчетливомъ управленіи Кавказскимъ краемъ, знаніи мѣстности, усовершенствованіи дорогъ, болѣе строгимъ контролѣ такіе фокусы рѣшительно невозможны.

Другой случай относится тоже не къ нынѣшнимъ временамъ. Случилось гдѣ-то и когда то, что у одного *путейца* родилось неодолимое желаніе вступить въ законный бракъ; но отецъ не выдавалъ дочери, потому что женихъ былъ бѣденъ. На счастье жениха его послали «покормиться», то есть, дали дистанцію на шоссе верстъ въ 30, на которой было три довольно ветхихъ моста. «Меня малиной не корми, а только дай выстроить новый мостъ, хоть сажень въ 30 длины», говаривалъ тогдашній дистанціонный офицеръ. Но какъ же строить мостъ, когда онъ еще крѣпокъ?.. Подошла весна, рѣчки, протекающія подлѣ этихъ мостами, разлились, небольшой ледъ, шедшій послѣ вскрытія этихъ рѣчекъ, можетъ быть, содралъ двѣ-три доски съ обшивки ледорѣзовъ. Рѣки даже не вышли изъ береговъ. Офицеръ — женихъ

былъ человекъ не безъ протекціи, и сталъ хлопотать у сильныхъ міра сего, нельзя ли-де произвести какънибудь наводненіе? Можно, говорятъ, отчего жъ не произвести наводненія. Ну, я написалъ: «рѣчки такія-то и такія-то, вскрывшисьъ такого-то числа отъ льда, который въ эту суровую зиму былъ необычайной толщины,—вышли изъ береговъ и затопили всѣ окрестности. Причемъ, размыто ими шоссее полотно въ трехъ мѣстахъ, всего длиною на 375 саж. 2 арш. и $\frac{3}{4}$... У такого-то моста сорвало три ледорѣза, подломило четыре устоя, такъ что мостъ, по причинѣ давней постройки и ветхости, возобновленъ быть не можетъ, а долженъ быть выстроенъ новый.» Ну, новый мостъ и дали строить жениху съ протекціей. Такъ что отъ 2-хъ мостовъ и отъ починки размытаго водою шоссе у него осталось въ карманѣ 30,000 *безиръшныхъ*, т. е. взятыхъ отъ казны... Въ старину была поговорка: ближняго не обидь, съ частнаго человека, особенно съ бѣднаго, не дери шкуры, а *казна-матушка* богата, съ нею можно...

Но я такъ вдался въ *анекдотистику* (въ правдивыя сказанія, обратившіяся въ наше безкорыстное время въ анекдоты), что позабылъ со всѣмъ про Филимона Филимоныча, и Марю Потоповну. Чтобъ совсѣмъ распрощаться съ этими личностями и перейти къ другимъ, любимымъ мною лицамъ: откупщикамъ, подрядчикамъ, зажиточнымъ купчикамъ, разнымъ святошамъ, богомолкамъ, блаженнымъ отцамъ, разстриженнымъ за дурное поведеніе—я брошу краткій взглядъ на прошедшее этой четы.

Кто бъ могъ узнать въ этой яйцевидной, расплывшейся отъ жиру фигурѣ—стройнаго офицера Новоземлянскаго мушкетерскаго полка? Это лицо Филимона Филимоныча нынѣ мягкое, какъ подушка, сморщенное, какъ яблоко-рѣзань, было когда-то очень миловидно и украшено парой усиковъ, которые барышни весьма основательно называютъ «магнитными стрѣлками.» Одѣтъ онъ былъ всегда щеголемъ: ему сюртуки шилъ самъ полковой закройщикъ, тогда какъ другимъ офицерамъ сюртуки шили простые смертные—портные.

Полковой закройщикъ былъ дѣйствительно мастеръ шить сюртуки такъ, чтобъ не было ни одной морщинки, нигдѣ чтобъ не набѣгало; за то, надѣвши его сюртуки, нельзя было и думать плотно покушать на званомъ обѣдѣ. При каждомъ лишнемъ размахѣ руки, сукно трещало, какъ загорающаяся сѣрная свѣчка, воротникъ сжимало такъ, что вся кровь прилиwała къ голо- вѣ. Панталоны на Филимонѣ Филимонычѣ всегда сидѣли такъ свободно, что приводили всѣхъ барышень въ восхищеніе... Они были натянуты, какъ струна, такъ что во время службы съ колѣно-преклоненіемъ, онъ всякій разъ долженъ былъ по неволѣ выходить изъ церкви, чтобъ не лопнули колѣнки, или штрипки... Глядя на телерешняго Филимона Филимоныча можно было бѣ подумать,

что эти брюки были сшиты ему не на ноги, а на мизинцы рук... У прежняго Филимона Филимоныча, было, не въ примѣръ прочимъ офицерамъ, 5 паръ замшевыхъ перчатокъ, часы съ анкеромъ на 13 камняхъ, съ цѣпочкой, всегда одинаково спущенной до 4-й пуговицы. Часы эти были всегда вѣрны минута въ минуту съ часами г. полковаго командира. Офицеры, постыдно справлялись у него, который часъ и прозвали Филимона Филимоныча полковымъ хронометромъ. Да; это былъ тогда аккуратнѣйшій, по службѣ офицеръ: никто не умѣлъ на разводѣ такъ громко командовать: *по валовому стройся!* никто такъ не умѣлъ промаршировать тихимъ протяжнымъ шагомъ, какъ онъ. Вонскій уставъ онъ зналъ такъ же твердо, какъ «Отче нашъ». Въ обществахъ онъ былъ самый любезный, то есть самый скромный собесѣдникъ: никогда ни съ кѣмъ не спорилъ, а только говорилъ, вѣжливо кивая головой: «точно такъ-съ, я въ этомъ совершенно съ вами согласенъ». Высказывалось мнѣнiе, діаметрально противоположное первому, и онъ опять кивалъ головой, и опять повторялъ: «точно такъ-съ, я совершенно въ этомъ съ вами согласенъ». Чтобъ не вовлекаться въ споры, онъ всегда имѣлъ въ запасѣ готовые заученныя фразы, которыя невозможно опровергнуть, напримѣръ: науки полезны, лѣность вредна, Богъ всемогущъ. Онъ заимствовалъ ихъ изъ какой-то допотопной грамматики, гдѣ эти фразы ставятся въ примѣръ краткихъ предложеній... Иногда его фантазія разыгрывалась до того, что онъ пускался въ сужденія, напр., музыка плѣняетъ сердце и облагораживаетъ душу, театръ—есть одно изъ самыхъ *приятныхъ удовольствій*, Россія, со временъ Петра I-го идетъ исполненными шагами по пути народнаго просвѣщенія... Полковые начальники тогдашняго времени любили его за то, что онъ не любилъ разсуждать, г. офицеры за то, что у него всегда можно было вѣрно узнать, который часъ и одолжиться для смотра новою парю эполетъ, или перчатокъ.

Полковыя дамы были отъ него безъ ума, потому что онъ былъ довольно смазливъ, прилизанъ, чистенько одѣтъ, въ танцахъ не наступалъ на ноги каблуками и на всѣ вопросы отвѣчалъ: «точно такъ, я совершенно въ этомъ съ вами согласенъ». Прекрасный полкъ не боялся съ нимъ немножко повольничать, втайнѣ отъ мужей; сказать что лишнее, потому что все равно было, что ему говорить, что стѣнб: онъ не выдавалъ тайнъ, былъ наперсникомъ полковой командирши и прозванъ въ полку *сердцельдомъ*.

На одномъ смотру онъ привелъ въ восторгъ начальника, дѣлашаго смотръ и, по его ходатайству, былъ переведенъ въ гвардію. Одно только сокрушало его тогда, что онъ не умѣлъ даже рта разинуть по-французски, тогда какъ всѣ господа офицеры гвардіи отлично говорили на этомъ діалектѣ.

Онъ даже втихомолку задалбливалъ французскіе разговоры: но не зналъ, гдѣ и какъ употребить напечатанныя въ нихъ фразы, а потому—на вопросъ дамы: «Въ какомъ полку вы служите?» онъ отвѣчалъ: «*Витренко*».

— Любите ли вы танцы? — Я, слава Богу, здоровъ, Даже и теперь Филимонъ Филимонычъ знаетъ нѣсколько фразъ, но произношеніе у него акурать такое, какъ у старыхъ солдатъ, побывавшихъ въ Парижѣ въ 14 году. Филимонъ Филимонычъ не любилъ, разумѣется, книгъ и во всю жизнь, кромѣ воинскаго устава ничего не читывалъ. Но для того, чтобъ не показаться невѣждой и, по просьбѣ барышень—вписать въ альбомъ стишокъ, не стать въ тупикъ, задолбилъ слѣдующія два четверостишія:

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четырема скалами и вр.

Мило милой восхищаться,
Мило милую любить,
Мило милою плѣняться,
Мило милой милымъ быть...

Въ Петербургѣ онъ познакомился съ одной важной особой, очень богатой. Оставшись вдовцомъ, важная особа взяла къ себѣ въ ключницы крѣпостную дѣвку, Марфушку, красавицу въ полномъ смыслѣ. Когда ей было 20 лѣтъ и она ключничала у своего барина 4 года, Филимонъ Филимонычъ сдѣлался домашнимъ другомъ въ домѣ важной особы. Въ одно изъ своихъ посѣщеній этого богача-вдовца, Филимонъ Филимонычъ услышалъ слѣдующее:

— Женись на моей Марфушкѣ, дѣвица цѣломудренная... Герой кой сталъ втупикъ, словно аршинъ проглотилъ.

— Чего осовѣлъ? спросила важная особа: — приданнаго дамъ 10 тысячъ, мѣсто хорошее дамъ, а послѣ моей смерти все ваше.

Филимонъ Филимонычъ женился и цѣломудренная дѣвица, Марфушка, принесла за собой приданнаго 10 тысячъ и трехъ мальчиковъ: Петю, Колю и Ваню, которые до сихъ поръ величаютъ его папашей. Скоро Филимонъ Филимонычъ, по протекціи вдовца, сдѣлался изъ фронтowego офицера «отцомъ гражданъ.» Незная ничего изъ законовъ, едва умѣя написать рапортъ о деньщикѣ, онъ на новомъ своемъ мѣстѣ очутился, какъ въ лѣсу и съ перваго же шага, отдался въ руки перваго плута, письмоводителя городническаго правленія.

Всѣ, начиная отъ жены, кругомъ него воровали, только онъ былъ безгрѣшенъ. Когда нибудь мѣстныя хроники скажутъ, что такой-то Филимонъ Филимонычъ Разсомахинъ былъ страшный

взяточникъ — и безсовѣстно солгутъ. Онъ, какъ и многіе другіе, считающіеся у насъ взяточниками, былъ безкорыстный человѣкъ. При описаніи другихъ лицъ, мнѣ еще придется говорить о немъ, а теперь и этого довольно.

ИСТОРИЯ

МАРИИ СТЮАРТЪ,

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Соч. М. МиньЕ.

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1861.

Приложеніе къ журналу «Библіотека для Чтенія». № 6, 1861 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Марія Стюартъ, желая найти убѣжище у Елизаветы, приняла рѣшеніе, которое должно было сдѣлаться для нея самымъ пагубнымъ. Она могла удалиться во Францію, или прожить еще нѣсколько времени на югѣ Шотландіи въ совершенной безопасности, и воспользоваться этимъ, чтобы приискать себѣ болѣе благонадежный пріютъ. Для нея было бы лучше даже попасть снова въ руки своихъ буйныхъ подданныхъ. Они опять заключили бы ее, но убить не рѣшились бы. А такъ какъ никто не управлялъ ими долго, какъ непостоянство умовъ, невѣрность характеровъ, измѣнчивая жажда интересовъ довольно скоро потрясали ихъ повиновеніе и безпрестанно низвергали власть, то было весьма возможно, что въ какой нибудь день, она, изъ тюрьмы, снова взойшла бы на тронъ. Въ Англіи же ее ожидала совсѣмъ другая участь.

Вще не переѣзжая черезъ Сольвейскій заливъ, Марія Стюартъ писала къ Елизаветѣ изъ аббатства Дендриненъ, прося у нея убѣжища: «Драгоценнѣйшая сестра моя, не утомляя васъ подробнымъ описаніемъ всѣхъ моихъ несчастій, потому что они должны быть вамъ извѣстны, скажу только, что тѣ изъ моихъ подданныхъ, которымъ я дѣлала наиболѣе добра, которые мнѣ болѣе другихъ обязаны, возставъ противъ меня, продержавъ меня въ темницѣ, обращаясь со мною до крайности недостойно, изгнали меня, наконецъ, совершенно изъ моего королевства и довели до такого состоянія, что, кромѣ Бога, у меня остается только надежда на васъ.» Немедленно по прибытіи въ Уоркингтонъ, она, 17 мая, послала ей другое, болѣе пространное и чрезвычайно трогательное письмо, въ которомъ испрашивала ея великодушной помощи противъ возмущившихся шотландцевъ, оскорбившихъ въ ея лицѣ королевское достоинство. Рассказавъ ей объ ихъ постоянныхъ возмущеніяхъ и о послѣднихъ своихъ несчастіяхъ, она заключала: «Богъ, по своей безконечной благодати, сохранилъ меня; спасшись, вмѣстѣ съ милордомъ Герризомъ и нѣкоторыми другими вельможами, я прибыла съ ними въ ваше государство, вполне увѣренная, что, узнавъ о жестокостяхъ моихъ поддан-

ныхъ и обращеніи со мною, вы, по своей врожденной добротѣ и вслѣдствіе довѣрія, которое я оказываю вамъ, не только примете меня для сохраненія моей жизни въ безопасности, но и поможете мнѣ также въ моихъ справедливыхъ требованіяхъ и своимъ примѣромъ подвигнете къ тому же другихъ государей. Умоляю васъ какъ можно скорѣе прислать за мною, потому что я нахожусь въ жалкомъ положеніи не только для королевы, но и для благородной женщины. Я ничего не имѣю, кромѣ себя самой, такъ-какъ мнѣ удалось спастись. Я слѣлала шестьдесятъ миль въ первый день, а потомъ рѣшалась ѣхать только ночью. Объ этомъ я надѣюсь рассказать вамъ подробнѣе, если только вамъ угодно будетъ сжалиться надъ моимъ чрезвычайнымъ несчастіемъ».

Королева англійская вовсе не думала исполнить просьбы Маріи Стюартъ и скоро разрушила ея надежды. Узнавъ, что ея старинная соперница отдалась въ ея распоряженіе, она спросила себя, какъ она должна поступить съ нею. Возвратить ли ее торжествующею въ Шотландію? оказать ли ей просто гостепрѣимство въ Англіи? позволить ли ей свободно удалиться во Францію? Таковы были три образа дѣйствій, которые она могла принять и которые согласовались съ чувствами, выраженными ею Маріи Стюартъ, какъ родственницѣ, и съ обязательствами, признанными ею въ отношеніи къ Маріи, какъ къ королевѣ. Но всѣ три казались ей равно опасными. Она боялась, что если Марія Стюартъ, возвратитъ свой тронъ, то, при помощи римскаго двора и католическихъ кабинетовъ материка, предприметъ разрушеніе протестантской партіи въ Шотландіи и затѣмъ возобновитъ свои притязанія на Англію; что если она останется свободною въ Англіи, то можетъ сдѣлаться постоянною причиною волненій, центромъ интригъ и заговоровъ слишкомъ многочисленной и слишкомъ могущественной въ этомъ государствѣ, католической партіи, которая, видя въ ней свою законную государыню, вступитъ съ нею въ соглашенія и легко возстанетъ за нее; наконецъ, что если она удалится во Францію, то тамъ, при помощи своихъ друзей и союзныхъ съ нею государей, можетъ приготовить военную экспедицію, для покоренія Шотландіи, что заставитъ самую Елизавету поддерживать въ этомъ государствѣ власть регента, защищать интересы протестантства и поставить ее въ зависимость отъ опасныхъ послѣдствій новой борьбы. Думая, по собственному опыту, что обстоятельства имѣютъ больше силы, чѣмъ обѣщанія, и что требованія политики важнѣе чувствъ благодарности, она не вѣрнула, чтобы Марія Стюартъ могла сдѣлаться, въ отношеніи къ ней, преданнымъ и признательнымъ другомъ. Елизавета принимала въ уваженіе только причины государственный; это было единственнымъ ея правиломъ, котораго она держалась въ теченіе сорока лѣтъ; и она рѣшилась удержать въ своихъ рукахъ неблагоразумную королеву, которая сама отдалась въ ея власть. Такимъ образомъ она надѣялась упрочить свой перевѣсъ въ Шотландіи и утвердить свою безопасность въ Англіи.

Но подь какимъ предлогомъ задержитъ она въ своемъ королевствѣ государыню, свою родственницу и равную, которая не сдѣлала ей никакого вреда и на которую она не имѣла никакихъ правъ? Она скоро сзумѣла найти такой предлогъ. Сначала Марія Стюартъ была отвезена, со всѣми должными ей сану почестями, изъ Уоркингтона въ Кокермѣтъ, а изъ Кокермѣта въ Карлайль. Здѣсь она была подвергнута строгому надзору, по повелѣнію (warrant) Елизаветы, которая предписала шерифу и мировымъ судьямъ Кэмберленда принять всѣ необходимыя мѣры для того, чтобы не дать ей возможности къ бѣгству. Сестрѣ герцога Норфолька, леди Скрупъ было повелѣно жить вмѣстѣ съ нею. Сэръ Уильямъ Друри получилъ приказъ вывести пятьдесятъ стрѣлковъ изъ Бервика въ Карлайль, куда Елизавета послала лорда Скрупа, бывшаго начальникомъ этой границы и вице-камергера своего, сэра Фрэнсиса Ноллиса, съ тайнымъ порученіемъ охранять королеву шотландскую, какъ будто она была уже ея плѣнницей. Они должны были, вручивъ Маріи письма, выражавшія сожалѣніе Елизаветы, сказать ей, что ихъ королева очень сочувствуетъ ея несчастіямъ, но что она не можетъ принять ее до тѣхъ поръ, пока та не докажетъ своей невинности въ умерщвленіи своего мужа. Необходимость этого предварительнаго оправданія была средствомъ, придуманнымъ Елизаветою для того, чтобы не допустить королеву шотландскую въ свое присутствіе и удержать ее въ своихъ владѣніяхъ.

Лордъ Скрупъ и сэръ Фрэнсисъ Ноллисъ были допущены, 27 мая, къ Маріи Стюартъ и выполнили сдѣланное имъ порученіе. Когда они сообщили ей притворныя сожалѣнія и оскорбительный отказъ своей государыни, Марія Стюартъ, со слезами на глазахъ, стала горько жаловаться на то, что отвѣтъ королевы, ея сестры, такъ мало согласовался съ ея ожиданіями. Она съ жаромъ отвергла обвиненія, взведенныя на нее, и говорила, что ея недостойныя поданные оклеветали ея поведеніе, чтобы тѣмъ удобнѣе ниспровергнуть ея власть. Она снова и настоятельно требовала, чтобы королева англійская помогла ей настоятельно надѣяться на ихъ возмущеніемъ, или позволила бы ей отправиться на континентъ и призвать къ себѣ на помощь государей, своихъ родственниковъ и союзниковъ, которые не откажутъ ей ни въ приѣмѣ, ни въ защитѣ. Посланники Елизаветы нашли Марію исполненною достоинства въ своихъ манерахъ, краснорѣчія въ выраженіяхъ, мужества въ несчастіяхъ и ума въ сужденіяхъ. Обольщенные ея привлекательными и блестящими качествами, которые поражали въ ней съ перваго раза, они описывали ее, какъ женщину очень замѣчательную и очень рѣшительную, которая готова на другой же день послѣ пораженія возобновить борьбу.

Послѣ своего свиданія съ лордомъ Скрупомъ и вице-камергеромъ Ноллисомъ, Марія Стюартъ отправила въ Лондонъ лордовъ Флеминга и Герриза. Они должны были постараться объ устройствѣ тамъ займа подь залогъ доходовъ, которые она имѣла во Франціи, какъ вдовствующая королева. Деньги этого займа должны были служить на поддержку ея приверженцевъ въ Шотландіи, которыхъ Мюррэй не-

утомимо преслѣдовалъ, послѣ Лангсайдской битвы. Замокъ Дэмбартонъ столъ еще за нее, югъ королевства все еще сохранялъ преданность къ ней, а сѣверъ весьма мало пострадалъ въ послѣднюю войну, потому что военныя силы сѣверныхъ владѣльцевъ не имѣли времени принять въ ней участіе. Она послала также изъ Карляйля приказъ къ графу Гэнтли, которому предлагала снова образовать ея партію, при помощи союзовъ. Герриэзъ и Флемингъ получили приказаніе явиться къ Елизаветѣ, которую она еще разъ заклинала придти къ ней на помощь, такъ какъ этого требовали отношенія добраго сосѣдства, близость родства, дружественныя обѣщанія и обязанности королевы. Въ своемъ убѣдительномъ письмѣ она выражала желаніе «скорѣе и безъ церемоній» быть допущенною къ ней, чтобы разсказать ей свои неудовольствія и освободиться отъ клеветливыхъ извѣстовъ, которыми ея подданные осмѣлились патнать ея честь.» Если бы Елизавета не согласилась ни принять ее при дворѣ, ни помочь ей въ Шотландіи, то Марія Стюартъ просила дозволенія удалиться изъ Англіи и искать какой нибудь другой опоры. Лордъ Флемингъ долженъ былъ просить помощи Франціи. Марія Стюартъ снабдила его столько же трогательными сколько ловкими письмами къ Карлу IX, Катеринѣ Медичи и кардиналу Лотарингскому. Послать 2000 пѣхоты въ Дэмбартонъ, снабдить деньгами, кирасами и сбруею, необходимыми для вооруженія и содержанія пяти-сотъ всадниковъ, отправить артиллерію и военные снаряды, для возвращенія другихъ шотландскихъ крѣпостей, пожаловать орденъ Св. Михаила двумъ или тремъ изъ вельможъ, наиболѣе отличившихся своею храбростію и преданностію ея дѣлу, чтобы поощрить другихъ и утвердить ихъ въ вѣрности,—таковы были просьбы, съ которыми лорду Флемингу поручено было обратиться къ французскому двору, отъ имени Маріи Стюартъ.

Елизавета не предпринимала ничего. Но, по своему обыкновенію, она не выражала своего отказа открыто и рѣшительно. Она обманула Марію Стюартъ, опасаясь чтобы та не прибѣгла къ отчаяннымъ средствамъ. Она искусно воспользовалась предложеніемъ, которое эта слишкомъ довѣрчивая государыня сдѣлала ей, изъявивъ желаніе оправдаться передъ нею в подчиненіи ея приговору. Регентъ Мюррэй, казался, тоже отдавался на ея судъ. Узнавъ, что бѣжавшая королева находилась въ Карляйлѣ, онъ объявилъ, что готовъ доказать передъ Елизаветой виновность Маріи Стюартъ и законность ея низложенія. Онъ соглашался подвергнуться заключенію въ Лондонской Башнѣ, (Товерѣ) въ случаѣ, если бы не представилъ при этомъ самыхъ ясныхъ доказательствъ. Коварный умъ Елизаветы нашолъ въ этомъ обоюдномъ предложеніи средство, въ которомъ нуждалась ея политика. Измѣняя предложеніе объясняется въ обязательство защищаться, она рѣшилась принудить Марію оправдываться передъ нею въ умерщвленіи Дарнлея, которое ей приписывалъ Мюррэй, а Мюррэя—въ возмущеніи, въ которомъ обвиняла его Марія. Однакоже она дѣлала видъ, будто бы принимаетъ на себя обяза-

ность судьи единственно потому, что видить въ этомъ средство примирить ихъ между собою.

Заставивъ прождать нѣсколько времени обоихъ посланниковъ королевы шотландской, она допустила ихъ наконецъ къ аудіенціи. Когда они стали умолять ее, чтобы она взялась за дѣло ихъ государыни, она выразила большую готовность на это. «Но, прибавила она, ея подданные разсѣяли по свѣту оскорбительные и постыдные толки, которые ей самой довольно хорошо известны; и какъ ея такъ и моя честь требуютъ, чтобы дѣло было изслѣдовано,—не для того, чтобы нѣмъ сдѣлаться судьей, но для того, чтобы я могла потребовать у нихъ отчета въ томъ, что было говорено ими по этому поводу, и въ томъ—по какому праву они овладѣли ея особою, престоломъ, крѣпостями и всѣми ея имуществами, въ чемъ ихъ нельзя извинить.

— Но, государыня, сказалъ лордъ Герриксъ, если улики будутъ противъ нея, чего Боже сохрани...

— И въ такомъ случаѣ, отвѣчала она, я все таки постараюсь какъ можно скорѣе и лучше примирить ее съ подданными, забота о ея чести, и о ихъ безопасности». На вопросъ Геррикса дозволено ли будетъ его государынѣ отправиться на материкъ, или по крайней мѣрѣ возвратиться въ Шотландію, на *маленькомъ суднѣ*, на которомъ она прибыла въ Англію,—Елизавета отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. «Что касается до переѣзда моей сестры во Францію, сказала она, то я не хочу поступить въ этомъ случаѣ неблагоразумно и черезъ то потерять уваженіе другихъ государей. Когда она была тамъ, король, ея мужъ, при моей жизни, рѣшился дать ей имя и гербы моей короны; я не хочу подвергаться подобному оскорбленію... Относительно же ея возвращенія въ Шотландію, въ такомъ скромномъ экипажѣ, какъ вы сказали, то, такъ какъ она уже прибыла въ мое государство, это возвращеніе не принесетъ чести ни ей, ни мнѣ, и къ тому же она ничего не выиграетъ этимъ». Она настояла таки на задуманномъ ею проэктѣ и объявила, что будетъ дѣйствовать въ пользу Маріи Стюартъ съ быстротою и дружескимъ расположеніемъ, которыхъ не имѣла ни въ своихъ привычкахъ, ни въ своемъ сердцѣ.

Сверхъ того, опасаясь всякаго вмѣшательства Франціи въ шотландскія дѣла, она не позволила лорду Флемингу отправиться къ Карлу IX. Она уже послала мастера Мидльмора, чтобы извѣстить Марію Стюартъ и Мюррэя о своемъ намѣреніи разобрать и прекратить ихъ споры. Мидльморъ долженъ былъ потребовать, чтобы непріязненные дѣйствія были прекращены въ Шотландіи, гдѣ побѣдоносный регентъ, во главѣ шести тысячъ человекъ, съ обозомъ артиллеріи, тѣснилъ своихъ враговъ и повсюду утверждалъ повинованіе къ молодому королю. Елизавета не ограничилась одною только этою услугою, сдѣланною ею разбитымъ въ это время партизанамъ Маріи. Чтобы внушить этой государынѣ больше довѣрія, она написала къ Мюррэю гордое письмо, въ которомъ представляла себя столько же удивленною, сколько оскорбленною событіями, возвысившими его и унижившими королеву шотландскую. «Все это, писала она ему, должно казаться

намъ очень страннымъ, потому что мы сами—самодержавная государыня, имѣемъ королевство и подданныхъ, находящихся подъ нашею властью, совершенно такъ же, какъ и королева Шотландіи. Въ такихъ обстоятельствахъ эта королева потребовала помощи у насъ, какъ у своей ближайшей родственницы и сосѣдки, и, желая оправдаться благоволила довѣрить намъ изслѣдованіе и обсужденіе своего дѣла. Поэтому мы сочли полезнымъ и необходимымъ не только увѣдомить васъ объ обвиненіяхъ, падающихъ на васъ и на вашихъ приверженцевъ, но и потребовать отъ васъ, чтобы было прекращено какъ судебное, такъ и военное преслѣдованіе противъ людей, принадлежащихъ къ ея партіи и принявшихъ ея сторону. Вы также должны будете откровенно и удовлетворительно отвѣчать передъ нами на всѣ обвиненія, взводимыя сказанною королевою на васъ, какъ на виновника многихъ тяжолыхъ преступленій, противныхъ естественнымъ обязанностямъ подданныхъ въ отношеніи къ ихъ государямъ. Получивъ такимъ образомъ надлежащія объясненія обѣихъ сторонъ, мы надѣемся, что, при помощи Бога, наши дѣйствія и рѣшенія послужатъ, во первыхъ, къ Его прославленію, затѣмъ, къ сохраненію нашей собственной чести предъ лицомъ прочихъ государей, наконецъ, къ поддержанію и усиленію мира и согласія между обоими этими королевствами.

Мидльморъ, прибывшій въ Карлайль 13 іюня, на слѣдующій день утромъ явился къ шотландской королевѣ, въ присутствіи лорда Скрупа и вице-камергера Ноллиса. Онъ повторилъ ей, въ довольно жесткихъ выраженіяхъ, что королева, его повелительница, заботясь о собственной своей репутации, не можетъ видѣться съ нею до тѣхъ поръ, пока она не докажетъ своей непричастности въ умерщвленіи Дарлея. Марія Стюартъ энергически жаловалась на это оскорбленіе и спросила, не считаютъ ли ее уже плѣнницей. Мидльморъ отвѣчалъ ей, что она вовсе не плѣнница. Но онъ не совѣтовалъ ей добиваться свиданія съ королевою англійскою, изъ опасенія, говорилъ онъ, чтобы ея враги, подозрѣвая пристрастіе къ ней Елизаветы, не отказались принять ее судьей въ ихъ дѣлѣ. «Если же вамъ угодно будетъ, прибавилъ онъ, подождать, пока формальный процессъ обнаружитъ вашу невинность, то вы увидите съ какою любовью и радостью королева, моя государыня, приметъ васъ въ свои объятія и употребитъ въ пользу вашего величества всѣ средства, какихъ вы пожелаете».

При этихъ словахъ: судья, процессъ,—Марія Стюартъ, взволнованная гнѣвомъ, сказала съ гордостью: «У меня нѣтъ другаго судьи, кромѣ Бога; никто не можетъ принять на себя обязанность судить меня. Я знаю кто я, и знаю права, соединенныя съ моимъ саномъ. Правда, что по собственной волѣ и вслѣдствіе полной довѣренности, которую я возлагала на королеву, сестру мою, — я сама предложила ей слѣлаться судьей моего дѣла. Но какъ же это можетъ быть, если она не позволяетъ мнѣ видѣть ео?» Несмотря на всѣ усилія Мидльмора, который, стараясь успокоить ее, показывалъ

письмо Елизаветы къ Мюррэю и утверждалъ, что этотъ процессъ долженъ служить средствомъ для преслѣдованія ея обвинителей и для возстановленія ея власти и чести, — Марія снова потребовала, чтобы ее допустили къ Елизаветѣ, или оказали бы ей немедленную помощь, или наконецъ, дозволили бы ей свободно удалиться, чтобы въ другомъ мѣстѣ искать средствъ къ возвращенію своего королевства и къ отмщенію своимъ подданнымъ.

Въ тотъ же день, еще разстроенная этимъ свиданіемъ, она написала Елизаветѣ сильное и гордое письмо. Она удивлялась, что королева англійская не хотѣла принять ее, подъ предлогомъ, будто бы это *принесетъ ей безчестіе*. «Увы! государыня, писала она ей, гдѣ и когда вы слышали, чтобы государя обвиняли за то, что онъ лично выслушиваетъ жалобы людей, которые почитаютъ себя должно обвиненными?» Приходя въ негодованіе отъ тягостнаго предложенія вступить въ споръ съ своими подданными, она восклицала: «Не думайте, государыня, что я явилась сюда искать спасенія своей жизни (не только Шотландія, но и никто въ мірѣ не угрожалъ ей;) нѣтъ я хотѣла защитить свою честь и найти поддержку для наказанія моихъ ложныхъ обвинителей, а не отвѣчать имъ, какъ равная съ ними... Я хотѣла обвинить ихъ передъ вами, которую избрала изъ среды всѣхъ другихъ государей, какъ свою ближайшую родственницу, и своего искренняго друга, доставляя вамъ такимъ образомъ, какъ мнѣ казалось, почетное имя возстановительницы правъ королевы, надѣявшейся получить отъ васъ это благодѣяніе... Къ величайшему моему сожалѣнію я вижу, что это истолковано иначе. Она умоляла Елизавету не дѣлать ей зла, большаго чѣмъ то, которое сдѣлано ей врагами ея, и въ заключеніе говорила: «Я не могу и не хочу отвѣчать на ихъ лживыя обвиненія и оправдываться, посредствомъ формальнаго процесса, противъ моихъ же подданныхъ... Государыня, между ними и мною нѣтъ ничего общаго, и если бы мнѣ предстояло даже быть задержанною здѣсь, то я все таки охотнѣе согласилась бы умереть, чѣмъ стать на одну съ ними доску».

Если бы Марія Стюартъ сохранила эти гордые чувства и если бы она устояла въ своемъ отказѣ, то Елизавета не могла бы судить ее и имѣла бы гораздо меньше возможности задержать ее въ плѣну. Государя Европы принимали живѣйшее участіе въ судьбѣ королевы, дѣло которой было дѣломъ всѣхъ коронованныхъ особъ. Карлъ IX и Филиппъ II, къ которымъ несчастная Марія обращалась съ своими жалобами и просьбами, не могли помочь ей въ эту минуту. Одному, едва только окончившему вторую гражданскую войну, уже прозвизала третья, боѣе продолжительная и ожесточенная. Силы другаго были заняты подавленіемъ возстанія въ Нидерландахъ, возбужденнаго его самовластіемъ и избыткомъ религіознаго рвенія, — а также борьбою съ испанскими маврами, возмутившимися въ горахъ Гренады въ слѣдствіе его жестокаго управленія и крутыхъ мѣръ. Но они оба стали ходатайствовать передъ Елизаветою въ пользу Маріи Стюартъ, — Филиппъ II черезъ своего посла, Гусмана де Сильву, а Карлъ

IX через своего посланника, Монморена, который, послѣ горячкхъ просьбъ за Марію Стюартъ отъ имени короля и его матери, отправился навѣстить ее въ Карлайль. Въ этой крѣпости онъ нашолъ вѣрную королеву французскую и изгнанную королеву шотландскую въ положеніи плѣнницы. «Она занимаетъ, говорилъ онъ, по своему возвращенію изъ Карлайля, темную комнату, единственное окно которой прикрыто желѣзною рѣшоткой. Три первыя комнаты заняты солдатами. Въ послѣдней изъ нихъ, составляющей переднюю салона королевы, помѣщается лордъ Скрупъ, губернаторъ пограничныхъ округовъ. При королевѣ находятся только три ея служанки. Въ слуги и лакеи живутъ внѣ замка. Двери отпираются не раньше десяти часовъ утра. Королева можетъ ходить въ городскую церковь, но всегда въ сопровожденіи ста стрѣлковъ. Она просила Скрупа прислать ей священника для служенія мессы, но тотъ отвѣчалъ, что такого нѣтъ въ Англіи» .

Марія Стюартъ была такимъ образомъ обманута въ своей довѣренности, встрѣтила препятствія въ исполненіи своихъ намѣреній, подверглась личному насилию и стѣсненію въ исповѣданіи своей вѣры; наконецъ ей грозило оскорбленіе чести.

Монморенъ выѣхалъ изъ Англіи, не получивъ отъ Елизаветы ничего, кромѣ безплодныхъ обѣщаній. Тогда, не надѣясь уже болѣе на королеву англійскую, Марія обратилась съ своими просьбами къ государямъ континента. Она отправила къ нимъ манифестъ, призывавшихъ на свою защиту и въ трогательныхъ чертахъ описывала своему дядѣ, кардиналу Лотарингскому, несчастія вѣрныхъ ей шотландцевъ и свое собственное горе. «Умоляю васъ, писала она къ нему, пожалуйте честь вашей племянницы, и доставьте мнѣ помощь, о которой вамъ скажетъ этотъ вѣстникъ, а между тѣмъ пришлите денегъ: у меня не на что купить ни хлѣба, ни рубашки, ни платья. Здѣшняя королева прислала мнѣ лишь небольшое количество бѣлыя и даетъ мнѣ обѣдъ, состоящій изъ одного блюда. Остальное я заявляю у нея, но не нахожу болѣе... На васъ тоже лежитъ часть этого стыда... Богъ посылаетъ мнѣ сильное испытаніе; но тѣмъ не менѣе, будьте увѣрены, что я умру католичкой. Богъ скоро возьметъ меня отъ этихъ бѣдствій, потому что я выстрадала несправедливость, клевету, заключеніе, голодъ, холодъ, жаръ, бѣжала девятисто двѣ мили, не зная куда, по полямъ, не останавливаясь и не сходя съ лошади; спала, на жесткомъ, пила кислое молоко, ѣла овсянку безъ хлѣба, и проѣхавъ три ночи, безъ прислужницы, какъ бродяга, прибыла въ эту страну, гдѣ, въ награду за всѣ лишенія, со мною обращаются какъ съ плѣнницей; а между тѣмъ повсюду разрушаютъ дома моихъ слугъ — и я не могу помочь имъ, вѣшаютъ моихъ приверженцевъ — и я не могу ихъ вознаградить».

Ея сильное воззваніе къ католическимъ государямъ материка, принесло ей только знаки безплоднаго участія. Кромѣ невозможности вмѣшаться въ дѣла иностранныхъ, въ которую были поставлены тогда два сильнѣйшіе изъ этихъ государей, они не рѣшались на это изъ

боязнн, внушаемой ими другъ другу, и изъ желанія сохранить доброе согласіе съ Елизаветою, чтобы такимъ образомъ удержать ее отъ лвной помощи бунтовщикамъ въ Нидерландахъ и кальвинистамъ во Франціи. Марія Стюартъ скоро увидѣла необходимость уступить желаніямъ королевы англійской. Регентъ Шотландіи тоже подчинился ея волѣ. Получивъ въ Дэмфрисѣ повелительное посланіе, привезенное Мидльморомъ, Мюррэй показалъ готовность предстать передъ Елизаветою, чтобы защищать себя и обвинять свою сестру. Онъ прекратилъ преслѣдованіе приверженцевъ Маріи, но это не помѣшало ему вытребовать у собраннагося парламента, чтобы самые безпкойные и самые способные изъ нихъ, а именно, архіепископъ Сентъ-Андрейскій, епископъ Росскій и лордъ Клавдій Гамильтонъ были объявлены виновными въ государственной измѣнѣ.

Не какимъ образомъ побѣдить сопротивленіе Маріи Стюартъ? Елизавета, опасаясь ея бѣгства, уже запретила свободный доступъ къ своей вѣнценосной пѣлнницѣ шотландцамъ, которые, въ первое время, могли безпрепятственно являться къ ней. Она рассчитывала привести ее еще въ большее безсиліе, сдѣлавъ ея одиночество еще болѣе строгимъ. Тайный совѣтъ Англій, которому она поручила это дѣло, поступилъ согласно съ ея желаніями. Онъ единодушно положилъ, что королева Марія должна быть удалена отъ границы и переведена во внутренности королевства. Онъ утверждалъ еще, что въ силу древняго феодальнаго первенства короны англійской надъ короною шотландской, — первенства, на которое много разъ ссылалась одна сторона и котораго ни разу не признавала другая, — королева Марія могла быть судима; что желаніе, выраженное этою королевой, быть возстановленною на престолѣ, до признанія ея невинности, или получить дозволеніе на отъѣздъ во Францію, раньше суда надъ нею, однаково противорѣчило какъ чести такъ и безопасности Елизаветы; но что послѣ изслѣдованія дѣла и ея оправданія, она должна быть возвращена въ свое королевство и возстановлена въ управленіи имъ.

Прежде всего положено было помѣстить ее въ болѣе безопасномъ мѣстѣ. Подъ предлогомъ приблизить ее къ Елизаветѣ, сэръ Джорджъ Баузъ пріѣхалъ за нею, 13 іюля, съ сильнымъ конвоемъ и, не смотря на ея противорѣчіе, отвезъ ее изъ Карлайля въ Болтонъ, замокъ лорда Скрупа, находившійся въ графствѣ Йоркъ. Здѣсь уже съ большнмъ успѣхомъ возобновились, настойчивыя старанія Елизаветы, хотѣвшей подчинить своему правосудію Марію Стюартъ, сопротивленіе которой было ослаблено отчаяніемъ. Лордъ Геррисъ, увлекшійся лживыми увѣреніями, пріѣхалъ въ Болтонъ и сообщилъ своей королевѣ, что Елизавета хочетъ разобрать ея дѣло, не какъ судья, но какъ другъ и сестра, съ намѣреніемъ возстановить ее на престолѣ, даже при помощи оружія, если она докажетъ свою невинность, и спокойно, безъ смутъ и пролитія крови примирить ее съ ея подданными, если они покажутъ на чемъ основывалось ихъ поведеніе въ отношеніи къ ней. Но во всякомъ случаѣ она требовала, чтобы Марія прервала всякую связь съ Франціей, не придавала никакого значенія своимъ правамъ на англійскую корону, при жизни Елизаветы,

отказалась отъ мессы и допустила въ Шотландіи англиканскую литургію.

Послѣ двухмѣсячныхъ переговоровъ Марія Стюартъ покорилась и уступила. Она согласилась на конференцію, въ которой бы ея несогласія съ подданными были подвергнуты обсужденію комиссаровъ Елизаветы, единственно съ дѣлю положить имъ конецъ, не касаясь ни въ чемъ ея правъ, какъ королевы, ея чести, какъ женщины и ея значенія, какъ наслѣдницы англійскаго трона. Елизавета, старавшаяся этими обѣщаніями поколебать твердость духа плѣнной королевы, въ тоже время подавала Мюррэю надежды совѣмъ другаго рода. «Въ различныхъ мѣстахъ Шотландіи, писала она ему, разнесся слухъ, что будто бы какой бы оборотъ ни приняло преслѣдованіе королевы шотландской, какъ бы ясны ни были доказательства, которыя можно собрать для обвиненія ея въ ужасномъ убійствѣ ея покойнаго мужа, и нашего кузена, — мы рѣшились возвратить ей ея государство и власть. Мы рѣшительно не расположены къ этому и не потерпимъ, чтобы подобный слухъ распространялся и получалъ вѣру. На этомъ основаніи мы нашли умѣстнымъ увѣрить васъ, — что эти слухи выдуманы ложно людьми, желающими нашего безчестья. Ибо, если съ одной стороны мы были увѣряемы нашею упомянутою сестрою, чрезъ письма и посредствомъ словесныхъ порученій, что она нисколько не виновна и не причастна въ этомъ убійствѣ, что мы желаемъ найти истиннымъ, — то, съ другой стороны, если будетъ юридически доказано ея участіе въ немъ, — что насъ по истинѣ опечалитъ, — то мы принуждены будемъ смотрѣть на это дѣло совершенно иначе, далеко несогласно ея желанію получить обратно свое королевство. Мы хотѣли, чтобы вамъ были извѣстны наши истинныя чувства и чтобы вы могли получить лучшее мнѣніе о насъ и нашихъ дѣйствіяхъ.» Такимъ-то образомъ Елизавета привлекла къ своему трибуналу Марію Стюартъ — обѣщаясь возстановить ее, если она приметъ третейскій судъ, который не долженъ ей повредить, и Мюррэя, — давъ ему понять, что онъ останется регентомъ, если доставитъ доказательства виновности своей сестры и возможность удержать ее въ плѣну.

Конференція была принята обѣими сторонами и непріязненные дѣйствія окончательно прекратились въ Шотландіи въ теченіе посредничества Елизаветы. Марія Стюартъ сама повелѣла графамъ Арджиллю и Гэнтлю, составившимъ, 28 іюля, въ Ларджсѣ, союзъ съ большею частью шотландскаго дворянства и поднявшимъ оружіе — не начинать военныхъ дѣйствій. Она избрала представителями ея особы и защитниками своими на конференціи, назначенной въ Иоркѣ, епископа Росскаго-Лесли, лордовъ Герриза, Войда и Ливингстона, сэра Джона Гордона Лочинвара и сэра Джемса Кокбёрна Стёрли. Регентъ былъ призванъ туда лично и взялъ съ собою графа Мунса, протестантскаго епископа Оркнейскаго, лорда Ливдеса и Роберта Кэрна, аббата и комендатарія Демферлингскаго. Какъ полемическіе помощники онъ присоединилъ къ нимъ Джорджа Бучанана, шотландскаго юриста.

регистратуры Макгила, не забывъ при этомъ секретаря Летингтона, котораго онъ подозрѣвалъ въ намѣреніи возвратиться къ его прежнимъ привязанностямъ и котораго поэтому не хотѣлъ оставлять на время своего отсутствія въ Шотландіи. Королева Елизавета избрала своими комиссарами герцога Норфолька, графа Сэссекса и сэра Ральфа Сэдлера. Первый занималъ должность графа-маршала королевства и былъ сильнѣйшимъ вельможей въ Англіи; второй былъ военнымъ начальникомъ сѣверныхъ округовъ и президентомъ Йоркскаго совѣта; послѣдній же канцлеромъ герцогства Ланкастерскаго, членомъ тайнаго совѣта и человѣкомъ, на котораго постоянно возлагались самыя важныя и самыя щекотливыя порученія. Всѣ трое были приверженцами протестантской партіи и казались преданными своей государынѣ.

Марія Стюартъ рѣшилась на этотъ важный шагъ не посоветовавшись съ епископомъ Росскимъ. Когда этотъ ловкій и усердный слуга постилъ ее въ Больтовѣ около половины сентября (18), то выразилъ ей большое сожалѣніе на этотъ счетъ. Онъ далъ повясть опрометчивой королевѣ, что ей нельзя обвинять Мюррэя, не подвергаясь въ тоже время обвиненіямъ съ его стороны, которыя онъ сдѣлаетъ для своего оправданія. Онъ утверждалъ, что ей было бы несравненно лучше войти въ любовное соглашеніе съ регентомъ. Но Марія была исполнена надежды. Она вѣрила въ искренность Елизаветы и надѣялась также, что герцогъ Норфолькъ будетъ дѣйствовать въ ея пользу. Леди Скрупъ, сестра герцога увѣрила ее въ этомъ. Она первая сдѣлала предложенія о тайномъ и роковомъ планѣ, посредствомъ котораго герцогъ долженъ былъ сдѣлаться защитникомъ, а потомъ мужемъ Маріи. Такимъ образомъ шотландская королева увѣрила себя, что герцогъ Норфолькъ безъ труда сладитъ съ графомъ Сэссексомъ, что Ральфъ Сэдлеръ не посмѣетъ идти имъ наперекоръ и что присутствіе въ Йоркѣ графа Нортэмберленда и збѣтливѣйшихъ католиковъ сѣверной Англіи будетъ имѣть самое благотворное для нея вліяніе на ходъ и результатъ конференціи.

Однакоже она получила извѣстіе, которое могло сильно разстроить ея обманчивыя надежды. Летингтонъ, на котораго она неоднократно указывала, какъ на соучастника въ убійствѣ короля, на самомъ дѣлѣ сохранялъ къ ней привязанность, согласовавшуюся съ его собственнымъ интересомъ. Онъ желалъ помѣшати спору, который могъ обезчестить и погубить ее и вмѣстѣ долженъ былъ поставить его самого въ очень затруднительное положеніе. Онъ досталъ копію съ писемъ, найденныхъ въ серебряной шкатулкѣ, которую Мюррэй долженъ былъ везти въ Йоркъ, гдѣ думалъ ею воспользоваться. Летингтонъ послалъ эти письма плѣнной королевѣ съ Робертомъ Мельвиномъ, поручивъ послѣднему спросить у Маріи какихъ знаковъ пріятности, какой помощи желаетъ отъ него королева во время пріятствія его на предполагаемомъ судѣ. Марія Стюартъ, разсмотрѣвъ письма, не отвергла подлинности ихъ содержанія. Она просила Летингтона *остановить*, на сколько это возможно, *строія обвиненія*

Мюррей, а потомъ согласиться съ епископомъ Росскимъ, который облеченъ ея полнымъ довѣріемъ, и утвердить герцога Норфолька въ его благорасположеніи къ ней. Согласно этому и велъ себя Дитингтонъ въ Йоркѣ. Онъ вздумалъ разрушить планъ коварной английской королевы.

Хитрому государственному секретарю Шотландіи помогалъ герцогъ Норфолькъ, котораго честолюбіе заставило присоединиться къ тѣмъ же намѣреніямъ. Глава фамиліи Говардовъ, столь же знаменитой своими несчастіями сколько заслугами, онъ наследовалъ ея могущество, какъ долженъ былъ наследовать потомъ ея бѣдствія. Многие изъ его предковъ, сдѣлавшись страшными для своихъ государей, трагически кончили свою жизнь. Его дѣдъ Томасъ, третій герцогъ Норфолькскій, оставался во главѣ английской католической партіи несмотря на то, что онъ былъ дядею двухъ, такъ недолго господствовавшихъ, королевъ, которыхъ протестантская революція возвела на тронъ Англіи — Анны Боленъ и Катерины Говардъ. Въ послѣднее время своего царствованія подозрительный и деспотическій Генрихъ VIII заключилъ его въ тюрьму вмѣстѣ съ его сыномъ графомъ Сэрреемъ. Графъ Сэррей былъ обезглавленъ за нѣсколько дней до смерти этого короля, а старый герцогъ Норфолькъ избѣжавъ эшафота, оставался въ заключеніи во все время царствованія Эдуарда VI и получилъ свободу уже при Маріи Тюдоръ. За тѣмъ, присоединясь къ дѣлу возстановленія прежней религіи, онъ объявилъ себя въ пользу брака дочери Катерины Арагонской съ Филиппомъ II, совѣтуя тѣсный союзъ Англіи съ Испаніей; онъ достигъ вершины почестей и умеръ въ большой силѣ.

Внукъ этого ревностнаго поборника католической религіи, наследникъ одного изъ благороднѣйшихъ ея мучениковъ, и, несмотря на свою молодость, испытавшій на себѣ самомъ королевскую подозрительность и опасную опалу, тяготѣвшую надъ его домою, — Томасъ Говардъ, четвертый герцогъ Норфолькъ былъ предметомъ переходившей изъ рода въ родъ преданности католиковъ, которые думали что онъ втайнѣ преданъ ихъ вѣрѣ, а также уваженія протестантовъ, въ ученіи которыхъ онъ былъ воспитанъ и религію которыхъ онъ открыто исповѣдывалъ. Вступивъ на престолъ, Елизавета приняла его въ число членовъ своего тайнаго совѣта. Никто болѣе его не имѣлъ вліянія при дворѣ и въ государствѣ. Онъ обладалъ огромными имуществами, находился въ родствѣ съ знатнѣйшими фамиліями, располагалъ, лично или чрезъ друзей своихъ, многими графствами, и могъ въ одно и тоже время увлечь за собою и католиковъ и протестантовъ. Быва имѣя тридцать лѣтъ отъ роду и уже успѣвъ овдовѣть послѣ третьяго брака, онъ мало по малу увлекся самыми гордыми мыслями, самыми опасными мечтами. Благородный, ласковый, великодушный, съ душою болѣе пылкой, чѣмъ твердой, съ сердцемъ слишкомъ слабымъ, не имѣя достаточно характера для своего огромнаго честолюбія, умѣя въ тайнѣ приготовить то, на исполненіе чего у него не доставало рѣшимости, — онъ съ дерзкою отвагою готовился те-

верь къ составленію опасныхъ плановъ и предпріятій, которые долж-
ны были его погубить.

Герцогъ Норфолькъ отправился въ Йоркъ съ намѣреніями очень
благопріятными для шотландской королевы. Онъ тамъ предсѣдатель-
ствовалъ на третейскомъ судѣ, который открылся 4 октября, и предъ
которымъ явились регентъ съ своими товарищами и комиссары отъ
лица Маріи Стюартъ. Для того ли чтобы выиграть время, или же
согласно внушенію тайнаго совѣта и желанію англійской королевы,
герцогъ, въ подкрѣпленіе законности конференціи, сослался на древ-
нее феодальное первенство, которое нѣкогда Англія присвоивала отно-
сительно Шотландіи. Это обветшалое притязаніе, — оставленное уже
такъ давно и появляющееся теперь вновь, по поводу учрежденія три-
бунала, предъ которымъ регентъ и королева Шотландіи согласи-
лись объясниться въ своемъ поведеніи и защищать свои права, — сму-
тило Мюррея. Онъ промолчалъ. Но секретарь Летингтонъ не удер-
жался. Съ тою находчивостью, которая не оставляла его ни въ ка-
кихъ обстоятельствахъ и съ помощью которой онъ всегда умѣлъ
отыскивать рѣшительные доводы и говорить гордымъ тономъ, когда
шло объ интересахъ и чести его отечества, онъ отвѣчалъ, что
пусть возвратятъ Шотландіи земли, по которымъ она нѣкогда нахо-
дилась въ феодальномъ подчиненіи Англіи. Онъ прибавилъ, что это
подчиненіе всегда было условно и ограничено для Шотландіи, кото-
рая оставалась волюнѣ независимую относительно своей собственной
территоріи, никогда никому не подчинялась, не такъ какъ Англія, ко-
торая долгое время находилась въ зависимости отъ папы, платя ему
подать св. Петра. Послѣ этого гордаго и рѣшительнаго отвѣта гер-
цогъ Норфолькъ уже не настаивалъ, и слова его не имѣли послѣд-
ствій.

Для предупрежденія несчастнаго спора, въ которомъ ему прихот-
лось быть болѣе свидѣтелемъ, чѣмъ судьей, герцогъ Норфолькъ
издумалъ помирить Мюррея съ его сестрою, и имѣлъ по этому пред-
мету свиданіе съ Летингтономъ. Онъ выразилъ свое удивленіе по
поводу неблагоразумія секретаря Шотландіи, который принялъ уча-
стіе въ обвиненіи своей государыни. «Неужели вы думаете, сказалъ онъ
ему, что въ Англіи есть компетентные судьи для произнесенія при-
говора по дѣлу шотландской королевы, и что они могутъ рѣшиться
передать позору мать принца, который со временемъ долженъ быть
ихъ королемъ? Мы сдѣлали бы неэввинительный проступокъ, еслибы
сколько нибудь повредили правамъ сына, запятнавъ честь его матери.
Вамъ, ея подданнымъ, было бы приличіе скрыть ея слабости,
если она ихъ имѣла, и предоставить наказаніе за нихъ Богу, един-
ственному законному судѣ государей». Съ такими мыслями былъ
согласенъ и Летингтонъ. И такъ не этому рассудительному полити-
ку, — который въ то время не обладалъ вліяніемъ, а скорѣе считался
лицомъ подозрительнымъ, — должно было внушать ихъ. Важнѣе все-
го было — вразумить регента: и Летингтонъ устремлялъ тайное свиданіе
между Мюрреемъ и Норфолькомъ.

Свиданіе это происходило ночью, въ галлерей дома, который занимал герцогъ. Норфолькъ открылъ Мюррэю политику Елизаветы и сказалъ ему, что обвиняя предъ ея комиссарами королеву Марію, онъ подвергаетъ опасности самые важные интересы Шотландіи. Онъ увѣрялъ, что его государыня никогда не согласится окончательно устроить вопросъ объ англійскомъ престолонаслѣдіи; что ее не столько беспокоитъ беспорядки, могущіе возникнуть послѣ ея смерти вслѣдствіе неизвѣстности — къ кому должна перейти ея корона, сколько затрудненія, въ которыя она будетъ поставлена при жизни назначеніемъ наслѣдника. Герцогъ прибавилъ, что англійскій престолъ, въ случаѣ смерти Елизаветы, долженъ и безъ того перейти къ королевѣ шотландской, лишь бы только права, какъ ея, такъ и ея потомства, не были ослаблены и подвергнуты опасности обвиненіемъ, зашедшимъ слишкомъ далеко. Онъ напомнилъ Мюррэю, что подобное неблагоразуміе можетъ обратиться въ Шотландіи въ пользу Гамальтоновъ, его враговъ, и во вредъ Стюартовъ, которые происходятъ отъ одной съ нимъ крови, и при управленіи которыхъ онъ долженъ ожидать для себя наибольшаго почета и самаго выгоднаго положенія. «Взвѣсьте, сказалъ онъ регенту, страшныя неудобства, которыя можетъ повлечь за собою позоръ вашей королевы и подумайте—не лучше ли будетъ, если она утвердитъ свое отреченіе и если собственноручныя письма ея будутъ уничтожены».

Мюррэй былъ пораженъ этими доводами. Однакоже онъ отвѣчалъ, что письма уничтожить нельзя, такъ какъ многіе ихъ видѣли и при томъ о нихъ доведено до свѣденія шотландскаго парламента; что это не принесло бы никакой пользы королевѣ, а на него самаго навлекло бы позорный упрекъ въ бездоказательномъ обвиненіи. Не убѣдивъ Мюррэя уничтожить письма, герцогъ отклонилъ его отъ намѣренія воспользоваться ими. «Никогда, сказалъ онъ ему, ни королева, ни государыня, ни я не постановимъ никакого рѣшенія по дѣлу, которое вы намъ намѣрены представить. Вамъ легко будетъ убѣдиться въ этомъ. На предстоящей конференціи, когда я попрошу васъ изложить письменно главные обвинительные пункты, потребуйте, предварительно, актъ за собственноручною подписью англійской королевы, которымъ бы она обязывалась произнести приговоръ послѣ того, какъ вы ихъ докажете. Въ случаѣ ея несогласія на это, для васъ не останется болѣе сомнѣнія въ справедливости моихъ словъ и вы будете имѣть достаточный поводъ не доходить до крайностей».

Мюррэй воспользовался совѣтами герцога Норфолька, которые онъ сообщилъ Летингтону и Мельвилю, не открывая, однакоже, ихъ другимъ шотландскимъ комиссарамъ. Итакъ онъ рѣшился оправдывать себя самаго, не прибѣгая къ обстоятельнымъ обвиненіямъ противъ королевы, своей сестры.

8 октября комиссары Маріи Стюартъ, представивъ наканунѣ письменный протестъ для поддержанія правъ и независимости своей государыни, изложили предъ конференціею послѣднія событія, происшедшія въ Шотландіи; энергически возстали они противъ возму-

женія лордовъ и противъ крайностей, въ которыя вдались эти послѣдніе вступивъ въ борьбу съ своею государыней, заключивъ ее въ тюрьму, низложивъ съ престола, замѣнивъ законную власть короны беззаконнымъ регентствомъ и принудивъ скрывшуюся изъ ихъ рукъ и преслѣдуемую ихъ войсками королеву искать убѣжища въ Англіи. Они выразили надежду, что шотландская королева вскорѣ будетъ возстановлена въ своей странѣ и на своемъ престолѣ королевою Англіи.

Вмѣсто того чтобы явиться обвинителемъ, какъ ожидали въ этомъ случаѣ отъ Мюррэя, онъ ограничился только собственной защитой. Ненавистный бракъ королевы съ Ботвелемъ, опасность, которой подвергался наслѣдннй принцъ, необходимость предохранить его отъ этой опасности и подчинить его мать кратковременному аресту, отреченіе, сдѣланное этой государыней добровольно отъ престола, и согласіе, данное ею на регенство, которое было учреждено во время малолѣтства ея сына:—таковы были причины, приводимыя имъ, для того, чтобы объяснить поведеніе лордовъ и оправдать свою собственную власть. Но, онъ вовсе не обвинялъ Марію Стюартъ въ умерщвленіи ея мужа. Защитники королевы, которымъ такой образъ дѣйствій Мюррэя дѣлалъ задачу ихъ легкою, возражали, что бракъ съ Ботвелемъ былъ внушонъ ей самими лордами, указавшими ей на Ботвела, послѣ оправданія его, какъ на супруга, достойнаго ея. Мюррэй, къ большому удивленію своихъ приверженцевъ и крайнему неудовольствію ихъ, ничего не отвѣчалъ на это, и объявилъ, что онъ не намѣренъ говорить ни слова болѣе.

Молчаніе регента давало неожиданный оборотъ начавшейся борьбѣ и измѣняло положеніе шотландской королевы относительно королевы англійской. Елизавета не имѣла болѣе никакого повода удалять Марію Стюартъ отъ себя и удерживать ее въ плѣну. Но Мюррэй не совсѣмъ еще отказался употребить въ дѣло тѣ страшныя средства, которыя были въ его рукахъ. По совѣту Норфолька онъ обратился въ одно и тоже время къ королевѣ Елизаветѣ и къ королевѣ Маріи, съ цѣлью принудить одну—къ объясненію, — другую къ сдѣлкѣ. Въ частной конференціи, бывшей у него съ англійскими комиссарами, онъ изложилъ имъ свои сомнѣнія, вслѣдствіе которыхъ онъ не рѣшался обвинять мать своего государя въ томъ, что она участвовала въ умерщвленіи ея мужа, и спросилъ у нихъ: признаетъ ли англійская королева виновность Маріи Стюартъ, если онъ доставитъ доказательства этого участія, утвердить ли она правительство молодаго короля, одобрить ли его собственное поведеніе и поддержитъ ли его въ обладаніи регентствомъ. Съ другой стороны, онъ поручилъ Роберту Мельвилю, посланному имъ въ Болтонъ, тайно предложить своей сестрѣ, для избѣжанія обвиненій, которыми угрожали ей, утвердить лочливннскіе акты и согласиться на пребываніе въ Англіи подъ покровительствомъ Елизаветы, получая содержаніе, присвоенное ей, какъ королевѣ.

Чтобы показать, что въ его власти было нанести ударъ, отложенный имъ только на нѣкоторое время, онъ приказалъ Летингтону,

Макгиллю и Вучанану сообщить английскимъ комиссарамъ, не по иначе какъ частнымъ образомъ, бумаги, находившіяся въ серебряной шкатулкѣ. Прочитавъ эти письма, комиссары Елизаветы писали этой королевѣ, что дѣло имъ кажется столько же яснымъ, сколько и гнуснымъ, и что если письма шотландской королевы дѣйствительно писаны ея рукою, то они представляютъ убѣдительное доказательство ея виновности. Это заставило герцога Норфолька бояться гибельныхъ послѣдствій для Маріи Стюартъ. Онъ видѣлъ Росскаго епископа и сказалъ ему, что шотландская королева была бы навсегда обезчещена, если бы эти письма были предъявлены. «Въ случаѣ, прибавилъ онъ, еслибы английская королева, уступая совѣтамъ враговъ вашей государыни, приказала обнародовать эти письма и сообщила бы о нихъ христіанскимъ государямъ, то они ничего не захотѣли бы предпринять болѣе для ея освобожденія и даже съ ней самой стали бы обращаться еще строже». Онъ совѣтовалъ ему искать съ Летингтономъ средства предупредить опасность. Росскій епископъ отвѣчалъ ему, что, по мнѣнію Летингтона, королева должна подтвердить свое отреченіе, и что это не принесетъ ей болѣе вреда въ Йоркѣ, чѣмъ въ Лочливиѣ, потому что она была точно такой же дѣвицей въ Англии, какъ прежде въ Шотландіи. «Въ шесть мѣсяцевъ, продолжалъ онъ, она будетъ восстановлена съ честью въ своей странѣ и отмѣнитъ все, сдѣланное теперь. — Чтобы ни случилось, возразилъ герцогъ, постарайтесь пѣзбѣжать въ настоящую минуту огласки ея безчестія; время довершитъ остальное». Переговоривъ съ Норфолькомъ и Летингтономъ, Лесли возвратился, 13 октября, въ Болтонъ, чтобы посовѣтовать королевѣ Маріи принять предложеніе, съ которымъ пріѣхалъ къ ней Робертъ Мельвилъ отъ регента. Марія сначала согласилась на все, и, казалось, что этотъ опасный споръ готовъ былъ кончиться сдѣлкою, посредствомъ которой власть регента и честь королевы должны были остаться неприкосновенными.

Но Елизавета смотрѣла на это иначе. Слухъ о таинственныхъ сдѣлкахъ, которыя готовились въ Йоркѣ дошелъ и до нея, и неожиданная мягкость Мюррэя, безъ сомнѣнія, внушила ей опасенія насчетъ ихъ результатовъ. Она вдругъ перенесла конференцію въ Вестминстеръ, ссылаясь на необходимость ближе рассмотреть это щекотливое дѣло и на свое желаніе окончить его какъ возможно скорѣе. При свиданіи съ герцогомъ Норфолькомъ, она имѣла съ нимъ разговоръ относительно приписываемаго ему намѣренія вступить въ бракъ съ шотландскою королевой. Герцогъ съ сильными клятвами доказывалъ, что онъ вовсе не имѣетъ такой мысли. «Къ чему мнѣ, говорилъ онъ, вступать въ бракъ съ такою безнравственною женщиною, съ этою извѣстною нарушительницею супружеской вѣрности, съ убійцею? Не такую подушку мнѣ надо имѣть чтобы спать спокойно,». Онъ прибавилъ, что живя въ своемъ замкѣ Норвичѣ, онъ ни въ чемъ не завидуетъ Маріи Стюартъ, хотя бы она была восстановлена на своемъ престолѣ, и утверждалъ, что ему никогда бы не могло придти даже на мысль—жениться на той, которая являлась соперницею его госуда-

рыни и обнаружила притязанія на ея корону. Успокоенная съ этой стороны, Елизавета внушила комиссарамъ Маріи надежду на скорое возстановленіе правъ ихъ государыни, посредствомъ надлежащаго соглашенія съ ея подданными. Но въ то же время въ переговорахъ съ Мюррэмъ она начала дѣйствовать совершенно въ противоположномъ смыслѣ. Она увѣдомила его, что будучи извѣщена объ интригахъ, въ которыхъ онъ принялъ участіе, она предоставитъ регентство Шотландіи герцогу Шателро, если онъ, Мюррэй, не рѣшится самъ поддерживать обвиненія противъ своей сестры.

Такимъ внушеніемъ Елизаветы регентъ Шотландіи былъ поставленъ тѣмъ въ большее затрудненіе, что Марія Стюартъ отказалась утвердить свое отреченіе, на которое она сперва было согласилась. Поставленный между отказомъ Маріи и угрозою Елизаветы, онъ не хотъ ни говорить, ни молчать, не подвергая себя опасности. Послѣдовать совѣту Норфолка — значило погубить себя у Елизаветы; повиноваться послѣдней — значило возбудить противъ себя Норфолка. Мюррэй выбралъ середину. Онъ приготовилъ обвиненіе противъ Маріи, съ намѣреніемъ открыть его новой конференціи только въ такомъ случаѣ, если англійская королева дастъ ему всѣ ручательства, которыхъ онъ требовалъ въ Йоркѣ. Съ своей стороны Марія думала избавиться отъ обвиненія, запретивъ своимъ комиссарамъ отвѣчать на него. Она приказала имъ не допускать, чтобы ея противники вышли изъ роли обвиненныхъ, и даже поручила предложить этимъ послѣднимъ примиреніе. Она писала, что, желая поступать относительно подданныхъ съ материнскою любовью, она не хочетъ подвергать ихъ судебному преслѣдованію предъ чужеземнымъ трибуналомъ, такъ какъ столь строгая мѣра можетъ только помѣшать возстановленію между ними и ею любви и добраго согласія. Она уполномочивала комиссаровъ передать отъ ея имени, въ присутствіи Елизаветы, прощеніе своимъ непокорнымъ подданнымъ и вступитъ съ ними въ соглашеніе, на условіяхъ не противныхъ ея чести, званію и власти, которую она не думаетъ подчинить никакому государю въ свѣтѣ. Если дѣла примутъ другой оборотъ, то въ такомъ случаѣ она приказывала своимъ комиссарамъ немедленно прекратить совѣщаніе.

Конференція началась 25 ноября въ Вестминстерѣ. Елизавета къ тремъ прежнимъ своимъ комиссарамъ прибавила хранителя большой и малой печати—Николая Бэкона, графовъ Арнделя и Лейстера, лорда адмирала Клинтона и государственнаго секретаря Сесля. По выслупаніи протеста комиссаровъ Маріи, основаннаго на послѣднихъ ея инструкціяхъ, хранитель печатей, бывшій президентомъ засѣданія, сказалъ Мюррэю, что его защита въ Йоркѣ найдена недостаточною, и, для возбужденія въ немъ рѣшимости къ болѣе дѣятельному обвиненію, прибавилъ: «Ея королевское величество, несмотря на свое искреннее желаніе убѣдиться въ невинности королевы шотландской, все таки признаетъ ее недостойною трона, если ея виновность въ умерщвленіи своего мужа будетъ доказана неопровержимымъ образомъ. Въ такомъ случаѣ ея величество отдастъ ее въ руки

ея подданныхъ, по полученіи отъ нихъ надежнаго ручательства въ сохраненіи ея жизни, или же оставить обвиненную подъ хорошии присмотромъ въ Англіи, и за тѣмъ будетъ поддерживать власть короля и регента Шотландіи. Такое обѣщаніе развязало языкъ Мюррью, молчавшему въ Йоркѣ. Онъ сказалъ, что ему долго не хотѣлось доводить до общаго свѣдѣнія акты, которые могутъ запятнать честь матери его государя предъ иностранцами, но теперь онъ принужденъ къ тому необходимостью собственной защиты, и что вина въ этомъ падаетъ на людей, заставившихъ его прибѣгнуть къ подобному средству. Зная однакожь, что словесныхъ обѣщаній, данныхъ отъ имени Елизаветы, недостаточно, потому что отпереться отъ нихъ ей впрочемъ, Мюррэй просилъ, чтобы англійская королева письменно обязалась постановить приговоръ. Сесиль отвѣчалъ, что, получивъ сейчасъ полное удостовѣреніе на этотъ счетъ, регентъ не можетъ сомнѣваться въ словѣ ея величества. «Гдѣ, прибавилъ онъ бумаги, служащія доказательствомъ вашего обвиненія?» — Вотъ онъ, сказалъ секретарь регента, Джонъ Вудъ, указывая на вѣренныя ему документы;—но мы отдадимъ ихъ только тогда, когда увидимъ подпись королевы». Въ ту же минуту епископъ Оркнейскій, которому надобно увертки регента и который, вмѣстѣ съ Мортонемъ, аббатомъ Джемлингомъ, Линдсэемъ и Бучананомъ, хотѣлъ довести дѣла до послѣднихъ крайностей, подошелъ къ Джону Вуду, вырвалъ бумаги у него изъ рукъ, и побѣжалъ съ ними къ столу англійскихъ комиссаровъ. Вудъ на минуту остолбенѣлъ,—или сдѣлалъ только видъ этого,—потомъ бросился за епископомъ, но уже не могъ его догнать и возвратился на свое мѣсто, среди всеобщаго хохота. Посредствомъ этой оскорбительной и вмѣстѣ шутовской сцены пуццоно было въ ходъ горькое обвиненіе, которымъ подданные безславляя свою королеву предъ подданными другой государыни.

Въ своемъ обвиненіи Мюррэй утверждалъ, что виновникомъ умерщвленія Дарнлея былъ Ботвелъ; что королева знала заранѣе о замышляемомъ убійствѣ и подстрекала Ботвеля къ совершенію его; что она покровительствовала убійцамъ и освободила ихъ отъ дѣйствія правосудія, выйдя замужъ за ихъ вождя. Къ этому холодному докладу о виновности Марія присоединилась горькая жалоба Дарнлеева отца. Графъ Ленноксъ явился предъ англійскими комиссарами, и въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ обвинялъ королеву Марію въ умерщвленіи его сына. Онъ объявилъ, что до сихъ поръ не имѣлъ никакой надежды добиться людскаго правосудія и полагался единственно на карающую руку Вожію; но что теперь онъ прибѣгаетъ къ ихъ свѣтлостямъ, которымъ королева, бывшая природною государыней его несчастнаго сына, поручила разсмотрѣть дѣло объ ужасномъ умерщвленіи его.

Елизавета достигла своей цѣли. Надъ Марією Стюартъ тяготѣло теперь самое грозное обвиненіе. Коммиссары шотландской королевы были довольно сильно встревожены этимъ. Цѣлые два дня они совѣщались, что имъ дѣлать. До окончательнаго оставленія конференціи, согласно послѣднимъ инструкціямъ своей государыни, они отвергли

обвиненія, которымъ она подверглась, вопреки всѣмъ законамъ божескимъ и человѣческимъ. Они жаловались на допущеніе въ Англіи такого непопозволительнаго и внезапнаго суда. «Милорды, писали они къ англійскимъ комиссарамъ, мы глубоко огорчены, видя, что наши соотечественники, стараясь оправдать свое крайне несправедливое, неблагодарное и постыдное поведеніе относительно своей законной государыни, нашей повелительницы, которая осыпала ихъ благодѣяніями, сдѣлала ихъ графами и лордами, и не оскорбила ихъ ни дѣломъ, ни словомъ, преслѣдуютъ ее теперь самую гнусною клеветою. Они желаютъ прикрыть этимъ явную измѣну, которой сами были первыми изобрѣтателями, подписавъ собственноручно ненавистное обязательство (bond), сдѣлавъ заговоръ противъ жизни молодаго и невиннаго Генриха Стюарта, покойнаго мужа нашей государыни и присоединившись къ ихъ злому сообщнику Джемсу, графу Ботвелю, чему дѣлалъ тысячи эдинбургскихъ жителей были свидѣтелями».

Возставая противъ всего что надѣлали въ Шотландіи эти *клеветники и мятежники*, довѣренные Маріи утверждали, что въ самовольствѣ этихъ узурпаторовъ не участвовала и восьмая доля населенія королевства, и излагали послѣдствія, которыя можетъ имѣть для всѣхъ другихъ государей безнаказанность такого успѣшнаго бунта и беззаконнаго обвиненія. «Какъ можно допустить, милорды, — говорили они, чтобы мятежники подняли руку на свою королеву?... Для вашей мудрости понятно насколько ихъ дѣйствія превышаютъ права, которыя даровало подданнымъ священное писаніе, и противны законнымъ обязанностямъ этихъ послѣднихъ относительно своего государя». Возстаніе, которое сдѣлала партія Мюррея въ Шотландіи, они приписывали отнюдь не желанію наказать убійцъ короля, а единственно честолюбивому намѣренію управлять государствомъ. Они повторяли, что ихъ повелительница, — которой предки были независимыми монархами, — и которая сама тоже государыня независимая, не можетъ быть судима кѣмъ бы то ни было, какъ это признала и сама англійская королева, у которой они просятъ теперь немедленной аудіенціи».

Введенные къ Елизаветѣ, они въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ порицали все производство этого дѣла. Они ей напомнили обѣщаніе ея — не допускать никакого посягательства на честь и власть ихъ государыни; жаловались что жестокое обвиненіе противъ Маріи Стюартъ было поощряемо; болѣе чѣмъ когда либо настаивали теперь на томъ, чтобы она лично была допущена къ отвѣту на него, въ присутствіи англійской королевы, и наконецъ требовали, чтобы до дальнѣйшихъ распоряженій обвинители были арестованы.

Такое энергическое требованіе могло затруднить Елизавету. Но она ловко вывернулась изъ этого затрудненія. Постоянно утверждая, что она не вѣритъ виновности королевы шотландской въ убійствѣ своего мужа, она говорила, что регентъ и его товарищи приписывали ей это преступленіе только для того, чтобы защитить самихъ себя, и что она должна потребовать отъ нихъ, поэтому, свидѣтелей для подтвержденія подобнаго обвиненія. Она увѣрляла, что потомъ

охотно выслушаетъ оправданія ихъ государыни. Пристрастность такого образа дѣйствій, превращавшая обвиняемыхъ въ обвинителей, привела въ негодованіе комиссаровъ Маріи. Они отвергли предложеніе выслушать еще разъ Мюррэя и объявили, что они не одобряютъ ничего, могущаго произойти, и не намѣрены вредить правамъ своей государыни.

Подъ личною негодованія комиссары Маріи Стюартъ скрывали сильное безпокойство. Горько порицая регента, они въ тоже время предложили ему новыя условія примиренія. Чтобы помѣшать предъявленію опасныхъ документовъ, котораго ожидала коварная вражда Елизаветы, они просили его вступить въ соглашенія съ королевою, своею сестрою, которая снова возвратитъ ему все свое благоволеніе, и дастъ ему и всѣмъ его приверженцамъ всѣ гарантіи, какихъ они пожелаютъ. Но это было бы только примиреніемъ, между тѣмъ какъ Мюррэй и лорды его партіи требовали отреченія. Съ другой стороны Елизавета утверждала, что королева, на которую падали такіа тяжолыя обвиненія, должна была защищаться, а не мряться. Съ макиавелевской хитростью она говорила, что обвиняемые, рѣшившись на такіе ужасныя извѣты для оправданія собственныхъ своихъ дѣйствій, должны доказать свои обвиненія, и что въ противномъ случаѣ ихъ нужно было бы считать виновными не только въ бунтѣ, но и въ клеветѣ.

Опасность становилась очевидной для Маріи. Подъ предлогомъ заботы о собственной защитѣ, Мюррэй долженъ былъ въ ближайшемъ засѣданіи представить доказательства своихъ обвиненій. Что же предприняли комиссары королевы шотландской? Не имѣя возможности предохранить свою государыню съ помощью дружественнаго примиренія, они прибѣгли къ легальному средству. 6-го декабря они потребовали, чтобы ихъ первыхъ допустили въ собраніе, которое въ этотъ день должно было выслушать регента. Тогда, жалусъ на то, что всѣ обѣщанія дружбы и всѣ требованія правосудія нарушены, что королева англійская позволяетъ возмущившимся поданнымъ поддерживать ихъ оскорбительныя обвиненія противъ своей государыни и не допускаетъ послѣдней къ личнымъ оправданіямъ, — они объявили, что конференція распускается. Они представили письменный протестъ, въ которомъ отвергли все, что вполнѣ могло бы послужить въ ущербъ чести и королевскому достоинству Маріи Стюартъ. Сесиль отказался принять этотъ протестъ подъ предлогомъ, что онъ худо истолковываетъ намѣренія королевы Елизаветы. Подписавшіе его комиссары удалились однакоже, объявивъ, что всякіе переговоры съ этихъ поръ прекращены.

Не смотря на ихъ удаленіе, англійскіе комиссары вызвали къ себѣ Мюррэя и его приверженцевъ. Какъ вѣрные исполнители хитрыхъ намѣреній Елизаветы, они говорили Мюррэю, «что ея величество, королева англійская, была не мало удивлена, когда они стали обвинять свою природную государыню въ такихъ ужасныхъ преступленіяхъ, которыя, если будутъ доказаны, то обезславятъ ее предъ всѣми государями.» Они замѣтили Мюррэю и его приверженцамъ, что «если

они забыли свои вѣрнопопдавическія обязанности въ отношеніи къ королеви шотландской, то не должны забывать, что она была другомъ и сестрою королевы англійской.» Это участіе, обнаруживаемое въ словахъ, скрывало самое разсчитанное коварство въ поступкахъ,—англійскіе комиссары потребовали отъ регента, чтобы онъ объявилъ все, что имѣетъ сказать въ свою защиту.

Черезъ этотъ изворотъ Мюррей былъ принужденъ представить документы для подтвержденія своихъ обвиненій. Онъ представилъ поочередно: *статейную книгу*, составленную для справокъ шотландскаго совѣта и заключающую допросы Дальглиша, Паури, Гепбёрна и Гэя Талло, которые доказывали, что Ботвелъ былъ главнымъ виновникомъ умерщвленія Даррлея; письма и стихи, найденные въ серебряной шкатулкѣ, написанные рукою Маріи Стюартъ и подтверждавшіе ея соучастіе въ убійствѣ и согласіе на похищеніе, слѣдствіемъ котораго былъ бракъ ея съ Ботвелемъ; показанія Нельсона и Крофорда, подтверждавшихъ подлинность писемъ, на основаніи сходства нѣкоторыхъ подробностей, заключающихся въ тѣхъ и въ другихъ письмахъ королевы; послѣднія слова, произнесенныя на эшафотѣ Геомъ Талло и Гепбёрномъ, и присоединившія изустное объясненіе одного изъ самыхъ рѣшительныхъ помощниковъ Ботвеля къ письменнымъ признаніямъ Маріи. Всѣ эти документы,—отчасти въ оригиналахъ, отчасти засвидѣтельствованные законнымъ порядкомъ,—были представлены на разсмотрѣніе англійскихъ комиссаровъ, къ которымъ Елизавета, съ довольно понятною цѣлью, присоединила графовъ Нортэмбленда и Уэстморленда, которые оба были католики, а также графовъ Шрусберри, Уорстера, Гэнтингдона и Уорвика.

Эти, пользовавшіяся въ Англии особеннымъ уваженіемъ; лица, во мнѣніи которыхъ Елизавета хотѣла погубить репутацію своей соперницы, собрались, 14 декабря, въ Гемптонъ-Кортъ, чтобы торжественно разсмотрѣть представленные имъ документы. Письма, такъ сильно замѣшивавшія Марію Стюартъ въ убійство Даррлея, были сличены съ ея прежними собственноручными письмами къ Елизаветѣ. По внимательномъ разсмотрѣніи почерка и правописанія тѣхъ и другихъ, тайный совѣтъ объявилъ, что между ними онъ не нашолъ никакой разницы.

Это удостовѣреніе, хотя неправильное по формѣ, было тягостно въ сущности. Епископъ Росскій и лордъ Вайдъ хотѣли отклонить его, возобновивъ свои протестаціи противъ хода конференціи и распустивъ ее во второй разъ. Они съ твердою настойчивостью требовали, чтобы королева англійская выслушала по этому поводу личныя объясненія королевы шотландской. Но тайный совѣтъ, одобрявъ всѣ дѣйствія Елизаветы, постановилъ: «что такъ какъ преступленія, по причинѣ которыхъ королева Шотландіи не была принята до сихъ поръ королевою англійскою, въ настоящее время сдѣлались очевидны, то ея величество не можетъ, не запятнавъ явно собственной чести, допустить обвиненную въ свое присутствіе, до тѣхъ поръ пока та не оправдается.»

Опираясь на это постановленіе своего тайнаго совѣта и допущен-

ныхъ въ него перовъ, Елизавета, болѣе чѣмъ когда нибудь, отзывалась Маріи Стюартъ въ свиданіи, котораго комиссары послѣдней добивались уже безъ всякой надежды. Она сообщила имъ въ то же время, что документы, представленные Мюррэмъ, будутъ сообщены ихъ государынѣ, если она согласится дать на нихъ прямой отвѣтъ: или черезъ своихъ комиссаровъ въ Вестминстеръ, или черезъ довѣренную особу, надлежащимъ образомъ уполномоченную, ими же лично тому, кто будетъ посланъ въ Болтонъ, чтобы выслушать ея оправданія. Имъ было сказано также, что если королева Марія отвергнетъ эти три средства къ защитѣ, подъ предлогомъ, что она не находитъ никакого доступа къ королевѣ Елизаветѣ, то она этимъ самымъ тяжело обвинитъ себя въ глазахъ свѣта, который никогда не сочтетъ несогласія на свиданіе причиною достаточною для того, чтобы молча переносить подобныя обвинения. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, Елизавета послала къ самой Маріи письмо, въ которомъ, обвиняя ея комиссаровъ въ томъ, что они прервали конференцію, не желая отвѣчать, лицемерно писала ей: «Мы давно уже были огорчены вашими несчастіями и бѣдствіями, но наше огорченіе удвоилось, когда мы увидѣли, что ваши обвинители представляютъ доказательства того, что вы сами были причиною этихъ несчастій. Наша обязанность въ этомъ отношеніи становится тѣмъ болѣе важною, что мы никакъ не предполагаемъ узнать и услышать о фактахъ, которые такъ очевидно и тяжело обвиняютъ васъ и подають поводы къ вашему осужденію. Тѣмъ не менѣе дружба, родство и справедливость заставляютъ насъ скрыть эти дѣла, отложить нашъ приговоръ и не принимать ничего вреднаго для васъ, не разсмотрѣвъ того, что вы имѣете сказать въ свою защиту.» Она принудила Марію дать этотъ отвѣтъ, сдѣлавшійся необходимымъ, указывая на одно изъ трехъ средствъ, о которыхъ было сообщено ея комиссарамъ.

Марія отвергла это коварное предложеніе. Она не приняла роли обвиненной. Ловкая и смѣлая, приходившая иногда въ смущеніе, но никогда не унывавшая, она пустила теперь въ ходъ всѣ средства своего ума, всю энергію своего характера. Употребивъ уже въ дѣло все, чтобы помѣшать предъявленію документовъ, обвинившихъ ее, прибѣгнувъ и къ хитрымъ интригамъ Летингтона, и къ благоразумнымъ совѣтамъ Норфолька, рѣшившись однажды уступить и постоянно предлагая примиреніе, она, въ минуту самаго тяжелаго оскорбленія, возсталъ съ гордостью истинной королевы и являлась столько же смѣлою, сколько прежде казалась уступчивою. Она напала на Мюррэя, вмѣсто того, чтобы защищаться противъ него.

Она писала къ своимъ комиссарамъ: «Графъ Мюррэй и его единомышленники, наши возмущившіеся подданные, желая уменьшить важность преступленій и обидъ, которыя они намесли намъ, своей государынѣ и повелительницѣ, представляютъ въ видѣ оправданія, что «какъ графъ Вотвель былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ убійствѣ Генриха Стюарта, нашего мужа, то мы знали, совѣтовали, умышляли и повелѣли совершить сказанное убійство.» Они ложно, замѣтнически и злобно обманываютъ, приписывая намъ преступле-

ше, котораго сами были виновниками, изобрѣтателями, а нѣкоторые изъ нихъ даже исполнителями.» Отвергая упрекъ въ томъ, что она не допустила судебного преслѣдованія противъ убійць Дарнлея, она съ краснорѣчивою ловкостью обратила въ свою защиту обвиненіе лордовъ, утверждавшихъ, будто она желала подвергнуть опасности жизнь своего сына: «Этой клеветы, говорила она съ увлеченіемъ, достаточно для того, чтобы судить обо всемъ остальномъ. Врожденная любовь матери къ сыну одна можетъ пристыдить ихъ... Въ злобѣ и нечестіи своего сердца они судятъ о другихъ по собственнымъ своимъ чувствамъ.»

Она утверждала, что рѣшившись овладѣть ея властью и желая подѣлать благовиднымъ предлогомъ привлечь на свою сторону народъ, они показали видъ будто бы желаютъ освободить ее изъ рукъ Вотвеля, который похитилъ ее съ ея же согласія; отмстить за смерть ея мужа, убитаго ими; охранять безопасность ея сына, находившагося подѣлать надзоромъ одного изъ нихъ, графа Мара. Она прибавляла, что ихъ дѣйствія вовсе не соотвѣтствуютъ ихъ словамъ, и очень ясно доказываютъ, что единственною ихъ цѣлью было овладѣть ея особою и захотѣть ея власть. Она припоминала все, что было сдѣлано ими, для достиженія этой цѣли, со времени убійства Риччіо, и въ одно и тоже время возставала противъ вынужденнаго у нея отреченія и противъ обвиненій, которыя осмѣливались взводить на нее.

Марія Стюартъ оправдывалась обвиненіями. Лорды, напавшіе на нее, подвергнувшіе ее заключенію, лишившіе ее престола, принудившіе къ бѣгству и преслѣдовавшіе ее даже въ изгнаніи заслуживали большей части этихъ кровавыхъ упрековъ. Члены этой шотландской аристократіи буйной, возмутительной, не имѣвшей ни вѣрности, ни чести, ни совѣсти, переходившей отъ одного заговора къ другому, возстававшей то за королеву, то противъ нея, сегодня находившейся въ союзѣ съ Мюррремъ, завтра съ Ленноксомъ, потомъ съ Вотвелемъ; убивающей Риччіо, оставляющей Дарнлея, изгоняющей Вотвеля, котораго она прежде поддерживала и позволяющей ему бѣжать, послѣ того какъ она вооружилась съ цѣлью захватить его, — члены этой аристократіи утверждали, будто бы они хотятъ отмстить за преступленіе, которое многіе изъ нихъ или присовѣтывали, или знали или же допустили Мюрррей—былъ честолюбецъ, принесшій въ жертву своему возвышенію и власти, и свободу, и честь своей сестры. Онъ согласился на убійство Риччіо и хотя не былъ соучастникомъ въ умерщвленіи Дарнлея, однакоже нельзя достовѣрно утверждать, что онъ вовсе не зналъ о немъ. Мортонъ руководилъ первымъ изъ этихъ убійствъ и входилъ въ сношенія съ Вотвелемъ по поводу втораго. Летингтонъ участвовалъ въ обоихъ. Ни одна изъ сторонъ не была невинна. Католическая ревность Маріи и пресвитеріанская строгость Мюрррея, Мортонна и Летингтона не отвратили ихъ отъ самыхъ преступныхъ увлеченій и отъ самыхъ гнусныхъ расчетовъ. Въ этотъ вѣкъ насилій, вѣрованія были не такъ тверды какъ нравы, и религія, имѣвшая большую власть надъ умомъ, оказывала слишкомъ слабое вліяніе на поступки. И такъ страсти време-

ни и страны встрѣтились и въ королевѣ и въ подданныхъ съ беззастѣнчивостью, которая сопровождала ихъ, съ обманами, которыми они прикрывались, съ преступною смѣлостью, которая удовлетворяла ихъ; и для всѣхъ за ними слѣдовали тяжелыя наказанія. Ни для кого не было изъятія, никто не остался безнаказаннымъ.

Коммиссары Маріи Стюартъ, повинувшись полученнымъ отъ нея повелѣніямъ, обвинили регента и его товарищей въ убійствѣ, въ которомъ послѣдніе явились доносчиками. Они потребовали копію съ писемъ, обвинявшихъ ихъ государыню. Епископъ Росскій старался опровергнуть ихъ подлинность. Въ длинномъ докладѣ онъ утверждалъ, что ихъ нельзя принимать за очевидныя доказательства, потому что сравненіе почерковъ было невѣрно и что подобные документы недостаточны для того, чтобы составлять законное доказательство. Онъ не слишкомъ поддерживалъ позднее обвиненіе, направленное противъ Мюррэя и его приверженцевъ, для противодѣйствія тому, которое они взводили на королеву. При этомъ неожиданномъ обвиненіи всмыслчивый Линдсэй послалъ вызовъ къ Герризу, а Мюррэй, 11-го января, предъ англійскимъ совѣтомъ вызвалъ коммиссаровъ своей сестры къ предъявленію какихъ бы то ни было доказательствъ. Ограничась прочтеніемъ бездоказательнаго обвиненія, которое было прислано къ нимъ изъ Больтона, коммиссары Маріи объявили, что они сами не знаютъ ничего и сдѣлали только одинъ намекъ на то, что говорили о Мортонѣ и Летингтонѣ, уже осужденные соучастники Ботвела. Въ заключеніе они увѣрили, что, являясь защищать честь своей государыни, они слѣдуютъ единственно ей волѣ, дѣлаясь отъ ея имени во ея указанія обвинителямъ другихъ.

Это обвиненіе такъ очевидно было только вспомогательнымъ, что подвинуть его дальше было невозможно, тѣмъ болѣе, что трудно было доказать его въ отношеніи къ главному противнику Маріи, который вызвался отправиться въ Болтонъ, чтобы въ присутствіи самой сестры опровергнуть его. Тогда еще разъ подумали объ отреченіи Маріи. Елизавета возобновила ей предложеніе объ этомъ чрезъ вице-камергера Ноллиса, представляя такое отреченіе средствомъ все устроить и покончить. Летингтонъ недавно также выражалъ эту мысль и самые коммиссары королевы потландской согласились съ его мнѣніемъ. Но зло было сдѣлано, безчестіе нанесено. Отказавшись отъ своей короны, Марія Стюартъ сама подтвердила бы свою виновность. И такъ она не колебалась ни минуты. Хотя, до конференціи въ Йоркѣ, она готова была однажды принести свою власть въ жертву своей чести, но она не могла уже рѣшиться на это послѣ конференціи въ Вестминстерѣ, послѣдствій которой нельзя было ничѣмъ исправить. Она сказала коммиссарамъ, что уступивъ своимъ противникамъ во всемъ, чего они требуютъ отъ нея, она сдѣлается какъ бы сама своимъ судьей и сама произнесетъ свой приговоръ; что она подтвердитъ достовѣрность слуховъ, которые распушены о ней, и будетъ возбуждать отвращеніе во всѣхъ жителяхъ этого острова. Показавъ имъ различныя опасныя послѣдствія подобнаго поступка съ ея стороны, она прибавляла, что вовсе не желаетъ погубить такимъ об-

разомъ свое доброе имя, разорвать свои связи и даже подвергнуть опасности свою жизнь. «Прошу васъ не говорить мнѣ больше объ отреченіи, писала она къ нимъ, потому что я разсудила и рѣшилась лучше умереть, чѣмъ согласиться на это; и послѣднее слово, которое я произнесу въ жизни, будетъ словомъ королевы шотландской.»

Когда послѣдовалъ такой безусловный отказъ въ отреченіи и была распущена конференція—все кончилось. Эти долгіе и печальные споры не могли продолжаться. Елизавета не имѣла ни средствъ къ изложенію Маріи, ни правъ на ея осужденіе. Но ей удалось обезславить ее, а это послужило предлогомъ къ тому, чтобы не давать ей свободы. Регентъ, принужденный возвратиться въ Шотландію, гдѣ его присутствіе было необходимо, вслѣдствіе происходившихъ тамъ волненій, просилъ дозволенія на свой отъѣздъ и получилъ его. 10 января онъ явился предъ тайнымъ совѣтомъ Англіи, который вполне одобрилъ его поведеніе и позволилъ ему ѣхать, объявивъ: «что противъ него и его товарищей не было представлено никакихъ доказательствъ, которыя бы могли касаться его чести, или унижать его.» Въ видѣ оговорки, довольно впрочемъ странной, по желанію комиссаровъ Маріи Стюартъ было прибавлено: «что Мюррэй и его товарищи не доставили достаточныхъ доказательствъ въ обвиненіяхъ противъ королевы, своей повелительницы, такъ что королева англійская ни въ какомъ отношеніи не должна имѣть или получить дурное мнѣніе о своей доброй сестрѣ.»

Не смотря однакожъ на эту послѣднюю часть объявленія, совершенно противорѣчившую дальнѣйшимъ поступкамъ Елизаветы, послѣдняя продолжала обременять свою несчастную плѣнницу обвиненіемъ въ убійствѣ. Марія Стюартъ неоднократно требовала копию съ писемъ, представленныхъ противъ нея. Елизавета отказывала ей въ этомъ, потому что та не хотѣла оправдываться. Марія соглашалась на послѣднее условіе, но требовала, чтобы оправданіе происходило въ присутствіи Елизаветы и посланниковъ иностранныхъ государей. Не предвидѣлось конца этому спору. Елизавета ставила сообщеніе документовъ въ зависимость отъ обязательства, котораго Марія Стюартъ не хотѣла принимать, а Марія Стюартъ предлагала выслушать свои оправданія не иначе, какъ на условіяхъ, на которыя Елизавета ни въ какомъ случаѣ не хотѣла согласиться. Такъ тянулось дѣло въ теченіе всего января и никто не смѣлъ намѣренія уступить. Коммиссары королевы шотландской снова потребовали, чтобы ей дозволено было свободно оставить Англію, какъ это было разрѣшено Мюррэю. Но ихъ требованіе не увѣнчалось успѣхомъ. Тогда они прекратили эти продолжительные переговоры, снова протестуя противъ всего, что могло быть сдѣлано во вредъ ихъ государынѣ, пока она будетъ задержана въ плѣну. Послѣ того они возвратились къ Маріи Стюартъ, которая была взята изъ подъ стражи зятя Норфолькова, лорда Скрупа, и 26 января отправлена изъ Больтона въ Тэтберри, въ графствѣ Стаффордъ, куда она прибыла 3 февраля и гдѣ была помѣщена подъ надзоромъ графа Шрусберри. Черезъ четыре дня послѣ ея прибытія въ этотъ замокъ, еще болѣе отдален-

ный отъ шотландской границы, епископъ Росскій, лордъ Герризь и другіе ея комиссары явились, чтобы представить ей отчетъ о томъ, что было или совершено на конференціяхъ въ Йоркѣ и Вестминстерѣ, и получить утвержденіе своихъ дѣйствій. Такъ окончился этотъ злополучный процессъ, котораго Марія Стюартъ не должна была принимать ни подъ какимъ видомъ, и рѣшеніе котораго хотя не нанесло ей безчестія, но, допустивъ дурную о ней славу, подало поводъ заключить ее въ тюрьму.

Довершивъ такимъ образомъ несчастія своей сестры, Мюррэй поставилъ самаго себя въ весьма опасное положеніе. Герцогъ Норфолькъ былъ раздраженъ противъ него. Онъ не могъ простить ему того, что въ Вестминстерѣ регентъ измѣнилъ обязательствамъ, принятымъ въ Йоркѣ и затруднилъ исполненіе проэкта, задуманнаго герцогомъ, — жениться на королевѣ шотландской; графы Нортэмберлендъ и Уэстморлендъ также пылали негодованіемъ и хотѣли наказать Мюррэя за то, что онъ обвинилъ католическую наслѣдницу англійскаго престола въ нарушеніи супружеской вѣрности и въ убійствѣ.

Будучи преданными приверженцами Марія Стюартъ, они предлагали сдѣлать нападеніе на регента Шотландіи, когда онъ, возвращаясь въ свою страну, будетъ проѣзжать по сѣвернымъ округамъ. Мюррэй зналъ объ этомъ и, простившись съ королевой Елизаветой, оставался еще нѣсколько недѣль въ Лондонѣ, не рѣшаясь выгнать въ дорогу.

Чтобы избѣжать угрожавшей ему участи, онъ прибѣгнулъ къ хитрости. Трокмортонъ, вслѣдствіе вражды къ Сесилию, участія къ Маріи и дружбы къ регенту, желавшій примиренія партій въ Шотландіи и сліянія королевствъ на Британскомъ островѣ, устроилъ свиданіе между Мюррэемъ и герцогомъ Норфолькомъ. При этомъ свиданіи Мюррэй обнаружилъ величайшее сожалѣніе о случившемся и приписалъ преслѣдованія, направленные имъ противъ своей сестры, необходимости, въ какую онъ былъ поставленъ Елизаветою. Онъ увѣрилъ, кромѣ того, что вмѣшался въ это тягостное дѣло для того только, чтобы предохранить своего юнаго государя и выразилъ надежду, что Господь тронетъ сердце королевы шотландской и она раскается въ своемъ прежнемъ поведеніи и откажется отъ безнравственнаго и незаконнаго брака, заключеннаго ею. Онъ ловко прибавилъ къ этому что если его сестра соединится послѣ того съ лицомъ почетнымъ и благочестивымъ, преданнымъ истинной религіи, и если такимъ лицомъ будетъ самъ герцогъ, то онъ съ своей стороны останется очень довольнымъ и представитъ сестрѣ своей, которая всегда была для него дорога, такія же сильныя доказательства своей привязанности, какія онъ могъ дать ей въ другія минуты своей жизни. Этотъ поступокъ, болѣе ловкій, чѣмъ чистосердечный, успокоилъ герцога Норфолька. Съ довѣрчивостью, съ какою вообще смотрятъ на то, чего желаютъ, герцогъ принялъ объясненія регента и положился на его слова. Онъ смотрѣлъ на него, какъ на человѣка, имѣвшаго больше всѣхъ возможность облегчить его бракъ съ Маріею Стюартъ. Графъ Мюррэй, сказалъ онъ ему, жена Норфолька находится теперь въ ва-

шихъ рукахъ.» Приказаніе напасть на него было отмѣнено и регентъ безъ страха и безъ опасности возвратился въ Шотландію, куда онъ прибылъ въ концѣ января 1569 года.

Что касается Маріи Стюартъ, то она осталась плѣнницей въ Англии. Елизавета не только не оказывала ей помощи противъ ея подданныхъ, какъ обѣщала это прежде, но даже не возвращала ей свободы, отнять которую не имѣла никакого права. Не уважая ни требованій правосудія, ни законовъ гостепріимства, ни преимуществъ, присвоенныхъ коронованнымъ особамъ, она не побоялась заключить въ тюрьму женщину, прибѣгнувшую въ ней съ мольбою, не побоялась подвергнуть суду королеву. Она не выразила участія ни къ довѣрчивости изгнанницы, ни къ просьбамъ родственницы, ни къ скорби женщины, ни къ чести государыни. Марія Стюартъ, въ свою очередь, не обязана была ничѣмъ въ отношеніи къ Елизаветѣ. Ее такъ коварно захватили въ плѣнъ, съ такою ненавистью обезславили и такъ беззаконно не возвращали ей свободы, что она имѣла полное право прибѣгать ко всякимъ средствамъ, чтобы вырваться на волю. И она не преминула сдѣлать это.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Марія Стюартъ въ своей тюрьмѣ не оставалась безъ дѣятельности. Не отказываясь отъ переговоровъ съ Мюррремъ и Елизаветою, она старалась расположить Францію въ свою пользу, вооружить Шотландію за свое дѣло, возмутить сѣверную Англию для своего освобожденія, воодушевить католиковъ къ религіозной борьбѣ, побудить испанцевъ къ нашествію на островъ,—однимъ словомъ, она одно за другимъ перебирала самыя различныя средства противъ подданныхъ которые низвергли ее съ трона и противъ королевы, которая довела ее до плѣна.

Она не прекращала тѣсныхъ сношеній съ своими приверженцами въ Шотландіи. Заботливо старалась она поддерживать ихъ надежды. Крѣпость Дэмбартонъ,—находившаяся въ западной части этого королевства и выстроенная на неприступной, окруженной моремъ скалѣ, постоянно была на сторонѣ Маріи Стюартъ. На сѣверѣ графы Арджилъ, Гэнтли, Крофордъ и лордъ Огильви, оставались вѣрными ей и управляли странюю отъ ея имени. На югѣ воинственные жители гравицъ, Скотты, Керы, Максвеллы, ожидали только случая служить ей. Гамильтоны, не смотря на свое пораженіе подъ Лангсайдомъ, располагали еще значительными силами. Марія Стюартъ, безпрерывно просившая у французскаго двора солдатъ, артиллеріи, оружія и снарядовъ, писала своимъ защитникамъ, чтобы они держались въ готовности къ борьбѣ. Желая новыми причинами усилить ихъ ненависть къ регенту и недоувѣріе къ Елизаветѣ, она объявила имъ, что возмущившіеся лорды должны передать во власть королевы англійской молодого принца, ея сына и три крѣпости Единбургъ, Стёрлингъ и Дэмбартонъ, который они намѣревались осадить и взять приступомъ; а Елизавета съ своей стороны должна была назначить

молодаго принца своимъ наследникомъ, и, въ случаѣ его смерти, признать Мюррэя королемъ Шотландіи. Основываясь на этомъ воображаемомъ договорѣ, слухи о которомъ Марія Стюартъ, вслѣдствіе жалобъ Елизаветы, принуждена была опровергнуть въ Англіи, послѣ подтвержденія ихъ въ Шотландіи, — лорды, оставшіеся вѣрными, обнародовали прокламацію, написанную въ сильныхъ выраженіяхъ и сдѣлали призывъ къ оружію. Герцогъ Шателро, въ сопровожденіи лорда Герриза, явился среди нихъ въ качествѣ наместника королевы, вмѣстѣ съ графами Гэнтли и Арджилемъ. Марія Стюартъ даровала ему кромѣ того титулъ его преемнаго отца. Они укрѣпили свои замки, созвали своихъ приверженцевъ и объявили регента бунтовщикомъ и похитителемъ власти.

Мюррэй по своему возвращеніи былъ не такъ силенъ, какъ до отъѣзда; но съ своею обычною рѣшимостью онъ не далъ противникамъ своимъ времени соединиться и приступить къ дѣйствіямъ. Его партія была многочисленна и отличалась равностію. Городскіе обыватели, пресвитеріанская церковь, самые рѣшительные и самые ловкіе члены аристократіи поддерживали его; на его же сторонѣ было общественное мнѣніе, которое всегда доставляетъ поревѣсъ въ гражданскихъ войнахъ тому, кто во-время и со смѣлостію умѣетъ имъ пользоваться. Когда собраніе дворянства, духовенства и городскихъ депутатовъ, происходившее въ Стёрлингѣ, одобрило всѣ его дѣйствія въ Англіи, онъ предписалъ немедленный сборъ своихъ войскъ и выступилъ противъ приверженцевъ королевы, прежде чѣмъ послѣдніе успѣли собрать свои силы. Устремившись на западъ, онъ захватилъ въ расплохъ герцога Шателро и лорда Герриза и принудилъ ихъ къ миру. На конференціи, происходившей между ними 13 марта 1569 года въ Глазго, эти два приверженца королевы заключили трактатъ предварительнаго перемирія между партіями, раздѣлявшими Шотландію. Они согласились признать молодого короля, съ условіемъ, чтобы были вознаграждены убытки, понесенные ими и ихъ приверженцами, за свою вѣрность къ его матери. Рѣшено было, что коммиссія дворянъ въ числѣ которыхъ должны находиться графы Арджиль и Гэнтли, соберется съ обѣихъ сторонъ 10 будущаго апрѣля въ Единбургѣ, чтобы установить общій и вѣчный миръ въ королевствѣ. Въ ожиданіи этого всѣ они отправились въ Стёрлингъ. Архіепископъ Сентъ-Андрейскій, графъ Кассилсъ и лордъ Геррисъ остались въ видѣ заложниковъ въ рукахъ рѣгента, который освободилъ плѣнниковъ, взятыхъ въ Лансайдѣ.

Мюррэй не думалъ распускать свои войска. Воспользовавшись перемиріемъ, заключеннымъ въ Глазго, онъ отправился на югъ и тамъ усмирилъ *пограничниковъ*. Выйдя изъ этой двойной экспедиціи еще болѣе сильнымъ, чѣмъ былъ прежде, онъ съ торжествомъ возвратился въ Единбургъ въ то время, когда тамъ должно было начаться собраніе для мирныхъ переговоровъ. Гэнтли и Арджиль отказались принять въ немъ участіе. Они отвергли предварительный Глазгогскій договоръ, который не безъ основанія показался Маріи Стюартъ бѣдственнымъ. Видя, что ей угрожаетъ паденіе ея партіи и общее при-

званіе ея сына, плѣнная королева выразила герцогу Шательро и лорду Герризу свое удивленіе и неудовольствіе. Письма ея дошли къ нимъ наканунѣ того дня, въ которой должно было открыться собраніе, и очень сильно ихъ тронули. Герцогъ проплакалъ цѣлую ночь, а лордъ Герризъ заболѣлъ. Оба они рѣшились отказаться отъ сдѣланнаго ими признанія власти короля. Поэтому, когда регентъ настаивалъ на томъ, чтобы они утвердили Іакова VI въ королевскомъ достоинствѣ, они поколебались и захотѣли, чтобы прежде всего были разсмотрѣны условія мирнаго договора. По ихъ требованіямъ главнѣйшимъ изъ этихъ условій было возстановленіе королевы. Регентъ, не отступавшій ни передъ чемъ, приказалъ схватить ихъ и посадить въ Единбургскій замокъ подъ надзоръ лэрда Кёркальди Гранджа. Этотъ насильственный поступокъ раздражилъ, но вѣсть съ тѣмъ и ослабилъ партію Маріи.

Регентъ не остановился на этомъ. Посадивъ подъ стражу престарѣлаго главу западной аристократіи и самаго предприимчиваго изъ южныхъ бароновъ, онъ выступилъ съ своими привычными къ воинскимъ трудамъ войсками противъ вооружившихся графовъ сѣвера. Послѣдніе, видя приближеніе опасности, не рѣшили вступить борьбу. Араджилъ первый помирился съ своимъ старпнымъ другомъ, регентомъ. Гэнтли и другіе сѣверные лорды, опасаясь пораженія, которое неминуемо повлекло бы за собою ихъ гибель, также покорились. 10 мая, въ Сентъ Андре, они признали Іакова VI королемъ, отдали регенту свою артиллерію и вручили ему заложниковъ въ своей будущей вѣрности. Мюррэй тѣмъ не менѣе пошелъ дальше въ сѣверные округи, гдѣ кланы оставались неизмѣнно вѣрными сестрѣ его. Онъ разорилъ ихъ земли, занялъ замки, забралъ у нихъ оружіе, наказалъ ихъ, и отнялъ охоту къ сохраненію прежней привязанности. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ сокрушилъ всѣ прѣпятствія и привелъ въ повиновеніе все государство, отъ Инвернеса до Дэмфриза, отъ Данбара до Глазго. Послѣ этого, 26 Іюля 1569 года, онъ созвалъ въ Пертѣ сословія страны.

Между тѣмъ какъ Марія Стюартъ теряла свои надежды на Шотландію, ея положеніе въ Англіи улучшалось. Въ этомъ послѣднемъ королевствѣ образовалась могущественная партія, желавшая выдать ее замужъ за герцога Норфолка. Послѣдній изъ честолюбія возвратился къ этому плану о бракѣ, отъ котораго отказался изъ страха послѣ конференціи въ Йоркѣ. Зная, что его поддерживает Летингтонъ и будучи увѣренъ въ согласіи Мюррэя, онъ, послѣ конференціи въ Вестминстерѣ и Гэмптонъ-Кортѣ, тайно привлекъ на свою сторону сильнѣйшихъ лицъ англійской аристократіи, и даже большую часть членовъ тайнаго совѣта. Этотъ бракъ, о которомъ хлопотали безъ вѣдома Елизаветы, встрѣтилъ сильное одобреніе и сочувствіе въ обществѣ. Наслѣдованіе престола, обезпечить которое эта государыня отказывалась до сихъ поръ, возбуждало всеобщія опасенія. Съ ужасомъ вспоминали тогда о династическихъ войнахъ домовъ Йоркскаго и Ланкастерскаго, которыя обогрели Англію кровію за полъ-столѣтія передъ тѣмъ. Хотѣли избѣжать подобной

же борьбы между различными претендентами, жаждавшими наследства послѣ королевы, жизнь которой, угрожаемая частыми болѣзнями не обѣщала быть продолжительной. Женить сильнѣйшаго вельможу Англии на самой близкой родственницѣ Елизаветы, на самой непосредственной наслѣдницѣ Генриха VII, соединить католичку Марію съ протестантомъ Норфолькомъ казалось самымъ удачнымъ и самымъ желаннымъ планомъ для этого.

Весьма многочисленные приверженцы старой религіи видѣли въ этомъ бракѣ надежду на восстановление своего могущества или, по крайней мѣрѣ, на терпимость ихъ исповѣданія подѣ властью Маріи; послѣдователи реформы находили новое ручательство поддержки въ предполагаемой ими религіозной ревности Норфолька. Графъ Арэндель, первое лицо въ королевствѣ по своему значенію, послѣ герцога Норфолька, бывший, подобно ему членомъ тайнаго совѣта; графъ Пемброкъ, великій дворецкій королевы и сильнѣйшій вельможа въ Валлисѣ; графы; Уэстморлендъ и Нортэмберлендъ, лордъ Лэмлей, зять графа Арэнделя, католики болѣе или менѣе явные, подписали этотъ проектъ. Графы Кэмберлендъ, Вэдфордъ, Сэссексъ и Дерби, съ которыми Норфолькъ совѣтовался, были не прочь отъ него. Самъ Лейстеръ принялъ въ немъ участіе, потому ли, что онъ хотѣлъ пріобрѣсти себѣ опору на случай смерти Елизаветы, благосклонность которой возбуждала къ нему сильную зависть и вражду, или можетъ быть потому, что онъ хотѣлъ знать обо всемъ, чтобы при случаѣ лучше услужить своей государынѣ. Герцогъ Норфолькъ, достигнувшій согласія высшей аристократіи, разсчитывалъ въ тоже время на поддержку провинціального дворянства, въ графствахъ. Онъ совѣтовался также съ посланниками французскимъ и испанскимъ, съ которыми находился въ тѣсныхъ и тайственныхъ сношеніяхъ и которые дали ему на этотъ счетъ согласіе своихъ кабинетовъ. Главнѣйшіе руководители этого союза были убѣждены, что впослѣдствіи привлекутъ къ нему и Елизавету или же принудятъ ее согласиться на ихъ требованія.

Нужно было прежде всего отнять у нея бдительнаго министра, управлявшаго ея политикой. Сесиль сдѣлала Елизавету всеобщей покровительницей протестантства, убѣдивъ ее назначить опредѣленный пенсіонъ лютеранскимъ государямъ Германіи, поддерживать лордовъ конгрегаціи въ Шотландіи, воодушевлять вооружившихся гугенотовъ во Франціи и тайно помогать религіознымъ бунтовщикамъ въ Нидерландахъ. Онъ уже увлекъ ее къ чрезвычайно важному поступку относительно Филиппа II. Генуэзскіе купцы, отвозившіе на бискайскихъ и галисійскихъ корабляхъ къ герцогу Альбѣ деньги на жалованье его войскамъ, искали въ англійскихъ портахъ защиты отъ гнавшихся за ними пиратовъ. Елизавета приказала схватить ихъ подѣ тѣмъ предлогомъ, что они прибыли въ ея государство безъ дозволенія и паспортовъ. Она овладѣла порученными имъ суммами, возвращенія которыхъ герцогъ Альба напрасно требовалъ нѣсколько разъ. Этотъ гордый испанецъ, въ видѣ репрессаліи, задержалъ англійскихъ купцовъ съ товарами, употребивъ мѣру, которую Филиппъ II рас-

пространить на подданныхъ Елизаветы во всёхъ своихъ владѣнiяхъ. Елизавета, съ своей стороны, подвергла такимъ же притѣсненiямъ подданныхъ Филиппа II, торговавшихъ въ Англiи, и вскорѣ за арестованiемъ посланниковъ двухъ державъ, доктора Джона Мэнна въ Мадридѣ и донъ Гверальдо Эспеса, заступившаго мѣсто Гусмана де Сильвы, въ Лондонѣ — послѣдовало насильственное прекращенiе торговли между обѣими странами. Уже находясь въ тайной борьбѣ съ Францiею, торговля сношенiя съ которою были также прекращены, вслѣдствiе помощи, оказанной возставшимъ гугенотамъ, Елизавета съ минуты на минуту должна была ожидать войны съ Испанiей. Сесиль побуждалъ ее къ этому. Онъ приводилъ въ оборонительное положенiе англiйскiе порты, приготавливалъ оружiе и военные запасы, снаряжалъ корабли, собиралъ войска и, повидимому, презиралъ двухъ самыхъ страшныхъ католическихъ государей материка.

Такая политика становилась опасною. Представители высшей аристократiи нисколько не скрывали этого отъ королевы, и въ ея присутствiи часто нападали на предприимчиваго министра, по совѣтамъ котораго дѣлалось все. На Елизавету находили минуты сомнѣнiй и страха. Въ это время она не слишкомъ была увѣрена въ безопасности своего положенiя. Жители приморскихъ и вообще большихъ городовъ много теряли вслѣдствiе прекращенiя торговли и обнаруживали крайнее неудовольствiе противъ королевы. Подавленные католики готовы были возстать во имя внуки Генриха VII, католички, которую она задерживала среди нихъ, какъ плѣнницу. Папа Пiй V поднималъ въ Римѣ противъ нея процессъ, съ цѣлю лишить ее престола, какъ упорную еретичку. Марiя Стюартъ писала Филиппу II, что королева англiйская намѣрена отравить его. Католическiе вельможи и большинство членовъ тайнаго совѣта, скрытно видаясь съ испанскимъ посланникомъ, совѣтовали даже сдѣлать высадку, за успѣхъ которой они ручались. Обстоятельства тѣмъ болѣе благопрiятствовали этой высадкѣ, что герцогъ Альба только что подавилъ возстанiе Нидерландовъ, и большая часть его войскъ была совершенно свободна. Наконецъ католическая партiя, угрожавшая волненiями въ Англiи и торжествовавшая во Фландрiи, побѣдила и во Францiи; герцогъ Лижуйскiй и маршалъ Таваннъ выиграли Жарнакскую битву у адмирала Колigny и принца Конде, который погибъ въ ней.

Таково было положенiе дѣлъ, когда герцогъ Норфолькъ, графъ Арцдель и многiе другiе тайные совѣтники Елизаветы возстали противъ мѣръ, вызванныхъ Сесилемъ. Они поколебали на минуту довѣренность къ нему королевы. Елизавета, казалось, оставила политику своего министра. Самъ Сесиль, котораго его противники хотѣли уничтожить, склонился передъ ними, чтобы избѣгнуть паденiя. Онъ прилькъ къ себѣ благосклонность герцога Норфолька, выразивъ готовность быть его преданнымъ помощникомъ.

Герцогъ получилъ окончательный перевѣсъ. Покинутая своими совѣтниками, Елизавета, видя, что какъ вѣрность Лейстера, такъ и благонадѣжность Сесиль слабеютъ въ отношенiи къ ней, принялась за переговоры со всѣми. При посредничествѣ Роберта Ридольфи, гла-

вы компания флорентинскихъ купцовъ въ Лондонѣ и тайно отъ ея папы, она начала договариваться съ испанскимъ посланникомъ, желая мирнымъ путемъ покончить несогласія, происшедшія между нею и Филиппомъ II. Она уступила также настоятельному ходатайству французскаго посланника ла-Мота Фенелона, въ пользу Маріи Стюартъ.

Между тѣмъ эта государыня, съ нетерпѣніемъ ожидавшая своего освобожденія, приходила въ отчаяніе, видя бѣдствія своей партіи въ Шотландіи. Она писала къ Елизаветѣ, энергически жалуясь на Мюррея, который, несмотря на обещанія, данныя имъ Елизаветѣ, вооруженною рукою тѣснилъ всѣхъ шотландцевъ, оставшихся вѣрными. Она требовала, чтобы королева англійская, не обманывая ее болѣе, объявила формально: желаетъ она возстановить ея власть въ Шотландіи или нѣтъ. Она прибавляла рѣшительнымъ и нѣсколько угрожающимъ тономъ: «Всякій другой отвѣтъ я сочту отказомъ, вслѣдствіе котораго, къ величайшему моему сожалѣнію, я должна буду принять чью нибудь другую помощь, какую угодно будетъ Богу послать мнѣ.»

Именно этого Елизавета опасалась и вслѣдствіемъ старалась избѣгнуть, находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи. На этомъ основаніи, въ маѣ 1569 года, она признала епископа Росскаго посланникомъ Маріи Стюартъ, и открыла переговоры съ нею на условіяхъ, предложенныхъ уполномоченнымъ своей плѣнницы. Епископъ Росскій предложилъ королевѣ и совѣту Англіи слѣдующіе пункты: 1) Королева шотландская не будетъ беззаконять ни королеву англійскую, ни законныхъ наследниковъ, произшедшихъ отъ нея, своими приказаниями на корону Англіи и Ирландіи; но въ случаѣ, если таковыхъ не будетъ, королева Шотландіи и ея законные наследники сохранятъ полное право на эту корону. По этому Единбургскій трактатъ, заключенный въ іюль 1569 будетъ ратификованъ. 2) Между обоими королевствами, съ согласія ея словій той и другой стороны, будетъ заключенъ мирный и дружественный договоръ, отъ котораго пожелитъ быть прочное основаніе будущему соединенію ихъ. 3) Два предшествующіе пункта, скрѣпленные печатами обѣихъ государынь и утвержденные ихъ клитвеннымъ обещаніемъ, должны кромѣ того получить санкцію обонхъ парламентовъ, что слѣдуетъ ихъ еще венарушить. Въ случаѣ надобности и для большаго обезпеченія, королева шотландская будетъ ходатайствовать предъ королями Франціи и Испаніи, чтобы они гарантировали выполненіе обязательствъ, которыя она приметъ. 4) Чтобы угодить королевѣ англійской, королева шотландская, по ея желанію, распространитъ свое милосердіе на всѣхъ своихъ подданныхъ, которые нанесли ей оскорбленіе, съ условіемъ только, чтобы они возвратились къ прежнему повиновенію, отдали ей права, ея сына, укрѣпленные мѣста королевства, драгоцѣнности, которыми они овладѣли и чтобы отнынѣ вели себя какъ прилично вѣрнымъ подданнымъ. 5) Участвовавшіе въ заговорѣ противъ лорда Дарнлей, ея послѣдняго мужа, и совершившіе надъ нимъ убійство, будутъ безотлагательно наказаны, сообразно съ законами королевства. 6) Что-

бы утвердить шотландское дворянство въ томъ, что графъ Ботвелъ не будетъ возвращенъ, королева обязывается никогда не принимать его въ свои владѣнія и, по совѣту этого сословія, развестись съ нимъ, что лишить его возможности заявлять какія бы то ни было претензіи въ будущемъ. 7.) По принятіи этихъ условій, королева шотландская, въ сопровожденіи приличнаго коивоя, назначеннаго королевою англійскою, отправится въ свое государство, гдѣ сословія, которыя должны на этотъ случай собраться въ парламентъ, возвратятъ ей корону, и гдѣ всѣ постановленія и акты, противныя ея власти будутъ уничтожены и преданы забвенію, какъ бы не существовавшіе вовсе.

Эти пункты были рассмотрѣны въ тайномъ совѣтѣ Англій. Члены совѣта, избранные Елизаветой для переговоровъ съ епископомъ Рокскимъ, тѣмъ болѣе были расположены принять ихъ, что секретарь регента, Джонъ Вудъ, основываясь на недавно полученныхъ имъ письмахъ, утверждалъ, что регентъ съ радостію сложитъ съ себя бремя управленія Шотландіей, которымъ онъ уже утомленъ. Они требовали только, чтобы мирный договоръ Шотландіи съ Англійей былъ обращенъ въ вѣчный, наступательный и оборонительный союзъ; чтобы Марія Стюартъ не только примирилась, но и возвратила свое благоволеніе лицамъ, поднявшимъ противъ нея оружіе; чтобы она поддерживала въ Шотландіи протестантскую религію; и наконецъ, чтобы она представила доказательства того, что не уступала своимъ правъ на корону Англій герцогу Анжуйскому. Въ то время, какъ эти переговоры велись открыто, прозвѣтъ брачнаго союза между Маріей Стюартъ и герцогомъ Норфолькомъ, безъ вѣдома Елизаветы, обсуждался членами высшей аристократіи, составлявшей тайный совѣтъ.

Графы Арэндель, Пемброкъ, Лейстеръ и лордъ Лэмлей отправили дворянина Кондиша въ Уингфилдъ, для того чтобы представить Марію Стюартъ статьи, которыя должны были служить основаніемъ трактата. Но они прибавили къ нимъ послѣднее условіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Такъ какъ слѣдуетъ ожидать, что королева Шотландіи вступитъ въ бракъ съ кѣмъ нибудь изъ иностранныхъ государей,—что можетъ принести вредъ религіи и поставить оба королевства въ опасное положеніе,—то было бы желательно, чтобы она избрала своимъ мужемъ одного изъ вельможъ Англій, и именно, герцога Норфолька, который, будучи первымъ между дворянами этого королевства, больше всѣхъ достоинъ такого выбора.» Дворянинъ, оправданный къ ней членами высшей аристократіи, вручалъ ей, отъ ихъ имени, очень любезное письмо, написанное собственною рукою Лейстера. Марія Стюартъ согласилась на всѣ условія, клонившіяся къ ея возстановленію. Единственный пунктъ, остановившій ее на минуту, былъ наступательный и оборонительный союзъ между Англійей и Шотландіей. Она потребовала, чтобы ей дозволили посоветоваться на этотъ счетъ съ французскимъ дворомъ, потому что ее удерживала боязнь потерять свой вдовій доходъ и лишиться прежней поддержки, не приобретъ новой.

Что касается до брака съ герцогомъ Норфолькомъ, то онъ былъ живѣйшимъ желаніемъ ея, потому что чрезъ него она надѣялась приобрести расположеніе англійскаго дворянства. Находясь уже въ тайной перепискѣ съ герцогомъ, Марія Стюартъ посылала ему письма, дышавшія нѣжностью и довѣрчивостію. «У меня въ головѣ теперь писала она ему, одно только ваше предложеніе.» Однако же она притворялась что колеблется и говорила: «я была такъ несчастлива въ своихъ прежнихъ замужствахъ, что никогда уже не думала болѣе о подобномъ предметѣ и скорѣе имѣла бы намѣреніе провести остатокъ дней своихъ въ одиночествахъ.» Но тутъ же прибавляла въ заключеніе: «что такъ какъ прочія статьи, клонящіяся къ ея удовольствованію и чести, уже приняты, то она почтетъ за счастье слѣдовать желанію англійскаго дворянства, и что ея выборъ преимущественно останавливается на герцогѣ Норфолькѣ, какъ на человѣкѣ, пользующемся наибольшою любовью и уваженіемъ дворянства и прочихъ сословіи.»

Марія послала въ Лондонъ съ своимъ отвѣтомъ на всѣ пункты лорда Бойда, и поручила Джемсу Бортуинку отправиться во Францію, чтобы выхлопотать тамъ удостовѣреніе въ томъ, что она никогда не уступала герцогу Анжуйскому своихъ правъ на англійскую корону. Это удостовѣреніе должно было встрѣтить тѣмъ меньше препятствій, что прежняя уступка этихъ правъ, 4 апрѣля 1558 г., была сдѣлана самому королю Франціи и къ тому же на условіяхъ, которыя уже не существовали. Лордъ Бойдъ, послѣ своего совѣщанія съ Елизаветой и важнѣйшими членами совѣта, отправился обратно, съ предложеніями королевы и дворянства Англій. Онъ прѣбѣжалъ черезъ Уингфильда, куда завезъ къ Маріи Стюартъ весьма благожелательныя письма Елизаветы и главнѣйшихъ ея придворныхъ. Марія Стюартъ думала, что приближается конецъ ея испытаніямъ и передала лорду Бойду свои требованія къ регенту и сословіямъ Шотландіи.

Лордъ Бойдъ явился къ Мюррэю, отъ котораго зависѣло возстановленіе Маріи и ея бракъ съ Норфолькомъ. Онъ встрѣтилъ его въ Дивернессѣ на возвратномъ пути изъ экспедиціи противъ сѣверныхъ горцевъ, въ минуту когда полная побѣда окончательно утвердила его владычество. Бойдъ вручилъ ему письмо герцога Норфолька, напоминавшаго ему обѣщаніе относительно своего брака съ его сестрою. Норфолькъ писалъ ему, что онъ зашелъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что, по совѣсти, уже не можетъ ни возвратиться, ни съ честью идти дальше, если регентъ не уничтожитъ препятствій, которыя еще удерживаютъ его. Потомъ все пойдетъ хорошо и окончится по желанію и къ выгодамъ Мюррэя. «Вотъ почему, прибавлялъ Норфолькъ, я обращаюсь къ вамъ, мой добрый лордъ, съ убѣдительнѣйшей просьбою—ускорить исполненіемъ обѣщанія, чтобы врагъ этого превосходнаго плана, — сляянна, въ будущемъ, этой землѣ въ одно королевство и поддержанія истинной вѣры въ Бога,—не наши средства воспрепятствовать ему.» Трокмортонъ, исполнившій столько порученій въ Шотландіи, съ немаловою живостію убѣ-

желалъ своего друга, Летингтона, къ принятію этого проекта. Онъ посылалъ его употребить все свое искусство, для того чтобы успѣшно кончать начатое дѣло, обѣщавшее благоденствіе обоимъ государствамъ. Онъ увѣрялъ, что герцогъ Норфолькъ, графы Арздель, Пемброкъ, Лейстеръ, Водфордъ, Шрусберри, вся аристократія Англіи и даже секретарь Сесиль изъ явили на это свое согласіе. «Признаю нужнымъ, прибавляетъ онъ, скрывать этотъ проектъ отъ королевы Елизаветы до тѣхъ поръ, пока вы, какъ самый способный для этого министръ, не сдѣлаете ей предложенія отъ имени регента и дворянства Шотландіи.

Летингтонъ пламенно желалъ этого брака, въ которомъ онъ видѣлъ соглашеніе партій въ настоящее время и соединеніе Шотландіи съ Англіей въ будущее. Но Мюррей, не смотря на обѣщанія, данныя Норфольку въ минуту своего отъѣзда изъ Лондона, былъ другихъ мнѣній. Возстановленіе Маріи Стюартъ отняло бы у него верховную власть, которую онъ очень дорожилъ, вопреки своимъ словамъ; и, кромѣ того, оно грозило сдѣлаться въ послѣдствіи страшнымъ и для его безопасности, и для его религіи. Онъ былъ слишкомъ осторожнымъ честолюбцемъ и слишкомъ ревностнымъ сектаторомъ, для того чтобы согласиться на него, и особенно для того, чтобы помогать этой дѣли. Тѣмъ не менѣе онъ, съ своимъ обычнымъ притворствомъ, не обнаружилъ несогласія съ желаніями герцога Норфолька и Маріи Стюартъ, и отослалъ лорда Бойда въ общее собраніе сословій, созванное имъ въ Пертъ къ 26 іюля. Повидному онъ остался вѣренъ обязательствамъ, принятымъ въ Англіи; но въ тайнѣ побуждалъ приверженцевъ молодого короля и ревнителей протестантства отвергнуть этотъ опасный союзъ.

Собраніе, отъ котораго, казалось, зависѣла участь Маріи Стюартъ, съѣхалось въ Пертъ къ назначенному дню. Въ немъ насчитывалось больше противниковъ, чѣмъ защитниковъ возстановленія свергнутой королевы. Собраніе выслушало довольно двусмысленныя предложенія, сдѣланныя ему не слишкомъ чистосердечной Елизаветой. Такихъ предложеній было три. Королева англійская предлагала сословіямъ Шотландіи: или возвратить Маріи Стюартъ власть безусловно, или раздѣлить между нею и ея сыномъ верховное управленіе государствомъ, или же принять ее просто, какъ частное лицо, назначивъ ей содержаніе, соотвѣтствующее ея сану. Предоставить сословіямъ свободный выборъ между этими тремя различными предложеніями значило подать поводъ къ тому, чтобы все три были отвергнуты. Елизавета не обнаруживала столько мягкости и снисходительности къ желаніямъ другихъ, когда она дѣйствительно хотѣла сдѣлать по своему. Поэтому пертское собраніе, воспользовавшись независимостью, которую уважала въ немъ королева, обыкновенно не слишкомъ сочувствывая, не колебалась отвергло оба первыхъ предложенія. Оно объявило, что прямое и безусловное возвращеніе Маріи Стюартъ на тронъ, равно какъ и раздѣлъ королевской власти между нею и ея сыномъ, не только опасны, но даже невозможны. Оставалось третье предложеніе, то есть возвращеніе Маріи въ Шотландію въ каче-

ствѣ частнаго лица, не имѣющаго никакой власти, но тѣмъ не менѣе находящагося въ положеніи, соотвѣтствующемъ ей прежнему достоинству. Марія не была бы уже больше королевою, но она перестала бы быть плѣнницею. Хотя собраніе считало неудобнымъ и опаснымъ допустить къ королю ребенка, на-ряду съ регентомъ, которому она завидовала, королеву, такъ долго управлявшую страной и въ распоряженіи которой находилась такая могущественная партія,—однакоже это условіе не было сначала положительно отвергнуто.

Послѣ того начался разборъ предложенія, сдѣланнаго Марією Стюартъ собранію объ уничтоженіи ея брака съ Ботвелемъ для того, чтобы дать ей возможность вступить въ новый бракъ. Она надѣялась приучить шотландскій парламентъ къ мысли, занимавшей умы англійскаго дворянства, и облегчить герцогу Норфольку возможность брачнаго союза, отъ котораго она ожидала своего освобожденія и возстановленія своей власти. Споры по этому вопросу отличались особенной энергіей и въ нихъ выразились всѣ страсти обѣихъ партій. Летингтонъ безусловно одобрялъ разрывъ брака, принесшаго столько бѣдствій и утверждалъ, что разводъ королевы могъ быть допущенъ безъ вреда для короля и безъ опасности для господствующей церкви. Джемъ Макгиль, секретарь собранія, оровергалъ это мнѣніе съ ненавистью врага, съ фанатизмомъ пресвитеріаннина. Марія Стюартъ впекала сословіямъ Шотландіи такимъ тономъ, какъ будто она была все еще ихъ королевою. Макгиль приходилъ отъ этого въ негодованіе и говорилъ, что онъ не признаетъ другаго государя, кромѣ молодого короля. Онъ ставилъ также въ упрекъ Маріи Стюартъ то, что она отзывалась объ архіепископѣ Сентъ-Андрейскомъ какъ о главѣ церкви, тогда какъ онъ былъ только бунтовщикъ и еретикъ. Онъ объявилъ, что разсуждать о такихъ притязаніяхъ значило допускать ихъ справедливость и становиться виновнымъ въ измѣнѣ государству и въ богохульствѣ противъ церкви.

Не смотря на сопротивленіе Летингтона, который съ горькой ироніей удивлялся тому, что видятъ тѣхъ же самыхъ лицъ, которые еще не давно были такъ ожесточены противъ этого брака, противляющимися теперь его разрыву, — ближайшіе интересы побѣдоносной партіи, неумолимыя страсти пресвитеріанской секты и тайныя промки честолюбиваго регента одержали верхъ на засѣданіяхъ въ Церквѣ. Послѣ шумныхъ споровъ это собраніе разошлось, не допустивъ даже возможности пребыванія Маріи Стюартъ въ Шотландіи въ качествѣ частнаго лица и не желая принимать участія въ ея разводѣ съ Ботвелемъ. Мюррей извѣстилъ объ этомъ Елизавету, объявивъ ей «что онъ не можетъ согласиться на возстановленіе низвергнутой королевы, не оскорбляя своей совѣсти и не поступая во вредъ королю дитяти, своему государю, и благосостоянію страны.» Онъ прибавлялъ, что «почитаетъ себя достаточно утвердившимъ власть молодого короля такъ-что имѣетъ возможность защищать его силой.»

Результатъ собранія въ Иертѣ не долженъ былъ ни огорчить Елизавету, ни удивить ее. Но онъ обманулъ надежды Маріи Стюартъ. Не имѣя возможности рассчитывать болѣе на Шотландію, гдѣ ей при-

мужья были отчасти заключены въ тюрьму, отчасти подчинились регенту, и гдѣ ея противники упорно отказывались отъ примиренія съ нею, — эта королева не находила уже для себя другаго исхода, кромѣ рѣшительнаго вмѣшательства высшей англійской аристократіи и поддержки католическихъ государей материка, раздѣлявшихъ убѣжденія важнѣйшихъ лицъ этой аристократіи. Герцогъ Норфолькъ съ нѣкотораго времени сталъ жить открыто, чтобы привлечь къ своимъ планамъ какъ можно больше лицъ и приучить этимъ видимымъ великолѣніемъ къ близкому своему возвышенію. «Дѣла королевы шотландской, писалъ ла-Мотъ-Фенелонъ къ Катеринѣ Медичи, пріобрѣтаютъ сильную поддержку черезъ герцога Норфолька, который рассчитываетъ жениться на ней... И если королева англійская даже и не одобритъ этого намѣренія, то оно все-таки будетъ приведено въ исполненіе, такъ далеко, повидимому, зашли уже дѣла... И если она не согласится на освобожденіе и возстановленіе шотландской королевы, то обойдутся и безъ ея согласія.» Но герцогъ Норфолькъ, обращавшійся къ французскому двору съ просьбою о присылкѣ въ Дэмбартоу пяти или шести сотъ стрѣлковъ съ военными припасами, призывавшій также на помощь испанскій дворъ, — осмѣлится ли открыто идти къ той дѣли, къ которой онъ стремился до тѣхъ поръ тайными путями? Онъ и его приверженцы льстили себя надеждою привлечь на свою сторону Елизавету, соединивъ интересы главныхъ лицъ Англійи и Шотландіи. Но теперь, когда они не достигли одобренія шотландцевъ, рѣшатся ли они одни убѣждать англійскую королеву или принудить ее, какъ хвалились многіе изъ нихъ? Это значило бы быть слишкомъ увѣренными въ себя и дурно знать эту высокомерную, завистливую, жестокосердную государыню, которая не слѣдовала никакому убѣжденію, противному ея интересамъ, и не потерпѣла бы ни малѣйшаго посягательства на ея власть.

Намѣренія герцога Норфолька и Маріи Стюартъ, сообщенныя и въ Англійи, и въ Шотландіи такому множеству лицъ, различныхъ по своему положенію и чувствамъ, не могли не дойти до свѣденія Елизаветы. До нея допалъ слухъ о приготовленіяхъ къ браку между герцогомъ и королевою, которую хотѣли объявить ея наследницею. Она замѣтила, что располженіе ея собственнаго совѣта начинаетъ склоняться въ пользу ея соперницы, присутствіе которой возмущало католическую партію въ Англійи и становилось для Елизаветы источникомъ затрудненій и опасностей. Поэтому она объявила ла-Моту-Фенелону, — который, все съ большею настоятельностью, отъ имени своего двора требовалъ возстановленія Маріи Стюартъ, — что Марія Стюартъ вовсе не будетъ возстановлена и что она заслужила свое заключеніе сдѣланными ею ошибками. «Мнѣ извѣстны, сказала она французскому посланнику, всѣ происки, которыя она употребляетъ со времени пріѣзда своего въ это королевство. Слухъ государей хорошъ и они слышатъ все, что дѣлается и далеко отъ нихъ и около нихъ... Она старалась возмутить противъ меня даже собственное мое королевство, при помощи нѣкоторыхъ изъ моихъ подданныхъ, обидчивыхъ ей очень много; но это — люди, которые

насулять дѣлая горы и не дадутъ даже комка земли. Они считали меня слишкомъ глупою, думая, что я не узнаю ни о чемъ.»

Въ своихъ тревожныхъ опасеніяхъ она старалась разузнать обо всемъ, что ей необходимо было уничтожить. Вѣ удалось все открытъ. Лейстеръ съ полною откровенностью и болзливимъ рсканіемъ посвятилъ ее въ тайны переговоровъ. Она сдѣлала запросъ регенту Шотландіи о томъ, какое участіе принималъ онъ въ этомъ дѣлѣ, и регентъ передалъ ей конфиденціальныя письма Норфолька. Еще не зная всѣхъ этихъ подробностей и только подозревая герцога Норфолька она, дѣлая угрожающій намекъ на его собственные слова, сказанныя имъ по возвращеніи изъ Йорка, совѣтовала ему *выбрать хорошую подушку для своей головы*. Послѣ того, выразивъ ему свою рѣшительную волю относительно брака, противорѣчившаго ея чувствамъ и опаснаго для ея политики, она запретила ему даже думать о немъ и приказала не сближаться болѣе съ шотландскою королевою, чтобы не нарушить *своихъ подданническихъ обязанностей*. Тайственные происки высшей аристократіи и заговоръ въ пользу ея соперницы, въ которомъ приняли участіе даже члены ея совѣта привели ее въ состояніе гнѣва, заставлявшаго всѣхъ дрожать предъ грозною дочерью Генриха VIII.

Герцогъ Норфолькъ, не смотря на повелѣніе своей королевы, не думалъ отказываться отъ намѣренія вступить въ бракъ съ Марією Стюартъ. Онъ стремился теперь только къ тому, чтобы стать во главѣ своихъ провинціальныхъ приверженцевъ и возмутить ихъ противъ Елизаветы. Побуждаемый отчасти страхомъ, отчасти честолюбіемъ, онъ 23 сентября внезапно покинулъ дворъ и уѣхалъ въ Норфолькъ. Графъ Арндель, графъ Пемброкъ и лордъ Лэмлей вослѣдовали его примѣру. Они удалились въ свои помѣстья, между тѣмъ какъ ихъ друзья графы Нортэмберлендъ и Уэстморлендъ находились въ сѣверныхъ графствахъ и уже готовы были къ дѣйствіямъ. Это была самая удобная минута для выполненія половины плана, въ которомъ уже давно приняли участіе всѣ эти могущественныя личности. Ихъ намѣренія дошли уже до того, что они захотѣли измѣнить религію страны; а слѣдствіемъ такой перемены было бы паденіе Елизаветы и возвышеніе Маріи.

Испанскій посланникъ, донъ Гверальдо Эспезъ, передалъ въ это время, отъ имени своего государя, шесть тысячъ экю герцогу Норфольку, графу Арнделю и лорду Лэмлею и десять тысячъ — Маріи Стисартъ, которая непрерывно отправляла посольства къ герцогу Альбѣ, желая привлечь его къ своему дѣлу и убедить его въ томъ, чтобы онъ принялъ на себя ея защиту. Папа ШІІ V съ увлеченіемъ писалъ къ этому предводителю испанскихъ войскъ въ Нидерландахъ, — гдѣ онъ, казалось, вполне подавилъ возстаніе, — о несчастной плѣнницѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мы заклинаемъ твое благородство и отъ всей души просимъ его употребить всѣ средства для возвращенія свободы нашей возлюбленной дочери о Христѣ Исусѣ, королевѣ шотландской и, если возможно, для восстановленія ея прежней власти. Твое благородство не можетъ сдѣлать ничего, что было

бы угоднѣе и полезнѣе для всемогущаго Бога, чѣмъ освобожденіе этой королевы, оказавшей много услугъ католической религіи и угнетаемой могуществомъ своихъ враговъ, зараженныхъ ересью.»

Дѣйствительно, обстоятельство благопріятствовало возмущенію противъ Елизаветы. Если бы всѣ, недовольные ея поступками и ненавѣдшіе ея власть, согласились сдѣлать на нее нападеніе разомъ; если бы члены высшей аристократіи, удалившіеся отъ двора, смѣло бросились въ графства, въ которыхъ они пользовались большимъ вліяніемъ, и соединились съ католиками, готовыми вооруженною рукою требовать возвращенія имъ права отправлять свое богослуженіе; если бы герцогъ Альба, высадивъ въ Англію часть войскъ, которыя были уже ему не нужны и которыя онъ распустилъ въ Нидерландахъ,—подалъ бы такимъ образомъ военную помощь своего короля недовольнымъ политическимъ порядкомъ дѣлъ и угнетеннымъ въ религіозномъ отношеніи подданнымъ Елизаветы, — то и она и протестанство подверглись бы равной опасности.

Елизавета сознала опасность, грозившую ей. Она поспѣшила принять самыя рѣшительныя мѣры для избѣжанія ея. Марія Стюартъ находилась въ Уингильдѣ, въ графствѣ Дерби, подъ довольно снисходительнымъ надзоромъ графа Шрусберри, нѣсколько не пріятствовавшего ей перепискѣ и тайнымъ переговорамъ. Елизавета повелѣла перевести ее немедленно въ монѣе доступный замокъ Тэтберри и послала туда графа Гэнтингдона,—бывшаго соперникомъ Маріи въ соискательствѣ на англійскій престолъ и, слѣдовательно, ея врага,—для того чтобы подвергнуть ее болѣе строгому надзору. Разстроенная въ своихъ ожиданіяхъ, трепеща даже за свою жизнь, которую она считала въ опасности, королева-плѣнница, не смотря на то, что прислуга ея была разогнана, и приближенные къ ней люди обысканы, нашла однако возможность послать четырехъ изъ своихъ приверженцевъ съ депешами къ герцогу Норфольку, епископу Росскому и французскому посланнику ла-Моту-Фенелону. «Умоляю васъ, писала она послѣднему, ободрите друзей моихъ и посоветуйте имъ быть готовыми, чтобы помочь мнѣ теперь, или никогда.»

Въ эту рѣшительную минуту, не смотря на опасенія, тревожившія ее, думая больше о своихъ планахъ, чѣмъ объ угрожающей опасности, она приказала сказать герцогу Норфольку, чтобы онъ смѣло приступалъ къ дѣлу, не безпокоясь ни о ней, ни о ея жизни, которую Богъ сохранитъ.

Герцога, по прибытіи въ Норфолькъ, окружили католики. Изъ своего Кеннингольскаго дома онъ отправилъ гонцовъ къ графамъ Нортгемберленду и Уэстморленду, которые были гораздо рѣшительнѣе его. Но въ то же время онъ писалъ къ Елизаветѣ покорныя и уклончивыя письма, въ которыхъ увѣрялъ, что ея немилость была единственною причиною его отъѣзда и утверждалъ, что онъ никогда не имѣлъ никакой мысли, которая бы могла повредить ея коронѣ и ея достоинству. Елизавета, не принимая ни его объясненій, ни оправданій, повелѣла ему возвратиться въ Лондонъ въ теченіе четырехъ дней, прибавивъ, что недоумовеніе будетъ принято ею за измѣну;

она предписала также графамъ Арэнделю, Пембруку и лорду Лэслею немедленно и безъ всякихъ возраженій явиться въ совѣтъ. Она приказала собрать достаточныя силы для поддержанія общаго спокойствія въ графствахъ, которыя были сильно взволнованы извѣстiемъ, что герцога Норфолькъ удалился отъ двора.

Подданный, не отличавшiйся покорностию, Норфолькъ, отказался отъ прiѣзда ко двору, ссылаясь на лихорадку, удерживавшую его дома. Но слишкомъ нерѣшительный заговорщикъ, онъ не осмѣлился открыто возстать, не смотря на обѣщанiя нѣкоторыхъ лицъ его поддержать. Его отказъ раздражилъ королеву, а нерѣшительность охладилъ его приверженцевъ. Наконецъ, приведенный въ умное холодностию, которую самъ возбудилъ вокругъ себя, устранными повелительными призывами Елизаветы, которая повелѣла ему возвратиться ко двору въ носилкахъ, если лихорадка не позволяетъ ему прiѣхать на лошади, и которая отпавила нѣсколькихъ своихъ телохранителей, для того чтобы они, сговорившись съ шерифомъ, овладѣли его особою внутри графства, въ случаѣ, если онъ не захочетъ повиноваться; и надѣявшiйся, кромѣ того, — какъ ему писалъ Сесиль, — что гибъ королевы не сильнѣе въ дѣйствительности, чѣмъ какъ она его выражаетъ на словахъ, — онъ рѣшился возвратиться ко двору. Чтобы не скомпрометировать себя возстанiемъ сѣверныхъ графствъ, которое было бы въ это время слишкомъ несвоевременно, онъ отправилъ изъ Вольтона благонадежнаго конца къ своему зятю, графу Уэстморленду, котораго онъ умолялъ не начинать дѣйствiй, если онъ не желаетъ его гибели. По прибытiи въ Лондонъ, онъ былъ посаженъ въ Тонерь, между тѣмъ какъ его друзья, графъ Пембрукъ, графъ Арэндель и лордъ Лэлей, изъявившiе покорность прежде него и казавшiеся не столько виновными и менѣе опасными, были арестованы, и подвергнуты надзору и допросамъ въ собственныхъ домахъ.

Слабость, возвращенiе и плѣнъ герцога Норфолька и его главнѣйшихъ соучастниковъ, уменьшили надежды на успѣхъ возстанiя, но не предотвратили его. Едва только герцога оставалъ дверь, какъ сильное волненiе разразилось въ сѣверныхъ графствахъ, гдѣ находились графы Нортэмберлендъ и Уэстморлендъ, католическiе предводители древнихъ и сильныхъ семействъ Парси и Меналлоу, и гдѣ самыя дерзкiя надежды воодушевляли всѣхъ довольно многочисленныхъ приверженцевъ запрещенной религiи. Кромѣ этихъ двухъ графовъ, силы которыхъ были значительны, а нѣя пользовалось большимъ уваженiемъ въ сѣверныхъ областяхъ, могущественныя семейства Дэкроу, Нортонъ, Марквенфильдовъ и Теклестонъ были готовы поднять оружье. Въ замкахъ Ирансатъ и Томлингъ, мѣстопребыванiи благородныхъ графовъ Уэстморленда и Нортэмберленда собиравались *митинги* предводителей недовольной партiи. На этихъ тайныхъ собранiяхъ присутствовали Лестеръ Диръ-Гиллендъ, который могъ выставить небольшую армию, старшiй Ричардъ Нортонъ, съ тремя своими сыновьями, Марквенфильдъ-Марквенфильдъ, два Темпеста, капитанъ Джозъ Сушбертъ, Плэммондъ

Лэмптонсъ, Вэризонъ Газельвудъ, Андру Огльторпъ и Кристофъ Дэвби. Тутъ дѣлались предположенія, главною цѣлю которыхъ было освобожденіе Маріи Стюартъ и возстановленіе католической религіи. Во время этихъ опасныхъ совѣщаній, графъ Сэссексъ, назначенный главнымъ начальникомъ сѣверныхъ областей, замѣчая безпокойншее ихъ волненіе и слѣдуя благоразумнымъ приказаніямъ королевы, вываля къ себѣ въ Йоркъ графовъ Нортэмберленда и Уэстморленда. Онъ сдѣлалъ имъ запросъ о ихъ намѣреніяхъ, но они счумѣли успокоить его и онъ позволилъ имъ возвратиться.

Они готовы были уже оставить все, когда узнали о малодушномъ возвращеніи герцога Норфолька и о его заключеніи въ Товаръ. Кроме того испанскій посланникъ и епископъ Росскій просили ихъ, такъ же какъ и герцогъ, не предпринимать ничего въ настоящую минуту. Самые католическіе ученые, которымъ былъ предложенъ вопросъ о томъ, можно ли по законамъ божескимъ поднимать оружіе противъ своего государя, — раздѣлились во мнѣніяхъ. Одни утверждали, что нельзя—до тѣхъ поръ, пока королева не будетъ отлучена отъ церкви папою; другіе говорили, что можно, что это вполне законно, и что королева уже отлучена тѣмъ самымъ, что отказала въ приѣмъ папскому посланнику. Среди этой неизвѣстности они были принуждены къ дѣйствіямъ страстями руководимой ими партіи и боязнію быть арестованными въ свою очередь. Получивъ снова приглашеніе графа Сэссекса явиться въ Йоркъ и требованіе Елизаветы прибыть ко двору, они отказали въ повиновеніи. Имъ не оставалось ничего болѣе, какъ покинуть страну, или взяться за оружіе. «Наша опасность такъ велика,—говорилъ старый Ричардъ Нортонъ,—ц намъ дѣло такъ справедливо, что мы должны или начать дѣйствовать силою и подвергнуться участи, какову намъ пошлетъ Богъ, или же удалиться изъ королевства. Но на насъ ляжетъ позорнымъ пятномъ такой отъѣздъ, если мы оставимъ при этомъ дѣло его святѣйшества.» Графъ Нортэмберлендъ оставилъ Топклифъ, гдѣ онъ опасался попасться въ плѣвъ, и отправился въ Врэнспать; возстаніе вспыхнуло.

Написавъ къ папѣ Пію V, къ испанскому посланнику и къ герцогу Альбъ, прося ихъ помощи и извѣщая ихъ, что, для облегченія высадки войскъ, предположено занять какой нибудь портъ, находящійся на восточномъ берегу Англій; а также увѣрившись въ помощи графовъ Камберленда, Дерби и лорда Уортона, считавшихся самыми сильными владѣльцами въ этихъ провинціяхъ и расположенныхъ въ пользу проекта, графы Нортэмберлендъ и Уэстморлендъ выѣхавъ, 14 ноября, изъ Врэнспата и, предводительствуя пятьюстами всадниковъ, отправились въ Дѣргэмъ. Возмущеніе имѣло характеръ преимущественно католическій. На знамени, которое несъ престарѣлый Нортонъ, воодушевленный болѣе всего религіознымъ энтузіазмомъ, былъ изображенъ распятый Иисусъ Христосъ, съ пятью кровавыми ранами. Населеніе Дѣргэма отворило инсургентамъ ворота и кристало къ нимъ. Городское начальство и главнѣйшіе изъ заговорщиковъ стравдились въ соборъ, гдѣ сожгли библію, уничтожили англійскіе

скую книгу общихъ молитвъ, разломали престолъ протестантскаго причащенія и возстановили прежнее богослуженіе.

Не объявляя себя противъ Елизаветы, — власть которой они не оспаривали положительно, но которая неминуемо была бы низвергнута съ трона въ случаѣ побѣды инсургентовъ, — оба графа писали въ своихъ прокламаціяхъ, что они желаютъ признанія правъ Маріи Стюартъ на англійское наслѣдство и возстановленія прежней религіи. Они объявили, что герцогъ Норфолькъ, графы Арэндель и Пемброкъ и лордъ Лэмлей, — которые, какъ слышно, освобождены изъ заключенія, такъ же какъ и католическая наслѣдница, — раздѣляютъ ихъ убѣжденія; и доказывали, что они поднимаютъ оружіе преимущественно противъ Сесила и другихъ временщиковъ, которыхъ они обвиняли въ томъ, что эти люди вводятъ въ заблужденіе королеву и возмущаютъ государственное спокойствіе: «Лица, говорили они, своевольныя и неблагонамѣренныя, окружающія ея величество, своими хитрыми и коварными поступками, клонящимися къ ихъ собственному возвышенію, ниспровергли въ нашей странѣ истинную вѣру, обманули королеву, произвели смуты въ королевствѣ, и наконецъ предприняли уничтоженіе аристократіи; вотъ почему соединились мы, желая, при помощи Божіей и вашей, добрый народъ, сопротивляться имъ силою и исправить разрушенное, возстановить всѣ древніе обычаи, свободу церкви Божіей и этого благороднаго королевства, потому что, если мы не сдѣлаемъ этого сами, то иностранцы предпримутъ это, къ великой опасности нашей страны.» Ихъ призывъ былъ услышанъ, и у нихъ скоро составилось небольшое войско изъ тысячи хорошо вооруженныхъ всадниковъ и пяти или шести тысячъ пѣхоты.

На сѣверѣ не было вовсе войскъ, которыя могли бы сопротивляться имъ; здѣсь даже братъ графа Сэссекса, сэръ Эгремонтъ Рэтклифъ соединился съ ними. Графъ Сэссексъ, оставшійся вѣрнымъ, заперся въ Йоркѣ и привелъ его съ оборонительное положеніе. Три начальника границъ восточной, центральной и западной — лордъ Гэнсдонъ, сэръ Джонъ Форстеръ и лордъ Скрупъ, укрѣпились въ Бервикѣ, Ньюкэстлѣ и Карлайлѣ, гдѣ ихъ позиція была совершенно неприступна. Графы, не встрѣчая никакого сопротивленія въ открытомъ полѣ, овладѣли поочередно Ричмондомъ, Оллертономъ и Райповомъ. Они отправили Кристофа Невилла, чтобы овладѣть Гартльпулемъ и укрѣпить этотъ портъ, расположенный на оконечности маленькаго полуострова между Тайномъ и Тизомъ и удобный для высадки вспомогательныхъ войскъ, которыя, какъ они были убѣждены, пришлютъ къ нимъ герцогъ Альба, узнавъ о ихъ возстаніи. Въ ожиданіи этого, они стали подвигаться на югъ, беспрепятственно занимая всѣ неукрѣпленные города.

Коварная политика, которой держалась, относительно Маріи Стюартъ, Елизавета, подвергла ее смутамъ въ королевствѣ, наслаждавшемся въ теченіе одиннадцати лѣтъ спокойствіемъ, и стала угрожать ея власти. Удерживая въ Англии такую опасную плѣнницу, она сама подала католикамъ и недовольнымъ поводъ къ возстанію и надежду на успѣхъ. Но хотя она и вызвала опасность, однако же не допустила себя до

пораженія. У нея явилась чрезвычайная энергія въ минуты опасности. Кромѣ прежнихъ арестовъ, она подвергла заключенію Трокмортонъ, епископа Роскаго и флорентинца Ридольфи, которыхъ подозрѣвала въ единomyслии съ герцогомъ Лорфолькомъ. Одинъ изъ самыхъ предприимчивыхъ генераловъ герцога Альбы. Чьяпино Вителли. прибылъ въ это время въ Англію, для прекращенія коммерческихъ переговоровъ, происшедшихъ между Елизаветой и Филиппомъ II-мъ. Опасаясь, что его пріѣздъ есть слѣдствіе другихъ намѣреній, она приказала задержать его военный конвой въ Дуврѣ, и позволила ему только въ сопровожденіи пяти человекъ, явиться въ Лондонъ, гдѣ онъ былъ подвергнутъ строгому надзору.

Чтобы не дать бунтовщикамъ возможности освободить Марію Стюартъ, присутствіе которой усилило бы ихъ отвагу и увеличило бы надежды на успѣхъ, Елизавета приказала, чтобы королева шотландская была немедленно переведена изъ замка Тэтберри въ Ковентри, укрѣпленное мѣсто графства Уорвикъ, гдѣ она была бы въ безопасности отъ нечаяннаго нападенія. Кажется даже, что ея стражи имѣли приказаніе умертвить ее, если успѣхъ склонится на сторону возстанія. Опасаясь, чтобы инсургенты не получили помощи моремъ, Елизавета вооружила семь самыхъ большихъ кораблей своихъ, для крейсерства между берегами Англій и Нидерландовъ. Она объявила бунтовщикамъ графовъ Нортэмберленда и Уэстморленда; написала собственноручныя письма ко всѣмъ, кого хотѣла укрѣпить въ вѣрности и усилить въ преданности; приказала сэру Ральфу Сэдлеру и лорду Гэнсдону соединить свои силы съ силами графа Сэссекса, который долженъ былъ собрать всѣ сѣверныя войска и приготовиться къ открытію компаніи. Въ то же время она назначила намѣстниковъ для сбора войскъ въ графствахъ. Она повелѣла образовать, съ возможною скоростію, два отдѣльныхъ корпуса въ южныхъ графствахъ, — одинъ подъ командою графа Уорвика, другой — адмирала Клинтонъ, которые должны были какъ можно скорѣе отправиться въ Йоркъ и помочь графу Сэссексу въ усмиреніи возстанія.

Пока Елизавета принимала эти благоразумныя мѣры, графы Нортэмберлендъ и Уэстморлендъ оставались повелителями занятыхъ ими округовъ, не дѣлая впрочемъ никакихъ новыхъ успѣховъ. Самый дальній пунктъ, до котораго они достигли, былъ Бѣробригъ. Въмѣсто того, чтобы продолжать свой походъ на югъ, — они, можетъ быть отъ того, что не надѣялись на возстаніе провинцій, а можетъ быть и потому, что хотѣли утвердиться на сѣверѣ и ожидать тамъ помощи Пія V и Филиппа II-го, — возвратились назадъ. Не успѣвъ проникнуть ни въ одно изъ значительныхъ мѣстъ, отававшихся вѣрными королевѣ, они предприняли осаду Барнардъ-Кэстля, гдѣ заперся сэръ Джорджъ Боузъ. Двѣнадцать дней потерли они подъ этимъ маленькимъ городкомъ, въ которомъ сэръ Джорджъ Боузъ храбро защищался до тѣхъ поръ, пока недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и возмущеніе его собственныхъ солдатъ не заставили его наконецъ, 12 декабря, выйти оттуда. Это былъ послѣдній успѣхъ инсургентовъ.

Черезъ два дня послѣ сдачи Барнардъ-Кэстля, графъ Сэссексъ,

предводительствуя отрядомъ около тысячи двухъ сотъ всадниковъ и четырехъ тысячъ пѣхоты, выступилъ противъ нихъ, готовый дать имъ сраженіе, если бы они рѣшились на него. Графъ Уорвикъ и адмиралъ Клинтонъ прибыли съ юга усвоеннымъ маршемъ, привели съ собою около двѣнадцати тысячъ человекъ и расположились въ Вѣрбригѣ. Предводители возстанія, тѣснимые съ сѣвера Джономъ Форстеромъ, шедшимъ изъ Ньюкэстля, съ востока—Сэссексомъ, имѣвшимъ равныя съ ними силы, угрожаемые съ юга Уорвикомъ и Клинтономъ, войска которыхъ значительно превосходили, численностью, ихъ армію и потерявшіе наконецъ всякую надежду на успѣхъ своего дѣла,—собрали 16 декабря населеніе Дѣргэма, предложили каждому позаботиться о своей личной безопасности, распустили пѣхоту, и, въ сопровожденіи своей кавалеріи, отправились въ Гексгэмъ. Тамъ они переправились черезъ Тайнъ, очистивъ такимъ образомъ Гартлпуль, и бѣжали въ Шотландію. Графъ Уэстморлендъ, сэръ Эгремонтъ Ратклифъ, Нортонъ, Маркенфильдъ, Суинбѣриъ и Темпестъ нашли убѣжище въ гостепріимныхъ кланахъ Скоттовъ, Коровъ, Юмовъ и Джонстоновъ. Графъ Нортэмберлендъ, менѣе счастливый, попалъ въ руки одного пограничнаго бандита, по имени Гекки Армстронгъ, который задержалъ его въ своемъ замкѣ Гарло, и, черезъ нѣсколько времени послѣ того, передалъ за деньги Мюррэю, который немедленно заключилъ Нортэмберленда въ Лочливнъ.

Такъ окончилось это возстаніе, которое могло сдѣлаться страшнымъ для Елизаветы, если бы оно было лучше задумано и ведено съ большимъ искусствомъ. Чтобы союзъ знатнаго дворянства съ католическою партіей могъ подвергнуть опасности тронъ протестантской королевы, надлежало чтобы онъ былъ полнѣе и чтобы, опираясь на нея и права Маріи Стюартъ, признанной Норфолькомъ, поддерживаемой Альбою, онъ высказался съ большею рѣшительностію, и дѣйствовалъ съ большимъ единствомъ. Но безхарактерность герцога Норфолька, вялость герцога Альбы, который, по излишнему благоразумію, упустилъ единственный случай, которымъ могъ воспользоваться въ интересахъ своей религіи и своего государя; самая нерѣшительность католиковъ, которые колебались между своею религію и своею вѣрностію королевской власти,—сдѣлали возмущеніе графовъ Нортэмберленда и Уэстморленда безразсуднымъ, давъ ему слишкомъ частный характеръ и осудивъ его на безславіе.

Это возмущеніе принесло много вреда дѣлу старой религіи и плѣнной королевы въ странѣ, гдѣ католицизмъ и Марія Стюартъ имѣли наиболѣе приверженцевъ. Перси, Невилли, Нортонъ, Маркенфильдъ, Темпесты удалились оттуда, чтобы не подвергнуться изгнанію. Выгнано знатнѣйшихъ фамилій и ужасъ, распространенный жестокими казнями въ народѣ, въ глазахъ котораго погибло, по приговору военнаго суда, болѣе трехъ сотъ человекъ въ одной Дѣргэмской графствѣ, уменьшили въ этой странѣ силу и уничтожили бодрость партіи, враждебной Елизаветѣ.

Католическое возстаніе на сѣверѣ Англіи до крайней степени встрѣтило шотландскаго регента. Власть его зависѣла отъ успѣха Ели-

шамъ. Поэтому она шиквала на помощь королевы, своей перовительницѣ и союзницѣ, съ шотландскими войсками, которыя она собрала въ Инблэвѣ къ 20 декабря и которыя подавление бунта сдѣлало немужными. Образъ дѣйствій Мюррэя согласился съ его критическимъ положеніемъ. Не сказавъ въ пертскомъ собраніи содѣйствія въ пользу предполагаемаго брака королевы, своей сестры, съ герцогомъ Норфолькомъ и къ примиренію партій, онъ потерялъ поддержку со стороны людей, которые благопріятствовали этому браку и желали этого примиренія. Летингтонъ стоялъ во главѣ ихъ. Недовѣрая регенту, который, съ своей стороны, считалъ его своимъ явнымъ очень подозрительнымъ, Летингтонъ отправился къ своему неизмѣнному другу, графу Атолю. Мюррэй боялся его интригъ и рѣшился отъ него избавиться. Онъ върломно пригласилъ его въ сонѣтъ, какъ секретаря, какъ будто бы по дѣлу, касающемуся его обязанностей, и когда Летингтонъ пришелъ въ сонѣтъ, гдѣ находились Мортонъ, Маръ, Гленкэрнъ, Линдсей и лорды, оставшіеся върными молодому королю, — явился капитанъ Крофордъ отъ имени графа Леннокса, чтобы обвинить секретаря и Джамса Бальфёра, какъ участниковъ въ умерщвленіи Дарнлея. Тотчасъ же арестованный, онъ былъ отведенъ въ домъ одного изъ слугъ регента, гдѣ, впрочемъ оставаясь не долго. Карнальди захитилъ его у тѣхъ, которые его стерегли и далъ ему убѣжище въ Эдинбургскомъ замкѣ до 22 ноября, т. е. до дня, назначеннаго для суда.

Въ этотъ день друзья секретаря Шотландіи, взяли за оружіе и лордъ Юнгъ, съ значительнымъ отрядомъ всадниковъ занялъ улицы Эдинбурга, надъ которыми лордъ Гранджъ господствовалъ изъ своей цитадели. Судъ надъ Летингтономъ сдѣлался такъ же невозможенъ, какъ и его заключеніе. Мюррэй приказалъ отсрочить рѣшеніе, не желая оправдать его, что доставило бы триумфъ Летингтону и нанесло бы смертельный ударъ регенту.

Его разрывъ съ челоукомъ, который былъ такъ способенъ и такъ любимъ, много повредилъ ему въ королевствѣ; этотъ разрывъ еще болѣе усилить ненависть, съ какою смотрѣли на регента, и отдалъ отъ его интересовъ многихъ людей, которые наиболѣе содѣйствовали его возвышенію послѣ Карберри-Гилъ и победы при Лансайкѣ. Между ними были Карнальди Гранджъ и Александръ Юнгъ. Мюррэя обвиняли въ върложствѣ въ отношеніи къ Маріи Стюартъ, въ измѣнѣ Норфольку, въ жестокости съ Шатальро, въ несправедливости и неблагодарности относительно Летингтона, въ реболѣствѣ предъ Елизаветою. Не смотря на то, что пресвитеріанская церковь горячо поддерживала его, какъ своего полезнаго руководителя, что городское население благопріятствовало ему, какъ хорошему администратору, строго наблюдавшему вездѣ за правосудіемъ, — большинство дворянства презираю его и желало его паданія.

Чтобы поддержать свою колеблющуюся власть, Мюррэй потребовалъ у Елизаветы помощи въ снарядахъ и деньгахъ. Онъ требовалъ также, чтобы Маріа Стюартъ была возвращена въ Шотландію, гдѣ, какъ она думала, ея жданы на когда подвергнуться ни

наибольшей опасности и гдѣ для нея будетъ труднѣе сдѣлаться свободною, чѣмъ въ Англии. Онъ послалъ аббата Джемсбургскаго, а потомъ Эльфинстона, чтобы напомнить Вязаветѣ сколько смутъ Марія Стюартъ уже причинила при ея дворѣ и въ ея королевствѣ, поставить ей на видъ опасности, которымъ она подвергается, удерживая въ своихъ владѣніяхъ шотландскую королеву, и объяснить, что окруженный въ Шотландіи, — какъ это и было дѣйствительно, — затрудненіями и врагами, онъ скоро будетъ уже не въ состояніи поддерживать общее дѣло, если въ его власть не будетъ передана та, чьи козни ежеминутно грозили опасностью обоимъ государствамъ. Въ возмездіе за возвращеніе Маріи Стюартъ, онъ, съ гнусною уступчивостью, предлагалъ выдать несчастнаго графа Нортмберленда, котораго требовала Вязавета. Выдачи плѣннаго государыни формально просилъ отъ королевы англійской графъ Мюррей, Мортонъ, Маръ, Гленкэрригъ, мастера Маршалъ и Монтрозъ, лорды Линдсей, Рутвенъ, Семплъ, и о томъ же предметѣ съ жаромъ настаивалъ Ноксъ передъ Сесилемъ, говоря, что пишетъ къ нему, *находясь уже одной ногой въ могилѣ*. Эти переговоры, быть можетъ, состоялись бы, еслибы одно роковое приключеніе не прервало ихъ.

Джемсъ-Гамильтонъ-Ботвелъ-Го поклялся въ смертельной враждѣ къ регенту. Взятый въ плѣнъ подъ Лангсайдомъ, онъ получилъ свободу на основаніи мирнаго договора, заключеннаго между регентомъ и герцогомъ Шателъро, 13 марта 1562 г. въ Глазго. Но онъ былъ лишенъ всего своего имущества. Конфискація, разорявшая побѣжденных и обогащавшая, на ихъ счетъ, побѣдителей, была еще самымъ меньшимъ зломъ изъ всѣхъ, приносимыхъ междусоборными войнами. Эта печальная участь побѣжденного была бы сносна для Ботвеля-Го, еслибы ее не раздѣляла вмѣстѣ съ нимъ жена его, на которую не должно было бы падать наказаніе за поступокъ, совершенно ей чуждый. Она владѣла, на берегахъ ручья Эскъ, небольшимъ помѣстьемъ Вудгоузли, которое было отдано Беллендену, одному изъ самыхъ преданныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ жадныхъ креатуръ регента. Такимъ образомъ съ беззаконностію грабежа соединилось еще и насиліе. Зимой, въ глубокую полночь, несчастная жена Ботвеля-Го была выпнана Белленденомъ изъ своего бѣднаго жилища, въ которое она удалилась, и, полуодѣтая, она блуждала по лѣсу, гдѣ, на другой день, ее нашли помѣшанною. Отчаяніе лишила ее разсудка. Съ этого дня непримиримая ненависть наполнила сердце Ботвеля-Го. Онъ рѣшился убить регента, которому приписывалъ разореніе своего дома. Нѣсколько разъ пытался онъ на это; но безъ удачи.

Ободраемый въ своей ненависти Гамильтонами, онъ искалъ случая наказать виновника своего разоренія, уничтожить человека, угнетавшаго его партію. Этотъ случай скоро представился.

Регентъ долженъ былъ возвращаться изъ Стерлинга въ Эдинбургъ черезъ Ливингтау. На главной улицѣ этого послѣдняго города архіепископъ Сентъ-Андрейскій, дядя Ботвеля-Го, имѣлъ домъ, мимо котораго Мюррей съ своею свитою непремѣнно долженъ былъ про-

знать. Этотъ домъ былъ отданъ въ распоряженіе Вотвель-Го, который помѣстился въ немъ и приготовилъ все, для того чтобы удачнѣе выполнить планъ мщенія, задуманный имъ съ Гамилтонами. Загородивъ накрѣпко дверь, выходившую на улицу, приготовивъ осѣдланную лошадь позади дома, онъ помѣстился въ деревянной галерей, откуда ему удобно было выстрѣлить въ своего врага съ полною увѣренностію, что промаха не будетъ. Кромѣ того, для большей предосторожности, онъ разсыпалъ по полу пухъ, которымъ была набита постель, — опасаясь, чтобы его не выдалъ шумъ шаговъ, — и покрылъ заднюю стѣну чернымъ сукномъ, чтобы его тѣнь, упавъ на нее, не была замѣчена. Сдѣлавъ это, онъ, вооруженный съ головы до ногъ, съ ружьемъ заряженнымъ четырьмя пулями, сталъ дожидаться проѣзда регента.

Мюррэй провелъ ночь въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ. До него доходили слухи объ угрожавшей ему опасности. Одинъ изъ его друзей убѣждалъ его даже ѣхать не по главной улицѣ Линлитгау, а по вѣнцовой части города. Но тѣсная толпа, собравшаяся вокругъ него, помѣшала ему возвратиться. Съ своей обычной смѣлостью и самоувѣренностію онъ вѣхалъ въ Линлитгау среди кликовъ слѣдовавшей за нимъ толпы. Медленно проѣзжалъ онъ верхомъ по главной улицѣ до самаго дома архіепископа. Подѣхавъ сюда, онъ самъ, такъ сказать, подставился подъ ударъ убійцы, который, видя его въ своей власти, сдѣлалъ по немъ выстрѣлъ. Пораженный пулями выше пояса, регентъ упалъ; рана была смертельна. При этомъ армія народа бросилась къ дому, откуда былъ сдѣланъ выстрѣлъ. Но, пока толпа старалась проникнуть въ него, Вотвель-Го выбѣжалъ черезъ заднюю дверь и, вскочивъ на зараннѣе приготовленную лошадь, поскакалъ черезъ поле по направленію къ замку Гамилтонъ. Лордъ Клавдій Гамилтонъ, командоръ Арбротъ и архіепископъ Свѣтъ-Андрейскій ожидали его тамъ и приняли этого убійцу, какъ освободителя своей партіи.

Мюррэй умеръ въ тотъ же день, 23 января 1570 года; въ послѣднія минуты своей жизни онъ обнаружилъ чувства большой набожности и благородной кротости. Его смерть невообразимо обрадовала партію Марин Стюартъ въ Шотландіи; ею были довольны также все католическіе государи Европы. Для друзей плѣнной королевы, Мюррэй былъ неблагодарнымъ подданнымъ, безчеловѣчнымъ братомъ, ненавистнымъ бунтовщикомъ; для королей онъ казался торжествующимъ противникомъ законной власти. Въ немъ погибъ искусный вожь шотландскаго протестантизма, смѣлый руководитель правительства молодого короля и полезный союзникъ Влизаветы. Въ немъ соединились многія достоинства: неустрашимое сердце, возвышенность и твердость духа, энергическій характеръ, нравъ честный и строгій; и однакоже онъ иногда былъ жестокъ, часто коваренъ и то высокомѣренъ, то раболѣпенъ, смотря по нуждамъ своей партіи и интересамъ своего величія. Онъ дѣйствовалъ какъ сектаторъ и какъ честолюбецъ. Чтобы поддержать свою партію, онъ сдѣлался повелителемъ государства. Обладая вер-

хотела владѣтью, онъ былъ неустойчиво благочелъ и заботился о охраненіи строгой правды; народъ, видя, что подъ его управленіемъ въ государствѣ утверждается строгая справедливость и неизбѣжный прежде порядокъ, далъ ему и сохранилъ за нимъ званіе *добраго регента*. Сообразуясь въ частной жизни съ своими различными привычками, онъ изъ своего жилища сдѣлалъ скорѣе церковь, чѣмъ дворець, и приобрѣлъ довѣріе и сочувствіе пресвитеріанской секты. Но интересы религіи пересланили въ немъ чувство національности, и въ сношеніяхъ съ Елизаветой въ немъ видѣль не столько протѣладецъ, сколько протестантъ. Выростивъ въ эпоху смутъ, онъ привыкъ къ насиліямъ. Онъ согласился на убійство Риччид и не былъ строгъ въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ, которые участвовали въ покушеніи противъ Дарнлей. Виновникъ гражданской войны — онъ считалъ тѣмъ, что сдѣлался ея жертвою; соучастникъ перваго умерщвленія и безмолвный зритель втораго, — онъ самъ былъ убитъ. Пути, ведущіе къ возвышенію, ведутъ часто съ тѣмъ вѣстѣю и къ гибели. Таковъ, обыкновенно холъ событийъ, въ которомъ обнаруживается тайное правосудіе Провидѣнія!

Смерть Мюррея возвратила уничтоженной партіи королевы все ея прежнія надежды. Эта партія, только что побѣжденная въ Англіи, внезапно возстала въ Шотландіи. Гамильтоны поднялись съ оружіемъ въ рукахъ. Летингтонъ, безъ труда заставившій оправдать себя отъ обвиненія, которое ввозилъ на него регентъ, присоединился скоро къ нимъ вмѣстѣ съ лэрдомъ Гранджемъ. Герцогъ Шатальро и лэрдъ Герриазъ были освобождены. Партія вѣрной королевы, состоявшая теперь изъ большой части дворянства, руководимая самымъ искуснымъ политикомъ, поддерживаемая самымъ храбрымъ полководцемъ, сдѣлалась скоро господствующею въ Шотландіи. Она овладѣла Эдинбургомъ и, казалось, готова была возстановить Марію Стюартъ, власть которой была признана и объявлена снова. Въ то время, какъ происходило это возвращеніе счастья къ Маріи Стюартъ въ ея государствѣ, ея соперница увидѣла вокругъ себя снова тѣже опасности, отъ которыхъ она только что избавилась. Папа Пій V, сожалея, безъ сомнѣнія, о томъ, что не могъ помочь своимъ духовнымъ оружіемъ возставшимъ англійскимъ католикамъ, провозгласилъ противъ Елизаветы приговоръ, заключившій ея отлученіе отъ церкви и низложеніе. Предводители Скоттовъ и Керовъ, лэрды Вэеклю и Фарингерстъ, вмѣстѣ съ графомъ Уэстморлендомъ бросились въ Англію, гдѣ Леонардъ Джеръ Гисленъ, который не могъ принять участія въ предшествовавшемъ возстаніи, поднявъ знамя бунта, и въ нѣсколько дней собралъ армию около трехъ тысячъ человекъ.

Елизавета думала, что ей угрожаетъ сильная опасность. Последовательныя побѣды католиковъ во Франціи, давъ имъ верхъ надъ гугенотами, разбитыми подъ Монконтуромъ, послѣ Жарнакского пораженія, и лишивъ послѣднихъ года Сенъ-Жанъ-д'Анжеда, послѣ ихъ неудачной попытки противъ Пуатье, — наставляли Елизавету опасаться французской экзекюціи въ Шотландію. Она боялась также

какъ бы герцогъ Альба, который все болѣе и болѣе утверждался въ Нидерландахъ, гдѣ онъ устраивалъ крѣпости, съ цѣлю удерживать въ повиновеніи угнетенныхъ враговъ своего государя, — не задумалъ высадки въ Англію. Умерщвленіе регента Мюррэя столько жѣ опечалило королеву англійскую, сколько обрадовало Марію Стюартъ. Получивъ это извѣстіе, Елизавета заперлась въ своей комнатѣ, и, плача, говорила, что въ немъ она потеряла лучшаго и полезнѣйшаго друга, какой у нея былъ въ свѣтѣ. Но она не ограничилась однимъ только безплоднымъ сожалѣніемъ. Слишкомъ позднее движеніе Джэра было подавлено соединенными силами лорда Гэнсдона и сэра Джона Форстера, которые напали на этого смѣлаго предводителя втораго возстанія близъ Джелъта въ Кэмберлендѣ. Они разбили его, повнеса при томъ и самыя значительный уронъ, и принудили подобно графамъ Ноутэмберленду и Уэстморленду, искать убѣжища въ Шотландіи.

Елизаветѣ больше всего слѣдовало заботиться о сохраненіи своего вліянія на эту послѣднюю страну, которое она успѣла утвердить съ такими значительными пожертвованіями. Еслибы Шотландія сбросила съ себя это вліяніе, Англія могла бы быть отнята у Елизаветы. Низложенная папою, будучи котораго черезъ нѣсколько времени послѣ того была пригнана къ дверямъ епископа Лондонскаго, угрожаемая Испаніей и Франціей, опасавшаяся могущества англійскихъ католиковъ, которые въ такое короткое время уже два раза начинали возстаніе въ одной и той же мѣстности, знавшая о честолюбивыхъ видахъ своей высшей аристократіи, она чувствовала какъ будетъ непрочно ея положеніе на тронѣ, когда Марія Стюартъ взойдетъ на свой престолъ. Сесль, тоже сильно встревоженный, совѣтовалъ своей государынѣ принять мѣры, которыя скорѣе всего могли поддержать англійскую партію въ Шотландіи. Эта партія, къ которой принадлежало большинство горожанъ, и которую поддерживала пресвитеріанская церковь, своими представителями изъ среды дворянства имѣла только графовъ Муртона, Мара, Гленкарна, Бючана, лордовъ Глэмписа Рутвена, Лидсэя, Кэткарта, Метвена, Очилтри и Сольтоуна. Партія плѣнной королевы имѣла болѣе многочисленныхъ и болѣе могущественныхъ защитниковъ. Герцогъ Шателро, графы: Гэнтли, Арджиль, Атоль, Эрроль, Крофордъ, Маршалъ, Кэтнессъ, Кассилсъ, Эглинтонъ, Сэтерлендъ, лорды: Гэррисъ, Летингтонъ, Грэнджъ, Юмъ, Сптонъ, Огильви, Россъ, Бортуикъ, Олифантъ, Нестеръ, Флемингъ, Войлъ, Сомервилъ, Инериттъ, Форбъ и Грэй готовы были оружіемъ доставить ей торжество. Если бы дѣйствительно партіи были оставлены на собственный произволъ, то партія королевы должна была бы уничтожить приверженцевъ короля, которые уже были изгнаны изъ столицы королевства.

Поэтому Елизавета сочла нужнымъ вмѣшаться въ дѣло, для того чтобы не допустить партію короля до полного пораженія и воспрепятствовать возстановленію Маріи Стюартъ, которое казалось неизбѣжнымъ и котораго она опасалась больше всего. Набѣги предводителя Скоттовъ и Керовъ на англійскую границу и пріемъ въ Шотландію англійскихъ бунтовщиковъ перваго и втораго возстанія

подали ей для этого благовидный предлогъ. На другой день послѣ смерти регента она уже поручила агитатору Рандольфу отправиться въ Шотландію, для того чтобы помѣшатель примиренію партій.

Весною она приказала графу Сэссексу и лорду Скрупу проникнуть съ своими войсками въ эту страну съ востока и запада. Они опустошили тамъ владѣнія Бекклью, Фарингѳрста, Юма, Максуала и Герриза; разрушили укрѣпленные замки, разорили деревни, пожгли хлѣбные запасы, и привели въ ужасъ партію королевы, значительно ослабивъ ее. Въ то же время графъ Ленноксъ былъ посланъ Елизаветою въ Шотландію, для того что бы руководить партіей короля, своего внука, вмѣсто Мюррэя. Въ сопровожденіи своихъ старыхъ друзей, англичанъ Бервика, которыми начальствовалъ сэръ У. Друри, онъ присоединился къ Мортону, вступилъ въ Эдинбургъ и потомъ отправился на Глаго, осажденный Гамильтонами, который и освободилъ. Друри и Ленноксъ сдѣлали въ центрѣ Шотландіи опустошенія, которые Сэссексъ и Скрупъ произвели передъ тѣмъ на югъ; они опустошили Клайддэлъ и Ливалтгауширъ, разрушивъ укрѣпленные замки приверженцевъ королевы.

Эти позорныя экспедиціи, продолжавшіяся въ теченіе дѣта 1570 г. свергли Шотландію во всѣ ужасы анархіи. Не доставивъ побѣды приверженцамъ короля, которые снова овладѣли Эдинбургомъ и сохранили Глаго, онъ не позволили и партіи королевы пріобрѣсти полный успѣхъ. Силы партій, сдѣлавшіяся болѣе равными, колебались. Въ Шотландіи учредились два правительства: правительство короля, признаваемое большинствомъ городовъ и меньшинствомъ дворянства и правительство королевы, которое имѣло въ своей власти самыхъ могущественныхъ бароновъ и большую часть территоріи. Графъ Ленноксъ, избранный регентомъ 12 іюля 1570 г., по настоянію Елизаветы управлялъ первымъ; герцогъ Шательро, графы Гэнтли и Арджилъ, облеченные властію Маріи Стюартъ, стояли въ главѣ втораго.

Возстановивъ и преобразовавъ такимъ образомъ партію молодого короля, Елизавета удалила свои войска изъ Шотландіи. Оставлять ихъ тамъ долѣе, значило бы вызвать военное вмѣшательство Франціи, которая послала уже Верака въ снабженную припасами крѣпость Дэмбартонъ и обѣщала прислать помощь болѣе значительную. Карлъ IX вскорѣ былъ въ состояніи дѣйствительно помочь своей невѣсткѣ. Третья гражданская война приходила къ концу и переговоры, свидѣствіемъ которыхъ былъ религіозный миръ между католиками и протестантами, подписанный въ Сентъ-Жерменѣ, уже начались. При такомъ положеніи дѣлъ Елизавета, казалось, уступила требованіямъ посланника Карла IX. Она очистила Шотландію, возвратила свободу епископу Росскому и возобновила съ Марією Стюартъ договоръ, заключенный лѣтомъ 1570 года, до собранія въ Пертѣ.

Два члена тайнаго совѣта Англіи, Сесиль и Майльдмэй, были посланы разсмотрѣть условія этого договора въ Чэтсортъ въ графствѣ Дерби, куда перевели Марію Стюартъ, въ концѣ мая 1570 года; сюда же успѣвшия прибыть прежде нихъ епископъ Росскій, чтобы пронакомить ее ранѣе съ этими условіями и пособить ей своими

свѣтами. Характеръ требованій, сдѣланныхъ ей отъ имени Елизаветы, государственное значеніе лицъ, присланныхъ къ ней этой государыней, повиднмому показывали, что переговоры были на этотъ разъ серьезными. Въ то время какъ въ Чэтсуортѣ договаривались о восстановленіи Маріи Стюартъ, Елизавета устроила между партіями въ Шотландіи перемиріе, продолжавшееся отъ сентября 1570 года, до апрѣля 1571; это перемиріе должно было служить началомъ всеобщаго мира.

Марія Стюартъ съ надеждою приняла сдѣланныя ей вновь предложенія. Она согласилась на все, что могло успокоить Елизавету, не роняя въ то же время ея собственнаго достоинства. Она признала Единбургскій трактатъ и отказалась отъ всякаго права на англійскую корону, во все время жизни Елизаветы, или ея законныхъ потомковъ, если они будутъ. Она не отвергла совершенно наступательнаго и оборонительнаго союза Англій съ Шотландіей, лишь бы предметъ его былъ опредѣленъ и ограниченъ. Она обѣщала не входить ни въ какія сношенія съ подданными Елизаветы, безъ согласія на то съ ея стороны. Продолжая отказываться изъ чувства человѣколюбія и чести, въ выдачѣ графа Нортэмберленда и другихъ англійскихъ бунтовщиковъ, бѣжавшихъ въ Шотландію, она обязывалась удалить ихъ въ теченіе опредѣленнаго срока изъ своего королевства. Она соглашалась, до полученія своей свободы отдать Елизаветѣ, заложникомъ, своего сына, который долженъ былъ воспитываться въ Англій до пятнадцати лѣтняго возраста, и кромѣ того не выходить самой замужъ безъ согласія Елизаветы.

Такъ какъ въ обезпеченіе точнаго выполненія договора требовались шесть заложниковъ изъ шотландской аристократіи, то Марія Стюартъ просила, чтобы это число было уменьшено до четырехъ; чтобы герцогъ Шателро, графы Гэнтли, Арджиль, Атоль, лорды Флемингъ и Ситонъ, также какъ защитники границъ государства, были исключены изъ этого числа; чтобы тѣ изъ графовъ и старшихъ сыновей ихъ, лордовъ и также старшихъ сыновей ихъ, которые будутъ избраны въ заложники, имѣли возможность возвращаться въ Шотландію, для устройства своихъ дѣлъ, оставляя вмѣсто себя заложниковъ равнаго съ ними достоинства. Она изъявляла согласіе представить этотъ трактатъ на утвержденіе парламенту королевства, и въ случаѣ если бы она вздумала нарушить его, объявить войну Елизаветѣ, или подать помощь ея врагамъ, соглашалась отказаться отъ всѣхъ своихъ правъ, не только на англійскую, но даже и на шотландскую корону, и передать ее своему сыну. Окончивъ съ необыкновеннымъ искусствомъ и благородствомъ споръ по поводу заключаемаго договора, условившись во всѣхъ главныхъ пунктахъ его, бѣдная плѣнница, удрученная постояннымъ заключеніемъ, а также душевными и тѣлесными страданіями, отъ которыхъ не спасла ее даже молодость, думала, что приближается наконецъ минута, когда она получитъ свободу и власть.

Исполненная надежды и радости она писала съ любовью къ Ели-

заветъ: «Нѣтъ больше никакихъ недоразумѣній, которыя бы могли мѣшать нашей искренней и взаимной дружбѣ, которой я желаю больше, чѣмъ дружбы всякаго другаго государя, въ доказательство чего и вручаю вамъ самое дорогое сокровище, какое только было послано мнѣ Богомъ въ этотъ мѣръ, мое единственное утѣшеніе, моего единственнаго и дорогаго сына; его воспитаніе хотѣли принять многіе, но я ввѣряю его вамъ, желая чтобы и оцъ, такъ же какъ я, предпочиталъ васъ всѣмъ другимъ.» Она увѣряла также, что предпочитаетъ желаніе Елизаветы всякому другому и охотно исполнитъ то, чего отъ нея требуютъ, прибавляя: «Я искренно желаю соблюдать постановленныя между нами условія, рѣшившіяся теперь. Для окончанія моего утомительнаго плаванія, бросить якорь въ пристани вашего врожденнаго расположенія ко мнѣ. вмѣсто всякаго ручательства, я предлагаю вамъ мою смиренную покорность и повинновеніе, какъ будто я имѣю честь быть вашею дочерью, такъ же какъ я имѣю честь быть вашею сестрою и ближайшею родственницею; и съ этихъ поръ ни кому не уступлю въ повинновеніи и почтеніи къ вамъ, если вамъ угодно будетъ считать меня вполне своею».

Вѣря въ искренность этихъ переговоровъ, она сообщила королямъ французскому и испанскому дуплиаты съ предложенныхъ ей и подписанныхъ ею условій, и извѣстила самого папу Пія V, что видятъ необходимость подчиниться имъ. Она оправдывалась слухами Шотландіи, своими плачевными бѣдствіями, безконечными опасностями, окружавшими ее и наконецъ — всеобщимъ забвеніемъ, въ какомъ она находилась. Она говорила съ горечью: «Призываю въ свидѣтели всевѣдущаго Бога! Ему извѣстно съ какими волнами несчастій приходилось мнѣ бороться до настоящаго времени! И пока продолжалась, непрерывно усиливаясь, эта яростная буря, люди, обѣщавшіе подать мнѣ помощь, забывая совершенно о своихъ обѣщаніяхъ, ни въ чемъ не помогли мнѣ. Теперь я уже не надеюсь больше на нихъ, и только случай, можетъ быть, расположитъ ихъ умы въ пользу моей партіи и заставитъ ихъ поддерживать ее, когда побѣда будетъ уже слишкомъ трудною.» Она выразила готовность къ заключенію мира съ Елизаветою на выгодныхъ условіяхъ, которыя были предложены ей, постоянно увѣряя папу, что она не помнитъ ни долгу совѣсти, ни законамъ чести, и что ей само будетъ воспитываемъ въ Англии, — куда она принуждена послать его, какъ заложника, — въ духъ католической религіи.

Этотъ договоръ, заключенный предварительно въ Чэтсуортѣ, долженъ былъ получить окончательное утвержденіе въ Лондонѣ. Шотландскіе комиссары обѣихъ партій были призваны сюда, чтобы условиться съ Елизаветою относительно возстановленія плѣнной королевы и тѣснаго союза обѣихъ королевствъ. Епископъ Галлоуэйскій и лордъ Ливингстонъ, назначенные партіей приверженцевъ Маріи, успѣли прибыть туда и соединились съ епископомъ Росскымъ. Но графъ Мортонъ, аббатъ Дэмферлингъ и Джемсъ Макгиль, избранные противною партіей, заставили долго продвѣть себя. Прошло четыре мѣсяца послѣ того какъ Сесиль и Мальдонадъ оставили Чэтсуортъ

и два — какъ епископъ Галлоуэйскій и лордъ Ливингстонъ прибыли въ Лондонъ, — а Мортонъ, Макгиль и Питкэрнъ еще не прибѣжали. Когда же они наконецъ явились, трактатъ былъ уже сильно разстроены. Герцогъ Алба не одобрялъ его содержанія, а Карлъ ІК выражалъ неудовольствіе относительно пунктовъ, наиболѣе выгодныхъ для Елизаветы: разрыва прежнихъ союзовъ между Шотландіей и Франціей и отсылки наследнаго престола въ Англію. Но даже и на этия условія, которыя Елизавета предлагала отнюдь не чистосердечно, она не нахвтана была освободить Марію Стюартъ. Она старалась увеличить протѣтвія и къ своимъ прежнимъ требованіямъ, прибавляла новыя. Мортонъ, Питкэрнъ и Макгиль явились на помощь ей коварству съ своимъ отказомъ. Они объявили, что не примутъ драва ни возстановитъ Марію Стюартъ въ Шотландіи, ни передать въ ея руки Елизавета особу своего молодого государя, и что они упованы только установить доброе согласіе между обоими королевствами. Подъ этимъ неполитичнымъ предлогомъ Елизавета прекратила сношенія, начатыя ею въ то время, когда Франція оканчивала третью гражданскую войну. Елизавета тянула эти переговоры до тѣхъ поръ, пока опасалась союза между Карломъ ІХ и Филиппомъ ІІ, для возстановленія общими силами Маріи Стюартъ: но она объявила ихъ прерванными, когда брачныя переговоры между нею и герцогомъ Анжуйскимъ окончателно успокоили ее на счетъ французскаго двора.

Марія Стюартъ снова была обманута въ своихъ надеждахъ. Уже два съ половиною года провела она плѣнницею въ Англіи, отыскивая доперемѣнно средствъ для своего освобожденія и возстановленія то въ усидяхъ своей партіи въ Шотландіи, то въ своемъ бракѣ: съ главою англійской аристократіи, то въ возстаніи католическихъ подданныхъ Елизаветы, то въ союзѣ шотландскихъ лордовъ, поддерживаемыхъ французскимъ дворомъ по смерти Мюррэлъ, то, наконецъ, въ примиреніи съ своею счастливою и могущественною соперницею. Ничто не удавалось. Вѣрныя ей шотландцы были разбиты Мюррэлъ въ 1569 г. и ослаблены Елизаветою въ 1570; бракъ съ герцогомъ Норфолькомъ встрѣтилъ мало сочувствія въ Шотландіи и формальной запрещеніе въ Англіи; англійскіе католики два раза возставали и два раза были побѣждены; союзъ, заключенный въ Четсуортѣ съ такими уступками съ ея стороны, былъ отвергнутъ; Франція покинула ее и повиданому, отказывалась отъ прежней дружбы съ Шотландіей, для того чтобы свести новую, съ Англіей. Что же оставалось ей дѣлать? Король Филиппъ ІІ былъ ея послѣдней надеждой на спасеніе. Она прибѣгала къ нему съ просьбой о высадкѣ испанцевъ въ Англію одновременно съ возстаніемъ, которое она надѣялась возбудить еще разъ въ этомъ государствѣ.

Чтобы уговорить Филиппа ІІ къ вооруженному нашествію на королевство англійское, нужно было обѣщать ему значительную поддержку и увѣрить его въ томъ что герцогъ Норфолькъ возьмется за оружіе и приметъ католичество. Этотъ нерѣшительный и осторожный государь былъ не расположенъ до сихъ поръ къ предпріятію

которое казалось ему слишком невѣрнымъ. Герцогъ Альба утверждалъ уже цѣлый годъ, что нашествіе на Англію представляетъ чрезвычайныя затрудненія; что оно требуетъ значительныхъ суммъ, которыхъ онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи; что оно встрѣтитъ двойное сопротивленіе во Франціи и Германіи: въ первой—изъ политическихъ видовъ, во второй—въ вѣдѣніи религиозныхъ интересовъ, и что нужно будетъ опасаться, чтобы обѣ эти страны не сдѣлали нападенія на испанскія провинціи, съ цѣлью снова возмутить ихъ или овладѣть ими, какъ только онъ выйдетъ оттуда съ своими войсками. Эти доводы имѣли свою силу. Филиппъ II былъ пораженъ ими. Однако же было время когда онъ готовъ былъ объявить себя въ пользу графовъ Нортэмборленда и Уэстморленда, узнавъ о католическомъ возстаніи сѣверной Англіи. Изъ Кордовы, гдѣ онъ собралъ кортесы Кастиліи, отправленъ былъ имъ уполномоченный Георгъ Куемне съ ободрительными письмами и обѣщаніемъ скорой помощи, которую приказано было герцогу Альбѣ подать имъ въ случаѣ если бы они могли продолжать военныя дѣйствія. Ихъ скорое пораженіе помѣшало ему подать помощь, и теперь, для того чтобы побудить его къ экспедиціи, нужно было представить ему, что выполненіе этого предпріятія не трудно, и успѣхъ вѣренъ при помощи, которую доставитъ ему герцогъ Норфолькъ среди дворянства и въ графствахъ Англіи, гдѣ всѣ возьмутся за оружіе, какъ только покажутся корабли и высадятся солдаты Филиппа II.

Марія Стюартъ сохраняла постоянныя и нѣжныя сношенія съ герцогомъ Норфолькомъ, когда тотъ былъ заключенъ въ Товерѣ. Она переслала ему свой портретъ и хотя они никогда не видались, однако же писали другъ къ другу письма довольно страстныя. Эта переписка велась цѣрами. Она проходила черезъ руки епископа Роскаго, секретаря котораго Джонъ Кэтбертъ разбиралъ для Маріи письма герцога, между тѣмъ какъ Беннестеръ, находившійся въ службѣ у послѣдняго, разбиралъ для него письма Маріи. Это тщательно скрывалось отъ Елизаветы, которая думала, что всѣ частныя сношенія и всѣ общія намѣренія были оставлены обоими плѣнниками. Черезъ нѣсколько времени послѣ смерти Мюррэя, когда со стороны Шотландіи возобновились надежды Маріи Стюартъ, она писала къ герцогу Норфольку: « Если вы не думаете отказываться отъ этого предпріятія, то я раздѣлю съ вами жизнь и смерть. Ваша судьба будетъ моею; вотъ почему я хочу, чтобы вы сообщали мнѣ всѣ свои намѣренія.»

Въ то самое время, когда переговоры съ Маріею Стюартъ, начатыя въ Лондонѣ, были перенесены въ Чэтсуортъ, чума проникла изъ Сити въ Товеръ; поэтому Елизавета согласилась выпустить оттуда герцога Норфолька. Не возвращая ему полной свободы, она дозволила ему жить въ его собственныхъ домахъ, подъ надзоромъ, который былъ не слишкомъ строгъ. Но она потребовала, чтобы, еще до выхода изъ государственной тюрьмы, онъ далъ торжественное обѣщаніе въ томъ что не будетъ имѣть никакихъ сношеній съ королевой шотландской и оставить намѣреніе жениться на ней. Герцогъ далъ письменное обязательство въ этомъ за своею подписью и съ приложеніемъ сво-

ей гербовой печати. Не смотря на страшныя наказанія, которымъ онъ подвергался нарушая это обязательство, — потому что онъ согласился чтобы его считать, въ такомъ случаѣ, измѣнникомъ, — онъ продолжалъ, при помощи епископа Росскаго, свои письменныя сношенія съ Марією Стюартъ, которая то въ самыхъ пламенныхъ, то въ самыхъ печальныхъ выраженіяхъ возбуждала въ его душѣ то честолюбіе то преданность; говорила что вся принадлежитъ ему, и съ непреодолимымъ краснорѣчіемъ убѣждала его отдаться ей вполнѣ.

Когда она увидѣла, что переговоры, начатыя между ею и Елизаветою, — не болѣе какъ обманъ и не должны привести ни къ какому результату, и снова вступила на неизбѣжный и опасный путь заговоровъ, — то увлекла съ собою и герцога Норфолька. Епископъ Росскій составилъ весь планъ новаго заговора, въ которомъ флорентинецъ Ридольфи долженъ былъ служить агентомъ при сношеніяхъ съ герцогомъ Альбою, Піемъ V и Филиппомъ II. Ридольфи былъ не только богатый банкиръ Флоренціи, родственникъ Медичи и директоръ компаніи итальянскихъ купцовъ, поселившихся въ Лондонѣ, — онъ былъ также тайнымъ корреспондентомъ папы, вліятельнымъ кредиторомъ многихъ могущественныхъ вельможъ Англіи, у которыхъ пользовался довѣренностію, и которыхъ всѣми силами старался отвлечь отъ Елизаветы и протестантства. Задержанный на нѣсколько мѣсяцевъ послѣ возстанія сѣверныхъ католиковъ, въ которомъ его подозрѣвали какъ сручастника, онъ получилъ свободу, давъ вексель въ тысячу фунтовъ стерлинговъ. Онъ думалъ, что настала минута, для того чтобы освободить, при помощи папы и Филиппа II, королеву шотландскую, выдать ее за мужъ за обращеннаго въ католичество герцога Норфолька, и возстановить прежнюю религію въ обоихъ государствахъ Британскаго острова. Епископъ Росскій и Ридольфи имѣли по этому поводу тайныя сношенія и совѣщанія съ герцогомъ Норфолькомъ. Отъ имени герцога и королевы были составлены очень подробныя инструкціи, которыя Ридольфи долженъ былъ передать Пію V и Филиппу II. Герцогъ отказался подписать полномочіе Ридольфи, боясь опасности, которой бы онъ подвергся, въ случаѣ еслибы это открылось; но, по прочтеніи акта, онъ призналъ его и увѣдомилъ объ этомъ испанскаго посланника дона Гверальдо Эспеса.

20-го марта, незадолго до отъѣзда Ридольфи изъ Лондона, Марія Стюартъ послала Джона Гамильтона къ герцогу Альбѣ, къ которому она обратилась прежде другихъ «какъ къ вѣрному совѣтнику короля испанскаго, защитнику и покровителю католической церкви.» Она просила у него скорой помощи, «весьма необходимой, говорила она, какъ для дѣла Вожія, такъ для меня и моихъ приверженцевъ.» Объявляя снова свои притязанія на англійскую корону, она извѣщала герцога Альбу, что сообщитъ ему въ скоромъ времени свои личныя намѣренія, и говорила, что логоваривается съ нимъ не для одной только себя, но для того чтобы обязать вѣчною признательностію «весь этотъ островъ въ отношеніи къ королю испанскому и къ нему, какъ къ вѣрному исполнителю повелѣній своего государя.»

Черезъ четыре дня послѣ того Ридольфъ отправился на материкъ, съ инструкціями Маріи и Норфолька. Въ этихъ инструкціяхъ герцогъ Норфолькъ поручалъ ему просить присылки шести тысячъ стрѣлковъ, четырехъ тысячъ ружей, двухъ тысячъ нагрудниковъ или кирасъ, двадцати пяти пушекъ съ необходимыми снарядами и денежной помощи. Онъ желалъ, чтобы количество вспомогательныхъ войскъ было увеличено, въ случаѣ возможности, до десяти тысячъ человекъ. Изъ которыхъ четыре тысячи были бы отдѣлены для полезной диверсіи въ Ирландію. Онъ обѣщалъ присоединить къ этой арміи двадцать тысячъ пѣхоты и три тысячи кавалеріи, овладѣть королевою англійскою и всѣми членами совѣта, освободить королеву шотландскую, и ввести ее во владѣніе королевствомъ, которое будетъ приведено снова въ релігіозное повиновеніе папѣ. Чтобы внушить болѣе вѣры въ успѣхъ предпріятія, Ридольфъ долженъ былъ поименовать всѣхъ, кто приметъ въ немъ участіе, или кто не будетъ сопротивляться ему. Въ прибавленіи къ этимъ инструкціямъ онъ имѣлъ съ собою списокъ главнѣйшихъ англійскихъ вельможъ, съ обозначеніемъ мнѣній каждаго изъ нихъ. Огромное большинство англійскаго дворянства было представлено тамъ расположеннымъ къ перемѣнѣ или долженствующимъ принять въ ней участіе. Марія Стюартъ, раздѣлавшая это заблужденіе, или показывавшая только видъ, что имѣетъ такіа мнѣнія, съ цѣлью легче склонить къ этому Филиппа II, писала ему что герцогъ Норфолькъ готовъ стать во главѣ дворянства и взяться за оружіе. Она предлагала отослать своего сына въ Испанію, для того чтобы ему было дано тамъ образованіе въ духѣ католической релігіи. Она выражала большое сожалѣніе о насиліи, которое ей сдѣлалъ Ботвелль, принудивъ ее къ браку, уничтоженія котораго она требовала, какъ только ея страсть къ нему охладѣла. Она обѣщала возстановить римскую вѣру и поручала Ридольфу изложить изустно самую тайную часть его порученія. «И какъ это касается, говорила она, интересовъ всего христіанства вообще, и короля католическаго въ особенностѣ, то не слѣдуетъ, по невниманію или медленности допускать, чтобы такое вѣрное предпріятіе не имѣло успѣха. Ридольфъ изустно передалъ все, что ему было сказано герцогомъ и епископомъ Росскимъ.» Французскій дворъ только что заключилъ миръ съ протестантами и велъ переговоры о брачномъ союзѣ герцога Анжуйскаго съ королевою Англій; поэтому онъ внушалъ Маріи Стюартъ большую недоувѣрчивость и она приказала Ридольфу, чтобы тотъ, пробѣжая черезъ Парижъ, не сообщалъ ничего ни Катеринѣ Медичи ни Карлу IX.

Ридольфъ, прибывъ въ Брюссель, былъ допущенъ къ герцогу Альбрехту которому изложилъ планъ, средства и нужды заговорщиковъ, отправившихъ его къ папѣ и Филиппу II. Этотъ принципиальный политикъ отличался столько же безошибочностью сужденій, сколько рѣшительностью своихъ поступковъ. Онъ казалось, принявъ не слѣдующее довѣрчиво посла-флорентинца, котораго называлъ большимъ болтуномъ (parlanchin), и смотрѣлъ на предпріятіе, о которомъ тотъ сообщалъ ему, какъ на дѣло слишкомъ безразсудное. По этому поводу,

7 мая 1574 г., этот послалъ письмо болѣе чѣмъ въ двадцать страницъ къ Филиппу II. Въ этой длинной и любезной депешѣ, еще не издавшею до сихъ поръ и чрезвычайно важной для исторіи, герцогъ Альба, изложивъ королю, своему повелителю, планъ, который сообщилъ ему Ридольфъ отъ имени королевы шотландской и герцога Норфолька, относительно освобожденія Маріи Стюартъ, возстановленія католичества, арестованія Елизаветы, и изгнанія лондонской государственной тираньи, — прибавлялъ, что герцогъ Норфолькъ извѣщалъ его, что нѣтъ возможности ожидать помощи, требуемой его инструкціями и удерживаться собственными средствами въ теченіе сорока дней въ своей округѣ, расположенномъ прямо противъ береговъ Голландіи и представляющемъ удобное мѣсто для высадки войскъ въ іюль или августѣ мѣсяцахъ. Герцогъ Альба приказывалъ Ридольфу сохранять строгую тайну при проѣздѣ черезъ Францію, если онъ дорожитъ жизнью королевы шотландской и герцога Норфолька, которыхъ его неспрошенность похищено негубила бы. Въ тоже самое время онъ писалъ къ дому Хуану Цуньига, посланнику Филиппа II при дворѣ Папы V, извѣщая его о скоромъ прибытіи Ридольфа въ Римъ и проси предупредить папу о трудностяхъ проекта, который будетъ представленъ ему, и предостеречь римскаго первосвященника отъ опрометчиваго согласія на этотъ планъ, которое онъ могъ дать подъ влияніемъ своего религиознаго рвенія.

Что касалось до самаго предпріятія, то герцогъ Альба писалъ о немъ Филиппу II «принимая во вниманіе участіе и сожалѣніе, — которыя должны внушать вашему величеству королева шотландская и ея приверженцы, вслѣдствіе такого недостойнаго съ ними обращенія. — и имѣя долгъ съ отношенія къ Богу — помогать, по мѣрѣ возможности, терпѣнству и возстановленію католичества на этихъ островахъ, а также оскорбленія, наносимыя королевой англійской вашему величеству и вашимъ подданнымъ, разными средствами и съ разныхъ сторонъ, такъ что нѣтъ надежды быть въ лучшихъ съ нею отношеніяхъ до тѣхъ поръ, пока она будетъ царствовать, — мнѣ кажется, что нѣтървеніе королевы шотландской и герцога Норфолька, въ случаѣ удачи, было бы наилучшимъ путемъ, какимъ зло можетъ быть исправлено.»

Но не смотря на то, что онъ одобрялъ предпріятіе, его мнѣніе было таково, что католическому королю не слѣдуетъ приступать къ дѣлу, подавая открытую помощь. Въ этомъ случаѣ будетъ замѣшано столько людей, что сохранять тайну сдѣлается невозможнымъ, а если тайна не будетъ сохранена, прибавлялъ онъ, то предпріятіе рухнетъ, нужно будетъ опасаться за жизнь королевы шотландской и герцога Норфолька; королева англійская найдетъ случай, котораго ищеть уже давно, чтобы избавиться отъ нея и ея приверженцевъ; дѣло католической религіи будетъ потеряно навсегда, и все падеть на ваше величество.... Вотъ почему никто не можетъ совѣтовать вашему величеству, чтобы вы подали просимую отъ васъ помощь въ какомъ видѣ, какъ ее требуютъ. Но, если королева англійская умретъ своею естественною или какою либо другою смертію, или

если удастся овладѣть ея особою безъ помощи вашего величества, тогда я не буду уже болѣе видѣть препятствій въ этомъ предпріятіи. Тогда переговоры между королевою англійскою и герцогомъ Анжуйскимъ прекратятся; опасенія французовъ, что ваше величество желаете овладѣть Англіей ослабѣютъ; нѣмцы будутъ смотрѣть на васъ съ большою довѣрчивостію, потому что единственному цѣлю вашей будетъ поддерживать королеву шотландскую противъ ея соперателей въ принадлежащихъ ей правахъ на корону Англій. Въ такомъ случаѣ будетъ удобно принять во вниманіе эти просьбы, прежде чѣмъ какой нибудь другой государь будетъ имѣть возможность вмѣшаться въ это дѣло, потому что, пользуясь удобствомъ, представляемымъ областью герцога Норфолька, можно будетъ высадить въ ней шесть тысячъ человекъ, которыхъ онъ требуетъ, не только въ теченіе сорока дней, то есть въ теченіе времени пока онъ будетъ въ состояніи удерживаться собственными силами, но въ тридцать и даже въ двадцать пять дней.» Герцогъ Альба настаивалъ, чтобы въ одномъ изъ трехъ случаевъ—естественной смерти, убійства или взятія въ плѣнъ Елизаветы,—Филиппъ II воспользовался возможностью привести къ концу свои предположенія о возстановленіи католической религіи на этихъ островахъ, и обезпеченіи будущаго спокойствія въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ. Онъ оканчивалъ денешю словами: «И такъ ваше величество можете имъ отвѣчать, что, если произойдетъ какой нибудь изъ помянутыхъ случаевъ, они получаютъ изъ Нидерландовъ вспомогательное войско въ шесть тысячъ человекъ, котораго требуютъ. Что касается до меня государь, то я смотрю на это предпріятіе какъ на дѣло такое удобное, почетное и легкое для вашего величества, что, если произойдетъ одинъ изъ этихъ трехъ случаевъ, я не колеблюсь и не ожидаю новаго приказанія вашего величества, постараюсь исполнить ихъ требованія, потому что думаю, таковы ваши намѣренія; и я сдѣлаю это, если только съ вашей стороны не послѣдуетъ приказанія въ противномъ смыслѣ.»

Эта денеша, отправленная изъ Брюсселя 7 мая, 22 была получена въ Мадридѣ. Филиппъ II, присоединивъ свои собственные опасенія къ совѣтамъ герцога Альбы, написалъ, отъ 20 іюня, своему посланнику въ Лондонѣ, дону Гверальдо д' Эспесу: «Робертъ Ридольфи еще не пріѣзжалъ сюда. Если сдѣланное ему порученіе будетъ обнаружено, то это послужитъ ножомъ противъ королевы шотландской и герцога Норфолька, такъ какъ можно разсчитывать навѣрное, что королева англійская, узнавъ объ этомъ, воспользуется такимъ случаемъ для выполненія своихъ злобныхъ намѣреній подъ благовиднымъ предлогомъ. Соблюдайте же необходимую осторожность; каждый вашъ шагъ впередъ долженъ быть разсчитанъ, ваше поведеніе должно сообразоваться съ поведеніемъ герцога Альбы и его приказаніями.»

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого въ Мадридъ пріѣхалъ Ридольфи изъ Рима, гдѣ папа съ жаромъ взялся за его предпріятіе. Допущенный, 28 іюня, въ присутствіе Филиппа II, онъ, вмѣстѣ съ полномочіями герцога Норфолька и Маріи Стюартъ, представилъ слѣдующее

письмо верховнаго первосвященника, Пія V: «Нашъ любезный сынъ Робертъ Ридольфи, по соизволенію Божьему, изложитъ вашему величеству нѣкоторыя обстоятельства, не мало касающіяся славы всемогущаго Бога и пользы христіанской республики. Мы требуемъ и умоляемъ, чтобы ваше величество оказали ему въ этомъ отношеніи полнѣйшую довѣренность безъ всякаго колебанія, и особенно заклинаемъ васъ вашимъ совершеннымъ благочестіемъ, принять къ сердцу дѣло, о которомъ ему предстоитъ говорить съ вашимъ величествомъ, и снабдить его всѣми средствами, какія вы найдете наиболѣе удобными для выполненія этого предпріятія. Мы просимъ однако же объ этомъ ваше величество, предоставляя это дѣло на ваше собственное обсужденіе и благоусмотреніе и моля нашего Искупителя, изъ глубины сердца, дабы Онъ, по своему милосердію, позволялъ бы исполнить-ся тому, что задумано для восхваленія и прославленія Его имени.»

7 Іюля Ридольфи былъ спрошенъ въ Эскуриалѣ о предпріятіи, съ предложеніемъ о которомъ онъ пріѣхалъ. Филиппъ II назначилъ герцога де Ферія, для того чтобы выслушать посла Маріи Стюартъ. Государственный секретарь Цайясъ собственноручно записывалъ отъѣты его. Былъ предложенъ вопросъ объ убійствѣ королевы Елизаветы. Ридольфи сказалъ, что ударъ будетъ нанесенъ не въ Лондонѣ, этой столицѣ ереси, а во время путешествія королевы, и что произвести его долженъ былъ нѣкто по имени Джемсъ Грессъ *. Въ тотъ же де день начались разсужденія государственнаго совета по поводу умерщвленія Елизаветы и покоренія Англій. Были разобраны вопросы: слѣдуетъ ли вступать въ соглашенія съ заговорщиками, относительно *убійства или взятія въ плѣнъ королевы*, которыя должны помѣшательствовать ея браку съ герцогомъ Анжуйскимъ, и гибели королевы шотландской; слѣдуетъ ли нанести ударъ во время ея пріѣзда въ загородный домъ кого нибудь изъ заговорщиковъ, нѣющихъ при ея особѣ людей, на которыхъ они могутъ положиться; не нужно ли помочь имъ въ случаѣ если бы они начали дѣло, къ которому они не должны были приступать безъ приказаній католическаго короля. Государственные совѣтники подали свои мнѣнія, которыя были имъ засвидѣтельствованы письменно. Герцогъ Ферія говорилъ первый. «Въ настоящемъ положеніи вещей, сказалъ онъ, дѣло затруднительно, но слѣдовало бы, чтобы король католическій не откладывалъ его. Королева шотландская—*истинная наслѣдница* королевства англійскаго, и она выполняетъ обязанности, предписываемыя ей религіею и дружбою. Если мы допустимъ ее до гибели, мы потеряемъ тогда всѣхъ людей, ей преданныхъ. Близость герцога Альбы должна облегчать дѣло, для котораго не слѣдуетъ терять ни минуты, если только его выполненіе необходимо.» Донъ Гернандо Толедскій, великій пріоръ Кастиліи, подавшій свое мнѣніе вторымъ, сказалъ, что Чьяппино Вителли—человѣкъ вполне способный для выполненія такого предпріятія подъ руководствомъ герцога Альбы, и что, по мнѣнію Вителли, мѣсяцы сентябрь и октябрь весьма удобны для этого. Рюй Гомецъ де Сильва, принцъ Эбо-

* Это имя, вѣроятно, искаженное, потому что оно не встрѣчается нигдѣ больше.

ли, быть того мнѣнія, что слѣдовало немедленно написать герцогу Альбѣ, чтобы онъ приготовилъ деньги, необходимыя для выполнения предпріятія. Докторъ Мартинъ Веласко казался мнѣе другихъ расположеннымъ въ пользу этого плана. Онъ говорилъ, что планъ этотъ основанъ на предположеніи, что королева будетъ взята въ плѣнъ, и что ея смерть окончитъ все; но слѣдуетъ опасаться, какъ бы сношенія съ лицами могущественными не привели къ опасности; что лучше побуждать ихъ, не вступая въ обязательства съ Ридольфомъ, ничего имъ не писать, но послать имъ денегъ и косвенно обѣщать имъ помощь въ надлежащую минуту. Великій инквизиторъ, кардиналъ архіепископъ Севильскій утверждалъ, что герцогъ Альба имѣетъ все средства для того, чтобы обезпечить успѣхъ предпріятія, и что слѣдуетъ для этой цѣли дать въ его распоряженіе двѣсти тысячъ эску, объявивъ что движеніе производится согласно деклараціи папской буллы. Кардиналъ прибавилъ, что Чьяппино Вителли самъ вызвался захватить въ плѣнъ англійскую королеву въ одномъ изъ ея увеселительныхъ дворцовъ, при помощи двѣнадцати или пятнадцати рѣшительныхъ человѣкъ, которые явятся къ ней, какъ бы прося о правосудіи.

Герцогъ Феріа возсталъ противъ мысли, выраженной великимъ инквизиторомъ, чтобы дѣйствовать въ Англій отъ имени папы: онъ утверждалъ, что слѣдуетъ основываться на наследственныхъ правахъ королевы шотландской на это королевство. Онъ не находилъ, чтобы можно было удобно овладѣть королевой Елизаветой, при помощи нѣсколькихъ человѣкъ; это же мнѣіе раздѣлялъ и великій пріоръ Кастилліи, утверждавшій, что побѣдить открытою силой было очень трудно, и что герцогъ Альба не имѣлъ средствъ для этого. Что касается до Рюй Гомера, то онъ, съ своею обыкновенною ловкостью хотѣлъ возложить на герцога Альбу исполненіе и отвѣтственность относительно этого плана, который казался ему очень труднымъ, между тѣмъ какъ папскій нунцій говорилъ о немъ католическому королю, какъ о дѣлѣ весьма легкомъ.

Филиппъ II отвѣчалъ нунцію, что онъ желалъ бы взяться за это предпріятіе, но что его нужно вести съ чрезвычайной быстротою и имѣть огромныя средства для того, чтобы не дать сосѣднимъ государямъ влѣпаться въ него. Онъ намекнулъ ему, что папа съ своей стороны долженъ дать для этого необходимыя деньги. Около того же времени (13 июля) онъ писалъ къ своему посланнику въ Лондонѣ: «Меня занимаетъ дѣло Ридольфа, и я намѣренъ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами и возможностью. Я бы охотно и немедленно рѣшился на это; но такъ какъ можетъ случиться, что угнетенные англійскіе католики, движимые ненавистью и жаждою мщенія, изъ желанія скорѣе достигнуть своей цѣли, возстанутъ раньше времени и не къ пору возьмутся за оружіе,—то я прошу васъ предупредить ихъ, что они не должны этого дѣлать ни въ какомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока дѣло не будетъ приведено въ зрѣлость и пока все не устроится какъ слѣдуетъ.» Онъ навѣщалъ дону Гвидальдо д'Эспоса, что по его

привезшихъ Ридольфи истребить въ томъ же смыслѣ въ королеву
католической, герцогу Норфолку и епископу Россскому.

Этотъ могущественный государь, который одинъ только былъ въ
состояніи освободить Марію Стюартъ, оставался долго, по своему
обыкновенію, въ нерѣшности, въ которую его постоянно ста-
ли колебанія ума и характера. Его объясненія противорѣчили его
желаніямъ. Онъ хотѣлъ вѣсться за это предпріятіе; но у него
недоставало силъ. Изъ его совѣтниковъ нѣкоторые, болѣе пыл-
ны, побуждали его на это, другіе, болѣе благоразумные, — удержи-
вали. Онъ только что усмирилъ мятежъ, которые возстали въ юго-
восточной части Испаніи. Его главныя силы были заняты въ Средиземномъ морѣ противъ турокъ и въ Нидерландахъ противъ рели-
гіозныхъ насуррентовъ, колеблющуюся покорность которыхъ старался
уничтожить герцогъ Алаба. Филиппъ II боялся начинать противъ
Елизаветы открытую войну, которая, быть можетъ, не имѣла бы
успѣха въ Англіи и сдѣлалась бы въ такомъ случаѣ гибельною для
Нидерландовъ. Прелавивъ такимъ образомъ свое колебаніе нѣсколько
лѣтъ, онъ окончилъ тѣмъ, что исполнивъ положилъ на герцога
Алабу, къ которому онъ писалъ отъ 14 сентября: «Видя ваше рѣ-
шительное и твердое убѣжденіе, что не сдѣдуетъ вдаваться такъ да-
леко въ это дѣло, но крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока конфеде-
раты не покажутъ силъ, которыми могутъ располагать, и принимая
въ уваженіе ваши искусныя заботы объ этомъ дѣлѣ, я рѣшаюсь пе-
редать его въ ваши руки, для того, чтобы вы, сообразивъ все, по-
ступили какъ найдете нужнымъ для служенія Богу и намъ; и я увѣ-
ренъ, что вы поведете это великое предпріятіе съ ревностью, забо-
тливостію и благоразуміемъ, каковыя оно требуетъ».

Пока въ Испаніи разсуждали объ этомъ, въ Англіи самыя смѣлыя
изъ заговорщиковъ побуждали герцога Норфолка къ явному воз-
станію. Елизавета, послѣ пятимѣтной отсрочки въ собраніи парла-
мента, увеличивавшееся неповиновеніе котораго раздражало и безпо-
коило ее, наконецъ созвала его, и онъ собрался въ то самое время,
когда составлялся заговоръ на континентѣ.

Этотъ парламентъ долженъ былъ издать грозныя законы противъ
тѣхъ, которые подъ какими бы то ни было политическимъ или рели-
гіознымъ предлогомъ будутъ оспаривать права английской королевы.
Такимъ образомъ всякое притязаніе, во время ея жизни, на ея коро-
ну; объявленіе, что ея наследство можетъ перейти къ кому либо
другому, кромѣ лицъ, представляющихъ на него свои права въ каче-
ствѣ природныхъ ея потомковъ, или что оно не можетъ быть опре-
дѣлено постановленіями парламента; посягательство на ея королев-
скую власть подъ предлогомъ что она еретичка и раскольникъ, были
объявлены государственнымъ измѣной.

Когда парламентъ собрался, но еще не принималъ этихъ предо-
хранительныхъ мѣръ, въ пользу Елизаветы и противорѣчившихъ
ея вѣчно изданной папеной буллѣ, такъ и желаніямъ, постоян-
но выражаемымъ Марією Стюартъ, епископъ Росскій подумалъ, что
сдѣлавъ главнѣйшаго дворянства въ Лондонѣ дойти до герцогу Нор-

фольку случай объявить о своих намѣреніяхъ и достигнуть своей цѣли. Онъ получилъ изъ Брюсселя отъ Ридольфи извѣстія, которые были представлены флорентинцемъ благоприятными, и побуждалъ герцога Норфолька сдѣлать рѣшительный шагъ и заставить Испанію подать обѣщанную помощь; воспользовавшись присутствіемъ столькихъ вельможъ, собравшихся въ Лондонѣ, стать во главѣ ихъ, овладѣть Товеромъ, который былъ и арсеналомъ и крѣпостью, и взять въ плѣнъ самую королеву. Опасенія Норфолька были слишкомъ велики для того, чтобы онъ осмѣлился на все это. Самое большее, на что онъ соглашался, было — взяться за оружіе, какъ только иностранныя войска появятся въ Англіи для того, чтобы поддерживать его. Такимъ образомъ въ то время, какъ испанцы обуславливали высадку въ Англію, возстаніемъ заговорщиковъ или смертью Елизаветы, боязливый глава заговора не хотѣлъ начинать возстанія иначе, какъ только послѣ появленія испанскихъ войскъ. Такой заговоръ могъ принести только гибель, а не побѣду. Невозможно было, чтобы, при подобной медленности на материкѣ и нерѣшительности на островѣ, заговорщики, безпрестанно писавшіе и ничего не дѣлавшіе, не были открыты и уничтожены вездозрительнымъ и бдительнымъ правительствомъ Елизаветы.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ Ридольфи прибылъ въ Брюссель, Сесиль, котораго Елизавета только что сдѣлала барономъ Вёрлейскимъ, напалъ уже на слѣды заговора. Около 10 апрѣля въ Дуврѣ былъ задержанъ одинъ фламандецъ, по имени Карлъ Байльн, съ помощію котораго епископъ Росскій хотѣлъ напечатать въ Брюсселѣ книгу, назначавшуюся для того, чтобы защищать честь и права королевы шотландской. Зная полную довѣренность къ нему епископа, Ридольфи сообщилъ ему о своемъ порученіи и вмѣстѣ съ нимъ написалъ условными знаками пять депешъ, адресованныхъ на имя Маріи Стюартъ, епископа Росскаго, герцога Норфолька, лорда Лэмлея, зятя графа Арэндела, и донна Гверальдо д'Эспеса; въ этихъ депешахъ объяснялись намѣренія герцога Альбы и содержалось описаніе его бесѣдъ съ Ридольфи. Письма эти, въ которыхъ открывалась вся тайна заговора, были захвачены вмѣстѣ съ багажемъ Байльна, въ то время, когда онъ уже высаживался на берега Англіи. Захваченный пакетъ былъ отданъ въ канцелярію лорда Кобгема, губернатора Пяти-Портовъ, который, можетъ быть вслѣдствіе небрежности, а можетъ быть и потому, что самъ былъ соучастникомъ заговора, допустилъ, чтобы епископъ Росскій подмѣнилъ пакетъ другимъ такой же величины, но содержащимъ самыя незначительныя бумаги. Тѣмъ не менѣе Байльнъ былъ посаженъ въ тюрьму въ Маршалси, откуда онъ вступилъ съ епископомъ Росскимъ въ переписку; эта переписка, будучи передава Бёрлею, доказала министру Елизаветы, что дѣйствительныя письма Ридольфи были уже въ рукахъ епископа Росскаго. Байльнъ, переведенный послѣ этого въ Товеръ и подвергнутый пыткамъ, открылъ все, что ему было извѣстно о заговорѣ. По приказанію Бёрлея, епископъ былъ арестованъ; его бумаги были подвергнуты пересмотру, но въ нихъ не нашли ничего. Послѣ того его стали до-

принимать четыре лорда совѣта; епископъ отказался отвѣчать, утверждая, что онъ обязанъ давать отчетъ въ своихъ поступкахъ одной только королевы, своей повелительницѣ. Подвергнутый вслѣдствіе этого вторичному заключенію, онъ былъ отданъ, подъ надзоромъ двухъ дворянъ королевы епископу Элійскому, который держалъ его съ середины мая до половины августа въ своемъ Гольборнскомъ домѣ въ Лондонѣ, а потомъ отвезъ въ свое епископство. Берлей зналъ о заговорѣ, но онъ былъ не въ состояніи доказать его и начать преслѣдованіе.

Бдительность этого страшнаго министра значительно усилилась, когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того новое неблагоразуміе заговорщиковъ разоблачло передъ нимъ предпріятіе вполнѣ. Въ Шотландіи между партіей Маріи Стюартъ и партіей Іакова VI возобновилась война, отличавшаяся необыкновеннымъ жесточеніемъ. 2 апрѣля 1571 года, на другой же день по окончаніи перемирія, въ теченіе котораго обѣ партіи прекратили свою вражду, графъ Ленноксъ нечаянно овладѣлъ крѣпостью Дэмбартона. Архіепископъ Сентъ-Андрейскій, котораго онъ презиралъ, какъ врага своей фамилии и какъ соучастника въ убійствѣ короля, своего сына, и регента, своего друга, — былъ въ числѣ плѣнниковъ. Неумолимый Ленноксъ приказалъ судить его и потомъ позорно повѣсилъ. Такой жестокой и унижительный поступокъ съ однимъ изъ предводителей Гамильтоновъ и стариннымъ примасомъ королевства скоро повелъ къ ужасному сопротивленію противъ новаго регента и сдѣлалъ войну непримиримую. Съ той и съ другой стороны были созваны парламенты, гдѣ обѣ партіи взаимно осудили, какъ измѣнниковъ. Лорды королевы, собравшіеся въ Эдинбургѣ, начальство надъ которымъ Кёркальди Грэнджъ вручилъ страшному предводителю клана Керовъ, — изгнали, посредствомъ уголовного приговора, графовъ Леннокса, Мортонна, Мара, лордовъ Ливдсея, Гэя, Кэткарта, Глэммиса, Очилтри, епископа Оркнейскаго, Макгила и около двухъ сотъ лицъ, принадлежавшихъ къ партіи короля. Лорды короля съ своей стороны, собравшіеся въ гораздо большемъ числѣ въ Стёрлингѣ, куда Мортонъ съумѣлъ примчаться Арджила, Монтроза, Кассилиса и Эглинтонна, — объявили герцога Шательро, графа Гэнтли, Летингтона, Кёркальди Грэнджа, лорда Клавдія Гамильтона, аббата комендатарія Арброатскаго, сэра Джемса Бальфёра, Роберта Мельвиля и другихъ виновными въ государственной измѣнѣ.

Елизавета поддерживала партію короля военною помощью, которая подавалась болѣе или менѣе открыто, между тѣмъ какъ короли испанскій и французскій помогали деньгами приверженцамъ королевы. Послѣдніе вмѣли крайнюю нужду въ помощи такого рода для того, чтобы держаться съ оружіемъ въ рукахъ и защищать Эдинбургскую цитадель. И вотъ именно одна такая сумма денегъ, отданная французскимъ посланникомъ Баркеру, секретарю герцога Норфолька, для передачи вмѣстѣ съ секретными письмами приверженцамъ Маріи Стюартъ въ Шотландію, подавая возможность открыть все. Другой секретарь герцога, Гигфортъ, и его управитель, Бендстеръ, взялись,

получивъ уполномоченіе отъ своего господина, передать лорду Герризу и деньги и письма, попавшіяся въ руки Берлея, вслѣдствіе измѣны агента, которому это было поручено. Арестованные немедленно всѣ трое, какъ виновные въ сношеніяхъ съ врагами королевы, они были запрошены обо всѣхъ умыслахъ герцога.

Гигфордъ, приведенный прежде другихъ въ лондонскую тюрьму, не только выдалъ тайну своего господина правительству Елизаветы, но и указалъ также, гдѣ были спрятаны въ Говардъ-Гоузъ ключи, служившія герцогу для переписки съ Марією Стюартъ, записка, относившаяся къ посольству Ридольфи, и девятнадцать писемъ, полученныхъ герцогомъ отъ королевы шотландской и епископа Росскаго. Содержаніе этихъ бумагъ, которыя Гигфорду приказано было сжечь и которыя онъ сохранилъ, можетъ быть не безъ умысла, было подтверждено признаніями Баркера, бывшаго главнымъ посредникомъ между Норфолькомъ, Лесли и Ридольфи. Старый и дряхлый Баркеръ не могъ выносить вида орудій пытки и рассказалъ все, что ему было извѣстно. Бенкстеръ сдѣлалъ подобное же признаніе, и епископъ Росскій, переведенный изъ Эли въ ТOVERЬ, получилъ запросъ въ свою очередь. Сначала онъ не хотѣлъ отвѣчать, ссылаясь на свое признанное достоинство посланника. Но коронные адвокаты объявили, что посланникъ, уличенный въ томъ, что онъ принималъ участіе въ заговорѣ противъ государства или государя, при особѣ котораго онъ аккредитованъ, теряетъ всякія права, принадлежащія его званию. Поэтому Берлей потребовалъ чтобы онъ объяснился, если не желаетъ быть подвергнутымъ пыткамъ и наказаннымъ какъ простой англійскій подданный. Ужасъ, который епископъ Росскій почувствовалъ, зная уже о признаніяхъ, сдѣланныхъ Баркеромъ, Бенкстеромъ и Гигфордомъ заставилъ его говорить. Онъ откровенно рассказывалъ все, что произошло между королевою шотландскою и герцогомъ Норфолькомъ, начиная съ конференціи въ Йоркѣ до посольства Ридольфи на материкъ. Его признанія еще болѣе отяготили положеніе герцога Норфолька.

Вовлеченный въ заговоръ, на который онъ только согласился, но руководителемъ котораго почти не былъ, этотъ подданный, то слишкомъ честолюбивый, то слишкомъ боязливый, былъ обвиненъ наконецъ въ государственной измѣнѣ. Его снова отвели въ ТOVERЬ, гдѣ онъ впалъ въ страшное отчаяніе. Сначала онъ отперся отъ всего. Но узнавъ, что заговоръ открытъ его собственными слугами и епископомъ Росскимъ, онъ вскричалъ: *мнѣ измѣнили*. Онъ рѣшился тогда прибѣгнуть къ средству, которое его компрометировало менѣе всего. Онъ сталъ писать къ Елизаветѣ письма, исполненные покаянія и мольбы, признавалъ важность преступленій, въ которыхъ онъ провинился въ отношеніи къ ней, и спрашивалъ ея милосердія пощады.

Но Елизавета, побуждаемая встревоженными и фанатическими отверженцами религіозной реформы, рѣшилась подать бунтовщикамъ сильный и страшный примѣръ. Неоднократныя возстанія католиковъ, съ своею объявленіе низлагающей буллы

глашанной противъ нея первосвященникумъ римскимъ, планъ брака между главою английской аристократіи и соперницей Елизаветы по притязаніямъ на престолъ Англіи и обращеніе къ королю испанскому съ просьбою соединить военную экспедицію со стороны континента съ новымъ возстаніемъ на островѣ.—возбудили до крайняго предѣла ея орасенія и строгость. Донъ Гверальдо д'Эспезъ получилъ приказаніе немедленно выѣхать изъ королевства. Лордъ Лэмлей, лордъ Кобгэмъ и его братъ Томасъ Кобгэмъ, графъ Соутэмптонъ, сэръ Генри Перси, сэръ Томасъ Стэнлей, сэръ Томасъ Джерардъ, Ровистонъ, Лаудеръ, Пауэль, одинъ изъ тѣлохранителей королевы, были арестованы вмѣстѣ съ другими лицами, которые были уличены или захвачены письмами, или вынужденными признаніями; и процессъ герцога Норфолька былъ рѣшонъ. Когда справки по этому важному процессу были уже собраны въ достаточномъ количествѣ, лордъ-мэръ и ольдермены города были призваны въ Вестминстеръ. Тамъ они увидѣли доказательства виновности герцога и получили предложеніе сообщить объ этомъ въ Гуйльдогъ главнѣйшимъ жителямъ Лондона, для того чтобы приготовить ихъ къ суду и осужденію Норфолька.

Когда все было приготовлено такимъ образомъ, Елизавета приказала привести герцога Норфолька 14 января 1572 г. предъ собраніе двадцати, семи графовъ и лордовъ, составившихъ нѣчто въ родѣ суда присяжныхъ въ главной залѣ Вестминстера, подѣ председательствомъ графа Шрусборри, котораго королева сдѣлала по этому случаю великимъ стьюардомъ. Герцогъ предсталъ предъ своихъ судей съ достоинствомъ, соответствующимъ его сану, и показалъ при этомъ больше твердости духа, чѣмъ прежде. Обвиненный въ желаніи лишить королеву престола, а слѣдовательно и жизни, въ намереніи жениться на Маріи Стюартъ, — которую онъ обвинялъ въ нарушеніи супружеской вѣрности и убійствѣ, — единственно изъ честолюбія, съ цѣлью пріобрѣсти титулъ, на который онъ изъявлялъ притязаніе, и взойти вмѣстѣ съ нею на престолъ Англіи; наконецъ въ томъ, что онъ помогалъ врагамъ королевы въ Шотландіи и вступилъ въ заговоръ на континентѣ съ папою и королемъ испанскимъ, и въ цѣлю — измѣнить религію и правленіе въ государствѣ, — онъ защищался съ ловкостью и правдоподобіемъ. Соглашаясь на все, противъ чего онъ не могъ спорить, онъ утверждалъ, что ему были извѣстны дѣла, о которыхъ знать ему не слѣдовало бы, но присоединиться къ которымъ онъ не желалъ. Хотя онъ отвергалъ всякую мысль объ измѣнѣ относительно королевы и представлялъ самое бездѣйствіе свое, какъ доказательство своей невинности, однакоже онъ былъ признанъ виновнымъ всеми пѣрами единогласно и 16 января осужденъ на смертную казнь. Услышавъ свой приговоръ, онъ протестовалъ, говоря, что спрашиваетъ, сохранивъ королеву такую же вѣрность, какую питаютъ ей всѣ ея подданные; потомъ, обращаясь къ своимъ судьямъ, произнесъ въ волненіи: «Милорды, вы меня изгоняете изъ этого общества, но я надѣюсь скоро находиться въ другомъ, лучшемъ. Я не прошу никого изъ васъ ходатайствовать о моей жизни.

Для меня все кончено. Я умоляю васъ только передать мою нижайшую просьбу ея величеству, королеви, о томъ, не будетъ ли угодно ей пролить свои благодѣянія на моихъ бѣдныхъ дѣтей, спроть, отдать приказаніе объ уплатѣ моихъ долговъ и не допустить до ишеты моихъ несчастныхъ слугъ.»

По возвращеніи въ Тoverъ, ему удалось переслать къ королеви письмо, дышавшее глубокою скорбью и наполненное самымъ выразительнымъ раскаяніемъ; въ немъ онъ поручалъ своихъ дѣтей великодушію Елизаветы, говоря: «что теперь, когда у нихъ нѣтъ больше ни отца, ни матери, они найдутъ очень мало друзей.» Онъ не переставалъ оплакивать сношенія, которыя имѣлъ съ королевою шотландскою, и съ горечью, совершенно впрочемъ справедливою, застъ, «что не можетъ быть удачи въ томъ, что дѣлается для нея и ея.»

Между тѣмъ печальная и несчастная королева, отъ которой отрекался съ такимъ отвращеніемъ герцогъ Норфолькъ, томилась горемъ, находясь подъ стражею въ Шеффилдѣ. Послѣ того, какъ были открыты ея новые умыслы, помѣщеніе ея ограничивалось только двумя комнатами замка. Не имѣя сношеній съ своими чиновниками и пользуясь услугою только нѣкоторыхъ своихъ женщинъ, она жаловалась, «что у нея отнимаютъ воздухъ и власть», и что ее лишаютъ возможности получать извѣстія о своихъ родныхъ и подданныхъ, а также и писать имъ самой. Ея здоровье, уже разстроенное, слабѣло все больше и больше. Процессъ герцога Норфолька причинилъ ей сильную скорбь. Она не выходила изъ своей комнаты въ теченіе дѣлой недѣли, пока происходилъ судъ надъ нимъ, и когда узнала о его осужденіи, то залилась слезами. Елизавета, съ нѣкотораго времени не отвѣчавшая на ея письма, прервала молчаніе, упрекая Марію съ угрожающею строгостью въ ея необузданныхъ страстяхъ, слѣпыхъ ошибкахъ и вѣчныхъ заговорахъ. Она обвиняла ее въ отклоненіи герцога Норфолька отъ его вѣрноподданическихъ обязанностей и въ неблагодарности къ себѣ, которая, говорила она, освободила ее отъ преслѣдованія подданныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ позорной смерти. Марія Стюартъ, противопоставляя свои дѣйствительныя личныя воображаемымъ благодѣяніямъ Елизаветы, припоминала ей, что та оружіемъ поддерживала возстаніе Шотландіи въ регентство ея матери, что она хотѣла помѣшать ея возвращенію въ свое королевство по смерти Франциска II, что она постоянно давала у себя приютъ и помогала ея возмущившимся подданнымъ и что, наконецъ, ей самой пришлось поплатиться за свою довѣрчивость плѣномъ. Не признаваясь въ своихъ намѣреніяхъ, которыя она ограничивала только просьбами о приведеніи Шотландіи въ повиновеніе, она не скрывала однакоже, что, считая себя обманутою послѣдними переговорами, «не желаетъ питаться впредь одними только магими надеждами.» «Богъ», говорила она, пославшій мнѣ терпѣніе въ печаляхъ, пошлетъ, въ случаѣ надобности, и бодрость для переносенія смерти.» Что касается до герцога Норфолька, то она увѣряла, что хотѣла избрать его въ мужья только вслѣдствіе просьбы совѣта Англіи. Она при-

была, что почесть себя заслуживающею названія неблагодарной и злой. если не употребить всѣхъ средствъ, которыя Богъ оставилъ ей, для того чтобы смягчить гнѣвъ королевы англійской въ отношеніи къ герцогу Норфольку и другимъ вельможамъ, которые подвергали себя безпокойствамъ изъ нѣкотораго участія къ ней; и если она не станетъ умолять свою добрую сестру простить имъ, или во крайней мѣрѣ воспрепятствовать тому, чтобы они пострадали за нее.»

Но просьбъ Маріи Стюартъ было недостаточно для того, чтобы спасти герцога Норфолька. Елизавета нѣсколько разъ подписывала и отменяла его смертныи приговоръ. Первое повелѣніе ея было дано въ субботу, 8 февраля, черезъ нѣсколько недѣль послѣ суда надъ герцогомъ. Но въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ,—день, назначенный для казни этого несчастнаго,—Елизавета, которой волненіе не давало заснуть, призвала къ себѣ Бёрлея и приказала ему отложить казнь. Бёрлей повиновался съ неудовольствіемъ. «Когда ея величество писалъ онъ къ Уэльсингему, рассказывая ему о волненіи Елизаветы,—думаетъ о предстоящихъ ей опасностяхъ, то она желаетъ, чтобы правосудіе исполнилось. Когда же она обращаетъ вниманіе на высокій санъ герцога и на его близкое родство съ нею, то она остается въ нерѣшимости... Да исполнится воля Божія и да убѣдитъ королеву позаботиться о своей безопасности.» Къ этому-то жестокому рѣшенію не переставали побуждать Елизавету съ высотою каеодръ и нѣ среды ея совѣта. Позволивъ убѣдить себя въ томъ, что интересы церкви и короны равно требуютъ этого, она дала 9 апрѣля новое повелѣніе, которое опять было отменено въ два часа утра. Неумолимый Бёрлей заставилъ тогда парламентъ вмѣшаться въ это дѣло, чтобы восторжествовать надъ слишкомъ челоуѣколюбивою нерѣшимостью Елизаветы и ея разсчитанными сомнѣніями. Палата общинъ, въ которой преобладала фанатическая партія пуританъ, объявила, что существованіе герцога несообразно съ безопасностью королевы. Она осмѣлилась даже потребовать смерти Маріи Стюартъ и говорила, что зло следовало срубить въ самомъ корнѣ. Елизавета отвѣчала, что она не можетъ предать смерти птицу, которая, спасаясь отъ преслѣдованій коршуна, отдалась подъ ея защиту. Не соглашаясь на гибель Маріи Стюартъ, она пожертвовала герцогомъ Норфолькомъ. 31 мая она подписала третье повелѣніе о казни, котораго, на этотъ разъ, уже не отменила.

2 іюня герцогъ Норфолькъ, около восьми часовъ утра, былъ возведенъ на эшафотъ, построенный въ Таверъ-Гиллѣ. Въ эту послѣднюю минуту онъ обнаружилъ много благородной простоты и чрезвычайной твердости духа. Онъ долго говорилъ съ народомъ, не утверждалъ вполнѣ своей невинности, но и не признавалъ себя совершенно виновнымъ. Объявивъ себя вѣрнымъ протестантомъ, онъ извинялся въ томъ, что позволилъ родиться сомнѣніямъ въ своихъ религіозныхъ чувствахъ тѣмъ, что имѣлъ друзей и слугъ между папистами. Онъ благодарилъ королеву за великодушныя распоряженія, сдѣланныя ею относительно его дѣтей, и просилъ народъ любить ее и во-

виноваться ей: «Пусть тѣ, кто замышляетъ какіе нибудь заговоры сн-заль онѣ, какъ бы обратились къ самому себѣ, берегутся, чтобы не быть скоро оставленными. Не старайтесь дѣлами вашими подвѣтнуть волю Божію, пусть Богъ дѣйствуетъ на вашу волю.» Послѣ этихъ словъ, возбудившихъ сочувствіе народа, герцогъ Норфолькъ своеюше прочиталъ свои молитвы, положилъ голову на плаху, не позволивъ, чтобы ему завязали глаза, и умеръ съ такимъ мужествомъ, какого не выказалъ въ своемъ заговорѣ.

Его смерть довершила паденію Маріи Стюартъ въ Англіи. Эта королева, привязанность къ которой приносила гибель, видѣла, какъ одно за другимъ разбивались различныя орудія ея освобожденія и возстановленія. Возмущеніе 1569 г., къ которому герцогъ Норфолькъ и недовольная аристократія могли, но не рѣшились примкнуть, повлекло за собою пораженіе и привело католиковъ въ уныніе. Заговоръ герцога Норфолька, которому король испанскій не сумѣлъ подать благовременной помощи, будучи разрушенъ, разстроилъ смѣлые планы высшей аристократіи. Послѣ подавленнаго возстанія на сѣверѣ, волненія католиковъ прекратились; послѣ казни герцога Норфолька аристократія уже не начинала больше своихъ опасныхъ заговоровъ. Протестантство, путемъ грозныхъ постановленій, получило господство во всемъ англійскомъ королевствѣ, и люди новаго порядка, во главѣ которыхъ стоялъ Бёрлей, съ этихъ поръ управляли полновластно совѣтомъ Виззаветы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Подавивъ возстаніе католиковъ на сѣверѣ королевства, разстроивъ заговоръ герцога Норфолька и Маріи Стюартъ съ Филиппомъ II и шавою, Виззавета обратила всю свою заботливость къ предупреденію опасностей, которыя могли еще угрожать ей. Ея предусмотрительной и изобрѣтательной въ этомъ отношеніи политикѣ удалось раздѣлнить два сильныхъ католическихъ кабинета на материкѣ и сдѣлать однимъ изъ нихъ своимъ союзникомъ противъ другаго. Пользуясь третьимъ миромъ, заключеннымъ во Франціи въ августѣ 1570 г., она, послѣ ирохкта о бракѣ съ герцогомъ Анжуйскимъ, вступила въ переговоры о заключеніи трактата объ оборонительномъ союзѣ съ Карломъ IX. Проектъ о бракѣ не имѣлъ въ себѣ ничего серьезнаго; онъ былъ однимъ изъ средствъ, которыми очень охотно пользовались ея хитрость и тщеславіе съ цѣлю—заставить другихъ желать ея дружбы и заискивать ея расположенія; она предлагала претендентамъ на ея руку раздѣлять съ ней обладаніе короной, которую она рѣшилась носить одна, до конца. Не таковъ былъ трактатъ о союзѣ, который представлялъ обоимъ кабинетамъ взаимныя выгоды. Посредствомъ него англійская королева нѣкоторымъ образомъ прибрѣтала возможность удерживать Марію Стюартъ въ своей власти, между тѣмъ какъ сама она обавывалась удерживаться отъ возбужденія религиозныхъ смутъ во владѣніяхъ христіанѣйшаго короля, сдѣлавшагося ея союзникомъ. Этотъ трактатъ, который обезпечивалъ

для Англіи помощь Франціи въ случаѣ вторженія католиковъ, и по видимому, долженъ былъ предохранить Францію отъ новой междоусобной войны, лишая съ этихъ поръ гугенотовъ поддержки со стороны Англіи, былъ подписанъ въ Блау 29-го апрѣля 1572 г., сэромъ Томасомъ Смитомъ и сэромъ Франсисомъ Уэльсингтономъ уполномоченными Елизаветы — и маршаломъ Монморанси, хранителемъ печатей Врагомъ, епископомъ Лиможскимъ, Себастьяномъ де л'Обепномъ и Полемъ де-Фуа — уполномоченными Карла IX.

Успокоенная съ этой стороны, англійская королева была не менѣе искусна и не менѣе счастлива относительно Шотландіи. Партія Маріи Стюартъ оставалась тамъ очень могущественною. Когда возобновились непріязненные отношенія между лордами королевы и лордами короля, когда тѣ и другіе стали взаимно изгонять другъ друга во враждебныхъ между собою парламентахъ Эдинбургскомъ и Стерлингскомъ, — графа Леннокса постигла также участь, какой подвергся его предшественникъ, графъ Мюррей. Схватенный утромъ 4-го сентября 1571 г. въ Стерлингъ отрядомъ солдатъ, который Кёркальди Гранджъ посылалъ въ Эдинбургъ и который вошелъ туда неожиданно, подъ начальствомъ графа Гэнтля, лорда Клавдія Гамильтона, лэрда Беклью и Кера Фарнигерста, — онъ былъ безжалостно убитъ въ возмездіе за насильственную смерть архіепископа Сентъ-Андрейскаго. Въ ту же самую минуту всѣ главнѣйшіе лорды короля, захваченные въ раслохъ, были сдѣланы плѣнниками. Спасеніемъ своимъ они были обязаны изгнанію Скоттовъ и Керовъ, которые разбрелись по разнымъ мѣстамъ, для грабежа, и далі жителямъ Стерлинга время взяться за оружіе, а гарнизону замка сойти въ городъ, чтобы освободить ихъ и прогнать оттуда слишкомъ жадныхъ побѣдителей. На другой же день они назначили наследникомъ Леннокса графа Маріа, который изъ дядьки молодого короля сдѣлался регентомъ Шотландіи.

Не смотря на взятіе Дэмбартона и многократную помощь Елизаветы, партія короля не одержала верха надъ партіей королевы. Приверженцы Маріи, находясь въ Эдинбургской цитадели, все еще владѣли городомъ; сверхъ того, они занимали замки Нидри, Ливингстонъ и Влекнессъ. Адамъ Гордонъ Энчендаунъ, братъ графа Гэнтля, сдѣлалъ ихъ побѣдителями на сѣверѣ, Керъ Фарнигерстъ и лордъ Герриатъ — на югѣ, Гамильтоны — на западѣ. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Елизавета, не будучи въ состояніи уничтожить сартизановъ Маріи, вздумала обезоружить ихъ. По согласію съ французскими дворами, послѣ заключенія трактата въ Блау, она начала хлопотать о перемиріи между двумя партіями. Посланникъ ея, сэръ Уильямъ Друра и французскій посолъ дю-Крокъ устроили, что 30-го іюня 1571 г. это перемиріе было подписано, со включеніемъ въ него особенной статьи — чтобы дворянство и сословія королевства собрались въ самый короткій срокъ, для заключенія общаго мира.

Въ возмѣнгражденіе за услуги Елизаветы въ пользу короля, ей выданы несчастнаго графа Нортэмберленда, который и былъ 15-го августа казненъ въ Йеркѣ. Въ то самое время когда англійская королева считала себя въ совершенной безопасности, пришла страшная

вѣсть объ убійствахъ Варооломеевой ночи. Во всей Англіи поднялся крикъ ужаса и гнѣва. Исполненная недоувѣрливости и негодованія, Елизавета созвала свой совѣтъ для разсужденія о томъ, что ей нужно дѣлать. Въ Оксфордѣ она въ теченіе многихъ дней не давала аудіенціи французскому послу ла-Моту-Фенелону, который прибылъ туда, чтобы оправдать это поголовное убійство, приписывая его открытію заговора протестантовъ. Наконецъ она допустила его въ свое присутствіе. При этой аудіенціи она была окружена членами своего совѣта и важнѣйшими дамами своего двора, которые всѣ были одѣты въ трауръ и хранили мрачное молчаніе въ ея особенной комнатѣ, имѣвшей печальный видъ погребальнаго склепа. Ла-Мотъ Фенелонъ прошелъ черезъ эту безмолвную толпу, всѣ взоры которой, опущенныя внизъ, отвращались отъ него; и приблизился къ королевѣ, которая приняла его съ печальнымъ и строгимъ выраженіемъ лица.

Она не скрываетъ предъ посланникомъ ни ужаса, внушеннаго ей Варооломеевскимъ происшествіемъ, ни недоувѣрливости къ объясненіямъ, которыми онъ старался его оправдать, ни своихъ опасеній за послѣдствія, которыя она предвидѣла. Она выразила ла-Моту Фенелону свое прискорбное удивленіе и горькое порицаніе по поводу поступковъ его государя, и на увѣренія въ дружбѣ, которыя посолъ возобновлялъ отъ имени Карла IX, отвѣчала: «я сильно боюсь, какъ бы тѣ, которые побудили этого короля оставить своихъ природныхъ подданныхъ, не побудили его оставить иностранную королеву.»

Она въ самомъ дѣлѣ думала, что французскій дворъ измѣнитъ ей; ей казалось, что протестантизму во всемъ мірѣ грозитъ огромный заговоръ, къ которому парижское побоище служило сигналомъ. И такъ она приняла мѣры къ своей защитѣ. Она возобновила свои союзы въ Германіи, куда послала подготовить наборы солдатъ; укрѣпила Портсмѣтъ, Дувръ и островъ Уайтъ; вооружила десять большихъ кораблей, для крейсированія въ Ла-Маншѣ и охраненія береговъ Англіи; поддерживала сопротивленіе ла-Рошели, оставшейся послѣднимъ оплотомъ протестантства во Франціи; удвоила надзоръ и строгость относительно католиковъ своего государства, и возымѣла самыя страшныя намѣренія относительно опасной узницы, которая была надеждою этой партіи какъ во Франціи, такъ и въ Англіи.

По открытіи заговора герцога Норфолька, Елизавета формально объявила, что она ни на одинъ часъ не можетъ оставаться спокойною, если Марія Стюартъ будетъ восстановлена на своемъ тронѣ, и что поэтому она рѣшилась никогда не возвращать ей свободы. Написанная Вучананомъ ругательная книга, въ которой были помѣщены секретныя письма Маріи Стюартъ къ Ботвелю, была распространена въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Протестантскіе теологи, съ помощію библіи, старались доказать, что смерть Маріи будетъ дѣломъ справедливымъ; а юристы, основываясь на старинномъ кодексѣ государства, утверждали, что она будетъ дѣломъ законнымъ. Ненависть и фанатизмъ противъ несчастной узницы дошли до того, что обѣ палаты парламента хотѣли издать билль о лишеніи ея всѣхъ гражданскихъ правъ (attainder). Елизавета воспротиви-

лась атому. Несмотря на запрощеніе королевы, парламент старался, по крайней мѣрѣ, формально, посредствомъ особаго закона, исключить Марію Стюартъ отъ наслѣдованія английской короны. Чтобы избавить плѣнницу отъ преслѣдованій, Елизавета была принуждена отсрочить сессію парламента. Она ограничивалась тѣмъ, что страшила Марію обвиненіемъ, которое осталось одной угрозой.

Лордъ Делаваэръ, сэръ Ральфъ Седлеръ, Томасъ Бромлей явились отъ ея имени въ Шеффилдъ и допросили Марію Стюартъ, какъ преступницу, по тринадцати пунктамъ, которые заключали въ себѣ обвиненія противъ нея. Отвѣты Маріи были болѣе благоразумны, чѣмъ искренны. Она утверждала, что въ своемъ планѣ о бракѣ съ герцогомъ Норфолькомъ, она не имѣла ни малѣйшаго намѣренія противъ Елизаветы, а въ посольствѣ Ридольфи и въ своихъ сношеніяхъ съ Піемъ V и Филиппомъ II думала единственно объ освобожденіи Шотландіи. Елизавета, которая не могла допустить объясненій Маріи Стюартъ, въ эту минуту не рѣшилась публично предать ее суду. Но послѣ убійства Варроломеевой ночи она вздумала тайнымъ образомъ избавиться отъ этой несчастной королевы.

Этотъ жестокий и лицемерный планъ, составленный Елизаветою вмѣстѣ съ Бёрлеемъ и Лейстеромъ, предполагалось привести въ исполненіе не въ Англіи, а въ Шотландіи. Руководить имъ тамъ было поручено одному изъ самыхъ искусныхъ и надежныхъ английскихъ агентовъ. Сэръ Генри Кильгру, зять Бёрлея отправился, 7 сентября, 1572 г. въ Шотландію съ двумя порученіями — открытымъ и тайнымъ. По первому онъ долженъ былъ, въ интересахъ протестантизма, которому грозила опасность, устроить примиреніе между Лейтингтономъ, Кёркальди Гранджемъ и графами Маромъ и Мортономъ, а по второму—условиться съ Маромъ и Мортономъ о смерти Маріи Стюартъ. Это послѣднее порученіе было дано лично самою Елизаветою, въ присутствіи Лейстера и Бёрлея, которые одни знали о немъ. Согласно инструкціямъ, писаннымъ собственною рукою Бёрлея и находящимся въ государственномъ архивѣ Англіи, Кильгру долженъ былъ объяснять двумъ союзникамъ Елизаветы, что жизнь Маріи Стюартъ не можетъ быть сохранена безъ вреда для ихъ общей безопасности, и что противъ нея неудобно дѣйствовать въ Англіи, а надобно освободиться отъ нея въ Шотландіи, гдѣ она будетъ предана въ руки ея враговъ. Кильгру получилъ приказаніе употребить всю свою ловкость къ убѣжденію регента и Мортонна потребовать плѣнницу въ Шотландію, не подавая вида, что они дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ по внушенію английской королевы. Елизавета хотѣла пожать плоды этой кровавой сдѣлки, не подвергаясь извѣстности и позору съ которыми она была сопряжена.

Кильгру нашолъ въ Шотландіи такое же волненіе по случаю Варроломеевой ночи, какимъ была возмущена Англія. Старый Ноксъ, удалившійся въ Сентъ-Андре, когда партія королевы заняла Эдинбургъ, возвратился въ этотъ послѣдній городъ послѣ июльскаго перемѣрія. Не смотря на то, что онъ наполовину былъ разбитъ парализомъ, вслѣдствіе апоплексическаго удара, такъ что ему уже не

долго оставалось жить, онъ попросилъ, чтобы его ввели на кафедру, гдѣ, подавленный скорбью и взволнованный негодованіемъ, онъ, со всею прѣжною силою своего голоса, загремѣлъ противъ убійцъ своихъ братьевъ — протестантовъ Франціи, предавая ихъ всеобщему проклятію. вмѣстѣ съ пасторами, своими учениками, онъ сильно способствовалъ къ тому, чтобы сдѣлать старинный союзъ съ Франціей все болѣе и болѣе непопулярнымъ. Кильгру воспользовался этимъ какъ относительно своего секретнаго, такъ и открытаго порученія. Онъ безъ труда побудилъ Мортонъ къ рѣшимости погубить Марію. Регентъ Маръ принялъ его предложенія на этотъ счетъ холодно. Дѣло шло не такъ скоро, какъ этого желали въ Англіи и потому Берлей и Лейстеръ, торопя Кильгру, писали ему отъ 29 сентября слѣдующее: «Употребите всѣ старанія къ серьезному и быстрому приведенію въ дѣйствіе средства, которое имѣете въ своихъ рукахъ, наблюдая при этомъ возможную тайну, какой требуетъ настоящій случай. Занимаясь этимъ *дългомъ* каждый день и даже каждый часъ, мы видимъ, что желать успѣшности его насъ заставляютъ все однѣ и тѣже причины, внушая намъ вмѣстѣ съ тѣмъ мысль, что *они* должны найти въ этомъ еще большой интересъ, если примутъ въ соображеніе свою личную безопасность, состояніе своего государства и утвержденіе религіи, — относительно чего они находятся въ опасности болѣе нежели мы... Раскройте имъ всѣ эти опасности подробно, если они не достаточно ихъ видятъ... Вы окажете самую большую услугу, если будете дѣйствовать съ быстротою.»

Кильгру, съ помощію Нокса, возбудилъ народъ противъ католиковъ и Франціи. Въ то же время онъ имѣлъ многочисленныя совѣщанія съ Маромъ и Мортономъ относительно того, что онъ называлъ *великимъ дългомъ*. Оба графа наконецъ согласились въ обезпеченіе своей рѣшимости *покончить съ дългомъ*, т. е. съ Марією Стюартъ, дать заложниковъ въ теченіе четырехъ часовъ послѣ того, какъ она будетъ отдана въ ихъ руки, и такимъ образомъ освободить Елизавету отъ соперницы. При этомъ они постановили слѣдующія условія: чтобы англійская королева приняла ихъ юнаго короля подъ свое покровительство; что бы права его не были уничтожены приговоромъ, произнесеннымъ противъ его матери, и были утверждены декларациею англійскаго парламента; чтобы между двумя государствами былъ заключенъ оборонительный союзъ; чтобы графы Гэнтингдонъ, Бедфордъ или Эсексъ присутствовали при казни Маріи, съ двумя или тремя тысячами солдатъ, и потомъ присоединили свои войска къ войскамъ короля, для взятія Эдинбургскаго замка; наконецъ, чтобы этотъ замокъ былъ переданъ регенту и чтобы Англія заплащивала все жалованье, недоплаченное шотландскимъ войскамъ.

Эти условія показались Кильгру непомѣрными, Берлею — слишкомъ убыточными, а Елизаветѣ, мелочно-расчѣтливой и прикрывавшей свою жестокость лицемеріемъ, — унижательными. Онъ очень хотѣлъ спасти Марію жизни, но она не была расположена давать жалованья убійцамъ и показывать себя ихъ подстрекательницей и сообщницей. Высокая плата, которой два шотландскіе графа требовали

кровь своей прежней государыни, и внезапная смерть регента Маря, послѣдовавшая 28 октября въ Стёрлингѣ, и приписываемая отравленію, прекратила на время эти гнусныя переговоры, которыя, впрочемъ, окончателѣно были оставлены только въ 1574 г. Видя что они не удались, Кёрлей, встревоженный и забывшій всякую совѣстливость, написалъ къ Лейстеру письмо, въ послѣднихъ, но значительныхъ выраженіяхъ. Онъ внушалъ въ немъ королевѣ, при которой находился Лейстеръ, мысль — вбѣзжаться отъ Маріи Стюартъ въ Англію, потому что ей не удалось отравить ее на смерть въ Шотландію. «Если ей вѣлчество, говорилъ онъ, будетъ продолжать свои откладыванія; если она не позаботится о своей собственной безопасности, употребивъ средства, данныя ей Богомъ, — то она, такъ же какъ и всѣ мы, будемъ напрасно умолять Его, когда бѣдствіе разразится надъ нами. Да поможетъ Богъ ей вѣлчеству силу духа, для поддержанія дѣла Божія, ее собственной жизни и жизни миллионъ добрыхъ подданныхъ, которымъ всѣмъ грозитъ явная опасность, единственно вѣлчеству ее отречець, такъ что королева наконецъ можетъ погубить благородное королевство.»

Елизавета не осмѣлилась послѣдовать этому внушенію. Она не лишила Марію Стюартъ жизни, но отняла у нея оставшихся еще въ Шотландіи приверженцевъ, то привлекая ихъ на свою сторону, то уничтожая ихъ. Мортонъ 24 ноября 1572 г. наследовалъ Марю въ титулъ и власти регента. Въ самый день возведенія его въ это достоинство, о которомъ онъ давно уже мечталъ, умеръ реформаторъ Ноксъ. Этотъ пылкій и неупреклонный человекъ, который и своимъ ученіемъ и своими дѣйствіями такъ много способствовалъ къ совершенію религіознаго и политическаго переворота въ Шотландіи, страдалъ тѣломъ, но ни мало не утративъ бодрости духа и энергіи ума, — умеръ на шестьдесятъ восьмемъ году отъ роду, оплакиваемый пресвитеріанскою церковью, которой онъ былъ основателемъ, любимый гражданами, которыхъ онъ сдѣлалъ болѣе благочестивыми; уважаемый дворянствомъ, которе было отчасти обязано ему своею властію въ государствѣ. Ему не удалось быть свидѣтелемъ окончательнаго и близкаго торжества своей партіи, но онъ его предвидѣлъ. Утвердить это торжество — было удѣломъ Мортонна. Еще болѣе своего предшественника преданный протестантизму и англійской политикѣ, Мортонъ, на служеніе этому двойному дѣлу, употребилъ рѣдкое искусство, всю энергію своего характера, власть, которою онъ обладалъ въ качествѣ регента, всю силу, которую онъ имѣлъ какъ глава фамиліи Дугласовъ.

Съ помощью Килгру, который убѣждалъ Елизавету дать ему субсидіи и обѣщать войска, онъ возобновилъ переговоры, начатые его предшественникомъ съ главнѣйшими вельможами, которые остались вѣрными королевѣ. Послѣ смерти регента Мюррэя партія Маріи Стюартъ состояла не только изъ тѣхъ, которые всегда ее поддерживали, — каковы были Гамильтоны и Гордоны, — но также изъ присоединившихся къ ней дезертировъ партіи короля, каковы были Кёркальди Гранджъ, Уоттингтонъ и Юмъ. Мортонъ вздумалъ войти въ соглашеніе

съ каждою изъ этихъ частей отдѣльно, изъ опасенія, что если онъ будетъ вести переговоры въ одно и тоже время со всею партіей, то будетъ въ ея власти и въ послѣдствіи подвергнется новымъ возстаніямъ. Надѣясь съ большою легкостью отвѣчь отъ королевы людей, которые присоединились къ ней послѣдними, и которыхъ еще свѣжіи воспоминанія, казалось, должны были возвратитъ подъ власть короля, ими самими возведеннаго на тронъ,—онъ обратился сперва къ Керкальди Грэнджу и къ Летвингтону. Запершись въ Эдинбургской цитадели,—которую они считали въ безопасности отъ нападеній шотландцевъ и гдѣ они ждали помощи, обѣщанной французскимъ дворомъ, въ случаѣ если они продержатся тамъ до Духова дня 1573 г.,—Летвингтонъ и Керкальди не приняли частныхъ предложеній Мортонъ, которому они сильно не довѣряли. Они потребовали, чтобы примиреніе распространилось на всю партію королевы и чтобы за Керкальди Грэнджемъ осталось начальство надъ Эдинбургскою цитаделю въ теченіе шести мѣсяцевъ по заключеніи мира. Этихъ они хотѣли выиграть время, чтобы дожидаться французскихъ войскъ, которыя были тогда заняты осадю ла-Рошели, и сохранить для себя возможность возобновитъ потомъ борьбу, обладая большими средствами. Подобная сдѣлка не могла быть по душѣ Мортону. Оставивъ свое намѣреніе—склонитъ на свою сторону *кастильцевъ*,—какъ ихъ называли отъ слова замокъ (castle), который они занимали, — онъ обратился къ Гамильтонамъ и Гордонамъ.

Послѣдніе, цѣлые пять лѣтъ безуспѣшно сражаясь за королеву, начинали уже тяготитъя своими напрасными стараніями и чувствовать свое безсиліе. Въ особенности они были обезкуражены рѣшительнымъ вмѣшательствомъ Елизаветы. Поэтому они выказали готовность вступить въ переговоры съ регентомъ, при посредствѣ Кильгру. Между ними и Мортономъ тайно было условлено—оставитъ всякія преслѣдованія по дѣламъ объ умерщвленіи Дарнлея и его отца, регента Леннокса, въ которыхъ тѣ или другіе могли быть болѣе или менѣе замѣшаны. Послѣ этой гарантіи, даваемой и принятой въ качествѣ средства къ миру, условія окончательнаго соглашенія обсуждались въ Портѣ комиссарами регента съ одной стороны, графомъ Гэнтли и лордомъ Арбротомъ, сыномъ герцога Шательро — съ другой. При помощи и стараніи Кильгру было постановлено, чтобы католическіе лорды формальнымъ объявленіемъ одобрили преобразованную религію, въ томъ видѣ какъ она была введена въ государство; чтобы они подчинились власти короля и регентству Мортонъ, признали незаконнымъ все, что было сдѣлано противъ этого правительства со времени коронованія Іакова VI въ Стѣрлингѣ; чтобы, въ возмездіе за это, они были возстановлены въ своихъ имуществѣхъ и вващлхъ; и чтобы уничтожены были всѣ акты, изданные противъ приверженцевъ королевы, которые должны были получить полную амнистію. Сдѣлка Гамильтоновъ и Гордоновъ, къ участію въ которой графъ Гэнтли склонилъ и своего доблестнаго брата, сара Адама Гордона, сопровождалась покорностью лордовъ Грэй и Олифанта, шерифа Эйра, лордовъ Беклю и Джонстова, 23 февраля 1573 г. регентъ подни-

дать условія Пертскаго примиренія, которыя обезоружили и уничтожили партію королевы.

У этой партіи не оставалось ничего, кромѣ Эдинбургской цитадели. «Теперь, писалъ Кильгру къ Бёрлею, для повсемѣстнаго повиновенія королю и для соединенія государства остается одно только препятствіе — замокъ.» Положеніе *кастильцевъ* дѣлалось все болѣе и болѣе затруднительнымъ; они были оставлены всѣми. Даже замокъ Блекнессъ недавно былъ преданъ женою Джемса Кёркальди Уильяма, Мортону, который ее соблазнилъ. Несмотря на эту пльбну и на всѣ трудности дальнѣйшаго сопротивленія, сэръ Уильямъ Кёркальди вовсе не думалъ сдаваться. Этотъ храбрый человекъ котораго вѣрность своей государынѣ дошла теперь до упорства, отказался отъ всякой сдѣлки. Она не поддалась настояніямъ и релігіознымъ угрозамъ своего стараго друга Нокса, который, незадолго предъ своею смерію, послалъ къ нему пастора Линдсэя, сказавъ этому послѣднему. «отправьтесь въ замокъ, къ этому человеку, котораго — вы знаете — я такъ любилъ, и скажите ему, что я васъ послалъ еще разъ закливать его именемъ Божиимъ — оставить это нехорошее дѣло. Если онъ не оставитъ этого то ни крутой утѣсъ, на который онъ надѣется, ни плотская мудрость человека (Летингтона), котораго онъ считаетъ полубогомъ, ни помощь иностранцевъ — не спасутъ его. Онъ съ клятвеннымъ словомъ будетъ исторгнутъ изъ своего гнѣзда и повѣшенъ, если не измѣнитъ безотлагательно своей жизни и не прибѣгнетъ къ милосердію Божию.» Неминуемое приближеніе опасности не поколебало рѣшимости мужественнаго Кёркальди, какъ не поколебало ея зловѣщее предостереженіе Нокса. вмѣстѣ съ Летингтономъ, Юмомъ, Робертомъ Мельвилемъ Пайтадрау, — не имѣя даже и двухъ сотъ солдатъ гарнизона, но налябсь на испытанную твердость цитадели, — онъ думалъ, что еще можетъ ждать обѣщанной помощи изъ Франціи. Этой, столь желаемой и столь необходимой помощи не суждено было придти. Съ другой стороны Елизавета, побуждаемая настояніями Кильгру, рѣшилась дать Мортону средства для уничтоженія послѣдняго оплота партіи, дѣло которой было уже почти проиграно. Два инженера, которымъ она поручила осмотрѣть Эдинбургскую цитадель, объявили, что, при правильномъ нападеніи, крѣпость не продержится болѣе двадцати дней. И такъ осада ея была рѣшена и управлять ею было поручено сэру У. Друри, губернатору Бервика. Друри отправился изъ Бервика съ войскомъ изъ пяти сотъ стрѣлковъ, пяти сотъ человекъ вооруженныхъ копьями, и съ большими артиллерійскими орудіями. Онъ высадился въ Лейтъ и оттуда направился къ Эдинбургу, куда вошелъ 23 апрѣля и гдѣ къ нему присоединились семьсотъ солдатъ регента. Это маленькое войско приготовилось къ осадѣ цитадели въ ту самую минуту, когда собравшійся парламентъ утвердилъ союзъ съ Англіею, возстановилъ, согласно Пертскому трактату, Гэнгли и Вальфэра въ ихъ владѣніяхъ и титулахъ, и произнесъ приговоръ о лишеніи *кастильцевъ* всѣхъ гражданскихъ правъ.

Осажденные, на посланное имъ, отъ имени регента и англійскаго генерала, требованіе — сдаться, объявили, что они скорѣе готовы по-

гибнуть подъ развалинамъ цитадели. Пушки осаждающихъ были воставлены на высотахъ, съ которыхъ они господствовали надъ крепостью, и 17 мая съ батареей началась пальба. Огонь ихъ былъ направленъ на главный бастіонъ цитадели, который назывался Давидовою башней. Онъ скоро заставилъ замолчать пушки замка, прислуга которыхъ была въ неудовлетворительномъ состояніи, и, послѣ шестидневной непрерывной канонады, Давидова башня, 23 мая въ полдень, обрушилась съ большимъ шумомъ. На другой день, 24, башня Уэллеса была тоже уничтожена, а 26-го вѣщнія укрѣпленія цитадели были заняты, безъ сопротивленія, осаждающими, которые приготовились къ общему штурму.

Но осажденные были не въ состояніи его выдержать. У нихъ не доставало военныхъ припасовъ. Солдаты, не имѣя воды, были почти все болѣны. Для отраженія приступа оставалось только сорокъ здоровыхъ человекъ. Лордъ Грэнджъ понималъ, что ему не слѣдуетъ болѣе удерживаться, и вечеромъ 26 числа явился на валу, съ бѣлымъ железомъ въ рукахъ. Ему надо было двухдневное перемиріе для приготовленія замка къ сдачѣ. Онъ просилъ, чтобы жизнь и имущество осажденных остались неприкосновенными, чтобы Юму и Леттингтону было позволено удалиться въ Англію, а ему самому — на свою родину, и чтобы его тамъ не тревожили.

Регентъ не принялъ этихъ условій. Его главные противники были почти совсѣмъ въ его власти и онъ не хотѣлъ выпустить ихъ изъ рукъ. Онъ потребовалъ, чтобы солдаты гарнизона вышли изъ замка порознь и безъ оружія, и затѣмъ шли каждый куда хочетъ; и чтобы девять главныхъ начальниковъ, между которыми были Керканди, Юмъ, Леттингтонъ и Р. Мельвилъ, покорились тому, что повелитъ относительно ихъ англійская королева, согласно трактату, заключенному между нею и королемъ Шотландіи. Другими словами это значило, что имъ нѣтъ пощады. Предвидя ожидавшую ихъ участь, они прекратили переговоры и захотѣли лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ; но солдаты отказались помогать ихъ отчаянному сопротивленію. Они взбунтовались и грозили Леттингтону, что повѣсятъ его, если онъ въ теченіе шести часовъ не уговоритъ лорда Грэнджа сдать цитадель. Доведенный до такой жестокой крайности, доблестный лордъ, которому враги грозили смертью, а собственные солдаты — оставленіемъ, рѣшился, по совѣту Леттингтона, на то, въ чемъ оставалась по крайней мѣрѣ какая нибудь надежда. Ночью 29 числа онъ тайнымъ образомъ впустилъ въ замокъ двѣ роты англичанъ и сдѣлся съ своимъ гарнизономъ сэру Друри, объявивъ, что сдается королевѣ Елизаветѣ, а не регенту Мортону.

Но Мортонъ не былъ расположенъ выпустить изъ рукъ свою добычу. Онъ хотѣлъ избавиться отъ двухъ людей, которыхъ ума и храбрости онъ наиболѣе боялся, дабы на будущее время оградить свою власть отъ неповиновенія и предатствій. Итакъ онъ написалъ Вѣрлею письмо, требуя плѣнниковъ, чтобы наказать ихъ, какъ главныхъ виновниковъ безпокойствъ и бѣдствій въ Шотландіи. Килльгрю, который на цитадель къ нимъ той же злобы и не имѣлъ такихъ она-

самъ, тѣмъ не менѣе не былъ великодушнѣе Мортонъ и поддержалъ его требованія. Съ своей стороны Летингтонъ и Гранджъ тоже обратились къ Барлею, и, имѣя въ прежней дружбѣ, заклинали его—поручить ихъ состраданію, кротости и предусмотрительному благоумію Елизаветы: «мы увѣрены, говорящіи оны, что ея величество не захочетъ отступить отъ насъ и предать насъ въ руки нашихъ смертельныхъ враговъ. Если ей благоугодно будетъ распространить на насъ свою высочайшую милость, то она можетъ быть увѣрена, что мы останемся ей вѣчно преданными, не менѣе кого бы то ни было изъ нашихъ соотечественниковъ и даже изъ ея собственныхъ подданныхъ, потому что теперь мы можемъ поставить себя, относительно къ ней, въ обязательства, которыхъ не могли принять на себя прежде; а благодѣаніе ея величества навсегда привяжетъ насъ къ ней. Правда, въ настоящемъ нашемъ положеніи мы не имѣемъ большой цѣны; но если ея величество дастъ намъ къ тому средство, то, можетъ быть, мы въ послѣдствіи будемъ въ состояніи оказать ей услуги. Вашей свѣтлости теперь извѣстна наша просьба; благоволила поддержать ее. Ни въ какомъ другомъ время дружба ваша не могла оказать намъ подобную поддержку. Мы много разъ испытали ея силу и умоляемъ не лишать насъ ея въ эту минуту нашего великаго несчастья; мы теперь нуждаемся въ ней болѣе чѣмъ когда либо. Если, по ходатайству вашей свѣтлости, ея величество защититъ насъ, то мы навсегда останемся вашими преданными слугами... Мы находимся во власти ея величества: пусть дѣлаетъ она съ нами, что ей угодно.»

Это трогательное письмо, написанное на третій день послѣ сдачи замка, на минуту поколебало Елизавету. Выжило ли оно ей порывъ великодушнаго состраданія, или навело ее на размышленія—не выгодно ли будетъ для ея политики удержать у себя двухъ такихъ способныхъ и вліятельныхъ людей, вмѣсто того, чтобы предать ихъ Мортону? Каковы бы ни были причины ея нерѣшимости, она потребовала сначала свѣдѣній о *качествахъ и количествахъ изъ преступленій*. Но потомъ она уступила новымъ настояніямъ Мортонъ и Кяльгру, и велѣла написать жестокой приказъ о передачѣ плѣнниковъ въ руки регента. Это значило посылать ихъ на смерть. Прежде чѣмъ это рѣшеніе пришло въ Шотландію, Летингтонъ умеръ въ своемъ заключеніи. Его смерть, естественная или добровольная, спасла его отъ казни, на которую холодная мстительность Мортонъ осудила его рыцарски-доблестнаго товарища, Керкальди Гранджа. Напрасно приверженцы узника старались подѣйствовать на вѣстнаго корыстолюбія регента и успокоить опасенія его честолюбія. Сто дворянъ, родственники и друзья благороднаго и страшнаго лорда, предложили выкупить его жизнь, посредствомъ уплаты регенту ежегодной ренты въ три тысячи марокъ и ненарушимаго обязательства—сдѣлаться всегдашними слугами дома Ангуса и Мортонъ. Регентъ былъ неумолимъ. Онъ хотѣлъ застрашать всякаго, кто бы съ этихъ поръ вздумалъ противиться его власти,—и не поддавался ни на какия просьбы ни на какия предложенія. Лордъ Гранджъ былъ повѣщенъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Джемсомъ Керкальди, 3 августа на публичной пю-

щадя Креста въ Единбургѣ. Онъ умеръ съ спокойствіемъ великаго мужества, произнося на эшафотѣ слова смиреннаго покаянія, и громко выражая постоянную вѣрноподданническую привязанность къ своей плѣнной государынѣ. вмѣстѣ съ Летингтономъ и Кёркаллемъ Гранджемъ погибла партія и исчезли послѣднія надежды Маріи Стюартъ въ Шотландіи.

Это повергло ее въ скорбь и въ уныніе. Она не подозрѣвала опасности, которою грозили ей таинственные переговоры Кильгтру, хотя проистествія Варееоломеевской ночи подвергли ее новымъ строгостямъ. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ она была лишена возможности выходить и писать. Съ нею стали обходиться нѣсколько мягче только послѣ взятія Единбургскаго замка и совершеннаго уничтоженія ея партіи. Несчастная узница въ эту минуту пала духомъ. Англійскіе католики, которые покушались освободить ее въ 1569 и 1570 г. бѣжали или были напуганы; герцогъ Норфолькъ, составлявшій съ нею заговоры, погибъ; шотландцы, которые въ продолженіе пяти лѣтъ сохраняли къ ней повиновеніе, были принуждены теперь признать ея сына королемъ и подчиниться прочно утвердившемуся господству Мортонна, какъ регента; король испанскій постоянно обѣщалъ, но никогда не выполнялъ своихъ обѣщаній: ему не столько хотѣлось оказать дѣйствительную помощь Маріи, сколько тревожить Елизавету заговорами и волненіями; король французскій, боровшійся съ протестантами и подозрѣваемый католиками своего королевства, оставлялъ ее, въ угоду ея страшной и торжествующей соперницѣ.

Въ такомъ положеніи, не имѣя болѣе опоры внутри и не надѣясь на помощь извнѣ, она измѣнила свой тонъ и свой образъ дѣйствій. Она пыталась умилостивить Елизавету своею покорностью. Она старалась добиться, чтобы ей добровольно возвратили свободу, которой она не могла достигнуть посредствомъ силы. Гордость ея сначала была оскорблена молчаніемъ англійской королевы, къ которой она часто писала, не получая никакого отвѣта. Но она подавила въ себѣ порывы гнѣва и гордости. Она терпѣливо вынесла оскорбленіе, — и королева, — гордая въ чувствахъ и краснорѣчивая въ жалобахъ, пылкая и смѣлая въ своихъ планахъ, превратилась въ тихую, кроткую и почти унижающуюся узницу. Она стала избѣгать всего, что могло внушить подозрѣніе Елизаветѣ, она уменьшила свою корреспонденцію, которая теперь касалась частныхъ дѣлъ и доходовъ съ ея вдовой части во Франціи. Въ вознагражденіе за это, она получила позволеніе прогуливаться въ садахъ и въ паркѣ Шеффилда. Отъ сырости тюремныхъ стѣнъ, у ней сдѣлался ревматизмъ въ рукѣ, который нѣсколько времени мѣшалъ ей писать и прибавилъ новую боль къ болѣзни ея печени, которою она давно уже страдала и которая была очоь усилена ея несчастіями. Поэтому она выпросила себѣ позволеніе по временамъ принимать Бэкстонскія ванны, изходившіяся въ сосѣдствѣ Шеффилда.

Чтобы нѣсколько развлечь себя въ скукѣ празднаго заключенія, — уже не занятого болѣе составленіемъ заговоровъ въ Англии, въ Шотландіи и на континентѣ, устройствомъ и возобновленіемъ зна-

новъ необходимыхъ для ея секретныхъ корреспонденцій, диктовкою писемъ шотландскому ея секретарю Кёрлю и французскому секретарю Роле, отыскиваніемъ и употребленіемъ въ дѣло локкихъ и вѣрныхъ агентовъ,—она выкармливала птицъ, окружала себя собаками разныхъ породъ, и занималась шитьемъ. Г. Гласго, писала она своему послу во Франціи, прошу васъ—прислать мнѣ варварійскихъ горлицъ и куръ; для опыта—не могу ли я развести ихъ въ этой странѣ... для меня было бы удовольствіемъ—кормить ихъ въ клеткѣ, какъ я дѣлаю это со всѣми маленькими птичками, которыхъ мнѣ удастся достать. Это служить развлеченіемъ для плѣнницы». Въ другой разъ она просила его о присылкѣ собачекъ. «Если г. кардиналъ де Гизъ, мой дядя, писала она, уѣхалъ въ Ліонъ, то я увѣрена что онъ пришлетъ мнѣ пару прекрасныхъ собачекъ, и столько же купите мнѣ вы, потому что, кромѣ чтенія и работы, я не имѣю другихъ удовольствій, за исключеніемъ этихъ маленькихъ животныхъ».

Она просила также, чтобы ей купили шолку, атласу, лентъ; для маленькихъ собственноручныхъ работъ, которыя потомъ она дарила Елизаветѣ, чрезъ посланника ла Мота Фенелона. Узнавъ, что королева ихъ благосклонно приняла, она писала ей: о моя добрая сестра, такъ какъ вамъ угодно было благосклонно выразить г. ла-Моту... что вамъ пріятна принятая мною смѣлость—представитъ вамъ чрезъ него, этотъ маленькій образецъ моей работы,—то я не могу удержаться отъ выраженія вамъ въ этихъ строкахъ, до какой степени я почту себя счастливою, если вамъ угодно будетъ одобрить мое желаніе — всѣми средствами возратить себѣ нѣкоторую часть вашей благосклонности. Я очень же желала чтобы вамъ угодно было помочь мнѣ какими нибудь указаніемъ—чѣмъ бы я могла вамъ угодить и оказать повиновеніе.»

Вполнѣ занятая этимъ, она просила архіепископа Гласгоскаго прислать ей изъ Франціи кое-какія вещи, принадлежащія къ предметамъ роскоши, для подарка Елизаветѣ. «Если бы мой дядя кардиналъ, писала она ему, прислалъ мнѣ что нибудь хорошенькое—или браслеты, или зеркало, то я водарила бы ихъ королевѣ... Если вы найдете что нибудь новое, то прикажите купить для меня... и если мой дядя придумаетъ что нибудь намекающее на взаимныя отношенія между нею и мною, то эти бевдѣлицы скорѣе чѣмъ что либо другое заставятъ ее проводить со мною время.»

Эти подарки были приняты благосклонно, и Марія Стюартъ, радуясь этому, приготавливала другіе. «Я очень довольна увѣдомленіемъ, что королева, моя добрая сестра, благосклонно приняла мою записную книжку; потому что я болѣе всего желаю—въ большихъ и малыхъ вещахъ угодить ей, въ надеждѣ прежде всего возратить себѣ ея благосклонность, послѣ чего я не сомнѣвалась бы въ ея ласковой добротѣ относительно всего остальнаго... Я усердно работаю надъ головнымъ уборомъ для нея, но у меня такъ мало мастерицъ, для помощи мнѣ въ тонкихъ работахъ, что онъ еще у меня не готовъ... Если ей нравятся какія нибудь филейныя работы, преимущественно предъ прочими, то я займусь ими. Между тѣмъ прошу васъ отыскать

золотыхъ узкихъ кружевъ, съ серебряными украшениями, семнадцать красныхъ и тонкихъ. камиа только можете найти, и прислать мнѣ шесть аршинъ, и кромѣ того еще двадцать аршинъ двойныхъ кружевъ, или же узкихъ ажуровыхъ возументовъ, совсѣмъ золотыхъ.»

Вотъ до чего доведена была бѣдная Марія Стюартъ. Эта королева, столь гордая, и недавно еще столь непокорная, внималась въ своей торжмѣ дѣланіемъ уборовъ для той, которая ее держала въ заключеніи, вопреки общенародному праву и достоинству королевскаго сана. Она старалась также снискать благорасположеніе главныхъ совѣтниковъ Елизаветы. Она просила принцевъ своей фамиліи послать подарки, съ выраженіями признательности, Лейстеру, который назначалъ участіе къ ней. Она дружески писала къ Бёрлею, который выѣзжалъ съ нею на Вакстонскихъ водахъ. Она льстила даже безвѣстному Уэльсингему, сдѣлавшемуся государственнымъ секретаремъ послѣ Нерлая, которому была вѣрена должность государственнаго канцлера. Она, — говоря ея выразительнымъ языкомъ, — боялась сумасбродныхъ фантазій (*turbulentes imaginations*) этого министра, который, получивъ теперь порученіе наблюдать за партіями, заботился о безопасности Елизаветы. Поэтому она писала къ французскому послу: «Обищайте ему отъ моего имени, что во всю жизнь мою я не сдѣлаю ничего противъ королевы, его государыни, и что если, подъ зримъ условіемъ, онъ захочетъ быть моимъ другомъ, — я буду считать его таковымъ, совершенно въ противность тому, что я думала о немъ до сихъ поръ.»

Возмущеніе на тронѣ Генриха III послѣ смерти Карла IX, и ѣсколько оживило надежды Маріи Стюартъ. Въ эваніи герцога анжуйскаго, Генрихъ III былъ главою католической партіи во Франціи и приобрѣлъ репутацію искуснаго политика и человѣка съ твердымъ характеромъ, которую онъ потерялъ вскорѣ послѣ того какъ сдѣлался королемъ. Изъ трехъ деверей Маріи Стюартъ она болѣе всего рассчитывала на чувства Генриха. Нѣкоторое время она думала, что онъ вопуститъ за нее съ большою энергіею, чѣмъ какую выказывалъ въ этомъ Карлъ IX. Она просила его не признавать ея сына королемъ Шотландіи и не давать ему этого титула. Она желала чтобы онъ вступилъ съ нею въ тайный союзъ, съ цѣлю — *помочь ей въ осуществленіи ея преле* и въ особенности чтобы онъ не возобновлялъ трактата, заключеннаго въ апрѣлѣ 1572 г. между Карломъ IX и Елизаветой. «Если король оставитъ меня, писала она, и заключитъ союзъ съ нею (съ Елизаветой), то подвергнетъ мою жизнь опасности и усилитъ своихъ и моихъ враговъ.»

Но въ это время Марія Стюартъ, потеряла свою главную опору при французскомъ дворѣ — кардинала Лотарингскаго, того изъ ея родственниковъ, къ которому она имѣла наибольшую привязанность и довѣренность. Эта потеря причинила ей глубокую скорбь, которую она выразила архіепископу Гласгоскому, въ слѣдующихъ трагическихъ словахъ: «Благодареніе Богу за то, что онъ до сихъ поръ еще не посмѣлъ мнѣ горести, не давалъ мнѣ съ тѣмъ силъ передать ее. Коти въ первую минуту я не могу удержаться отъ слезъ»

во продолжительность моихъ несчастій научила меня надѣяться, что въ лучшей жизни я утѣшусь во всѣхъ моихъ бѣдствіяхъ. Но вотъ—я въ тюрьмѣ и Богъ беретъ у меня одного изъ людей, которыхъ я наиболѣе любила. Что прибавитъ мнѣ къ этимъ словамъ? Онъ разомъ отнялъ у меня и отца и дядю. Я съ меньшимъ сожалѣніемъ послѣдую за нимъ въ могилу, если это будетъ угодно Богу.»

Литась поддержки при французскомъ дворѣ, со стороны кардинала Лотарингскаго, Марія въ тоже время увидѣла тѣту своихъ надеждъ на Генриха III. Этотъ государь, человекъ большаго ума, но безпорядочнаго поведенія, полный мужества и лишенный характера, слѣдовалъ, подъ руководствомъ своей матери, нерѣшительной политикѣ, которая возмутила и запятнала кровью царствованіе Карла IX. Эта политика—осторожности относительно партій и двуличности относительно отдѣльныхъ людей, смѣшанная съ переговорами и войнами, ведущая къ слабостямъ, изъ которыхъ нельзя было выпутаться иначе какъ только посредствомъ обмановъ или крайностей, принодичая поочередно то временныя уступки, то слабое сопротивленіе, — была, къ несчастію, сообразна съ положеніемъ государства, съ духомъ времени и съ наклонностями Катерины Медичи. Не достигнувъ того, чтобы, посредствомъ королевской власти, заставить католиковъ оказывать терпимость къ протестанству, и возвратитъ протестантовъ къ католицизму, хитрая но непостоянная Катерина возбудила неудовольствіе попеременно въ обѣихъ партіяхъ. Она оттолкнула, наконецъ, короля Наварскаго и протестантовъ—къ Елизаветѣ, а Гизовъ и католиковъ—къ Филиппу II.

Покорный совѣтамъ своей матери, Генрихъ III послалъ де-ла-Шатра въ Лондонъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, чтобы весной 1575 г. возобновитъ тамъ союзный трактатъ, заключенный въ апрѣлѣ 1572 г. Когда Марія Стюартъ увидѣла, что новый король идетъ въ слѣдъ своего предшественника и находится подъ полнымъ вліяніемъ королевы - матери, которая не любила ея, она оставила свои надежды на него и обратилась къ Филиппу II. Она возобновила свои тайные переговоры съ католическою партіей въ Испаніи и обратилась къ папѣ, при посредствѣ епископа Ресскаго, котораго аккредитовала при римскомъ дворѣ, послѣ того какъ Елизавета возвратила ей свободу, въ декабрѣ 1573 г. Этотъ папа былъ Григорій XIII, который, слѣдуя планамъ своего предшественника, Пія V. долгое время поддерживалъ возстаніе въ Ирландіи и побуждалъ Филиппа II возстановитъ католицизмъ въ Англіи, посредствомъ военной экспедиціи, подъ начальствомъ дона Хуана Австрійскаго. Онъ предложилъ устроить бракъ Маріи Стюартъ съ этимъ молодымъ принцемъ, о которомъ ревностные католики Англіи и Шотландіи думали еще въ 1571 г. предпочтительно предъ герцогомъ Норфолькомъ, и который, усмиривъ мавровъ въ Испаніи, побѣдилъ затѣмъ турокъ въ Средиземномъ морѣ. Онъ не сомнѣвался, что герой Лепанта и Туниса являясь естественнымъ послужитъ этому предпріятію своею храбростью и счастіемъ, которое онъ носитъ съ собою.» Этотъ двойной проектъ

о бракѣ и объ экспедиціи, котораго Филиппъ II не принялъ въ 1574, былъ возобновленъ въ 1577 г., когда донъ Хуанъ Австрійскій наслѣдовалъ въ управленіи Нидерландами великому командору Реквезенсу, котораго система примиренія сопровождалась не лучшимъ успѣхомъ, какъ и угнетательная система герцога Альбы. Находясь въ тѣсномъ союзѣ съ герцогомъ де Гизомъ, донъ Хуанъ писалъ королю, своему брату, съ такимъ же честолюбіемъ, какъ и предусмотрительностью, что покорность Нидерландовъ можетъ быть приобретена только въ Англіи.

Но Филиппъ II обнаружилъ холодность къ этому предпріятію. Онъ не хотѣлъ отвлекать своихъ войскъ отъ береговъ Африки и Фландріи, гдѣ они были въ это время заняты. Онъ не увлекся предложеніемъ, которое, впрочемъ, и трудно было осуществить, но къ которому часто возвращалась Марія Стюартъ: именно — она предлагала отдать ему своего сына, котораго надлежало перевезти изъ Шотландіи въ Испанію. Это предложеніе не было единственнымъ. Вздумавъ отдать своего сына, какъ залогъ католицизма, въ руки Филиппа II, Марія Стюартъ пошла далѣе: она захотѣла лишитъ его наслѣдства, передавъ всѣ его права могущественному защитнику этой религіи въ Европѣ. Частое повтореніе ея болѣзней, опасности, окружавшія ее въ заключеніи, послѣдствія, которыя могли произойти отъ ея заговоровъ, — привели ее къ составленію завѣщанія, въ которомъ находилась слѣдующая статья, конечно очень католическая, но несовсѣмъ материнская и монархическая. «Для споспѣшествованія славы, чести и сохраненію католической, апостольской, римской церкви, въ лонѣ которой я хочу жить и умереть, завѣщаю, что если мой сынъ обратится къ ней, несмотря на дурное воспитаніе, которое онъ, къ моему величайшему сожалѣнію, получилъ въ ереси Кальвина, среди моихъ мятежныхъ подданныхъ, — то я оставляю его единственнымъ наслѣдникомъ моего королевства — Шотландіи, а также права на корону Англіи и зависящихъ отъ нея земель, на которое объявлено мною справедливое притязаніе...; въ противномъ же случаѣ — если мой сынъ будетъ продолжать жить въ сказанной ереси — я передаю, уступаю и дарю всѣ мои права на Англію и проч... католическому королю, или кому нибудь изъ его родственниковъ, котораго ему будетъ угодно назначить для этого, по совѣту и съ согласія его святѣйшества. Я дѣлаю это, видя въ немъ единственную надежную опору католической религіи; изъ признательности за безкорыстные милости, которыя я и люди, рекомендованные мною, получили отъ него въ моей великой нуждѣ; а равно и во вниманіе къ правамъ, которыя онъ самъ можетъ объявить на сказанныя государства и земли. Я умоляю его, чтобы, въ вознагражденіе за это, онъ заключилъ союзъ съ Лотарингскимъ домомъ, и, если возможно, съ домомъ Гизовъ, въ память рода, отъ котораго я происхожу по матери.»

Въ этомъ завѣщаніи, писанномъ въ февралѣ 1577 г., Марія Стюартъ принимала въ расчетъ только интересы католической церкви и имѣла въ виду только собственное торжество. Королева не побоялась родичить обладаніе коронами — ортодоксальности въ враніи, какъ въ

послѣдствіи это сдѣлала во Франціи демократическая партія Лиги. Но и это не послужило ей ни къ чему. Въ этотъ періодъ времени она только волновалась, но не пробовала, да и не могла, ничего сдѣлать. Въ Англіи никто не объявлялъ себя на ея сторонѣ со времени смерти герцога Норфолка. Въ Шотландіи — Мортонъ обладалъ могуществомъ, которое, не смотря на временное ослабленіе его въ 1578 г., не допускало даже и мысли обратиться къ Маріи Стюартъ. На континентѣ нѣсколько неопредѣленные планы этой неустрашенной государыни встрѣтили препятствія — въ формальномъ оставленіи ея со стороны Генриха III, который объявилъ, что предпочитаетъ дружбу королевы англійской свободѣ королевѣ шотландской; въ осторожномъ бездѣйствіи Филиппа II, приготовлявшагося занять своими войсками Португалію, престоломъ которой онъ хотѣлъ овладѣть; въ смерти донъ-Хуана Австрійскаго, послѣдовавшей до усмиренія Нидерландовъ; наконецъ въ безсиліи ея кузена, герцога Гиза, бывшаго не въ состояніи предпринять что нибудь въ ея пользу, безъ поддержки Франціи или Испаніи.

Только въ 1581 г., послѣ окончательнаго паденія Мортонъ, Марія Стюартъ возобновила свою борьбу съ Елизаветой. Мортонъ одинъ былъ регентомъ гораздо долѣе, чѣмъ всѣ три предшественника его вмѣстѣ. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ сохранялъ Шотландію въ мирѣ не допуская образованія въ ней новыхъ партій и возобновленія прежнихъ междоусобій. Пользуясь этимъ спокойствіемъ, страна благоденствовала. Она пожала плоды протестантскаго переворота и общественнаго согласія. Промышленность городовъ развилась, мореплаваніе расширилось, благосостояніе народа возрасло и видъ счастливой перемѣны въ Шотландіи возбуждалъ удивленіе и почти зависть въ послѣхъ Елизаветы. Но оставаться долгое время въ покоѣ и повиновеніи — было противно характеру и привычкамъ шотландскаго дворянства. Оно начало тяготиться покорностью Мортону, котораго неважное корыстолюбіе и высокомерное господство облегчили успѣхъ новыхъ заговоровъ. Для низверженія регента составилъ союзъ, подъ управленіемъ дядьки короля, Александра Эрскина и одного изъ его опекуновъ Дж. Бучанана. Этотъ союзъ, къ которому присоединились многіе члены прежнихъ партій — графы Атоль, Арджиль, Монтроузъ, Гленкарнъ, канцлеръ Глэмписъ, аббатъ Дэмферлингъ, контролеръ Туллардинъ, лорды Линдсей, Рутвенъ, Огильви, Геррисъ и проч. — въ мартѣ 1578 г. лишилъ Мортонъ регентства и вручилъ Іакову VI, не достигшему еще и 12 лѣтъ отъ роду, полную королевскую власть, пользованіе которою союзники раздѣлили между собою. Мортонъ, казалось, безропотно покорился своей участи, и, признавъ съ своей стороны личное управленіе короля въ Единбургѣ, спокойно удалился въ свой замокъ Дэльквйтъ. Отказавшись, по видимому, отъ всякихъ честолюбивыхъ намѣреній, онъ предался мирнымъ сельскимъ занятіямъ; но между тѣмъ тайнѣ приготовлялъ паденіе людей, причинившихъ ему погибель.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ (26 в 28 апрѣля), со времени паденія Мортонъ, какъ этотъ хитрый и предприимчивый человекъ снова

поднялся съ самою ловкою отвагой и съ полнѣйшими успѣхами. Съ помощью своего союзника, графа Мара, сына прежняго регента, а также фамилиі Дугласовъ, онъ овладѣлъ замкомъ Стёрлингомъ и особою короля. Онъ отказался возстановить регентство; но отъ имени шотландскаго парламента, собравшагося въ замкѣ Стёрлингѣ (въ іюлѣ) подъ его надзоромъ и вліяніемъ, онъ составилъ совѣтъ, которому было поручено управлять дѣлами, поддерживая номинальную власть Іакова VI. Предсѣдательство въ этомъ совѣтѣ было предоставлено самому Мортону. Облеченный опять королевскою властью, хотя въ другой формѣ, Мортонъ съ нѣкоторыми изъ своихъ враговъ поладилъ, другихъ—уничтожилъ. Аражиль, Линдсей и Монтроузъ были допущены въ число членовъ особаго совѣта. Католическій графъ Атоль скороспостижно умеръ, выходя изъ-за стола, за которымъ пировалъ вмѣстѣ съ Мортономъ. Фамилія Гамильтоновъ, столь погустественная своими похвѣстями и столь приближенная къ трону, была обезсилена. Чтобы пріобрѣсти благорасположеніе короля, который наследовалъ ненависть Ленноксовъ къ Гамильтонамъ, Мортонъ преслѣдовалъ этихъ послѣднихъ до крайности. Старый герцогъ Шательро умеръ уже за много лѣтъ предъ тѣмъ. Изъ трехъ его сыновей одинъ былъ схваченъ, другіе были принуждены бѣжать изъ отечества. Старшій, графъ Аранъ, давно уже лишившійся разсудка, былъ взятъ въ замкѣ Дреффенъ, вмѣстѣ съ своею матерью, и заключенъ. Второй, лордъ Арбротъ, удалился во Фландрію, а третій, лордъ Клавдій, искалъ убѣжища у Елизаветы. Ниспровергнувъ этотъ страшный домъ, — который былъ лишонъ всѣхъ гражданскихъ правъ, какъ виновный въ умерщвленіи двухъ регентовъ—Мюррея и Леннокса, и котораго имущества и титулы были отданы другимъ,—Мортонъ, казалось, прочно утвердился, опираясь на кроткую покорность короля, на открытую поддержку со стороны Англіи и на робкое повиновеніе Шотландіи.

Однакоже противъ него приготовлялась революція, которая на этотъ разъ должна была повести къ болѣе рѣшительнымъ результатамъ. Она была замышлена двумя молодыми шотландцами, которые, прибывъ незадолго предъ тѣмъ съ материка, вкрались въ довѣренность Іакова VI и сдѣлались его любимцами. Эсме Стюартъ, извѣстный подъ именемъ д'Обинья человекъ съ пріятнымъ умомъ, недурною наружностью, изящными и деликатными манерами, оставилъ французскій дворъ, гдѣ онъ получалъ воспитаніе и 8 апрѣля 1579 г. явился при дворѣ шотландскомъ, съ секретнымъ порученіемъ отъ герцога Гиза. Онъ былъ католикъ и долженъ былъ заступитъ мѣсто графа Атоля во главѣ партіи, которая осталась вѣрною старой религіи государства и преданною дому своихъ королей. Іаковъ VI, которому онъ приходился кузеномъ, принялъ его съ особенною благосклонностью, очень полюбилъ его, сдѣлалъ своимъ камергеромъ и графомъ Леннокскимъ. Такое внезапное возвышеніе встревожило Мортонъ и Елизавету. Они стали подозрѣвать намѣренія Леннокса, который, какъ католикъ, подвергся нападеніямъ партіи ревностныхъ пресвитеріанъ, и обвиненію со стороны партіи англійской въ намѣреніи овладѣть королемъ, отвезти его въ Дэмбартонъ, а оттуда — за

границу. Это подозрѣніе не было лишено основанія, такъ какъ Марія Стюартъ въ теченіе 1579 и 1580 г. только и думала о томъ, чтобы вывезти сына изъ Шотландіи. Но она еще не сговаривалась объ этомъ съ д'Обиньи и хотѣла отправить молодого короля не во Францію, а въ Испанію.

Елизавета, избѣженная Муртономъ, послала сэра Роберта Бауза въ Шотландію, чтобы ослабить вліяніе агента Гизевъ при дворѣ Якова VI, предложивъ послѣднему наследство англійскаго престола, если онъ останется вѣрнымъ союзомъ съ Англійей. Но такая отдаленная перспектива въ умѣ короля-отрока не могла взять верхъ надъ пылкостью его наклонностей и увлеченіемъ его привязанностей. Ленноксъ удержалъ за собою весь свой кредитъ. Онъ искусно успокоилъ пресвитеріанскихъ пасторовъ, перейдя въ протестантство, и честь своего обращенія приписывалъ своему молодому государю, который, будучи воспитанъ Бучананомъ въ пылкой школѣ мислѣдованія, былъ уже опытнымъ бойцомъ въ спорахъ о религіозныхъ предметахъ. Такимъ образомъ онъ польстилъ теологическому тщеславію этого государя, который, очарованный своимъ любимцемъ, вѣрилъ ему охраненіе замка Дэмбартонъ. Эта крѣпость была необходима Ленноксу для удобнѣйшаго исполненія его дѣла; но прежде всего ему было нужно низвергнуть Муртона.

Онъ рѣшился на это; въ исполненіи его предпріятія ему помогали другой, болѣе смѣлый и искусный, шотландецъ, Джемсъ Стюартъ, второй сынъ лорда Очильтри, который, служивъ прежде, въ качествѣ офицера-волонтера, въ континентальныхъ войнахъ, возвратился въ Шотландію, и былъ теперь капитаномъ королевской гвардіи. Пользуясь большою благосклонностью своего государя, привязанный къ Ленноксу и находясь въ ладахъ съ могущественнымъ союзомъ того дворянства, которое составляло оппозицію Муртону, капитанъ Джемсъ Стюартъ обвинилъ бывшаго регента, какъ сообщника въ умерщвленіи Даррлея и велѣлъ его арестовать среди совѣта, въ присутствіи короля. Этотъ крайне дерзкій поступокъ сопровождался полнымъ успѣхомъ. Онъ возвѣстилъ неминуемое паденіе англійской партіи въ Шотландіи. Елизавета была имъ встревожена до послѣдней степени. Она употребила все мѣры, чтобы спасти Муртона; но все было напрасно. Ни ея угрожающія внушенія, ни вѣтриги великаго возмутителя Рандольфа, нарочью посланнаго въ Единбургъ, ни сборъ англійской арміи, подъ начальствомъ лорда Гэнсдона, готовой перейти границу и проникнуть въ Шотландію,—не спасли этого послѣдняго вождя прежнихъ гражданскихъ войнъ, этого соучастника многихъ убійствъ, одного изъ виновниковъ бѣдственной участи Ричію, Даррлея, Муррея, Леннокса, Летингтона и Кёркальди Грэнджа, отъ участи, не миновавшей ни Ботвеля, ни Марію Стюартъ, изъ которыхъ одинъ уже умеръ въ датской крѣпости, а другая оставалась въ заключеніи до своего трагическаго конца.

Арестованный 31 декабря 1580 г., Муртонъ былъ 2 іюня 1581 г. приговоренъ къ обезглавленію, какъ участникъ въ заговорѣ противъ жизни отца короля. Онъ сознался, что ему былъ извѣстенъ

заговоръ объ этомъ убійствѣ, на оны не принимала въ немъ участія; не открылъ же онъ его потому, что убійство было совершено съ согласія и подъ руководствомъ самой королевы. Онъ умеръ съ мрачною энергіей пресвитеріанца и неукротимую гордость Дугласа. Его партія была уничтожена, большая часть его родственниковъ и друзей подверглись осужденію или бѣжан. и Іаковъ, окончательно избавившись отъ него, далъ главному его противнику, д'Обиньи, титулъ герцога Леннокса, сдѣлалъ его обвинителя, Джемса Стюарта, графомъ Аранскимъ, передалъ графство Мортонъ католику Максиму, пожаловалъ графу Марчу графство Оркнейское, а лорда Рутвена возвелъ въ званіе графа Гаури.

Смерть Мортонна обрадовала Марию Стюартъ, которая, узнавъ о ней, испытала всѣ удовольствія мести и возымѣла надежду на лучшую будущность. Она вошла въ сношенія съ Ленноксомъ, которому прежде не довѣряла. Долгое время отказывая своему сыну въ титулъ короля и требуя отъ католическихъ державъ континента, чтобы и онъ съ своей стороны дѣлалъ тоже, — она теперь приняла планъ присоединенія къ коронѣ, на основаніи котораго ея сынъ долженъ былъ получить верховную власть и управлять вмѣстѣ съ нею. Марія Стюартъ дала свое полномочіе герцогу Гизу, для переговоровъ и для заключенія этой сдѣлки. Но кромѣ этого плана, скрывать который не было особенной надобности, былъ составленъ другой, секретный, существованіе котораго было смутно подозрѣваемо, и который не известенъ историкамъ. Приготовленный иезуитами, одобренный папою, условенный съ Ленноксомъ, получившій согласіе шотландскаго короля, обезпеченный горячимъ участіемъ лотарингскаго дома и опирающійся на предполагаемую военную помощь со стороны испанскаго короля, — онъ состоялъ въ томъ, чтобы возстановить въ Шотландіи господство католической вѣры, освободить Марию Стюартъ изъ тюрьмы и возвести ее на тронъ.

Это былъ заговоръ 1570 г., возобновленный въ другой оортъ. Католическая партія, послѣ послѣдняго пораженія, которое она потерпѣла въ Англіи, жестокихъ потерь, которымъ она тамъ подверглась, и строгихъ законовъ, которые тамъ были изданы противъ нея, старалась возстановить свои силы и оживить свое рвеніе посредствомъ тайной, но дѣятельной и настойчивой пропаганды. Для этой цѣли основаны были на континентѣ двѣ семинаріи англійскихъ католическихъ священниковъ: одна — докторомъ Уильямомъ Олленомъ, (бывшимъ начальникомъ коллегіи св. Маріи въ Оксфордѣ) учрежденная сперва въ Дуэ, а потомъ съ 1575 г. въ Реймсѣ; другая — папою Григоріемъ XIII, который предоставилъ ей въ 1579 г. зданія и доходы двухъ госпиталей въ Римѣ, назначенныхъ для англійскихъ путешественниковъ. Олленъ собралъ вокругъ себя сто-пятьдесятъ священниковъ, воспиталъ большое число учениковъ въ правилахъ самаго строгаго католицизма и послалъ уже въ Англію около ста миссіонеровъ, которые тайно ходили изъ дома въ домъ проповѣдовать догматы и совершать богослуженіе старой религіи, вопреки запреще-

нью законовъ и строгости опредѣленныхъ за это наказаній. Многіе изъ нихъ были открыты и погибли.

Религіозный орденъ іезуитовъ, недавно учрежденный для покровительства римской религіи тамъ, гдѣ она сохранилась и возстановленія тамъ, гдѣ она была изгнана, не могъ оставаться чуждымъ этому великому движенію. Его глава отправилъ двухъ англійскихъ іезуитовъ— Роберта Парсонса и Эдмонда Кэмпізна въ Англію; они цѣлый годъ путешествовали по этой странѣ, не попавшись въ руки Вли-заветы, хотя она, будучи извѣщена объ ихъ присутствіи, грозила самыми страшными наказаніями тѣмъ, которые дадутъ имъ убѣжище. Наконецъ Кэмпіонъ былъ схваченъ и осужденъ вмѣстѣ съ другими католическими священниками, какъ нарушитель законовъ и составитель заговоровъ противъ королевы. Подвергнутый пыткамъ по приказанію правительства, которое забота о безопасности дѣлала подозрительнымъ, а нравы вѣка дѣлали жестокимъ, онъ за тѣмъ былъ безжалостно преданъ смерти, вмѣстѣ съ многими изъ его товарищей.

Парсонсъ былъ счастливѣе; его не удалось открыть никакими розысками. Посѣтивъ Англію и Шотландію, онъ возвратился во Фландрію, довольно хорошо узнавъ религіозное состояніе посѣщенныхъ имъ двухъ государствъ. Общество, къ которому онъ принадлежалъ, было предано возвеличенію власти римскаго первосвященника, благопріятно честолюбивымъ видамъ короля испанскаго, соединено съ католическимъ домомъ Гизовъ, заинтересовано освобожденіемъ Маріи Стюартъ;— поэтому оно съ необыкновеннымъ рвеніемъ приняло участие въ заговорѣ, замышленномъ для возстановленія плѣнной королевы и старой церкви. Глава іезуитовъ, папа, испанскій король и д'Обиньи начали думать объ этомъ въ концѣ 1580 г., еще прежде паденія Мортонна. Отклоненный отъ дѣятельнаго вмѣшательства въ Англію необходимостью защищать португальское королевство отъ нападеній претендента, донна Антоніо де-Крато, и бороться въ Нидерландахъ съ соединенными на этотъ разъ силами принца Оранскаго и герцога Алансонскаго, который былъ принятъ въ качествѣ защитника Бельгій и скоро долженъ былъ получить титулъ герцога Брабантскаго,— Филиппъ II предложилъ только помогать д'Обиньи, давая Іакову VI субсидіи, равняющіяся доходамъ шотландской короны. Въ одномъ засѣданіи капитула ордена іезуитовъ, происходившемъ въ Римѣ весною 1581 г. послѣ арестованія Мортонна, члены съ возрастающимъ интересомъ занимались дѣлами Шотландіи. Шотландскій іезуитъ Кригтонъ (Chreighton) и англійскій іезуитъ Гольтъ были посланы къ Ленноксу, чтобы условиться о средствахъ исполнить предпріятіе въ пользу плѣнной королевы и изгнанной религіи.

Снабженные вѣрительными грамотами архіепископа Глазгоскаго въ Парижѣ, испанскаго посланника донна Бернардино де-Мендоза въ Лондонѣ, они выдѣлись съ Ленноксомъ и вошли въ соглашеніе съ нимъ. Ленноксъ далъ, 7 марта 1582 г., Кригтону, для врученія послу Филиппа II въ Парижѣ, Тассису, письмо слѣдующаго содержанія:

«Вашъ король и папа, повѣдному, желаютъ воспользоваться моими услугами въ своемъ намѣреніи— возстановить католическую религію»

гію и освободить шотландскую королеву, какъ сообщилъ ивъ іезуитъ Кригтонъ. Будучи убѣжденъ, что это предпріятіе замышлено для блага и безопасности сказанной шотландской королевы и короля, ея сына, которому будетъ сохранена корона съ согласія королевы, его матери, — я, для выполненія его, готовъ пожертвовать жизнію и имуществомъ.» Въѣстъ съ тѣмъ онъ вручилъ ему записку относительно способа исполненія предпріятія и объявилъ, что отправится во Францію набирать войска, необходимыя для его успѣха.

Прибывъ съ этими бумагами въ Парижъ, іезуиты Кригтонъ и Гольтъ секретно видѣлись съ Тассисомъ, у котораго собрались герцогъ Гизъ, архіепископъ Гласгоскій и докторъ Олленъ, для разсужденій относительно замышляемаго плана. Тассисъ спросилъ у Кригтова, должно ли довести о немъ до свѣденія короля. «Ни какимъ образомъ, отвѣчалъ іезуитъ, — иначе предпріятіе погибнетъ, потому что о немъ тотчасъ же будетъ сообщено английской королевѣ.» Во многихъ тайныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ съ половины до конца мая 1582 г. — то въ домѣ испанскаго посольства, то въ жилищѣ архіепископа Гласгоскаго — было рѣшено, чтобы экспедиція противъ Англій была сдѣлана не испанскимъ королемъ, но отъ имени одного папы, чтобы не внушить никакого подозрѣнія королю французскому, и такимъ образомъ устроить помѣху съ его стороны. Филиппъ II долженъ былъ снабдить папу деньгами, для набора десантныхъ войскъ, во главѣ которыхъ долженъ былъ стать герцогъ Гизъ, къ чему этотъ послѣдній выражалъ сильнѣйшее желаніе.

Въ тотъ же день когда герцогъ Ленноксъ писалъ къ Тассису, онъ послалъ письмо къ Маріи Стюартъ, наполненное выраженіями восторженной преданности. Онъ вызывался посвятить себя дѣлу ея освобожденія, возстановленію католицизма и торжеству ея правъ въ Великобританіи, посредствомъ арміи въ пятнадцать тысячъ человекъ, которую онъ сформируетъ, съ помощію папы и испанскаго короля, на континентѣ. Онъ прибавлялъ, что съ этою арміею онъ скоро проникнетъ въ Англію, и просилъ Марію не унывать, потому что она найдетъ слугъ, рѣшившихся подвергнуть для нея жизнь свою опасности.

Сообщая письмо Леннокса Мендозѣ, Марія Стюартъ написала къ послѣднему 6 и 8 апрѣля очень длинную и чрезвычайно любопытную депешу, на счетъ замышляемаго предпріятія. Она говорила ему, что для успѣха этого предпріятія необходимо принять въ соображеніе двѣ вещи: вооруженную помощь испанскаго короля и папы и внутреннее содѣйствіе — со стороны самихъ шотландцевъ. Она требовала, чтобы помощь, обѣщанная извнѣ, была опредѣлена точными условіями и дѣйствительно доставлена, дабы не обмануть ни графа Леннокса ни людей, принадлежащихъ къ его партіи; она принимала на себя заботу вести дѣло въ самомъ королевствѣ. «Я со всѣмъ стараніемъ буду хлопотать, прибавляла она, объ усиленіи и увеличеніи связанной партіи въ Шотландіи, а также объ указаніи гортовъ и гаваней, необходимыхъ для принятія иностранныхъ вспомогательныхъ войскъ.»

Но она просила вести эти таинственные дѣла съ крайнимъ благо-разуміемъ и ни чѣмъ не компрометируя ея. «Дѣло идетъ о моей жизни, говорила она, и о дѣломъ государствѣ моего сына, если они будутъ открыты; такъ или иначе—я желаю чтобы нельзя было доказать, что эти переговоры были ведены отъ моего имени; если же обстоятельства потребуютъ моего вмѣшательства, то я имѣю въ готовности другія средства, болѣе удобныя, которыя я рѣшилась употребить.»

Мендоза отвѣчалъ Маріи Стюартъ, что католическій король и святѣйшій отецъ снарядятъ,—въ этомъ онъ увѣренъ,—флотъ, подобный обѣщанному, и армию еще болѣе многочисленную, когда будетъ возможность достигнуть этой неоцѣненной дѣли; но что при настоящемъ положеніи вещей должно стараться—не возбуждать подозрѣнія французовъ подобнымъ вооруженіемъ, изъ страха какъ бы они, опасаясь потери своего вліянія въ Шотландіи или въ Англіи, не соединились, тѣмъ же чѣмъ когда либо, съ Елизаветой и еретиками. Мендоза въ 1582 г. такъ же мало поощрялъ католическій заговоръ Леннокса и іезуитовъ, какъ въ 1570 г. герцога Альба — заговоръ герцога Норфолька и Ридольфи. Церковника, который подъ видомъ дантиста пришолъ къ нему съ письмами отъ Маріи Стюартъ, онъ отослалъ къ герцогу Ленноксу съ своими письмами, спрятанными въ зеркалѣ. Онъ очень хвалилъ въ нихъ Леннокса; говорилъ ему о славѣ и величіи, которыхъ можетъ ожидать подобный ему человекъ отъ этого предпріятія; съ намѣреніемъ не упоминалъ о пятнадцати тысячахъ солдатъ, обѣщанныхъ Кригтономъ; и побуждалъ его осуществить проектъ присоединенія къ коронѣ Маріи и Іакова, дабы всѣ католики и друживъ шотландской королевы, удовлетворенные этою сдѣлкой, были готовы слѣдовать за нимъ и, по общему вызову матери и сына, пожертвовать своимъ имуществомъ, жизнью и семействомъ. Вмѣстѣ того чтобы указывать на вмѣшательство континента, Мендоза совѣтовалъ только англо-шотландское нападеніе. Въ этомъ-то смыслѣ онъ писалъ доктору Оллену; въ этихъ-то видахъ онъ побуждалъ Парсонса отправиться въ Шотландію съ деньгами, которые изъ Рима и Мадрида были отданы въ его распоряженіе, и представлялъ архіепископу Глазгоскому, до какой степени его возвращеніе на родину и присутствіе тамъ будутъ полезны при подобныхъ обстоятельствахъ. Мендоза сообщалъ королю о своихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ относительно предпріятія, задуманнаго іезуитами, въ депешѣ отъ 26 апрѣля, которая не могла расположить Филиппа къ поддержанію ихъ плана.

Въ ожиданіи пока воля всѣхъ этихъ личностей согласится насчетъ средствъ и времени дѣйствія, Ленноксъ отважно подвигался на опасномъ пути, на который вступалъ; онъ имѣлъ намѣреніе уничтожить все, что могло препятствовать его планамъ. Еще не объявивъ себя католикомъ, онъ возобновлялъ епископальную церковь, которая была возстановлена въ 1571 г. въ интересахъ протестантскаго дворянства *, и къ которой благоволилъ его молодой государь. Въ

* Это возстановленіе было болѣе политическимъ, нежели религіознымъ; оно имѣло

это же время онъ объявилъ войну церкви пресвитеріанской, которой упернаго фанатизма онъ не зналъ, и которой всей силы онъ не измѣрилъ. Онъ встрѣтилъ непреодолимое сопротивление со стороны сословія пасторовъ. Эти горячіе люди съ кафедры говорили о намѣреніяхъ Леннокса и Арана, которыхъ они угадывали отчасти по своей прозорливости, изощренной болезнью, отчасти вслѣдствіе предостереженій со стороны Елизаветы. Они вооружились противъ прибытія француза Поля, коклапаго герцога Гиза, одного изъ палачей Варфоломеевой ночи, который привелъ лопадей молодому королю и котораго они считали тайнымъ посланцомъ папистическихъ заговорщиковъ. Они отлучили отъ церкви Роберта Монтгомери, которому было дано епископство Глазгоское, возстановленное вліаніемъ и въ интересахъ Леннокса и представляли даже самому королю свои жалобы и просьбы, выражая ихъ свободнымъ языкомъ и съ неустрашимостью своей секты. Самый смѣлый изъ нихъ, Джонъ Друри, эдинбургскій пасторъ, былъ сосланъ, и между Ленноксомъ и шотландскимъ пресвитеріанизмомъ завязалась борьба. Всемогущій фаворитъ поражалъ кальвинистскую церковь, не будучи въ состояніи напугать ее. Онъ не только началъ непріязненно дѣйствовать противъ религиозныхъ вождей сословія гражданъ, но и противъ политическихъ вождей дворянства, которые старались возстановить въ Шотландіи англійскую партію, обезсиленную смертію Мортюва, бѣгствомъ графа Ангуса, разогнаніемъ Дугласовъ и уныніемъ Эркиновъ. Молодые графы Гаури и Маръ стали во главѣ; за ними слѣдовали графы Гленкэрнъ, Монтроузъ, Эглинтонъ, Ротъ, лорды Лидсэй, Войдъ и многіе другіе. Непостоянный Арджиль присоединился къ нимъ. Правительство Елизаветы сильно ихъ подстрекало.

Эта королева приняла всѣ мѣры для предотвращенія опасностей, которыми угрожало ей торжество испано-французской партіи на той границѣ ея королевства, гдѣ католицизмъ имѣлъ наибольшую силу. Въ теченіе тринадцати лѣтъ она съ этой стороны находилась почти въ совершенной безопасности во время регенства Мюррэя, Леннок-

цѣлью: — съ уничтоженіемъ прежнихъ титуляріевъ католической церкви, которымъ законъ предоставлялъ доходъ извѣстнаго епископства и соединенное съ нимъ право засѣданія въ парламентѣ, сохранить этотъ доходъ и это право въ рукахъ протестантскихъ пасторовъ. Избираемые между протестантскими пасторами новые епископы оставляли большую часть дохода свѣтскимъ вельможамъ, которые были ихъ патронами, и ихъ церковная юрисдикція была подчинена общему собранію кальвинистской церкви. Это нововведеніе сдѣланное въ пользу дворянства и для поддержанія политическаго устройства государства, было введено корыстолобивымъ Мортювомъ въ августѣ 1571 г. Архиепископство Сентъ-Андрейское, сдѣлавшись вакантнымъ послѣ казни архиепископа Гамильтона, было предоставлено его распорядителю. Онъ отдалъ его Джону Дугласу, ректору университета въ Сентъ-Андре, который уступилъ ему большую часть епископскаго дохода. Этою примѣрою нашолъ подражателей и, такимъ образомъ было названо много епископовъ. Ихъ называли *tischans* отъ имени даваемого чучеламъ, которыя представляли собою тележки и употреблялись для того, чтобы спокойно донести коровъ. (См. McCrie, *Life of Knox*, t. II, p. 198—203. Tutler t. VII, p. 407, 408; t. VIII, p. 23, 24.)

са, Мара и Мортоня, которые всё четверо заботились о поддержаніи протестантизма и союза съ Англіей. Въ это время она была задата единственно предохраненіемъ себя отъ нападеній, которыхъ могла бояться со стороны материка, — и она искусно ихъ отклонила, разъединивъ Францію и Испанію. Первое изъ этихъ государствъ она обманывала мирными трактатами и переговорами о бракѣ, поочередно, съ каждымъ изъ трехъ сыновей Катерины Медичи; второе она парализовала, противопоставивъ интриги интригамъ и отдавая отъ Англіи его войска, удерживаемыя въ Нидерландахъ продолжительностью возстанія, которое она безпрестанно поджигала. Паденіе Мортоня и возвышеніе д'Обиньи измѣнили ея положеніе. Наврасно она хотѣла спасти своего давнишняго союзника, объявивъ, что за жизнь его Марія Стюартъ заплатится своею. Паслѣ казни Мортоня она, побуждаемая отчасти гнѣвомъ, отчасти политикою, была готова избавиться отъ своей плѣнницы судомъ, законность и пользу котораго предложила на обсужденіе своего совѣта. Но она не осмѣлилась это сдѣлать и остановилась на другихъ намѣреніяхъ.

Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое она считала себя поставленною, и противостоять, усугубленною ею неприязни, она все болѣе и болѣе возбуждала несогласіе между кабинетами французскимъ и испанскимъ; она ободряла до крайней степени честолюбіе герцога д'Алансона и открыто помогала его утвержденію въ Нидерландахъ, гдѣ инсургенты избрали его своимъ вождемъ. Она дала ему большія суммы денегъ, для исполненія его предпріятія, и послала сопровождать его, на двухъ вооруженныхъ корабляхъ, лорда Говарда, графовъ Лейстера, Гансдона и многихъ другихъ знатныхъ лицъ государства. Чтобы еще болѣе привязать его къ себѣ и склонить на свою сторону его мать Катерину Медичи цимлянкою англійскаго трона, она завела на этотъ разъ переговоры о бракѣ своемъ съ герцогомъ Алансонскимъ гораздо дальше чѣмъ заходили переговоры того же рода въ 1571 о бракѣ съ герцогомъ Анжуйскимъ и въ 1565 — съ Карломъ IX. Условія были рѣшены, обѣщанія подписаны, подарки съ той и съ другой стороны сдѣланы. Герцогъ Алансонскій много разъ видѣлся съ Влизаветою, которой онъ, по видимому понравился, и которая, въ присутствіи своего двора и наединѣ, оказывала ему знаки самой живой привязанности и расптчала увѣренія въ неизмѣнной своей рѣшимости. Однако же и это былъ только призракъ брака, имѣвшій главною цѣлью — произвести разрывъ между двумя великими католическими кабинетами материка. Противъ испанскаго короля Влизавета употребила другія средства: помогая во Фландріи герцогу д'Алансону, она, за одно съ Катериною Медичи, подстрекала пріора Антоніо де Крато — отнять Португалію у Филиппа II, котораго онъ былъ совмѣстникомъ по притязаніямъ на тронъ этой страны.

Шотландія была также предметомъ ея бдительности и интригъ. Она послала туда Николая Аррингтона, отличнаго офицера бервикскаго гарнизона, чтобы поселить раздоръ между герцогомъ Ленноксомъ и графомъ Араномъ; но фавориты остались въ согласіи. Тогда, желая

узнать тайныя намѣренія Маріи Стюартъ и открытъ ея надежды, она отправила къ ней Р. Вилла, секретаря совѣта и зятя Уэльсингэма. Она поручила ему вступить съ Маріею въ одинъ изъ тѣхъ обманчивыхъ переговоровъ, къ которымъ по временамъ прибѣгала ея политика, для того чтобы поддержать терпѣніе въ ея плѣнницѣ и заставить ее оставить всякіе другіе планы. Марія Стюартъ не скрыла проекта о совмѣстномъ управленіи ея и сына Шотландіею, не сказавъ ни слова о католическихъ интригахъ, которыя она вела съ герцогомъ Гизомъ, королемъ испанскимъ, папою и герцогомъ Ленноксомъ; но правительство Елизаветы вполнину уже знало о нихъ изъ перехваченныхъ писемъ. Единственною выгодною, которую приобрѣла Марія Стюартъ отъ этихъ переговоровъ, скоро отложенныхъ, хотя не совершенно оставленныхъ, было незначительное увеличеніе ея свободы и прибавленіе нѣкоторыхъ новыхъ удобствъ въ ея тюрьмѣ.

Англійскій посланникъ въ Шотландіи сэръ Робертъ Баузь, открылъ лордамъ и протестантскимъ пасторамъ планъ *присоединенія* Маріи Стюартъ къ коронѣ. Онъ внушилъ имъ опасенія за ихъ религію и безопасность. Поэтому они, посредствомъ одного изъ этихъ *bonds* (обязательствъ), обыкновенныхъ въ Шотландіи, составили союзъ, имѣвшій цѣлю низвергнуть Леннокса, не допустить королеву къ трону, и поддержать новую религію. Къ этому союзу присоединились графы Гаури, Маръ, Гленкэрнъ, Ротъ, Арджилъ, Эглинтонъ, Монтроузъ, лорды Линдсэй, Войдъ, мастеръ Глэммисъ, пасторы Лесонъ, Линдсэй, Гэй, Смитонъ, Польуортъ и Андру Мельвиаль, стоявшіе во главѣ пресвитеріанской церкви.

Борьба не замедлила вспыхнуть. Ленноксъ, съ большою смѣлостью чѣмъ предосторожностью идя по избранному имъ пути, издумалъ арестовать соединившихся лордовъ и изгнать ихъ сообщниковъ пасторовъ, какъ людей, составившихъ заговоръ противъ власти короля. Но прежде чѣмъ онъ исполнилъ свое намѣреніе, союзники были извѣщены о немъ сэромъ Робертомъ Баузомъ, которому удалось открыть его и которому Уэльсингэмъ приказалъ уведомить ихъ объ этомъ. Баузь побуждалъ ихъ дѣйствовать, говоря, что иначе они погибнутъ. Союзники поняли его и поторопились. Молодой король, удаленный отъ Леннокса, который былъ тогда въ Дэлькитъ и отъ Арана, находившагося въ Кинниль, предавался удовольствіямъ охоты въ окрестностяхъ Перта. Заговорщики воспользовались этою минутой, чтобы овладѣть его особою и отторгнуть его отъ двухъ его любимцевъ. Графъ Гаури предложилъ ему своей замокъ Рутвенъ. Когда Іаковъ VI поселился тамъ, не подозрѣвая измѣны, Маръ, Линдсэй, Глэммисъ, въ сопровожденіи отряда изъ тысячи вооруженныхъ людей, быстро набранныхъ, пропикли въ замокъ, обезоружили королевскихъ телохранителей, арестовали самаго короля, котораго они сдѣлали плѣнникомъ, не смотря на его слезы, и тотчасъ же перевезли въ крѣпость Стѣрлингъ. Аранъ поспѣшилъ къ нему на помощь, но было уже слишкомъ поздно. Онъ былъ взятъ и подвергнутъ строгому заключенію. Ленноксъ отправился въ Единбургъ; но не могъ

удержаться тамъ, и былъ принужденъ искать убѣжища въ Дамбартонѣ. Нѣсколько времени спустя онъ возвратился во Францію, гдѣ и умеръ скоропослѣ своего прибытія.

Такимъ образомъ Іаковъ палъ въ 1582 г. отъ могущества австрійской партіи, такъ же какъ Марія Стюартъ въ 1568 г. Эта несчастная королева, вѣда, что ея сынъ въ плѣну, а Шотландія снова отдалена отъ вліянія друзей ея, еще разъ потеряла средство и надежду на освобожденіе. Въ горести можно было сравнить — развѣ только съ удовольствіемъ Елизаветы. Она написала своей счастливой соперницѣ письмо, превосходное по краснорѣчивой горечи ея жалобъ и благороднымъ мольбамъ ея отчаянія. Въ этомъ письмѣ, пробѣжавъ длинную исторію своихъ отношеній къ Елизаветѣ, Марія Стюартъ напоминала о своихъ попыткахъ къ дружескому сближенію, встрѣченныхъ вредными дѣйствіями; о торжественныхъ обѣщаніяхъ, которыя ей были даны, а потомъ нарушены тайнымъ вѣроломствомъ; о своей запятанной репутаціи, о своемъ возмущившемся государствѣ, объ отнятой у ней коронѣ, о своемъ плѣнѣ, о своемъ разрушенномъ здоровьи, о своемъ сынѣ, содѣлавшемся предметомъ жестокаго насилія и угнетенія, которыхъ она сама была жертвою. «Я не могу болѣе выносить этого, государыня, восклицала она, и умирая, должна открыть виновниковъ моей смерти... Самые низкіе преступники въ вашихъ тюрьмахъ, родившіеся вашими подданными, допускаются къ оправданію, и имъ всегда объявляютъ кто ихъ обвинитель и въ чемъ состоитъ обвиненіе. Почему же это правило не можетъ существовать для меня, самодержавной королевы, вашей близкой родственницы и законной наследницы? Я думаю, что это послѣднее качество было до сихъ поръ главною причиною появленія у меня враговъ и всѣхъ ихъ клеветъ, посредствомъ которыхъ они удерживаютъ насъ въ разъединеніи и становясь между нами, хотятъ дать силу своимъ несправедливымъ притязаніямъ. Но, увы! теперь они гнѣютъ уже мало основанія и менѣе нужды мучить меня: клянусь моею честью, теперь я не ожидаю никакого царства, кромѣ царства моего Бога, которое я вижу уготованнымъ мнѣ, для лучшаго конца всѣхъ моихъ печалей и миновавшихъ бѣдствій».

Она съ трогательною настоятельностью просила о своемъ сынѣ, лишиномъ свободы и безопасности, а также и о своемъ освобожденіи: «умоляю васъ, говорила она Елизаветѣ; страданіями нашего Спасителя и Искупителя Іисуса Христа, умоляю васъ—позволить мнѣ удалиться въ какое нибудь мѣсто отдыха, гдѣ бы я могла найти нѣкоторое облегченіе для своего бѣднаго тѣла, измученнаго постояннымъ горемъ, и съ свободою совѣсти, приготовить мою душу для Бога, который призываетъ ее ежедневно... Ваша тюрьма безъ всякаго права и справедливаго основанія уже разрушила мое тѣло... остается только душа, которою овладѣть — въ вашей власти... Дайте мнѣ это удовольствіе, прежде чѣмъ я умру, чтобы, видя восстановленіе добрыхъ чувствъ между нами, она, освобожденная отъ этого тѣла, не была принуждена изливать предъ Богомъ свои стенанія, памятуя то, которое вы допустили намъ сдѣлать; но чтобы, напротивъ того;

она, въ мирѣ и согласіи съ вами освобождается изъ этого плѣна, воспаряла къ Тому, котораго я молю внушить вамъ вниманіе къ моимъ очень справедливымъ и болѣе чѣмъ основательнымъ жалобамъ и воплямъ».

Но просьбы Маріи Стюартъ имѣли такъ же мало успѣха, какъ и ея заговоры. Осужденная оставалась узницей, несчастная оправдывалась — и ей не вѣрили, умоляла — и ей не слушали, составляла заговоры — и не могла успѣть въ нихъ. Послѣдній планъ ея, разрушенный насильственнымъ поступкомъ, былъ чистою химерой. Чтобы занимать мѣсто на шотландскимъ тронѣ, она должна была прежде сдѣлаться свободною, или съ согласія Елизаветы или посредствомъ силы. Но Елизавета менѣе чѣмъ когда либо была расположена дать ей свободу, а отсутствіе согласія между Франціей и Испаніей, которыхъ соперничество съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе ожесточеннымъ, не допускало возможности, чтобы она была освобождена изъ тюрьмы вторженіемъ чужеземныхъ войскъ въ Англію. Средства Маріи Стюартъ ограничивались слабою помощью короля — ребенка и двухъ безразсудныхъ его любимцевъ; они были не въ состояніи опять возвести на тронъ королеву, которая не сумѣла удержаться на немъ, возстановить религію, которая не могла быть сохранена во время своего господства. Виновники этого неисполнимаго плана были остановлены на первыхъ же шагахъ, не сдѣлавъ никакихъ попытокъ къ возстановленію разрушеннаго католицизма и королевы, лишиной престола. Милость ихъ возвысила; дерзость уничтожила.

Послѣ происшествія въ замкѣ Рутвенѣ, революціи въ Шотландіи умножились. Король былъ неспособенъ ихъ предупредить. Онъ имѣлъ, тогда шестнадцать лѣтъ съ небольшимъ. Рано созрѣвшій головою, слабый характеромъ, онъ похожъ былъ на Марію Стюартъ умомъ, на Даріея — малодушіемъ. Онъ рано получилъ обширное образованіе въ школахъ своихъ двухъ ученыхъ наставниковъ Дж. Вучанана и П. Юнга. Семь лѣтъ отъ роду онъ переводилъ библію, à livre ouvert, съ латинскаго на французскій и съ французскаго на англійскій языкъ. Онъ сдѣлался опытнымъ теологомъ и тонкимъ резонеромъ. Но онъ отличался неисправною слабостью характера, соединенною съ очень раннимъ притворствомъ. Смуты, среди которыхъ онъ родился и былъ воспитанъ, потрясли его душу, вмѣсто того, чтобы укрѣпить ее. Не имѣя ни власти, ни воли, преданный непостояннымъ привязанностямъ къ временнымъ любимцамъ, онъ былъ неспособенъ наказывать и очень часто — сожалѣть. Онъ не любилъ своей матери, не питалъ ненависти къ Елизаветѣ, и его одинаково можно было сблизить съ тою или другою, отдалить отъ той или отъ другой. Осужденный, какъ по своему характеру такъ и по своему положенію, на то, чтобы подчиняться чужому вліянію, привлекаемый деньгами Филиппа II, побуждаемый рвеніемъ герцога Гиза, колеблемый настояніями Маріи Стюартъ, увлекаемый интригами Елизаветы, — онъ поочередно приставалъ то къ заговорамъ католиковъ,

то къ интригамъ протестантовъ, не присоединяясь серьёзно ни къ какой партіи, не отдаваясь надолго никому.

Между тѣмъ находеніе молодаго короля въ плѣну, въ рукахъ шайки Гаури, не уничтожило плановъ нападенія, имѣвшихъ цѣлью возстановить католицизмъ на островѣ и освободить Марію Стюартъ изъ ея тюрьмы. Герцогъ Гизъ, который долженъ былъ осуществить эти планы вмѣстѣ съ Филиппомъ II и съ папою и съ помощію ихъ денегъ, далъ имъ только другое направленіе. Вмѣсто Шотландіи онъ предполагалъ сдѣлать нападеніе на Англію. Гизъ остановился на этомъ планѣ послѣ смерти герцога Леннокса и возвращенія Менвилля, котораго онъ посылалъ съ тайнымъ порученіемъ въ Эдинбургъ, куда этотъ повѣренный его заговоромъ сопровождалъ ла-Мота Февелона, имѣвшаго порученіе объявить Іакову VI, что его мать присоединяетъ его къ коронѣ и соглашается, чтобы онъ получалъ титулъ и власть короля.

«Геркулесъ (герцогъ Гизъ),—писалъ 4 мая 1583 г. Тассисъ испанскому королю, — послѣ перемѣны, происшедшей въ дѣлахъ Шотландіи, обратилъ свои взоры на католиковъ Англіи, чтобы видѣть не можетъ ли онъ начать свое предпріятіе оттуда. Онъ подвинулъ дѣла такъ далеко, что считаетъ себя въ состояніи скоро привести свои планы въ исполненіе. Онъ рѣшился лично идти противъ королевы Англіи и увѣренъ въ поддержкѣ со стороны его святѣйшества и вашего величества. Чтобы отважиться на это предпріятіе съ основаніемъ и выйти изъ него съ успѣхомъ, онъ желаетъ, чтобы его святѣйшество и ваше величество какъ можно скорѣе дали въ его распоряженіе сто тысячъ экю, которыя онъ употребитъ въ дѣло въ случаѣ надобности.»

Герцогъ Гизъ имѣлъ объ этомъ предметѣ тайное совѣщаніе съ испанскимъ посланникомъ, въ домѣ папскаго нунція. Онъ считалъ католическую партію довольно могущественною и достаточно пригодною къ дѣйствіямъ въ Англіи, чтобы не откладывать ихъ далѣе сентября. Онъ сказалъ, что, для избѣжанія зависти со стороны французскаго короля, должно позаботиться, чтобы экспедиція не имѣла такого вида, будто бы ею управляетъ король испанскій,— послѣдній только снабдитъ войска оружіемъ и сдѣлаетъ диверсію въ Ирландіи, между тѣмъ какъ самъ онъ, Гизъ, во главѣ четырехъ тысячъ человѣкъ, братъ его герцогъ Майенскій и его союзникъ герцогъ Ваварскій,— котораго Росскій епископъ привлекъ въ 1578 г. на сторону Маріи Стюартъ,— предводительствуя нѣмецкими солдатами и англійскими изгнанниками, которыхъ онъ возьметъ въ Нидерландахъ, бросятся на различные пункты Англіи, гдѣ, по увѣренію доктора Оллена, можно разсчитывать на огромное возстаніе. Не смотря на неудобства и опасности, которымъ подвергалось предпріятіе въ случаѣ промедленія, Тассисъ доказывалъ невозможность приступить къ его выполненію ранѣе зимы. И такъ экспедиція была отложена до слѣдующаго года.

Нѣсколько времени спустя, герцогъ Гизъ узналъ, что шотландскій король, согласно тайному плану, условленному съ Менвиллемъ,

искусно освобожденъ, съ помощію графовъ Гэтли, Крофордъ, Арджилъ и Маршала; что онъ находится въ замкѣ Сентъ-Андре и избавился отъ ига англійской партіи. Это освобожденіе совершилось 27 іюня 1583 г. За тѣмъ молодой государь опять вызвалъ къ себѣ графа Арана и возобновилъ проекты Леннокса въ пользу Маріи Стюартъ. 19 августа онъ писалъ къ герцогу Гизу:

«Большая привязанность и дружба, которую вы не перестаете оказывать королевѣ, моей матери и госпожѣ, такъ же какъ и мнѣ, — что я узналъ изъ вашихъ писемъ, а равно изъ писемъ моей матери отъ 13 августа, гдѣ она говоритъ о полномъ довѣріи своемъ къ вамъ и выражаетъ желаніе, чтобы я слѣдовала вашимъ мнѣніямъ и совѣтамъ, — заставляютъ меня принять предложенія, слѣданныя мнѣ отъ вашего имени. Все, замышленное вами для освобожденія моей матери и для достиженія нашихъ цѣлей, мнѣ кажется очень хорошимъ, а приготовленныя средства я нахожу очень годными, лишь бы только это дѣло было ведено съ искусствомъ.» Онъ просилъ его прислать въ Шотландію Менвиля или д'Антрега, которые оба были приверженцами и агентами Гиза.

22 августа герцогъ Гизъ отправилъ въ Римъ Ричарда Меллио, съ порученіемъ — дать папѣ отчетъ о предпріятіи и просить у него помощи. Въ данныхъ ему инструкціяхъ герцогъ изложилъ планъ экспедиціи, силы, на которыя рассчитывалъ для исполненія его, помощь которой ожидалъ въ самой Англии, и имена тѣхъ, которые должны были содѣйствовать: «Королева шотландская, говорилось тамъ, писала, и главные вельможи этого государства извѣстили, что все уже хорошо устроено, въ особенности у границъ Шотландіи, гдѣ долженъ явиться испанскій флотъ, — и потому признано достаточнымъ, чтобы католическій король посадилъ на суда четыре тысячи хорошихъ солдатъ, если не найдетъ возможнымъ посадить болѣе. Но съ этимъ флотомъ должны быть присланы деньги, необходимыя для содержанія десяти тысячъ человекъ дѣшняго войска въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а также кирасы, пики, ружья, достаточныя для вооруженія пяти тысячъ солдатъ. Въ инструкціи говорилось: «Такъ какъ приготовительныя средства и расположеніе умовъ въ этомъ королевствѣ подвержены большимъ перемѣнамъ; тайна въ дѣлахъ, проходящихъ чрезъ столько рукъ, въ случаѣ замедленія подвергается опасности быть открытою; а король шотландскій писалъ, что, если ему не будетъ оказано помощи, онъ съ трудомъ можетъ сохранить даже свою свободу, которую онъ, согласно обѣщанію данному Менвилю, возвратилъ себѣ какимъ-то чудеснымъ образомъ, тѣснимый Елизаветой, не упускавшею ничего для открытія заговора въ Шотландіи, — то вы будете умолять его святѣйшество отъ имени герцога Гиза и всѣхъ католиковъ этого государства — съ нѣкоторою щедростью дать денегъ, — выдавъ за одинъ разъ сумму, пропорціональную обширности предпріятія, и за тѣмъ возложить на герцога Гиза заботы о скорѣйшемъ исполненіи его, если возможно, еще въ настоящемъ году.»

Онъ извѣщалъ Григорія XIII, что армія, назначенная для вторженія, сидеть на суда во Фландріи, откуда потомъ можно будетъ послать ей подкрѣпленія; что она высадится на сѣверныхъ берегахъ Англіи, гдѣ католики примутъ ее съ радостью. «Эти послѣдніе, прибавлялъ онъ, такъ многочисленны, что въ нѣсколько дней двадцать тысячъ ихъ присоединится, верхомъ, къ экспедиціонной арміи, именно: у шотландской границы — три тысячи человекъ графа Мортонна и три тысячи барона Фарнигерста, четыре тысячи барона Джера, одна тысяча графа Уэстморленда, три тысячи графа Нортэмберленда, тысяча графа Кэмберленда, двѣ тысячи барона Уортона и новаго епископа Дѣргэмскаго. Всѣ эти владѣльцы находятся въ сосѣдствѣ Шотландіи и порта, гдѣ пристанетъ испанскій флотъ. Есть много и другихъ лицъ, внутри королевства, благопріятствующихъ этому предпріятію, каковы напр. графъ Рутлендъ, Вайтосберри Уорстеръ, Эвинденъ графъ. Монтэгио. Сверхъ того вы будете умолять его святѣйшество — облегчить успѣхъ этого дѣла, возобновивъ буллу Пія V противъ англійской королевы, объявивъ, что онъ поручилъ его католическому королю и герцогу Гизу, а также давъ индульгенціи всѣмъ, которые примутъ въ немъ участіе и назначивъ доктора Оллена, сѣдланнаго епископомъ Дѣргэмскимъ, представителемъ своей особы въ качествѣ нунція при экспедиціи.»

Черезъ шесть дней послѣ того, 28 августа, герцогъ Гизъ тайно отправилъ въ Англію, подъ ложнымъ именемъ Мопо, эмигранта Чарльза Поджета, который, вмѣстѣ съ Т. Морганомъ управлялъ вдовинимъ имуществомъ Маріи Стюартъ во Франціи и былъ замѣшанъ во всѣхъ заговорахъ въ ея пользу. Въ инструкціи касательно даннаго ему порученія къ угнетеннымъ католикамъ было сказано: «Увѣрьте ихъ правдивостью и честью Геркулеса (герцога Гиза) что предпріятіе не имѣетъ другой цѣли, кромѣ возстановленія католической религіи въ Англіи, а мирнаго возвращенія англійской короны шотландской королевы, которой она принадлежитъ по праву. Какъ только это будетъ выполнено, всѣ иностранцы оставятъ королевство, а если кто либо изъ нихъ откажется это сдѣлать, то Геркулесъ обѣщаетъ принудить его къ этому, соединивъ свои силы съ силами туземцевъ.»

Папа, принявъ горячее участіе въ прозектѣ, исполненіе котораго составляло предметъ давнишнихъ желаній римскаго двора, сталъ побуждать Филиппа II къ безотлагательной дѣятельности. Филиппъ II отвѣчалъ ему, чрезъ графа Оливареса, своего посланника въ Римъ, что онъ очень охотно началъ бы дѣйствовать, но ничто еще не готово и что холодъ и сырой климатъ Англіи не позволяютъ арміи стоять тамъ лагеремъ въ зимнее время. Впрочемъ, онъ увѣрялъ Григорія XIII, что немедленно отправитъ во Фландрію солдатъ, возвратившихся съ завоеваннаго острова Терсеоры, чтобы за тѣмъ послать ихъ, въ числѣ четырехъ тысячъ человекъ, въ Англію, когда все будетъ устроено для этой цѣли. И. — въ тонѣ увѣренности, какъ будто бы предпріятіе не могло быть безуспѣшнымъ. Онъ прибавилъ, что «по низверженіи Елизаветы, весь островъ будетъ подчиненъ одному государю, который долженъ быть католикомъ. Для этого

надлежитъ, чтобы молодой король Шотландіи былъ исторгнутъ изъ своихъ заблужденій, посредствомъ разговоровъ съ духовными докторами и чтобы его мать вышла опять замужъ, дабы опасенія возможности другаго наследника англійской короны возвратило его въ лоно церкви; или чтобы, если онъ будетъ упорствовать въ своей ереси, Богъ помогъ въ этомъ несчастіи, давъ королевѣ католическаго наследника в Вудучи одинъ въ состояніи нести издержки предприятия, Филиппъ II отдалъ деньги въ руки союзниковъ, для начатія приготовленій къ нему.

Но этотъ прозектъ былъ открытъ, какъ и другіе. Бдительность правительства Елизаветы превосходила дѣятельность правительства Филиппа II. Все что было пущено въ ходъ съ одной стороны, для уничтоженія протестантизма въ Англии и Шотландіи, было употреблено съ другой, къ большей и большей гибели католицизма въ этихъ странахъ. Противопоставляя хитрость—хитрости, интригу—интригѣ, открытое нападеніе—предполагаемому вторженію, шпионство—заговору, Елизавета еще разъ вступила въ переговоры съ Маріей Стюарту, возбуждая въ ней несбыточную надежду на свободу; послала хитраго Уэльсингэма къ Іакову VI, чтобы привлечь на свою сторону этого молодого и слабого короля; готовила съ графами Ангусомъ, Маромъ, Гаури и всѣми знатными бѣжавшими шотландцами экспедицію въ Шотландію, для испроверженія силою возстановленнаго могущества графа Арана; поддерживала инсургентовъ Соединенныхъ Провинцій посредствомъ герцога д'Алансона, приказывала Дрку опустошать поселенія въ Индіи, для произведенія полезныхъ лавверсій въ самомъ государствѣ Филиппа II; наконецъ, посредствомъ своихъ агентовъ, узнавала самые тайные замыслы католиковъ противъ нея. Уэльсингэмъ вездѣ имѣлъ своихъ шпионовъ. Онъ кушилъ Шереля, секретаря французскаго посланника Кастельно де-Мовисьера; привлекъ на свою сторону Арчибалда Дугласа, котораго Іаковъ VI акредитовалъ при дворѣ Елизаветы и которому Марія Стюартъ открывала свои планы; подкупилъ Уильяма Фаулера, бывшаго слугу графини Маргариты Ленноксъ, котораго вѣрность плѣнница уже подозрѣвала. Посредствомъ ихъ переписка и тайны Маріи Стюартъ были выданы министру Елизаветы.

Черезъ своихъ шпионовъ Уэльсингэмъ, — независимо отъ заговора противъ особы Елизаветы, приписываемаго двумъ дворянамъ— Ардену и Сомервилью и католическому священнику Голло, которые были осуждены на смерть,—узналъ въ концѣ 1583 г. объ огромномъ союзѣ для нападенія на Англію. Онъ узналъ, что Пэджетъ пріѣзжалъ туда подъ вымышленнымъ именемъ, видѣлся тамъ съ знатнѣйшими католиками и условливался съ сэромъ Фрэнсисомъ Трокмортономъ, главнымъ судьей Честерскимъ, недавно лишеннымъ своихъ должностей, по вліанію Лейстера. Уэльсингэмъ велѣлъ арестовать сэра Фрэнсиса Трокмортонна. Онъ велѣлъ также задержать новаго графа Нортэмберлендскаго— Генри Перси, и его сына; потребовать въ присутствіе совѣта графа Арэнделя, его жену, дядю и брата, между которыми какъ лордъ Пэджетъ и Чарльзъ Арэндель, устрашнные эти

открытіемъ, бѣжали на континентъ. Сира Фрэнсиса Трокмортонна три раза подвергали пыткѣ безъ всякаго успѣха; но въ четвертый разъ онъ признался во всемъ, объявилъ, что онъ указалъ на порты, гдѣ должна была высадиться армія для вторженія въ государство, и что Филиппъ II, посланникъ Мендоза и герцогъ Гизъ были лицами, замыслившими экспедицію и назначенными для управленія ею. Несмотря на то, что впоследствии Трокмортонъ отперся отъ своихъ словъ и продолжалъ отпираться даже на эшафотѣ, онъ былъ подвергнутъ казни, какъ измѣнникъ.

Елизавета рѣшилась избавиться отъ испанскаго посланника, пребываніе котораго въ ея государствѣ и преимущества, которыми онъ, по своему званію, пользовался при ея особѣ, помогали ему натриговать съ бѣльшею дерзостью и безопасностью. 18 января 1584 г. Мендоза былъ позванъ къ канцлеру Англіи, у котораго собрались—Лейстеръ, великій камергеръ Говардъ, Гэнсонъ и Уэльсбургъ. Этотъ послѣдній сказалъ ему, на итальянскомъ языкѣ, «что ея величество королева очень недовольна имъ, такъ какъ онъ покушался возмутить спокойствіе государства; вступилъ въ сношенія съ шотландской королевой, отъ которой получалъ письма; старался вмѣстѣ съ герцогомъ Гизомъ освободить ее изъ заключенія и даже вошелъ въ стачку съ Фрэнсисомъ Трокмортонномъ, съ однимъ изъ его братьевъ, прибывшимъ изъ Франціи и съ графомъ Нортэмберлендомъ; — и что по этому, согласно волѣ королевы, онъ долженъ оставить государство въ двухнедѣльный срокъ.» Мендоза не смутился и отвѣчалъ, что это однѣ фантазіи; что онъ не могъ совѣтовать шотландской королевѣ вѣщей, которыя должны были повести ее къ гибели; что такому лицу какъ онъ не свойственно вступать въ переговоры о важныхъ дѣлахъ съ молодымъ человѣкомъ безъ твердости и благородія, подобнымъ Трокмортону; что онъ никогда не говорилъ съ Нортэмберлендомъ, и что его дѣйствія были далеко не похожи на тѣ, которыя королева и ея министры направляли противъ владѣній его государя. Исчисливъ всѣ эти непріязненные дѣйствія, онъ прибавилъ, что, не имѣя обыкновенія оставаться тамъ, гдѣ на него смотрятъ съ неудовольствіемъ, онъ выѣдетъ изъ Англіи, послѣ того какъ отправитъ, съ донесеніемъ по этому предмету, курьера къ его католическому величеству.

Тогда министры Елизаветы, вставъ съ своихъ мѣстъ, объявили ему что онъ долженъ отправиться немедленно, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, быть наказаннымъ королевой. Мендоза гордо имъ возразилъ, «что англиіской королевѣ и никому въ мірѣ не принадлежитъ право—быть судьей его поступковъ, въ которыхъ онъ долженъ давать отчетъ единственно своему государю; что никто изъ нихъ не долженъ позволять себѣ дальнѣйшихъ выходовъ иначе, какъ со шпагою въ рукахъ; что ему смѣшна мысль будто бы королевѣ можетъ придти въ голову идея—наказать его; что онъ съ большимъ удовольствіемъ отправится какъ только получить отъ нея свои паспорты; и что, не угодивъ ей въ качествѣ посланника мира, онъ постарается угодить въ качествѣ посланника войны.»

Съ этими словами гордый испанецъ вышелъ и 29 января оставилъ Англию. Прибывъ въ Мадридъ, онъ подробно объяснилъ положеніе дѣлъ въ Шотландіи Филиппу II, который показалъ себя очень довольнымъ его поведеніемъ, и немедленно передалъ въ распоряженіе Маріи Стюартъ двѣнадцать тысячъ экю чрезъ Тассиса. Филиппъ II скоро употребилъ въ дѣло такого смѣлаго и неуступчиваго посланника въ мѣстѣ, гдѣ онъ могъ быть наиболѣе полезнымъ для его вѣдovъ относительно Англии и Франціи. По смерти герцога Алавансонскаго, послѣдовавшей 10 іюня 1584 г. въ Шато-Тьерри, онъ послалъ Мендозу, для выраженія соболезнованія Генриху и Катеринѣ Медичи и скоро уполномочилъ его при дворѣ ихъ, на мѣсто Тассиса, который назначенъ былъ главнымъ инспекторомъ (veedor general) арміи во Фландріи. Изъ Парижа, гдѣ онъ возбуждалъ Гизовъ и смущевалъ Лигу, Мендоза преслѣдовалъ своею ненавистью и своими разговорами Елизавету, которая нашла въ немъ столько же запальчиваго сколько и неутомимаго врага.

Изгоняя Мендозу и разстроивъ планъ Филиппа II и герцога Гиза, Елизавета въ тоже время попыталась сама уничтожить въ Шотландіи партію Маріи Стюартъ, съ помощью изгнанниковъ, которые вышли изъ своего убѣжища чтобы произвести возстаніе. Графъ Гаури отправился въ Дэнди. Графы Ангусъ, Маръ и мастеръ Глэммисъ вошли, 22 апрѣля, въ Стёрлингъ, съ пятьюстами всадниковъ. Но Іаковъ VI и графъ Аранъ, извѣщенные о заговорѣ, пошли противъ нихъ во главѣ двѣнадцати тысячъ человекъ. Гаури былъ взятъ и обезглавленъ. Ангусъ, Маръ, Глэммисъ и ихъ приверженцы, принужденные бѣжать въ Англию, были объявлены виновными въ государственной измѣнѣ, — и Аранъ, болѣе могущественный чѣмъ когда либо, началъ безпрепятственно управлять и королею и королевствомъ Шотландіи.

Двѣ партіи потерпѣли одинаковую неудачу. Планъ католическаго вторженія въ Англию былъ открытъ прежде всякой попытки привести его въ исполненіе; протестантское нападеніе въ Шотландіи было остановлено въ самомъ началѣ. Тогда Елизавета обнаруживъ расположеніе вступить на другой путь, чтобы предотвратить опасности, которыми грозили ей продолжительное заключеніе Маріи Стюартъ и вызванная неприязнь Арана. Эти опасности могли быть тѣмъ важнѣе для Англии, что она потеряла — одного за другимъ — герцога Алавансонскаго, который 10 іюня 1584 г. умеръ въ Шато-Тьерри, и принца Оранскаго, который 10 іюля былъ убитъ, въ Дельфтѣ, однимъ фанатическимъ эмиссаромъ испанцевъ и іезуитовъ. Освободясь почти въ одно время отъ главы десяти провинцій католическихъ и отъ штатгальтера семи провинцій протестантскихъ, Филиппъ II, — которому помогалъ искусный политикъ — принцъ Пармскій, — казалось, былъ готовъ вновь овладѣть всѣми Нидерландами, откуда потомъ ему было бы очень легко сдѣлать нападеніе на Англию. Въ этой опасности Елизавета нѣкоторое время думала лишить испанскаго короля помощи Маріи Стюартъ и содѣйствія Арана, вступивъ съ ними въ соглашеніе. Она не должна была встрѣтить въ этомъ никакихъ трудностей:

Арамъ былъ слишкомъ честолюбивъ для того, чтобы не пристать ко всему, что могло утвердить его могущество, а Марія Стюартъ была такъ измучена своею тюрьмою, что не желала теперь ничего кромѣ свободы.

Послѣ свиданія, происходившаго въ Фаульдонъ-Керкъ, близъ Вервина, между любимцемъ Іакова VI и графомъ Гэнсдокомъ, сдѣлана была попытка — тѣснѣе сблизить Англію съ Шотландіей и примирить Марію Стюартъ съ Елизаветой, возобновить прежніе переговоры. Молодой мастеръ Патрикъ Грэй былъ уполномоченъ въ Лондонѣ, въ качествѣ посланника Іакова VI, и ему было дано это двойное порученіе. Обладавъ пріятнымъ умомъ и большимъ искусствомъ обманывать онъ раздѣлялъ съ Араномъ благосклонность короля. Онъ былъ католикъ, воспитаніе получилъ при французскомъ дворѣ; находился въ короткихъ отношеніяхъ съ Гизами; пользовался довѣренностью архіепископа Гласгоснаго; зналъ планы Маріи Стюартъ и слылъ за человѣка, очень преданнаго ея интересамъ. Такимъ образомъ эта королева, которая около того же самаго времени послала въ Лондонъ своего французскаго секретаря Но, для заключенія условій освобожденія, была увѣрена съ совершенной преданности мастера Грея. Она, повидимому, отказалась отъ всѣхъ своихъ честолюбивыхъ плановъ. Здоровье ея погибло, терпѣніе было утомлено, воображеніе помрачилось. Она много страдала въ темницѣ. Жена графа Шрусберри, подъ надзоръ котораго Елизавета такъ давно уже отдала Марію, распускала на ее счетъ оскорбительныя слухи. Графиня Шрусберри утверждала, что между ея мужемъ и Маріей установилась слишкомъ тѣсная связь и что она сдѣлалась отъ этого беременною.

Чувствительная къ этой чрезмѣрной клеветѣ, которую графиня принуждена была потомъ опровергнуть, разгнѣванная плѣнница жаловалась на нее въ самыхъ горькихъ выраженіяхъ. Она передала, даже, Елизаветѣ, — чтобы внушить ей подозрѣнія противъ Шрусберри, — рассказы этой женщины о любовныхъ связяхъ англійской королевы, и такимъ образомъ мстила за себя, подъ вліяніемъ гнѣва, можетъ быть не совсѣмъ необдуманнаго, своимъ двумъ непріятельницамъ, донося на одну и уязвляя другую. «Призываю моего Бога во свидѣтели, писала Марія Стюартъ къ Елизаветѣ, что графиня Шрусберри говорила мнѣ о васъ нижеслѣдующее, и почти въ этихъ самыхъ выраженіяхъ... Во первыхъ, что одинъ (графъ Лейстеръ,) которому, по ея словамъ, вы, въ присутствіи одной изъ вашихъ дамъ, дали обѣщаніе выйти за него замужъ, спалъ съ вами безчисленное множество разъ, со всею свободой и короткостью, которая можетъ быть допущена между мужемъ и женою;.. что ваше замужество не можетъ состояться и что вы никогда не захотите потерять свободу — занимать любовными интригами и предаетесь удовольствію постоянно съ новыми любовниками, сожалѣя, говорила она, что вы не удовольствовались мастеромъ Гэттономъ и другимъ изъ англичанъ, но связали свою честь съ иностранцемъ Симье, съ которымъ имѣли свиданія ночью, въ комнатѣ одной дамы... гдѣ вы цѣловали его и дѣлали съ нимъ различныя неблагопрістойныя вольности.. что вы также

распутничали съ герцогомъ (д' Алансономъ), его господиномъ, который однажды ночью пришолъ къ двери вашей комнаты, гдѣ вы встрѣтили его въ одной рубашкѣ и ночномъ плащѣ, и что потомъ вы впустили его, и онъ оставался съ вами три часа. Это странное письмо, — въ которомъ Марія доносила Елизаветѣ обо всемъ, что графиня Шрусберри рассказывала ей о чрезмѣрной страсти ея къ вице-камергеру Гаттону; о сумасбродномъ ея тщеславіи, вслѣдствіе котораго она позволила себѣ сказать, чему повидимому и сама вѣрила, что на нее нельзя смотреть прямо, потому что ея лицо сіяло какъ солнце; о бѣшенствѣ ея гнѣва относительно дамъ, находящихся при ея особѣ, изъ которыхъ одной была переломленъ палецъ, а другая, служжа Елизаветѣ за столомъ, получила большой ударъ ножа по рукѣ; наконецъ объ отвратительной открытой ранѣ, которую она имѣла на ногѣ, — это странное письмо, говорилъ мы, которое было не такого свойства чтобы доставить ей благосклонность англійской королевы, вѣроятно не было передано Елизаветѣ. Тѣмъ не менѣе въ Лондонѣ происходили переговоры объ освобожденіи королевы шотландской, между секретаремъ Но и англійскими министрами. Въ запискѣ, которую первый вручилъ послѣднимъ, были изложены по этому предмету почти такія же условія, какія постановлялись въ Уингилдѣ въ 1569 и въ Чэтсортѣ въ 1570. Здѣсь было прибавлено, что Марія Стюартъ: откажется отъ буллы, посредствомъ которой папа лишалъ Елизавету ея государства; не будетъ имѣть никакихъ сношеній съ подданными этой послѣдней, для возбужденія междоусобной войны; подѣ какими нибудь религіознымъ или же политическимъ предлогомъ; не станетъ поддерживать тѣхъ, которые сдѣлались уже виновными въ бунтѣ и осуждены какъ измѣнники; не будетъ предпринимать вмѣстѣ съ иностранными государями ничего къ возмущенію спокойствія Англій, а напротивъ будетъ всѣми силами защищать ее въ случаѣ нападенія на нее вѣнскихъ враговъ; дастъ, оставляя Англію, заложниковъ въ обезпеченіе своего поведенія; не станетъ дѣлать въ Шотландіи никакихъ религіозныхъ переменъ, требуя только свободы въ управленіи своей религіи для себя и для своихъ слугъ; дастъ всеобщую амнистію во всѣхъ оскорбленіяхъ, которыя, были ей тамъ нанесены; и женить короля — своего сына — по совѣту и согласію королевы англійской, ея доброй сестры.

Во время этихъ переговоровъ Елизавета еще болѣе проникала въ тайну заговоровъ, составленныхъ противъ нея въ Европѣ. Іезуитъ Кригтонъ и шотландскій католическій священникъ Абди, захваченные однимъ датскимъ корсаромъ, были отданы въ руки Уэльсннгама. Изъ ихъ бумагъ, которыя они послѣжали разорвать, но которыхъ ключи были опять собраны, и изъ признаній Кригтона, подвергнутаго пыткѣ, открылись въ подробности планы католической партіи континента, такимъ же образомъ какъ изъ признаній Фрэнсиса Трокморта были узнаны намѣренія католической партіи въ Англій. Протестанты сильно взволновались и угрожали страшными репрессаліями какимъ бы то ни было врагамъ Елизаветы и реформатской религіи. Въ го-

сударствѣ былъ составленъ и подписанъ союзъ: члены его обязались преслѣдовать до смерти людей, которые покусятся на жизнь королевы, — и даже ту, въ пользу которой это покушеніе будетъ сдѣлано или замышлено.

Между тѣмъ собравшіеся англійскій парламентъ составилъ въ этомъ же духѣ два билля, направленные противъ Маріи Стюартъ и противъ католиковъ. Первый изъ нихъ, въ случаѣ умерщвленія королевы, лишалъ Марію и ея потомковъ всякихъ правъ на наследованіе престола и уполномочивалъ членовъ союза преслѣдовать до смерти всякаго, кого судъ изъ двадцати четырехъ комиссаровъ объявитъ соучастникомъ въ помянутомъ умерщвленіи. Второй объявлялъ: виновнымъ въ государственной измѣнѣ всякаго, рукоположеннаго римскимъ епископомъ, англійскаго католическаго священника, который останется въ государствѣ долѣе сорока дней; уголовнымъ преступникомъ—всякаго, кто приметъ его или окажетъ ему помощь; подверженнымъ штрафу или заключенію въ тюрьму, по усмотрѣнію королевы—каждаго, кто, зная о его мѣстопребываніи, не объявитъ о томъ;—онъ подвергалъ наказанію, опредѣленному за измѣну, студентовъ, обучающихся въ иностранныхъ семинаріяхъ, которые не возвратятся въ Англію въ теченіе шести мѣсяцевъ по обнародованіи билля; устранилъ дѣтей, которыя безъ позволенія отправятся туда учиться, отъ наследованія въ имуществѣ родителей и налагалъ конфискацію во сто фунтовъ стерлинговъ на родителей, которыя пошлютъ туда своихъ дѣтей.

Эти мѣры напугали королеву шотландскую; она видѣла въ нихъ нѣкоторымъ образомъ свой будущій смертный приговоръ. 25 августа 1584 г. изъ подъ стражи графа Шрусберри она была отдана подъ надзоръ сэра Ральфа Сэдлера и Соммерса и переведена изъ Шеффилда въ замокъ Уинфильдъ. Когда ей сообщили объ актѣ союза, она предложила присоединить къ нему свое имя. Въ этомъ ей было отказано; но она подписала одна подобную же декларацію. Узнавъ, что мастеръ Грэй началъ отдѣлять интересы ея сына отъ ея собственныхъ, она писала ему, чтобы онъ тщательно остерегался этого, такъ какъ этимъ онъ подвергаетъ сомнѣнію титулъ короля, заимствованный ея сыномъ отъ нея, которая, впрочемъ, думаетъ *предоставить ему правленіе вполне, сохранивъ для себя только власть, подобающую матери, потому что ея бѣдствія и печали уничтожили въ ней всякую охоту по всему остальному.* Въ настоящую минуту она мечтала только объ отдыхѣ. Объ этомъ она писала 5 января 1585 г. архіепископу Глазгоскому, говоря, что она хочетъ предоставить своему сыну «управленіе государствомъ и дѣлами Шотландіи.» Такимъ образомъ, миръ для Елизаветы, власть для Іакова VI, свобода для нея самой,—таковы были въ это время послѣднія желанія пльвиницы, которая такъ часто была обманута.

Вѣ суждено было обмануться и на этотъ разъ. Нѣсколько дней спустя переговоры прекратились, ея скромныя надежды исчезли, мастеръ Грэй ее продалъ, сынъ—оставилъ, а королева англійская велѣла ее

перевести изъ замка Уингфильда въ мрачный замокъ Тэтборри. Что за причина была такой внезапной перемены и разрыва, уже окончательнаго на этотъ разъ?—Открытіе новаго заговора противъ жизни Елизаветы и соединеніе католическаго материка противъ дѣла протестантовъ. Одинъ валліецъ, Уильямъ Парри, тайный агентъ Уэльсінгэма, побѣгившій во Франціи и въ Италиі английскихъ и шотландскихъ эмигрантовъ, подстрекнулъ другаго тайнаго агента Невилля къ умерщвленію Елизаветы. Хотѣлъ ли Парри погубить Невилля и получить награду, дѣлая на него донесеніе, или думалъ воспользоваться его услугами, чтобы убить английскую королеву, къ чему, по его словамъ, его побуждали Папа Григорій XIII, нунцій Раггацини и кардиналъ-государственный секретарь Козмо, съ которымъ его познакомилъ соотечественникъ его изъ Валліса, неутомимый заговорщикъ Морганъ? Это трудно объяснить. Не смотря на то, что Парри ссымался на свои двусмысленныя услуги, онъ подвергся страшной казни измѣнниковъ, и ему за-живо распороди животъ. Устрашенная этими заговорами и болель участі, которой незадолго предъ тѣмъ подвергнулся принцъ Оранскій, Елизавета начала теперь болѣе безпокойнѣе окомя смотрѣть на планы католической партіи противъ ея особы, короны и дѣла, и почувствовала нужду помѣшпаты имъ еще съ болѣею энергіей и предусмотрительностью. Впрочемъ для нея наступилъ теперь рѣшительный моментъ.

Смерть герцога д'Алапсона ввела католицизмъ въ новый фазисъ его существованія во Франціи и приготовила торжество религіи надъ королевскою властью. До сихъ цорь вѣроятный наслѣдникъ короны обыкновенно былъ католикъ. Теперь же въ первый разъ два принципа, на которыхъ съ самаго своего начала основывалось обладаніе старюю монархіею во Франціи, — политическій принципъ мужскаго первородства и религіозный принципъ католической ортодоксальности, — не сходились въ одномъ лицѣ: король Наварскій былъ наслѣдникъ по крови и кальвинистъ по вѣрѣ. Въ неизбежномъ столкновеніи между этими двумя принципами, правило вѣры взяло верхъ надъ правиломъ государства. Ревностные католики, имѣя во главѣ своей прицель въ Лотарингскаго дома, возбужденные и подкупленные Филиппомъ II, измѣнили порядокъ первородства и признали кардинала Бурбонскаго наслѣдникомъ Генриха III. Образовалась лига. Герцогъ Гизъ и кардиналъ Бурбонскій, тайно соединясь съ испанскимъ королемъ, который велѣлъ выдать имъ триста тысячъ экю золотомъ, поднали въ Реймсъ знамя междоусобной войны, принудили Генриха III, Нормурскимъ трактатомъ, отмѣнить свои эдикты о вѣротерпимости и вести истребительную войну противъ протестантовъ. Въ то же время новый папа Сидестъ V отлучилъ короля Наварскаго и принца Кондэ отъ церкви. Папа, король испанскій, герцогъ савойскій, французскіе лигисты, которые привлекли на свою сторону и Генриха III, согласились между собою сдѣлать нападеніе на Женева, бывшую гнѣздомъ протестантовъ; покорить нидерландскихъ кальвинистовъ; уничтожить французскихъ гугенотовъ, и серьезно чѣмъ когда либо

решили сдѣлать Марію Стюартъ орудіемъ для дѣйствія противъ пресвитеріанъ и англичанцевъ Великобританіи.

Между тѣмъ какъ Филиппъ II показывалъ себя дѣятельнымъ и грознымъ вождемъ католицизма, Елизавета же колебалась соединить силы и управлять сопротавленіемъ протестантизма въ Европѣ. 10 августа 1585 г. она заключила союзный трактатъ съ Нидерландами, и обязалась снабдить генеральные штаты войскомъ въ шесть тысячъ человекъ, которыхъ скоро и привелъ имъ лейсголь. Она тѣснѣе соединилась съ королемъ Наварскимъ; ниспровергла господство Арана въ Шотландіи, съ помощью графовъ Ангуса, Мара и лорда Арброта, главы фамиліи Гампльтоновъ, которые, примиренные съ правительствомъ ея стараніями и поддерживаемые ея деньгами, вновь вступили въ свою страну, во главѣ восьми тысячъ человекъ и безъ труда сдѣлались господами королевства и руководителями короля. Эта революція, послѣ которой всѣ изгнанные пресвитеріанскіе пасторы возвратились въ Шотландію, возстановила протестантизмъ во всей его силѣ и подготовила трактатъ наступательнаго и оборонительнаго союза, который былъ подписанъ 1-го апрѣля 1586 года между Іаковомъ VI и Елизаветой и имѣлъ цѣлью совокупную оборону противъ всякой попытки нападѣнія на островъ. Заботясь о защитѣ протестантскаго дѣла въ Нидерландахъ, Франціи, Англіи и Шотландіи, королева Елизавета въ то же время подвергла Марію Стюартъ еще болѣе строгому надзору. Министры ея пошли еще дальше. Они считали жизнь этой страшной плѣнницы, которую католики болѣе чѣмъ когда либо желали сдѣлать своей королевой, несомѣстною съ существованіемъ ихъ собственной государыни, а ея притязанія на англійскую корону вредными для безопасности государства и религіи. И такъ они стали искать средствъ избавиться отъ нея.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Послѣ того какъ было открыто столько заговоровъ, напуганное и раздраженное правительство Елизаветы подвергло Марію Стюартъ еще болѣе строгому тюремному заключенію. Взятая изъ подъ кроткаго и свисходительнаго присмотра графа Шрусберри, остававшагося при ней болѣе пятнадцати лѣтъ, Марія Стюартъ была поручена довольно строгому надзору сэра Ральфа Сэдлера и Соммерса. 13-го января 1585 года, въ самой срединѣ зимы, ее перевели изъ Уингфильда въ замокъ Тэтберри, приходившій въ развалины. Новое помѣщеніе ея было неудобнѣе всѣхъ, какія только случилось занимать ей до тѣхъ поръ, въ теченіе долгаго плѣна. Здѣсь не было конюшни, и шестнадцать лошадей, бывшихъ въ ея распоряженіи, остались въ Шеффилдѣ. Безъ нихъ, говорила она Бёрлею, *я чувствую себя плѣнницею болѣе чѣмъ когда либо*. Ноги ея, чрезвычайно ослабленныя ревматизмомъ и сидячею жизнію, не позволяли ей дѣлать ни малѣйшаго движенія, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Расположенный въ графствѣ Стаффордъ на возвышенномъ мѣстѣ, посреди обипрпной

равнины, замокъ этотъ былъ открытъ со всѣхъ сторонъ для вѣтра; стѣны его были покрыты почти вездѣ трещинами; сырой, холодный, нездоровый, необмеблированный — онъ представлялъ самое невыгодное помѣщеніе какъ для нея, такъ и для ея прислуги, значительно уменьшенной въ числѣ.

Поэтому здѣсь она постоянно болѣла. Къ неудобствамъ помѣщенія присоединилась суровость самаго заключенія, когда она, въ началѣ мая 1585, перешла изъ-подъ надзора Сэллера и Сомерса къ Амiasу Полету. Бывшій нѣскольکو времени посланникомъ въ Парижѣ, Полетъ былъ строгій пуританинъ, привязанный къ Лейстеру, преданный Елизаветѣ, смотрѣвшій съ презрѣніемъ на католиковъ, и неспособный ни на какую снисходительность или сожалѣніе къ своей плѣнницѣ. Маріи Стюартъ не позволено было даже прогуливаться иначе, какъ только вмѣстѣ съ нѣмъ и въ сопровожденіи конвоя изъ восемнадцати человекъ, вооруженныхъ пистолетами. Онъ не хотѣлъ даже допустить, чтобы она посылала самую ничтожную милостыню бѣднымъ деревни, расположенной въ долинѣ передъ замкомъ, и Марія Стюартъ горько оплакивала то, что даже и въ этомъ христіанскомъ утѣшеніи ей было отказано: *«нигдѣ, писала она, мнѣ такого несчастнаго, инсанаго и презрѣннаго преступника, которому когда бы то ни было и какой бы то ни было законъ отказывалъ въ этомъ. Когда распространился слухъ, что она пыталась спастись бѣгствомъ, Полетъ написалъ къ лорду казначею, чтобы разуверитъ его въ справедливости этихъ слуховъ, слѣдующія ужасныя слова: «Марія можетъ скрыться только при полной небрежности съ моей стороны. Въ случаѣ если бы напали на меня открытою силою, я, слава Богу, увѣренъ, что она умретъ прежде меня.»*

Подъ надзоромъ этого неумолимаго стража, Марія не могла вести никакой тайной переписки. Всѣ писанья условными знаками депеши, адресованныя къ ней изъ Франціи, оставались въ рукахъ посланника Генриха III, Кастельно де-Мовисіера, а послѣ его отъѣзда — у его преемника Обепина де-Шатонёфа, прибывшаго въ Лондонъ къ концу августа 1585 года. Она была въ самомъ несчастномъ положеніи, какъ плѣнница, безъ всякой надежды какъ королева, и удручена горемъ какъ мать. Сынъ ея, подъ вліяніемъ мастера Грѣя, отказался около этого времени, отъ акта присоединенія о которомъ Но прѣѣхалъ договариваться въ Лондонъ, а черезъ нѣскольکو времени принужденъ былъ сблизитъ, союзнымъ трактатомъ, Шотландію съ Англіею. Это возбудило въ Маріи сначала сильный гнѣвъ, а потомъ уныніе. Письма ея были полны негодованія и угрозъ противъ поведенія этого сына, котораго она называла безчувственнымъ, неблагодарнымъ, непокорнымъ и дурно руководимымъ. «Я не буду признавать его моимъ сыномъ, говорила она, прокляну его, лишивъ наслѣдства не только въ томъ, чѣмъ онъ владѣетъ уже, но даже и въ томъ, на что онъ можетъ чрезъ меня предъавлять притязанія». Желая чтобы шотландцы поступили въ отношеніи къ нему такъ же какъ они рѣшились поступить въ отношеніи къ ней, и чтобы чужеземцы наводнили его государство, которое она хотѣла передать въ ихъ власть, она прибавляла: «Я

нисколько не сомнѣваюсь и даже имѣю доказательства на то, что въ христіанствѣ найдется довольно наслѣдниковъ, имѣющихъ достаточно силы для удержанія всего, что я отдамъ въ ихъ руки; а послѣ этого пусть съ моимъ тѣломъ дѣлаютъ все, что хотятъ; самый краткій путь будетъ для меня самымъ пріятнымъ.»

Она увѣряла, впрочемъ, что не имѣетъ желанія входить въ сношенія съ своимъ сыномъ, съ цѣлью устранить себя отъ всякаго вмѣшательства въ управленіе Шотландіею, и даже не хочетъ, чтобы ея нога была въ этомъ королевствѣ. Отказываясь отъ всѣхъ своихъ правъ, она требовала для себя единственно только освобожденія отъ рабства, въ которомъ ее такъ долго удерживали и права оставить островъ, на которомъ она такъ много перенесла страданій. Она, казалось, готова была принять всѣ условія, лишь бы дать *своей удрученной душѣ и тѣлу хоть сколько нибудь покоя* предъ близкимъ часомъ своей кончины. Но она видѣла хорошо, что никакой цѣной не можетъ купить себѣ свободу и, сознавая свое безвыходное положеніе, съ горестью говорила: «Чтобы удерживать меня въ заключеніи, приводятъ устарѣвшія отговорки: то перемѣны въ Шотландіи, то сматенія во Франціи, то открытіе заговора въ этой странѣ,—однимъ словомъ, всякое малѣйшее измѣненіе, которое только можетъ случиться въ мірѣ христіанскомъ; такимъ образомъ меня могутъ выпустить на свободу только тогда, когда весь свѣтъ будетъ въ мирѣ и согласіи. Всемогущій Богъ да будетъ мнѣ помощникомъ и покровителемъ. По своему правосудію, Онъ, я надѣюсь, рано или поздно разсудитъ дѣло между мною и моими врагами.» Спустя годъ послѣ своего пребыванія въ Тэтберри, Марія была переведена, въ концѣ декабря 1585 года въ замокъ Чартлей, гдѣ помѣщеніе ея хотя было и лучше, но надзоръ надъ нею оставался по прежнему строгимъ.

Если сама Марія не могла составлять заговоровъ, то ея партія дѣйствовала теперь въ ея пользу, болѣе чѣмъ когда либо. Число заговоровъ возрастало само собою среди тѣхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, при которыхъ два великихъ дѣла католицизма и протестантизма въ Европѣ оспаривали другъ у друга Францію, Нидерланды, Англію и Шотландію. Англійскіе эмигранты, желавшіе возвратиться въ свое отечество, изгнанные священники, мечтавшіе о религіозномъ завоеваніи острова, считали время самымъ благопріятнымъ для того, чтобы низвергнуть съ престола Елизавету и возвести на него Марію Стюартъ. Филиппъ II, содержавшій всѣхъ ихъ на жалованьи, выдававшій ежегодно двѣ тысячи золотыхъ эки доктору Одену, ректору реймской семинаріи, сто эки ежемѣсячно графу Уэстморленду, столько же лорду Пэджету, восемьдесятъ эки Чарльзу Арсенделю, дававшій также содержаніе Чарльзу Пэджету, Томасу Трокмортону и присылавшій, кромѣ того, ежемѣсячно сорокъ эки Моргану даже въ Бастилію, — ободрялъ ихъ заговоры противъ Елизаветы и подготавливалъ въ то же время, вмѣстѣ съ герцогомъ Гизомъ, выполненіе стариннаго проэкта экспедиціи противъ Англіи. На этотъ разъ съ шашкетомъ на королевство должно было соединиться усмиреніе королевы.

Первый, вызвавшийся совершить его, былъ англійскій католикъ, по имени Джонъ Сэведжъ, служившій офицеромъ въ испанской арміи прица Нарменга. Провѣщая чрезъ Реймсъ, онъ видѣлся съ своими соотечественниками и товарищами по семинаріи и рассказывалъ о своихъ заслугахъ священнику Годгсоу и доктору Уильяму Глефорду. Последний внушилъ ему, что онъ можетъ оказать несравненно большую заслугу, умертвивъ королеву. Сэведжъ выказалъ сначала нѣкоторую нерѣшительность и представлялъ трудности, которыя можетъ встрѣтить исполненіе подобнаго намѣренія. Уильямъ Глефордъ доказывалъ неосновательность его опасеній, говоря ему, что убійство государыни еретички, врага религіи, отлученной отъ церкви папою, будетъ законно и похвально и что онъ ничего не можетъ сдѣлать полезнѣе этого для своей страны и достоинѣе небесной награды; то же подтвердили и другіе ученые семинаріи. По прошествіи трехъ недѣль, убѣжденный ими Сэведжъ взялся умертвить королеву: было условлено, что онъ поразитъ ее кинжаломъ или шпагой въ то время, когда она будетъ идти въ свою домовую церковь чрезъ галлерей, въ которой помѣстится Сэведжъ, или во время прогулки ее по саду, или, наконецъ, когда она отправится, въ сопровожденіи одѣхъ женщинъ, на прогулку. Сэведжъ, обѣщаніе котораго было сообщено Чарльзу Пэджету и Моргану, отправился въ Англію, для приведенія его въ исполненіе.

Около того же времени составился другой заговоръ въ подобномъ же родѣ. Священникъ Джонъ Баларъ, объѣздившій въ разныхъ одеждахъ Англію вдоль и поперекъ, въ теченіе пяти или шести лѣтъ, утверждая при этомъ католиковъ въ ихъ вѣрѣ и ненависти къ Елизаветѣ, возвратился во Францію великимъ постомъ 1586 года. Онъ имѣлъ совѣщаніе съ Чарльзомъ Пэджетомъ, Морганомъ и Мендозой о вторженіи въ Англію и средствахъ къ освобожденію шотландской королевы. Въ этомъ совѣщаніи Чарльзъ Пэджетъ доказывалъ, что предпріятіе не можетъ удалиться до тѣхъ поръ, пока будетъ жива Елизавета. Баларъ, узнавъ о намѣреніи Сэведжа, поспѣшилъ обратно въ Англію, подъ именемъ капитана Фортскью, надѣясь пріискать средства къ достиженію той цѣли, къ которой стремилась католическая партія, руководясь своими вѣрованіями и страстями. Прибывъ въ Лондонъ, 22-го мая, онъ видѣлся, четыре или пять дней спустя, съ молодымъ дворяниномъ Антономъ Бэбингтономъ изъ Детика, въ граствѣ Дербш.

Бэбингтонъ происходилъ отъ хорошей фамиліи и обладалъ значительнымъ состояніемъ. Отличаясь живымъ характеромъ и довольно хорошимъ образованіемъ, онъ былъ сильно привязанъ къ римскому исповѣданію и находился въ тѣсной связи съ самой блестящей молодежью въ Лондонѣ и граствахъ. За четыре года предъ этимъ Бэбингтонъ познакомился въ Парижѣ съ Т. Морганомъ, представившимъ его Глостоскому архіепископу, и перенюлъ на сторону шотландской королевы; съ рыцарскимъ великодушіемъ онъ взялся служить дѣлу этой государыни и сдѣлался вскорѣ однимъ изъ горячѣе ея приверженцевъ. По возвращеніи своемъ въ Лондонъ, онъ, въ 1586

двухъ лѣтъ, былъ посредствующимъ лицомъ при перепискѣ Маріи Стюартъ съ Глазгоскимъ архіепископомъ, Пэджетомъ и Морганомъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Марія была взята изъ подъ надзора графа Шрусберри, переписка эта прекратилась, а съ ней—и сношенія Вэбингтона какъ съ парижскими эмигрантами, такъ и съ плѣнницей Тэтберри и Чартлея. Въ то время, когда видѣлъ его Баларъ, онъ находился въ страшномъ уныніи и совершенно готовъ былъ уже оставить Англію, собираясь въ одну изъ католическихъ странъ континента, гдѣ онъ надѣялся провести остатокъ дней своихъ.

Посланнику заговорщиковъ было не трудно оживить въ Вэбингтонѣ преданность къ Маріи Стюартъ. Вэбингтонъ держался тѣхъ же мнѣній, какъ и Чарльзъ Пэджетъ; онъ смотрѣлъ на вторженіе въ Англію, какъ на дѣло совершенно невозможное при жизни Елизаветы. Потому, какъ только Баларъ ему сообщилъ, что убійство королевы должно предшествовать нашествію, онъ горячо взялся за предпріятіе; но, по его мнѣнію, предпріятіе это было настолько важно, что его нельзя было вѣрить одному лицу; и онъ предложилъ присоединить къ Сэведжу пять дворянъ, которыхъ онъ взялся найти между своими друзьями. Ему удалось уговорить Патрика Барнуэля, принадлежавшаго къ одной изъ дворянскихъ фамилій Ирландіи, Джона Чарнока изъ Ланкастерскаго графства и Эдуарда Абингтона, отецъ котораго былъ придворнымъ казначеемъ, къ совершенію убійства вмѣстѣ съ Сэведжемъ. Къ этимъ тремъ онъ вскорѣ присоединилъ двухъ другихъ,—Чарльза Тильнея, одного изъ дворянъ получавшихъ пенсію отъ королевы, обращеннаго недавно Баларомъ въ католическую вѣру и Чидюка Тичбёрна, горячая привязанность котораго къ Вэбингтону заставляла его принимать участіе во всѣхъ планахъ послѣдняго. Изъ остальныхъ друзей Вэбингтона вступили также въ заговоръ: Эдуардъ, братъ лорда Уиндзора, Томасъ Сэлсберри, потомокъ значенитой фамиліи въ графствѣ Дерби; Робертъ Геджъ изъ Серрея; Джонъ Трэверъ изъ графства Ланкастеръ; Джонъ Томасъ, сынъ бывшаго смотрителя при гардеробѣ покойной королевы Маріи; и клирикъ Генря Доунъ. Онъ постоянно собирался, для свиданій или въ Сентъ-Гильсѣ, около Лондона, или же въ самомъ Лондонѣ.

Все, что они задумывали, было извѣстно Уэльсингему. Этотъ дѣятельный и искусный министръ не спускалъ глазъ съ католической партіи и слѣдилъ за всѣми ея движеніями. Онъ не только склонилъ на свою сторону многихъ изъ проинихъ довѣренныхъ лицъ Маріи и подкупилъ секретаря французскаго посольства Шероля, передавашаго ему тайную переписку королевы плѣнницы и ключъ къ численнымъ ящикамъ, на которыхъ она велась; но и организовалъ также самую обширную систему шпионства. Онъ содержалъ при всѣхъ главныхъ заговорщикахъ агентовъ, открывавшихъ ему все, и при этомъ послѣдніе, благодаря своему притворному рвенію къ дѣлу католицизма и Маріи Стюартъ, умѣли такъ дѣйствовать, что подозрѣніе въ ихъ отношеніи никакимъ образомъ не могло упасть на нихъ. Между ними были такіе, которые принадлежали къ фамиліямъ, наиболее преслѣ-

двумя въ Англіи и которые вышли даже изъ реймской семинаріи. Одинъ изъ агентовъ Уэльсингэма по имени Модъ, не покидалъ Балара во всѣхъ его путешествіяхъ, а другой, по имени Полей, не разъ привозившій Бэбингтону письма съ континента, вополь къ нему въ довѣренность и присутствовалъ на тайныхъ собраніяхъ, бывшихъ въ Сентъ-Гильсѣ между Бэбингтономъ и его друзьями. Къ такому страшному шпіонству Уэльсингэмъ присоединилъ искусство перехватывать письма, не возбуждая подозрѣнія въ заговорщикахъ. Съ этою цѣлью онъ держалъ при себѣ двухъ лицъ, Артура Грегори и Фелипса; изъ нихъ первый имѣлъ обязанность вскрывать письма, а второй — разбирать условные знаки, которыми они были написаны.

При помощи этихъ презрѣнныхъ орудій, онъ приготовилъ гибель Маріи Стюартъ. Въмѣстѣ съ главными министрами Елизаветы и напуганными въ то время защитниками новой религіи, онъ былъ убѣжденъ, что уже самое существованіе католической королевы возбуждаетъ постоянныя опасности для королевы протестантской. Но если, — по мнѣнію его и Берлея, нельзя было оставить въ живыхъ Марію Стюартъ, не причинивъ этимъ видимой опасности для Елизаветы, то точно такъ же нельзя было и погубить ее безъ особеннаго повода. Однѣхъ политическихъ причинъ было недостаточно для казни; необходимо было прикрыть ее хоть внѣшнимъ видомъ справедливости. Для этого Уэльсингэмъ употребилъ всѣ усилія, чтобы вовлечь несчастную плѣнницу въ заговоры, которые составлялись въ ея пользу.

Его помощникомъ былъ въ этомъ случаѣ молодой католическій священникъ, происходившій изъ благородной фамиліи въ графствѣ Стэффордъ. Этотъ развращенный и коварный молодой человѣкъ носилъ имя Гильберта Гиѳфорда. Его отецъ былъ задержанъ въ Лондонѣ, за свои религіозныя мнѣнія; онъ самъ, оставивъ Англію на двѣдцатомъ году, былъ воспитанъ во Франціи іезуитами и получилъ посвященіе въ Реймской семинаріи. Обладая полною довѣренностью своихъ наставниковъ, посѣтивъ Испанію и Италію, зная хорошо языки различныхъ странъ и обнаруживая большую преданность къ дѣлу Маріи Стюартъ, онъ предложилъ свои услуги, въ качествѣ дѣятельнаго, умнаго и надежнаго посредника между эмигрантами на континентѣ и католиками въ Англіи, и особенно брался возстановить прерванную переписку царственной плѣнницы съ ея агентами въ Парижѣ, Мадридѣ, Римѣ, Брюсселѣ и Лондонѣ. Ему не трудно было приобрести довѣренность Морганъ, Чарльза Пэджета и архіепископа Гласгоскаго. Его молодость и религія заставляли вѣрить въ его искренность и трудно было предположить, чтобы подъ этою личиною горячей преданности скрывалась самая ужасная измѣна.

Первыя сношенія его въ Парижѣ съ Морганомъ и Пэджетомъ, начались лѣтомъ въ 1585 году, за восемь мѣсяцевъ до начала заговора и больше чѣмъ за годъ до открытія его. Въ іюлѣ и іюлѣ мѣсяцахъ Морганъ писалъ Марію Стюартъ о Гиѳфордѣ и Полей какъ о лицахъ, услугами которыхъ она можетъ пользоваться совершенно безопасно. Гильбертъ Гиѳфордъ прибылъ въ Англію только въ концѣ декабря. Съ нимъ условились переписываться пель

вымышленными именами *Петро, Барнеби, Николая Корнелиуса*; и въ то самое время какъ онъ принималъ эти предосторожности, желая показать видъ, что хочетъ укрыться отъ розысковъ англійскаго правительства, онъ жилъ у Фелипса, главы тайныхъ агентовъ Уэльсингема. Онъ явился къ французскому посланнику Шатонёфу съ письмами отъ Глазгоскаго архіепископа Моргана, и Чарльза Пджета и сказалъ, что посланъ въ Англiю слугами шотландской королевы, чтобы передать ей секретныя денешы, въ чемъ онъ можетъ быть и успѣтъ, такъ какъ замокъ, въ которомъ заключена королева, находится въ сосѣдствѣ съ домомъ его отца. Къ этому онъ прибавилъ, что, увѣдомивъ такимъ образомъ Марію о происходящемъ во Франціи, можно будетъ прискивать вмѣстѣ съ нею средства къ ея освобожденію изъ плѣна. Шатонёвъ боялся встрѣтить въ немъ шпиона, принялъ его довольно холодно и посовѣтовалъ ему, если онъ дѣйствительно былъ тотъ, за кого выдавалъ себя, остерегаться, чтобы не быть открытымъ и посаженнымъ въ тюрьму.

Гиѳфордъ провелъ весь январь мѣсяцъ въ сношеніяхъ съ католическою партіею въ Лондонѣ. Онъ велъ переписку съ Морганомъ, увѣдомляя его о своихъ проискахъ и успѣхахъ при посредничествѣ французскаго посольства, чрезъ которое и отвѣчала ему Морганъ, адресуя свои письма на имя Николая Корнелиуса. Когда Марію Стюартъ перевели въ Чаутлей, находившейся возлѣ дома Гиѳфордова отца, Гиѳфордъ предложилъ Шатонёфу передать письмо шотландской королевы. Шатонёвъ, продолжая смотрѣть на него съ недовѣріемъ, вручилъ ему незначительную записку, которую нарочно написалъ условными знаками, чтобы показать видъ, что она заключаетъ въ себѣ важныя извѣстія. Къ его великому удивленію, 1 марта 1586 года Гильбертъ Гиѳфордъ принесъ ему изъ стѣѳордскаго графства отвѣтъ отъ Маріи Стюартъ. Она послышала ему новый шифръ для тайной переписки съ нею и пакетъ для передачи Глазгоскому архіепископу, прося при этомъ Шатонёфа совершенно положиться на Гильберта Гиѳфорда, который будетъ съ этихъ поръ постоянно передавать ей письма и повелѣнія приверженцамъ ея въ Англiи и слугамъ на континентѣ.

Марія Стюартъ, вступила такимъ образомъ на гибельный путь, указанный ей съ такимъ вѣроломствомъ. Нѣсколько недѣль тому назадъ она была несравненно осторожнѣе; на письмо Томаса Моргана, пропущенное Амiасомъ Полетомъ, она отвѣчала 17 января: «Остерегайтесь, умоляю васъ, вмѣшиваться въ дѣла, отвѣтственность за которыя падеть на васъ и увеличитъ еще болѣе подозрѣнія, которыя питають здѣсь противъ васъ. Что касается до меня, то я имѣю причины не писать къ вамъ въ настоящее время, боясь быть неожиданно открытой. Стражъ мой установилъ до такой степени точный и строгій порядокъ, что я не могу ничего получать или посылать безъ его вѣдома.» Отчего не сохранила она эту благоразумную недовѣрчивость!... Какъ только ей представилась возможность возобновить переписку и снова начать свои заговоры, горячее желаніе свободы овладѣло ея душою и она не колеблясь послѣдовала

за обманчивымъ призракомъ, созданнымъ для нея самими врагами ея и долженствовавшимъ привести ее на этотъ разъ къ ступенямъ эшафота.

Какимъ образомъ Гильберту Гиффорду удалось увѣрить Марію, что письма, доставляемыя имъ, доходятъ до нея безъ вѣдома Аміаса Полета, когда послѣдній наблюдалъ за нею съ такою строгостью, сторожилъ замокъ Чартлей днемъ и ночью съ пятидесятью вооруженными людьми, сопровождалъ ее во время прогулокъ не иначе, какъ подъ прикрытіемъ отряда изъ восемнадцати солдатъ съ пистолетами въ рукахъ, и не позволялъ выйти ни одному изъ ея служителей, безъ конвоя и присмотра?

Гиффордъ не бывалъ въ замкѣ, и ни разу не видалъ Маріи Стюартъ, боясь возбудить въ ней подозрѣніе, получивъ туда слишкомъ свободный доступъ. Но онъ сочинялъ исторію, будтобы имъ подкупленъ пивоваръ, доставлявшій королеви пиво. Это пиво относилось каждую недѣлю въ сосудѣ, куда Гиффордъ клалъ деревянный футляръ съ пакетами писемъ. Экономъ Маріи Стюартъ вынималъ футляръ, передавалъ его секретарю Но, который возвращалъ его съ отвѣтами королевы; экономъ снова помѣщалъ его въ пустомъ бочекѣ, который отвозился къ пивовару, называвшемуся въ перепискѣ *честнымъ человекомъ*. Жившіе въ сосѣдствѣ католическіе дворяне, по словамъ Гиффорда Шатонфу, доставляли пивовару или получали отъ него пакеты съ письмами, которые относились людьми надежными въ посольство или приносились оттуда при помощи различныхъ переодѣваній. Таковъ былъ способъ, къ которому прибѣгнулъ Гиффордъ, съ согласія Уэльсингга и при помощи Аміаса Полета, для того чтобы ввести въ заблужденіе Марію Стюартъ. Одинъ изъ нихъ показывалъ видъ будтобы не замѣчаетъ ничего, что получается въ замкѣ и отсылается изъ него; другой, которому сообщались денеша, прѣжде отнесенія ихъ въ посольство или помѣщенія въ футляръ, перечитывалъ ихъ при помощи Феллиса и запечатывалъ опять при помощи Грегоріи; потомъ они отсылались въ точности по адресу, никто не подозрѣвалъ что они были перехвачены или скопированы.

Маріи Стюартъ сначала ничего не было извѣстно о заговорѣ противъ жизни Елизаветы. Морганъ, казалось, особенно заботился о томъ, чтобы удалить ее отъ этого заговора. Онъ запретилъ Валару стараться войти въ сношенія съ нею. Въ то же время онъ предупредилъ ее, что агентъ этого имени находится въ Англіи и трудится въ ея интересахъ. «Онъ хлопочетъ тамъ, говорилъ онъ ей, о нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ, исходъ которыхъ не извѣстенъ. До тѣхъ поръ, пока онъ будетъ занятъ ими, вашему величеству не слѣдуетъ входить съ нимъ ни въ какія сношенія.» Онъ прибавилъ, впрочемъ, при этомъ слѣдующія слова, которыя могли возбудить въ умѣ Маріи нѣкоторыя догадки: «Я молю Бога, чтобы дѣло, которое находится въ рукахъ его и другихъ, имѣло счастливый конецъ и тогда ваше величество будете восстановлены всемогуществомъ Божиимъ.» Но будучи не въ силахъ сохранять долѣе ту осторожность, которую онъ

считалъ необходимымъ условіемъ для безопасности своей государыни и которую такъ трудно было соблюдать для самонадѣянной гордости заговорщиковъ, онъ пошелъ далѣе въ письмѣ отъ 24 іюня (4 іюля по новому стилю) къ секретарю Кёрлю. Дѣлая неосторожный намекъ на убійственныя нахѣренія, для которыхъ онъ не побоялся испрашивать покровительства Вожіа, онъ писалъ къ нему изъ Бастиліи: «хотя я и въ заключеніи, но не до такой степени бездѣтеленъ, чтобы не думать о положеніи ея величества и тѣхъ изъ ея слугъ, которые, какъ вы, страдаютъ вмѣстѣ съ нею къ ихъ чести. Очень много приговорено, средствъ для того чтобы освободиться отъ чудовища, нарушающаго спокойствіе цѣлаго міра.»

Какъ только Марія Стюартъ сочла возможнымъ переписываться съ своими прежними друзьями и союзными государями, она снова взялась за проклеты, къ которымъ постоянно возвращалась: о католической революціи въ Шотландіи и вторженіи испанцевъ въ Англію. Разгнѣванная до послѣдней степени противъ своего сына, какъ только узнала, что между нимъ и Близаветою заключена протестантская лга, Марія Стюартъ рѣшилась передать свои права на англійское королевство великому защитнику католицизма въ Европѣ. Она сообщила это рѣшеніе дону Бернардино де Мендоза въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Принимая во вниманіе упорство моего сына въ ереси (о которомъ, увѣряю васъ, я сокрушаюсь и скорблю день и ночь больше, чѣмъ о моемъ собственномъ (сѣдствіи) и предвидя тотъ страшный вредъ, который понесетъ католическая церковь, если наследство надъ этимъ королевствомъ перейдетъ къ нему,—я приняла рѣшеніе, въ случаѣ если мой упомянутый сынъ не обратится прежде моей смерти въ католическую религію (на что я впрочемъ мало надѣюсь до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ оставаться въ Шотландіи) уступить и передать, по завѣщанію, мои права на вышерѣченное наследство вашему королю, прося его за это принять меня отнынѣ подъ свое полное покровительство, а также правленіе и дѣла этой страны.» Она прибавила при этомъ, что дѣйствуетъ такимъ образомъ для облегченія своей совѣсти и для возстановленія на островѣ католической вѣры, при помощи самаго ревностнаго и самаго способнаго къ тому государя. «Я чувствую себя, говорила она, болѣе обязанной уважать въ этомъ общее благо церкви, чѣмъ частное величіе моего потомства. Прошу васъ хранить это въ тайнѣ, потому что если это обнаружится, то повлечетъ за собою во Франціи—лишеніе меня пенсій, въ Шотландіи—совершенный разрывъ съ сыномъ, а въ этой странѣ—мою окончательную гибель и паденіе.»

Въ тотъ же день, 20 мая, она написала очень замѣчательное письмо къ Чарльзу Пэджету о средствахъ къ достиженію двоякой цѣли, къ которой она стремилась въ Шотландіи и Англіи. Она побуждала его, чтобы онъ, чрезъ своего брата лорда Пэджета, бывшаго въ Мадридѣ, и чрезъ посланника дона Бернардино, просилъ испанскаго короля взяться за выполненіе предпріятія, которое одно только могло освободить ее изъ плѣна и спасти на этомъ островѣ католическую религію. Чтобы облегчить усилія этого предпріятія, она предлагала вовлечь въ него Шот-

цандю, или убѣдивъ сына къ участию въ немъ, или, — если сынъ ея не согласится, — образовавъ лигу между главными католическими лордами, которые соединились бы съ испанскимъ королемъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ она предлагала выдать своего сына въ руки испанскаго короля или папы, назначить регентомъ Шотландіи лорда Клавдія Гамильтона, давъ ему въ помощь совѣтъ изъ главныхъ лордовъ, безъ согласія котораго онъ не могъ бы сдѣлать никакого распоряженія въ дѣлахъ нѣкоторой важности. Лордъ Клавдій, которому Чарльзъ Пэджетъ долженъ былъ писать отъ ея имени, былъ бы главнымъ намѣстникомъ ея сына до тѣхъ поръ, пока тотъ воспитывался бы на континентѣ въ католической религіи, чтобы взойти послѣ ея смерти на престолъ, а главное чтобы быть спасеннымъ; «послѣдняго, прибавляла Марія Стюартъ, я желаю болѣе, чѣмъ видѣть его монархомъ всей Европы... Сердце мое наполняется тоскою опасеній и сожалѣній, когда я подумаю, что могу оставить послѣ себя тирана и преслѣдователя католической церкви.» Она поручила Пэджету сообщить ея планы лорду Клавдію Гамильтону, которому написала въ томъ же смыслѣ.

Знатные шотландцы, оставшіеся вѣрными старой религіи и плѣнницей королевы опередили ея желаніе: нѣкоторые изъ нихъ осмѣлились открыто исповѣдывать католическую религію. Графъ Мортонъ, изъ фамиліи Максвеллей, одинъ изъ самыхъ могущественныхъ бароновъ южной границы, приказалъ служить мессу въ эвклуденской церкви. Іезуиты Парсонсъ, Гольтъ и другіе отцы этого предпримчиваго ордена были при графѣ Гэнтли. Эти два графа, а также графъ Монтроузъ, лордъ Крофордъ и многіе другіе владѣльцы условились съ лордомъ Клавдіемъ Гамильтономъ — освободить шотландскую королеву, отнять ея сына изъ подъ власти Елизаветы и возстановить католическое богослуженіе въ своей странѣ. Возвратившись недавно изъ Парижа въ Единбургъ съ тайными инструкціями герцога Гиза, лордъ Клавдій сдѣлался душою этого союза, который обратился къ Филиппу II, при посредничествѣ принца Лотарингскаго. Къ испанскому королю былъ отправленъ Робертъ Брусъ съ письмами отъ Клавдія Гамильтона, Гэнтли и Мортонъ; въ нихъ эти вожди католической партіи сообщали ему, что они несравненно сильнѣе своихъ противниковъ въ Шотландіи, но что они нуждаются въ его помощи въ случаѣ вѣзшателства англійской королевы. Они называли Филиппа II *золотомъ христіанской республики* и прибѣгали къ нему, какъ говорили они, съ полной увѣренностью въ возможности возстановленія католической вѣры въ королевствѣ. «Кромѣ безсмертной славы, прибавляли они, которой ваше величество достигнете, и особенной заслуги, которую окажете передъ Богомъ, вы приобретете также, соединивъ свои силы съ нашими, ту выгоду, что вами будетъ сокрушено могущество англійской королевы.

Робертъ Брусъ отправился въ Испанію, и при проѣздѣ черезъ Францію, получивъ отъ герцога Гиза очень убѣдительное письмо къ Филиппу II. «Государь, говорилъ глава Лиги этому королю, послѣ столькихъ различнаго рода сложеній, которыя я велъ и о которыхъ

старался такъ долго и съ такимъ трудомъ, для возстановленія католической религiи въ Шотландiи, Богъ оказалъ наконецъ свое милосердiе; Онъ вразумилъ и привелъ самыхъ знатныхъ и могущественныхъ лицъ страны къ благу и святому рѣшенiю, которое я всегда считалъ необходимымъ, для того чтобы одержать верхъ надъ англiйскими партiями, замедлившими осуществленiе дѣла до настоящей минуты.» Онъ увѣрялъ испанскаго короля, что лордъ Клавдiй Гамльтонъ, графы Гэнтли и Мортонъ, съ которыми онъ заключилъ договоръ, располагали двумя третями всей Шотландiи. Но напасть на господствующую партiю въ странѣ и сопротивляться силамъ сосѣдней страны, «намъ кажется, прибавлялъ онъ, слишкомъ труднымъ безъ помощи и поддержки вашего величества, и поэтому мы избрали васъ единодушно нашимъ покровителемъ и опорой въ этомъ достойномъ и вожделѣнномъ предпрiятiи.» Онъ соединялъ съ этимъ предпрiятiемъ тѣмъ болѣе интереса, что оно поавгало впередъ *намѣренiя* Филиппа II относительно Англiи, «намѣренiя, говорилъ онъ, для которыхъ я почелъ бы за счастье служить самымъ униженнымъ образомъ, какъ повелѣваетъ мнѣ долгъ, и при исполненiи которыхъ я готовъ бы былъ съ копьемъ въ рукахъ стать въ ряды простыхъ солдатъ.» Герцогъ умолялъ о помощи въ людяхъ и въ деньгахъ, необходимыхъ для него, и просилъ въ тоже время Мендозу поддержать просьбу шотландскихъ вельможъ предъ королемъ, его повелителемъ.

Такимъ образомъ Мендоза зналъ о всемъ, что затѣввалось въ Англiи и въ Шотландiи и давно уже былъ извѣщенъ о замыслѣ—умертвить Елизавету. Ему было извѣстно о немъ въ то время, когда въ исполненiи его участвовали только четыре лица, и 12 мая онъ написалъ къ Филиппу II собственноручную короткую депешу, въ которой говорилъ: «меня увѣдомили изъ Англiи, что четыре знатныхъ чело-вѣка, имѣющихъ входъ во дворецъ королевы, рѣшились лишить ее жизни; они поклялись всѣ четверо, что сдѣлаютъ это при помощи ада, или кинжала; они дадутъ знать мнѣ тотчасъ же объ этомъ, чтобы я умолялъ ваше величество о помощи, когда исполнится ихъ намѣренiе, и что они не откроются никому кромѣ меня, которому столько обязаны и къ которому питаютъ столько довѣрiя.» Мендоза, увѣдомившiй также католическаго короля о намѣренiи Марiи Стюартъ передать ему свои права на англiйскую корону, въ случаѣ, если бы сынъ ея остался протестантомъ, передалъ ему 23 iюля, вмѣстѣ съ письмами герцога Гиза, статьи, которыми шотландскiе вельможи объявляли, что они готовы дѣйствовать тотчасъ же, какъ только дадутъ въ ихъ распоряженiе сумму денегъ во сто пятьдесятъ тысячъ экю, въ которой они нуждались для выступленiя въ походъ.

Между тѣмъ католическiй заговоръ продолжалъ развиваться въ Англiи. Бэбингтонъ и друзья его много разъ собирались въ окрестностяхъ Лондона въ iюнѣ и iюлѣ мѣсяцахъ, чтобы распределить между собою роли. Было условлено, чтобы кромѣ шести лицъ, взявшихся убить Елизавету, нѣкоторые отправились въ провинцiи для возмущенiя ихъ, другiе въ Чартлей для освобожденiя Марiи Стюартъ. Бэбингтонъ, жившiй обыкновенно въ свирхъ Личфилдскихъ

владѣніяхъ, находившихся неподалеку отъ замка Чартлея, сталъ чаще бывать и долѣе обыкновеннаго оставаться въ Лондонѣ. Онъ даже видѣлся здѣсь съ Уэльсингэмомъ, предложилъ ему свои услуги съ дерзкой надеждою подмѣнить козны хитраго государственнаго секретаря и отвратить отъ себя его подозрѣнія. Онъ сблизился такимъ образомъ съ нимъ, готовый при первомъ удобномъ случаѣ захватить его. Между тѣмъ заговоръ, ограничивавшійся до сихъ поръ одними совѣщаніями, вслѣдствіе которыхъ онъ становился опаснѣе для самыхъ заговорщиковъ, чѣмъ для Елизаветы, принялъ наконецъ рѣшительный оборотъ. Марія Стюартъ была въ немъ неблагоразумно замѣтана. Морганъ, безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ Г. Гиѳфорда, часто ѣздившаго въ это время во Францію, просилъ Марію поддержать рвеніе Вэбингтона письмомъ, написаннымъ въ общихъ выраженіяхъ, прозектъ котораго онъ позаботился прислать ей изъ Вастилія. Въ этомъ письмѣ, посланномъ Марією Стюартъ 25 іюня неосторожному предводителю заговорщиковъ, котораго она называла своимъ большимъ другомъ, она благодарила его за привязанность, которую онъ постоянно выражалъ къ ней и поручала ему пересылать ей черезъ Гиѳфорда письма, получаемыя имъ изъ Франціи. Отсылая это письмо черезъ руки предателя, секретарь Керъ написалъ послѣднему: «ея величество проситъ васъ передать это, подъ строжайшею тайной, господину Антонію Вэбингтону.»

Это роковое письмо, совершенно невинное по своему содержанію, возобновило сношенія плѣнницы съ Вэбингтономъ и передавало ее въ руки Уэльсингэма. Дѣйствительно, какъ только Вэбингтонъ получилъ его, то немедленно написалъ длинную депешу, условными знаками, въ которой съ увлеченіемъ рассказывала королевѣ шотландской, своей *драгоценнѣйшей государыни*, — какъ онъ называлъ ее, — все, что было сдѣлано въ ея пользу со времени прибытія Валара. Онъ говорилъ ей, что заботится о ея освобожденіи сообразно съ желаніями государей, ея союзниковъ. Онъ излагалъ ей предметъ и открывалъ средства заговора, цѣлью котораго было шествіе на Англію и смерть Елизаветы. Онъ просилъ Марію Стюартъ, которой обязывался служить до самой своей смерти, назначить лицъ, которыя были бы ея намѣстниками, и могли бы привлечь на свою сторону большинство народонаселенія въ Валлисѣ и графствахъ Ланкастеръ, Дэрби, и Стэффордъ. «Я самъ лично, прибавлялъ онъ, съ десятью дворянами и ста челоуѣками другихъ нашихъ товарищей и приверженцевъ, предпринимаю освобожденіе вашей царственной особы изъ рукъ вашихъ враговъ. Что же касается до избавленія нашего отъ похитительницы престола, отъ подданства которой мы освобождены церковнымъ отлученіемъ, произнесеннымъ противъ нея, то здѣсь есть шестеро почетныхъ дворянъ, связанныхъ со мною тѣсною дружбой, которые, изъ ревности къ дѣлу католицизма и къ службѣ вашего величества, возьмутся исполнить трагическое дѣло. Теперь остается только, чтобы согласно ихъ важнымъ заслугамъ и благодати вашего величества, ихъ героическое предпріятіе было достойнымъ образомъ вознаграждено въ нихъ самихъ, если они спасутъ свою

жизнь, или въ ихъ потомствѣ, и чтобы я могъ увѣрить ихъ въ этомъ огъ имени вашего величества.»

Это страшное письмо, написанное 6 іюля (16 по нов. стилю) было въ тотъ же день передано Гиффордъ Уэльсингэму. Такъ какъ Вэбингтонъ долженъ былъ ѣхать въ Литчфильдъ, чтобы ожидать тамъ отвѣта на него, то осторожный государственный секретарь опасался, какъ бы значительное промедленіе при передачѣ письма черезъ Лондонъ не открыло глаза заговорщикамъ, и не разстроило его плановъ. Поэтому онъ рѣшился отправить Фелипса въ самый Чартлей, чтобы перехватить и прочесть письмо на мѣстѣ. Фелипсъ выѣхалъ изъ Лондона 7 (17 н. с.). Онъ везъ съ собою письмо Вэбингтона, которое должно было дойти до Маріи черезъ пивовара, и принести ей гибель. Бѣдная плѣнница, окруженная западнями, получила его 12 іюля (22 н. с.) и если вѣрить Полету, который наблюдалъ за всѣми ея движеніями, очень была довольна. 14 (24 н. с.) Полетъ писалъ къ Уэльсингэму слѣдующее: «пакетъ, привезенный Фелипсомъ, былъ принятъ съ признательностью; на него данъ короткій отвѣтъ, какъ позволяло время; но обѣщано писать подробнѣе по возвращеніи *честнаго человека*.» Въ тотъ же день Фелипсъ, уже прочитавшій депешу Маріи Стюартъ къ французскому посланнику Шатонёфу, и перехватившій два ея нешифрованныхъ письма къ лорду Клавдію Гамильтону, и къ повѣренному въ дѣлахъ, Курселю, писалъ къ Уэльсингэму, пересылая ему эти письма: «мы ожидаемъ свѣденій о ея истинныхъ намѣреніяхъ въ слѣдующемъ письмѣ ея.»

Въ то время какъ этотъ презрѣнный агентъ гнусныхъ казней выполнялъ свою низкую обязанность близъ несчастной, которую онъ долженъ былъ погубить, онъ не избѣгалъ встрѣчи съ нею и улыбался ей, когда она проходила мимо. «Она выѣжала вчера въ своей каретѣ, писалъ онъ къ Уэльсингэму черезъ нѣсколько дней послѣ своего прибытія въ Чартлей, и я проводилъ ее пріятной улыбкой; но при этомъ я вспомнилъ стихъ «Cum tibi dicit ave, vult ab hoste cave» (когда онъ тебѣ кланяется, берегись его какъ врага). Недовѣрчивая Марія замѣтила этого новаго гостя въ Чартлей; она приняла его за стараго шпіона Верлея и Уэльсингэма, и подумала, что его прислали въ помощь Полету, который былъ обыкновенно боленъ. Она спрашивала себя въ то же время, не былъ ли этотъ Фелипсъ предложенъ ей, какъ агентъ для ея тайныхъ сношеній, Морганомъ, который, какъ слишкомъ пылкій заговорщикъ, былъ не очень разборчивъ въ выборѣ своихъ соучастниковъ. Она очертила Фелипса слѣдующимъ образомъ въ одномъ изъ писемъ къ Моргану: «онъ низенькаго роста и очень не пріятной наружности; его волосы темно-желтаго цвѣта, а борода свѣтло-желтаго; на лицѣ видны слѣды оспы, онъ близорукъ, и по видному имѣетъ около тридцати трехъ лѣтъ.» Она чувствовала отвращеніе при видѣ этой отталкивающей и лукавой личности; но она не могла подозрѣвать, что его присутствіе въ Чартлей принесетъ ей гибель, а тѣмъ болѣе не могла предохранить себя отъ этого.

Полагая, какъ прежде, что она можетъ безопасно переписыва-

ваться и что ея заговоры на открыты, Марія отвѣчала Бэббингтону 17 числа (27 по новому стилю). Она хвалила усердіе его и его друзей, одобряла ихъ предпріятіе, вхлѣбла въ большія подробности о приготовленіяхъ къ вторженію, о средствахъ къ исполненію его, какъ морскихъ такъ и сухопутныхъ; потомъ она прибавила, такъ по крайней мѣрѣ говоритъ обвиненіе, взведенное на нее позже правительствомъ Елизаветы, что необходимо разсмотрѣть «какимъ образомъ эти шесть дворянъ должны поступать, и какія мѣры надо принять къ освобожденію ея изъ заключенія».

Она настаивала главнымъ образомъ на необходимости войти въ соглашеніе съ Бернардино Мендозой, совѣтовала ничего не начинать, не собравъ предварительно какъ внутри такъ и внѣ достаточныхъ силъ для возстанія католиковъ и намествія испанцевъ. Потомъ она говорила, тоже по словамъ ея обвинителей: «Приготовивъ такимъ образомъ все это... надо будетъ употребить въ дѣло шесть дворянъ и распорядиться, чтобы, по приведеніи въ исполненіе ихъ намѣренія, я была взята отсюда, и чтобы всѣ ваши силы выступали въ одно и тоже время въ походъ для моей встрѣчи, въ ожиданіи иностранной помощи, которую надо будетъ торопить какъ можно болѣе. Такъ какъ нельзя назначить опредѣленнаго дня, въ который вышесказанные дворяне совершатъ свое предпріятіе, то необходимо чтобы они постоянно имѣли при себѣ или по крайней мѣрѣ во дворѣ, четырехъ храбрыхъ людей на хорошихъ лошадяхъ, для скорѣйшаго сообщенія объ успѣхѣ сказаннаго намѣренія, какъ скоро оно будетъ исполнено, тѣмъ, которымъ поручено будетъ освободить меня; это дастъ имъ возможность прибыть сюда прежде, чѣмъ предупредить объ этомъ моего стража, или, по крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ принять мѣры къ защитѣ дома». Она просила послать двухъ или трехъ изъ нихъ по разнымъ дорогамъ, чтобы, если одинъ будетъ задержанъ, то другой могъ бы прибыть благополучно; кромѣ того запереть обыкновенные пути для почты и курьеровъ.

Для освобожденія ея изъ Чартлея она указывала на три средства: Первое состояло въ томъ, чтобы съ пятьюдесятью или шестидесятью людьми на хорошихъ лошадяхъ и хорошо вооруженными напасть на ея стража, когда онъ выѣдетъ сопровождать ее на прогулку съ своимъ обыкновеннымъ конвоемъ изъ восемнадцати или двадцати всадниковъ. Второе заключалось въ томъ, чтобы около полуночи поджечь амбары и хлѣвы въ замкѣ, гдѣ люди Бэббингтона, узнавая другъ друга по условному знаку, могли бы освободить ее во время этой суматохи. Третье, наконецъ, въ томъ, чтобы посредствомъ переодѣтыхъ заговорщиковъ ввезти телѣжки, которыя входили въ Чартлей на разсвѣтѣ, опрокинуть ихъ у большихъ воротъ замка, и послѣвать тотчасъ же съ вооруженнымъ отрядомъ войти въ нихъ и овладѣть замкомъ. Въ тотъ же день Марія Стюартъ писала Чарльзу Паджегу, Гласгоскому архіепископу, Томасу Моргану, Бернардино Мендозѣ — своимъ обыкновеннымъ корресподентамъ въ Парижѣ — и сэру Фрэнсису Энгльфильду, своему агенту въ Мадридѣ, стараясь доказать въ

этихъ письмахъ благовременность вторженія, совѣтуя ускорить его минуту и соединить его исполненіе съ возстаніемъ въ Англіи.

Перехвативъ письмо Маріи къ Бэбингтону и всѣ тѣ которыя эта несчастная государыня писала къ заговорщикамъ континента, Фелипсъ почувствовалъ злобную радость. Благородная добыча, преслѣдуемая такъ горячо и съ такою осторожностью Уэльсингэмомъ, попала въ невидимыя сѣти, разставленныя рукою его презрѣннаго слуги. Увѣдомивъ секретаря Елизаветы объ этомъ нетерпѣливо ожидаемомъ результатѣ, Фелипсъ говорилъ ему: «Я надѣюсь, что ваша честь немедленно рѣшится на арестованіе этой королевы, чтобы сообразно этому я могъ располагать самимъ сабою... Въ вашихъ рукахъ теперь находится довольно бумагъ ея... Я желаю, чтобы Провидѣніе внушило ея величеству геройскую твердость, которой требуетъ мщеніе за дѣло Божіе, и безопасность ея особы и государства». Съ своей стороны пуританинъ Аміасъ Польтъ съ фанатическою радостью писалъ къ Уэльсингэму: «Богъ благословилъ мои усилія и я радуюсь, что Онъ такимъ образомъ вознаградилъ мою вѣрную службу. Я убѣжденъ, что королева и ея знатные совѣтники съумѣютъ извлечь пользу изъ милосердія Божія къ ея величеству и къ Англіи». Жаркій кальвинистъ Польтъ такъ же, какъ и презрѣнный интригантъ Фелипсъ не подозревалъ того, въ какой гнусной несправедливости онъ принимаетъ участіе. Интересы государства и религіи скрыли отъ помраченныхъ глазъ ихъ обонявъ всю гнусность и низость того, что они заставили власть въ разставленную ими сѣть заговора бѣдную плѣнницу, которая никогда бы не попала въ нее безъ нихъ. Думая, что всѣ средства къ гибели этой опасной королевы уже готовы. Уэльсингэмъ уступилъ просьбѣ Фелипса и, нѣсколько дней спустя, 22 іюня (1-го августа по новому стилю), отозвалъ его къ себѣ.

Въ то время какъ Фелипсъ возвращался въ Лондонъ, Гиффордъ уѣзжалъ въ Парижъ къ Мендозѣ, съ новымъ порученіемъ отъ англійскихъ католиковъ: узнать, могутъ ли они разсчитывать на вооруженную помощь Филиппа II, какъ только Елизавета будетъ убита. Испанскій посланникъ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ шпиономъ Уэльсингэма; въ этомъ совѣщаніи Гиффордъ открылъ ему весь заговоръ, познакомилъ его съ религіознымъ состояніемъ Англіи, сообщивъ, въ очень любопытный запискѣ, свѣдѣнія о взаимныхъ силахъ двухъ партій въ каждой провинціи, и представилъ имена главнѣйшихъ лицъ, расположенныхъ, по его словамъ, къ дѣлу Маріи Стюартъ и къ восстановленію католицизма и приверженныхъ къ Филиппу II. Между ними онъ помѣстилъ сына герцога Норфолька, графа Арэндела, его обонявъ братьевъ Томаса Говарда и лорда Уильяма, молодого графа Нортэберленда, отецъ котораго умеръ за годъ передъ тѣмъ въ тюрьмѣ насильственной смертью, лорда Джкра, лорда Стрэнджа, сына графа Дерби, полковника сэра Уильяма Стэнлея, лорда Монтегю, лорда Комтона, лорда Морлея и др. Число всѣхъ ихъ простиралось до тридцати девяти. Мендоза послалъ списокъ ихъ имени къ Филиппу II и сообщилъ этому государю, что онъ сдѣлалъ Гиффорду

такой приёмъ, какого заслуживало это посольство и что, для ободренія заговорщиковъ, онъ написалъ имъ два письма, одно на итальянскомъ, другое на латинскомъ языкѣ, пославъ ихъ разными путями. «Въ этихъ письмахъ, говорилъ онъ, я воодушевлялъ ихъ къ предпріятію, достойному столь ортодоксальныхъ умовъ и древней англійской доблести, утверждая, что если имъ удастся умертвить королеву, то они получатъ просимую ими помощь изъ Нидерландовъ и могутъ быть увѣрены въ поддержкѣ вашего величества. По ихъ просьбѣ, я поклялся имъ въ этомъ моею честию и убѣдительными причинами побуждалъ ихъ поторопиться выполненіемъ ихъ предпріятія». Мендоза предлагалъ заговорщикамъ, тотчасъ же послѣ умерщвленія ими королевы, убить или захватить Сесия, Уэльсингэма, Гэнсдона и нѣкоторыхъ другихъ и овладѣть дономъ Антоніо, который былъ въ то время въ Англіи, и притязаній котораго на Португалію Филиппъ II постоянно опасался.

Съ чувствомъ удовольствія и гордости Филиппъ II получилъ извѣстіе, что Марія Стюартъ назначаетъ его своимъ наследникомъ въ правахъ на англійскую корону. «Эта королева, писалъ онъ 18 іюля къ Мендозѣ, приобрѣла такимъ поступкомъ большое уваженіе съ моей стороны и увеличила еще болѣе то доброе расположеніе, которое я всегда имѣлъ къ ея дѣламъ». Онъ хвалилъ ее за то, что она подчинила свою родственную любовь желанію служить Богу и христіанству. Онъ поручалъ Мендозѣ передать ей это, прибавивъ, что считаетъ за особенное удовольствіе принять ее подъ свое покровительство, чтобы, съ помощью Божіей, возстановить ее на томъ мѣстѣ, гдѣ она должна быть. Надежды его еще болѣе возрасли и рѣшимость еще болѣе окрѣпла, когда онъ узналъ изъ писемъ Мендозы о всѣхъ подробностяхъ католическаго заговора. Онъ одобрялъ отвѣтъ, сдѣланный его посланникомъ Глефорду. «Принимая во вниманіе, говорилъ онъ, важность событія, которое окончится счастливо, если будетъ угодно Богу, принявшему его теперь въ свою десницу, вы прекрасно поступили, сдѣлавъ хорошій приёмъ этому дворянину и побуждая его, равно и тѣхъ, которые послали его, поспѣшить дѣло впередъ».

Посовѣтовавъ Мендозѣ принять нѣкоторыя предосторожности, для того чтобы не была открыта тайна, которая, говорилъ онъ, не можетъ быть продолжительною и хорошо сохраняться, если будетъ извѣстна многимъ, онъ прибавилъ: «Читая имена союзниковъ, я вспомнилъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ и объ отцахъ другихъ. Судя по самому составу лицъ, участвующихъ въ союзѣ, дѣло мнѣ кажется основательнымъ и я, ради служенія Богу, свободы католиковъ и блага этого королевства, рѣшился помогать имъ. Потому я немедленно отдалъ приказаніе о приготовленіи необходимой помощи, которая будетъ послана какъ изъ Фландріи, такъ и изъ Испаніи. Правда, что такъ какъ здѣсь успѣхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ тайны и отъ скорости, то войска будутъ приготовлены безъ особеннаго шума и число ихъ будетъ не такъ значительно, чтобы могло замедлить скорость отъправленія ихъ изъ Испаніи и Фландріи тотчасъ же по полученіи изъ

вѣстия о счастливомъ исходѣ предпріятія Вэбингтона и друзей его въ Англіи.» Филиппъ II предписывалъ Мендозѣ дать положительное увѣреніе заговорщикамъ въ томъ, что они будутъ поддержаны во время и хотѣлъ, чтобы онъ послалъ къ нимъ Гиффорда, съ отвѣтомъ, что безопасность католиковъ въ Англіи зависитъ отъ тайны, въ которой будетъ храниться предпріятіе, а тайна предпріятія зависитъ отъ скорости его выполненія».

Въ тотъ же день въ другой депешѣ, написанной *трипликатомъ* по причинѣ ея важности, Филиппъ II отправилъ къ своему посланнику въ Парижъ два письма на имя принца Пармскаго, правителя Нидерландовъ. Однимъ изъ нихъ онъ предписывалъ ему готовиться къ походу, другимъ выступить въ походъ. Первое Мендоза, долженъ былъ послать непосредственно по назначенію, второе оставить у себя до той минуты, когда онъ узнаетъ, что Вэбингтонъ привелъ въ исполненіе свои планы. «Въ этомъ случаѣ, говорилъ Филиппъ II Мендозѣ, пошлите его тотчасъ же къ принцу, чтобы онъ вышелъ въ море съ вспомогательными войсками, не ожидая новаго приказанія съ моей стороны, потому что въ этомъ второмъ письмѣ, какъ вы увидите, мое распоряженіе на этотъ счетъ выражено весьма точно.»

Но было уже поздно. Множество дѣлъ, отдаленность, подозрительность, медленность въ принятіи рѣшеній—были постоянною причиною того, что Филиппъ II являлся на помощь, когда въ ней не было уже нужды. Какъ только Уэльсингемъ приобрѣлъ письменныя доказательства заговора и сведенія къ преслѣдованію всѣхъ тѣхъ, кто вслѣдствіе его козней, которыя велись съ такимъ терпѣніемъ и ловкостью вдался въ него, начиная отъ королевы плѣнницы, отъ которой англійское правительство хотѣло освободиться, до ея слугъ,—онъ рѣшился прекратить дальнѣйшій ходъ этого заговора. Елизавета, извѣщенная имъ о предполагаемомъ покушеніи на ея жизнь и нашествіи на ея королевство, была очень встревожена этимъ и хотѣла начать немедленно аресты, боясь продлить угрожающія ей опасности. Тогда Мода сдѣлалъ доносъ на Балара, у котораго онъ былъ довѣреннымъ товарищемъ. Но съ согласія Уэльсингема онъ донесъ сначала на него только какъ на непокорнаго священника, боясь чтобы болѣе серьезное обвиненіе не встревожило заговорщиковъ и чтобы Марія Стюартъ, предупрежденная объ открытіи заговора, не уничтожила всѣхъ своихъ бумагъ въ Чартлеѣ. Поэтому министръ Елизаветы отдалъ приказаніе своему секретарю Мильзу арестовать Балара единственно за преступное нарушеніе законовъ королевства. Но этотъ арестъ былъ однакоже труденъ. Баларъ принималъ безчисленныя предосторожности, постоянно перемѣнялъ одежду и мѣстопробыванію. Прежде чѣмъ удалось овладѣть имъ, Вэбингтонъ получилъ уже свѣдѣнія о доносѣ Мода. Онъ не уѣхалъ въ Личфилдъ, какъ обѣщалъ Маріи, и только 29 іюля (8 августа по нов. ст.), письмо, написанное шотландскою королевою на десять дней передъ тѣмъ, было передано ему въ Лондонѣ, гдѣ онъ оставался для совѣщаній съ другими заговорщиками. Онъ сказалъ члeвѣ-

ку, который привезъ ему письмо, что дастъ ему отвѣтъ 2 августа (12 по нов. ст.). Но измѣна Мода заставила его немедленно оставить Лондонъ; онъ тайно выѣхалъ оттуда верхомъ на лошади, такъ что никому не было извѣстно въ какую сторону онъ направился. Несчастный находился въ состояніи невыразимой тревоги. Самая ужасная неизвѣстность и самыя живыя опасенія волновали его душу. Долженъ ли онъ бѣжать или возвратиться?—вотъ былъ вопросъ, который онъ задавалъ себѣ съ тоскою, не зная въ чемъ заключался доносъ, сдѣланный Модомъ. Бѣгствомъ—онъ вредилъ заговору и отказывался отъ освобожденія Маріи, если Уэльсингэму было не все извѣстно; возвращаясь — онъ шлоу на явную гибель, если заговоръ былъ уже открытъ.

Остатокъ надежды привелъ его обратно въ Лондонъ и онъ смѣло явился къ Уэльсингэму. Скрытый министръ, у котораго не все еще было готово, принялъ его съ своей обыкновенной сдержанностью и позволилъ ему уйти. Но онъ поручилъ своимъ агентамъ слѣдить за нимъ и не упускать изъ виду ни малѣйшаго изъ его дѣйствій. Бэбингтонъ, немного успокоенный, писалъ 3 августа (13 по нов. стилю) къ Маріи, увѣдомляя ее объ опасностяхъ этого неблагопріятнаго времени, и говорилъ, что онъ надѣется еще исправить все. Онъ умолялъ ее не терять увѣренности въ счастливый исходъ ихъ предпріятія. «Государыня моя, говорилъ онъ, во имя любви къ Богу, хранящему васъ подъ своей защитой, во имя нашего общаго блага, не приходите въ уныніе.... Это дѣло Бога, церкви и вашего величества: это предпріятіе честное предъ Богомъ и людьми... Мы посвятили ему себя, и приведемъ его въ дѣйствіе, или же заплатимъ за него жизнью.» Но на слѣдующій день, 4 августа Баларъ былъ уже арестованъ. Бэбингтонъ боялся, чтобы заключеннаго не предали пыткамъ и чтобы онъ не открылъ всего. Онъ отправился къ Сэведжу и спросилъ его, что надо дѣлать. «Больше ничего, отвѣчалъ ему Сэведжъ какъ только тотчасъ убить королеву.—Очень хорошо, отвѣчалъ Бэбингтонъ, въ такомъ случаѣ идите завтра ко двору и нанесите ударъ.» Сэведжъ возразилъ на это, что у него нѣтъ параднаго платья чтобы приблизиться къ королевѣ; Бэбингтонъ отдалъ ему свой перстень и всѣ деньги, какія были у него чтобы Сэведжъ приобрѣлъ такое платье въ тотъ же день. Думая, что слухи о заговорѣ распространились уже и что вслѣдствіе этого взяты, конечно, извѣстныя предосторожности, которыя помѣшаютъ Сэведжу явиться ко двору Бэбингтонъ хотѣлъ самъ прійти туда съ другими заговорщиками и исполнить задуманное. Но на это у него не достало смѣлости. Въ ночь на 5 августа онъ бѣжалъ, въ сопровожденіи своихъ растерявшихся товарищей, изъ Лондона и скрылся въ Сенъ-Джонскомъ лѣсу. Здѣсь онъ былъ найденъ, вмѣстѣ съ ними, и отведенъ въ ТOVERЪ.

Какъ только Уэльсингэмъ захватилъ въ свои руки Балара, Бэбингтона, Сэведжа и другихъ заговорщиковъ, онъ, не колеблясь, сталъ обращаться съ Маріею Стюартъ какъ съ ихъ соучастницей. Эта государыня еще не знала, что заговоръ былъ открытъ, и не получала послѣдняго письма отъ Бэбингтона, которое могло бы возбудить въ ней

нѣкоторыя опасенія на этотъ счетъ. Она была совершенно спокойна. 8 августа (18 по нов. ст.) Амiасъ Полетъ предложилъ ей позабавить ся охотой въ сосѣднемъ Тиксольскомъ паркѣ. Она съ удовольствiемъ согласилась на это предложенiе. Съ нѣкотораго времени лѣтняя теплота, а можетъ быть даже самая надежда, укрѣпила ея здоровье. Но охота была только средствомъ, которое придумали зараиѣ Уильямъ Уадъ, посланный въ Чартлей Уэльсингэмомъ, и Амiасъ Полетъ, чтобы перевести ее въ другое мѣстопробыванiе, не возбуждивъ подозрѣнiя въ ней, разлучить ее съ секретарями прежде чѣмъ она успѣла бы сговориться съ ними, и овладѣть всѣми ея бумагами.

На пути изъ Чартлея въ Тиксоль сэръ Томасъ Джорджъ неожиданно встрѣтилъ ее и о объявилъ ей, что заговоръ Бэбингтона открытъ и что онъ имѣетъ повелѣнiе перевести ее въ замокъ Тиксоль. Это неожиданное извѣстiе смутило на минуту Марию. Но какъ только она приняла въ себя, смущенiе уступило мѣсто гнѣву; въ сильныхъ упрекахъ она выразила свое негодованiе и спросила людей, находившихся въ ея свитѣ, что неужели они позволяютъ отнять у себя свою госпожу и не защитятъ ее. Но (Nau) и Керль, сопровождавшiе ее, были схвачены въ то же время и отправлены порознь, подъ конвоемъ, въ Лондонъ. Несчастная королева, скоро понявъ свое печальное положенiе и безсилiе, рѣшилась перенести все, что бы ни ожидало ее, и позволила перевести себя въ Тиксоль, принадлежавшiй сэру Уальтеру Эштону. Здѣсь она оставалась семнадцать дней, заключенная въ небольшой комнатѣ, лишенная даже своего капеллана, не имѣя никакой возможности писать и окруженная совершенно неизвѣстной ей прислугой. Во время ея отсутствiя, Томасъ Уадъ, при помощи Амiаса Полета, вскрылъ въ Чартлей ея шкафы, захватилъ всѣ бумаги, драгоценности, деньги, и переслалъ Елизаветѣ. Эта королева приняла ихъ съ восторгомъ и, благодаря Полета за его ловкость и благоразумiе, писала ему, что онъ внушилъ ей своею преданностью чувство самой живой благодарности и что его вѣрность выше всѣхъ наградъ.

25 августа, когда все было перерыто съ самымъ мелочнымъ старанiемъ въ замкѣ Чартлей, Марию Стюартъ снова возвратили туда. При выѣздѣ изъ Тиксоля подъ конвоемъ Полета и ста сорока сосѣднихъ дворянъ, ее окружили нѣсколько бѣдняковъ, просившихъ у нея милостыни. «Мнѣ нечего вамъ дать, сказала она, заплакавъ, все у меня отнято и я такая же нищая какъ и вы.» Потомъ она обратилась къ влиятельцу замка, сэру Уальтеру Эштону, и другимъ дворянамъ и сказала имъ, со слезами на глазахъ: «Добрые джентльмены, я ничего не замышляла противъ королевы.»

Когда, прибывъ въ Чартлей, она увидѣла, что ея шкафы отворены, бумаги захвачены, ящики перерыты, и даже шкатулки съ драгоценностями исчезли, она не могла сдержать своего негодованiя и выразила его въ горькихъ жалобахъ на Елизавету: «Ксть двѣ вещи, вскричала она, которыхъ англiйская королева не можетъ отнять у меня; это— королевская кровь, дающая мнѣ право на наследство Англiи и прiязанность къ религiи монахъ отцовъ, наполняющая мое сердце.»

Вскорѣ начался процессъ противъ заговорщиковъ, замыслившихъ убійство королевы и хотѣвшихъ побудить чужеземцевъ къ нашествію на королевство. Елизавета не осмѣлилась еще подвергнуть ему потлаудскую королеву, подлинное письмо которой къ Бэбингтону, сверхъ ожиданія, не было найдено. Сверхъ того Елизавета, жившая въ страхѣ, боялась, какъ бы, подвергнуть Марію суду, не вызвать отчаяннаго предпріятія противъ своей особы. Поэтому сначала были обвинены только Бэбингтонъ, Баларъ, Сэведжъ и ихъ соучастники. Уличенные очевидными доказательствами, они все признали себя виновными и были осуждены на ужасную казнь, которая обыкновенно назначалась за государственную измѣну. Чтобы утѣшить всехъ тѣхъ, кто вздумалъ бы послѣдовать ихъ примѣру осужденныхъ не избавилъ ни отъ одного изъ наказаній, предписанныхъ англійскими законами. 20 сентября Бэбингтонъ, Сэведжъ, Баларъ, Барнуэль, Тильней, Абингтонъ, Тичбэрнъ, были приведены въ Сентъ-Гильдъ, гдѣ собирались они на совѣщанія, и здѣсь живо вынули имъ внутренности, въ присутствіи народа, объятаго ужасомъ и отвращеніемъ. На другой день принуждены были сократить и смягчить казнь остальныхъ семи заговорщиковъ.

Сознавая себя виновнымъ, Бэбингтонъ призналъ подлинность своей переписки съ Марією и, не смотря на то, что письмо, написанное имъ къ ней и полученный на него отвѣтъ сохранялись только въ коніи, онъ подтверждалъ подлинность ихъ содержанія формальнымъ объявленіемъ и помѣтилъ каждую страницу своей подписью. Точно также Тичбэрнъ признался, что онъ помогалъ Бэбингтону разбирать условные знаки, которыми было написано длинное письмо шотландской королевы, а Баларъ и Доннъ объявили, что имѣли съ нею конію. Но это письмо не было написано рукой самой Маріи Стюартъ. Оба секретари ея, Но и Керль, отвергли его подлинность. Ихъ отвели въ домъ Уэльсингэма, и отдали подъ его надзоръ. Зная, что они могутъ навлечь на себя наказаніе, равное съ наказаніемъ ихъ государыни, если будутъ свидѣтельствовать противъ нея, потому что это сдѣлало бы ихъ соучастниками ея, они хранили сначала молчаніе, сколько изъ страха, столько изъ вѣрности. Это поняли въ одно и то же время Бёрлей и Уэльсингэмъ; они совѣтовали отдѣлать интересы Но и Керля отъ интересовъ королевы, у которой эти лица были только слугами, говоря, что иначе нельзя склонить ихъ къ измѣнѣ, какъ успокоивъ ихъ относительно послѣдствій ихъ признанія. И такъ Но и Керлю стали грозить пыткой, если они будутъ упорствовать въ своемъ молчаніи, и обѣщали имъ свободу, если они согласятся говорить. Тогда эти два слабые служителя прервали честное и опасительное молчаніе, соблюдаемое ими до сихъ поръ. Они открыли, какимъ образомъ Марія Стюартъ вела обыкновенно свою тайную переписку. Запершись съ ними въ кабинетѣ, она диктовала Но главные пункты своихъ депешъ, которые потомъ онъ составлялъ и отдавалъ королевы, для исправленія. Затѣмъ они передавались Керлю, который переписывалъ ихъ условными знаками и отсылалъ. Не объявляя, что письмо къ Бэбингтону, написанное большою частью

рукой самой госпожи его, было отдано ему ею и переведено на условные знаки Керломъ. Эти первыя показанія были признаны недостаточными; отъ секретаря Маріи потребовали болѣе точныхъ объясненій и онъ, боясь быть отосланнымъ въ Товеръ, гдѣ съ обвиняемыхъ снимали допросъ подъ пыткой, сдѣлалъ еще нѣкоторыя показанія. Онъ признался, что его государыня приняла полное участіе въ заговорѣ, относительно высадки въ Англій; что же касается до заговора противъ жизни Елизаветы, то, извѣщенная только о существованіи его, она не пыталась узнать ничего болѣе на этотъ счетъ и въ тоже время не считала необходимымъ доносить о немъ. Наконецъ, при послѣднемъ допросѣ, которому подвергли его 21 сентября, послѣ ужасной казни четырнадцати заговорщиковъ, онъ былъ еще откровеннѣе. Онъ сказалъ, что Керль разобралъ условныя цифры, которыми было написано письмо Вэбингтона, и что онъ самъ написалъ, подъ диктовку своей госпожи, главные пункты ея отвѣта къ Вэбингтону, относительно силъ, которыми могли располагать заговорщики; мѣсть, въ которыхъ эти силы должны соединиться; средства шести дворянъ, взявшихся убить Елизавету; средствъ, при помощи которыхъ ее самую освободятъ изъ тюрьмы; наконецъ всадниковъ, которыхъ должны имѣть при себѣ шестеро дворянъ, чтобы немедленно извѣстить объ успѣхѣ своего намѣренія тѣхъ, кому поручено было освободить ее. Кромѣ того нашли между бумагами Но, захваченными въ Чартлѣ, записку его руки, содержащую извлеченіе изъ писемъ Вэбингтона и Маріи, и въ которой встрѣчалось слово, *ударъ*, относившееся, по объясненію Но, къ проекту убійства Елизаветы. Керль сдѣлалъ подобныя же показанія, прибавивъ, что королева приказала ему сжечь копию на англійскомъ языкѣ съ писемъ, посланныхъ къ Вэбингтону, къ которому онъ записывалъ ее не писать.

Признанія обоихъ секретарей Маріи Стюартъ и собственноручная записка Но подтвердили показанія Вэбингтона и его соучастниковъ. Елизавета надѣялась теперь, что она въ состояніи обвинить несчастную королеву, которую держала въ теченіе девятнадцати лѣтъ въ плѣну. Но достанетъ ли у нея на это смѣлости? Рѣшится ли она вызвать предъ трибуналъ изъ своихъ собственныхъ подданныхъ государыню, и посягнуть такимъ образомъ на неприкосновенность королевской особы? Неужели, оскорбивъ такъ гнусно международное право лишеніемъ Маріи Стюартъ, ради государственнаго интереса, свободы, она нанесетъ еще болѣе тяжкое оскорбленіе уважаемымъ до сихъ поръ правамъ короны, лишивъ шотландскую королеву жизни, для своей собственной безопасности? Неужели она не отступитъ предъ страхомъ возбудить негодованіе всѣхъ королей и прибавитъ къ страшной неприязни могущественнаго монарха, котораго всѣ католики Европы признаютъ своимъ главою, почти неизбежную неприязнь своихъ близкихъ сосѣдей и полезныхъ союзниковъ, королей французскаго и шотландскаго, предавая смертной казни невѣстку одного и мать другаго? Не смотря на эти причины и опасенія, Елизавета, съ неслыханной дерзостью и притворствомъ, рѣ-

шила достигнуть своей цѣли. Она положила предать суду, осудить и погубить королеву, которой подданныхъ она возмutilа, предложенія—отвергла, довѣренность—обманула, сына—соблазнила, давъ ему право составлять заговоры, и присвоивъ себѣ право удерживать его мать въ заключеніи;—королеву, которую ея министръ Уэльсингэмъ такъ вѣроломно вовлекъ въ западно заговора, выданнаго раньше и не представлявшаго никакого вѣроятія успѣха, а одну только погибель.

ГЛАВА ОДИННАДАТАЯ.

Рѣшеніе предать Марію Стюартъ суду подверглось нѣкоторымъ преніямъ, прежде чѣмъ оно было принято окончательно. Англійское правительство, уже не разъ имѣвшее въ виду лишить жизни эту несчастную королеву, думало, что, наконецъ, нашлась возможность избавиться отъ нея, и отъ опасностей, которымъ оно подвергалось, девятнадцать лѣтъ удерживая ее въ плѣну. Участь Маріи Стюартъ, рѣшонная сначала Елизаветою и Бёрлессемъ, была отдана на разсмотрѣніе тайнаго совѣта. Нѣкоторые члены этого совѣта думали, что достаточно было бы лишить ее окончательно всякаго вліянія, сдѣлавъ ея заключеніе еще болѣе строгимъ; но другіе, совѣтовали предать ее смерти, предполагая, что такимъ образомъ они защитятъ жизнь своей государыни, и обезпечатъ торжество протестантизма. Лейстера обвиняли въ томъ, что будто бы онъ предложилъ дѣйствовать тайнымъ путемъ отравы, между тѣмъ какъ Уэльсингэмъ предпочиталъ судебный приговоръ. Последнее мнѣніе одержало верхъ. Но въ силу какого закона можно было призвать Марію Стюартъ на судъ? Статутъ двадцать пятаго года царствованія Эдуарда III, полагавшій смертную казнь для виновныхъ въ заговорахъ противъ особы короля, въ возбужденіи внѣшней войны противъ королевства, и въ сношеніяхъ съ его врагами, какъ за государственную измѣну, казался примѣнимымъ въ этомъ случаѣ. Но сочли за лучшее прибѣгнуть къ постановленію предшествовавшаго года, изданному вслѣдствіе знаменитаго акта союза, и назначавшему смертную казнь каждому, кто изъявлялъ притязаніе на англійскую корону, или стремился къ тому, чтобы отнять ее у Елизаветы, при помощи чужестраннаго нашествія, или заговора противъ ея особы.

На основаніи этого постановленія. Марія Стюартъ была обвинена 5 октября 1586 года въ засѣданіи верховнаго суда, составленнаго изъ самыхъ значительныхъ чиновъ и пророкъ Англій важнѣйшихъ членовъ королевскаго совѣта, и самыхъ искусныхъ судей и юристовъ страны. Эта коммиссія, состоявшая, подъ предсѣдательствомъ канцлера Бромлея, изъ сорока шести членовъ, почти въ полномъ своемъ составѣ отправилась въ замокъ Фотрингэй, въ графствѣ Нортэмптонъ, гдѣ должно было разыгратъя послѣднее дѣйствіе этой длинной трагедіи. Обвиняемая королева 6 октября была привезена туда же своимъ стражемъ, сэромъ Амисомъ Полетомъ, тайнымъ совѣтникомъ, сэромъ Уальтеромъ Майльдмэемъ, и нотариусомъ Баркеромъ.

Здѣсь она получила письмо Елизаветы, которая упрекала ее за участие въ заговорѣ противъ ея государства и ея особы, и повелѣвала ей отвѣчать на обвиненія по этому предмету, передъ судьями, облеченными силою закона, подъ покровительствомъ котораго она живетъ, и которому должна подчиняться.

Прочитавъ въ присутствіи Полега и Майльмэя это письмо, написанное строгимъ и повелительнымъ тономъ, Марія не обнаружила сначала волновавшихъ ее чувствъ. Она сказала съ горькой ироніей, что ея сестра плохо знаетъ относившіяся къ ней обстоятельства, и припомнила при этомъ случаѣ много своихъ собственныхъ неудовольствій, равно какъ и презрѣніе, которымъ отвѣчали на ея предложенія. Находя страннымъ повелительный тонъ, принятый въ отношеніи къ ней англійской королевою, которая, казалось, ожидала отъ нея отвѣта судьямъ, какъ будто бы отъ своей собственной подданной, она вскричала, покраснѣвъ: «Какъ, неужели ваша государыня не знаетъ, что я родилась королевою? неужели она думаетъ, что я унижу свой санъ, свое государство, родъ, отъ котораго я происхожу, сына, который долженъ мнѣ наследовать, иностранныхъ королей и государей, права которыхъ будутъ оскорблены въ моемъ лицѣ,—неужели она думаетъ, что я унижу все это, повинаясь подобному письму? Никогда. Хотя я по видимому уничтожена, но мое сердце мужественно и не подчинится никакому униженію.»

Она прибавила, кромѣ того, что у нея отняли ея бумаги, ея содѣланныхъ, окружили ее врагами; что она не знаетъ законовъ и постановленій королевства, въ которомъ едва ли найдутся цѣры, компетентные для суда надъ нею, и утверждала, что она невинна. «Я, сказала она наконецъ, не задумывала и не поощрала никакого покушенія противъ вашей государыни. Я убѣждена, что ни въ чемъ подобномъ меня нельзя обвинить, хотя я признаюсь добровольно въ томъ, что когда моя сестра отвергла мои предложенія, то я поручила и себя и свое дѣло заботамъ иностранныхъ государей.»

Отказъ Маріи признать судебный приговоръ, не только былъ сообразенъ съ величіемъ ея сана; въ немъ, кромѣ того заключалось средство безопасности для ея особы. Если бы она стояла на своемъ до конца, то трудно было бы осудить ее, не выслушавъ, и сдѣлалось бы невозможнымъ возвести на эшафотъ королеву, во исполненіе приговора некомпетентныхъ подданныхъ другой королевы. Сначала она, казалось, поняла это, и принимала главнѣйшихъ комиссаровъ только у себя въ комнатѣ. Она много разъ видѣлась съ лордомъ канцлеромъ, и лордомъ казначеемъ, которыхъ она приводила въ смущеніе ловкостью своихъ энергическихъ возраженій.

Елизавета, извѣщенная о ея гордыхъ отвѣтахъ и упорномъ отказѣ, предписала комиссарамъ приступить къ судебному разбирательству не смотря ни на что; но она запретила имъ провозносить приговоръ до тѣхъ поръ, пока они возвратятся и представятъ ей отчетъ обо всемъ дѣлѣ. Она старалась въ то же время, съ большимъ искусствомъ, поколебать рѣшимость Маріи, бросивъ ей лучъ надежды на смягченіе своей строгости, если та обнаружитъ больше уступчивости,

«Вы пытались, говорила она ей, различными путями отнять у меня жизнь, и погубить мое государство кровопролитіемъ. Я никогда не поступала съ вами такъ жестоко, но напротивъ, я охраняла васъ какъ будто бы вы—другая я. Эти измѣны будутъ доказаны вамъ, и обнаружены. По этому будетъ лучше если вы станете отвѣчать моему дворянству и прѣамъ моего королевства, какъ вы сдѣлали бы это въ моемъ присутвіи. Я приказываю вамъ это. Я слышала о вашей надменности; но будьте откровеннѣе, и съ вами будутъ поступать съ большою благосклонностью.»

Эти послѣднія слова, которыя должны были бы узавить Марію, поколебали ее. Еще болѣе увлеклась она внушеніями вице-камергера Гэттона. Этотъ любимецъ Елизаветы, знавшій, вѣроятно, ея намѣренія, заклиналъ Марію отвѣчать, для того чтобы ея молчаніе не было принято за признаніе, и чтобы процессъ не вздумали вести въ ея отсутствіе. «Вы обвинены, сказалъ онъ ей, но не осуждены. Вы—королева, это правда, но королевское достоинство не избавляетъ отъ обязанности отвѣчать на обвиненіе въ такихъ преступленіяхъ, преслѣдовать которыя не могутъ запретить ни законы гражданскіе, ни законы церковные, ни право международное, ни право естественное. Если вы невинны, то комиссары королевы, люди благоразумные и справедливые, отъ всего сердца обрадуются, когда вы имъ докажете это. Сама королева, повѣрьте мнѣ, будетъ очень довольна. Когда я уѣзжалъ, она увѣряла меня, что для нея ничего не можетъ быть больнѣе, какъ видѣть, что васъ обвиняютъ въ подобномъ преступленіи. И такъ, отложите въ сторону эти пустыя привилегіи королевскаго достоинства, которыя теперь не могутъ принести пользы; явитесь на судъ, поддержите вашу невинность, не дѣлайте себя подозрительною, избѣгая процесса, и не позволяйте замарать ваше доброе имя вѣчнымъ пятномъ.» Бѣрлей прибавлялъ, что завтра будетъ начатъ процессъ противъ нея, если бъ даже она и не явилась. Проведя ночь въ тревожной неизвѣстности, Марія согласилась явиться на судъ.

14 октября, въ сопровожденіи отряда алебардистовъ, и опираясь на руки своего домоправителя, сэра Андру Мельвиля и своего доктора, Бургойна, потому что ей трудно было ходить, она спустилась въ большую залу Фотрингэя, гдѣ засѣдали комиссары, составлявшіе трибуналъ. Въ глубинѣ этой залы, подъ балдахиномъ, надъ которымъ возвышался одинъ только гербъ Англій, стояло пустое кресло, назначенное для отсутствующей королевы Елизаветы. По обѣимъ сторонамъ балдахина, были расположены, въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ ихъ званію, различные комиссары: по правой — лордъ канцлеръ Бромлей, лордъ великій казначей Бѣрлей, графы: Оксфордъ, Кентъ, Дерби, Уорстеръ, Рутлендъ, Кэмберлендъ, Уорвикъ, Пемброкъ, Линкольнъ и виконтъ Монтегю; по лѣвой—лорды Эбергвенни, Зоучъ, Морлей, Стэффордъ, Грэй, Лэмлей и другіе пэры, вмѣстѣ съ лордомъ тайнаго совѣта Крофтсомъ, Гэттономъ, Уэльскагомомъ, Сэдлеромъ, Майльдмэемъ и Полетомъ. Немного впередъ ихъ находились, направо, великіе судьи Англій и первый баронъ казна-

чества, а шлѣво—прочіе судьи и бароны, съ двумя докторами гражданскаго права. По срединѣ, вокругъ стола, засѣдали генералъ-атторней королевы Поппгэмъ, ея соллиситоръ Эджертонъ, коронный юрисконсультъ Годи, и коронный клеркъ Томасъ Чауэль, съ двумя писцами для записыванія допроса. Нѣсколько сосѣднихъ дворянъ, допущенныхъ въ присутствіе, стояли за перилами отдѣлявшими судей.

Марія Стюартъ, представъ передъ этимъ почтеннымъ собраніемъ, съ достоинствомъ поклонилась лордамъ. Когда ее подвели къ бархатному креслу, приготовленному для нея, и когда она увидѣла, что оно поставлено не подъ багдахиномъ, а внизу, то, казалось, почувствовала это униженіе и проговорила съ гордостью: «Я королева, я была женою короля Франціи, и мое мѣсто должно быть тамъ.» Потомъ она обвела печальнымъ взглядомъ это торжественное собраніе лордовъ, государственныхъ людей, юрисконсультовъ, и садясь прибавила: «Увы, здѣсь много совѣтниковъ, но нѣтъ никого, расположеннаго въ мою пользу.»

Канцлеръ Бромлей всталъ, изложилъ причины, побудившія королеву англійскую предать суду королеву Шотландіи, и объявилъ, что еслибы она и не сдѣлала этого, то заслужила бы обвиненія въ беззаботности о дѣлѣ Божьемъ, и въ томъ, что она напрасно держитъ въ рукахъ мечъ правосудія. За тѣмъ коронный клеркъ началъ читать повелѣніе, которымъ утверждался трибуналъ. Выслушавъ его, Марія Стюартъ начала говорить; она напомнила о несправедливо-унизительномъ обращеніи, какому она подверглась въ Англии, куда она пріѣхала, какъ другъ и просительница, и гдѣ была задержана, какъ плѣнница. Она сказала членамъ верховнаго суда, что вовсе не признаетъ дѣйствительности постановленія, въ силу котораго они наизвѣрены судить ее; что какъ свободная государыня и помазанная королева, она не зависитъ ни отъ кого, кромѣ Бога. Она прибавила, что станетъ отвѣчать имъ только въ предѣлахъ допускаемыхъ этому протестаціей. Лордъ казначей Бёрлей возразилъ ей, что каждый, живущій въ королевствѣ, находится въ зависимости отъ его законовъ, противъ которыхъ она не должна была спорить, и на основаніи которыхъ будутъ судить ее.

Коронный юрисконсультъ Годи, изложивъ ходъ послѣдняго заговора, утверждалъ, что Марія Стюартъ принимала участіе не только въ проектѣ вторженія въ Англию, но также и въ проектѣ умерщвленія королевы Елизаветы, который ею былъ составленъ, одобряемъ и поддерживаемъ. Письма Моргана, Пэджета, Мендозы, архіепископа Гласгоскаго, Энгельфильда, доктора Льюиза, доктора Оллена, ея собственныя, признанія Вэбингтона и другихъ заговорщиковъ, находившіяся въ засвидѣтельствованныхъ копіяхъ на столѣ чиновниковъ королевы, а равно письменныя признанія Но и Керля были представлены въ доказательство ея соучастія въ заговорахъ. Марія Стюартъ отреклась сначала отъ всякихъ сношеній съ Вэбингтономъ. Она объявила, что никогда не видѣла его, что онъ никогда къ ней не писалъ, а она никогда ему не отвѣчала. Она спросила,

какимъ образомъ, еслибы письма Бэбингтона и были действительными, можно доказать, что она получала ихъ; и потребовала, чтобы ей представили ея собственныя письма къ нему, въ доказательство что она ему отвѣчала.

На это ей прочли, но только въ копіи, длинное письмо Бэбингтона отъ 6-го іюля, въ которомъ онъ сообщалъ ей цѣль заговора и средства для его исполненія, а также письмо отъ 17 іюля, которое, какъ говорилось, въ обвиненіи, она послала къ Бэбингтону, чтобы вовлечь его въ свои намѣренія. Прочитавъ ей также письменныя признанія Бэбингтона, Тичбёрна, Балара и Донна, генералъ-атторней также какъ и лордъ казначей утверждали, что ничего не можетъ быть яснѣе и безспорнѣе, какъ участіе, принятое королевой шотландской въ заговорѣ. Безъ малѣйшаго колебанія и съ чрезвычайною живостью Марія Стюартъ возразила, что эта воображаемая очевидность основывается только на копіяхъ съ документовъ, подлинники которыхъ не представлены, и на свидѣльствѣхъ людей, которыхъ она никогда не видѣла. — Пусть представляютъ, сказала она, подлинники, если только они существуютъ, и тогда я разсматриву ихъ и стану опровергать. Въ ожиданіи пока сдѣлають ей это, она объявила, что торжественно протестуетъ противъ обвиненій, которыя возведены на нее. «Я не отрицаю, прибавила она со вздохомъ, что желала свободы и серьёзно заботилась о томъ, чтобы получить ее. Это было естественнымъ побужденіемъ; но призываю Бога во свидѣленіе того, что я никогда не дѣлала заговоровъ противъ жизни королевы англійской и никогда не давала своего согласія на составленіе подобныхъ заговоровъ. Я признаюсь, что писала къ моимъ друзьямъ и просила ихъ помощи для того, чтобы вырваться изъ жалкихъ тюремъ, въ которыхъ девятнадцать лѣтъ меня удерживаютъ въ заключеніи. Я признаюсь также, что часто писала въ защиту преслѣдуемыхъ католиковъ, для которыхъ я готова была бы пролить мою собственную кровь, еслибы этымъ могла избавить ихъ отъ угнетенія. Но писемъ, представленныхъ противъ меня, я никогда не писала, и не стала бы отвѣчать на опасныя намѣренія людей, доведенныхъ до отчаянія и цѣизвѣстныхъ мнѣ.

Ловкость, съ какою Марія Стюартъ защищалась, опровергая доказательства своей виновности со всѣхъ сторонъ, гдѣ они представляли возможность къ этому, принудила лорда казначей Берлея возражать ей. Онъ изложилъ исторію заговора, опираясь на письма, которыя меньше всего можно было оспаривать; разсказавъ, основываясь на показаніяхъ Но и Кёрля, какимъ образомъ Марія Стюартъ вела свою тайную переписку и какъ она отвѣчала Бэбингтону; утверждалъ подлинность письма, которое отправляли Но и Кёрль, какъ они сами показали это, въ полученіи котораго признался Бэбингтонъ, о которомъ знали Тичбёрнъ, Баларъ и Доннъ, и которое было написано знаками, ключъ къ которымъ найденъ какъ у Бэбингтона, такъ и въ ея бумагахъ; онъ утверждалъ, что соучастіе Маріи очевидно изъ самого содержанія этого письма, вполне согласнаго съ признаніемъ Бэбингтона и свидѣтельствомъ Но и Кёрля, что она не

не только знала о заговорѣ, но и дала на него свое согласіе. Сильные аргументы лорда казначея не могли смутить смѣлый умъ королевы шотландской.

До нея мало касается, отвѣчала она, объясненіе Пэбингтона. Она не знаетъ его и не можетъ сказать, было ли то, что выдавали за его признаніе, написано его рукою, или нѣтъ. Почему же не поставили ее на очную ставку съ нимъ до казни? Это было бы средствомъ узнать истину. Но можетъ быть не хотятъ узнать ее? То же было и съ ея двумя секретарями, Но и Керлемъ. Безъ сомнѣнія, они еще находятся въ живыхъ; для чего же ихъ нѣтъ здѣсь, когда такимъ образомъ можно было бы удостовѣриться, рѣшатся ли они въ ея присутствіи утверждать то, что показали безъ нея? Керль — человекъ простой, но честный, она не сомнѣвается въ этомъ. Секретарь Но способенѣе его, обладаетъ большими талантами, однакоже, — хотя онъ былъ секретаремъ кардинала Лотарингскаго, который ей рекомендовалъ его чрезъ французскаго короля, — она не увѣрена, чтобы страхъ наказанія и надежда награды не побудили его сдѣлать противъ нея ложное показаніе и вовлечь въ него Керля, изъ котораго онъ дѣлалъ все что хотѣлъ. Ея секретари, правда, писали ея письма и передавали ихъ на цифры; но она нисколько не увѣрена въ томъ, что они не включали туда вещей, которыхъ она вовсе не дѣлала. Развѣ невозможно было, чтобы они получали письма къ ней, не передавая ихъ, и чтобы они отсылали безъ ея вѣдома другія отъ ея имени и написанныя знаками, какія употребляла она? «Могутъ ли, прибавила она съ силою и достоинствомъ, — могутъ ли признать меня, королеву, виновною на основаніи доказательствъ подобнаго рода? Не будетъ ли это свидѣтельствовать, что величество и неприкосновенность государей не значатъ ничего, если они должны будутъ защищать себя отъ писемъ и показаній своихъ секретарей? Я требую того преимущества, чтобы меня судили только на основаніи моихъ словъ и моихъ собственноручныхъ писемъ, и я убѣждена, что въ нихъ не найдется ничего, свидѣтельствующаго противъ меня».

Во время этого спора, Марія нѣсколько разъ энергически жаловалась на то, что не могла прибѣгнуть къ своимъ бумагамъ, которыя были украдены у нея. Она хотѣла даже обвинить Уэльсингэма въ подмѣнѣ азбуки употребляемыхъ ею знаковъ, и защитники этой несчастной королевы въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ позорили этимъ обвиненіемъ память не слишкомъ совѣстливаго секретаря Елизаветы. «Чѣмъ могу быть я убѣждена, сказала она ему, въ томъ, что это тѣ знаки, которые употребляла я?» И потомъ, съ запальчивостью обращаясь къ нему, она прибавила: «Развѣ вы думаете, господинъ секретарь, что мнѣ неизвѣстны тѣ пропуски, которые вы вели противъ меня съ такою хитростью? Ваши шпіоны окружали меня со всѣхъ сторонъ, но вы, быть можетъ, не знаете, что нѣкоторые изъ нихъ дѣлали ложныя показанія и сообщали мнѣ объ этомъ. А если со мной поступали такимъ образомъ, продолжала она, обращаясь ко всему собранію, то могу ли я быть убѣждена, что онъ не

поддѣлалъ употребляемые мною знаки для того, чтобы привести меня къ осужденію на смерть? Развѣ онъ не составлялъ тайныхъ козней противъ моей жизни и противъ жизни моего сына?»

Это прямое и грозное нападеніе смутило Уэльсннгэма, который немедленно поднялся и сказалъ съ большою энергіей: «Призываю Бога во свидѣтели, что я, какъ лицо частное, не сдѣлалъ ничего неприличнаго честному человѣку, ни, какъ слуга моей государыни, — ничего, что было бы недостойно моего званія. Я объявилъ себя въ пользу обвиненія, такъ какъ меня очень заботитъ безопасность королевы и государства. Я со всевозможною тщательностью разсѣдывалъ всѣ интриги, направленные противъ нихъ. Еслибы этотъ измѣнникъ Баларъ оказалъ мнѣ свою помощь въ этомъ дѣлѣ, то я бы не отвергнулъ ея.» Послѣ непродолжительныхъ разсужденій засѣданіе верховнаго суда было отложено на-завтра.

На другой день Марія Стюартъ, защищаясь, уже не опровергла всего, какъ дѣлала это наканунѣ. Она снова отвергла юрисдикцію суда. Послѣ того она продолжала настоятельно поддерживать свою невинность. «Я желала, говорила она, принятія мѣръ къ безопасности католиковъ, но никогда не желала достиженія этихъ результатовъ путемъ крови и убійства. Я предпочла роль Эсфирь роли Юдифи и я лучше хотѣла ходатайствовать предъ Богомъ за народъ, нежели лишитъ жизни послѣдняго изъ народа.» Однакоже она признала свои подлинныя письма къ Моргану, Пэджету и Мендозѣ, отъ которыхъ нельзя было отпереться и согласилась даже, что ея секретари, дѣйствуя согласно ея приказаніямъ, передали вѣкоторыя бумаги Бэбингтону. Она старалась доказать, что эти письма и бумаги относились единственно къ ея освобожденію и бѣгству, для которыхъ она должна была прибѣгнуть даже къ плану вторженія чужеземцевъ въ Англію. Но, сказали ей юристы королевы, вы не могли прибѣгать къ подобнымъ средствамъ для своего освобожденія, не нарушивъ тѣмъ законовъ государства, въ которомъ находились и не угрожая жизни королевы. Нападеніе на королевство и смерть королевы нераздѣльно соединены между собою, и за однимъ неизменно слѣдуетъ другое. Уже чрезъ самый успѣхъ вторженія ея величество теряетъ и государство и жизнь. Хотя Марія Стюартъ не отрицала своего участія въ планѣ нападенія на Англію, въ который она была вовлечена жестокой необходимостью, и даже соглашалась, что имѣла намѣреніе передать англійское наследство испанскому королю, однакоже она продолжала энергически отрицать прокъ покушенія на жизнь Елизаветы, постоянно отвергая свидѣтельство Бэбингтона, Но и Керля.

Въ этомъ новомъ спорѣ, гдѣ ея главнымъ противникомъ опять былъ Берлей, она выказала трогательное благородство. Желаніе защитить свое достоинство дѣлало ее краснорѣчивою, а сознаніе безвыходности своего положенія заставляло проливать слезы. «Какъ несправедливо, говорила она, поступаютъ со мною! Мои письма перерыты и ихъ смыслъ извращенъ; подлинники ихъ похищены у меня. Не обращено ни малѣйшаго вниманія на исповѣдуемую мною религію и на священное званіе королевы, которымъ я облечена. Если

ми насъ, милорды, ничего не значатъ мои личныя чувства, то подумайте, по крайней мѣрѣ, о королевскомъ достоинствѣ, которое вы оскорбляете въ моемъ лицѣ; подумайте какой примѣръ подаете вы.» Потомъ, взывая къ Богу и иностраннымъ государямъ противъ несправедливости обращенія съ ней, она вскричала: «Я вступила въ эту страну, довѣряясь дружбѣ королевы англійской»,—и снявъ съ своего пальца перстень, который она показала своимъ судьямъ, прибавила: «Вотъ, милорды, залогъ любви и покровительства, полученный мною отъ вашей царственной повелительницы. Посмотрите на него хорошенько. Въ немъ заключалась моя надежда, когда я явилась среди васъ. Вамъ лучше чѣмъ кому нибудь другому извѣстно, какое уваженіе было оказано этому залогу!» Она требовала, чтобы ее выслушали въ полномъ собраніи парламента, или чтобы ей доставили свиданіе съ Елизаветою, и сказала въ заключеніе: «какъ обвиненная, я прошу права имѣть адвоката, который защищалъ бы мое дѣло; какъ королева, я требую, чтобы вѣрили моему королевскому слову».

Но она уже не являлась болѣе ни передъ комиссарами, ни въ присутствіи палаты, ни предъ лицомъ королевы. Коммиссары произнесли бы немедленно свой приговоръ, если бы ихъ не удержало тайное повелѣніе Елизаветы. Сообразуясь съ письмомъ этой королевы, нерѣшительность и медленность которой приводили въ раздраженіе нетерпѣливаго Уэльсингэма, комиссары отложили приговоръ до собранія въ Вестминстерѣ, назначеннаго 25 октября. *Королева Жемка*, какъ Бёрлей называлъ въ насмѣшку бѣдную плѣнницу, была оставлена въ Фотрингѣ подъ надзоромъ своего необходимого стража. 25 октября комиссары собрались въ Звѣздной залѣ Вестминстера. Они возобновили изслѣдованіе дѣла и подвергли Но и Кёрля новому допросу въ своемъ присутствіи, выслушивая такимъ образомъ въ Фотрингѣ обвиненную безъ свидѣтелей, а въ Вестминстерѣ—свидѣтелей безъ обвиненной.

Въ этомъ судопроизводствѣ, установленномъ противъ права и вѣденномъ съ полнымъ презрѣніемъ къ формамъ, вовсе не было очныхъ ставокъ. Секретари Маріи Стюартъ публично подтвердили свои показанія и въ тотъ же день комиссарыединогласно произнесли приговоръ надъ несчастною королевой. Въ этомъ приговорѣ, подписанномъ всѣми присутствующими, было сказано, что съ перваго іюня двадцать седьмага года царствованія Елизаветы Антоніемъ Эбингтономъ и другими были ведены различныя интриги съ вѣдома шотландской королевы, которая, изъявляя притязанія на англійскую корону, приняла участіе въ этихъ заговорахъ, имѣвшихъ цѣлью ниспроверженіе и смерть королевы, ихъ повелительницы. Коммиссары, бывшіе искусными политиками и неумолимыми судьями, руководимые Барлеемъ, хотѣли сохранить доброе согласіе съ сыномъ, жертвуя матерью; они объявили, что ихъ приговоръ нисколько не вредитъ чести и правамъ шотландскаго короля, которому въ будущемъ они сохраняли надежду на тронъ Англій, чтобы такимъ образомъ отвратить его отъ исполненія обязанностей приманкою личныхъ интересовъ.

Черезъ нѣсколько дней англійскій парламентъ собрался въ Вест-

минстеръ. Онъ подтвердилъ приговоръ, произнесенный надъ королевой шотландской, которую хитрая, но благоразумная Елизавета хотѣла погубить актомъ, имѣвшимъ видъ правосудія и народной воли. Лорды и члены палаты общинъ, соединяя признательность съ фанатизмомъ, преданность съ жестокостью, благодарили Провидѣніе и мудрость королевы, разстроившія заговоръ противъ жизни ихъ достойнѣйшей и милостивой королевы, безопасностью которой составляла ихъ единственное счастье,—заговоръ, который разрушилъ бы благосостояніе этого благороднаго королевства и подвергъ бы истинныхъ слугъ Всемогущаго и независимость этой прекрасной короны, владычеству римской тиранніи. Они требовали, чтобы шотландская королева была наказана за этотъ гнусный заговоръ, а также и за тѣ, которые задуманы были ею прежде. «Не сдѣлавъ этого, говорили они Елизаветѣ, вы подвергнетесь гнѣву небесному и карѣ правосудія Бога, жестокія примѣры которыхъ мы встрѣчаемъ въ книгахъ священнаго писанія».

Елизавета отвѣчала имъ, выражая при этомъ случаѣ глубокую благодарность къ милосердію Божию, такъ чудесно избавившему ее отъ столькихъ опасностей. Она, казалось, была тронута сердечною привязанностью своихъ подданныхъ, которые, послѣ двадцати-восьми-лѣтняго царствованія ея, выражали къ ней большое расположенія, чѣмъ въ день ея вступленія на тронъ. Она говорила о несчастной, чьей смерти отъ нея требовали, болѣе съ сожалѣніемъ, чѣмъ съ ненавистію, и окончила свою рѣчь словами: «Не принуждайте меня къ торопливости: это дѣло очень важное, а я имѣю привычку долго разсуждать, даже о незначительныхъ дѣлахъ, прежде чѣмъ приму какое нибудь рѣшеніе. Я буду просить Всемогущаго Бога, чтобы Онъ просвѣтилъ мой разумъ, и показалъ мнѣ, что можетъ служить ко благу его церкви, благоденствію моего народа и вашей собственной безопасности.»

Черезъ два дня послѣ того, волнуемая неопредѣленными мыслями и верѣшаясь утвердить такой ужасный приговоръ, Елизавета послала въ верхнюю палату лорда канцлера и предсѣдателя общинъ Пэккеринга—въ нижнюю, съ просьбою къ той и другой—прискать какое нибудь средство для предохраненія ея личной безопасности, пощадивъ жизнь шотландской королевы. Обѣ палаты снова обсудили этотъ вопросъ и, 18 ноября, единогласно отвѣчали, что королева англійская будетъ находиться въ опасности до тѣхъ поръ, пока Марія Стюартъ останется въ живыхъ; во первыхъ потому, что чистосердечнаго раскаянія со стороны послѣдней ожидать нельзя; во вторыхъ потому, что болѣе тѣсное заключеніе ея, при письменныхъ обязательствахъ и даже при выдачѣ заложниковъ, сдѣлается бесполезнымъ, въ случаѣ умерщвленія англійской королевы; а въ третьихъ потому, что ея удаленіе изъ государства неминуемо повлечетъ за собою вооруженное вторженіе въ Англію иностранцевъ. «Если справедливый приговоръ, произнесенный противъ нея, говорили въ палаты Елизаветѣ, не будетъ приведенъ въ исполненіе, то osoba вашего величества остается въ большой опасности, религія не можетъ долго сохраняться между нами, и

дѣйствующему состоянію этого государства грозить близкая и плачевная гибель. Оказывая ей пощадку, ваше величество не только поощряете дерзость враговъ Бога, вашей власти, вашего королевства: вы приводите въ уныніе и отчаяніе сердца вашего преданнаго народа и искушаете мѣсть и кару Божию. Указавъ на самые страшныя примѣры изъ древней и средней исторіи и изъ библіи, лордъ канцлеръ и предѣдатель нижней палаты Пэккерингъ, при представленіи своей королевы, въ Ричмондскомъ замкѣ, этой кровавой просьбы двухъ палатъ, молили небо склонить ея сердце къ исполненію ихъ справедливыхъ требованій.

Этого безъ сомнѣнія и хотѣла Елизавета. Нетерпѣливо желать, но казаться дѣйствующею по принужденію — было для нея тѣмъ болѣе по душѣ, что она приобрѣтала поддержку своихъ подданныхъ, сдѣлавшихся чрезъ это ея жаркими соучастниками и на нихъ же сваливала вину этой полезной жестокости. Однакоже она еще не сдавалась и отвѣчала имъ съ запутанною двусмысленностью. Она сказала, что никогда во всю свою жизнь не была еще въ подобномъ затрудненіи, и не знаетъ говорить ей или молчать; что она желала бы спасти свою жизнь, не жертвуя для этаго чужою; что ей кажется жестокимъ казнить такую великую государыню и допустить чтобы палачъ омочилъ свои руки въ крови столь близкой ея родственницы. Распространившись потомъ объ опасностяхъ своего положенія, о злобѣ своихъ враговъ, о сомнѣніяхъ своего ума, о тревогахъ своего сердца, она отпустила ихъ съ словами: «Если я соглашусь на вашу просьбу, то этихъ, можетъ быть, скажу болѣе, чѣмъ что я думаю о ней; если же я отвергну ее, то чрезъ это сама брошусь въ опасность, отъ которой вы хотите меня забыть. Прощу васъ, примите мою благодарность и мой колебаніа, и не сѣуйте на отвѣтъ, который въ сущности нельзя назвать отвѣтомъ».

Несмотря на нерѣшимость, которую она дѣйствительно чувствовала, хотя и преувеличивала, и которая принадлежала столько же къ ея политикѣ сколько и къ характеру, Елизавета послала въ Фотрингемъ лорда Бэкгерста и клерка совѣта Роберта Биля, для объявленія смертнаго приговора осужденной королевы. 10 сентября, войдя къ ней въ сопровожденіи Аміаса Полета и Дру-Друри, который тоже принадлежалъ къ стражѣ Маріи, они объявили этой королевы, которой спокойное мужество равнялось крайнему несчастію, что судьи произнесли надъ нею приговоръ; что палаты парламента утвердили его и сверхъ того требуютъ его немедленнаго исполненія; и что она должна приготовляться къ смерти, такъ какъ жизнь ея не совмѣстна съ жизнью ихъ государыни и съ сохраненіемъ ихъ религіи. Марія выслушала ихъ безъ малѣйшаго волненія и благодарила Бога, что ее считаютъ орудіемъ, годнымъ для возстановленія католической религіи и призываютъ къ пролитію за нее своей крови. Когда посланные Елизаветы возразили ей на это, что ей не удастся прослыть за святую и мученицу, потому что она осуждена на смерть за составленіе заговора объ убійствѣ английской королевы и о лишеніи ея престола, то она опять отвѣргла это обвиненіе. Съ кротостью и вмѣстѣ съ твердостью

она отвергла также сдѣланное ей предложеніе—принять напутствіе англиканскаго епископа или декана, и потребовала духовной помощи своего капеллана, съ которымъ она была недавно разлучена.

Съ этого дня, Полець, не уважая ея крайняго бѣдствія, сталъ поступать въ отношеніи къ ней съ наглою жестокостію. Онъ смѣло вошелъ въ ея комнату и сказалъ ей, что отнынѣ съ нею будутъ обращаться не какъ съ королевой, а какъ съ обыкновенной женщиной, приговоренной къ смерти, и приказалъ снять балдахинъ, украшенный ея гербами. Марія указала ему на распятіе, и съ достоинствомъ отвѣчала, что санъ королевы она получила отъ Бога и отдастъ его одному Богу, вмѣстѣ съ своею душою.

Считая себя близкою къ смерти, и все еще не имѣя при себѣ капеллана, она писала къ нему, прося его разрѣшенія, благословенія и молитвъ. Вмѣстѣ съ спасеніемъ своей души она поручала Сиксту V духовные интересы своего сына; она передавала римскому первосвященнику свою собственную власть надъ юнымъ королемъ, прося его быть ему отцомъ и возвратитъ его къ вѣрѣ его предковъ; она выражала желаніе, чтобы сынъ ея, подъ руководствомъ папы, герцога Гиза и Филиппа II, сдѣлался достойнымъ войти въ семейство католическаго короля, женившись на его дочери. «Вотъ продолжала она печаль моего сердца и конецъ моихъ мірскихъ желаній... я повергаю ихъ къ стопамъ вашего святѣйшества, которыя униженно цѣлую».

Довѣренный посолъ, которому было поручено отвезти послѣ ея смерти это письмо къ Сиксту V, долженъ былъ также взять съ собою письма къ Мендозѣ, герцогу Гизу и архіепископу Глазгоскому, врученныя уже около года спустя послѣ того. Во всѣхъ ихъ вѣрная и мужественная Марія выказывала заботливость объ интересахъ католическаго дѣла, думала объ участи своихъ приверженцевъ, доведенныхъ до отчаянія, смотрѣла на свой конецъ съ христіанскимъ и вмѣстѣ съ геройскимъ самоотверженіемъ, и въ трогательно-нѣжныхъ словахъ прощалась съ своими друзьями. Она достигла до невиданной ей прежде степени кротости и ясности душевной. Краснорѣчивая по прежнему, она, однакоже, выражалась здѣсь безъ ненависти и запальчивости. Сердце ея оттолкнуло отъ себя всякую житейскую горечь и ея мысль приняла самый высокій религіозный полетъ. Она радовалась, что умираетъ за католическую вѣру. «Я довольна, говорила она, что проливаю кровь мою по желанію враговъ церкви». Она объявляла Мендозѣ, что сохраняетъ прежнія чувства относительно его государя и передаетъ свои права Филиппу II, если ея сынъ не возвратится къ истинной религіи. Прощаясь съ нимъ въ послѣдній разъ, она благодарила его за ревностную привязанность, которую онъ всегда питалъ къ ней. «Вы получите, говорила она ему, отъ меня, на память, подарокъ; это — алмазь, который дорогъ для меня тѣмъ, что его подарилъ мнѣ покойный герцогъ Неролюкъ, въ залогъ своей вѣрности, и который я постоянно носила. Сохраните его ради любви ко мнѣ».

Она послала также рубиновое кольцо герцогу Гизу и въ письмѣ ея по этому случаю, съ изліяніями нѣжности веревѣшамъ восторжен-

ные религіозные порывы: «Мой добрый кузень, — писала она, — вы, который для меня дороже всѣхъ въ мірѣ; я прощаюсь съ вами передъ смертію, на которую осуждена несправедливымъ приговоромъ... Никогда палачъ не обагрѣлъ рукъ своихъ нашею кровью, но не стыдитесь, мой другъ, этой казни, потому что приговоръ еретиковъ и враговъ церкви, не имѣющихъ никакого права суда надо мною, свободно королевой, полезаетъ предъ Богомъ для чадъ ея; меня не постигнула бы эта участь, еслибы я пристала къ еретикамъ. Всѣ члены нашей фамилии были преслѣдуемы этой сектой: примѣръ — вашъ отецъ, съ которымъ я надѣюсь быть принятою въ милость Праведнаго Судии. Да будетъ благословенъ Богъ за все, и да ниспошлетъ вамъ силу — неуклонно служить его церкви до гроба; и пусть никогда не выйдетъ изъ нашего племени та честь, что мы, какъ мужчины такъ и женщины, отложивъ въ сторону всѣ мірскія заботы, готовы проливать свою кровь, для поддержанія дѣла вѣры. Что касается меня, я считаю себя, какъ по отцу, такъ и по матери рожденною для жертвованія ей своею кровью, и не хочу измѣнить своему происхожденію».

Въ тоже время она написала къ Влизаветѣ письмо, гдѣ въ слѣдующихъ патетическихъ выраженіяхъ высказывала ей свои послѣднія желанія: «Государыня, отъ всего моего сердца благодарю Бога, за то, что ему угодно, посредствомъ вашего приговора, положить конецъ скучному странствованію моей жизни. Я не прошу продлить ее: я имѣла слишкомъ много времени на то, чтобы извѣдать всѣ ея горечи. Я умоляю ваше величество только о томъ, чтобы вы одинъ, а не кто другой, оказали мнѣ нижеслѣдующія благодѣянія, которыхъ я не должна ожидать отъ ревностныхъ министровъ, занимающихъ первыя степени въ государствѣ Англіи:

«Вопервыхъ, — такъ какъ мнѣ нельзя надѣяться на погребеніе въ Англіи, по обрядамъ католической церкви, которымъ слѣдовали прежніе короли, ваши и мои предки, а въ Шотландіи прахъ моихъ отцовъ подвергся насиліямъ и оскорбленіямъ, — прошу васъ, чтобы, когда мои противники запятнаютъ себя моею невинною кровью, тѣло мое было перевезено моими слугами въ какую нибудь святую землю, для погребенія, и преимущественно во Францію, гдѣ покоится прахъ моей почтенной матери, дабы это бѣдное тѣло, не знавшее покоя во все время своего союза съ душой, могло наконецъ обрѣсти его разлучась съ нею.

«Во вторыхъ, — изъ опасенія тиранніи людей, во власти которыхъ вы меня оставили, — я прошу ваше величество, чтобы казнь моя была совершена не въ какомъ нибудь скрытомъ мѣстѣ, но въ виду моихъ слугъ и другихъ лицъ, которые могли бы засвидѣтельствовать мою вѣрность и мое повиновеніе истинной церкви и защитить остальные моменты моей жизни и мои послѣдніе вздохи отъ ложныхъ слуховъ со стороны моихъ враговъ.

«Въ третьихъ я требую, чтобы моимъ слугамъ, которые служили мнѣ среди такихъ бѣдствій и съ такою ревностью, было дозволено свободно удалиться куда они пожелаютъ и воспользоуваться незначе-

толькими отказами, которые моя бѣдность оставила мнѣ въ мессѣ завѣщаніи.

«Заклинаю васъ, государыня, кровью Іисуса Христа, нашими родствомъ, памятью Генриха VII, нашего общаго дѣда, и титуломъ королевы, который я еще пошу до самой смерти, не отказать мнѣ въ столь основательныхъ просьбахъ и увѣрить меня въ исполненіи ихъ, написать мнѣ одно слово вашею рукою; за тѣмъ я умру—какъ жила—вашею любящею сестрой и плѣнницей.»

Это превосходное письмо, оставленное безъ отвѣта, можетъ быть не дошло до королевы, которая болѣе чѣмъ когда либо находилась теверѣ подъ вліяніемъ своей нерѣшимости. Она желала погубить Марію и не осмѣливалась. Весь свѣтъ былъ удивленъ и возмущенъ судомъ и приговоромъ надъ королевой. Изъ Франціи и изъ Шотландіи, — гдѣ нѣкогда царствовала Марія, гдѣ ея деверь и сынъ еще сидѣли на тронѣ, гдѣ находились ея ближайшіе родственники и самые преданные друзья, — къ Елизаветѣ были отправляемы торжественныя посольства съ просьбами — пощадить жизнь шотландской королевы и съ угрозами въ случаѣ неисполненія ихъ.

Посланникъ Генриха III. Шатонёфъ, еще прежде вступался за нее, но напрасно. Елизавета отправила во Францію Уоттона съ засвидѣтельствованными копіями всѣхъ бумагъ, которыя, доказывая дѣйствительность и обширность заговора, соглашеніе Маріи Стюартъ съ королемъ испанскимъ и лигистами Франціи, лучше всего могли убѣдить Генриха и охладить его заступничество. Хотя этотъ государь, по видимому, не былъ далекъ отъ того, чтобы признать виновность своей невѣстки, но тѣмъ не менѣе онъ поручилъ Шатонёфу—выразить все участіе, которое онъ принимаетъ въ ней. Въ ея продолжительномъ заключеніи онъ находилъ побудительную причину ея заговоры и ни за кѣмъ не признавалъ права судить ее и наказывать. Поэтому онъ повелѣлъ Шатонёфу просить Елизавету, отъ имени его, — какъ искреннѣйшаго ея друга, и кромѣ того какъ человѣка, котораго честь замѣшана въ этомъ, — оказать доброту и милость своей близкой родственницѣ.

Узнавъ объ осужденіи Маріи на казнь, онъ послалъ въ Англію Помпона де Белльевра—сдѣлать попытку къ спасенію ея отъ смерти. Белльевръ прибылъ въ Лондонъ 1 декабря. Аудіенція, которой онъ просилъ на другой же день, была ему дана только 7 числа. Въ своей длинной рѣчи, Белльевръ, ссылаясь на всевозможные примѣры изъ исторіи и на всѣ правила политики, чтобы склонить Елизавету къ оказанію большаго милосердія, представилъ доводъ, который долженъ былъ убѣдить ее болѣе чѣмъ всѣ другіе. Намекнувъ на честолюбивыя планы и тайныя желанія Филиппа II, онъ сказалъ ей: «Если другіе говорятъ, что повиновеніе вамъ католическихъ подданныхъ ослабляется надеждою на опору, которую они находятъ въ королевіи шотландской, то ваше благоразуміе внушаетъ вамъ гораздо болѣе вѣрную мысль—что не должно слишкомъ бояться такой слабой оперы; и притомъ я скажу вамъ, государыня,—и въ истинѣ этого увѣрялъ меня одинъ очень почтенный человѣкъ,—что министръ одного

государя, который можетъ быть для васъ подозрительнымъ, говорить открыто, что для величія его государя было бы хорошо, еслибы казнь шотландской королевы теперь уже была совершена, потому что тогда партія англійскихъ католиковъ навѣрное перешла бы на сторону его государя».

Елизавета не была тронута ни совѣтами милосердія, ни доводами пользы, которые были предложены ей Белльверомъ. Она разразилась ругательствами противъ Маріи Стюартъ и сказала Белльверу и Шатонёфу, «что она была принуждена къ принятому ею рѣшенію, потому что ей не возможно иначе спасти свою собственную жизнь; но что если они укажутъ ей средство остаться въ безопасности, не предавая Марію казни, то она будетъ много обязана имъ за это.» Тотъ же самый отвѣтъ сдѣлали Белльверу, нѣсколько дней спустя, великій казначей Берлей, вице-камергеръ Гэттонъ и секретарь Уэльсингемъ. Они сказали ему, что спасеніе одной есть погибель другой.

Столько же непреклонною осталась Елизавета и 15 декабря, когда Белльверъ и Шатонёвъ возобновили свои просьбы въ пользу Маріи Стюартъ. Она съ горячностью и громкимъ голосомъ жаловалась, что Генрихъ III не выполняетъ заключеннаго съ нею трактата, отказывая ей въ выдачѣ Моргана и Поджежа, которой она требовала. Она кончила словами: «Вы не нашли средства сохранить жизнь королевы шотландской, не подвергая опасности мою, хотя на придуманіе этого я дала вамъ много дней: я не хочу быть жестокою къ себѣ самой и вашъ государь не долженъ находить справедливымъ, чтобы я, невинная, умерла, а королева шотландская, преступница, была спасена.»

Чтобы противопоставить требованіямъ иностранцевъ жаркую опору со стороны своего народа, Елизавета велѣла опубликовать на улицахъ Лондона приговоръ противъ Маріи Стюартъ. Графъ Пемброкъ, лордъ мэръ и ольдермены присутствовали при этомъ объявленіи, которое сопровождалось звономъ колоколовъ и самыми пылкими демонстраціями. Колокола звонили двадцать четыре часа въ Лондонѣ и во всемъ королевствѣ и были зажжены огни, въ знакъ одобренія и радости по этому случаю. Когда два посланника Генриха III увидѣли это народное ожесточеніе противъ несчастной Маріи, то стали бояться какъ бы ея не казнили, не дожидаясь болѣе. Они тотчасъ же стали просить Елизавету, отъ имени своего государя, отложить на нѣкоторое время исполненіе приговора. Елизавета дала имъ двѣнадцатидневную отсрочку, и они послали виконта Жанли, сына государственнаго секретаря Брюлара, къ Генриху III, чтобы предупредить его объ этомъ, и сказать ему, что только его заступничество и вліяніе могутъ спасти теперь шотландскую королеву.

Генрихъ III приказалъ имъ употребить всѣ убѣжденія, чтобы возвратить Елизавету къ болѣе снисходительнымъ мыслямъ; объявить ей, что если она приведетъ въ исполненіе такой строгій и необычайный приговоръ, то это въ особенности будетъ больно ему, неговоря уже объ общемъ оскорбленіи, которое этимъ будетъ нанесено другимъ королямъ и владѣтелямъ; наконецъ увѣрить ее, что она

всю свою силу будетъ отнынѣ предохранять ее отъ подобныхъ нападеній и что родственники его невѣстки обяжутся отъ имени этой послѣдней, а равно поклянутся и за себя самихъ, что ни она сама, ни другой кто либо за нее, не предприметъ ничего противъ англійской королевы.

6 Января Белльевръ отправился въ замокъ Гринвичъ, гдѣ королева проводила праздники Рождества Христова. Онъ заклиналъ ее уступить настояннѣмъ Генриха III и принять его предложенія, доказывая, что, сохранивъ жизнь Маріи Стюартъ, она сама будетъ въ болѣе безопасности: «Важнѣйшее правило хорошаго и счастливаго царствованія, сказалъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы воздерживаться отъ пролитія крови: одна кровь влечетъ за собою другую; казни обыкновенно сопровождаются послѣдствіями.» Онъ не довольствовался одними убѣжденіями, но присоединилъ къ нимъ и угрозы, думая подѣйствовать страхомъ. «Если же вашему величеству, прибавилъ онъ, не угодно будетъ принять въ уваженіе столь важные доводы и просьбы короля, нашего повелителя, то мы уполномочены сообщить вамъ, государыня, что онъ считаетъ это дѣло общимъ для всѣхъ королей и что невниманіе къ его просьбѣ онъ сочтетъ для себя особенно оскорбительнымъ.» Эти слова раздражили Елизавету и она, почти внѣ себя, отвѣчала ему: «Г. Белльевръ! уполномочены ли вы королемъ, моимъ братомъ, говорить со мною подобнымъ языкомъ?»

— Да, государыня, отвѣчалъ Белльевръ, таково именно порученіе его величества.

— И вы имѣете, возразила она, полномочіе на это, подписанное его рукой?

— Точно такъ. Государь, мой повелитель, вашъ августѣйшій братъ, именно уполномочилъ меня, инструкціями за его собственноручною подписью, на такое предостереженіе.

— Я хочу имѣть съ нихъ копіи, вами удостовѣренныя, возразила она.

Белльевръ вручилъ ей копію съ предписанія, даннаго ему, и откланялся, потерявъ всякую надежду на успѣхъ. Елизавета отвѣчала ему только, что пошлетъ въ Парижъ посла, который прибудетъ туда не позже его и увѣдомитъ короля о рѣшеніи дѣла шотландской королевы.

Белльевръ выѣхалъ изъ Лондона 13 января, а 16 онъ сѣлъ на корабль въ Дувръ; Елизавета почти въ то же время послала Генриху III, — котораго считала слишкомъ слабымъ, чтобы видѣть въ немъ надежнаго союзника или опаснаго врага, — письмо, наполненное искусно разсчитанными жалобами и самыми надменными упреками. Она спрашивала его, думаетъ ли онъ, что поступаетъ честно и подружески, стараясь такимъ образомъ невинную сдѣлать добычею убійцы. Она говорила ему, что вмѣсто того, чтобы благодарить ее за предохраненіе его отъ людей, которые довели бы его до погибели, онъ былъ столь ослѣвленъ, что послушался ихъ совѣтовъ и заставилъ ее выслушать отъ Белльевра такія выраженія, которыхъ она не можетъ хорошенько растолковать себѣ. «Выразить

нѣвъ на то, что я не оставлю ей жизни, прибавила она, — это угроза непріятеля, которая, могу васъ увѣрить, никогда не устрашитъ меня; напротивъ, это самый короткій путь для того, чтобы заставить скорѣе уничтожить причину такого множества золъ.» Она просила объяснить ей посланнику, въ какомъ смыслѣ она должна принимать слышанныя ею слова. «Потому что, продолжала она, я не потерплю, чтобы какой бы то ни было государь могъ похвалиться тѣмъ, что заставилъ меня вынести такое униженіе.»

Усилія шотландскаго короля въ защиту своей матери были не болѣе успѣшны. Когда французскій посланникъ Курсель прибылъ въ замокъ Фольклендъ,—гдѣ безчувственный Іаковъ VI проводилъ время въ охотѣ, — чтобы побудить его къ заступничеству за его мать передъ Елизаветою, король сначала обнаружилъ мало желанія взяться за это. Молодой государь, всѣми дѣлами котораго управлялъ лордъ Гамильтонъ, а чувствами руководилъ легкомысленный мастеръ Грей, и котораго посланникомъ въ Лондонъ былъ намѣнникъ Арчибальдъ Дугласъ, — только и мечталъ о томъ, чтобы утвердить за собою наследство англійскаго престола, и для этого старался сохранять дружественныя отношенія съ Елизаветою. Онъ поздравлялъ ее съ открытіемъ нонаго заговора, и, услышавъ о печальномъ положеніи своей матери, онъ сказалъ съ жестокостію, что мать его нарушила обѣщанія, данныя англійской королевы, и что она должна теперь испить чашу, которую сама приготовила. Курсель, лордъ Гамильтонъ и Джорджъ Дугласъ, остававшійся неизмѣнно преданнымъ Маріи Стюартъ, съ тѣхъ поръ какъ освободилъ ее изъ замка Лочливна,—представляли королю, хотя сначала и безуспѣшно,—какъ онъ поведетъ себя, если безпрепятственно дозволить осудить и казнить свою мать.

Іаковъ VI, извѣщенный Елизаветою, чрезъ посланника Роберта Вилла о всемъ, что замышляла противъ него Марія Стюартъ съ Клавдіемъ Гамильтономъ и испанскимъ королемъ, — отвѣчалъ, что мать его и къ нему расположена не лучше, чѣмъ къ англійской королевы; что она хотѣла оставить ему одни только владѣнія Дармlea, лишитъ его королевства и дать Шотландію регента; что англійская королева,—какъ онъ убѣжденъ,—не посягнетъ на личность его матери, не извѣстивъ его объ этомъ, и что мать его отнынѣ не должна ни во что вмѣшиваться, а только молиться Богу. Онъ не захотѣлъ ни послать кого нибудь въ Лондонъ, ни написать къ Елизаветѣ въ пользу матери. Правда, онъ не вѣрилъ опасности. Шотландское дворянство, негодовало; оно не хотѣло переносить подобнаго обращенія Елизаветы съ ихъ прежнею королевою, тѣмъ болѣе что въ немъ высказывалось оскорбительное для ихъ страны первенство Англіи; сильнѣйшіе бароны, въ томъ числѣ Ангусъ, Клавдій Гамильтонъ, Гэнтли, Ботвелъ и Геррисъ объявили, что они предпочитаютъ взяться за оружіе и подвергнуться случайностямъ войны.

Когда назначеніе суда надъ Маріею Стюартъ заставило опасаться ее казни, почти вся Шотландія взволновалась и Іаковъ VI рѣшился послать въ Лондонъ Уильяма Кейта, отправивъ съ нимъ письмо къ

Елизаветѣ, въ выраженіяхъ довольно твердыхъ, и грозную ноту къ Уэльскаго. Кейтъ получилъ предписаніе присоединить свой голосъ къ голосу пословъ Франціи въ защиту матери своего короля. Онъ исполнялъ это порученіе въ точности, но безъ усѣха. Увѣдомивъ Якова VI о безнадежномъ состояніи дѣла, онъ получалъ отъ короля письмо, наполненное на этотъ разъ чувствами сына и угрозами монарха. Онъ тотчасъ отправился съ этимъ письмомъ къ Елизаветѣ, которая, читая его, пришла въ сильѣйшее раздраженіе и хотѣла прогнать Кейтъ отъ себя. На другой же день она отвѣчала молодому государю съ выраженіемъ высокомернаго негодованія; онъ не выдержалъ снѣлаго тона и послалъ къ Елизаветѣ Грэй и Роберта Мельвила, съ малодушными извиненіями.

Въ новыхъ инструкціяхъ, данныхъ своимъ посланцъ, Яковъ VI ограничился требованіемъ, чтобы мать его отнынѣ строгимъ заключеніемъ и крѣпкимъ надзоромъ поставлена была въ невозможность вредить Елизаветѣ. И, хотя собравшійся парламентъ побуждалъ Якова VI объявить, что онъ сдѣлаетъ нападеніе на Англію, если сдѣлано будетъ покушеніе на жизнь плѣнной королевы, король отказался отъ этаго. Онъ не постыдился даже признаться графу Ботвелю и рыцарю Ситону, что еслибы мать его и была казнена, то онъ все-таки не разорветъ сношеній съ Елизаветою, лишь бы только она не удалила лишить его права на наслѣдованіе Англіей. Этотъ молодой коронованный союзецъ, лишенный и благородства и сердца, имѣлъ смѣлость утверждать за столомъ, что происхожденіе налагаетъ менше обязанностей въ отношеніи къ родителямъ, чѣмъ дружба въ отношеніи къ союзникамъ, приговаривая себя такими циническими разсужденіями къ тому, чтобы пожертвовать, какъ онъ выражался, сыновними чувствами обязанностямъ короля. Такая извращенность чувствъ сдѣлалась извѣстна народу, который ропталъ при встрѣчѣ съ королемъ, когда послѣдній выходилъ изъ дворца.

Яковъ VI-й оставилъ свою мать, поручивъ защиту ея Грэй, который не могъ считать себя безопаснымъ, пока будетъ жива королева, которой онъ измѣнилъ. Онъ писалъ уже къ Уэльскаго, что лучше было бы умертвить ее ядомъ, чѣмъ казнить публично. Прибывъ въ Лондонъ въ то самое время, когда Велльверъ уѣзжалъ, Грэй публично высказывалъ себя защитникомъ Маріи, но тайно дѣйствовалъ противъ нея. Онъ часто говорилъ Елизаветѣ, что «мертва не кусается» и думалъ только о томъ, чтобы сохранить для своего молодого повелителя англійское наслѣдство. Выѣстъ съ Робертомъ Мельвилемъ, старанія котораго въ защиту своей прежней повелительницы была честны, хотя и бесполезны, онъ просилъ, чтобы право на это наслѣдство было признано за сыномъ черезъ устраненіе матери. «Какъ это можно,—возразила ему Елизавета, — она объявлена неспособною и потому не можетъ ничего передать.»

— Если она не имѣетъ правъ, замѣтилъ Грэй, то вашему величеству нечего ея опасаться; если же она имѣетъ права, то ваше величество позвольте только, чтобы она передала ихъ сыну, который отъ этого будетъ пользоваться полнымъ титуломъ вашего наслѣдника. Ни одна

предложеніе не могло сильнѣе возбудить въ Елизаветѣ завистливую недовѣрчивость и раздражить ее; поэтому она, разгнѣваннымъ голоомъ, вскричала: «Какъ! не успѣть освободиться отъ одной и вмѣсто нея найти другаго, худшаго? Но этимъ я поставлю себя еще въ болѣе жалкое положеніе, чѣмъ то, въ которомъ находилась прежде. Ради Бога! вѣдь это тоже, что самой себѣ рѣзать горло; а вы и подобные вамъ готовы за герцогство или графство подослать кого нибудь изъ своихъ отчаянныхъ негодяевъ, чтобы убить меня. Нѣтъ, клянусь Богомъ, государь вашъ никогда не будетъ на этомъ мѣстѣ.» Она съ гнѣвомъ вышла и не хотѣла согласиться ни на какую отсрочку казни шотландской королевы.

Болѣе разгнѣванная, чѣмъ встревоженная представленіями двухъ королей, Елизавета, однако, нѣкоторое время была въ нерѣшимости. Но скоро она увидѣла, что ей нечего бояться двухъ слабыхъ государей, которыхъ подданные враждовали между собою, изъ которыхъ одинъ боялся за свое наслѣдство, другой за собственную безопасность, и которые, навѣрно, терпѣливо перенесутъ вѣсть о казни, которой они столько старались помѣшать. Чтобы лучше достигнуть этого, Елизавета, съ коварнымъ легковѣріемъ и притворнымъ ужасомъ схватилась за призракъ новаго заговора на ея жизнь, о которомъ объявили, замѣшывая въ него французскаго посланника, люди, имѣвшіе необычайную дерзость сдѣлать послѣднему это предложеніе.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Белльевра, Стэѳфордъ, братъ англійскаго посланника въ Парижѣ, мать котораго двадцать три года была статсъ дамою Елизаветы, и сестры котораго также находились при ней, явился къ Шатонёфу. Это былъ молодой человекъ, пользовавшійся дурной славой, жившій беспорядочно и въ нуждѣ. Онъ объявилъ, что нѣкто Мооди, заключенный за долги, имѣетъ сообщить французскому посланнику нѣчто, касающееся дѣла шотландской королевы, и предложилъ провести къ нему въ Ньюгэтъ секретаря Кордайльо. Шатонёфъ, который диктовалъ въ это время Кордайльо депеши, имѣлъ неосторожность послать состоявшаго при посольствѣ Детраппа, къ Мооди, который, въ присутствіи Стэѳорда, сдѣлалъ самое преступное предложеніе, состоявшее въ томъ, что если французскій посланникъ заплатитъ 120 эку, за которые Мооди содержится въ тюрьмѣ, то послѣдній по освобожденіи, беретъ сея умертвить Елизавету.

Это предложеніе было отвергнуто Детраппомъ, который тотчасъ удался изъ Ньюгэта; и Шатонёфомъ, который запретилъ Стэѳорду даже являться въ посольство. Стэѳордъ, не успѣвъ получить отъ посла 100 эку, которые онъ просилъ, чтобы уплатить долги и бѣжать на континентъ, сталъ обвинять посла въ намѣреніи составить заговоръ для умерщвленія Елизаветы и спасенія королевы шотландской. Англійское правительство было или притворилось въ чрезвычайномъ негодованіи. Детраппъ былъ посаженъ въ тюрьму, депеши Шатонёфа перехвачены, самъ Шатонёфъ былъ позванъ къ суду передъ Лейстеромъ, Берлеемъ, Гэттономъ и Дэвисономъ, которые обвиняли его по меньшей мѣрѣ въ томъ, что онъ зналъ о злоумышленіи на жизнь ихъ королевы, но не открылъ этого; и Елизавета отправила

въ Франціи Уэла, чтобы довести Генриху III, что посолье его виновно въ преступленіи противъ нея замыслахъ. Въ то же время она приказала запереть порты Англіи, которая нѣсколько недѣль затѣмъ оставалась безъ сообщенія съ континентомъ. Среди важенія, возбужденнаго открытіемъ вымышленнаго заговора, когда распространялись самыя безпокойныя слухи то о высадкѣ испанцевъ, то о прибытіи герцога Гиза съ арміею въ графство Сассексъ, то о замыслѣ въ Фотрингѣй, то о возмущеніи сѣверныхъ графствъ, — тайный совѣтъ собирался много разъ, чтобы побудить королеву къ скорѣйшему повелѣнію исполнить смертный приговоръ надъ ея плѣнницей.

Близавета не поддавалась настояніямъ Лейстера, Берлея и Уэльсингэма, но она сдѣлалась разсѣянною и мрачною. Она забывала свои обыкновенныя удовольствія, искала удивленія и шептала часто про себя ужасныя слова. Слышали, какъ произносила она латинское изреченіе, выражавшее ея душевное безвокойство: *aut fer aut fegi*; не *feri* (нужно разить, чтобы не быть сраженнымъ; если не поразишь, ты самъ будешь пораженъ). Она хотѣла, чтобы тайнымъ убійствомъ избавили ее отъ отвѣтственности за ошчественную казнь. Она внушала своимъ министрамъ, что они должны умертвить Марію, избавить ее отъ жестокой необходимости дать на это приказъ, и упркала ихъ, что они слишкомъ много обѣщали, давая пресловутую клятву союзу и ничего не сдѣлавъ для ея защиты. Но ея министры отказывались подвергнуться отвѣтственности, которую она не рѣшалась взять на себя; они знали хорошо, что она отступится отъ нихъ на другой же день послѣ того, какъ будетъ исполнено ея желаніе, и даже казнить ихъ, чтобы свалить на нихъ весь гнусность убійства, выгодами котораго она хотѣла воспользоваться, не подвергаясь порицанію за него. Королева, увидя, что министры глухи къ ея внушеніямъ, рѣшилась дѣйствовать сама.

1-го февраля секретарь Дэвисонъ, которому она сообщила о своемъ желаніи чрезъ лорда адмирала Говарда, явился къ ней въ десять часовъ утра съ повелѣніемъ о казни, которое было заранее сочинено великимъ казначеемъ Берлеемъ. Она взяла его въ руки, прочла, спросила перо и съ рѣшимостію подписала, приказавъ Дэвисону, чтобы онъ отдалъ его государственному канцлеру, для приложенія печати. Она требовала хранить это въ возможной тайнѣ и прибавила въ видѣ шутки: «впрочемъ покажите Уэльсингэму, я боюсь чтобы его не убила неожиданность удара». Она запретила исполнить казнь публично, назначила мѣстомъ ея большую залу въ Фотрингѣй, а не во дворѣ замка, и отослала Дэвисона, запретивъ ему говорить ей объ атомъ предметѣ, на счетъ котораго она не желаетъ больше чтобы ее беспокоили, такъ какъ она сдѣлала все, что требовалось закономъ и расудкомъ.

Въ то время, какъ Дэвисонъ собирался уйти, Близавета удержала его и стала жаловаться на Аміаса Полета и на тѣхъ, которые могли бы облегчать для нея это бремя. Она прибавила, что еще есть средство избавить ее отъ таковой необходимости, если онъ и Уэльсингэмъ

написать къ Амису, чтобы попытать его на счетъ этого предмета. Но недостатку ли совѣстливости, или по излишеству повинности. Дэвисонъ не возражалъ противъ этого ужаснаго предложенія и тотчасъ же сообщилъ о немъ Уэльсингэму, показавъ ему актъ, подписанный королевою. Въ тотъ же день они написали въ Фотрингэй,—и съ этотъ вѣкъ, когда убійство не было отвергаемо ни одною сектою, не было противно никакой политикѣ, два министра могущественнѣйшей королевы осмѣлились предложить отъ ея имени стражамъ Маріи Стюартъ—лишить свою плѣнницу жизни тайнымъ образомъ. Вотъ возмутительное и гнусное письмо, которое они сообщали Полету и Друри:

«...Изъ словъ, недавно произнесенныхъ ея величествомъ, мы заключаемъ, что она считаетъ васъ недостаточно ревностнымъ и старательнымъ... такъ какъ вы не нашли сами (безъ посторонняго побужденія) никакого средства отнять жизнь у этой королевы, во вниманіе къ тѣмъ опасностямъ, которымъ постоянно подвергается ея величество, пока будетъ жива сказанная королева. Не говоря о недостаткѣ привязанности къ ней, ея величество замѣчаетъ также, что вы не заботитесь о собственной безопасности или, скорѣе, о сохраненіи религіи, общественнаго блага и счастья вашего отечества, такъ какъ этого требуютъ разсудокъ и политика. Совѣсть ваша была бы спокойна передъ Богомъ и вапа репутація неприкосновенна передъ людьми, потому что вы дали торжественную клятву союза и что сверхъ того поступки этой королевы ясно свидѣтельствуютъ противъ нея. По этой причинѣ ея величество чувствуетъ большое неудовольствіе отъ того, что люди, которые говорятъ о привязанности къ ней, подобно вамъ, не исполняютъ своихъ обязанностей и стараются сложить на нее тяжесть этого дѣла, хотя знаютъ объ ея отвращеніи къ пролитію крови, особенно крови лица одинаковаго съ нею пола и званія, и притомъ столь близкой родственницы.

«Мы видимъ, что эти разсужденія очень беспокоятъ ея величество, которая, увѣряемъ васъ, нѣсколько разъ высказывала, что она никогда не согласилась бы на пролитіе крови этой королевы, еслибы не обращала большаго вниманія на опасности, которымъ подвергаются ея вѣрные подданные и добрые слуги, чѣмъ на свои собственные. Мы считаемъ необходимымъ извѣстить васъ объ этихъ словахъ, произнесенныхъ недавно ея величествомъ, и представить ихъ вашему благоусмотрѣнію. Затѣмъ поручаемъ васъ покровительству Всевышняго. Ваши истинные друзья.»

Письмо это, которое Дэвисонъ просилъ по прочтеніи сжечь, получено въ Фотрингэй 2 февраля вечеромъ. Часъ спустя, Полетъ, мрачный фанатикъ, грубый тюремщикъ, но не низкій убійца, отвѣчалъ Уэльсингэму въ выраженіяхъ глубокой скорби и слержаннаго негодованія: «получивъ вчерашнее письмо ваше сегодня въ пять часовъ пополудни, я поспѣшилъ, по вашему приказанію, отвѣчать вамъ съ возможной скоростью. Я отвѣчаю вамъ съ глубокою скорбію, видя себя столь несчастнымъ, что дождался дня, когда по повелѣнію моеи всемогущейшей государыни я избранъ для совершенія дѣла, ко-

торое запрещено Богомъ и закономъ. Мое имущество, мѣсто и жизнь находятся въ распоряженіи ея величества, и я готовъ завтра же отъ нихъ отказаться, если на то будетъ ея воля, сознавая, что я пользуюсь ими единственно по ея благосклонной милости; я не желаю обладать всѣмъ этимъ безъ ея воли. Но Богъ да сохранитъ меня отъ такого жалкаго крушенія моей совѣсти и избавитъ потомство мое отъ пятнающаго нареканія въ томъ, что я пролилъ кровь безъ уполномочія закона и безъ публичнаго акта. Надѣюсь, что ея величество, по врожденному своему милосердію, приметъ въ хорошую сторону мой честный отвѣтъ».

Королева Елизавета, когда Дэвисонъ представилъ ей это благородное письмо, прочла его съ выраженіемъ живѣйшаго неудовольствія и произнесла съ гнѣвомъ: «Я презираю этихъ говоруновъ, этихъ высокопарныхъ и запальчивыхъ людей, которые общаются все, а не дѣлаютъ ничего и все бремя сбрасываютъ на мои плеча». — Не оставалось другаго средства, кромѣ публичной казни. Актъ, заключавшій въ себѣ повелѣніе о ней, подписанный королевою, съ приложеніемъ государственной печати, былъ препровожденъ въ тайный совѣтъ, члены котораго, не говоря уже болѣе Елизаветѣ объ этомъ дѣлѣ, рѣшились исполнить приговоръ подъ собственною отвѣтственностію. Они отправили этотъ актъ при письмѣ за подписью Берлея, Лейстера, Гэнсдона, Нолиса, Уэльсингэма, Дерби, Говарда, Кобгэма, Гэттона и Дэвисона къ графамъ Шрусберри и Кенту, которымъ поручили присутствовать при совершеніи казни осужденной королевы. Съ этими двумя бумагами Виль отправился въ Фотрингэй, для исполненія печальнаго порученія.

Въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, протекшихъ отъ подписанія приговора до повелѣнія о совершеніи казни, Марія Стюартъ оставалась въ безпокойномъ ожиданіи. Ей возвратили на время духовника ея Прео, отдали деньги, захваченныя въ Чартлсѣ, вмѣстѣ съ ея бумагами; но эта благосклонность, соединенная съ зловѣщимъ молчаніемъ, заставила ее опасаться внезапной тайной смерти, похожей на ту, какою погибъ недавно графъ Нортэмберлендъ въ Лондонской башнѣ. Сверхъ того она опасалась такой кончины, которая, будучи покрыта неизвѣстностію, не позволяла бы ей обнаружить истинныхъ чувствъ своей души. Предвидя, что ей угрожаетъ страшный замысль, но не подозрѣвая настоящей виновницы его, она просила помощи у Елизаветы, которая сама придумала его, противъ Полета, который его отвергъ. 19 декабря 1586 г. она послала английской королевѣ послѣднее письмо, въ которомъ просила не допускать казни безъ своего собственнаго повелѣнія, позволить ея служителямъ присутствовать при ея смерти, чтобы они были свидѣтелями ея вѣрности и повиновенія католической церкви, и позволить имъ тайно унести ея тѣло. Она оканчивала письмо, какъ бы призывая Елизавету передъ судъ Божій. «Не обвиняйте меня въ дерзости, писала она, если, покидая этотъ міръ и приготовляясь къ другому, лучшему, я вамъ напоминаю, что нѣкогда и вы дадите отчетъ въ вашихъ дѣлахъ, такъ же какъ и тѣ, которые будутъ туда посланы прежде».

Таковы были безпокойства Марин Стюартъ, когда Робертъ Виль прибѣлъ въ Фотрингэй, 5 февраля. Онъ привезъ съ собою палача изъ Лондона и, сообщивъ Полету и Друри предписаніе королевы и волю совѣта, отправился къ графамъ Кенту и Шрусбарри, чтобы представить имъ приказъ королевы, которымъ повелѣно имъ исполнить казнь 8 числа утромъ. Оба графа, секретарь тайнаго совѣта и шерифъ графства Нортэмптонъ отправлялись въ Фотрингэй, куда прибыли 7 числа прежде полудня. При видѣ этого необыкновеннаго собранія, бѣдные служители шотландской королевы пришли въ неопищенное волненіе, все еще сомнѣваясь въ несчастіи, которое ихъ ожидало. Что касается Марин, то она въ это время лежала больная, вслѣдствіе обыкновенныхъ ея недуговъ.

Около двухъ часовъ два графа просили позволенія говорить съ нею: она послала сказать, что она нездорова, но что приметъ ихъ, если дѣло очень нужно. Получивъ отвѣтъ ихъ, что дѣло не терпитъ отлагательства, она одѣлась и, усѣвшись передъ маленькимъ рабочимъ столикомъ у кровати, ожидала ихъ съ видомъ величайшаго спокойствія. Въ дамы и большая часть ея служителей стояли подлѣ нея. Великій маршалъ Англии, сопровождаемый графомъ Кентомъ, Вилемъ, Полетомъ и Друри вошелъ съ непокрытою головою и почтительно поклонясь ей, сказалъ, что приговоръ, который объявилъ ей лордъ Вэкгерстъ два съ половиною мѣсяца тому назадъ, долженъ быть нынѣ исполненъ, къ чему королева, ихъ повелительница, принуждена настояніями своихъ подданныхъ. Марія выслушала его безъ смущенія, и затѣмъ Виль прочелъ ей конфирмацію казни.

Когда чтеніе было окончено, она перекрестилась. «Влагодарю Бога, сказала она, за вѣсть, которую вы мнѣ приносите. Для меня ничто не можетъ быть лучше, потому что она возвѣщаетъ мнѣ конецъ моихъ несчастій и милость Божию, удостоившую меня умереть за славу Его имени и за Его католическую, апостольскую римскую церковь. Я не ожидала для себя столь счастливой кончины послѣ такого обхожденія со мною и при такихъ опасностяхъ, какимъ я была подвержена въ этой странѣ, въ теченіе девятнадцати лѣтъ; я, рожденная королевой, дочь короля, внука Генриха VII, близкая родственница королевы англійской, вдовствующая королева французская, была заключена въ темницу безъ законной причины, не смотря на то, что я не завишу ни отъ кого и, кромѣ Божьей, не признаю надъ собою ничьей власти въ этомъ мірѣ». Почитая себя жертвою своей вѣры, она ощущала чистую радость мученицы и сохранила до конца спокойное мужество. Она снова опровергала обвиненіе въ желаніи умертвить Елизавету, и, положивъ руку на евангеліе, находившееся на ея столикѣ, произнесла торжественно: «я никогда ни замышляла ничего противъ жизни англійской королевы и никогда не давала своего согласія на подобный умыселъ.»

На это графъ Кентъ съ фанатическою грубостію возразилъ, что книга, надъ которой она клялась, есть книга папистовъ, и что ея клятва

не имѣть значенія. «Это книга, въ которую я вѣрую, прервала его Марія; думаете ли вы, что моя клятва была бы искреннѣе если бы я произнесла ее надъ вашею книгою, въ которую не вѣрую?» Графъ Кентъ убѣждалъ ее отказаться отъ того, что называлъ онъ ее суевѣриемъ, и предложилъ ей содѣйствіе протестантскаго декана изъ Петерборо, который настаивать ее въ истинной вѣрѣ и приготовить ее къ смерти. Марія энергически отвергла это предложеніе, которое оскорбляло ее вѣрованія и просила, чтобъ ей возвратили ея духовника, котораго уже давно удалили отъ нея опять. Графы были столь жестоки и бессовѣстны, что отказали въ этомъ духовномъ утѣшеніи королевѣ, которая готовилась къ смерти. Они не хотѣли также дать ей небольшую отсрочку, которой она просила, чтобы тщательнѣе написать свое завѣщаніе и сдѣлать свои послѣднія распоряженія. Тогда Марія спросила, въ которомъ часу назначена ея казнь. «Завтра въ восемь часовъ утра», отвѣчалъ ей графъ Шрусберри.

Но уходъ обоихъ графовъ Марія утѣшала своихъ служителей, которые обливались слезами. Она велѣла поскорѣе подать себѣ ужинъ, чтобы цѣлую ночь писать и молиться. По обыкновенію она ѣла мало, Бургонъ, ея медикъ, прислуживалъ ей за столомъ, такъ какъ ея домоправитель, Аманду Мельвиль былъ удаленъ вмѣстѣ съ духовникомъ. Она говорила о желаніи графа Кента обратить ее въ протестантство и сказала съ улыбкою, что для убѣжденія ея нуженъ былъ бы не такой ученый. Къ концу ужина она позвала всѣхъ своихъ служителей; наливъ въ рюмку вина, она выпила за ихъ здоровье, и съ выраженіемъ ласки, предложила имъ сдѣлать тоже. Они стали на колѣни и со слезами на глазахъ отвѣчали на ея тоску, прося у ней прощенія за неприятности, какія могли ей причинить. Она отвѣчала что прощаетъ ихъ отъ всего сердца и съ своей стороны просила ихъ простить ей неудовольствія, которыя она могла нанести имъ. Она утѣщевала ихъ остаться твердыми въ католической вѣрѣ, жить въ мирѣ и дружбѣ другъ съ другомъ. Только о секретарѣ Но она говорила съ горечью, обвиняя его въ томъ, что онъ былъ виновникомъ раздоровъ между ними и причиною ея смерти. Затѣмъ она удалилась и писала въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ собственною рукою письма и свое завѣщаніе, главнымъ исполнителемъ котораго назначала герцога Гиза. Такъ какъ большая часть завѣщанныхъ ею подарковъ могли быть выданы только изъ вдовьей части ея, которая возвращалась со смертью ея къ французскому королю, то она настоятельно просила Генриха III исполнить ея послѣднія распоряженія. «Вы всегда говорили, что любите меня, писала она ему, покажите это теперь, пособивъ мнѣ въ томъ, чего я не могу сдѣлать безъ васъ: вознаграждать моихъ опечаленныхъ слугъ, сохранивъ имъ жалованье, и тѣмъ обязавъ ихъ молиться о королевѣ, которая называлась христіаннѣйшею и умерла католичкою, лишившись всего своего достоянія.»

Когда она кончила писать, было уже около двухъ часовъ утра. Она положила въ ящикъ свое завѣщаніе и свои письма не запечатанными, говоря, что не хочетъ больше заниматься ширскими дѣлами

и должна думать о томъ, какъ предстать предъ судъ Божій. Она послала письмо къ своему духовнику, который былъ въ замкѣ, прося его провестя, подобно ей, ночь въ молитвѣ и прислать ей свое разрѣшеніе, такъ какъ ей не дозволили исповѣдаться у него и приобщиться св. таинъ. Затѣмъ она велѣла себѣ умыть ноги и искала въ житіи святыхъ, которыя читались ей прислужницами каждый вечеръ, примѣра грѣшника, прощенного Богомъ. Она остановилась на трогательной исторіи покаявшагося разбойника, которая показалась ей наиболѣе утѣшительнымъ примѣромъ человѣческаго упованія и Божескаго милосердія. Читала — Анна Кеннеди. «Это былъ великій грѣшникъ, сказала Марія, но не такой, какъ я; молю нашего Владыку, во имя Его страстей, помянуть и простить меня, подобно разбойнику въ часъ его смерти».

Чувствуя нѣкоторое утомленіе и желая подкрѣпить свои силы для послѣдней минуты, она легла. Прислужницы продолжали молиться и, во время этого послѣдняго зынаго сна, хотя глаза ея были закрыты, видно было по легкому движенію ея губъ и по свѣтлому выраженію лица, что мысли ея направлялись къ Тому, на Которомъ теперь остановились всѣ ея надежды. Съ разсвѣтомъ она встала и сказала, что ей остается жить еще два часа. Она выбрала одинъ изъ платковъ своихъ съ золотою бахромой, чтобы завязать себѣ глаза на эшафотѣ, и одѣлась съ суровымъ великолѣпіемъ. Собравши своихъ служителей, она дала Вургойну прочесть имъ завѣщаніе, которое она подписала; вручила имъ письма, бумаги и подарки, которые они должны были передать ея роднымъ и друзьямъ на континентѣ. Еще съ вечера она распредѣлила между ними свои кольца, драгоценныя вещи, мебель, платье; теперь она раздала каждому приготовленный для нихъ кошелекъ, въ которыхъ находились по небольшимъ частямъ оставшіяся у ней пять тысячъ экю. Къ этимъ подаркамъ она, съ трогательною добротою и съ граціей, не покидавшей ея даже въ этотъ часъ, прибавляла свои утѣшенія и подкрѣпляла бодрость слугъ своихъ для перенесенія горести, въ которую они будутъ повергнуты ея смертью. «Не замѣтно было въ ней, говоритъ одинъ очевидецъ, никакой перемѣны ни въ лицѣ, ни въ рѣчи, ни въ движеніяхъ; какъ будто она давала приказанія по дѣламъ своимъ, намѣреваясь перенести на жительство въ другой домъ».

Послѣ этихъ послѣднихъ заботъ, посвященныхъ земнымъ предметамъ, она отправилась въ моленную, гдѣ возвышался алтарь, на которомъ ея духовникъ, прежде чѣмъ его удалили, тайно служилъ мессу. Она стала на колѣни передъ этимъ алтаремъ и стала читать съ божиимъ жаромъ отходную. Она не кончила еще чтенія, какъ поступались у дверей. Она велѣла отвѣчать, что сейчасъ будетъ готова и продолжала молиться. Спустя немного времени, когда пробило восемь часовъ, снова послышался стукъ въ дверь; на этотъ разъ ее отворилъ. Вошелъ шерифъ, съ бѣлымъ жезломъ въ рукѣ, приближился къ Маріи, которая не поворачивала головы и сказала ей только слѣдующія слова: «Государыня, лорды ожидаютъ васъ и послали меня къ вамъ. — Да, отвѣчала она вставая, пойдёмъ».

Въ то время, какъ она уходила, Бургойнъ подалъ ей распятіе изъ слоновой кости, бывшее на алтарѣ; она поцѣловала его и просила нести передъ нею. Такъ какъ она не могла идти твердо сама, по слабости въ ногахъ, то ее поддерживали двое слугъ до выхода изъ комнатъ. Здѣсь эти бѣдные люди, по какой то особенной деликатности, не хотѣли казаться водущими ее на казнь и передали ее въ руки двухъ служителей Полета, а сами съ плачемъ пошли сзади. Когда они дошли до лѣстницы, гдѣ графы Шрусберри и Кентъ ожидали Марію Стюартъ, и откуда она должна была сойти въ нижнюю залу, въ глубинѣ которой для нея былъ воздвигнутъ эшафотъ, слугамъ отказали въ утѣшеніи слѣдовать за нею далѣе. Несмотря на ихъ молебны и стоны ихъ разлучили съ нею, что стоило нѣкотораго труда, потому что они бросились къ ея ногамъ, цѣловали у нея руки, хватались за ея платье и не хотѣли ее оставить.

Когда ихъ удалили, она пошла съ благороднымъ и кроткимъ видомъ, держа въ одной рукѣ распятіе, а въ другой—молитвенникъ. Она была въ траурѣ, который надѣвала только въ дни большихъ торжествъ; на ней было платье изъ кармазиннаго бархата съ чернымъ атласнымъ корсажемъ, на которомъ висѣли четки и монашескіе нарамники; сверху накинута была мантия такого же цвѣта изъ зорчатаго атласа съ длиннымъ шлейфомъ, опущенная сободемъ, съ поднятыми воротникомъ, и висящими рукавами; голову ея покрывала бѣлая вуаль, опускавшаяся до самыхъ ногъ. Въ ея фигурѣ соединялось величіе королевы съ кроткимъ самоуглубленіемъ христіянки.

Внизу лѣстницы стоялъ ея дворецкій, Андру Мельвилъ, которому позволено было простаться съ нею, и который, видя ее идущею на казнь, упалъ на колѣни, и, обливаясь слезами, выразилъ ей свою глубокую горестъ. Марія обняла его, благодарила за постоянную вѣрность и просила передать сыну ея въ точности все, что онъ знаетъ и что увидитъ. «О, это будетъ самое горестное порученіе, которое когда либо на меня возлагали; объявить о смерти моей дражайшей государыни!» — «Ты скорѣе долженъ радоваться, добрый Мельвилъ, отвѣчала она,—употребляя въ первый разъ такую фамильярность, въ выраженіяхъ—что Марія Стюартъ пришла къ концу своихъ бѣдствій. Ты знаешь, что этотъ міръ—суета и полонъ заботъ и горестей. Принеси извѣстіе, что я умираю твердою въ своей вѣрѣ, истинною католичкою, истинною шотландкою, истинною французенкою. Богъ да проститъ тѣмъ, которые желали моей кончины. Судія тайныхъ помысловъ и дѣлъ человѣческихъ знаетъ, что я всегда желала соединенія Шотландіи съ Англіей. Передай привѣтствіе моему сыну и скажи ему, что я никогда не сдѣлала ничего вреднаго для блага королевства, или же для его королевскаго достоинства и не погрѣшила ни въ чемъ противъ нашихъ вѣрховныхъ правъ.

Затѣмъ она просила графовъ Шрусберри и Кента, чтобы секретарь ея Керль былъ прощенъ и чтобы ея слуги и служанки были допущены на мѣсто казни, во время ея совершенія. Графъ Кентъ возразилъ на это, что на подобныя зрѣлища не принято допускать женщинъ и что онъ боится, чтобы онѣ не причинили замѣшательства своими крика-

ми или даже скандала, если захотят омочить платки свои въ ея крови. «Милордъ, отвѣчала Марія, даю вамъ слово, что они не сдѣютъ ничего подобнаго тому, что вы говорите. Увы, эти несчастныя будутъ довольны, если имъ дозволить проститься со мною. И я увѣрена, что ваша государыня не откажетъ другой королевѣ имѣть при себѣ женщинъ для помощи въ минуту смерти. Она не могла дать вамъ такихъ жестокихъ приказаній. Она бы мнѣ дозволила больше, если бы я была даже лицомъ самаго низкаго званія а вы знаете, милорды, что я кузина вашей королевы. Я убѣждена, что вы не откажете мнѣ въ этой просьбѣ. Мои бѣдныя дѣвушки желаютъ только видѣть мою кончину». Графы, послѣ кратковременнаго совѣщанія, согласились исполнить ея просьбу и Марія могла позвать къ себѣ четырехъ служителей и двухъ женщинъ. Она выбрала: Бургойна, медика, Горіона, аптекаря, Жерве хирурга, Дидье эконома; Анну Кеннеди и Визавету Керль, самыхъ любимыхъ своихъ прислужницъ. Они сошли внизъ и королева, въ сопровожденіи Андру Мельвиля, который несъ ея шлейфъ, взшла на эшафотъ съ такимъ же присутствіемъ духа и достоинствомъ, какъ бы она всходила на тронъ.

Этотъ эшафотъ стоялъ въ нижней залѣ замка Фотринггя. Высота его была два фута съ половиною, площадь — двѣнадцать квадратныхъ футовъ. Онъ былъ покрытъ чернымъ англійскимъ фризомъ, также какъ и стулъ, подушка и плаха, на которыхъ Марія должна была сѣсть, стать на колѣни, и получить роковой ударъ. Она сѣла на это печальное сѣдалище не утративъ своей обычной граціи и величія; по правую сторону ея сидѣли графы Шрусберри и Контъ, по лѣвую стоялъ шерифъ, а передъ ней — два палача, одѣтые въ черныя бархаты; недалеко подлѣ стѣны—ея служители, остальное мѣсто залы за барьеромъ, охраняемымъ Полетомъ съ отрядомъ солдатъ, было занято почти двумястами сосѣднихъ жителей, впущенныхъ въ замокъ, ворота котораго были послѣ того заперты. Робертъ Билъ прочелъ приговоръ, который Марія выслушала въ молчаніи, и въ такой глубокой задумчивости, что казалось, будто все происходившее не касалось ея. Когда Билъ кончилъ чтеніе, она перекрестилась и произнесла твердымъ голосомъ:

«Милорды, я родилась королевою, а не подданною; я близкая родственница королевы англійской и ея законная наслѣдница. Послѣ продолжительнаго, несправедливаго тюремнаго заключенія въ этой странѣ, гдѣ я много пострадала,—хотя надо мною не имѣли никакого права,—находясь во власти другихъ, я готовлюсь теперь кончить жизнь, и благодарю Бога, что онъ дозволилъ мнѣ умереть за мою вѣру и въ присутствіи столькихъ лицъ, которыя будутъ свидѣтелями, что я, на краю гроба, протестую,—какъ и всегда протестовала публично и частнымъ образомъ,—что никогда ничего не замышляла къ гибели королевы, и не соглашалась ни на что, противъ ея особы. За тѣмъ она объявила, что не ищетъ къ ней никакого чувства вражды, и напомнила, что для полученія свободы она предлагала такія условія, которыя совершенно могли предупредить всякія волненія въ Англии. Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ ею въ свое оправданіе»

ніе, она начала молиться. Тогда докторъ Флетчеръ, протестантскій деканъ въ Петерборо, котораго привели съ собою лорды, приблизился къ ней съ цѣлю напутствовать ее передъ кончиною.» Государыня, сказала онъ ей, королева, моя повелительница, послала меня сюда къ вамъ... «Марія прервала его на этихъ словахъ, и отвѣчала: «Господинъ деканъ, я тверда въ древней вѣрѣ римско-католической и думаю, пролить за нее мою кровь.» Такъ какъ деканъ съ безразсуднымъ фанатизмомъ настаивалъ, убѣждая ее отказаться отъ своего исповѣданія, раскаяться, возложить надежду на одного Іисуса Христа, ибо одинъ Онъ только можетъ спасти ее; то она рѣшительнымъ тономъ приказала ему молчать, объявивъ что не желаетъ его слушать. Графы Шрусберри и Кентъ сказали ей тогда: «Мы хотимъ молиться за васъ, государыня, чтобы Богъ просвѣтилъ ваше сердце въ предлѣдніе часы ваши, и чтобы вы умерли въ истинномъ познаніи Бога.» «Милорды, отвѣчала Марія, если вы хотите молиться за меня, благодарю васъ, но я не могу приспособиться къ вашей молитвѣ, потому что мы не принадлежимъ къ одной религіи.» Борьба двухъ исповѣданій, продолжавшаяся во всю жизнь ея, продолжалась и на эшафотѣ.

Докторъ Флетчеръ началъ читать отходную молитву, по уставу англиканскому, между тѣмъ какъ Марія читала въ это время платыни молитвы покаянія, и съ жаромъ цѣловала распятіе. «Государыня, сказалъ ей грубо графъ Кентъ, вамъ мало поможетъ то, что вы держите въ рукахъ этотъ образъ Спасителя, если онъ не затѣчатъ въ васъ въ сердцѣ.»—Невозможно, возразила она, держать въ рукахъ это изображеніе, и не быть тронутымъ; и для умирающаго христіанина приличнѣе всего смотрѣть на образъ своего Іискупителя.

Когда она прочла на колѣняхъ три псалма: «Помилуй мя Боже... «На тя, Господи, уповахомъ»... «Живый въ помощи Вышняго»... то начала провозносить свои молитвы по-англійски, и просила о мирѣ всего міра, о обращеніи англичанъ къ истинной вѣрѣ, о терпѣніи для всѣхъ преслѣдуемыхъ, и о дарованіи ей помощи Духа Святаго въ эту великую минуту. Она молилась также за папу, за церковь, за католическихъ государей, за своихъ враговъ, и предоставляя себя волѣ Вожей, кончила слѣдующими словами: «Подобно тому, какъ руки твои, о Христе! простерты были на древѣ, прими и меня въ распростертые руки Твоего милосердія.» Въ благоговѣніе было такъ живо, умилостъ такъ трогательно, мужество такъ возвышено, что всѣ предстоившіе плакали.

Кончивъ молитву, она встала. Ужасная минута наступила. Палачъ приблизился къ ней, чтобы помочь ей снять верхнюю одежду. Но она отклонила его и сказала съ улыбкой, что никогда не виѣла подобныхъ камердинеровъ. Она призвала Анну Кеннеди и Елизавету Кёртъ, которыя все это время стояли на колѣняхъ у подножія эшафота, и начала раздѣваться при ихъ помощи, замѣтивъ, что она никогда не дѣлала этого въ присутствіи столькихъ лицъ. Безутѣшныя молодыя дѣвушки оказывали ей эту послѣднюю услугу рыдая. Она оставалась имъ, напоминая о данномъ ею отъ ихъ имени обѣщаніи, что

онѣ не выкажутъ слабости. «Вмѣсто того, чтобы плакать, редуи́тесь», сказала она имъ; я счастлива, что умираю за такое великое дѣло». Снявъ нѣкоторые части одежды, она сѣла на скамью и благословила всѣхъ своихъ плачущихъ служителей. Палачъ на колѣняхъ просилъ у ней прощенія. Она отвѣчала, что прощаетъ всѣхъ. За тѣмъ она поцѣловала Елизавету Керль и Анну Кенеди, благословила ихъ, перекрестила, и послѣ того какъ Анна Кенеди завязала ей глаза, она приказала имъ удалиться; они ушли, рыдая.

Въ то же время она съ великимъ мужествомъ стала на колѣни и, держа въ рукахъ распятіе, наклонила шею для удара. Она произносила громкимъ голосомъ и съ чувствомъ самой живой вѣры: «Боже мой, на Тебя уповаю, прими грѣшную душу мою». Она думала, что ее поразятъ въ прямомъ положеніи, и притомъ мечемъ, какъ это дѣлалось во Франціи. Палачи объяснили что она ошибается и положили голову ея на плаху; она не переставала молиться. Всѣ присутствующіе были глубоко тронуты. Самъ палачъ былъ взволнованъ, рука его дрожала и топоръ вмѣсто шемъ упалъ на затылокъ и ранилъ ее. Она не сдѣлала ни малѣйшаго движенія; только при второмъ ударѣ палачъ отрубилъ голову и показалъ ее присутствующимъ, воскликнувъ: «Господи, спаси королеву Елизавету!» — «Такъ погибнуть всѣ враги ея», прибавилъ докторъ Флетчеръ. Одинъ только голосъ прозвнесъ въ отвѣтъ: «аминь», это былъ голосъ графа Кента.

Смертные останки были закрыты чернымъ сукномъ. Лорды не оставили, какъ это обыкновенно дѣлалось, палачу золотого креста, бывшаго у ней на шеѣ, ни четокъ, ни одежды ея, опасаясь, чтобы эти драгоценности, выкупленные ея служителями, не были обращены въ предметы обожанія. Они все это предали огню съ особенною заботливостію стараясь уничтожить всѣ слѣды крови. Когда тѣло было поднято, для перенесенія въ пріемную комнату замка, гдѣ его должны были бальзамировать, то примѣтили, что любимая маленькая собачка Маріи забралась подъ мантию, между шеей и головой своей мертвой госпожи. Трущъ шотландской королевы, по вынутіи изъ него внутренностей, которыя были тайно преданы землѣ, былъ набальзамированъ, обернутъ навощеною простынею, положенъ въ свинцовый гробъ и оставленъ въ забвеніи, до тѣхъ поръ, пока Елизавета назначила мѣсто, гдѣ его слѣдуетъ схоронить.

Въ продолженіе многихъ часовъ ворота замка оставались запертыми и никому не позволялось уйти оттуда до отъѣзда Генри Тальбота, сына великаго маршала Шрусберри, который повезъ Елизаветѣ донесеніе о происшедшемъ, составленный Вилемъ и подписанный обоими графами, а также и другими главными свидѣтелями. Отправившись 8 числа, онъ на другой день утромъ прибылъ въ Гринвичъ, гдѣ находилась королева. Въ тотъ же день послѣ полудня извѣстіе объ этомъ распространилось въ Лондонѣ, жители котораго узнали о смерти королевы шотландской съ тѣмъ же фанатическимъ восторгомъ, каковой выражали за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, по поводу ея осужденія. Во всѣ городокіе колокола стали звонить и всѣ

улицы города были иллюминированы по случаю этого радостнаго событія....

Какое дѣйствіе произвела эта трагическая и дерзкая казнь на государей Европы и каковы были ея послѣдствія для Елизаветы?

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Смерть Маріи Стюартъ избавляла Елизавету отъ соперницы, но подвергала ее сильной ненависти и опаснымъ репрессаліямъ. Поэтому, переходя отъ одного страха къ другому, она порицала казнь, которую дозволила; дѣлала видъ будто бы сожалѣть о королевѣ, которую ненавидѣла; и даже наказала людей, которые были орудіями ея воли въ этомъ дѣлѣ. Безъ всякаго зазрѣнія совѣсти отпираясь отъ участія въ немъ и притворяясь глубоко огорченною, она старалась избѣжать мщенія государей, которыхъ просьбы она отвергла, которыхъ чувства она оскорбила, которыхъ достоинство она унижила. Въ продолженіе четырехъ дней она дѣлала видъ, будто не знаетъ о смерти королевы шотландской, смерти, по поводу которой шумно радовалась вся протестантская Англія. Вѣроятно, она еще не составила себѣ плана—какъ ей вести себя и что говорить. Въ понедѣльникъ 13 февраля (нов. ст.) она притворилась, что съ крайнимъ изумленіемъ узнаетъ о казни Маріи Стюартъ и, разыгрывая роль негодующей, разразилась припадками сильнѣйшаго гнѣва. Она говорила, что шотландская королева лишена жизни вопреки ея волѣ и приказаніямъ, что секретарь Дэвисонъ не долженъ былъ принимать во вниманіе повелѣніе, которое она подписала до послѣдняго съ нимъ разговора; что онъ черезъ-чуръ поспѣшилъ отдать его канцлеру, для приложенія къ нему государственной печати и превысилъ свои обязанности, передавъ это повелѣніе тайному совѣту, для исполненія безъ ея вѣдома; что члены совѣта, самовольно пославъ въ Фотрингэй королевскій приказъ, нанесли оскорбленіе ея достоинству и глубокую горестъ ея сердцу. Она съ жаромъ упрекала ихъ за такое самовольное присвоеніе правъ верховной власти, въ которомъ она видѣла покушеніе—держать ее подъ опекой. Она приказала арестовать Дэвисона, который былъ заключенъ въ Товеръ и отданъ подъ судъ. Она прогнала отъ себя своего стараго слугу Бёрлея, который отдалъ Роберту Билло приказъ отъ имени совѣта, и своимъ жесткимъ обхожденіемъ довела его до того, что онъ, дрожа отъ страха, просилъ уволить его отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей. Лейстеръ и Гэттонъ, два ея любимца, за участіе въ совѣщаніяхъ тайнаго совѣта, подверглись на нѣкоторое время удаленію и опалѣ; наконецъ Виль, который отвезъ повелѣніе въ Фотрингэй былъ, чрезъ нѣсколько времени спустя, отставленъ отъ должности государственнаго секретаря и назначенъ на низшее мѣсто въ Йоркѣ. Только Уэльсингемъ былъ исключенъ изъ этой фальшивой и запальчивой немилости, потому что дѣйствительная или притворная болезнь помѣшала ему присоеди- ниться къ дѣлу, изъ котораго Елизавета извлекла выгоду, но отъ

второго она отреклась. Рѣшившись даже надѣть трауръ по своей жертвѣ, англійская королева приказала торжественно похоронить Марию, тѣло которой было положено въ Петерборской церкви, подлѣ Екатерины Аррагонской, первой жены Генриха VIII, и лежало тамъ, пока сынъ шотландской королевы, вступивъ на Великобританскій престолъ, не приказалъ перенести ея прахъ въ Вестминстеръ.

Присоединяя несправедливость къ преступленію и обманъ къ жестокости, Елизавета надѣялась обмануть общее мнѣніе и хотѣла, въ особенности, предотвратить отъ себя неудовольствіе Генриха III и Иакова VI. Ихъ образъ мыслей беспокоилъ ее, — и не безъ основанія. Генрихъ III, не смотря на свою нечувствительность и слабость, очень дурно принялъ заключеніе въ тюрьму Детрапа, допросъ, которому былъ подвергнутъ Шатонёфъ, перехватываніе его курьеровъ и распечатаніе депешъ. Онъ выказалъ Уэду, который былъ нарочно посланъ къ нему Елизаветой съ жалобой на заговоръ, приписываемый членамъ его посольства, все свое недовѣріе на этотъ счетъ и неудовольствіе по поводу поступковъ королевы. Онъ послалъ въ Лондонъ одного изъ своихъ камердинеровъ, Роже, съ порученіемъ требовать Детрапа, чтобы король самъ могъ приказать подвергнуть его допросу, суду и — въ случаѣ виновности его — наказанію. Пользуясь правомъ репрессалій, онъ отказалъ въ аудіенціи посланнику Стэфорту, арестовалъ курьеровъ, распечаталъ депеши Елизаветы въ Діенпъ, и наложилъ эмбарго на англійскія суда во французскихъ портахъ.

Смерть Маріи Стюартъ усилила раздраженіе Генриха, умноживъ его затрудненія. Въ первую минуту двое изъ его министровъ — холодный Белльверъ и осторожный Брюларъ — выразили мнѣніе, что надобно за нее отомстить. Первый говорилъ, что нужно доказать Елизаветѣ, что такъ нельзя поступать съ коронованными особами; второй объявилъ, что не явится въ совѣтъ Генриха III, если король не потребуетъ отчета за подобную смерть. Парижскій народъ чрезвычайнo взволновался, узнавъ о трагической кончинѣ королевы, которую видѣлъ, въ ея молодые годы, на французскомъ тронѣ и на которую теперь смотрѣлъ, какъ на мученицу за католическую вѣру. Проповѣдники Лиги громили во всѣхъ церквахъ англійскую Елизавету, — какъ они называли Елизавету, — и призывали на нее мщеніе Бога и государей. Стэфортъ и Уэдъ не смѣли показываться на парижскихъ улицахъ. Первый, котораго мать находилась при Елизаветѣ испуганный опасностями, которымъ подвергалась королева, былъ убѣжденъ въ ея близкомъ паденіи. Онъ принялъ предосторожности относительно Филиппа II, и чрезъ Мендозу предложилъ ему свои услуги. Онъ говорилъ посланнику, что онъ совершенно преданъ католическому королю, *думая, что его государыня проживетъ* очень не долго послѣ того, какъ она допустила казнь королевы шотландской. Наконецъ Генрихъ III приказалъ отслужить въ церкви Божіей Матери, въ своемъ присутствіи, торжественную панихиду по своей несчастной родственницѣ и казался даже расположеннымъ напасть, вмѣстѣ съ королемъ испанскимъ на англійскую королеву, которая приказала от-

считать банкирскому дому Наллавичино во Франкфуртѣ двѣти пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, чтобы набрать армию изъ нѣмецкихъ рейтаровъ, готовую идти на помощь къ королю наварскому.

Елизавета почувствовала болѣе чѣмъ когданибудь необходимость смягчить его гнѣвъ. Она приняла его чрезвычайнаго посланника Роже, который двѣ недѣли жилъ въ Лондонѣ, не добившись у ней аудіенціи. Говоря съ нимъ о смерти королевы шотландской «съ большими выраженіями горести и почти со слезами на глазахъ», она поручила ему увѣрить Генриха III, что эта смерть послѣдовала противъ ея воли, по ошибкѣ Дэвисона, «который за нею будетъ отвѣчать».

Дэвисонъ дѣйствительно былъ присужденъ Звѣздною палатою 28 марта къ денежному штрафу въ десять тысячъ фунт. стерлинговъ и къ заключенію въ тюрьму, — которое должно было продолжиться по благоусмотрѣнію королевы; — за ослушаніе противъ ея приказаній и присвоеніе правъ ея власти. Вскорѣ послѣ того Елизавета имѣла съ Шатонёфомъ, — котораго она не видала въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ и къ которому посылала Уэльсингъма для восстановленія добрыхъ отношеній между Англіей и Франціей, — разговоръ, въ которомъ она пустила въ ходъ всю свою изворотливость. Она отвела въ сторону посланника Генриха III. взяла его подъ руку и сказала ему смѣясь: «Вотъ кто хотѣлъ меня убить»; она согласилась за тѣмъ, что заговоръ, въ который его впутали, былъ выдумкою двухъ безстыдныхъ негодяевъ, желавшихъ попользоваться отъ него деньгами. Признавая невинность Детрапа, она прибавила, что отнынѣ онъ свободенъ и можетъ возвратиться во Францію. «Я узнала, остроумно прибавила она, что онъ юристъ и хочетъ заниматься адвокатствомъ въ Парижѣ; мнѣ очень жаль, что я сдѣлала ему зло, потому что онъ будетъ на меня сердиться за это всю свою жизнь. Но вы скажете ему, что я надѣюсь никогда не имѣть въ Парижѣ процесса, въ которомъ онъ могъ бы отмстить мнѣ за вредъ, который я ему сдѣлала».

Дойдя до предмета, который въ особенноти ее занималъ, она начала говорить еще съ болѣшею горестью нежели какую выказывала передъ Роже, по случаю смерти шотландской королевы. Она увѣрала, что это самое большое несчастье, какое когда либо ей приходилось испытать. Она утверждала, что подписала приказъ въ угожденіе своему пароду, но что она твердо рѣшилась не липать королеву шотландскую жизни, если только иностранная армія не сдѣлаетъ высадки въ Англіи и если въ пользу плѣнницы не произойдетъ значительнаго возмущенія въ королевствѣ. Она прибавила, что если бы четыре члена ея совѣта, *сыгравшіе съ нею эту штуку*, на которую, по ея увѣренію, она не могла рѣшиться, не были такъ долго въ ея службѣ и не поступали такимъ образомъ единственно изъ усердія къ пользамъ ея и государства, то она велѣла бы отрубить имъ головы. Она сказала Шатонёфу, что онъ не долженъ считать ее на столько слабою и злою, чтобы она сваливала вину на какогонибудь ничтожнаго секретаря, подобнаго Дэвисону, если бы онъ не былъ дѣйствительно виноватъ. Указавъ потомъ Шатонёфу выгоду, которую могли извлечь для себя Англія и Франція изъ взаимнаго между собою

союза, для противодействія планамъ лигиетовъ и честнѣю Филлиппа II, которые одинаково угрожали этимъ обоимъ государствамъ, она объявила ему, что пошлетъ Дрѣна для наваденія на берега Испаніи, и Лейстера—для поддержанія вновь республики Соединенныхъ Провинцій; предлагала для его короля поддержку со стороны четырехъ нѣмецкихъ государей, которые, по ея слову, поспѣшатъ къ его услугамъ со своими войсками и просила его самого сдѣлаться посредникомъ тѣснѣйшей дружбы между нею и королемъ. «Времена теперь таковы, сказала она ему, что мы оба нуждаемся въ ней больше, чѣмъ когда нибудь». Не будучи обманутъ записательствомъ Елизаветы, но необуждаемый тѣми же самыми политическими причинами, которые руководили ею, Генрихъ III рѣшился не мстить за смерть Маріи Стюартъ. Интересъ взявъ верхъ надъ родственными чувствами и, чтобы не подвергать опасности свою корону, онъ пересталъ защищать общее дѣло королевской власти. Онъ боялся, какъ бы, помогая фанатическимъ католикамъ континента овладѣть Англіей, не сдѣлать ихъ побѣдителями въ Нидерландахъ и всемогущими во Франціи, и какъ бы паденіемъ Елизаветы не подготовить увеличенія силъ Филлиппа II, возвышенія Гизовъ и своей собственной гибели. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ неудовольствія и траура, онъ, по совѣту королевы, своей матери, уполномочилъ Шатонёфа уладить вѣстѣ съ Уэльсингемомъ несогласія, происшедшія между двумя государствами. Впрочемъ рассориться съ Елизаветой было бы для него столько же трудно, сколько и опасно. Необходимость отразить вторженіе нѣмецкихъ рейтаровъ, которые проникли во Францію лѣтомъ 1587 года и противостоятъ лигистамъ, которые овладѣли Парижемъ посредствомъ баррикады 1588 г., должна была заставить его не нападать на другихъ, а ограничиться собственной защитой.

Короля шотландскаго, по видимому, не такъ легко было успокоить; смерть его матери исполнила его негодованіемъ. Онъ громко говорилъ, что подобный поступокъ не останется безъ отмщенія. Елизавета, опасаясь рѣшеній, которыя онъ могъ принять подъ влияніемъ собственнаго гнѣва, враждебныхъ чувствъ къ ней со стороны его подданныхъ и совѣтовъ континентальныхъ государей, — послала къ нему сына своего двоюроднаго кузена лорда Гэнсдона, молодого Роберта Кэрей, который счумѣлъ понравиться Іакову VI. Робертъ Кэрей привезъ ему собственноручное письмо Елизаветы, которая разсыпалась въ оправданія и выраженія горести одинаково лиционныхъ искренности. Она говорила «о крайней скорби, которая подавляла ее по случаю плачевнаго событія, происшедшаго вопреки ея намѣреніямъ, и призывала Бога во свидѣтели, что была въ немъ совершенно невинна.» Она умоляла его повѣрить, что еслибы оно совершилось по ея приказанію, то у нея достало бы смѣлости признаться въ этомъ. «Мое сердце не такъ низко, — говорила она, съ притворной гордостью, — чтобы, боязнь навлечь гнѣвъ какого либо живаго существа или какого нибудь короля могла помѣшать мнѣ сдѣлать то, что справедливо, или заставила бы меня отпереться отъ моего поступка. Родъ, изъ котораго я происхожу, не допускаетъ такихъ низкихъ мыслей. Будь-

те увѣрены, что, каковы бы ни были для меня послѣдствія моихъ поступковъ, я не стану ихъ сваливать на другихъ». Она увѣрила Іакова VI, что ни одинъ изъ королей не привязанъ къ нему болѣе, чѣмъ она, и выражала самое заботливое участіе къ нему и къ его государству.

Въ первую минуту гнѣва Іаковъ VI не хотѣлъ допустить Роберта Кэрея въ Шотландію, гдѣ національныя чувства высказывались, съ большою силою, противъ Елизаветы. Онъ заставилъ его остановиться въ Бервикѣ, и туда-то отправились сэръ Робертъ Мельвилъ и лордъ Кауденаузъ, чтобы выслушать то, что она поручила Кэрею сказать имъ относительно смерти его матери. Въ то самое время, какъ онъ наносилъ это оскорбленіе высокоумной Елизаветѣ, онъ позволялъ пограничнымъ начальникамъ своего государства опустошать англійскую границу, а жителямъ подвластныхъ ему острововъ—подавать помощь ирландскимъ инсургентамъ. Казалось даже, что онъ сблизился съ католиками: онъ принималъ эмиссаровъ короля испанскаго, выслушивалъ іезуитовъ, возвратилъ епископу Росскому всѣ его титулы, и акредитовалъ, въ качествѣ своего посланника при Генрихѣ III, вѣрнаго слугу Маріи Стюартъ, архіепископа Гласгоскаго, который, отъ его имени, просилъ помощи этого государя, для отмщенія за смерть его матери.

Елизавета была очень встревожена тѣмъ, что происходило въ Шотландіи. Однакоже она не жаловалась на опустошенія, сдѣланныя Фарнигерстомъ, Сесфордомъ, Ботвелемъ, Ангусомъ и Джонстономъ, которые, съ согласія молодого короля, превратили пограничныя земли въ пустыню. Она боялась чтобы эти частныя нападенія не перешли во всеобщую войну, такъ какъ все дворянство взялось за оружіе и жители сѣвера, такъ же какъ и юга, съ одинаковою настоятельностью требовали вторженія съ огнемъ и мечемъ до самыхъ воротъ Ньюкэстля. Во время этого движенія національной ярости ненавистный Грэй былъ преслѣдуемъ за государственную измѣну и избѣжалъ смерти только тѣмъ, что подвергнулся вѣчному изгнанію. Партизаны Елизаветы молчали и никто не осмѣливался уже защищать прежній союзъ, заключенный съ нею.

Но англійская королева нисколько не отчаявалась опять привлечь на свою сторону честолюбиваго Іакова VI. Это было ей тѣмъ необходимо, что ей грозила бы большая опасность если бы открытая непріязнь Шотландіи присоединилась къ возстанію Ирландіи и облегчила бы вторженіе въ Англію, которое приготавлилось на берегахъ Испаніи и Фландріи. Она представила ему наследованіе англійской короны обезпеченнымъ для него, если онъ сохранитъ миръ, и потеряннымъ, если онъ вступитъ въ войну. По ея приказанію Уэльсингамъ написалъ Мэтленду, государственному секретарю Іакова VI, искусное письмо, въ которомъ толковалъ единственно объ этомъ великомъ наследствѣ. Онъ говорилъ, что разрывъ съ Англіей будетъ со стороны его короля самымъ неполитичнымъ и самымъ опаснымъ поступкомъ; что онъ пробудитъ воспоминаніе о забытой старинной враждѣ между двумя націями; что онъ сдѣлаетъ его ненавистнымъ

англійскому народу, въ глазахъ котораго безвозвратно повредитъ его правамъ; что Іаковъ VI не можетъ надѣяться на помощь короля французскаго, мало расположеннаго поддерживать близкаго родственника государей изъ дома Гизовъ и естественно враждебнаго соединенію двухъ коронъ Англій и Шотландіи на одной головѣ; что, наконецъ, онъ будетъ въ этомъ случаѣ работать для короля испанскаго, въ которомъ долженъ видѣть скорѣе соперника, нежели союзника.

Эти доводы поразили Іакова VI, но еще не заставили его рѣшиться. Выслушавъ политическіе совѣты англійской королевы, онъ все таки оставался въ тайныхъ сношеніяхъ съ Филиппомъ II, не желая отказать ни отъ англійской короны, ни отъ мщенія за мать. Онъ долго оставался въ этомъ двусмысленномъ положеніи и съ напрактиковавшимся уже двоедушіемъ ладилъ съ двумя великими сторонами, готовыми вступить въ борьбу, не объявляя себя ни за одну изъ нихъ. Онъ позволилъ іезуитамъ свободно развѣжывать по его королевству, и графамъ Гантли, Мортону, Крофорду, предводителямъ шотландскихъ католиковъ, сговариваться съ герцогомъ Пармскимъ въ пользу экспедиціи, которую готовилъ Филиппъ II.

Король испанскій одинъ серьезно думалъ отмстить за смерть Маріи Стюартъ. Онъ былъ побуждаемъ къ этому и необходимостью распространить католическую вѣру и желаніемъ увеличить свое владычество. И такъ, возстановить прежнюю религію на островѣ, который былъ тогда гнѣздомъ самаго жаркаго протестантизма и вѣрнѣею точкою опоры для возмущеній въ остальной Европѣ; приобрести новый престолъ; наказать Елизавету за совершенное ею преступленіе; потребовать отъ нея отчета въ нападеніяхъ, которыя она позволяла себѣ въ теченіе столь долгаго времени; подавить бунтъ Соединенныхъ Провинцій покореніемъ Англій: таковы были обширные планы, исполненію которыхъ Филиппъ II посвятилъ всѣ силы своего государства. Какъ только онъ увидѣлъ, что требованія его честолюбія согласны съ его чувствами, то не колебался болѣе.

Послѣ смерти Маріи Стюартъ онъ не отказался отъ своихъ притязаній на двойное наслѣдство, которое она оставила ему. «Богъ», писалъ ему Мендоза, допустилъ, чтобы эта отверженная нація пала въ состояніе проклятія не только относительно того, что касается служенія Ему, — грѣша противъ него своею ересью, — но и въ томъ, что касается дѣлъ человѣческихъ, — совершивъ такое преступленіе; — и потому очевидно, что Онъ хотѣлъ дать вашему величеству эти двѣ короны въ полную собственность». Епископъ Росскій написалъ на языкахъ французскомъ, латинскомъ и англійскомъ сочиненіе въ доказательство того, что Филиппъ II есть законный наслѣдникъ англійскаго престола, на который король шотландскій не имѣетъ права, будучи еретикомъ. Испанскій посланникъ говорилъ съ папскимъ нунціемъ о правахъ своего государя и рѣшился даже говорить объ нихъ Катеринѣ Медичи. Герцогъ Гизъ призналъ ихъ. «Ни родство, писалъ онъ къ Мендозѣ, ни другіе какіе либо личные интересы, не могутъ пересилить во мнѣ обязанностей любви, и низжайшей преданности къ испанскому королю. Я считаю его католическое величество общимъ

отцомъ всѣхъ католиковъ, и пошелъ въ особенностяхъ. Онъ представлялъ ему мнѣніе за Марію Стюартъ, и принималъ на себя трудъ доставить торжество католицизму во Франціи, между тѣмъ, какъ Филиппъ II возстановить его въ Англіи.

Располагая кораблями и моряками Италіи, Португаліи и Испаніи, Филиппъ, которому служили солдаты, привыкшіе къ войнѣ болѣе всѣхъ другихъ въ Европѣ, и который обладалъ сокровищами новаго свѣта, казалось, болѣе всякаго другаго, имѣлъ средствъ успѣть въ томъ, что рѣшался предпринять. Проектъ вторженія, который онъ уже замышлялъ въ 1570 году, и приготовленія къ которому началъ въ 1583, былъ причиною самаго обширнаго морскаго вооруженія, небывалаго до этихъ поръ. Надъ нимъ работали очень дѣлательно во всѣхъ портахъ испанской монархіи. Сборнымъ пунктомъ всего флота былъ лиссабонскій рейдъ, куда всѣ суда Сициліи, Неаполя, Каталоніи, Андалузіи, Галисіи, Бискаіи, подъ предводительствомъ самыхъ искусныхъ и неустрашимыхъ моряковъ, должны были прийти весной 1588 года. Этотъ флотъ, который получилъ имя *непобѣдимой армады*, состоялъ изъ 135 судовъ разныхъ размѣровъ. Кромѣ наравелль, урковъ, забрѣ, галерѣ, которые были обыкновенными парусными и весельными судами того времени, въ немъ было нѣкоторое число гальоновъ и четыре галеассы огромной величины. Гальоны были круглые, а галеассы—плоскіе корабли гигантскихъ размѣровъ съ укрѣпленными башнями и пушками, поставленными въ нѣсколько этажей. Этотъ флотъ, на которомъ было 8 тысячъ человѣкъ экипажа, и 20 тысячъ десанта, нагруженный оружіемъ, снарядами, всякаго рода запасомъ провизіи на шесть мѣсяцевъ, и везущій, для обращенія острова, главнаго викарія инквизиціи, въ сопровожденіи болѣе нежели ста іезуитовъ и другихъ монаховъ принадлежавшихъ къ испещенствующимъ орденамъ, былъ ввѣренъ начальству маркиза Санта-Круца, опытнаго адмирала, который два раза разбилъ подлѣ Терсеиры пріора Антонія де Крато, когда этотъ послѣдній старался овладѣть Португаліей.

Въ самое то время, какъ дѣлались эти огромныя приготовленія на испанскомъ полуостровѣ, герцогъ Пармскій собиралъ не менѣе значительныя силы на берегахъ Фландріи. Этотъ искусный генералъ былъ назначенъ военнымъ начальникомъ экспедиціи. Кромѣ войскъ, которыя онъ имѣлъ въ своихъ гарнизонахъ и подъ своими знаменами, пять тысячъ человѣкъ шли къ нему изъ сѣверной и средней Италіи, четыре тысячи изъ королевства неаполитанскаго, шесть тысячъ изъ Кастиліи, три тысячи изъ Арагоніи, три тысячи изъ австрійской Германіи съ 4 эскадронами рейтаровъ, и онъ долженъ былъ получить также войска изъ Франшъ-Конте и южныхъ Нидерландовъ. По его приказанію Ваесскій лѣсъ былъ срубленъ для постройки шлюпскихъ судовъ, которыя, будучи спущены по рѣкамъ и каналамъ въ Ньюпортъ и Дюнкеркенъ, должны были перевести еще тридцать тысячъ человѣкъ до устьевъ Темзы, подъ защитой главнаго испанскаго флота. Артиллерійскія принадлежности, ящики, осадные инструменты и всѣ матеріалы, необходимыя для наведенія мостовъ, устройства лагерей,

и крепостей, должны были поместиться на кораблях герцога Пармского, который продолжал завоеваніе Нидерландовъ, дѣлая въ то же время всё нужныя приготовления для вторженія въ Англію. Благопріятствемъ несогласіями, происшедшими въ 1586 году между инсургентами сеюныхъ провинцій и Дейстеромъ, онъ снова приобрѣлъ Девентеръ и фортъ передъ Цутфеномъ, — которые англійскіе начальники сэръ Уильямъ Стэнлей, другъ Вэбингтона и сэръ Роландъ Йоркъ сдали ему, перешедши съ своими войсками, послѣ смерти Маріи Стюартъ, на службу Филиппа II, — и взяли Эклюзъ. Онъ думалъ оставить графу Мансфельду силы, достаточныя для продолженія этого дѣла, сдѣлавшагося второстепеннымъ и идти самому съ 50 тысячами человекъ *армады* и флотиліей для исполненія главнаго предпріятія.

Это предпріятіе, которое чрезвычайно близко касалось папской власти, Филиппъ замыслилъ вмѣстѣ съ папой. Сикстъ V обѣщалъ содѣйствовать даянгами. Онъ обязался доставить миллионъ дукатовъ, когда экспедиція достигнетъ британскихъ береговъ. Въ ожиданіи этого, онъ, по просьбѣ Филиппа II, далъ кардинальскую шапку доктору Олдену — директору англійской семинаріи въ Реймсѣ и начальнику католическихъ эмигрантовъ, который былъ назначенъ папскимъ легатомъ въ Англіи. Буллою, которая должна была остаться въ тайнѣ до высадки, Сикстъ возобновлялъ проклятіе, которому предаде Елизавету Пій V и Григорій XIII; онъ объявлялъ ее лишеною престола. Новый легатъ съ своей стороны приготовлялъ громкой манифестъ, въ которомъ опровергалъ ее безчестіемъ ея рожденія, дерзостью ея еретичества, коварствомъ ея характера, развращенностью ея нравовъ, жестокостью ея поступковъ. Аккумуляторы этого манифеста предполагалось распространить по прибытіи армады къ мѣсту назначенія, чтобы, потрясенное презрѣніемъ и ненавистью англійскаго народа, правительство Елизаветы пало скорѣе при испанскомъ нападении.

Какъ ни было велико вооруженіе, надъ которымъ трудились на столькихъ пунктахъ, объемъ его и назначеніе оставались неизвестными. Секретъ предпріятія сохранялся между Филиппомъ, Сикстомъ V, герцогомъ Пармскимъ, Мендозой и герцогомъ де Гвезомъ. Онъ былъ старательно скрытъ отъ французскаго двора и даже отъ находившихся при этомъ дворѣ нунція Моризини, который, родомъ венеціанецъ, былъ слишкомъ преданъ выгодамъ Генриха III и склонялся на сторону политики Екатерины Медичи. Такимъ образомъ и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ спрашивали назначена ли эта экспедиція для наказанія Нидерландовъ, или для вторженія въ Англію или же для отправленія въ Индію. Мендоза искусно поддерживалъ эту неизвѣстность, въ которой долгое время находилась и сама Елизавета.

Не смотря на свою пронырливость и на тревогу, отъ которой она не могла избавиться, эта королева надѣялась, что собирающаяся буря не разразится надъ ея королевствомъ. Еще весною 1587 года, гораздо прежде нежели испанскій флотъ былъ готовъ соединиться на востокъ Таго, она послала Франсиса Дрэка съ 37 кораблями, чтобъ набѣдять за берегами полуострова. Этотъ неустранимый морякъ,

дѣлая больше, нежели ему было приказано, заходилъ въ ладисскую бухту и на лиссабонскій рейдъ, гдѣ надѣлалъ много вреда. Кромѣ того, лѣтомъ того же года Лейстеръ вернулся въ Нидерланды съ 5 тысячами человекъ, чтобы помочь встревоженной республикѣ Соединенныхъ Провинцій противъ Испаніи. Такіе оскорбительно-враждебные поступки не помѣшали Елизаветѣ начать переговоры съ Филиппомъ II и даже думать, что ей удастся обезоружить его негодованіе.

Она назначила своими комиссарами графа Дерби, лорда Кобгема, сэра Джемса Крофта и двухъ юрисконсультовъ Дэля и Роджерса, которые поѣхали во Фландрію въ началѣ 1508 года и тамъ встрѣтились съ уполномоченными Филиппа II. Такой же скрытный какъ Елизавета, умѣя обманывать еще съ большимъ спокойствіемъ и съ такимъ же искусствомъ какъ она, Филиппъ принялъ предложеніе переговоровъ о мирѣ, чтобы ее успокоить и напасть на нее внезапно.

Англійскіе комиссары просили, чтобы старый союзъ между Англіею и Бургундскимъ домомъ былъ возобновленъ; чтобы иностранныя войска были вызваны изъ Нидерландовъ, и чтобы эти провинціи пользовались свободою совѣсти. Испанскіе комиссары согласились на первое изъ этихъ условій и отвергли два другія, какъ противныя выгодамъ и религіи своего государя и притомъ мало сообразныя съ поведеніемъ королевы Елизаветы, требовавшей для протестантовъ въ Нидерландахъ терпимости, въ которой она отказывала католикамъ въ Англій. Также не поладилъ относительно возвращенія городовъ, заложенныхъ Штатами Елизаветѣ, и уплаты суммъ, которыя она давала имъ въ займы.

Эти переговоры, продолжавшіеся въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ 1588 г. встревожили Генриха III: онъ въ особенности боялся сближенія между Испаніею и Англіею, послѣ котораго Филиппъ II покорилъ бы Соединныя Провинціи и затѣмъ подчинилъ бы своему вліянію Францію. И потому, чтобы отвратить Елизавету отъ всякаго соглашенія съ Испаніею, онъ предложилъ ей, въ случаѣ нападенія на испанцевъ, силы вдвое большія противъ тѣхъ, которыя трактатъ 1574 г., обязывалъ его послать ей на помощь. Онъ имѣлъ съ посланникомъ Стэффортномъ продолжительное совѣщаніе по этому предмету и сказалъ ему, что папа и католическій король соединились противъ Елизаветы, что они приглашали также его и венеціанцевъ вступить съ ними въ союзъ, но получили отказъ. «Если англійская королева, прибавилъ онъ заключить миръ съ католическимъ королемъ,—этотъ миръ не продолжится и три мѣсяца,—потому что католическій король употребилъ всѣ свои силы въ помощь Лиги, для низверженія меня, и вы можете себѣ вообразить какія послѣдствія могутъ изъ этого произойти для вашей государыни.» Съ другой стороны, чтобы лучше помѣшать этимъ переговорамъ, онъ предложилъ Филиппу II болѣе тѣсный союзъ между Франціею и Испаніею и въ то же время тайно послалъ въ Константинополь довѣренное лицо съ порученіемъ — предупредить султана, что если онъ не объявитъ

снова войны испанскому королю, то Филиппъ II, владѣя уже Нидерландами, Португаліей, Испаніей, Индіей и почти всей Италіей, овладѣетъ также и Англіей, и затѣмъ обратитъ силы цѣлой Европы противъ турокъ.

Филиппъ II зналъ обо всѣхъ этихъ интригахъ, которыя думалъ сдѣлать безуспѣшными быстротою своихъ ударовъ. Онъ придумывалъ самыя вѣрныя средства исполнить предпріятіе, которое онъ приготовилъ съ такою тщательностью, и которое не хотѣлъ далѣе откладывать. Онъ отвергъ совѣты очень благоразумные, хотя чрезвычайно различные, поданные людьми, извѣстными своею опытностью. Чтобы не подвергать такой большой флотъ какъ *армада* опасностямъ моря, такъ часто возмущаемаго бурями, сэръ Уильямъ Стэнлей предложилъ сдѣлать высадку въ Ирландію, гдѣ можно было укрѣпиться и откуда легко было вторгнуться въ Англію. Шотландскій полковникъ Семплъ, вмѣстѣ съ итальянскимъ инженеромъ Плато, составившимъ карту британскихъ береговъ, стоялъ, напротивъ того, за высадку въ Шотландію, гдѣ дворянство было готово взяться за оружіе, а народъ былъ расположенъ отмстить за умерщвленіе Маріи Стюартъ. Наконецъ адмиралъ Санта Крузъ и принцъ Пармскій, совѣтовали прежде всего обезпечить за собою какой нибудь большой портъ на берегахъ Голландіи или Зеландіи, чтобы *армада*, войдя въ Ламаншъ, могла укрываться тамъ отъ бурь и оттуда безпрепятственно пройти въ Англію. Филиппъ не принялъ ни одной изъ этихъ благоразумныхъ мѣръ. Этотъ осторожный государь, который такъ часто вредилъ своимъ планамъ проволочками и уничтожалъ свои приготовленія нерѣшительностью, на этотъ разъ своею поспѣшностью подвергнулъ риску самое важное предпріятіе своего царствованія.

Но если онъ не согласился на предварительное занятіе принцемъ Пармскимъ Флессинга и устьевъ Эско, то не хотѣлъ также, чтобы *армада* вышла изъ лиссабонской гавани прежде, чѣмъ герцогъ Гизъ и лигисты подымутъ оружіе противъ Генриха III, чтобы воспрепятствовать всякой диверсiи со стороны Франціи, въ пользу королевы Елизаветы. Съ этою цѣлю командоръ Хуанъ Ингуэцъ Морео отправился, около первыхъ чиселъ апрѣля, къ герцогу Гизу въ Суассонъ, между тѣмъ какъ принцъ Пармскій отослалъ обратно въ Шотландію графа Мортонна, который пріѣзжалъ договариваться съ нимъ отъ имени католиковъ своего отечества, и который сопровождалъ полковника Семпла, имѣвшаго порученіе — предложить Іакову VI отмстить, наконецъ, за смерть своей матери и за оскорбленіе, нанесенное шотландской націи. Командоръ Морео имѣлъ полный успѣхъ въ Суассонѣ. Онъ предложилъ герцогу Гизу, какъ только послѣдній разойдется съ Генрихомъ III, триста тысячъ экю, шесть тысячъ ландскнехтовъ и тысячу двѣсти копейщиковъ, отъ имени своего государя, который, кромѣ того, долженъ былъ отозвать своего посла при французскомъ дворѣ и аккредитовать другаго при католической партіи. На этихъ условіяхъ былъ заключенъ трактатъ, и герцогъ Гизъ вошелъ въ Парижъ, гдѣ его ждали лигисты, и откуда 13 мая онъ

выгнать Генриха III возстаніемъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого возмущенія,—которое привело Генриха III въ безсиліе и не позволяло ему даже, по выраженію герцога Пармскаго, *помогать королевы англійской своими слезами, въ которыхъ онъ самъ имѣлъ нужду, для оплакиванія своєю собственнаго несчастія*, — испанскій флотъ вышелъ изъ Таго и направился къ Британскимъ островамъ.

Елизавету застали въ располѣхъ: обманутая переговорами, которые продолжались въ Нидерландахъ, она раздѣляла надежды на миръ, питаемая лордомъ казначеемъ, котораго предусмотрительность и тактъ на этотъ разъ обманулись. Не смотря на совѣты Уэльсінгэма и Лейстера, которые представляли ей неизбежность вторженія, она, ради скупости, пожертвовала безопасностью, и очень плохо приготовилась къ защитѣ. Въ ту минуту, когда *армада* выходила уже въ море, флотъ англійской королевы еще не былъ снаряженъ и на почвѣ Англій не было набрано ни одного солдата. Къ счастью ей помогла буря. Не миновавъ еще береговъ Испаніи, армада, противъ мыса Финистерре, была застигнута первымъ ураганомъ, который разсѣялъ ее и заставлялъ войти въ бискайскіе и галисійскіе порты, причинивъ ей большія поврежденія. Сверхъ того она теперь уже не состояла подъ начальствомъ маркиза Санта Круза. Этому опытному моряку, не смотря на его ревность и успѣхи, не удалось свискать благосклонность своего государя, который, въ своей горячности, сдѣлался нетерпѣливымъ. Филиппъ II упрекалъ его въ медлительности и, съ неблагодарною суровостью, сказалъ ему: «Вы очень мало признательны за мою благосклонность къ вамъ.» Эти слова, сказанныя столь самовластнымъ королемъ, не любившимъ говорить даромъ, были убійственны для Санта-Круза. Измученный трудами и скорбью, онъ умеръ, и Филиппъ II назначилъ на его мѣсто Алонзо-Переса-Гусмана, герцога де-Медина-Сидонія, одного изъ самыхъ знатныхъ вельможъ Испаніи, но мало способнаго къ управленію подобною экспедиціей. Впрочемъ, помощниками его были два искусныхъ моряка—бискаецъ Хуанъ Мартинецъ де Рекальде и Мигуэль Оквендо.

Между тѣмъ какъ армада собиралась вновь и чинилась у береговъ Испаніи, Елизавета поняла наконецъ всю важность опасности и позаботилась о предотвращеніи ея. Энергія и предусмотрительность возвратились къ ней; она составила военный совѣтъ, для принятія мѣръ къ защитѣ королевства; предписала завербовать въ графствахъ всѣхъ людей мужскаго пола, способныхъ носить оружіе, отъ восемнадцати до шестидесяти-лѣтняго возраста; приказала собрать двѣ арміи: одну—изъ 31932 человекъ пѣхоты и 2400 кавалеріи, предназначенную, подъ начальствомъ Лейстера, идти противъ непріятеля, другую—изъ 34400 человекъ пѣхоты, 1914 человекъ кавалеріи и 36 артиллерійскихъ орудій разнаго калибра, назначенную, подъ начальствомъ Гансдона, защищать особу королевы. Она вздумала укрѣпить позицію Тильбюри близъ устья Темзы, гдѣ должны были сдѣлать вторженіе испанцы, и велѣла удалить на островъ Эли и во внутренность королевства наиболѣе подозрительныхъ англійскихъ католиковъ, подвергнувъ остальныхъ строгому надзору. Двѣ арміи — Лей

стера и Гэисдона были созваны: первая—къ 28 іюня, вторая—къ 23 іюля. Этотъ срокъ былъ бы слишкомъ позднимъ, еслибы армада не была остановлена бурей; и даже при этой помѣхѣ онъ былъ недостаточно скоръ для приведенія этихъ армій въ такое состояніе, чтобы онѣ могли бороться съ испытанными испанскими войсками. Но постоянное благопріятствованіе судьбы и неустрашимость англійскаго флота предотвратили вредъ, который могъ произойти отъ медленности Елизаветы и спасли ее отъ ошибокъ, въ которыя вовлекли ее легкомысліе и скупость.

Число собранныхъ ею кораблей было значительно. Съ помощію лондонскаго Сити, которое одно отдало тридцать восемь судовъ въ ея распоряженіе, и благодаря преданности своихъ подданныхъ, которые шли на защиту своей родины и религіи, она скоро собрала флотъ изъ девяносто-одного корабля, на которыхъ находилось 15279 человекъ. Впрочемъ эти суда большею частію были малаго размѣра. Наиболѣе значительными командовали Дрэкъ, Форбисеръ, Уинтеръ, Гокнисъ и всѣ тѣ смѣлые моряки, которые на отдаленныхъ моряхъ ознаменовали себя подвигами въ борьбѣ противъ испанскаго могущества. Этотъ многочисленный и легкій флотъ,—на который стеклись волонтеры, принадлежавшіе къ знатнѣйшимъ фамиліямъ Англіи, на которомъ находились люди, обладавшіе такою же храбростію какъ искусствомъ—былъ ввѣренъ адмиралу Говарду Эффингэму. Помощникомъ его былъ Франсисъ Дрэкъ. Флотъ собрался въ Плимѣтъ, гдѣ онъ ожидалъ армады у входа въ каналъ, отдѣляющій островъ отъ континента, между тѣмъ какъ сильная дивизія подъ начальствомъ лорда Генри Сеймъра и Уинтера отправилась на другую сторону Па-де-Кале, чтобы соединиться съ голландскимъ адмираломъ Лонкомъ и адмираломъ Зеландіи Юстиномъ Нассау, блокировать вмѣстѣ съ ними берега Фландрій и мѣшать соединенію флотилии принца Пармскаго съ армadoю герцога Медина Сидоніи.

Послѣдняя 20 іюля вышла опять въ море. Подъ спокойнымъ небомъ, по невозмущенному океану—плаваніе ея сначала было благополучно. Этотъ флотъ, самый большой, какой только когда либо носился по волнамъ Атлантики, величественно подвигался впередъ. Онъ считался непобѣдимымъ, включая въ себя семь тысячъ пятьсотъ моряковъ, которые управляли его движеніями, везя девятнадцать тысячъ солдатъ десанта и многочисленное полчище священниковъ и монаховъ, для завоеванія и обращенія Англіи. Съ своими гигантскими галеассами и страшными гальонами онъ похожъ былъ на какой-то укрѣпленный городъ, плывущій по водамъ. Онъ возбуждалъ повсюду восторгъ и удивленіе. Миновавъ ю. з. оконечность Британіи, онъ на послѣдокъ, очутился противъ англійскихъ кораблей, стоявшихъ на якорѣ въ Плимѣтъ. Будучи сильнымъ и благопріятствуемый вѣтромъ, который дулъ съ юга, онъ могъ напасть на Говарда и Дрэка и однимъ ударомъ очистить путь въ Англію. Этого-то и требовали непрерывно испанскіе капитаны; но герцогъ Медина-Сидонія, собравъ ихъ, показалъ имъ повелѣніе короля, который запрещалъ вступать въ битву до соединенія съ герцогомъ Пармскимъ и пока всѣ войска не будутъ

перевезены на берега Темзы. Донъ-Хуанъ де-Рекальде утверждалъ однако же, что нападеніе должно дѣлать тогда, когда существуетъ увѣренность въ побѣдѣ и что въ настоящемъ случаѣ должно служить королю неповиновеніемъ. Но робкій герцогъ Медина-Сидонія, строгій исполнитель полученныхъ имъ инструкцій, продолжалъ свой путь къ берегамъ Фландріи. Онъ слишкомъ покорно повиновался приказанію, которое, будучи дано вдали отъ мѣста и обстоятельствъ, было ошибочнымъ, потому что запрещало пользоваться удобнымъ случаемъ дать сраженіе и не предохраняло отъ необходимости принять его при неблагоприятныхъ условіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ Говардъ и Дрэкъ, избѣгнувъ этой опасности, послѣдовали за армადой, — которая, выстроившись въ видѣ полумѣсяца, медленно подвигалась впередъ, — и сдѣлали удачное нападеніе на ея аррьергардъ. Въ этомъ узкомъ каналѣ, котораго проходы и подводные камни имъ были хорошо известны, ихъ легкіе корабли всегда умѣли найти вѣтеръ и, избѣгая столкновенія съ ужасной массой, о которую они бы разбились, они все-таки значительно вредили ей. 4 августа они дали удачное сраженіе противъ острова Уайта и безпокоили армаду постоянно до Кале, гдѣ она бросила якорь 6-го. Находясь въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Дюнкирхена и Ньюпорта, она, повидимому, была не далеко отъ цѣли своего предпріятія.

При приближеніи армады, принцъ Пармскій, прервавъ переговоры между испанскими и англійскими комиссарами, приготовилъ все, чтобы соединиться съ нею. 7 и 8 августа онъ посадилъ четырнадцать тысячъ челоѣвъ на ньюпортскую флотилію и за тѣмъ отправился, чтобы посадить остальныхъ войска экспедиціи на суда флотиліи дюнкирхенской. Герцогъ Медина-Сидонія приготовлялся присоединиться къ нему и конвоировать его плоскіе корабли къ устью Темзы. Но Дрэкъ не далъ ему времени для этого. Съ своимъ горячимъ и неутомимъ упорствомъ онъ не переставалъ преслѣдовать армаду и бросилъ якорь недалеко отъ нея. Стихія помогли его нападеніямъ. Ночью 8 и 9 небо помрачилось, и назелтризованная атмосфера предвѣщала бурю. Дрэкъ велѣлъ наполнить восемь самыхъ негодныхъ маленькихъ судовъ своего флота селитрою, смолою и другими горючими веществами и поставить ихъ въ сосѣдствѣ испанскаго флота. Въ нѣкоторомъ разстояніи ихъ подожгли и восемь брандеровъ, освѣтивши вдругъ ночной мракъ своимъ зловѣщимъ свѣтомъ, пошли къ армадѣ. Испанскій флотъ былъ объятъ ужасомъ. Онъ побоялся какъ бы не сгорѣть подобно другому флоту, сгорѣвшему за нѣсколько дѣтъ передъ тѣмъ у Анжера, — и испанцы, поднявъ якоря и обрубивъ канаты быстро оставили берегъ, и въ безпорядкѣ бросились въ открытое море. Но избѣгнувъ пожара, они подверглись бурѣ.

Она разразилась въ эту минуту и югозападный вѣтеръ подулъ съ страшною силой. Гонимая этичъ ураганомъ, армада, которую англійскій флотъ преслѣдовалъ во весь слѣдующій день, грозя ея пушечною пальбою, была брошена къ берегу между Кале и устьями Эско; она съ трудомъ выбралась изъ этихъ мелей, гдѣ потерпѣли крушеніе многие изъ ея гальоновъ и одна изъ четырехъ большихъ галеасъ. Армада потеряла уже пятнадцать кораблей съ 4791 челоѣвъ и могла избавиться отъ дальнѣйшихъ потерь только выйдя изъ этого опаснаго канала. Экспедиція не удалась, и герцогъ Медина-Сидонія, гонимый съ юга на сѣверъ бурей, которая не позволяла ему опять идти чрезъ Ламаншъ, не подвергаясь вѣрной гибели, бросился на дорогу, почти столько же опасную. Онъ обогнулъ Англію, Шотландію и Ирландію и чрезъ Сѣверный океанъ направился въ Испанію. Тревожимый бурями, онъ въ этомъ переходѣ усыпалъ обломками сво-

его флота незнакомое ему море, и у береговъ одной Ирландіи оставилъ семнадцать кораблей.

Между тѣмъ какъ армада испытывала эти бѣдствія, а принцъ Парликиа, приведенный въ уныніе такою большою неудачей, снималъ свои войска съ плоскихъ судовъ, король шотландскій сдѣлалъ наконецъ свой выборъ между Филиппомъ II и Елизаветой. Долго онъ ладилъ и съ тѣмъ и съ другимъ. Еще въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ благожелательно принялъ полковника Семпла, присланнаго къ нему принцемъ. Онъ писалъ къ этому послѣднему въ выраженіяхъ, изъ которыхъ можно было заключить, что онъ намѣревается быть его союзникомъ. Но когда графъ Мортонъ, согласно тому, что было условлено въ Нидерландахъ, подалъ шотландскимъ католикамъ сигналъ къ возстанію, для поддержанія испанской экспедиціи, то Іаковъ VI powstał, что ему грозитъ общая съ Елизаветой опасность. Не смотря на стараніе испанскихъ агентовъ не говорить ничего о религіозной цѣли предпріятія и скрыть отъ него честолюбіе Филиппа II, подъ видомъ мщенія за смерть матери Іакова, послѣдній хорошо понималъ, что дѣлошло о возстановленіи старой религіи въ Англіи и о покореніи этой страны владычеству католическаго короля. И такъ онъ не колебался болѣе. Онъ сказалъ, что испанскій король дѣлаетъ ему ту же милость, какую хотѣлъ оказать Одиссею Полифомъ, т. е. предоставляетъ ему быть съѣденнымъ послѣ всѣхъ, — и пошелъ противъ Мортонъ, взялъ у него замокъ Лочмэбэнъ и заключилъ самого Мортонъ въ тюрьму, разбилъ его при Дэмэривѣ. Эта рѣшительная мѣра остановила предпріятія шотландскихъ католиковъ и избавила отъ большаго безпокойства Елизавету, которая еще не успѣла привести сѣверную границу, своего королевства въ оборонительное положеніе. Она тотчасъ же послала къ молодому королю, — который и своею религіею и интересами былъ побуждаемъ возобновить съ нею союзъ, Уильяма Эшби, чтобы поздравить его и предложить ему отъ ея имени герцогство въ Англіи, какъ ступень къ трону, пять тысячъ фунт. стерл. пенсін и денги на содержаніе пятидесяти тѣлохранителей изъ шотландскихъ дворянъ. Эти обязательства, которыя Елизавета приняла на себя въ минуту опасности и отъ исполненія которыхъ она уклонилась по минованіи этой опасности, окончательно склонили Іакова VI на ея сторону. Онъ снова вступилъ въ соглашенія съ Елизаветой; честолюбіе говорило въ немъ громче родственныхъ чувствъ; и потому, тѣже самыя причины, которыя дѣлали его столь уступчивымъ относительно плѣна его матери, помѣшали ему потребовать отчета въ ея смерти.

Англійская королева торжествовала вполне. Если она не видѣла опасности издали, то, покрайней мѣрѣ, встрѣтила ее съ благороднымъ мужествомъ. Она воодушевляла Англію своею неустрашимостью и увѣренностью; она хотѣла стать во главѣ своихъ войскъ, которыя она посѣтила въ ихъ лагерь въ Тильбюри, гдѣ была встрѣчена привѣтомъ шумнаго восторга. Англійскій народъ, проникнутый признательностью и благоговѣніемъ, видѣлъ въ ней свою забавительницу и считалъ себя обязаннымъ ей и сохраненіемъ своей независимости и безопасностью своей религіи.

Что касается до Филиппа II, котораго политическіе планы были остановлены описаннымъ бѣдствіемъ, то онъ узналъ о погибеліи армады съ спокойною гордостью могущественнѣйшаго монарха Европы. Вѣсть объ этомъ взялся ему сообщить любимый его министръ донъ Кристоваль де Моура. Донъ Кристоваль засталъ его за писаніемъ писемъ въ кабинетѣ. Филиппъ II выслушалъ его не измѣнивши въ лицѣ. «Благодарю Бога, сказалъ онъ, за то, что Онъ да-

ровалъ мнѣ средство перенести безъ труда подобную потерю, и что я въ состояніи отправить въ море другой такой же большой флотъ.» Взявъ опять перо, онъ спокойно продолжалъ писать. Однако же армада, если вѣрить тому, что говорилъ посланникъ Мендеса истеричу Ту, стоила ему болѣе ста миліоновъ червонцевъ. Остатки ея прибыли, въ сентябрѣ, въ порты Састандера и Коруньи, подъ предводительствомъ герцога Медина-Сидонія, который не былъ допущенъ къ королю и получилъ приказаніе удалиться въ свои помѣстья, и дона Хуана де Рекальде, который скоро умеръ отъ понесенныхъ имъ трудовъ. Филиппъ II сообщилъ своимъ подданнымъ о происшедшемъ бѣдствіи, возвышеннымъ и покорнымъ языкомъ христіанскаго государя; онъ просилъ всѣхъ архіепископовъ и епископовъ своего государства вознести къ Богу торжественныя молитвы: «Счастіе на морѣ писалъ онъ имъ, измѣнчиво, какъ это всѣмъ извѣстно, и какъ недавно это испытала армада.» Приписывая случившееся несчастію причинамъ, которыхъ не могла предостеречь человѣческая предусмотрительность, онъ просилъ ихъ молиться за него предъ Богомъ: «Поручите, говорилъ онъ имъ въ заключеніе, всѣ мои дѣйствія нашему Господу, дабы Онъ обратилъ ихъ къ пользѣ своей религіи, къ возвышенію своей церкви, къ благу и сохраненію христіанства. Вотъ все, чего я желаю.»

Хотя отвѣтъ Филиппа II дону Кривоваю де Моура повидимому обещалъ скорое снаряженіе новаго флота и хотя Мендота совѣтывалъ ему приготовить другую экспедицію, — но испанскій король не могъ вновь взяться за исполненіе плана, надъ которымъ онъ трудился пять лѣтъ, думалъ — восемнадцать лѣтъ и который былъ разстроенъ въ несколько дней. Обстоятельства не позволили ему это сдѣлать. Двое изъ Гизовъ — герцогъ и кардиналъ — въ концѣ 1588 г. были убиты въ Блуа. служа тому же дѣлу, за которое погибла Марія Стюартъ въ Фортригѣ; Генрихъ III былъ умерщвленъ однимъ монахомъ около ноланьи 1589 г. въ Сенъ-Клу, — и смерть его въ первый разъ отбѣгла дѣло католицизма отъ королевской власти; лигисты вели въ теченіе пяти лѣтъ горячую и упорную борьбу противъ протестантовъ, присоединившихся къ ройалистамъ: — все это принудило Филиппа II оставить свои виды на Англію и обратить свое вниманіе на Францію. Онъ употребилъ свои финансы на поддержаніе тамъ Лиги, свои войска на ея защиту, и стараясь лишить Генриха IV престола, онъ не могъ въ то же время думать о сверженіи Елизаветы. Послѣ смерти Маріи Стюартъ и разсѣянія армады, англійской королевы уже нечего было бояться. Для лишенія ея престола и для восстановленія въ Англіи католической вѣры не было уже дѣлаемо никакихъ важныхъ попытокъ и даже замысловъ. Протестантамъ сдѣлался навсегда господствующей религіей. Утвердивъ въ своемъ государствѣ переворотъ, сдѣланный ея отцомъ, Генрихомъ VIII, Елизавета поехала на континентъ: Генриху IV — усмирить Лигу, а республикѣ Соединенныхъ Провинцій — сдѣлаться независимой отъ Испаніи. Вездѣ гдѣ Филиппъ II хотѣлъ возстановить старую религію, она старалась поддержать новую; и это дѣло она исполнила съ помощью державы не менѣе сильной чѣмъ государство испанскаго короля, но съ болѣе сильнымъ противъ него искусствомъ или счастіемъ, потому что она дѣлала торжество протестантизму въ Англіи, Шотландіи, въ Голландіи и поддержала его во Франціи. Какъ полчища Филиппа II, такъ и воилица Елизаветы была занята на вѣроломствомъ и жестокостью; но со времени Филиппа начинается паденіе Испаніи, а въ царствованіе Елизаветы начало вознмать величіе Англіи.

Таковы были конецъ предвѣстительной и неравной борьбы двухъ

религій въ Великобританіи. Марія Стюартъ погибла вмѣстѣ съ вренною Елизаветой — утвердилась вмѣстѣ съ новою. Поддерживая дѣло, такъ сказать; уже проигранное, Марія Стюартъ не была ни счастлива во время своей жизни, ни отпущена послѣ своей смерти. Положеніе, въ которое она была поставлена со времени возвращенія своего изъ Франціи въ Шотландію и вѣра, которую она надѣялась тамъ возстановить, спсобствовали ей несчастія въ по крайней мѣрѣ столько же, какъ въ страсти и ошибки.

Защитить Шотландію и управлять ею — всегда было трудно. Пять королей изъ дома Стюартовъ погибли, покушались упрочить ея независимость относительно Англіи, и утвердить въ ней общественную власть противъ феодальнаго дворянства. Послѣднимъ изъ государей, который былъ подавленъ тяжестію этого труда, былъ Іаковъ V, несчастный отецъ еще болѣе несчастной Маріи Стюартъ. Умирая на тридцать первомъ году своей жизни, и оставляя на своемъ престолѣ дочь, имѣвшую только шесть дней отъ роду, онъ съ грустною предусмотрительностію предсказалъ участь своего отечества и своего рода. У колыбели его злопучной наследницы возгорѣлась война, должествовавшая рѣшиться — будетъ ли она принадлежать къ фамиліи Валуа, или къ фамиліи Тюдоровъ; выйти ли ей замужъ за внука Франциска I, или за сына Генриха VIII; останется ли Шотландія независимой подъ покровительствомъ Франціи или союзе съ Англіей посредствомъ присоединенія, которое было предметомъ столь долгихъ стараній. Партія независимости взяла верхъ надъ партіей соединенія, и Марія, еще ребенкомъ была отвезена во Францію. Тамъ протекли ея самые тихіе и счастливые годы. Между тѣмъ въ Шотландіи бобиралась буря, которая должна была возмутить остальное время ея жизни. Управляемая сперва регентомъ принадлежащимъ къ французской партіи, герцогомъ Шатальро, потомъ регентшей французскаго происхожденія, Марією Лотарингскою, сестрою Гизовъ, Шотландія, находилась въ борьбѣ съ Англіею, и въ союзѣ съ Франціею и все болѣе и болѣе впадала въ беспорядки раздоровъ. Къ постоянно существовавшимъ и теперь подновленнымъ причинамъ прежнихъ ссоръ, прибавились другія: религиозный переворотъ утвердилъ феодальную независимость и присоединилъ горячіе новыя вѣрованія къ энергіи старинныхъ интересовъ. Онъ сдѣлалъ пресвитеріанскую демократію союзницею территориальной аристократіи. Это великое событіе совершилось во время отсутствія Маріи Стюартъ, которая, возвращаясь около осени 1561 г. на тронъ своихъ предковъ, увидѣла себя окруженною опасностями гораздо болѣе страшными, чѣмъ тѣ, противъ которыхъ не могли устоять столько другихъ королей, ея предшественниковъ.

Какіе задатки имѣла Марія Стюартъ для того, чтобы покоряла всекъ повелѣвать всемогущему дворянству — и не вызвать возстанія; — отъ правлять католическое богослуженіе — и не возбудить непріязненной подозрительности протестантовъ; сохранный вопль самодержавную независимую власть относительно Англіи — и не подвергнуться интригамъ и нападеніямъ безпобойной Елизаветы? — она не знала обычаевъ страны, въ которой должна была царствовать, и осуждала ея религію. Получивъ воспитаніе при блестящемъ и утонченномъ дворѣ, она съ сожалѣніемъ и необходимо возвращалась въ дикія горы, въ общество необразованныхъ жителей Шотландіи. Волѣе любезная въ обращеніи, нежели искусная въ политикѣ, очень пылкая и неосторожная, она возвратилась въ свое отечество съ неумѣстною граціею, съ опасною красотою, съ умомъ сильнѣмъ, но непостояннымъ, съ душою благородною, но готовою на всякія ужасенія, съ любовью

къ искусствамъ и приключеніямъ, — со всѣми страстями женщины, при полной свободѣ вдовы. Не смотря на то, что она обладала большимъ мужествомъ, она воспользовалась имъ только для ускоренія хода своихъ несчастій и употребляла свой умъ для того, чтобы лучше дѣлать ошибки, къ которымъ ее побуждали положеніе и характеръ ея. Она имѣла неблагоразуміе объявить себя законною наследницей англійской короны, и такимъ образомъ сдѣлалась соперницею Елизаветы; она послужила опорой и надеждою католицизма, потерпѣвшаго пораженіе на островѣ, и тѣмъ подверглась неумолимой враждѣ протестантовъ, которые, во чтобы то ни стало, хотѣли отстоять сдѣланный ими религіозный переворотъ.

Это еще не все. Она усилила грозившія ей опасности ошибками своей частной жизни. Внезапная привязанность, которую она почувствовала къ Дарнлею, чрезмѣрная короткость ея съ Риччио и довѣренность, которую она ему оказывала, наконецъ необузданная страсть ея къ Вотвелю, — все это было для нея однаково гибельно. Сдѣлавъ своимъ мужемъ и королемъ молодого человѣка, который не обладалъ ничѣмъ, кромѣ пріятной наружности и который такъ скоро ей опротивѣлъ; избранъ своимъ секретаремъ и любимцемъ католика; согласившись выйти замужъ за убійцу своего мужа, — она сама уничтожила свою власть. Потерявъ корону, она безразсудно подвергла опасности свою свободу. Она искала убійца въ государствѣ своей несприятельницы, не увѣрившись напередъ, что тамъ будетъ сохранена ей эта свобода; и отдавшись въ руки Елизаветы, она начала составлять противъ нея заговоры, имѣя мало шансовъ свергнуть ее съ престола. Изъ глубины своей тюрьмы, куда ее несправедливо заключили и гдѣ ее несправедливо удерживали, она хотѣла, при помощи католической партіи, приготовить свое освобожденіе, — но трудилась только для своей гибели. Эта партія была слишкомъ слаба на островѣ и слишкомъ разъединена на континентѣ, для того чтобы возстать и чтобы ея помощь дѣлу Маріи не осталась безполезною. Возстанія которыя дѣлала эта партія съ 1589 и договоры, которые она составила до 1586, — довершили ея паденіе, подвергнувъ отважнѣйшихъ ея предводителей смерти или изгнанію. Морской крестовый походъ, о которомъ разсуждали въ Римѣ, Мадридѣ и Брюсселѣ въ 1570 г. и условились въ 1586 г. для низверженія Елизаветы и восстановленія Маріи Стюартъ, не только не послужилъ къ возведенію послѣдней на великобританскій тронъ, но еще привелъ ее къ эшафоту.

И такъ эшафотъ, — таковъ былъ конецъ этой жизни, начавшейся удаленіемъ изъ отечества, усѣянной препятствіями, наполненной ошибками, — жизни, почти постоянно горькой, иногда — преступной, но украшенной такимъ очарованіемъ, трогательной по такому множеству несчастій, очищенной такимъ длиннымъ рядомъ испущенныхъ жертвъ, и конченной съ такимъ величіемъ. Марія Стюартъ, жертва стариннаго шотландскаго феодализма и новой религіозной революціи, унесла съ собою надежды абсолютной власти и католичества. Однакоже ея потомки, достигнувъ англійскаго трона чрезъ шестнадцать лѣтъ послѣ ея смерти, слѣдовали за нею по опасному пути, на которомъ предшествовали ей многие изъ ея предковъ. Внуку ея, Карлу I. желая установить неограниченную монархію, былъ подобно ей, обезглавленъ, а правнукъ, Іаковъ II, пытался, какъ она, восстановить католицизмъ, былъ свергнутъ съ престола и изгнанъ.

Съ нимъ погасъ на чужой землѣ этотъ домъ Стюартовъ, который, по своему безразсудству, предпримчивому характеру и злополучной судьбѣ, игралъ одну изъ самыхъ трагическихъ ролей въ исторіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТО-ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ПЯТАГО ТОМА.

- Вѣдныя дворяне. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть третья. *А. Потъхина.*
- Баскачина ростощъ. — Опивицы. Сказанія Уральскихъ казаковъ. *І. Жельзнова.*
- О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ. IV. (Окончаніе). *Д. Хвольсона.*
- Сторонники Царевича Алексѣя. Историческій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ. (Статья первая). *М. Семевского.*
- Душа растенія. (Статья первая). *А. Босковица.*
- Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Сочиненіе *Θ. Буслаева.* (Статья вторая).
- Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйствительнаго тайнаго совѣтника *М. В. Лопухина,* сочиненныя имъ самимъ.
- Исторія цивилизаціи въ Англіи. Соч. Генриха Томаса Бѣкля. Томъ I. (Статья вторая). *Е. Эдельсона.*
- Сторонники Царевича Алексѣя. Историческій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ (Статья вторая). *М. Семевского.*
- Вѣдныя дворяне. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть четвертая, послѣдняя. *А. Потъхина.*
- Колдуны и заговорщики. — Фармазоны. Сказанія Уральскихъ казаковъ. *І. Жельзнова.*
- Укоръ. Стих. *Е. Зарина.*
- Пенинъерка. *А. Степнячки.*
- Эпизодъ изъ исторіи чудеснаго. *А. П-аго.*
- Душа растенія. (Статья вторая, послѣдняя). *А. Босковица.*
- Одна изъ кастъ. *И. Піотровскаго.*
- Новыя книги. Стихотворенія *А. С. Холякова.*
- Первый винокуръ, древнее сказаніе.
- Иностранная литература. Briefwechsel und Gespräche Alexander von Humboldt's mit einem jungen Freunde. (Переписка и бесѣды Александра фонъ Гумбольдта съ однимъ молодымъ другомъ отъ 1847 года до 1856 года.) Berlin. 1861. — L'église et l'état au dix-neuvième siècle, par le duc de Valmy. Церковь и государство въ XIX вѣкѣ, соч. герцога де Вальми.) Paris. 1861. — Uliana Bartoszewicza historia literatury polskiej. (Исторія польской литературы, соч. Юліана Бартошевича.) Warszawa 1861. — I sette soldati, canto di A. Aleardi. (Семь солдатъ, поэма *А. Алеарди.*) Firenze. 1861. — Die deutsche Literatur der Gegenwart, von Robert Prutz. (Современная нѣмецкая литература, соч. Роберта Прутца.) Leipzig. 1860.
- Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Сочиненіе *Θ. Буслаева.* (Статья третья).

ПОЛИТИКА:

Австрійскій государственный Совѣтъ.

Процессъ по поводу брошюры, написанной герцогомъ Омальскимъ.

Нынешнія отношенія Венгрии къ австрійской имперіи.

Событія въ сѣверной Америкѣ.

Придунайскія княжества.

Присоединеніе Санъ-Доминской республики къ испанской монархіи.

Графъ Кавуръ.

ВМѢСТО ФЕЛЬЕТОНА.

Отживающіе. (Совершенно безхарактерный очеркъ.)

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Исторія Маріи Стюартъ. Въ двухъ частяхъ. Соч. М. Милье. (Часть первая и вторая).

ВМѢСТО ФЕЛЬЕТОНА.

Отживающіе. (Совершенно безхарактерный очеркъ.)

ПРИЛОЖЕНІЕ.

**ИСТОРИЯ МАРИИ СТЮАРТЪ. Въ двухъ частяхъ. Соч. М.
Минье. (Часть вторая, послѣдняя).**

X

—

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

выходитъ каждый мѣсяцъ книжками до 30 листовъ, съ приложениями въ каждой книжкѣ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ПРИЛОЖЕНИЯМИ:

Безъ доставки
15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою или доставкой
16 руб. 50 коп. сер.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ И ПРИНИМАЕТСЯ ОТЪ
ЖИТЕЛЕЙ СТОЛИЦЪ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ:

Въ конторѣ журнала «Библиотека для Чтенія» при книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, на Невскомъ Преснектѣ, противъ Гостиного Двора, въ домѣ Армянской церкви.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ журнала «Библиотека для Чтенія» при книжномъ магазинѣ С. П. Лоскутова, на Никольской улицѣ, въ домѣ Заиконоспасскаго монастыря.

Подписывающіеся теперь, получаютъ журналъ съ первой книжки.

Гг. многогородныя подписчики присылаютъ свои требованія и деньги, адресуя такъ: въ С. Петербургъ, въ контору журнала «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.»

Редація отвѣчаетъ за вѣрную доставку журнала, если подписка сдѣлана въ вышесказанныхъ мѣстахъ.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. 6 іюля 1861 года.

Ценсоръ: *Ф. Весслаго.*

